

Эстетика однополой любви в древней Греции в её социально-историческом развитии

Составление и примечания

Антон Сватковского

© Авторы и переводчики текстов, 2007

© А.В.Сватковский, составление, предисловие и примечания, 2007

«Многие локрийцы повесились из-за того, что не могли сблизиться с мальчиками, которых они любили.

Греческая любовь к мальчикам еще мало понята.

В ней есть благородное презрение к женщине,

и она указывает на то, что должен был родиться новый бог»

(Гегель Г.В.Ф. Из афоризмов Иенского периода.

Пер. В.А.Рубина [Гегель 1972-73, т.2, с.552])

«...Педерастия у Платона есть не что иное, как вполне логический вывод из его диалектики. Педерастия и есть настоящая платоновская диалектика. А диалектика его – по необходимости однопола и гомосексуалистична, ибо она не имеет в своем опыте зачатия и порождения, она – интеллектуалистически телесна, а не просто телесна...

...Фаллос и есть, по моему ощущению, основная интуиция платонизма, его первичный пра-миф. Не свет просто, не освещенное тело просто, но именно фаллос, напряженный мужской член со всей резкостью своих очертаний...»

(Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии (1930)

[Лосев 1993, с.653, 678])

«Асимметрии, различия, сопротивления и уклонения, которые в практике достойной любви организовывали всегда непростые отношения между эрастом и эроменом – активным субъектом и преследуемым объектом – отныне оказываются лишенными всякого смысла; или, вернее, теперь они могут развиваться в соответствии с совершенно иным движением, принимая совершенно иную форму и навязывая игру отношений совершенно другого типа, - игру, связанную с поступательным движением, в котором учитель истины учит юношу тому, что есть мудрость»

(Фуко М. История сексуальности. Т.2. Использование удовольствий (1984).

Пер. В.Каплуна [Фуко 2004, с.405])

Предисловие

При составлении предлагаемого читателю собрания текстов мною изучено более 100 тысяч страниц произведений (см. Библиографию). Из них извлечено более 2500 свидетельств об однополой любви в античном мире (включая сведения примерно о 50 мифах). Много это или мало?

Следует учитывать, что греческая литература, особенно древнейшего периода, сохранилась крайне плохо (при этом из всех сохранившихся произведений на русский язык переведено не более двух третей). По моим подсчетам, от периода VIII-I веков до нашей эры дошло около 750 книг (по античному счёту, т.е. папирусных свитков). В Александрийской библиотеке же хранилось около 500 тыс. свитков. Даже если учесть, что многие книги имелись в нескольких экземплярах, всё равно очевидно, что сохранилось лишь около 1 %. Для I-III веков нашей эры сохранность несколько выше (около 1000 книг, т.е. 3-5 %), и лишь начиная с IV века она достигает десятков процентов. Похожая ситуация и с латинской литературой.

Очевидно, что всестороннюю картину нравов греческого общества по такому собранию восстановить довольно сложно, хотя и возможно проследить основные тенденции.

С другой стороны, как представляется, даже эти тексты (за исключением немногих хорошо известных) введены в научный оборот в русскоязычной литературе крайне недостаточно. Поэтому собрание следует рассматривать как первый предварительный этап по подготовке двуязычного «Свода свидетельств об однополый любви в древнем мире», образующего текстологический базис для дальнейших исследований (такой свод должен включать также иллюстративный материал).

Перевод многих греческих терминов способен дезориентировать читателя. Так, по-гречески «мальчик» (пайдос) обозначает лицо до 18 лет (от 18 до 20 – «эфеб»). Переводчики зачастую вперемежку употребляют термины «любовник» и «возлюбленный», хотя по-гречески смешение недопустимо.

Однако последовательная редакция всех текстов требует многолетней работы, сравнимой по объему с работами над собраниями Дильса-Кранца, Якоби или Латышева. Поэтому сохранены имеющиеся тексты переводчиков, содержащие разноречивую в передаче терминов и написании имен собственных.

Три важнейших крупных текста («Пир» и «Федр» Платона и «Об Эросе» Плотина) во избежание диспропорции объёма вынесены в Приложение № 1. Так как раздел о древнем Риме составил не более 1/5 от всего объема, я счёл возможным не указывать слово «Рим» в заглавии и обозначить такой раздел как Приложение № 2.

Собрание доведено примерно до 600 г. н.э.

Относительное обилие приведенных сведений способно «впечатлить» лишь неискушенного в античности читателя: ведь про любовь между мужчиной и женщиной в Греции можно подобрать никак не меньшее число текстов (в мифологии же намного больше).

Основными задачами настоящего исследования являются не столько демонстрация широкой распространённости в древней Греции отношений, именуемых в настоящее время гомосексуальными (что не составляет особого труда), сколько:

1. Выявление системы социальных практик и образов, ассоциировавшихся с однополый любовью (сложившихся со временем в особый семантический код), и тех преобразований, которые со временем претерпевала данная система.

2. Различение мифов, укорененных в ритуале и уходящих в бронзовый век, и мифов, либо просто созданных по имевшейся парадигме, либо трансформировавших имевший иное содержание сюжет.
3. Выявление истоков ряда философских терминов (прежде всего в платонизме).
4. Установление причин и времени сложения «гомофобной» традиции, её первоначального характера и дальнейшего развития.
5. Намечение линий сопоставления практик и культурных стереотипов греков и ряда других народов (к сожалению, объём сохранившейся информации зачастую несоизмерим).
6. Указание (в разделе Вариаций) на основные тенденции восприятия однополой любви в Греции в последующие эпохи.
7. Выстраивание, выражаясь неоплатоническим языком, многочисленных явлений Эроса в умопостигаемую иерархическую систему (серию), восходящую от сферы чувственного к Душе и Уму.

Впрочем, последнюю задачу само исследование не решает, но предоставляет материал для разработки такого построения.

Точные указания на источники см. в Библиографии.

Если издание целиком подготовлено одним переводчиком, то его имя указывается лишь в библиографии и в цитатах обычно не повторяется. При нескольких переводчиках в цитате каждый раз указывается конкретное имя.

Пунктуация по мере возможности унифицирована: (1) круглыми скобками () обозначаются пояснения самого автора, (2) квадратными [] отмечены вставки переводчиков в текст для удобства восприятия, (3) ломаными <> - реконструкция несохранившегося текста издателями или переводчиками, (4) фигурными {} – строки, признаваемые подложными, (5) звездочками *** - цензурные изъятия в ряде изданий, (6) квадратными скобками и курсивом – мои вставки в текст, или вставки на языке оригинала.

Сквозная нумерация цитат введена лишь для удобства оформления гиперссылок.

Исправления и дополнения к собранию со стороны компетентных исследователей приветствуются.

И последнее - перед тем, как приступить к чтению, прошу запомнить:

(№ 1). «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может

просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека». (Платон. VII письмо (344b), пер. С.П.Кондратьева [Платон 1990-94, т.4, с.496])

А.В.Сватковский, Санкт-Петербург

antonsva@mail.ru

22 марта 2007 года

Посвящаю памяти выдающегося российского

ученого-энциклопедиста, академика РАН

Михаила Леоновича Гаспарова (1935-2005)

План собрания

Предисловие

Сверхкраткий очерк античной литературы

1. Период архаики

1.1. Мифология (№№ 2-229)

1.2. Общая характеристика архаики (8-6 века) (№№ 230-253)

1.3. Ранняя архаика (сер.8 в.-620) (№№ 254-309)

1.4. Зрелая архаика (620-560) (№№ 310-356)

1.5. Поздняя архаика (560-480) (№№ 357-492)

2. Период классики

2.1. Ранняя классика (480-431) (№№ 493-592)

2.2. Зрелая классика. I. Пелопоннесская война (431-404) (№№ 593-754)

2.3. Зрелая классика. II. Поколение Платона (404-362) (№№ 755-915)

2.4. Поздняя классика (362-323) (№№ 916-1100)

3. Период эллинизма

3.1. Ранний эллинизм (323-272) (№№ 1101-1172)

3.2. Зрелый эллинизм (272-146) (№№ 1173-1319)

3.3. Поздний эллинизм (146-30) (№№ 1320-1487)

4. Римский период

4.1. Раннеримский период (30 до н.э.-68 н.э.) (№№ 1488-1526)

4.2. Зрелый римский период (68-235) (№№ 1527-1830)

4.3. Поздний римский период (235-395) (№№ 1831-1974)

4.4. Ранневизантийский период (395-527) (№№ 1975-2027)

4.5. Эпоха Юстиниана и его преемников (527-602) (№№ 2028-2072)

Приложение № 1. Крупные тексты.

Платон. «Пир»

Платон. «Федр»

Плотин. «Об Эросе»

Приложение № 2. Древний Рим

1. Период республики (№№ 2073-2226)

2. Период принципата (№№ 2227-2636)

3. Период домината и распада империи (№№ 2637-2715)

Приложение № 3. Народы Запада

Приложение № 4. Народы Ближнего Востока

Приложение № 5. Иранские народы

Приложение № 6. Индия

Приложение № 7. Китай

Вместо эпилога

Указатель источников

Указатель переводчиков

Библиография

Сверхкраткий очерк античной литературы

«Считается, что античная литература дошла до нас

лишь малым числом памятников,

зато все дошедшие памятники – это шедевры».

(М.Л.Гаспаров [Хрестоматия 1984, с.4])

Нижеследующий обзор проводится лишь для ориентировки неспециалистов.

Читатели, знакомые с данным предметом, могут очерк спокойно пропустить.

Греческие авторы

Записанные «линейным письмом Б» на греческом языке тексты, относящиеся к 15-13 вв. до н.э., содержат лишь хозяйственную документацию. Образцы микенских текстов см. [Антология 2000, с.38-60] Хеттские тексты, упоминающие Грецию и Трою, см. [Антология 2000, с.32-35, 67-83].

1. Архаика

В нач.2 в. до н.э. руководитель Александрийского мусейона Аристофан Византийский составил канон: список 55 крупнейших писателей в разных жанрах [Критика 1975, с.198]. В канон 5 эпиков вошли: Гомер, Гесиод, Писандр, Паниасид, Антимах.

Гесиод из Аскры (кон.8-нач.7 вв. до н.э.), автор сохранившихся поэм «Теогония» и «Труды и дни» и множества несохранившихся [Гесиод 2001]. Сохранилась приписанная Гесиоду поэма 6 в. «Щит Геракла» [Поэты 1999, с.70-80].

Гомер из Смирны (?) (8 в. до н.э.?), которому приписываются знаменитые поэмы «Илиада» [Гомер 1990] и «Одиссея» [Гомер 2000], а также гимны богам [Гимны 1988, с.57-140]. Фиксацию основного текста поэм, вероятно, следует относить к перв.пол. VII в. до н.э.

Датировка поэм Гомера – крайне сложный вопрос, которым здесь не место заниматься, однако кратко отмечу, что «Илиада», воспевая как главную тему «гнев Ахилла»,

предполагает существование поэмы на более важную тему – падения Трои (созданной Арктином из Милета), а рассказ Главка о Беллерофонте (Ил. VI 145-211), который в «Илиаде» не необходим – явный римейк эпизода из поэмы Эвмела «Коринфиака» на ту же тему. С другой стороны, ко времени Стесихора и Сапфо поэмы уже стали объектом для оспаривания.

В незначительных фрагментах сохранились поэмы эпического кикла: Авторы 8 в.: Арктин из Милета, автор поэм «Разрушение Илиона» и «Эфиопида», Евмел из Коринфа, автор «Коринфиаки» и «Европии». Авторы 7 в.: Асий с Самоса, Креофил с Самоса, Лесх из Пирры (Лесбос), Стасин Кипрский, Агий из Трезена, АнTIMАХ с Теоса. Авторы 6 в.: Евгаммон из Кирены, Каркин из Навпакта, Херсий из Орхомена, Писандр из Камира «Гераклея».

Лирическая поэзия. Собрания стихов изданы александрийскими филологами, сохранились лишь во фрагментах. Канон девяти лириков (мелика): Алкман из Сард (вт. пол. 7 в., 5 кн.) [Поэты 1999, с.307-316], Стесихор из Гимеры (ок.632-556, 26 кн.) [Стесихор 1985; Поэты 1999, с.316-323], Сапфо из Эреса (ок.625-ок.570, 9 кн.) [Поэты 1999, с.324-341], Алкей из Митилены (ок.625-ок.575, 10 кн.) [Поэты 1999, с.341-356], Анакреонт из Теоса (ок.570-485, 5 кн.) [Эпиграмма 1993, с.8-11; Поэты 1999, с.360-371], Ивик из Регия (ок.560-ок.510, 7 кн.) [Поэты 1999, с.356-360; Гринбаум 1999], Симонид с Кеоса (ок.556-468) [Эпиграмма 1993, с.11-33; Поэты 1999, с.282-285, 371-377], Пиндар и Вахилид (см. ниже). Не вошел в канон: Терпандр из Антиссы (ок.710-ок.650) [Поэты 1999, с.307].

Канон 4 элегиков: Каллин из Эфеса [Элегия 1996, с.61-63; Поэты 1999, с.231], Мимнерм из Колофона [Элегия 1996, с.70-75; Поэты 1999, с.242-245], Филет и Каллимах (см. ниже).

Не вошли в канон: Тиртей из Спарты [Элегия 1996, с.63-70; Поэты 1999, с.232-236], Солон из Афин (ок.640-559) [Элегия 1996, с.75-86; Поэты 1999, с.245-253], Феогнид из Мегар (сер.6 в.; единственный из лириков архаики, от которого сохранились полностью 2 книги стихов [ЭГЭл 1996, с.97-155; Поэты 1999, с.254-273]), Ксенофан из Колофона.

Ямбографы: Архилох с Пароса (ок.690-ок.640) [Элегия 1996, с.57-61; Поэты 1999, с.217-231], Семонид Аморгосский (кон.7 в.), Гиппонакт из Эфеса (трет.четв. 6 в.).

Эсопу с Самоса (перв.пол.6 в.) приписываются басни, собранные Деметрием Фалерским [Античная басня 1991, с.23-166].

Пред- и раннефилософская традиция: орфика [ФРГФ 1989-, ч.1, с.36-66], фрагменты космологий см. [ФРГФ 1989-, ч.1, с.66-99], милетская школа (Фалес, Анаксимандр и Анаксимен) [ФРГФ 1989-, ч.1, с.100-138], Ксенофан из Колофона (ок.570-480) [ФРГФ 1989-, ч.1, с.156-176].

Первый философ - Пифагор с Самоса (ок.570-ок.500) [ФРГФ 1989-, ч.1, с.138-149], основатель школы пифагорейцев.

2. Классика (480-323)

Эпос: Продик из Фокеи, Паниасид из Галикарнасса (перв.пол.5 в.): «Гераклия» в 14 кн., Ион с Хиоса, Херил с Самоса (кон.5 в.), Антимах из Колофона (кон.5-нач.4 в.): «Фиваида». Приписанная Гомеру «Война мышей и лягушек» (4 в.?) [Поэты 1999, с.417-423].

Лирика: Пиндар из Фив (518-438), сохранилось 4 книги эпиникиев и фрагменты других сочинений [Пиндар 1980, с.5-226], Вакхилид с Кеоса (ок.510-ок.445) [Пиндар 1980, с.227-284], Меланиппид с Мелоса (вт.пол.5 в.), Фриний с Лесбоса (вт.пол. 5 в.), Тимофей из Милета (ок.450-ок.360) [Пиндар 1980, с.285-294], Филоксен с Киферы (ок.435-ок.380), Антимах: «Лида».

Канон 3 трагиков: Эсхил из Афин (525-456) (сохранилось 7 трагедий [Эсхил 1989]), Софокл из Афин (496-406) (сохранилось 7 трагедий [Софокл 1990]), Еврипид из Афин (484-406) (сохранилось 17 трагедий и 1 сатирова драма [Еврипид 1995-96; Еврипид 1999, т.1-2]), сохранившаяся трагедия 4 в. «Рес» ложно приписана Еврипиду [Еврипид 1999, т.2, с.565-611], в канон также включались Ион с Хиоса (ок.480-422, фрагменты) и Ахей из Сиракуз (4 в., фрагменты).

Канон 15 комедиографов. Древняя комедия: Эпихарм с Коса, Кратин из Афин, Евполид из Афин, Аристофан из Афин (445-ок.385) (44 комедии, сохранилось 11 [Аристофан 1954; Аристофан 2000]), Ферекрат из Афин, Кратет из Афин, Платон из Афин (тезка философа), средняя комедия (4 в.): Антифан (ок.407-343), Алексид (сер.4 в.), Фурий, новая комедия (см. ниже). Сохранились лишь пьесы Аристофана. Фрагменты комедии см. [Афиной 2003-].

Крупнейшие философы, сочинения которых сохранились лишь во фрагментах: Гераклит из Эфеса [ФРГФ 1989-, ч.1, с.176-257], Парменид из Элеи [ФРГФ 1989-, ч.1, с.274-298], Зенон из Элеи [ФРГФ 1989-, ч.1, с.298-315], Мелисс с Самоса [ФРГФ 1989-, ч.1, с.315-330], Эмпедокл из Акраганта [ФРГФ 1989-, ч.1, с.330-414], Анаксагор из Клазомен [ФРГФ 1989-, ч.1, с.505-535], Демокрит из Абдер (ок.460-ок.370) [Демокрит 1970]. Фрагменты малых атомистов см. [Атомисты 1946, с.199-209, 366-386].

Пифагорейцы: Филолай из Кротона [ФРГФ 1989-, ч.1, с.432-446], Архит из Тарента [ФРГФ 1989-, ч.1, с.447-459] и другие [ФРГФ 1989-, ч.1, с.414-432, 446-447, 459-505].

Софисты: Протагор из Абдер [Софисты 1940-41, вып.1, с.5-21], Горгий из Леонтины [Софисты 1940-41, вып.1, с.21-45], Гиппий из Элиды [Софисты 1940-41, вып.2, с.23-33], Критий из Афин [Софисты 1940-41, вып.2, с.55-80].

Сократ из Афин (469-399), «который не писал» (о нем см. [Суд над Сократом 1997] и др.), его ученик «мёдоточивый» Платон (Аристокл) из Афин (29.5.427-29.5.347), автор диалогов, писем и эпиграмм [Платон 1990-94, т.1-4], его ученик Аристотель из Стагиры (384-322), «учитель тех, кто знает», автор около 400 книг (не считая 158 политических), сохранилось около 110 [Аристотель 1975-83, т.1-4; Риторика 1978, с.15-164; Античная демократия 1996; Аристотель 2004; Аристотель 2005; см. также ниже].

От сочинений киников сохранились фрагменты: Антисфен из Афин [Антология кинизма 1996, с.83-113], Диоген из Синопы [Антология кинизма 1996, с.114-144].

Канон 9 историков: Геродот из Галикарнасса (ок.484-ок.425): «История» в 9 кн. [Геродот 1999], Гелланик из Митилены (ок.480-ок.400, дошли фрагменты), Фукидид из Афин (ок.465-ок.400): «История» в 8 кн. (не завершена) [Фукидид 1999], Ксенофонт из Афин (ок.444-ок.354): «Анабасис» в 7 кн. [Историки Греции 1976, с.229-390], «Греческая история» в 7 кн. [Ксенофонт 1993, ГИ], «Киропедия» [Ксенофонт 1976], «Воспоминания о Сократе» [Ксенофонт 1993, ВС] и другие [Ксенофонт 1895, с.45-75, 132-153, 180-268], Филист из Сиракуз (ок.430-356): «История Сицилии» (дошли фрагменты), Анаксимен из Лампсака (ок.390-ок.320) (дошли фрагменты), Эфор из Кимы (ок.380-ок.320): «Всеобщая история» в 30 кн. (дошли фрагменты), Феопомп с Хиоса (ок.377-ок.320): «История» (дошли фрагменты), Каллисфен из Олинфа (ок.370-327) (дошли фрагменты).

Канон 10 аттических ораторов: Антифонт (480-411), сохранилось 15 речей, Лисий (459-ок.380), сохранилось 42 речи целиком или во фрагментах [Лисий 1994], Андокид (440-391), сохранилось 4 речи [Андокид 1996], Исократ (436-338), сохранилась 21 речь и 9 писем [Исократ 1965-69], Исей (ок.420-ок.350), сохранилось 11 речей, Эсхин (390-314), сохранилось 3 речи [Эсхин 1962; Ораторы Греции 1985, с.127-210], Ликург (390-324), сохранилась 1 речь [Ликург 1962], Гиперид (389-322), сохранилось 6 речей [Гиперид 1962], Демосфен (384-322), сохранилась 61 речь (около 15 подложны) [Ораторы Греции 1985, с.65-126, 211-280; Демосфен 1994-96, т.1-3], Динарх (ок.360-ок.290), сохранилось 3 речи [Динарх 1962]).

Научные труды: «Гиппократов корпус» (сочинения Гиппократа из Коса (ок.460-356), его учеников и других врачей [Гиппократ 1936-44, т.1-3; ФРГФ 1989-, ч.1, с.552-570]), биологические сочинения Аристотеля «История животных», «О частях животных», «О возникновении животных» [Аристотель 1937; Аристотель 1940; Аристотель 1996], трактат по тактике Энея (сер.4 в.) [Эней 1965]. География: перипл сер.4 в., ложно приписанный Скилаку из Карианды [Скилак 1988].

3. Эллинизм (323-30)

Поэзия: Аполлоний с Родоса (ок.290-215), эпическая поэма «Аргонавтика» (в 4 кн. [Аполлоний 2001]), Риан из Бены (Крит) (3 в.), эпическая поэма «Мессениака» и эпиграммы [Эпиграмма 1993, с.176-178; Элегия 1996, с.262-263; Поэты 1999, с.211-213], Каллимах из Кирены (ок.305-ок.240) написал 800 книг, из них полностью сохранилась одна (6 гимнов) [Гимны 1988, с.141-172]), также отдельные стихи и фрагменты [Эпиграмма 1993, с.78-96; Элегия 1996, с.194-234; Поэты 1999, с.207-211, 292-303, 391], Фанокл из (?) Александрии (3 в.), поэма «О любви к красавцам» (фрагменты [Элегия 1996, с.266-267; Поэты 1999, с.304]), Арат из Сол (ок.310-ок.245), дидактическая поэма «Явления» [Арат 2000], Никандр из Колофона (2 в.), дидактические поэмы о противоядиях.

Лирика, основные авторы: Эринна с Телоса (кон.4 в.), Феокрит из Сиракуз (ок.305-240) [Феокрит 1998, с.9-146], Мосх из Сиракуз (сер.2 в.) [Феокрит 1998, с.149-170], Бион из Смирны [Феокрит 1998, с.171-184].

Основные авторы эпиграмм: Асклепиад с Самоса (перв.пол.3 в.) [Эпиграмма 1993, с.69-78; Элегия 1996, с.187-194], Посидипп из Пеллы (3 в.) [Эпиграмма 1993, с.102-110; Элегия 1996, с.239-246], Леонид из Тарента (3 в.) [Эпиграмма 1993, с.122-153; Элегия 1996, с.250-256], Диоскорид из Александрии (3 в.) [Эпиграмма 1993, с.162-173; Элегия 1996, с.270-273], Алкей из Мессены (кон.3-нач.2 в.) [Эпиграмма 1993, с.183-189; Элегия 1996, с.279-284], Антипатр из Сидона (ок.170-ок.100) [Эпиграмма 1993, с.191-215], Стратон из Сард (2 в.). [Эпиграмма 1997, с.101-110], Мелеагр из Гадары (ок.130-ок.60) [Эпиграмма 1993, с.221-260; Элегия 1996, с.299-320], Филодем из Гадары (нач.1 в.) [Эпиграмма 1993, с.260-269; Элегия 1996, с.320-327], Кринагор из Митилены (1 в.) [Эпиграмма 1993, с.269-285; Элегия 1996, с.328-336]. Мелеагр подготовил первое собрание эпиграмм: «Венок».

Канон новой комедии: Менандр из Афин (342-291) (105 комедий, сохранилась полностью 1 комедия и значительные фрагменты еще от 22 [Менандр 1982]), Филиппид, Дифил, Филемон, Аполлодор (все – кон.4-нач.3 в.).

Герод с Коса, мимиямбы [Герод 1938]. Монодрама Ликофрона из Халкиды (3 в.) «Александра».

Все сочинения философов эллинистического периода сохранились во фрагментах.

Платоники: Спевсипп из Афин, Ксенократ из Халкедона, Полемон из Афин, Кратет из Афин, Аркесилай из Питаны, Карнеад из Кирены, Лакид из Кирены, Клитомах из Карфагена, Филон из Лариссы, Антиох из Аскалона.

Перипатетики: Феофраст (Тиртам) из Эреса (372-287) [Феофраст 1951; Феофраст 1974; Небо, наука, поэзия 1992, с.88-100; Феофраст 2005], Аристоксен из Тарента, Дикеарх из Мессены, Стратон из Лампсака, Ликон из Троады, Аристон с Кеоса.

Стоики: Зенон из Китиона [ФРС 1998-, т.1, с.1-115], Аристон с Хиоса [ФРС 1998-, т.1, с.116-140], Клеанф из Асс [ФРС 1998-, т.1, с.160-209], Хрисипп из Сол [ФРС 1998-, т.2, ч.1-2], Зенон из Тарса, Панэтий (ок.180-ок.100), Посидоний из Апамеи (ок.135-ок.50).

В общем-то, этому примечанию здесь совсем не место, но любой неспециалист может с удивлением узнать как минимум из академического издания: [История всемирной литературы. В 9 т. Т.2 (М., 1984), с.286], что в древнеармянском переводе сохранился трактат Зенона Стоика «О природе» (рус. пер. С.Аревшатяна см. «Вестник Матенадарана», 1956, № 3). Однако изучение этого текста показывает, что никакого отношения к Зенону он не имеет и представляет собой изложение воззрений различных греческих философских школ.

Эпикурейцы Эпикур с Самоса (фрагменты [Лукреций 1945-47, т.2, с.519-662]), Метродор из Лампсака, Филодем [Филодем 1969; Филодем 1979].

Фрагменты киников периода эллинизма см. [Антология кинизма 1996, с.145-236].

Крупнейшие историки, труды которых сохранились во фрагментах: Дурид с Самоса, Иероним из Кардии, Тимей из Тавромения, Филарх из Навкратиса. Полибий из Мегалополя (ок.207-ок.125) «Всеобщая история» (в 40 кн., сохранились полностью кн.1-5

и остальные книги в значительных фрагментах [Полибий 1994-95, т.1-3]). Книги Маккавеев (часть I кн. см. [Антология 2000, с.414-438]). Эрудиты: Антигон из Кариста, Полемон из Илиона (фрагменты см. [Полемон 1983])

География: Эратосфен из Кирены (фрагменты см. [Античная география 1953, с.84-99]).

Филология: Аристарх с Самофракии, Аристофан из Византия, Дионисий Фракиец.

Мифографы: Палефат (кон.4 в.) [Палефат 1988], Дионисий Скитобрахион (сер.3 в.), трактаты Аполлодора из Афин (2 в.).

Наука: Феофраст (см.выше), геометры Евклид из Александрии (кон.4-нач.3 в.) «Начала» в 13 кн. (свод достижений античной математики [Евклид 1948-50, т.1-3]), Архимед из Сиракуз (ок.285-212) [Архимед 1962], Аполлоний Пергский «Конические сечения».

Астрономия: Автолик из Питаны (кон.4 в.), Аристарх из Самоса (перв.пол.3 в.), Гиппарх из Никеи (сер.2 в.), Гемин с Родоса (перв.пол.1 в.).

Техника: Филон из Византия, Герон из Александрии. О военном искусстве: Афиней из Сиракуз «О машинах» [Полиоркетики. Вегеций 1996, с.67-88]

4. Римский период (30 до н.э.-284 н.э.)

Сохранившиеся авторы: Месомед (2 в.) ([Памятники 1964, т.1, с.29-33]). Оппиан из Аназарбы (кон.2 в.) «О рыбной ловле» ([Памятники 1964, т.1, с.34-39]), Оппиан из Апамен (нач.3 в.) «Об охоте», Трифиодор (3 в.) «Разрушение Илиона» (отрывок [Памятники 1964, т.1, с.56-61]). Басни Валерия Бабрия [Античная басня 1991, с.347-404]. Географическая поэма Дионисия Перизгета [Дионисий Перизгет 2005-06]. Орфические гимны [Гимны 1988, с.177-268].

Не сохранились большие эпические поэмы: Дионисий (2 в.?) «Бассарика» и «Гигантиада», Писандр из Ларанды (нач.3 в.) «Героические теогамии» в 60 кн.

Историки: Диодор Сицилийский (ок.90-ок.20) «Историческая библиотека» (в 40 кн., сохранились кн.1-5, 11-20 и фрагменты из других, отдельные книги см. [Античный способ 1933, с.385-402; Курций 1993, с.276-347; Антология 2000, с.172-239; Диодор 2005]), Дионисий из Галикарнасса (ок.60 до н.э.-нач. 1 в. н.э.): «Римские древности» (в 20 кн., сохранились кн.1-11 и фрагменты [Дионисий 2005, т.1-3]), Николай из Дамаска (ок.60 до н.э.-ок.14 н.э.): «Всеобщая история» (в 144 кн., дошли фрагменты [Николай 1960]), Мемнон из Гераклеи (1 в.): «О Гераклее» (в 16 кн., дошел конспект Фотия [Мемнон 1951]), Иосиф Флавий (37-ок.100): «Иудейская война» (7 кн. [Иосиф 1991]), «Иудейские древности» (20 кн. [Иосиф 1994, т.1-2]), «О древности иудейского народа» [Иосиф, Филон 1994, с.113-189], «Жизнь» [Иосиф 2006-], Флавий Арриан из Никомедии (ок.95-ок.175): «Поход Александра» в 7 кн. [Арриан 1993], «Индика» [Индия и античный мир 2002, с.261-291], «Перипл Понта Эвксинского» [Латышев 1947-52, с.391-401; Греческая проза 1961, с.229-230], Аппиан из Александрии (ок.100-ок.170): «Римская история» (в 24 кн.,

сохранились кн. 6-8, 11-17 полностью, фрагменты из кн.1-5, 9-10, утеряны кн.18-24 [Аппиан 2002]), Дион Кассий Коккеян (ок.155-ок.235): «Римская история» (в 80 кн., дошли кн.36-60, отрывки см. [Греческая проза 1961, с.473-482; Памятники 1964, т.3, с.126-133] и др.), Геродиан (ок.180-ок.250): «История от кончины божественного Марка» (в 8 кн. [Геродиан 1996]), Дексипп из Афин (ок.210-ок.275): «О войне скифской» (дошли фрагменты [Византийские историки 2003, с.25-61])

Географы: Страбон из Амасии (ок.63 до н.э.-ок.23 н.э.): «География» (в 17 кн. [Страбон 1994]), Павсаний из Магнесии (ок.110-ок.180): «Описание Эллады» (в 10 кн., не завершено автором [Павсаний 2002, т.1-2]), Клавдий Птолемей (отрывки см. [Античная география 1953, с.286-324]).

Философы: неопифагорец Аполлоний из Тианы (ок.10-ок.100), письма [Филострат 1985, с.198-214], скептик Секст Эмпирик (вт.пол.2 в.): «Против ученых» и «Три книги Пирроновых положений» [Секст 1976, т.1-2], перипатетик Александр Афродисийский (кон.2-нач.3 в.) [Философия природы 2000, с.213-248], стоики Корнут (1 в.), Эпиктет (ок.55-135) («Беседы Эпиктета» в 4 кн. записаны Флавием Аррианом [Эпиктет 1997]), римский император Марк Аврелий (121-180): «Размышления» [Марк Аврелий 1993].

Платоники Филон из Александрии (ок.20 до н.э.-ок.50 н.э.) (переводы ряда трактатов см. [Иосиф, Филон 1994, с.15-108; Филон 2000; Филон 2003]), Плутарх из Херонеи (ок.45-ок.124): сохранилось более 150 сочинений, включая 50 биографий [Плутарх 1994, т.1-2], и сочинения по различным вопросам [Музыкальная эстетика 1960, с.255-293; Греческая проза 1961, с.101-144; Памятники 1964, т.3, с.11-80; Плутарх 1979; Плутарх 1983; Плутарх 1990; Курций 1993, с.429-452; Плутарх 1996; Философия природы 2000, с.103-183], Нумений из Апамеи (фрагменты), Плотин из Ликополя (204-270): «Эннеады» (собрание 54 трактатов [Плотин 2004-05, т.1-7]). Корпус сочинений, близких среднему платонизму и приписанных богу Тоту (Гермесу Трисмегисту) [Гермес 2001, с.24-184, 268-409].

Романисты. Полностью сохранилось 4 романа: Харитон из Афродисия (2 в.): «Повесть о Херее и Каллирое» [Харитон 1994], Ахилл Татий (2 в.): «Левкиппа и Клитофонт» [Античный роман 2001, с.7-166], Лонг (2 в.): «Дафнис и Хлоя» [Античный роман 2001, с.167-236], Гелиодор (перв.пол.3 в.): «Эфиопика, или Феаген и Хариклея» [Античный роман 2001, с.237-488], а также романизованная биография: Флавий Филострат (Старший) с Лемноса (ок.170-ок.245) «Жизнь Аполлония Тианского» [Филострат 1985]. В сокращении: Ксенофонт из Эфеса (2 в.): «Повесть о Габрокоме и Антии» (5 кн.) [Ксенофонт Эфесский 1956], анонимная «История Аполлония Тирского» [Греческая проза 1961, с.339-372]; в кратких пересказах: Антоний Диоген «Невероятные приключения по ту сторону Фулы» (24 кн.) [Греческая проза 1961, с.171-178], Ямвлих «Вавилонская повесть» (12 кн.) [Греческая проза 1961, с.185-194].

Ораторы: Дион Златоуст (греч. Хрисостом) из Прусы (ок.40-ок.120) (отдельные речи см. [Греческая проза 1961, с.63-100; Памятники 1964, т.2, с.10-33; Ораторы Греции 1985, с.283-336; Антология кинизма 1996, с.270-295]); Герод Аттик (101-178), Максим Тирский (отдельные речи [Греческая проза 1961, с.305-318; Антология кинизма 1996, с.296-301]); Элий Аристид (117-ок.190) (отдельные речи [Греческая проза 1961, с.319-328; Памятники 1964, т.2, с.33-40; Ораторы Греции 1985, с.337-353]).

Прозаики: анонимный «Дневник Троянской войны», приписанный ее участнику Диктису Критскому (60-е гг. ?) [Диктис 2002-03], Лукиан из Самосаты (ок.120-ок.185) (сохранилось 79 сочинений [Лукиан 2001, т.1-2]), Филострат Старший «Картины» [Филострат 1936, с.21-103], «Диалог о героях», «Жизнеописания софистов» (отрывки [Греческая проза 1961, с.503-509; Памятники 1964, т.3, с.168-177]), Филострат Младший (3 в.) «Картины» [Филострат 1936, с.103-133], Каллистрат «Статуи» [Филострат 1936, с.133-151].

Фиктивные письма: Алкифрон (отрывки [Греческая проза 1961, с.417-438; Памятники 1964, т.2, с.128-143]), Филострат Старший «Письма» (отрывки [Греческая проза 1961, с.509-513; Памятники 1964, т.2, с.144-152]), Элиан (отрывки [Памятники 1964, т.2, с.153-155]), письма Псевдо-Диогена и других исторических лиц.

Риторы: Дионисий из Галикарнасса [Риторика 1978, с.165-236], Деметрий [Риторика 1978, с.237-285], анонимный автор трактата «О возвышенном» (40-е гг.), ложно приписывавшегося автору 3 в. Лонгину [О возвышенном 1966], Гермоген из Тарса (ок.160-нач.3 в.) (трактат «Об идеях» см. [Гермоген 1987]).

Эрудиты: Афиней из Навкратиса (нач.3 в.) «Пир мудрецов» в 15 кн. (перевод кн.1-8 см. [Афиней 2003-, т.1]), Клавдий Элиан (ок.170-230) «Пестрые рассказы» [Элиан 1963], «О природе животных» (отрывки см. [Греческая проза 1961, с.532-540]), Флегонт из Тралл [Флегонт 2001], Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (в 10 кн. [Диоген 1979; Антология кинизма 1996, с.46-82]).

Христианская литература:

Самый ранний памятник (40-50-е гг.) - послания апостола Павла из Тарса (ум.64) [Новый Завет 2003, с.338-512], позже созданы евангелия (четыре вошедших в канон (посл.треть 1 в.), традиционно приписываемых Марку, Матфею, Луке и Иоанну [Новый Завет 2003, с.7-261]) и множество не вошедших ([Апокрифические евангелия 2000, с.7-231] и др.), деяния апостолов [Новый Завет 2003, с.262-337; Апокрифические деяния апостолов 2000], послания апостолов [Новый Завет 2003, с.513-547] и Климента, еп.Римского (ок.30-101) [Писания 2003, с.135-191, 501-509] и Апокалипсис, приписываемый Иоанну Богослову [Новый Завет 2003, с.548-588].

Игнатий Антиохийский [Писания 2003, с.331-377].

Гностики: в 1-3 вв. существовало несколько десятков школ. Наиболее известны учения Карпократа (сер.2 в.), Василида (130-е гг.), Валентина (140-150-е гг.). Фрагменты из Иринея, Ипполита и Елифания о гностицизме см. [Афонасин 2002; Валентин 2002], в Наг-Хаммади найдены многочисленные коптские переводы гностических текстов (некоторые см. [Апокрифические евангелия 2000, с.232-333; Евангелие от египтян 1995; Премудрость Иисуса Христа 2004]).

Апологеты: Аристид (120-е гг.) [Апологеты 1999, с.290-342], Татиан (ок.120-ок.190) [Татиан 1993], Афинагор (2 в.) [Афинагор 1993], Феофил из Антиохии (кон.2 в.) [Апологеты 1999, с.128-194], Гермий (вт.пол.2 в.) [Апологеты 1999, с.197-204], Мелитон из Сард [Апологеты 1999, с.520-694], Псевдо-Мелитон [Апологеты 1999, с.211-222]. Авторы с Запада, писавшие по-гречески: Иринея, еп. Лионский (ок.126-ок.200). «Против

ересей» [Иринея 1996], Ипполит, еп. Римский (ум.238). «Опровержение всех ересей» и другие [Отцы III века 1996, т.2, с.219-260].

Философы: Юстин (ок.100-165) [Иустин 1995], Климент из Александрии (ок.150-ок.215) [Климент 1996; Климент 1998; Климент 2000; Климент 2003, т.1-3], Ориген из Александрии (ок.185-253), автор 6000 книг (сохранилось 10 томов, некоторые см. [Ориген 1993; Ориген 1996; Отцы III века 1996, т.2, с.36-124]), Григорий Чудотворец (3 в.), еп. Неокесарийский [Отцы III века 1996, т.2, с.165-206], Дионисий (3 в.), еп. Александрии.

Мифографы: «Мифологическая библиотека» (в 3 кн.), приписанная филологу 2 в. до н.э. Аполлодору из Афин [Аполлодор 1972], Парфений из Никеи (кон.1 в. до н.э.) [Парфений 1992], Конон (кон.1 в. до н.э.), Антонин Либерал (2 в.) [Антонин Либерал 1997], «Превращения в созвездия» (2 в.?), ложно приписанные ученому Эратосфену [Небо, наука, поэзия 1992, с.62-88], Гераклит [Гераклит 1992], и наконец, «Фоменко античности» Псевдо-Плутарх, выдумавший «альтернативную мифологию и историю» в трактатах «О реках» и «Малые сравнительные жизнеописания» [Пс.-Плутарх 1980; Пс.-Плутарх 1999],

Грамматики: Элий Геродиан, Юлий Полидевк, Аполлоний Дискол и многие другие.

Наука: Артемидор (2 в.) «Онейрокритика» (5 кн.) [Артемидор 1999]. Медицина: Клавдий Гален (129-199). Огромное число сочинений. Математика: Никомах из Герасы, Теон Смирнский. Диофант из Александрии [Диофант 1974]. Астрономия: Клавдий Птолемей «Альмагест» [Птолемей 1998], «Четырехкнижие». Военное искусство: Оносандр (1 в.), Полиэн (2 в.) [Полиэн 2002], Аполлодор «Полиоркетика» [Полиоркетика. Вегедий 1996, с.29-66].

5. Ранневизантийский период

Поэты: Квинт Смирнский (4 в.?) «После Гомера» (отрывок см. [Памятники 1964, т.1, с.40-55]), «Орфическая аргонавтика» (повествование от лица Орфея, отрывок [Памятники 1964, т.1, с.85-92]), Нонн из Панополя (ок.400-ок.470), «Деяния Диониса» (48 кн.) [Нонн 1997] и «Парафразы Евангелия от Иоанна» [Нонн 2002]. Кир из Панополя (сер.5 в.), эпос не сохранился, Пампрепий из Панополя (480-е), эпос не сохранился, Коллуф из Ликополя (кон.5-нач.6 в.) «Похищение Елены» [Памятники 1964, т.1, с.62-65], Мусей «Геро и Леандр» [Памятники 1964, т.1, с.76-84], Христор из Коптоса (нач.6 в.), экфраза статуи. Христиане: Евдокия (5 в.). Роман Сладкопевец (6 в.).

Агафий Миринейский составил собрание эпиграмм. В дальнейшем составлена антология Константина Кефалы (ок.900), положенная в основу т.н. Палатинской антологии (сокращенно – АП) (рукопись X в.) – крупнейшее собрание эпиграмм в 15 кн. (кн.12 включает 258 стихотворений о любви к юношам), а затем антологии Максима Плануда (кон.13 в.) в 7 кн., сокращенной и частично дополненной.

Историки: Евнапий из Сард (ок.345-ок.420) (дошли фрагменты [Византийские историки 2003, с.62-143] и книга «Жизни философов и софистов» [Римские историки 1997, с.225-296]), Олимпиодор из Фив (перв.пол.5 в.) (дошли фрагменты [Византийские историки

2003, с.144-167]), Малх из Филадельфии (дошли фрагменты [Византийские историки 2003, с.168-208]), Петр Магистр (дошли фрагменты [Византийские историки 2003, с.209-228]), Зосим (кон.5 в.) «Новая история», Прокопий из Кесарии (ок.500-ок.570) «История войн Юстиниана», «Тайная история», «О постройках» [Прокопий 1993; Прокопий 1996, т.1-2], Агафий Миринейский (536-582) «О царствовании Юстиниана» в 5 кн. [Агафий 1996], Менандр Византиец (трет.четв. 6 в.) (дошли фрагменты [Византийские историки 2003, с.229-335]), Иоанн Малала (6 в.) (отрывки [Византийская литература 1968, с.182-195]).

Церковные историки: Евсевий Памфил (ок.263-339) «Церковная история», «Жизнь Константина» [Евсевий 1998; Евсевий 2005] и «Хроника», Сократ Схоластик (сер.5 в.) [Сократ 1996], Созомен (5 в.), Феодорит Киррский (5 в.), Евагрий Схоластик (кон.6 в.) [Евагрий 2006] и другие. Неортодоксальные церковные историки: Филосторгий (5 в.), Иоанн Эфесский (6 в.).

В конце 3 в. появляется манихейская литература на греческом языке.

Философы: Неоплатоники Порфирий (Малх) из Тира [Диоген 1979, с.449-476; Порфирий 1988], Ямвлих Халкидский [Ямвлих 1988; Ямвлих 1998; Ямвлих 2000; Ямвлих 2004], Саллюстий «О богах и мире» [Учебники 1995, с.105-120], Амелий, Феодор Асинский, Гиерокл [Гиерокл 2000], Плутарх Афинский, Сириан (сохранился лишь комментарий к «Метафизике» Аристотеля), крупнейший неоплатоник Прокл Ликиец (412-485) (сохранились гимны [Гимны 1988, с.269-280] и множество трактатов, см. переводы некоторых [Прокл 1974; Прокл 1994; Прокл 2001; Прокл 2001, НФ; Прокл 2003; Прокл 2006]), Эней из Газы, Дамаский (458-ок.540) [Дамаский 2000], Симпликий (ум.547) (комментарии к Аристотелю).

Ораторы: Либаний из Антиохии (сохранилось 64 речи, а также декламации [Либаний 1912-16, т.1-2; Греческая проза 1961, с.581-604; Памятники 1964, т.2, с.50-79; Ораторы Греции 1985, с.354-413; Либаний 1997]), письма [Памятники 1964, т.2, с.164-170]; Гимерий [Греческая проза 1961, с.605-620; Памятники 1964, т.2, с.87-95]; Фемистий [Греческая проза 1961, с.621-638; Памятники 1964, т.2, с.80-86; Ораторы Греции 1985, с.414-420]. Комментарии к Аристотелю. Император Флавий Клавдий Юлиан (332-363), автор речей, трактатов [Греческая проза 1961, с.649-654; Памятники 1964, т.2, с.41-49; Ранович 1990, с.396-435] и писем [Греческая проза 1961, с.639-649; Памятники 1964, т.2, с.156-163; Юлиан 1970]. Синесий Киренский. Речи [Византийская литература 1968, с.104-119], письма [Памятники 1964, т.2, с.171-177], гимны [Гимны 1988, с.281-300].

Эпистографы: Эней Софист [Византийская литература 1968, с.157-160], Аристенет [Византийская проза 1965, с.7-45].

Крупнейшие отцы христианской церкви её «классического» периода (325-451) оставили огромное число произведений (переводы указаны выборочно): св. Афанасий (ок.295-373), архиеп. Александрии (4 тома сочинений, см. некоторые [Византийская литература 1968, с.38-44; Отцы IV века 1998-99, т.1, с.28-113]), св. Григорий (ок.330-ок.394), еп. Назианза, архиеп. Константинополя, прозванный Богословом (2 тома сочинений [Византийская

литература 1968, с.70-83; Григорий Назианзин 2000, т.1-2]), св. Василий (331-378), еп. Кесарии Каппадокийской, прозванный Великим (3 тома сочинений [Византийская литература 1968, с.45-69; Василий 1993, т.1-3; Отцы IV века 1998-99, т.1, с.144-268]), св. Григорий (ок.335-ок.394), еп. Нисский (8 томов сочинений, см. некоторые [Византийская литература 1968, с.84-86; Григорий Нисский 1995; Григорий Нисский 1999; Отцы IV века 1998-99, т.2, с.77-403]), св. Иоанн (ок.350-407), архиеп. Антиохии и Константинополя, прозванный Златоустом (24 тома сочинений, см. некоторые [Византийская литература 1968, с.87-103; Отцы IV века 1998-99, т.3, с.42-231]), св. Кирилл (ок.380-444), архиеп. Александрии (15 томов сочинений).

Христианские авторы: св. Мефодий, еп. Олимпский. «Пир десяти дев» [Отцы III века 1996, т.2, с.388-464], Дидим Слепец из Александрии [Отцы IV века 1998-99, т.2, с.16-59], св. Кирилл, архиеп. Иерусалима [Отцы IV века 1998-99, т.1, с.118-131], св. Епифаний, еп. Саламина на Кипре, автор ересиографической энциклопедии «Панарион» («Аптечка») [Епифаний 1863-82, т.1-5], преп. Ефрем Сирий (8 томов сочинений, см. некоторые [Отцы IV века 1998-99, т.3, с.280-456], Немесий Эмесский (4 в.) [Немесий 1996], неизвестный автор нач.6 в., приписавший свои сочинения современнику апостолов св. Дионисию Ареопагиту [Дионисий Ареопагит 2002].

География: Маркиан, Стефан Византийский. Словари: Гесихий. Мифографы: Фабий Фульгенций Планциад (ок.500), Военное искусство: император Маврикий «Стратегикон» [Маврикий 2004] Наука: Иоанн Филопон. Сонник Псевдо-Даниила [Даниил 1999].

Латинские авторы

1. Республика

Латинская литература возникает лишь в середине 3 в. до н.э.

Поэзия: сохранились фрагменты раннего эпоса [Хрестоматия 1984, с.22-37], Лукреций Кар (? 99-55): дидактическая поэма «О природе вещей» [Лукреций 1983].

Фрагменты сатир: Квинт Энний [Хрестоматия 1984, с.128-129; Сатира 1989, с.343-345], Луцилий (ок.180-102) [Хрестоматия 1984, с.130-139; Сатира 1989, с.346-388] и Марк Теренций Варрон (116-27) [Хрестоматия 1984, с.140-155; Сатира 1989, с.389-430].

Лирика: Гай Валерий Катулл из Вероны (? 84-54), лирика (в 3 кн.) [Катулл, Тибулл, Проперций 1963, с.17-156; Катулл 1986; Катулл 1997], фрагменты других авторов [Катулл 1986, с.142-152].

Драматургия: Тит Макций Плавт (ок.250-184) (сохранилось 19 комедий и 1 трагикомедия [Плавт 1997, т.1-3]), Публий Теренций Афр (185-159) (6 комедий, все сохранились [Теренций 1985]), фрагменты других комедий [Хрестоматия 1984, с.74-77, 92-99, 106-127; Теренций 1985, с.503-536]. «Сентенции» из мимов Публилия Сира [Публилий 1982].

Фрагменты римской трагедии: [Хрестоматия 1984, с.38-73].

Проза: фрагменты речей Марка Порция Катона Цензора (234-149) [Катон 1986].

Центральная фигура римской литературы I в. до н.э. - Марк Туллий Цицерон (3.1.106-7.12.43), сохранилось 930 писем (включая ряд адресованных Цицерону [Цицерон 1994, т.1-3]), 58 речей (перевод 41 речи см. [Цицерон 1901; Цицерон 1986-87; Цицерон 1993, т.1-2]) и трактаты по риторике [Цицерон 1972] и философии [Цицерон 1966; Цицерон 1974; Цицерон 1975, с.207-357; Цицерон 1985; Цицерон 2000; Цицерон 2004].

Историки: из нескольких десятков авторов сохранились лишь сочинения Гая Юлия Цезаря (102-44) «Записки о Галльской войне», «Записки о гражданской войне» [Цезарь 1991, т.1, т.2, с.5-100] и его продолжателей «Об александрийской войне», «Об африканской войне» [Цезарь 1991, т.2, с.101-166], «Об испанской войне» [Цезарь 1857, ч.2, с.240-265], Гай Саллюстий Крисп (86-35) «Югуртинская война», «О заговоре Катилины», «История» в 5 кн. (дошли фрагменты) [Саллюстий 1950; Саллюстий 1981], сборник биографий Корнелия Непота (109-32) «О знаменитых людях» [Непот 1992],

По сельскому хозяйству: сохранились трактат Катона «Земледелие» [Катон 1998] и диалог Варрона «О сельском хозяйстве» в 3 кн. [Варрон 1963].

2. Принципат

Мифологический эпос: Публий Вергилий Марон (70-19) «Энеида» [Вергилий 1994, с.119-368], Овидий «Метаморфозы» и «Фасты», Публий Папиний Стаций (ок.45-ок.100) «Фиваида» в 12 кн. [Стаций 1991] и «Ахиллеида» (2 кн., не завершена), Валерий Флакк (ум.ок.90) «Аргонавтика» (8 кн., не завершена) (отрывок см. [Латышев 1947-52, с.908-919]).

Исторический эпос: Марк Анней Лукан (39-65) «Фарсалия» в 10 кн. (не завершена) [Лукан 1993], Силий Италик (26-101) «Пуническая война» (17 кн.).

Дидактический эпос: «Георгики» Вергилия [Вергилий 1994, с.61-118], «Астрономика» Марка Манилия (ок.40 до н.э.-ок.20 н.э.) [Манилий 1993], «Небесные явления по Арату» Германика Цезаря (15 до н.э.-19 н.э.) [Германик 1988].

Лирическая поэзия: «Буколики» Вергилия [Вергилий 1994, с.25-60], стихи, приписанные Вергилию [Вергилий 1994, с.368-416],

Квинт Гораций Флакк (65-8), оды, эподы, гимн, сатиры и послания [Гораций 1993], Авл (?) Альбий Тибулл (ок.55-ок.19) и приписанные ему стихи [Катулл, Тибулл, Проперций 1963, с.157-244], Секст Проперций (ок.50-ок.15) «Элегии» в 4 кн. [Катулл, Тибулл, Проперций 1963, с.245-454], Публий Овидий Назон (43 до н.э.-18 н.э.) [Овидий 1913, с.205-304; Овидий 1983; Овидий 1985; Овидий 1994, т.1-2], Федр (ок.15 до н.э.-ок.50 н.э.) «Басни» [Античная басня 1991, с.269-346], Авл Персий Флакк (34-62) «Сатиры» [Сатира 1989, с.97-116], Стаций «Сильвы», Марк Валерий Марциал (40-104), эпиграммы [Марциал 1994], Децим Юний Ювенал (ок.60-ок.140), сатиры [Сатира 1989, с.241-342], Анонимная «Книга Приапа» (2 в.) (отдельные стихи см. в [Катулл 1997]). Немесиан (3 в.).

Трагедии: Луций Анней Сенека Младший (4 до н.э.-65 н.э.), 8 трагедий и сцены из девятой [Сенека 1983] и приписанная Сенеке трагедия «Октавия» [Сенека 1983, с.293-320]

Историки: Тит Ливий «История от основания Города» (142 кн., сохранились кн.1-10, 21-45, и эпитомы остальных книг [Ливий 1989-93; Ливий 2003], Помпей Трог «История» в 44 кн., сохранилась в сокращении Юстина (нач.3 в.) [Юстин 2005], Веллей Патеркул «История» в 2 кн. [Веллей Патеркул 1985], Квинт Курций Руф (сер.1 в.) «История Александра Великого» (в 10 кн., кн.1-2 не сохранились [Курций 1993, с.23-244]), Корнелий Тацит (ок.55-ок.125) «История» (18 или 16 кн., сохранились кн.1-4, фрагмент кн.5, кн.6 полностью, конец кн.11, кн.12-15 полностью и начало кн.16) и «Анналы» (12 или 14 кн., сохранились кн.1-4 и начало кн.5), а также «Жизнеописание Агриколы», «Германия» и «Диалог об ораторах» [Тацит 1993], Анней Флор (нач.2 в.) «История римских войн» в 2 кн. [Флор 1977],

Биографы: Светоний Транквилл (ок.80-ок.150) «Жизнь двенадцати цезарей» в 8 кн. [Светоний 1993].

Риторика: Сенека Старший (ок.55 до н.э.-ок.40 н.э.) «Декламации» и Квинтилиан (ок.35-96) «Воспитание оратора».

Философия: Сенека Младший, «Нравственные письма к Луцилию» в 20 кн. и трактаты [Сенека 1977; Сенека 1991; Сенека 2001], Апулей (ок.125-ок.180), трактаты [Апулей 1988, с.335-349; Учебники 1995, с.39-66], приписанный Апулею герметический трактат «Асклепий» [Гермес 2001, с.185-267].

Эрудиты: Валерий Максим (1 в.), Авл Геллий (ок.130-ок.180) «Аттические ночи» (в 20 кн., не сохранилась лишь одна; перевод нескольких книг см. [Геллий 1993]), Луций Ампелий (нач.3 в.) «Памятная книжица» [Ампелий 2002].

Романы: Петроний «Сатирикон» (дошли значительные фрагменты [Сатира 1989, с.131-240]) и Апулей «Метаморфозы» [Апулей 1988, с.112-304].

Речи: «Апология» и «Флориды» Апулея [Апулей 1988, с.27-111, 305-334]. Панегирик Траяну Плиния Младшего [Плиний 1983, с.212-272]

Проза: сатира «Отыквление Клавдия», приписываемая Сенеке [Сатира 1989, с.117-130].

Письма: Плиний Секунд (Младший) (62-ок.114), собрание писем в 10 кн. [Плиний 1983, с.5-211], Фронтон (ок.100-ок.166), «Письма» (отрывки см. [Памятники 1964, т.2, с.178-204]).

Христиане: Минуций Феликс (кон.2 в.), диалог «Октавий» [Апологеты 1999, с.226-271], Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (ок.160-ок.230), переводы отдельных сочинений см. [Тертуллиан 1994; Отцы III века 1996, т.1, с.317-378; Тертуллиан 2000; Тертуллиан 2004], Киприан (ок.200-258), еп. Карфагена [Отцы III века, т.2, с.274-380].

Мифографы: Гигин (нач.3 в.) «Астрономия» и «Мифы» [Гигин 1997; Гигин 2000], Ватиканский парадоксограф [Ватиканский аноним 1992].

Военное искусство: Фронтин «Военные хитрости» [Фронтин 1996].

Географические сочинения: «Хорография» Агриппы (фрагменты [Подосинов 2002, с.35-61]), Помпоний Мела [Античная география 1953, с.176-238].

Наука: Марк Витрувий Поллион «Об архитектуре» [Витрувий 2003], Колумелла «О сельском хозяйстве» (кн.1-3 см. [Сергеенко 1970, с.114-198]), Авл Корнелий Цельс «Медицина». Цензорин (3 в.) «О дне рождения» [Цензорин 1986].

Энциклопедия Гая Плиния Секунда (24-79) «Естествознание (Historia naturalis)» в 37 кн. (переводы отдельных книг см. [Плиний 1946; Античная география 1953, с.238-262; Сергеенко 1957, с.213-327; Сергеенко 1970, с.77-114; Плиний 1994; Индия и античный мир 2002, с.307-316]).

Сохранившиеся юридические тексты: Гай (сер. 2 в.) «Институции» в 4 кн. [Гай 1997], фрагменты Юлия Павла и Домиция Ульпиана [Юлий Павел 1998]. Крупнейшие юристы, фрагменты из сочинений которых вошли в «Дигесты»: Сальвий Юлиан (сер.2 в.), Помпоний (сер.2 в.), Эмилий Папиниан (ок.150-212), Юлий Павел (ок.160-ок.230), Домиций Ульпиан (170-223) (фрагменты Павла и Ульпиана, кроме «Дигест», см. [Юлий Павел 1998]), Геренний Модестин (перв.пол.3 в.).

3. Доминат и распад империи

Поэты: Децим Магн Авсоний (ок.310-ок.394) [Авсоний 1993], Клавдий Клавдиан (ок.375-ок.405) [Латинская поэзия 1982, с.188-280], Рутилий Намациан (нач.5 в.) [Латинская поэзия 1982, с.281-302], Сидоний Аполлинарий (5 в.) [Памятники 1998, с.292-307], Драконций (кон.5-нач.6 в.) [Латинская поэзия 1982, с.572-593; Драконций 2001], поэты т.н. «Латинской антологии» [Латинская поэзия 1982, с.443-540], Венанций Фортунат (6 в.) [Памятники 1998, с.367-376].

Христианские темы: Пруденций (4 в.) «Психомехия» [Памятники 1998, с.209-219], Седулий [Памятники 1998, с.316-325], Аратор (6 в.).

Историки: Аммиан Марцеллин (ок.330-ок.400) «История» (31 кн., сохранились кн.14-31 [Аммиан 2000]), краткие истории: Евтропий (вт.пол.4 в.) «Краткая история от основания Города» [Римские историки 1997, с.5-76], Фест, фрагмент Экуперанция [Экуперанций 2004].

Биографы: аноним конца 4 в., приписавший свой труд (биографии императоров) шести выдуманым им авторам [Властелины Рима 1992], Аврелий Виктор (вт.пол.4 в.) [Римские историки 1997, с.77-224].

Эрудиты: Макробий (5 в.) «Сатурналии», комментарий на «Сон Сципиона» (отрывки [Философия природы 2000, с.371-416]), Марциан Капелла (5 в.) «О бракосочетании Меркурия с Филологией».

Христианские историки: Сульпиций Север (ок.365-ок.435) «Хроника» [Сульпиций 1999], Павел Орозий (ок.380-ок.420) «История против язычников» в 7 кн. [Орозий 2004], Проспер Аквитанский (5 в.) и другие хронисты.

Историки 6 века, основатели национальной историографии: британской - Гильда Премудрый (? 516-570) «О гибели Британии» [Гильда 2003], германской - Иордан (ок.510-после 551) «О происхождении и деяниях гетов» [Иордан 2001], французской - Григорий Турский (537-594) «История франков» [Григорий 1987].

Проза: письма Симмаха (4 в.) (отрывки см. [Памятники 1964, т.2, с.205-212]), «История о разрушении Трои» (5 в.?), приписанная её современнику Дарету Фригийскому [Дарет 1997]. «Житие св.Мартина» Сульпиция [Сульпиций 1999], «Житие св.Северина» Евгиппия (нач.6 в.) [Евгиппий 1998].

Переводы неоплатоников Марием Викторинем (4 в.) не сохранились.

Христианские авторы: Арнобий (ок.240-ок.310) «Против язычников» в 7 кн. [Арнобий 1917], Лактанций (ок.250-ок.325): «О смертях преследователей» [Лактанций 1998], «Божественные установления» [Лактанций 2007], св. Иларий Пиктавийский, «О Троице» и другие сочинения (отрывки [Памятники 1998, с.19-35])

Четыре отца западной христианской церкви: св. Амвросий, еп. Медиоланский (340-397) (см. [Амвросий 1996; Памятники 1998, с.55-96]), св. Иероним Стридонский (ок.345-420) (очень плодовит, см. [Памятники 1998, с.97-146], часть «Хроники» [Иероним 1910]), св. Августин, еп. Гиппонский (354-430) (сохранилась 271 кн. сочинений, см. «Против академиков» в 3 кн. [Августин 1999], «Исповедь» в 13 кн. [Августин 1991], «О граде Божием» в 22 кн. [Августин 1998, т.3-4], «О Троице» в 15 кн. [Августин 2004] и другие [Августин 1998, т.1-2]), св. Григорий Великий (папа римский в 590-604) [Памятники 1998, с.377-393]. Православная церковь почитает Иеронима и Августина не святыми, а лишь блаженными.

Авторы 5 в.: Иоанн Кассиан, Сальвиан и другие.

Авторы 6 в.: Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (ок.480-524) [Боэций 1990; Боэций 1995]. Флавий Кассиодор Сенатор (ок.490-ок.585) (отрывки [Педагогическая мысль 1994, т.1, с.243-294]).

Географические сочинения 4-5 веков: отрывки см. [Подосинов 2002, с.62-160, 287-378].

Грамматики: Мавр Сервий Гонорат, комментарий к Вергилию (отрывки см. [Сервий 2001]), Проб, комментарий к Вергилию, Порфирион, комментарий к Горацию, Лактанций Плацид, комментарий к Стацию. По материалам комментариев к поэтам в 10 в. составлен т.н. «Первый ватиканский мифограф» [Перв. Ват. Миф. 2000], еще позднее Второй и Третий (Альберих Реймский, 12 в.). Грамматика Присциана (6 в.).

Наука: Флавий Вегетий Ренат «Краткое изложение военного дела» [Полиоркетики. Вегетий 1996, с.153-306]

Юриспруденция: «Свод гражданского права» при Юстиниане под руководством Трибониана [Институции 1998; Дигесты 2002-06, т.1-8].

Конец очерка

1. Период архаики

1.1. Мифология

Эрот

«Прежде всего во Вселенной Хаос зародился, а следом

Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
{Вечных богов – обитателей снежных вершин олимпийских}
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, - Эрос
Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает».

(№ 2). (Гесиод. Теогония 116-122, пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.31])

Родословные Эроса: орфика, Акусилаи, Ферекид (см. ниже).

(№ 3). «Он [Феокрит] сомневается, чьим сыном ему назвать Эрота: Гесиод [называет его сыном] Хаоса и Геи, Симонид – Ареса и Афродиты, Акусилаи – Ночи и Эфира, Алкей – Ириды и Зефира, Сапфо – Афродиты и Урана...» (Схолии к Феокриту XIII 2 (из Теона) [ФРГФ 1989-, ч.1, с.91])

Культ Эрота

(№ 4). «Из богов феспийцы больше всех издревле чтут Эрота; у них есть древнейшее изображение в виде необделанного камня. Кто у феспийцев установил поклонение Эроту больше, чем всем другим богам, - я не знаю. Но ничуть не меньше, чем они, чтут его жители Пария на Геллеспонте, бывшего некогда колонией Эритр в Ионии, в моё же время это была римская колония.

Эрота большинство людей считает самым юным из богов и полагает, что он сын Афродиты. Но Олен из Ликии, написавший для эллинов самые древние гимны, этот Олен в своем гимне, посвященном Илитии, говорит, что матерью Эрота была Илития. После Олена были поэты Памф и Орфей: у того и у другого есть гимны, написанные в честь

Эрота, чтобы Ликоимиды пели и их во время священных таинств. Я их читал, когда мне пришлось беседовать с дадухом. Но подробнее об этом я говорить не стану. Гесиод же или тот, кто под именем Гесиода составил «Теогонию», я знаю, написал, что вначале был Хаос, а затем явились Гея, Тартар и Эрот. Сапфо с Лесбоса написала много гимнов в честь Эрота; но как она в них говорит об Эроте, противоречит один гимн другому.

Впоследствии для феспийцев изваял из меди Эрота Лисипп. А перед тем статую Эрота создал из пентеликонского мрамора Пракситель. ... В первый раз статуя Эрота была увезена из Феспий, как говорят, тогда, когда в Риме властвовал Гай [Калигула]. Клавдий вернул эту статую феспийцам. Вторично она была увезена Нероном в Рим, где она и погибла во время пожара [80 г.] ... Статуя Эрота в Феспиях, существующая и до нашего времени, - это творение афинянина Менодора, подражавшего произведению Праксителя» (Павсаний IX 27, 1-4 [Павсаний 2002, т.2, с.211-212])

(№ 5). «[Описание Геликона] Вокруг роши Муз живет много народа, а жители Феспий проводят здесь праздник и устраивают состязания, которые называются Музеи (праздник Муз). Проводят они праздник и в честь Эрота, устраивают состязания по музыке и борьбу атлетов. Если от этой роши подняться вверх стадию двадцать, то там есть источник, называемый Гиппокрена (Ключ коня). Говорят, что его сделал конь Беллерофонта, ударив копытом в землю» (Павсаний IX 31, 3 [Павсаний 2002, т.2, с.219-220])

(№ 6). «[Описание Афин] В храме же, находящемся недалеко в честь Диониса, есть Сатир еще юный, протягивающий кубок; стоящего вместе с Сатиром здесь же Эрота и Диониса сделал Фимил» (Павсаний I 20, 2 [Павсаний 2002, т.1, с.55-56])

(№ 7). «[Статуя Немезиды работы Фидия в Рамнунте] Крыльев не имеет ни эта статуя Немезиды, ни какая-либо другая из древних... Позднейшие же художники, желая показать, что сила богини проявляется главным образом при влюбленности, по этой причине придали Немезиде крылья, как и Эроту» (Павсаний I 33, 7 [Павсаний 2002, т.1, с.87])

(№ 8). [Роша Асклепия в Эпидавре] «Вблизи сооружено круглое здание из белого мрамора, называемое Толос, заслуживающее осмотра. В нём находится картина Павсия; он нарисовал Эрота, бросившего лук и стрелы; вместо них он несёт в руках лиру» (Павсаний II 27, 3 [Павсаний 2002, т.1, с.166])

(№ 9). [Лаконика] «В Левктрах есть также храм и роша Эрота; зимою вода заливают рошу, но листья, упавшие весною с деревьев, даже не могут быть унесены самой полной водою. ... в мое время: ветер занёс огонь в лес и почти все деревья сгорели. ... там нашли статую, воздвигнутую в честь Зевса Итомского. Мессенцы говорят, что это служит для них доказательством, что Левктры в древности принадлежали Мессении» (Павсаний III 26, 5-6 [Павсаний 2002, т.1, с.252-253])

(№ 10). [Пьедестал трона Зевса в Олимпии работы Фидия] «... на этом пьедестале следующие золотые изображения: ... Эрот принимает выходящую из моря Афродиту, а Пейто венчает её венком» (Павсаний V 11, 8 [Павсаний 2002, т.1, с.354])

(№ 11). «В Элиде одной из достопримечательностей является древний гимнасий. ... Есть в этом гимнасии и жертвенники богам; Гераклу Идейскому, носящему наименование Парастата [Защитника], Эроту, а затем тому, кого элейцы и вместе с элейцами афиняне называют Антэротом; кроме того, жертвенник Деметре и её дочери; Ахиллу поставлен здесь не жертвенник, а кенотаф согласно вещанию бога... Есть и третий гимнасий ... он называется Малфо [Мягкий воск]... В одном углу Малфо стоит изображение Геракла до плеч, а на одной из палестр сделано рельефное изображение Эрота и так называемого Антэбота: Эрот держит в руках ветвь финиковой пальмы, а Антэбот старается её отнять» (Павсаний VI 23, 1.3.5 [Павсаний 2002, т.1, с.444-445])

(№ 12). [Площадь Элиды] «Есть там и святилище Харитам... Направо от Харит, на том же основании – статуя Эрота» (Павсаний VI 24, 7 [Павсаний 2002, т.1, с.447-448])

(№ 13). [Город Эгира (Гипересии) в Ахайе] «Я знаю одно здание в Эгире, ... в котором есть статуя Тихи, держащей в руках рог Амалфеи; рядом с нею Эрот с крыльями. Эта группа означает, что для людей и в делах любви судьба играет большую роль, чем красота» (Павсаний VII 26, 8 [Павсаний 2002, т.2, с.67])

(Примечание С.П.Кондратьева: на монетах из Эгиры изображены Тиха и Эрот, «стоящие друг против друга; направо – Тиха со скипетром и рогом Амалфеи, налево стоит Эрот со скрещенными ногами, опираясь на факел (или на жезл). Между обоими алтарь» (Блюмнер) [Павсаний 2002, т.2, с.377])

Разное

«Эрос сопровождал дею [Афродите], и следовал Гимер прекрасный»

(№ 14). (Гесиод. Теогония 202, пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.33])

Гимер (Желание) – см. Гесиод. Теогония 64 [Поэты 1999, с.30]

(№ 15). «[Храм Афродиты в Мегарах]... работы же Скопаса – статуи Эрота, Гимероса [Страсти] и Потоса [Желания]; если различны и их функции, так же как различны и их имена» (Павсаний I 43, 6 [Павсаний 2002, т.1, с.106])

(№ 16). «Так как он [Пан] бог всей природы, то поэты изображают его в борьбе с богом Амуром, который его побеждает, потому что «всё побеждает любовь» (Перв. Ват. Миф. II 25 (из Сервия. Комм. к Буколикам II 31) [Перв. Ват. Миф. 2000, с.155])

(№ 17). «Почему Венера любит голубку.

Читали мы, что бог Купидон и Венера сошли однажды ради забавы в какие-то сияющие луга и завязали шутовское соревнование, кто из них соберет больше цветов. Купидон, говорят, пользуясь быстротой крыльев, собрал больше; однако некая нимфа Перистера,

неожиданно примчавшись на помощь Венере в собирании цветов, сделала её победительницей Купидона. Поэтому бог Купидон, негодуя, что у него вырвали пальму славы, превратил нимфу в голубку, которая и зовётся по-гречески peristera. Поэтому, говорят, голубка находится под покровительством Венеры» (Перв. Ват. Миф. II 73 (из Лактанция. Фив. IV 226. Другие источники неизвестны) [Перв. Ват. Миф. 2000, с.191])

Вариации

«Чудо рожденье! заря розовеет,
В хаосе близко дыханье Творца,
Жидкий янтарь, золотея, густеет,
Смирной прохладною благодно веет
Роза венца!

Эрос!

...

Лоно зеленое пламенно взрыто,
Вихрем спускается на море рай,
Радужной влагой рожденье повито,
О белоногая, о Афродита,
Сладостно тай!

Эрос!

...

Танец водит караваны,
Хороводит хор планет.
Как цветут святые раны!
Смерть от бога – слаще нет!
Эрос – всех богов юнейший
И старейший всех богов,
Эрос – ты – коваль нежнейший,

Раскователь всех оков».

(Михаил Кузмин. Рождение Эроса [Кузмин 1999, с.460-461])

Афродита Урания

Рождение Афродиты – см. Гесиод. Теогония 189-202 [Поэты 1999, с.33]

Цицерон излагает сочинение одного из греческих филологов о богах:

(№ 18). «(59) Венера [Афродита] первая была рождена богиней Деметрой от Неба. Ее храм мы видели в Элиде. Вторая – родилась от морской пены, от нее и Меркурия [Гермеса], говорят, родился Купидон [Эрот] второй. Третья, родившаяся от Юпитера [Зевса] и Дионы, вышла замуж за Вулкана [Гефеста]. Но от нее и Марса [Ареса] родился, говорят, Антэрос. Четвертая – была зачата Сирией от Кипра и зовется Астартой. Она была женой Адонису. ...

(60) Купидон [Эрот] первый, говорят, родился от Меркурия [Гермеса] и Дианы [Артемиды] первой. Второй – от Меркурия [Гермеса] и Венеры [Афродиты] второй. Третий, Антэрос – от Марса [Ареса] и Венеры [Афродиты] третьей» (Цицерон. О природе богов III 60 [Цицерон 1985, с.176])

(№ 19). «Венер четыре: первая – дочь Неба и Дня; вторая, о которой говорят, что она рождена из пены, - дочь Эфира и Океани<ды>; третья – жена Вулкана, которая совокупилась с Марсом, вследствие чего, говорят, родился Купидон; четвертая – дочь Кипра и Сирии, которая имела Адониса». (Ампелий 9, 9 [Ампелий 2002, с.55])

(№ 20). «[Афины]. Поблизости [от Керамика] стоит храм Афродиты Урании [Небесной]. Первым народом, которому выпало на долю почитать Уранию, были ассирийцы, а после ассирийцев из жителей Кипра – пафийцы, а из финикийцев – жители Аскалона в Палестине. От финикийцев восприняли это поклонение жители Киферы. У афинян ввел его Эгей... Бывшая в мое время статуя была сделана из паросского мрамора и была творением Фидия. Но у афинян есть дем [округ] – Афмонеи, и там говорят, что Порфирион, царствовавший до Актея, основал у них храм Урании» (Павсаний I 14, 7 [Павсаний 2002, т.1, с.47])

(№ 21). «[Кифера]. Храм Афродиты Урании [Небесной] считается самым священным, и из всех существующих храмов Афродиты у эллинов он самый древний. Статуя же самой богини – деревянная и представляет ее вооруженной» (Павсаний III 23, 1 [Павсаний 2002, т.1, с.245])

(№ 22). «В Фивах есть деревянные статуи Афродиты, столь древние, что, по их преданиям, они являются посвященным даром Гармонии и что сделаны они из деревянных украшений, бывших на носу корабля Кадма. Этих Афродит называют – одну Уранией [Небесной], другую – Пандемос [Всенародной], а третью – Апострофией [Отвращающей]. Эти названия дала Гармония. Название Урании дано богине в знак чистой любви, лишенной чувственной похоти, Пандемос – в знак общения между полами и, наконец, третье название Апострофии – с тем, чтобы она могла отвращать человеческий

род от беззаконных страстей и безрассудных поступков» (Павсаний IX 16, 3-4 [Павсаний 2002, т.2, с.195])

(№ 23). «[Афины]. Относительно местечка, которое называют «Садами», и о храме Афродиты у них нет никакого предания; все равно как и о статуе Афродиты, которая стоит недалеко от храма; ее внешний вид – четырехугольный, такой же, как и у герм. Надпись объясняет, что это Афродита Урания [Небесная] – старшая из так называемых Мойр [богинь Судьбы]» (Павсаний I 19, 2 [Павсаний 2002, т.1, с.54])

(№ 24). «[Мегалополь]. Есть тут развалины и храма Афродиты: остался только пронаос и статуи числом три: одна из них носит название Афродиты Урании [Небесной], другая – Пандемос [Всенародной], а третьей не дано никакого названия» (Павсаний VIII 32, 2 [Павсаний 2002, т.2, с.131])

(№ 25). «[Аргос] ...находится храм Диониса и Афродиты Урании [Небесной]» (Павсаний II 23, 8 [Павсаний 2002, т.1, с.159])

(№ 26). «[Элида] Рядом с храмом Илтии – развалины храма Афродиты Урании [Небесной]; и здесь приносят жертвы на ее алтарях» (Павсаний VI 20, 6 [Павсаний 2002, т.1, с.437])

(№ 27). «[Элида. Другой храм Афродиты]. Статуя той Афродиты, которая поставлена в храме и которую они называют Уранией [Небесной] сделана из слоновой кости и золота; она – произведение Фидия; Афродита стоит, опираясь одной ногой на черепаху. Священный же участок второй Афродиты окружен оградой, а внутри этого участка сделана терраса, на которой стоит медная статуя Афродиты, сидящей на медном козле. Это творение Скопаса. Эту статую называют статуей Афродиты Пандемос [Всенародной]. Относительно значения черепахи и козла высказывать свое мнение я предоставляю желающим». (Павсаний VI 25, 1 [Павсаний 2002, т.1, с.448-449])

(№ 28). «[Сикион]. При жертвоприношениях [Афродите] они сжигают бедра всех животных, кроме свиней. Остальные части жертвенного мяса они сжигают на можжевеловых дровах, а вместе с горящими бедрами они сжигают и листья «педерота» [«детолоуб», «медвежья лапа»]. Это растение, которое растет здесь на этом участке под открытым небом и которого нигде больше нет – ни на сикионской земле, ни на какой-либо другой. Листья его меньше листьев бука, но больше чем у падуба; внешний вид у них такой, как у листьев дуба, с одной стороны, они отдают в черноту, а с другой – белые; по цвету они больше всего похожи на листья белого тополя» (Павсаний II 10, 5-6 [Павсаний 2002, т.1, с.132])

Общие сведения

(№ 29). «Какие юноши были самыми красивыми.

Адонис, сын Кинира и Смирны, которого любила Венера.

Эндимион, сын Этола, которого любила Луна.

Ганимед, сын Эрихтония, которого полюбил Юпитер.

Гиакинф, сын Ойбала, которого полюбил Аполлон.

Нарцисс, сын реки Кефиса, который влюбился в себя самого.

Атлант, сын Меркурия и Венеры, которого прозвали Гермафродитом.

Гилас, сын Феодаманта, которого полюбил Геркулес.

Хрисипп, сын Пелопса, которого похитил Тесей [?] на играх» (Гигин. Мифы 271 [Гигин 2000, с.283-284])

(№ 30). «Кто были самые верные друзья.

Пилад, сын Строфия, с Орестом, сыном Агамемнона.

Пирифой, сын Иксиона, с Тесеем, сыном Эгея.

Ахилл, сын Диомеда [?], с Патроклом, сыном Менетия.

Диомед, сын Тидея, со Сфенелом, сыном Капанея.

Пелей, сын Эака, с Фениксом, сыном Аминтора.

Геркулес, сын Юпитера, с Филоктетом, сыном Пеанта.

Гармодий и Аристоклитон, поскольку были братьями [?]...

Нис со своим Эвриалом, за которого он и умер» (Гигин. Мифы 257 [Гигин 2000, с.275-277])

1.1.1. Отношения между богами и людьми

Ганимед

«Царь Эрихтоний родил властелина могучего Троса;

Тросом дарованы свету три знаменитые сына:

Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный.

Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!

Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,

Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных».

(№ 31). (Гомер. Илиада XX 230-235 [Гомер 1990, с.289])

(№ 32). «[Трой] женился на Каллирое, дочери Скамандра, и у него родились дочь Клеопатра и сыновья Ил, Ассарак и Ганимед. Последнего за его красоту похитил Зевс с помощью орла и сделал на небе виночерпием богов» (Псевдо-Аполлодор III 12, 2 [Аполлодор 1972, с.66])

(№ 33). «У него [Троя] было три сына – Ил, Ассарак и Ганимед. ... Ганимед же, превосходивший всех своей красотой, был похищен богами и стал виночерпием Зевса» (Диодор IV 75, 3-5 [Диодор 2005, с.148])

(№ 34). «Ил [родил] Лаомедонта и Ганимеда» (Перв. Ват. Миф. III 1 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.219])

(№ 35). «Ганимед, сын Троила, сына Приама, прекрасной внешностью превосходил остальных троянцев и постоянно занимался охотой в лесу на горе Иде. Отсюда он был похищен на небо оруженосцем Юпитера (то есть, орлом, который всегда носил его молнии) и сделан виночерпием богов. Раньше эту обязанность исполняла Геба, дочь Миноса, сына Юпитера. Или иначе: Юпитер, чтобы не навлечь на себя позор совокуплением с юношей (то есть, мужским полом), обратившись орлом, похитил Ганимеда на горе Иде и сделал его виночерпием на небе» (Перв. Ват. Миф. II 82 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.197-198])

(№ 36). «На границе областей Кизика и Приапа есть местность Гарпагия, откуда, как рассказывают некоторые мифы, был похищен Ганимед, хотя другие говорят, что похищение произошло около мыса Дардания, вблизи Дардана» (Страбон XIII 1, 11 (стр.587) [Страбон 1994, с.550])

(№ 37). [Храм Зевса в Олимпии] «...стоят прямой линией другие пожертвования, так, например, статуи Зевса и Ганимеда; Гомер в своих поэмах описывает, как Ганимед был похищен богами, чтобы служить виночерпием Зевсу, и как Тросу были подарены кони в возмещение. Эту группу пожертвовал фессалиец Гнафис, а изваял ее Аристокл, ученик и сын Клеэта» (Павсаний V 24, 5 [Павсаний 2002, т.1, с.384-385])

(Аристокл жил ок.400 г. до н.э. – см. прим. [Там же, с.478])

(№ 38). [Приношения Микифа в Олимпии] «Около большого храма, на левой его стороне, стоят другие статуи: Коры, дочери Деметры, и Афродиты, Ганимеда и Артемиды» (Павсаний V 26, 2 [Павсаний 2002, т.1, с.390])

«Согласно одному из вариантов мифа, Г. был вознесен на небо в виде зодиакального созвездия Водолей (Псевдо-Эратосфен 26)... Г. – один из популярнейших персонажей античного изобразительного искусства. Миф нашел воплощение в пластике («Ганимед» Леохара) и вазописи» [МНМ, т.1, с.265]

Кони

(№ 39). «Геракл, увидев девушку [Гесиону] выставленной на съедение, заявил, что спасет ее, если Лаомедонт отдаст ему коней, полученных от Зевса в качестве выкупа за похищенного Ганимеда» (Псевдо-Аполлодор II 5, 9 [Аполлодор 1972, с.37])

«Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец

Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;

Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем».

(№ 40). (Гомер. Илиада V 265-267 [Гомер 1990, с.66-67])

Кони Лаомедона. (Илиада V 640 [Гомер 1990, с.74])

Кони Лаомедонта. – см. Гесиод. Каталог женщин, фр.57, ст.10-11 [Поэты 1999, с.96]

Астрономия

(№ 41). «26. Водолей

Очевидно, он назван Водолеем по роду своего дела: он стоит с кувшином в руках и потоком льет из него влагу. Некоторые толкователи утверждают, что это Ганимед, и считают достаточным подтверждением своей точки зрения уже то, что очертаниями этот образ подобен льющему вино виночерпию. Они приводят также свидетельство поэта, который рассказывает, как Ганимед ради замечательной своей красоты был вознесен к Зевсу, чтобы служить виночерпием, ибо боги сочли его достойным. — и как он обрел бессмертие, доселе людям неизвестное. Выливающаяся из его кувшина влага считается нектаром, который пьют боги, и кое-кто даже усматривает в этом доказательство самого существования упомянутого напитка богов» (Псевдо-Эратосфен. Катастеризмы 26, пер. А.А.Россиуса [Небо, наука, поэзия 1992, с.76-77])

(№ 42). «ВОДОЛЕЙ. Многие говорят, что это – Ганимед. Рассказывают, что Юпитер похитил его у родителей, пленившись его замечательной красотой, и сделал виночерпием богов. Он представляется взору так, словно выливает воду из урны. [По другим версиям, Водолей – это Девкалион либо Кекроп] (Гигин. Астрономия II 29 [Гигин 1997, с.75])

(№ 43). «Ганимед, сын Ассарака, [стал] Водолеем из числа двенадцати созвездий» (Гигин. Мифы 224 [Гигин 2000, с.253])

(№ 44). «[О двенадцати знаках Зодиака] Водолей, которым, полагают, был Ганимед. Говорят [также], что это фессалиец Девкалион...» (Ампелий 2, 11 [Ампелий 2002, с.33])

«Пролил бы вмиг Водолей потоки Девкалиона...»

(№ 45). (Лукан I 653 [Лукан 1993, с.25])

(№ 46). «30. Орел

Это тот Орел, который принес Ганимеда на небеса к Зевсу, чтобы был у него виночерпий.

Однако среди созвездий Орел помещен и за то, что еще прежде, когда боги разделяли между собой пернатых, он достался Зевсу. Единственный из всех зверей, он движется в полете навстречу солнечным лучам, не снижаясь, и среди всех держит первенство. Изображают его с распростертыми крыльями, как бы парящим. [Далее другая версия]» (Псевдо-Эратосфен. Катастеризмы 30, пер. А.А.Россиуса [Небо, наука, поэзия 1992, с.78])

(№ 47). «Говорят, что это [созвездие Орла] – та птица, что похитила Ганимеда и принесла его к охваченному страстью Юпитеру. Считают также, что Юпитер первый выбрал его себе из птичьего рода. Только орел, согласно распространенной молве, способен лететь навстречу лучам восходящего Солнца. Поэтому взору представляется, что он летит над Водолеем, который, как считают многие, и есть Ганимед. [По другому мифу, Орел – это некий Мероп с Коса]» (Гигин. Астрономия II 16, 1 [Гигин 1997, с.59])

Параллели

XI месяц (январь-февраль) по месопотамскому календарю (шумер. iti-удра («полба»), аккад. шабату). Связан с мифами о потопе.

«Месяц уд, в небе созвездие Орел Забабы (=Aquila); все травы в степи <...>; месяц радости сердца Энлиля; месяц гнева <...>»

«Месяц полбы принадлежит Ишкуру – смотрителю каналов Небес и Земли». [Емельянов 1999, с.130]

Созвездие XI месяца gu-la (Великана) (греч. Водолей). [Емельянов 1999, с.188]. Предсказания см. [Емельянов 1999, с.197]

Версия с царями

(№ 48). «XXVIII. О Борее и Орифии

Говорят, что Борей похитил Орифию. А был он царем тех мест.

Такое же объяснение и толкование касается истории о Зевсе и Ганимеде. Будучи царем, Зевс похищает Ганимеда, а люди говорят, что он обернулся орлом, потому что это могучая птица. Тот же способ касается Эос и Тифона, Анхиса и Афродиты» (Гераклит-аллегорист. О невероятном 28 [Гераклит 1992, с.242])

(№ 49). «У других же мы находим, что там [в Пессинунте], как говорят, произошла война между фригийцем Илом и лидийцем Танталом – согласно одним, из-за границ, согласно другим – в связи с похищением Ганимеда; вследствие того, что битва длилась долго без чьего-либо перевеса, с обеих сторон пало порядочно людей; и это несчастье дало название месту. Там, говорят, исчез и похищенный Ганимед, когда брат и любовник тащили его в разные стороны; так как тело его исчезло, то происшествие с юношей стало предметом мифа о божественном вмешательстве и о похищении Зевсом. В названном выше Пессинунте в древности фригийцы справляли оргии у протекающей там реки Галла, от которой носят название кастрированные жрецы богини...» (Геродиан I 11, 2, пер. А.И.Доватура [Геродиан 1996, с.17])

(№ 50). «(3) ...Также не следует мне приводить здесь постыдные деяния Тантала и Пелопа и еще более постыдные басни о них: (4) из них Тантал, царь фригийцев, когда постыднейшим образом захватил Ганимеда, сына Троя, царя дарданцев, удерживал его с еще более великой мерзостью взаимных соитий, как утверждает поэт Фанокл, который упоминает, что из-за этого разгорелась великая война; (5) кроме того, он утверждает, что поскольку тот самый Тантал, - а он ведь слыл приспешником богов, - готовил похищения детей для услад Юпитера [Зевса], занимаясь сводничеством, то не дрогнув преподнести ему в пищу даже своего сына Пелопа. (6) Мне отвратительно пересказывать жестокие сражения того Пелопа против Дардана и троянцев, о которых еще неприятнее слушать, ибо они многократно изложены в баснях» (Орозий I 12, 3-6 [Орозий 2004, с.127-128])

Вариации

«Фридрих Гёльдерлин. Ганимед

Что никнешь, бедный, в зябкой дремоте, сир,

На стылом бреге смутно немотствуешь?

Иль позабыл о непостижной

Милости и о тоске бессмертных?

Ужель не видел вестников отчих ты –

В воздушной глуби неуловимых игр?

Ужели не был ты окликнут

Веским глаголом из уст разумных?

Но крепнет мощно голос в груди. Из недр

Родник вскипает, словно бы в некий час

Как отрок спал в горах. И вот уж

Труд очищенья вершит он буйно,

Неловкий: он смеется над узами,

Срывая, мечет прочь их, осиливши,

Высоким гневом пьян, играя,

И, пробудившись на чутком берегу,

На голос чуждый всюду встают стада,

Леса шумят, и недра подземные

Внимают духу бури, внятно

Дух шевельнулся, и в бездне трепет.

Весна приходит. Все, что живет, опять

В цвету. Но он далеко: уже не здесь.

Не в меру добры боги: ныне

Глух его путь, и беседа – с небом.

(пер. С.С.Аверинцева [Гёльдерлин 1969, с.189])

Возлюбленные Аполлона

Общие сведения

Анализ А.Ф.Лосева: «К третьей группе отнесем интимные отношения Аполлона с молодыми людьми. ... Плутарх (Нума 4) указывает на Форбанта, Гиацинта и Ипполита. Ипполит – не ... сын Тезея, но герой Сикиона. О Кипарисе ... мы скажем еще в дальнейшем. ... Рассказ о Гименее, потомке Адмета, и Аполлоне читаем у Антонина Либерала (23). Климент Римский (Гомил. V 15) ... упоминает еще Кинира, Орфея и Троила. Схолиаст к Феокриту (V 83) говорит о Карне ... (Карн – древнейший дорийский демон). ... Интересным является указание на Клароса (Филостр. Письма. 5). Кларос – имя известного города с интенсивным культом Аполлона (Сервий. Комм. к Энеиде III 279). Упомянем еще Бранха, Атимния, Иаписа, Потниия и Скефра» [Лосев 1996, с.430-431]

См. Пс.-Климент Римский. (№ 51). «Зевс любил Ганимеда, Аполлон – Кинира, Закинта [?], Гиацинта, Проба [?], Гила, Адмета, Кипариса, Амикла, Троила, Бранха, Тимния [Атимния?], Пара [?], Потуя [?] и Орфея;

... Асклепий любил Ипполита; Гефест – Пелея; Пан – Дафниса ...» [цит. по: Лихт 2003, с.396-397]

(№ 52). «...еще называют его [Аполлона] Фебом, - как бы эфебом, то есть юношей; потому и солнце изображают ребенком, что оно восходит каждый день и рождается с новым лучом» (Перв. Ват. Миф. II 12 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.140])

Кинир – царь ассирийцев, отец Мирры. [МНМ, т.1, с.651]

Закинт – видимо, эпоним острова.

(№ 53). «Гиллиала в Карию – место гибели Гилла, возлюбленного Аполлона». ([Лосев 1996, с.616]; см. Стефан Визант. 648, 19)

Про Атимния – Схолии к Аполл.Род. II 178.

О Карнее - см. Павсаний III 13, 4.5 [Павсаний 2002, т.1, с.220]

Аполлон Карнейский – см. Павсаний II 10, 2; III 13, 4-6; 14, 6; 21, 8; 22, 13; 24, 8; 25, 10; 26, 5.7; IV 31, 1; 33, 4.

Тен и Аполлон – см. Плутарх. Греческие вопросы 28 [Плутарх 1990, с.231]

У Павсания нет.

(№ 54). «Юноша Левкат, убегая от любви Аполлона, бросился в море и превратился в одноименную скалу» ([Лосев 1996, с.664]; см. Сервий. Комм. к Энеиде III 279)

Гиакинф

«...Амикл...

...дочь Лапифа,
...земного...
...что красу обрела от бессмертных,
...пышнокудрую взял Диомеду.
Оною был рожден Гиакинф, безупречный и мощный,
...которого некогда собственной дланью
Феб длинновласый сразил ненароком губительным диском»

(№ 55). (Гесиод. Каталог женщин, фр.62 Цыбенко [Поэты 1999, с.97])

(№ 56). «XLVI. Рассказ про Гиакинфа

Гиакинф, сын Амикла, был красивым отроком. Заметил его Аполлон, заметил и Зефир. Оба увлеклись его красотой и стали соревноваться перед ним, в чем каждый был способен. Аполлон стрелял в цель, Зефир поднимал ветер. Первый доставлял удовольствие пением, второй внушал страх и смутнение. Отрок склоняется к богу, а Зефира, объятого ревностью, побуждает этим к войне. Потом были занятия Гиакинфа гимнастикой и месть со стороны Зефира. Средством убийства юноши послужил диск – Аполлон его метнул, а Зефир перехватил <и направил в юношу>. И тот погиб, но Земля не предала забвению несчастье: вместо отрока вырастает цветок, принимающий его имя, и говорят, что на листьях начертана его начальная буква» (Псевдо-Палефат. О невероятном 46 [Палефат 1988 (№ 4), с.231])

Гигин. Мифы 218 [Гигин 2000, с.247] – не сохранился.

(№ 57). «И Гиакинфа любили как Борей, так и Аполлон. И, поскольку тот предпочитал наслаждаться любовью Аполлона, разгневанный Борей поразил его тем же самым диском, в метании которого он упражнялся. И он превратился в цветок, названный его именем» (Перв. Ват. Миф. II 15 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.144])

См. Гесиод, фр.171 [Гесиод 2001, с.144]; Овидий. Мет. X 162-219; Еврипид. Елена 1467-1474; Филострат. Картины I 24. Филостр.Мл. 15; Ватиканские мифографы I 117, II 181

См. также: Никандр. Тер. 901 Сервий. Комм. к Буколикам III 63, 106; Филаргирий. Комм. к Буколикам III 63, 106, II 48 [Лосев 1996, с.665]; Проб. Комм. к Буколикам III 106; Фирмик Матерн XII 2 [Лосев 1996, с.672]

«Г. – древнее растительное божество умирающей и воскресающей природы догреческого происхождения. Культ Г. в Амиклах был вытеснен культом Аполлона, и праздник гиакинфии (Павс. III 10, 1, III 19, 3-5) стал отмечаться как праздник Аполлона» (А.А.Тахо-Годи: [МНМ, т.1, с.300-301])

Родословная

(№ 58). «Таигета родила от Зевса Лакедемона... От Лакедемона же и Спарты, дочери Эвроты ... родились Амикл и Эвридика... От Амикла и Диомеды, дочери Лапифа, родились Кинорт и Гиакинт. О последнем рассказывают, что он был возлюбленным Аполлона, которого бог нечаянно убил во время метания диска. Сыном Кинорта был Перьер, который женился на дочери Персея Горгофоне, как сообщает Стесихор. От этого брака родились Тиндарей, Икарий, Афарей и Левкипп» (Псевдо-Аполлодор III 10, 3 [Аполлодор 1972, с.63])

(№ 59). «Эол же воцарился в области Фессалии... Женившись на Энарете, дочери Деимаха, он произвел на свет семерых сыновей - ... Перьера... Перьер же, овладев Мессенией, женился на Горгофоне, дочери Персея... Многие другие называют Перьера сыном не Эола, а Кинорта, сына Амикла...» (Псевдо-Аполлодор I 7, 3; I 9, 5 [Аполлодор 1972, с.11, 15])

(№ 60). «Существуют авторы, которые утверждают, что Афарей и Левкипп были сыновьями Перьера, сына Эола, а от Перьера, сына Кинорта, родился Ойбал, а от Ойбала и наяды Батии родились Тиндарей, Гиппокоонт и Икарий» (Псевдо-Аполлодор III 10, 4 [Аполлодор 1972, с.64])

См. Павсаний II 21, 7; III 1, 4; IV 2, 4 о родословных.

(№ 61). «Сойдясь с Пиером, Клио родила от него сына Гиакинта, в которого влюбился Тамирис, сын Филаммона и нимфы Аргиопы, положивший начало однополый любви. Но Гиакинта, любимого богом Аполлоном, позднее нечаянно убил этот бог, попав в него диском» (Псевдо-Аполлодор I 3, 3 [Аполлодор 1972, с.7])

Культ

(№ 62). «Амикл, сын Лакедемона ... основал в Лаконике маленький городок. Из двух бывших у него сыновей Гиакинфа, младшего и очень красивого, постигла смерть раньше отца; могила Гиакинфа – в Амиклах, под статуей Аполлона» (Павсаний III 1, 3 [Павсаний 2002, т.1, с.192])

(№ 63). [Трон и статуя Аполлона в Амиклах] «Это творение не Батикла, но очень древнее и сделанное без всякого искусства. Если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то всё остальное подобно медной колонне. На голове статуи шлем, в руках – копьё и лук.

Пьедестал этой статуи представляет форму жертвенника и говорят, что в нём был похоронен Гиакинф и что во время праздника Гиакинфий ещё до жертвоприношения Аполлону они приносят жертвы, как герою, этому Гиакинфу, проникнув в этот жертвенник через медную дверь: эта дверь у жертвенника находится налево.

На этом жертвеннике сделаны: ... [перечень 17 изображений] Афродита, Афина и Артемида: они ведут на небо Гиакинфа и Полибою, как говорят, сестру Гиакинфа, умершую ещё девушкой. Это изображение Гиакинфа уже с бородою, Никий же, сын

Никомеда, нарисовал его в расцвете юношеской красоты, подчеркивая тем всеми прославленную любовь к нему Аполлона. [ещё около 15 изображений] Что же касается ветра Зефира и того, что будто бы Гиакинф был убит Аполлоном нечаянно, и сказания о цветке, то, может быть, всё это было и иначе, но пусть будет так, как об этом говорят» (III 19, 3-5) [Павсаний 2002, т.1, с.235-236]

(№ 64). «Тут были приношения Батикла из Магнесии, того самого, который создал трон Аполлона Амиклейского, сделанные им как бы в дополнение к трону изображения Харит и статуя Артемиды Левкофрины. Чей ученик был этот Батикл и при каком лакедемонском царе был сделан этот трон, я всё это опушу...» (Павсаний III 18, 9 [Павсаний 2002, т.1, с.233])

(№ 65). «В Форнаке ... есть статуя Аполлона Пифаея, сделанная так же, как и статуя в Амиклах. ... Для лакедемонян самой славной и замечательной была та статуя Аполлона, которая находилась в Амиклах, так что и то золото, которое лидийский царь Крез прислал в дар этому Аполлону Пифаею, было употреблено на украшение статуи в Амиклах» (Павсаний III 10, 8 [Павсаний 2002, т.1, с.214])

(№ 66). «В Амиклах, городе, разрушенном дорянами и с того времени остающемся простым посёлком, заслуживает осмотра храм Александры и ее статуя. Амиклейцы говорят, что эта Александра была Кассандрой, дочерью Приама. Там есть и изображение Клитемнестры и так называемый могильный памятник Агамемнона. Из богов местные жители почитают Амikleя и Диониса, очень правильно, по-моему, называя его Псилаком, - словом «псила» доряне называют крылья, а вино поднимает дух у людей и дает полет их мыслям ничуть не меньше, чем крылья птицам» (Павсаний III 19, 6 [Павсаний 2002, т.1, с.236])

(№ 67). «У спартанцев на площади стоят статуи Аполлона Пифаея, Артемиды и Латоны. Все это место называется «Хором», потому что в день Гимнопедий [Обнаженных юношей], - а этот праздник Гимнопедий больше чем какой-либо другой любим лакедемонянами – в этом месте эфебы устраивают хоровые пляски в честь Аполлона» (Павсаний III 1, 9 [Павсаний 2002, т.1, с.216])

Праздник Гимнопедий. (Фукидид V 82 [Фукидид 1999, с.342]; Павсаний III 11, 9. (праздновались в гекатомбеоне, см. [Плутарх 1994, т.2, с.54])

Бичевание перед алтарем Артемиды в Спарте. (см. Перв. Ват. Миф. II 71)

(№ 68). «[212 г.] (30, 1) Между юношами Тарента и карфагенянами состоялся следующий уговор: (2) Ганнибал должен подойти к городу с восточной стороны, обращенной к материку, в направлении к так называемым Теменидским воротам, и возжечь огонь на могиле, именуемой у одних могилою Гиакинфа, у других Аполлоновою...» (Полибий VIII 30, 1-2 [Полибий 1994-95, т.2, с.80]) (см. прим. [Там же, с.90])

Гиакинфии

Месяц гиакинфии = гекатомбеон [Антология 2000, с.599].

(№ 69). [Первая Мессенская война] «Наступали праздники Гиакинфий... (Павсаний IV 19, 4 [Павсаний 2002, т.1, с.293])

(№ 70). «[479 г.] Лакедемоняне же как раз справляли тогда праздник, именно Гиакинфии, и для них важнее всего в то время было чествование божества... (11) Итак, войско во главе с Павсанием покинуло Спарту» (Геродот IX 7, 11 [Геродот 1999, с.536, 538])

(№ 71). Мирный договор Спарты с Афинами 421 г.: «Столбы поставить в Олимпии, в Пифо, на Истме, в Афинах на акрополе и в Лакедемоне в храме Аполлона в Амиклах» (Фукидид V 18, 10 [Фукидид 1999, с.306])

(№ 72). Договор Спарты с Афинами о союзе 421 г.: «... Возобновлять клятву следует ежегодно, для чего лакедемонянам надлежит являться в Афины на Дионисии, а афинянам – в Лакедемон на Гиакинфии. Обе стороны обязаны поставить стелы – одну в Лакедемоне в храме Аполлона в Амиклах, а другую в Афинах на акрополе в храме Афины...» (Фукидид V 23, 4-5 [Фукидид 1999, с.308-309])

(№ 73). [Коринфская война, 390 г.] «Агесилай вновь вернулся к Коринфу с войском; так как наступал праздник Гиакинфий, то он отпустил амиклейцев домой совершить установленные празднества в честь Аполлона и Гиакинфа. На эту часть войска в пути напали афиняне под начальством Ификрата и перебили их» (Павсаний III 10, 1 [Павсаний 2002, т.1, с.212])

(№ 74). «Жители Амикл всегда возвращаются на родину на праздник Гиакинфий для пзана, даже если они находятся в походе или вообще вне родины» (Ксенофонт. Греческая история IV 5, 11 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.133])

См. о Гиакинфиях (Полибий V 19).

(№ 75). «Деметрий Скепсийский пишет в шестнадцатой книге «Троянского строя», что в Лаконии на Гиакинфовой дороге стоят жертвенники героям Маттону (Жеватель) и Кераону (Смешиватель), сооруженные слугами, выпекающими ячменные лепешки и смешивающими вино на фидитиях» (Афинея IV 173f [Афинея 2003-, т.1, с.228])

(№ 76). «...грамматик Дидим (тот, которого Деметрий Трезенский называет «книжной бездною», так много он выдал сочинений – до трех с половиной тысяч) ... пишет:

«Поликрат рассказывает в «Лаконской истории», что обряды Гиакинфий лаконцы совершают в течение трех дней, во время которых, оплакивая Гиацинта, не увенчивают головы на пирах, не подают белого хлеба и никакой другой выпечки со всем, что к ней положено, не поют и пеанов Аполлону и не делают ничего, что принято при других жертвоприношениях: они обедают в строгом порядке и расходятся.

Однако во второй из этих трех дней они устраивают многолюдное достопримечательное празднество: мальчики, высоко подпоясав хитоны, играют на кифарах или поют под звуки флейты; одни, пробегая плектром по струнам, высокими голосами поют богу хвалы в анапестических песнопениях; другие объезжают театр на разукрашенных конях; хоры юношей в полном составе поют местные песни; а среди них плясуны под звуки флейты и

пение хора исполняют древние пляски. Девушки выезжают на богато разубранных крытых повозках и на тележках, запряженных парю, и весь город охвачен радостным праздничным волнением. В этот день приносятся всевозможные жертвы и граждане угощают всех своих рабов и знакомых; никто не остается без доли жертвенного мяса, и город пустеет, потому что все уходят на представление» (Афиней IV 139c-f [Афиней 2003-, т.1, с.187])

О цветке гиацинте

В современной номенклатуре «гиацинт дикий – пролеска двулистная (*Scilla bifolia* L.)», «гиацинт сеянный – живокость аяксова (*Delphinium Ajacis*)». (Комм. М.Е.Сергеенко [Феофраст 1951, с.532]).

Цветок гиацинт – см. Сапфо, фр.92, 103.

(№ 77). «Жители Саламина рассказывают, что когда умер Аякс, то в их стране впервые появился цветок, белый с красноватым оттенком; и сам он и его листья немного меньше лилии; и на нем видны те же буквы, как на гиацинте» (Павсаний I 35, 4 [Павсаний 2002, т.1, с.90])

Цветок Аякса. (Овидий. Метаморфозы XIII 395-398 [Овидий 1994, т.2, с.282])

(№ 78). «[Гермиона] И даже детям предписано чтить богиню [Деметру Хтонию] в торжественном шествии: они одеты в белую одежду, а на головах у них венки. Эти венки плетутся из цветов, которые здесь называются космосандалом; по своей величине и окраске этот цветок кажется мне похожим на гиацинт; и на нем также начертаны буквы печали» (Павсаний II 35, 5 [Павсаний 2002, т.1, с.185])

Вариации

«Элис, когда черный дрозд кликнет из черного леса,

Твоя гибель близка.

Губы твои пьют голубую прохладу горного родника.

Оставь, пусть чело твое

Кровоточит преданьями старины,

Ворожбою по птичьим полетам.

Но, мягко ступая, тыходишь в ночь

Под своды, полные гроздьев пурпурных,
Еще прекраснее в синеве движения твоих рук.

Куст терновый поет,
Стоит к нему прикоснуться лунным твоим глазам.
Как давно ты умер, Элис, о как давно.

Плоть твоя - гиацинт, в который
Монах погружает свои восковые пальцы.
Наше молчанье зияет пещерою черной.

Порой из нее кроткий выходит зверь
И медленно опускает свои тяжелые веки.
А на твои виски черная каплет роса.

Последним золотом чахнувших звезд»

(Георг Тракль. Мальчику Элису.

Пер. с нем. В.Вебера [Золотое сечение 1988, с.317])

Кипарис

«Из кипарисового дерева были сделаны ... стрелы Купидона»

(В.Н.Топоров [МНМ, т.2, с.164])

(№ 79). «Когда прелестный мальчик Кипарис охотился, он возбудил к себе любовь Аполлона, от которого получил в дар прекраснейшего ручного оленя. Когда Кипарис, лежа утомленный под деревом, стал погружаться в сон, он неожиданно пробудился от шороха и увидел вдали оленя. Полагая, что это дикий олень, Кипарис, послав стрелу, убил его, а признав, до того горько оплакивал, что отказывался от всякой еды и питья. Так как он стал чахнуть, Аполлон, сжалившись, превратил мальчика в дерево, названное его

именем» (Лактанций. Комм. к Фиваиде IV 460, пер. В.Н.Ярхо [Перв. Ват. Миф. 2000, с.49])

См. Сервий. Комм. к Энеиде III 64 [Лосев 1996, с.310] и III 680 [Лосев 1996, с.664].

См. ниже: Нонн XI 362. Овид. Мет. X 106-142. Марциал XIII 96.

«Сын Телефа. ... В образе Кипариса – древние черты растительного демонизма и фетишистского оборотничества». (А.А.Тахо-Годи: [МНМ, т.1, с.651])

Другая версия: (№ 80). «Когда завершился срок молчания, Аполлоний пришел в великую Антиохию и там явился в храм Аполлона Дафнийского, к которому ассирияне относят аркадское предание, утверждая, будто именно здесь преобразилась в дерево Дафна, дочь Ладона. Действительно, в тех краях протекает речка Ладон и почитается священный лавр, некогда бывший девой. Храм окружен кипарисами необычной высоты, а местность изобилует полноводными и тихими родниками, в коих, говорят, омывался сам Аполлон. Там же, по рассказам, вознесся из земли росток дерева, прозванного по Кипарису, ассирийскому юноше, - и поистине, красота дерева делает такое превращение достоверным» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского I 16 [Филострат 1985, с.13])

У Овидия действие происходит на острове Кеос.

Третья версия: (№ 81). «Сильван – бог лесов. Он полюбил мальчика по имени Кипарис, у которого была чудная ручная лань. Когда Сильван ее по неведению убил, мальчик умер от горя. Влюбленный бог превратил его в дерево, названное по его имени кипарисом, и, говорят, в утешение носил его ветвь» (Перв. Ват. Миф. I 6 (из Сервия. Комм. к Георгикам I 20) [Перв. Ват. Миф. 2000. С.49])

Миф о Кипарисе производит странное впечатление из-за крайней бедности цитат. Псевдо-Аполлодор, Гигин и Павсаний о нем не упоминают. Ссылки есть лишь у латинских авторов, а также Нонна.

Можно даже выдвинуть гипотезу, что это изобретение эллинистического поэта, варьирующее тему.

Гименей

(№ 82). «XXIII. Батт

[Рассказывает Никандр в книге I «Превращений», Гесиод в «Великих Эоях», Дидимарх в книге III «Метаморфоз», Антигон в «Превращениях» и Аполлоний Родосский в эпиграммах, как говорит Памфил в книге I]

У Арга, сына Фрикса, и Перимелы, дочери Адмета, был сын по имени Магнет. Он жил вблизи Фессалии, и люди назвали эту землю по его имени Магнесией. И родился у него

сын Гименей, прославившийся своей красотой. (2) Когда же увидевшего его Аполлона охватила страсть к юноше, и он не покидал дома Магнета, Гермес замыслил хитрость против стада коров Аполлона, которые паслись там же, где коровы Адмета. И прежде всего наслал он на собак, которые их сторожили, удушье и сон, так что они позабыли о коровах и пренебрегли сторожевой службой. (3) Затем он прогнал с пастбища двенадцать телок, сто коров, не знавших ярма, и быка, который покрывал коров. Потом он привязал к хвосту каждого животного ветки, чтобы скрыть следы коров, и погнал их через землю пеласгов, фтиотийскую Ахею, Локриду, Беотию и Мегариду и оттуда в Пелопоннес через Коринф и Лариссу вплоть до Тегеи, а оттуда вдоль Ликейской горы, Меналия и так называемой «Баттовой Стражи»» (Антонин Либерал. *Метаморфозы* 23 [Антонин Либерал 1997 (№ 4), с.220-221])

(№ 83). «Из числа тех, кого он [Асклепий] воскресил, я нашел следующих: ... Гименея, о котором сообщают орфики» (Псевдо-Аполлодор III 10,3 [Аполлодор 1972, с.63])

Гесиод. Фр.256 = Антонин Либерал 23 [Гесиод 2001, с.170-171]

«Гименея называли сыном Пиера и Клио, ... Аполлона и Каллиопы, братом Орфея и Иалема (схолии к Пинд. Пиф. IV 313), или сыном Диониса и Афродиты, отцом Тантала и Аскала. Он пел на свадьбе Диониса и внезапно умер (Пинд. Фр.139) Нонн различает Гименея, сына музыки Урании, и Гименея, возлюбленного Диониса... Согласно Гесиоду и Никандру (Ант. Либ. 23) Гименей был сыном Магнета, сына Арга, сына Фрикса, и Перимелы, дочери Адмета; в него был влюблен Аполлон, и пока влюбленный бог не покидал дома Магнета, Гермес угнал стада Адмета, которые тот пас» (Комм. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.286])

О Гименее афинянин см. Перв. Ват. Миф. I 74 [2000, с.113-114]

Бранх

(№ 84). «...В лесу Бранх поцеловал Аполлона, тот обнял его, дал ему венок и посох. Бранх начал пророчествовать и вдруг исчез. Ему воздвигли храм, названный Бранхиадон; равным образом и Аполлону посвятили храмы, называемые Филесиями – от поцелуя Бранха или состязания мальчиков» (Перв. Ват. Миф. I 80 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.119]) (из Лактанция. Фив. VIII 198)

(№ 85). «[Оракул Аполлона Дидимского у Бранхидов]. Впоследствии милетцы воздвигли храм, самый большой из всех храмов, который остался без крыши из-за своей величины; действительно, окружность священной ограды вмещает пространство целого поселка; внутри и вне священной ограды – великолепный парк; в других священных оградах есть и оракул, и святилище. К ним миф приурочил истории о Бранхе и любви Аполлона». (Страбон XIV 1, 5 (стр.634) [Страбон 1994, с.594])

См. Каллимах. Ямбы, фр.4, ст.16-18 [Поэты 1999, с.302], Мелика, фр.1 [Поэты 1999, с.391]; Конон. 33, Макробий I 17.49 Лонг. Дафнис и Хлоя IV 17.

Бранхиды (святилище) – см. Павсаний I 16, 3; V 7, 5; VII 5, 4; VIII 46, 3; IX 10, 2.

Бранх – жрец [МНМ, т.1, с.93, 640]

О происхождении Бранха см. Перв. Ват. Миф. I 80

Аполлон именуется Филий от любви к Бранху. (Фотий 136b 29-35) [Лосев 1996, с.618]

Форбант

(№ 86). «Аполлон велел им [родосцам] принять к себе Форбанта и его спутников и поселить их на Родосе. [Форбант] был сыном Лапифа и скитался со множеством народа по Фессалии в поиска места для поселения. Следуя велению оракула, родосцы пригласили его к себе и наделили землей. Форбант истребил змей и, избавив [тем самым] остров от страха, поселился на Родосе. Проявив себя достойным мужем и в других деяниях, он после смерти удостоился почестей как герой» (Диодор V 58, 5 [Диодор 2005, с.251-252])

См. ниже: Плутарх. Нума 4.

(Гомеров гимн к Аполлону Пифийскому, 33 [Поэты 1999, с.130]): Форбант

См. также Павсаний V 1, 11. (другой Форбант, сын Лапифа, из Элиды)

Адмет

«<в город Адмета> пришел...

<Службу> оному <нес до свершения полного года>

Всею душой <возлюбив...>

(№ 87). (Гесиод, фр.58 [Гесиод 2001, с.116])

Фр.54 [Гесиод 2001, с.116] Служба Аполлона у Адмета.

См. ниже: Каллимах. Гимны II 47.

См. Тибулл II 3, ст.11-18.

Проб. Комм. к Георгикам III 1, 34. (Адмет)

Мелампод

(№ 88). «В «Великих Эоях» говорится, что Мелампод, который был любимцем Аполлона, во время пребывания на чужбине остановился у Полифонта...» (Гесиод. Фр.261 (схолии к Аполл.Род. I 118-121) [Гесиод 2001, с.172])

О Мелампode см. Павсаний I 43, 5; 44, 5; II 18, 4; IV 36, 3; V 5, 10; VI 17, 6; VIII, 18, 7.8; 47, 3; IX 31, 5.

Асклепий

(№ 89). «Стафил [утверждает] в сочинении «Об Аркадах» - что он [Асклепий] ухаживает за Ипполитом, когда тот бежал из Трезена, причем Стафил рассказывал о нем согласно тому, что о нем передано в трагических [сюжетах]». (Секст Эмпирик. Против ученых I 261, пер. А.Ф.Лосева [Секст 1976, т.2, с.107])

Возлюбленные Посейдона

Пелопс

Все тексты о Пелопсе здесь не приводятся.

(№ 90). «Пелопс, после того как его закололи и сварили на пиршестве богов, вернувшись к жизни, стал еще более красивым; отличаясь такой красотой, он стал возлюбленным Посейдона. Посейдон подарил ему крылатую колесницу: влага не касалась ее осей, когда она мчалась по поверхности моря» (Псевдо-Аполлодор Э II 3 [Аполлодор 1972, с.79])

Угощение. (Пинд. Ол. I 37-50)

См. Псевдо-Аполлодор II 4, 5-6; II 5, 1; II 7, 2; III 5, 5; III 12, 6; III 15, 7; Э I 2; Э II 6-11; Э V 10-11

Гигин. Мифы 82-85 [Гигин 2000, с.102-106] У Гигина сведений о подарке Посейдона нет (Гигин. Мифы 84 [Там же, с.104-105]).

Состязание с Эномаем. (Пинд. Ол. I 67-88) (Павсаний VI 21, 9; VIII 14, 10-12) (Псевдо-Аполлодор Э II 3-9)

Убийство Миртила. (Софокл. Электра 504-515; Еврипид. Орест 988-994)

«В мифе о Пелопсе широко распространенный мотив похищения невесты или состязания за невесту сплелся с историческими воспоминаниями о древних связях южной Греции с малоазийскими племенами, восходящими к сер. II тыс. до н.э.» (В.Н.Ярхо: [МНМ, т.2, с.298])

Параллель

Письмо царя хеттов царю Аххиявы. «...я [Хаттусили III] послал Дабалатархунду, возничего. Дабалатархунда не какой-нибудь там низкопоставленный человек; с моей юности он ездил со мной на колеснице возничим, и с твоим братом Тавагалавой он тоже ездил [на колеснице]». (Письмо о Тавагалаве § 8, пер. с хетт. А.А.Немировского [Антология 2000, с.71])

Кеней

(№ 91). «III. О Кенее

Говорят, что он сначала родился женщиной, а затем Посидон сделал его неуязвимым перед лицом меди и железа. Был же он в юности любимцем Посидона, а, превратившись в мужчину, исполнился огромной отваги, так что никто не мог его одолеть, ни смягчить дарами из меди и железа: ведь золото и серебро тогда еще не были открыты» (Гераклит-аллегорист. О невероятном 3 [Гераклит 1992, с.238])

Гесиод. Фр.87. О Кенее (Кениде). (Флегонт)

О перемене пола из женщины в мужчину. 2 случая (Псевдо-Гиппократ. Эпидемии VII 32 [Гиппократ 1936-44, т.2, с.286]); Антонин Либерал 17; Флегонт, фр.26, 27; из Плиния [Геллий 1993, с.91].

Норит

(№ 92). «Другое сказание вещает, что Посейдон любил Норита, и тот любил его взаимно [anteran], и что отсюда именно получил происхождение Антэрот, которого прославляют в гимнах». (Элиан. О природе животных XIV 28 (p.249 Herch.) [Лосев 2005, с.756])

Других упоминаний отыскать не удалось.

Возлюбленные Гермеса

(№ 93). Пс.-Климент Римский «Гермес [любил] – Персея, Хриса, Ферса [?] и Одриса [?]

Также Гермес любил: Кадма (Лукиан. Харидем 9 – см. ниже), Дафниса (Элиан. Пёстрые рассказы X 18 – см. ниже), Амфиона (Филострат. Картины).

(№ 94). «[Танагра] Что касается храмов Гермеса, то один посвящен Гермесу Кривоносу [Несущий барана]... Относительно первого наименования они рассказывают, что Гермес отвратил от них моровую язву, обнеся вокруг их стен барана; поэтому и Каламид создал статую Гермеса, несущего барана на плечах. Так и до сих пор на празднике Гермеса тот юноша, который будет признан самым красивым по внешности, обходит городскую стену с ягнёнком на плечах» (Павсаний IX 22, 1 [Павсаний 2002, т.2, с.204])

Персей

Все упоминания Персея не приводятся. См. [МНМ, т.2, с.304-305].

(№ 95). «Когда Полидект, сын Магнеса, послал его против Горгон, Персей получил от Меркурия [Гермеса], который, как считают, любил его, крылатые сандалии и шапку, а также шлем, который делал того, кто его надевал, невидимым для врага» (Гигин. Астрономия II 12, 1 [Гигин 1997, с.49])

Дафнис

Псевдо-Аполлодор, Гигин, Павсаний, Перв. Ват. Миф. – нет сведений.

См. Диодор IV 84 [2005, с.155] и Стесихор.

Возлюбленные Диониса

(№ 96). Пс.-Климент Римский: «Дионис любил Лаона [?], Ампела, Гименя, Гермафродита и Ахилла» [цит. по: Лихт 2003, с.397]. Также любил Адониса (Фанокл, фр.3), Просимна (ниже).

Лаон. Упоминаний отыскать не удалось.

О культуре Диониса

(№ 97). «...у флийцев же ... есть жертвенники Аполлона Дионисодота и Артемиды Селасфоры, Диониса Антия [Весеннего цветения], нимф Исменид и Геи...» (Павсаний I 31, 4 [Павсаний 2002, т.1, с.83])

(№ 98). «[Потнии в Беотии] Есть тут храм и Диониса Эгобола [Коз поражающего]. Как-то раз, принося жертву богу, они под влиянием опьянения пришли в такое неистовство, что убили жреца Диониса; убившие тотчас же были поражены моровой язвой и вместе с тем из Дельф к ним пришло веление бога приносить Дионису ежегодно цветущего мальчика; немного лет спустя, по их словам, вместо мальчика бог разрешил приносить им как жертву козу» (Павсаний IX 8, 2 [Павсаний 2002, т.2, с.182-183])

Ампел

Ампел. У Псевдо-Аполлодора, Павсания и Гигина нет сведений.

См. ниже: Овидий. Фасты III 407-414. Нонн. Деяния Диониса X-XI.

Гермафродит

«В нач. IV в. до н.э. в Аттике был популярен культ Гермафродита» (статья М.Н.Ботвинника: [МНМ, т.1, с.292])

См. о нем: (Диодор IV 6, 5 [Диодор 2005, с.96]) (Овид. Мет. IV 285) ([Гигин 2000, с.193, 247, 284])

Просимн

(№ 99). «Дионис желал спуститься в Аид, но не знал пути. Некто, именем Просимн, обещает указать его, однако, не даром. Плата же, будучи постыдной, устраивает Диониса. Любовным было вознаграждение, платой, о которой шла речь, был сам Дионис. Требование не вызывает возражений у бога, и он обещает Просимну, что рассчитается с ним, если вернется, подтверждая обещание клятвой. (4) Узнав дорогу, ушел. Возвратился назад... Не застаёт Просимна (ведь тот умер). Исполняя «священный» долг перед любовником, спешит к могиле и предается там противоестественной страсти: срезав кое-как ветвь смоковницы, придает ей форму мужского члена и садится на нее, исполняя обязательство перед усопшим. (5) Как мистическое воспоминание о сей страсти по городам воздвигаются фаллосы Дионису». (Климент. Увещевание к язычникам 34, 3-5 [Климент 1998, с.47-48])

(№ 100). «Когда Нисийский и Семелийский Либер [Дионис] жил еще среди людей, то пожелал, как говорят, познакомиться с подземным миром и узнать, что происходит в местах тартара; но его желанию мешали некоторые затруднения, потому что, по незнанию дороги, он не знал, как отправиться и продолжить путь. Является имевший позорную любовь к богу и слишком склонный к преступным удовольствиям некий Просимн, который обещает указать дверь Дита [Аида] и входы к Ахеронту, если бог удовлетворит его желания [*si sibi gereret morem atque uxorias voluptates pateretur ex se carpi*]. Бог легкомысленно дает клятву, что он предоставит себя в его распоряжение и исполнит его желание, но только тогда, когда возвратится из подземного мира, исполнив свое желание и предприятие. Просимн охотно указывает путь и приводит его к самому порогу подземного мира. Между тем, когда Либер с любопытством осматривал Стикс, Цербера, фурий и все прочее, руководитель его умирает и погребается обычным образом. Эвий [Дионис] выходит из подземного мира и узнает о смерти руководителя и, чтобы с точностью исполнить договор и не нарушить клятвы, отправляется на место погребения и, отрезав от фигового дерева крепкий сук, обтесывает его, выскабливает, выглаживает, придает ему известную форму [*humani speciem fabricatur in penis*], укрепляет его на могильном холме и совершает посредством него гнусный акт [*postica ex parte nudatus accedit, subdit, insidit. Lascivia deinde surientis adsumpta huc atque illuc clunes torquet et meditatur ab ligno pati quod jam dudum in veritate promiserat*]». (Арнобий. Против язычников V 28 [Арнобий 1917, с.245])

(№ 101). «Авторы же «Истории Аргоса» предлагают такое объяснение: когда Либер [Дионис] получил позволение отца вывести свою мать Семелу из царства мертвых, и,

отыскивая туда спуск, прибыл в земли аргивян, ему встретился некий человек по имени Полимн, достойный сын своего века, который по просьбе Либера указал ему вход. А поскольку Полимн видел перед собой мальчика, удивительной красотой тела превосходящего всех прочих, он потребовал от него плату, которую хотел получить без задержки. Либер, тоскуя по матери, поклялся в том, что он, если выведет ее на свет, исполнит его желание, однако он сделал это так, как бог клянется бесстыдному человеку; за это Полимн указал ему спуск» (Гигин. Астрономия II 5, 2 [Гигин 1997, с.42])

1.1.2. Отношения между людьми

Поэты

Фамирид

См. статью М.Н.Ботвинника: [МНМ, т.2, с.556]

(№ 102). «Сойдясь с Пиером, Клио родила от него сына Гиакинта, в которого влюбился Тамирис, сын Филаммона и нимфы Аргиопы, положивший начало однополой любви [букв. «эран арренон» (мужской любви)] . Но Гиакинта, любимого богом Аполлоном, позднее нечаянно убил этот бог, попав в него диском. Тамирис отличался красотой и талантом кифареда. Он отважился на состязание с самими Музами при следующем условии: если он победит, то получит право сойтись с каждой из них; если же будет побежден, то лишится того, что захотят отнять у него Музы. Победительницы Музы лишили его зрения и отняли дар пения и игры на кифаре» (Псевдо-Аполлодор I 3, 3 [Аполлодор 1972, с.7])

(№ 103). «Некий Фамирид, говорят, был прорицателем. Передают также, что музы ослепили его за то, что он пытался соревноваться с ними и с Аполлоном в песнопении» (Перв. Ват. Миф. I 95 (из Лактанция. Фив. IV 181) [Перв. Ват. Миф. 2000, с.209])

(№ 104). «Дотий – город в Фессалии... .. Гомер рассказывает попутно о том, что случилось с Фамиром в Дории, а Гесиод говорит также, что

...на равнине Дотийской

он был ослеплен».

(Гесиод. Фр.65 (Стефан Византийский) [Гесиод 2001, с.120-121])

«...Дорион, место, где некогда Музы,

Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,

Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,

Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дочери.

Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий

К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре».

(№ 105). (Гомер. Илиада II 594-600 [Илиада 1990, с.31-32])

(№ 106). «[Мессения]. Отойдя от ворот [Мессены] стадий тридцать, встречаем течение реки Балиры. Говорят, что такое имя реке было дано потому, что Фамиринд при своем ослеплении бросил [эпибаллейн] сюда свою лиру; он был сыном Филаммонна и нимфы Аргиопы. До тех пор Аргиопа жила у Парнаса, когда же она зачала, то, говорят, она переселилась к одрисам, так как Филаммон не захотел ввести ее в свой дом. Поэтому и Фамиринда называют одрисом и фракийцем...

Если идти от Андании к Кипариссиям, то будет на пути так называемая Полихна и протекают речки Электра и Кей... Если перейти реку Электру, то будет источник, называемый Ахайя, и развалины города Дория. Гомер в своих поэмах говорит, что с Фамириндом несчастье случилось именно здесь, в Дорие, за то что он хвастался, будто в пении он победит самих Муз, а Продик из Фокеи – если только правильно ему приписывается поэма «Миниада», - говорит, что за своё хвастовство перед Музами Фамиринд получил возмездие в Аиде. Как мне кажется, Фамиринд потерял зрение вследствие болезни. То же несчастье постигло впоследствии и Гомера. Но Гомер всё время продолжал составлять песни и не поддавался несчастью, а Фамиринд, вследствие постигшего его несчастья, бросил и свои песни» (Павсаний IV 33, 3.6.7 [Павсаний, т.1, с.322, 323])

(№ 107). «Говорят, что Амфион несёт в Аиде наказание за то, что и он бросил насмешливое слово против Латоны и ее детей. Относительно наказания Амфиона есть сказание в поэме «Миниада», где говорится и об Амфионе и о фракийце Фамиринде» (Павсаний IX 5, 9 [Павсаний 2002, т.2, с.178])

(№ 108). [Геликон] «Поставлены там статуи следующих поэтов и вообще людей, выдающихся в музыке: Фамиринд, уже слепой, касающийся рукою сломанной лиры; Арион из Мефимны... Сакад из Аргоса ... Гесиод ... Есть тут и статуя фракийского Орфея, рядом с которым стоит Телетэ [Посвящение], а вокруг него из мрамора и меди – изображения диких зверей, слушающих его пение...» (Павсаний IX 30, 2-4 [Павсаний 2002, т.2, с.217])

(№ 109). [Дельфы] «Первым пел и одержал победу в пении Хрисофемид из Крита... После ... победил в пении Филаммон, а после него Фамиринд, сын Филаммонна. Орфей ... равно как и Мусей ... не пожелали выступать на этом музыкальном состязании» (Павсаний X 7, 2 [Павсаний 2002, т.2, с.254])

(№ 110). [Картина Полигнота в Дельфах] «...Фамиринд, который сидит очень близко от Пелия, потерял зрение и весь его вид очень печальный; у него на голове – длинные волосы и столь же длинная всклокоченная борода. У ног брошена лира, грифы сломаны, струны порваны» (Павсаний X 30, 8 [Павсаний 2002, т.2, с.304-305])

Орфей

(№ 111). «Говорят, что Аполлон, получив лиру, обучил искусству игры на ней Орфея, и когда сам он изобрел кифару, то лиру он передал Орфею. Некоторые также рассказывают, что Венера [Афродита] и Прозерпина [Персефона] пришли на суд Юпитера [Зевса], прося рассудить, кому из них владеть Адонисом. Юпитер назначил им судьей музу Каллиопу, мать Орфея, и она рассудила так, чтобы они владели им поочередно, по половине года. Венера же вознегодовала на то, что не владеет им безраздельно, и привела в иступление всех женщин во Фракии. В результате все они, ослепленные страстью, устремились к Орфею и разорвали его на куски. Его голову, брошенную в море, волны вынесли на остров Лесбос, и тамошние жители подобрали ее и погребли. Считается, что за это благодеяние они наделены непревзойденной способностью к музыке. Лире же, как мы сказали ранее, Музы поместили среди созвездий. Некоторые говорят, что Орфей первым ввел обычай любить мальчиков, нанеся тем самым тяжкое оскорбление женщинам, и в отместку за это он был ими убит» (Гигин. Астрономия II 7, 3 [Гигин 1997, с.47])

(№ 112). «Пережив такой несчастный брак, он [Орфей] затем снова вернулся на землю и, возненавидев весь женский род, уединился в пустыне» (Перв. Ват. Миф. I 75 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.114])

«Орфей, сын Эагра и Каллиопы, или Полигимнии, или Клио, или Мениппы, дочери Фамириса, или Аполлона и Каллиопы (схолии Аполл.Род. I 23, Евстафий к Ил. X 442, Цец. Хиляды I 12). Эагр был сыном Пиера, сына Лина, сына Аполлона и Эфусы, дочери Посейдона и плеяды Альционы (см.), или Харопа (Диодор III 65), или Ареса (Нонн XIII 428). Согласно Геродоту Гераклеяскому, было два Орфея, позднейший плавал с аргонавтами. Согласно Ферекиду, с аргонавтами плавал не Орфей, а Филаммон (схол. Аполл.Род. к данн.месту) (Торшилов Д.О. Комментарий. // [Гигин 2000, с.23])

У Павсания – более 12 упоминаний.

Об Орфее – Аполлоний Родосский I 24-34 (происхождение), 491-512 (орфическая космогония), 537, 906-912 (таинства), 1125, II 161, 678-687, 697-711 (гимн Аполлону), 923, IV 898-904 (сирены), 1149 (гименей), 1402-1412 (молитва Гесперидам), 1538.

См. также Псевдо-Аполлодор I 3, 2 [с.6-7]; I 9, 16 (аргонавты) [с.18]; I 9, 25 (сирены) [с.22]; II 4, 9 (Лин, брат Орфея) [с.32].

(Гигин. Мифы. 14 [Гигин 2000, с.23, 34, 36], 251 [Там же, с.270], 273 [Там же, с.290]. Также комм. Д.О.Торшилова [Там же, с.164, 195, 197-8, 230, 286]. (Конон. 45)

Диодор IV 25, 2-4 [2005, с.111]; (Овид. Мет. X 8-63) (Сенека. Гер. Б. 569-591)

Марсий

(№ 113). «...Вышеупомянутый Олимп, авлет фригийского происхождения, составил, как говорят, авлетический ном в честь Аполлона, называвшийся многоголовым. Олимп этот, любимец Марсия, научившийся у него игре на флейте, занес в Грецию энгармонические номы, которыми и поныне греки пользуются на праздниках в честь богов. Другие многоголовый ном приписывают ученику Олимпа Кратету, а Пратин утверждает, что этот

ном принадлежит Олимпу младшему, который, говорят, был девятым преемником первого Олимпа, любимца Марсия и составителя номов в честь богов. [с.263] Так называемый колесничный ном сочинил, говорят, первый Олимп, ученик Марсия». (Плутарх. О музыке 7, пер. Н.Томасова [Музыкальная эстетика 1960, с.262-263])

Дорические мифы

Милет

(№ 114). «[Европа от Зевса] родила Миноса, Сарпедона и Радаманта... Когда сыновья Европы выросли, между ними возникло соперничество: они все воспылали любовью к юноше, которого звали Милет. Это был сын Аполлона и Ареи, дочери Клеоха. Так как юноша отдавал предпочтение Сарпедону, Минос начал войну, в которой одержал победу. Побежденные вынуждены были спасаться бегством, и Милет, высадившийся в области Карию, основал там город, который назвал по своему имени Милетом. ... Сарпедон воцарился в Ликии. ... Но некоторые говорят, что Сарпедон влюбился в Атимния, сына Зевса и Кассиопеи, и война началась из-за него» (Псевдо-Аполлодор III 1, 1-2 [Аполлодор 1972, с.48-49])

(№ 115). «От Аполлона и дочери Миноса Акакаллиды родился на Крите сын Милет. Акакаллида, боясь Миноса, бросила ребенка в лесу. Волчица набрела на дитя и по повелению Аполлона стала его охранять, вскармливая его своим молоком. Затем его подобрала пастухи и стали воспитывать вместе со своими детьми. Когда мальчик вырос, он стал красивым и предприимчивым. Влюбившийся в него Минос попытался совершить над ним насилие. Тогда Милет ночью по совету Сарпедона сел на корабль и отплыл в Карию. Там он основал город Милет...» (Антонин Либерал 30, пер. В.Г.Боруховича [Аполлодор 1972, с.163])

(№ 115). «XXX. Библида
[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

У Аполлона и Акакаллиды, дочери Миноса, родился на Крите сын Милет. Акакаллида, убоясь Миноса, подбросила его в лесу, и по воле Аполлона к нему приходили волчицы, сторожили его и кормили по очереди молоком. Когда же на него натолкнулись пастухи, они подобрали его и воспитывали дома. (2) Когда мальчик вырос, стал красивым и предприимчивым, а Минос, охваченный страстью к нему, попытался причинить ему насилие, он, по совету Сарпедона, взял челн и бежал в Карию. Здесь он основал город Милет и женился на Идофее, дочери царя карийцев Еврита. И родились у него близнецы: Кавн, по имени которого еще и сейчас есть в Карию город, называемый Кавном, и Библида» (Антонин Либерал. Метаморфозы 30, пер. В.Н.Ярхо [Антонин Либерал 1997 (№ 4), с.224-225])

«На Крите действительно существовал город Милет, и историческая традиция подтверждает участие критских колонистов в основании Милета в Карию» (комм. В.Г.Боруховича в: [Аполлодор 1972, с.163])

(№ 116). «После того, как Нелей основал Милет и все прочие [города] Ионии ... и состоялись Панионии – прошло 813 лет [1077 г. до н.э.]» (Паросская хроника 27 [Диодор 2005, с.294])

(№ 117). «...Нелей и остальные сыновья Кодра отправились в чужие земли и основали колонии, уведя с собою добровольцев из афинян, но главную часть их войска составляли ионяне (VII 2, 2) ... Нелей со своим отрядом пошёл в Милет.

Милетцы сами передают следующий рассказ о своей древнейшей истории: в течение двух поколений их страна называлась Анакторией, как при царе Анакте, бывшем автохтоном, так и при Астерии, сыне Анакта. Но когда к их берегам пристал Милет с войском критян, то оба – и земля и город – переменили своё название по имени Милета. А Милет и бывшее с ним войско прибыли из Крита, убегая от Миноса, сына Европы. Кариийцы, которые прежде заселяли эту страну, стали жить совместно с критянами.

Так вот, тогда, когда ионяне победили древних милетян, всё мужское население они перебили, исключая тех, которые при взятии города успели бежать, а на их жёнах и дочерях женились сами» (Павсаний VII 2, 2-6 [Павсаний 2002, т.2, с.9-10])

Геракл

(№ 118). См. Пс.-Климент Римский: «Геракл [любил] Абдера, Дриопса [?], Иокаста [?], Филоктета, Ги́ла, Полифема, Гэмона, Хона [?] и Эврисфея» [цит. по: Лихт 2003, с.397]

«Множество выдумок парадоксографического характера относительно подвигов и любовников Геракла содержится у Птолемея Гефестиона (Фотий)» (Комм. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.53])

«По Птолемею Гефестиону (Фотий), Нирей был любовником (или сыном) Геракла и охотился с ним на Геликонского льва» (Комм. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.283])

(№ 119). «Книга II [повествует]..., как Геракл построил корабль Арга на фессалийской горе Оссе и дал ему имя от Арга, сына Язонова, который был его любимцем и из-за которого он принял участие в плавании Язона в Скифии...». (Птолемей Хенн (сын Гефестиона) в извлечениях Фотия. «Новая история». [Латышев 1947-52, с.337 (1947, № 4, с.278)])

Дриопс – сын Аполлона и Диалы. [Лосев 1996, с.310]

Иокаст – сын Эола (Диодор V 8, 1 [Диодор 2005, с.220])

Геракл и Гемон – см. Гигин. Мифы 72 [Гигин 2000, с.93-94]: пересказ «Антигоны» Еврипида.

(№ 120). «[Альтис в Олимпии] На той же самой стене, где стоят пожертвования жителей Акраганта, находятся и два изображения нагого Геракла еще в юношеском возрасте. Одно изображает Геракла, стреляющего в Немейского льва. Этого Геракла, а вместе с Гераклом и льва, посвятил Гиппотийон из Тарента, а творцом его был Никодам из Менала. Второе изображение – дар Анаксиппа из Менды; его элейцы перенесли сюда из другого места. До этого времени оно стояло на краю дороги, которая ведет из Элиды в Олимпию и называется Священной» (Павсаний V 25, 7 [Павсаний 2002, т.1, с.388])

(№ 121). «Есть в Эгионе и другие медные статуи: Зевс еще в детском возрасте и Геракл, тоже еще безбородый юноша, работы Агелада из Аргоса. Для них каждый год выбираются жрецы, и каждая из этих статуй хранится в доме своего священнослужителя. В еще более древние времена из мальчиков в качестве священнослужителя Зевсу выбирался тот, который других превосходил красотой; как только у него начинала появляться борода, это почетное звание, связанное с красотой, переходило к другому» (Павсаний VII 24, 4 [Павсаний 2002, т.2, с.60])

(№ 122). «Следующий обычай, по моим сведениям, совершается в Фивах даже до последнего времени: жрецом Аполлону Исмению выбирают мальчика из знатного дома, самого красивого и физически крепкого; его называют дафнофором [носителем лавра], так как эти мальчики носят венки из листьев лавра. Я не могу наверно сказать, для всех ли дафнофоров установлено, чтобы они жертвовали богу медные треножки, но думаю, что такого закона для всех не было: я видел здесь немного пожертвованных треножников, значит их жертвуют только более богатые из мальчиков. Самый замечательный по древности и по славе жертвователя – это треножник Амфитриона, принесенный в дар, когда Геракл был дафнофором» (Павсаний IX 10, 4 [Павсаний 2002, т.2, с.185-186])

Иолай

(№ 123). «Перечислить все встречи Геракла с Эротом дело трудное, так они многочисленны. Но Иолая донныне почитают как его возлюбленного все влюбленные и на его могиле принимают заверения и клятвы от своих любимых». (Плутарх. Об Эроте 17, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.566])

Статья М.Н.Ботвинника: [МНМ, т.1, с.554]

(№ 124). «Свою младшую дочь Креонт отдал замуж за Ификла, у которого уже в это время был сын Иолай от Автомедусы, дочери Алкатоя» (Псевдо-Аполлодор II 4, 11 [Аполлодор 1972, с.33])

«...Ту Гидру сразил сын Кронида,

Амфитрионова отрасль Геракл, с Иолаем могучим,

Руководимый советом добычицы мудрой Афины».

(№ 125). (Гесиод. Теогония 316-318, пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.35])

(№ 126). «Взойдя на колесницу, возничим которой был Иолай, Геракл прибыл в Лерну. ...там находилось логовище гидры. ... Геракл, убив рака, ... позвал на помощь Иолая. Тот зажег часть близлежащей рощи и стал прижигать горящими головнями основания голов гидры, не давая им вырастать. Таким способом Геракл одолел возрождающиеся головы гидры, и срубив, наконец, бессмертную голову, зарыл ее в землю и навалил на это место тяжелый камень. ... Эврисфей же заявил, что этот подвиг нельзя включить в число десяти... ибо Геракл одолел гидру не один, а с помощью Иолая» (Псевдо-Аполлодор II 5, 2 [Аполлодор 1972, с.33-34])

(Диодор IV 11, 5-6 [Диодор 2005, с.100]) (убийство гидры с помощью Иолая)

(см. также Перв. Ват. Миф. I 62 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.102-103] (Иолай не упомянут)

(№ 127). «Совершив эти подвиги, Геракл вернулся в Фивы и отдал свою жену Мегару Иолаю» (Псевдо-Аполлодор II 6, 1 [Аполлодор 1972, с.40]) (Диодор IV 31, 1 [Диодор 2005, с.115])

(№ 128). «Значительное святилище посвятил Геракл и своему племяннику Иолаю, который сопровождал его в походе, а кроме того положил начало существующему до сих пор обычаю ежегодно воздавать ему почести и приносить жертвы. Все жители этого города [Агирии] не стригут волос, [посвятив их] Иолаю, с самого рождения и до тех пор, пока не умилостивят этого бога великолепными жертвоприношениями при благоприятных знаменьях. ...они ежегодно с величайшим усердием устраивают гимнические и конные состязания. Геракл пользуется здесь всенародным почитанием...» (Диодор IV 24, 4-5 [Диодор 2005, с.110-111])

Присутствовал при самосожжении Геракла. (Диодор IV 38, 3-5 [Диодор 2005, с.121])

Похоронен в могиле деда Амфитриона в Фивах, где в его честь учреждены игры. (Пинд. Ол. IX 98)

См. Псевдо-Гесиод. Щит Геракла.

(№ 129). Иолай в Сардинии. «Иолай основал поселение... Тамошний народ он назвал иолаями. ... Совершающие жертвоприношения называют его «отец Иолай»» (Диодор IV 29, 4 – 30, 2 [Диодор 2005, с.114]) (также Диодор V 15, 1-6 [2005, с.224]) (Павс. IX 23, 1; X 17, 5)

(№ 130). «...в собственных же интересах афиняне отправляли войско с Иолаем в Сардинию...» (Павсаний I 29, 5 [Павсаний 2002, т.1, с.77])

Про о-в Сардиния и строения на нем, построенные Иолаем. (Псевдо-Аристотель. Рассказы о диковинах 100 [Пс.-Аристотель 1987, № 4, с.239])

(№ 131). Иолай в Сицилии. «...удостоился ... почитания в святилищах и почестей, подобающих герою» (Диодор IV 30, 3-5 [Диодор 2005, с.114-115])

Иолай. См. Павсаний I 29, 5; VII 2, 2; VIII 14, 9; 45, 6; IX 23, 1; 40, 6; X 17, 5.

(№ 132). [Афины, святилище Геракла (Киносарг)] «Сооружен здесь жертвенник и Алкмене и Иолаю, который вместе с Гераклом совершил большую часть подвигов» (Павсаний I 19, 3 [Павсаний 2002, т.1, с.54])

(№ 133). [Дорога из Мегар в Коринф] «...встречается памятник Эврисфея; говорят, что, когда он бежал из Аттики после битвы с Гераклидами, он был здесь убит Иолаем» (Павсаний I 44, 10 [Павсаний 2002, т.1, с.110])

(№ 134). [Олимпийские игры, устроенные Гераклом] «...Иолай, ехавший на кобылах Геракла. ... Иолай всегда был возницей у Геракла. Так вот, этот Иолай победил в состязании колесниц...» (Павсаний V 8, 3.4 [Павсаний 2002, т.1, с.347]) То же Павсаний V 17, 11 [Павсаний 2002, т.1, с.369]

(№ 135). «В беге на колесницах Иолай, сын Ификла, победил Главка, сына Сизифа, которого разорвали свирепые кони» (Гигин. Мифы 273 [Гигин 2000, с.289]. (про Главка также Павс. VI 20, 9 и др.)

Абдер

(№ 136). «Восьмым подвигом Эврисфей назначил Гераклу привести в Микены кобылиц, принадлежавших фракийцу Диомеду. Это был сын Ареса и Кирены, который царствовал над бистонами, весьма воинственным фракийским племенем. Кобылицы его питались человеческим мясом. Приплыв туда с теми, кто добровольно согласился его сопровождать, Геракл одолел охранявших стойла и погнал кобылиц к морю. Так как бистоны с оружием в руках сбежались, чтобы отобрать коней, Геракл велел сторожить их своему возлюбленному Абдеру, который был сыном Гермеса и происходил из Локриды Опунтской. Но кобылицы убили его, растерзав на части. Геракл сразился с бистонами, убил Диомеда и обратил остальных в бегство. У могилы погибшего Абдера он основал город Абдеры, а лошадей пригнал и передал Эврисфею» (Псевдо-Аполлодор II 5, 8 [Аполлодор 1972, с.36])

(№ 137). «[Геракл] Диомеда, царя Фракии, и его четырех коней, которые питались человеческим мясом, убил вместе со слугой Абдером» (Гигин. Мифы 30 [Гигин 2000, с.54])

Другие версии

«Согласно Птолемию Гефестиону (Фотий), Абдер был братом Патрокла» (Комм. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.54])

Диодор IV 15, 3 [Диодор 2005, с.103] – Абдера не упоминает.

Пиндар. Пеан 2. Абдеритам. (фр.52б). Абдер – сын Посидона и наяды Фронии. [Пиндар 1980, с.188-190]

(№ 138). «Памятниками этого мифа остались башня, которую называют Башней Диомеда, и город Абдера, которому сестра Диомеда дала свое имя». (Помпоний Мела II 2 [Античная география 1953, с.205])

Полифем

(№ 139). «[Аргонавт] Полифем, сын Элата от Гиппы, дочери Антиппа, фессалиец из города Лариссы, на ноги не скорый» (Гигин. Мифы 14 [Гигин 2000, с.23])

Согласно Эвфориону, сын Посейдона (схолии к Аполл.Род. I 40) (Комм. Д.О.Торшилова. [Гигин 2000, с.23])

Аргонавт (Псевдо-Аполлодор I 9, 16 [Аполлодор 1972, с.19].

Сострат

(№ 140). «[Ахайя] Недалеко от города Димы, направо от дороги, находится могила Сострата; это был мальчик из местных жителей; говорят, Геракл любил его, и умер этот Сострат, когда еще Геракл жил на земле. Поэтому Геракл воздвиг ему погребальный холм и принес ему в жертву часть волос со своей головы. И еще в мое время на этой могиле стояла стела с рельефным изображением Геракла; говорят, что местные жители еще приносят и жертвы Сострату как герою» (Павсаний VII 17, 8 [Павсаний 2002, т.2, с.43])

Гилас

(№ 141). «Гилас, сын Феодаманта и нимфы Менодики, дочери Ориона, из Эхалии, а другие говорят, из Аргоса, спутник Геркулеса» (Гигин. Мифы 14 [Гигин 2000, с.28])

(№ 142). «Проходя через землю дриопов, Геракл, испытывая недостаток в пище, встретил Тейодаманта, ехавшего на колеснице, запряженной двумя быками. Он выпряг одного быка и заколол себе на обед» (Псевдо-Аполлодор II 7, 7 [Аполлодор 1972, с.44]).

(№ 143). «А живет в Пелопоннесе семь разных племен. ... Остальные же четыре племени из семи – пришельцы. Это – дорийцы, этолийцы, дриопы и лемносцы. ... Дриопам принадлежат Гермiona и Асина, что находится близ лаконского города Кардамилы» (Геродот VIII 73 [Геродот 1999, с.506-507])

(№ 144). «XXVI. Гил

[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) Когда Геракл плыл с аргонавтами, выбранный ими в качестве предводителя, он взял с собою Гила, сына Кеика, красивого юношу. (2) Когда аргонавты достигли пролива, ведущего в Понт, и плыли вдоль скалистого побережья Арганфоны, разразилась буря и началась сильная качка; здесь они бросили якоря и прервали плавание. Геракл стал готовить для героев угощение. (3) Юноша Гил с кувшином в руках отправился к реке Асканий, чтобы принести пирующим воды. Увидев его, нимфы — дочери этой реки, влюбились в Гила и, когда он черпал воду, столкнули его в источник. (4) Таким образом, Гил исчез, Геракл же, когда тот не вернулся, оставив героев, стал повсюду обыскивать лес и часто громким голосом звал Гила. Нимфы, устранившись, как бы Геракл не нашел спрятанного у них юношу, превратили Гила в эхо, которое часто отвечало на крик Геракла. (5) Поскольку Геракл, приложив величайшие усилия, так и не мог разыскать Гила, он вернулся на корабль и отплыл вместе с героями, а в этом месте оставляет Полифема в надежде, что тот в ходе поисков разыщет ему Гила. Однако Полифем успел умереть <прежде, чем разведал эту местность>, Гилу же местные жители до сих пор приносят жертвы у источника, и жрец трижды выкликает его по имени, и трижды ему отвечает эхо» (Антонин Либерал. *Метаморфозы* 26 [Антонин Либерал 1997 (№ 4), с.222-223])

(№ 145). "[Аргонавты]...причалили к Мисии... Гилас, сын Тейодаманта и возлюбленный Геракла, отправившись за водой, был похищен нимфами из-за своей красоты. Крик его услышал Полифем и, думая, что Гиласа увели морские разбойники, кинулся с обнаженным мечом в погоню за похитителями. Встретив Геракла, Полифем рассказал и ему о случившемся. Пока оба они искали Гиласа, корабль выплыл в открытое море... Геракл же вернулся в Аргос» (Псевдо-Аполлодор I 9, 19 [Аполлодор 1972, с.19]).

(№ 146). «Гилас в Мизии около Киоса и реки Асканий был похищен нимфами, а когда Геркулес и Полифем искали его, они остались там, потому что корабль унесло ветром. Полифема оставил и Геркулес, и он, основав город в Мизии, погиб у халибов» (Гигин. *Мифы* 14 [Гигин 2000, с.34])

(№ 147). «Когда Геркулес присоединился к походу аргонавтов, он взял с собой в качестве оруженосца Гила, сына Фиодаманта, юношу восхитительной красоты. Сам же он греб с такой силой, что сломал в море весло, и, чтобы заменить его, достигнув Мизии, пошел, говорят, в лес. А Гила, отправившегося на поиски воды, увидели и похитили нимфы. Пока Геркулес его искал, аргонавты оставили его в Мизии» (Перв. Ват. Миф. I 49 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.92-93]) (из Лактанций. *Фив.* V 443)

У Павсания не упоминается. Аполлоний Родосский I 1207. Орфическая аргонавтика 646. Валерий Флакк III 521. Феокрит 13.

(№ 148). «Аполлоний говорит, что Геракл был оставлен у Киоса, когда сошел на берег, чтобы отыскать Гиласа... Гесиод в «Свадьбе Кеика» говорит, что Геракл был оставлен, когда сошел на берег в поисках воды в Магнесии у Афей, которые и получили свое название от этого «оставления» [αφεσις]. Антимах же в «Лиде» говорит, что герои высадили Геракла из-за перегрузки Арго. Ему следуют автор эпиграмм Посидипп и Фекеид». (Гесиод. *Фр.*263 (схолии к Аполл.Род. I 1289) [Гесиод 2001, с.173])

«На Кеосе существовал культ Гиласа... Вероятно, Г. первоначально был местным богом растительности, которого скорбными воплями вызывали почитавшие его (Верг. Экл. VI 44)» (М.Н.Ботвинник: МНМ, т.1, с.302)

(№ 149). Вифиния. Город Прусиада (ранее Киос). «Над Прусиадой возвышается гора под названием Арганфоний. Здесь, как рассказывает миф, нимфы похитили Гила, одного из спутников Геракла, плившего с ним вместе на корабле Арго, когда он вышел за водой на берег. Киос же по возвращении из Колхиды (он был также спутником Геракла и плыл вместе с ним) остался здесь и основал город, названный его именем. Еще и поныне прусийцы справляют нечто вроде праздника – блуждание по горам с вакхическими шествиями и призыванием Гила, как будто они выходят в лес на поиски Гила» (Страбон XII 4, 3 (стр.564) [Страбон 1994, с.528])

(№ 150). «Оттуда Триарий переходит с войском в приморскую Прусиаду. Она в древности называлась Киером. Говорят, [что] сюда приставал «Арго», здесь [произошли] исчезновение Гила и блуждания Геракла в поисках его и многое другое такого же [рода]» (Мемнон. О Геракле 41, 2 [Мемнон 1951 (№ 1), с.306])

Комментатор в [Мемнон 1951]: Мемнон путает Прусиаду на море с Прусиадой на Гипии (Киер). См. Апп. Митр. 77.

(№ 151). «За ними [располагаются] бебрики и горы Мисийской земли, там несет свое прекрасное течение [река] Киос – в этом потоке Нимфа некогда похитила Гиласа, шустрого спутника могучего Геракла». (Дионисий Перизетт 805-808 [Дионисий Перизетт 2005-06 (2006. № 2), с.243])

(№ 152). «...Когда Геракл отправлялся [в страну] колхов, потеряв Гила, он прибыл на корабле в Трою, пройдя Мисию». (Псевдо-Лактанций. Схолии к Стацию. Ахиллеида 397, пер. А.И.Малеина [Латышев 1947-52, с.907 (1949, № 2, с.339)])

Беотия

Наркисс

(№ 153). «На земле феспийцев есть место, которое называется Донакон (Тростниковое ложе); там есть источник Нарцисса. Говорят, что Нарцисс увидал в его воде изображение и, не поняв, что он видит свою собственную тень, незаметно влюбился сам в себя, и от любви его у этого источника постигла кончина. Действительно, это сущая чепуха, чтобы человек, доживший до такого возраста, что может быть охвачен любовью, не мог бы разобрать, где человек, а где человеческая тень.

Есть о нём и другое сказание, менее известное, чем первое, но всё же распространённое: говорят, что у Нарцисса была сестра-близнец, точка в точку похожая на него во всём: оба они были одинаковы и лицом и причёской волос, одевались в одинаковую одежду и в довершение всего вместе ходили на охоту. И вот Нарцисс влюбился в сестру, и, когда девушка умерла, он стал ходить к этому источнику, и, хотя он понимал, что видит собственную тень, но даже, понимая это, ему всё же было утешением в любви то, что он представлял себе, что видит не свою тень, а что перед ним образ сестры.

А цветы нарциссы, как мне кажется, земля выращивала и раньше, насколько можно судить по поэмам Памфа. Он жил много раньше, чем Нарцисс из Феспий, однако он говорит, что Кора, дочь Деметры, была похищена [Плутоном], когда, играя на лугу, собирала цветы, и была она похищена, увлѣкшись не фиалками, а нарциссами» (Павсаний IX 31, 7-9 [Павсаний 2002, т.2, с.220-221])

(№ 154). «В Феспиях, городе Беотии (недалеко от Геликона) родился мальчик Нарцисс, необыкновенно красивый, но презиравший Эроta и влюбившихся. И в то время как другие из влюбившихся в него отреклись от своей любви, Аминий оставался очень настойчивым и требовательным. Поскольку Нарцисс не снисходил [к его мольбам], а еще и послал ему меч, Аминий накладывает на себя руки перед дверьми Нарцисса, горячо умоляя бога отомстить за него. А Нарцисс, увидев свой прекрасный лик, отражаемый водой в ручье, становится первым и единственным человеком, который удивительным образом влюбился в себя самого. Наконец, не имея больше сил и посчитав справедливым свое страдание за то, что он презирал любовь Аминия, Нарцисс кончает с собой. ... А местные жители полагают, что цветок нарцисс впервые поднялся из земли, в которую пролилась кровь Нарцисса» (Конон 24, пер. В.Н.Ярхо, цит. по: [Перв. Ват. Миф. 2000, с.198])

(№ 155). «Нарцисс был страстным охотником. Утомленный охотой, он пришел к ручью, чтобы утолить жажду. В ручье он увидел свое отражение и влюбился в него, считая его чужим, и поскольку он начал от любви к нему чахнуть с каждым днем, то превратился в цветок того же имени» (Лактанций Плацид, пер. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.246-247])

(№ 156). «Нимфа Лириопа родила от реки Кефиса Нарцисса, которому Тиресий предсказал всяческое благополучие, если он не будет ничего знать о своей красоте. Итак, когда его полюбила Эхо и не могла найти никакого способа, чтобы им овладеть, то в тоске по юноше, который от нее бежал, преследуемый отчаянными воплями, она истаяла, и остатки ее тела превратились в камень. Это случилось с ней из-за гнева Юноны, которую она часто задерживала своей болтовней, так что та не успевала застигнуть Юпитера, пока он в горах гонялся за нимфами. Говорят, что Эхо – дочь Юноны; из-за её безобразия её скрыли в горах, чтобы никто не мог её видеть, и слышался только голос, даже после её смерти. Что касается вышеназванного Нарцисса, то за проявленную им жестокость к Эхо Немесида (т.е. судьба, мстящая за отвергнутых с презрением) заставила его влюбиться в себя, чтобы его сжигало не меньшее пламя, чем Эхо. Когда Нарцисс, утомленный непрерывной охотой, улегся в роще близ ручья и, черпая воду, увидел свое отражение и долго на нем задержался, он в конце концов истаял так, что умер. Из его останков вырос цветок, который нимфы Наяды, оплакивая долю брата, назвали именем Нарцисса» (Перв. Ват. Миф. II 83 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.198-199])

(№ 157). «IX. О Наркиссе

О нем говорят, что он увидел в воде свою тень и, влюбившись в нее, бросился в воду, желая обнять тень. Так он и задохнулся. Но это неправда. Ибо он не задохнулся в воде, но, увидев в текущей природе материи свою собственную тень, т.е. внутри материи — живое существо, которое является последним образом истинной души, и постаравшись обнять эту душу как свою собственную (то есть, возлюбив живое существо ради него самого), он задохнулся, утонув, как если бы погубил истинную душу, — это то же самое, как если бы сказать, что погубил свою истинную, подобающую ему жизнь.

Отсюда и гласит пословица: «Испугавшись собственной тени» [Федон 101d]. Она учит, что надо бояться заботы о последнем (дне жизни) как о первом, ибо эта забота приводит нас к гибели души, то есть к исчезновению истинного знания о вещах и подобающего ему, по существу, совершенства.

Так - у написавшего толкование поговорок, употребленных у Платона» (Ватиканский аноним. О невероятном 9 [Ватиканский аноним 1992, с.247])

«Сын беотийского речного бога Кефисса и нимфы Лириопы. (Вариант: Лириоэссы, Евстаф. I 1)... Судя по имени героя, миф о Н. догреческого происхождения; народная этимология сблизила имя Н. с глаголом *ναρκάω* «цепенеть, столбенеть»... Известен вариант мифа о смерти Н., посланной ему в наказание за то, что он отверг любовь юноши Аминия, из-за этого покончившего с собой... Вероятно, Н. – древнее растительное божество умирающей и воскресающей природы (цветок нарцисс упоминается в мифе о похищении Персефоны; его возлагали на умерших» (М.Н.Ботвинник: МНМ, т.2, с.201-202)

Псевдо-Аполлодор – нет сведений. Гигин. Мифы 214 [с.246] – не сохранился.

Овид. Мет. III 341-510 (Эхо).

Цветок нарцисс: Павсаний IX 31, 9; 41, 6. (масло в Херонее)

О нарциссе (*λείριον*) (*Narcissus Serotinus*) см. (Феофраст. Исследование о растениях VI 6, 9 [Феофраст 1951, с.205]) См. Плутарх 647b.

Феспийский миф

(№ 158). «У феспийцев в городе есть медная статуя Зевса Саота [Спасителя]. Предание, которое они по этому поводу рассказывают, таково: некогда их город опустошал дракон; бог приказал давать дикому чудовищу каждый год одного из юношей, на кого падал жребий. Жители говорят, что они не помнят имен погибших, но когда жребий пал на Клеострата, то любивший его Менестрат, говорит, придумал следующую хитрость: он сделал медный панцирь, на каждой пластинке которого был загнутый кверху крючок. Надев этот панцирь, он добровольно отдал себя на пожрание дракону, исполненный решимости, отдав себя, погибнуть самому, но погубить и чудовище. За это, говорят, Зевсу дано было наименование Саота [Спасителя]» (Павсаний IX 26, 7-8 [Павсаний 2002, т.2, с.211])

Фрикс

(№ 159). «Эт приютил Фрикса и дал ему в жены одну из своих дочерей, Халкиопу...» (Псевдо-Аполлодор I 9, 1 [Аполлодор 1972, с.15])

(№ 160). «Фрикса радушно принял Ээт и дал ему в жены свою дочь Халкиопу. ... Но Ээт боялся, как бы Фрикс не лишил его царства... Поэтому он убил Фрикса» (Гигин. Мифы 3 [Гигин 2000, с.12])

(№ 161). «Некоторые рассказывают, что царь скифов, который был зятем Ээта, посетил колхов в то самое время, когда Фрикс и его наставник были захвачены в плен, воспытал к юноше страстью, получил его от Ээта в дар и, полюбив как родного сына, оставил ему царскую власть» (Диодор IV 47, 5 [Диодор 2005, с.127]; опираясь на Дионисия Скитобрахиона (Комм. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.12-13]))

(№ 162). «XXIV. О Гелле и Фриксе

Когда Гелла и Фрикс бежали от злодейского замысла своей мачехи Ино, их воспитатель, имя которому было Баран, в бурю бежал вместе с ними на маленьком суденышке. И случилось так, что Гелла упала в море (почему оно и прозвано Геллеспонтом), а Фрикс спасся и возбудил к себе желание в Ээте. Баран же этому мешал и пытался сохранить Фрикса в невинности, — тогда с Барана содрали кожу и прибили ее (к дереву); золотой же она была названа из-за величайшей верности Барана детям» (Гераклит-аллегорист. О невероятном 24 [Гераклит 1992, с.242])

Хрисипп

(№ 163). «Лаия же близнецы [Зет и Амфион] изгнали [из Фив], и тот отправился в Пелопоннес, где ему оказал гостеприимство Пелопс. Когда Лаий учил сына Пелопса Хрисиппа езде на колеснице, он влюбился в юношу и похитил его» (Псевдо-Аполлодор III 5, 5 [Аполлодор 1972, с.54])

(№ 164). «Хрисиппа, незаконного сына Пелопса, из-за его красоты похитил в Немее на играх Лай, сын Лабдака. Пелопс, угрожая войной, потребовал его обратно. Атрей и Фиест убили Хрисиппа по наущению их матери Гипподамии. Когда Пелопс уличил Гипподамию, она покончила с собой» (Гигин. Мифы 85 [Гигин 2000, с.105-106])

«По мнению Роберта, контаминация двух трагедий о Хрисиппе: «Хрисиппа» Еврипида и «Гипподамии» Софокла. (Платон. Кратил 395b)... Известны «Хрисиппы» Диогена и Ликофрона, также комика Страттида. (См. Фукидид I 9, Павс. VI 20, 76, схолии Ил. II 105)» (Комм. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.105]) Также [Торшилов 1999, с.171, 176] под № 58 и 124: трагедии Эсхила и Ликофрона «Лай».

(№ 165). «Говорят, Гипподамия удалилась в Мидею в Арголиде, так как Пелоп был особенно разгневан на неё за смерть Хрисиппа...» (Павсаний VI 20, 7 [Павсаний 2002, т.1, с.437])

(№ 166). «Говорят, что первым, кто почувствовал влечение к прекрасным отрокам, был Лай, похитивший сына Пелопса, Хрисиппа. С тех пор привязанность к красавцам фиванцы стали считать благом» (Элиан. Пёстрые рассказы XIII 5 [Элиан 1963, с.103])

«Согласно Афинею (XIII, стр.602), ср.схолии Еврип.Финик.1760 Лаий увез Хрисиппа на колеснице в Фивы, и Хрисипп, не вынеся позора, покончил с собой» (В.Г.Борухович, комментарий [Аполлодор 1972, с.167])

«Хрисипп – сын Пелопа и нимфы Аксиохи... Пелоп проклял Лая и весь его род... По другой версии, Хрисиппа убили его сводные братья Атрей и Фиест... Пелоп изгнал их и проклял» (В.Н.Ярхо: [МНМ, т.2, с.598])

Диодор – нет сведений.

Также см. Дион Хрисостом X 24 [Антология кинизма 1996, с.294]

Другие мифы

Кефал

(№ 167). «XLI. Лиса

[Источники не указаны]

(6) Прокрида, получив дары, вернулась в аттический Форик, где жил Кефал, и стала вместе с ним охотиться; она поменяла одежду и сделала мужскую прическу, так что увидев ее, никто не мог ее признать. Кефал увидев, что охота ему нисколько не удастся, а все идет в руки Прокриде, сильно захотел получить это копьё. И Прокрида вдобавок пообещала ему отдать и пса, если он захочет одарить ее своей юношеской красотой. (7) Кефал принял предложение и, когда они улеглись, Прокрида открылась ему и стала упрекать его, что он совершил в отношении нее гораздо более позорный поступок, чем она — против него. Итак, Кефал получил копьё и пса» (Антонин Либерал. Метаморфозы 41 [Антонин Либерал 1997 (№ 4), с.230])

Главк

(№ 168). «Никандр пишет в третьей книге «Европии», что Главк был возлюбленным Нерея, а в первой книге своей «Истории Этолии» - что он был наставником Аполлона в прорицании; и когда Главк охотился на Орее (это высокая гора в Этолии), он поймал измученного погоней зайца, отнес его к ручью, потер прибрежной травой, и умирающий заяц ожил. Главк понял, в чем сила травы, отведал ее и стал боговдохновенным. Тогда по воле Зевса началась буря, и Главк бросился в пучину.

А самосец (или афинянин) Гедил утверждает, что Главк бросился в море из-за любви к Меликерту» (Афинею VII 296f-297a [Афинею 2003-, т.1, с.369])

Кроме этих, Афинею излагает еще девять версий мифа о Главке.

Кикн (№ 1)

(№ 169). «XII. Кикн [Κύκνος – по-гречески «лебедь»]

[Рассказывает Никандр в книге III «Превращений» и спартанец Аревс в поэме «Кикн»]

(1) У Аполлона и Фурии, дочери Амфинома, родился сын Кикн. Он был хорош собой, а нравом — неприятен и дик, и неумеренно любил охоту. А жил он в полях между Плевроном и Калидоном, и было множество влюбленных в него из-за его красоты. (2) Но Кикн из-за высокомерия не допускал к себе никого из них. Вскоре его возненавидели и покинули все вздыхатели, остался с ним один Филий, но и его он оскорблял сверх всякой меры.

В это самое время в земле этолийцев появился огромный величины лев, который нападал и на них самих, и на скот. (3) Итак, Кикн велел названному выше Филию убить льва, не прибегая к оружию; тот пообещал и убил его благодаря следующей уловке. Зная, в какое время лев выйдет на свое привычное место, Филий наполнил желудок обильной снедью и вином, и когда зверь приблизился, Филий вырыгнул снедь. (4) Лев, съев с голоду эту пищу, отпел от вина, и Филий, обернув руку одеждой, которую носил, заткнул ею пасть льва. Умертвив его и взвалив на плечи, он отнес его к Кикну и получил широкую известность за удачно исполненное поручение.

(5) Однако Кикн приказал ему выполнить другое задание, еще более бессмысленное. Ибо в этом краю появились стервятники такой сверхъестественной величины, что они убивали многих людей. Их-то Кикн приказал взять живыми и принести <к нему>, не применяя никаких ухищрений. (6) В то время как Филий находился в затруднении, как выполнить поручение, по воле бога орел, похитивший зайца, выпустил его полумертвого <из когтей>, прежде чем донести до гнезда. Филий разорвал зайца и лег на землю, намазавшись его кровью. Стервятники набросились на него, как на мертвое тело, а Филий, схватив двух из них за лапы и крепко удерживая, отнес Кикну.

(7) Тот же дал ему третье, еще более трудное задание: он приказал вывести из стада быка, ухватив его голыми руками, и доставить к алтарю Зевса. Филий, совершенно не зная, как ему поступить, чтобы выполнить приказание, взмолился о помощи к Гераклу. И во время этой молитвы появились два быка, которые сражались за одну телку, и, бодая друг друга рогами, свалились на землю. Когда они рухнули, Филий связал одному из них ноги и так дотащил его до алтаря, но по воле Геракла пренебрег <полным исполнением> приказа Кикна.

(8) Тот же решил, что ему, вопреки ожиданию, нанесено ужасное бесчестие, в отчаянии бросился в озеро, которое называется Конопом, и исчез из виду. Из-за его гибели и Фурия, его мать, бросилась в то же самое озеро. По воле Аполлона они стали в озере птицами. (9) После их исчезновения переименовали и само озеро, которое стало <называться> Лебединым; во время весенних полевых работ на нем появляется много лебедей, а рядом находится и гробница Филия» (Антонин Либерал. Метаморфозы 12 [Антонин Либерал 1997 (№ 3), с.231-232])

Псевдо-Аполлодор, Гигин – нет сведений.

«Сын Аполлона и Фирии, красавец-охотник, живший в окрестностях Калидона. Многие юноши хотели дружить с К., но он отталкивал всех своей надменностью и дурным нравом. Когда от К. отказался последний друг, он вместе с матерью бросился в Канонопское озеро. Аполлон превратил обоих в лебедей (Овид. Мет. VII 371сл.)» (М.Н.Ботвинник: [МНМ, т.1, с.649])

Кикн (№ 2)

(№ 170). «Феокрит говорит о Кикне, сыне Посейдона и Каики, убитом Ахиллом. Гелланик говорит, что кожа Кикна с самого рождения отличалась белизной и именно из-за кожи Феокрит называет его женщиной. Гесиод же говорит, что белой была у него голова, чем и объясняется такое прозвище» (Гесиод, фр.237 (схолии к Феокриту XVI 49) [Гесиод 2001, с.164])

Кикн (№ 4)

(№ 171). «Лебедь же, как птица, славится своей большой музыкальностью; говорят, будто Кикн был царём лигурийцев, живших по ту сторону Эридана, у начала кельтских земель, что он был очень музыкален и когда он умер, то по воле Аполлона он был превращен в птицу» (Павсаний I 30, 3 [Павсаний 2002, т.1, с.81])

Псевдо-Аполлодор: Кикн (4) – нет сведений.

(№ 172). «Кикн же, царь Лигурии, который был товарищем Фазтона, оплакивая его, превратился в лебедя. Умирая, тот жалобно поет» (Гигин. Мифы 154 [Гигин 2000, с.188]) (пересказ александрийского эпиллия? (Комм. Д.О.Торшилова [Там же, с.187]))

«Сын Сфенелея, царь лигуров, друг Фазтона, так оплакивавший его смерть, что Аполлон превратил его в лебедя (Верг. Энеид. X 189, Гигин. Фаб. 154) К. был помещен как созвездие Лебедь на небо (Овид. Мет. II 367)» (М.Н.Ботвинник: [МНМ, т.1, с.649])

Алкионей

(№ 173). «VIII. Ламия, или Сибарида
[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) У подножия Парнаса, вблизи Крисы, в направлении на юг лежит гора под названием Корфида, и в ней и до сих пор находится громадная пещера, в которой жило чудовище огромной величины, которое одни называли Ламией, а другие — Сибаридой. (2) Это чудовище каждый день совершало вылазки и похищало с полей людей и домашний скот. И уже дельфийцы собирались запросить оракул о выселении и получить пророчество, в какую землю им следует направиться, как бог указал им на способ избавиться от несчастья: если они желают остаться <на своем месте>, пусть они выставят у входа в пещеру юношу из числа граждан. (3) И они собрались сделать так, как сказал бог. Жребий вынул Алкионей, сын Диома и Меганиры, единственный у своего отца, отличавшийся как красивой внешностью, так и <прекрасным> душевным складом.

(4) И вот жрецы, увенчав Алкионей, отвели его к пещере Сибариды; <в это время> Еврибат, сын Евфема из рода Аксия, молодой и знатный человек, выйдя по воле бога из земли куретов, случайно повстречал ведомого <на погибель> юношу. (5) Сраженный страстью и спросив <дельфийцев>, по какой причине они шествуют, он счел, что будет чудовищным, если он не отобьет юношу силой, а позволит ему погибнуть жалкой

смертью. (6) Итак, сорвав с Алкионея венки и возложив их себе на голову, велел вести себя вместо юноши. Но когда жрецы отвели его в пещеру, он вбежал туда, схватил Сибариду с ее ложа, вынес наружу и сбросил со скалы. (7) Когда он нес Сибариду, она ударилась головой о выступ Крисы, получила рану и сделалась невидимой, а из этой скалы забил источник, который местные жители называют Сибаридой. По его имени локрийцы назвали город, основанный ими в Италии, Сибарисом» (Антонин Либерал. Метаморфозы 8 [Антонин Либерал 1997 (№ 3), с.228-229])

Эврипил

(№ 174). «[Патры] ... Пифия открыла преступление Меланиппа и Комето; и веление бога было – их самих принести в жертву Артемиде и затем каждый год приносить богине в жертву девушку и юношу, которые были самыми красивыми. Из-за этого жертвоприношения река у храма Артемиды Трикларии получила название Амелиха [Немилостивая], а раньше у нее не было никакого названия. ...

(8) Ветер пригнал корабли Эврипила [царя из Фессалии] к морскому берегу возле Арои. Выйдя на берег, он попал в тот момент, когда юношу и девушку вели к алтарю Артемиды Трикларии в жертву. И тут нетрудно было ему понять [слова бога] о жертвоприношении: и местным жителям пришло на память предсказание, когда они увидели царя, которого прежде они не видели... Так прекратилась болезнь у Эврипила, а у живших там эти [кровавые] жертвы богине, а реке было дано ее теперешнее название Мелиха [Милостивая]» (Павсаний VII 19, 4.8.9 [Павсаний 2002, т.2, с.48, 49-50])

Фригийский миф

(№ 175). «У Тимофея, одного из небезызвестных теологов, также у других, столь же ученых, находится следующее указание относительно происхождения Великой матери богов и ее культа, заимствованное из мало известных книг о древностях и из таинственных мистерий, как он сам пишет и сообщает.

В пределах Фригии, говорит он, есть некоторая неслыханной величины скала, называемаяя Agdus, названная так туземцами [с.220] той страны. Согласно с повелением прорицавшей Фемиды, Девкалион и Пирра бросали на землю, не имевшую людей, камни, взятые из этой [скалы], и из них вместе с другими также произошла и была одушевлена божественной силою называемаяя Великою Матерью. Когда она на самой вершине скалы предавалась покою и сну, Юпитер воспламенился к ней позорною нечистою страстью и так как после продолжительной борьбы он не мог достигнуть того, к чему стремился, то, вынужденный отступить, излил свою страсть на камни. Отсюда скала зачала и, после предварительных многочисленных мычаний, родился на десятом месяце Агдестис, названный по имени матери.

[Агдестис обладал огромной силой].

(6) [Боги решили обуздать его. Либер (Дионис) напоил его и оскопил].

[с.221] ...[кровь Агдестиса] поглощается и впитывается землею и немедленно из нее вырастает гранатное дерево с плодами. Увидев его и удивляясь его красоте, Нана, дочь

царя или реки Сангария, срывает [плод] и кладет его в пазуху; от этого она делается беременною. ...

Рождается дитя; но Сангарий приказывает выбросить его; кто-то, нашедши его, берет его к себе вследствие красоты его, кормит его козлиным молоком, и он получает имя Аттиса или потому, что так в Лидии называются красивые, или потому, что фригийцы называют козлов на своем языке attagi. Его в особенности любила Мать богов за его выдающуюся красоту. Любил его также Агдестис и, когда он подросток, сопровождал его, ухаживая за ним, и, привязав его к себе наименее пристойным, насколько это было только возможно для него, потворством, водил его по лесам и наделял многочисленными дарами из дичи, о которых сначала мальчик Аттис хвастливо говорил, что это плоды его трудов и искусства, но впоследствии, под влиянием вина, он сознался, что его любит [с.222] Агдестис и награждает лесными дарами; поэтому не дозволяется входить в его святилище тем, которые опорочили себя винопитием, выдавшим тайну.

(7) Царь Пессинунтский Мида[с], желая избавить юношу от столь позорной связи, назначает ему свою дочь в супружество ... Агдестис, пылая гневом по причине того, что от него оторван юноша и устранен для любви к жене, приводит всех пирующих в состояние иступления и бешенства; фригийцы в испуге поднимают крик: «должно молиться богу!»; Галл отрезывает у себя [гениталии], дочь метрессы – груди; Аттис берет флейту, которую он употреблял для возбуждения безумия, и сам, пришедши в иступление, неистово мечется, падает на землю и под сосною оскопляет себя, говоря: «вот тебе, Агдестис, то, из-за чего ты причинил столько ужасных бед». Вместе с истечением крови исчезает жизнь. ... Из истекшей крови вырастает цветок, [с.223] фиалка, и обвивает дерево [сосну]. ... [Невеста Аттиса Ия умирает, из нее] вырастает миндальное дерево ...

... Агдестис просил Юпитера, чтобы Аттис снова был живым, но тот не согласился; однако ... дозволил ... чтобы тело его не разлагалось, чтобы волосы всегда росли и чтобы один только малый палец оставался живым и всегда сохранял способность движения». (Арнобий. Против язычников V 5-7 [Арнобий 1917, с.219-223])

(№ 176). «Мы все доселе не знали бы, [с.230] чего желала от юноши безумная страсть Агдестиса, если бы пресыщенный юноша не бросил ампутированные части пред оскорбленным?» (Арнобий. Против язычников V 13 [Арнобий 1917, с.229-230])

См. ниже: Овидий. Метаморфозы X 103-105 и др. Саллюстий 4.

Троянская война

Агамемнон

(№ 177). «Так, например, Агамемнон обошел всю Беотию, охотясь за бежавшим от него Аргинном, и свалил эту задержку на море и ветры, а затем, вспомнив о благоразумии, благоразумно искупался в Копайдском озере, чтобы потушить любовь и избавиться от страсти». (Плутарх. Грилл, или О том, что животные обладают разумом 7, пер. С.В.Поляковой [Греческая проза 1961, с.139])

(№ 178). «Фанокл же в книге «Эроты, или Красавцы» рассказывает, что Агамемнон, царь эллинов, воздвиг храм Афродите Аргинне в память о возлюбленном Аргинне». (Климент. Увещание к язычникам 38, 2 [Климент 1998, с.51-52])

Ахилл

Все тексты про Ахилла я не привожу, так как их много. Тексты про о.Левка приведены лишь из-за известия Диона Хрисостома в XXXVI речи (см.).

Патрокл

(№ 179). «Гомер говорит, что Патрокл был родом из Опунта; совершив ненамеренно убийство, он бежал к Пелею; отец же его Менетий остался на родине, ибо Ахиллес, говорит он, обещал Менетию привести туда обратно Патрокла по возвращении его из похода. Однако не Менетий был царем опунтцев, а локр Эант, родиной которого был, как говорят, Нарик. Человека, убитого Патрокллом, называют Эаном; показывают как священный участок Эанейон, так и источник Эаниду, названные по его имени» (Страбон IX 4, 2 (стр.425) [Страбон 1994, с.403])

(В.Н.Ярхо: [МНМ, т.2, с.294-295]): (Пинд. Ол. IX 68-70) Нимфа Эгина стала женой Актора. Патрокл – сын аргонавта Менетия. Патрокл вырос вместе с Ахиллом (Ил. XXIV 24, 84-90) Искусство в управлении колесницами (Ил. XXIII 280-284). Патроклу было даровано бессмертие, и он перенесен на о.Левка. (Павсаний III 19, 13)

(№ 180). «Сватались же к Елене следующие: [перечень 30 имен] ... Патрокл, сын Менетия» (Псевдо-Аполлодор III 10,8 [Аполлодор 1972, с.64-65] (также Гигин. Мифы 81)

(№ 181). «[Лаконика] В местечке, называемом Араином, есть могила Ласа, и на ней, как памятник, стоит статуя. Говорят, что этот Лас первый поселился в этой стране и, по преданию, был убит Ахиллом, когда, по рассказам местных жителей, он прибыл в их страну просить у Тиндарея Елену себе в жены. Но если говорить правду, то Ласа убил Патрокл; он же сватался и за Елену» (Павсаний III 24, 10 [Павсаний 2002, т.1, с.249])

Диодор – нет сведений.

(№ 182). «По-видимому древняя традиция считает Патрокла родственником Ахилла, поскольку Гесиод сообщает, что отец Патрокла Менетий был братом Пелея, а сами они были, таким образом, двоюродными братьями» (Евстафий. Комм. к Гомеру (с.112, 44сл.) = Гесиод, фр.212А [Гесиод 2001, с.158])

«...могучая Мойра

...выносливым духом

...<душу исторг> сокрушительной медью
...мощными дланями <Менетиада>
...во Скейских воротах
...узнать во грядущем
<В дни, когда> ниспровергнул <Пелей> Иолк пышностенный,
...во Фтию, отары овечьи кормящую, прибыл
...в прославленном пляской Иолке»

(№ 183). (Гесиод, фр.212 В. Оксиринхский папирус 2511 Лебель [Гесиод 2001, с.158])

(№ 184). «Вместе с Ахиллесом отправился под Трою и Патрокл, сын Менетия и Сфенелы, дочери Акаста, или Периопиды, дочери Ферета (или же, как утверждает Филократ, Полимеда, дочери Пелея). Патрокл в Опунте еще в детстве поссорился с Клитонимом, сыном Амфидаманта, во время игры в бабки и убил его. Бежав вместе со своим отцом, он поселился у Пелея и стал возлюбленным [эромен] Ахиллеса» (Псевдо-Аполлодор III 13, 8 [Аполлодор 1972, с.70])

(№ 185). «Патрокл, сын Менетия и Филомелы, из Фтии, на 10 кораблях» (Гигин. Мифы 97 [Гигин 2000, с.118])

(№ 186). «Кто сколько убил: ... Патрокл 54» (Гигин. Мифы 114 [Гигин 2000, с.140])

(№ 187). «Патрокл, оруженосец Ахилла, с его оружием вышел на бой и был убит Гектором...» (Перв. Ват. Миф. III 7 [Перв. Ват. Миф. 2000, с.229])

Также см. Псевдо-Аполлодор Э IV 6,7 – пересказ роли Патрокла в «Илиаде». Гигин. Мифы 106 [Гигин 2000, с.131]. Диктис II 16-17.

(№ 188). «когда Гефест оказался на Наксосе ... Дионис принял его как гостя и получил в дар золотую амфору. Позднее, преследуемый Ликургом, он, пройдя морем, отдал созданную Гефестом амфору Фетиде, гостеприимно его принявшей. А та подарила ее сыну, чтобы после смерти в нее сложили его кости. Рассказывает Стесихор» (PMG 234 = Схолии А В к Илиаде XXIII 92 [Стесихор 1985, с.232])

(№ 189). «Поликсену приносят в жертву на могиле Ахилла». (См. фр. S 135 и S 137 [Стесихор 1985, с.232])

(№ 190). «У Сигея находятся святилище и памятник Ахиллеса, а также памятники Патрокла и Антилоха. Всем этим героям, так же как и Эанту, илионцы посвящают жертвоприношения» (Страбон XIII 1, 32 (стр.596) [Страбон 1994, с.558])

(№ 191). [Дары в Дельфы] «...фарсалийцы – Ахилла верхом на коне, рядом с которым бежит Патрокл» (Павсаний X 13, 5 [Павсаний 2002, т.2, с.268])

(№ 192). «...в храме Артемиды Эфесской Каллифонт Самосский нарисовал, как женщины приделывают гиалы панциря на Патрокле» (Павсаний X 26, 6 [Павсаний 2002, т.2, с.297])

(№ 193). «(102) ... Но было бы слишком долгим делом изобличать все несообразности, ибо для внимательного слушателя обман и так очевиден; словом, любому ясно и не надо большого ума, чтоб догадаться: Патрокл – это двойник, которым Гомер, стараясь скрыть, что произошло с Ахиллом, подменил его самого. (103) Из опасения, что кто-нибудь станет разыскивать Патроклову могилу – ведь я полагаю, могилы других знатных мужей, павших под Троею, у всех на глазах! – Гомер предупредил такие поиски, сказавши, что у Патрокла не было отдельной могилы, но что он был похоронен вместе с Ахиллом. Даже Нестор, привезший на родину прах Антилоха, павшего за него, не просил похоронить их вместе, - так кто же посмел бы перемешать останки Ахилла с прахом Патрокла» (Дион Хрисостом. Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был 102-103, пер. Н.В.Брагинской [Ораторы Греции 1985, с.325])

Антилох

«Были сынами его [Нестора] Антилох с Фрасимедом копейным»

(№ 194). (Гесиод. Каталог женщин, фр.19 Цыбенко, ст.10 [Поэты 1999, с.87])

(№ 195). «Кто был вскормлен звериным молоком: ... Антилох, сын Нестора, брошенный <лакуна>» (Гигин. Мифы 252 [Гигин 2000, с.271])

(№ 196). «Сватались же к Елене следующие: [перечень 30 имен] ... Антилох, сын Нестора» (Псевдо-Аполлодор III 10,8 [Аполлодор 1972, с.64] (также Гигин. Мифы 81)

Псевдо-Аполлодор I 9, 9 (сын Нестора) [с.16].

(№ 197). «Антилох, сын Нестора, пилосец, [прибыл под Троею] на 20 кораблях» (Гигин. Мифы 97 [Гигин 2000, с.118])

(Илиада XVIII 2-34; XXIII 301-613)

(№ 198). «Кто сколько убил: ... Антилох 2» (Гигин. Мифы 114 [Гигин 2000, с.139])

(№ 199). «Мемнон, сын Тифона и Эос, с большим войском эфиопов прибыл под Троею, чтобы принять участие в сражении против эллинов. Он убил многих из эллинов, в том числе и Антилоха, но погиб и сам от руки Ахиллеса» (Псевдо-Аполлодор Э V, 3 [Аполлодор 1972, с.86])

(Гигин. Мифы 112 [Гигин 2000, с.138])

«В «Эфиопиде» А. спасал отца, теснимого Мемноном, но погибал героической смертью (Пинд. Пиф. VI 28-43)» (В.Н.Ярхо: [МНМ, т.1, с.85])

(№ 200). [Картина Полигнота в Дельфах] «За дочерьми Пандарея – Антилох; одной ногой он опирается о скалу, свою же голову и лицо он прикрывает, положив их на обе руки. [Агамемнон] Протесилай смотрит на Ахилла, который сидит, и сам Протесилай изображен тоже сидящим; над Ахиллом стоит Патрокл. Все они, кроме Агамемнона, не имеют бороды» (Павсаний X 30, 3 [Павсаний 2002, т.2, с.303])

(№ 201). [Храм Асклепия в Мессене] «На задней стене храма находятся картины, изображающие царей Мессении ... из поселившихся в Пилосе – Нестора, Фрасимеда и Антилоха, - наиболее чтимых сыновей Нестора как по возрасту, так и за их участие в походе против Трои» (Павсаний IV 31, 11 [Павсаний 2002, т.1, с.319])

(№ 202). Упомянут «Пэон, сын Антилоха» из Мессении. (Павсаний II 18, 8 [Павсаний 2002, т.1, с.147])

Троил

(№ 203). Примеч.95 к Дарету (А.В.Захаровой [Дарет 1997, с.169]): «Ликофрон (307 слл.) и Сервий (Serv. Aen. I. 474) сообщают о любви Ахилла к Троилу: ребенок убегает от Ахилла в святилище Аполлона и умирает в его объятиях (или заколот им у алтаря, так как не согласился ответить ему взаимностью)».

Вариации

«Враг приближается к брату. Как растлитель или как убийца? Но разве соединимы в одном человеке любовная страсть и страсть к убийству? Смеют ли люди терпеть такое! Застывший взгляд жертвы. Пританцовывая, приближается преследователь. Теперь я вижу его со спины, похотливый скот. Он берет Троила за плечо, гладит его, беззащитного, - ведь я, несчастная, сняла с него панцирь, - ощупывает его. Смеюсь, все время смеюсь. Хватает его за горло. Неуклюжая, короткопалая, волосатая рука на горле брата. Сжимает. Сжимает. Я повисла на руке убийцы, жилы на ней натянулись, как шнуры. Глаза брата выступили из орбит. На лице Ахилла похоть. Обнаженная, ужасающая мужская похоть. Раз существует такое, значит, возможно всё. Тишина».

(Криста Вольф. Кассандра, пер. с нем. Э.Львовой [Вольф 1988, с.415-416])

Культ Ахилла

Ахилл на о. Левка

(№ 204). «Смерть Ахиллеса повергла все войско в уныние. Похоронили его на Белом острове вместе с Патроклом, смешав их кости. Говорят, что Ахиллес после смерти, находясь на Островах Блаженных, женился на Медее» (Псевдо-Аполлодор Э 5, 5 [Аполлодор 1972, с.86])

см. Аполл.Род. IV 811

(№ 205). «Есть в Евксинском понте остров, напротив устья Истра, посвященный Ахиллу; имя этому острову Левка [Белый], в окружности он имеет стадий двадцать, весь зарос лесом и полон диких и ручных животных. На нем есть храм Ахиллу и в храме статуя. [Леоним, военачальник кротонцев] ...Пифия послала его на остров Левку, сказав, что там к нему явится Аякс и излечит его рану. С течением времени, когда он, поправившись, вернулся с Левки, он говорил, что видел Ахилла, видел и Аяксов ... что были там с ними и Патрокл и Антилох, что женою Ахилла была Елена и что она поручила ему отправиться в Гимеру к Стесихору...» (Павсаний III 19, 13 [Павсаний 2002, т.1, с.237])

Конон 18. (Автолеонт на Ахилловом острове) [Латышев 1947-52, с.233 (1947, № 4, с.174)]

См. Еврипид. Андромаха 1260-62.

«На многочисленных монетах Ольвии, начиная с V в. до н.э. ... только на самых поздних (ок.193-196 гг. н.э.) очевидно, представлена культовая статуя Ахилла ... в воинском снаряжении». (А.С.Русяева [Русяева 2006, с.118])

«... в посвященных надписях Ахиллу Понтарху отмечается победа только в беге, прыжках, рукопашной борьбе, метании диска и копья, а не в конных агонах и стрельбе из лука (IOSPE I.2 130, 138, 155-158)» (А.С.Русяева [Русяева 2006, с.122])

О посвящениях Ахиллу Понтарху см. [Карышковский 1993].

Храм на о.Левка построен в последней четверти VI в. до н.э. [Русяева 2004, с.187]

Граффито с о.Левки – нач.5 в. Ахилл – бог мертвых. [Хоммель 1981, с.54]

«Обмытое кругом приобретение богов, твердь Ахилла,

о достославнейший остров, радующийся волнам!

Твою землю получил свыше в удел отпрыск Фетиды –

Эакид Ахилл, равный бессмертным.

Ты же, о Ахилл, прими благовую жертву и будь милостивым,

[взирая] на нашу вышедшую из-под пера музу».

(№ 206). (Березанский гимн острову и Ахиллу Понтарху. I в. н.э. [Шелов-Коведяев 1990]
/ прозаич.пер. Ф.В.Шелова-Коведяева с кор. Ю.Г.Виноградова. [Антология 2000, с.585])

(№ 207). «...Ахиллу на острове Белом местные жители воздают поклонение, [а также] Патроклу – опунтийцы, Александру Македонскому – родосцы». (Псевдо-Клементины. Гомилии VI 22, пер. С.А.Селиванова [Латышев 1947-52, с.420 (1948, № 1, с.294)]) То же: (Псевдо-Клементины. Воспоминания X 25 [Латышев 1947-52, с.419 (1948, № 1, с.293)])

(№ 208). «Жители острова Белого обоготворили ... Ахилла, а понтийцы – отцеубийцу Патрокла». (Псевдо-Кесарий. Диалоги. Ответ 112 (993), пер. А.И.Малеина [Латышев 1947-52, с.581 (1948, № 3, с.256)])

(№ 209). «...Ахилл живет на острове, [лежащем] прямо против Истра в Понтийском море; [там есть] храм и алтари Ахилла; добровольно туда никто не приближается иначе, как для жертвоприношения, и по совершении его возвращается на корабль. Моряки часто видали юного мужа с белокурыми волосами, прыгающего в доспехах; а доспехи, говорят они, золотые; другие же не видали, но слышали, как он распевал пэаны; третьи, [наконец], и видали и слышали. Случалось также некоторым невольно засыпать на острова: такого Ахилл поднимает, ведет в палатку и угощает; при этом Патрокл разливал вино, [сам] Ахилл играл на кифаре, присутствовала также, говорят, и Фетида и хор других божеств». (Максим Тирский. Речь 15. Вторично о Сократовом демони 7 [Латышев 1947-52, с.505 (1948, № 2, с.278)])

(№ 210). Ахилл на острове в Понте. Краткое содержание: [Ахилл и Елена, их свадьба. Ахилл поет о Гомере. Ахилл растерзал девушку, потомка Гектора. Ахилл перебил отряд амазонок на острове]. (Филострат Младший. Рассказ о героях XIX 16. Пер. П.И.Прозорова [Латышев 1947-52, с.528-531 (1948, № 2, с.301-304)])

Географические сочинения

(№ 211). «От Истра к Бараньему Лбу 3 дня и 3 ночи прямого плавания, каботажного же вдвое дольше: ведь здесь существует залив. В этом заливе лежит остров, остров пустынный, имя которому Левка: это священный остров Ахилла». (Псевдо-Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря 68 [Скилак 1988 (№ 1), с.262])

(№ 212). «Затем по левой стороне Евксинского [Понта] лежит в море против Борисфена прославленный остров героев: его называют именем Левка, потому что пернатые, которые здесь обитают, - белые; (545) по преданию здесь блуждают по пустынным долинам души Ахилла и других героев. Это награда Зевса, что сопровождает лучших [из людей] за доблесть, ибо доблести выпала вечная слава». (Дионисий Периегет 541-548 [Дионисий Периегет 2005-06 (2006. № 1), с.244])

(№ 213). «(541) Против северной реки Борисфена, впадающей в левую часть Эвксинского Понта, лежит в море славный остров героев, посвященный Ахиллу; против него лежит и

вышеупомянутый Ахиллов Бег, названный по его же имени. Этот остров, по словам [Дионисия], называется Белым, потому что водящиеся на нем κινώλετα или пернатые животные, то есть птицы – белого цвета, может быть, чайки, а согласно некоторым – аисты. Κινώλετα – те [животные], движение которых [состоит] в летании; слово это необычное. «Там, - говорит он, - по преданию движутся по «пустынным долинам души Ахилла и [других] героев», так что этот Белый остров называется островом героев, подобно тому, как воспеваемые [поэтами острова] на западном океане [называются] островами блаженных. «И такова, - говорит он, - награда славным мужам за доблесть», то есть такую почесть получили герои за свою доблесть, - беспечно веселиться на упомянутом острове». (Евстафий Фессалоникский. Комментарий к Дионисию Перизегету, пер. И.П.Цветкова [Латышев 1947-52, с.374 (1948, № 1, с.248)])

Арриан. Перипл. (см. [Латышев 1947-52, с.399-400 (1948, № 1, с.273-274)])

Остров Левка (Ахилла). (Аноним. Обезд Евксинского Понта 90-92 [Латышев 1947-52, с.668 (1948, № 4, с.237)])

Остров Ахилла. (Гесихий. Лексикон [Латышев 1947-52, с.699 (1948, № 4, с.268)])

Остров Ахилла. («Хорография» Агриппы, фр.19 [Подосинов 2002, с.46] = Плиний Ст. IV 83 [Латышев 1947-52, с.848 (1949, № 2, с.280)])

(№ 214). «Отметим остров Левка, расположенный возле устья Борисфена. Этот небольшой остров называется также Ахиллея, потому что здесь похоронен Ахилл». (Помпоний Мела II 7 [Античная география 1953, с.215]; то же см. [Латышев 1947-52 (1952. № 2, с.304)])

Остров Левка. (Плиний Ст. IV 93 [Латышев 1947-52, с.852 (1949, № 2, с.284)])

Остров Ахилла. (Плиний Ст. X 78 [Латышев 1947-52, с.879 (1949, № 2, с.311)])

Остров Ахилла. (Солин XIX 1 [Латышев 1947-52, с.965 (1949, № 3, с.245)])

(№ 215). «Остров Ахилла, называемый также Левкой». (Певтингерова карта VIII 2-3 [Подосинов 2002, с.353])

Остров Левка. (Аммиан Марцеллин XXII 8, 35 [Аммиан 2000, с.257]; [Латышев 1947-52, с.1008 (1949, № 3, с.288)])

Остров Левка. (Фест Авиен. Описание земного круга 720-729 [Латышев 1947-52, с.1042 (1949, № 4, с.240)])

Остров Ахилла. (Марциан Капелла. Кн.6. Геометрия. 663 [Латышев 1947-52, с.1082 (1949, № 4, с.280)])

Остров Левка. (Присциан. Землеописание 557-560 [Латышев 1947-52, с.1103 (1949, № 4, с.301)])

Остров Ахилла. (Иордан. Гетика 46 [Иордан 2001, с.69])

«Или же, как амастрийский Леней, покинув отчизну,

Голой, голодный умрешь там, где владычит Ахилл».

(№ 216). (Овидий. Ибис 329-330, пер. М.Л.Гаспарова [Овидий 1994, т.1, с.443])

О гибели царя на Ахилловом острове. (Схолии к «Ибису» Овидия 329 [Латышев 1947-52, с.790 (1949, № 1, с.245)] [Подосинов 1985, с.243-244])

Ахиллов Бег

(№ 217). «Далее в море выступает длинная полоса земли, соединяющаяся с берегом узким перешейком, который она немного превосходит шириной. Эта полоса земли постепенно заостряется и напоминает меч, лежащий плашмя. Существует предание о том, что Ахилл, войдя в Понт с готовым к войне флотом, отметил здесь свой успех состязаниями и играми и что во время передышки между боями он и его товарищи упражнялись здесь в беге. Поэтому это место называется Ахиллов Бег». (Помпоний Мела II 1 [Античная география 1953, с.200])

Ахиллов Бег. (Помпоний Мела II 5 [Латышев 1947-52, с.825 (1949, № 1, с.280)])

(№ 218). «На другом берегу расположен порт ахейцев, дальше остров Ахилла, который славится могилой этого мужа, и в 125000 шагах от него в поперечном направлении простирается в форме меча полуостров, - на нем упражнялись в беге и поэтому он называется Дромос Ахиллеос, длина его, как сообщает Агриппа, 80000 шагов. Всю эту местность населяют таврские и сиракские скифы». (Плиний Старший IV 83 [Античная география 1953, с.248])

(№ 219). «Западный мыс Ахиллова Бега, который называется Священный мыс». (Птолемей. География III 5, 8 [Античная география 1953, с.319])

(№ 220). «По Ахиллову бегу [живут] тавроскифы». (Птолемей. География III 5, 25 [Античная география 1953, с.321]; то же см. [Латышев 1947-52, с.460 (1948, № 2, с.233)])

(№ 221). «тавры, населяющий крутой, узкий и длинный Ахиллов Бег и далее [живущие] до устья самого [Меотийского] озера». (Дионисий Перизетт 306-307 [Дионисий Перизетт 2005-06 (2006. № 1), с.235])

(№ 222). «(302) Аланы, тавры или росы, [живущие] около Ахиллова бега...» (Евстафий Фессалоникский. Комментарий к Дионисию Перизетту, пер. И.П.Цветкова [Латышев 1947-52, с.372 (1948, № 1, с.246)])

(№ 223). «(306) Бег Ахиллов, на котором живет племя тавров, представляет собой узкую и длинную косу; по Географу [Страбон VII 3, 19] это низкий полуостров вроде ленты (или перевязи), длиной почти в тысячу стадиев к востоку песчаный, в 2 стадия наибольшей ширины. Этот бег пробежал эллинский [герой] Ахилл, преследуя агамемнонову дочь Ифигению, похищенную из Авлиды в Скифию, когда Артемида подменила ее ланью для жертвы. Ахилл, пробыв здесь долгое время, как думает и Ликофрон [ст.193], дал этому месту [с.373/247] свое имя. По наиболее распространенному преданию, Ифигения была ранее помолвлена за Ахилла; иные же говорят, что это другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался [здесь] во время ее преследования, отчего [это] место и [названо] Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слово Алкея: «Ахилл, ты, который владычествуешь над скифской землей». По имени Ахилла и Белый остров, о котором будет сказано ниже, назывался Ахилловым островом в Эвксинском [Понте], где, как говорят скифы, душа Ахиллова увеселяется воспоминанием своих подвигов». (Евстафий Фессалоникский. Комментарий к Дионисию Перизэгету, пер. И.П.Цветкова [Латышев 1947-52, с.372-373 (1948, № 1, с.246-247)])

(№ 224). «(306) Ахиллов бег получил свое название по следующей причине: когда Ифигению намеревались принести в жертву Артемиде в Авлиде, Артемида похитила ее и послала в Скифию. Тогда влюбился в нее Ахилл и преследовал до некоторого места; и отсюда назван Ахиллов бег». (Схолии к Дионисию Перизэгету [Латышев 1947-52, с.385 (1948, № 1, с.259)])

(№ 225). «Ахиллов бег, остров за Таврикой; есть и остров Ахиллов, или, как некоторые [его называют], Белый; есть и селение [того же имени] при устье Меотиды ... имя жителей ... Ахиллейоты и Ахиллеиты, может быть и Ахиллеодромиты». (Стефан Византийский. Описание племен [Латышев 1947-52, с.641 (1948, № 3, с.316)])

(№ 226). «От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег ... до другой косы Ахиллова Бега, называемой священной рощей Гекаты...» (Аноним. Объезд Евксинского Понта 84 [Латышев 1947-52, с.667 (1948, № 4, с.236)])

Бег Ахилла. (Аммиан XXII 8, 41 [Латышев 1947-52, с.1009 (1949, № 3, с.289)])

Бег Ахилла. (Присциан. Землеописание. ок.290. [Латышев 1947-52, с.1102 (1949, № 4, с.300)])

Бег Ахилла. (Никифор Влеммид [Латышев 1947-52, с.671 (1948, № 4, с.240)])

Пилад

Сын Строфия, царя Фокиды (В.Н.Ярхо: [МНМ, т.2, с.312-313])

(№ 227). «(24) Электра, одна из дочерей Агамемнона, выкрала своего брата Ореста и отдала его на воспитание фокейцу Строфию, а тот стал его воспитывать вместе со своим сыном Пиладом. Став взрослым, Орест отправился в Дельфы и спросил бога, должен ли он мстить убийцам своего отца. (25) Бог велел ему отомстить, и Орест, тайно прибыв в

Микены вместе с Пиладом, убил и мать, и Эгиста. Но вскоре его поразило безумие; преследуемый Эриниями, он прибыл в Афины. Там его судил ареопаг. ... В суде голоса разделились поровну и, Орест был оправдан.

(26) Когда Орест спросил божество, как ему избавиться от безумия, оракул ответил, что он избавится от безумия тогда, когда принесет из страны тавров изваяние божества. Тавры были скифским племенем, у которого был обычай убивать чужестранцев и бросать тела их в священный огонь. Огонь этот горел на священном участке храма и выбивался наружу из Аида через какой-то камень. (27) Прибывшего в страну тавров Ореста схватили вместе с Пиладом и в оковах привели к царю Тоанту. Тот отослал обоих к жрице, и там его узнала сестра, которая была жрицей у тавров. Орест бежал вместе с сестрой, взяв изваяние, которое было доставлено в Афины [или на Родос] и почитается теперь под именем Артемиды Таврополы. ...

(28) Вернувшись в Микены, Орест выдал свою сестру Электру замуж за Пилада». (Псевдо-Аполлодор Э VI 24-25, 27-28 [Аполлодор 1972, с.92])

Спор Ореста и Пилада. (Еврипид. Ифигения в Тавриде 657-724 [Еврипид 1999, т.1, с.523-526])

Спор Ореста и Пилада. (Еврипид. Орест 729-806 [Еврипид 1999, т.2, с.339-347])

См. Гигин. Мифы 119-120 [Гигин 2000, с.143-145]; Перв. Ват. Миф. I 20

(№ 228). «[Картины в афинской Стое]: «...изображен Орест, убивающий Эгисфа, и Пилад, убивающий сыновей Навплия, пришедших на помощь Эгисфу» (Павсаний I 22, 6 [Павсаний 2002, т.1, с.60-61])

(№ 229). «[Описание Микен]. И [могила] Электры; она была женою Пилада, выданная за него замуж Орестом. Гелланик сообщает, что от Электры у Пилада родились два сына – Медонт и Строфий» (Павсаний II 16, 7 [Павсаний 2002, т.1, с.143])

См. Павсаний II 29, 4.9 [Там же, т.1, с.170] (родословная Пилада); III 1, 6 [Там же, т.1, с.193] (сыновья Пилада).

Примечание

Есть основания полагать, что местом действия мифа первоначально был не современный Крым (в котором в XIII в. до н.э. никаких храмов быть не могло), а держава хеттов. Страбон говорит в описании Каппадокии: «На этом Антитавре находятся глубокие и узкие долины, в которых расположены город Команы и святилище Энио, которую местные жители называют Ма. ... Эти священные обряды – обряды Артемиды Таврополос, по-видимому, перенесли сюда из таврической Скифии Орест и его сестра Ифигения; здесь они положили свои волосы, отрезанные в знак печали; отсюда и имя города». (Страбон XII 2, 3 (стр.535) [Страбон 1994, с.504])

Город Кумманне [Команы] (столица царства Киццувадна, вассала хеттов) - центр культа хурритских богов Тешшуба и Хебат [История Древнего Востока, кн.1, ч.2 (М., 1988), с.84]. Царство Киццувадна – одно из разгромленных «народами моря» [Там же, с.196].

1.2. Общая характеристика архаики (8-6 века)

Крит

(№ 230). «Что касается Крита, то все писатели согласны с тем, что в древности остров имел хорошие законы и что лучшие из греков, в первую очередь лакедемонцы, стали в этом отношении его подражателями, как Платон об этом свидетельствует в «Законах», а также Эфор, который описывает в сочинении «Европа» его государственное устройство. Впоследствии критские законы весьма сильно изменились к худшему» (Страбон X 4, 9 (стр.477) [Страбон 1994, с.453-454])

(№ 231). «Главнейшие, по словам Эфора, в отдельности критские обычаи следующие: у критян всех в одно и то же время исключенных из «отряда» мальчиков принуждают к одновременному вступлению в брак; однако они не сразу приводят себе в дом девушек, на которых они женились, но лишь тогда, когда девушки окажутся пригодными для ведения домашнего хозяйства. Если у девушки есть братья, то ее приданое составляет половину доли брата.

Дети учатся чтению и письму, а также установленным по закону песням и некоторым видам музыки. Тех, что помоложе, приводят на общие трапезы – «андрии». Там они едят вместе с другими, сидя на земле зимой и летом в одних и тех же грубых потертых плащах, и прислуживают взрослым мужчинам и себе. Лица, принадлежащие к одной и той же общей трапезе, затевают схватки друг с другом и участниками других трапез. Во главе каждого «андрия» стоит педоном.

Мальчиков старшего возраста помещают в «отряды». Набирают эти «отряды» знатнейшие и наиболее влиятельные юноши, причем каждый набирает столько мальчиков, сколько может собрать. Начальником каждого «отряда» в большинстве случаев является отец строителя; он имеет власть вести их на охоту и на состязания в беге и наказывать ослушников. Питаются они на общественный счет. По установленным дням «отряд» ритмическим маршем сходит с «отрядом» для схватки под звуки флейты и лиры, как это обычно на войне, причем они наносят удары не только рукой, но и железным оружием.

(21) У критян существует своеобразный обычай относительно любви. Дело в том, что они добывают себе возлюбленных не убеждением, а похищают их. Любовник предупреждает друзей дня за 3 или более, что он собирается совершить похищение. Для друзей считается величайшим позором скрывать мальчика или не пускать его ходить определенной дорогой, так как это означало бы их признание в том, что мальчик недостойн такого любовника. Если похититель при встрече окажется одним из равных мальчику или даже выше его по общественному положению и в прочих отношениях, тогда друзья преследуют похитителя и задерживают его, но без особого насилия, только отдавая дань обычаю; впрочем, затем друзья с удовольствием разрешают увести мальчика. Если же похититель недостойн, то мальчика отнимают. Однако преследование кончается тогда, когда мальчика приводят в «андрий» похитителя. Достойным любви у них считается мальчик, отличающийся не красотой, но мужеством и благонаравием.

Одарив мальчика подарками, похититель отводит его в любое место в стране. Лица, принимавшие участие в похищении, следуют за ними; после двухмесячных угощений и совместной охоты (так как не разрешается долее задерживать мальчика) они возвращаются в город. Мальчика отпускают с подарками, состоящими из военного убранства, быка и кубка (это те подарки, что полагается делать по закону), а также из многих других предметов, настолько ценных, что из-за больших расходов друзья помогают, устраивая складчину. Мальчик приносит быка в жертву Зевсу и устраивает угощение для всех, кто возвратился вместе с ним. Затем он рассказывает о своем общении с любовником, доволен ли он или нет поведением последнего, так как закон разрешает ему в случае применения насилия или похищении на этом празднике отомстить за себя и покинуть любовника. Для юношей красивой наружности или происходящих от знатных предков позор не найти себе любовников, так как это считается следствием их дурного характера.

Парастатентес [выбранные стоять рядом] (так называют похищенных) получают почётные права: при хоровых плясках и состязаниях в беге им предоставляют самые почётные места и разрешают носить особую одежду для отличия от других – одежду, подаренную им любовниками; и не только тогда, но даже достигнув зрелости, они надевают отличительное платье, по которому узнают каждого, кто стал клейнос: ведь они называют возлюбленного клейнос [славный], а любовника – филетор [возлюбленный]. Таковы обычаи критян относительно любовных дел» (Страбон X 4, 20-21 (стр.482-484) [Страбон 1994, с.459-460])

(№ 232). «Тому, кто не знает любви, трудно в сражении меряться силами с тем, кто влюблен. Ведь чуждый этой страсти отступает и спасается от любящего, как человек нечистый и не посвященный богу, отважный только в той мере, в какой его душе присуще мужество, а телу – силы. Он страшится влюбленного потому, что тот обуян божественным безумием, вдохновлен не только Ареем, но и, видит Зевс, Эротом. Одержимый одним из этих богов (об этом упоминает Гомер, говоря, что такой человек неистовством подобен Арею) сражается стойко и бесстрашно, пока не проходит опьянение боем. Только служители Эрота, подстрекаемые Ареем и распалемые Эротом, несут в битве двойную службу и, по справедливому мнению критян, отважны вдвойне. Поэтому не стоит корить воина, который не может противостоять тому, кого Арес и Эрот подвигают на кровопролитие, ибо он подвластен только одному богу» (Элиан. Пёстрые рассказы III 9 [Элиан 1963, с.31])

(№ 233). «На Крите юношам вменяется в похвалу иметь как можно больше поклонников» (Непот. Предисловие [Непот 1992, с.10])

(№ 234). Надпись на пифосе из Феста (ок.700 г. до н.э.) гласит: «имущество Эрпейдамоса, сына Пайдофила» (цит. по: [Fisher 2001, p.28])

(№ 235). «Из Лебена [на Крите] происходил Левкоком и его возлюбленный Евксинфет, о которых рассказывает Феофраст в сочинении «О любви». По его словам, одно из трудных заданий, которое возложил Левкоком на Евксинфета, заключалось в следующем: привести

его собаку из Праса» (Страбон X 4, 12 (стр.478) [Страбон 1994, с.455]) Также: Плутарх. Об Эроте 20. Датировка неясна.

Элиан. Пёстрые рассказы II 39 [Элиан 1963, с.26] (критские законы)

Критские законы V века

(№ 236). «Если кто причинит насилие свободному или свободной, должен заплатить 100 статов; а если дело идет о лице, не принадлежащем к гетерии, – то 10. А если раб [причинит насилие] свободному или свободной, то он должен заплатить вдвойне; а если свободный – крепостному или крепостной – 5 драхм; а если крепостной [войкей] – крепостному или крепостной – 5 статов». (Гортинская правда II 2-10, пер. Пригоровского [Античный способ 1933, с.48])

Спарта

(№ 237). «(16) ... Едва мальчики достигали семилетнего возраста, Ликург отбирал их у родителей и разбивал по отрядам, чтобы они вместе жили и ели, приучаясь играть и трудиться друг подле друга. Во главе отряда он ставил того, кто превосходил прочих сообразительностью и был храбрее всех в драках. Остальные равнялись на него, исполняли его приказы и молча терпели наказания, так что главным следствием такого образа жизни была привычка повиноваться. За играми детей часто присматривали старики и постоянно ссорили их, стараясь вызвать драку, а потом внимательно наблюдали, какие у каждого от природы качества – отважен ли мальчик и упорен ли в схватках. Грамоте они учились лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись, в остальном же всё воспитание сводилось к требованиям беспрекословно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником. С возрастом требования делались всё жестче: ребяташек коротко стригли, они бегали босиком, приучались играть нагими.

В двенадцать лет они уже расхаживали без хитона, получая раз в год по гиматию, грязные, запущенные; бани и умачения были им незнакомы – за весь год лишь несколько дней они пользовались этим благом. Спали они вместе, по илам и отрядам, на подстилках, которые сами себе приготовляли, ломая голыми руками метелки тростника на берегу Эвроты. Зимой к тростнику подбрасывали и примешивали так называемый ликофон: считалось, что это растение обладает какою-то согревающей силой. (17) В этом возрасте у лучших юношей появляются возлюбленные. ... (18) ...

И добрую славу и бесчестье мальчиков разделяли с ними их возлюбленные. Рассказывают, что когда однажды какой-то мальчик, схватившись с товарищем, вдруг испугался и вскрикнул, власти наложили штраф на его возлюбленного. И, хотя у спартанцев допускалась такая свобода в любви, что даже достойные и благородные женщины любили молодых девушек, соперничество было им незнакомо. Мало того: общие чувства к одному лицу становились началом и источником взаимной дружбы влюбленных, которые объединяли свои усилия в стремлении привести любимого к совершенству» (Плутарх. Ликург 16-18, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.59-61])

(№ 238). «У спартанцев допускалось влюбляться в честных душою мальчиков, но вступать с ними в связь считалось позором, ибо такая страсть была бы телесной, а не

духовной. Человек, обвиненный в позорной связи с мальчиком, на всю жизнь лишался гражданских прав» (Плутарх. Древние обычаи спартанцев 7, пер. М.Н.Ботвинника [Плутарх 1990, с.331])

См. также Ксенофонт. Лаконское государство II 12сл.

(№ 239). «...хотя следить за волосами мальчики начинали, едва выйдя из детского возраста, особенно старательно их умащали и расчесывали накануне опасности, памятуя слова Ликурга о волосах, что красивых они делают еще благовиднее, а уродливых – еще страшнее» (Плутарх. Ликург 22, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.63]) То же см. (Плутарх. Лисандр 1 [Плутарх 1994, т.1, с.485], Плутарх. Изречения спартанцев 53, 29 [Плутарх 1990, с.317], Плутарх. Изречения царей и полководцев 52, 1 [Плутарх 1990, с.363])

(№ 240). «На вопрос, почему спартанцы заботятся о прическах, он [Харилл] ответил: «Потому что из всех украшений это – самое дешевое» (Плутарх. Изречения царей и полководцев 53, 3, пер. М.Л.Гаспарова [Плутарх 1990, с.363]) Другой вариант слов Харилла: (Плутарх. Изречения спартанцев 68, 6 [Плутарх 1990, с.323] То же как изречение Никандра: (Плутарх. Изречения спартанцев 56, 2 [Плутарх 1990, с.320])

(№ 241). «ρίcti ... значит ... прекрасные, то есть нравящиеся своими черными волосами...» (Сервий. Комм. к Энеиде VI 146 [Латышев 1947-52, с.744 (1949, № 1, с.199)])

(№ 242). «Те, кто был моложе тридцати лет, вовсе не ходили на рынок и делали необходимые покупки через родственников и возлюбленных» (Плутарх. Ликург 25, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.65])

(№ 243). «Общие трапезы критяне зовут «андриями», а лакедемоняне «фидитиями» - потому ли, что на них царила дружба и благожелательство [филия] или потому, что они приучали к простоте и бережливости [фейдо]» (Плутарх. Ликург 12, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.55]). также см. [Плутарх 1990, с.133]

(№ 244). «Он [Ликург] укрепил и закалил девушек упражнениями в беге, борьбе, метании диска и копья... Заставив девушек забыть об изнеженности, баловстве и всяких женских прихотях, он приучил их не хуже, чем юношей, нагими принимать участие в торжественных шествиях, плясать и петь при исполнении некоторых священных обрядов на глазах у молодых людей... (15) Всё это само по себе было и средством побуждения к браку – я имею в виду шествия девушек, обнажение тела, состязания в присутствии молодых людей, которых приводила, говоря словами Платона, не геометрическая, а любовная необходимость...»

Невест брали уводом, но не слишком юных, недостигших брачного возраста, а цветущих и созревших. Похищенную принимала так называемая подружка, коротко стригла ей волосы и, нарядив в мужской плащ, обув на ноги сандалии, укладывала одну в темной комнате на подстилке из листьев. Жених, не пьяный, не размякший, но трезвый и как всегда пообедавший за общим столом, входил, распуская ей пояс и, взявши на руки, переносил на ложе. Пробыв с нею некоторое время, он скромно удалялся, чтобы по

обыкновенно лечь спать вместе с прочими юношами» (Плутарх. Ликург 14-15, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.57-58])

(№ 245). «О спартанских эфорах я мог бы рассказать много достопримечательного, но сейчас ограничусь нижеследующим. Когда кто-то из тамошних красавцев предпочел бедному, но честному вздыхателю богача, они приговорили юношу к штрафу, карая, мне сдаётся, слабость к деньгам денежным наказанием.

Другого, человека во всех отношениях порядочного, но не испытывавшего любви к благородным юношам, они тоже наказали за то, что, обладая душевными совершенствами, он никому не дарит свою любовь; эфоры были уверены, что такой человек может сделать своего возлюбленного или какого-нибудь другого юношу подобным себе. Ведь привязанность любящих, если они добродетельны, способна воспитать в их любимцах добрые качества. Поэтому лакедемонские эфоры поступают так: если юноша совершит какой-нибудь проступок, его прощают из-за неопытности и молодости, а карают за это того, кто в него влюблен, требуя, чтобы любящие знали о поступках любимых и следили за тем, что они делают» (Элиан. Пёстрые рассказы III 10 [Элиан 1963, с.31])

(№ 246). «Спартанские юноши держатся с теми, кто в них влюблен, без гордости и заносчивости, наоборот, их обращение противоположно обычному в таких случаях поведению юных красавцев – они сами просят, чтобы влюбленные «вдохновили их»; в переводе это значит, что мальчиков надо полюбить. Однако эта любовь не содержит ничего постыдного. Если же мальчик посмеет допустить по отношению к себе нескромность или влюбленный на нее отважится, обоим небезопасно оставаться в Спарте: их приговорят к изгнанию, а в иных случаях даже к смерти» (Элиан. Пёстрые рассказы III 12 [Элиан 1963, с.32])

(№ 247). «Агафархид Книдский пишет в двадцать восьмой книге «Европейской истории»: «В Спарте эфоры воспретили Гносиппу общаться с юношами, потому что он показал себя мотом» (Афиной IV 168d [Афиной 2003-, т.1, с.220])

Гиппократид – царь VI века.

(№ 248). «Однажды Гиппократиду встретился подросток, который смутился, так как с ним шел его покровитель. Гиппократид сказал, увидев его: «Гулять надо с такими людьми, чтобы не краснеть, если с кем-нибудь повстречаешься» (Плутарх. Изречения спартанцев 42, 2, пер. М.Н.Ботвинника [Плутарх 1990, с.308])

(№ 249). «Сципион. ...для юношей было позором, если у них не было любовников...

... [запрещалось, чтобы] юноша обнажался. Столь издалека проистекают, так сказать, основания стыдливости. Что касается упражнений юношества, то как неразумны они в гимназиях! Как легка пресловутая военная служба эфетов! Как вольны и свободны прикосновения и проявления любви! Не стану говорить об элейцах и фиванцах, у которых страсть даже пользуется дозволенной и ничем не стесняемой вольностью, если она обращена к свободнорожденным. Сами лакедемоняне в любви к юношам позволяют всё, кроме бесчестия, и отгораживают то, что запрещают, лишь очень тонкой стенкой; ибо они

допускают объятия и совместное спанье, если между людьми положены плащи»
(Цицерон. О государстве IV 3-4 (3-4) [Цицерон 1966, с.71])

См. (Сервий. Комм. к Энеиде X 325)

(№ 250). «Если идти из Спарты в Аркадию, то на дороге под открытым небом стоит статуя Афины, так называемой Парей, а за ней – святилище Ахилла, открывать которое обычно не принято. Те из эфебов, которые собираются сражаться на Платанисте, по установленному для них обычаю, приносят здесь перед битвой жертву Ахиллу»
(Павсаний III 20, 8 [Павсаний 2002, т.1, с.239])

(№ 251). «Тут есть местность, так называемый Платанист [Платановая аллея], по имени образующих ее деревьев: здесь растут высокие и частые платаны. Все это место – а оно назначено для упражнений эфебов в боях – кругом обведено рвом, наполненным водою, как будто какой-то остров, окруженный морем; войти сюда можно по двум мостам. На каждом из этих мостов стоят статуи; на одном – Геракла, на другом – Ликурга, так как среди законов, установленных Ликургом и касающихся всего государственного устройства, были и законы относительно этих боев между эфебами. [Описание боев]»
(Павсаний III 14, 8 [Павсаний 2002, т.1, с.223]) Также см. (Павсаний III 11, 2 [Павсаний 2002, т.1, с.215])

Общая характеристика архаики

«... когда на пирушке пелись хвалебные песни,

«энкомии», в честь гостеприимного хозяина,

или застольные песни, «сколии» над осушаемыми чашами,

или любовные песни в честь красивых мальчиков ...

то и эти песни не были частным делом поющих

и не обходились без поминания богов и героев».

(М.Л.Гаспаров [Пиндар 1980, с.335])

Канон лириков:

«Муз провозвестник священный, Пиндар; Вакхилид, как сирена,

Пеньем пленявший; Сапфо, цвет эолийских харит;

Анакреонтовы песни; и ты, из Гомерова русла

Для вдохновений своих бравший струи Стесихор;

Прелесть стихов Симонида; пожатая Ивиком жатва
Юности первых цветов, сладостных песен любви;
Меч беспощадный Алкея, что кровью тираннов нередко
Был обагреем, права края родного храня;
Женственно-нежные песни Алкмана, - хвала вам! Собою
Лирику начали вы и положили ей грань»

(№ 252). (Аноним (АП IX 184), пер. Л.В.Блуменау [Пиндар 1980, с.360])

«В Фивах клектал величаво Пиндар; Симонидова муза
Сладостным пеньем своим обворожала сердца;
Ярко сиял Стесихор, так же Ивик; Алкман был приятен;
Из Вакхилидовых уст звуки лилися, как мед;
В Анакреонте был дар убеждать; песни разного склада
На эолийских пирах пел митиленец Алкей.
Между певцами девятой Сапфо не была, но десятой
Числится в хоре она славных парнасских богинь».

(№ 253). (Аноним. Девять лириков, пер. Л.В.Блуменау [Лирика 1968, с.342])

1.3. Ранняя архаика (середина 8 века-620)

Коринф

(№ 254). «Сиракузы основал ... коринфянин Архий из рода Гераклидов, изгнав сначала сикулов с острова Ортигии, где теперь находится уже не омываемый морем внутренний город» (Фукидид VI 3, 2 [Фукидид 1999, с.352])

Основание Сиракуз. (Страбон VI 2, 4 (стр.269) [Страбон 1994, с.248])

(№ 255). «Сыном Мелисса был Актеон, самый красивый и скромный из своих ровесников, поэтому многие его домогались, но более всех Архий, чье происхождение восходило к Гераклидам, его семья была богатой и знатной в Коринфе. Поскольку мальчика не удалось уговорить, он задумал умыкнуть его силой. Однажды он появился во главе отряда друзей и рабов перед домом мальчика и пытался его украсть. Однако отец с

его друзьями оказали сопротивление, им помогли и соседи, и во время драки мальчик был смертельно ранен и умер. Тогда отец поднял на руки мертвое тело сына, принес его на рыночную площадь и показал коринфянам, прося их наказать виновников смерти своего сына. Горожане ему сочувствовали, но ничего не предприняли. Несчастный отец взобрался на гору и бросился вниз, но прежде обратился к богам с просьбой отомстить за сына.

Вскоре после этого государство постигли неурожай и голод. Оракул возвестил, что это следствие гнева Посейдона, который не успокоится, пока не будет наказан виновник смерти Актеона. Когда Архий, который был среди посланных за ответом оракула, услышал эти слова, он не вернулся в Коринф, но отплыл на Сицилию и основал город Сиракузы. Здесь, имея уже двух дочерей, Ортигию и Сиракузу, он был убит своим возлюбленным Телефом» (Псевдо-Плутарх. Любовные рассказы. Цит. по: [Лихт 2003, с.367-368])

«Из двух Актеонов ... другой – коринфский мальчик, погибший, когда влюбленный в него согражданин вырывал его из рук родственников (Плутарх. Любовные рассказы 2)» (Примеч. М.Л.Гаспарова. // [Плутарх 1994, т.2, с.579])

(№ 256). «Поскольку поток времени бесконечен, а судьба изменчива, не приходится, пожалуй, удивляться тому, что часто происходят сходные между собой события. ... такова судьба двух Актеонов (одного из них растерзали собаки, а другого – любовники)» (Плутарх. Серторий 1, пер. А.П.Каждана [Плутарх 1994, т.2, с.5])

«Сиракузы были основаны, согласно наиболее авторитетной хронологии, представленной у Фукидида, Пиндара (со схолиями) и Евсевия, а восходящей, по всей видимости, к Антиоху Сиракузскому, в 735 г. до н.э. (Thuc. VI 3, 5; Pind. Ol. II, 93 cum schol.; Schol. ad Pind. Ol. V, 16; Euseb. Chron. II vers. arm. Karst, p.182). Город был основан переселенцами из Коринфа, которых возглавлял Архий, сын Эвагета, из рода Гераклидов. (Thuc. VI, 3, 2; Marmor Parium, ep.31, vs.47). По преданию, поводом к выводу колонии послужило преступление, совершенное Архием на любовной почве. Он домогался красивого мальчика Актеона, сына Мелисса. Не добившись своего уговорами, он попытался увести мальчика из его дома силой, но Мелисс с сородичами и друзьями воспротивился этому, и в возникшей свалке Актеон погиб. К просьбам несчастного отца отомстить насильнику за смерть сына народ, - очевидно, из страха перед правящей аристократией, к которой принадлежал и Архий, - остался глух, и тогда Мелисс, дождавшись очередных истмийских празднеств, взобрался на крышу храма Посейдона, проклял коринфян и, призвав в свидетели богов, бросился вниз на камни. Вскоре Коринф постигли засуха и голод, а когда коринфяне спросили Дельфийский оракул о причине несчастья, Пифия ответила, что они прогневили Посейдона и беды их не прекратятся до тех пор, пока они не отомстят за Актеона и Мелисса. Одним из феоров – членов священного посольства в Дельфы – был Архий, и вот он сразу же, даже не возвратившись в Коринф, отплыл в Сицилию, где и основал Сиракузы. (Diod., fr. VIII, 8; Plut., Am. Narr. 2, p.772c-773b)». (Статья Э.Д.Фролова [Фролов 1982, с.27-28])

Олимпийские игры

(№ 257). «Поначалу у древних существовал обычай состязаться в набедренных повязках. В 14-ю олимпиаду [724 г.] во время состязаний у лакедемонянина Орсиппа развязалась повязка и это явилось причиной его поражения. С тех пор установлено правило

состояться в беге обнаженными» (Схолии AD к Илиаде XXIII 683 = Гесиод, фр.74 [Гесиод 2001, с.123-124])

(№ 258). «В 14-ю олимпиаду, когда архонтом в Афинах был Гиппомен, участвовавшие в состязаниях на Олимпийских играх носили набедренные повязки, и случилось, что для одного из них – Орсиппа – набедренная повязка явилась причиной падения и гибели, после чего было принято состязаться обнаженными. ... Живший уже в более позднее время Гесиод говорит, что Гиппомен состязался с Аталантой обнаженным». (ср. Евстафий с.1324, 18) (Схолии Т к Илиаде. = Гесиод, фр.74 [Гесиод 2001, с.123-124])

(№ 259). «(6, 5) Они [лакедемоняне] впервые также ввели в обычай открыто обнажаться и натирать тело маслом, делая телесные упражнения. В древности даже на Олимпийских состязаниях борцы выступали в набедренных повязках, и этот обычай носить пояса был оставлен лишь несколько лет назад. У некоторых варваров, особенно у азиатских, и теперь еще на состязаниях в кулачном бою и борьбе участники также выступают в поясах. (6) Можно указать много и других обычаев древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров». (Фукидид I 6, 5-6 [Фукидид 1999, с.8])

(№ 260). «[Мегары] Недалеко от Кореба похоронен Орсипп; в то время как по древнему обычаю в Олимпии на состязаниях атлеты были опоясанными, он первый одержал победу, пробежав стадий нагим. Говорят, что и впоследствии Орсипп, будучи военачальником [мегарцев], отрезал в их пользу области от земель соседей. Думаю, что и в Олимпии он сознательно дал соскользнуть поясу, так как он знал, что человеку нагому бежать легче, чем человеку опоясанному» (Павсаний I 44, 1 [Павсаний 2002, т.1, с.107])

(№ 261). «[490 г.] Ведь первым, кто решился обнажить тело и голым пробежал на Олимпийских играх, был лакедемонянин Аканф на пятнадцатой Олимпиаде [720 г.]. А до этого все эллины стыдились показывать на состязаниях полностью обнаженные тела, как указывает Гомер, являясь самым надежным и древнейшим из свидетелей, изображая героев опоясывающимися». (Дионисий Галикарнасский. Римские древности VII 72, 3, пер. А.М.Сморчкова [Дионисий 2005, т.2, с.192])

Халкида

(№ 262). «А о том, при каких обстоятельствах пал в сражении Клеомах фарсалиец, вы, вероятно, слышали. ... Он пришел союзником к халкидянам, когда у тех была в разгаре Лелантская война с эретрийцами [ок.700 г.]. Пехота была у халкидян достаточно сильна, но им было трудно сопротивляться набегам вражеской конницы. Поэтому они просили Клеомаха как человека выдающейся храбрости первым напасть на всадников. Клеомах спросил присутствовавшего при этом своего возлюбленного, хочет ли он увидеть это сражение. Тот ответил утвердительно, дружески поцеловал Клеомаха и надел ему шлем. Воодушевленный Клеомах, собрав вокруг себя лучших из [с.565] фессалийских воинов, произвел блистательный набег и обратил в смятение, а затем и в бегство вражескую конницу. Вслед за этим бежали и гоплиты, и эретрийцы одержали полную победу. Но Клеомах встретил смерть в этом бою. Его могилу показывают на площади Халкиды, где доньне сохраняется высокая колонна. А любовь к мальчикам, которая у халкидян ранее осуждалась, теперь окружена у них большим почётом и уважением, чем где-либо. (Аристотель, однако, подтверждая, что Клеомах был убит в том сражении, в котором он одержал победу над эретрийцами, случай с поцелуем возлюбленного относит к другому

союзнику халкидян, посланному к ним из фракийской Халкиды. Отсюда возникла у халкидян народная песня:

О сыны доблестных отцов, одаренные дивно Харитами,
не откажите героям в общении с юностью вашей,
ведь вместе с мужеством цветет в градах халкидян
освободитель Эрот.

Имя влюбленного было Антон, а его возлюбленного Филист, как сообщает поэт Дионисий в своих «Этиологиях»).» (Плутарх. Об Эроте 17, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.564-565]

То же в пер. О.Смыки:

«Юноши, вы, чей удел наследный – подвиги предков, дары Харит!
Не чуждайтесь водить знакомства с добрыми в цвете юности!
Ведь среди городов Халкиды Эрос разымчивый с Мужеством
Равно сияют»

(№ 263). (Анонимный фр.27 [Поэты 1999, с.405])

Беотия

(№ 264). «У фиванцев законодателем был Филолай Коринфянин. Филолай происходил из рода Бакхиадов; вступив в любовную связь с Диоклом, победителем на олимпийских состязаниях, он удалился в Фивы, когда тот, возненавидев преступную любовь к себе своей матери Алкионы, покинул Коринф. Там же оба и окончили свои дни. И теперь еще показывают их могилы, расположенные таким образом, что с одной из них можно хорошо видеть другую, но коринфская земля со стороны одной могилы видна, со стороны другой – нет» (Аристотель. Политика II 9, 6 (1274a32-39), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.441-442])

О нем есть статья, в которой собраны крохи имеющейся информации: [Шишова 1970]. Реформы датируются началом VII в. до н.э.

Гесиод

Цитаты разбиты по рубрикам (см. выше).

Эпитафии Гесиоду: Мнасалк № 18 [Эпиграмма 1993, с.158]

Алкей Мессенский № 12 [Эпиграмма 1993, с.186]

«Илиада» Гомера

«Любовь супружеская, братская и отцовская, как ни парадоксально звучит это для нас, в «Илиаде» тождественны, однородны качественно, по сути и различаются как будто лишь количеством этого качества, придающим им оттенок эпической индивидуальности» [Шталь 1983, с.205]

О любви см. [Шталь 1983, с.198-199]

Идоменей и Мерион:

«Сердцу любезнейший друг, Молид Мерион быстроногий,

Что приходил ты, оставивши брань и жестокую сечу?»

(№ 265). (Гомер. Илиада XIII 249-250 [Гомер 1990, с.181])

«Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,

Данный ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:

Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги

Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,

Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,

И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,

Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме

Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,

Гнать повелев к кораблям мореходным...»

(№ 266). (Гомер. Илиада V 319-327 [Гомер 1990, с.68])

(№ 267). «(142) ... Часто упоминая о Патрокле и Ахилле, Гомер умалчивает, однако, об их любви и не называет своим именем их дружбу, считая, что исключительный характер

их взаимной привязанности совершенно очевиден для всякого образованного слушателя.

...

(143) ... Отсюда [Илиада XVIII 324-329] совершенно ясно, что именно любовь побудила Ахилла взять на себя заботу о Патрокле» (Эсхин. Против Тимарха 142-143 [Эсхин 1962 (№ 3), с.242])

Вопрос о характере отношений между Ахиллом и Патроком в изображении Гомера я подробно разбирать не буду, сделаю лишь несколько замечаний. Обращает на себя внимание, что наиболее яркие цитаты относятся к времени после смерти Патрокла. Чаще всего употребляется выражение: друг [этайрос] или «любезный друг» [фиλος этайрос], формулой является строка:

«Так говорил, - и Патрокл покорился любезному другу [филой этайрой]»

(№ 268). (Гомер. Илиада IX 205 [Гомер 1990, с.121])

Почти то же: [филой этайрой] XI 616 [Там же, с.159], I 345

(№ 269). То же про Антилоха (XXIII 556) «Антилоха любил он, как друга» [фиλος этайрос]

Встречается выражение:

«О, Менетид благородный, о друг, любезнейший [кехарисмене] сердцу!»

(№ 270). (Гомер. Илиада XI 608 [Гомер 1990, с.159])

(№ 271). То же говорит Брисеида о Патрокле (XIX 287): «друг бесценный» [кехарисмене]

(№ 272). I 307 «при нем Менетид», (№ 273). 337 «друг, благородный Патрокл», (№ 274). 345 «и Менетиев сын покорился любезному другу».

«Лирой он [Ахилл] дух услаждал, воспевая славу героев.

Менетиад перед ним лишь единый сидел и безмолвный

Ждал Эакида, пока песнопения он не окончит».

(№ 275). (Гомер. Илиада IX 189-191 [Гомер 1990, с.121])

IX 201-220 - Ахилл и Патрокл. 620-622, 658-668; (№ 276). 195 «Менетиев сын» (№ 277). 202 «друг Менетид» (№ 278). 211 «Менетид боговидный» (№ 279). 220 «другу Патроклу велел»

(№ 280). 620 «и Патроклу знаменье подал бровями» (№ 281). 659 «Патрокл повелел и друзьям и рабыням» (№ 282). 666 «сын же Менетиев спал напротив»

XI 599-617 – беседа Ахилла и Патрокла, далее Патрокл и Нестор, Патрокл и Эврипил.

(№ 283). 602 «любезного друга [этайра] Патрокла»

(№ 284). XI 644 «небожителю равный» [исотеос], 765, 804-823 XII 1

(№ 285). XI 787 «летами старше ты [Патрокл], у него превосходнее сила».

XV 389-404 – повествование возвращается к Патроклу.

(№ 286). XI 793 = XV 404 «сильно всегда убеждение друга» [парайфасис этайру]

XVI 2-101 – Ахилл посылает Патрокла в бой.

«Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Несторов сын знаменитый к нему приближается грустный,
Слезы горячие льющий, и страшную весть произносит:
"Горе мне, храбрый, любезный Пелид! От меня ты услышишь
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершиться!
Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело;
Он уже наг; совлек все оружие Гектор могучий!"
Рек,- и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернела под пеплом.
Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе
Молча простерся и волосы рвал, безобразно терзая».

(№ 287). (Гомер. Илиада XVIII 15-27 [Гомер 1990, с.260])

«Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,

Милого друга [филос этайрос]! Его из друзей всех больше любил я;

Им, как моею главой, дорожил; и его потерял я!»

(№ 288). (Гомер. Илиада XVIII 80-82 [Гомер 1990, с.262])

«Теплые слезы он пролил, увидевши верного друга,

Медью пронзенного острой, на смертном простертого ложе,-

Друга, которого сам с колесницей своей и с конями

В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил».

(№ 289). (Гомер. Илиада XVIII 235-238 [Гомер 1990, с.265])

«...Но мирмидонцы

Целую ночь провели над Патроком, стена и рыдая.

Царь Ахиллес среди сонма их плач свой рыдательный начал;

Грозные руки на грудь положив бездыханного друга,

Часто и тяжело стонал он,- подобно как лев густобрадый,

Ежели скимнов его из глубокого леса похитит

Ланей ловец; возвратяся он поздно, по детям тоскует;

Бродит из дебри в дебрь и следов похитителя ищет,

Жалобно стонущий; горесть и ярость его обымают...»

(№ 290). (Гомер. Илиада XVIII 314-322 [Гомер 1990, с.267])

«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?

Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,

Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.

Многих из вас полонил, и за многих выкуп я принял.

Ныне пощады вам нет никому, кого только демон

В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный [филос], умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом [калос те мегас те];
Сын отца знаменитого, мать имею богиню;
Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет.
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука»

(№ 291). (Гомер. Илиада XXI 99-113 [Гомер 1990, с.298])

«Мертвый лежит у судов, не оплаканный, не погребенный,
Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там моего благородного друга! [филу этайру]»

(№ 292). (Гомер. Илиада XXII 386-390 [Гомер 1990, с.318])

«Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.

...

«Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возражали
В ваших чертогах..

...

Пусть же и кости наши гробница одна сокрывает,
Урна золотая, Фетиды матери дар драгоценный!»
Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный:
"Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?
Ты ль полагаешь заветы мне крепкие? Я совершу их,
Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.
Но приблизься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью
И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!"
Рек,- и жадные руки любимца обнять распростер он;
Тщетно: душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю
С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем...»

(№ 293). (Гомер. Илиада XXIII 65-67, 83-85, 91-101 [Гомер 1990, с.323-324])

«Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри, -
Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он...»

(№ 294). (Гомер. Илиада XXIII 140-142 [Гомер 1990, с.325])

«...Но Пелид неутешный

Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
Все усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,
Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышенный;
Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая;
Все вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.
То на хребет он ложился, то на бок, то ниц обратясь,

К ложу лицом припадал; напоследок бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий».

(№ 295). (Гомер. Илиада XXIV 3-12 [Гомер 1990, с.342])

Некоторые эпические параллели и вариации

«О всё выдавшем...» (Эпос о Гильгамеше)

Таблица VIII

«Едва занялось сияние утра,

Гильгамеш уста открыл и молвит:

«Энкиду, друг мой, твоя мать антилопа

И онагр, твой отец, тебя породили,

Молоком своим тебя звери возрастили

И скот в степи на пастбищах дальних!

В кедровом лесу стези Энкиду

По тебе да плачут день и ночь неумолчно,

Да плачут старейшины огражденного Урука,

Да плачет руку нам вслед простиривший,

Да плачут уступы гор лесистых,

По которым мы с тобою всходили,

Да рыдает пажить, как мать родная,

Да плачут соком кипарисы и кедры,

Средь которых с тобою мы пробирались,

Да плачут медведи, гиены, барсы и тигры,

Козероги и рыси, львы и туры,

Олени и антилопы, скот и тварь степная,

Да плачет священный Евлей, где мы гордо ходили по берегу,

Да плачет светлый Евфрат, где мы черпали воду мехом,
Да плачут мужи обширного огражденного Урука,
Да плачут жены, что видали, как Быка мы убили,
Да плачет земледелец доброго града, твое славивший имя,
Да плачет тот, кто накормил тебя хлебом,
Да плачет рабыня, что умастила твои ноги,
Да плачет раб, кто вина к устам твоим подал,
Да плачет блудница, тебя умастившая добрым елеем,
Да плачет в брачный покой вступивший, обретший супругу твоим добрым советом,
Братья да плачут по тебе, как сестры,
В скорби да рвут власы над тобою!
Словно мать и отец в его дальних кочевьях,
Я об Энкиду буду плакать:
Внимайте же мне, мужи, внимайте,
Внимайте, старейшины огражденного Урука! (II 1)
Я об Энкиду, моем друге, плачу,
Словно плакальщица, горько рыдаю:
Мощный топор мой, сильный оплот мой,
Верный кинжал мой, надежный щит мой,
Праздничный плащ мой, пышный убор мой, -
Демон злой у меня его отнял!
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах!
Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах!
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили, -
Что за сон теперь овладел тобою?

Стал ты темен и меня не слышишь!»

А тот головы поднять не может.

Тронул он сердце – оно не бьется.

Закрыл он другу лицо, как невесте,

Сам, как орел, над ним кружит он,

Точно львица, чьи львята в ловушке,

Мечется грозно взад и вперед он. [близкая параллель Ил. XVIII 318-322]

Словно кудель, разрывает власы он,

Словно скверну, срывает одежду...» [близкая параллель Ил. XVIII 23-27]

(Пер. И.М.Дьяконова [Когда Ану сотворил небо 2000, с.177-179])

Плач Давида по Шаулу и Йонатану

«Краса, о Израиль, на высотах твоих пронзена!

Как пали сильные!

Не рассказывайте в Гате,

не возвещайте на улицах Ашкелона,

чтобы не радовались дочери филистимлян,

чтобы не торжествовали дочери необрезанных.

Горы Гилбоа! Ни роса, ни дождь [да не сойдёт] на вас,

и полей плодородных [да не будет на вас].

Ибо там повержен щит сильных,

щит Шаула – как бы и не был он помазан елеем.

Без крови пронзенных,

без тука сильных

лук Йонатана не отступал назад

и меч Шаула не возвращался даром.

Шаул и Йонатан –
любезные и согласные в жизни своей,
и в смерти своей не разлучились –
орлов быстрее,
львов сильнее.

Дочери Израиля! О Шауле плачьте,
который одевал вас в багряницу с украшениями,
доставлял уборы золотые на одежды ваши.

Как пали сильные на брани!

Йонатан на высотах твоих пронзен.

Скорблю о тебе, брат мой Йонатан,

дорог ты был мне очень;

превыше любовь твоя была мне

любви женской.

Как пали сильные,

погибло оружие бранное!»

(Библия. Вторая книга Шамуэла, гл.1, ст.18-27.

Пер. И.Р.Тантлевского [Тантлевский 2005, с.181-182])

«Если любовь зависит от вещи [т.е. если она корыстна] то, как только исчезнет вещь, исчезнет и любовь, а если любовь не зависит от вещи, то она никогда не исчезнет. Какова любовь, зависящая от вещи? – это [например] любовь Амнона к Фамари [2 Цар., гл.13]; а какова любовь, не зависящая от вещи? - это [например] любовь, [связывавшая] Давида и Ионафана». (Талмуд. Авот V 16 [Талмуд 2004-05, т.4, с.472])

Плач Кухулина по Фер Диаду

«Из-за предательства, о Фер Диад,

Гибель твоя мне горше стократ!

Ты умер. Я жив. Наш жребий таков.

Не встретимся мы во веки веков!

Когда мы жили в восточном краю,

У Скатах, учась побеждать в бою,

Казалось, что будем друзьями всегда,

Вплоть до дня Страшного суда!

Мил мне был облик прекрасный твой:

Нежных ланит цвет огневой,

Синяя ясность твоих очей,

Благородство осанки, мудрость речей!

Не ходил в бой, не получал ран,

Гневом битвенным не был пьян,

Рамена не прикрывал щитом из кож, -

Кто на сына Дамана был бы похож!

Как пал Айфэ единственный сын –

С той поры боец ни один

Ни красотой, ни силой, ни ловкостью боевой

Не мог напомнить мне облик твой!

...

О Фер Диад! Боец молодой!

Меткоразящий! Была крепка
И победоносна твоя рука!
Не счесть всех примет твоей красоты!
Волосы твои были густы,
До самой смерти, о Фер Диад,
Твой стан был поясом тонким объят.

Наша дружба, названный брат,
Прекрасна, как ока твоего взгляд,
Как щита твоего золотой узор,
Как доска для фидхелл, что тешит взор!
Увы! Воле моей вопреки
Ты погиб от моей руки.

...

Горька кровавая круговерть,
Где повстречал сын Дамана смерть.
Увы! Кровавую чашу друг
Принял из моих собственных рук.

Если бы эллином был я! Вмиг,
Услышав брата предсмертный крик,
С жизнью своей расстался б и я!
Мы вместе прервали б нить бытия!»

...

(Похищение быка из Куальнге. Пер. с ср.-ирланд. С.В.Шкунаева

[Похищение быка 1985, с.266, 267, 269])

Из романа Урсулы Ле Гуин «Толкователи» (Хайнский цикл)

«Затем Сизз пересказал своим прекрасным голосом конец истории о Пенане-Теране, мифической паре, излюбленных героях народа рангма. Пенан и Теран были жителями горы Силонг, молодыми воинами, которые сумели оседлать северный ветер, точно эбердина, и, вскочив на него, направили вниз, на поле битвы, чтобы под развевающимися знаменами сражаться со старинными врагами народа рангма – приморскими жителями, варварами из западных равнин. Но Теран пал в бою. И Пенан вывел свою армию из боя, увел людей подальше от опасности, а потом оседлал южный ветер, дувший с моря, и погнал его наверх, в горы, и там бросился со спины ветра в пропасть и погиб.

Люди слушали и плакали; у Сати тоже были слезы на глазах.

...

Но на следующий день он [Одиедин] сказал ей:

- Возможно, ты уже слышала загадки Толкователей, йоз Сати?

- Вряд ли.

- Дети учат их наизусть. Это очень старые загадки. Дети ведь всегда любили спрашивать одно и то же: «А какой у истории конец? А когда ты нам ее растолкуешь?» Такова, например, одна из этих загадок.

- Это скорее парадокс, чем загадка, - сказала Сати, обдумывая его слова. – Значит, события должны произойти и завершиться, прежде чем начнут свою работу Толкователи?

Одиедин, казалось, был немного удивлен ее словами; как, впрочем, и почти все мазы, когда она пыталась интерпретировать какое-нибудь их высказывание или историю.

- Но это не то же самое, что исходное значение той или иной истории, - сказала она уже менее уверенно.

- Нет, но может означать и то же самое, - возразил Одиедин. И прибавил: - Пенан прыгнул со спины ветра и умер: такова история Терана.

...

- Теран умирал, - продолжала Гоири. – И он сказал: «Брат мой, муж мой, любовь моя, мое второе «я», мы с тобой верили, что сумеем одолеть врага и принести мир на нашу землю. Но вера – это такая рана, которую способно излечить только знание, когда толкование нашей жизни берет в свои руки смерть». И сказав так, он умер на руках у Пенана»

(пер. с англ. И.Тогоевой [Ле Гуин 2003, с.239, 244, 290])

«Одиссея» Гомера

«[Из речи Нестора]. ...Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов
Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец».

(№ 296). (Гомер. Одиссея III 108-112 [Гомер 2000, с.27])

«Плача не мог удержать и молодой Пизистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
...[Из речи Писистрата:]
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почеть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле».

(№ 297). (Гомер. Одиссея IV 186-188, 197-198 [Гомер 2000, с.40])

[Рассказ Агамемнона Ахиллу]: «...златую
Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
Ту подарил драгоценную урну, созданье Ифеста.
Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахейн любим был.
Холм погребальный великий над вашими урнами был тут

Ратью святой копыеносных аргивян у светлошироких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
Наших времен и грядущего времени всем поколениям».

(№ 298). (Гомер. Одиссея XXIV 73-84 [Гомер 2000, с.270-271])

[Одиссей в царстве мертвых]

«Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
После Пелеева сына великого всех превзошедший».

[Беседа Ахилла с Одиссеем – ст.471-540]

(№ 299). (Гомер. Одиссея XI 467-470 [Гомер 2000, с.131])

«Первая им повстречалась тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
Бодрый Аякс, красотой и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший».

(№ 300). (Гомер. Одиссея XXIV 15-18 [Гомер 2000, с.269])

[Описание дворца царя феаков:]

«Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков: светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных».

(№ 301). (Гомер. Одиссея VII 100-102 [Гомер 2000, с.76])

В оригинале «золотые юноши». (Комм. В.Н.Ярхо [Там же, с.390])

[Эвмей - Одиссею]

«Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;
Нет! но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец – такие
Служат рабы им...»

(№ 302). (Гомер. Одиссея XV 330-333 [Гомер 2000, с.175])

В оригинале речь о наемных прислужниках. (Комм. В.Н.Ярхо [Там же, с.424])

См. о торговле мальчиками финикийцами.

Ранний эпос и гимны

«Винную поросль за сына ему искупительной платой
Отдал Кронид, покрытую нежной листвой золотою
С гроздьями. Дар сей Зевесу-отцу изготовлен Гефестом.
Лаомедонту же после вручен взамен Ганимеда»

(№ 303). (Лесх. Малая Илиада, фр.9, пер. О.П.Цыбенко [Поэты 1999, с.114])

[Речь Афродиты к Анхизу]:

«Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем, -
Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко, -
Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
Сына его дорогого умчало божественным вихрем.

Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
Сжалился Зевс над отцом, и ему, в возмещение за сына,
Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.
Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.
После того как услышал он Зевсово это известье,
Трос горевать перестал и душою внутри веселился,
И, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих».

(№ 304). (Гомеровский гимн (IV) к Афродите 200-217,
пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.153-154])

Терпандр

(№ 305). «Когда Орфей был умерщвлен фракиянками, его лира была брошена в море, но [затем] она была прибита [волнами] к городу Антисса на Лесбосе. [Несколько веков спустя] [там] рыбаки обнаружили лиру [и] принесли [ее] Терпандру, который увез [ее] в Египет. [Обнаружив] и исследовав [ее], [он] показал ее жрецам в Египте, представив себя [ее] создателем. Поэтому говорят, что лиру изобрел Терпандр». (Эксерпты из Никомаха I [Бозций 1995, с.442])

(№ 306). «Вообще, кто поразмыслит над творениями лаконских поэтов, из которых иные сохранились до наших дней, и восстановит в памяти походные ритмы мелодий для флейты, под звуки которой спартанцы шли на врага, тот, пожалуй, признает, что Терпандр и Пиндар были правы, находя связь между мужеством и музыкой. Первый говорит о лакедемонянах так:

Юность здесь пышно цветет, царит здесь звонкая Муза,

Правда повсюду живет...

А Пиндар восклицает:

Там старейшин советы;

Копья юных мужей в славный вступают бой,

Там хороводы ведут Муза и Красота.

И тот и другой изображают спартанцев одновременно и самым музыкальным и самым воинственным народом» (Плутарх. Ликург 21, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.63])

Комментатор (М.Л.Гаспаров) считает стихи Терпандра «по-видимому» подложными [Плутарх 1994, т.1, с.662].

Тиртей

«Если, с могучей душою простясь, распрострется во прахе

Воин, чьи кудри белы, чья в седине борода,

Голое тело и член детородный, обрызганный кровью,

Дланью прикрывши своей, - тяжко на это глядеть.

Тяжко и стыдно! А юным, пока они цветом блестящим

Младости дивной цветут, все к украшенью идет!

Жив если юноша, дорог мужам он и сладостен женам,

Сгибнет он в первых рядах – смерть красоты не возьмет!»

(№ 307). (Тиртей, фр.6 (6), ст.23-30, пер. Г.Ф.Церетели [Поэты 1999, с.234])

Алкман

(то же имя, что Алкмеон на ионийском диалекте)

«Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный дурачится, как мальчик.

Сердце, берегись его! Несется по цветущим он верхушкам кипериска...»

(№ 308). (Алкман, фр.20 (58), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.312])

«И сладкий Эрос, милостью Киприды

Нисходит вновь, мне сердце согревая»

(№ 309). (Алкман, фр.21 (59а), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.313])

Эпитафия Алкмана. Александр Этолийский № 1 [Эпиграмма 1993, с.67]

Леонид № 57 [Эпиграмма 1993, с.139]

1.4. Зрелая архаика (620-560)

Стесихор

(№ 310). «Пастух Дафнис, по словам одних, был возлюбленным Гермеса, а по словам других – его сыном. Имя своё он получил вот почему. Дафниса родила нимфа и подкинула под лавровым деревом. Коровы, которых он пас, были, как рассказывают, сродни Гелиосовым, упоминаемым Гомером в Одиссее. Когда в Сицилии юноша пас свои стада, какая-то нимфа полюбила его, так как Дафнис был красив, юн, со щеками, покрытыми первым отроческим пухом, т.е. находился, как где-то говорит и Гомер, в самой лучшей для прекрасных отроков поре. Она потребовала от Дафниса зарок не любить кроме нее никого и грозила наказать его слепотой, если он нарушит свои обещания. Такой у них между собой был уговор. Спустя некоторое время дочь какого-то царя воспылала страстью к юноше, и он под влиянием опьянения обо всем забыл и сблизился с девушкой. Так возникли пастушеские песни; в них рассказывалось и о несчастье потерявшего зрение Дафниса; Стесихор из Гимеры был зачинателем этого рода поэзии» (Элиан. Пёстрые рассказы X 18 [Элиан 1963, с.79-80])

По мнению Н.Н.Казанского [Стесихор 1985, с.237], «Дафнис» - не поэма Стесихора.

(№ 311). «Стесихор, став не в меру приверженным любви, создал и такой вид песен» (Афиней о Стесихоре) (З.А.Рыжкина [Ранняя греческая лирика 1999, с.108])

Эолия

Сапфо

(на эолийском диалекте Псапфа)

«В XI веке песни Сапфо и Алкея были сожжены в Византии,
так как в них находили много якобы непристойного,
и пламя унесло, быть может, навсегда
создания поэтического гения, перед которыми
много веков преклонялся античный мир.

Пред нами стоят теперь неясные образы этих поэтов,
выступают лишь слабые тени их созданий».

(Н.И.Новосадский [ИГЛ, т.1 (1946), с.238])

Нумерация фрагментов дается по изданию [Поэты 1999, с.324-341] (в скобках – по изданию Лобеля-Пейджа (Oxford, 1955)).

«Пестрым троном славная Афродита,
Зевса дочь, искусная в хитрых ковах!
Я молю тебя – не круши мне горем

Сердца, благая!

Но приди ко мне, как и раньше часто
Откликалась ты на мой зов далёкий
И, дворец покинув отца, всходила

На колесницу

Золотую. Мчала тебя от неба

Над землей воробушков милых стая;

Трепетали быстрые крылья птичек

В далях эфира.

И, представ с улыбкой на вечном лице,

Ты меня, блаженная, вопрошала,

В чем моя печаль, и зачем богиню

Я призываю,

И чего хочу для души смятенной.

«В ком должна Пейфо, укажи, любовью

Дух к тебе зажечь? Пренебрег тобою

Кто, моя Псапфа?

Прочь бежит? – Начнет за тобой гоняться.

Не берет даров? – Поспешит с дарами.

Нет любви к тебе? – И любовью вспыхнет,

Хочет не хочет».

О, приди ж ко мне и теперь! От горькой

Скорби дух избавь и, чего так страстно

Я хочу, сверши и союзницей верной

Будь мне, богиня!»

(№ 312). (Сапфо, фр.1 (1), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.324])

«К нам приблизься ко храму,

Там в священной роще цветут нарядно

Яблони, дымок с алтарей разносит

Вкруг благовонья.

Там, прохладен, плещется ток под сенью

Яблонь, сад весь в розанах, изукрашен

Сплошь, и, чуть колеблемы ветром, ветви

Сон навевают.

Луг в цветах раскинулся конепасный,

Пестры лепестки, и летят повсюду

Запахи медовые...

.....

Ты приди сюда Киприда,

И налей, щедр, в золотые чаши

Смешанный с водой безызъянный нектар

Пиру на радость»

(№ 313). (Сапфо, фр.22 (2), пер. А.Парина [Поэты 1999, с.327])

(№ 314). «Сапфо с Лесбоса написала много гимнов в честь Эроса; но как она в них говорит об Эроте, противоречит один гимн другому» (Павсаний IX 27, 3 [Павсаний 2002, т.2, с.212])

«Словно ветер, с горы на дубы налетающий,

Эрос душу потряс мне...»

(№ 315). (Сапфо, фр.54 (47), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.333])

«Эрос вновь меня мучит истомчивый –

Горько-сладостный, необоримый змей»

(№ 316). (Сапфо, фр.55 (130), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.333])

(№ 317). «Сапфо с Лесбоса, узнав имя Ойтолина из поэм Памфа, воспела вместе Адониса и Ойтолина» (Павсаний IX 29, 8 [Павсаний 2002, т.2, с.216])

«Я к тебе взываю, Гонгила, - выйди

К нам в молочно-белой своей одежде!

Ты в ней так прекрасна. Любовь порхает

Вновь над тобою.

Всех, кто в этом платье тебя увидит,

Ты в восторг приводишь. И я так рада!

Ведь самой глядеть на тебя завидно

Кипророжденной!

К ней молюсь я...»

(№ 318). (Сапфо, фр.31 (22, ст.9-17), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.329])

«Засыпать на груди нежной любимицы...»

(№ 319). (Сапфо, фр.46 (126), пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.331])

«Ты была мне когда-то, Аттида, любимицей...

Ты казалась неловкою маленькой девочкой...»

(№ 320). (Сапфо, фр.35-36 (49), пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.330])

«Ты ж, Аттида, и вспомнить не думаешь

Обо мне. К Андромеде стремишься ты»

(№ 321). (Сапфо, фр.37 (131), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.330])

«Достойный дар Андромеде был наградой...»

(№ 322). (Сапфо, фр.50 (133а), пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.331])

«Сапфо высмеивает Андромеду:

И какая тебя

так увлекла

в кожу одетая,

Деревенщина?...

Не умеет она

платья обвить

около щиколки»

(№ 323). (Афиней I 21b-c [Афиней 2003-, т.1, с.30];

То же: фр.49 (57) [Поэты 1999, с.331])

«.....уж любовью

.....

Стоит лишь взглянуть на тебя, - такую

Кто же станет сравнивать с Гермией!

Нет, тебя с Еленой сравнить не стыдно

Золотокудрой,

Если можно смертных равнять с богиней;

Знай: едва твою красоту увижу,

Как из сердца тотчас бегут заботы»

(№ 324). (Сапфо, фр.30 (23), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.329])

«Богу равным кажется мне по счастью

Человек, который так близко-близко

Перед тобой сидит, твой звучащий нежно

Слушает голос

И прелестный смех. У меня при этом

Перестало сразу бы сердце биться:

Лишь тебя увижу, - уж я не в силах

Вымолвить слова.

Но немеет тотчас язык, под кожей

Быстро легкий жар пробегает, смотрят,

Ничего не видя, глаза, в ушах же –

Звон непрерывный.

Потом жарким я обливаюсь, дрожью

Члены все охвачены, зеленее

Становлюсь травы, и вот-вот как будто

С жизнью прощусь я.

Но терпи, терпи: чересчур далеко

Всё зашло...»

(№ 325). (Сапфо, фр.52 (31), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.332])

«...Нет, она не вернулась!

Умереть я хотела бы...

А прощаясь со мной, она плакала,

Плача, так говорила мне:

«О, как страшно страдаю я.

Псапфа! Бросить тебя мне приходится!»

Я же так отвечала ей:

«Поезжай себе с радостью

И меня не забудь. Уж тебе ль не знать,

Как была дорога ты мне!

А не знаешь, так вспомни ты

Все прекрасное, что мы пережили:

Как фиалками многими

И душистыми розами,

Сидя возле меня, ты венчалась,

Как густыми гирляндами

Из цветов и из зелени

Обвивала себе шею нежную.

Как прекрасноволосую

Умачала ты голову

Миррой царственно-благоухающей,

И как нежной рукой своей

Близ меня с ложа мягкого

За напитком ты сладким тянулася.

И ни жертвы, ни

Ни не было,

Где бы мы

И ни рощи священной...»

(№ 326). (Сапфо, фр.28 (94), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.328])

«.....

И из Сард к нам сюда она

Часто мыслью несётся,

вспоминая,

Как мы жили вдвоем, как богинею

Ты казалась ей славною

И как песни твои ей

были милы.

Ныне блещет она среди лидийских жен.

Так луна розоперстая,

Поднимаясь с заходом

солнца, блеском

Превосходит все звёзды. Струит она

Свет на море солёное,

На цветущие нивы

и поляны.

Всё рососою прекрасною залито.

Пышно розы красуются,

Нежный кервель и донник

с частым цветом.

И нередко, бродя, свою кроткую

Вспоминаешь Аттиду ты,

И тоска тебе тяжко

сердце давит...»

(№ 327). (Сапфо, фр.29 (96), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.328-329])

«На земле на черной всего прекрасней

Те считают конницу, те пехоту,

Те – суда. По-моему ж, то прекрасно,

Что кому любо.

Это всё для каждого сделать ясным

Очень просто. Вот, например, Елена:

Мало ль видеть ей довелось красавцев?

Всех же милее

Стал ей муж, позором покрывший Трою.

И отца, и мать, и дитя родное –

Всех она забыла, подпавши сердцем

Чарам Киприды.

..... согнуть нетрудно ...

..... приходит

Нынче всё далекая мне на память

Анактория.

Девы поступь милая, блеском взоров

Озаренный лик мне дороже всяких

Колесниц лидийских и конеборцев,

В бронях блестящих.

Знаю я – случиться того не может

Средь людей, но всё же с молитвой жаркой...»

(№ 328). (Сапфо, фр.53 (16), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.332])

«Всю кожу мою сетью морщин старость уже изрыла,

И стали белы пряди мои, прежде чернее смоли.

..... слабы, колени гнутся.

И силы не те, чтобы, как встарь, ланью по лугу мчаться.

..... что я могу поделать?

Никто из людей век не стареть, вечно цвести не в силах.

Давно, говорят, пыл повелел розоворукой Эос

В дорогу пойти к краю земли вслед за Тифоном смертным.

..... им овладела старость.

..... милой предстать супруге.

..... видно, навек исчезло.

..... если бы даровал он!

А я красоте всею душой предана, и со мною,

Покуда люблю, солнечный свет, радостный, неразлучен»

(№ 329). (Сапфо, фр.71 (58), пер. А.Парина [Поэты 1999, с.334])

О Сапфо

«Тебе, Сапфо, улыбчивой чистой деве,

Сказал бы слово – только промолвить стыдно...»

(№ 330). (Алкей, фр.88, пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.356])

«Если ты к песнями славной плывешь Митилене, о путник,

Чая зажечься огнём сладострастной Музы Сафо,
Молви, что Музам приятна была и рожденная в Локрах,
Имя которой, узнай, было Носсиды. Иди!»

(№ 331). (Носсиды, № 11 (АП VII 718), пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.60])

«Мирно лежат твои кости, Дориха. Давно стали прахом
Пряди пушистых волос, ткань ароматных одежд.
Некогда ими прикрыв во сне красавца Харакса,
Ты поднималась нагой, кубки к солнцу подняв.
Живы, однако, еще и жить будут белые свитки
Песен чудесных Сапфо, звуком своим веселя.
Имя блаженно твое! Хранить его станет Навкратис,
Здесь доколь Нила ладья сможет моря бороздить»

(№ 332). (Посидипп, № 17 (Афинея XIII 596e),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.106])

«Любящим юным в любви опора сладчайшая, вместе
С Музами славит тебя вся Пиерия, Сапфо,
Иль Геликон, весь поросший плющом, вдохновением с ними
Равную, Музой тебя чтит Эолидский Эрес;
Иль, где «Гимен» Гименей восклицает, сверкающий факел
Рядом с тобою стоит там, где невесты покой;
Или Киприде, скорбящей об отпрыске новом Кинира,
Ты, сострадая, богов роши священные зришь:
Богopodobная, всюду ликуй, госпожа, - твои песни
Ценим не менее мы песен бессмертных сестер»

(№ 333). (Диоскорид, № 18 (АП VII 407),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.166])

«Смертную Музу Сапфо, воспетую между бессмертных
Муз, ты скрываешь, земля, здесь, Эолиды, в себе.
Вместе Киприда с Эротом вскормили её; Убежденье
С нею венок Пиерид вечнозелёный плело
Всей Элладе на радость, тебе же на славу. Вы, Мойры,
Вьющие трое одну жизни крученую нить,
День почему не сплели вы этой певице бессмертный,
Разве она не нашла вечные песни у Муз?»

(№ 334). (Антипатр Сидонский, № 11 (АП VII 14),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.194])

«С ужасом песням Сапфо Мнемосина однажды внимала:
«Смертные пусть не найдут Музу десятую в ней»

(№ 335). (Антипатр Сидонский, № 12 (АП IX 66),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.194])

«Имя Сапфо я носила, и песнями так же всех женщин
Я превзошла, как мужчин всех превзошел Меонид».

(№ 336). (Антипатр Фессалоникский (АП VII 15),
пер. Л.В.Блуменау [Лирика 1968, с.288])

«К храму блестящему Геры сиятельноокой сходитесь,
Лесбоса девы, стопой легкою в пляске скользя.

Там хоровод вы богине зачните; Сапфо перед вами
В нежных руках пронесёт лиру златую свою.
Сколь в многорадостной пляске блаженны вы, девы! Как будто
Сладкий свой гимн запоет вам Каллиопа сама!»

(№ 337). (Аноним № 66 (АП IX 189),
пер. В.В.Вересаева [Эпиграмма 1993, с.320-321])

«Только Природа сама художница, о живописец,
Так Митилены тебе музу дала написать.
Блеск у нее струится в глазах, являя при этом
Тонкую меткость ума и вдохновения блеск.
Вся от природы она соразмерна, и нет недостатков
В теле изящном., во всей скромной ее простоте.
В мудром лице и в ее приветливом ласковом взгляде
И Пиерида и с ней вместе Киприда живет».

(№ 338). (Дамохарид, 6 в. (АП XVI 310),
пер. Ф.А.Петровского [Эпиграмма 1999, с.566])

(№ 339). «[Пример «гладкого соединения» - гимн Сапфо к Афродите (фр.1)] Благозвучие и прелесть этого слога порождены благозвучием и гладкостью построения. Слова здесь прилегают друг к другу и ткутся в естественную связь соответствующих букв. Гласные при полугласных и согласных стоят на протяжении почти всей песни именно те, которым свойственно стоять перед ними и после них. Сочетания полугласных с полугласными и гласных с гласными, разрывающие звучание, крайне немногочисленны. Посмотрев всю песню, я нашел среди ее имен, глаголов и других слов всего лишь пять или шесть сплетений таких полугласных букв, которым от природы не свойственно смешиваться, да и те, по-моему, не так уж сильно нарушают благозвучие; сочетаний гласных внутри членов здесь столько же, если не меньше, а на стыках членов – лишь немногим поболее. Поэтому понятно, что речь получается плавная и мягкая: ведь ничто в построении имен не замутняет ее звучания» (Дионисий Галикарнасский. О соединении слов 179-180, пер. М.Л.Гаспарова [Риторика 1978, с.210])

(№ 340). «Известно, что все предметы обладают от природы теми определенными составными частицами, которые и составляют их целое. Следовательно, возвышенное необходимо искать путем отбора из всего целого неких основных выражений. Затем же, помня об их обязательной взаимосвязи, вновь следует их объединить. Сначала слушатель будет поражен отдельными образами, а затем оценит все богатство отобранного.

(2) Именно так поступает Сапфо. Изображая чувства любви, она заимствует их каждый раз как из обстоятельств, соответствующих данному положению, так и из самой действительности; каким же образом раскрывается ее дарование? Оно обнаруживается в том, с какой поразительной силой отбирает она во всем самое глубокое и великое, чтобы потом создать единый образ.

Мнится мне: как боги, блажен и волен,
Кто с тобой сидит, говорит с тобою,
Милой в очи смотрит и слышит близко
 Лепет умильный
Нежных уст. Улыбчивых уст дыхание
Ловит он... А я, чуть вдали завижу
Образ твой – я сердца не чую в персях,
 Уст не раскрыть мне;
Бедный нем язык, а по жилам тонкий
Знойным холодком пробегает пламень;
Гул в ушах; темнеют, потухли очи;
 Ноги не держат...
Вся дрожу, мертвею; увлажнен потом
Бледный лед чела; словно смерть подходит...
Шаг один – и я бездыханным телом
 Сникну на землю...

(пер. Вяч.И.Иванова)

(3) Разве не поразительно умение поэтессы обращаться одновременно к душе, телу, ушам, языку, глазам, коже, ко всему, словно ставшему ей чужим или покинувшим ее; затем, объединяя противоположности, она то холодеет и сгорает, то теряет рассудок и вновь его обретает, то почти прощается с жизнью и впадает в неистовство. Делается это, чтобы раскрыть не одно какое-нибудь чувство, овладевшее ею, но всю совокупность чувств. А это как раз и происходит в жизни с влюбленными. Удивительной силе этого стихотворения способствовали, как я уже отметил, выбор крайностей и соединение их воедино...» (Аноним. О возвышенном 10, 2-3, пер. Н.А.Чистяковой [О возвышенном 1966, с.23-24])

Сапфо в искусстве

(№ 341). «(57, 126) Другое дело – Сапфо; похищение ее статуи из пританея вполне оправдано и его, пожалуй, следует признать допустимым и простительным. Неужели возможно, чтобы столь совершенным, столь изящным, столь тщательно отделанным произведением Силаниона владел кто-нибудь другой, не говоря уже – частное лицо, но даже народ, а не такой утонченный знаток и высоко образованный человек – Веррес? ... (127) Трудно выразить словами ту скорбь, какую вызвало похищение этой статуи Сапфо.

Ибо, помимо того, что это было само по себе редкостное произведение искусства, на ее цоколе была вырезана знаменитая греческая эпиграмма, которую этот образованный человек и поклонник греков, умеющий так тонко обо всем судить, он, этот единственный ценитель искусства, наверное, тоже утащил бы к себе, если бы знал хотя бы одну греческую букву; теперь надпись на пустом цоколе говорит, что на нем стояло, и обличает похитителя». (70 г. Цицерон. Речь против Гая Верреса («О предметах искусства») 57 (126-127) [Цицерон 1993, т.1, с.101])

Алкей

(№ 342). «А чего только ученые люди и большие поэты не наговаривают на себя в своих стихах и песнях! Алкей, отважный муж в своем отечестве, так много писал о любви к мальчикам! ... Мы видим, что у всего этого люда любовь неотрывна от похоти» (Цицерон. Тускуланские беседы IV 33 (71), пер. М.Л.Гаспарова [Цицерон 1975, с.319])

(№ 343). «Алкей восхищался родимым пятном на руке мальчика, а ведь родимое пятно – это телесный недостаток. Ему, однако, оно казалось украшением» (Цицерон. О природе богов I 28 (79) [Цицерон 1985, с.85])

(№ 344). «...беснующиеся от любви и пьяницы разжигаются при чтении поэтических произведений Алкея и Анакреонта» (Секст Эмпирик. Против ученых I 298, пер. А.Ф.Лосева [Секст 1976, т.2, с.116])

«[Эрос], грознейший между бессмертными,

От златокудрого Зефира

Пышнообутой рожден Иридой...»

(№ 345). (Алкей, фр.4 (327), пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.342])

Алкей фр.14 D – начало гимна Ахиллу для праздника на мысу Сигее. [Хоммель 1981, с.55]

«...Ахилл, царящий над скифами...»

(№ 346). (Алкей, фр.18 (354), пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.344])

«Выпьем! Надо ли нам ждать темноты? С палец осталось дня!

Принеси нам больших чаш расписных, мальчик любимый мой!

Для забвенья забот бог, что рожден Зевсом с Семелюю,

Нам вино даровал. Лей до краев! Два к одному смешай
Воду с чистым вином: пусть поспешат чаша за чашею
Друг за другом вдогон...»

(№ 347). (Алкей, фр.49 (346), пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.351-352])

Иония

Мимнерм

«Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?

Я бы хотел умереть, раз перестанут манить

Тайные встречи меня, и объятия, и страстное ложе.

Сладок лишь юности цвет и для мужей и для жен.

После ж того как наступит тяжелая старость, в которой

Даже прекраснейший муж гадок становится всем,

Дух человека терзать начинают лихие заботы,

Не наслаждается он, глядя на солнца лучи,

Мальчикам он ненавистен и в женах презрение будит.

Вот сколь тяжелою бог старость для нас сотворил!»

(№ 348). (Мимнерм, фр.1 (7), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.242])

«В пору обильной цветами весны распускаются быстро

В свете горячих лучей листья на ветках дерев.

Словно те листья, недолго мы тешимся юности цветом,

Не понимая еще, что нам на пользу и вред...»

(№ 349). (Мимнерм, фр.2 (8), ст.1-4, пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.242])

Афины

Солон

(№ 350). «(1) ... О матери Солона Гераклид Понтийский рассказывает, что она была двоюродной сестрой матери Писистрата. Первоначально между ними была дружба как вследствие родства, так и вследствие даровитости и красоты Писистрата, в которого, как некоторые утверждают, Солон был влюблен. Поэтому, думается мне, когда между ними произошел разрыв на политической почве, их вражда не дошла до жестокой, дикой страсти; между ними сохранилось прежнее чувство взаимных обязанностей, которое поддерживало память и нежность любви: оно

Еще курится – в нем еще живет

Огонь небесный.

[Еврипид. Вакханки 8. Пер. И.Анненского]

Что Солон не был равнодушен к красавцам и не имел мужества вступить в борьбу с любовью, «как борец в палестре» [Софокл. Трахинянки 442. Пер. Ф.Зелинского], это можно видеть из его стихотворений; кроме того, он издал закон, воспрещающий рабу натираться маслом для гимнастических упражнений и любить мальчиков [в оригинале всего два слова: «ксералойфейн» и «пайдерастейн»]. Он ставил это в число благородных, почтенных занятий, и некоторым образом призывал людей достойных к тому, от чего отстранял недостойных...

(3) Расточительность Солона, его склонность к изнеженности и несколько легкомысленный, отнюдь не философский характер его стихов, в которых он рассуждает о наслаждениях, - все это, как полагают, было следствием его занятия торговлей... К поэзии он сначала, по-видимому, не относился серьезно: она была для него игрой и досужим развлечением; но впоследствии он облачал в стихотворную форму и философские мысли и часто излагал в стихах государственные дела...» (Плутарх. Солон 1, 3, пер. С.И.Соболевского [Плутарх 1994, т.1, с.92-93])

(№ 351). «...он [Солон] говорил и ему самому [Писистрату] и другим, что, если у Писистрата из души изъять любовь к первенству и исцелить его от страсти к тирании, то не будет человека более склонного к добру и лучшего гражданина» (Плутарх. Солон 29, пер. С.И.Соболевского [Плутарх 1994, т.1, с.111])

(№ 352). «...Писистрат то ли из почтения к мудрости Солона, то ли в память прошлого (Писистрат, говорят, был его возлюбленным) не стал преследовать Солона. Вскоре Солон умер глубоким старцем, прославив себя мудростью и бесстрашием» (Элиан. Пёстрые рассказы VIII 16 [Элиан 1963, с.66])

(№ 353). «Солон же запретил говорить в собрании продажным распутникам» (Диоген Лаэртский I 55 [Диоген 1979, с.80])

(№ 354). «Первыми афиняне научились также судопроизводству и первые ввели гимнастические состязания обнаженных и натертых маслом противников...» (Элиан. Пёстрые рассказы III 38 [Элиан 1963, с.40])

Также см. Плутарх. Пир семи мудрецов 7 [Плутарх 1990, с.249]

Стихи

«Столь же богаты и те, у кого серебро есть в запасе,
Золота груды, простор хлебом покрытых полей,
Кони и мулы, и те, кто в одном лишь имеет усладу,
В чреве, и в сне на боку, и в быстроте своих ног,
И, коль до этого дело дойдет, в том, чтоб тешиться цветом
Отрока или жены, - есть и на это пора!
Вот в чем богатство для смертных! А если кто ныне владеет
Денег избытком, его не унесет он в Аид,
И, хоть бы выкуп давал, не избегнет ни смерти, ни тяжкой
Хвори, и старости злой он не отсрочит приход!»

(№ 355). (Солон, фр.5 (18), пер. Г.Ф.Церетели [Поэты 1999, с.248])

(то же см. Плутарх. Солон 2 [Плутарх 1994, т.1, с.93])

«Если пылает кто страстью, во цвете красы своей юной,
Бедр красотой прельщен, сладкою нежностью уст...»

(№ 356). (Солон, фр.6 (16), пер. С.И.Радцига [Поэты 1999, с.248])

1.5. Поздняя архаика (560-480)

Орфика

Прозаические переводы:

«Лелеющий в душе безоую, порывистую любовь [эрос].

Фанес – ключ ума [нуса]»

(№ 357). (Орфика, фр.В82 - из Прокла [ФРГФ 1989-, ч.1, с.49])

«...Нежный Эрос и Метис отчаянно-безрассудный...

За ними всегда идет по пятам великий даймон [=Эрос]»

(№ 358). (Орфика, фр.В83 - из Прокла [ФРГФ 1989-, ч.1, с.49])

(№ 359). «...Одну Гигиейю [Здоровье] богословы возводят к Асклепию ... а вторую, возникшую до Асклепия вместе с творением мира, производят от Пейто [Убеждения] и Эрота [Любви]». (Орфика, фр.В202 - из Прокла [ФРГФ 1989-, ч.1, с.57])

«Сначала были Хаос и Ночь, да черный Эреб [Мрак], да Тартар широкий,

И не было ни Земли, ни Воздуха, ни Неба. В беспредельном лоне Эреба

Чернокрылая Ночь перво-наперво рождает яйцо, что ветром надуло.

Из него по истечении времени вылупился полный вожделения Эрос

Со сверкающими крыльями на спине, подобный быстрым, как ветер, вихрям.

Совокупившись с крылатым ночным Хаосом в широком Тартаре,

Он высидел наш род и впервые вывел его на свет.

Прежде чем Эрос все соединил [~совокупил], не было рода бессмертных;

Когда же одно соединилось [~совокупилось] с другим, родились Небо, Океан,

Земля и нетленный род всех блаженных богов».

(№ 360). (Орфика, фр.А12 = Аристофан. Птицы 693-702 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.38-39])

Ферекид

(№ 361). «Ферекид говорил, что, собираясь творить мир, Зевс превратился в Эрота: создав космос из противоположностей, он привел его к согласию и любви и посеял во всем тождественность и единение, пронизывающее универсум». (Прокл. Комм. к «Тимею» 32с (II 54, 28 D.) = Ферекид, фр.В3 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.88])

(№ 362). «Имей в виду также поэзию [Ферекида] Сиросца: и Зевса с Хтонией, и Эрота [Любовь] между ними, и рождение Офионея, и битву богов, и древо, и покров» (Максим Тирский 4, 4 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.87])

Акусилай

(№ 363). «Акусилай, как я думаю, полагает первым началом Хаос ..., а двумя после одного – Эреб ... и Ночь ... от совокупления которых родились Эфир, Эрос и Метис ... Затем он производит от них же большое число других богов, согласно «Истории

[теологии]» Евдема [фр.117]» (Дамаский. О началах 124 (I 320, 10 R.) = Акусилай, фр. В1 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.90]) При цитировании [ФРГФ] мной сокращены комментарии Дамаския, неуместные во фрагменте Акусилая.

(№ 364). «От Ночи и Эреба - ... Амур (он же Лисимелет), Эпифрон...» (Гигин. Введ. 1 [Гигин 2000, с.1-2]) Смешение Акусилая с Гесиодом (Комм. Д.О.Торшилова [Гигин 2000, с.2])

«То ли назвать тебя [Эрота] богом из тех, кто первыми в мире

Были Эребом седым рождены и царственной Ночью

В давние веки в бескрайной пучине глубин Океана?»

(№ 365). (Крантор у Антагора у Диогена Лаэртского IV 26 [Диоген 1979, с.190])

См. Платон. Пир 178b.

(№ 366). Схолии к Феокриту XIII 2 «Акусилай - [называет Эрота сыном] Ночи и Эфира» [ФРГФ 1989-, ч.1, с.91].

Фаларид

(№ 367). «Я хочу вам рассказать об очень странном для Фаларида поступке. Он неопровержимо свидетельствует о человеколюбии и поэтому кажется несвойственным этому мужу. Был некто Харитон, акрагантянин родом, ценитель всего прекрасного, и красоты отроков в том числе. В это время он страстно любил Меланиппа, тоже акрагантянина, исполненного душевных достоинств и привлекательности. Однажды тиран нанёс Меланиппу обиду: он потребовал, чтобы юноша прекратил судебное дело, начатое им против одного из друзей Фаларида, а когда тот не стал подчиняться, пригрозил, если ослушается, суровым наказанием. Противник Меланиппа благодаря вмешательству Фаларида одержал вопреки справедливости верх, и жалобу Меланиппа уничтожили в суде. Юноша был этим задет и, считая себя тяжело оскорбленным, с гневом рассказывает возлюбленному о пережитой несправедливости, просит его принять участие в заговоре против тирана и надеется привлечь на свою сторону сверстников, которые, как он знал, полны решимости.

Харитон, видя сильное возбуждение и гнев друга и будучи уверен, что ни один человек из страха перед тираном не примкнет к ним, начинает говорить, как давно он жаждет освободить родину от гнетущего ее рабства, но считает небезопасным посвящать в свои замыслы посторонних. Он просит дать ему срок, чтобы всё как следует обдумать и выждать время, удобное для решительного шага. Юноша соглашается. Тогда Харитон – он пожелал взять всё на себя и ничего не говорить возлюбленному, чтобы в случае неудачи он один понёс наказание, а Меланипп остался вне подозрения, - выбрав по своему усмотрению день и час, с мечом в руке проникает к тирану. Это не укрылось от бдительных стражей: Харитона по приказу Фаларида заточили в темницу и под пыткой требовали назвать имена сообщников, но он держался твердо, несмотря на мучения. Так как время шло, а его друг всё не возвращался, Меланипп пошел к тирану и сказал, что он не только сообщник Харитона, а зачинщик всего. Тут Фаларид спросил, что же побудило его к этому, и юноша рассказал всё с самого начала: как отвергли его жалобу, и как это

его обидело. Фаларид, восхищенный благородством обоих, освободил их от наказания, но велел немедленно уйти из Акраганта и покинуть самые пределы Сицилии, однако сохранил за ними право получать доходы со своего имущества. Впоследствии Пифия такими стихами прославила Харитона и Меланиппа:

Вы провозвестники дружбы божественной оба для смертных.

Славься ж вовек, Харитон, и с тобою твой друг Меланипп,

ибо бог назвал их любовь божественной дружбой» (Элиан. Пёстрые рассказы II 4 [Элиан 1963, с.16-17])

Также см. Эномай Гадарский [Антология кинизма 1996, с.262-263]

Свида. Статья «Антэрос» – рассказ о Харитоне и Меланиппе [Лосев 2005, с.756].

(№ 368). «Около ста восьми лет после основания Гелы жители ее основали Акрагант. Город они назвали по имени реки Акраганта. Основателями города они выбрали Аристотеля и Пистила и дали ему дорийские законы» (Фукидид VI 4, 4 [Фукидид 1999, с.353])

(№ 369). «...жители Акраганта приносят жертвы соименной городу реке, представляя Акрагант цветущим отроком; они посвятили в Дельфийское святилище статую слоновой кости, на которой написали название своей реки. Статуя изображает отрока» (Элиан. Пёстрые рассказы II 33 [Элиан 1963, с.25])

Феогнид

Стихи Феогнида из Мегар приводятся в переводе Ю.А.Голубца по изданию [Элегия 1996, с.97-155]. Переводы из кн.1 С.К.Апта и В.В.Вересаева см. [Поэты 1999, с.254-273], пер. кн.1 А.К.Гаврилова см. [Доватур А.И. Феогнид и его время (Л., 1989), с.147-181].

Итого приведено 158 строк (пропущено 8)

Ст.1230-1233 (№ 370).

«Эрос могучий, тебя безумье и ярость вскормили,

Ибо через тебя сгинул и град Илион,

Сгинул Тесей Эгеид великий, Аякс благородный,

Сын Оилея погиб, страсти ведомый грехом.

Ст.1235-1238 (№ 371).

Мальчик, послушай меня, не упрямясь, ведь речи простые

Вымолвлю я, и они не неприятны тебе.

Вот что хочу я сказать, разумеи, когда не по сердцу

Что-то придется тебе, стану ли я принуждать?

...

Ст.1245-1248 (№ 372).

«Станем же вечно любить», а сам уходишь с другими.

Хитрый же нрав у тебя, верности нет никакой.

Воду с огнем не мешай! Никогда на свете с тобою

Вместе нам не бывать, верность в любви не хранить!

Поразмышляй над моею враждою и в сердце запомни,

Что за измену твою я отплачу как смогу.

(№ 373).

Мальчик, как жеребенок, овса наевшийся вволю,

Ты, словно прежде, пришёл в стойло привычное вновь,

Власти возницы желаешь, пастбищ прекрасных и тучных,

Свежести бьющих ключей, рощи тенистой прохлад.

(№ 374).

Счастлив, кто юношей чтит, коней горячих, игривых,

Или охотничьих псов, иль чужедальных гостей.

Кто же не чтит коней горячих и юношей милых,

Или охотничьих псов – разве в своем он уме?

(№ 375).

Мальчик, накличешь ты много напастей и бед, если только

Ты то одним, то другим сердце свое отдаешь.

(№ 376).

Мальчик, ты очень мил, но венком прекрасным и пышным

Только безумец твое может украсить чело.

Разум и нрав у тебя стервятника алчного, если

Ты доверяешь речам прочих случайных людей.

(№ 377).

Мальчик, ты злом воздаешь тому, кто добра лишь желает,

И благодарности нет к людям в тебе никакой.

Неблагодарен ко мне ты, а я ведь хорошего много

Сделал тебе, от тебя мне ж ни любви, ни добра.

(№ 378).

Мальчик нравом подобен коню: ведь того не печалит,

Ежели прежний ездок в прахе дорожном лежит,

Скачет себе под другим, овса наглотавшись вволю,

Мальчик таков, он того любит, кто рядом сидит.

(№ 379).

Мальчик, сгубил ты безумством похоти ум благородный;

Ты ведь в позор обратил нашу и страсть и любовь.

Малое время меня услаждал ты, и бурей ночью

Сбитый, я тихо стою, словно корабль на мели.

(№ 380).

Время, видно, пришло для Эроса, доли и горы

Зелень одела, луга цветом весенним цветут.

Эрос покинул Кипр, прекраснейший остров на свете,

Вот он идет среди людей, сеющий семя любви.

(№ 381).

Кто б тебе не клеветал на меня, и кто б ни старался
Нас с тобой разлучить, нашу любовь загубив,
«Словно лев над детёнышем лани, исполненный мощи,
Когти готовый впустить, крови я не испил».

(№ 382).

Не причину тебе зла, не хочу причинять, ведь на свете,
Мальчик мой милый, богам это угодней всего.
Я ведь не осуждаю за мелкие прегрешенья
Мальчишков и не хочу мести с обидой на них.

(№ 383).

Несправедливым не будь, ведь я же хочу, чтоб остался
Ты добровольно со мной, с радостью в сердце своем.
Но не лукавь ты со мною, не надо уловок и лести,
Ибо меня победив, будешь ты всем обладать.
Я ведь настигну тебя всё равно, как некогда было
С дочкой Иасия встарь, хоть отвергала она,
Дева на выданье, брак, препоясавшись для состязанья
В беге, надеясь уйти, только бессмысленно всё.
Прочь от отчих краев светловласая Аталанта
По хребтам и горам, да по высоким холмам
Устремилась от брака милого, от Афродиты
Дара. Конец же каков, знает пускай, кто отверг!

(№ 384).

Мальчик, не заставляй мое сердце мукой терзаться,
Страсть не оставит меня даже в чертогах самой
Персефоны. Так бойся гнева и мести бессмертных.

Бойся людской молвы, лучше скорее смягчись.

(№ 385).

Милый, долго ль ещё скрываться ты будешь? Повсюду

Я тебя страстно ищу, дай же себя мне догнать.

Здесь же твой дом. Но и дух имеа и гордый и смелый,

Бегством спасаешься ты, ястребом дальше летишь.

Милый, помедли, утешь! Ведь не вечен фиалковенчанной

Кипророжденной жены юности сладостный цвет.

(№ 386).

Сердцем изведай сейчас, цвет юности радостной минет,

Скроется с глаз он быстрее, чем на дорожке бегун.

Знай это! Узы сбрось, что сам на себя наложил ты,

Кипророжденной трудам тяжким навстречу иди.

Вот что сегодня тебе я скажу, берегись же, красавец,

Как бы тебя не сломил низостью кто-то другой.

(№ 387).

Вор, ты скрыться не смог, и я за тобою погнался.

Только вот с теми, с кем ты нежную дружбу ведешь

Ныне, оставив меня и чувства мои в небреженье,

С теми тебе не видать прежней и пылкой любви.

Я же, как преданный друг, с тобой сокровенным делился

Самым, а ты изменил, страстью другой увлечён.

Что ж, я по-прежнему друг... Никто уж тебя ведь не будет

Так и любить и ласкать, как это было со мной.

(№ 388).

...

Мальчик, богиня Киприда тебе даровала и прелесть,
И красоту, и твой лик будит огонь в молодых.
Всё же послушай, склонись и ко мне, и будь милосердным!
Тяжко позднюю страсть зрелому мужу снести.

(№ 389).

Кипророжденная, ты печали развей и заботы,
Всё, что губит сердца, радость и счастье верни!
Черные мысли прочь прогони! Дай душе беспокойной
Юноши в цвете лет разум и меру во всем.

(№ 390).

Милый, пока подбородок твой гладок и мягок, тебя я
Буду любить и ласкать даже и в смертный мой час.
Страстью дарящий прекрасен, а любящий сраму не знает
И у твоих же колен так я взываю к тебе:
Милый, со мной поделись любовью. Фиалковенчанной
Кипророжденной дары вскоре уж станут твои!
Нет, не презренно склониться к иному, пускай же такие
Речи молящие в грудь вложит тебе божество!

(№ 391).

Счастлив, кто страстью горя, из гимнасия возвращался
К дому; кто ложе и днем с юношей милым делил.

(№ 392).

Нет, не стану любить я мальчишку. Ведь скольких напастей,
Горестей скольких и бед я бы тогда избежал.
Освободился бы от Кифереи благовенчанной.
Ты ведь не любишь меня и беспощаден ко мне.

(№ 393).

Горе мне, горе! Влюблен я в мальчишку с нежною кожей,
Только вот ласки моей он не желает познать.
Что ж, удержусь и стерплю, и насильно милым не буду.
Вида не покажу я при упрямце таком.

(№ 394).

Радостно юных любить. Ганимеда в оное время
Зевс Кронид полюбил, вождь всеблаженных богов.
Он же похитил его и вознес на Олимп и содейал
Мальчика богом, и цвет юности с ним разделил.
Так не дивись, Симонид, что я из-за юноши стражду
Милого, гибну, горю, в рабстве у страсти томлюсь.

(№ 395).

Милый мой мальчик! Поверь старику, не ходи на гулянки,
Нет, не годится тебе там забавлять молодёжь.

(№ 396).

Сладостна и горька, и тягостна и сурова,
Кири мой, мужская любовь весь ей отпущенный срок;
А уж когда совершится, как сладостна. Если ж гонима
Иль неудачна, то нет горше на свете её.
Тот, кто мальчика любит, на шею ярмо возлагает
Тяжкое, ведь о любви память бывает горька.
Ибо даже и рядом с ним находиться – мученье,
Так к костру из лозы словно подносишь ладонь.

(№ 397).

Страсти нашей корабль заплутав, разбился о скалы,

Милый, вот и держи крепче трухлявый канат.

(№ 398).

Нет, не плачь! Я не брошу тебя! Никогда не поверю

Тем, кто твердит мне: «Да брось мальчика, хватит возни!»

(№ 399).

И прекраснейший всех, желаннейший и милейший!

Встань-ка подле меня, выслушай краткую речь.

Юноша верен тебе, а в женщине верности нету.

Любит она лишь того, кто с нею рядом теперь.

К юношам страсть хороша и даже когда безответна,

Легче её обрести, чем с нею счастье найти.

Много зла от неё, но радости тоже не меньше,

Да и в горе самом много отрады найдёшь.

Даже когда к одному не пылаешь, всегда увлеченье

Ты находишь ко всем, или какой интерес.

(№ 400).

Счастлив, кто страстью горя, о мере не хочет и слышать,

И не заботит кого ночь на просторе морском.

(№ 401).

Да, ты прекрасен, не спору, но любишь возиться со сбродом

Всяким и за тобой тянется брань и позор.

Милый, и вот я невольно, в твоей любви разуверюсь,

Пользу извлек из всего; стал я свободен и чист.

(№ 402).

Люди считают, что дар тебе дан от бессмертной богини,

Кипророжденной златой. Дар этот – мука и боль

Самые тяжкие в мире, что люди ниспосылают,

Если богиня сама нам утешенья не даст.

(№ 403).

О Киферея, коварная Кипророжденная, Зевсом

Дан тебе мощный дар. Так для чего он тебе?

Порабощаешь ты смертных, и ум великий – никто ведь

- Будь он могуч или мудр – не убежит от тебя!

(№ 404).

Из первой книги.

См. ст.87-104, 371-372, 531-534, 537-538, 567-570, 993-996, 1063-1068 и др.

«Крылья дал я тебе и с ними над морем безмерным

Ты полетишь, над землей всею поднявшись легко

В воздух, и на пирах, и на празднествах всюду пребудет

Имя твоё, у всех будет оно на устах!

С флейтою многоголосой тебя мужи молодые

Ладно, милые, все, сладкой и звонкой игрой,

Воспоют, а когда ты в мрачные глубы земные

Тихо сойдёшь, увидав дом многослёзный теней –

Мёртвый, ты не убьёшь своей славы сладкой, но будешь

Многим и дорог и мил именем славным навек!

Кирн, воспаришь над землею, над многими островами,

Всю пустынную синь рыбного моря пройдёшь...

Нет, не на конских спинах воссядешь, нести тебя будут

Фиалковенчаных дев – Муз золотые дары!

Всем, кто любит стихи и будет любить – эти песни

Дороги станут, пока солнце с землею живут.

Я же теперь от тебя немного вниманья имею,

Словно ребёнка, меня словом обманным манишь...»

(№ 405). (Феогнид, ст.237-254 [Элегия 1996, с.107].

Перевод В.В.Вересаева см. [Поэты 1999, с.260]

Ст.719-728 [Элегия 1996, с.126]: почти совпадают с элегией Солона (фр.5) (см.выше)

«Тем, кто богат – хорошо, серебра и золота много,

Также поместий, полей, где изобилье зерна,

Мулов и лошадей, а к тому и то, что и должно:

Плотно желудок набит, да и под боком лежит

Мальчик или жена, убажывая... А если случилось

Юность с богатством при них, да в подобающий миг,

Это уж слишком для смертных! Никто никакого избытка

Не прихватит с собой, в доли Аида сойдя.

Не откупиться ничем, спасаясь от пагубной смерти,

Немочи тяжкой какой или от старости злой»

(№ 406).

Анакреонт

Нумерация фрагментов дается по изданию [Поэты 1999, с.360-370].

(№ 407). «Дифирамбы изобрел Лас из Гермियोны, гимн изобретен Стесихором Гимерейцем, танец – лакедемонянином Алкманом, любовная поэма – теосцем Анакреоном, а танец в сопровождении пения ввел фивянин Пиндар» (Климент. Строматы I 78 [Климент 2003, т.1, с.120])

(№ 408). «У Анакреонта почти все стихи – любовные» (Цицерон. Тускуланские беседы IV 33 (71), пер. М.Л.Гаспарова [Цицерон 1975, с.319])

(№ 409). «А именно он [Анакреонт] жил в Аттике из-за любви к Критию [деду тирана]». (Критий, фр.А2 = Схолии к Эсхилу. Прометей 130 [Софисты 1940-41, вып.2, с.57])

«Ввысь на Олимп

Я возношусь

На бысролетных крыльях.

Нужен Эрот:

Мне на любовь

Юность ответить не хочет.

Но, увидав,

Что у меня

Вся борода поседела,

Сразу Эрот

Прочь отлетел

На золотистых крыльях»

(№ 410). (Анакреонт, фр.20 (33+34), пер. Г.Ф.Церетели [Поэты 1999, с.363])

«Дрался, как лев, в кулачном бою.

Можно теперь мне передохнуть –

Я благодарен сердцем за то,

Что от Эрота смог убежать,

Спасся Дионис ныне от пут

Тяжких, что Афродита плела.

Пусть принесут в кувшинах вина,

Влаги бурлящей пусть принесут...»

(№ 411). (Анакреонт, фр.21 (1, фр.4), пер. А.Парина [Поэты 1999, с.363])

«...бросился

вновь со скалы Левкадской

И безвольно ношусь в волнах седых,

пьяный от жаркой страсти»

(№ 412). (Анакреонт, фр.22 (31), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.363])

«Во тьме

Над скалой ношусь подводной»

(№ 413). (Анакреонт, фр.23 (58), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.363])

«Дай воды, вина дай, мальчик,

Нам подай венков душистых,

Поскорей беги – охота

Побороться мне с Эротом»

(№ 414). (Анакреонт, фр.24 (51), пер. Л.Мея [Поэты 1999, с.363-364])

«Как кузнец молотом, вновь Эрот по мне ударил,

А потом бросил меня он в ледяную воду»

(№ 415). (Анакреонт, фр.25 (68), пер. Г.Ф.Церетели [Поэты 1999, с.364])

«Бред внушать нам, смятеньем мучить

Для Эрота – что в бабки играть»

(№ 416). (Анакреонт, фр.26 (53), пер. А.Парина [Поэты 1999, с.364])

«Люблю опять и не люблю,

И без ума, и в разуме»

(№ 417). (Анакреонт, фр.27 (83), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.364])

«Говорят, в любви хороша справедливость»

(№ 418). (Анакреонт, фр.28 (57b), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.364])

«Пусть против воли твоей, а всё ж я останусь с тобою»

(№ 419). (Анакреонт, фр.29 (55 Джентили), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.364])

«Я б хотел сойтись с тобою: ты имеешь нрав приятный...»

(№ 420). (Анакреонт, фр.54 (57a), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.367])

«Ты же был ко мне непреклонен»

(№ 421). (Анакреонт, фр.55 (22), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.367])

«Ибо мальчики за речи полюбить меня могли бы:

Я приятно петь умею, говорить могу приятно»

(№ 422). (Анакреонт, фр.56 (57c), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.367])

«Принеси мне чашу, отрок, - осушу ее я разом!

Ты воды ковшей с десятков в чашу влей, пять – хмельной браги,

И тогда, объятый Вакхом, Вакха я прославлю чинно.

Ведь пирушку мы наладим не по-скифски: не допустим

Мы ни гомона, ни криков, но под звуки дивной песни

Отпивать из чаши будем»

(№ 423). (Анакреонт, фр.13 (11), пер. Г.Ф.Церетели [Поэты 1999, с.362])

«Носит вино бронзовоцветное,

Полною кружкой его наливая,

Мальчик-прислужник»

(№ 424). (Анакреонт, фр.16 (38), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.362])

«Мне известны «половинные» авлосы: их упоминает Анакреонт:

«Кто это, к юношам

Милым взор обратив, всем существом флейт полужук ловит?»

(№ 425). (Афинея IV 177а, пер. Н.Т.Голинкевича [Афинея 2003-, т.1, с.232] =

Анакреонт, фр.52 (30), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.367])

«...но стройность бедер

Покажи своих, о друг мой!»

(№ 426). (Анакреонт, фр.57 (62), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.368])

«Мальчик с видом девическим,

Просьб моих ты не слушаешь

И не знаешь, что душу ты

На вожжах мою держишь»

(№ 427). (Анакреонт, фр.45 (15), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.366])

(№ 428). «Ведь мы знаем, что в те времена поэты жили при дворах царей, и еще раньше Анакреонт был при Поликрате, тиране Самоса...» (Павсаний I 2, 3 [Павсаний 2002, т.1, с.23])

(№ 429). «Самосец Поликрат был предан Музам, поэтому он отличал и высоко чтит Анакреонта из Теоса, любя самого поэта и его песни. Однако я порицаю его своеволие. Анакреонт восхищался возлюбленным Поликрата Смердием. Мальчик радовался этому и с благоговением относился к поэту, плененному его душевными качествами, а не телесной красотой. (Никто, во имя богов, пусть не вздумает клеветать на теосского певца и не назовет его распутным). Поликрат стал ревновать Анакреонта к мальчику и за то, что поэт почтил Смердия своей похвалой, а Смердий ответил на его любовь любовью, остриг его

длинные волосы. Он обезобразил своего любимца, чтобы досадить Анакреонту. А тот не винил Поликрата и обратил свои упрёки мальчику, выговаривая ему, что объявить войну своим волосам – дерзкий и неумный поступок. Песню же о беде, постигшей локоны Смердия, пусть споет сам Анакреонт – он споет её лучше, чем я» (Элиан. Пёстрые рассказы IX 4 [Элиан 1963, с.68])

«...Ты остриг красу безупречную нежных волос...

...

...Гривою тряся фракийской...»

(№ 430). (Анакреонт, фр. 47 (77), 48 (69), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.367])

«...Тех кудрей, что так чудесно

Оттеняли нежный стан.

Но теперь – совсем ты лысый,

А венец кудрей роскошный

Брошен мерзкими руками

И валяется в пыли.

Грубо срезан он железом

Беспощадным, я ж страдаю

От тоски. Что будем делать?

Фракия ушла от нас!»

(№ 431). (Анакреонт, фр.46 (2, ст.1-10), пер. С.Я.Лурье [Поэты 1999, с.366])

«Варварскую речь смягчи ты, Зевс, его»

(№ 432). (Анакреонт, фр.59 (78), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.368])

«О ты, трижды вспаханный,

Смердис!..»

(№ 433). (Анакреонт, фр.53 (21), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.367])

Из гимна Дионису

«Ты, с кем Эрос властительный,

Афродита в багрянце,

Синеокие нимфы

Сообща забавляются

На вершинах высоких гор, -

На коленях молю тебя:

Появись и прими мою

Благосклонно молитву.

Будь хорошим советчиком

Клеобулу! Любовь мою

Не презри, о великий царь,

Дионис многославный!»

(№ 434). (Анакреонт, фр.2 (12), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.360])

«Клеобула, Клеобула я люблю,

К Клеобулу я как бешеный лечу,

Клеобула я глазами проглочу»

(№ 435). (Анакреонт, фр.49 (14), пер. Я.Э.Голосовкера [Поэты 1999, с.367])

«В двадцать струн на магадесе,

Левкаспид, пою твоей юности цвет»

(№ 436). (Анакреонт, фр.51 (29), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.367])

«Пифомандр меня снова сразил

Любовью, хоть я от Эрота спасался»

(№ 437). (Анакреонт, фр.50 (55), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.367])

«Я поднял чашу полную в честь Эркиона

С белым султаном – и осушил её...»

(№ 438). (Анакреонт, фр.73 (88), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.369])

«И спальня – не женился он, а замуж вышел в спальне той»

(№ 439). (Анакреонт, фр.58 (79), пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.368])

«И ты меня развратником

Перед соседями срамишь!»

(№ 440). (Анакреонт, фр.11 (9), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.361])

Эпитафии Анакреонту (не менее двенадцати):

Из возлюбленных Анакреонта упоминаются Бафилл, Мегистей, Смердис, Еврипила.

Обращения к Мегисту – см. фр.7, 69, 78.

«Гроздьев живительных мать, чародейка – лоза винограда!

Ты, что даешь от себя отпрыски цепких ветвей!

Вейся по стеле высокой над Анакреонтом Теосцем,

Свежей зеленью крой низкую насыпь земли.

Пусть он, любивший вино и пиры и в чаду опьянения

Певший на лире всю ночь юношей, милых ему,

Видит, и лежа в земле, над своей головою висящий

В гроздьях, на гибких ветвях спелый, прекрасный твой плод;

Пусть окропляются влагой росистой уста, из которых

Слаще, чем влага твоя, некогда песня лилась!»

(№ 441). (Псевдо-Симонид 66 (АП VII 24),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.27])

«Милостью Муз песнопевца бессмертного Анакреонта

Теос родной у себя в недрах земли приютил.

В песнях своих, напоенных дыханьем Харит и Эротов,

Некогда славил певец юношей нежных любовь.

И в Ахеронте теперь он грустит не о том, что покинул

Солнечный свет, к берегам Леты печальной пристав,

Но что пришлось разлучиться ему с Мегистием, милейшим

Из молодёжи, любовь Смердия кинуть пришлось.

Сладостных песен своих не прервал он, однако, и мертвый, -

Даже в Аиде не смолк звучный его барбитон»

(№ 442). (Псевдо-Симонид 67 (АП VII 25),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.28])

«С вниманьем ты взгляни на статую, пришлец!

В дом к себе ты придешь и всем расскажешь:

В Теосе видел я Анакреонта лик;

Первым он был певцом в былые годы.

Прибавь еще к тому, что к юношам пылал, -

Всю о нем ты тогда расскажешь правду»

(№ 443). (Феокрит № 15 (АП IX 599),

пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Эпиграмма 1993, с.115])

(№ 444). «...в афинском акрополе... статуя Ксантиппа стоит рядом со статуей Анакреонта Теосского, первого после Сапфо с Лесбоса, писавшего преимущественно эротические стихотворения; у него такая фигура, какая бывает у подвыпившего человека, когда он поёт» (Павсаний I 25, 1 [Павсаний 2002, т.1, с.66])

«Ты посмотри, как на гладком, обточенном камне кружится

Анакреонт: от вина так и качает его.

Как он влюбленно глядит увлажненными страстью глазами,

И до лодыжек себе плащ подобрал, охмелев.

Где-то один потерян башмак, а другой, уцелевший,

Крепко прилажен к его старой ноге. Но старик

Все воспекает Бафилла любимого, иль Мегистея;

Лира в руках у него страсти безумной полна.

Побереги ты его, отец Дионис: не годится,

Чтобы от Вакха даров Вакха служитель упал»

(№ 445). (Леонид № 31 (АП XVI 306),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.131])

«Смотри, как от вина старик шатается

Анакреонт, как плащ, спустясь к ногам его,

Волочится. Цела одна сандалия,

Другой уж нет. Но всё еще на лире он

Играет и поёт, всё восхваляет он

Бафилла иль, красавец Мегистий, тебя...

Храни его, о Вакх, чтоб не упал старик»

(№ 446). (Леонид № 90 (АП XVI 307), пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.149])

«Ты, что до мозга костей извелся от страсти к Смердису,

Каждой пирушки глава и кутежей до зари, -
Музам приятен ты был и недавно еще о Бафилле,
Сидя над чашей твоей, частые слёзы ронял.
Даже ручьи для тебя изливаются винною влагой,
И от бессмертных богов нектар струится тебе.
Сад предлагает тебе влюбленные в вечер фиалки,
Дарит и сладостный мирт, вскормленный чистой росой, -
Чтоб опьяненный и в царстве Деметры ты вел хороводы,
Точно рукою обвив стан Еврипилы золотой»

(№ 447). (Диоскорид № 19 (АП VII 31),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.166])

«Анакреонт, пусть цветет близ тебя увешенный густо
Гроздьями плющ и листва нежных пурпурных лугов,
Пусть струятся ручьи молока, белизною сверкая,
Благоуханное пусть льется вино из земли,
Чтоб усладить твои кости и прах, если только до мертвых
Радость какая-нибудь может в могилу дойти;
Друг мой, ты милый любил барбитон и с песнями вместе,
Как и с любовью, прошёл всю свою жизнь до конца»

(№ 448). (Антипатр Сидонский № 13 (АП VII 23),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.194-195])

«Гость, мимо Анакреонта невидной могилы идущий,
Если хоть что-то из книг ты почерпнул у меня,
Праху плесни моему, плесни животворную влагу,

Пусть, орошенный вином, радость мой прах ощутит.
Ревностно как я служил Диониса праздникам буйным,
Как был питомцем пиров, песни слагая свои,
Так не смогу даже мертвый лежать без вина в этом месте,
Место, которое всем скоро узнать суждено»

(№ 449). (Антипатр Сидонский № 14 (АП VII 26),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.195];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.20])

«Анакреонт, среди блаженных пребудь, Ионии слава,
Не без любимых пиров и не без лиры своей;
С влажным блеском в глазах ты пой о любовном томленьи
И потрясай цветком на умашенных кудрях,
Иль обратясь к Еврипиле, иль взоры стремя к Мегистею,
Или на пряди волос Смердиса – Фракии дар,
Чистым вином орошен и в одежде, пропитанной Вакхом,
Складки которой собой нектар чистейший струят.
Трем на земле: Дионису, Эроту и Музам, о старец,
Только лишь им посвятил ты свою жизнь до конца»

(№ 450). (Антипатр Сидонский № 15 (АП VII 27),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.195];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.20-21])

«Анакреонт, среди почивших ты спишь, потрудившись достойно.

Спит и кифара, - в ночи сладко звучала она.

Спит также Смердис, весна твоей страсти, на звучной кифаре

Ты для него расточал песен сладчайший нектар.
И на пирах, среди юных, ты был для Эроса мишенью;
Только в тебя одного он, дальновержец, стрелял»
(№ 451). (Антипатр Сидонский № 16 (АП VII 29),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.196])

«Анакреонта гробница. Покоится лебедь теосский;
С ним, охватившая всё, страсть его к юношам спит.
Но звучит и сейчас его дивная песнь о Бафилле,
Камень надгробный досель благоухает плющом.
Даже Аид не сумел погасить твою страсть. В Ахеронте
Ведь ты охвачен опять пылкой Киприды огнём»
(№ 452). (Антипатр Сидонский № 17 (АП VII 30),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.196])

«Путник, сверши возлиянье у Анакреона могилы,
Мимо неё проходя: выпить всегда был не прочь!»
(№ 453). (Аноним (АП VII 28), пер. Е.В.Свясова [Эпиграмма 1997, с.135])

«В этом футляре пятерка лирических книг превосходных
Труд содержит в себе непревзойденных Харит,
Анакреонт Теосский старец написал
Сам под хмельком всё это иль в пылу страстей.
Мы и приходим Антонии в дар в день священный пораньше,
К ней, кто красы и ума высших достигла высот»
(№ 454). (Кринагор № 7 (АП IX 239), пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.271])

(Антония – дочь Антония и Октавии (прим.: [Там же, с.425-426]))

Запад

(№ 455). «Особенное значение приобретают мелкие неурядицы в том случае, если они возникают среди лиц высокопоставленных, как это случилось в древние времена в Сиракузах. Государственный переворот произошел на почве распри из-за любовных дел между двумя молодыми людьми, занимавшими важные должности. Когда один из них отлучился, другой, его товарищ, переманил к себе предмет его любви; тогда первый, разобидевшись на второго, склонил в свою очередь жену последнего вступить с ним в связь. Затем они втянули в свои распри лиц правившего слоя, так что все разделились на две враждебные стороны» (Аристотель. Политика V 3, 1 (1303b18-27), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.533])

(№ 456). «В Сиракузах жили двое молодых приятелей; один из них, в отсутствие друга приняв на сохранение любимого им мальчика, совратил его, а тот, вернувшись, отплатил за обиду обидой и склонил к блуду жену первого. Тогда один из старейших граждан, изложив дело перед советом, предложил изгнать обоих, пока они еще не успели наполнить своими распрями весь город. Мнение его принято не было; последовала всеобщая смута, после великих бедствий приведшая к гибели превосходного государственного устройства» (Плутарх. Наставления о государственных делах 32, пер. С.С.Аверинцева [Плутарх 1983, с.625])

Э.Д.Фролов датирует события трет.четв. VI в. [Фролов 1982, с.38], А.И.Доватур – нач. V в. до н.э. [Доватур 1965, с.286].

(№ 457). «[492 г.] А тираном Кум был тогда Аристодем, сын Аристократа, человек родом не из простых, который от горожан имел прозвище «Малак» (Кроткий) и со временем стал более известен по прозвищу, чем по имени, - то ли потому, как сообщают некоторые, что ребенком он оказался женоподобным и переносил то, что подобает женщинам, то ли, как пишут другие, поскольку был кротким по природе и ласковым по нраву». (Дионисий Галикарнасский. Римские древности VII 2, 4, пер. А.М.Сморчкова [Дионисий 2005, т.2, с.138-139])

(№ 458). Рассказ о Телине из Гелы. «Телин же, по сицилийскому преданию, напротив, был женоподобный и весьма изнеженный человек» (Геродот VII 153 [Геродот 1999, с.453])

Ивик

(№ 459). «Едва ли не больше всех пылал такой любовью [к мальчикам] регийский Ивик, судя по его сочинениям» (Цицерон. Тускуланские беседы IV 33 (71), пер. М.Л.Гаспарова [Цицерон 1975, с.319])

В одном из стихотворений воспевается красота Поликрата [Ранняя греческая лирика 1999, с.39].

«Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедро питаемых, там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне же никогда не дает вздохнуть
 Эрос. Летит от Киприды он –
Темный, вселяющий ужас всем –
 Словно сверкающий молнией северный ветер фракийский, и душу
 Мощно до самого дна колышет
Жгучим безумием...»

(№ 460). (Ивик, фр.6, пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.358-359])

«Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит из-под век на меня
И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличившийся конь неохотно под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет»

(№ 461). (Ивик, фр.7, пер. В.В.Вересаева [Поэты 1999, с.359])

Издание текста и восстановления Уэста (пер. Н.С.Гринбаума):

«...тебя гимны

<сотрапезников>. Ты вскормила его,
Харита в прелестных бутонах <роз>
у храма <Афродиты>
Мне следует сплести благовонный ве<нок>
ведь она умастила,
лаская, мальчика. А нежную
<красоту> подарили богини.
Однако Дика <бежала> из хоровода богинь.
Я же томлюсь членами,
<часто> проводя бессонные
<ночи>, думаю о...»

(№ 462). (Фр. № 1, ст.5-16 [Ранняя греческая лирика 1999, с.48])

«...флейта...
искусный гимн <по душе моей>
Муз Пие<рид растекается>,
<в нем я ма>льчика, что нежнее фиалок,
воспою, который не<жно ласкает меня>
глазами...
...когда бледная ланитами <любезная>
Эос взойдет на <великое небо>
рано рожденная, <неся смертным и>
богам священный <свет>...»

(№ 463). (Фр. № 27 [Ранняя греческая лирика 1999, с.49])

(№ 464). Фр.12 (S 224) S – издание Пейджа. Читаются следующие слова и строки (пер. Н.С.Гринбаума) [Ранняя греческая лирика 1999, с.45]:

«(4) Троила

(5) убийство

(6-12) Выследив <мальчика> богоподобного

вне стен Илиона, <убил>; умертвил

Троила <вне> города

В Фимбрейском <храме>

мальчика, подобного богам; боги,

храмы которых вне <Илиона>

...

(15) Гектора

(16) Троил»

(№ 465). Фрагмент S 166 из 41 стиха. Найден на папирусе. Читаются следующие слова (пер. Н.С.Гринбаума) [Ранняя греческая лирика 1999, с.40]:

...

(5) поющего флейтиста, под звуки флейты

(6) совсем нежная

(7) Эроса

(8) законно

(9) исход

(10) сила

(11) боги

(12) дали большое счастье

(13) иметь

(14) Мойр

- (15) Гиндаридам
- (16) трубы
- (17) укрощающему коней
- (18) богоподобные
- (19) спутники
- (20) большая с золотом эгида
- ...
- (22) невыразимо
- (23) потомкам
- (23-24) на тебя снова ... взирает
- (25) красивейшего из землян
- (26) похожего видом
- (27) другой так
- (28) ионийцев
- (29) славную мужами
- (30) населяющие Лакедемон
- (31) хорами ... конями
- (32) глубокий
- (33) и вокруг изумил
- (34) рощи, покрытые кустарником
- ...
- (37) к состязанию
- (38) отцов
- ...
- (41) установление»

«Ивику приписывалась поэма в честь некоего Горгия, в которой использовался миф о похищении Ганимеда» (З.А.Рыжкина // [Ранняя греческая лирика 1999, с.102])

Эпитафии Ивика.

«Ивик, разбойники как-то убили тебя, ты из храма
Вышел на берег, куда и не ступала нога.
Но ты на помощь призвал журавлиную стаю, и птицы
Стали, к тебе подлетев, смерти свидетелем злой.
Ты не напрасно позвал их: Эриния, кары богиня,
Крик услышав журавлей, смерть отомстила твою
В крае Сизифа. Увы, разбойников алчное племя
Не утрашилось зачем вышних ты гнева богов?
Ведь и Эгисф, всем известный, когда-то убивший поэта,
В черных плащах Евменид мстящих не минул очей»

(№ 466). (Антипатр Сидонский № 19 (АП VII 745),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.196-197])

«Мыс оконечный пою низинной Италии, Регий,
Вечно о камни его бьет тринакийский прибой –
Прах того, кто был друг кифары и юношей милых,
Тихо покоится тут... Ивик под вязом лежит!
Сладко и щедро любил он – и щедро плющ над могилой
Вьется, и шепчет слегка сладостный ствол тростника»

(№ 467). (Аноним № 52 (АП IX 103),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.317])

Афины

Писистрат

(№ 468). «(17, 2) Поэтому, очевидно, вздором являются рассказы тех, которые утверждают, будто Писистрат был любимцем Солона и предводительствовал в войне с мегарцами из-за Саламина. Это несовместимо с возрастом их обоих, если принять во внимание жизнь того и другого, а также при каком архонте каждый из них умер» (Аристотель. Афинская полития 17, пер. С.И.Радцига [Античная демократия 1996])

Аристотель прав во втором случае (касаясь войны с мегарцами), но не в первом (Писистрат был примерно на 40 лет моложе Солона).

(№ 469). «Говорят, что и Писистрат был влюблен в Харма и поставил статую Эрота в Академии – на том месте, где зажигают огонь при беге со священными факелами» (Плутарх. Солон 1, пер. С.И.Соболевского [Плутарх 1994, т.1, с.92])

(№ 470). «У афинян бывают три праздника, на которых устраивается бег с факелами: Панафиней и праздники в честь Гефеста и Прометея». (Полемон из Илиона. Фр.6 = Гарпократион, под словом *λάμπας* [Полемон 1983, с.211])

О празднике Прометеи и гимнастических играх. (Лисий XXI 3 [Лисий 1994, с.218])

Прометии и Гефестии отмечались 30 пианепсиона (ок. 20 ноября). [Антология 2000, с.597].

Другие

(№ 471). «Перед входом в Академию есть жертвенник Эрота с надписью, гласящей, что Харм – первый из афинян посвятил [жертвенник] Эроту.

Тот же жертвенник, в городе, который носит название жертвенника Антэрота, как говорят, является посвящением метеков вот по какому случаю: в афинянина Мелета был влюблен метек Тимагор. Относясь к нему с пренебрежением, Мелет велел ему, взойдя на самую вершину скалы, броситься с неё вниз. Как как Тимагор не щадил своей жизни и во всём всегда хотел делать приятное юноше, что бы он ни приказывал, то и на этот раз он, поднявшись, бросился вниз; когда Мелет увидел Тимагора мертвым, его охватило такое раскаяние, что он кинулся с той же скалы вниз и разбился насмерть. Вот поэтому считается, что метеки посвятили [жертвенник] божеству Антэроту, как мстителю за смерть Тимагора» (Павсаний I 30, 1 [Павсаний 2002, т.1, с.80-81])

Приведем краткую характеристику вазовой живописи данного периода: «Картины ухаживания на черно- и ранних краснофигурных аттических вазах (примерно между 570 и 470 годами) преимущественно изображают бородатых молодых людей, подходящих, дающих подарки (такие как петухи и зайцы), трогаящих гениталии или совокупляющихся «между голеней (*intercrurally*)» с безбородыми (и, по-видимому, невозбужденными) юношами помоложе. Кажется, это все хорошо сходится с многими из литературных свидетельств, которые указывают, что ожидалось, что отношения будут асимметричными

в возрасте, как стимулы следует привлекать подарки, а не деньги, и следует избегать анального секса, а также любого предположения о сексуальном удовольствии для мальчиков.

Уже здесь есть важные варианты. Несколько чернофигурных ваз ... показывают ухаживание между двумя безбородыми мальчиками, или двумя бородатыми молодыми людьми, в обоих случаях вовсе не ясно, кто старше. Другие чернофигурные вазы показывают мужчин, больше интересующихся ягодицами мальчика, чем трогающих гениталии, или дают указания на обоих партнеров со знаками эрекции, или мальчики наглядно тепло отвечают [на ухаживания], с поцелуями или другими знаками страсти. Очень немногие показывают или ясно предполагают анальное взаимодействие; одна в особенности, дважды аномально, показывает безбородого юношу, анально проникающего в бородатого мужчину. Краснофигурные вазы примерно до 450 г. показывают меньшие вариации в позах и, по причинам, которые вовсе не ясны, выраженные сцены сексуальной активности, гомосексуальной либо гетеросексуальной, клонятся к выходу из моды после этой даты». (пер. с англ. составителя [Fisher 2001, p.32-33])

Гармодий и Аристогитон

(№ 472). «(55) ... Гиппарха, сына Писистрата и брата тирана Гиппия, убили Аристогитон и Гармодий по происхождению Гефиреи (Гиппарху ясно предвзоветило его участь сновидение). После его смерти тирания в Афинах продолжала существовать еще четыре года и была не менее, а скорее даже более жестокой, чем прежде. ... (57) Гефиреи же, к которым принадлежали убийцы Гиппарха, по их собственным словам, пришли первоначально из Эретрии. А, как я узнал из расспросов, они были [по происхождению] финикиянами, прибывшими вместе с Кадмом в землю, теперь называемую Беотией. Здесь они поселились, получив по жребию Танагрскую область. Отсюда кадмейцев сначала изгнали аргосцы, а этих Гефиреев затем изгнали беотийцы, и они пришли в Афины. Афиняне же приняли их в число граждан на известных условиях, наложив на них много ограничений, не стоящих упоминания. ... (61) ... В Афинах они воздвигли святилища, к которым остальные афиняне, однако, не имеют никакого отношения. Эти святилища сильно отличаются от других святилищ, особенно же – святилище и тайные обряды Деметры Ахейской» (Геродот V 55, 57, 61 [Геродот 1999, с.322-324])

(№ 473). [514 г.] «(54) Поводом для отважного подвига Аристогитона и Гармодия послужила любовная история, которую я расскажу здесь подробнее и покажу, что ни у других эллинов, ни у самих афинян нет никаких точных сведений об этом событии. После того как Писистрат скончался в преклонном возрасте, тиранию унаследовал не Гиппарх, как обычно думают, а старший сын Гиппий. Был тогда Гармодий, блиставший юношеской красотой, и Аристогитон, гражданин среднего круга и достатка, стал его любовником [эраст]. Гиппарх, сын Писистрата, также соблазнял Гармодия, но безуспешно. Гармодий сообщил об этом Аристогитону, и тот, страстно влюбленный, весьма огорчился, опасаясь к тому же, что могущественный Гиппарх применит против юноши насилие. Аристогитон тотчас же задумал (насколько это было возможно человеку его положения) уничтожить тиранию. Между тем Гиппарх повторил свою попытку добиться расположения юноши и опять безуспешно. Не желая применять насилие, Гиппарх решил при случае незаметным образом унизить юношу, действуя, однако, так, чтобы скрыть истинную причину. Действительно, применение насилия не соответствовало характеру его власти, которая вовсе не была непопулярной или в тягость народу. Напротив, Гиппарх старался избежать всякого недовольства. ...

(55) ... (56) Итак, Гиппарх, увидев, что его домогательства отвергнуты, нанес Гармодию оскорбление. Писистратиды сначала пригласили сестру Гармодия, девушку, нести священную корзину на праздничной процессии, а затем отказали ей, объявив, что вовсе и не приглашали ее, так как она не достойна такой чести. Этот поступок Гармодий воспринял как тяжкое оскорбление, а из-за него и Аристоклитон еще больше озлобился на Гиппарха. Они втайне обсудили с другими заговорщиками план действий, но выждали наступления праздника Великих Панафиней. Это был единственный день, когда все граждане, участники процессии, могли собираться вооруженными, не вызывая подозрений. Гармодий и Аристоклитон должны были начать нападение, а остальные – немедленно присоединиться к ним и вступить в схватку с телохранителями. Заговорщиков, ради безопасности, было немного. Если лишь горсть храбрецов, рассуждали они, отважится напасть на Гиппия и его телохранителей, то вооруженная толпа непосвященных в заговор тотчас же присоединится к ним в борьбе за свободу.

(57) Наконец, с наступлением праздника Гиппий со своими телохранителями отправился за город в местность под названием Керамик для установления порядка прохождения отдельных частей торжественной процессией. В это время Гармодий и Аристоклитон, вооруженные кинжалами, выступили, чтобы совершить свое деяние. Заметив, однако, как один из заговорщиков дружески беседует с Гиппием (а Гиппий был легко доступен каждому), они испугались, вообразив, что уже преданы и их немедленно схватят. Тогда они решили сначала, как только представится возможность, пока их не схватили, отомстить своему оскорбителю, из-за которого они предприняли эту отчаянную попытку. Они сразу же бросились через ворота в город и, встретив Гиппарха у так называемого Леокория, тотчас же, не раздумывая, в слепой ярости (внушенной одному любовной страстью, а другому тяжким оскорблением) оба накинулись на него и сразили ударами кинжалов. Аристоклитону, правда, удалось, затерявшись в нахлынувшей толпе, пока спастись, но затем он все-таки был схвачен и мучительно погиб. Гармодий же был убит сразу же на месте.

(58) Когда весть об убийстве пришла в Керамик, Гиппий тотчас поспешил не на место происшествия, а прямо к вооруженным гражданам, участникам процессии, пока те, находясь далеко, не успели еще узнать о случившемся. Придав лицу непроницаемое выражение, несмотря на постигшее его горе, Гиппий приказал гражданам сложить оружие и отойти в назначенное место. Граждане повиновались, думая, что тиран собирается им что-то сказать. Тогда Гиппий велел телохранителям незаметно отобрать оружие и тотчас же схватить всех подозрительных лиц и тех, у кого нашли кинжалы. Ведь обычно граждане являлись на праздник с копьем и щитом.

(59) Таков был заговор Гармодия и Аристоклитона, поводом для которого было оскорбленное чувство любовника. Причиной же последовавшего затем безрассудного дерзкого деяния был внезапный страх, овладевший ими обоими. С того времени власть тиранов стала для афинян более тяжелой, и Гиппий, который после смерти брата, страшась за свою жизнь, стал еще более подозрительным, множество граждан осуждал теперь на казнь. ... Еще три года после этого Гиппий сохранял свою тираническую власть в Афинах. На четвертом же году его низложили лакедемоняне и возвратившиеся из изгнания Алкмеониды» (Фукидид VI 54-59 [Фукидид 1999, с.383-386])

(№ 474). «(18) Между тем Гиппарх был человек легкомысленный, влюбчивый и поклонник мюз: он-то и приглашал к себе разных поэтов вроде Анакреонта, Симонида и

других. Фессал же был значительно моложе и в обращении дерзкий и надменный, из-за него-то и начались у них все беды.

Он был влюблен в Гармодия и, не добившись его дружбы, не мог сдерживать своего гнева, но во всем выражал свое раздражение; наконец, когда сестра Гармодия должна была исполнять обязанности канефоры на Панафинеях, он не позволил ей, сказав какую-то брань про Гармодия, будто он трус. Это и послужило причиной того, что возмущенные Гармодий и Аристокитон исполняют свое деяние при соучастии многих. Во время Панафиней они уже подстерегали на Акрополе Гиппия — он как раз должен был встречать, а Гиппарх отправлять процессию. Тут они увидели, что один из участников дела любезно беседует с Гиппием, и подумали, что он выдает их; тогда, желая сделать что-нибудь, пока еще не арестованы, они сошли вниз и начали свое дело, не дожидаясь остальных. Таким образом хотя им и удалось убить Гиппарха, когда он устанавливал порядок процессии около Леокория, однако они испортили все дело. (4) Из них Гармодий был убит копьемосцами тут же, а Аристокитон погнн позднее, он был схвачен и подвергался долгое время пыткам. Он оговорил под пыткой многих людей, которые принадлежали к знати и были друзьями тиранов. Дело в том, что в этот момент тираны нигде не могли напасть на настоящие следы по этому делу; но рассказ, обыкновенно повторяемый, будто Гиппий велел участникам процессии сложить оружие и таким образом уличил тех, у кого были кинжалы, неверен, так как тогда не было принято ходить в этой процессии с оружием, но это установил позднее народ. (5) Оговаривал же Аристокитон друзей тирана, как утверждают демократы, нарочно, добиваясь, чтобы они совершили нечестие и вместе с тем ослабили свои силы, погубив неповинных, и притом своих же друзей; но некоторые говорят, что он ничего не выдумывал, а показывал на своих действительных сообщников. (6) И под конец, когда, несмотря на все свои усилия, Аристокитон не мог добиться себе смерти, он обещал выдать еще многих других и убедил Гиппия дать ему правую руку в знак подтверждения этого; а потом, взяв за руку его, осыпал его бранью за то, что он дал руку убийце своего брата, и этим так раздражил Гиппия, что тот не мог сдерживать себя от гнева и, выхвативши меч, убил его.

19. После этого тирания стала гораздо более суровой, так как Гиппий, мстя за брата, многих перебил и изгнал и вследствие этого стал всем внушать недоверие и озлобление» (Аристотель. Афинская полития 18, пер. С.И.Радцига [Античная демократия 1996, с.43-44])

«День, в который Гиппарх убит был Аристокитоном

И Гармодием, был светлым поистине днем»

(№ 475). (Симонид. Эпиграммы 1, пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.11])

(№ 476). «[Обязанности должностных лиц в Афинах] 58. Полемарх совершает жертвоприношение Артемиде-Охотнице и Эниалию; устраивает надгробные состязания в честь павших на войне и совершает поминки в честь Гармодия и Аристокитона» (Аристотель. Афинская полития 58, 1, пер. С.И.Радцига [Античная демократия 1996, с.76])

(№ 477). «...народ издал закон, запрещающий кому бы то ни было говорить дурное о Гармонии и Аристокитоне или пародировать песни о них» (Гиперид II фр.21, стб. I пар. 3, пер. Л.М.Глускиной [Гиперид 1962, с.211])

(№ 478). Слова Герода Аттика: «афиняне народным постановлением запретили когда-либо давать рабам имена храбрейших юношей Гармония и Аристокитона, решивших ради восстановления свободы убить тирана Гиппия, поскольку считали, что было бы нечестиво имена, отданные за свободу отечества, осквернять рабской причастностью» (Геллий IX 2, 10 [Геллий 1993, с.86])

(№ 479). «...вспомним традицию, кою единодушным решением соблюдать условившись, мы по сей день храним: не нарекать отпрыска раба именами Гармония и Аристокитона, освободителей города родного от тиранов». (Либаний. Апология Сократа 71 [Либаний 1997, с.170])

См. также Фукидид I 20, 2 [Фукидид 1999, с.15] То же: Элиан. Пёстрые рассказы XI 8 [Элиан 1963, с.81]

Геродот V 55, VI 109-123; Павсаний I 8, 5; 29, 15.

О Гармонии и Аристокитоне. (Диодор X 16 [Античная демократия 1996, с.131])

См. также вариации: [Гёльдерлин 1969, с.338-339]

Анонимные застольные песни:

«С веткой миртовой меч нести я стану,

Как Гармодий нёс с Аристокитоном,

Умертвивши тирана вдвоем,

Равнозаконие граду Афинам дав»

(№ 480). (Анонимный фр.10, пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.402])

«С веткой миртовой меч нести я стану,

Как Гармодий нёс с Аристокитоном,

Ведь тирана Гиппарха они

Умертвили на празднестве в Афинах»

(№ 481). (Анонимный фр.12, пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.403])

«Ваша слава вовеки не померкнет,

О Гармодий, и ты, Аристокитон.

Вы тирана убили вдвоем,

Равнозаконие граду Афинам дав»

(№ 482). (Анонимный фр.13, пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.403])

«О любимый Гармодий, ты не умер!

Говорят, ты на острове блаженных,

Где Ахилл быстроногий живёт,

Отпрыск Тидея где, доблестный Диомед»

(№ 483). (Анонимный фр.11, пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.403])

О статуях

(№ 484). «Не знаю, не тираноубийцам ли Гармодию и Аристокитону самым первым афиняне поставили статуи от имени государства. Это произошло в том же году, в котором и из Рима были изгнаны цари [509 г.]» (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 17 [Плиний 1994, с.57])

(№ 485). «Много было захвачено там [в Сузах] и разных предметов, увезенных Ксерксом из Эллады, между прочим, медные статуи Гармодия и Аристокитона. (8) Александр отправил их обратно афинянам, и теперь эти статуи находятся в Афинах, в Керамике, там, где начинается подъем на акрополь, почти напротив Метроона и недалеко от алтаря Эвданемов». (Арриан. Поход Александра III 16, 7-8 [Арриан 1993, с.124]) То же Арриан VII 19, 2 [с.238]

(№ 486). «[Афины] Недалеко стояли Гармодий и Аристокитон, убившие Гиппарха... Из этих статуй одни являются творением Крития, а более древние создал Антенор. Ксеркс, взяв Афины, когда афиняне покинули город, увез с собою и эти статуи в качестве добычи; впоследствии их прислал назад афинянам Антиох» (Павсаний I 8, 5 [Павсаний 2002, т.1, с.34])

(№ 487). «Тиранн спросил его [Диогена-киника], какая медь лучше всего годится для статуй. Диоген сказал: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристокитон» (Диоген Лаэртский VI 50 [Диоген 1979, с.249]; то же см. Диоген, фр.165 Нахов [Антология кинизма 1996, с.129])

(№ 488). «Пракситель ... создал из меди ... Тираноубийц Гармодия и Аристогонита, которых забрал персидский царь Ксеркс, а Александр Великий после победы над Персией вернул афинянам» (путаница у Плиния) (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 69-70 [Плиний 1994, с.68])

(№ 489). «Антигнот [создал] – и борцов, Периксиомена, также упомянутых выше Тираноубийц» (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 86 [Плиний 1994, с.71])

О Леэне

(№ 490). «И прекрасную награду за молчание получила Львица: она была подругой Гармодия и Аристогонита, и на нее, как на женщину, возлагали надежды заговорщики: ибо и сама славилась Вакха с прекрасным кубком любви, и была посвящена в его таинства. А когда после неудачной попытки заговорщики были убиты, то и Львицу допрашивали и принуждали назвать тех, кто сумел скрыться; она же все перенесла, никого не выдав, и тем доказала, что мужи, любившие такую женщину, и тут не уронили своего достоинства. Афиняне, сделав бронзовую львицу без языка, поместили ее у входа на акрополь, смелостью животного явив стойкость женщины, а отсутствием языка – сдержанность ее и умение сохранить тайну» (Плутарх. О болтливости 8, пер. М.Томашевской [Плутарх 1983, с.465])

(№ 491). «Амфикрат славится [статуей] Лееной. Это была гетера, близкая, благодаря своей игре на лире, к Гармодию и Аристогону. Замученная до смерти под пытками тиранов, она не выдала замыслов Гармодия и Аристогонита убить тиранов» (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 72 [Плиний 1994, с.68])

Искаженные версии

См. Гигин. Мифы 258 [Гигин 2000, с.277] – искаженная версия

Юстин. Эпитома Помпея Трога II 9, 1 [Юстин 2005, с.26] – искаженная версия

(№ 492). «Гармодий и Аристогонит, люди из народа, устроившие заговор против сыновей Писистрата Гиппия и Гиппарха, которые царствовали сурово, и убившие их. За это им как спасителям были установлены божественные почести». (Ампелий 15, 8 [Ампелий 2002, с.67])

2. Период классики

2.1. Ранняя классика (480-431)

Симонид

Эрот:

«Жестокое дитя,

От злоумной Афродиты

Злоискусному рожденное Аресу...»

(№ 493). (Симонид. Мелика, фр.24 (70), пер. М.Л.Гаспарова [Поэты 1999, с.376])

[Про Ахилла]:

«Скорбь обуяла безмерная войско, что так тебя чтило,

В урне с Патроклом одной скрыли останки твои»

(№ 494). (Симонид. Элегии, фр.1 (11), ст.5-6, пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.282])

(№ 495). «...а вспомни, как перед эллинами, отплывающими из-под Трои и уже теряющими из вида ее берега, внезапно возникает призрак Ахилла, вознесшийся над могилой великого героя; я не знаю, кто бы сумел нагляднее Симонида воспроизвести эту сцену» (О возвышенном 15, 7, пер. Н.А.Чистяковой [О возвышенном 1966, с.34])

Из похвальной песни павшим при Фермопилах.

«Светел жребий и подвиг прекрасен

Убиенных перед дверью фермопильской!

Алтарь – их могила; и плач да не смолкнет о них, но да будет

Память о славных живою в сердцах! Время

Не изгладит на сей плите письмен святых,

Когда все твердыни падут и мох оденет их следы!

Тут схоронила свой цвет Эллада, любовь свою.

Ты, Леонид, мне свидетель о том, спартанский воин,

Чей не увянет вечный венец»

(№ 496). (Симонид. Мелика, фр.14 (26), пер. Вяч.И.Иванова [Поэты 1999, с.374])

Эпитафии павшим при Фермопилах. (Симонид. Эпиграммы 7-9, 22. Пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.12-13, 16])

Эпитафия Леониду (Псевдо-Симонид. Эпиграммы 83. Пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.31])

«Стоит увидеть мне раз златокудрого Эхекратида,
Взор насыщая красой, за руку милую взяв,
Кожи цветущей его аромат вбирая глубоко,
Полнятся очи мои сладостной негой любви.
Если бы мог я с любимцем моим наслажденье изведать
Среди цветов полевых, прочь седину отогнав,
Я бы душистый веночек сияющего златоцветца, -
Радости спутник моей, - сплел из побегов младых»

(№ 497). (Симонид. Элегии, фр.10 (22, ст.9-16), пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.284])

Пиндар

Тексты Пиндара цитируются в переводах М.Л.Гаспарова [Пиндар 1980, с.5-226]

Нужно иметь в виду, что счет строк в переводе не совпадает с подлинником.

(№ 498). Первая Олимпийская песнь

Гиерону Сиракузскому и коню его Ференику на победу в скачке

76 Олимпиада [476 г. до н.э.]

...

Сердце мое,

Ты хочешь воспеть наши игры?

Не ищи в полдневном пустынном эфире

Звезд светлей, чем блестящее солнце, (5)

Не ищи состязаний, достойней песни,

Чем Олимпийский бег.

...

Слава Гиерона сияет

В этом славном мужами поселенье лидийского Пелопа –

Пелопа – которого полюбил держатель земли Посидон, (25)

Когда Клото воздвигла его из чистой купели

С плечом, блиставшим слоновой костью.

...

Пелоп, сын Тантала!

Я скажу о тебе иное, чем предки:

Я скажу, что некогда твой отец,

Созывая богов на милый Сипил,

Благозаконно

Воздавал им пиром за пир, -

И когда-то сверкающий трезубцем бог (40)

Схватил тебя и унес,

Ибо страсть придавила его сердце.

На своих золотых конях

Он вознес тебя к Зевсу в небесный широкославный чертог,

Где такая же страсть поселила потом Ганимеда. (45)

...

[Тантал похитил у богов нектар и амвросию]

Оттого-то

И вернули его сына бессмертные

К кратковременной доле жителя земли.

А когда расцвели его годы,

Когда первый пух отемнил его щеки, (70)
Он задумался о брачной добыче,
О славной Гипподамии, дочери писейского отца.

Выйдя к берегу серого моря,
Он один в ночи
Воззвал к богу, носителю трезубца,
К богу, чей гулок прибой, - (75)

И бог предстал пред лицом его.
Сказал Пелоп:

«Если в милых дарах Киприды
Ведома тебе сладость, -

О Посидон!

Удержи медное копьё Эномая,
Устреми меня в Элиду на необгонимой колеснице,

Осени меня силой! (80)

...

Он сказал –

И слова его были не праздными.

Для славы его

Дал ему бог золотую колесницу и коней с неутомимыми крыльями.

Он поверг Эномаеву мощь,

Он возлег с его дочерью,

И она родила ему шесть сыновей,

Шесть владык, блистающих доблестью.

А теперь, (90)

Почитаемый ярью кровавых возлияний,
Он почиет у Алфейского брода,
И несчетные странники стекаются к его могиле
Помолиться у алтаря. (95)

Но слава его,
Слава Пелопа
Далеко озирает весь мир с Олимпийских ристалищ,
Где быстрота состязается с быстротой
И отважная сила ищет своего предела;
И там победитель (100)

До самой смерти
Вкушает медвяное блаженство
Выигранной борьбы, -
День дню передает его счастье,
А это – высшее, что есть у мужей.

А мой удел –

Конным напевом, эолийским ладом
Венчать героя. (105)

...

(Пиндар. Ол. I [Пиндар 1980, с.9-13])

«Лишь достойные мужи
Обретают беструдную жизнь
Там, где под солнцем вечно дни – как ночи и ночи – как дни.

...

Радостные верностью своей,
Меж любимцев богов
Провожают они беспечальную вечность...

(№ 499). (Пиндар. Ол. II 61-67 [Пиндар 1980, с.17])

«...И завидуют хулящие
Тому, кому вскачь на двенадцатом кругу
Первому по чести излила Харита
Славную свою красоту»

(№ 500). (Пиндар. Ол. VI 74-76 [Пиндар 1980, с.29-30])

«Телом красив,
Делом подстать,
Победный в борьбе,
Возгласил он о длинновесельной отчей Эгине
Где спасительная Правда, сопрестольница гостеприимца Зевса,
Чтится, как нигде меж людьми»

(№ 501). (Пиндар. Ол. VIII 18-22 [Пиндар 1980, с.37])

«...Но более всех меж приходящими
Чтил он потомка Актора и Эгины –
Менетия,
Которого сын
Вслед Атридам на Тевфрантских полях
Единственный не покинул Ахилла,
Когда мощных данаев поворотил и бросил Телеф

К соленым корабельным бокам, -
И явен стал для разумеющего
Крепкий ум
Патрокла.
Не с той ли поры и сын Фетиды
Указал ему
Быть в строю под губительным Аресом
Там, где копьё его, смиряющее смертных»

(№ 502). (Пиндар. Ол. IX 69-79 [Пиндар 1980, с.43])

«...Каким он криком огласил ряды,
Юный, прекрасный, по прекраснейшем из свершений!
В паррасийской толпе
Дивен предстал он на торжестве Ликейского Зевса;
В Пеллене
Ласковое унес он целенье от студеного ветра;
Иолаев курган и морской Элевсин –
Поручители красоты его»

(№ 503). (Пиндар. Ол. IX 93-99 [Пиндар 1980, с.44])

«...Пусть же Агесидам возблагодарит своего Ила,
Как Ахилла – Патрокл!
Кто оттачивает человека, кованного к подвигу,
Тот к чудной славе толкнет его божией ладонью»

(№ 504). (Пиндар. Ол. X 18-21 [Пиндар 1980, с.45])

«Щедр корм славе

От Зевсовых Пиерид;
Дольщик их забот,
Я объял знаменитое племя локров,
Медом моим орошая город добрых мужей,
Я воспел милое дитя Архестрата,
Видя силу рук его в ту пору при олимпийском алтаре:
Ясен ликом,
Юностью цвел он,
Спасшей Ганимеда от беспощадной участи людской
По милости Кифереи»

(№ 505). (Пиндар. Ол. X 95-106 [Пиндар 1980, с.48])

«В честь Кинира поют на Кипре,
Угодного золотогривому Аполлону,
Чтителя, избранного Афродитой,
А ведет те песни
Благодарность – воздаяние добрых дел».

(№ 506). (Пиндар. Пиф. II 15 [Пиндар 1980, с.65])

«Боги даруют мощь,
Мудрые умеют красиво ее выносить.
Ты шествуешь в правде,
И великое обилие вокруг тебя:
Ты – царь больших городов,
Они – честь уму твоему, зеница рода твоего; (20)
Ты – счастливец этого дня,

Он принес тебе конным бегом желанную Пифийскую славу

В шествии мужей,

Отраде Феба.

И пока звенят они о тебе

По сладким садам Киренской Афродиты, -

Ты помни, что бог – начало и верх всего, (25)

Ты помни, что Каррот – любезнейший меж ближних твоих»

(№ 507). (Пиндар. Пиф. V 12-27 [Пиндар 1980, с.91])

«В давние дни не с этим ли шел заветом

Сильный Антилох

Пасть за отца

Пред смертоносным Мемноном, воеводою эфиопов? (30)

Раненный от Парисовых стрел,

Конь удержал колесницу Нестора;

Настигаемый мощным копьем,

Выкрикнул сыну мессенский старец смятение свое; (35)

И не в прах покатались его слова –

Не дрогнув,

Смертью купил отчий возврат божественный сын,

Лучшим бойцам из древних родов (40)

Явив громадою подвига

Высшую о родителе доблесть»

(№ 508). (Пиндар. Пиф. VI 27-42 [Пиндар 1980, с.96])

«Любезный труд

Ожидает красу того края,
Где некогда обитали мирмидоняне,
Чью древнюю славу
По милости твоей
Не запятнал позором Аристоклид, (15)

Обессилев в многоборье состязания:
От истомляющих ударов
Целящее зелье –
Славная победа среди широких немейских равнин
Сын Аристофана,
Лицом он красив,
Дела его подстать красоте,
И если высшей достигнет он доблести, - (20)
Нелегко проплыть еще далее...»

(№ 509). (Пиндар. Нем. III 12-21 [Пиндар 1980, с.122])

«...Ахилл [царствует] – на Евксинском блистательном острове...»

(№ 510). (Пиндар. Нем. IV 49 [Пиндар 1980, с.128])

«...Но во всем, что есть,
Сладка передышка –
Пресыщают
Даже мед и милые цветы Афродиты»

(№ 511). (Пиндар. Нем. VII 52-53 [Пиндар 1980, с.141])

«Если причастится человеку человек, -
То отраднее всех отрад

Ближнему ближний, любящий глубиной души...»
(№ 512). (Пиндар. Нем. VII 87-88 [Пиндар 1980, с.143])

«Державная Юность,
Вестница амвросических нег Афродиты,
Ты живешь на ресницах отроков и дев,
Одного ты вверяешь ласковым ладоням Судьбы,
Другого – жестким.
Счастлив тот,
Кто не разминулся с добрым случаем,
Кому дано
Царить над лучшими из Эротов!»

(№ 513). (Пиндар. Нем. VIII 1-5 [Пиндар 1980, с.144])

«Безмятежность мила застолице,
В нежных песнях распускается свежий цвет побед,
Крепнут голоса над винными чашами.
Слей вино с водой,
В чаше, сладкой вестнице пира,
Буйный сын лозы
Пусть разольется по серебряным фиалам...»

(№ 514). (Пиндар. Нем. IX 48-51 [Пиндар 1980, с.150])

«В старые, Фрасибул, времена,
Кто всходил на повитую золотом колесницу Муз
Навстречу гремучей своей лире,

Тот, как стрелы, стремил медвяные песни свои
Тем юным, чья свежая красота
Сладкие сулила плоды
Афродите на светлом престоле.
Жадная Муза не шла тогда в наём,
И не торговала медовая Терпсихора
Нежноголосыми песнями, клеймеными серебром...»

(№ 515). (Пиндар. Истм. II 1-10 [Пиндар 1980, с.163])

«Ибо слово – мзда для добрых бойцов,
Ибо гремят они в разноголосье флейт и лир
Во веки веков»

(№ 516). (Пиндар. Истм. V 25-28 [Пиндар 1980, с.171])

«Но счастье бывшего – сон:
Люди беспамятны
Ко всему, что не тронуто цветом мудрецов,
Что не влажено в струи славословий.

Правь же ныне праздник, (20)

Пой же красные песни

Стрепсиаду!

Он несет от Истма многоборный венок,

Он мышцей могуч, он статью красив,

И доблесть ему под рост.

...

...Цветущую твою юность ты выдохнул

В гуще первоборцев,

Где лучшие держали боевой спор (35)

На пределе надежд.

(№ 517). (Пиндар. Истм. VII 16-22, 33-36 [Пиндар 1980, с.177])

«...уста умельцев возвестили неведающим

Молодую доблесть Ахилла.

Он обрызгал лозы мизийских равнин

Кровью черной пагубы Телефа, (50)

Он вымостил Атридам победный возврат,

Он вызволил Елену,

Он копьем подсек жилы Трои –

Тех, кто шел на него,

По равнине вздымавшего смертный боевой труд:

Мощь надменного Мемнона,

И Гектора, и других борцов. (55)

Всем указал им обителица Персефоны

Ахилл, столп Эакидов,

Осиявший свою Эгину и корень предков своих,

В самой смерти не оставленный песнями:

Над костром его и над курганом его

Разливали Геликонские девы бессмертный плач,

Ибо велено богами:

Доброму мужу и по смерти быть в песнях богинь. (60)

...

Заплетите же, сверстники,
Нежный мирт в венок многоборному Клеандру;
Недаром удача шла рядом с ним
В Алкафоевом споре и меж юношей Эпидавра!
И достойный не откажет ему в похвале, -
Он не смял, он не скрыл
Юность свою, не чуждую прекрасного»

(№ 518). (Истм. VIII 48-60, 66-69 [Пиндар 1980, с.181-182])

Пиф.4: Аргонавты. (Геракл не упомянут)

Пиф.6: Антилох [с.95-96]

Нем.3: Ахилл [с.121-126] (Патрокл не упомянут)

Истм.1: Иолай и Кастор [с.160-163]

Иолай и Кастор (Истм. I 16-32 [Пиндар 1980, с.161])

Пилад и Орест (Пиндар. Пиф. XI 16 [Пиндар 1980, с.112])

Два имени Делоса – см. гимн. Фр.33с [Пиндар 1980, с.185]

См. фр.104 [с.207]

(№ 519). «Пиндар в своих просодиях представил ... что влюбленный Зевс становился то быком, то орлом, то лебедем...» (Пиндар. Фр.91 [Пиндар 1980, с.203])

(№ 520). «Пиндар в «отдельных парфениях» говорит, что мужчины в любви молятся Солнцу, а женщины Луне» (Пиндар. Фр.104 [Пиндар 1980, с.207])

«Энкомий Феоксену Тенедосскому

В должное время,

В юные годы
Надобно пожинать любовные утехы;
Но лучащийся блеск из глаз Феоксена –
Кто, увидев его, не вспенится страстью,
Сердце у того
Чёрное,
Из железа или стали
На холодном выкованное огне,
И Афродита с кружащимися очами
Гнушается им;
Или, верно, надрывается он о наживе,
Или женским бесстыдством
Сбит он, служа ему душою на всех путях.
Но я, по воле богини,
Таю,
Как тает под вгрызающимся пламенем
Воск священных пчёл,
Едва я увижу
Юную свежесть отроческих тел.
Недаром, являсь на Тенедосе,
Харита и богиня Зова...
...сына Агесилая...
...»

(№ 521). (Пиндар, фр.123 (Афиней XIII 76, из Хамелеонта) [Пиндар 1980, с.211])

См. комм. [Там же, с.468]

«Люби и служи любви,
Пока дано тебе время;
Не гонись, душа,
За счётом старческих тягот...»

(№ 522). (Пиндар, фр.127 (Афинея XIII 76) [Пиндар 1980, с.212])

«... всю прелесть утех Афродиты,
Чтобы вместе с Химаром пить
И плескать вино
За здоровье Агафонида...»

(№ 523). (Пиндар, фр.128 (Афинея X 30) [Пиндар 1980, с.212])

«Славословия подобают лучшим...
...В прекрасных песнях...
Только в них достигает нас бессмертная честь,
А в молчанье – и прекрасное гибнет»

(№ 524). (Пиндар. Фр.121.

Энкомий Александру, сыну Аминты [Пиндар 1980, с.210])

«Сладко урвать Кипридину милость...»

(№ 525). (Пиндар. Фр.217 [Пиндар 1980, с.224])

Эпитафия Пиндару. Леонид (?). № 99 [Эпиграмма 1993, с.152]

Антипатр Сидонский № 18 [Эпиграмма 1993, с.196]

Вариации

«Хонда снял одежду и, оставшись в одних трусах, вышел из хижины к водопаду.

В ярко освещенных зарослях высоко в месте падения воды была натянута соломенная веревка симэнава: только там различались цвета – зеленый цвет кустарника, колыхавшегося под ветром, и белый – развевающихся полосок, атрибута священного жгута. Когда же взор скользил ниже, то там все было скрыто темными скалами: крошечная молельня бога огня Фудо пряталась в нише скалы, осыпанные брызгами воды папоротник, кустарник, считавшиеся священными деревья сакаки, - все это было темным, белела только тонкая линия водопада. Шум воды громким эхом отражался от скал.

Под струей водопада тесно, касаясь друг друга телами, стояли трое юношей, падающая им на плечи и голову вода, разбиваясь, разлеталась брызгами в разные стороны. К шуму водопада примешивались хлесткие звуки ударов воды, бьющей по молодой упругой коже, вблизи было видно, как она покраснела на плечах.

Заметив Хонду, один из юношей подтолкнул товарищей и, выйдя из-под водопада, почтительно склонил голову. Он уступал место под струей.

Хонда сразу узнал Иинуму. Хонда занял под водопадом место, которое ему уступили. И отскочил, почувствовав плечами и грудью удары воды, похожие на удары палкой.

Иинума, весело рассмеявшись, вернулся под струю. Встав рядом с Хондой, он, словно намереваясь объяснить ему, как встретить удары воды, высоко поднял вверх, навстречу падающей воде руки и, поддерживая ее пальцами раскрытых ладоней, словно поднимал тяжелую цветочную корзину из буйствующей воды, засмеялся, обратив лицо к Хонде»

(Юкио Мисима. Тетралогия «Море изобилия».

Том 2. Несущие кони. Гл.5 [Мисима 2004, с.47-48])

Вакхилид

(переводы М.Л.Гаспарова)

«Но счастливы те,

Кому славные немейские игры

Украшают русые кудри

Венком своего трехлетия!

И этот удел

По воле божества

Победителю выпал Автомеду.

Он сиял среди пятиборцев,
Как лучистая луна полнолуныя
Затмевает звездные светы;
Без числа окружившим его эллинам
Явил он дивный свой облик,
Метнув кружащийся диск,
И воздвиг народные клики,
Устремив рукою в крутой эфир
Древко чернолиственной бузины
Или выстояв стремительную борьбу»

(№ 526). (Вакхилид. IX (Нем.) 21-37 [Пиндар 1980, с.245])

«Тысяча есть в людях умений:
Золотая надежда
Иному расцветает в мудрости,
Иному – в милости Харит,
Иному – в знании божьей воли,
Иной на мальчиков
Направляет пеструю свою стрелу,
Иному пашни и коровьи стада
Укрепляют дух...»

(№ 527). (Вакхилид. X (Истм.) 39-45 [Пиндар 1980, с.249])

«...Ныне по воле твоей
Любимый богами Метапонт

Празднествами полон и шествиями
Крепких юношей,
А поют они пифийского победителя,
Красавца – сына Фаиска»

(№ 528). (Вакхилид XI (Пиф.) 9-14 [Пиндар 1980, с.250])

«...или выгнет белую руку,
Чтобы нанести удар от локтя
Во имя этих юношей...»

(№ 529). (Вакхилид, фр.17) (Афинея XV 5) [Пиндар 1980, с.278] –
см. комм. [Там же, с.490])

«Да, хорош Феокрит:
Ты не один его заметил!»

(№ 530). (Вакхилид, фр.18) [Пиндар 1980, с.278]

Александр, сыну Аминта, македонскому царю.

«Лира моя, покинь свой приют настенный,
Слуху яви семизвучный свой чистый голос,
В руки мои приди: настало время
Послать Александру золотое перо моей Музы.

Пусть оно станет красой пиров новолунных,
Когда сладостная неминуемость спешащих кубков
Свежие горячит юношеские души,
Мгновенными пронизывая их чаяньями Киприды,

Неразлучно едиными с дарениями Диониса.
Высоко тогда возносятся людские заботы,
Венцы городов падают в прах пред каждым,
Каждый себе мнится владыкой над целым миром...»

(№ 531). (Вакхилид. Фр.20b, ст.1-12 [Пиндар 1980, с.280])

Анонимные тексты

«К вящей славе родных Афин, священного града,
Состроенные с помощью Гефеста
Флейты, поросль черной земли, посвятил Афродите
Опид, влюбясь в прекрасного Брисона»

(№ 532). (Псевдо-Симонид. Эпиграммы 64 (АП XIII 20),
пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1993, с.27])

«О, если б стал я лирою кости слоновой – несли б меня
В хороводе вакхическом отроки превосходные»

(№ 533). (Анонимный фр.17. Пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.403])

«Пью – так пей, а люблю – тоже люби! Вместе возьмем венки!
Я шалею – шалей! В разуме я – в разум и ты войди»

(№ 534). (Анонимный фр.19. Пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.404])

Кидий

Время жизни неизвестно, очевидно, первая половина V в. до н.э.

(№ 535). «поэт Кидий, советовавший кому-то по поводу встречи с прекрасным мальчиком

«остерегаться, выйдя, олененку подобно, навстречу льву, разделить удел жертвенного мяса» (Платон. Хармид 155e, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.344])

Фриних

(№ 536). «У Троила была репутация эротического персонажа:

«на пурпурных щеках сияет свет любви» (Фриних, фр.13 Наук)

[Ранняя греческая лирика 1999, с.111]; То же: [Софокл 1990, с.443])

(№ 537). «Влюбленный ... при первом взгляде на своего возлюбленного

«Поник, как кочет, рабское склонив крыло» [Фриних]

(Плутарх. Об Эроте 18, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.568];

То же: Плутарх. Алкивиад 4 [Плутарх 1994, т.1, с.245])

Эсхил

Тетралогия об Ахилле

«Эсхил [речь в подземном царстве]:

По примеру Гомера и я показал знаменитых героев немало:

И Патроклов и Тевкров – с душой как у льва, чтобы тем побудить гражданина

Всею силой стремиться за ними вослед, лишь услышит трубу боевую.

Зевс свидетель, что я представлять не хотел Сфенебей, да и Федр-потаскушек.

И не скажет никто, чтобы где-нибудь я образ женщины создал влюбленной»

(№ 538). (Аристофан. лягушки 1040-1044,

пер. Ю.Ф.Шульца [Аристофан 1954, т.2, с.303])

«Эврипид (про Эсхила)

Бывало, тщательно укрыв, посадит он героя,

Ахилла иль Ниобу, им лица не открывая.

Трагические куклы – все как в рот воды набрали»

(№ 539). (Аристофан. Лягушки 911-913,

пер. Ю.Ф.Шульца [Аристофан 1954, т.2, с.297])

(№ 540). «[Речь Федра]: Эсхил говорит вздор, утверждая, будто Ахилл был влюблен в Патрокла: ведь Ахилл был не только красивей Патрокла, как, впрочем, и вообще всех героев, но, по словам Гомера, и гораздо моложе, так что у него даже борода еще не росла» (Платон. Пир 180а, пер. С.К.Апта [Платон 1990-94, т.2, с.88-89])

«Мирмидоняне»

Фрагменты см. [Эсхил 1989, с.295-297].

[Антилох приносит весть о смерти Патрокла]

«О Антилох, меня, а не его оплачь,

Живого, а не мертвого: все кончено!»

(№ 541). (Эсхил, фр.155 (138), пер. М.Л.Гаспарова)

[Ахилл над внесенным телом Патрокла]

«Неблагодарный! Ты за всю любовь мою

Не пожалел святыни тела чистого!»

(№ 542). (Эсхил, фр.157 (135), пер. М.Л.Гаспарова)

(№ 543). «Присоединим к Солону и Эсхила, который говорит:

забыт тобою нежных чресл почет твоих

и крепкое забыто лобызание».

(Плутарх. Об Эротe 5, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.548])

(№ 544). Эсхил, фр.158 (136). Варианты перевода:

«И тела твоего пречистой близостью...»

(пер. М.Л.Гаспарова [Эсхил 1989, с.297])

«О, бёдер друга близость благодатная!»

(пер. С.А.Ошерова [Лукиан 1987, с.479])

«О бёдра друга! Скорбь по вас – святая скорбь»

(пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.80])

«Люблю тебя: и мёртвый ты не мерзок мне»

(№ 545). (Эсхил, фр.159 (137), пер. М.Л.Гаспарова)

«Нереиды»

[Погребение Патрокла:]

«Чистейшим льном усопшего окутайте...»

(№ 546). (Эсхил, Фр.161 (153), пер. М.Л.Гаспарова)

Прочее

Об Эроте: Агамемнон 745 (про Елену)

Также см. фр.181 (179) (об игре в коттаб), 202 (313) (о куретах).

[Ликург обращается к Дионису:]

«В каком ты виде, бабень, и откуда ты?»

(№ 547). (Эсхил. Эдоняне. Фр.7 (61), пер. М.Л.Гаспарова [Эсхил 1989, с.269])

Фемистокл

(№ 548). «Тем не менее общественная деятельность, по-видимому, рано и бурно привлекла к себе Фемистокла; сильно им овладела жажда славы, из-за которой он с самого начала, желая играть первую роль, смело вступал во враждебные отношения с сильными людьми, занимавшими в государстве первые места, особенно же с Аристидом, сыном Лисимаха, который всегда шёл по противоположному с ним пути. Но всё-таки вражда с ним, как думают, началась по совершенно ничтожному поводу: оба они полюбили

красавца Стесилая, уроженца острова Кеоса, как об этом рассказывает философ Аристон. С тех пор они постоянно враждовали и на поприще общественной деятельности» (Плутарх. Фемистокл 3, пер. С.И.Соболевского [Плутарх 1994, т.1, с.132])

(№ 549). «Аристон Кеосский сообщает, что причиной этой вражды, позже дошедшей до такого лютого ожесточения, была любовная страсть: оба горячо любили юношу Стесилая, родом также с Кеоса, намного превосходившего всех своих сверстников прелестью лица и тел, и, когда красота его отцвела, не оставили своего соперничества, но, словно то было для них предварительным упражнением, устремились на государственное поприще, пылая взаимной враждой» (Плутарх. Аристид 2, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.364])

(№ 550). «Один красавец, Антифат, сперва относился к Фемистоклу с пренебрежением, а потом, из-за его славы, стал за ним ухаживать. «Молодой человек, - сказал ему Фемистокл, - хоть и поздно, но мы с тобою оба в одно время поумнели» (Плутарх. Фемистокл 18, пер. С.И.Соболевского [Плутарх 1994, т.1, с.141]), то же: Плутарх. Изречения царей и полководцев 38, 8 [Плутарх 1990, с.357])

Парменид

(№ 551). «Можно предположить, что впервые подобную причину исследовал Гесиод, равно как и все остальные, полагавшие эрос онтологическим принципом, например Парменид: конструируя космогонию, он говорит:

Наипервейшим из всех богов она смастерила Эроса...

(Аристотель. Метафизика А 4 (984b 23), пер. А.В.Лебедева [ФРГФ 1989-, ч.1, с.293])

Платон. Пир 178b.

Плутарх. О любви 13 [Плутарх 1983, с.557].

(№ 552). «Он считает ее [Богиню - даймон] и причиной богов в следующих словах: (см.выше)» (Симпликий. Комм. к «Физике» 39, 18 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.293])

(№ 553). «В книгах «О природе» Парменид говорит, что в результате [особенностей] зачатия иногда рождаются изнеженные и расслабленные люди. ...

Когда мужчина и женщина смешивают семена любви,

То сила, формирующая (?) в жилах из различной крови,

В случае, если она сохраняет пропорцию смеси, образует хорошо сложенные тела.

Ибо если семя перемешалось, а силы враждуют

И не образуют единства в смешанном теле, то они жутко

Будут терзать рождающийся пол двойным семенем.

Он полагает, что в семени, помимо материальных веществ, имеются силы. Если они смешаются таким образом, что в одном и том же теле образуют единство, то порождают половое влечение, сообразное с полом. Если же вещества семени смешаются, а силы останутся разделенными, то рожденным достается любовное влечение, свойственное и тому и другому полу» (Целий Аврелиан. О хронических болезнях IV 9 = Парменид, фр. В18 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.294])

Зенон

(№ 554). «Зенон Элейский. Аполлодор в «Хронологии» говорит, что по рождению он был сын Телевтагора, по усыновлению же сын Парменида. ... Стало быть, этот Зенон был слушателем Парменида и стал его любовником; росту он был высокого, как о том говорит в «Пармениде» [127b] Платон, который упоминает о нём также в «Софисте» [216a] и в «Федре» [261d], называя его элейским Паламедом...» (Диоген Лаэртский IX 25 [Диоген 1979, с.367] То же: [ФРГФ 1989-, ч.1, с.298])

(№ 555). «Платоновскому Сократу возраст еле-еле позволяет быть собеседником Парменида, не то что произносить и выслушивать такие речи. Но что всего отвратительнее и всего лживее – так это безо всякой на то нужды сказать, что согражданин Парменида Зенон был его любовником!» (Афиней XI 505f [ФРГФ 1989-, ч.1, с.275-276, 301]) ср. Макробий. Сатурналии I 1, 5.

Эмпедокл

(№ 556). «Эмпедокл, сын Метона... Учился сначала у Парменида и, как говорит Порфирий в «Истории философии», был его любовником. Другие утверждают, что Эмпедокл был учеником Телавга, сына Пифагора» (Суда, под словом Эмпедокл = Эмпедокл, фр.А2 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.335])

Эмпедокл. Эпитафия Павсанию (Пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.35]).

(№ 557). «А Гераклид в книге «О болезнях» говорит, что он рассказал Павсанию о бездыханной женщине, - Павсаний этот, по словам Аристиппа и Сатира, был его любовником, и это ему посвятил Эмпедокл поэму «О природе» следующими словами:

Слушай меня, о Павсаний, премудрого отпрыск Анхита!

и сочинил такую надпись:

... (АП VII 508 под именем Симонида)

А тело той бездыханной женщины, говорит Гераклид, сохранял он целых тридцать дней без дыхания и без биения крови...» (Диоген Лаэртский VIII 60-61 [Диоген 1979, с.349] [ФРГФ 1989-, ч.1, с.332])

Любовь и Вражда у Эмпедокла – см. фр.31, 60, 62, 63, 68, 82, 84, 90.

(№ 558). «Эмпедокл называет благотворное начало Любовью (Филотес), Дружбой (Филия), а часто и Степенноокой Гармонией (Ладом)» (Плутарх. Об Исиде и Осирисе 48 = Эмпедокл, фр.403 [ФРГФ 1989-, ч.1, с.371])

О живых существах – фр.508, 642.

Вариации

«Эмпедокл (о Павсании)

...Пощадите

Любимца моего, - смотрите сами,
Как он красив и благороден! Верьте,
О верьте мне, что вам он будет нужен.
Припомните, я часто говорил вам, -
И ночь и хлад сковали б мир, тоска
Разъела б душу, если б всеблагие
Не посылали иногда на землю
Таких, как этот юноша, способных
Жизнь увядающую оживить»

(Фридрих Гёльдерлин. Смерть Эмпедокла.

Пер. Е.Эткинда [Гёльдерлин 1969, с.215])

Искусство V века

(№ 559). «[Серебряные кубки] Произведения ... существуют сейчас на острове Родосе: ... Миса – в том же храме [Диониса], с силенами и купидонами» (Плиний Старший. Естествознание XXXIII 155 [Плиний 1994, с.51])

Мис – чеканщик сер. V в. до н.э.

(№ 560). «Прежде чем прибыть из Алалкомен в Коронею, на пути будет храм Афины Итонию. ... В храме есть медные статуи Афины Итонию и Зевса, работы Агоракрита, ученика и любимца Фидия» (Павсаний IX 34, 1 [Павсаний 2002, т.2, с.225])

Фидий

(№ 561). «[Статуя Зевса в Олимпии работы Фидия] На той перекладине, которая обращена прямо к входу, семь изображений: восьмое из них, неизвестно каким путем, исчезло. Это все – изображения древних состязаний; во времена Фидия еще не были введены состязания мальчиков; тот, кто повязывает себе голову лентой, говорят, похож лицом на Пантарка; этот Пантарк был подросток из Элеи и любимец Фидия. В состязании мальчиков Пантарк одержал победу в борьбе во время 86-й олимпиады [436 г.]» (Павсаний V 11, 3 [Павсаний 2002, т.1, с.353])

(№ 562). «За статуей Икка стоит статуя элейца Пантарка, одержавшего победу в борьбе мальчиков; он был любимцем Фидия» (Павсаний VI 10, 6 [Павсаний 2002, т.1, с.414-415])

(№ 563). «Разве изготовители статуй не вызывают в душе тех из вас, кто обладает рассудком, презрение к материи? Афинянин Фидий написал на пальце Зевса Олимпийского: «Пантарк Красавец», прекрасным был для него не Зевс, а любимец». (Климент. Увещание к язычникам 53, 4 [Климент 1998, с.71])

(№ 564). «Когда упоминаемый, как первый среди ваятелей, известный Фидий окончил свое произведение огромных размеров, [статую] Юпитера Олимпийского, то надписал на пальце бога: «Pantarcus Pulcher» [Пантарк Красавец – лат.], - а это было имя мальчика, которого он любил и к которому питал позорную страсть, - и никакое опасение или религиозное чувство не удержали его от того, чтобы назвать бога именем развратника и даже присвоить развратнику божественность и образ Юпитера». (Арнобий. Против язычников VI 13 [Арнобий 1917, с.275])

Геродот

(№ 565). «Периандр, сын Кипсела, отправил 300 сыновей знатных людей с острова Керкиры в Сарды к Алиатту для осклопления. Когда же коринфяне с этими мальчиками на борту пристали к Самосу, то самосцы, узнав, зачем их везут в Сарды, сначала научили детей искать убежища в святилище Артемиды, а затем не позволили насильно вытащить «умоляющих о защите» из святилища. А когда коринфяне не хотели давать детям пищи, то самосцы устроили праздник... Это продолжалось до тех пор, пока коринфские стражи не уехали с острова, оставив детей. Затем самосцы отвезли детей назад на Керкиру» (Геродот III 48 [Геродот 1999, с.190])

(№ 566). «[493 г.] Тогда-то персидские военачальники показали, что их угрозы ионянам, когда те стояли враждебным станом против них, не были пустыми словами. В завоеванных городах персы, выбрав наиболее красивых мальчиков, вырезали у них половые органы и обращали в евнухов, а самых миловидных девушек уводили в плен к царю. Так они поступали и предавали огню города вместе со святилищами богов» (Геродот VI 32 [Геродот 1999, с.359-360])

(№ 567). «(105) Гермотим [из Педаса] был взят в плен врагами и выставлен на продажу в рабство. Купил его хиосец Панионий, который зарабатывал себе на жизнь постыднейшим ремеслом: он покупал красивых мальчиков, осклоплял их, приводил в Сарды или в Эфес на рынок и там перепродавал за большие деньги. У варваров же евнухи ценятся дороже, чем неосклопленные люди, из-за их полной надежности во всех делах. [Затем Гермотим достиг

высокого положения при дворе Дария и отправился в Атарней]. (106) ... После этой злобной речи Гермотим велел привести четверых сыновей Паниония и заставил его отрезать у них детородные члены. Панионий был вынужден это исполнить. А после этого Гермотим принудил сыновей оскопить своего отца. Так постигло Паниония мщение Гермотима» (Геродот VIII 105-106 [Геродот 1999, с.518-519])

Софокл

(№ 568). «Однажды, когда он вместе с Софоклом участвовал в морской экспедиции в должности стратега, и Софокл похвалил одного красивого мальчика, Перикл ему сказал: «У стратега, Софокл, должны быть чистыми не только руки, но и глаза» (Плутарх. Перикл 8, пер. С.И.Соболевского [Плутарх 1994, т.1, с.181])

(№ 569). «Когда коллегой Перикла по претуре был поэт Софокл, и они встретились для исполнения общих обязанностей, и Софокл сказал о красивом мальчике, случайно проходившем мимо: «Какой красивый мальчик, Перикл!», - то Перикл очень уместно заметил: «Это верно, Софокл, но претору подобает не давать воли не только своим рукам, но и своим взорам». Если бы Софокл сказал это же при испытании атлетов, он не услышал бы подобного справедливого упрека». (Цицерон. Об обязанностях I 40 (144) [Цицерон 1974, с.95])

(№ 570). «Я [Ион с Хиоса] встретился с поэтом Софоклом на Хиосе, в то время, когда он в качестве стратега плыл на Лесбос; был он за вином любителем шуток и занимательным собеседником. Его хозяином был Гермесилай, его личный друг и проксен афинянин. И вот, когда отрок – виночерпий стоял у огня ... Софокл заметил своему соседу:

- Как хорошо сказал Фриних:

Опять на пурпурных ланитах свет любви пылает.

Ему, однако, возразил какой-то эретриец, школьный учитель:

- Сам ты, Софокл, поэт хороший, но все же Фриних не совсем удачно назвал ланиты красавца «пурпурными». Ведь если бы живописец раскрасил пурпуровой краской щеки этого мальчика, он вовсе не показался бы нам прекрасным. Не следует, значит, сравнивать прекрасное с тем, что не прекрасно». (Афиной XIII 603f-604b = Свидетельство 10 (75) о Софокле, пер. В.Н.Чемберджи [Софокл 1990, с.443])

«Гелиос, о Еврипид, а не мальчик меня, распаляя,

Так обнажил; а тебя, жен обольститель чужих,

Ветер студень застиг. Тебе не пристало Эрота

В краже одежды винить, сея в чужой борозде»

(№ 571). (Софокл. Элегия, фр.2. Пер. Д.Усова [Элегия 1996, с.156])

«Геракл»

(№ 572). «Выражения «укладываться» [катакейстай] и «прилечь» [катакеклистай] употребляются как синонимы... Однако изредка можно встретить употребление в этом значении и выражения «возлечь» [анакейстай]. Например, у Софокла так выражается восплававший страстью к Гераклу сатир [ТГФ. 295]:

О если б мог к нему, когда приляжет он [анакеймено],

На шею прямо прыгнуть я!»

(Афиней I 23с-d [Афиней 2003-, т.1, с.34])

«Колхидянки»

«Красою бедр власть Зевса разжигает».

(Софокл. Колхидянки. Фр.25 (345), пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.383])

(№ 573). «Софокл же в «Колхидцах» употребил выражение о Ганимеде: «Он поджигает своими бедрами тиранию Зевса». (Софокл TGF 320 у Афиней XIII 602e [Лосев 2005, с.359])

«Ниоба»

«О друг, прости ты руки надо мной!»

(Софокл. Ниоба. Фр.52 (448), пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.387])

(№ 574). «Когда у Софокла Ниобиды гибнут, поражаемые стрелами, один из них призывает на помощь не кого-то другого, а своего поклонника:

О, защити меня своей рукой...»

(Плутарх. Об Эроте 17, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.565])

«Поклонники Ахилла»

Сатирическая драма. Рассказывала о влечении сатиров к юному Ахиллу, которого оберегал Феникс.

«Ведь этот недуг день один излечит.

Ты знаешь, с чем бы я сравнил его?»

Бывает, с неба холодом повеет,
И мальчики игривыми руками
Хватают плотный, затверделый лед.
Диковина их радует вначале;
Конец же тот, что мальчику-то жаль
Расстаться с ней, она ж игрушкой прочной
Не остается у него в руке.
Так и любовь: одна и та же страсть
И к делу манит, и от дела гонит».

(№ 575). (Софокл. Поклонники Ахилла. Фр.204 (149),
пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.406-407])

«Феникс

Увы! Ты видишь сам, что страсть напрасна».

(№ 576). (Софокл. Поклонники Ахилла. Фр.205 (153),
пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.407])

«Он глаз своих

Бросает стрелы».

(№ 577). (Софокл. Поклонники Ахилла. Фр.206 (157),
пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.407])

«Салмоней»

«Любовный зуд и шепот поцелуев –

Вот победителю в игре коттаба

Наградный приз: так объявляю я».

(№ 578). (Софокл. Салмоней. Фр.370 (537),
пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.425])

«Фамир»

(№ 579). «Сам Софокл не только был красив смолоду, но еще и в детстве под руководством Лампра стал искусен в танцах и музыке. Так, после морского сражения при Саламине, он, намазавшись маслом, обнаженным (а другие говорят, в плаще) плясал под кифару вокруг воздвигнутого трофея. При постановке «Фамира», Софокл сам играл на кифаре, а при постановке «Навсикаи» сам отлично играл в мяч» (Афиней I 20e-f [Афиней 2003-, т.1, с.30]) То же см.: (Свидетельство 2 (28) [Софокл 1990, с.442])

(№ 580). «Кифарой пользовались в трагедиях и Еврипид, и Софокл, Софокл же в «Фамире» и лирой» (Византийский аноним. О трагедии = Свидетельство 47 (99b) о Софокле, пер. В.Н.Чемберджи [Софокл 1990, с.448])

«Он разбил золоченый рог,

Дивный строй разорвал звонкоголосых струн».

(№ 581). (Софокл. Фамир. Фр.351 (244), пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.423])

«Всецело, с головой охвачен я безумьем

Мусическим от лиры и ладов Фамира,

Что их творит искусней всех...»

(№ 582). (Софокл. Фамир. Фр.352 (245), пер. О.В.Смыки [Софокл 1990, с.423])

(№ 583). «Так Фамир

Лиры звонкопоющей

Рог разбил золоченый [Софокл, неизв.траг.]»

(Плутарх. О подавлении гнева 5, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.445])

«Федра»

«Не на мужчин одних ведь нападает

Эрот, и не на женщин: он богов

На небесах смущает, он и море

Себе послушным сделал. Власть его

Сам Зевс стряхнуть не может – и не хочет».

(№ 584). (Софокл. Федра, фр.160 (684), пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.402])

Неизвестные трагедии

«Кого же к отроку любовь кольнула...»

(№ 585). (Софокл. Неизв.трагедия. Фр.477 (841),

пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.430])

(№ 586). «Свожу вместе также имеющих склонность к вину и к любовным связям, и не только тех, кто, по выражению Софокла, «уязвлен любовью к мальчикам» [фр.757]...» (Плутарх. Застольные беседы I 2, 6, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.13])

«В женоподобных ризах щеголяешь...» (про Диониса?)

(№ 587). (Софокл. Неизв.трагедия. Фр.423 (769),

пер. Ф.Ф.Зелинского [Софокл 1990, с.428])

Эпитафии Софоклу

Псевдо-Симонид. Эпиграммы 51. Пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1993, с.23]

Симий, № 4-5. [Эпиграмма 1993, с.66]

Диоскорид № 22 [Эпиграмма 1993, с.167]

Спарта

(№ 588). «Один из персов непрерывно задаривал юношу, в которого был влюблен Демарат, и переманил его к себе. «Что, спартанец, - сказал он, - отбил я твоего возлюбленного». «Нет, - отвечал тот, - клянусь богами, не отбил, а купил» (Плутарх. Изречения спартанцев 28, 6, пер. М.Н.Ботвинника [Плутарх 1990, с.304])

Павсаний

(№ 589). «А дело обстояло вот так. Павсаний сулил илотам свободу и гражданские права, если те поднимут восстание в поддержку его замыслов. (5) Но даже несмотря на это, эфоры все же не поверили доносам каких-то илотов и не решились выступить против

Павсания ... пока, как говорят, не предал его эфорам вестник, который должен был вручить Артабазу его последнее послание. Этот вестник, уроженец Аргила, был прежде любовником Павсания и, по его мнению, самым верным человеком. Когда он сообразил, что никто из прежних вестников не возвращался назад, то вскрыл послание, предварительно подделав печать ... В послании, как он и подозревал, действительно нашел приписку, в которой значилось, что вестника следует умертвить.

(133) Итак, лишь теперь ... эфоры были уже более склонны поверить вине Павсания, но все же сначала пожелали услышать какие-либо показания из его собственных уст. По уговору с эфорами доносчик отправился на Тенар как умоляющий о защите и построил там себе хижину, разделенную перегородкой на две части. В заднем помещении он скрыл нескольких эфоров. Когда Павсаний пришел в хижину и спросил аргильца о причине его моления о защите, эфоры могли ясно слышать всю их беседу: как этот человек, упрекая Павсания в том, что было написано о нем в послании, изложил во всех подробностях обстоятельства дела, а именно, что он никогда раньше не подвергал опасности Павсания, оказывая услуги при сношениях с царем, и что теперь в воздаяние за все это его наравне со многими другими вестниками приносят в жертву и хотят умертвить. Затем и Павсаний признал справедливость упреков и просил аргильца больше не гневаться, заверив его, что он безопасно может покинуть святилище...» (Фукидид I 132, 4-133 [Фукидид 1999, с.75-76])

О Павсании, царе Спарты. Диодор XI 45 [Антология 2000, с.176].

(№ 590). «Однажды некий юноша Аргилий, которого Павсаний прежде страстно любил, приняв от него письмо к Артабазу, усомнился, нет ли в послании чего-нибудь о нем самом, поскольку никто из прежних гонцов, направленных по тому же делу в ту же сторону назад не возвратился. Ослабив шнуровку и сняв печать, он убедился, что, доставив письмо на место, неизбежно погибнет. Были там и сведения, касающиеся того, о чем условились между собой Павсаний и персидский царь. Это письмо Аргилий передал эфорам. Нельзя не отметить здесь спартанской добросовестности, ведь даже такое свидетельство не побудило эфоров арестовать Павсания: они сочли, что силу следует применить только после того, как он сам себя выдаст. Итак, они указали доносчику, что ему следует делать. Есть на мысе Тенар храм Нептуна, неприкосновенность которого уважают все греки. Доносчик бежал туда и сел на алтарь. Рядом с алтарем соорудили подземную каморку, из которой было слышно все, о чем говорили с Аргилием. Сюда спустились несколько эфоров. Едва узнав, что Аргилий бежал в укрытие, Павсаний в смятении явился туда и, обнаружив, что юноша сидит на алтаре, отдавая себя под защиту бога, спросил его о причине такого внезапного поступка. Тот и поведал ему, что он вычитал в письме. Испугавшись еще больше, Павсаний взмолился, чтобы беглец молчал и не выдал того, кто сделал ему столько добра, обещая юноше щедрую награду, если тот простит его и поможет выпутаться из этого дела» (Непот. Павсаний 4 [Непот 1992, с.24-25])

Запад

Из Парфения

(№ 591). «Рассказывает Фаний из Эреса [«Устранение тиранов из мести»]

(1) В Гераклее Итальяской Антилеон влюбился в юношу редкой красоты (имя ему было Гиппарин) и весьма знатного происхождения. Употребляя всяческие старания, он тем не менее никак не мог привлечь его к себе; стремясь к близости с юношей, Антилеон все свое время проводил около гимнасиев и говорил, что питает к Гиппарину такую страсть, что готов претерпеть любые испытания и не отказать ему ни в чем, что бы тот ни попросил.

(2) А тот, насмехаясь над ним, приказал ему доставить колокол с некоего укрепленного места, очень охраняемого тираном Гераклеи. Гиппарин был уверен, что Антилеон не выполнит такого поручения. Между тем Антилеон тайно проникает в крепость и убивает сторожа при колоколе. И когда он вернулся к отроку, выполнив то, что обещал, он стал пользоваться величайшей благосклонностью с его стороны, и с тех пор оба очень любили друг друга.

(3) Когда же тиран этой страны влюбился в мальчика и готов был увести его силой, Антилеон, страшно разгневавшись, велел юноше не подвергать свою жизнь опасности отказом, сам же, напав на тирана при выходе из дома, убил его. (4) Совершив это, он пустился бежать и ушел бы от преследователей, если бы не был схвачен, попав в гущу связанных между собой овец. По этой причине гераклеицы, вернувшись к прежнему государственному строю, установили Антилеону и его любимцу медные статуи и приняли закон, чтобы впредь никто не перегонял овец связанными» (Парфений VII, пер. В.Н.Ярхо [Парфений 1992 (№ 1), с.261])

Плутарх называет Антилеона «метапонтинцем» (Плутарх. Об Эроте 16 [Плутарх 1983, с.564])

Датировка неясна, возможно, 5 в. до н.э.

(№ 592). «XXIV. О Гиппарине

(1) Сиракузский тиран Гиппарин воспылил страстью к очень красивому мальчику, чье имя было Ахей. Привлекая его многочисленными дарами, он убеждает его оставить родной дом и жить с ним. По истечении некоторого времени, когда стало известно о нападении врагов на какую-то из его земель и надо было срочно оказать ей помощь, Гиппарин, выступая в поход, приказал Ахею, если кто-либо из придворных будет пытаться овладеть им силой, убить того мечом, который он как раз недавно ему подарил.

(2) Затем, напав на врагов, Гиппарин одолел их и праздновал победу обильными возлияниями на большом пиру. Разжигаемый вином и страстью к Ахею, Гиппарин прискакал на коне в Сиракузы и явился в дом, где приказал находиться мальчику. В потемках, не называя себя, пришелец заплетающимся голосом заявил, что он убил Гиппарина, и мальчик, не узнав его в темноте, разгневавшись, наносит Гиппарину смертельную рану. Прожив три дня и освободив Ахея от обвинения в убийстве, Гиппарин умер» (пер. В.Н.Ярхо [Парфений 1992 (№ 2), с.242])

Датировка неясна, возможно, 5 в. до н.э.

2.2. Зрелая классика. I.

Пелопоннесская война (431-404)

Фукидид

Цитаты разбиты по рубрикам.

См. также Фукидид VIII 74, 3 [Фукидид 1999, с.514].

Гиппократ

(№ 593). «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами». (Гиппократ. Клятва [Гиппократ 1936-44, т.1, с.87])

(№ 594). «(28) ... Мужское и женское могут соединиться одно с другим потому, что оба питаются друг от друга, и потому, что душа одинакова во всех одушевленных существах, хотя тело в каждом различно. Душа всегда одинакова и в самом [с.453] большом, и в самом малом потому, что она не меняется ни по природе, ни по необходимости; но тело никогда ни в чем не бывает одно и то же ни по природе, ни по необходимости, потому что оно разделяется на все и примешивается ко всему. Если выделяемые тела получают с двух сторон мужскую часть, они вырастают соответственно тому, что имеется в наличии; из них рождаются мужчины с ясной душой и с мужественным телом, если только они не будут испорчены впоследствии диетой. Если от мужчины отделяется мужское, а от женщины – женское, а возьмет верх мужское, то более слабая душа присоединяется к более сильной ввиду того, что она не встречает в том, что имеется, ничего более сходного, ибо малое получает большое и большое – малое; соединенные, они господствуют над существующей материей; мужское тело возрастает, но женское хиреет и проходит другую судьбу; и эти мужчины бывают менее блестящи, чем предшествующие; тем не менее, поскольку мужское, пришедшее от мужчины, взяло верх, - они делаются мужественными, и это имя к ним справедливо относится. Если мужское доставлено женщиной и женское женщиной и мужское берет верх, возрастание происходит тем же порядком, как и в предшествующем случае. Но мужское чахнет; эти мужчины суть андрогины, и они справедливо так называются. Таковы, следовательно, три генерации мужчин, различающиеся в том, что они имеют более или менее мужественный характер, смотря по смешению частей воды, питания, воспитания и привычек...

(29) Женское возникает тем же образом: если женское начало доставлено с двух сторон, женщина становится в высокой степени женственной и прекрасной. Если женское доставлено женщиной и мужское женщиной, но женское победило, возрастание происходит тем же образом, но эти женщины более смелы, чем предшествующие, будучи, однако, также приятными; если женское доставлено женщиной, а мужское женщиной и женское победило, возрастание происходит тем же образом, и эти женщины более отважны, чем предшествующие, и их называют мужественными». (Гиппократ. О диете I 28-29 [т.2, с.452-53])

О причинах рождения мальчика или девочки. (Гиппократ. О семени и природе ребенка 6 [Гиппократ 1936-44, т.1, с.228])

Демокрит

(№ 595). «Мне кажется, что ни один человек не любит того, кто сам никого не любит». (Демократ 69 = Демокрит, фр.662 Лурье [Демокрит 1970, с.366])

(№ 596). «В жизни лучше быть любимым, чем вызывать страх: ибо тот, кого все боятся, сам всех боится». (Антоний Мелисса II 1 = Демокрит, фр.674 Лурье [Демокрит 1970, с.367])

(№ 597). «Любовным упрекам может положить конец только любовь (?)» (Столбей IV 20, 33 = Демокрит, фр.707 Лурье [Демокрит 1970, с.370])

(№ 598). «Телесная красота животна, если за ней нет ума». (Демократ 71 = Демокрит, фр.778 Лурье [Демокрит 1970, с.377])

(№ 599). «Следует стремиться не ко всякой радости, а к той, которая связана с прекрасным». (Столбей III 5, 22 = Демокрит, фр.786 Лурье [Демокрит 1970, с.377])

(№ 600). «Правомерная страсть – благородно стремиться к прекрасному». (Столбей III 5, 23 = Демокрит, фр.787 Лурье [Демокрит 1970, с.377])

(№ 601). «Большую радость вызывает созерцание прекрасного, [заключенного] в вещах». (Столбей III 2, 46 = Демокрит, фр.788 Лурье [Демокрит 1970, с.377])

Риторика

(№ 602). О прекрасном и постыдном. «В самом деле, взять хотя бы такой пример: мальчику прилично угождать своему взрослому любовнику, не любовнику же неприлично». (Аноним. Двоязыкие речи 2, 2 [Софисты 1940-41, вып.2, с.89])

Еврипид

У Еврипида немало сентенций об Эросе, но они относятся к гетеросексуальным мотивам.

«Адраст

...А здесь почил

Парфенопей, рождение Аталанты.

Почти дитя, а до чего красив!

Аркадия была его отчизной,

Но в Аргосе он вырос, как метэк.
Парфенопей был скромн: он аргосцам
Не докучал – зато и между нас
Враждебных лиц не видел.

...

Его краса желанья
Рождала и соблазны, но стоял
На страже он, чтоб не поддаться лести».

(№ 603). (Еврипид. Умоляющие 887-894, 898-900 [Еврипид 1999, т.1, с.317])

«Хор. Строфа II

Видно, и ты, Ганимед,
Томный, там у Кронида
Между его золотых
Полных ступая киафов,
Славною службой пленить
Тщетно пытался бога?
Троя в дыму и огне,
Край, родивший тебя...

...

Где же купальни твои,
О Ганимед,
Игры атлетов? В блеске
Зевсова трона твое
Лицо молодое спокойно.
Нежный еще, ты светел,

А Эллада копьём

Уж земли Приама сгубила».

(№ 604). (Еврипид. Троянки 820-827, 834-839 [Еврипид 1999, т.1, с.477])

«Фригиец

...Лейся ж, напев гробовой,

И Ганимеду звучи,

Внуку Дардана, проклятьем,

Зевса усладе... Увы мне!»

(№ 605). (Еврипид. Орест 1390-93 [Еврипид 1999, т.2, с.372])

«Хор

[Свадьба Пелея и Фетиды:]

Долго

Там Ганимед, Дарданов сын,

Ложа утеха Зевсова,

В кубки златочешуйные

Пенил богам золотой нектар...

(№ 606). (Еврипид. Ифигения в Авлиде 1048-1052 [Еврипид 1999, т.2, с.496])

«Хор. Строфа II

И Нота и Зефира

Дыханье на корме

Колеса рулевые

Ворочало со скрипом,

Когда на остров горный,

От птичьих стай весь белый,
Ристалищем Ахилла
И славный и прекрасный,
Пустым и лютым морем

Стремились эти люди?»

(№ 607). (Еврипид. Ифигения в Тавриде 430-437 [Еврипид 1999, т.1, с.511])

«Фетида – Пелею

Ты будешь жить в Нереевом дому
Со мной, как бог с богинею. Оттуда ж,
Не оросив сандалий, выйдешь ты,
Чтоб посетить на острове Ахилла,
На Белом берегу его чертог
Евксинскими омыт волнами, старец».

(№ 608). (Еврипид. Андромаха 1257-1262 [Еврипид 1999, т.1, с.278])

«Хор – Елене

Через столько лет ты снова
В хоровод войдешь священный
Иль отпразднуешь, ликуя,
Ночью память Гиакинта.
Был сражен он в состязанье
Диском Феба, и лаконцам
Бог велел, чтоб в год по разу
Гиакинта поминали».

(№ 609). (Еврипид. Елена 1467-1474, пер. И.Ф.Анненского
под ред. Ф.Ф.Зелинского [Еврипид 1999, т.2, с.137])

Все ремарки в следующем отрывке из сатировой драмы принадлежат переводчику (И.Анненскому):

«Киклоп

Но только вы, Хариты, даром

Чаруете Киклопа. Целовать

Я вас не собираюсь...

(обнимает Силена, который слабо отбивается).

Ганимеда

Довольно с нас и этого, чтоб ночь

Нам усладить. Вообще предпочитаю

Я мальчиков другому полу...

Силен (в ужасе)

Как?

Я – Ганимед Кронида? Что ты? Что ты?

(хочет вырваться, но ... только бессильно барахтается).

Киклоп

Сын Дардана... И им я завладел.

Силен

Ой, смерть моя... Как вынесу я это?

Киклоп

(мурлыча среди поцелуев, от которых Силен отбивается).

Отталкивать любовника за то,

Что выпил он... Капризничать... Ну нет.

(бежит с своей ношей в пещеру).

Силен

Увы! Сейчас вина познаю горечь».

(№ 610). (Еврипид. Киклоп 582-589 [Еврипид 1999, т.2, с.555-556])

См. также: Еврипид. Киклоп 495-498 [Еврипид 1999, т.2, с.549]

[Ипполит – про статую Афродиты:]

«Я чту ее, но издали, как чистый».

(№ 611). (Еврипид. Ипполит 102 [Еврипид 1999, т.1, с.172])

«Хрисипп»

(№ 612). «Не буду говорить о любви к женщинам (здесь сама природа дает нам больше свободы), но что сказать о похищении Ганимеда, как его представляют поэты, и кто не знает того, что у Еврипида говорит и делает Лаий?» (Цицерон. Тускуланские беседы IV 33 (71), пер. М.Л.Гаспарова [Цицерон 1975, с.319])

(№ 613). «Всем вам известный Лай говорит в трагедии:

Я внял совету твоему вполне,

И не глупец. Виной всему природа [фюсис].

[Еврипид. Хрисипп. Фр.840]»

(Климент. Строматы II 63, 2 [Климент 2003, т.1, с.295])

(№ 614). «И в Лаие, похищающем Хрисиппа, страсть также приходит в столкновение с рассудком; он говорит так:

В том для людей несчастье величайшее,

Что дурно поступают, благо ведая».

(Алкиной. Учебник платоновской философии XXIV 3, пер. Ю.А.Шичалина [Платон 1990-94, т.4, с.649])

(№ 615). «Нет, Еврипид, не решился на такое Лаий из-за Хрисиппа, хотя и ты говоришь, и молва гласит, что он самым первым завел у эллинов мужскую любовь». (Элиан. О природе животных VI 35, пер. С.В.Поляковой [Памятники 1964, т.1, с.289])

(№ 616). «Впрочем, поэты неправы, утверждая, будто начало этим любовным связям среди фиванцев положила страсть Лая» (Плутарх. Пелопид 19, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.329])

Об Еврипиде

Про смерть Еврипида. Гермесианакт, фр.1, ст.61-68 [Поэты 1999, с.290]

Эпитафии Еврипиду. Ион Хиосский. Эпиграммы 1-2. Пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.36]. Фукидид или Тимофей (пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1993, с.38])

Евен Паросский

(№ 617). «...животное верблюд при ходьбе сгибает ноги посередине бедра, чтобы сделать их короче, - ведь и само слово верблюд [камелос] происходит от «сгиба бедра» [каммерос], как говорит Эвен в любовных стихах к Эвному» (Артемидор I 4, пер. М.Л.Гаспарова и В.С.Зилитинкевич [Артемидор 1999, с.25])

Критий

(№ 618). «Как я люблю Ферамена, как высок был его дух! ... Брошенный тридцатью тиранами в темницу, он выпил яд, как пьет жаждущий, остаток же с шумом выплеснул из чаши и с улыбкою сказал, услышав плеск: «За здоровье красавца Крития!» Критий этот был ему злейший враг; а на пирах у греков принято было пить за здоровье тех, кто должен был поднять чашу следующим. ... и впрямь он накликал смерть на того, за чье здоровье пил отраву: прошло немного времени, и Критий погиб» (Цицерон. Тускуланские беседы I 40 (96), пер. М.Л.Гаспарова [Цицерон 1975, с.239-240])

Критий, фр. В1-6 – элегии. Фр. В1 (Атений XIII 600e) – Критий про Анакреонта.

Драма Крития (Псевдо-Еврипида) «Пирифой» [Софисты 1940-41, вып.2, с.66-69].

(№ 619). «Или ты не знаешь, что Критий, один из тридцати тиранов, сказал, что «прекраснейшая форма у мужских существ женственная, у женских же наоборот, мужественная?» (Критий, фр.В48 = Дион Хрисостом 21, 3 [Софисты 1940-41, вып.2, с.77])

Сочинение «О природе любви, или О добродетелях» (Критий, фр.В42 [Софисты 1940-41, вып.2, с.75])

Платон. Государство II 367e. Возлюбленный Главкона – Критий.

См. Аристотель. Риторика 1375b32.

Сократ

(№ 620). «После осуждения Анаксагора он [Сократ] слушал Архелая-физика и даже (по словам Аристоксена) был его наложником» (Диоген Лаэртский II 19 [Диоген 1979, с.109])

(№ 621). «...с Алкивиадом он [Сократ] находился даже в любовных отношениях – говорит Аристипп в IV книге «О роскоши древних» (Диоген Лаэртский II 23 [Диоген 1979, с.110])

(№ 622). «...даже к красоте Алкивиада, по мнению некоторых, он [Сократ] остался равнодушным» (Диоген Лаэртский II 31 [Диоген 1979, с.113])

(№ 623). «А уж того, что наговорил о Сократе Платон, о нем не назлословил ни один сочинитель комедий: ... что он переспал под одним плащом с Алкивиадом, - уж это то должно было быть высмеяно хотя бы тем же Аристофаном, который присутствовал на платоновском «Пире» при рассказе Алкивиада. Аристофан столько обличал Сократа в развращении юношества, что непременно здесь поднял бы шум.

Но вот что мудрая Аспасия, обучавшая риторике Сократа, говорит в стихах, сохранившихся под ее именем и процитированных учеником Кратета Геродиком:

Друг мой Сократ, я вижу твое разбитое сердце:

Сын Диномахи и Клиния в том виноват. Но послушай,

Если желаешь достигнуть ты цели своей вожденной,

Должен последовать точно Аспасии добрым советам!

Весть возбудила меня, запылало от радости тело,

Очи мои увлажнили божественной влагою слезы.

Пусть же тебя опьянит вдохновением нежная Муза.

Пой беззаветно тому, кто внимает с охотою песне.

Пылкость влюбленного – это оружие Эроса, поверь мне.

Свадебный дар песнопенья любимое сердце добудет.

Следовательно, Сократ сам выслеживает [мальчика], имея учительницей в любви милетянку, а не попадает в расставленные ему сети, как представлено у Платона. И он, видимо, не перестает плакаться – ведь увидев, в каком состоянии он находился, Аспасия продолжает:

Милый Сократ, отчего ты в слезах изнемог? Неужели

Вихрем, что в сердце бушует, любовным сражен безответно,

Ранен жестокостью глаз, потерял ты бальзам утешенья,

Мною обещанный.

А что Сократ действительно был влюблен в Алкивиада, несмотря на то что тому было под тридцать, Платон сам ясно указывает в «Протагоре» (309a)» (Афиней V 219b-f [Афиней 2003-, т.1, с.277-278])

Про Сократа: Элиан. Пёстрые рассказы I 16 [Элиан 1963, с.10]; II 13 [Там же, с.19-20] (постановка комедии «Облака»); II 36 [Там же, с.26].

Вариации

«...в глазах у каждого из нас, которые служат нам для того, чтобы видеть все, что есть во вселенной, на гранях зрачков запечатлен некий силуэт, так вот, у них это силуэт не нимфы, а эфеба. ... Они прощупывают извращение, как врач – аппендицит, им доставляет удовольствие напомнить, что и Сократ был такой же, ... забывая о том, что понятие ненормальности не существовало в те времена, когда гомосексуализм являлся нормой...»

(Марсель Пруст. В поисках утраченного времени, том 4. Содом и Гоморра.

Пер. с фр. Н.М.Любимова [Пруст 1992, т.4, с.16, 18])

«Кто этот человек, дерзающий в одиночку отрицать греческую сущность, которая в лице Гомера, Пиндара и Эсхила, Фидия, Перикла, Пифии и Диониса неизменно вызывает в нас чувства изумления и преклонения, как глубочайшая бездна и недостижимая вершина? ... Кто этот полубог, к которому хор благороднейших духов человечества принужден взывать: «Горе! Горе! Ты сокрушил его, этот прекрасный мир, могучей дланью, он падает, он рушится!»

... В тех исключительных положениях, когда его чудовищный ум приходил в колебание, он находил себе твердую опору в божественном голосе внутри себя. Этот голос всегда только отговаривал. Инстинктивная мудрость показывалась в этой совершенно ненормальной натуре только для того, чтобы по временам проявлять свое противодействие сознательному познанию. Между тем как у всех продуктивных людей именно инстинкт и представляет творчески-утвердительную силу, а сознание обычно критикует и отклоняет, - у Сократа инстинкт становится критиком, а сознание творцом – воистину чудовищность *per defectum* [от ущербности]».

(Фридрих Ницше. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм 13.

Пер. с нем. Г.А.Рачинского [Ницше 1990, т.1, с.107-108])

Алкивиад

(№ 624). «Воспитывался он в доме Перикла, которому, как говорят, приходился пасынком, учился – у Сократа, а тестем его был Гиппоник, самый богатый из всех людей, говорящих на греческом языке. Так что если бы сам Алкивиад захотел что-нибудь

придумать себе на пользу, то не смог бы вообразить или добиться больших благ, чем те, что уготовили ему природа и судьба. Когда он достиг отроческого возраста, многие влюблялись в него по обычаю греков, и среди прочих – Сократ, о чем упоминает Платон в "Пире". Он выводит там Алкивиада, который вспоминает, как он провел с Сократом ночь и встал с его ложа таким же, каким должен быть сын, спавший с отцом. Возмужав, он и сам также любил многих мальчиков, изящно и шутливо обходясь со многими неприятными сторонами подобной любви. Мы остановились бы на этой теме подробнее, если бы нам не предстояло рассказать о делах гораздо более важных» (Непот. Алкивиад 2 [Непот 1992, с.30-31])

(№ 625). «О красоте Алкивиада нет, пожалуй, нужды говорить особо: заметим только, что всегда, во всякую пору его жизни, она была в полном цвете, сообщая мальчику, юноше, а затем взрослому мужу прелесть и обаяние. Не то чтобы, как утверждал Еврипид, все прекрасное было прекрасно и осенью, но в применении к Алкивиаду и немногим другим это оказалось верным благодаря счастливому сложению и крепости тела. Говорят, ему была в пользу даже картавость, придававшая убедительность и редкое изящество непринужденным речам. Об этой картавости упоминает и Аристофан в стихах, осмеивающих Феора:

Промямлил тут Алкивиад мне на ухо:

«Теол-то булки лижет и как мелин лжет».

А что ж, промямлил мальчик правду чистую! [Аристофан. Осы 44-47]

И Архипп, насмехаясь над сыном Алкивиада, восклицает: «Вот он идёт, этот неженка, волоча по земле гиматий, и, чтобы как можно более походить на отца,

Картавит, головой своей к плечу склонясь»

(Плутарх. Алкивиад 1, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.243-244])

(№ 626). «Понося Алкивиада, Антифонт пишет, что мальчиком он убежал из дома к одному из своих любовников, некоему Демократу. Арифрон был уже готов публично отказаться от воспитанника, но его отговорил Перикл, сказавши так: «Если мальчик погиб, то благодаря твоему извещению это откроется на день раньше, и только, но если он жив – вся его дальнейшая жизнь погибла». Тот же Антифонт утверждает, будто в палестре Сибиртия Алкивиад ударом палки убил одного из своих сопровождающих. Не следует, однако, верить всей этой хуле, исходящей от врага, который нисколько не скрывал своей ненависти к Алкивиаду» (Плутарх. Алкивиад 3, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.244-245])

(№ 627). «(4) Целая толпа знатных афинян окружала Алкивиада, ходила за ним по пятам, предупреждала все его желания, и никто не сомневался в том, что привлекает их лишь удивительная красота мальчика, но любовь Сократа была надежным свидетельством его добрых природных качеств, которые философ усматривал и различал под покровом внешней прелести; опасаясь его богатства и высокого положения, а также бесчисленной толпы сограждан, чужеземцев и союзников, осыпавших подростка лестью и знаками внимания, он старался, насколько мог, оградить его от опасностей, как берегут растение в цвету, дабы оно не потеряло свой плод и не зачахло. Ведь нет человека, которого судьба

окружила бы настолько прочною и высокой оградой так называемых благ, чтобы он стал вовсе недоступен для философии и неуязвим для откровенных, больно жалящих слов; так и Алкивиад, с самых ранних лет избалованный и как бы замкнутый в кругу людей, которые искали только его благосклонности и не давали прислушаться к словам наставника и воспитателя, все же благодаря врожденным своим качествам узнал Сократа и сблизился с ним, отдалившись от богатых и знатных влюбленных. Они быстро подружились, и когда он услышал речи Сократа – речи не любовника, жаждущего недостойных мужа наслаждений, домогающегося поцелуев и ласк, но обличителя, бичующего его испорченность и пустую, глупую спесь,

То крылья опустил петух, как жалкий раб. [Фриних]

В деятельности Сократа Алкивиад видел подлинное служение богам, направленное к попечению о молодежи и ее спасению; он презирал самого себя и восхищался учителем, испытывал горячую благодарность за его доброжелательство и благоговейный стыд пред его добродетелью, и мало-помалу создал для себя образ любви, который Платон называет «разделенной любовью» [«Федр» 255d], так что все только диву давались, глядя, как он обедает с Сократом, вместе с ним упражняется в борьбе, живет в одной с ним палатке, с остальными же влюбленными резок и неприветлив, а с некоторыми и вызывающе груб.

Один из них, Анит, сын Антемиона, как-то раз, принимая каких-то чужеземцев, пригласил на пир и Алкивиада. Приглашение Алкивиад отверг и, оставшись у себя, пил с друзьями; когда же все захмелели, то шумной ватагой отправились к Аниту. Алкивиад остановился в дверях залы, окинул взором столы, уставленные серебряными и золотыми кубками, и приказал рабам забрать половину утвари и отнести к нему домой, но войти не удостоил и, распорядившись подобным образом, удалился. Чужестранцы возмущенно закричали, что Алкивиад-де нагло оскорбил хозяина. «Напротив, - возразил Анит, - он обнаружил сдержанность и снисходительность: ведь он оставил нам эту половину, меж тем как мог забрать все». (Плутарх. Алкивиад 4, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.245])

(№ 628). «(5) Так же обходился Алкивиад и со всеми прочими влюбленными, сделав исключение лишь для одного метэка, который как рассказывают, был небогат, но продал все, что имел, собрал сто статов и принес деньги Алкивиаду, умоляя взять этот подарок. Тот был польщен, засмеялся и пригласил щедрого даятеля к обеду. Радужно встретив его и угостив, Алкивиад вернул ему деньги, а затем велел принять назавтра участие в торгах, с тем чтобы непременно взять на откуп общественные налоги, одержав верх над остальными откупщиками...» (Плутарх. Алкивиад 5, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.245-246])

(№ 629). «(6) Хотя у Сократа было много сильных соперников, временами он крепко держал Алкивиада в руках, воздействуя на присущие ему от рождения добрые качества – трогая своими словами его душу, надрывая сердце, исторгая из глаз слёзы; но случилось и так, что мальчик, поддавшись на уговоры льстецов, суливших ему всевозможные удовольствия, ускользал от учителя, и тогда тот гонялся за ним, точь-в-точь как за беглым рабом, ибо одного лишь Сократа Алкивиад и стыдился и боялся, всех прочих не ставя ни во что.

Вот почему Клеанф и говорил, что Сократ держал своего возлюбленного за уши, оставляя соперникам немало удобных для захвата мест, которые ему самому недоступны, - чрево, срам, глотку... Алкивиад же, бесспорно, был падок до наслаждений, как можно судить хотя бы по словам Фукидида [VI 15] о бесчинствах и излишествах в его образе

жизни. Но еще более разжигали соблазнительные его честолюбие и тщеславие, раньше срока старались пробудить вкус к великим начинаниям и без умолку твердили, что стоит ему взяться за государственные дела, как он разом не только затмит всех прочих военачальников и народных любимцев, но и самого Перикла превзойдет могуществом и славою среди греков. Впрочем, железо, размягченное в пламени, на холоде вновь твердеет, и все частицы его собираются воедино; так и Сократ, едва только брал под надзор раздувшегося от удовольствий и чванства Алкивиада, - тут же словно бы сжал его и стискивал своими речами, делал робким и смиренным, втолковывая, как он еще далек от подлинной доблести» (Плутарх. Алкивиад 6, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.246])

Поход на Потидею. (Плутарх. Алкивиад 7 [Плутарх 1994, т.1, с.247])

(№ 630). «Но с делами и речами государственного мужа, с искусством оратора и мудростью сочетались непомерная роскошь повседневной жизни, разнузданность в попойках и любовных удовольствиях, пурпурные, женского покроя одеяния, волочившиеся в пыли городской площади, чудовищная расточительность, особые вырезы в палубе на триерах, чтобы спать помягче – в постели, уложенной на ремни, а не брошенной на голые доски, позолоченный щит, украшенный не обычным для афинян отличительным знаком, но изображением Эроса с молнией в руке, - и, видя все это, почтенные граждане негодовали и с омерзением отплевывались, но в то же время страшались его презрения к законам и обычаям, угадывая в этом нечто чудовищное и грозящее тиранией» (Плутарх. Алкивиад 16, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.251])

Аристофан. Лягушки 1425, 1432-33 (Плутарх. Алкивиад 16 [т.1, с.252])

См. Элиан. Пёстрые рассказы II 1, 13; III 28; IV 15, 16, 21; IX 29; XI 7, 12; XII 14, 15; XIII 38; (о Сократе и Алкивиаде): II 1 [Элиан 1963, с.15]; III 28 [с.38]; IV 21 [с.48]; IX 29 [с.73]; XI 12 [с.83]; про Алкивиада XIII 38 [с.109].

Также см. Телет. [Антология кинизма 1996, с.157-158]

Еврипид. Из эпиникия Алкивиаду [Поэты 1999, с.381-382]

Про Алкивиада: Фукидид V 43 (421 г.) [Фукидид 1999, с.320]. Речь Алкивиада перед сицилийским походом (VI 16-18 [Там же, с.360-363])

(№ 631). «Действительно, Алкивиад пользовался у сограждан большим авторитетом. Однако расточительный образ жизни, траты на содержание конюшни для конских ристаний и на другие увлечения далеко превышали его наличные средства. Эти его увлечения и прихоти впоследствии немало содействовали гибели города» (Фукидид VI 15 [Фукидид 1999, с.360])

Критий, фр.2 [Поэты 1999, с.287]; [Плутарх 1994, т.1, с.264]

В I речи Андокида цитируются документы:

(№ 632). «На следующих донес Андромах: на Алкивиада, Никиада, Мелета, Архебиада, Архиппа, Диогена, Полистрата, Аристомена, Эония, Панэтия» (Андокид I 13 [Андокид 1996, с.37])

(№ 633). «На следующих донес Тевкр: на Фэдра, Гнифонида, Исонома, Гефестодора, Кефисодора, себя самого, Диогнета, Сминдирида, Филократа, Антифонта, Тисарха, Пантакла» (Андокид I 15 [Андокид 1996, с.38])

Аттические стелы

(№ 634). «<Алкивиада>, сына Клиния, из дема Скамбониды, были проданы следующие вещи: ...

Всего вместе с пошлинами – 4723 драхмы 5 оболлов» [Андокид 1996, с.156-157]

(№ 635). «Фэдра <сына Пифокла> из дема Мирринунт:

... амиклейские башмаки старые» [Андокид 1996, с.169]

Алкивиад в искусстве

(№ 636). «...все художники, изображая Афродиту, воспроизводили красоту Фрины, так же как каменотесы в Афинах делали Гермесов по Алкивиаду». (Климент. Увещевание к язычникам 53, 6 [Климент 1998, с.71])

(№ 637). «Кому неизвестно, что афиняне изготовляли известные гермы по образцу тела Алкивиадова?» (Арнобий. Против язычников VI 13 [Арнобий 1917, с.274])

(№ 638). «Я узнал также, что на углах Комиция [в Риме] были поставлены статуи Пифагору и Алкивиаду, когда в Самнитскую войну [кон.IV в.] Аполлон Пифийский повелел посвятить на людном месте одно изображение отважнейшему из греческого народа и другое – мудрейшему. Они стояли до тех пор, пока диктатор Сулла не начал строить там Курию» (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 26 [Плиний 1994, с.59])

(№ 639). «Существует сомнение в том, Скопас ли или Пракситель создал... Подобным же образом неясно относительно Купидона с молнией в руке, в Курии Октавии, - утверждают только то, что это Алкивиад, первый красавец в то время» (Плиний Старший. Естествознание XXXVI 28 [Плиний 1994, с.120])

(№ 640). «Квадригой [скульптора] Пиромаха правит Алкивиад». (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 80 [Плиний 1994, с.70]). Правильно Фиромах – см. (Комм. Г.А.Тароняна [Плиний 1994, с.290-291]) Фиромах – скульптор, видимо, нач. III в. до н.э.

(№ 641). «Никерат ... изобразил Алкивиада и мать его Демарату, совершающую жертвоприношение при горящих факелах» (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 88 [Плиний 1994, с.71]) см. (Комментарий // [Плиний 1994, с.415]: Ошибочное чтение. Мать Алкивиада звали Диномаха. Возможно, речь о другой скульптуре: спартанского царя Демарата). Никерат – скульптор, видимо, нач. III в. до н.э.

Алкивиад в искусстве: АП XVI 250.

Вариации

Фридрих Гёльдерлин. «Сократ и Алкивиад

О Сократ! Почему юношу этого

Так почтил ты, святой? Он ли достойней всех?

Почему, как на бога,

На любимого смотришь ты?

Кто глубины постиг, жизнью любит.

В мире дольнем познав доблесть высокую,

Мудрецы перед смертью

Красоте благосклонствуют».

(Пер. В.Микушевича [Гёльдерлин 1969, с.95])

Агафон

(№ 642). «Павсаний из Керамика был влюблен в поэта Агафона. Это все знают. Однако я расскажу о них случай малоизвестный. Однажды оба, любимый и любящий, пришли к царю Архелаю, мужу в равной мере преданному Эроту и Музам. Царь обратил внимание на то, что Агафон и Павсаний всё время пререкаются друг с другом и, подозревая, что Агафон равнодушен к влюбленному, спросил, зачем он нападает на друга, который любит его больше, чем кто бы то ни было. Агафон ответил: «Сейчас объясню тебе, царь, я не сержусь на него и поступаю так не по душевной грубости. Но так как я знаю людей, мне из собственного жизненного опыта и из книг поэтов открылось, что любящим нравится, поссорившись с возлюбленным, мириться с ним вновь, - ничто не может доставить им большего удовольствия. Поэтому, стремясь как можно чаще доставлять Павсанию радость, я с ним постоянно ссорюсь, а он неизменно счастлив, когда наступает примирение. Если я буду обходиться с ним всегда ровно, Павсаний лишится этой отрады». Как передают, ответ Агафона понравился царю. В этого самого Агафона был влюблен поэт Еврипид и даже написал в его честь трагедию «Хрисипп». Я не знаю,

достоверны ли эти сведения, но они очень распространены» (Элиан. Пёстрые рассказы II 21 [Элиан 1963, с.22])

(№ 643). «Однажды царь Архелай устроил своим друзьям богатый пир. Выпив лишнее, Еврипид опьянел и, обняв возлежавшего рядом с ним трагического поэта Агафона, стал его целовать, хотя тому уже было тогда около сорока лет. Архелай спросил, неужели Агафон кажется ему до сих пор привлекательным. «Да, Зевс свидетель, - ответил Еврипид, - у красавцев хороша не только весна, но и осень» (Элиан. Пёстрые рассказы XIII 4 [Элиан 1963, с.103])

То же: Плутарх. Изречения царей и полководцев 24, 3 [Плутарх 1990, с.346], Плутарх. Алкивиад 1, Об Эроте 24.

О творчестве

О стиле Агафона: Элиан. Пёстрые рассказы XIV 13 [Элиан 1963, с.114], Плутарх. Застольные беседы III 1, 1 [Плутарх 1990, с.47]

(№ 644). «Да и в некоторых трагедиях бывает одно-два имени известных, а прочие вымышлены; а в иных [даже] ни одного [известного], как, например, в «Цветке» Агафона, где одинаково вымышлены и события, и имена, а всё же он имеет успех» (Аристотель. Поэтика 9 (1451b 19-23), пер. М.Л.Гаспарова [Аристотель 1975-83, т.4, с.655-656])

По случаю победы Агафона с этой трагедией состоялся пир, описанный Платоном в известном диалоге.

(№ 645). «Так и поэт, подражая [людям, страдающим] гневливостью, беспечностью и тому подобными недостатками характера, должен представить их такими, каковы они есть, и в то же время [людьми] достойными; так, пример [изображения] жестокосердия [представили в] Ахилле Агафон и Гомер» (Аристотель. Поэтика 15 (1454b 12-15), пер. М.Л.Гаспарова [Аристотель 1975-83, т.4, с.662])

(№ 646). «... сколько поэтов ни представляли «разрушение Илиона» целиком, а не по частям, как Еврипид, или «Ниобу» [целиком], а не так, как Эсхил, все они проваливались или не выдерживали состязания, ведь из-за одного этого провалился даже Агафон. Между тем они отлично умели и переломами, и простыми событиями достигать того, чего добивались, - трагизма и [хотя бы] человеколюбия (а это бывает, когда человек умный, но с пороком, как Сизиф, оказывается обманут, или человек мужественный, но несправедливый, - побежден: ведь ни то ни другое не противоречит вероятности; по Агафонову слову, «вероятно и то, что много происходит невероятного»).

... У прочих же поэтов песни хора не больше связаны со своим сказанием, чем с [любой] другой трагедией, потому они и поют вставочные песни, а начало этому положил Агафон» (Аристотель. Поэтика 18 (1456a 15-30), пер. М.Л.Гаспарова [Аристотель 1975-83, т.4, с.666])

(№ 647). Агафон:

«Ничтожен смертный, кто, страдать приученный,

Возлюбит смерть...»

(Аристотель. Евдемова этика III 1 (1230a 1-2), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.83])

Аристофан

«Пирующие» (427)

Сохранились лишь фрагменты.

(№ 648). О «прекрасных и добрых» и «Алкивиаде» (Аристофан. Пирующие, фр.105 (205), пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.854-855])

«С кудрями золотистыми и гладкий, как минога...»

(№ 649). (Аристофан. Пирующие, фр.125 (229),

пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.856])

«А теперь пропой застольную песнь: Алкея, Анакреонта...»

(№ 650). (Аристофан. Пирующие, фр.132 (235),

пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.857])

«Ахарняне» (425)

(пер. С.К.Апта)

Посол [персов]

У варваров считаются мужчинами

Лишь те, что могут есть и пить без удержу.

Дикеополь (в сторону)

У нас – развратники и толстозадые [букв. «широкозадые» (эврипроктой)]

(№ 651). (Аристофан. Ахарняне 77-79 [Аристофан 1954, т.1, с.34])

Словечко «эврипроктос» у Аристофана пародирует ряд однокоренных слов из эпического языка: «эвриметопос» (широколобый), «эвринотос» (широкоплечий), «эвриопа» (широко гремящий), «эврипилес» (с широкими воротами), «эвриреетрос» (широко текущий), «эвристиенес» (широко властвующий) и др. [Вейсман 1991, стб.557]

Дикеополь

Ба, одного я узнаю из евнухов.

Ведь это же Клисфен, сынок Сибиртия!

Ты, похотливый, с выбритою задницей,

Ты, обезьяна, с бородою длинною, -

Да как ты вздумал нарядиться евнухом?

А это кто такой? Стратон, конечно же!

(№ 652). (Аристофан. Ахарняне 117-122 [Аристофан 1954, т.1, с.36])

Дикеополь поёт

Фалес, приятель Вакха ты,

Любитель кутежей ночных,

И мальчиков, и женщин!

(№ 653). (Аристофан. Ахарняне 263-265 [Аристофан 1954, т.1, с.43])

Предводитель второго полухория

Но уж раз вы не даете старикам спокойно спать,

То судите хоть отдельно стариков и молодых,

Чтоб защитником у старых выступал старик седой,

У мальчишек – толстозадый говорун Алкивиад.

(№ 654). (Аристофан. Ахарняне 713-716 [Аристофан 1954, т.1, с.64])

Первое полухорие

Не подойдет к тебе теперь, по площади гуляя,
Кратин – распутник и подлец. Всегда он выбрит гладко,
Он кутит, словно Артемон,
Он чересчур на песни скор.
Козлом отцовским у него
Подмышками пахнет.

(№ 655). (Аристофан. Ахарняне 848-853 [Аристофан 1954, т.1, с.73])

Предводитель первого полухория
Никогда войну отныне не пущу к себе я в дом.
Не хочу, чтоб пела песни о Гармодии война.

(№ 656). (Аристофан. Ахарняне 979-980 [Аристофан 1954, т.1, с.80])

Вестник

Все прочее давно уж приготовлено:

...

Танцовщицы и песни о Гармодии»

(№ 657). (Аристофан. Ахарняне 1089, 1093 [Аристофан 1954, т.1, с.86])

«Всадники» (424)

(пер. К.П.Полонской)

Пафлагонец

Видит Зевс, умею я

Народ преловко сузить и расширить.

Колбасник

Умеет это также и мой зад.

(№ 658). (Аристофан. Всадники 743-745 [Аристофан 1954, т.1, с.136])

Колбасник – Демосу

...Ведь ты

На мальчиков балованных похож:

Людей порядочных ты гонишь прочь,

Себя ламповщикам и скорнякам,

Сапожникам, кожевникам даришь.

(№ 659). (Аристофан. Всадники 762-766 [Аристофан 1954, т.1, с.137])

Пафлагонец

...А о добре, что делал я, ты позабыл и думать?

Разврат ведь уничтожил я, изъяв из списков Гратта.

Колбасник

Я тоже возмущен, что ты под зад глядишь все время!

Развратников ты истребил из зависти, быть может?

Не хочешь ты, чтобы они ораторами стали?

(№ 660). (Аристофан. Всадники 893-896 [Аристофан 1954, т.1, с.145])

Демос

Даже вора-заправилу

Откормил я в тишине,

Чтоб его, когда наестся,

Приподнять и раздолбать.

(№ 661). (Аристофан. Всадники 1149-1152 [Аристофан 1954, т.1, с.158])

Пафлагонец

...А чем ты занимался, ставши взрослым?

Колбасник

Колбасы продавал, себя немножко.

(№ 662). (Аристофан. Всадники 1274-1275 [Аристофан 1954, т.1, с.165])

Предводитель первого полухория

Есть и брат у Аригнота, хоть по нраву не родной,

Арифрад, развратник злобный, заслуживший эту брань.

Он не только грязный, подлый, пропустил бы это я,

Но прегрязный и расподлый, отвратительнее всех.

Он сквернит язык свой мерзкий рядом злых, дурных утех:

По притонам лижет девок, увлечен развратом он.

(№ 663). (Аристофан. Всадники 1316-1321 [Аристофан 1954, т.1, с.168])

Демос

Я не пуцу на площадь безбородых.

Агоракрит

Где ж будут выступать Клисфен и Стратон?

Демос

О тех мальчишках говорю, что в лавках,

Где благовоньями торгуют, сидя,

Все время вздор болтают меж собой:

«Феак умен, красноречив, логичен,

Критичен, и типичен, полемичен,

И ясен, и тому, кто слишком шумен,

Отпор умеет превосходно дать.

(№ 664). (Аристофан. Всадники 1409-1417 [Аристофан 1954, т.1, с.173])

«Облака» (423)

(пер. А.И.Пиотровского под ред. С.К.Апта [Аристофан 1954, т.1, с.177-262])

Комедия поставлена в 423 г. и заняла третье место. Позднее Аристофан создал вторую редакцию комедии, дошедшую до нас. В ней, в частности, добавлен агон Правды и Кривды.

«Сократ [об Облаках]

Как хотят, обернуться умеют они. Завитого увидят красавца,

Вот из этих кудрявых, распутных гуляк, из породы козла Ксенофанта,

И тотчас, издеваясь над блажью его, превратятся в блудливых кентавров»

(№ 665). (Аристофан. Облака 348-350 [Аристофан 1954, т.1, с.198])

(«Ст.665: в подлиннике каламбур касается «петуха» и «курицы», для которых греческий язык не знал отдельных слов», комм. А.Пиотровского [Аристофан 2000])

«Сократ

Сперва другому научиться должен ты.

Кто из животных мужеского пола? А?

Стрепсиад

Кто мужеского? Знаю, не сошел с ума. (660)

Козел, кобель, жеребчик, хряк, баран, ну, дрозд [в оригинале «петух»].

Сократ

Вот видишь, вздор несешь ты. Ведь и самочку [курицу],

Как и самца, дроздом ты называть привык.

Стрепсиад

А как же нужно?

Сократ

Как? Да уж по-разному.

Стрепсиад

Но, Посидон свидетель, как же иначе?

Сократ

«Дроздыня» - самка, а самец – «дрозделезень».

Стрепсиад

Дроздыня? Превосходно. Испареньями

Клянусь, за это лишь одно учение

Тебе мукой наполню я корзину.

Сократ

Стой!

Ты говоришь «корзина» рода женского. (670)

Не крепче ль по-мужски сказать: «корзан»?

Стрепсиад

Корзан?

Но почему ж «корзан»?

Сократ

Ну, как «дроздан». А то,

Как «Клеоним».

Стрепсиад [с.215]

Как Клеоним? При чем это?

Сократ

Дроздан, корзан и Клеоним – все родственно.

Стрепсиад

Ну нет, корзины мало для Клеонима.

В корыте, в бочке месит он жратву себе.

Но как же говорить теперь мне?

Сократ

Сказано.

Корзан – дроздан. Корзина и дроздыня. Вот!

Стрепсиад

Корзан – дроздыня.

Сократ

Будет это правильно.

Стрепсиад

Корзина, Клеонима – рода женского. (680)

Сократ

Теперь об именах закончим собственных.

Мужские имена пройдем и женские.

Стрепсиад

Да знаю я про женские.

Сократ

Тогда скажи.

Стрепсиад

Филинна, Клитагора, ну – Деметрия.

Сократ

Теперь мужские назови мне.

Стрепсиад

Сотни их.

Вот: Филоксен, Милесия, Аминия.

Сократ [с.216]

Да это ж не мужские имена совсем.

Стрепсиад

Как не мужские? Что ты!

Сократ

Да, конечно, так.

Ну, как ты скажешь, чтоб пришел Аминия.

Стрепсиад

«Сюда, сюда», - я позову Аминию.

Сократ

Вот видишь, кличешь женщину, Аминию.

Стрепсиад

И верно: трус он, потому и женщина.

Тому, что всем известно, не учи меня.

(№ 666). (Аристофан. Облака 658-693 [Аристофан 1954, т.1, с.214-216])

«Правда

...А в гимнасии, сидя на солнце, в песке, чинно, важно вытягивать ноги

Полагалось ребятам, чтоб глазу зевак срамоты не открыть непристойно.

А вставали, и след свой тотчас же в песке заматали, чтоб взглядам влюбленных

Очертания прелестей юных своих на нечистый соблазн не оставить.

В дни минувшие маслом пониже пупа ни один себе мальчик не мазал,

И курчавилась шерстка меж бедер у них, словно первый пушок на гранате.

Не теснились к влюбленным мальчишки тогда, лепеча, сладострастно воркуя,

Отдавая себя и улыбкою губ и игрой похотливою взглядов...»

(№ 667). (Аристофан. Облака 972-980 [Аристофан 1954, т.1, с.233])

...

Да нисколько! Цветущим, блистающим жизнь проводить ты в гимнасии будешь.

Ты не станешь на рынке, как нынче народ, кувыряться в словах, и кривляться,

И мытариться зря, извиваясь крючком в пересудах грошовых и тяжбах.

Нет! Уйдешь в Академию, в мирную тишь, и в священных оливковых рощах

С камышовой зеленью в смуглых кудрях ты гулять будешь с другом разумным.

Там цветет повилика, и манит досуг, и трепещет серебряный тополь,

Там услышишь, как ясень весенней порой перешептывается с платаном»

(№ 668). (Аристофан. Облака 1002-1008 [Аристофан 1954, т.1, с.234-235])

Кривда [Адикос Логос]

Смотри ж теперь, мой юный друг, к чему приводит скромность

И скольких радостей себя из-за нее [Правды] лишишь ты:

Жаркого, мальчиков, сладостей, игры в костяшки, женщин!

Без этих сладостей, скажи, зачем и жить на свете?

Что ж, перейду теперь к тому, к чему влечет природа.

Влюблен ты, соблазнил жену, поспал, попался мужу.

Погиб ты насмерть – говорить ведь не умеешь! Если ж

Со мной пойдешь – играй, целуй, блуди, природе следуй!

Спокоен будь! Найдут тебя в постели, ты ответишь –

Что и ничуть не согрешил. Сошлешься ты на Зевса, (1080)

И тот ведь уступал любви и обаянью женщин.

Несчастный, неужели ты сильнее будешь бога?

«Правда [Дикайос Логос]

Когда ж оциплют там его и сзади редьку вставят,

Питомец твой докажет чем, что он не толстозадый [эврипроктос]?

Кривда

А пусть и толстозадый, что плохого в том?

Правда

А я спрошу, что может быть постыднее?

Кривда

Что скажешь, если докажу обратное!

Правда

Что мне сказать? Умолкну я.

Кривда

Ответь же мне,

В суде защитник из каких?

Правда

Из толстозадых. (1090)

Кривда

Правильно!

Поэт в театре из каких? [точнее: «трагод»]

Правда

Из толстозадых.

Кривда

Именно!

В толпе оратор из каких?

Правда

Из толстозадых.

Кривда

То-то вот!

Свою нелепость понял ты.

Теперь из зрителей сочти:

Которых больше?

(Показывает на зрителей в амфитеатре).

Правда

Дай, сочту.

(Считает).

Кривда

Что ж видишь ты?

Правда

Клянусь богами, понял всё.

Из толстозадых большинство.

Того я знаю, и того, (1100)

И этого, вон там, в кудрях.

Кривда

Что ж скажешь ты?

Правда

Погиб я. О развратники!

Ради богов,

Примите плащ мой, я бегу,

Я к вам перебегаю.

(Убегает в дом Сократа)»

(№ 669). (Аристофан. Облака 1071-1106 [Аристофан 1954, т.1, с.237-239])

(№ 670). «Схолиаст говорит, что два спорщика [Правда и Кривда] были внесены на сцену в клетках, как бойцовские петухи» (цит. по [Dover 1972, p.105])

«Осы» (422)

(пер. Н.Корнилова под ред. В.Н.Ярхо)

Вон Никострат из Скамбонид решил, что он,

Наверно, жертвофил иль ярый гостефил, -

Клянусь собакою, старик не гостефил:

Ведь Гостефил у нас – неистовый блудник

(№ 671). (Аристофан. Осы 81-84 [Аристофан 1954, т.1, с.269])

Ксанфий (к зрителям)

Увидит где-нибудь он надпись на дверях:

«Сын Пирилампа Дем – красавец», - и сейчас:

«Воронка – ты моя любовь», - добавит он.

(№ 672). (Аристофан. Осы 97-99 [Аристофан 1954, т.1, с.269])

Филоклеон

Если юношей к нам на осмотр приведут, мы любимся их наготою,

А когда к нам на суд попадетсЯ Эагр, не дожидаться ему оправданья

До тех пор, пока он не прочтет пред судом из «Ниобы» прекрасный отрывок...

(№ 673). (Аристофан. Осы 578-580 [Аристофан 1954, т.1, с.296])

Бделиклеон

...Я всегда задыхаюсь от злобы,

Когда в дом за тобой этот гнусный юнец, сын развратный Хэрея, влезает,

Выступает расслабленно, станом вертя, и по-бабьи всем телом виляет,

И велит приходить тебе в суд на заре, не опаздывать...

(№ 674). (Аристофан. Осы 686-689 [Аристофан 1954, т.1, с.301])

Корифей

Вознесясь высоко и почтен, как никто не бывал почитаем в народе,
Он не мнит, что достиг высочайших границ, самомнения дутого чуждый,
По палестрам не ходит юнцов соблазнять, и когда обозленный любовник,
Рассердившись на мальчика, просит его осмеять на комической сцене,
На подходы его не сдается поэт: он стремится душой благородной,
Чтобы Муза, избранница сердца его, не явилась сводницей миру.

(№ 675). (Аристофан. Осы 1023-1028 [Аристофан 1954, т.1, с.321])

Первое полухорие

...Лучше наша старость,
Чем расчесанные кудри,
Чем распутные манеры
Молодежи нашей.

(№ 676). (Аристофан. Осы 1067-1070 [Аристофан 1954, т.1, с.322])

Предводитель первого полухория

Арифрад, сынок твой третий, - диво сильного ума:
Ты однажды сам поклялся, что никем не обучен,
От природы умудренный, научился он владеть
Языком своим искусно, школой был ему бордель.

(№ 677). (Аристофан. Осы 1280-1283 [Аристофан 1954, т.1, с.333])

«Мир» (421)

(пер. А.И.Пиотровского под ред. В.Н.Ярхо)

Первый раб

Распутного мальчишки нам помет подай!

Нам захотелось нежного.

(№ 678). (Аристофан. Мир 11-12 [Аристофан 1954, т.1, с.350])

Тригей

Не вопить, ликовать наступила пора,

Горожанам язык за зубами держать,

Все навозные ямы и нужники все

Запечатать и новым покрыть кирпичом,

И зады заклепать до отказа!

(№ 679). (Аристофан. Мир 97-101 [Аристофан 1954, т.1, с.353])

Корифей

Я и в прежние годы, в счастливые дни, никогда по палестрам не шлялся,

Соблазняя красивеньких мальчиков. Нет, я домой убежать торопился.

Огорчал вас немного и много смешил и всегда надлежащее делал.

(№ 680). (Аристофан. Мир 762-764 [Аристофан 1954, т.1, с.388-389])

«Птицы» (414)

(пер. С.К.Апта)

«Писфетер

Пускай отец смазливенького мальчика

Меня бранит, когда со мною встретится:

«Прекрасно, нечего сказать, с сынком моим

Ты поступил! Помывшись, из гимнасия

Он шел. Его ты видел. Ты не стал его

Ни целовать, ни лапать, ни тащить к себе.

И другом быть мне хочешь после этого»

Удод

Несчастный человек, желаешь гадостей.

Но, впрочем, город есть на вкус на этакий

На Красном море.

(№ 681). (Аристофан. Птицы 137-146 [Аристофан 1954, т.2, с.13])

Пародия на орфическую космогонию:

«Корифей

...Хаос, Ночь и Эреб – вот что было сперва, да еще только Тартара бездна.

Вовсе не было воздуха, неба, земли. В беспредельном Эребовом лоне

Ночь, от ветра зачав, первородок-яйцо принесла. Но сменялись годами

Быстролетные годы, и вот из яйца появился Эрот сладострастный.

Он явился в сверкании крыл золотых, легконогому ветру подобный.

С черным Хаосом в Тартаре сблизился он, в беспредельной обители мрака,

И от этого мы появились на свет, первородное племя Эрота.

Все смешала Любовь. И уж только потом родились олимпийские боги.

Из различных смешений различных вещей появилось и небо, и море,

И земля, и нетленное племя богов. Вот и видно, что птицы древнее

Олимпийцев блаженных. А то, что Эрот был действительно пращуром нашим,

Доказать нам нетрудно – умеем летать и приходим на помощь влюбленным.

Своенравных красавцев-мальчишек не раз удавалось влюбленным мужчинам

Лишь тогда покорить, лишь тогда победить, когда мы приходили на помощь:

Кто подарит мальчишке щегла, кто гуся, кто цыпленка, а кто перепелку.

Нет, поистине все, чего можно желать, доставляют пернатые смертным»

(№ 682). (Аристофан. Птицы 693-708 [Аристофан 1954, т.2, с.47])

Корифей

Какое городу дадим название?

Писфетер

Хотите имя важное, спартанское –

«Лакедемон»?

Эвельпид

«Ляг, где и он!» Для города

Название, клянусь, неподходящее.

Нет, лучше уж один в постель улягусь я.

(№ 683). (Аристофан. Птицы 812-816 [Аристофан 1954, т.2, с.51])

Писфетер

Какой же может быть порядок в городе,

Где со щитом стоит на страже женщина,

Богиня, а Клисфен сидит за прялкою?

(№ 684). (Аристофан. Птицы 829-831 [Аристофан 1954, т.2, с.52])

«Лисистрата» (411)

(пер. Д.Шестакова под ред. Ю.Ф.Шульца)

Предводитель стариков

Прав безусловно Эврипид, мудрее нет поэта:

На свете твари не найти бесстыдней наших женщин!»

(№ 685). (Аристофан. Лисистрата 368-369 [Аристофан 1954, т.2, с.122])

«Фесмофориазусы (Женщины на празднике Фесмофорий)» (411)

(пер. Н.Корнилова под ред. К.П.Полонской [Аристофан 1954, т.2, с.173-240])

Эврипид

За этою стеной известный Агафон,

Трагический поэт, живет. (30)

Мнесилох

Какой такой?

Эврипид

Тот, знаешь, Агафон.

Мнесилох

Не черный ли? Силач?

Эврипид

Нет, то – совсем другой. Ты не встречался с ним?

Мнесилох

С косматой бородой?

Эврипид

Ты не встречался с ним?

Мнесилох

Клянуся Зевсом, нет, насколько знаю я.

Эврипид

Ты мог возиться с ним, хотя не знаешь сам.

Однако отойдем: идет его слуга

С огнем и миртами, чтоб жертву принести

За творческий успех поэзии его.

Отходят.

Слуга Агафона

Сомкнув свои уста в восторге неземном,

Умолкнет пусть народ. В чертогах за стеной (40)

Лишь Муз поющих сонм

Слагает песни с ним...

Пусть затаит эфир дыхание своё,

Пусть не шумит волна,

Пусть стихнет...

Мнесилох (тихо)

Бум-бум-бум...

Эврипид

Молчи! Что мелет он?

Слуга

Пусть успокоятся крылатые певцы,

И звери дикие, что бродят по лесам,

Пусть не шелохнутся...

Мнесилох

Бум-бум-бум-бум-бум-бум...

Слуга

Красноречивый наш великий Агафон,

Наш господин готов...

Мнесилох (погромче)

Опять начать блудить? (50)

Слуга

Что мне послышалось?

Мнесилох (тихо)

Повеял лишь эфир.

Слуга

Готов создать трагедии основу он,
Выводит своды стройные из новых слов,
Обтачивает стих, скрепляет звенья песни,
Кует сентенции, чеканит антитезы,
Расплавив мысль, как воск, то лепит, округлив,
То в форму льет ее.

Мнесилох (громко)

То углублен в разврат.

Слуга

Какой там прячется невежа за стеной?

Мнесилох

Тот самый, что готов тебя и твоего
Сладкоречивого поэта за стеной (60)

Нагнуть, и округлить,

И вылить нечто вам в подставленные формы»

(№ 686). (Аристофан. Фесмофориазусы 29-62 [Аристофан 1954, т.2, с.177-179])

Мнесилох

Ужели я ослеп? Мужчин не разгляжу;

К нам приближается Кирена, вижу я!

(№ 687). (Аристофан. Фесмофориазусы 97-98 [Аристофан 1954, т.2, с.181])

Мнесилох – Агафону

Какая славная, Генетиллиды, песнь! (130)

Она так сладостна, как женский поцелуй,
Волнует сильно так, что, слушая ее,
Я ощущал шекотку даже в заднице.
А ты, о юноша, - когда ты юноша, -
Ответь мне на вопрос, из «Ликургии» он
Эсхила: «Ты пришел откуда, женственный?
Где родина твоя? Что это за наряд?»
И что за смесь всего, что только может быть?
Хоть барбит при тебе, но в платье женском ты,
Под сеткой волосы, а с маслом взял сосуд,
И пояс женский... Как всё это совместить?
Ведь невозможны рядом зеркало и меч! (140)
Мужчиной ли растешь, скажи, дитя моё?
Но где твой член мужской, где плащ и башмаки?
Ты женщина? Но груди где твои тогда?
Что скажешь? Ты молчишь, не хочешь отвечать?
Тогда по песням я определю тебя.

Агафон

Старик, старик! Твою язвительную речь
Я слышал; ею я, однако, не смущен.
Моя одежда мыслям соответствует:
Свой образ жизни должен приноравливать
Поэт к тем драмам, что он сам создать решил. (150)
Так, если драму он про женщин создает,
То к женщинам и сам причастен должен быть.

Мнесилох

Над «Федрою» трудясь, захочешь быть верхом?

Агафон

Героев же творя, в себе найти поэт

Обязан мужество. В ком нет подобных свойств,

Те подражанием добиться их должны.

Мнесилох

Когда сатиров ты задумаешь творить,

Зови меня: тебе я сзади помогу.

Агафон

Напротив, неприятен вид поэта нам,

Когда неряшлив он, взлохмачен. Посмотри,

Ведь Ибик и Алкей, затем Анакреонт,

Поэты лирики изысканной, вели

По-ионийски жизнь, уборы женские

Носили. Фриних же – о нем ведь ты слышал –

Собой прекрасен был и хорошо одет,

Прекрасны потому и драмы у него.

Поэт всегда творит подобное себе.

Мнесилох

Уродливый Филокл уродливо творит,

Бездарнейший Ксенокл бездарное творит,

Бездушный Феогнид бездушное творит.

Агафон

Естественно. И я, понявши это все,

Стал за собой следить.

Мнесилох

О боги! Как же так?

Эврипид

Не зубоскаль! И я таким, как Агафон,
Был в юности, когда работать начинал.

(№ 688). (Аристофан. Фесмофориазусы 130-174 [Аристофан 1954, т.2, с.182-184])

Мнесилох – Агафону

Твой зад широким стал не от красивых фраз,
А оттого, что ты терпенье проявлял.

(№ 689). (Аристофан. Фесмофориазусы 200-201 [Аристофан 1954, т.2, с.185])

(Конец пролога: Мнесилох переодевается женщиной, используя одежду Агафона)

(Собрание женщин).

«Клисфен

О женщины – подруги нравом близкие!
Что я – вам друг, мои порукой щеки в том.
Поклонник страстный ваш и ваш защитник я,
К вам с вестью я спешу: касающийся вас,
Огромной важности распространился слух,
Который только что на рынке слышал я.
Беда ужасная грозит вам, и должны
Вы отвратить ее и меры все принять.

Корифей

В чем дело, мальчик мой! Так можно называть
Тебя за щеки гладкие и юные.

(№ 690). (Аристофан. Фесмофориазусы 574-583 [Аристофан 1954, т.2, с.202])

Ст.640-650. Мнесилоха разоблачают.

«...А для этого мы сопоставим людей: и мужчин поименно и женщин.

Хоть известен Хармин, Навсимаха его превосходит своими делами.

Салабакхо - развратница, но Клеофонт и самой Салабакхо развратней»

(№ 691). (Аристофан. Фесмофориазусы 803-805 [Аристофан 1954, т.2, с.215])

Эврипид спасает Мнесилоха (пародия на сюжет о Персее и Андромеде).

Эврипид

Позволь мне за руку взять эту деву, скиф,

Позволь, прошу тебя: безудержным страстям

Подвержен человек; любовью страстною

Я к деве воспылал.

Скиф

Ни бульна жалка нам:

И если б он сюды пувернут задом был,

Ты б мог ево абнять, нам ета пся рувна.

Эврипид

С прекрасной пленницы позволь мне цепи снять,

Чтоб ложе брачное с желанной разделить.

Скиф

Са старый сяловик? Кали ахота есть,

Ташши иди бурав, верти даскам дыра.

Эврипид

Нет, нет! Освобожу я деву!

(№ 692). (Аристофан. Фесмофоризусы 1114-1125 [Аристофан 1954, т.2, с.232])

«Подбрил он антитезы Агафоновы!»

(№ 693). (Аристофан. Женщины на празднестве Фесмофорий. Вторая редакция, фр.280 (341), пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.870])

«Лягушки» (405)

(пер. Ю.Ф.Шульца)

«Геракл

Страсть к женщине?

Дионис

Нет.

Геракл

К мальчику?

Дионис

Да нет!

Геракл

К мужчине?

Дионис

Ой-ой-ой!

Геракл

Ты спал с Клисфеном?»

(№ 694). (Аристофан. Лягушки 56-57 [Аристофан 1954, т.2, с.247])

«Геракл

Где ж Агафон?

Дионис

Покинул он меня.

Друзей в тоске поэт оставил милый.

Геракл

Где, бедный, он?

Дионис

На пире у богов»

(№ 695). (Аристофан. Лягушки 83-85 [Аристофан 1954, т.2, с.249])

«Геракл

Непролазная

Грязища там и смрад, и в нем лежат,

Кто гостя оскорбил несправедливо,

Кто, с мальчиком сойдясь, не заплатил,

Кто обесчестил мать, отцу дал в зубы,

И ложною кто клятвой поклялся»

(№ 696). (Аристофан. Лягушки 145-150 [Аристофан 1954, т.2, с.253])

«Предводитель второго полухория

Клисфена сын, я слышал,

Среди могил все щиплет

Сам зад себе, царапает лицо

И в грудь стучит, нагнувшись,

Рыдая, призывает

Себина – страсть давнишнюю – назад»

(№ 697). (Аристофан. Лягушки 423-427 [Аристофан 1954, т.2, с.270])

«Эсхил (про Эврипида)

О, критские сбиравший песнопенья,

Ты в песни Муз кровосмешенье ввел!»

(№ 698). (Аристофан. Лягушки 849-850 [Аристофан 1954, т.2, с.293])

«Женщины в народном собрании» (392)

(пер. А.И.Пиотровского под ред. С.К.Апта)

Праксагора

...Ведь щеголяет в бородище Пронома

Агиррий. Прежде был он просто женщиной,

А в городе смотри какую шишкой стал!

(№ 699). (Аристофан. Женщины в народном собрании 102-104

[Аристофан 1954, т.2, с.335])

Первая женщина

...Мне мнится, о собравшиеся женщины!..

Праксагора

Что? Женщинами снова ты зовешь мужчин?

Первая женщина (указывая в публику)

Вина здесь Эпигона. На него взглянув,

Подумала, что обращаюсь к женщинам.

(№ 700). (Аристофан. Женщины в народном собрании 165-168

[Аристофан 1954, т.2, с.338])

Блепир

... Кто позовет мне лекаря? И звать кого?

Кто по делам задов знаток испытанный?

Аминон, что ли? Отпираться станет он!

Пусть Антисфена мне доставят как-нибудь.

(№ 701). (Аристофан. Женщины в народном собрании 363-366

[Аристофан 1954, т.2, с.347])

Молодая – старухе

Тебя заклинаю, бабуся,

Зови Орфагора, если

Сама забавляться любишь.

Скорей на ионийский лад

Уймешь ты зуд греховный!

А может, приспособишь и лесбийский лад...

У меня забавки милой

Не отнимешь! Час любви

Не загубишь ты мой, не похитишь!

(№ 702). (Аристофан. Женщины в народном собрании 915-923

[Аристофан 1954, т.2, с.380])

«Плутос» (388)

(пер. В.Холмского под ред. В.Н.Ярхо)

Хремил

А вот гетеры, говорят, коринфские,

Пристань к ним бедный, так они внимания

Не обратят совсем, а для богатого
Вертеть сейчас же начинают задницей.

Карион

И мальчики, как слышно, то же делают –
Не по любви, а по корыстолюбию.

Хремил

Да, мальчики развратные; хорошим же
Не надо денег вовсе.

Карион

Что ж им надобно?

Хремил

Кому – коня, кому – собак охотничьих.

Карион

Стыдятся, видно, деньги прямо требовать;
Название не то, да те же мерзости.

(№ 703). (Аристофан. Плутос 149-159 [Аристофан 1954, т.2, с.408])

Из других комедий

«Стратон, <Клисфен> и прочие безусые...»

(№ 704). (Аристофан. Грузовые суда, фр.37 (422),
пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.848]) 420-е гг.

«А что там за бездельник, у которого

От пояса до колен – сплошная задница?»

(№ 705). (Аристофан. Трифал, фр.68 (558),
пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.851]) ок.411 г.

«Один «Адмета» запевал за чашею –

Другой его неволил петь «Гармония»...»

(№ 706). (Аристофан. Аисты, фр.322 (444) ,

пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.873]) Нач.4 в.

« – Обидно нам. (12)

- Ей-ей, а я <так думаю> ,

Что коли кто умен, тому...

Одни лишь эти...

- Так в чем же дело?

- <Расскажи, пожалуйста> ,

Какие это штучки есть милетские

Из кожи, на усладу нашу женскую?

- Кромешный вздор, сплошное пустословие,

И стыд и срам, и мерзкое посмешище:

Всё равно, что взять яйцо-болтун с-под курицы (20)

И ждать цыпленка...

- А говорят, оно похоже в точности

На то, что у мужчин.

- Похоже в точности,

Как солнце и луна. Луна красивая,

Но светит, да не греет.

- Это дорого?

- Да говорят, что да.

- Послушай, может быть

Для этих дел нам лучше подойдут рабы –

Конечно, потихоньку?

- Я, пожалуй что... (28)

...

Прочь, прочь несите сосны светоносные,

Как Агафон сказал бы...»

(№ 707). (Аристофан. Из неуставленной комедии, фр.345 (592),

пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.875])

«Для дела надобен средний язык –

Ни тот, обабленный, городской,

Ни тот, мужицкий, под стать рабам...»

(№ 708). (Аристофан. Из неуставленной комедии, фр.359 (706),

пер. М.Л.Гаспарова [Аристофан 2000, с.877])

(№ 709). «Начальная комедия отличалась неприкрытой насмешкой. ... Когда Алкивиад предложил псефисму, то стали подвергать осмеянию вымышленные лица и не вполне открыто. ... Поскольку жители Аттики принялись чрезмерно оскорблять друг друга и не захотели пользоваться даже скрытыми изобличениями, была принята псефисма, чтобы не существовало комедии, осмеивающей скрытно, кроме как рабов и чужеземцев. Отсюда появилась третья разновидность комедии...» (Иоанн Цец. (Свидетельство 15 (83b) [Аристофан 2000, с.892]) (Ярхо считает это известие вымыслом)

Эвполид

Погиб в 411 г. до н.э.

(№ 710). «Эвполид же следующими словами высмеивает первого, назвавшего ночной горшок амидой:

Алкивиад. Спартанством сыт по горло я, купить сковороду бы!

В. многих жен, считай, уж перетрахал!

Алкивиад. А с утра кто ввел у вас попойки?

В. О да! Но ввел лишь потому что здесь зады глубоки.

Алкивиад. А кто за выпивкой сказал впервые: «Раб, амиду»?

В. Вот эта выдумка хитра, достойна Паламеда!»

(фр. I 350 = Афиней I 17d-e [Афиней 2003-, т.1, с.26])

Алкей

Поэт древней комедии, уп.388 г. до н.э.

Комедия Алкея «Ганимед» (Афиней III 110a [Афиней 2003-, т.1, с.150]).

Сократики

Симон

(№ 711). «Симон из Афин, кожевник. ... Диалогов этих тридцать три: ... «О прекрасном», «Что есть прекрасное?», «О справедливом» два диалога, «О том, что добродетели нельзя научить», ... «О любви» ... Именно он, говорят, первый стал сочинять сократические диалоги». (Диоген Лаэртский II 122-123 [Диоген 1979, с.142-143])

(№ 712). «Сократ – Гиппотрофу. Тебе ведь известно, что и Перикл воспитал своих сыновей Парала и Ксантиппа, - мне кажется, ты был даже влюблен в одного из них. Он сделал их, как ты знаешь, наездниками, не худшими, чем любой из афинян, и обучил их музыке и всем прочим видам состязаний, да и чему только ни научил из предметов, преподаваемых с помощью искусства, причем во всем [с.546] этом они никому не уступали. Но выходит, он не пожелал сделать их доблестными мужами?»

Гиппотроф. Однако, мой Сократ, быть может, они ими и стали бы, если бы не ушли молодыми из жизни.

Сократ. Естественно, что ты заступаешься за своего любимца, однако Перикл, если бы добродетель была изучима и он мог бы их сделать доблестными, гораздо раньше обучил бы их своей добродетели, чем музыке и состязаниям. Но оказалось, что добродетели, по-видимому, нельзя научить». (Симон (?). О добродетели 377d-e, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.545-546])

Симмий

(№ 713). «Симмий из Фив – под его именем известны двадцать три диалога: ... «Что есть прекрасное?» ... «О любви» (Диоген Лаэртский II 124 [Диоген 1979, с.143])

Эсхин

(№ 714). «А всех диалогов Эсхина, отпечатлевающих сократовский нрав, имеется семь: первый – и потому более слабый – «Мильтиад», затем – «Каллий», «Аксиох», «Аспазия», «Алкивиад», «Телавг» и «Ринон»». (Диоген Лаэртский II 61 [Диоген 1979, с.122-123])

(№ 715). «Сократ. Я отправился в Киносарг, и, когда подошел к Илиссу, внезапно раздался чей-то крик: «Сократ, Сократ!» Я обернулся, посмотрел в ту сторону, откуда кричали, и увидел Клиния, сына Аксиоха, спешащего по направлению к источнику Каллирой вместе с Дамоном, музыкантом, и Хармидом, сыном Главкона: первый из них был его учитель музыки, второй же – его сотоварищ, влюбленный в него и им любимый». (Эсхин (?). Аксиох 334а, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.603])

Сократические диалоги

(№ 716). «Сократ. Когда я так сказал, Продик приготовился защищаться против юноши и доказать то, что отстаивал сейчас ты, [Критий], при этом его приводила в негодование самая мысль, что он мог бы впустую о чем-то молить богов. Но тут подошел гимнасиарх и попросил его оставить гимнасий, говоря, что не подобает беседовать с младшими, а раз не подобает, то ясно, что это дурно. Я для того рассказал тебе об этом, чтобы ты видел, как относятся люди к философии, ведь когда Продик выступил здесь с такими речами, присутствующим он показался настолько безумным, что его выгнали вон из гимнасия». (Псевдо-Платон. Эриксий 398е-399а, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.564])

Сомнительные диалоги, приписанные Платону

(№ 717). «Алкивиад. ... Ведь этим венком я увенчаю тебя, потому что ты дал мне прекрасный совет ...

Сократ. А я принимаю и этот твой дар, и любой другой с радостью получу из твоих рук. ... Я думаю, что пребываю в такой же бездне, как Креонт, и хотел бы одержать прекрасную победу над твоими поклонниками». (Платон (?). Алкивиад II 151а-с, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.140-141])

(№ 718). «Сократ. ... Итак, поскольку ты мой друг, я не осмелился бы тебя обманывать, обнаружив тем самым недоверие к подобному человеку [Гиппарху], после кончины которого афиняне в течение трех лет терпели тиранию его брата Гиппия, и ты от всех стариков слышал, что лишь в эти годы в Афинах царила тирания, все же остальное время афиняне жили чуть ли не как в царствование Кроноса. Более осведомленные люди говорят, что и смерть-то его произошла не из-за того, из-за чего полагают многие, - не из-за бесчестья сестры во время Канефорий (это ведь просто нелепость!), но из-за того, что Гармодий был любимцем Аристокитона и его учеником, да и сам Аристокитон слишком чванился тем, что обучает другого человека, и воображал себя соперником Гиппарха. В

это время случилось так, что сам Гармодий был поклонником некоего юноши из тогдашних родовитых красавцев – имя его известно, да я запомнил, – а юноша этот, ранее восхищавшийся мудростью Гармодия и Аристокрита, позднее сошелся с Гиппархом и исполнился к нему презрения; тогда они, удрученные его пренебрежением, убили Гиппарха». (Платон (?). Гиппарх 229b-d, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.538])

(№ 719). «Клитофонт. ... В конце концов кто-то из твоих друзей, мой Сократ, слышавший самым красноречивым, ответил мне, будто особый предмет справедливости, принадлежащий только ей, – это установление дружбы в государствах. На следующий вопрос он отвечал, что дружба является благом и ни в коей мере не может считаться злом, в то время как любовь между детьми или животными, именуемую нами тем же словом, он в ответ на повторный вопрос не признал дружбой: по его мнению, такого рода отношения чаще приносят вред, чем пользу. Избегая возражения, он утверждал, что это вообще не дружба и те, кто дают таким отношениям это имя, лгут. По его мнению, ясно как день, что истинная и действительная дружба – это единомыслие». (Платон (?). Клитофонт 409d-e, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.578-579])

(№ 720). «Сократ. ... А можешь ли ты сказать, кто из древних был достойным законодателем в игре на флейте? Возможно, тебе не приходит на ум, но я, если хочешь, тебе напомню.

Друг. Да, напомни, пожалуйста.

Сократ. Такими знатоками славят Марсий и его любимец – фригиец Олимп.

Друг. Это правда.

Сократ. Ведь божественна и музыка, исполнявшаяся ими на свирели, – более божественна, чем у других; только она трогает души и показывает, что в ней принимают участие боги; и в наше время только их музыка сохранилась как музыка богов». (Платон (?). Минос 318b-c, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.588-589])

(№ 721). «Сократ. Я вошел в училище грамматиста Дионисия и увидел там юношей, известных своим прекрасным обликом и славным происхождением; узрел я также и их поклонников. Случилось, что двое из мальчиков между собою спорили, но я не очень-то расслышал о чем. Впрочем, мне показалось, что они спорят то ли об Анаксагоре, то ли об Энопиде. ...

(с.133) Едва мы обменялись этими речами, как оба мальчика, внимавшие им, замолчали и, прекратив свой спор, стали нашими слушателями. Не знаю, что испытывали при этом их поклонник, сам же я был потрясен: меня всегда сражают своей красотой юноши. Но показалось мне, что и второй из поклонников не меньше меня был взволнован, однако он все-таки отвечал мне, и довольно заносчиво. «Если бы, мой Сократ, – молвил он, – я полагал, что философствовать постыдно, я не считал бы себя человеком, да и никого другого, кто был бы такого же мнения». При этом он указал на своего соперника и

говорил очень громко, чтобы мог слышать его любимец» (Платон (?). Соперники 132a-133b, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.593-594])

Ксенофонт

Ксенофонт, сын Грилла, из Афин.

(№ 722). «Был он на редкость скромн и на редкость хорош собой. ...»

Аристипп в IV книге «О роскоши древних» сообщает о Ксенофонте, что он был влюблен в Клиния и говорил о Клинии так...» (Диоген Лаэртский II 48 [Диоген 1979, с.118-119])

«Воспоминания о Сократе»

(№ 723). «Удивительным кажется мне также и то, что некоторые поверили, будто Сократ развращает молодежь, - Сократ, который, кроме упомянутых качеств, прежде всего обладал больше всех на свете воздержанием в любовных наслаждениях и в употреблении пищи...» (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе I 2, 1 [Ксенофонт, ВС 1993, с.9])

(№ 724). «Заметив, что Критий влюблен в Евфидема и соблазняет его, чтобы быть с ним в таких отношениях, в каких находятся люди, пользующиеся телом для любовных наслаждений, Сократ старался отвратить его от этой страсти: он указывал, как унижительно и недостойно благородного человека, подобно нищему, выпрашивать милостыню у своего любимца, которому он хочет казаться дорогим, моля и прося у него подарка, да еще совсем нехорошего. Но, так как Критий не внимал таким увещаниям и не отставал от своей страсти, то, говорят, Сократ, в присутствии многих лиц, в том числе и Евфидема, сказал, что у Крития, как ему кажется, есть свинская наклонность: ему хочется тереться об Евфидема, как поросята трутся о камни. С этого-то времени и стал ненавидеть Сократа Критий: будучи членом коллегии Тридцати и попав в законодательную комиссию с Хариклом, он припомнил это Сократу и внес в законы статью, воспрещающую преподавать искусство слова...» (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе I 2, 29-31 [Ксенофонт, ВС 1993, с.14-15])

Вариации

«Проповедуй воздержание от деторождения во имя того, чтобы больше было приятности, - это можно; а заикнись только о том, чтобы воздерживаться от деторождения во имя нравственности, - батюшки, какой крик: род человеческий как бы не прекратился оттого, что десяток-другой хочет перестать быть свиньями.

... Ведь что, главное, погано, предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно».

(Л.Н.Толстой. Крейцера соната, гл.11, 13 [Толстой 1980, с.191, 195])

«Вся та степень гнушения, какую нормальный человек (с «+1» пола) испытывает к воображаемому или действительному, к видимому или читаемому так называемому извращенному половому сближению мужчины и мужчины или женщины и женщины, весь этот же ужас и мистический страх чувствует человек с «±» полового притяжения к естественному, т.е. вообще к бывающему совокуплению, к браку...»

(В.В.Розанов. Люди лунного света [Розанов 1990, т.2, с.75-76])

(№ 725). «От любви к красавцам советовал он тщательно воздерживаться: не легко, говорил он, владеть собою, касаясь таких людей. Услышав однажды, что Критобул, сын Критона, поцеловал Алкивиадова сына [Клиния, двоюродного брата Алкивиада], красавца, он спросил Ксенофонта в присутствии Критобула:

Сократ. Скажи мне, Ксенофонт, не правда ли, ты считал Критобула скорее скромным, чем наглым, скорее осторожным, чем безрассудным и рискующим?

Ксенофонт. Конечно.

Сократ. Так считай его теперь в высшей степени отчаянным и необузданным: он станет и между мечей кувыркаться и в огонь прыгать.

Ксенофонт. Что же ты заметил в его поступках, что так дурно думаешь о нем?

Сократ. Да разве он не отважился поцеловать Алкивиадова сына, такого хорошенького, цветущего?

Ксенофонт. Ну, если этот рискованный поступок – такого рода, то, мне кажется, и я могу попасть в эту опасность!

Сократ. О несчастный! Как ты думаешь, что с тобою может быть после поцелуя красавца? Разве не станешь ты сейчас же рабом из свободного человека? Разве не станешь разоряться на вредные удовольствия? Разве будет у тебя время позаботиться о чем прекрасном? Разве не будешь ты вынужден усердно заниматься такими вещами, какими не станешь заниматься и сумасшедший?

Ксенофонт. О Геракл! Какую страшную силу ты приписываешь поцелую!

Сократ. И ты этому удивляешься? Разве ты не знаешь, что тарантулы величиной меньше пол-оболы, только прикоснувшись ртом, изводят людей болью и лишают рассудка?

Ксенофонт. Да, клянусь Зевсом, ведь тарантулы что-то впускают при укусе.

Сократ. Глупец! А красавцы при поцелуе разве не впускают чего-то? Ты не думаешь этого только оттого, что не видишь. Разве ты не знаешь, что этот зверь, которого называют молодым красавцем, тем страшнее тарантулов, что тарантулы прикосновением впускают что-то, а красавец даже без прикосновения, если только на него смотришь,

совсем издалека впускает что-то такое, что сводит человека с ума? (Может быть, и Эроты потому называются стрелками, что красавцы даже издали наносят раны). Нет, советую тебе, Ксенофонт, когда увидишь какого красавца, бежать без оглядки. А тебе, Критобул, советую на год уехать отсюда: может быть, за это время, хоть и с трудом, ты выздоровеешь.

Ксенофонт-повествователь. Таким образом, и по отношению к любовным увлечениям он держался того мнения, что люди, не чувствующие себя гарантированными от них, должны направлять их на такие объекты, которых, без особенно большой поверхности тела, душа не примет и которые, при потребности его, хлопот не доставят. А сам он, несомненно, был так хорошо вооружен против таких увлечений, что ему легче было держаться в отдалении от самых цветущих красавцев, чем другим от самых отцветших уродов» (Воспоминания о Сократе I 3, 8-14 [Ксенофонт, ВС 1993, с.24-25])

(№ 726). «Сократ. ... Утехи любви для животных они [боги] ограничили известным временем года, а нам они даруют их непрерывно до старости» (Воспоминания о Сократе I 4, 12 [Ксенофонт, ВС 1993, с.29])

(№ 727). «Сократ. Антифонт! У нас принято думать, что из красоты и знаний можно делать равно и благородное и гнусное употребление. Так, красоту если кто продает за деньги кому угодно, того обзывают распутником; а если кто знает, что его любит человек благородный, хороший и делает этого человека своим другом, то мы считаем его нравственным» (Воспоминания о Сократе I 6, 13 [Ксенофонт, ВС 1993, с.34])

(№ 728). «Добродетель – Порочности. ... Любовную страсть ты возбуждаешь насильственно, раньше появления потребности к ней, придумывая для этого всякие средства и употребляя мужчин, как женщин; так ты воспитываешь своих друзей: ночью их бесчестишь, а днем в самые лучшие для работы часы укладываешь их спать» (Воспоминания о Сократе II 1, 30 [Ксенофонт, ВС 1993, с.45])

(№ 729). «Сократ. ... дружба пробирается через все эти препятствия и соединяет людей нравственных. Благодаря своим высоким качествам, они предпочитают без отягощения владеть умеренным состоянием, чем путем войны быть хозяевами всего; несмотря на голод и жажду, они могут без горя делиться едою и питьем; хотя им приятны любовные отношения с молодыми красавцами, но они могут сдерживать свои страсти, чтобы не огорчать, кого не следует» (Воспоминания о Сократе II 6, 22 [Ксенофонт, ВС 1993, с.60])

(№ 730). «Сократ. ... Или ты не обратил внимания на то, что когда образуется хор только из наших граждан, как, например, посылаемый в Делос, то ни один хор ни из какого другого места не может соперничать с ним, и что ни в каком другом городе нет такого количества красивых мужчин, как здесь?»

Собеседник. Правда.

Сократ. А между тем афиняне отличаются от других не столько хорошими голосами или ростом и силой, сколько честолубием, которое больше всего побуждает людей стремиться к чести и славе» (Воспоминания о Сократе III 4, 12-13 [Ксенофонт, ВС 1993, с.79])

(№ 731). «Сократ – живописцу Паррасию. Так как нелегко встретить человека, у которого одного все было бы безупречно, то, рисуя красивые человеческие образы, вы берете у разных людей и соединяете вместе какие есть у кого наиболее красивые черты и таким способом достигаете того, что все тело кажется красивым.

Паррасий. Да, мы так делаем.

Сократ. А изображаете вы то, что в человеке всего более располагает к себе, что в нем всего приятнее, что возбуждает любовь и страсть, что полно прелести, - я разумею духовные свойства? Или этого и изобразить нельзя?

Паррасий. Как же можно, Сократ, изобразить то, что не имеет ни пропорции, ни цвета и вообще ничего такого, о чем ты сейчас говорил, и даже совершенно невидимо?» (Воспоминания о Сократе III 10, 2-3 [Ксенофонт, ВС 1993, с.100-101])

(№ 732). «Так, Сократ часто говаривал, что он в кого-нибудь влюблен; но всем было ясно, что его влекло к тем, кого природа одарила не телом красивым, а высокими духовными качествами. Признаками хороших способностей он считал быстрое усвоение человеком предмета, который его занимал, запоминание выученного и интерес ко всем знаниям, которые помогают хорошо вести домашнее хозяйство, управлять государством и вообще уметь пользоваться людьми и действиями людей» (Воспоминания о Сократе IV 1, 2 [Ксенофонт, ВС 1993, с.114])

(№ 733). «Сократ. Значит, клянусь Зевсом, мы будем относить к счастью много такого, что доставляет людям массу неприятностей: многие вследствие красоты развращаются людьми, которые сходят с ума от страсти к красивым мальчикам...» (Воспоминания о Сократе IV 2, 35 [Ксенофонт, ВС 1993, с.125])

«Домострой»

(№ 734). «Исхомах. Мне кажется, и людей, чрезмерно преданных любовным наслаждениям, невозможно научить заботиться о чем-нибудь больше, чем об этом: (14) нелегко найти надежду или заботу приятнее заботы о любимом мальчике, и, наоборот, трудно изобрести наказание, более тяжелое, чем разлука с предметом любви, когда предстоит какое-нибудь дело. Поэтому, когда я узнаю про кого-нибудь, что он такой, я даже и не пробую ставить его в управляющие» (Домострой 12, 13-14 [Ксенофонт, ВС 1993, с.239])

«Охота»

(№ 735). «...когда на любящего смотрит любимый, то последний делается лучше, не говорит и не делает ничего дурного или предосудительного, чтобы тот не заметил». (Ксенофонт. Охота 12, 20 [Ксенофонт 1895, с.264])

«Пир»

(№ 736). «(2) Были конские бега во время Великих Панафиней. Каллий, сын Гиппоника, был влюблен в Автолика, тогда еще бывшего ребенком; Автолик одержал победу в панкратии, и Каллий пришел с ним на это зрелище. По окончании бегов Каллий с Автоликом и отцом его пошел в свой дом в Пирее...

(8) ... Всякий, кто обратил внимание на то, что происходило, сейчас же пришел бы к убеждению, что красота по самой природе своей есть нечто царственное, особенно если у кого она соединена со стыдливостью и скромностью, как в данном случае у Автолика. (9) Во-первых, как светящийся предмет, показавшийся ночью, притягивает к себе взоры всех, так и тут красота Автолика влекла к нему очи всех; затем, все смотревшие испытывали в душе какое-нибудь чувство от него: одни становились молчаливее, а другие выражали чувство даже какими-нибудь жестами. (10) На всех, одержимых каким-либо богом, интересно смотреть: но у одержимых другими богами вид становится грозным, голос – страшным, движения – бурными; а у людей, вдохновляемых целомудренным Эротом, взгляд бывает ласковее, голос – мягче, жесты – более достойными свободного человека. Таков был и Каллий тогда под влиянием Эрота, и людям, посвященным в таинства этого бога, интересно было смотреть на него» (Пир 1, 2.8-10 [Ксенофонт, ВС 1993, с.160-161])

(№ 737). «(10) ... Критобул. Если я некрасив, как я думаю, то было бы справедливо привлечь вас к суду за обман: никто вас не заставляет клясться, а вы всегда с клятвой утверждаете, что я – красавец. Я, конечно, верю, потому что считаю вас людьми благородными. (11) Но если я действительно красив и вы при виде меня испытываете то же, что я при виде человека, кажущегося мне красивым, то, клянусь всеми богами, я не взял бы царской власти за красоту. (12) Теперь я большим удовольствием смотрю на Клиния, чем на все другие красоты мира; я предпочел бы стать слепым ко всему остальному, чем к одному Клинию. Противны мне ночь и сон за то, что я не вижу; а дню и солнцу я в высшей степени благодарен за то, что они показывают Клиния. (13) Мы, красавцы, можем гордиться еще вот чем: сильному человеку приходится работать, чтобы добывать жизненные блага, храброму – подвергаться опасностям, ученому – говорить, а красавец, даже ничего не делая, всего может достигнуть. (14) Я, например, хоть и знаю, что деньги – вещь приятная, но охотнее стал бы давать Клинию, что у меня есть, чем брать другие деньги у другого; я охотнее был бы рабом, чем свободным, если бы Клиний хотел повелевать мною: мне легче было бы работать для него, чем отдыхать, и приятнее было бы подвергаться опасностям за него, чем жить в безопасности. (15) Таким образом, если ты, Каллий, гордишься тем, что можешь делать людей справедливее, то я могу более, чем ты, направлять их ко всякой добродетели: благодаря тому, что мы, красавцы, чем-то вдохновляем влюбленных, мы делаем их более щедрыми на деньги, более трудолюбивыми и славолюбивыми в опасностях и уж, конечно, более стыдливыми и невоздержными, коль скоро они всего более стыдятся даже того, что им нужно. (16)

Безумны также те, которые не выбирают красавцев в военачальники: я, например, с Клинием пошел бы хоть в огонь; уверен, что и вы тоже со мною. Поэтому уж не сомневайся, Сократ, что моя красота принесет какую-нибудь пользу людям. (17) Разумеется, не следует умалять достоинство красоты за то, что она скоро отцветает: как ребенок бывает красив, так равно и мальчик, и взрослый, и старец. Вот доказательство: носить масличные ветви в честь Афины выбирают красивых стариков, руководясь тем, что всякому возрасту сопутствует красота» (Ксенофонт. Пир 4, 10-17 [Ксенофонт, ВС 1993, с.173])

(№ 738). «(23) ... Сократ. Разве не видишь, что у него лишь недавно пушок стал спускаться около ушей, а у Клиния он уже поднимается назад. Когда он ходил в одну школу с ним, тогда он еще так сильно воспылал. (24) Отец заметил это и отдал его мне, думая, не могу ли чем я быть полезен. И несомненно, ему уже гораздо лучше: прежде он, словно как люди, смотрящие на Горгон, глядел на него окаменелым взором и, как каменный, не отходил от него ни на шаг; а теперь я увидел, что он даже мигнул. (25) А все-таки, клянусь богами, друзья, мне кажется, говоря между нами, он даже поцеловал Клиния; а нет подтопки для любви опаснее этой: она ненасытна и подает какие-то сладкие надежды. (26) [А может быть, и потому, что соприкосновение устами, единственное из всех действий, называется тем же словом, что и душевная любовь, оно и пользуется большим почетом – глосса, исключаемая из текста]. Вот почему я утверждаю, что тот, кто сможет сохранить самообладание, должен воздерживаться от поцелуев с красавцами.

(27) Хармид. Но почему же, Сократ, нас, друзей своих, ты так отпугиваешь от красавцев, а ты сам, клянусь Аполлоном, как я однажды видел, прислонил голову к голове Критобула и обнаженное плечо к обнаженному плечу, когда вы оба у школьного учителя что-то искали в одной и той же книге?

(28) Сократ. Ох, ох, так вот почему, словно какой зверь меня укусил, у меня с лишком пять дней болело плечо, и в сердце как будто что-то царапало...» (Пир 4, 23-28 [Ксенофонт, ВС 1993, с.175])

(№ 739). «(52) Хармид. ... А ты, сиракузянин, чем гордишься? Наверно, мальчиком?

Сиракузянин. Клянусь Зевсом, вовсе нет; напротив, я страшно боюсь за него: я замечаю, что некоторые замышляют коварно погубить его.

(53) Сократ. О Геракл! Какую же такую обиду, думают они, нанес им твой мальчик, что они хотят убить его?

Сиракузянин. Нет, конечно, не убить его они хотят, а уговорить спать с ними.

Сократ. А ты, по-видимому, думаешь, что если бы это случилось, то он бы погиб?

Сиракузянин. Клянусь Зевсом, совершенно.

(54) Сократ. И сам ты, значит, не спишь с ним?

Сиракузянин. Клянусь Зевсом, все ночи напролет.

Сократ. Клянусь Герой, большое тебе счастье, что природа дала тебе такое тело, которое одно не губит тех, кто спит с тобою» (Пир 4, 52-54 [Ксенофонт, ВС 1993, с.180])

(№ 740). «(62) ... Сократ – Антисфену. Знаю, что ты завлек нашего Каллия к мудрому Продику, видя, что Каллий влюблен в философию, а Продику нужны деньги; знаю, что ты завлек его к Гиппию из Элиды, у которого он научился искусству помнить и оттого с тех пор стал еще больше влюбчивым, потому что никогда не забывает ничего прекрасного, что ни увидит. (63) Недавно и мне ты расхваливал этого приезжего из Гераклеи и, возбудив во мне страсть к нему, познакомил его со мною. За это, конечно, я тебе благодарен: человек он, мне кажется, в высшей степени благородный. А Эхила из Флиунта разве ты мне не расхваливал, а меня ему? И не довел ли ты нас до того, что мы, влюбившись под влиянием твоих речей, бегали, как собаки, разыскивая друг друга?» (Пир 4, 62-63 [Ксенофонт, ВС 1993, с.182])

(№ 741). «(1) ... Сократ. Не следует ли нам, друзья, вспомнить о великом боге, пребывающем у нас, который по времени ровесник присносущим богам, а по виду всех моложе, который своим величием объемлет весь мир, а в душе человека помещается – об Эроте, тем более, что все мы – почитатели его? (2) Я с своей стороны не могу указать времени, когда бы я не был в кого-нибудь влюблен; наш Хармид, как мне известно, имеет много влюбленных в него, а к некоторым он и сам чувствует страсть; Критобул, хоть и любим, уже чувствует страсть к другим. Да и Никерат, как я слышал, (3) влюблен в свою жену, которая сама влюблена в него. Про Гермогена кому из нас не известно, что он изнывает от любви к высокой нравственности, в чем бы она ни заключалась? Разве вы не видите, как серьезны у него брови, недвижим взор, умеренны речи, мягок голос, как светло все его существо? И, пользуясь дружбой высокочтимых богов, (4) он не смотрит свысока на вас, людей! А ты, Антисфен, один ни в кого не влюблен?

Антисфен. Клянусь богами, очень даже – в тебя!

Сократ. Нет, теперь, в такое время, не приставай ко мне: ты видишь, я другим занят.

Антисфен. (5) Как откровенно ты, сводник себя самого, всегда поступаешь в таких случаях! То ссылаешься на голос бога, чтобы не разговаривать со мною, то у тебя есть какое-то другое дело!

Сократ. (6) Ради богов, только не бей меня; а твой тяжелый характер во всем остальном я переношу и буду переносить по-дружески. Однако будем скрывать от других твою любовь, тем более что она – любовь не к душе моей, а к красоте. [с.189]

(7) А что ты, Каллий, влюблен в Автолика, весь город это знает, да многие, думаю, и из приезжих. Причина этого та, что оба вы – дети славных отцов и сами – люди видные. (8) Я всегда был в восторге от тебя, а теперь еще гораздо больше, потому что вижу, что предмет твоей любви – не утопающий в неге, не расслабленный ничегонеделаньем, но всем показывающий силу, выносливость, мужество и самообладание. А страсть к таким людям служит показателем натуры влюбленного. Одна ли Афродита или две – небесная или всенародная, - не знаю: (9) ведь и Зевс, по общему признанию один и тот же, имеет много прозваний; но, что отдельно для той и другой воздвигнуты алтари и храмы и приносятся

жертвы – для всенародной менее чистые, для небесной более чистые – это знаю. (10) Можно предположить, что и любовь к телу насылает – всенародная, а к душе, к дружбе, к благородным подвигам – небесная. (11) Этой любовью, мне кажется, одержим и ты, Каллий. Так сужу я на основании высоких качеств твоего любимца, а также по тому, что, как вижу, ты приглашаешь отца его на свои свидания с ним: конечно, у нравственно любящего нет никаких таких тайн от отца.

Гермоген. (12) Клянусь Герой, многое в тебе, Сократ, приводит меня в восторг, между прочим и то, что теперь ты, говоря комплименты Каллию, в то же время учишь его, каким ему следует быть.

Сократ. Да, клянусь Зевсом; а чтобы доставить ему еще больше радости, я хочу доказать ему, что любовь к душе и выше гораздо любви к телу. (13) В самом деле, что без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности, это мы все знаем. А кто восхищается духовной стороной, у тех дружба называется приятной и добровольной потребностью; напротив, кто чувствует вожделение к телу, из тех многие бранят и ненавидят нрав своих любимцев; (14) если же и полюбят и тело и душу, то цвет юности скоро, конечно, отцветает; а когда он исчезнет, необходимо должна с ним увянуть и дружба; напротив, душа все время, пока шествует по пути большей разумности, становится все более достойной любви. (15) Далее, при пользовании внешностью [с.190] бывает и некоторое пресыщение, так что по отношению к любимому мальчику необходимо происходит то же, что по отношению к кушаньям при насыщении; а любовь к душе по своей чистоте не так скоро насыщается, однако по этой причине она не бывает менее приятной; нет, тут явно исполняется молитва, в которой мы просим богиню даровать нам приятные и слова и дела. (16) И действительно, что восхищается любимцем и любит его душа, цветущая изящной внешностью и нравом скромным и благородным, которая способна уже среди сверстников первенствовать и отличается любезностью, - это не нуждается в доказательстве; а что такой любящий естественно должен пользоваться взаимной любовью и со стороны мальчика, я и это докажу.

(17) Так, прежде всего, кто может ненавидеть человека, который, как ему известно, считает его высоконравственным. Который, как он видит, о нравственности мальчика заботится больше, чем о своем собственном удовольствии? Если, сверх того, он верит, что дружба с его стороны не уменьшится, когда его юность пройдет или когда он от болезни потеряет красоту? (18) А если люди взаимно любят друг друга, разве не станут они смотреть один на другого с удовольствием, разговаривать с благожелательностью, оказывать доверие друг другу, заботиться друг о друге, вместе радоваться при счастливых обстоятельствах, вместе горевать, если постигнет какая неудача, радостно проводить время, когда они находятся вместе здоровые, а если который заболеет, находиться при нем еще более неотлучно, в отсутствии заботиться друг о друге еще более, чем когда присутствуют? Все это разве не приятно? Благодаря таким поступкам (19) они любят эту дружбу и доживают до старости с нею. А того, кто привязан только к телу, за что станет любить мальчик? За то, что он себе берет, что ему хочется, а мальчику оставляет стыд и срам? Или за то, что, стремясь добиться от мальчика цели своих желаний, он старательно удаляет от него близких людей? (20) Да и за то даже, что он действует на него не насилем, а убеждением, даже и за это он заслуживает скорее ненависти: ведь кто действует насилем, выставляет себя [с.191] в дурном свете, а кто действует убеждением, развращает душу убеждаемого. (21) Но даже и тот, кто за деньги продает свою красоту, за что будет любить покупателя больше, чем торговец на рынке? Конечно, и за то, что он, цветущий, имеет дело с отцветшим, красивый – с уже некрасивым, с влюбленным – не влюбленный, и за это он не будет любить его. И действительно, мальчик не делит с мужчиной, как женщина, наслаждения любви, а трезво смотрит на опьяненного страстью.

(22) Поэтому несколько не удивительно, что в нем появляется даже презрение к влюбленному. Если присмотреться, то найдешь, что от тех, кого любят за нравственные качества, не исходит никакого зла, а от бесстыдной связи бывает много преступлений. (23) Теперь я покажу, что для человека, любящего тело больше души, эта связь и унижительна. Кто учит говорить и поступать, как должно, имеет право пользоваться уважением, как Хирон и Финик со стороны Ахилла; а вожделеющий тела, конечно, будет ходить около него, как нищий: да, он всегда следует за ним, просит милостыню, всегда ему нужен еще или поцелуй, или другое какое прикосновение. (24) Не удивляйтесь, что я выражаюсь слишком грубо: вино побуждает меня, и всегдашний мой сожитель Эрот подгоняет меня, чтобы я говорил откровенно против враждебного ему Эрота. (25) И в самом деле, человек, обращающий внимание только на наружность, мне кажется, похож на арендатора земельного участка: он заботится не о том, чтобы возвысить его ценность, а о том, чтобы самому собрать с него как можно больший урожай. А кто жаждет дружбы, скорее похож на собственника имения: он отовсюду приносит, что может, и возвышает ценность своего любимца. (26) То же бывает и с любимцами: мальчик, знающий, что, отдавая свою наружность, он будет властвовать над влюбленным, естественно, будет относиться ко всему остальному без внимания. Напротив, кто понимает, что, не будучи нравственным, он не удержит дружбу, тот должен более всего заботиться о добродетели. (27) Величайшее счастье для того, кто желает из любимого мальчика сделать себе хорошего друга, это то, что ему и самому необходимо [с.192] стремиться к добродетели. И действительно, если он сам поступает дурно, не может он близкого ему человека сделать хорошим, и, если он являет собою пример бесстыдства и неумеренности, не может он своему любимцу внушить умеренность и стыд.

(28) Я хочу показать тебе, Каллий, также и на основании примеров из мифологии, что не только люди, но и боги и герои любовь к душе ставят выше, чем наслаждение телом. (29) Зевс, например, влюбляясь в прелести смертных женщин, после сочетания с ними оставлял их смертными; а в ком он восторгался добродетелями души, тех делал бессмертными; к числу их принадлежат Геракл и Диоскуры, да и другие, как говорят. (30) Я тоже утверждаю, что и Ганимеда Зевс унес на Олимп не ради тела, но ради души. В пользу этого говорит и его имя: у Гомера есть выражение:

γαυυταί δε τ'ακουον:

это значит «радуйся слушая». А где-то в другом месте есть такое выражение:

πυκίνα φρεσί μεδεα εἶδος:

это имеет смысл: «зная в уме мудрые мысли». Как видно из этих двух мест, Ганимед получил почет среди богов не потому, что был назван «радующий телом», но «радующий мыслями». (31) Затем, Никерат, и Ахилл, как говорит Гомер, с такой славой отмстил за смерть Патрокла, не как предмета любви, а как друга. Равным образом Орест, Пилад, Фесей, Пирифой и многие другие доблестнейшие полубоги, по словам поэтов, совершили сообща такие великие и славные подвиги не потому, что спали вместе, а потому, что высоко ценили друг друга. А что? (32) Не окажется ли, что и теперь все славные деяния совершают ради хвалы люди, готовые трудиться и подвергаться опасностям, более, чем люди, привыкшие предпочитать удовольствие славе?

Правда, Павсаний, влюбленный в поэта Агафона, говорит в защиту погрязших в невоздержании, что и войско из влюбленных и любимых (33) было бы очень сильно, потому что, сказал он, по его мнению, они больше всех стыдились бы покидать друг друга. Странное [с.193] мнение, будто люди, привыкшие относиться равнодушно к

осуждению и быть бесстыдными друг перед другом, (34) будут больше всех стыдиться какого-либо позорного поступка! В доказательство он приводит то, что также фиванцы и элейцы держатся этого мнения: по крайней мере, хотя любимые мальчики и спят с ними, они ставят их около себя во время сражения. Однако это совершенно не подходящее доказательство. У них это законно, а у нас предосудительно. Мне кажется, люди, ставящие их около себя, как будто не надеются, что любимцы, находясь отдельно, будут совершать геройские подвиги. Спартанцы, напротив, убежденные, (35) что человек, хоть только вожделеющий тела, не способен уже ни на какой благородный подвиг, делают из своих любимцев таких идеальных героев, что если они стоят в строю даже с чужеземцами, не в одном городе с любящим, все-таки стыдятся покидать товарищей: они признают богиней (36) не Бесстыдство, а Стыдливость. Мне кажется, мы все можем прийти к одному мнению о предмете моей речи, если рассмотрим вопрос так: при какой любви можно скорее доверять мальчику деньги или детей либо оказывать ему благодеяния в надежде на отплату с его стороны? Я с своей стороны думаю, что даже тот самый, кто пользуется наружностью любимца, скорее доверил бы все это (37) достойному любви по душе.

А твой долг, Каллий, думается мне, быть благодарным также и богам за то, что они внушили тебе любовь к Автолику. Что он честлюбив, это вполне очевидно, коль скоро он готов переносить много трудов, много мук для того, чтобы глашатай объявил его победителем в панкратии. (38) А если он мечтает не только быть украшением себе и отцу, но получить возможность благодаря своим высоким нравственным качествам делать добро друзьям, возвеличить отечество, воздвигая трофеи по поводу побед над врагами, и через это стать известным и славным среди эллинов и варваров, то неужели ты думаешь, что он тому самому, в ком видит лучшего помощника в этом, не станет оказывать величайшее уважение? (39) Таким образом, если хочешь ему нравиться, надо смотреть, какого рода знания дали Фемистоклу возможность [с.194] освободить Элладу; смотреть, какого рода сведения доставили Периклу славу лучшего советника отечества; надо исследовать также, какие философские размышления помогли Солону дать такие превосходные законы нашему городу; надо доискаться, наконец, какие упражнения способствуют спартамцам иметь репутацию лучших военачальников: ты – их проксен, и у тебя всегда останавливаются лучшие их представители. (40) Поэтому город скоро доверил бы тебе руководство своими делами, если ты хочешь; будь в том уверен. У тебя имеются очень важные качества для этого: ты – знатного рода, ты – жрец богов эреxfеевых, которые вместе с Иакхом ополчились на варваров, и теперь на празднике ты считаешься из всех своих предков достойнейшим священного сана; собою ты красивее всех на взгляд в городе; (41) у тебя достаточно сил переносить труды. Если вам кажется, что я говорю слишком серьезно для беседы за вином, не дивитесь и этому: я наравне с другими горожанами всегда влюблен в людей, одаренных от природы хорошими задатками и считающих для себя честью стремление к добродетели» (Ксенофонт. Пир 8, 1-41 [Ксенофонт, ВС 1993, с.188-194])

«Лакедемонское государство»

(№ 742). «(2, 12) Считаю нужным сказать и о любви к мальчикам [пайдикон эротон], так как и это относится к воспитанию. У других эллинов бывает так: у одних, например, у беотийцев, взрослый и мальчик живут в самой тесной связи [букв. «как супруги» (сизигентес)]; другие, например, элейцы, пользуются красотой [харитон] за подарки; третьи [афиняне?] положительно запрещают обращение с мальчиками [букв. «разговоры влюбленных с мальчиками»]. (13) Ликург и здесь поступил иначе: он одобрил, когда кто

сам будучи каким следует и полюбив душу мальчика, старается сделать из него безукоризненного друга и сообщника; и такое воспитание признавая самым высоким. Но он признал крайне позорным, когда кто выкажет стремление к телу мальчика, и постановил, чтобы в Лакедемоне любители мальчиков относились к последним, как родители к детям, и так же чуждались их любви, как братья чуждаются любви к сестрам. (14) Я не удивляюсь, что некоторые не верят этому, тем более, что во многих государствах нисколько не противодействуют любви к мальчикам [пайдас эпитимиа]. (15) Во всяком случае, воспитание лакедемонян и других эллинов именно такое, как сказано». (Ксенофонт. Лакедемонское государство 2, 12-14 [Ксенофонт 1895, с.49])

(№ 743). «Переступившим юношеский возраст [Ликург] дозволил носить длинные волосы, предполагая, что в таком виде они будут казаться выше, благороднее и грознее». (Ксенофонт. Лакедемонское государство 11, 3 [Ксенофонт 1895, с.49])

«Гиерон»

(№ 744). «(26) Симонид. В таком случае удовольствия любви должны внушать желание быть тиранном, потому что в этом отношении вы можете пользоваться обществом такого лица, какое только находите красивым.

Гиерон. ... (29) Опять же в любви к мальчикам цари терпят еще большие лишения, чем в любви первого рода [к женщинам]; потому что, как всем известно, удовлетворение этого чувства тогда только доставляет нам радость, когда соединено с любовью. (30) Но опять-таки и любовь менее всего дается тираннам, потому что любовь стремится не к тому, что легко дается, но к ожидаемому. Как человек, не имеющий жажды, не чувствует удовольствия, когда пьет, так и человек, не чувствующий любви, не чувствует ее восторгов.

(31) Симонид (смеясь). Как так, Иерон? У тираннов не бывает любви к мальчикам? Каким же образом ты любишь Даилоха, прозванного красавцем?

(32) Гиерон. Да, люблю, потому что желаю получить от него [с.137] вовсе не то, что думают, но то, достижения чего менее всего можно ожидать от тиранна. (33) Быть может, человеческая природа заставляет требовать этого от прекрасных, но своих желаний я хочу достигнуть с любовью и от желающего, а насилие к нему я допускаю столько же, как к самому себе. (34) Потому что признаю, что от врагов нам особенно приятно брать что-либо, когда они не дают, а от любимцев – когда они сами выказывают свою любовь. (35) От любящего любимца нам все приятно: его взор, вопросы, ответы, шуточные споры и драки. Но действовать на любимца насилием, по моему мнению, будет похоже не на любовь, но на грабительство. (36) Положим, грабителю доставляет известное удовольствие с одной стороны прибыль, с другой – неприятность врагу, но радоваться неприятности любимца, сделаться ненавистным и прикасаться к обиженному – это проступок тяжелый и достойный сожаления. (37) Кроме того, частный человек, при податливости любимца, сразу может увидеть признательность, так как знает, что никакое принуждение здесь не имеет значения, но тиранн никогда не может быть уверен, что его любят. Мы знаем, что повинующиеся из страха употребляют всякие притворства перед теми, кто любит их. Поэтому-то ни от кого не бывает столько покушений, как от тех, кто притворяется особенно любящим». (Ксенофонт. Гиерон 1, 26.29-37 [Ксенофонт 1895, с.136-137])

(№ 745). «Гиерон. ... вместо того, чтобы мстить за смерть тиранна, граждане высоко награждают убийцу, и вместо отлучения от святыни, как бывает с убийцами частных граждан, в священных местах даже статуи ставятся тех, кто сделал что-либо подобное». (Ксенофонт. Гиерон 4, 5 [Ксенофонт 1895, с.141])

(№ 746). «Гиерон. ... (7, 5) На мой взгляд, почести тираннов похожи на то, что я сказал тебе об афродисиях. (6) Известно, что для нас не имеет никакой прелести услужливость того, кто нас не любит, как неприятны и взятые силою афродисии [любовные наслаждения]». (Ксенофонт. Гиерон 7, 5-6 [Ксенофонт 1895, с.145])

(№ 747). «Симонид. ... Даже любимцы, - в этом случае ты особенно порицал тиранию, - менее всего жалуются на старость, и это ничуть не считается зазорным для того, с кем они обращаются, потому что здесь предпочтение все скрашивает, так что неприятную сторону делает незаметной, а хорошей тем более придает блеска». (Ксенофонт. Гиерон 8, 6 [Ксенофонт 1895, с.147])

(№ 748). «Симонид. [Тиранн должен был добродетелен] ... Так что ты будешь не любим, но обожаем всеми; не ты будешь обращаться к красавцам, но они будут к тебе обращаться; не ты будешь бояться, но за тебя будут бояться, чтобы с тобою что не случилось». (Ксенофонт. Гиерон 11, 11 [Ксенофонт 1895, с.152])

Ксенофонт. Гиерон III 4

«Анабасис»

(№ 749). «... в этом походе он [Ксенофонт] поссорился с Меноном Фарсальским, предводителем наемников, и оттого порочил его, уверяя даже, будто Менон имел любовников старше себя, и срамил некоего Аполлонида за то, что у него были проколоты уши» (Диоген Лаэртский II 50 [Диоген 1979, с.119])

(№ 750). «[Менон фессалиец] Совсем юношей он добился от Аристиппа должности начальника над иноземными воинами, а у варвара Ариея, любителя красивых мальчиков, он стал своим человеком. И у него самого, еще безбородого, был любимцем Тарип, едва поросший пушком» (Ксенофонт. Анабасис II 6, 28, пер. С.А.Ошерова [Историки Греции 1976, с.273])

(№ 751). «После завтрака выступили в путь, а старшие начальники, встав у дороги в узком месте, что находили у воинов не брошенное, а взятое с собой, то отнимали, и воины слушались их, кроме тех, что украдкой вели с собой красивого мальчика или женщину, которых любили. В тот день так и шли, отбиваясь, не все время, а с передышками» (Ксенофонт. Анабасис IV 1, 14, пер. С.А.Ошерова [Историки Греции 1976, с.296])

(№ 752). «[Армения] На восьмой день Ксенофонт передал проводника Хейрисофу, а домашних его оставил, кроме сына, почти уже юноши, которого отдал под стражу амфиполитанцу Эписфену, - с тем, чтобы отец, если окажется хорошим проводником, вернулся вместе с сыном. ... Хейрисоф избил его, но не связал. Из-за этого староста тою же ночью бежал, оставив сына. ... а Эписфен полюбил мальчика, привез его домой, и тот оставался ему всегда верен» (Ксенофонт. Анабасис IV 6, 3, пер. С.А.Ошерова [Историки Греции 1976, с.309])

Также см. о состязаниях: Анабасис IV 8, 27 [Историки Греции 1976, с.317]

(№ 753). «...Севт [фракийский царь] приказал Ксенофону взять самых молодых из латников и напасть на эти деревни. Поднявшись среди ночи, воины утром подступили к ним. Большая часть людей убежала, потому что горы были рядом, а захваченных Севт без пощады заколол копьями. Некий Эписфен из Олинфа, любитель мальчиков, увидев красивого подростка с маленьким щитом, которого должны были вот-вот убить, подбежал к Ксенофону и умолял его вызволить красавца. Ксенофонт подошел к Севту и стал просить не убивать мальчика, и рассказал о нравах Эписфена, как он собирал свой отряд, глядя только на одно: красив ли воин, - и сказал, что при всем при том он человек доблестный. Тогда Севт спросил: «А согласишься ты, Эписфен, умереть вместо него?» Тот подставил горло: «Бей, если мальчик прикажет и будет мне благодарен». Севт спросил мальчика, убивать ли этого человека вместо него. Мальчик не допустил такого и стал умолять, чтоб не убивали обоих. Тогда Эписфен обнял мальчика и сказал: «Теперь, Севт, сразись-ка со мною ради него: так я мальчика не отдам!» Севт засмеялся и пропустил эти слова мимо ушей» (Ксенофонт. Анабасис VII 4, 6-11, пер. С.А.Ошерова [Историки Греции 1976, с.374])

«Киропедия»

(№ 754). «Вслед за этим Кир вновь завел шуточные разговоры. Заметив, как один из лохагов ужинал рядом с косматым и весьма безобразным воином, он обратился к этому лохагу по имени и сказал:

- Самбавл, ты, вероятно, следуешь эллинскому обычаю, если всюду бываешь рядом с этим юношей, возлежащим рядом с тобой. Ты делаешь это, по-видимому, ради его красоты?

- Клянусь Зевсом, - отвечал Самбавл, - мне доставляет удовольствие видеть его и быть рядом с ним.

При этих словах все присутствующие обратили свои взоры в его сторону и, увидев лицо этого воина, разразились хохотом. Один из них заметил при этом:

- Во имя богов, Самбавл, скажи нам, чем привлек тебя к себе этот человек?

Тот ответил:

- Друзья, клянусь Зевсом, я охотно открою причину. Сколько раз мне ни приходилось звать его, днем или ночью, он никогда, отговариваясь недосугом, не отказывался прийти на помощь, и не просто приходил, а прибегал. Что бы я ни приказал ему сделать, он всегда трудился до седьмого пота, выполняя мое приказание. И свою десятку он обучил так же добросовестно выполнять свой воинский долг, не на словах, а на деле показывая, каким должен быть воин.

Тут кто-то заметил:

- И все же, несмотря на его выдающиеся качества, ты не целуешь его, как своих родных.

Безобразный воин ответил за него:

- Это так, клянусь Зевсом. Ведь он не переносит тяжелой работы. Если бы он захотел поцеловать меня, для него это равнялось бы самому тяжкому труду!» (Киропедия II 2, 28-31, пер. В.Г.Боруховича [Ксенофонт 1976, с.47-48])

О фаланге (Киропедия VII 1, 30 [Ксенофонт 1976, с.160]).

См. также Феравл и сак (Киропедия VIII 3, 35-50 [Ксенофонт 1976, с.196-198]).

2.3. Зрелая классика. II.

Поколение Платона (404-362)

Платон

«Можно сказать, что Платон оказался какой-то

вечной проблемой истории человеческой культуры,

и пока нельзя себе представить,

когда, как, при каких обстоятельствах и кем

эта проблема будет окончательно разрешена»

(А.Ф.Лосев [Платон 1990-94, т.1, с.4])

Один из величайших философов в истории человечества (вероятно, второй после Гегеля). Согласно каталогу Библиотеки Конгресса (www.loc.gov), ему посвящено больше научных исследований, чем кому бы то ни было из людей, живших с древнейших времен до XV века нашей эры (более, чем любому из основателей мировых религий). В данном исследовании я коснусь лишь незначительной части его богатейшего творческого наследия.

Биографии Платона: Диоген Лаэртский III 1-47 [Диоген 1979, с.150-163]; Олимпиодор. Жизнь Платона [Диоген 1979, с.445-448].

О Платоне (выборочно): Элиан. Пёстрые рассказы II 10 [Элиан 1963, с.18], II 18 [с.21] (Платон и Тимофей), II 27 [с.23-24] (Анникерид), II 30 [с.24] (юность Платона); II 42 [с.28] (Платон-законодатель); III 27 [с.38] (знакомство с Сократом); III 35 [с.39] (запрет смеяться в Академии); IV 9 [с.45] (Платон в Олимпии); IV 18 [с.48] (Платон и Дионисий); X 21 [с.80] (рождение). Геллий XVIII 2, 8 (о Платоне) [Геллий 1993, с.149]

О Платоне: [Афинеи 2003-, т.1, с.275]

Об Академии: [Ксенофонт, ГИ 1993, с.224].

Платон и Аристотель: Элиан. Пёстрые рассказы III 19 [Элиан 1963, с.35].

Эпиграммы Платона см. [Эпиграмма 1993, с.39-46; Платон 1990-94, т.4, с.694-698]

(№ 755). «Передают также о Сократовом сновидении-предзнаменовании: ему виделось, что с жертвенника, посвященного в Академии Купидону [Эроту], взлетел птенец лебедя и уселся ему на колени, а потом этот лебедь на крыльях устремился к небу, прекрасным пением лаская слух людей и богов. Когда Сократ рассказывал это в кругу друзей, как раз приходит Аристон, чтобы отдать Платона, еще мальчика, в учение к Сократу» (Апулей. Платон и его учение I 1, пер. Ю.А.Шичалина [Учебники 1995, с.39])

(№ 756). «Рассказывают, что Сократу однажды приснился сон, будто он держал на коленях лебеденка, а тот вдруг покрылся перьями и взлетел с дивным криком: а на следующий день он встретил Платона и сказал, что это и есть его лебедь» (Диоген Лаэртский III 5 [Диоген 1979, с.151])

(№ 757). «Говорят, что, когда Сократ собирался принять к себе Платона, ему приснилось, будто на коленях у него сидит лебедь без крыльев, а потом вдруг у лебедя прорезаются крылья и он взлетает ввысь со звонким криком, чаруя слух каждому: так была предвозвещена будущая слава Платона». (Олимпиодор. Жизнь Платона [Диоген 1979, с.447])

(№ 758). «Не только над Алкивиадом потешается Платон, но и над Хармидом, Эвтидемом и многими другими юношами. ... Впрочем то, что Платон возводит на юношей напраслину, видно из его же сочинений. Об Алкивиаде в одноименном диалоге говорится, что он начал беседовать с Сократом, когда цвет его юности уже увял и он лишился всех своих поклонников: так сказано в самом начале диалога. В «Хармиде» же противоречия видны всякому из самого диалога: Сократ у него то опьянен и ошеломлен любовью к юноше, словно олененок, наткнувшийся на свирепого льва, то вдруг утверждает, что ему нет дела до красоты Хармида» (Афинеи V 187d-f [Афинеи 2003-, т.1, с.245])

(№ 759). «Первым платоновым диалогом, говорят, был «Федр»: в самом деле, в его постановке вопроса есть что-то мальчишеское» (Диоген Лаэртский III 38 [Диоген 1979, с.161])

О браке Федра из Мирринунта см. (Лисий XIX 15 [Лисий 1994, с.201])

(№ 760). «Аристипп в IV книге «О роскоши древних» уверяет, что он [Платон] был влюблен в некоего мальчика Астера, который обучался астрономии, а также в вышеназванного Диона, а также, по утверждению некоторых, и в Федра. Любовь эта явствует из нижеследующих эпиграмм, которые он будто бы написал о них:

Смотришь на звёзды. Звезда ты моя! О, если бы стал я
Небом, чтоб мог на тебя множеством глаз я смотреть!

И ещё:

Прежде звездою рассветной светил ты, Астер мой, живущим;

Мертвым ты, мертвый, теперь светишь закатной звездой».

(Диоген Лаэртский III 29 [Диоген 1979, с.158-159])

Вариация

Wystan Hugh Auden

The more loving one

Looking up at the stars, I know quite well

That, for all they care, I can go to hell,

But on earth indifference is the least

We have to dread from man or beast.

How should we like it were stars to burn

With a passion for us we could not return?

If equal affection cannot be,

Let the more loving one be me.

Admirer as I think I am

Of stars that do not give a damn,

I cannot, now I see them, say

I missed one terribly all day.

Were all stars to disappear or die,

I should learn to look at an empty sky
And feel its total dark sublime,
Though this might take me a little time.

([Оден 1997, с.404]

Перевод В.Л.Топорова я не привожу ввиду его неадекватности)

(№ 761). «А о Дионе так [написал Платон]:

Древней Гекубе, а с нею и всем о ту пору рожденным
Женам троянским в удел слезы послала судьба.
Ты же, Дион, победно свершивший великое дело,
Много утех получил в жизни от щедрых богов.
В тучной отчизне своей, осененный почётом сограждан,
Ты почиваешь, Дион, сердцем владея моим.

Говорят, эти стихи и в самом деле начертаны на его [Диона] гробнице в Сиракузах.

А о любви своей к Алексиду и (как было сказано) к Федру он сложил такие стихи:

Стоило только лишь мне назвать Алексида красавцем,
Как уж прохода ему нет от бесчисленных глаз.
Да, неразумно собакам показывать кость! Пожалею
Позже: не так ли я встарь Федра навек потерял?

...

А вот стихи его к Агафону:

Душу свою на устах я имел, Агафона целуя,
Словно стремилась она переселиться в него.

...

И такие стихи:

Музам Киприда грозила: «О девушки! Читите Киприду,

Или Эрота на вас, вооружив, я пошлю!»

Музы Киприде в ответ: «Аресу рассказывай сказки!

К нам этот твой мальчуган не прилетит никогда»

(Диоген Лаэртский III 30-33 [Диоген 1979, с.159-160])

(№ 762). «Незадолго до кончины он видал во сне, будто превратился в лебедя, летает с дерева на дерево и доставляет много хлопот птицеловам. Сократик Симмий истолковал это так, что он останется неуловимым для тех, кто захочет его толковать, - ибо птицеловам подобны толкователи, старающиеся выследить мысли древних авторов, неуловим же он потому, что его сочинения, как и поэзия Гомера, допускают толкования и физическое, и этическое, и теологическое, и множество иных». (Олимпиодор. Жизнь Платона [Диоген 1979, с.448])

Эпитафия

«В недрах земли материнской покоится тело Платона,

Дух же его сопричтен к сонму бессмертных богов».

(№ 763). (Спевсипп (АП XVI 31), пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.48])

Другие эпитафии Платона см. (Диоген Лаэртский III 43-45 [Диоген 1979, с.163])

Диалоги приводятся в порядке, установленном А.Ф.Лосевым для Собрания сочинений Платона [Платон 1990-94].

«Феаг»

(№ 764). «Сократ. ...я ведь не знаю ни одной из этих счастливых и прекрасных наук, хоть и желал бы. И я всегда утверждаю, что, как говорится, я полный неуч во всем, кроме разве одной совсем небольшой науки [μάθημα] – науки любви. В этой же науке я заявляю себя более искусным, чем кто бы то ни было из людей – как прошлых времен, так и нынешних» (Платон. Феаг 128b, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.121])

«Евтидем»

(№ 765). «Сократ. ... вошёл Клиний, о котором ты правильно сказал, что он сильно вырос, а за ним – многочисленные его поклонники и между ними Ктесипп, пэаниец, юноша, обладающий прекрасными врожденными качествами, разве только несколько заносчивый по молодости» (Платон. Евтидем 273а-b, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.159-160])

(№ 766). «... А они уже окружили нас плотным кольцом. Между тем Ктесипп сидел далеко от Клиния, и мне показалось, что, когда Евтидем со мной разговаривал, склонившись вперед, он мешал ему лицезреть сидевшего между нами Клиния. Поэтому Ктесипп, желая смотреть на мальчика и вместе с тем стремясь послушать, о чем идет речь, первым подошел и стал прямо напротив нас. Следуя его примеру, и все остальные окружили нас – и поклонники Клиния, и друзья Евтидема и Дионисодора. Показав на них, я сказал Евтидему, что все готовы учиться; Ктесипп весьма охотно с этим согласился, и все прочие тоже и сообщая попросили их показать силу своей мудрости» (Платон. Евтидем 274b-d, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.161])

(№ 767). «Дионисодор. Так, значит, вы утверждаете, будто хотите, чтобы он [Клиний] стал мудрым?

- Очень хотим.

Дионисодор. А в настоящее время мудр Клиний или же нет?

- Ну уж об этом-то он помалкивает, ему ведь не свойственно хвастовство.

Дионисодор. Но вы-то хотите, чтобы он стал мудрым и не был невежественным?

Мы согласились.

Дионисодор. Значит, вы хотите, чтобы он стал тем, чем он сейчас не является, и чтобы таким, каков он сейчас есть, он впредь уже никогда не был.

Услышав это, я пришел в замешательство, он же, подметив мое смущение, продолжал:

Дионисодор. Так разве, желая, чтобы он впредь не был тем, что он есть сейчас, вы не стремитесь его, как кажется, погубить? Хороши же такие друзья и поклонники, которые изо всех сил желают гибели своего любимца!

Но тут Ктесипп, услышав это, вознегодовал из-за любимого мальчика и подал голос:

- Фурийский гость, - сказал он, - если бы это не было чересчур неучтиво, я бы тебе ответил: «Погибель на твою голову!» Что это ты вздумал ни с того ни с сего взвести на меня и на других такую напраслину, о которой, по-моему, и молвить-то было бы нечестиво, - будто я желаю гибели этому мальчику!» (Платон. Евтидем 283с-е, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.172])

«Алкивиад I»

(№ 768). «Сократ. Сын Клиния, я полагаю, ты дивишься тому, что я, став первым твоим поклонником, продолжаю оставаться им еще и теперь, когда другие от тебя отвернулись, а также и тому, что, тогда как все прочие досаждали тебе своими беседами, я в течение стольких лет не сказал тебе ни единого слова. Причина тому была не человеческого, но божественного свойства; позже ты сможешь оценить ее значение. Но теперь, когда она больше не служит препятствием, я пришел к тебе: я полон надежды, что и впредь это препятствие не возникнет. Все это время я примечал, как ты ведешь себя по отношению к твоим поклонникам: сколь много их ни было и как ни были они заносчивы, не было среди них ни одного, которого ты не отвадил бы своей высокомерной гордыней. Причину твоего высокомерного превосходства я тебе сейчас объясню. Ты утверждаешь, что тебе не нужен никто из людей: мол, присущее тебе величие – как телесное, так и душевное – таково, что ты ни в ком не нуждаешься. ...

Чванясь всем этим, ты подавил своих поклонников, а они, будучи послабее, [с.221] признали свое поражение. Для тебя это не прошло незамеченным. Поэтому я уверен, что ты удивляешься настроению, мешающему мне отречься от моей любви, и спрашиваешь себя, на что глядя я сохраняю твердость там, где все остальные бежали. ...

... Сократ. ... Нелегкое это дело – объясняться в любви человеку, ни в чем не уступающему своим поклонникам; однако надо решиться и изложить тебе мои намерения. Если бы я, мой Алкивиад, видел, что ты привержен ко всему тому, что я только что перечислил, и намерен продолжать жить так и дальше, я давно бы простился со своей влюбленностью, по крайней мере я в это верю». (Платон. Алкивиад I 103a-105a, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.220-221])

(№ 769). «Сократ. Ну и ну, мой милейший! Что за речи? Сколь недостойны они как твоей красоты, так и прочих твоих достоинств!

Алкивиад. Как мне понимать эти твои слова, Сократ?

Сократ. Я досажаю на тебя и на свою собственную к тебе любовь!

Алкивиад. Почему же?

Сократ. Да потому, что здешних людей ты считаешь своими достойными соперниками».

(Платон. Алкивиад I 119c, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.243])

(№ 770). «...Никого, можно сказать, не заботит, мой Алкивиад, ни твое происхождение, воспитание или образование, ни какого-либо другого афинянина. Это интересует разве лишь кого-нибудь из твоих поклонников». (Платон. Алкивиад I 122b, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.246])

(№ 771). «Но если она [Аместрида, царица персов] узнает, что этот Алкивиад принимается за дело, не будучи еще полных двадцати лет от роду, и что он совершенно необразован, да вдобавок, несмотря на уверения его поклонника в том, что в [с.248] подобную борьбу с царем ему следует вступать не раньше, чем он обучится, проявит прилежание и поупражняется, не желает к этому прислушиваться, но твердит, что ему довольно и того, что у него есть, я полагаю, она изумится и скажет: «Так на что же надеется этот юнец?» (Платон. Алкивиад I 123d-e, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.247-248])

(№ 772). «Сократ. И если бы кто был влюблен в Алкивиадово тело, он любил бы не Алкивиада, но что-то из принадлежащих Алкивиаду вещей.

Алкивиад. Ты говоришь правду.

Сократ. А тот, кто влюблен в твою душу?

Алкивиад. Вывод напрашивается сам собой.

Сократ. Значит, тот, кто любит твоё тело, покидает тебя тотчас же, как только тело твоё перестаёт цвести?

Алкивиад. Очевидно.

Сократ. Ну а кто любит твою душу, тот, видно, не покинет её до тех пор, пока она будет стремиться к совершенствованию?

Алкивиад. По всей вероятности.

Сократ. Вот я и не уйду, но остаюсь, хотя тело твоё начинает увядать и другие тебя покинули.

Алкивиад. Ты хорошо поступаешь, Сократ, не уходи же.

Сократ. [с.261] Так позаботься о том, чтобы стать по возможности совершеннее.

Алкивиад. Да, я позабочусь об этом.

Сократ. Значит, вот как обстоит твоё дело: не было и нет, как видно, приверженца у Алкивиада, сына Клиния, кроме единственного и любезного ему Сократа, сына Софрониска и Фенареты.

Алкивиад. Воистину так.

Сократ. Не сказал ли ты, что я, подойдя к тебе, лишь немного тебя упредил, поскольку ты первым хотел подойти и спросить, по какой причине лишь я один тебя не покидаю?

Алкивиад. Да, так оно и было.

Сократ. Итак, причина заключается в том, что я был единственным твоим поклонником, все же остальные поклонялись не тебе, а тому, что тебе принадлежит. Но красота твоё увядает, ты же, напротив, начинаешь цвести. И теперь, если только ты не дашь развратить себя афинскому народу и не станешь уродлив, я тебя не оставлю». (Платон. Алкивиад I 131с-132а, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.260-261])

(№ 773). «Алкивиад. ... Начиная с нынешнего дня я, может статься, буду руководить тобою, ты же подчинишься моему руководству.

Сократ. Благородный Алкивиад, любовь моя в этом случае ничем не будет отличаться от любви аиста: взлелеяв в твоей душе легкокрылого эроса, она теперь будет пользоваться его заботой» (Платон. Алкивиад I 135е, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.267])

«Евтифрон»

(№ 774). «Сократ. Но подумай вот о чем: благочестивое любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?

...

Сократ. Значит, и любимым бывает либо нечто являющееся чем-то, либо испытывающее что-либо от чего-то?

Евтифрон. Конечно.

Сократ. А значит, и здесь все обстоит так же, как в прежних случаях: не потому его любят любящие, что оно любимое, но оно любимое, раз его любят?» (Платон. Евтифрон 10а-с, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.305-306])

«Лисид»

(№ 775). «Сократ. Сын Гиеронима, Гиппотал! Можешь и не говорить, влюблен ты в кого-нибудь или нет: я вижу, что ты не только влюблен, но и далеко зашел в этой своей любви. И хотя во всем остальном я человек неспособный и бесполезный, это даровано мне самим богом – немедленно распознавать влюбленного и любимого.

...

Ктесипп. Мой Гиппотал, что ты краснеешь и не решаешься открыть Сократу имя любимого – это свидетельство изысканного воспитания. Но если он хоть недолго с тобой побеседует, то пресытится до отвала бесконечным твоим повторением этого имени. Наши же уши уже до отказа забиты и переполнены именем Лисида, а если Гиппотал вдобавок выпьет немножко вина, то даже тогда, когда мы внезапно пробуждаемся от сна, нам будет мерещиться имя Лисида. И хотя рассказы, которые он ведет, невероятно докучливы, еще страшнее бывает, когда он пытается обрушить на нас стихи и прозу. Но самое ужасное, что он воспевает своего любимца в песнях пронзительным голосом и мы должны терпеливо это выслушивать. А вот теперь, когда ты его спрашиваешь, он краснеет!

...

Сократ. Что ж, ты, Гиппотал, избрал себе любовь великолепную и дерзновенную во всех отношениях! Иди же сюда и покажи мне свое искусство, как показывал его им, дабы я увидел, знаешь ли ты, как влюбленному подобает говорить о своем любимце – и ему самому и остальным» (Платон. Лисид 204b-d, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.315])

(№ 776). «Сократ. Мой Гиппотал, мне нет нужды слушать стихи и песни, даже если ты сочинил их в честь юноши, но меня интересует твой образ мыслей: я хочу знать, как обращаешься ты к своему любимцу.

Гиппотал. А вот Ктесипп тебе скажет...

Ктесипп. Да, клянусь богами, и даже слишком: славословия-то эти достойны смеха. И как не быть им смехотворными, если влюбленный, уделяющий особое внимание мальчику, не умеет сказать ничего своего, но повторяет лишь то, что доступно любому ребенку? Ведь все его сочинения и речи о том, что весь город твердит о Демократе и Лисиде, деде этого мальчика, а также обо всех его предках – их богатстве, конюшнях, о победах на Пифийских, Истмийских и Немейских играх на четырехконных колесницах и верхом – и вдобавок о еще более древних вещах.

Вчера в одной из таких поэм он подробно поведал о гостеприимстве, оказанном Гераклу: мол, ввиду своего родства с Гераклом один из предков Лисида (родившийся якобы от Зевса и дочери основателя его дема) принимал у себя героя; это же рассказы старух, и все прочее в том же духе, Сократ; вот какие речи и песни принуждает он нас выслушивать.

...

Сократ - Гиппоталу. Да все эти песнопения прежде всего относятся к тебе самому. Ведь если ты покоришь такого любимца, то все сказанное и спетое тобою послужит к вящей твоей славе и воистину станет хвалебным гимном в твою честь как победителя, коль скоро ты добился расположения этого мальчика. Если же он от тебя ускользнет, то, чем более возвышенными были славословия, пропетые тобой в честь твоего любимца, тем в более смешном виде предстанешь ты, [стр.206] утратив для себя все его прелести. Ведь тот, мой друг, кто искушен в любовных делах, не восхваляет любимого до того, как одержит над ним победу, страшась неожиданностей в будущем. Вместе с тем и красавцы, когда кто-либо восхваляет их и превозносит, преисполняются высокомерием и самомнением...» (Платон. Лисид 205а-206а, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.316-317])

(№ 777). «Их окружала толпа зрителей; среди последних был и Лисид: он стоял в кругу мальчиков и юношей с венком на голове, выделяясь всем своим видом – не только заслуживающей хвалы красотой, но и явными внутренними достоинствами [καλός τε ἀγαθός]» (Платон. Лисид 207а, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.318]).

(№ 778). «Сократ. ... Случилось так, что с детства у меня было страстное стремление к некоему приобретению, как это бывает и с другими людьми, желающими одни – одного, другие – другого. Один стремится приобрести лошадей, другой – собак, третий – золото, четвертый – почет. Я же к подобным вещам равнодушен, но зато весьма алчен в приобретении друзей и желал бы иметь хорошего друга гораздо больше, чем самого лучшего в мире перепела или же петуха либо, клянусь Зевсом, коня или собаку; и полагаю, клянусь собакой, я гораздо скорее, чем сокровище Дария, взял бы себе товарища (предпочтя его самому Дарию) – так страстно жажду я дружбы. [стр.212] И вот, видя вас вместе с Лисидом, я поражен волнением и почитаю вас счастливыми: несмотря на свою молодость, вы оба сумели легко и быстро сделать это приобретение; и ты, таким образом, быстро и верно приобрел в качестве друга Лисида и он – тебя; я же столь далек от

подобного приобретения, что даже не знаю, как один человек становится другом другому, и хочу спросить об этом тебя: ведь у тебя есть опыт.

Так скажи мне: когда один человек любит другого, кто из них кому становится другом: тот, кто любит, - любимому или любимый – тому, кто любит? Или же тут нет никакой разницы?

Менексен. Мне кажется, разницы здесь нет никакой.

Сократ. Что ты говоришь? Значит, если один любит другого, они оба становятся друзьями друг другу?

Менексен. Да, по крайней мере таково мое мнение.

Сократ. Как, разве не бывает, что любящий не встречает ответной любви со стороны того, кого он любит?

Менексен. Бывает.

Сократ. Но, значит, бывает даже и ненависть к любящему? Иногда ведь, думается, влюбленные испытывают это со стороны своих любимцев: любя очень сильно, они чувствуют, что не встречают ответной любви, другим же их любимцы попросту отвечают ненавистью. Разве тебе не кажется, что так бывает?

Менексен. Да, и даже очень.

Сократ. Разве в подобном случае дело обстоит не так, что один любит, другой же – любим?

Менексен. Да, так.

Сократ. Но кто же из них кому друг? Любящий – любимому, даже если он не пользуется взаимностью или ему платят ненавистью, или любимый – любящему? Или при таких обстоятельствах ни один из них не бывает другом другому, когда нет взаимной любви между обоими?

Менексен. Видимо, дело обстоит именно так.

Сократ. Значит, мы пришли к иному мнению, чем раньше. Тогда мы считали, что если один из двух любит, то они оба – друзья. Теперь же нам кажется, что если нет взаимной любви, то ни один из двоих не может считаться другом.

Менексен. Это похоже на правду.

Сократ. Значит, любящему ничто не мило, если он не встречает взаимности?

Менексен. По-видимому, да.

Сократ. Значит, нельзя назвать любителями лошадей тех, кому лошади не отвечают любовью, или любителями перепелов, а также собак, вина, телесных упражнений или мудрости, если (в последнем случае) мудрость не платит им взаимностью? Или каждый из них любит эти вещи, хотя они им не дружественны, и солгал поэт [Солон], сказавший:

Счастлив, кто любит детей и коней однокопытных,

Гончих псов и странника – чужеземного гостя.

Менексен. Нет, мне думается, он не лжет.

Сократ. Значит, ты считаешь, что он говорит правду?

Менексен. Да.

Сократ. Похоже, следовательно, что любимое мило любящему, если оно и не отвечает ему взаимностью или даже его ненавидит? Это видно и в случае с новорожденными детьми: [стр.213] одно они еще не любят, другое даже ненавидят – когда, к примеру, их наказывает отец или мать, - но, и питая ненависть, они в эту пору милее всего на свете своим родителям.

Менексен. Да, мне кажется, это так.

Сократ. Следовательно, по этому слову, другом оказывается не любящий, но любимый.

Менексен. По-видимому.

Сократ. И врагом оказывается ненавидимый, а не тот, кто ненавидит.

Менексен. Это ясно.

Сократ. А следовательно, многие бывают любимы своими врагами и ненавидимы друзьями и, таким образом, бывают друзьями своих врагов и врагами своих друзей, коль скоро друг – любимый, а не любящий. Однако это в высшей степени нелепо, мой милый товарищ, более того, думаю я, невозможно быть врагом своему другу и другом своему врагу.

Менексен. Похоже, что ты говоришь правду, Сократ.

Сократ. Значит, если это невозможно, любящее должно быть мило любимому.

Менексен. Очевидно.

Сократ. И с другой стороны, ненавидящее должно быть враждебно ненавидимому.

Менексен. Это неизбежно.

Сократ. И все-таки мы вынуждены будем признать то, с чем согласились раньше, а именно будто часто мы бываем друзьями тому, кто нам не друг, а нередко и враг, - тогда, когда кто-либо любит не любящего или даже ненавидящего, - и будто нередко мы бываем врагами тем, кто нам не враждебен или даже нас любит, - тогда, когда кто-либо ненавидит того, кто к нему не питает ненависти или любит его.

Менексен. Видимо, ты прав.

Сократ. Но какой же у нас будет выход, если ни любящие не окажутся друзьями, ни любимые, ни любящие и любимые? Можем ли мы помимо них всех назвать еще и других, кому дано стать друзьями друг другу?

Менексен. Клянусь Зевсом, Сократ, мне очень трудно тебе на это ответить.

Сократ. Быть может, мой Менексен, мы вообще шли неверным путем в нашем исследовании?

Лисид. Да, мне кажется, что неверным, Сократ.

Сократ-повествователь. При этих словах он покраснел, и мне показалось, что сказанное вырвалось у него невольно из-за того, что он очень внимательно вслушивался в нашу беседу: по нему было видно, что он весь обратился в слух» (Платон. Лисид 211d-213d, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.325-327])

(№ 779). «Сократ. Итак, Менексен и Лисид, похоже, что любовь, дружба и вожделение оказываются чем-то внутренне нам присущим.

Они с этим согласились.

Сократ. Значит, коль скоро вы между собою друзья, вы по своей природе друг другу родственны.

Да, несомненно! – воскликнули оба в один голос.

Сократ. И если, мальчики, кто-либо из двух вожделеет к другому или любит его, [стр.222] то, следовательно, он не вожделеет, не любил бы его и не испытывал бы к нему дружеского чувства, если бы не был каким-то образом родствен любимому – душою ли или неким свойством, привычкой либо особенностью души.

Несомненно, – отозвался Менексен; Лисид же промолчал.

Сократ. Далее, мы, естественно, должны любить родственное нам по своей природе.

Да, это естественно, - сказал Менексен.

Сократ. А посему подлинно любящему, а не делающему вид, что он любит, любимец должен отвечать любовью.

На это Лисид и Менексен едва кивнули, Гиппотал же от радости то бледнел, то краснел.

...

Сократ. Не предположим ли мы также, что благо родственно всему, зло же, наоборот, чуждо? Или что зло родственно злу, благо – благу, а то, что не есть ни благо ни зло, - тому, что не есть ни благо ни зло?

Они согласились со всеми членами этого положения.

Сократ. Итак, мальчики, мы снова впали в то недоразумение относительно дружбы, которое отбросили раньше: получается, что несправедливый человек несправедливому и дурной дурному будет таким же другом, как хороший человек хорошему.

... [стр.223]

Сократ. Вот видите, Лисид и Менексен, я, старик, вместе с вами оказался в смешном положении. Ведь все, кто уйдет отсюда, скажут, что мы, считая себя друзьями – я и себя отношу к вашим друзьям, - оказались не в состоянии выяснить, что же это такое – друг» (Платон. Лисид 221e-223b, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.339-340])

«Хармид»

(№ 780). «Вот сейчас ты увидишь, - сказал Критий, - и насколько он вырос и каков он собою.

И при этих его словах вошел сам Хармид.

Я-то, мой друг, здесь совсем не судья: в вопросах красоты я совершенный неуч, почти все юноши в поре возмужалости кажутся мне красивыми.

(с) И всё же он мне представился тогда на диво прекрасным и статным, и показалось, что все остальные в него влюблены – так они были поражены и взволнованы в момент его появления; многие же другие поклонники [ἐρασται] следовали за ним. Со стороны нас, мужчин, это было менее удивительно, но я наблюдал и за мальчиками, и никто из них, даже из самых младших, не смотрел более никуда, но все созерцали его, словно некое изваяние.

(d) Тогда Херефонт, обратившись ко мне, сказал:

- Как нравится тебе юноша, мой Сократ? Разве лицо его не прекрасно? [букв. «разве он не εὐπρόσωπος»]

- Необыкновенно прекрасно, - отвечал я. [букв. «ὕπερ-φύως»]

- А захоти он снять с себя одежды, ты и не заметил бы его лица [букв. «стал безлицым (ἀπρόσωπος)»] – настолько весь облик его совершенен [εἶδος πανκαλός]» (Платон. Хармид 154b-d, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.342])

(№ 781). «Хармид подошел и вызвал громкий смех, ибо каждый из нас, сидящих, освобождая для него место, хорошенько потеснил своего соседа, чтобы оказаться сидящим рядом с ним, пока мы не заставили встать одного из сидевших с края и не сбросили на землю другого. Хармид же, подойдя, сел между мной и Критием. И уже с этого мгновения, милый друг, мною овладело смущение и разом исчезла та отвага, с которой я намеревался столь легко провести с ним беседу. Когда же после слов Крития, что я знаток необходимого ему средства, он бросил на меня невыразимый взгляд и сделал движение, как бы намереваясь обратиться ко мне с вопросом, а все собравшиеся в палестре обступили нас тесным кругом, тогда, благородный мой друг, я узрел то, что скрывалось у него под верхней одеждой, и меня охватил пламень: я был вне себя и подумал, что в любовных делах мудрейший – поэт Кидий, советовавший кому-то по

поводу встречи с прекрасным мальчиком «остерегаться, выйдя, олененку подобно, навстречу льву, разделить удел жертвенного мяса»: ведь мне показалось, что я и сам раздираем на части таким чудовищем» (Платон. Хармид 155b-е, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.343-344])

(№ 782). «Сократ. А можешь ли ты назвать любовь, которая не была бы любовью к чему-то прекрасному, но была бы направлена лишь на себя и на другие любовные страсти?

Хармид. Нет, не могу» (Платон. Хармид 167е, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.360])

«Гиппий большой»

(№ 783). «Сократ. ... Если бы спросил нас тот, о ком я говорю, или кто другой: «Почему же, Гиппий и Сократ, вы выделили из приятного приятное, получаемое тем путем, который вы называете прекрасным, между тем как приятное, связанное со всеми прочими ощущениями – от пищи, питья, любовных утех и так далее, - вы не называете прекрасным? Или это все неприятно, и вы утверждаете, что в этом вообще нет удовольствия? Ни в чем ином, кроме зрения и слуха?» Что мы на это скажем, Гиппий?

Гиппий. Разумеется, мы скажем, Сократ, что и во всем другом есть величайшее удовольствие.

Сократ. «Почему же, - скажет он, - раз все это удовольствия несколько не меньше, чем те, вы отнимаете у них это имя и лишаете свойства быть прекрасными?»

«Потому, - ответим мы, - что решительно всякий осмеет нас, если мы станем утверждать, что есть – не приятно, а прекрасно и обонять приятно – не приятно, а прекрасно; что же касается любовных утех, то все стали бы нам возражать, что хотя они и очень приятны, но, если кто им предается, делать это надо так, чтобы никто не видел, ведь видеть это очень стыдно».

На эти наши слова, Гиппий, он, пожалуй, скажет: «Понимаю и я, что вы давно уже стыдитесь назвать эти удовольствия прекрасными, потому что это неуютно людям; но я-то ведь не о том спрашивал, что кажется прекрасным большинству, а о том, что прекрасно на самом деле».

Тогда, я думаю, мы ответим в соответствии с нашим предположением: «Мы говорим, что именно эта часть приятного – приятное для зрения и слуха - прекрасна». Годаются тебе эти соображения, Гиппий, или надо привести еще что-нибудь?

Гиппий. На то, что было сказано, Сократ, надо ответить именно так». (Платон. Гиппий большой 298d-299b, пер. А.В.Болдырева [Платон 1990-94, т.1, с.408-409])

«Протагор»

(№ 784). «Друг. Откуда ты, Сократ? Впрочем, и так ясно: с охоты за красотой Алкивиада! А мне, когда я видел его недавно, он показался уже мужчиной – хоть и

прекрасным, но все же мужчиной: ведь, между нами говоря, Сократ, у него уже и борода пробивается.

Сократ. Так что же из этого? Разве ты не согласен с Гомером, который сказал, что самая приятная пора юности – это когда показывается первый пушок над губой [Илиада XXIV 348] – то самое, что теперь у Алкивиада?

Друг. Как же теперь твои дела? От него ты идешь? И как расположен к тебе юноша?

Сократ. Хорошо, по-моему, особенно сегодня; он немало говорил нынче в мою пользу и очень мне помог. От него я сейчас и иду. Но хочу сказать тебе невероятную вещь: в его присутствии я не обращал на него внимания, а частенько и просто забывал про него.

Друг. Какая же это такая огромная преграда могла стать между вами? Неужто ты нашел в нашем городе кого-нибудь красивее, чем он?

Сократ. И намного красивее.

Друг. Что ты говоришь? Здешнего или чужого?

Сократ. Чужого.

Друг. Откуда он?

Сократ. Абдерит.

Друг. И до того красив, по-твоему, этот чужеземец, что он тебе показался даже прекраснее сына Клиния?

Сократ. А почему бы, дорогой друг, тому, кто мудрее, не казаться и более прекрасным?

Друг. Так, значит, ты пришел к нам сюда, Сократ, после встречи с каким-то мудрецом?

Сократ. С самым что ни на есть мудрейшим из нынешних, если и ты полагаешь, что всех мудрее теперь Протагор». (Платон. Протагор 309a-d, пер. Вл.С.Соловьева [Платон 1990-94, т.1, с.418])

(№ 785). «Продик был еще в постели, укрытый какими-то овчинами и покрывалами, а на одной из соседних с ним кроватей расположился керамеец Павсаний, а с Павсанием – совсем еще мальчик, безупречный, как я полагаю, по своим природным задаткам, а на вид очень красивый. Кажется, я расслышал, что имя ему Агафон, и я бы не удивился, если бы оказалось, что он любимец Павсания. ... Чуть только мы вошли, как вслед за нами – красавец Алкивиад, как ты его называешь (да и я вслед за тобою), и Критий, сын Каллесхра». (Платон. Протагор 315d-316a, пер. Вл.С.Соловьева [Платон 1990-94, т.1, с.425])

(№ 786). «А я [Сократ] подметил, что он [Протагор] хотел показать себя и Продику, и Гиппию и порисоваться перед ними, - дескать, мы пришли к нему как поклонники...» (Платон. Протагор 317c, пер. Вл.С.Соловьева [Платон 1990-94, т.1, с.427])

(№ 787). «Сократ. ... Несмотря на то что человеку нередко присуще знание, они полагают, что не знание им управляет, а что-либо другое: иногда страсть, иногда удовольствие, иногда скорбь, иной раз любовь, а чаще – страх. О знании они думают прямо как о невольнике: каждый тащит его в свою сторону» (Платон. Протагор 352b-с, пер. Вл.С.Соловьева [Платон 1990-94, т.1, с.465])

(№ 788). «Сократ. Итак, если бы они снова спросили нас: «Что же, по-вашему, есть то, о чем мы говорили, будто это – уступка удовольствиям», - я бы отвечал им: «Слушайте же, вот мы с Протагором попробуем вам это растолковать. Ведь вы, люди, разумеете под этим только одно: нередко бывает, что пища, питье и любовные утехы, будучи приятными, заставляют и тех, кто знает, что это дурно, все-таки им предаваться». Они сказали бы, что это так». (Платон. Протагор 353с, пер. Вл.С.Соловьева [Платон 1990-94, т.1, с.466])

«Горгий»

(№ 789). «Сократ. ... Так вот, прежде всего скажи мне, если кто страдает чесоткой и испытывает зуд, а чесаться может сколько угодно и на самом деле только и делает, что чешется, он живет счастливо?

...

Калликл. Хорошо. Я утверждаю, что и тот, кто чешется, ведет приятную жизнь.

Сократ. А раз приятную, значит, и счастливую?

Калликл. Совершенно верно.

Сократ. Тогда ли только, если зудит в голове или... или можно дальше не спрашивать? Подумай, Калликл, что бы ты отвечал, если бы тебя стали спрашивать и про остальное, про все подряд? И в конце концов про жизнь распутников, не чудовищна ли она, не постыдна ли, не жалка? Или ты отважишься утверждать, что и распутники счастливы, раз у них вдосталь того, что им нужно?» (Платон. Горгий 494с-е, пер. С.П.Маркиша [Платон 1990-94, т.1, с.535])

«Менон»

(№ 790). «Сократ. Ну, Менон, стоит поговорить с тобой, и с завязанными глазами можно узнать, что ты красив и уже имеешь поклонников.

Менон. Почему?

Сократ. Да ты в разговоре только и делаешь, что приказываешь, как все баловни, которые всегда распоряжаются, словно тираны, пока цветут юностью. Да и про меня ты, наверное, прознал, что красавец легко возьмет надо мной верх». (Платон. Менон 76b-с, пер. С.А.Ошерова [Платон 1990-94, т.1, с.582])

(№ 791). «Сократ. Я знаю, зачем ты сравнил меня со скотом.

Менон. Зачем же, по-твоему?

Сократ. Чтобы и я тебя с чем-нибудь сравнил. Я ведь знаю, что все красавцы рады, когда их с чем-нибудь сравнивают. Это им выгодно: ведь и то, с чем сравнивают красивых, должно быть, я думаю, красивым. Но я тебе не отплачу тем же и ни с чем тебя [с.588] сравнивать не стану». (Платон. Менон 80с, пер. С.А.Ошерова [Платон 1990-94, т.1, с.587-588])

«Кратил»

(№ 792). «Сократ. ... Тому, кто его [имя Зевса] слышит, сначала может показаться кощунственным, что Зевс – сын Кроноса: более последовательно [с.629] было бы, если бы Зевс назывался «порождением великой мысли». Ведь слово «корос», [слышащееся в имени «Кронос»], означает не «отрок», но нетронутую [ακτράτου] чистоту [καθάρου] ума. Сам же Кронос – сын Урана, как говорит предание». (Платон. Кратил 396b, пер. Т.В.Васильевой [Платон 1990-94, т.1, с.628-629])

(№ 793). «Гермоген. ... А вот «герой» - что это будет такое?

Сократ. Понять это нетрудно. Ведь имя это изменилось не сильно и ясно обнаруживает происхождение от «Эрота».

Гермоген. Как это?

Сократ. А разве ты не знаешь, что герои – полубоги?

Гермоген. Ну так что же?

Сократ. Да ведь все они произошли либо от бога, влюбленного в смертную, либо от смертного и богини. Так что если и на это имя ты согласишься с точки зрения древнего аттического наречия, то скорее сможешь его понять. Ты обнаружишь, что прелесть этого слова в небольшом отклонении от имени Эрота, благодаря которому и родились герои. И либо поэтому герои так называются, либо потому что они были мудрецами и искусными риториками, а к тому же еще и диалектиками, умеющими ловко ставить вопросы, а это выражается глаголом «говорить» [εἰρεῖν]. Таким [с.632] образом, как мы только что сказали, те, кого на аттическом наречии называют героями, были своего рода риторики, искусные в спорах, так что род риториков и софистов оказывается героическим племенем». (Платон. Кратил 398с-е, пер. Т.В.Васильевой [Платон 1990-94, т.1, с.631-632])

(№ 794). «Сократ. ... А вот Гера – [называется так] как прелестная и одержимая эросом [эрате]: ведь говорят же, что Зевс был в нее влюблен. ...» (Платон. Кратил 404b-с, пер. Т.В.Васильевой [Платон 1990-94, т.1, с.638])

(№ 795). «Сократ. ... «Любовь» [эрос], поскольку она словно вливается извне [с.657] (а не есть внутренний поток для того, кто ею пылает), причем вливается через очи, в древности, верно, называлась «любовь» [эрос], ведь мы тогда пользовались омикроном вместо омеги. Теперь же она называется «любовь»...» (Платон. Кратил 420b, пер. Т.В.Васильевой [Платон 1990-94, т.1, с.656-657])

О Федоне

(№ 796). «Федон Элидский, ученик Сократа, был близким другом Сократа и Платона. Его именем Платон назвал чудесную книгу о бессмертии души. Этот Федон был раб с красивой внешностью и богатым природным дарованием и, по сведению некоторых, он в отрочестве отдавался своим господином на разврат. Говорят, что его выкупил, по внушению самого Сократа, сократик Кебет и обучил философии» (Геллий II 18, пер. Т.И.Кузнецовой [Памятники 1964, т.3, с.260])

То же: Ориген. Против Кельса I 64, III 67 (см. ниже)

«Федон»

(№ 797). «Сократ ... Как не испытывать радости, отходя туда, где надеешься найти то, что любил всю жизнь, - любил же ты разумение, - и избавиться от общества давнего своего врага! Немало людей жаждали сойти в Аид после смерти любимого, супруги или же сына: их вела надежда встретиться там со своими желанными и больше с ними не разлучаться. А человек, который на самом деле любит разумение и проникся уверенностью, что нигде не приобщится к нему полностью, кроме как в Аиде, - этот человек будет досадовать, когда наступит смерть, и отойдет, полный печали?!» (Платон. Федон 68a-b, пер. С.П.Маркиша [Платон 1990-94, т.2, с.19])

(№ 798). «Сократ. ... Знать человека и знать лиру – это ведь разные знания?»

Симмий. Само собой.

Сократ. Но тебе, конечно, известно, что испытывают влюбленные, когда увидят лиру, или плащ, или иное что из вещей своего любимца: они узнают лиру, и тут же в уме у них возникает образ юноши, которому эта лира принадлежит. Это и есть припоминание». (Платон. Федон 73d, пер. С.П.Маркиша [Платон 1990-94, т.2, с.27])

(№ 799). «Федон-рассказчик. ... Случилось так, что я сидел справа от Сократа, подле самого ложа – на скамеечке – и потому гораздо ниже его. И вот, проведя рукой по моей голове и пригладив волосы на шее – он часто играл моими волосами, - Сократ промолвил:

Сократ. Завтра, Федон, ты, верно, острижешь эти прекрасные кудри?

Федон. Боюсь, что так, Сократ.

Сократ. Не станешь ты этого делать, если послушаешься меня.

Федон. Отчего же?

Сократ. Да оттого, что еще сегодня и я остригусь вместе с тобою, если наше доказательство скончается и мы не сумеем его оживить. Будь я на твоём месте и ускользни доказательство у меня из рук, я бы дал клятву, по примеру аргосцев, не отращивать волосы до тех пор, пока не одержу победы в новом бою против доводов Симмия и Кебета.

Федон. Но ведь, как говорится, против двоих даже Гераклу не выстоять.

Сократ. Тогда кликни на помощь меня – я буду твоим Иолаем, пока день еще не погас.

Федон. Конечно, кликну, только давай наоборот: я буду Иолаем, а ты Гераклом».
(Платон. Федон 89b-c, пер. С.П.Маркиша [Платон 1990-94, т.2, с.46])

(№ 800). «Пир» см. Приложение № 1

(№ 801). «Федр» см. Приложение № 1

Сочинения Теэтета

(№ 802). «Прямоугольник, заключенный между рациональными соизмеримыми только в степени прямыми, будет иррациональным и его quadriрующая будет иррациональной: пусть же она называется медиалью [μέσση]». (Начала Евклида X 21 [Евклид 1948-50, т.2, с.124])

В X 36-41 [Евклид 1948-50, т.2, с.144-149] вводится шестерка понятий: биномиаль, первая бимедиаль, вторая бимедиаль, «большая» иррациональная, «рационально и медиально quadriрующая» и «бимедиально quadriрующая». В X 42-47 доказывалось, что все они разделяются на рационали только в одной точке.

Первый отдел кн. X начал Евклида восходит к сочинению Теэтета.

Помня, что «негеометр да не войдет!» (в Академию), я рискну выдвинуть гипотезу, что именно понятие медиали соответствует Эросу у Платона, а шестерке теэтетовых понятий – шесть речей в «Пире». Гипотеза безумная, но не обязательно верная J

«Теэтет»

(№ 803). «Феодор. Да, Сократ, мне не стыдно сказать, а тебе, я думаю, услышать, какого подростка встретил я среди ваших граждан. И если бы он был хорош собой, то я, пожалуй, побоялся бы говорить слишком пылко, чтобы не показалось, будто я равнодушен к нему: нет, в самом деле, не укоряй меня – он не то чтобы прекрасной наружности и скорее даже похож на тебя своим вздернутым носом и глазами навывкате, разве что черты эти у него не так выражены. Поэтому я говорю без страха». (Платон. Теэтет 143e, пер. Т.В.Васильевой [Платон 1990-94, т.2, с.194])

(№ 804). «Сократ. В моем повивальном искусстве почти все так же, как и у них [повитух], - отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен и принимаю роды души, а не плоти. Самое же великое в нашем искусстве [с.202] – то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод. К тому же и со мной получается то же, что с

повитухами: сам я в мудрости уже неплоден, и за что меня многие порицали, - что-де я все выпрашиваю у других, а сам никаких ответов никогда не даю, потому что сам никакой мудрости не ведаю, - это правда. А причина вот в чем: бог понуждает меня принимать, роды же мне воспрещает. Так что сам я не такой уж особенный мудрец, и самому мне не выпадала удача произвести на свет настоящий плод – плод моей души. Те же, что приходят ко мне, поначалу кажутся мне иной раз крайне невежественными, а все же по мере дальнейших посещений и они с помощью бога удивительно преуспевают и на собственный и на сторонний взгляд. И ясно, что от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет. Повития же этого виновники – бог и я.

И вот откуда это видно: уже многие юноши по неведению сочли виновниками всего этого самих себя и, исполнившись презрения ко мне, то ли сами по себе, то ли по наущению других людей ушли от меня раньше времени. И что же? Ушедши от меня, они и то, что еще у них оставалось, выкинули, вступивши в дурные связи, и то, что я успел принять и повить, погубили плохим воспитанием. Ложные призраки стали они ценить выше истины, так что в конце концов оказались невеждами и в собственных и в чужих глазах. Одним из них оказался Аристид, сын Лисимаха, было и много других. Когда же они возвращались обратно и вновь просили принять их, стараясь изо всех сил, то некоторым мой гений запрещал приходить, иным же позволял, и те опять делали успехи.

Еще нечто общее с роженицами испытывают они в моем присутствии: днями и ночами они страдают от родов и не могут разрешиться даже в большей мере, чем те, - а мое искусство имеет силу возбуждать или останавливать эти муки. Так я с ними и поступаю. Но иногда, Теэтет, если я не нахожу в них каких-либо признаков беременности, то, зная, что во мне они ничуть не нуждаются, я из лучших побуждений стараюсь сосватать их с кем-то и, с помощью бога, довольно точно угадываю, от кого бы они могли понести. Многих таких юношей я отдал Продику, многих – другим мужам, мудрым и боговдохновенным». (Платон. Теэтет 150b-151b, пер. Т.В.Васильевой [Платон 1990-94, т.2, с.201-202])

(№ 805). «Сократ. И мы все еще беременны знанием и мучимся им, милый друг, или уже все родили на свет?

Теэтет. Клянусь Зевсом, с твоей легкой руки я сказал больше, чем в себе носил.

Сократ. И всё это наше повивальное искусство признаёт мертворожденным и недостойным воспитания?

Теэтет. Решительно всё.

Сократ. Итак, если ты собираешься родить что-то другое, Теэтет, и это случится, то после сегодняшнего упражнения плоды твои будут лучше; если же ты окажешься пуст, то меньше будешь в тягость окружающим, будешь кротким и рассудительным и не станешь считать, что знаешь то, чего ты не знаешь. Ведь мое искусство умеет добиваться только этого, а больше ничего, да я и не знаю ничего из того, что знают прочие великие и удивительные мужи, сколько их есть и сколько их было. А повивальное это искусство я и моя мать получили в удел от бога, она – для женщин, я – для благородных юношей, для тех, кто прекрасен». (Платон. Теэтет 210b-с, пер. Т.В.Васильевой [Платон 1990-94, т.2, с.274])

Параллели

«(169) Согласно наставлению священного откровения для дваждырожденного первое рождение – от матери, второе – при повязывании поясом из травы мунджа, третье – при посвящении на совершение жертвоприношения.

(170) При этом для него рождение от Веды [то], которое отмечено повязыванием пояса из травы мунджа; при этом его мать – «Савитри», отцом же считается учитель». (Дхармашастра Ману II 169-170 [Ману 1992, с.46])

«Учитель, берущий его в учение, делает ученика зародышем в себе, он носит его в своем чреве три ночи. Боги собираются к нему, чтобы увидеть его рождение». (Атхарваведа XI 5, 3, цит. по: [Пандей 1982, с.110])

(№ 806). «...все мироздание стонет и мучится до сих пор, как при родах». (Апостол Павел. Христианам Рима 8, 22 [Новый Завет 2003, с.353])

Из романа Дэна Симмонса «Гиперион»

«Поэт Джон Китс однажды писал своему другу Бейли: «... То, что воображению предстает как Красота, должно быть истиной – неважно, существовала она до этого или нет».

Китайский поэт Джордж Ву, погибший во время Последней японо-китайской войны, примерно за три века до Хиджры, понимал это, когда диктовал на свой комлог:

«Поэты – бездумные акушеры реальности. Они видят не то, что есть, не то, что может быть, но то, что должно наступить».

Позже, за неделю до смерти, в последнем послании к своей возлюбленной Ву написал:

«Слова – это пули в патронташе истины, и других ей не надо. А поэты – снайперы».

(пер. с англ. А.А.Короткова, Н.А.Науменко [Симмонс 1998, с.257-258])

«Софист»

(№ 807). «Чужеземец. Видно, ты еще не обратил внимания на охоту влюбленных.

Теэтет. В каком отношении?

Чужеземец. В том, что за кем влюбленные охотятся, тем они делают подарки.

Теэтет. Ты говоришь сущую правду.

Чужеземец. Ну, так пусть этот вид будет называться любовным искусством.

Тезтет. Уж конечно». (Платон. Софист 222d-e, пер. С.А.Ананьина [Платон 1990-94, т.2, с.283])

«Парменид»

(№ 808). «Итак, Антифонт сказал, что, по словам Пифодора, однажды приехали на Великие Панафинеи Зенон и Парменид. Парменид был уже очень стар, совершенно сед, но красив и представительен; лет ему было примерно за шестьдесят пять. Зенону же тогда было около сорока, он был высокого роста и приятной наружности; поговаривали, что он был любимцем Парменида». (Платон. Парменид 127a-b, пер. Н.Н.Томасова [Платон 1990-94, т.2, с.347])

(№ 809). «Тогда Парменид сказал:

- Приходится согласиться, хотя я и чувствую себя в положении Ивикова коня: постаревший боец должен состязаться в беге колесниц, и он дрожит, зная по опыту, что его ждет, а поэт, сравнивая себя с ним, говорит, что и сам он на старости лет вынужден против воли выступить на поприще любви. Памятуя об этом, я с великим страхом подумываю, как мне в такие годы переплыть эту ширь и глубь рассуждений». (Платон. Парменид 136e-137a, пер. Н.Н.Томасова [Платон 1990-94, т.2, с.359])

«Филеб»

(№ 810). «Протарх. И действительно, Сократ, мне теперь кажется, что удовольствие падает, как бы пораженное твоими рассуждениями; в самом деле, в борьбе за победные трофеи оно оказывается поверженным. Да и об уме следует, по-видимому, сказать, что он поступил благоразумно, не предъявив притязаний на победную награду, ибо и с ним случилось бы то же самое. Что же [с.21] касается удовольствия, то, лишенное даже второй награды, оно окажется совсем обесчещенным в глазах своих поклонников, потому что даже им оно перестает казаться прекрасным». (Платон. Филеб 22e-23a, пер. Н.В.Самсонова [Платон 1990-94, т.3, с.20-21])

(№ 811). «Сократ. Гнев, страх, тоску, горечь, любовь, ревность, зависть и тому подобные чувства разве ты не считаешь своего рода страданиями души?»

Протарх. Считаю» (Платон. Филеб 47e, пер. Н.В.Самсонова [Платон 1990-94, т.3, с.54])

(№ 812). «Сократ. В качестве примеров состояний, в которых можно обнаружить разбираемую нами теперь смесь, мы называли гнев, тоску, гордость, страх, любовь, ревность, зависть и тому подобные чувства. Не правда ли? ... Но, как ты думаешь, почему я показал тебе эту смесь главным образом на примере комедии? Не для того ли, чтобы удостовериться в том, что смешение в страхе, любви и в других [чувствах] показать легко?» (Платон. Филеб 50b-d, пер. Н.В.Самсонова [Платон 1990-94, т.3, с.57-58])

(№ 813). «Сократ. ... Под красотой очертаний я пытаюсь теперь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ или картин; нет, я

имею в виду прямое и круглое, в том числе, значит, поверхности и тела, рождающиеся под токарным резцом и строяемые с помощью линеек и угломеров, если ты меня понимаешь. В самом [с.59] деле, я называю это прекрасным не по отношению к чему-либо, как это можно сказать о других вещах, но вечно прекрасным самим по себе, по своей природе и возбуждающим некие особые, свойственные только ему удовольствия, не имеющие ничего общего с удовольствием от щекотания». (Платон. Филеб 51c-d, пер. Н.В.Самсонова [Платон 1990-94, т.3, с.58-59])

Вариации

«Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра».

(Осип Мандельштам. Адмиралтейство, ст.5-8 [Мандельштам 1990, с.70])

(№ 814). «Сократ. Допустим, что существует два [начала]: одно – само по себе, другое же – вечно стремящееся к иному.

Протарх. Что же это за начала, о которых ты говоришь?

Сократ. Одно начало по природе своей всегда почтенно, другое же уступает ему в достоинстве.

Протарх. Скажи еще яснее.

Сократ. Мы нередко видим благородных юношей в сопровождении их мужественных поклонников.

Протарх. Весьма часто.

Сократ. Подыщи же к этим двум другие две вещи, подобные им, среди всех вещей, которые мы считаем существующими.

Протарх. Третий раз повторяю, Сократ, говори яснее, что ты имеешь в виду.

Сократ. Ничего мудреного, Протарх. Я лишь подшучиваю над нами, говоря, что одно всегда существует ради другого существующего, другое же – это то, ради чего всегда возникает возникающее ради чего-либо». (Платон. Филеб 53d-e, пер. Н.В.Самсонова [Платон 1990-94, т.3, с.61])

(№ 815). «Сократ. ... Так вот, основательно взвесив и достаточно обсудив всё это, мы смотрим теперь не на пользу и громкую славу знаний, а на то, присуща ли нашей душе способность любить истину и все делать ради нее. Об этой-то способности нам и [с.68]

предстоит сказать, расследуя чистоту ума и разумения, действительно ли мы должны приобретать ее или же нам надо искать другую, более сильную» (Платон. Филеб 58d-e, пер. Н.В.Самсонова [Платон 1990-94, т.3, с.67-68])

«Государство»

(№ 816). «Сократ – Адиманту и Главкону. Вы и впрямь сыновья своего славного родителя, и неплохо начало элегии, с которой обратился к вам поклонник Главкона, когда вы отличились в сражении под Мегарой:

Славного Аристана божественный род – его дети.

Это, друзья, по-моему, хорошо. Испытываемое вами состояние вполне божественно, раз вы не держитесь взгляда, будто несправедливость лучше справедливости, хотя в речах и отстаиваете это». (Платон. Государство II 368a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.128])

(№ 817). «Сократ. Значит, многое одобряя у Гомера, мы, однако, не одобрим того [ложного] сновидения, которое Зевс послал Агамемнону; не одобрим мы и того места Эхила [Суд об оружии, фр.168 (350)], где Фетида говорит, что Аполлон пел на ее свадьбе, суля ей счастье в детях». (Платон. Государство II 383a-b, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.148])

(№ 818). «Сократ. Значит, если случится, что прекрасные нравственные свойства, таящиеся в душе какого-нибудь человека, будут согласовываться и с его внешностью, поскольку они будут принадлежать к одному роду, это будет прекраснейшее зрелище для того, кто способен видеть.

Главкон. Конечно.

Сократ. А ведь высшая красота в высшей степени привлекательна.

Главкон. Еще бы!

Сократ. Таких-то вот людей и любил бы всего больше тот, кто предан мусическому искусству. А в ком нет этой гармоничности, тех бы он не любил.

Главкон. Да, не любил бы, если это недостаток душевный; если же физический, можно еще выдержать и находить встречи приятными.

Сократ. Понимаю, у тебя есть или был такой любимец, поэтому я не возражаю. Но скажи мне вот что: имеется ли что-нибудь общее между рассудительностью и излишествами в удовольствиях?

Главкон. Как можно! От них становишься безумным не меньше, чем от страдания.

Сократ. А есть ли у них общее с какой-нибудь другой добродетелью? [стр.403]

Главкон. Ни в коем случае.

Сократ. А, например, с наглостью и разнузданностью?

Главкон. С ними-то более всего.

Сократ. Можешь ли ты назвать удовольствие более сильное и острое, чем любовные утехы?

Главкон. Не могу, да и нет ничего более безумного.

Сократ. Между тем правильной любви свойственно любить скромное и прекрасное, притом рассудительно и гармонично. [с.170]

Главкон. Конечно.

Сократ. Значит, в правильную любовь нельзя привносить неистовство и все то, что сродни разнузданности?

Главкон. Нельзя.

Сократ. Стало быть, нельзя привносить и наслаждение: с ним не должно быть ничего общего у правильно любящих или любимых, то есть ни у влюбленного, ни у его любимца.

Главкон. Да, Сократ, клянусь Зевсом, наслаждение сюда не следует привносить.

Сократ. В создаваемом нами государстве ты установишь, чтобы влюбленный был другом своему любимцу, вместе с ним проводил время и относился к нему как к сыну во имя прекрасного, если тот согласится. А в остальном пусть он так общается с тем, за кем ухаживает, чтобы никогда не могло возникнуть даже предположения, что между ними есть нечто большее. В противном случае он навлечет на себя упрек в грубости и непонимании прекрасного.

Главкон. Да, это так.

Сократ. Не кажется ли и тебе, что наше рассуждение о мусическом искусстве пришло к концу? Оно завершилось тем, чем должно было завершиться, - ведь все, что относится к мусическому искусству, должно завершаться любовью к прекрасному» (Платон. Государство III 402d-403c, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.169-170])

(№ 819). «Сократ. Мы не без основания признаем двойственными и отличными друг от друга эти начала: одно из них, с помощью которого человек способен рассуждать, мы назовем разумным началом души, а второе, из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду и бывает охвачен другими вожделениями, мы назовем началом неразумным и вожделеющим, близким другом всякого рода удовлетворения и наслаждений». (Платон. Государство IV 439d, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.213])

(№ 820). «Сократ. ...не так уж далеки от нас те времена, когда у эллинов, как и посейчас у большинства варваров, считалось постыдным и смешным для мужчин показываться голыми и что, когда критяне первыми завели у себя гимнасии, а затем уж и лакедемоняне, у тогдашних остряков тоже была возможность посмеяться над этим. ...»

Но когда на опыте стало ясно, что удобнее упражняться без одежды, чем прикрывать ею все части тела, тогда это перестало быть смешным для глаз, ведь разумные доводы убеждали, что так гораздо лучше». (Платон. Государство V 452c-d, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.226])

(№ 821). «Сократ. Того же, кто отличился и прославился, не должны ли, по-твоему, юноши и подростки, участвующие с ним вместе в походе, увенчать каждый поочередно прямо во время похода? Или не так?»

Главкон. По-моему, так.

Сократ. Что же? Разве не будут его приветствовать пожатием правой руки?

Главкон. И это тоже.

Сократ. Но вот с чем, думаю я, ты уж не согласишься...

Главкон. С чем?

Сократ. Чтобы он всех целовал и чтобы его все целовали.

Главкон. С этим я соглашусь всего охотнее и к этому закону добавлю еще, что в продолжение всего этого похода никому не разрешается отвечать отказом, если такой воин захочет кого-нибудь целовать, - ведь если ему доведется влюбиться в юношу или в женщину, это придаст ему еще больше бодрости для совершения подвигов» (Платон. Государство V 468b-c, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.245-246])

(№ 822). «Сократ. Нужно ли напоминать тебе, или ты помнишь сам, что, коль скоро, на наш взгляд, человек что-нибудь любит, он должен, если только верно о нем говорят, выказывать любовь не к одной какой-нибудь стороне того, что он любит, оставаясь безучастным к другой, но, напротив, ему должно быть дорого все.

Главкон. По-видимому, надо мне это напомнить: мне это не слишком понятно.

Сократ. Уж кому бы другому так говорить, а не тебе, Главкон! Знатоку любовных дел не годится забывать, что человека, неравнодушного к юношам и влюбчивого, в какой-то мере поражают и возбуждают все, кто находятся в цветущем возрасте и кажутся ему достойными внимания и любви. Разве не так относитесь вы к красавцам? Одного вы называете приятным за то, что он курносый, и захваливаете его, у другого нос с горбинкой – значит, по-вашему, в нем есть что-то царственное, а у кого нос средней величины, тот, считаете вы, отличается соразмерностью. У чернявых – мужественная внешность,

белокурые – дети богов. Что касается «медвяно-желтых» - думаешь ли ты, что это сочинил кто-нибудь иной, кроме нежного влюбленного, которого не отталкивает даже бледность, лишь бы юноша был в цветущем возрасте? [стр.475] Одним словом, под любым предлогом и под любым именем вы не отвергаете никого из тех, кто в расцвете лет.

Главкон. Если тебе хочется на моем примере говорить о том, как ведут себя влюбленные, я, так и быть, уступаю, но лишь во имя нашей беседы» (Платон. Государство V 474c-475a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.253-254])

(№ 823). «Сократ. Не только, друг мой, естественно, но и во всех отношениях неизбежно любой человек, если он в силу своей природы охвачен страстным стремлением, ценит всё, что сродни и близко предмету его любви.

Главкон. Верно.

Сократ. А найдешь ли ты что-либо более близкое мудрости, чем истина?» (Платон. Государство VI 485c, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.263])

(№ 824). «Сократ. Так вот, учитывая все это, припомни то, о чем говорили мы раньше: возможно ли, чтобы толпа допускала и признавала существование красоты самой по себе, а не многих красивых вещей или самой сущности каждой вещи, а не множества отдельных вещей?

Адимант. Это совсем невозможно.

Сократ. Следовательно, толпе не присуще быть философом.

Адимант. Нет, не присуще.

Сократ. И значит, те, кто занимается философией, неизбежно будут вызывать ее порицание». (Платон. Государство VI 493e-494a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.273])

(№ 825). «Сократ. Опорожнив и очистив душу юноши, уже захваченную ими и посвященную в великие таинства, они затем низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость, разнузданность, распутство и бесстыдство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством. Разве не именно так человек, воспитанный в границах необходимых вожделений, уже в юные годы переходит к развязному потаканию вожделениям, лишенным необходимости и бесполезным?» (Платон. Государство VIII 560d-561a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.348])

(№ 826). [Описание сына тирана] «Сократ. Предположи еще, что и с ним произойдет то же самое, что с его отцом: его станет тянуть ко всяческому беззаконию, которое его совратители называют полнейшей свободой. Отец и все остальные его близкие поддерживают в нем склонность соблюдать середину, но его совратители этому противодействуют. Когда же эти искусные чародеи и творцы тиранов не надеются как-либо иначе завладеть юношей, они ухитряются внушить ему какую-нибудь страсть, руководящую вожделениями к праздности и к растрате накопленного; [стр.573] такая страсть – прямо-таки огромный крылатый трутень. Или, по-твоему, это нечто иное?

Адимант. По-моему, именно это.

Сократ. Вокруг этой страсти ходят ходуном прочие вожделения, за которыми тянется поток благовонных курений и мазей, венков, вин, безудержных наслаждений, обычных при такого рода общениях. Эти вожделения растут и крепнут, они вооружают трутня жалом похоти, и тогда этот защитник души, охваченный неистовством, жалит. И если он захватит в юноше какое-нибудь мнение или желание, притязующее на порядочность и не лишенное еще стыдливости, он убивает их, выталкивает вон, пока тот совсем не очистится от рассудительности и не преисполнится нахлынувшим на него неистовством.

Адимант. Ты описываешь появление вылитого тирана.

Сократ. А разве не из-за всего этого и тому подобного Эрот искони зовется тираном?

Адимант. Пожалуй.

...

Сократ. Человек, мой друг, становится полным тираном тогда, когда он пьян, или слишком влюбчив, или же сошел с ума от разлития черной желчи, а все это из-за того, что либо такова его натура, либо привычки, либо и то и другое.

...

Сократ. ... По-моему, после этого пойдут у них празднества, шествия всей ватагой, пирушки, заведутся подружки, ну и так далее, ведь тиран-Эрот, обитающий в их душе, будет править всем, что в ней есть.

...

Сократ. Когда все истощится, тогда рой раздувшихся вожделений, угнездившихся в этих людях, начнет жужжать и эти люди, словно гонимые стрекалом различных желаний, а особенно Эротом (ведь он ведет за собой все желания, словно телохранителей), впадут в безумие и будут высматривать, у кого что есть и что можно отнять с помощью обмана и насилия. [стр.574]

...

Сократ. Но, ради Зевса, Адимант, неужели из-за какой-то новой своей подружки, без которой он мог бы и обойтись, он станет бить родную мать? Или ради цветущего юноши, с которым он только что подружился, хотя и без этого можно бы обойтись, он подымет руку на своего родного отца, пусть престарелого и отцветшего, но самого давнишнего из своих друзей? ...

...

Сократ. Во всех этих поступках прежние его мнения о том, что прекрасно, а что гадко, усвоенные им с детских лет и считавшиеся правильными, покорятся власти недавно выпущенных на волю желаний, сопровождающих Эрота и им возглавляемых. Раньше, когда человек подчинялся обычаям, законам и своему отцу и внутренне ощущал себя демократом, эти желания высвобождались у него лишь в сновидениях; теперь же, когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться ни от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это ни было: посреди всяческого безначалия и беззакония [стр.575] в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить и себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех вожделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом такого же рода вожделений, которые он теперь распустил, дав им волю. Разве не такова жизнь подобного человека?» (Платон. Государство IX 572d-575a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.362-365])

(№ 827). «Сократ. Уже было выяснено, что всего дальше отстоят от разума любовные и тиранические вожделения.

Главкон. Да, всего дальше.

Сократ. А всего ближе к нему вожделения царственные и упорядоченные.

Главкон. Да.

Сократ. Всего дальше, я думаю, отойдет от подлинного и собственного своего удовольствия тиран, а всего ближе к нему будет царь». (Платон. Государство IX 587a-b, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.382])

(№ 828). «Сократ. Будь то любовные утехы, гнев или всевозможные другие влечения нашей души – ее печали и наслаждения, которыми, как мы говорим, сопровождается любое наше действие, - все это возбуждается в нас поэтическим воображением. Оно питает все это, орошает то, чему надлежало бы засохнуть, и устанавливает его власть над нами; а между тем следовало бы держать эти чувства в повиновении, чтобы мы стали лучше и счастливее, вместо того чтобы быть хуже и несчастнее». (Платон. Государство X 606d, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.404])

(№ 829). «Сократ. Если же не удастся ее [поэзию] защитить, тогда, дорогой мой друг, нам остается поступить так, как поступают, когда сначала в кого-то влюбились, но потом рассудили, что любовь бесполезна, и потому хоть через силу, но все-таки от нее воздерживаются. Вот и мы: из-за воспитания, полученного нами в нынешних прекрасно устроенных государствах, в нас развилась любовь к подобного рода поэзии, и мы желаем

ей добра, то есть чтобы она оказалась и превосходной, и вполне правдивой» (Платон. Государство X 607e-608a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.405])

(№ 830). «[Видение Эра] Эр видел, как душа бывшего Орфея выбрала жизнь лебедя из-за ненависти к женскому полу: так как от них он претерпел смерть, его душа не пожелала родиться от женщины. Он видел и душу Фамирида – она выбрала жизнь соловья». (Платон. Государство X 620a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.3, с.419])

«Тимей»

(№ 831). «[Действия демиурга] Когда же души будут по необходимости укоренены в телах, а каждое тело станет что-то принимать в себя, а что-то извергать, необходимо, во-первых, чтобы в душах зародилось ощущение, общее им всем и соответствующее вынужденным впечатлениям; во-вторых, чтобы зародился эрос, смешанный с удовольствием и страданием, а кроме того, страх, гнев и все прочие [чувства], либо связанные с названными, либо противоположные им; если души будут над этими страстями властвовать, их жизнь будет справедлива, если же окажутся в их власти, то несправедлива». (Платон. Тимей 42a-b, пер. С.С.Аверинцева [Платон 1990-94, т.3, с.444])

(№ 832). «Между тем, если у кого-нибудь, словно у особо плодоносного дерева, мозг рождает в избытке струящееся семя, такой человек по различным поводам испытывает много терзаний, но и много удовольствий, то возделая, то насыщая возделение; обуреваемый сильнейшими удовольствиями и неудовольствиями, он живет в состоянии безумия большую часть жизни. Итак, душа его больна и безумна по вине тела, однако все видят в нем не больного, но добровольно порочного человека. На деле же любовная необузданность есть недуг души, чаще всего рождающийся по вине одного-единственного вещества, которое сочится сквозь поры костей и разливается по всему телу». (Платон. Тимей 86c-d, пер. С.С.Аверинцева [Платон 1990-94, т.3, с.493])

(№ 833). «Вот что скажем мы об этом: среди произошедших на свет мужей были и такие, которые оказывались трусами или проводили свою жизнь в неправде, и мы не отступим от правдоподобия, если предположим, что они при следующем рождении сменили свою природу на женскую, между тем как боги, воспользовавшись этим, как раз тогда создали влекущий к соитию эрос и образовали по одному одушевленному существу внутри наших и женских [тел], построив каждое из них следующим образом. В том месте, где проток для выпитой влаги, миновав легкие, подходит пониже почек к мочевому пузырю, чтобы извергнуть оттуда под напором воздушного давления воспринятое, они открыли вывод для спинного мозга, который непрерывно тянется от головы через шею вдоль позвоночного столба и который мы ранее нарекли семенем. Поскольку же мозг этот одушевлен, [с.499] он, получив себе выход, не преминул возжечь в области своего выхода животворную жажду излиятий, породив таким образом детородный эрос. Вот почему природа срамных частей мужа строптива и своевольна, словно зверь, неподвластный рассудку, и под стрекалом непереносимого возделения способна на все. Подобным же образом и у женщин та их часть, что именуется маткой, или утробой, есть не что иное, как поселившийся внутри них зверь, исполненный детородного возделения...» (Платон. Тимей 90e-91c, пер. С.С.Аверинцева [Платон 1990-94, т.3, с.498-499])

«Законы»

(№ 834). «Афинянин. По-видимому, чужеземцы, трудно в вопросах государственного устройства установить и на деле, и на словах что-либо бесспорное. Кажется, это подобно тому, как для одного человеческого тела невозможно установить один какой-либо образ жизни, который не оказался бы отчасти для него вредным, отчасти полезным, хотя он один и тот же. Точно так же гимнасии и сисситии во многом приносят пользу государствам еще и поныне; однако в смысле междоусобий они вредны. Это явствует из поступков милетской, беотийской и фурийской молодежи.

К тому же, вероятно, эти учреждения извратили существующий не только у людей, но даже и у животных древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства [Спарту и Крит], а также и те из остальных государств, где более всего привились гимнасии. Как бы ни смотреть на подобные вещи, шутливо ли или серьезно, приходится заметить, что наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущего за собой рождение, уделено нам от природы, соединение же мужчины с мужчиной и женщины с женщиной – противоестественно и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях. Мы все порицаем критян за то, что они выдумали миф о Ганимеде. Так как они были убеждены, что их законы происходят от Зевса, они и сочинили о нем этот миф, чтобы вслед за богом срывать цветы и этого наслаждения. Однако распростимся с мифом...» (Платон. Законы I 636a-d, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.4, с.83-84])

(№ 835). «Афинянин. ... Обсудим же, как лучше испытать сварливую и вялую душу, из которой рождаются тысячи несправедливостей: путем ли личных с ней общений, причем нам будет грозить опасность, или же путем наблюдений на празднестве Дионисий? Чтобы испытать душу человека, побеждаемого любовными наслаждениями, вверим ли мы ему собственных дочерей, сыновей и жен, подвергая опасности самые дорогие для нас существа, только для рассмотрения склада его души?» (Платон. Законы I 649e-650a, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.4, с.99])

(№ 836). «Афинянин. ... Должно иметь в виду всю совокупность добродетелей, в особенности же первую, руководящую добродетель, а именно разумность, ум и [верное] мнение вместе с любовью и желанием, следующими за ними» (Платон. Законы III 688b, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.4, с.139])

(№ 837). «Афинянин. ... В душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не думает его избегать. Зло это заключается вот в чем: говорят, что всякий человек по природе любит самого себя и что таким он и должен быть. Но поистине в каждом отдельном случае виновником всех проступков человека выступает как раз его чрезмерное себялюбие. Ибо любящий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить, что справедливо, хорошо и прекрасно, [стр.732] и всегда склонен отдавать предпочтение перед истиной тому, что ему присуще. Кто намерен стать выдающимся человеком, тот должен любить не себя и свои качества, а справедливость, осуществляемую им самим либо кем-то другим.

Из этого же заблуждения проистекает и то, что всем свое собственное невежество кажется мудростью. Поэтому-то мы и считаем, что знаем все, тогда как мы не знаем, можно сказать, ничего. Мы не поручаем другим делать то, чего не умеем, пытаемся все делать сами и неизбежно ошибаемся. Вот почему каждый человек должен избегать чрезмерного себялюбия, всегда искать тех, кто лучше его, и не стыдиться ставить их выше себя» (Платон. Законы V 731d-732b, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.4, с.183-184])

(№ 838). «Афинянин. ... В самом деле: во многих других вещах весь целиком Крит и Лакедемон оказали нам довольно большую помощь, дав нам законы, отличные от большинства обычаев. А вот что касается любовных влечений – ведь мы тут одни и это можно сказать, - Крит и Лакедемон полностью с нами расходятся. Поэтому верным, пожалуй, было бы слово того человека, который одобрил бы, следуя в этом природе, закон, бывший до Лая. Человек этот рек бы: мужчины не должны сходиться с юношами, как с женщинами, для любовных утех, это правильно; и он подтвердил бы свои слова указанием на животных, у которых самцы не касаются самцов, так как это противоречит природе. Но это совсем не подходит вашим двум государствам.

В то же время ваши обычаи не согласуются с тем, что, по нашим словам, обязательно должен соблюдать законодатель. В самом деле, мы постоянно смотрим, какие из установленных нами законов ведут к добродетели, а какие – нет. Допустим, мы установили бы сейчас все эти вещи законом как прекрасные и совсем не позорные; чем бы способствовало, однако, все это добродетели? Уж не тем ли, что осуществление всего этого вселит в душу человека, покорно давшего склонить себя на подобное дело, дух мужества, а в душу того, кто склонит на это другого, некий род рассудительности? Нет, этому никто никогда не поверит. Скорее совсем наоборот: всякий станет осуждать мягкотелость человека, который уступает удовольствиям и не в состоянии им сопротивляться. И разве любой не подвергнет порицанию того человека, который решается на подражание образу женщины? Кто же из людей решится все это возвести в закон? Решительно никто, по крайней мере из тех, кто помышляет об истинном [с.290] законе. Но как нам убедиться в истинности нашего взгляда? Кто хочет здесь правильно мыслить, тому необходимо рассмотреть природу дружбы, [стр.837] вожделения и вместе с тем того, что называют любовным влечением. В самом деле, трудность и неясность здесь создает то, что одним общим названием охвачены все эти [виды], хотя на самом деле их два, и уж из этих двух возникает особый вид, третий.

Клиний. Как это?

Афинянин. Иногда мы говорим так: подобное дружественно подобному по своим качествам, равное дружественно равному. С другой стороны, и недостаточное мы называем дружественным избыточному, хотя по своей природе оно ему противоположно; когда же то и другое становится очень сильным, мы называем это любовью.

Клиний. Верно.

Афинянин. Итак, дружба, основанная на противоположностях, страшна, дика и редко приводит к общности нас, людей. Дружба же, основанная на сходстве, кротка и едина всю жизнь. В дружбе, возникшей из смешения этих двух видов, прежде всего нелегко распознать, к чему стремится человек, испытывающий этот третий вид влечения. Далее, положение такого человека затруднительно, так как два вида [чувства] влекут его в

противоположные стороны: одно побуждает его коснуться цветущей юности, другое ему это запрещает. Ведь кто вожделеет тела и алчет цветущей юности, словно созревшего плода, тот стремится ею насытиться; он вовсе не ценит душевных свойств своего возлюбленного. А у кого вожделение к телу является чем-то побочным, тот скорее созерцает, чем вожделеет, так как душой страстно стремится к душе другого и считает бесспорной дерзостью удовлетворять свое тело телом любимого. Он стыдливо чтит рассудительность, мужество, великодушие и разумность, и единственное его желание – это всегда хранить чистоту вместе с таким же чистым своим возлюбленным. Таков этот третий вид влечения, смешанный из тех двух; в качестве третьего вида мы его и разобрали. Но раз есть столько видов влечения, неужто надо их все запретить законом и от них отказаться? Нет, ясно, что мы желали бы, чтобы в государстве нашем бытовал тот вид влечения, который сопряжен с добродетелью и заставляет юношу стремиться к достижению высшего совершенства. А остальные два [с.291] вида влечения мы запретили бы, если только это возможно. Каково твое мнение, дорогой Мегилл?

Мегилл. Ты, чужеземец, прекрасно все это выразил.

Афинянин. Очевидно, мой друг, я достиг своей цели – добиться с тобой согласия. Мне не стоит доискиваться, в каком смысле установлен у вас закон относительно всего этого; мне только нужно было добиться твоего согласия с моим рассуждением. А потом я попытаюсь убедить в этом и Клиния, зачаровывая его словами. Пусть же так и будет с вашей легкой руки. Обратимся снова к общему разбору законов.

Мегилл. Ты совершенно прав.

Афинянин. Что касается установления этого закона при нынешних обстоятельствах, [стр.838] то у меня есть один прием, отчасти легкий, хотя, с другой стороны, он и очень труден.

Мегилл. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Мы знаем, что и в наше время большинство людей, пусть даже незаконопослушных, с большой тщательностью воздерживаются от общения с красивыми, причем вовсе не против воли, но добровольно.

Мегилл. Что ты говоришь?!

Афинянин. Да вот если у кого окажутся красивые брат или сестра, а также сын или дочь. Здесь, собственно, неписанный закон отлично удерживает от тайных и явных связей, а также от всяких иных поползновений. У большинства людей в этих случаях нет даже вожделения к подобного рода связям.

Мегилл. Это правда.

Афинянин. Значит, простое слово гасит подобные удовольствия?

Мегилл. Какое такое слово?

Афинянин. Слово, гласящее, что подобные отношения нечестивы, богопротивны и что они позорнее всего позорного. А причина здесь та, что никто не высказывает иного мнения; каждый из нас с самого дня рождения всегда и повсюду слышит подобное мнение как в комедиях, так и в трагедиях, где это повторяется со всей серьезностью, когда перед

нами выводят Фиестов, Эдипов или же Макареев: Макарей тайно вступил в связь со своей сестрой, а потом, когда это обнаружили, наложил на себя руки, чтобы искупить свое преступление.

Мегилл. Ты прав, указывая на какую-то странную [с.292] силу молвы, раз никто никогда не пробует даже вздохнуть вопреки обычаю.

Афинянин. Значит, мы правильно сказали сейчас, что законодателю легко распознать тот способ, с помощью которого можно подавить какую-то страсть из числа тех, что особенно поработают людей, надо только сделать всеобщую молву священной для всех – для рабов, для свободных, для женщин, детей и вообще для всего государства; так законодатель делает свой закон неколебимым.

...

Афинянин. ... От мужского пола надо воздерживаться и не губить умышленно человеческий род; не надо также ронять семя на скалы и камни, где оно никогда не пустит корней и не получит естественного развития. [стр.839] Надо воздерживаться и от всех тех женщин, на чьей пашне ты не хотел бы, чтобы произрастал твой посев. ...

... [с.293]

Афинянин. Не правда ли, мы знаем понаслышке, что тарентинец Икк [стр.840] ради Олимпийских игр и других состязаний ни разу не касался ни женщин, ни мальчиков в то время, когда усердно готовился к состязаниям? Причиной здесь было его честолюбие, преданность своему искусству, а также и то, что наряду с рассудительностью он обладал и душевным мужеством. То же самое рассказывают о Крисоне, Астиле, Диопомпе и об очень многих других, хотя души их были воспитаны куда хуже, чем у наших с тобой, Клиний, граждан, а тело их гораздо больше было преисполнено жизненных сил.

Клиний. Да, это правда: то, что древние рассказывают об этих атлетах, действительно было ими совершено.

Афинянин. Что же? Они отважились воздерживаться от того, что большинство называет блаженством, ради победы в борьбе, беге и других таких состязаниях; [с.294] так неужели же наши дети не совладают с собой ради гораздо лучшей победы? Чарующую красоту этой победы мы, естественно, станем изображать им с самого детства в мифах, изречениях и песнях

Клиний. Какая же это победа?

Афинянин. Победа над удовольствиями, которая делает блаженной их жизнь; уступка же удовольствиям повлечет за собой жизнь совершенно иную. ...

... (с.841) ... [с.295] ...

Афинянин. ... Если будет на то воля бога, мы, весьма возможно, принудим соблюдать в любви одно из двух: либо пусть гражданин не смеет касаться никого из благородных и свободнорожденных людей, кроме своей законной жены; пусть он не расточает своего семени в незаконных, не освященных религией связях с наложницами, а также в противоестественных и бесплодных связях с мужчинами. ... [стр.842] Закон этот определяет, какие поступки при взаимоотношениях, возникающих под влиянием таких

вожделений, правильны, а какие неправильны» (Платон. Законы VIII 836b-842a, пер. А.Н.Егунова. [Платон 1990-94, т.4, с.289-295])

(№ 839). «Афинянин. ... Что же касается того, при каких условиях убийство какого-нибудь человека не ставится в вину убившему, то здесь пусть будет постановлено следующее: ... если кто-то пытается изнасиловать свободнорожденную женщину или отрока, того может невозбранно убить лицо, подвергнувшееся насилию, а также отец, братья или сыновья». (Платон. Законы IX 874b-с, пер. А.Н.Егунова [Платон 1990-94, т.4, с.331])

Вариации

«Неестественным следует называть наслаждение, которое вызывается не действительным предметом, а лишь создаваемым в себе воображением об этом предмете, стало быть вопреки цели. В самом деле, такое наслаждение порождает вождление вопреки цели природы, а именно цели более важной, чем даже цель любви к жизни, так как последняя стремится лишь к сохранению индивида, а та – к сохранению всего рода.

Что такое противоестественное употребление своих половых свойств (стало быть, злоупотребление ими) есть нарушение долга перед самим собой, и притом в высшей степени противоречащим нравственности, тотчас приходит на ум каждому, задумавшемуся над этим, причем мысль эта вызывает отвращение до такой степени, что считается безнравственным даже называть подобный порок его именем – чего не бывает, когда речь идет о пороке самоубийства ... как если бы человек вообще стыдился быть способным на поведение, низводящее его до степени скота, так что даже допустимое (разумеется, само по себе чисто животное) общение между мужчиной и женщиной в браке обычно требует в цивилизованном обществе много тонкости для того, чтобы завуалировать его, когда приходится все же говорить о нем.

Однако логическое доказательство недопустимости упомянутого неестественного и даже просто нецелесообразного употребления своих половых свойств как нарушения (и притом, если речь идет о первом, то в высшей степени) долга перед самим собой не так легко дается. – Основание доказательства заключается, конечно, в том, что человек отказывается от своей личности (унижая ее), когда употребляет себя лишь как средство для удовлетворения своих животных инстинктов. Но при этом не объясняется высокая степень нарушения человеческого в его собственном лице из-за неестественности такого порока, так как этот порок по своей форме (по образу мыслей) превосходит, кажется, даже порок самоубийства. ...распутство же, когда человек целиком отдается животным побуждениям, делает его употребляемой, но тем не менее и противоестественной вещью, т.е. отвратительным предметом, и тем самым лишает его всякого уважения к самому себе».

(Иммануил Кант. Метафизика нравов. Ч.2, § 7 [Кант 1995, с.449-450])

Пифагорейцы

(№ 840). «Ему [Евдоксу] было около двадцати трех лет, и жилось ему трудно, когда, привлеченный славою сократиков, пустился он в Афины вместе с врачом Феомедонтом, который его содержал (а по мнению некоторых, был его любовником)» (Диоген Лаэртский VIII 86 [Диоген 1979, с.357])

Антисфен

(№ 841). «Мерзко и похабно переименовав Платона в Сатона, он издал под таким названием диалог, направленный против Платона» (Афиней V 220d = Антисфен, фр.41 Нахов [Антология кинизма 1996, с.90]) см. [Афиней 2003-, т.1, с.278]

(№ 842). «...Антисфен написал против Платона диалог под названием «Сафон», и с этих пор они держались друг с другом как чужие» (Диоген Лаэртский III 35 [Диоген 1979, с.169])

(№ 843). «Известны десять томов его сочинений: ... «О Феогниде» ... «Сафон» (или «О противоречии») в трех книгах ... «Кир» (или «Возлюбленный») ... «Алкивиад» ...» (Диоген Лаэртский VI 15-18 [Диоген 1979, с.238-239])

(№ 844). «В общественной жизни мудрец руководится не общепринятыми законами, а законами добродетели. Он женится, чтобы иметь детей, притом от самых красивых женщин; он не будет избегать и любовных связей – ибо только мудрец знает, кого стоит любить» (Диоген Лаэртский VI 11 [Диоген 1979, с.237])

(№ 845). «К юноше, который с гордым видом позировал ваятелю, он обратился так: «Скажи, если бы бронза умела говорить, чем бы, по-твоему, стала она похвалиться?» - «Красотою», - сказал тот. «И тебе не стыдно гордиться тем же, что и бездушный истукан?» (Диоген Лаэртский VI 9 [Диоген 1979, с.236])

(№ 846). «Пёс называл харчевни аттическими фидитиями» (Аристотель. Риторика III 10, 1411a; Антисфен, фр.69 Нахов [Антология кинизма 1996, с.94])

(№ 847). «Рассказывают, что и Антисфен любил одного юношу. Какие-то люди, желая завлечь молодого человека на пир, поставили на стол блюда с вкусной рыбой. Потом кто-то сказал Антисфену: «Даже у счастливых есть соперники в любви». – «Конечно, - ответил философ. – Я ведь не владыка морской. Если кто-нибудь чего-то домогается, я от этого отказываюсь» (Собрание папирусов II 113 = Антисфен, фр. Дополнения 192 [Антология кинизма 1996, с.113])

(№ 848). «Поэтому и Антисфеновский Геракл говорит о каком-то юноше, воспитывавшемся у Хирона: он высок, красив и в расцвете сил. Кого полюбит, тот будет счастливым» (Антисфен, фр.7 Нахов [Антология кинизма 1996, с.83-84]) Также см. Антисфен, фр. Дополнения 24с [с.105].

(№ 849). «Его [Антисфена] диалог «Политик» содержит нападки на всех афинских демагогов, ... «Аспасия» - на Ксантиппа и Парала, сыновей Перикла: один-де из них был сожителем Архестрата, который вел себя как низкопробная шлюха...» (Афиней V 220с-d, пер. Н.Т.Голикевича [Афиней 2003-, т.1, с.278])

Другой вариант перевода:

«Аспасия питала неприязнь к сыновьям Перикла Ксантиппу и Паралу. Она говорила, что один из них был сожителем Архестрата, который вел себя наподобие обитательниц домов терпимости...» (Афиней V 220 = Антисфен, фр.15 Нахов [Антология кинизма 1996, с.84])

Диоген Синопский

Изречения Диогена (пер. М.Л.Гаспарова [Диоген 1979, с.246-256], в скобках указаны отсылки к пер. И.М.Нахова).

(№ 850). «(39) ... Когда один развратный евнух написал у себя на дверях: «Да не внидет сюда ничто дурное», Диоген спросил: «А как же войти в дом самому хозяину?» ... (фр.118 Нахов [Антология кинизма 1996, с.57, 125])

(№ 851). (45) ... Мальчишкам, обступившим его и кричавшим: «Берегись, он кусается!», Диоген сказал: «Не трусьте, ребята: такой белой свеклы ни одна собака в рот не возьмёт». ... (фр.145 Нахов [Там же, с.59, 127])

(№ 852). (46) ... Увидев мальчика, который шел на пир к сатрапам, он оттащил его в сторону и отдал домашним под надзор. [Там же, с.59-60]

(№ 853). А когда мальчик в пышном наряде обратился к нему с вопросом, он сказал, что не ответит, пока тот не скинет наряд и не покажет, мужчина он или женщина. [Там же, с.60]

(№ 854). Мальчику, забавлявшемуся в бане игрой в коттаб, он сказал: «Чем лучше играешь, тем хуже тебе!» ... (фр.148 Нахов [Там же, с.60, 128])

(№ 855). (47) ... Увидев дом одного распутника с надписью: «Продается», он сказал: «Я так и знал, что после стольких попоек ему нетрудно изрыгнуть своего владельца». (фр.152 Нахов [Там же, с.60, 128])

(№ 856). Мальчику, жаловавшемуся, что все к нему пристают, он сказал: «А ты не выставляй напоказ все признаки своей похотливости» ... [Там же, с.60]

(№ 857). (52) ... Увидев хорошенького мальчика, беззащитно раскинувшегося, он толкнул его и сказал: «Проснись –

Пику тебе, берегись, вонзят лежащему, сзади! ... [Там же, с.62]

(№ 858). (54) ... Увидев прихорашивающегося мальчика, он сказал ему: «Если это для мужчин – тем хуже для тебя; если для женщин – тем хуже для них». ... (фр.19 Нахов [Там же, с.62, 116])

(№ 859). (58) ... Увидев мальчика, занимающегося философией, он воскликнул: «Славно, философия! любителей тела ты возводишь к красоте души» ... (фр.202 Нахов [Там же, с.63, 132])

(№ 860). (59) ... Хорошенькому мальчику, отправлявшемуся на пирушку, он сказал: «Сейчас ты хорош, а вернешься поплоше». Вернувшись, мальчик сказал ему на следующий день: «Вот я и вернулся, а не стал поплоше». – «Не стал лошадь, так стал кентавр» (в оригинале – не стал Хироном [худшим], так как стал Евритионом [раздвинутым] [примечание на с.518]), - ответил ему Диоген. ... (фр.204 Нахов [Там же, с.63-64, 132])

(№ 861). ... однажды он возвращался из Лакедемона в Афины; на вопрос «откуда и куда?» - он сказал: «Из мужской половины дома в женскую». ... (Диоген, фр.206 Нахов [Там же, с.64, 132]; то же: Антисфен, фр.127 Нахов [Антология кинизма 1996, с.100])

(№ 862). (61) ... Двое мягкозадых прятались от него. «Не бойтесь, - сказал он им, - собака свеклы не ест». [Там же, с.64]

(№ 863). На вопрос, откуда родом был один мальчик, он сказал: «Из тегейского блудилища» [Тегеат от тегос (публичный дом) – примеч. Нахова: Антология кинизма 1996, с.311] ... (фр.215 Нахов [Там же, с.64, 133])

(№ 864). (62) ... Мальчик показал ему собаку, подаренную ему любовником. «Собака-то хороша, - сказал Диоген, - да повод нехорош». ...

То же: («Когда мальчик показал ему кинжал, подаренный любовником, он сказал: «Кинжал действительно хорош, да рукоятка у него паршивая» («лабе» - рукоятка и повод). Пер. И.М.Нахова. Диоген, фр.218 Нахов [Антология кинизма 1996, с.64, 133])

(№ 865). (65) Увидев однажды женственного юношу, он спросил: «И тебе не стыдно вести себя хуже, чем это задумано природой? Ведь она тебя сделала мужчиной, а ты заставляешь себя быть женщиной». ... (фр.229 Нахов [Там же, с.65, 134])

(№ 866). Увидев прекрасного мальчика, болтающего вздор, он спросил: «И тебе не стыдно извлекать из драгоценных ножен свинцовый кинжал?» ... (фр.233 Нахов [Там же, с.66, 135])

(№ 867). (66) ... Человеку, надушенному ароматами, он сказал: «Голова у тебя благовонная, только как бы из-за этого твоя жизнь не стала зловонной». ... (фр.237 Нахов [Там же, с.66, 135])

(№ 868). (67) ... О влюбленных говорил он, что они мыкают горе себе на радость. ...» (фр.242 Нахов [Там же, с.66, 135])

(Диоген Лаэртский VI 39-67, пер. М.Л.Гаспарова [Диоген 1979, с.246-256])

(№ 869). «(69a) ... А увидев пригожего мальчика, который беззаботно прыгал то взад, то вперед, он сказал:

Скоро б тебя, Мерион, несмотря, что плясатель ты быстрый,

Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил! [Илиада XVI 617-618]»

(вставка в отдельных рукописях [Диоген 1979, с.519])

(№ 870). «(80) Ему приписываются следующие сочинения: ... «О любви» ... «Ганимед» ...» (Диоген Лаэртский VI 80 [Диоген 1979, с.260])

(№ 871). «Диоген увидел мальчика, которого любили за красоту, и сказал: «Отрок, старайсь, чтобы те, кто любил красоту твоего тела, полюбили красоту твоей души» (Антоний и Максим. Рассуждения о красоте, с.566 = Диоген, фр.53 Нахов [Антология кинизма 1996, с.118])

(№ 872). «Увидев человека с бритым лицом, Диоген обратился к нему: «Не собираешься ли ты привлекать к ответу природу за то, что она сотворила тебя мужчиной, а не женщиной?»

Когда же он увидел подобного субъекта верхом на лошади, надушенного и в соответствующем платье, то сказал: «Раньше я всё спрашивал себя, что это такое: «б*** на лошади», гиппопор, а теперь, наконец, увидел» (Афиней XIII 656с = Диоген, фр.251 Нахов [Антология кинизма 1996, с.136])

(№ 873). «Диоген указал на какого-то софиста средним пальцем. Тот вышел из себя. Тогда Диоген сказал: «Это и есть он. Таким я его вам и представил» (Эпиктет. Беседы III 2, 11 = Диоген, фр.257 Нахов [Антология кинизма 1996, с.137])

(№ 874). «Диоген, получив в подарок от Диотима из Кариста небольшую сумму денег, сказал:

Пусть тебе боги дадут, чего сама ты желаешь, -

Мужа и собственный дом. [Гомер. Одиссея VI 180]

Вкусы Диотима были известны» (Элиан. Пёстрые рассказы IV 27 [Элиан 1963, с.50]) (то же фр.264 Нахов [с.138])

(№ 875). «[Раба Диогена продавали] Рассказывают, например, что, заметив одного покупателя, страдавшего женской болезнью, да и с лицом, не похожим на мужское, он подошел к нему и сказал: «Купи меня. Кажется, тебе нужен мужчина?» Тот пришел в страшное смущение, так как хорошо знал свой недостаток, и поспешил скрыться, а остальные испугались его разящей дерзости» (Филон Александрийский. О том, что каждый мудрец свободен = Диоген, фр.268 Нахов [Антология кинизма 1996, с.139])

(№ 876). «Те, кто многим нравится, скорее могут быть названы евнухами, чем философами» (Письма киников. Диоген 11 = Диоген, фр.277 Нахов [Антология кинизма 1996, с.140])

(№ 877). «Обратимся еще к примеру из Диогена – его словам, сказанным красавцу. Однажды Диоген боролся с этим красивым юношей и в ходе борьбы принял неприличную позу. Когда же юноша в испуге отшатнулся, Диоген сказал ему: «Не бойся, юноша! В этом я тебе не товарищ». Ведь смешными эти слова делает находчивость, а сильными – скрытый смысл. И вполне можно сказать, что всякий вид речи киника напоминает собаку, которая, виляя хвостиком, может укусить» (Деметрий. О стиле 261, пер. Н.А.Старостиной и О.В.Смыки [Риторика 1978, с.278])

Подложные письма Диогена

(№ 878). «Диоген – Александру

Если хочешь стать во всех отношениях совершенным человеком, сорви с головы своей тряпку и приезжай ко мне. Но поступить так ты не в силах: тебя держат ляжки Гефестиона» (Псевдо-Диоген. Письма 24 [Антология кинизма 1996, с.193])

(№ 879). «Диоген – Сополиду

(1) Я пришел в Милет, что в Ионии...

(2) Потом, сняв с себя плащ и взяв скребок, я вышел на середину и намазался маслом. Вскоре прямо ко мне по местному обычаю подошел юноша с очень красивым лицом и еще без бороды. Он протянул мне руку, пробуя, насколько я опытен в борьбе. А я, вроде бы застенчившись, стал притворяться, будто совсем ничего не умею. Но как только мне стало угрожать поражение, я схватился с ним по всем правилам искусства. Вдруг у меня совсем неожиданно «встал конь» (других слов я не рискую употребить, опасаясь оскорбить почтенное общество), мой партнер смутился и убежал, а я, стоя, довел дело до конца, обойдясь своими средствами.

(3) Это заметил надсмотрщик, подбежал и стал бранить меня. «Послушай, - обратился я к нему, - после того, как ты разрешил мне бороться по всем правилам, теперь ты нападаешь на меня? Если бы существовал обычай после умачения нюхать чихательный порошок, ты бы возмущался, когда кто-нибудь из умастившихся чихнул в гимнасии? А теперь ты негодуешь, когда у человека, обнявшегося при борьбе с красивым мальчиком, невольно поднялся член.

(4) Не полагаешь ли ты, что наш нос целиком зависит от природы, а вот он всецело находится в нашей власти? Перестань бросаться на входящих! Если хочешь, чтобы ничего подобного не случилось в гимнасии, убирай отсюда мальчиков. Ты уверен, что твои инструкции в состоянии надеть колодки и оковы на то, что от природы рвётся в бой, когда сплетаются в борьбе мужчины с юношами?» Я всё это высказал надсмотрщику, и он удалился, а я, подняв свой плащ и котомку, направился к морю» (Псевдо-Диоген. Письма 35, пер. И.М.Нахова [Антология кинизма 1996, с.203-204])

См. также Псевдо-Диоген. Письма 2, 11, 24, 28, 35 [Антология кинизма 1996, с.186, 190]

Лисий

(№ 880). Речь III. В защиту против обвинения Симона

«(1) Члены Совета! Много дурного знаю я за Симоном, но я никогда не думал, что он может дойти до такой наглости, что подаст жалобу, якобы потерпевший, в деле, за которое он сам должен был бы подвергнуться наказанию, и выступит перед вами, давши такую великую, святую клятву. ... (4) Если я не прав, члены Совета, я не прошу к себе никакого снисхождения; а если я докажу свою невиновность в том преступлении, на

которое указывал Симон в своей клятве, но, с другой стороны, вы найдете, что моя любовь к этому мальчику есть глупость, неприличная в мои годы, то прошу вас из-за этого не думать обо мне дурно: вы знаете, что страсть свойственна всем людям, но что самый лучший в нравственном отношении человек, пожалуй, тот, кто может переносить несчастья от любви, не нарушая общественного спокойствия.

(5) Мы оба влюбились в одного мальчика из Платей, Феодота. Я хотел приобрести его расположение подарками, а Симон думал заставить его исполнять свои желания насилием, противозаконным путем. Сколько неприятностей вынес от него мальчик, об этом трудно было бы рассказать, а сколько зла он мне наделал, об этом, я думаю, надо вам сообщить. (6) Один раз, узнавши, что мальчик у меня, он пришел к моему дому ночью пьяный, выбил двери и вошел в женскую комнату, несмотря на то, что там была моя сестра со своими дочерьми. ... (8) Он велел вызвать меня из дома и, как только я вышел, принялся меня бить; а когда я дал ему отпор, он отошел в сторону и начал бросать в меня камнями. ... (9) Я понимал, конечно, члены Совета, что мне нанесено тяжкое оскорбление; но, как я уже и раньше сказал, я стыдился своей несчастной страсти и потому сносил это молчаливо. Я предпочитал оставить без наказания эти преступные действия, чем прослыть за дурака у сограждан: я знал, что подобный поступок будет для этого негодяя вполне естественным; а надо мною, по случаю такого приключения, посмеются многие из тех, которые относятся недоброжелательно к гражданам, желающим быть порядочными людьми. (10) ... Поэтому, взяв с собою мальчика (надо уж говорить всю правду), я уехал из города. Когда я нашел, что прошло уже достаточно времени для того, чтобы Симон позабыл мальчика и раскаялся в прежних проступках, я вернулся обратно.

(11) Раз я пошел в Пирей; а Симон, сейчас же узнав о том, что Феодот вернулся и находится у Лисимаха, жившего недалеко от дома, который нанимал Симон, пригласил к себе некоторых своих приятелей. ... (12) В это время я возвращался из Пирея и мимоходом зашел к Лисимаху; немного времени спустя мы вышли. Тут они, уже пьяные, выскочили и бросились на нас. Некоторые из его компаньонов не захотели принимать участия в его преступном деле, а другие, вот этот Симон, Феофил, Протарх и Автокл, потащили было мальчика; но он бросил гиматий и пустился бежать. ... (15) ... После этого мальчик вбежал в сукновальню, а они, ворвавшись туда вместе с ним, повели его силой, несмотря на его крики, вопли и взывания к свидетелям. ... (17) Они уже поравнялись с домом Лампона, когда я повстречался с ними, идя один. Я нашел, что с моей стороны недостойно и позорно равнодушно отнестись к такому незаконному и насильственному акту над мальчиком, и я стал отнимать его. ... (18) Произошла драка, члены Совета; мальчик бросал в них камнями, я защищался, они в нас бросали, да сверх того еще били его, потому что были пьяны, он тоже защищался, все бывшие тут помогали нам как обиженной стороне; в этой суматохе мы все получили раны в головы. ...

(22) Он имел наглость утверждать, будто бы он заключил условие с Феодотом и дал ему триста драхм, а я будто бы злонамеренно отвлек от него мальчика. ... (24) Посмотрите, как невероятны его показания. Состояние свое он оценил все в двести пятьдесят драхм. Странно, что он нанял мальчика для удовлетворения своей страсти за сумму, большую той, которую он сам имеет. (25) Но ему мало того, что он солгал только об этом, - о том, что он дал деньги: он дошел в своей наглости до того, что уверяет, будто он получил их обратно. Но можно ли поверить тому, что тогда мы решились на такое преступление, в каком он нас обвиняет, с целью не возвращать ему тех трехсот драхм; а когда мы побили его в драке, тогда отдали ему эти деньги, не обеспечив себя от привлечения к суду и безо всякой необходимости для нас? (26) Нет, члены Совета, все это – его выдумки и обман. Уверение, что он дал деньги, имеет ту цель, чтобы не сочли преступлением с его стороны,

что он, не заключив никакого договора, решился произвести такое насилие над мальчиком; а притворное заявление о получении их он делает потому, что, как всем известно, он не предъявлял никогда претензий о деньгах и даже не делал о них никакого упоминания. ...

(31) Если бы мальчик был у него, то его ложь имела бы хоть какое-нибудь правдоподобие, именно, что я, под влиянием страсти, вынужден был сделать какую-то невероятную глупость. Но мальчик с ним даже не разговаривал, а ненавидел его больше всего на свете и жил у меня. ...

(39) Но самое важное, самое ясное доказательство – это то, что человек, которого, по его словам, я обидел, против которого я злоумышлял, в течение четырех лет не решался принести вам жалобу на меня. Все люди, когда у них отнимают предмет их страсти, да еще побьют, в раздражении сейчас же стараются отомстить, а он – лишь много времени спустя. ...» (Лисий III [Лисий 1994, с.70-76]) Речь произнесена около 390 г. до н.э.

Другие речи

(№ 881). «(25) Алкивиад еще в детстве пьянствовал у Архедема Гнойноглазого, который немало наворовал у вас и, на виду у многих, лежал под одним с ним покрывалом; а бывши подростком, бражничал днем с гетерой, подражая своим предкам и думая, что в зрелом возрасте он не может стать знаменитостью, если в молодости не будет иметь репутацию отъявленного негодяя. (26) Когда он открыто стал предаваться разгулу, Алкивиад [отец] вызвал его к себе. Какого же мнения вы должны быть о нем, когда его поведение показалось зазорным даже тому, кто учил других таким вещам? Составивши заговор с Феотимом против отца, он выдал Орны. Феотим, получив в свои руки это место, сперва жил с ним в преступной связи, хотя он был уже взрослым, а наконец посадил его в тюрьму и стал требовать выкупа. (27) Но отец так сильно его ненавидел, что говорил, что даже если он умрет, то не перенесет к себе его кости. По смерти отца в него влюбился Архебиад и выкупил его. Немного времени спустя он проиграл в кости все, что у него было, и, избрав себе опорным пунктом Белый берег, топил в море своих друзей. ...

(41) Подумайте, господа судьи, за что можно пощадить таких людей. Не за то ли, что хотя и случилось с ними несчастье по отношению к отечеству, но в общем они – граждане благонамеренные и вели жизнь нравственную? Но разве большая часть их не отдавала своего тела на позорный разврат, разве некоторые из них не были в преступной связи с сестрами, у других разве не было детей от дочерей, (42) иные не совершали ли кощунственно мистерии, разбивали гермы, выказывали нечестие по отношению ко всем богам, были виновны пред всем государством, нарушали справедливость и закон, как в своих гражданских отношениях ко всем прочим, так и во взаимных отношениях друг к другу, не воздерживались ни от какого дерзкого поступка, не оставляли не испробованным ни одного зазорного дела. Нет, и над ними все было проделано, и они проделали все, что над ними было проделано. Их нравственный облик таков, что хорошего они стыдятся, а дурным гордятся» (Лисий. Речь XIV. Против Алкивиада Младшего по поводу его дезертирства, 395 г. [Лисий 1994, с.174-177])

(№ 882). «Архипп, здесь присутствующий, афиняне, разделся и вошел в ту же самую палестру, в которую и подсудимый Тисид. Между ними случилась ссора, и они дошли до

насмешек друг над другом, пререканий, вражды и брани. Пифей влюблен в мальчика [Тисида] (надо уже сказать вам всю правду); его оставил отец ему опекуном. Когда Тисид рассказал Пифею о перебранке в палестре, он, желая ему сделать приятное и иметь репутацию хитрого и коварного человека, велел ему, как мы поняли на основании последовавших действий и узнали от хорошо осведомленных лиц, пока помириться с ним и искать случая, как бы где захватить его одного» (Лисий XLI. Речь против Тисида [Лисий 1994, с.301])

(№ 883). «Вы слышите, господа, закон повелевает, чтобы тот, кто опозорит свободного или раба, употребив насилие, повинен был возместить убыток в двойном размере, и, значит, если опозорит женщину из числа тех, при которых дозволяется убийство, он подлежит тому же самому наказанию» (Лисий I 32 [Лисий 1994, с.52])

(№ 884). «Но он признает, что я пришел к нему на пир, где были мальчики, флейтистки и вино» (Лисий IV 7 [Лисий 1994, с.78])

(№ 885). Цитата из законов Солона: «платить за повреждение слуги и рабыни» (Лисий X 19 [Лисий 1994, с.113])

(№ 886). «А при суждении о гражданах честолобивых и исполняющих свой долг надо принимать в соображение такие факты [о воинской доблести], а не относиться с ненавистью к человеку за то лишь, что он носит длинные волосы: такие особенности не вредят ни отдельным лицам, ни всему государству, а от людей, храбро идущих в бой с врагом, вы все получаете пользу» (Лисий. Речь XVI. В защиту Мантифея [Лисий 1994, с.185])

Андокид

(№ 887). «[Андокид – своему обвинителю Хариклу] ... Ты, кто не с одним находился в связи – это для тебя было бы слишком хорошо! – а продавался за небольшую сумму всякому желающему – каждый, кто присутствует здесь, знает об этом, - и жил за счёт этого позорнейшего ремесла, несмотря на столь отвратную внешность!» (Андокид I 100 [Андокид 1996, с.65])

Про Афины

(№ 888). «Прославленными игроками в мяч были ... некий Хэрефан [имя значит «радующей внешности» - прим.пер. [с.492]]. Последний принялся однажды ходить по пятам за распутным мальчишкой и, ни разу не заговорив, мешал тому вести свои делишки. В конце концов юнец взмолился: «Хэрефан! Я позволю тебе всё, чего только попросишь; только отвяжись». «Стану я с тобой разговаривать!» - ответил тот. «Зачем же ты преследуешь меня?». И Хэрефан:

«Внешность мне радует глаз, но натуру твою презираю»

(Афинея I 14e-f [Афинея 2003-, т.1, с.22])

Дионисий Старший

(№ 889). «(20. 57) Тридцать восемь лет [405-367] Дионисий был тираном Сиракуз, придя к власти в двадцать пять лет. ... (58) Хоть был он из хорошего знатного рода (об этом, впрочем, историки пишут по-разному), обладал в изобилии дружескими и родственными связями, а с некоторыми юношами находился, по греческому обычаю, в любовной связи, - но не доверял он из них никому, а доверял только рабам из богатых домов, им самим отпущенным на волю, а также некоторым пришельцам и диким варварам, которых только и допускал себя охранять. ... (60) Он любил играть в мяч и часто этим развлекался; однажды, раздевшись перед игрой, говорят, он отдал вместе с мечом одежду любимому мальчику; один из друзей в шутку сказал: «Вот кому все-таки доверишь ты свою жизнь!» И мальчик улыбнулся. Дионисий за это приказал казнить обоих – одного за то, что тот подал мысль об убийстве, другого за то, что он своей улыбкой ее одобрил. При этом он горевал, как никогда в жизни, - ведь он убил мальчика, которого очень любил» (Цицерон. Тускуланские беседы V 20 (57-60), пер. М.Л.Гаспарова [Цицерон 1975, с.340-341])

Дионисий Младший

(№ 890). «Время и постоянное общение приучило Дионисия терпеть беседы и речи Платона, как привыкает дикий зверь к прикосновению человеческой руки. Мало того, он проникся к своему учителю любовью тирана и, требуя, чтобы и Платон любил одного лишь его и восхищался им больше всех на свете, был готов отдать философу всю свою власть – лишь бы только дружбе Диона он предпочел его дружбу. Для Платона, однако, эта бешеная страсть была настоящим бедствием, ибо Дионисий, подобно всем, без ума влюбленным, мучился ревностью и то ссорился с Платоном, то мирился с ним и умолял о прощении, горел желанием слушать его и изучать философию – и не был глух к уговорам тех, кто старался отвратить его от этих занятий, твердя, что они действуют на него пагубно» (Плутарх. Дион 16, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.453])

Архелай

(№ 891). «Сократ – Алкивиаду. ... Полагаю, ты весьма наслышан о некоторых совсем недавних событиях, например о том, как Архелай, тиран македонян, был убит своим любимцем: этот последний оказался влюбленным в тираническую власть не меньше, чем сам тиран был влюблен в него, и он убил своего любовника, чтобы самому стать счастливым человеком – тираном. Но по прошествии трех или четырех дней, в течение которых он обладал властью, он сам был убит другим заговорщиком» (Платон (?). Алкивиад II 141d-e, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.1, с.129-130])

(№ 892). «Кратев, возлюбленный македонского тирана Архелая (Платон тоже называет Архелая тираном, а не царем), жаждавший власти не меньше, чем Архелай его, убил своего покровителя, чтобы самому стать тираном и достичь счастья. Однако его правление продлилось всего три или четыре дня; юноша тоже пал от руки заговорщиков. К этой македонской трагедии как нельзя более подходит следующий стих:

Зло замышляя другому, ты сам от него и страдаешь. [автор неизв. – комм.]

Рассказывают, что Архелай, пообещав отдать за Кратева одну из своих дочерей, не сдержал слова и выдал ее за другого. Юноша, разгневанный этим, лишил Архелая жизни» (Элиан. Пёстрые рассказы VIII 9 [Элиан 1963, с.64])

Спарта

(№ 893). «Увидев человека мягкого и кроткого, которого все хвалили за его характер, Педарет сказал: «Не следует хвалить ни мужей, похожих на женщин, ни женщин, принимающих обличье мужчин, если только необходимость не принудит женщину к этому» (Плутарх. Изречения спартанцев 60, 2, пер. М.Н.Ботвинника [Плутарх 1990, с.321])

(№ 894). [388 г.] Афиняне Ификрата нападают на абидосцев и небольшой отряд спартанцев во главе с Анаксибием. «Тогда он [Анаксибий] обратился к воинам со следующими словами: «Мне, о мужи, подобает погибнуть на этом месте; вам же советую искать спасения, не вступая в бой с врагом». С этими словами он взял щит у оруженосцев и, сражаясь, пал, не сходя со своего места. Кроме него, врага встретили лицом к лицу лишь юноша – его возлюбленный – и около двенадцати лаконских гармоств, прибывших из своих городов; все они пали, сражаясь» (Ксенофонт. Греческая история IV 8, 39 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.148])

(№ 895). [377 г.] «Алкет [начальник спартанского гарнизона в Орее (Евбея)] заключил пленных [фиванцев] в темницу в городской крепости, где находился и его штаб. С Алкетом был в близких отношениях сын одного из орейских граждан, пользовавшегося безупречнейшей репутацией; поэтому, разместив узников, он спустился из крепости в город и занялся ухаживанием за этим мальчиком. Узнав о его беззаботном легкомыслии, пленники овладели крепостью и склонили город к отложению» (Ксенофонт. Греческая история V 4, 57 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.185])

См. также: рассказ про Исада, сына Фебида (Плутарх. Агесилай 34 [Плутарх 1994, т.2, с.58] То же: Элиан. Пёстрые рассказы VI 3 [Элиан 1963, с.55]). Другая версия: Исид (Полиэн II 9 [Полиэн 2002, с.106])

Агесилай

(№ 896). «Когда он [Агесилай] находился в так называемых агелах вместе с другими мальчиками, его возлюбленным был Лисандр, пленившийся прежде всего его природной сдержанностью и скромностью, ибо, блистая среди юношей пылким усердием, желанием быть первым во всем, обладая крепостью тела и живостью нрава, которую ничем нельзя было сдержать, Агесилай отличался в то же время таким послушанием и кротостью, что все приказания выполнял не за страх, а за совесть: его более огорчали упреки, чем трудная

работа. Красота его в юные годы делала незаметным телесный порок – хромоту» (Плутарх. Агесилай 2, пер. К.П.Лампсакова [Плутарх 1994, т.2, с.36])

(№ 897). «Калликратида, Гилиппа и Лисандра звали в Лакедемоне мотаками: так назывались там рабы из богатых домов, которых вместе с сыновьями хозяев посылали в гимнасий, для совместных упражнений; Ликург не только допустил это, но даже даровал права гражданства тем, кто содействовал обучению мальчиков...» (Элиан. Пёстрые рассказы XII 43 [Элиан 1963, с.95])

(№ 898). «Царь Агид умер, оставив после себя Леотихида, считавшегося его сыном, и брата Агесилая. Лисандр, любивший Агесилая, убедил его завладеть царской властью по праву законнорожденного Гераклида» (Плутарх. Лисандр 22, пер. М.Е.Сергеенко [Плутарх 1994, т.1, с.498])

(№ 899). «...когда того требовало общее дело, он более считался с обстоятельствами. Так, например, он доказал это однажды, когда, снимаясь поспешно с лагеря, покинул своего возлюбленного, находившегося в болезненном состоянии. Тот звал его и молил остаться, но Агесилай повернулся и сказал: «Трудно быть и сострадательным и рассудительным одновременно». Об этом случае рассказывает философ Иероним» (Плутарх. Агесилай 13, пер. К.П.Лампсакова [Плутарх 1994, т.2, с.44]), то же: Плутарх. Изречения спартанцев 2, 17 [Плутарх 1990, с.289]; Плутарх. Изречения царей и полководцев 60, 4 [Плутарх 1990, с.365])

(№ 900). «...Спифрадат был по происхождению персом и прежде находился при дворе Фарнабаза... Впоследствии Спифрадат стал его врагом и ... сначала бежал в Кизик, а оттуда пришел к Агесилаю вместе с сыном Мегабатом, юным и прекрасным. Агесилай принял их к себе, главным образом, из-за юноши, так как он, по слухам, был страстно влюблен в Мегабата, а кроме того, [он дорожил] и самим Спифрадатом[, считая], что он будет хорошим советником в военных делах и вообще полезным человеком» (Аноним (Оксиринхский историк). Греческая история 16, 4 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.275])

(№ 901). «(11) ... Спифридат же, с тех пор как отделился от Фарнабаза и перешел к Агесилаю, постоянно сопровождал его во всех походах. У него был сын – прекрасный юноша по имени Мегабат, которого Агесилай горячо любил. ... [Агесилая] не менее мучила и любовь к Мегабату, хотя, когда юноша бывал с ним, он упорно, всеми силами старался побороть эту страсть. Однажды, когда Мегабат подошел к нему с приветствием и хотел обнять и поцеловать его, Агесилай уклонился от поцелуя. Юноша был сконфужен, перестал подходить к нему и приветствовал его лишь издали. Тогда Агесилай, жалея, что лишился его ласки, с притворным удивлением спросил, что случилось с Мегабатом, отчего тот перестал приветствовать его поцелуями. «Ты сам виноват, - ответили его друзья, - так как не принимаешь поцелуев красивого мальчика, но в страхе бежишь от них. Его же и сейчас можно убедить прийти к тебе с поцелуями, если ты только снова не проявишь робости». После некоторого молчания и раздумья Агесилай ответил: «Вам не нужно уговаривать его, так как я нахожу больше удовольствия в том, чтобы снова начать с самим собою эту борьбу за его поцелуи, чем в том, чтобы иметь все сокровища, которые я когда-либо видел». Так держал себя Агесилай, когда Мегабат был поблизости; когда же тот удалился, он почувствовал такую страсть к нему, что трудно сказать, удержался ли бы

он от поцелуев, если бы тот снова появился перед ним» (Плутарх. Агесилай 11, пер. К.П.Лампсакова [Плутарх 1994, т.2, с.42-43])

(№ 902). Другой вариант ответа Агесилая: «Не стоит убеждать его. Я считаю, что быть выше подобных вещей мне даже важнее, чем завоевать густонаселенный и хорошо укрепленный город. Ибо лучше сохранить собственную свободу, чем лишиться ее других» (Плутарх. Изречения спартанцев 2, 15, пер. М.Н.Ботвинника [Плутарх 1990, с.289])

(№ 903). «Перед отправлением Отий пришел прощаться с Агесилаем. Сказав Спифридату удалиться, Агесилай в присутствии коллегии тридцати обратился к Отию с такими словами: «Скажи мне, Отий, какого происхождения Спифридат?» Тот ответил, что он не уступает никому из персов. «А видел ли ты его сына и заметил ли, как он красив?» - «А как же иначе. Ведь я вчера вечером ужинал вместе с ним». - «А говорят, что его дочь еще красивее сына»... [далее описан брачный сговор] (Ксенофонт. Греческая история IV 1, 5-6 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.111])

(№ 904). «После этих слов собрание было распущено. Фарнабаз сел на коня и уехал, а сын его от Парапиты, еще блиставший красотой юности, остался и, подбежав к Агесилаю, сказал: «Я тебя нарекаю своим гостеприимцем». - «Я принимаю эту честь». - «Так помни же», - сказал тот и тотчас же подал ему своё копьё дивной красоты. Агесилай принял дар и дал ему взамен две роскошные бляхи, сняв их со сбруи коня своего архиграмматика Идея. Тогда юноша, вскочив на коня, пустился за отцом.

Впоследствии, когда, в отсутствие Фарнабаза, сына Парапиты лишил власти его брат и отправил в изгнание, Агесилай принял в нем живейшее участие. Так, узнав, что он влюблен в сына афинянина Евалка, он ради гостеприимца приложил все старания, чтобы тот был допущен к участию в олимпийском беге; этот Евалк был крупнее всех прочих детей» (Ксенофонт. Греческая история IV 1, 39-40 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.116])

(№ 905). «(13) Фарнабаз со своими людьми удалился, а сын его, задержавшись, подбежал к Агесилаю и сказал ему, улыбаясь: «Агесилай, я делаю тебя моим гостеприимцем». И с этими словами он отдал ему дротик, который держал в руке. Агесилай охотно принял подарок и, очарованный красотой и дружелюбием юноши, оглядел присутствующих, чтобы найти у них что-нибудь достойное для ответного дара прекрасному и благородному персу. Заметив лошадь писца Идея с дорогими бляхами на сбруе, он тотчас снял это украшение и подарил юноше.

И в дальнейшем он постоянно о нем вспоминал, и когда впоследствии тот был изгнан из отеческого дома своими братьями и искал убежища в Пелопоннесе, Агесилай проявил к нему величайшее внимание и помогал ему даже в его любовных делах. Тот влюбился в афинского мальчика-борца, а так как тот был для ребенка слишком высок и крепок, его могли не допустить к участию в Олимпийских состязаниях. Перс обратился с просьбами за него к Агесилаю, который, желая угодить своему гостеприимцу, горячо взялся за дело и довел его до конца, хотя и с большим трудом» (Плутарх. Агесилай 13, пер. К.П.Лампсакова [Плутарх 1994, т.2, с.43])

(№ 906). «Оба царя, когда находились в городе, ходили к одной и той же фидитии и питались за одним столом. Зная, что Агесиполид, так же как и сам он, очень расположен к

любовным делам, Агесилай всегда заводил с ним разговор о прекрасных мальчиках. Он склонял юношу к любовным утехам и сам помогал ему в его увлечениях. Дело в том, что в лаконских любовных связях нет ничего грязного, наоборот, они сочетаются с большой стыдливостью, честолубием и стремлением к добродетели, как сказано в жизнеописании Ликурга» (Плутарх. Агесилай 20, пер. К.П.Лампсакова [Плутарх 1994, т.2, с.48])

(№ 907). «...Агесиполид был постоянным собеседником Агесилая в воспоминаниях о молодости, разговорах об охоте, верховой езде и любовных увлечениях, причем в этих беседах он чтит Агесилая, как старшего» (Ксенофонт. Греческая история V 3, 20 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.171-172])

Набег Сфодрия (Ксенофонт. Греческая история V 4, 20-21 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.178])

(№ 908). «[Спартанский гармост Сфодрий был привлечен к суду за неудачную попытку захвата Пирея] (25) У Сфодрия был сын Клеоним, еще совсем юный и красивой наружности, к которому пылал страстью сын царя Агесилая Архидам. Последний, разумеется, разделял беспокойство Клеонима по поводу опасности, угрожающей его отцу, однако не мог открыто ничего для него сделать и вообще как-либо ему помочь, ибо Сфодрий принадлежал к числу противников Агесилая. Тем не менее Клеоним пришел к Архидаму и со слезами умолял его, чтобы он умилиствовал Агесилая, которого друзья Сфодрия опасались больше всего. В течение трех или четырех дней Архидам повсюду ходил за Агесилаем, не решаясь, однако, из страха и стыда заговорить с ним о деле. Наконец, когда день суда был уже близок, он решился сказать Агесилаю, что Клеоним обратился к нему, прося за своего отца. Агесилай знал о страсти Архидама, но не препятствовал ей, так как Клеоним еще с детства больше, чем кто-либо другой, подавал надежды на то, что станет выдающимся человеком. Тем не менее, когда сын обратился к нему с этой просьбой, Агесилай никак его не обнадежил, ответив только, что он подумает, что можно сделать, не нарушая приличия и благопристойности. С этими словами он удалился. Архидам был так пристыжен, что прекратил свои свидания с Клеонимом, хотя до этого привык видеть его по нескольку раз в день. Друзья Сфодрия считали его дело окончательно проигранным, пока один из приятелей Агесилая, Этимокл, не открыл им истинное мнение Агесилая: по его словам, тот очень порицал поступок Сфодрия, но во всем прочем считал его доблестным мужем и полагал, что государство нуждается в подобных воинах. Из расположения к сыну Агесилай при всяком удобном случае высказывал это суждение о деле Сфодрия, так что и Клеоним вскоре узнал о хлопотах Архидама, и друзья Сфодрия с большей смелостью стали помогать обвиняемому. ...

(26) Сфодрий был оправдан, и афиняне, узнав об этом, решились на войну. Агесилая резко порицали, считая, что из-за нелепой ребяческой страсти своего сына он воспрепятствовал справедливому решению суда и таким образом сделал свое отечество повинным в величайшем беззаконии по отношению ко всем грекам» (Плутарх. Агесилай 25-26, пер. К.П.Лампсакова [Плутарх 1994, т.2, с.51-52])

То же излагается несколько более подробно и с речами в: Ксенофонт. Греческая история V 4, 25-33 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.178-180]

(№ 909). «...пятого гекатомбеона [371 г.] спартанцы были побеждены в битве при Левктрах. В этой битве погибла тысяча лакедемонян, царь Клеомброт и окружавшие его храбрейшие спартанцы. Среди них, как говорят, был и красавец Клеоним, сын Сфодрия, который три раза падал под ударами врагов около царя и столько же раз поднимался, пока

не был убит, сражаясь с фиванцами» (Плутарх. Агесилай 28, пер. К.П.Лампсакова [Плутарх 1994, т.2, с.54])

Также см. о битве при Левктрах: Ксенофонт. Греческая история VI 4, 9-14 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.206-207]

Фивы

(№ 910). «(18) Священный отряд, как рассказывают, впервые был создан Горгидом; в него входили триста отборных мужей, получавших от города всё необходимое для их обучения и содержания и стоявших лагерем в Кадмее; по этой причине они носили имя «городского отряда», так как в ту пору крепость обычно называли «городом». Некоторые утверждают, что отряд был составлен из любовников и возлюбленных. Сохранилось шутивное изречение Паммена, который говорил, что гомеровский Нестор оказал себя неискусным полководцем, требуя, чтобы греки соединялись для боя по коленам и племенам:

Пусть помогает колену колено и племени племя, - [Илиада II 363]

вместо того, чтобы поставить любовника вместе с возлюбленным. Ведь родичи и единоплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга. И это не удивительно, если вспомнить, что такие люди даже перед отсутствующим любимым страшатся опозориться в большей мере, нежели перед чужим человеком, находящимся рядом, - как, например, тот раненый воин, который, видя, что враг готов его добить, молил: «Рази в грудь, чтобы моему возлюбленному не пришлось краснеть, видя меня убитым ударом в спину». Говорят, что Иолай, возлюбленный Геракла, помогал ему в трудах и битвах. Аристотель сообщает, что даже в его время влюбленные перед могилой Иолая приносили друг другу клятву в верности. Вполне возможно, что отряд получил наименование «священного» по той же причине, по какой Платон зовёт любовника «боговдохновенным другом».

Существует рассказ, что вплоть до битвы при Херонее он оставался непобедимым; ...

(19) Впрочем, поэты неправы, утверждая, будто начало этим любовным связям среди фиванцев положила страсть Лая; на самом деле волею законодателей, желавших с детства ослабить и смягчить их природную горячность и необузданность, все игры и занятия мальчиков постоянно сопровождалось звуками флейты, которой было отведено почетное первое место, а в палестрах воспитывалось ясное и светлое чувство любви, умиротворявшее нравы молодёжи и вносившее в них умеренность. И совершенно правильно фиванцы считают жительницей своего города богиню [Гармонию], родившуюся, как говорят, от Ареса и Афродиты, ибо где боевой и воинственный дух теснее всего связан с искусством убеждения, прелестью и красотой, там, благодаря гармонии, из всех многообразных частей возникает самое стройное и самое благовидное государство.

Бойцов священного отряда Горгид распределял по всему строю гоплитов, ставя их в первых рядах... Лишь Пелопид, после того как они столь блистательно отличились при Тегирах [375 г.], сражаясь у него на глазах, больше не разделял и не расчленял их, но

использовал как единое целое, посылая вперед в самые опасные и решительные минуты боя» (Плутарх. Пелопид 18-19, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.328-329])

Изречение Паммена см. также Плутарх. Застольные беседы I 2, 6 [Плутарх 1990, с.13]

Также см. про Горгида (Полиэн II 5 [Полиэн 2002, с.105])

См. Ксенофонт. Пир VIII 23, 35, Лаконская политика II 13. Греч.ист. IV 8, 39.

Феокрит 12. Плутарх. Об Эроде 17. Лаконская политика 7. Пир 618.

См. Плутарх. Пелопид 4 [Плутарх 1994, т.1, с.320]

Во время битвы при Делии [424 г.] воины этого отряда носили названия «возничих» (эниохи) и «колесничих» (парабаты) (Диодор XII 70, 1, цит. по: [Комм. // Полиэн 2002, с.363-364])

Вариации

«Самый выдающийся лирик греков, Пиндар, - фиванец. Точно так же и возникший у фиванцев союз дружбы юношей, связывавший их теснейшими узами на жизнь и смерть, служит доказательством господствующего у этого народа стремления к самоуглублению в сокровенную сферу чувствований».

(Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук § 394 [Гегель 1974-77, т.3, с.68])

Эпаминонд

(№ 911). «Бескорыстие его подверг испытанию Диомедонт из Кизика. Этот человек по просьбе царя Артаксеркса пытался подкупить Эпаминонда деньгами. Явившись в Фивы с огромной суммой золота, он за 5 талантов склонил на свою сторону Микита – юношу, которого Эпаминонд в то время горячо любил. Микит встретился с Эпаминондом и открыл ему цель диомедонтова приезда. А тот в глаза Диомедонту ответил: "Не нужно мне никаких денег; если царь замыслил доброе для фиванцев дело, я готов содействовать ему даром, а если злое – то не хватит у него ни золота, ни серебра: любовь к родине дороже мне всех сокровищ вселенной. Ты соблазнял меня, не будучи со мною знакомым, судя обо мне на свой лад – это не удивительно, за это я тебя прощаю; но немедленно удались отсюда прочь – а то, споткнувшись на мне, как бы не совратил ты других. Ты же, Микит, верни этому человеку деньги, а если ты этого не сделаешь сей же час, то я выдам тебя властям". Когда же Диомедонт стал просить у него безопасного выхода и разрешения забрать свое привезенное добро, тот сказал: "Об этом я позабочусь, не твое это дело, а мое: ведь если у тебя отнимут деньги, то кто-нибудь скажет, что с помощью разбоя я получил то, что не пожелал принять в качестве подношения". А затем, осведомившись, куда он желает быть доставленным, и услышав в ответ, что в Афины, он дал ему охрану для безопасного препровождения на место. И, не успокоившись на этом позаботился с помощью афинянина Хабрия, о котором мы упоминали выше, чтобы гость невредимым

сел на корабль. Случай этот надежно удостоверяет бескорыстие Эпаминонда. (Непот. Эпаминонд 4 [Непот 1992, с.60])

Дружба Пелопида и Эпаминонда. (Плутарх. Пелопид 4)

(№ 912). «...возлюбленными последнего [Эпаминонда] были Асопих и Кафисодор, который вместе с ним пал в битве при Мантинее и был рядом с ним погребен. Асопих же остался наиболее опасным и грозным для врагов, и первый, кто решился поразить его, Евкнам из Амфиссы, удостоился почестей героя в Фокиде» (Плутарх. Об Эроте 17, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.566])

Фессалия

Александр Ферский

(№ 913). «...он [Александр, тиран Фессалии] также погиб насильственной смертью от козней своей жены, причем исполнителями убийства были ее братья. ...

Некоторые утверждают, что причиной ее вражды к мужу было то, что Александр заключил в темницу своего любовника, красивого мальчика, а когда она попросила выпустить юношу, Александр вывел его из темницы и предал казни...» (Ксенофонт. Греческая история VI 4, 35-37 [Ксенофонт, ГИ 1993, с.212])

(№ 914). «[Беседа Фивы, жены Александра Ферского, с Пелопидом] Фиву удручала жестокость и распущенность тиранна, который, не говоря уже о всех прочих его бесчинствах, сделал своим возлюбленным ее младшего брата» (Плутарх. Пелопид 28, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.334])

Фива и ее три брата убивают тиранна Александра. (Плутарх. Пелопид 35 [Плутарх 1994, т.1, с.339-340])

(№ 915). «[Про Александра Ферского и его жену Фиву] ...именно она и убила его, заподозрив его в том, что у него есть наложница». (Цицерон. Об обязанностях II 7 (25) [Цицерон 1974, с.106])

2.4. Поздняя классика (362-323)

Аристотель

(№ 916). «Красоту он [Аристотель] называл лучшим из верительных писем. Впрочем, другие утверждают, что это сказал Диоген,

Аристотель же о красоте сказал: «Это дар божий»;

Сократ: «Недолговечное царство»;

Платон: «Природное преимущество»;

Феофраст: «Молчаливый обман»;

Феокрит: «Пагуба под слоновой костью»;

Карнеад: «Владычество без охраны» (Диоген Лаэртский V 18-19 [Диоген 1979, с.211])

(№ 917). «На вопрос, почему нам приятно водиться с красивыми людьми, он сказал: «Кто спрашивает такое, тот слеп» (Диоген Лаэртский V 20 [Диоген 1979, с.211])

(№ 918). «Он написал очень много книг: ... «О любви», «Пир», ... «О прекрасном» ... «Положения о любви» - 4 книги, «Положения о дружбе» - 2 книги» (Диоген Лаэртский V 22-24 [Диоген 1979, с.212])

(№ 919). «Любовь служит не только совокуплению, но и философии; мудрец будет и предаваться любви, и заниматься государственными делами, и вступать в брак, и жить с царями» (Диоген Лаэртский V 31 [Диоген 1979, с.214])

(№ 920). «Тем не менее отсюда он [Аристотель из Афин] уехал к евнуху Гермия, тиранну Атарнея; говорят даже, что тот был его любовником, а другие говорят, будто Гермий породнился с ним, выдав за него дочь или племянницу. Так пишет Деметрий Магнесийский в книге «Об одноименных писателях и поэтах» (Диоген Лаэртский V 3 [Диоген 1979, с.206])

Гимн Аристотеля в честь Гермия см. Диоген Лаэртский V 6-8 [Диоген 1979, с.207]

Ранние сочинения

(№ 921). «Действительно, по общему признанию, тщательное изучение истины является новейшим из занятий. Ведь после гибели и потопа люди были вынуждены сперва исследовать то, что касается пищи и существования, а став более состоятельными, они для наслаждения создали себе искусства, такие как мусическое и ему подобное, а получив необходимое в достаточном количестве, они наконец принялись за философию» (Аристотель. Протрептик, фр.8 = Ямвлих. О науке общей математики 26, пер. Е.В.Алымовой [Аристотель 2004, с.36])

(№ 922). «Что если бы люди, как говорит Аристотель, имели зрение Линкея, чтобы их взгляд проникал сквозь встречающиеся им вещи, неужели бы, после того как они рассмотрели внутренности, внешне прекрасное тело Алкивиада не показалось бы им безобразным?» (Аристотель. Протрептик, фр.10а, пер. Е.В.Алымовой (см. Бозций. Утешение философией 3.8) [Аристотель 2004, с.39])

Сочинения по первой философии и логике

(№ 923). «А высшие предметы желания и мысли тождественны друг другу, ибо предмет желания – это то, что кажется прекрасным, а высший предмет воли – то, что на деле прекрасно. ... А что целевая причина находится среди неподвижного – это видно из различения: цель бывает для кого-то и состоит в чем-то, и в последнем случае она имеется [среди неподвижного], а в первом нет. Так вот, движет она, как предмет любви

[любящего], а приведенное ею в движение движет остальное». (Аристотель. Метафизика XII 7 (1072a27-28, b1-4), пер. А.В.Кубицкого под ред. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.1, с.309])

(№ 924). «А важнейшие виды прекрасного – это слаженность, соразмерность и определенность, математика больше всего и выявляет именно их. И так как именно они (я имею в виду, например, слаженность и определенность) оказываются причиной многого, то ясно, что математика может некоторым образом говорить и о такого рода причине – о причине в смысле прекрасного» (Аристотель. Метафизика XIII 3 (1078a36-b6), пер. А.В.Кубицкого под ред. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.1, с.327])

(№ 925). «Если же из двух противоположностей [А и Б] А предпочтительнее Б и точно так же Д предпочтительнее В и если А и В предпочтительнее Б и Д, то ... [с.247] ... Следовательно, А предпочтительнее Д, и В поэтому менее избегаемо, чем Б. Если поэтому для каждого любящего проявлять благосклонность (А), хотя и не пользоваться благосклонностью (В), в любви предпочтительнее, чем пользоваться благосклонностью (Д), но не проявлять благосклонность (Б), то ясно, что А предпочтительнее, чем пользоваться благосклонностью. Таким образом, дружба в любви предпочтительнее чувственного влечения. Любовь, таким образом, исходит скорее от дружбы, чем от чувственного влечения. Но если больше всего от дружбы, то дружба и есть цель любви. Следовательно, чувственное влечение или вообще не есть цель, или оно есть ради дружбы». (Аристотель. Первая аналитика II 22 (68a25-27, a37-b7), пер. Б.А.Фохта [Аристотель 1975-83, т.2, с.246-247])

Этические сочинения

(№ 926). «...есть еще пять видов смелости ... смелость по безрассудной страсти, например, из-за любви или в ярости. Дело в том, что влюбленный скорее отважен, чем труслив, и сносит многие опасности, как, например, тот, кто убил тирана в Метапонтии, и тот, о ком повествуют критские сказания» (Аристотель. Евдемова этика III 1 (1229a 12, 21-24), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.79-81])

(№ 927). «Ведь никто не целомудрен в удовольствии от созерцания красивого (если сюда не примешивается вожделение или любовная страсть) ...

Ведь ежели кто-то, созерцая прекрасную статую или прекрасного коня, или человека, либо слушая поющего, проникнется желанием не есть, пить, тешиться любовью, а лишь созерцать прекрасное или слушать поющих, он никогда не прослывет необузданным...» (Аристотель. Евдемова этика III 2 (1230b 27-36), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.87])

(№ 928). «Например, если кто-нибудь, будучи богат, на пир в честь любимца [агапета] считает приличным для себя потратить столько, сколько нужно, чтобы накормить и напоить людей самой благовоспитанной умеренности, тот просто крохобор; тот же, кто принимает тех же людей и с тем же угощением, но не из тщеславия и не от избытка средств, тот подобен пустозвону; кто же тратится сообразно достоинству и рассудку, тот щедр. ... Благоприличное следует определять ... принимая во внимание, что делается (например, свадебный пир устраивается или пирушка любовников [эроменов]), на какие

средства и для кого...» (Аристотель. Евдемова этика III 6 (1233b 1-10), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.101])

(№ 929). «...сторонники равенства высказывают недовольство, когда люди, взаимно друг для друга полезные, не в равной мере отвечают благодеяниями на благодеяние, перенося это требование на дружбу ради удовольствия. Яснее всего это видно в отношениях любовников: частенько именно из-за этого они ссорятся друг с другом. Ибо любящий не понимает, что у любовников в их расположении друг к другу совсем разный счёт. Вот почему сказал Евник:

...то речь возлюбленного, не влюбленного.

Те же считают, что мера здесь должна быть одна и та же» (Аристотель. Евдемова этика VII 3 (1238b 34-39), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.253])

(№ 930). «Дело в том, что трудно мерить одной какой-то мерой то, что есть на самом деле, и то, за что это выдается, как, например, бывает в эротической дружбе. Ведь один преследует другого ради удовольствия совместной жизни, тогда как другой зачастую ищет в этой дружбе пользы; а кончилась любовь, переменялся один, с ним и другой меняется, вот и начинают считаться, кто кому что и за что...» (Аристотель. Евдемова этика VII 10 (1243b 16-21), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.279])

(№ 931). «Например, если кто-то дает хлеб и все необходимое, вовсе не обязательно и жить с ним вместе; впрочем, с кем жить вместе, не обязательно давать ему то, что дает друг полезный, а не то, что дает друг добродетельный. Однако кто так поступает и своему любимцу [эромену] делает решительно всё, что и не полагается, те люди ничего не стоят» (Аристотель. Евдемова этика VII 11 (1244a 16-19), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.281])

(№ 932). «...друзьям следует быть вместе ...

Оттого-то и любовь кажется похожей на дружбу; ведь и влюбленный старается не отходить от любимого, да только не потому, что это действительно нужно, но повинувшись чувству» (Аристотель. Евдемова этика VII 12 (1245a 23-27), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.287])

(№ 933). «Как считается, любящему свойственно оберегать любимца от сопричастности своим бедам, тогда как любимцу, напротив, требовать участия, и, по всей вероятности, и то, и другое может совпадать» (Аристотель. Евдемова этика VII 12 (1245b 34-37), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.291])

(№ 934). «Вот почему иногда любовники уходят из жизни вместе, убивая друг друга. Дело в том, что у них сильнее ощущение собственной беды; как, например, тот, кто некогда благоденствовал и помнит об этом, тяжелее переносит несчастье, нежели тот, кто полагал, что всегда будет бедствовать» (Аристотель. Евдемова этика VII 12 (1246a 23-26), пер. Т.В.Васильевой [Аристотель 2005, с.291-293])

Любовные утехы (афродисиа) – см. Никомахова этика 1118a31 [Аристотель 1975-83, т.4, с.116-117], 1147a15 [Там же, с.196], b27 [Там же, с.198], 1148b29, 1152b17 [Там же, с.212], 1154a18 [Там же, с.216-217]

(№ 935). «(Кн. VII, гл.5 (6)) Если некоторые вещи доставляют удовольствие по природе в разных смыслах: одни – в безусловном, другие – в зависимости от рода животных и людей, а [некоторые доставляют его не по природе], но одно – в силу уродств, другое – в силу привычек, третье – по испорченности естества[, или природы], то и для каждого из названных случаев тоже можно обнаружить наиболее близкие им склады [души]. Последние же я называю звероподобными складами... [склонность к людоедству и др., также о Фалариде]

... другие возникают вследствие болезней (причем у некоторых от помешательства... [опять примеры людоедства, но однократного]),

и, наконец, бывают [состояния] как бы болезненные или от [дурных] привычек, как, например, привычка выдергивать волосы и грызть ногти, а также уголь и землю, добавим к этому любовные наслаждения с мужчинами. Ведь у одних это бывает от природы, у других – от привычки, как, например, у тех, кто с детства терпел насилие. Тех, у кого причиной [известного склада] является природа, никто, пожалуй, не назовет невоздержным, как, например, женщин за то, что в половом соединении не они обладают, а ими, [как и невоздержным владеет влечение]; соответственно обстоит дело и с теми, кто находится в болезненном состоянии из-за привычки. ...

Ведь всякая чрезмерность ... либо звероподобная, либо болезненная. ...

Можно обладать одним и этих [складов] только временно, но не быть им одержимым [всегда]; я имею в виду возможность того, что некий Фаларид сдержится, испытывая влечение пожрать ребенка или насладиться нелепой любовью» (Аристотель. Никомахова этика VII 5 (6) (1148b 15-35, 1149a 12-15), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.200-202]) Ср. также 1202a20 [Там же, т.4, с.346].

(№ 936). «А между юношами дружба, как принято считать, существует ради удовольствия, ибо юноши живут, повинаясь страсти [ката патос], и прежде всего ищут удовольствий для себя и в настоящий миг. С изменением возраста и удовольствия делаются иными. Вот почему юноши вдруг и становятся друзьями, и перестают ими быть, ведь дружбы изменяются вместе с тем, что доставляет удовольствие, а у такого удовольствия перемена не заставит себя ждать. Кроме того, юноши влюбчивы [эротикой], а ведь любовная дружба в основном подвластна страсти и [движима] удовольствием. Недаром [юноши легко начинают] питать дружбу и скоро прекращают, переменяясь часто за один день. Но они желают проводить дни вместе и жить сообща, ибо так они получают то, что для них и соответствует дружбе» (Аристотель. Никомахова этика VIII 3 (3) (1156a31 – b7), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.223])

(№ 937). «И даже между такими [друзьями ради пользы или удовольствия] дружеские привязанности особенно постоянны, когда они получают друг от друга одинаковое, например удовольствие, и не просто [удовольствие], а еще и от того же самого так, как бывает у остроумных, а не как у влюбленного и возлюбленного. Действительно, эти последние получают удовольствие не от одного и того же, но один, видя другого, а другой от ухаживаний влюбленного. Когда же подходит к концу пора [юности], иногда к концу подходит и [такая] дружба, ведь первый не получает удовольствия от созерцания второго, а второй не получает ухаживаний от первого. Многие, однако, постоянны в дружбе, если

благодаря близкому знакомству, как люди сходных нравов, они полюбили нравы [друг друга]» (Аристотель. Никомахова этика VIII 5 (4) (1157a2-12), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.224-225])

(№ 938). «Быть другом для многих при совершенной дружбе невозможно, так же как быть влюбленным во многих одновременно, ([влюбленность] похожа на чрезмерную [дружбу] и является чем-то таким, что по [своей] природе обращено на одного)» (Аристотель. Никомахова этика VIII 7 (6) (1158a12-14), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.227])

(№ 939). «И влюбленные недаром иногда кажутся смешными, требуя такой же дружбы, какую сами питают к другому. Конечно, если они равно способны вызывать дружескую приязнь, им, вероятно, следует этого требовать, но, если ничего подобного они не вызывают, это смехотворно» (Аристотель. Никомахова этика VIII 10 (8) (1159b16-19), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.232])

(№ 940). «Что же до любовной [дружбы], то влюбленный иногда жалуется, что при избытке дружбы с его стороны он не получает ответной дружбы, при этом он, может статься, не обладает ничем, что служит предметом дружеской приязни; возлюбленный же часто жалуется, что влюбленный прежде сулил всё, а теперь ничего не исполняет. Такое случается всякий раз, когда влюбленный дружит с возлюбленным из-за удовольствия, а возлюбленный с влюбленным – из-за пользы, но у обоих нет того, [чего они ждут друг от друга]» (Аристотель. Никомахова этика IX 1 (1) (1164a2-9), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.244])

(№ 941). «Таким образом, расположение напоминает начало дружбы, так же как удовольствие от лицемерия другого походит на начало влюбленности, потому что никто не влюбляется, не испытав прежде удовольствия от облика другого человека; но кто наслаждается видом человека, еще отнюдь не влюблен; [влюблен] он тогда, когда в отсутствие [другого] тоскует и жаждет [эпитимей] его присутствия. А значит, нельзя быть друзьями, не став расположенными друг к другу, но те, кто расположены, еще отнюдь не «дружат» (Аристотель. Никомахова этика IX 5 (5) (1167a3-8), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.252])

(№ 942). «...ведь при товарищеской дружбе не бывает большого числа друзей, да и в гимнах говорится о парах» (Аристотель. Никомахова этика IX 10 (10) (1171a15), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.263])

(№ 943). «Не правда ли, подобно тому как созерцание любимого – для влюбленных самая большая радость и они предпочитают это чувство всему остальному, потому что существование и возникновение влюбленности обусловлено в первую очередь этим [удовольствием от созерцания], так и друзья всему предпочитают жизнь сообща?» (Аристотель. Никомахова этика IX 12 (12) (1171b 29-33), пер. Н.В.Брагинской [Аристотель 1975-83, т.4, с.265])

(№ 944). «Там, где друзья неравны, те, у кого много богатства или еще чего-то в этом роде, думают, что сами они не должны любить, но что их должны любить люди более бедные. Однако самому любить лучше, чем быть любимым: любить – это некое действие, доставляющее наслаждение, и благо, а быть любимым не вызывает в предмете любви никакой деятельности. И еще: лучше познавать, чем быть познаваемым... И еще: быть благотворителем лучше, чем не быть им. Любящий благотворит постольку, поскольку он любит, а любимец в качестве любимца не благотворит. Тем не менее люди из честолюбия

предпочитают быть любимцами, а не сами любить, поскольку быть любимцем связано с каким-то превосходством: любимец всегда пользуется превосходством и в наслаждении, и в обилии средств, и в добродетели, а честолюбец стремится к такому превосходству. И пользующиеся превосходством не думают, что они обязаны любить, полагая, что вознаграждают любящих тем, в чем они их превосходят. И еще: если любящие ниже своим положением, любимые думают, что должны не сами любить, а принимать любовь. Тот же, кому недостает денег, удовольствий, добродетели, восхищается тем, у кого всё в изобилии, и любит его, полагая, что получает или получит от него это» (Аристотель. Большая этика II 10 (1210b 3-23), пер. Т.А.Миллер [Аристотель 1975-83, т.4, с.366-367])

Риторика

(№ 945). «И точно так же разумной любви противоположна ненависть, чувственной же любви ничего не противоположно. Ясно, таким образом, что «любовь» одноименна». (Аристотель. Тописка I 15 (106b2-3), пер. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.2, с.365-366])

(№ 946). «Например, если бы сказали, что из [наличия] гнева следует [наличие] ненависти, то ненависть должна была бы находиться в страстной части души, ибо в ней находится гнев. Таким образом, надо выяснить, не находится ли в страстной части души и то, что противоположно [ненависти]. Ибо если любовь находится не [в страстной], а в вожделеющей части души, то из [наличия] гнева не может следовать [наличие] ненависти». (Аристотель. Тописка II 7 (113a35-b3), пер. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.2, с.386])

(№ 947). «И точно так же лучше то, что содержится в лучшем, или в том, что первее, или в более достойном; например, здоровье лучше, чем сила и красота, ибо первое содержится во влажном и сухом, в теплом и холодном, словом, в первоосновах, из которых состоит живое существо, а вторые – в последующем, ибо сила – в жилах и костях, а красотой считается определенная соразмерность членов». (Аристотель. Тописка III 1 (116b17-21), пер. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.2, с.396])

(№ 948). «...страх и огорчение не роды, потому что они по природе своей не находятся там же, где находятся виды. Равным образом любовь, если она находится в вожделеющей части души, не есть никакая воля, ибо всякая воля находится в разумной части души». (Аристотель. Тописка IV 5 (126a10-13), пер. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.2, с.423])

(№ 949). «Ведь или и то и другое должно допускать большую степень, или ни одно из них не допускает, если только данное в определении и предмет действительно одно и то же; кроме того – если и то и другое допускает большую степень, но возрастает не одновременно, например если любовь определяют как желание совокупляться: ведь тот, кто больше любит, не стремится к большему совокуплению, так что и то и другое допускает большую степень, но не одновременно, что, конечно, должно было бы быть, если бы они были одним и тем же». (Аристотель. Тописка VI 7 (146a5-12), пер. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.2, с.479])

(№ 950). «Далее, следует исходить из большего – не обстоит ли дело так, что одно допускает большую степень, а другое нет или оба, правда, допускают, но не в одно и то же время, как, например, кто больше любит, не желает большего совокупления, а потому любовь и желание совокупления не одно и то же». (Аристотель. Тописка VII 1 (152b6-9), пер. М.И.Иткина [Аристотель 1975-83, т.2, с.497])

(№ 951). «Точно так же и влюбленные испытывают наслаждение, беседуя устно или письменно с предметом своей любви, или каким бы то ни было другим образом занимаясь им, потому что, живя воспоминанием во всех подобных состояниях, они как бы на самом деле ощущают присутствие любимого человека. И для всех людей любовь начинается тем, что они не только получают удовольствие от присутствия любимого человека, но и в его отсутствие испытывают наслаждение, вспоминая его, и у них является досада на его отсутствие. И в горестях и в слезах есть также известного рода наслаждение: горечь является вследствие отсутствия любимого человека, но в припоминании и некоторого рода лицемерия его – что он делал и каков он был – заключается наслаждение, поэтому справедливо говорит поэт:

Так он сказал, у всех появилось желание плакать [Ил. XXIII 108]» (Аристотель. Риторика I 11 (1370b 19-29), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.53])

(№ 952). «Кого люди любят и кого ненавидят и почему, об этом мы скажем, определив понятие дружбы [филия] и любви [филейн]. Пусть любить значит желать кому-нибудь того, что считаешь благом, ради него, а не ради самого себя, и стараться по мере сил доставлять ему эти блага. Друг – тот, кто любит и взаимно любим. Люди, которым кажется, что они так относятся друг к другу, считают себя друзьями. Раз эти положения установлены, другом необходимо будет тот, кто вместе с нами радуется нашим радостям и горюет о наших горестях, не ради чего-нибудь другого, а ради нас самих» (Аристотель. Риторика II 4 (1380b34-1381aб), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.78-79])

(№ 953). «Во-вторых, стыд вызывается и тем, что люди претерпевают со стороны других, именно когда они переносят, перенесли или должны перенести что-либо такое, что ведет к бесчестию и позору; когда, например, оказывают услуги своим телом или являются объектом позорящих деяний, которыми наносится оскорбление. Если эти поступки проистекают от распущенности, [они постыдны], произвольны они или непроизвольны; если они являются следствием насилия, [то они постыдны], если непроизвольны, потому что терпеть и не защищаться значит выказать отсутствие мужества и трусость» (Аристотель. Риторика II 6 (1384a17-22), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.85-86])

(№ 954). «Так как люди соперничают со своими противниками в бою, соперниками в любви и вообще с теми, кто домогается того же, [чего они], то необходимо они завидуют всего больше этим лицам, почему и говорится «и гончар [завидует] гончару». (Аристотель. Риторика II 10 (1388a13-16), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.94])

(№ 955). «Юноши по своему нраву склонны к желаниям, а также склонны исполнять то, чего пожелают, и из желаний плотских они всего более склонны следовать желанию любовных наслаждений и не воздержаны относительно его. По отношению к страстям они переменчивы и легко пресыщаются ими, они сильно желают и скоро перестают [желать]; их желания пылки, но не сильны, как жажда и голод у больных. Они страстны, вспыльчивы и склонны следовать гневу» (Аристотель. Риторика II 12 (1389a3-10), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.96])

(№ 956). «А со стороны нравственного смысла [представляется] лучшим изречение, что не следует, как принято говорить, любить, как бы намереваясь возненавидеть, но скорее [следует] ненавидеть, как бы намереваясь полюбить. При этом следует словами вполне ясно выражать свою мысль, если же она не [выражена ясно], следует присоединить

объяснения в виде эпилога, например, выразившись так: следует любить не так, как принято это говорить, но как бы намереваясь любить вечно, ибо [любить] иначе свойственно человеку коварному. Или можно выразиться так: не нравится мне это распространенное [изречение], ибо истинный друг должен любить так, как будто бы он намеревался любить вечно» (Аристотель. Риторика II 21 (1395a26-33), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.108])

(№ 957). «И как [рассуждает] Ификрат, что лучший из людей есть и благороднейший, ибо в Гармонии и Аристокитоне не было ничего благородного, прежде чем они совершили нечто благородное. [И в доказательство того], что сам он более сроден [Гармонию и Аристокитону], чем его противник, [прибавляется]: «Мои дела более сродны делам Гармония и Аристокитона, чем твои».

И как [говорится] в «Алексадре» [некая речь], все согласятся, что люди невоздержанные любят пользоваться телом не одного лица» (Аристотель. Риторика II 23 (1398a17-24), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.114])

(№ 958). «Еще один [топ получается] из признака, так как и здесь нет силлогизма, например, если кто-нибудь говорит, что влюбленные полезны для государства на том основании, что любовь Гармония и Аристокитона ниспровергла тирана Гиппарха» (Аристотель. Риторика II 24 (1401b9-12), пер. Н.Платоновой [Риторика 1978, с.121])

Политика

(№ 959). «[Разбор диалога Платона «Государство»] Нелепо также и то, что в задуманной общности сыновей исключается лишь плотское сожительство между любящими, самой же любви преград не ставится, равно как допускаются между отцом и сыном или между братьями такие отношения, которые являются наиболее неподобающими, хотя бы они основывались исключительно на любовном чувстве. Нелепо было бы исключать плотское общение по той только причине, что при нем наслаждение достигает наивысшей степени, и не придавать значения тому, что речь идет об отце и сыне или о братьях. ... (16) ... Мы же полагаем, что дружелюбные отношения – величайшее благо для государств..., да и Сократ всего более восхваляет единение государства, а это единение, как он сам, по-видимому, утверждает, является результатом дружелюбных отношений (об этом, как известно, говорит в своей речи о любви Аристофан...)» (Аристотель. Политика II 1, 15 (1262a33-b13), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.407-408])

(№ 960). «При таком государственном строе [лакедемонском] богатство должно иметь большое значение, в особенности если мужчинами управляют женщины, что и наблюдается большей частью среди живущих по-военному воинственных племен, исключая кельтов и, может быть, некоторых других, у которых явным преимуществом пользуется сожительство с мужчинами. Кажется, небезосновательно поступил первый мифолог, сочетав Ареса с Афродитой: все упомянутые выше племена испытывают, по-видимому, большое влечение к любовному общению либо с мужчинами, либо с женщинами» (Аристотель. Политика II 6, 6 (1269b23-30), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.429])

(№ 961). «Законодатель [критян] придумал много мер к тому, чтобы критяне для своей же пользы ели мало; также в целях отделения женщин от мужчин, чтобы не рожали много

детей, он ввел сожителство мужчин с мужчинами; дурное ли это дело или не дурное – обсудить это представится другой подходящий случай» (Аристотель. Политика II 7, 5 (1272a22-26), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.435])

Политика III 6, 5 (о красоте) [Там же, т.4, с.464]

(№ 962). «Так, покушение на Писистратидов произошло вследствие того, что сестра Гармония была оскорблена, а сам Гармодий обижен (Гармодий мстил за сестру, а Аристогитон – за Гармония).

Против Периандра, тирана в Амбракии, составлен был заговор из-за того, что он во время пирушки со своим любовником спросил его, забеременел ли он уже от него.

(10) Филипп Македонский был убит Павсанием за то, что не защитил его от надругательства со стороны Аттала и его окружения.

Аминта Малый [царь в 392-390] был убит Дердою за то, что хвастался своей любовной связью с ним, когда тот был молодым человеком. ...

(11) Часто покушения совершаются из-за того, что некоторые из монархов опозорили человека плотской связью. Таково покушение Кратея на Архелая. Кратей всегда тяготился этой связью, так что оказалось достаточно ничтожного предлога, а именно: тот обещал выдать за него одну из своих дочерей, но обещания своего не сдержал; ... однако главной причиной неприязненного отношения Кратея к Архелая все-таки послужило то, что он тяготился любовной связью с ним.

(12) К этому же заговору по той же причине примкнул и Гелленократ из Ларисы. Архелай пользовался его молодостью, но не сдержал своего обещания и не вернул его на родину; тогда тот решил, что Архелай состоял с ним в связи не по любовному увлечению, а просто проявляя свою наглость. ...

(13) ... Руководил покушением на Архелая Декамних; он первый настраивал против него заговорщиков; причиной его гнева было то, что Архелай выдал его для бичевания поэту Еврипиду; Еврипид же сердился на Декамниха за то, что тот сказал нечто вроде того, будто у Еврипида дурно пахнет изо рта» (Аристотель. Политика V 8, 9-13 (1311a37 – 1311b34), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.554-555])

(№ 963). «Не только сам тиранн, но и никто из его приближенных не должен позволять себе наглых поступков в отношении кого-либо из подданных, не посягать ни на юношей, ни на девушек. И близкие к нему женщины должны таким же образом вести себя по отношению к остальным женщинам, так как из-за женской наглости многие тираннии пришли к гибели» (Аристотель. Политика V 9, 13 (1314b23-27), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.563])

(№ 964). «[Тиранн должен] воздерживаться от всякого рода насильственных действий, в особенности избегать насилий физических и насилий по отношению к молодёжи. ... в своих отношениях к молодым людям [тирану следует] делать вид, будто он действует под влиянием любовных побуждений, а не средствами власти» (Аристотель. Политика V 9, 17 (1315a 14-23), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.564])

(№ 965). «[Описание идеального государства по Аристотелю] Что же касается посторонних связей мужа или жены, то такие связи нигде и никоим образом вообще не должны считаться благопристойными, пока люди являются и называются законными супругами. И если кто-нибудь будет изобличен в том, что он так поступает в течение периода деторождения, то он должен подвергнуться бесчестью в качестве кары, соответствующей его проступку» (Аристотель. Политика VII 14, 12 (1335b39-1336a2), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.624])

Политика VIII 5, 6 (о красоте) [т.4, с.637]

Аристотель о физике Эмпедокла

(№ 966). «Природные [процессы] происходят или безусловно, а не иногда так, иногда этак ... или, будучи непростыми, согласно определенному отношению. Поэтому лучше говорить, как Эмпедокл или кто другой, сказавший, что все попеременно покоится и движется, ибо в этом уже имеется какой-то порядок. Но и такое утверждение следует не только высказывать, но и указывать для него определенную причину; надо не просто полагать что-нибудь и устанавливать необоснованную аксиому, но давать обоснование – либо путем рассмотрения частных случаев, либо же путем доказательства, это же предположение не содержит причины; ее нет также в [самом существовании] Любви и Вражды, а в том, что одна соединяет, другая же разъединяет. Если же сюда присоединяется попеременность [действия той и другой], то следует указать, в соответствии с чем так происходит, например что существует нечто соединяющее людей, именно любовь, и что враги избегают друг друга; предполагается, что это происходит во всем мире, так как это очевидно в отдельных случаях». (Аристотель. Физика VIII 1 (252a17-31), пер. В.П.Карпова под ред. И.Д.Рожанского [Аристотель 1975-83, т.3, с.224-225])

(№ 967). «И намного труднее ему [Эмпедоклу] объяснить естественное возникновение. ... В чем причина этого? Это, конечно, не огонь или земля. Но и не Любовь, и не Вражда, потому что Любовь – причина только соединения, а Вражда – разъединения. Причина этого – сущность каждой [вещи], а не только смешение и разделение смешанного, как говорит Эмпедокл. ... Он же превозносит одно лишь смешение. Между тем не Вражда, а Любовь разъединяет элементы, которые по природе своей первичнее богов, да и сами они боги.

Также и о движении говорит он упрощенно. Ведь недостаточно сказать, что Любовь и Вражда приводят в движение, если не указать, что Любви [свойственно] двигать таким-то образом, а Вражде – таким-то. ...

Далее, так как очевидно, что тела движутся, с одной стороны, насильно и вопреки природе, а с другой – согласно природе (так, например, огонь движется вверх ненасильно, а вниз насильно), а то, что согласно природе, противоположно насильственному и насильственное движение бывает, то бывает также и естественное движение. Итак, Любовь производит этот последний вид движения или нет? Нет, ведь она движет землю вверх и насильственно. И скорее Вражда, чем Любовь, есть причина естественного движения. Поэтому, вообще говоря, скорее Любовь противна природе. И у [простых] тел вообще не будет движения, ни покоя, если их не приведет в движение Любовь и Вражда. Но это нелепо.

К тому же очевидно, что эти тела движутся, и, хотя их разъединила Вражда, эфир поднялся кверху не под действием Вражды, и Эмпедокл приписывает это случайности:

Двигался именно так он в то время, но часто иначе.

И когда он говорит, что огню естественно нестись вверх.

Длинными в землю корнями внедрившись, эфир проникает.

Вместе с тем он утверждает, что миропорядок теперь, при господстве Вражды, такой же, каким он был раньше, при [господстве] Любви. В таком случае, что же есть первое движущее и причина движения? Конечно, это не Любовь и не Вражда; ведь они причины [лишь] определенного движения. Если же существует [первое движущее], то оно начало [всякого движения]». (Аристотель. О возникновении и уничтожении II 6 (333b4-334a9), пер. Т.А.Миллер [Аристотель 1975-83, т.3, с.428-429])

Биологические сочинения

(№ 968). «[О куропатках] В то время как самка, убежав, насиживает яйца, самцы кричат и, сойдясь вместе, сражаются; таких самцов называют вдовыми. Победенный в битве следует за победителем и покрывается только им одним. Если же кто-нибудь будет побежден вторым или каким-нибудь иным, то покрывается им тайно. Происходит это не всегда, но в известное время года, так же и с перепелами.

(63) Иногда происходит это и с петухами: именно, в храмах, где они содержатся без самок, пожертвованного петуха все остальные по порядку покрывают. И ручные куропатки покрывают диких, бьют их и обижают» (Аристотель. История животных IX 8 (62-63) [Аристотель 1996, с.355])

(№ 969). «(243) Куры, которые победили своих самцов, поют, подражая петухам, пытаются покрывать кур, у них поднимаются гребень и хвост, так что не легко узнать, что это самки; у некоторых появляются даже небольшие шпоры. (244) ... Бывают также петухи женоподобные от рождения, так что допускают самцов, пытающихся покрывать их» (Аристотель. История животных IX 49 (243-244) [Аристотель 1996, с.392-393])

(№ 970). «...если нет самца, курица падает сама по себе, зачинает и родит ветреные яйца, как бы желая в то же время испустить, и испуская, наподобие того, как мужчина сходится с мужчиной» (Аристотель. История животных X 6 (24) [Аристотель 1996, с.409])

(№ 971). «[у голубей] самки вскакивают друг на друга, когда нет самца, целуясь как самцы, и, ничего не испуская друг в друга, несут яйца в большем числе, чем от семени. Из этих яиц никогда не выходит птенцов: все они оказываются жировыми» (Аристотель. История животных VI 2 (17) [Аристотель 1996, с.239])

(№ 972). «[Аристотель] добавляет, что самки [голубки] топчут друг друга, если почему-либо нет самца. Они не оплодотворяют друг друга и сносят яйца, из которых не вылупляются птенцы» (Элиан. Пёстрые рассказы I 15 [Элиан 1963, с.9-10])

См. (о куропатках) История животных [1996, с.246], [с.284]; VIII 1, 18 [с.304]; IX 239 (о дельфинах); IX 247 (о евнухах).

(№ 973). «Человек начинает иметь семя в дважды семь лет, а производить в трижды семь лет» (Аристотель. История животных V 14 (45) [Аристотель 1996, с.205])

(№ 974). «Мальчик и своим видом похож на женщину, и женщина есть как бы бесплодный мужчина». (Аристотель. О возникновении животных I 20 (728a) [Аристотель 1940, с.81])

(№ 975). «И поскольку первая движущая причина, содержащая разумное основание и форму, лучше и божественнее материи по своей природе, постольку лучше, если от низшего будет отделено высшее. Вследствие этого, где только можно и поскольку возможно, от женского начала отделяется мужское, ибо лучшее и божественное есть начало движения, являющееся в существах возникающих мужским; материя же – начало женское. Сходится же и смешивается для дела порождения с женским началом мужское, потому что это дело – общее обоим». (Аристотель. О возникновении животных II 1 (732a) [Аристотель 1940, с.90-91])

(№ 976). «Бывают ведь и женщины мужеподобные и женоподобные мужчины, и у одних – не появляются месячные, а у других – семя бывает тонким и холодным». (Аристотель. О возникновении животных II 7 (747a) [Аристотель 1940, с.124])

Спевсипп

(№ 977). «Говорят, одному человеку, влюбленному в кого-то богатого и безобразного, он сказал: «На что он тебе? Я тебе за десять талантов найду и похуже!» (Диоген Лаэртский IV 4 [Диоген 1979, с.183])

(№ 978). «Калокагатия – способность избирать наилучшее». (Спевсипп (?). Определения 412e, пер. С.Я.Шейнман-Топштейн [Платон 1990-94, т.4, с.617])

Евклид из Мегар

(№ 979). «Диалогов он написал шесть: ... «Алкивиад», «О любви» (Диоген Лаэртский II 108 [Диоген 1979, с.138])

Кратет Фиванский

(№ 980). «(85) От него сохранились такие шуточные стихи:

Некий есть город Сума посреди виноцветного моря,

Город прекрасный, прегрязный, цветущий, гроша не имущий.

Нет в тот город дороги тому, кто глуп, или жаден,

Или блудлив, похотлив и охоч до ляжек продажных...

(86) ... Известны и такие его стихи:

Чем излечиться от любви? Лишь голодом

И временем, а если нет – удавкой. ...

(89) ... Забавную шутку его приводит Фаворин (во II книге «Записок»): Кратет, заступаясь за кого-то перед начальником гимназия, ухватил его за ляжки, тот возмутился, а Кратет сказал: «Как? Разве это у тебя не все равно, что колени?» ...

(90) ... В Фивах его однажды выпорол начальник гимназия (а иные говорят, что это в Коринфе его выпорол Евтикрат), и, когда его уже тащили за ноги, он сказал как ни в чем не бывало:

Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага. [Илиада I 591]

(91) Впрочем, Диокл говорит, что за ноги тащил его Менедем Эретрийский: дело в том, что Менедем был хорош собою и слыл любовником Асклепиада Флиунтского, и вот однажды, ухватив Менедема за ляжку, Кратет провозгласил: «Вот где Асклепиад!» Менедем рассвирепел и поволок его прочь, а он на это произнес вышеприведенные слова» (Диоген Лаэртский VI 85-91 [Диоген 1979, с.262-264]) То же в пер. И.М.Нахова см. [Антология кинизма 1996, с.72-74]

Псевдо-Кратет. Письма 23 [Антология кинизма 1996, с.222]

Менедем Эретрийский

(№ 981). «Важности в нем [Менедеме] было столько, что, когда Антигон позвал к себе Еврилоха Кассандрийского с Клеиппидом, мальчиком из Кизика, Еврилох отказался от страха, что об этом узнает Менедем, ибо Менедем был резок и остер на язык.

Один юнец стал с ним вольничать; Менедем ничего не сказал, но взял прут и у всех на глазах начертил на песке изображение мальчика под мужчиной; юнец понял этот урок и скрылся.

Гиерокл, начальник Пирея, прогуливаясь с ним в храме Амфиарая, долго говорил ему о взятии Эретрии; Менедем ничего не ответил, а только спросил его: зачем было Антигону с ним спать?

Одному слишком наглому развратнику он сказал: «Ты забыл, что не только капуста вкусна, но и редька?»

А какому-то крикливому юноше заметил: «Примечай-ка лучше, что у тебя сзади?» (Диоген Лаэртский II 127-128 [Диоген 1979, с.144])

(№ 982). «Другом он был настоящим – это видно из того, как жил он душа в душу с Асклепиадом, которого любил не меньше, чем Пилад – своего друга. ... Впоследствии

мальчик, которого любил Асклепиад, пришел однажды на пирушку, и молодые люди его не хотели принимать, а Менедем велел впустить: Асклепиад, сказал он, даже из могилы открывает ему эти двери» (Диоген Лаэртский II 137-138 [Диоген 1979, с.147-148])

Исократ

(№ 983). «[Речь написана от имени тирана Никокла] Кроме того, я видел, что многие люди могут быть воздержными в различных отношениях, однако даже самые лучшие не могут противостоять влечению к мальчикам и женщинам. Поэтому я решил показать себя способным к воздержанию в такой области, где я мог, по-видимому, превзойти не только обычных людей, но и таких, которые гордятся своей добродетелью» (Начало 360-х гг. Исократ. Никокл (Речь III 39), пер. Э.Д.Фролова [Исократ 1965-69 (1965. № 3), с.233])

См. X 57-58. См. XV 245, 251.

XI 5 [Исократ 1965-69 (1967. № 1), с.228] (Алкивиад не был учеником Сократа)

(№ 984). «Народ понял это и не забыл и при перемене политического строя; но обращал свое внимание прежде всего на то, чтобы доверить правление людям, преданным демократии и обладающим теми же свойствами, что и прежние их правители, с тем, чтобы к полновластному правлению общественными делами не пробрались люди, которым никто не доверил бы никакого частного дела; (140) остерегались допускать к государственным делам людей, признанных всеми за бесчестных; не терпели даже голоса тех, кто постыдно торгует своим собственным телом и все же считает себя достойным подавать советы другим о том, как следует управлять государством, чтобы стать мудрее и добиться большего процветания...» (339 г. Исократ. Панафинейская речь (Речь XII 139-140), пер. И.А.Шишовой [Исократ 1965-69 (1967. № 4), с.212])

Речь XVI «Об упряжке» (в защиту Алкивиада Младшего) [Исократ 1965-69 (1968. № 4)].

Эсхин

I. Против Тимарха (345 г.)

(пер. Э.Д.Фролова [Эсхин 1962 (№ 3), с.217-252])

Содержание (№ 985).

«Афиняне, воевавшие с Филиппом из-за Олинфа, решили, наконец, заключить с Филиппом мир. Они постановили быть в союзе с ним и его потомками и отправили к нему десять послов с тем, чтобы они приняли от него клятвы. В числе этих послов были Демосфен и Эсхин. По возвращении посольства Эсхину предъявляется обвинение в недобросовестном выполнении посольских обязанностей. Обвинителями выступают оратор Демосфен и Тимарх, сын Аризела, из дема Сфетт, выдающийся государственный деятель, выступавший с речами перед народом и предложивший более сотни постановлений. Как раз недавно, будучи членом Совета, он предложил постановление, по которому всякий, кто вывозил оружие к Филиппу, подлежал наказанию смертью. Итак, когда жалоба была подана, Эсхин, прежде чем предстать перед судом, обвинил Тимарха в

том, что он вопреки законам выступает с речами перед народом: на самом деле ему нельзя выступать с речами перед народом, поскольку он предавался распутству. Некоторые утверждают, что Тимарх удавился, не дожидаясь решения суда, другие же – что он был осужден и лишен гражданских прав. Так именно говорит Демосфен в речи «О преступном посольстве». Дело получило такую скандальную известность, что впредь, после этого суда, мужчин, занимающихся проституцией, стали называть «Тимархами».

Выступление носит несколько театральный характер. В нем Эсхин выставляет себя человеком умеренным, чтобы привлечь к себе сочувствие слушателей; он поносит Тимарха и говорит о формах государственного устройства. Затем Эсхин переходит к главной части своего выступления, причем его рассуждения не относятся только к данному случаю, но вообще направлены против всех, кого судят за распутство. Суть этих рассуждений состоит в следующем: справедливым ли и точным ли образом установили древние те законы, которые касаются благопристойного поведения мальчиков, юношей и людей другого возраста? Правильно ли они поступили, запретив тем, кто предавался распутству, выступать с речами перед народом? И затем: поступает ли Тимарх вопреки законам, выступая с речами перед народом, несмотря на то, что он предавался распутству? С этим вопросом связан и другой: подлежит ли он обвинению в распутстве? Состоял ли он за плату в любовниках у Мисгола, искусного в такого рода делах? Состоял ли он в любовниках у Антикла? Был ли он во время своих посещений игорного дома взят на содержание Питталаком, общественным рабом города, и жил ли он у него в любовниках? Наконец, проводил ли он время в распутстве с Гегесандром, казначеем Тимомаха?»

Защитительная речь Демосфена не сохранилась, но о ней можно составить некоторое представление по репликам Эскина. См. также новейший подробный комментарий к речи: [Fisher 2001].

См. Геллий XVIII 3 (о речи Эскина против Тимарха)

Речь (№ 986).

... (3) Впрочем, что касается всего этого процесса, то ни город наш, ни законы, ни вы, ни я не виновны в том, что Тимарх оказался вовлеченным в него; нет, во всем виноват он сам. Ведь законы предупреждали его, чтобы он ввиду своего постыдного образа жизни не выступал с речами перед народом. ...

(9) Итак, рассмотрим прежде всего отношение законодателя к учителям, которым мы по необходимости доверяем наших детей. ... Тем не менее законодатель проявляет недоверие к ним и потому указывает в ясных и точных выражениях, во-первых, час, когда мальчику – сыну свободных родителей следует идти в школу, затем, с каким количеством товарищей приходиться туда и когда именно уходить. (10) Он запрещает открывать учителям школы, а преподавателям гимнастики – палестры ранее, чем взойдет солнце, и предписывает закрывать их до захода солнца, относясь, таким образом, с величайшим подозрением ко всему, что связано с уединением и темнотой. ...

(12) Закон: [текст подложен]

(13) ... Так вот, закон ясно говорит: если кого-нибудь отдаст за плату в любовники его отец, или брат, или дядя, или опекун, или вообще кто-нибудь из тех, кто имеет над ним власть, то против самого мальчика не разрешается вчинять иск, а против отдавшего и взявшего разрешается: против первого потому, что отдал, а против второго потому, что взял. ... Кроме того, он указывает, что мальчику, которого отдадут за плату в любовники, не обязательно по достижении совершеннолетия содержать своего отца или предоставлять ему жилище. Однако, когда отец умрет, сын должен похоронить его и совершить другие положенные обряды. ...

Закон о сводничестве, который назначает страшное наказание, если кто-нибудь станет совращать свободного мальчика или женщину. (15) А еще какой? Закон о насилии, который одним понятием охватывает все преступления такого рода. В нем ясно написано: если кто-нибудь станет чинить насилие над мальчиком, - а так именно и поступает тот, кто за плату берет его к себе в любовники, - или над мужчиной, или над женщиной, над кем-либо из свободных или из рабов и станет творить беззаконие над кем-либо из них, то он подлежит суду по обвинению в насилии. ...

(16) Закон: [текст подложен]

(19) ... Если кто-нибудь из афинян, заявляет он [законодатель], станет предаваться распутству, то не дозволено ему будет избираться в коллегию девяти архонтов ... и исполнять жреческие обязанности, поскольку его тело осквернено. Он не может, продолжает законодатель, ни быть общественным защитником, ни исполнять когда-либо какую-нибудь должность, ни в нашей стране, ни за ее пределами, ни ту, на которую назначают по жребию, ни ту, на которую избирают голосованием. (20) Он не может также ни исполнять обязанности глашатая, ни участвовать в посольствах, ни выступать в качестве обвинителя или платного доносчика против тех, кто участвовал в посольствах, ни высказывать когда-либо свое мнение ни в Совете, ни в народном собрании, даже если он очень искусен в красноречии. Если же кто-нибудь станет поступать вопреки этому, то он подлежит суду по обвинению в распутстве, причем законодатель установил в этом случае самые тяжкие наказания для виновных. ...

(21) Закон: [текст подложен]

(22) Этот закон установлен для юношей, которые с легкостью погрешают против собственного тела; те, которые я огласил вам немного ранее, касались мальчиков, а те, о которых я намерен говорить теперь, относятся ко всем остальным афинянам. ...

...

(29) ... Ну, а в-третьих, о ком говорит законодатель? О тех, кто, по его выражению, занимался проституцией или предавался распутству. Ибо тот, кто тело свое продал на поругание, тот, по мнению законодателя, легко продаст и общее благо государства. ...

...

(39) Обратите также внимание, афиняне, сколь сдержанно я намерен вести себя по отношению к этому Тимарху. Я опускаю все безобразия, которые он учинил над своим телом еще мальчиком: пусть все это будет лишено силы, как не имеют силы поступки, совершенные при Тридцати, или до Евклида, или если какой другой когда-либо устанавливался срок давности. Напротив, все, что он совершил уже сознательно, юношей,

когда он доподлинно был знаком с законами нашего города, - это я включу в свою обвинительную речь, к этому я прошу вас отнестись со всею серьезностью.

(40) По выходе из детского возраста этот человек начал с того, что обосновался в Пирее в лечебнице Евтидика под предлогом обучения этому ремеслу, а на самом деле, решив торговать собою, как это показали в дальнейшем его поступки. Впрочем, о всех купцах, или других чужеземцах, или о наших гражданах, кто в ту пору воспользовался услугами Тимарха, я охотно умолчу, чтобы не говорили, что я слишком уж копаюсь во всем. Я расскажу лишь о тех, в чьих домах он жил на позор себе и нашему городу, предаваясь за плату таким делам, которыми закон запрещает заниматься под страхом недопущения впоследствии к ораторской трибуне.

(41) Есть тут, граждане афиняне, некий Мисгол, сын Навкрата, из дема Коллит, человек в прочих отношениях вполне порядочный; так что никто не смог бы его ни в чем упрекнуть, однако весьма приверженный к подобного рода делам и потому привыкший держать всегда при себе разных кифаредов и кифаристов. Все это я говорю не ради грязных подробностей, но чтобы вы знали, что это за человек. Так вот, этот Мисгол, узнав, с какой целью Тимарх проводит время в лечебнице, за определенную сумму сманил его оттуда и принял к себе. А был Тимарх тогда упитанным юнцом, охочим до мерзостей и вполне подходящим для того дела, которое решили: Мисгол – делать, а сам он – терпеть.

(42) На все это Тимарх решился без колебаний: он сразу изъявил готовность, хотя и не нуждался ни в чем необходимом. Ведь отец оставил ему весьма значительное состояние, которое он промотал, как я покажу в ходе своего выступления. Он решился на такой шаг только потому, что был рабом самых постыдных удовольствий: лакомых блюд, роскошных обедов, флейтисток, гетер, игры в кости и прочих таких же страстей, которым благородный и свободный человек не должен позволять брать над собою верх. Этот же мерзавец не постыдился бросить отчий дом и жить, в расцвете своей юности, у Мисгола, который не был другом их семьи и не приходился ему ни сверстником, ни опекуном, но, напротив, был совершенно чужим человеком, старше его по возрасту, необузданным в такого рода страстях.

...

(49) ... Есть люди, которые от природы сильно отличаются по внешнему виду от других людей того же возраста. Некоторые, будучи молодыми, выглядят старше и солиднее своих лет, другие же, наоборот, будучи весьма пожилого возраста, кажутся совсем молодыми. К этим последним относится Мисгол. Ведь он мой сверстник и вместе со мной был в эфебах. В этом году нам исполнится по сорок пять лет. И вот, как вы видите, у меня уже столько седых волос, а у него их нет! Для чего я вам говорю об этом? Да для того, чтобы вы, увидев его, не удивлялись и не спрашивали про себя: «О Геракл! Но ведь он немногим старше Тимарха!» Однако такова уж природная особенность этого человека. Кроме того, он сблизился с Тимархом, когда тот уже был юношей.

...

(51) Впрочем, афиняне, если бы этот Тимарх остался у Мисгола и более не переходил ни к кому другому, то его поведение было бы еще в пределах нормы, если, конечно, понятие нормы вообще приложимо к поступкам такого рода. Тогда я решился бы обвинять его только в одном: в том, что законодатель прямо называет своим именем – в распутстве. Ибо тот, кто занимается такими делами с кем-то одним и получает за свои услуги плату, тот, мне кажется, и подлежит такому обвинению.

(52) Но если я, обходя молчанием таких необузданных развратников, как Кедонид, Автоклид и Терсандр, в чьих домах он жил на содержании, докажу вам также, что он отдавался за плату не только Мисголу, но и другим людям, переходя от одного к другому, то он, конечно, окажется тогда человеком, который не только предавался распутству, но и – клянусь Дионисом, не знаю, как я смогу целый день говорить обвиняками! – занимался проституцией. Ибо тот, кто занимается такими делами без разбору, со многими и за плату, тот, мне кажется, и подлежит такому обвинению.

(53) Как бы то ни было, наступило время, когда Мисголу надоело тратиться на Тимарха и он выставил его из своего дома. Тогда его взял к себе на содержание Антикл, сын Каллия, из дема Евонимия. Этот последний сейчас отсутствует: он находится на Самосе вместе с клерухами [то есть не может быть вызван как свидетель]. Поэтому я перейду к последующим событиям. Когда Тимарх расстался с Антиклом и Мисголом, он не образумился и не обратился к более подобающим занятиям. Нет, он дни напролет стал проводить в игорном доме, где устанавливаются помосты для бойцовых птиц, стравливают петухов и играют в кости. Впрочем, я думаю, что некоторые из вас и сами видели всё то, о чем я говорю, или, во всяком случае, слышали об этом от других.

(54) Среди завсегдатаев этого притона есть некий Питталак, общественный раб нашего города. Он был тогда при деньгах и потому, увидев Тимарха в этом заведении, взял его к себе на содержание. Причем этот мерзавец даже не поморщился, хотя ему предстояло выставить себя на позор вместе с общественным рабом нашего города! Его заботило только одно: заполучить человека, согласного оплачивать его мерзости. ...

(55) И такие выходки, такие глумления, как я слышал, позволил себе над личностью Тимарха этот человек, что я, клянусь Зевсом Олимпийским, не рискну даже назвать их перед вами. ...

Примерно в то же самое время, когда Тимарх находился у Питталака, прибывает сюда из Геллеспонта Гегесандр. ...

(57) Располагая такими средствами, Гегесандр стал частенько захаживать к Питталаку, своему партнеру по игре в кости. Там он впервые увидел Тимарха, и тот ему очень понравился. Он воспылал к Тимарху сильной страстью и пожелал взять его к себе на содержание: по каким-то признакам он заключил, что природа того близка к его собственной. Итак, сначала он переговорил с Питталаком, прося его уступить Тимарха. Поскольку, однако, Питталак не соглашался, он обратился к самому Тимарху, и тут уж ему не пришлось тратить много времени: тот сразу же согласился. ...

(58) Когда Тимарх оставил Питталака и перешел на содержание к Гегесандру, Питталак, несомненно, огорчился. ...

...

[Гегесандр отказывается давать свидетельские показания] ...

(70) Неужто все-таки мне придется прибегнуть к выражениям, более ясным, чем мне хотелось бы? Скажите мне, ради Зевса и других богов, афиняне, не кажется ли вам, что тот, кто позорил себя сношениями с Гегесандром, тем самым позволял проституировать себя человеку, который сам занимался проституцией? До каких, по-вашему, мерзостей не могут дойти эти люди, когда они напиваются и остаются одни? Не кажется ли вам, что

Гегесандр стремился оправдать собственную скандальную связь с Леодамантом, о которой всем вам хорошо известно, и потому толкал Тимарха на самые невероятные мерзости с тем, чтобы по сравнению с выходками Тимарха его собственные поступки показались скромными?

...

(74) ... Вы знаете этих людей, которые сидят в публичных домах, людей, которые, по общему признанию, предаются этому грязному пороку. Каждый раз, когда им приходится заниматься своим ремеслом, они стараются хоть как-нибудь прикрыть свой позор и потому запирают двери на засовы. Тем не менее, если кто-нибудь спросит вас, когда вы проходите по улице: «Чем сейчас занят этот человек?» - то вы сразу же назовете его занятие, хотя вы и не видели, кто к нему зашел. ...

(75) Конечно, точно таким же способом вам следует судить и о Тимархе. Вы должны спрашивать не о том, видел ли кто его при совершении таких дел, а просто – занимался он ими или нет. ... Что можно сказать, когда молодой человек, отличающийся от других своею красотой, оставив отчий дом, проводит ночи в чужих домах, участвует в роскошных пиршествах, не внося на них ни гроша, держит флейтисток и самых дорогих гетер, играет в кости и ничего при этом не платит, но, наоборот, другой платит за него? (76) Неужто обо всем этом требуется еще вопрошать богов? Не ясно ли, что тот, кто делает такие дорогие заказы другим, и сам по необходимости должен за все это доставлять известное «удовольствие» тем, кто потратил на него деньги? ...

...

(80) ... Всякий раз, когда Тимарх поднимался на трибуну в народном собрании, год назад, когда он был членом Совета, всякий раз, когда он упоминал о починке стен или башни или предлагал отвести кого-нибудь на суд, - вы сразу же начинали кричать и смеяться и сами называли своим именем дела, которые вы знали за ним.

...

(94) Тем не менее какой-нибудь логограф, составляющий для Тимарха защитительную речь [подразумевается Демосфен], утверждает, наверное, что я противоречу самому себе. Ведь, по его мнению, невозможно, чтобы один и тот же человек и занимался проституцией, и промотал отцовское состояние. Ибо совершать грех по отношению к собственному телу, полагает он, свойственно мальчику, тогда как промотать отцовское состояние может только взрослый человек. ...

(95) ... Ведь до тех пор, пока хватало имущества эпиклеры, на которой женился Гегесандр, содержатель нашего Тимарха, и денег, которые он вывез из своего путешествия вместе с Тимомахом, друзья предавались всевозможным беспутствам и роскошествам. Когда же все это было растрачено, проиграно в кости и промотано, когда сам Тимарх стал постарше и никто, естественно, не хотел уже тратить на него деньги, тогда как мерзкая и нечестивая натура его продолжала требовать все тех же удовольствий и вследствие исключительной разнузданности своей толкала его от одного излишества к другому, беспрестанно возвращая к привычному образу жизни, тогда уже он начал проедать и отцовское состояние. (96) Собственно, он даже не проел, но, если можно так выразиться, разом проглотил это состояние. ...

...

(106) ... Ведь, будучи еще таким молодым человеком, каким вы его видите, он побывал уже чуть ли не на всех должностях. При этом ни одной должности он не получал по жребии или в результате голосования, но все их покупал вопреки законам. Большую часть его служебной карьеры я опускаю и упомяну лишь о двух или трех должностях, которые он исполнял.

...

(110) ... когда Тимарх был членом Совета, Гегесандр, брат Кробила, был казначеем священной казны богини Афины. Общими усилиями, на чисто товарищеских началах, они пытались украсть у государства тысячу драхм. ...

И вот во время народного собрания Памфил встал и заявил: «Афиняне! Муж и жена пытаются украсть у вас тысячу драхм» (111) Вы удивились: «Как это – муж и жена? И что все это значит?» Тогда Памфил, помолчав немного, сказал: «Вы не понимаете, что я имею в виду? Муж – это в настоящий момент вон тот Гегесандр, который прежде сам был женой Леодаманта, а жена – вот этот Тимарх. А каким образом они пытаются украсть деньги, я вам сейчас расскажу».

... (117) [Начало раздела опровержения].

(119) Не в меру речистый Демосфен, несомненно, утверждает, что вы должны либо отменить существующие законы, либо не обращать никакого внимания на мои речи. С наигранным удивлением он спрашивает у вас, неужто вы все забыли, что каждый год Совет сдает на откуп налог на проституцию. Люди, берущие на откуп этот налог, не предположительно, а точно знают тех, кто занимается этим ремеслом. ...

(120) ... Мне стыдно будет за наш город, если Тимарх, этот советник народа, человек, осмеливающийся разъезжать с посольствами по Элладе, не попытается сразу же отвести от себя такое страшное обвинение, но станет требовать, чтобы ему указали места, где он предавался своему пороку, и откупщиков, которые когда-либо получали с него налог за проституцию. ...

(123) Напротив, речи, которые внушает тебе Демосфен, достойны не свободного человека, а проститутки, спорящей лишь о местах, где она предавалась распутству. ...

(124) ... Вот и выходит, что своим проворством по части разврата ты [Тимарх] многие помещения превратил в притоны. Поэтому не требуй, чтобы тебе указали места, где ты предавался пороку, а лучше докажи, что ты вообще этим не занимался.

(125) Будет использован, по-видимому, и другой аргумент, сочиненный тем же самым софистом [Демосфеном]. Этот последний утверждает, что нет ничего несправедливее молвы. ...

(126) ... Точно так же, полагает он, если Тимарх был красавцем и подвергается сейчас насмешкам вследствие клеветы, а не из-за своих поступков, то, конечно, по этой причине он еще не должен подвергаться страшной опасности. ...

(130) Итак, вспомните, граждане, какая молва ходит между вами о Тимархе. Разве не спрашиваете вы сразу же, как только произносится это имя: «Какой Тимарх? Проститутка?» ...

(131) Ведь и с прозвищем Демосфена молва не ошиблась. Ибо это она, а не кормилица прозвала его Баталом, дав ему такое имя за изнеженность и противоестественный разврат. В самом деле, если бы кто-нибудь сорвал с тебя эти нарядные плащики и мягкие хитончики, в которых ты пописываешь свои речи против друзей, и пустил их без предупреждения по рукам судей, то они, я думаю, были бы в затруднении установить, чья одежда попала к ним в руки: мужчины или женщины.

(132) На стороне защиты выступит, как я слышу, и кто-то из стратегов. Гордо закидывая голову и постоянно прихорашиваясь, как человек, привыкший посещать палестры и школы философов, он попытается высмеять весь этот процесс в целом, утверждая, что моим стремлением было открыть не судебное разбирательство, а эру страшного невежества.

Он укажет в качестве примера прежде всего на ваших благодетелей – Гармония и Аристокитона, - и будет подробно рассказывать об их верности друг другу и о том, сколь полезным оказалось это обстоятельство для нашего города. (133) Как утверждают, он не удержится, чтобы не процитировать стихи Гомера и имена героев. Он будет петь гимны пылкой дружбе, которая, по преданию, связывала Патрокла и Ахилла. Он будет прославлять перед вами красоту, как будто и без него ее не считали с давних пор благом, когда она сочетается со скромностью. Действительно, заявляет он, если кое-кто захочет опорочить телесную красоту и представить ее несчастьем для тех, кто ею обладает, то ваше общее решение окажется тогда в противоречии с вашими личными желаниями.

(134) Ведь это будет нелепо, полагает он, если сначала, когда вам предстоит стать отцами, вы все будете желать своим еще не родившимся сыновьям обладать от природы благородной внешностью и быть достойными нашего города, а затем, когда они действительно родятся такими, что ими может гордиться город, вы, послушавшись, как видно, Эсхина, будете клеймить их позором, если своей исключительной красотой и прелестью они поразят кого-либо и вызовут соперничество из-за своей любви.

(135) И тут, как я слышу, он набросится на меня со всевозможными упреками и будет спрашивать, не стыдно ли мне, кто сам постоянно болтается в гимназиях и влюбляется в молодых людей, делать из этой любви к юношам тему для грязных нападок и обвинений. Напоследок же, как мне сообщают некоторые, он попытается вызвать среди вас смех и разного рода шуточки, обещая показать вам, сколько любовных стихов я посвятил разным лицам, и представить свидетельства о всевозможных оскорблениях и побоях, которым я подвергся из-за своих любовных дел.

(136) Однако, я вовсе не порицаю хорошую любовь и не утверждаю, что все, кто отличается красотой, занимаются проституцией. Я не отрицаю также, что сам был склонен к любви: я остаюсь таким еще и теперь. ...

(137) Вообще я считаю, что любить красивых и скромных юношей свойственно мягкой и возвышенной душе, тогда как бесчинствовать в компании с субъектом, нанятым для этого за деньги, характерно для наглого и грубого человека. Равным образом я утверждаю, что бескорыстно делить с кем-нибудь его любовь – это прекрасно, а соглашаться за плату заниматься проституцией – это позор. ...

(139) И снова тот же самый законодатель [Солон] говорит: «Раб не должен ни любить, ни преследовать свободного мальчика под страхом публичного наказания пятидесятью ударами кнута». Однако он не запрещает гражданину любить, навещать и сопровождать

свободного мальчика. По его мнению, от этого мальчику не будет никакого вреда; напротив, люди будут видеть в этом свидетельство его скромности. Впрочем, поскольку сам мальчик еще не волен в своих поступках и не способен отличить действительно преданного человека от притворяющегося таким, законодатель обращается с наставлениями к влюбленному. Он советует отложить речи о любви до тех пор, пока мальчик не достигнет разумного возраста. Сопровождать и присматривать за ним повсюду – вот в чем он видел лучшую охрану и защиту скромности мальчика.

(140) Именно поэтому чистое и благородное чувство, - назовем ли мы его любовью или склонностью, - сделало благодетелей нашего города, всех превзошедших своею доблестью, Гармодия и Аристокитона, такими героями, что похвалы людей, прославляющих их подвиги, кажутся всегда недостаточными.

(141-150) [Об Ахилле и Патрокле]

(155) Чтобы не затягивать своего выступления, излагая мнения поэтов, я назову вам теперь ряд имен людей пожилых и вам хорошо известных, а также юношей и мальчиков. Одни из них благодаря своей красоте имели раньше много поклонников, другие, кто в настоящее время молод, имеют их еще и сейчас. Однако никто из них никогда не навлекал на себя таких обвинений, каким подвергается Тимарх. С другой стороны, я перечислю вам имена людей, которые самым постыдным образом открыто занимались проституцией. Припомнив поведение тех и других, вы сможете тогда отнести Тимарха к той категории, которая ему подходит.

(156) Сначала я назову имена тех, кто прожил свою жизнь честно и благородно, так, как подобает свободному человеку. Вы знаете, афиняне, Критона, сына Астиоха, Периклида из дема Перитеды, Полемагена, Панталеонта, сына Клеагора, Тимесифея – скорохода. Эти люди обладали редкой красотой не только среди наших граждан, но и во всей Элладе. Они имели больше всего поклонников, отличавшихся исключительным благоразумием. Однако, как бы то ни было, никто никогда не порицал их.

(157) Далее, из юношей и тех, кто еще и сейчас находится в детском возрасте, я укажу прежде всего на племянника Ификрата, сына Тисия из дема Рамнунт, тезку нашего Тимарха, которого сейчас судят. Обладая красивой внешностью, этот юноша совершенно непричастен ни к каким позорным делам. Когда недавно, на Сельских дионисиях, во время комедийных представлений в Коллите, комический актер Парменонт, произнес, обращаясь к хору, какой-то сатирический стишок, где говорилось, что есть страшные развратники – «типа Тимарха» - никто даже не подумал отнести это на счет юноши. Напротив, все подумали о тебе: до такой степени это занятие стало твоим уделом. Далее, я укажу на Антикла, участника состязаний в беге, и на Фидия, брата Мелесия. Я могу назвать еще многих, но не буду, чтобы не показалось, чтобы я расхваливаю их из какой-то лести.

(158) Что же касается людей, ведущих такой же образ жизни, как и Тимарх, то я постараюсь избежать ненужной вражды и упомяну лишь о тех, чье мнение меня заботит меньше всего. Кто из вас не знает Диофанта, прозванного Сиротою? Это он привел одного чужеземца на суд к архонту, парэдром которого был Аристофонт из дема Азения, и пожаловался, что тот не заплатил ему четыре драхмы за известные услуги. При этом он ссылаясь на законы, требующие, чтобы архонт заботился о сиротах, - он, кто сам нарушил законы, касающиеся чистоты нравов!

А кто из граждан не возмущался поведением Кефисодора, прозванного Сыном Молона, который самым бесславным образом погубил свою цветущую красоту? Или поведением Мнесифея, прозванного Сыном Повара, и многих других, о которых я сознательно умалчиваю? (159) ...

Как бы то ни было, поскольку мы охарактеризовали на отдельных примерах, с одной стороны, тех, кто благодаря своей скромности внушает любовь, а с другой, тех, кто погрешает против самого себя, вы можете теперь ответить мне на вопрос, который я вам поставил: к какой категории вы отнесете Тимарха? К тем, кто внушает любовь, или к тем, кто занимается проституцией? ...

...

(165) Откуда взялась и как могла укорениться эта привычка говорить, что некоторые предавались распутству «по договору»? Я вам сейчас объясню. Рассказывают, что один из наших граждан – имени его я не буду называть, чтобы не вызывать к себе ненужной вражды, - ... предавался распутству в соответствии с соглашением, положенным на хранение у Антикла. Поскольку он не был простым человеком, но принимал участие в общественных делах, он подвергся поношению, так что из-за него весь город привык пользоваться этим выражением. Вот почему иногда спрашивают, по договору ли происходило дело. ...

(166) Хотя все эти вопросы столь ясны и определены, Демосфен, несомненно, найдет тысячу отговорок и уверток. ... Так, много места будет уделено Филиппу, примешано будет также и имя его сына Александра. ... (167) Допускать несправедливые выпады против Филиппа – поступок невежественный и неуместный; однако это прегрешение еще не так значительно, как то, о котором я собираюсь сказать. Ведь тут по крайней мере он будет возводить хулу на настоящего мужчину, он, кто сам мужчиною никогда и не был! Иное дело, когда он пытается, пользуясь всякого рода двусмысленностями и иносказаниями, набросить гнусное подозрение на сына Филиппа: в этом случае он выставляет на посмешище весь наш город.

(168) Думая, что он может повредить мне при сдаче отчета, с которым я должен выступить по поводу посольства, он всячески стремится опорочить меня. По его словам, когда он недавно рассказывал Совету о юном Александре, о его игре на кифаре на одной из наших пирушек, о его словечках и репликах, которыми он обменивался с другим мальчиком, и, таким образом, докладывал Совету обо всем, что ему удалось узнать, я возмущался теми шутками, которые он отпускал по поводу юноши, как будто сам я был не простым членом посольства, а родственником Александра.

...

(170) ... Когда Демосфен растратил отцовское достояние, он начал бегать по всему городу, охотясь за мальчиками – сиротами из богатых домов, чьи отцы умерли, а имуществом управляли матери. Оставив в стороне многих других, я упомяну лишь об одной из его несчастных жертв. (171) Как-то он заприметил богатый дом, порядок в котором оставлял желать много лучшего: главой дома была спесивая и глупая женщина, а имуществом распоряжался молоденький и полубезумный сиротка – Аристарх, сын Мосха. Демосфен прикинулся влюбленным в Аристарха и склонил юношу к такой, позволительно сказать, дружбе. Показав Аристарху список своих учеников, он преисполнил его пустых надежд, пообещав тотчас же сделать первым из ораторов. (172) Он дал Аристарху такие советы и научил его таким делам, за которые ученику пришлось отправиться в изгнание

из отечества. При этом Демосфен присвоил себе три таланта, которые Аристарх отложил на жизнь в изгнании и передал ему на хранение. ... [с.248]

...

(185) Неужели в то время, как ваши отцы проводили столь строгое различие между постыдным и прекрасным, вы отпустите безнаказанным этого Тимарха, который повинен в самых грязных занятиях? Будучи сам мужчиною и обладая телом мужчины, он предавался порокам, свойственным только женщине! Кто из вас отныне сможет наказать женщину, застигнутую на месте преступления? Разве не сочтут такого человека последним невежей, если он на женщину, грешащую естественным путем, сердится, а мужчиною, который творит над собою бесчинства вопреки природе, пользуется в качестве советника? [с.250]

...

(189) Кому из вас неизвестно мерзкое поведение Тимарха? Ведь даже если мы не бываем в гимназиях, мы все равно узнаем занимающихся гимнастикой, глядя на их прекрасную выправку. Точно так же, даже если мы не присутствуем при делах развратников, мы все равно узнаем этих людей по их бесстыдству, наглости и образу жизни. ...

(№ 987). «Тимарх, уйдя из суда, повесился» (Псевдо-Плутарх. Жизнеописания десяти ораторов. VI Эсхин 17 [Эсхин 1962 (№ 4), с.245]

Следует помнить, что в трагедиях вешались исключительно женщины, мужчинам полагалось бросаться на меч.

II. «О предательском посольстве» (речь 343 г.)

(№ 988). «(88) ... Так неужели вы, афиняне, не отнесетесь со снисхождением к тому, что я обозвал его [Демосфена] блудодем, у которого нет на теле чистого места вплоть до уст, откуда исходит голос, если я со всей очевидностью докажу, что и все остальные его обвинения по поводу Керсobleпта – тоже ложь?» (Эсхин. О предательском посольстве 88, пер. С.А.Ошерова [Ораторы Греции 1985, с.142])

(№ 989). «(99) ... Демосфена сопровождали двое и несли два мешка. В одном из них, как он сам говорил, был талант серебра. Поэтому сотоварищи стали вспоминать его постыдные клички: ведь мальчишкой он за бесстыдное поведение и разврат был прозван «Бабень», потом, когда вышел из детского возраста и вчинил каждому из своих опекунов иск на десять талантов, его прозвали Гадюкой, а став взрослым, он получил кличку, обычную для подлецов: ябедник» (Эсхин. О предательском посольстве 99, пер. С.А.Ошерова [Ораторы Греции 1985, с.144]

(№ 990). «(144) ... Демосфен имел дерзость сказать, будто я обвиняю себя своими же словами. Я, дескать, сказал на суде над Тимархом, что молва об его развратной жизни дошла до всех, а Гесиод, превосходный поэт, говорил:

И никогда не исчезнет бесследно молва, что в народе

Ходит о ком-нибудь: как там никак, и Молва ведь богиня.

И это самое божество явилось теперь обвинять меня, ибо все говорят, что я получил от Филиппа деньги. (145) Но вам отлично известно, афиняне, что есть большая разница между молвой и наветом. Молва ничего общего не имеет с клеветой, а клевета и навет – родные брат и сестра. Я определю вполне ясно и то и другое. Когда большинство граждан само по себе, без ложного повода, говорит о чем-то как о происшедшем событии – это молва, а когда один человек наговаривает толпе на другого, вина его в чем-то и клеветы во всех народных собраниях и советах, – это навет. Молве мы как богине приносим жертвы от лица народа, а занимающихся наветами как злодеев привлекаем к суду. Так что нельзя путать самое прекрасное с самым позорным» (Эсхин. О предательском посольстве 144-145, пер. С.А.Ошерова [Ораторы Греции 1985, с.152])

(№ 991). «(166) ... Ты [Демосфен] вошел в благоденствующий дом Аристарха, сына Мосха – и погубил его. У изгнанного Аристарха ты взял три таланта, лишив его средств на дорогу в ссылку, и не устыдился молвы, которую сам же и пустил: будто ты был поклонником его юности и красоты. Но это неправда: истинная любовь с подлостью несовместима» (Эсхин. О предательском посольстве 166, пер. С.А.Ошерова [Ораторы Греции 1985, с.156-157])

III. «О венке» (речь 330 г.)

(№ 992). «(162) А рассказывают моряки с «Парала» и послы, ходившие к Александру, вот какую историю, очень похожую на правду. Есть такой Аристион из платейского рода, сын Аристобула, торговца зельями, которого, может быть, и из вас кто-нибудь знает. В юности своей он отличался красотой и долго жил в Демосфеновом доме; что он там делал или что с ним делали – это дело темное, и мне о том непристойно говорить. Вот о нем и говорят, будто он вкрался в доверие к Александру и стал с ним близок (благо там не знали, кто он есть и какого поведения) и будто через него-то Демосфен отправил Александру письмо, полное всяческой лести и снискавшее ему прощенье и мир» (Эсхин. Против Ктесифонта о венке 162, пер. М.Л.Гаспарова [Ораторы Греции 1985, с.192])

Демосфен

(№ 993). «С самого детства он [Демосфен] был чахлый и болезненный; в насмешку над его бессилием товарищи прозвали его Баталом. Этот Батал, как говорят некоторые, был флейтист, чья порочная изнеженность послужила Антифану темой для злой комедии. Другие упоминают о поэте Батале, сочинявшем пиршественные песни слишком вольного содержания. Кроме того, сколько можно судить, словом «батал» обозначалась тогда у афинян одна не совсем удобопроизносимая часть тела» (Плутарх. Демосфен 4, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.323])

(№ 994). «(Закон) Если кто применит насилие в отношении другого человека, ребенка, или женщины, или мужчины, свободного или раба, или же совершит противозаконное действие в отношении кого-либо из указанных выше, по этому поводу любой афинский

гражданин, полностью сохранивший гражданские права, может обратиться с иском к фесмофетам» (Демосфен XXI 47, пер. В.Г.Боруховича [Демосфен 1994-96, т.1, с.79])

(№ 995). «(30) Полезно теперь, граждане афинские, коснуться деятельности Солона, установившего этот закон, и внимательно рассмотреть, какое внимание Солон уделил государству, осуществляя свою законодательную деятельность, насколько больше он заботился о нем, нежели о явлении, против которого был направлен его закон. Это же можно заметить по многим сторонам его деятельности и особенно по этому закону, запрещающему лицам, уличенным в развратном поведении, выступать с речами или вносить предложения на народном собрании. Ведь он видел, что большинство граждан не стремится использовать свое право на выступление, так что запрещение выступать он сам не рассматривал как серьезное ограничение в правах. Он мог назначить гораздо более тяжкие наказания, если бы цель его состояла лишь в преследовании подобных преступлений. (31) Но не к этому он стремился, истинная цель его запрета заключалась в заботе о вас и обо всем государстве. Ведь он знал, знал он, что лицам, ведущим столь постыдный образ жизни, наиболее враждебен тот государственный строй, при котором всем желающим предоставлена свобода слова и вытекающая отсюда возможность свободно разоблачать их пороки. Какой же это государственный строй? Разумеется, демократический! Солон считал весьма опасным такое положение, когда собирается вместе большое количество людей, красноречивых и дерзких, ведущих постыдный образ жизни и глубоко порочных. (32) Руководя народом, они смогут заставить его совершать множество ошибок. Помимо того, они могут попытаться и вовсе упразднить демократию (ведь в государствах с олигархическим строем людям, ведущим еще более постыдный образ жизни, чем Андротион, не разрешается даже дурно говорить о правительстве!). Или же они до такого состояния доведут народ, когда он станет совершенно порочным, состоящим из людей, полностью подобных им самим. Поэтому Солон прежде всего запретил подобным людям принимать участие в совещательных органах государства, чтобы обманутый ими народ не принимал ошибочных решений. А вот этот «прекрасный и благородный» [калос к'агатос] человек, проявив полнейшее пренебрежение ко всем указанным постановлениям, счел себя вправе не только выступать и вносить предложения (в то время как закон запрещал ему все это делать!), но и предлагать такие, которые противоречат законам» (Демосфен XXII. Против Андротиона о нарушении законов. Речь 355 г. Пер. В.Г.Боруховича [Демосфен 1994-96, т.1, с.145-146])

(№ 996). «(72) Обратите внимание, граждане афинские, также и на то, как он [Андротион] в течение всего этого времени уничтожал прекрасные и достойные завистливого подражания надписи – посвящения государству, приказав вырезать вместо них нечестивые и странные. ... (73) И вот эти надписи, служившие причиной величайшего восхищения и побуждавшие к честолюбивому соревнованию, исчезли вследствие уничтожения самих венков. На фиалах же, которые вот этот человек, погрязший в разврате, изготовил для вас взамен этих венков, вырезана следующая надпись: «Изготовлены попечением Андротиона». Так имя человека, торговавшего своим телом и по этой причине в соответствии с законами лишенного права даже входить в храм, оказалось запечатленным на фиалах, помещенных в священном месте! Очень похоже на прежние надписи, не правда ли? И также побуждает к честолюбивому соревнованию?» (Демосфен XXII 72-73, пер. В.Г.Боруховича [Демосфен 1994-96, т.1, с.158-159] (Параграф 73 совпадает с речью Демосфена XXIV 181 [Демосфен 1994-96, т.1, с.292])

(№ 997). «(123) ... Ораторы же стремятся провести такие законы, которые помогают избежать ответственности лицам, совершающим самые гнусные и опасные преступления.

(124) В частном общении они обращаются с вами пренебрежительно, как будто они являются «прекрасными и благородными» людьми, хотя в действительности они ведут себя как самые скверные и неблагородные рабы. ...

(125) ... Разве пребывание в тюрьме не является для Андротиона семейной традицией? Вы сами знаете, что его отец не одно пятилетие провел в ней и сбежал оттуда, не дождавшись освобождения. (126) Или, может быть, Андротион должен быть освобожден от тюрьмы ради его честной юности? Однако и она должна служить причиной заключения его в тюрьму, и в не меньшей степени, чем украденные ныне деньги» (Демосфен XXIV. Против Тимократа 123-126. Речь 353 г. Пер. В.Г.Боруховича [Демосфен 1994-96, т.1, с.276])

(№ 998). «(61) Теперь, может ли вам прийти в голову, чтобы каждый из этих людей ненавидел бы Андротиона и выступал бы против его из-за этой эйсфоры? Разве дело не обстоит таким образом, что один из них питает к нему ненависть за оскорбление ... третий – за оскорбление, будто отец этого человека занимался проституцией... да и все остальные, оклеветанные подобным же образом, также ненавидят Андротиона...» (Демосфен XXII 61, пер. В.Г.Боруховича [Демосфен 1994-96, т.1, с.154-155])

(№ 999). «Этот Филиск, проделавший такую же карьеру, что и упомянутый выше Харидем, захватывал с помощью войск Ариобарзана эллинские города. Врываясь в них, он совершил множество преступлений, уродовал свободнорожденных юношей, насиловал женщин, творил все то, что стал бы делать человек, захвативший власть, но воспитанный в беззаконии, при отсутствии всех благ, которые дает людям свободное демократическое государственное устройство» (Демосфен XXIII 141, речь 352 г. Пер. В.Г.Боруховича [Демосфен 1994-96, т.1, с.207-208])

(№ 1000). «(14) Он [Конон] скажет, что в городе есть много сыновей почтенных людей, которые, развлекаясь как то свойственно молодым людям, дают самим себе прозвища: один – «итифаллы», другие – «автолекифы»; что некоторые из них пылают любовью к гетерам и в том числе один из его сыновей, который из-за гетер часто дрался и бывал бит, и что это также свойственно молодым людям. ...

(16) ... Мы согласны, пусть сыновья этого человека будут «итифаллами» и «автолекифами»; я только молю богов, чтобы эта мерзость и все остальное в том же роде обратилось против Конона и его сыновей. (17) Ведь они как раз те люди, которые приобщают друг друга к таинствам Итифалла и позволяют себе такие поступки, какие приличным людям стыдно не то что делать, но даже говорить о них» (Демосфен LIV. Против Конона за нанесение побоев, пер. И.А.Шишовой [Демосфен 1994-96, т.2, с.199-200] Датировка речи не установлена, 356/55 или между 348 и 343 гг.

(№ 1001). «(10) ... Всякий, кто только захотел бы проверить образ жизни Ферамена, может это узнать. Ведь он по собственной склонности делает то, за что каждый призвал бы на него проклятия. (11) Он враг своих родителей, но друг развратника Павсания;

держит себя вызывающе, подобно мужчине, но терпит, как женщина...» (Демосфен. Письмо IV. О злословии Ферамена, пер. В.В.Вальченко [Демосфен 1994-96, т.2, с.400])
Письмо датируется 324/23 г.

(№ 1002). «[О приближенных Филиппа] (19) Таким образом остаются вокруг него грабители, льстецы да люди, готовые в пьяном виде плясать такие вещи, которые я сейчас не решаюсь перед вами назвать. Но очевидно, что это – правда, так как именно тех, кого отсюда все выгоняли, как людей гораздо более распутных, чем всякие гаеры, - например, известного государственного раба Каллия и подобных ему людей, мимов, потешающих смешными шутками, и сочинителей срамных песен с насмешками над своими же приятелями – вот таких людей он любит и держит около себя» (Демосфен II. Олинфская вторая речь, пер. С.И.Радцига [Демосфен 1994-96, т.3, с.30])

(№ 1003). «Свидетель всех этих дел вам, само собой, не нужен, только насчет того, что Фринон отправил сына, позови мне свидетелей. Его-то Эсхин не судил за то, что он собственное дитя послал к Филиппу для постыдных дел, но если кто-нибудь в молодости был красивей других и, не предвидя возникающих из-за этого подозрений, жил более вольно, тех Эсхин притягивал к суду за блуд» (Демосфен. Речь о предательском посольстве (XIX) 233, пер. С.А.Ошерова [Ораторы Греции 1985, с.105])

(№ 1004). «(285) ... Знайте же, не потому он погубил Тимарха, что заботился о ваших детях, как бы сберечь их скромность (они и так скромны у вас, афиняне, и да не постигнет наш город столь злая беда, чтобы он нуждался в таких опекунах юношества, как Афобет и Эсхин), (286) а потому, что Тимарх как член совета внес предложение карать смертью всякого, кто будет пойман на поставках Филиппу оружия и корабельного снаряжения. И вот доказательство: долго ли выступал Тимарх с речами? Долго. И все это время Эсхин жил в городе и нимало этим не возмущался, не считал пагубным, чтобы такой человек говорил к народу, пока сам не побывал в Македонии и не нанялся на службу. Возьми теперь постановление Тимарха и прочти его. (Читается постановление). (287) Значит, человек, ради вас предложивший во время войны не возить Филиппу оружия, а нет – так платиться за это жизнью, погиб, подвергшись всем оскорблениям, а тот, кто выдал врагу оружие ваших союзников, обвиняет его, говорит о его разврате, между тем как бок о бок с ним – о Земля и все боги! – стоят двое свояков, при одном виде которых вы бы подняли крик: гнусный Никий, сам нанявшийся в Египет к Хабрию, и проклятый Кирибион, идущий в шествиях без маски! Да в этом ли дело? Ведь перед его глазами был Афобет, родной брат. Да, вспять потекли в тот день реки всех речей о разврате!» (Демосфен XIX 285-287, пер. С.А.Ошерова [Ораторы Греции 1985, с.116-117])

О Питталаке (Демосфен XIX 245 [Прим. // Ораторы Греции 1985, с.441])

(№ 1005). Псевдо-Демосфен. Любовная речь (№ 61)

(Пер. В.В.Вальченко [Демосфен 1994-96, т.2, с.323-336])

«(1) Ну что же, коль скоро ты хочешь послушать речь, то я познакомлю тебя с ней и прочту. Однако прежде всего тебе нужно узнать о цели ее написания. В своей речи автор

желает восхвалить Эпикрата; он, по его мнению, является самым привлекательным среди многих благородных юношей города и еще более превосходит своих сверстников разумом, чем красотой. Но так как автор видел, коротко говоря, что большинство сочинений о любви принесло тем, в честь кого они написаны, больше позора, чем славы, то поостерегся совершить такой промах, и, как утверждает, написал о том, в чем твердо был убежден в душе, а именно, что истинно любящий не может ни совершить, ни потребовать чего-нибудь постыдного.

(2) Так вот, если ты ждешь от меня речь главным образом о любви, то она об этом и написана; в остальном же частью посвящена восхвалению самого юноши, а частью – увещаниям относительно образования и направления жизни. Все это изложено в том виде, как это обычно делается в записках. Ведь речи, предназначенные для устного произнесения, должны быть составлены просто и естественно, как если бы кто говорил без подготовки, те же, которые рассчитаны на большой срок жизни, требуют искусной и тщательной разработки; первым подобает быть убеждающими, последним – показными. Но для того, чтобы мне не [с.324] пришлось сказать ничего неожиданного для тебя и чтобы не выражать только личное мнение о предмете, удели внимание самой речи; ее сейчас ты услышишь, ведь пришел и сам Эпикрат, которого я хотел видеть в качестве слушателя.

(3) Я замечал, что некоторые из тех, кого любят и кто обладает красотой, не находят правильного применения ни одному из этих счастливых качеств, но, с одной стороны, превозносятся красивой наружностью, с другой же, избегают общения с влюбленными. И они настолько неверно судят о собственном благе, что из-за тех, кто губит дело, также дурно расположены к желающим сблизиться на основе целомудренной воздержанности. Поэтому, казалось мне, такие люди не только не понимают своей пользы, но и приучают остальных к порочному общению,

(4) и те, кто мыслит возвышенно, не должны следовать безрассудству этих последних; поскольку поступки сами по себе строго не делятся на прекрасные и постыдные, но имеют это различие по большей части в зависимости от свойств совершающих их, то неразумно было бы одинаково судить об одних и других. Кроме того, нет ничего более нелепого, чем то, когда восхищаются теми, у кого очень много искренних друзей, но при этом отвергают влюбленных, хотя только им и свойственно сближаться не со всеми, но с добродетельными и благоразумными.

(5) Ну, а кто вообще никогда не видел прекрасной вершины такой любви или решительно приговорил себя к неспособности целомудренно наслаждаться общением с другими, то и неудивительно, что он имеет такой образ мыслей. У тех, кто настроен так, как ты, и хорошо осведомленных, как заметно благодаря чистой любви увеличилось число дружеских связей, какие все это время поддерживались с тщательнейшей осмотрительностью, не возникает даже мысли о том, что их можно подозревать в каких-нибудь неблагоприятных делах.

(6) Поэтому меня особенно побуждала к написанию речи возможность достичь двух прекрасных целей. Во-первых, рассказав о присущих тебе добродетелях, я одновременно рассчитываю показать, что ты достоин восхищения и что я, влюбленный в тебя, обладающего такими достоинствами, отнюдь не безумец; и, во-вторых, подавая тебе советы, - а это в высшей степени необходимо, [с.325] - я надеюсь, с одной стороны, выразить свидетельства моей любви, с другой же, - указать на основания нашей взаимной дружбы.

(7) Однако мне хорошо известно, как нелегко, рассказывая о тебе, передать твои выдающиеся природные качества, и как еще опаснее – дать совет, ибо советчик должен нести ответственность за того, кого он убедил. Но те, я считаю, кто по праву удостоился похвального слова, должны на деле далеко превосходить силу красноречия своих хвалителей; давая же совет, я постараюсь не ошибиться, ибо знаю, что безрассудные и окончательно испорченные невоздержанностью люди совершенно ничего не могут взять даже из самых удачных советов, и напротив, те, кто ведет скромную и добродетельную жизнь, умеют успешно воспользоваться и посредственным советом.

(8) С этой надеждой я и приступлю к речи. Но, я думаю, все вы, пожалуй, согласитесь со мной: в этом возрасте особенно подобает отличаться красотой тела, воздержанностью в желаниях, мужественностью того и другого, способностью вести приятные речи. Но всем этим, что является даром природы, судьба наградила тебя столь щедро, что ты неизменно вызываешь всеобщее удивление, прочее же ты сам собственными стараниями довел до такого совершенства, что в этом отношении тебя не мог бы упрекнуть ни один разумный человек.

(9) И все же, за что кто-то удостоивается величайших похвал? Разве не за то, что его любят боги, а люди восхищаются как им самим, так и его счастливой судьбой? В целом о твоих добродетелях уместно, пожалуй, подробнее рассказать потом; теперь же я попытаюсь правдиво показать то, что должен сказать в похвалу твоим достоинствам особо.

(10) Я начну прежде всего с похвального слова тем твоим свойствам, по которым с первого взгляда все узнают тебя, - с наружной красоты и цвета кожи, отчего блестят и отдельные части и все твое тело. Мысленно я не нахожу ничего подходящего, с чем можно было бы это сравнить, однако мне приходит на ум просить читающих эту речь взглянуть на тебя и рассмотреть, чтобы я, который не в состоянии описать тебя похоже, мог удостоиться снисхождения.

(11) Но с чем можно было бы сравнить то, что, будучи смертным, вызывает у созерцающих непреходящее желание, [с.326] воспринимается зрением, но не приносит насыщения, исчезает из вида, но хранится в памяти, обладает достоинством богов, но имеет человеческую природу, цветет красотой, но не дает повода для обвинений в изъяне? Однако же твою наружность нельзя упрекнуть и в том, что уже случалось с красотой многих юношей.

(12) Всю привлекательность их внешности портила либо нескладность фигуры, либо какое-то несчастье решительно отрицало прекрасно созданное природой. Едва ли мы найдем в тебе подобный недостаток: какой-то из богов, заботившийся о твоей наружности, хранил тебя столь бережно от недугов такого рода, что, наделив безупречным внешним видом, он расположил в тебе все замечательным образом.

(13) Так, особенно подчеркнув красоту твоего лица и глаз, божество тем самым еще более подтвердило свою благосклонность к тебе. Оно достаточно позаботилось о тебе не только для того, чтобы можно было увидеть очевидное, но так как добродетель некоторых людей не познается по их поступкам, то оно при помощи самого внешнего облика обнаружило прекраснейшие свойства твоего характера: для тех, кто тебя видел впервые, ты выглядел скромным, для всех – мужественным и рассудительным.

(14) И самое удивительное вот что: если скромные люди чаще всего воспринимаются слабыми, величественные – высокомерными, мужественные – дерзкими, а спокойные –

тупоумными, то благосклонная судьба все это противоположное уравнила в тебе и в должной мере объединила, как если бы она пожелала исполнить обет или подать всем пример в создании существа, но не обычного, а с бессмертными чертами.

(15) Если бы только можно было описать словами твою красоту, или если бы она была единственным твоим преимуществом, заслуживающим похвалы, то мы, по нашему убеждению, прославляя достоинства твоей внешности, не должны были бы умолчать ни об одном из них. Теперь же я опасаясь, как бы нам не отбить у присутствующих охоту слушать остальное и не наговорить понапрасну красивых слов.

(16) Но кто бы мог выразить словами совершенство твоей красоты, какую не могут превзойти произведения искусства самых лучших мастеров? И в этом нет ничего удивительного: ведь они имеют [с.327] вид застывших фигур, так что остается неясным, какое выражение души придал им художник, напротив, необычайную красоту твоего тела во всем, что бы ты ни делал, подчеркивают движения самой сущности твоей души. Итак, о многом умолчав, я должен был в этих словах воздать хвалу твоей наружной красоте.

(17) Относительно порядочности я, очевидно, имею прекрасный повод сказать, что хотя на твоих ровесников возводят клевету, тебе выпало заслужить лишь похвалу. Ты не только ни в чем не поступился своей честью, но и избрал более мудрый образ жизни, чем можно было бы ожидать от человека твоего возраста. И самое большое тому доказательство – твое обхождение. Когда тебе приходилось сталкиваться с множеством людей, имевших самые разнообразные обычаи, и когда затем все они склоняли тебя к общению на привычный им лад, ты столь прекрасно держал себя в этих обстоятельствах, что все они, восхищенные, чувствовали дружеское расположение к тебе.

(18) Это – признак людей, живущих по правилам чести и человеколюбия. Впрочем, кое-кто при всеобщем одобрении уже получил совет и последовал ему: не должно вступать в близкие отношения с первым встречным, ведь если кто в любви угождает низким людям, то его неизбежно порицает людская молва, а если он всячески бережется слухов подобного рода, то всегда вызывает неудовольствие своих друзей.

(19) Я же полагаю, ты заслуживаешь от меня похвалы главным образом за то, что если остальные не считают возможным угодить нравам всех поклонников, то ты настолько отличаешься от них, что завоевал сердца всех самых суровых и разборчивых людей, и, с одной стороны, никому не дал повода для подозрений в нечистых делах, с другой же, благодаря своему обхождению ни у кого не вызвал досады, происходящей от различия унастроений.

(20) Потому-то с влюбленными, если и об этом нужно сказать, ты, мне кажется, ведешь себя столь благородно и разумно, что, в то время как большинство вообще не может пристойно общаться с теми, кто оказал им предпочтение, тебе в высшей степени удалось снискать всеобщую любовь. Это – самое очевидное доказательство твоей добродетели. Ведь все, что ни есть справедливого и прекрасного, [с.328] ты никого ничем не обошел, но при этом никто даже и не помышляет о вещах, причиняющих чувство стыда: столь большую возможность для тех, кто стремится к прекрасному, предоставляет твоя непорочность, и такую нерешительность она рождает в тех, кто склонен к наглости.

(21) В самом деле, ведь если очень многие, когда были молодыми, пытались утвердить за собой имя порядочных людей молчанием, то ты настолько выдаешься врожденной добродетелью, что уже своими речами и приветливостью приобрел о себе ничуть не меньшую славу, чем при помощи всего остального: такая убедительность и такое

изящество свойственны тебе, когда ты рассуждаешь серьезно и когда говоришь в шутку. Ибо ты добродушен, но не наивен, красноречив, но не коварен, благожелателен, но не без достоинства, вообще говоря, такой, какой мог быть сын Аретэ и Эрота.

(22) Теперь о твоей мужественности – ведь и об этом здесь нельзя умолчать, и не потому, что твои природные свойства не допускают более полного развития или последующее время не предоставит еще больше возможностей для написания хвалебных речей в твою честь, но потому, что прекрасно – удостоиться хвалы в этом возрасте, в каком и остальным надлежит быть безупречными. О твоей мужественности с приведением многочисленных примеров мог бы рассказать и кто-нибудь другой, а особенно имея в виду твои упражнения, очевидцами которых были очень многие люди.

(23) Однако нужно прежде всего сказать о том, как прекрасно ты поступил, отдавшись этому роду состязаний. Правильный выбор в юношеском возрасте того, чем следует заниматься, есть главный признак добродетельного характера и здравого рассудка. Поэтому решительно нельзя обойти похвалой твоего образа действий. Хорошо зная о том, что в прочих соревнованиях имеют право участвовать и рабы, и чужеземцы, а состязания на колесницах являются преимуществом только полноправных граждан, к тому же, лучших из них, ты посвятил себя этому виду состязаний.

(24) Кроме того, рассудив, что упражнения в беге несколько не способствуют приобретению мужества и крепости духа, а кулачные бои и подобное этому наносят ущерб внешнему виду и умственным [с.329] способностям, ты избрал самое возвышенное и прекрасное поприще, к тому же более всего соответствующее твоим наклонностям, ибо эти состязания из-за обращения к оружию и напряженного бега сравнимы с действиями на войне, а по своему великолепию и красоте снаряжения подобны отблеску могущества богов.

(25) Вдобавок к этому, они представляют собой восхитительное зрелище, состоящее из множества меняющихся картин, и потому оцениваются самыми высокими наградами; ведь помимо победного венка, уже сами состязания и подготовка к ним являются немалой наградой для тех, кто в надлежащей мере стремится к доблести. Величайшее тому доказательство – произведение Гомера, где у него таким способом воюют друг против друга эллины и варвары. Ведь еще и теперь во время игр этот обычай сохраняется не только в самых незначительных эллинских городах, но и в самых могущественных.

(26) Итак, твой выбор в высшей степени прекрасен и вызывает восхищение у всех людей. Но так как ты считал, что никакой пользы не приносят ни жажда доблести, ни тело, совершенное от природы, если душа не подготовлена для достижения честолюбивых целей, то с самого начала обнаружил это усердие не только своими упражнениями, но и не вызвал разочарования на деле, прочие же свои способности и мужество характера ты с блеском показал на публичных состязаниях».

(27) Хотя я и медлю с началом рассказа о событиях тогда происшедших, опасаясь за слабость передачи, однако я о них не умолчу; ведь достойно порицаний нежелание сообщить о том, что доставляет нам удовольствие видеть. Вместе с тем, если бы я захотел подробно рассказать о всех состязаниях, то, пожалуй, речь у нас оказалась бы слишком длинной. Но если я упомяну только об одних, где ты отличился больше всего, то я одновременно коснусь и всех прочих и не злоупотреблю терпением слушателей.

(28) Когда были запущены упряжки и одна шла впереди твоей, а другая позади, ты, опередив ту и другую, над обеими одержал убедительную победу и в награду получил

венок, по сравнению с которым, хотя победа сама по себе была прекрасна, твое спасение оказалось более прекрасным и неожиданным. В то время как упряжка твоего противника в борьбе, [с.330] не имевшей перевеса, столкнулась с твоей, и когда все решили, что несущихся коней невозможно сдержать, ты, хотя и видел, что некоторые из присутствующих – несмотря на то, что еще ничего страшного не произошло – находятся в сильной тревоге, не растерялся и не оробел, но благодаря своему мужеству показал себя лучшим в управлении упряжкой, а благодаря быстроте опередил своих соперников, дела которых до этого шли успешно.

(29) Ты также оказал столь большое влияние на изменение нравов, что, хотя большинство поговаривало и было убеждено во мнении, на конных ристалищах-де самое приятное зрелище, это – крушение колесниц, все зрители, напротив, испытывали страх, как бы с тобой не случилось чего-нибудь подобного: такую благожелательность и дружелюбность вызывало у них твое благородство.

(30) И это естественно: ведь замечательно – прославиться в каком-нибудь одном отношении, но еще замечательнее – объединить в себе всё, что могло бы служить к славе всякого честолюбивого человека. Это можно видеть вот откуда: мы найдем, что Эака и Радаманта боги любили за справедливость, Геракла, Кастора и Полидевка – за мужество, Ганимеда, Адониса и подобных им – за красоту. Поэтому меня удивляют не те, кто ищет твоей дружбы, а те, кто не выказывает такого желания. Ведь если некоторые удостоились близости богов, обладая лишь одним из упомянутых преимуществ, то, пожалуй, большим оказалось стремление всякого смертного добиться дружбы того, кто предстает обладателем всех достоинств.

(31) По праву можно восхвалить твоих отца, мать и всех родственников, - так далеко превосходишь ты своих сверстников в доблести, но еще большей похвалы заслуживают те, кого ты, одаренный такими качествами, избрал из всех и признал достойными своей дружбы;

(32) не знаю лишь, должно ли их называть влюбленными или же истинными знатоками. Мне также представляется, что судьба, презиравшая низких людей и благосклонная к порядочным, желая взволновать сердца последних, с самого начала наградила тебя красотой не для того, чтобы разочаровать их в надежде на удовольствие, а чтобы побудить к добродетели, ведущей к блаженству. [с.331]

(33) Хотя еще немало я мог бы сказать о тебе, но, по-видимому, на этом мне следует закончить свое похвальное слово, ибо я опасаюсь, как бы обо мне не решили, что я, изображая тебя, выхожу за пределы человеческой природы. Как кажется, впечатление от описания словом столь значительно уступает непосредственному наблюдению, что никому не приходит в голову не верить воспринимаемому зрением, а похвалу тому же предмету, пусть она страдает недостатками, не находят правдивой.

(34) Итак, сказав об этом, я попытаюсь дать тебе советы, вняв им, ты сможешь сделать свой образ жизни еще более достойным. Однако я не хотел бы, чтобы ты дальнейшую мою речь рассматривал как нечто внешнее и понимал бы ее так, как если бы я говорил из желания блеснуть красноречием, а не ради твоей пользы; я хочу, чтобы ты не ошибся в том, что является истинным, и, распорядившись собой, нечаянно не принял порок за благо.

(35) Не порицаем же мы тех, кто безвестен и незаметен, если даже они совершают неблагородные поступки, а напротив, пренебрежение хотя бы чем-нибудь одним из того, что доставляет почести, приносит таким известным людям, как ты, позор. К тому же, кто

допустил ошибку в своем суждении относительно прочих вещей, тот не избрал наилучшее только в одном случае. Но кто неправильно понял или оставил без внимания совет относительно принципов поведения, тот за свое неведение расплачивается в течение всей своей жизни.

(36) Всего этого тебе нужно избежать; ты должен обратить внимание на то, что в человеческих делах имеет самое большое значение и при счастливом исходе приносит нам наибольший успех, а при неудаче на всю жизнь причиняет непоправимый ущерб. Вне всякого сомнения, следует проявить особую заботу о том, что дает решительный перевес в том и другом случае.

(37) И, конечно, мы найдем, что это – дух, который стоит во главе всех человеческих дел; его же может правильно воспитать и развить лишь одна философия. Поэтому, считаю я, ты должен приобщиться к ней, не колеблясь и не страшись труда, которого она требует; ведь праздность и беспечность не способствуют постижению даже того, что лежит на самой поверхности, тогда как терпение и трудолюбие [с.332] приводят к достижению всех благ;

(38) и поэтому самой большой глупостью является, когда люди все свои честолюбивые помыслы обращают на приобретение богатства, физической силы и на подобное и при этом терпят большие лишения, - ведь все это преходяще и обычно находится в подчинении духа, - а о совершенствовании самого духа, пребывающего в них, стоящего над всем остальным и целиком определяющего жизненный путь, они не заботятся.

(39) Прекрасно – прославиться высочайшими достоинствами, полученными от судьбы, но намного прекраснее – быть причастным ко всякому славному делу благодаря собственному усердию. Первого иногда удавалось достигать и людям незначительным, но последнее доступно лишь человеку, отличающемуся добродетелью.

(40) Однако для основательного и подробного изложения содержания философии нам представится в будущем, как я полагаю, более благоприятная возможность. Но коснуться ее вкратце нам сейчас ничто не мешает. В первую очередь тебе следует хорошенько уяснить главное, а именно, что в основе всякого образования лежат знание и некое упражнение и что к философии это относится более всего. Чем серьезнее окажутся те, кто посвятил себя ей, тем лучше они смогут познать ее сущность.

... [с.333-334] ...

(51) Не могу и я судить иначе и призываю тебя обратиться к философии, если ты еще помнишь о своем врожденном даре. Потому-то я и распространялся об этом в начале своей речи и совсем не для того, чтобы похвалой твоим природным свойствам приобрести твое расположение, но чтобы тем больше побудить тебя к занятиям философией, если только ты придаешь ей какое-нибудь значение и в непомерной гордости своими настоящими достоинствами не пренебрегаешь будущими.

(52) Коль скоро ты выделяешься среди своего окружения, то приложи все старание, чтобы [с.335] превзойти остальных; более того, прими за лучшее первенствовать среди всех и считай, что гораздо полезнее показать такое стремление, нежели выдаваться среди посредственных людей. Не посрами своих способностей и не обмани надежды тех, кто ждет от тебя великих свершений, но пытайся собственным усердием превзойти ожидания любящих от всего сердца тебя людей.

(53) Имей в виду, что прочие речи, если они заслуживают внимания, приносят славу своим авторам, но советы доставляют пользу и честь тем, кто дал себя убедить; суждения относительно прочих вещей раскрывают наши чувства, но избрание способа действий обнаруживает всю сущность нашего характера. Как ты решишь об этом деле, так все решат и о тебе; помни, что тот же суд испытанием ждет и меня, воздавшего тебе такую хвалу.

(54) Поэтому будь достоин ее и охраняй меня от упреков за дружбу с тобой. Я не стал бы с таким пылом призывать тебя к занятиям философией, если бы не помышлял об этом прекрасном залоге моей благосклонности к тебе и если бы не видел, что государство, испытывая недостаток в благородных мужах, часто прибегает к услугам случайных людей и вследствие их ошибок терпит величайшие беды.

(55) В своих предписаниях тебе я руководился горячим желанием, чтобы твоя добродетель послужила на пользу государства, а ты сам удостоился от него почестей. Я не верю, что тебе предстоит жизнь заурядного человека, но уповаю на то, что государство поручит тебе управлять каким-нибудь делом, к тому же настолько значительным, насколько оно будет соответствовать твоим выдающимся способностям, и тем скорее пожелает подвергнуть тебя испытанию. Итак, полезно заранее иметь такой образ мыслей, чтобы потом не поступить дурно.

(56) Моей целью было сказать, что, по моему убеждению, ты должен делать для собственной пользы, твой же долг – поразмыслить над этим. Необходимо также, чтобы остальные, ищущие твоей дружбы, не довольствовались приятным времяпровождением и беседами с тобой и не склоняли тебя к ним, но прилагали все усилия к тому, чтобы придать твоей жизни как можно больший блеск. За это они могут и сами удостоиться большой похвалы, и стать источником величайших благ для тебя.

(57) Я не порицаю [с.336] теперь никого из твоих близких друзей. Ведь мне представляется немаловажным в твоём счастье и то, что судьба не столкнула тебя ни с одним бесчестным поклонником, но ты отдавал предпочтение таким, каких выбирают в друзья из своих сверстников. Все же я прошу тебя принимать всех их ласково и дружелюбно, но уступать тем из них, кто обладает наибольшей мудростью, с тем чтобы и они, и остальные сограждане держались о тебе еще более высокого мнения. Будь счастлив»

Гиперид

См. Гиперид V 26 (об Академии) [Гиперид 1962, с.232]; VI 39 (о Гармонии и Аристокитоне) [Там же, с.239].

(№ 1006). Речь III. Против Афиногена

(пер. Л.М.Глускиной [Гиперид 1962, с.213-219])

Содержание речи в изложении Л.М.Глускиной [Там же, с.213]: «Афинский метек Афиноген, египтянин по происхождению, владел тремя парфюмерными предприятиями, одним из которых ведал его раб Мидас, отец двух сыновей. Молодой афинянин Эпикрат

влюбился в мальчика – сына раба Мидаса и хотел выкупить его на свободу. Афиноген подучил мальчика требовать одновременного выкупа его отца и брата». После того, как Эпикрат выкупил всех троих, выяснилось, что парфюмерное предприятие Мидаса обременено долгами на сумму в пять талантов. В речи, написанной для Эпикрата Гиперидом, тот требует признать должником по этим обязательствам Афиногена.

«(5) ... Ты ведь, продолжил он [Афиноген], вносишь деньги для освобождения Мидаса и его детей, а я их тебе продам в собственность, для того прежде всего, чтобы никто не беспокоил и не развращал мальчика, а затем, чтобы и сами они (рабы) боялись предпринять что-либо дурное» [с.213-214]

«(24) Он посылал ко мне мальчика, о котором я уже упоминал выше, с заявлением, что тот не сойдется со мной, если я не выкуплю его отца и брата. Когда я уже согласился внести деньги за всех троих, Афиноген обратился к некоторым из моих друзей, говоря: «Зачем Эпикрату хочется иметь хлопоты, когда он может, взяв мальчика, пользоваться...

(25) ... Никто из вас бы не поверил, что я ... не захотел взять мальчика, когда он мне его давал... а стремился истратить сорок мин и сверх того еще погубить пять талантов...» [с.217]

«(27) ... все [беды] достаются мне, а выгоды от обмана – ему. И Мидаса, которого, по его словам, он отпускает нехотя, этого ... взять, а мальчика, о котором он говорит, что давал мне его впридачу, я получил теперь за гораздо большую сумму, чем тот стоит. И это не для того, чтобы он принадлежал мне, а чтобы вы его своим голосованием отпустили на свободу» [с.218]

Средняя комедия

Эфипп

Перв.пол. 4 в. до н.э.

(№ 1007). «[Комедия Эфиппа «Купец»] ...об одной гетере там говорится следующее:

Потом, входящего, -

Когда случится огорченным кто из нас, -

Приветливо похвалит, поцелуется

Не сжатыми губами, как целуются

Враги, но распахнув, как пьют воробушки,

Усадит и утешит, побеседует,

Развеселит, разгонит прочь немедленно

Его тоску и явит жизнерадостным»

(Афиней VIII 363с [Афиней 2003-, т.1, с.452])

(№ 1008). «Эти же стихи Эфипп повторил и в пьесе «Пельтаст», добавив к ним следующие:

И вот, меля подобный вздор,
Он припеваючи живет,
Повсюду мальчишки любят его,
Хотя даже камешки вряд ли бы смог
Он пересчитать, и гордо свою
Хланиду плут по земле волочит»

(Афиней VIII 347b-с [Афиней 2003-, т.1, с.434])

Анаксандрид

Первая победа в 376 г.

(№ 1009). «Поэтому неудивительно, что рыбаки гордятся своим ремеслом больше, чем лучшие полководцы. У Анаксандроиды в «Одиссее» один из них разглагольствует о своем искусстве следующим образом:

...
Какое же еще искусство, милый мой,
Заставит сохнуть губки свежих юношей,
Заставит в миску лезть, толкаясь пальцами,
Давиться второпях куском проглоченным?
...
Скажи-ка мне, какими заклинаньями
Смазливые мальчишки соблазнялись бы,
Когда бы упразднили рыболовное
Искусство наше? Всё ему покорствуе

При виде рыбьих рыл, в похлебке варенных,

И рыбьих тел перед вратами завтрака:

Всё мирозданье перед ним склоняется.

(Афиней VI 227b-d [Афиней 2003-, т.1, с.287])

(№ 1010). «О подобных издевательских прозвищах, которыми афиняне награждали паразитов, пишет в «Одиссее» Анаксандрид:

Я знаю, вечно прозвища даете вы друг другу:

Божественно красивого зовут Священной свадьбой...»

(Афиней VI 242d [Афиней 2003-, т.1, с.306])

Эвбул

Победа ок.370 до н.э.

(№ 1011). «Эвбул, правда, говорит об этом [о рыбе] не без комикования:

Кто из ахейцев у Гомера рыбу ест?

У них и мясо было только жареным:

И ни один не пробовал варить его.

Никто из них не тешился с подругами:

Друг дружку мяли десять лет без устали

В такой войне, что хуже не придумаешь.

Один лишь город взяли и ушли с дырой

В заду пошире тех проломов в крепости.

... Спят с женщинами у Гомера не только молодые, но и старики Феникс и Нестор. Нет наложницы только у Менелая...» (Афиней I 25b-c, f [Афиней 2003-, т.1, с.36-37])

Комедия Эвбула «Ганимед» (Афиней III 110a [Афиней 2003-, т.1, с.150]); (Афиней VI 248b [Афиней 2003-, т.1, с.314]).

Комедия Эвбула «Привязанность», или «Лебедь» (Афиней VII 301a [Афиней 2003-, т.1, с.374])

Антифан

Комедия Антифана «Педераст» (Афиней VII 303f [Афиней 2003-, т.1, с.378])

Пьеса Антифана «Сапфо». Сапфо задает загадки. (Афиней X 73)

(№ 1012). [Комедия Антифана «Рыбачка»]:

.....наш Мисгол

Не очень любит их [угрей]. Но вот кифар лежит:

Мисгол, его увидев, не удержится –

Замечено, что очень уж он льнет тайком

К пригожим кифаредам. ...

Здесь Антифан отлично выставляет на смех также и Мисгола за приставания к пригожим кифаредам. Оратор Эсхин тоже говорит о нем в речи «Против Тимарха»: «Сын Навкрата Мисгол, коллтиец, - человек во всем прекрасный и безупречный, только вот страшно любит, чтобы вокруг толпились кифареды и кифаристы. Я говорю это не затем, чтобы позлословить, а только чтобы вы знали, что это за человек». (Афиней VIII 339a-c [Афиней 2003-, т.1, с.424])

(№ 1013). «Этот Батал, как говорят некоторые, был флейтист, чья порочная изнеженность послужила Антифану темой для злой комедии» (Плутарх. Демосфен 4, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.323])

(№ 1014). «Гораздо вероятнее и удобоприемлее о происхождении всех вещей сказал один из древних комиков Антифан в своей теогонии. Он производит из Ночи и Молчания Хаос, потом из Ночи и Хаоса Любовь, из нее Свет, а из него остальное первое поколение своих богов. Затем он говорит о втором роде богов и о сотворении мира; эти вторые боги, по его словам, создали человека. Валентиниане усвоили себе эту басню ... изменив только в ней имена...» (Ириней. Против ересей II 14, 1 [Ириней 1996, с.144])

Анаксилай

Сер.4 в. до н.э.

Комедия Анаксила[я] «Красавец-мужчина» (Афиней VI 224a [Афиней 2003-, т.1, с.283])

Аристофонт

4 в. до н.э.

(№ 1015). «И Аристофонт говорит во «Враче»:

Но сперва хочу сказать, каков я по характеру.

...

Надо выдержать удары – наковальня; Теламон,

Чтобы бить кулачным боем; соблазнить красавцев – дым»

(Афиней VI 238b-c [Афиней 2003-, т.1, с.301])

Офелион

4 в. до н.э.

Комедия Офелиона «Уродливый красавец» (Афиней III 106a [Афиней 2003-, т.1, с.144]).

Алексид

Победа в 347 г.

Комедия Алексиды «Наставник в распутстве» (Афиней VIII 336d [Афиней 2003-, т.1, с.421])

(№ 1016). Алексид. В комедии «Федр» заставляет героя произносить речь, характеризующую Эрота как существо

«ни женского, ни мужского рода, ни бога, ни человека, ни глупого, ни умного, но отовсюду всего набравшего, в одном лике объединяющего многие виды. Он дерзание мужчины, слабость женщины, неразумие безумца, разум мыслящего, сила зверя, неукротимая мука, стремление к божеству [даймону]» (прозаич.пер. А.А.Тахо-Годи, цит. по: Комм. // [Платон 1990-94, т.2, с.444])

(№ 1017). «Алексид говорит в «Тарентийцах», что жители Аттики на пирах пускались в пляс с одного глотка вина:

Афинский знаешь ты обычай давешний:

Почуяв запах винный, все немедленно

Пускаются плясать; коли врасплох войдешь,

Покажется, что здесь случилось бедствие.

Кто молод, тот кружится не без прелести,
Но если Феодота я, мошенника,
Завижу или встречу вдруг негодного
Льстеца, что глазками играя, вертится, -
С каким бы наслажденьем я б схватил его
И засадил в колодки»

(Афиней IV 134a [Афиней 2003-, т.1, с.181])

(№ 1018). Алексид в «Состязательнице, или Шарфике»:

О мать, молю, Мисголом не стращай меня,
Ведь я не кифаред!»

(Афиней VIII 339с [Афиней 2003-, т.1, с.424])

Тимокл

Вт.пол. 4 в. до н.э.

(№ 1019). «Тимокл в «Демосатирах»:

Сын Хабрия Ктесипп и то не бреется
Три раза в день, а уж на что сияет он –
Не среди мужчин, хотя бы между дамами»

(Афиней IV 165f [Афиней 2003-, т.1, с.218])

(№ 1020). «Также Тимокл пишет в «Сапфо»:

Не видно что-то, чтобы подходил к тебе
Мисгол, хотя уж он к цветущим юношам
Неравнодушен».

(Афиней VIII 339с [Афиней 2003-, т.1, с.424])

Искусство IV века

(№ 1021). «[Живописец] Непарх – Венеру [Афродиту] среди граций [харит] и купидонов [эротов]» (Плиний Старший. Естествознание XXXV 141 [Плиний 1994, с.107]) Непарх – видимо IV в. до н.э. [Комм. // Плиний 1994, с.595]

(№ 1022). «Леохар [создал] – Орла, который понимает, что он похищает в Ганимеде и кому доставляет его, и бережно оберегает от своих когтей мальчика, даже через одежду, Автолика, победителя в панкратии, по поводу которого Ксенофонт написал Пир...» (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 79 [Плиний 1994, с.69])

(№ 1023). «[О статуях] Почему вы не стыдитесь Гефестионова блуда, даже если Филон запечатлел его весьма искусно? И чего ради, благодаря Леохару имея этого полумужа [гермафродита] Ганимеда, вы цените его как некое важное достояние, так же как и некую женщину в браслетах работы Праксителя?» (Татиан 34 [Татиан 1993 (№ 1), с.263]) То же: [Апологеты 1999, с.40]

(№ 1024). «Он [Лисипп из Сикиона] создал и Гефестиона, друга Александра Великого ... а также Охоту Александра, которая посвящена в Дельфах ... Конный отряд Александра, в котором с величайшим сходством изобразил портреты друзей Александра, - это произведение Метелл, после покорения Македонии, перевез в Рим» (Плиний Старший. Естествознание XXXIV 64 [Плиний 1994, с.67])

(№ 1025). «Произведения Никия [живописца]: ... Гиацинт, которого цезарь Август, восхищенный им, увез с собой после взятия Александрии, и поэтому цезарь Тиберий посвятил эту картину в храме Августа...» (Плиний Старший. Естествознание XXXV 131 [Плиний 1994, с.104])

Никий, сын Никодема, из Афин – живописец вт.пол. IV в. до н.э. [Комм. // Плиний 1994, с.575-576]

(№ 1026). «Есть у них и храм Мессены, дочери Триопа... На задней стене храма находятся картины, изображающие царей Мессении... Эти картины нарисовал Омфалион, ученик Никия, сына Никомеда, другие же говорят, что он был рабом у Никия и был его любимцем» (Павсаний IV 31, 11-12 [Павсаний 2002, т.1, с.319]).

Омфалион известен только по этому месту. Кон.4-нач.3 вв.

Пракситель

(№ 1027). «Рассказывают, что как-то Фрина просила у него [Праксителя] самое лучшее из его произведений; он согласился, будучи её любовником, подарить ей, но не захотел сказать, какое произведение он считает самым прекрасным. И вот раб Фрины, вбежав, говорит Праксителю, что большая часть его произведений погибает, так как огонь охватил

его жилище, но не все еще уничтожены. Пракситель тотчас же бросился к дверям, выходящим наружу, говоря, что от его трудов не останется ничего, если пламя действительно охватило его Сатира и его Эрота. Тогда Фрина велела ему успокоиться и остаться у неё; с ним не случилось ничего ужасного, но она устроила хитрость, чтобы он сознался, какое из его творений самое прекрасное. Таким образом Фрина выбрала себе Эрота» (Павсаний I 20, 2 [Павсаний 2002, т.1, с.55-56])

(№ 1028). «(20) ...самое выдающееся не только из произведений Праксителя, а во всем мире, это Венера, чтобы увидеть ее, многие отправлялись в Книд. ... (21)... Этой статуей Пракситель прославил Книд. Эдикула ее вся открыта, чтобы отовсюду видно было изображение богини, созданное, как считают, под покровительством ее самой. И с какой бы стороны ни смотреть – восхищение не уменьшается. Рассказывают, что кто-то, охваченный любовью к ней, спрятавшись однажды ночью, прильнул к изображению, и о его страсти свидетельствует пятно. (22) ...

Ему же принадлежит и Купидон, о котором говорил Цицерон, обвиняя Верреса, тот знаменитый Купидон, ради которого посещали Теспии, сейчас находящийся в Школах Октавии.

Ему же принадлежит и другой Купидон, обнаженный, в колонии Парии у Пропонтиды, равный Венере Книдской по знаменитости и осквернению [nobilitate et iniuria]: в него влюбился родосец Алкет и тоже оставил на нем такой же след любви» (Плиний Старший. Естествознание XXXVI 20-22 [Плиний 1994, с.118-119])

(см. примечания: Эрот Парийский (Плиний XXXVI 22) [Павсаний, т.2, с.385])

(№ 1029). «Феспии в прежние времена получили известность благодаря Эроту Праксителя; эту статую – произведение Праксителя – посвятила феспийцам гетера Гликера, потому что сама она была родом из Феспий (она получила ее в подарок от художника). Поэтому в прежние времена путешественники приезжали в Феспии, чтобы посмотреть на этого Эрота, так как в других отношениях город не представлял ничего достопримечательного» (Страбон IX 2, 25 (стр.410) [Страбон 1994, с.389])

(№ 1030). «[О статуях, похищенных Верресом из Мессаны] Из них одна, мраморное изображение Купидона, изваяна Праксителем; как видите, я, производя следствие по делу Верреса, заучил даже имена художников. Если не ошибаюсь, тот же художник изваял Купидона в таком же роде, находящегося в Феспиях, ради которого в Феспии приезжают путешественники; ведь приезжать туда больше не за чем. ... Та статуя Купидона, о которой я говорю, была из мрамора...» (70 г. Цицерон. Речь против Гая Верреса («О предметах искусства») 2-3 (4-5) [Цицерон 1993, т.1, с.60])

Посидипп в книге о Книде и статуе Афродиты. (Арнобий. Против язычников VI 22 [Арнобий 1917, с.284])

Насчитывают по крайней мере пять Эротов Праксителя (Комм. Г.А.Тароняна [Плиний 1994, с.654])

См. Цицерон. Против Верреса IV 4, 135

Статуя Эроса (обнаженного, крылатого) изображена на монетах Пария II в. н.э. (Комм. Г.А.Тароняна [Плиний 1994, с.655])

(№ 1031). «Парий – приморский город с гаванью большего размера, чем у Приапа... Здесь передают мифический рассказ о том, что офиогены находятся в каком-то родстве со змеями... Согласно мифу, родоначальником племени был какой-то герой, превратившийся из змеи в человека. ... Парий был основан милетцами, эрифрейцами и парийцами» (Страбон XIII 1, 14 (стр.588) [Страбон 1994, с.551])

Эпиграммы на Эроса Праксителя.

«Силу изведав мою, представил Пракситель Эроса,
Образ любви отыскав в собственном сердце своём.
Отдан я Фрине – Любовь за любовь. Без стрел и без лука
Я проникаю в сердца тех, кто глядит на меня»

(№ 1032). (Псевдо-Симонид № 56 (АП XVI 204),
пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1993, с.24-25],
пер. Л.В.Блуменау см. [Лирика 1968, с.337])

«В Феспиях чтут одного лишь Эроса, дитя Афродиты,
И признают только тот образ Эроса, в каком
Бога познал сам Пракситель, в каком его видел у Фрины,
И, изваяв, ей как дань собственной страсти принёс»

(№ 1033). (Леонид № 89 (АП XVI 206),
пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.149])

«Видя на Книде скалистом вот эту Киприду, ты скажешь:
«Камень способна зажечь, хоть и из камня сама».
В Феспиях, видя Эроса, невольно промолвишь: «Не камень,
Но и холодную сталь этот способен зажечь».

Создал такими Пракситель богов. Но чтоб всё не сгорело

От двойного огня, порознь он их поместил»

(№ 1034). (Антипатр Сидонский № 44 (АП XVI 167),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.205])

«Статую создал Пракситель Эроса паросскую, облик

Сына Киприды самой в это творенье вдохнув.

Ныне Эрот оживил прекраснейший статую эту

И, представляя себя, нам он Праксителя дал,

Пусть этот смертных чарует, а бог обольщает на небе!

Страсти пусть правят равно на небе и на земле!

О счастливейший город меропов, который Эроса

Богорожденного вновь, юных вождя, воспитал!»

(№ 1035). (Мелеагр № 110 (АП XII 56),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.253])

«Древний ваятель Пракситель прекрасную статую создал,

Но без души, лишь придав внешние камню черты,

Облик глухой и немой. А теперь им волшебнo изваян

Одушевленный в моем сердце коварный Эрот.

Общее имя у них, а в жизни он лучше гораздо,

Он и не камень, – души преобразующий дух.

Пусть изваяет теперь ваятель во мне мою душу,

А после этого пусть храм возведет в ней Эрот»

(№ 1036). (Мелеагр № 111 (АП XII 57),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.253])

Македония

Филипп

(№ 1037). «Мальчиком он [Филипп] жил в Фивах у Паммена и на этом основании считался ревностным последователем Эпаминонда» (Плутарх. Пелопид 26, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.333])

(№ 1038). «...Александра, пасынка Аррибы, брата жены своей Олимпиады, красивого и чистого нравами юношу, Филипп вызвал в Македонию якобы по просьбе сестры. Всеми способами, то обещая юноше царскую корону, то притворяясь влюбленным, Филипп склонил юношу к преступной связи с ним. Филипп рассчитывал, что впоследствии Александр будет ему вполне покорным либо из чувства стыда, либо из чувства благодарности за [обещанное] благодеяние, царскую власть. Поэтому, когда Александру исполнилось двадцать лет, Филипп, несмотря на его юный возраст, передал ему отнятое у Аррибы царство, совершив, таким образом, преступление по отношению и к тому и к другому. Ибо в отношении того, у которого отнял царство, он нарушил право родства, а того, которому он отдал царство, развратил, прежде чем сделать его царем» (Юстин. Эпитома Помпея Трога VIII 6, 5-8 [Юстин 2005, с.73])

(№ 1039). «В сорок девятой книге он [Феопомп] так говорит о Филиппе: «Людей благопристойных и бережливых Филипп отвергал, а любил и хвалил тех, кто жил привольно и тешился пьянством и игрою. Он не только давал им в этом полную волю, но и позволил состязаться во всем дурном и мерзком. Каких гнусностей в них не было? И что хорошего в них было? Взрослые, они брили и выщипывали себе волосы; бородатые, влезали друг на друга, каждый из них таскал с собой двух-трех распутников и сам был готов служить другим. Поэтому верно было бы сказать, что они – не гетайры, но гетеры, не воины, но подонки, по натуре злодеи, по привычкам блудодеи» (Афиней VI 260d-f [Афиней 2003-, т.1, с.326])

(№ 1040). «Филипп брал сыновей знатных македонян в свою свиту не для того, чтобы, как говорят некоторые, бесчестить или унижать их, а с целью закалить юношей в трудах и приучить к несению необходимых обязанностей. К тем же, кто был склонен к изнеженности и лени, он, как передают, относился беспощадно» (Элиан. Пёстрые рассказы XIV 48 [Элиан 1963, с.121])

(№ 1041). «...когда же после битвы [при Херонее] Филипп, осматривая трупы, оказался на том месте, где в полном вооружении, грудью встретив удары македонских копий, лежали все триста мужей, и на его вопрос ему ответили, что это отряд любовников и возлюбленных, он заплакал и промолвил: «Да погибнут злою смертью подозревающие их в том, что они были виновниками или соучастниками чего бы то ни было позорного». (Плутарх. Пелопид 18, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.329])

Павсаний

(№ 1042). [336 г.] «...Филипп справил свадьбу дочери своей Клеопатры и Александра, которого он сделал царем Эпира. Свадьба была отпразднована с невероятной пышностью... Не было недостатка и в великолепных зрелищах; Филипп отправился

посмотреть на них без телохранителей, между двумя Александрями, сыном и зятем. Воспользовавшись этим, молодой человек из македонской знати, по имени Павсаний, ни в ком не возбуждавший подозрений, стал в узком проходе и заколол Филиппа, когда тот шел мимо него; так день веселья превратился в день погребальных рыданий.

Павсаний этот еще в ранней юности подвергся насилию со стороны Аттала, причем этот и без того позорный поступок тот сделал еще более гнусным: приведя Павсания на пир и напоив его допьяна неразбавленным вином, Аттал сделал его жертвой не только своей похоти, но предоставил его и остальным своим сотрапезникам, словно Павсаний был продажным распутником, так что Павсаний стал посмешищем в глазах своих сверстников.

Тяжко оскорбленный, Павсаний несколько раз обращался с жалобами к Филиппу. Павсанию отводили глаза ложными обещаниями, да еще и подшучивали над ним, а врагу его – он видел – дали почетную должность военачальника; поэтому он обратил свой гнев против Филиппа и, не будучи в состоянии отомстить обидчику, отомстил несправедливому судье. (7) Думали также, что Павсаний был подослан Олимпиадой, матерью Александра, да и сам Александр не был, по-видимому, не осведомлен о том, что замышляется убийство его отца, ибо Олимпиада не менее страдала от того, что ее отвергли и предпочли ей Клеопатру, чем Павсаний от своего позора. ... Полагали, что и тот и другая [Александр и Олимпиада] в своем озлоблении толкнули Павсания, негодовавшего на безнаказанность своего оскорбителя, на такое страшное злодеяние. Олимпиада, по-видимому, держала наготове коней для убийцы на случай его бегства. Когда же она, услышав об убийстве царя, поспешила на похороны под предлогом исполнения последнего долга, то она в ту же ночь возложила на голову висевшего на кресте Павсания золотой венец. ... Спустя немного дней она сожгла снятый с креста труп убийцы над остатками своего мужа и приказала насыпать холм на том же месте; она позаботилась и о том, чтобы ежегодно приносились умершему жертвы, согласно с верованиями народа. ... Наконец, она посвятила Аполлону меч, которым был заколот царь, от имени Мирталы; это имя Олимпиада носила в младенчестве» (Юстин. Эпитома Помпея Трога IX 6-7 [Юстин 2005, с.78-79])

(№ 1043). «Когда Павсаний, потерпевший жестокую обиду из-за Аттала и Клеопатры, не нашел справедливости у Филиппа и убил его, то в этом преступлении больше всего обвиняли Олимпиаду, утверждая, будто она подговорила и побудила к действию разъяренного молодого человека. Обвинение коснулось и Александра: шли толки, что, когда после нанесенного ему оскорбления Павсаний встретил Александра и пожаловался ему на свою судьбу, тот ответил стихом из «Медеи»:

Всем отмстить – отцу, невесте, жениху.

Тем не менее, разыскав участников заговора, Александр наказал их и очень возмущался тем, что Олимпиада в его отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой» (Плутарх. Александр 10, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.122])

(№ 1044). «Граждане [Афин] немедленно постановили устроить благодарственное жертвоприношение и наградить Павсания венком» (Плутарх. Демосфен 22, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.332])

См. также Элиан. Пёстрые рассказы III 45 [Элиан 1963, с.42]

(№ 1045). «У македонян два царя далеко превосходили всех остальных славой воинских подвигов: Филипп, сын Аминты, и Александр Великий. Последний скончался в Вавилоне

от недуга, а Филипп был убит Павсанием в Эгах по дороге на игры, возле театра» (Непот. О царях 2 [Непот 1992, с.85])

(№ 1046). Об убийстве Филиппа: «... умер от руки коварного сына Кераста Павсания, происходившего из рода Ореста...» (Иосиф Флавий. Иудейские древности XI 8, 1 [Иосиф 1994, т.2, с.85])

О дне убийства Филиппа. (Иосиф Флавий. Иудейские древности XIX 1, 13 [Иосиф 1994, т.2, с.493])

Феопомп

(№ 1047). «... Феопомп видит и говорит не только то, что очевидно многим, но изучает неясные причины поступков, побуждения и движения души тех, кто их совершает, которые большинству увидеть нелегко; он всегда разоблачает все тайны мнимой добродетели и нераскрытых пороков. Мне кажется, что мифический суд, который при разлучении души с телом вершат в Аиде тамошние судьи, так же строг, как и тот, что вершит Феопомп в своих сочинениях. Из-за того и прославили его клеветником, что он добавляет к необходимым упрекам по отношению к видным лицам еще и не необходимые обстоятельства так же, как это делают врачи, которые отсекают и выжигают больные части тела, стремясь достать и вырвать их поглубже, не нанося при этом никакого вреда здоровым и нормальным органам» (Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею (785), пер. О.В.Смыки [Риторика 1978, с.232])

(№ 1048). «Употребление таких колонов довольно рискованно. ... Это становится нам ясным на примере из Феопомпа. В обвинительной речи против друзей Филиппа он говорит: «Мужеубийцами были они по натуре, мужеблудниками стали по образу жизни. Они назывались сообщниками, а были соложниками». Созвучие колонов и противопоставление в них уменьшают силу речи, так как в них много искусственности. Гнев не нуждается в искусной отделке...» (Деметрий. О стиле 27, пер. Н.А.Старостиной и О.В.Смыки [Риторика 1978, с.242])

(№ 1049). «В периодах надо избегать антитез и созвучий: они придают речи пышность, а не силу и часто вместо мощи получается выпренность. Так, например, Феопомп в речи, направленной против товарищей Филиппа, антитезой разрушил силу... Ведь слушатель, поглощенный таким сверхискусством, а вернее лжеискусством, уже далек от всякого гнева» (Деметрий. О стиле 247, пер. Н.А.Старостиной и О.В.Смыки [Риторика 1978, с.276])

(№ 1050). «(11, 1) В этом отношении наибольшего порицания достоин Феопомп. ... (5) Если кто прочитает начало сорок девятой книги Феопомпа, безрассудство историка приведет его в изумление, ибо, не говоря уже о прочем, мы находим у него даже такие выражения:

(6) «Если обретался где-либо среди эллинов или варваров какой развратник или наглец, все они собирались в Македонию к Филиппу и там получали звание друзей царя. (7) Да и вообще Филипп знать не хотел людей благонравных и бережливых, напротив ценил и отличал расточительных или проводящих жизнь в пьянстве и игре. (8) Он не только давал

им средства для порочной жизни, но возбуждал их к соревнованию во всевозможных мерзостях и беспутствах. (9) Каких только пороков или преступлений не было на этих людях? Зато они были далеки от всего честного и благородного. Одни из них, в возмужалом возрасте, ходили всегда бритыми, с выглаженной кожей, другие, хотя и носили бороду, предавались разврату друг с другом. (10) Они водили за собою двух-трех любовцев, а другим предлагали те же услуги, что и любовцы. (11) Поэтому правильнее было бы считать этих друзей не товарищами, а товарками, называть их не воинами, но потаскухами. (12) По натуре человекоубийцы, по образу жизни они были любовцы. Во избежание многословия, (13) тем паче, что передо мною столько важных дел, скажу вообще: мне думается, что люди, именовавшиеся друзьями и товарищами Филиппа, были на самом деле такими скотами и развратниками, что с ними не могли бы сравниться ни Кентавры, обитавшие на Пелии, ни Лестригоны, жившие на Леонтинской равнине, ни вообще какая бы то ни было тварь».

(12, 1) Разве можно не возмущаться такою грубостью и непристойностью в речи историка? (2) В самом деле, Феопомп заслуживает осуждения не за то только, что высказывает мнения, противоречащие задаче его собственного повествования, но и за то также, что он оболгал царя и друзей его, а наиболее за то, что эти лживые известия облакает в срамную и непристойную форму. ... (5) Что касается Филиппа и его друзей, то нечего бояться, как бы не приписать им изнеженности, малодушия или непотребства; следует остерегаться того только, чтобы не впасть в превознесение этих людей... (6) Несомненно ведь, что они собственными трудами и подвигами создали из ничтожного царства славнейшую и обширнейшую македонскую державу. ... (12) Таким образом, если язвительность, с какою историк Тимей говорит о сицилийском владыке Агафокле, имеет еще некоторое оправдание при всей своей неумеренности, ибо он избличает врага своего, негодяя и тирана, то в ожесточении Феопомпа нет никакого смысла.

(13, 1) И в самом деле, поставив себе задачею написать историю Филиппа, как царя от природы весьма расположенного к добру, он затем взваливает на него все пороки и преступления, какие только можно вообразить себе» (Полибий VIII 11-13 [Полибий 1994-95, т.2, с.69-71])

Александр Великий

«Нет вообще человека, о котором писали бы

больше и противоречивее»

(№ 1051). (Арриан. Поход Александра I Пред., 2 [Арриан 1993, с.49])

Все тексты об Александре приводить здесь нет ни возможности, ни смысла. Зато мне показалось целесообразным подробно изложить то, что известно из биографии Гефестиона.

(№ 1052). «[Лисимах] себя называл Фениксом, Александра – Ахиллом, а Филиппа – Пелеем» (Плутарх. Александр 5, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.118-119])

(№ 1053). «Еще в детские годы обнаружилась его воздержность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным» (Плутарх. Александр 4, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.118])

(№ 1054). [333 г.] «Однажды Филоксен, командовавший войском, стоявшим на берегу моря, написал Александру, что у него находится некий тарентинец Феодор, желающий продать двух мальчиков замечательной красоты, и осведомлялся у царя, не хочет ли он их купить. Александр был крайне возмущен письмом и не раз жаловался друзьям, спрашивая, неужели Филоксен так плохо думает о нем, что предлагает ему эту мерзость. Самого Филоксена он жестоко изругал в письме и велел ему прогнать прочь Феодора вместе с его товаром. Не менее резко выбранил он и Гагнона, который написал, что собирается купить и привезти ему знаменитого в Коринфе мальчика Кробила» (Плутарх. Александр 22, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.129-130])

(№ 1055). «А теперь сравним его поведение с тем, как вели себя признанные философы. Сократ не стеснялся разделять ложе с Алкивиадом. Александр же, когда Филоксен, бывший наместником прибрежных областей, написал ему, что в Ионии имеется мальчик, которому нет равных ни по свежести, ни по красоте, и спросил, не прислать ли его, резко ответил: «Ты, верно, совсем не знаешь меня, сквернейший человек, раз пытаешься угодить мне такого рода приманкой». (Плутарх. Об удаче и доблести Александра I 12, пер. Г.П.Чистякова и Э.Г.Юнца [Курций 1993, с.437])

(№ 1056). «...когда Кассандр насильно ласкал Пифона, любимца флейтиста Эвия, а Эвий смотрел и мучился, то Александр гневно набросился на Кассандра, крикнув: «Так, по-твоему, никому и любимым быть нельзя?» (Плутарх. Изречения царей и полководцев 26, 20, пер. М.Л.Гаспарова [Плутарх 1990, с.351])

(№ 1057). «...вообще до своей женитьбы он не знал, кроме Барсины, ни одной женщины. Барсина, вдова Мемнона, была взята в плен под Дамаском» (Плутарх. Александр 21, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.129])

Это утверждение Плутарха весьма сомнительно, так как в нескольких источниках упоминаются наложницы Александра

(№ 1058). «Итак, милостиво приняв сакских послов, он дал им в спутники Эксципина, еще совсем молодого человека, которого он приблизил к себе из-за цветущей его юности; напоминая Гефестиона телосложением, он, конечно, уступал ему в прелести почти не мужской». (Курций Руф VII 9, 19, пер. Д.А.Дрбоглава [Курций 1993, с.162])

Заговор Димна

(№ 1059). «В это время один македонянин по имени Димн, родом из Халастры, злоумышлявший против Александра, попытался вовлечь в свой заговор юношу Никомаха, своего возлюбленного, но тот отказался участвовать в заговоре и рассказал обо всем своему брату Кебалину. Кебалин пошел к Филоту и просил его отвести их с братом к Александру, так как они должны сообщить царю о деле важном и неотложном. Филот, неизвестно по какой причине, не повел их к Александру, ссылаясь на то, что царь занят более значительными делами. И так он поступил дважды. Поведение Филота вызвало у братьев подозрение, и они обратились к другому человеку. Приведенные этим человеком к Александру, они сначала рассказали о Димне, а потом мимоходом упомянули и о Филоте, сообщив, что он дважды отверг их просьбу. Это чрезвычайно ожесточило Александра. Воин, посланный арестовать Димна, вынужден был убить его, так как Димн оказал сопротивление...» (Плутарх. Александр 49, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.147-148])

(№ 1060). «(79, 1) ... Лимн, один из друзей царя, за что-то упрекал его и, увлеченный гневом, решил составить против него заговор. (2) Был у него любимец Никомах; он убедил и его участвовать в этом заговоре. Тот, совершенный юнец, рассказал об этом деле своему брату Кебалину. Брат испугался, как бы кто-нибудь из участников заговора не раскрыл его царю раньше, чем он сам успеет это сделать, и решил рассказать обо всем Александру. ... Филота придя к Александру ... и словом не упомянул о сообщении Кебалина.

(5) ... Царь в испуге велел тотчас же схватить Лимна и, узнав все, послал за Кебалином и Филотой. (6) Их обо всем распросили, дело было расследовано; Лимн покончил с собой...» (Диодор XVII 79, пер. М.Е.Сергеенко [Курций 1993, с.322])

(№ 1061). «Димн, человек среднего положения и веса среди приближенных царю, пылал любовью к распутному юноше Никомаху, состоявшему с ним в связи. (3) И вот он, судя по выражению лица, сильно потрясенный, удалив свидетелей, заходит с юношей в храм; (4) и, начав с того, что сообщит нечто весьма секретное и заинтересовав этим, требует во имя взаимной их любви принести клятву, что доверенное ему он покроет молчанием. (5) Никомах, полагая, что тот не скажет ничего такого, молчание о чем было бы преступно, клянется всеми богами. (6) Тогда Димн открывает ему, что составлен заговор убить на третий день царя и что он сам участвует в этом заговоре вместе со смелыми и выдающимися мужами. (7) Юноша, услышав это, стал упорно отрицать, что дал клятву участвовать в таком преступлении, и сказал, что никакая клятва не заставит его умолчать о таком преступлении. (8) Димн, обезумев от любви и страха, схватил юношу за руку и, рыдая, стал умолять его принять участие в заговоре; (9) а если он не может, то по крайней мере не выдавать его: ведь он доказал свою любовь к нему, кроме всего другого, тем, что, не испытав его верности, доверил ему свою жизнь. (10) Наконец Димн стал воздействовать на юношу, продолжавшего с негодованием отказываться, страхом, говоря, что заговорщики начнут свое славное дело с его убийства. (11) Затем он старался повлиять на юношу, отвращающегося от такого преступления, то называя Никомаха трусливой женщиной, то предателем своего любовника, то давая ему большие обещания. ... (15) Димн, помраченный любовью и преступлением, стал благодарить юношу и поздравлять с тем, что, проявив мужество, он решил присоединиться к Деметрию, одному

из телохранителей, Певколаю и Никанору; к ним он прибавил имена Афобета, Иолая, Диоксена, Археполиса и Аминты.

(16) Когда Димн отпустил его, Никомах сообщил все, что узнал, своему брату по имени Кебалин.

(18) Случилось так, что, когда все разошлись, один Филот, сын Пармениона, по какой-то причине задержался у царя. Ему-то Кебалин, путаясь в словах от сильного волнения, сообщает о том, что узнал от брата, и просит немедленно доложить царю. ...

...

[Александр спрашивает Филота о причинах задержки]

(33) На это Филот, совершенно не смутившись, если судить по его лицу, ответил, что Кебалин действительно сообщил ему слова развратника, но он не придавал им значения, опасаясь, что вызовет у других смех, если будет рассказывать о ссорах между влюбленными; (34) но раз Димн покончил с собой, конечно, не следует молчать, что бы это ни было». (Курций Руф VI 7, 2, пер. И.А.Мироновой [Курций 1993, с.126-128])

(№ 1062). «...Филот был схвачен и приведен на допрос. Его подвергли пыткам в присутствии ближайших друзей царя, а сам Александр слышал всё, спрятавшись за занавесом. Рассказывают, что, когда Филот жалобно застонал и стал униженно молить Гефестиона о пощаде, Александр произнес: «Как же это ты, Филот, такой слабый и трусливый, решился на такое дело?» После смерти Филота Александр сразу же послал в Мидию людей, чтобы убить Пармениона...» (Плутарх. Александр 49, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.148])

Суд над Филотом. (Курций Руф VI 8-11 [Курций 1993, с.130-139])

Заговор Гермолая

(№ 1063). «(13, 1) Еще Филиппом было заведено, чтобы сыновья знатных македонцев, вошедшие в юношеский возраст, набирались для услуг царю; им поручали прислуживать царю и стоять на страже, когда он спит. ... (2) В числе этих юношей находился и Гермолай, сын Сополида; он, по-видимому, занимался философией и поэтому с уважением относился к Каллисфену. Рассказывают, что когда на охоте кабан несся прямо на Александра, Гермолай метнул в него копье раньше Александра. Кабан упал; Александр упустил момент, но рассердился на Гермолая; в гневе приказал он высечь его на глазах остальных юношей и отнял у него лошадь.

(3) Этот Гермолай, страдая от полученного оскорбления, сказал Сострату, сыну Аминты, своему сверстнику и другу, что он не сможет жить, если не отомстит Александру за оскорбление. Сострата он легко убедил помочь ему; тот любил его. (4) Они привлекли на свою сторону ... Сговорились в ту ночь, когда очередь держать ночную стражу дойдет до Антипатра, убить Александра, напав на сонного.

(5) По рассказу одних, само собой случилось так, что Александр пьянствовал до утра ...

(6) ... таким образом, дело юношей провалилось.

(7) На следующий день Эпимен, сын Арсея, один из участников заговора, рассказал обо всем Хариклу, сыну Менандра, своему другу. Харикл рассказал Эврилоху, брату Эпимена. Эврилох пошел в палатку Александра и изложил все Птолемею, сыну Лага, телохранителю. Тот рассказал Александру. Александр велел схватить всех, чьи имена были названы Эврилохом. Их пытали, и они раскрыли весь свой заговор и назвали еще несколько человек. ...

(14, 2) Некоторые же пишут следующее: Гермолай, когда его поставили перед собранием македонцев, заявил, что он действительно составил заговор – свободному человеку невозможно терпеть дерзостное самомнение Александра ... (3) Присутствующие побили камнями его и всех, кто был с ним захвачен». (Арриан. Поход Александра IV 13, 1-14, 3 [Арриан 1993, с.152-153])

Плутарх. Александр 54-55 (эпизод с Каллисфеном) [Плутарх 1994, т.2, с.151-152]

У Диодора нет.

(№ 1064). «И вот знатный юноша из этой когорты, Гермолай, поразил однажды стрелой вепря, которого хотел убить сам царь; по его приказу юноша был наказан розгами. Тяжело снося эту обиду, он стал жаловаться Сострату, который был из той же когорты и пылал к нему любовью. (8) Сострат увидел избитое тело своего любимца, возможно, с какого-то времени он был враждебен царю по другой причине. И вот он стал распалять и без того раздраженного юношу; обменявшись взаимными клятвами верности, он убедил его заключить с ним союз, чтобы убить царя. (9) Они повели дело без детской горячности и очень осмотрительно выбрали тех, кого можно было привлечь в союзники в таком преступном деле. Они сочли нужным завербовать Никострата, Антипатра, Асклепидора и Филота; через них удалось подговорить Антикла, Элаптония и Эпимена. ...

(20) Но Эпимен, либо внезапно переменив свое намерение из-за царской милости, выделившей его среди прочих, либо убедившись, что сами боги препятствуют задуманному, открывает все, что подготовлялось, своему брату Эврилоху, хотя раньше не хотел посвящать его в свои планы. (21) ... Эврилох берет брата за руку и приходит с ним к царскому двору. ... (24) ... Эпимен рассказал все по порядку и назвал имена заговорщиков. ... (25) Некоторые добавляют, что, когда Гермолай жаловался на понесенное от царя наказание, Каллисфен советовал юношам помнить, что они уже взрослые. Трудно было понять, сказано ли это, чтобы утешить наказанного розгами, или, напротив, чтобы еще больше распалить его гнев». (Курций Руф VIII 6, 7-25, пер. А.Ч.Козаржевского [Курций 1993, с.180-181])

Речь Гермолая. (Курций Руф VIII 7 [Курций 1993, с.182-183])

Гефестион

(№ 1065). «[334 г.] (11, 7) Придя в Илион, он [Александр] свершил жертву Афине Илионской, поднес ей и повесил в храме полное вооружение, а взамен его взял кое-что из

священного оружия, сохранившегося еще от Троянской войны. (12, 1) Когда он шел в Илион, Менетий, кормчий, увенчал его золотым венцом; то же сделал Харет, афинянин, прибывший из Сигея, и другие эллины и местные жители; сам он возложил венки на могилу Ахилла, а Гефестион, говорят, возложил венки на могилу Патрокла. Рассказывают, что Александр провозгласил Ахилла счастливецом, потому что о славе его возвестил на будущие времена такой поэт, как Гомер». (Арриан. Поход Александра I 11, 7; 12, 1 [Арриан 1993, с.64])

(№ 1066). «Когда Александр украсил венком могилу Ахилла, Гефестион также украсил Патроклову могилу, желая дать понять, что любим Александром, подобно тому, как Патрокл был любим Ахиллом» (Элиан. Пёстрые рассказы XII 7 [Элиан 1963, с.87])

Александр в Илионе: см. Элиан. Пёстрые рассказы IX 38 [Элиан 1963, с.75], Юстин. Эпитома Помпея Трога XI 5, 12 [Юстин 2005, с.86]. У Курция Руфа это место не сохранилось.

(№ 1067). [Победа при Иссе, 333 г.] Мать и жена Дария попали в плен. «...Александр послал известить пленниц, что сам идёт к ним, и, отпустив сопровождавших его, вошел в палатку с Гефестионом. (16) Это был самый любимый из друзей царя, выросший вместе с ним, поверенный всех его тайн, имевший больше других право подавать советы царю. Но этим правом он пользовался так, что казалось, будто он делает это по желанию царя, а не в силу своих притязаний. Будучи ровесником царя, он превосходил его ростом. (17) Поэтому царицы, приняв его за царя, выразили ему покорность по своему обычаю. Когда некоторые из пленных евнухов указали им, кто Александр, Сисигамбис обняла его ноги, прося прощения за то, что она не узнала царя, которого никогда прежде не видела. Царь, взяв ее за руку, помог ей подняться и сказал: «Ты не ошиблась, мать; и этот человек – Александр» (Курций Руф III 12, 15-17, пер. К.А.Морозовой и И.А.Мироновой [Курций 1993, с.43])

(№ 1068). «Александр на следующий день сам пришел к женщинам [матери и жене Дария] в сопровождении только Гефестиона, одного из «друзей». Мать Дария, не зная, кто из них царь (оба были одеты одинаково), подошла к Гефестиону и простерлась перед ним, так как он показался ей более важным. (7) Гефестион попятился, а какая-то из бывших при ней женщин указала ей на Александра и сказала, что вот это Александр. Мать Дария, смущенная своей ошибкой, попятилась, но Александр сказал, что она не ошиблась: и его спутник зовется Александром». (Арриан. Поход Александра II 12, 6-7 [Арриан 1993, с.97])

То же: Диодор XVII 37, 5-6 [Курций 1993, с.297].

Реплика о сыне Дария. (Диодор XVII 38, 2 [Курций 1993, с.297]; Курций Руф III 12, 26 [Курций 1993, с.43-44])

Гефестион в Сидоне. (Курций Руф IV 1, 16-18 [Курций 1993, с.47])

(№ 1069). «Царь, приказав Гефестиону объехать на кораблях берег Финикии, прибыл со всеми войсками в город Газу». (Курций Руф IV 5, 10, пер. В.С.Соколова и А.Ч.Козаржевского [Курций 1993, с.58])

(№ 1070). [Битва при Гавгамелах, 331 г.] «И вожди отрядов не опозорили своей славы: раны, полученные каждым из них, свидетельствуют о их храбрости. (32) У Гефестиона рука была пробита копьем, Пердикка, Кен и Менид чуть не были убиты стрелами. (33) И если мы хотим справедливо оценить македонцев, участвовавших в том походе, то должны сказать, что как царь был достоин своих помощников, так и они были достойны своего царя» (Курций Руф IV 16, 31-33, пер. В.С.Соколова и А.Ч.Козаржевского [Курций 1993, с.86-87])

(№ 1071). «[Битва при Гавгамелах, последний этап] Около 60 «друзей» пало здесь; ранены были сам Гефестион, Кен и Менид; но и тут одолел Александр» (Арриан. Поход Александра III 15, 2 [Арриан 1993, с.123])

То же: Диодор XVII 61, 3 [Курций 1993, с.311].

(№ 1072). «Такие письма Александр получал от Олимпиады часто, но хранил их в тайне. Только однажды, когда Гефестион хотел по обыкновению вместе с ним прочесть распечатанное письмо, Александр не воспрепятствовал ему, но, сняв с пальца кольцо, приложил печать к губам Гефестиона» (Плутарх. Александр 39, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.142])

То же: Плутарх. Об удаче и доблести Александра I 11 [Курций 1993, с.437]; II 7 [Курций 1993, с.446].

(№ 1073). «Когда Александр увидел, что один из его ближайших друзей, Гефестион, одобряет его сближение с варварами и сам подражает ему в этом, а другой, Кратер, остается верен отеческим нравам, он стал вести дела с варварами через Гефестиона, а с греками и с македонянами – через Кратера. Горячо любя первого и глубоко уважая второго, Александр часто говорил, что Гефестион – друг Александра, а Кратер – друг царя. ...» (Плутарх. Александр 47, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.147])

(№ 1074). «Александр ... сказав с укоризной Гефестиону, когда тот поссорился с Кратером: «Да чем бы ты был, если б отняли у тебя Александра?» (Плутарх. Об удаче и доблести Александра II 4, пер. Г.П.Чистякова и Э.Г.Юнца [Курций 1993, с.442])

Слова Анаксарха о рыбах, присланные царю Гефестионом. (Плутарх. Александр 28 [Плутарх 1994, т.2, с.134-135])

Отрывок из письма Гефестиону. (Плутарх. Александр 41 [Плутарх 1994, т.2, с.143])

(№ 1075). «На следующий же день он поручил Гефестиону собрать всех пленных во дворце». (Курций Руф VI 2, 9, пер. И.А.Мироновой [Курций 1993, с.116])

(№ 1076). «[После смерти Филоты] Александр поставил над «друзьями» двух гиппархов: Гефестиона, сына Аминтора, и Клита, сына Дропида, и разделил полк «друзей» на две части: он не хотел вручить командование такой большой конницей ... одному человеку, хотя бы и самому близкому» (Арриан. Поход Александра III 27, 4 [Арриан 1993, с.135])

О Гефестионе – Арриан. Поход Александра IV 12, 4 [Арриан 1993, с.151]

(№ 1077). «Когда все войско, пройдя значительную часть согдийской земли, прибыло к Маракандам, он [Александр] отправил Гефестиона с приказом вновь заселить города Согдианы...» (Арриан. Поход Александра IV 16, 3 [Арриан 1993, с.154])

Гефестион в Средней Азии: Курций Руф VII 7, 9 [Курций 1993, с.156]; VIII 1, 1.10 [с.167]; VIII 2, 13 [с.171].

(№ 1078). «Тут он разделил свое войско: Гефестиона и Пердикку он послал в землю певкелаотов, к реке Инду ... Он велел им все земли, лежащие на их пути, или покорять силой, или присоединять на договорных началах, а придя к Инду, подготовить все для переправы через реку. С ними отправились Таксил и прочие князья. (8) Придя к Инду они сделали, как приказал им Александр. Астис, князь Певкелаотиды, затеял восстание, погиб сам и погубил город, в который бежал. Воины Гефестиона взяли его после тридцатидневной осады». (Арриан. Поход Александра IV 22, 7-8 [Арриан 1993, с.161])

То же: Курций Руф VIII 10, 2 [Курций 1993, с.187]

(№ 1079). «Гефестион и Пердикка построили ему другой город (он был назван Оробатидой), оставили там гарнизон и пошли к реке Инду. Придя туда, они сделали все, что было приказано Александром относительно переброски моста через Инд». (Арриан. Поход Александра IV 28, 5 [Арриан 1993, с.166])

(№ 1080). «Когда Александр подошел к реке Инду, он увидел мост, уже наведенный Гефестионом, два тридцативесельных корабля и множество судов поменьше. ... Александр совершил жертвоприношение богам, которым совершал обычно, и устроил у реки состязания конные и гимнастические». (Арриан. Поход Александра V 3, 5-6 [Арриан 1993, с.172])

То же: Курций Руф VIII 12, 4.6.15 ([Курций 1993, с.193-194])

Сражение с Пором. (Арриан. Поход Александра V 12, 2 [Арриан 1993, с.179]; Курций Руф VIII 14, 15 [Курций 1993, с.197]).

(№ 1081). «Отсюда он [Александр] отправил Гефестиона с частью войска ... в землю отпавшего Пора с приказанием передать ее другому Пору, а если на берегах Гидраота живут какие-либо независимые индийские племена, то и их подчинить и отдать под руку Пору». (Арриан. Поход Александра V 21, 5 [Арриан 1993, с.187])

То же: Диодор XVII 91, 2 [Курций 1993, с.329]; 93, 1 [Курций 1993, с.330].

(№ 1082). «Перейдя через Гидраот, стал он [Александр] отступать дальше к Акесину. (3) Там застал он уже выстроенный город, выстроить который поручил Гефестиону. Он поселил тут окрестных жителей, пожелавших обосноваться здесь, и небоеспособных наемников, а сам стал готовиться к плаванию по Великому морю» (Арриан. Поход Александра V 29, 2-3 [Арриан 1993, с.194])

Поход по Гидаспу. Об участии Гефестиона см. (Арриан. Поход Александра VI 2, 2 [Арриан 1993, с.196]; 4, 1 [Там же, с.197]; 5, 5-6 [Там же, с.198]); 13, 1 [Там же, с.204]; 17, 4 [с.208]; Арриан. Индика 18, 3 [Индия и античный мир 2002, с.271]; 19, 1 [Там же, с.273]; 19, 3 [Там же, с.273]).

Курций Руф IX 1, 35 [Курций 1993, с.203], Диодор XVII 96, 1 [Курций 1993, с.332].

(№ 1083). «Поручив Гефестиону выстроить в Паталах крепость, он послал в близлежащую пустыню людей...» (Арриан. Поход Александра VI 18, 1 [Арриан 1993, с.208]).

(№ 1084). «Вернувшись обратно в Паталы, он застал сооруженную крепость и Пифона, прибывшего с войском и выполнившего все данные ему поручения. Александр велел Гефестиону приготовить все для укрепления гавани и построить верфь» (Арриан. Поход Александра VI 20, 1 [Арриан 1993, с.210])

Поход на запад. (Арриан. Поход Александра VI 21, 3 [Арриан 1993, с.211]; 28, 4 [Там же, с.217]; 28, 7 [Там же, с.218]; Курций Руф IX 10, 6 [Курций 1993, с.223])

(№ 1085). «Александр расположился лагерем у небольшого ручья; когда подошел Гефестион с войском, он двинулся дальше и пришел в самую большую деревню оритов (деревня эта называлась Рамбакией). Место это ему понравилось; он подумал, что город, основанный здесь, станет большим и богатым. Гефестиона он и оставил строить город» (Арриан. Поход Александра VI 21, 5 [Арриан 1993, с.211])

(№ 1086). «В Сузах отпраздновали свадьбы и он сам [Александр], и его «друзья». ... Гефестиона он женил на Дрипетиде, дочери Дария, сестре своей жены: он хотел, чтобы дети Гефестиона и его были двоюродными». (Арриан. Поход Александра VII 4, 4-5 [Арриан 1993, с.222-223]) То же: Диодор XVII 107, 6 [Курций 1993, с.339].

О вдове Гефестиона: Курций Руф X 5, 20 [Курций 1993, с.234]).

Арриан. Поход Александра VII 5, 6 [с.224]; Поход по Тигру - см. Арриан. Поход Александра VII 7, 1 [с.224]; 7, 6 [с.225].

(№ 1087). «Однажды Гефестион отдал флейтисту Эвию дом, уже нанятый рабами для Эвмена. Эвмен вне себя от раздражения явился в сопровождении Ментора к Александру и кричал, что куда выгоднее бросить оружие и сделаться трагическим актером или играть на

флейте, так что Александр сначала принял его сторону и выбрал Гефестиона. Однако вскоре царь переменил мнение...» (Плутарх. Эвмен 2, пер. Л.А.Фрейберг [Плутарх 1994, т.2, с.22])

(№ 1088). «<лакуна> Гефестион испугался этих слов и против воли помирился с Эвменом, который охотно пошел на мир». (Арриан. Поход Александра VII 13, 1 [Арриан 1993, с.230])

(№ 1089). «[324 г.] (1) В Экбатанах Александр принес жертву, которую обычно приносил при обстоятельствах благоприятных, учредил состязания гимнастические и мусические. Бывали у него и попойки в дружеском кругу. В это время Гефестион почувствовал себя плохо. Шел седьмой день его болезни; рассказывают, что стадион как раз в этот день был полон, так как происходили гимнастические состязания между детьми. Когда Александру сказали, что Гефестиону плохо, он поспешил к нему, но уже не застал его в живых.

(2) О горе Александра писали по-разному. Что горе это было велико, в этом согласны все. О поведении же Александра рассказывают по-разному, в зависимости от того, относился писавший к Гефестиону и самому Александру благожелательно или же злобствовал и завидовал. (3) Написаны были всякие нелепости, но одни, думается мне, считали, что слова и поступки Александра, продиктованные ему великой скорбью о самом дорогом для него человеке, послужат к его чести, а другие, что они его позорят, потому что они не к лицу ни царю вообще, ни Александру в особенности. Одни рассказывают, что он упал на труп друга и так пролежал, рыдая, большую часть дня. Он не хотел оторваться от умершего, и друзья увели его только силой. (4) Другие говорят, что он провел таким образом целый день и целую ночь. Некоторые добавляют, что он повесил врача Главкию будто бы за плохое лечение, по словам же других, за то, что он спокойно смотрел, как Гефестион напивается допьяна.

Что Александр обрезал над трупом свои волосы, это я считаю вполне вероятным, как и некоторые другие поступки, в которых он подражал Ахиллу, бывшему для него образцом с детских лет. Некоторые рассказывают, что он сам правил колесницей, везшей тело; это, по-моему, совершенно невероятно. (5) По словам других, он велел сравнять с землей храм Асклепия в Экбатанах: поступок варварский и совершенно не соответствующий обычаям Александра ... (6) Довольно вероятным кажется мне другой рассказ: отправившись в Вавилон, Александр встретил по дороге много посольств из Эллады, в том числе и послов из Эпидавра. Александр удовлетворил их просьбы, послал с ними приношения Асклепию, но при этом сказал: «Немилостиво обошелся со мной Асклепий; не сохранил мне друга, который был мне дороже глаза». (7) Он велел вечно чтить Гефестиона как героя; об этом пишет большинство. Некоторые же рассказывают, что он отправил к Аммону спросить, разрешает ли он приносить Гефестиону жертвы как богу. Аммон не разрешил.

(8) Все единогласно утверждают, что в течение трех дней после смерти Гефестиона Александр ничего не ел, не приводил себя в порядок, а лежал, рыдая, или скорбно молчал. Он велел приготовить Гефестиону в Вавилоне костер, стоимостью 10000 талантов, а по словам некоторых, и дороже, и приказал облечься в траур всей варварской земле. (9) Многие из друзей Александра в угоду ему посвятили себя и свое оружие умершему Гефестиону. Это была выдумка Эвмена, о недавней ссоре которого с Гефестионом мы говорили. Он сделал это, чтобы Александр не подумал, будто бы он радуется смерти Гефестиона». (Арриан. Поход Александра VII 14, 1-9 [Арриан 1993, с.232-234])

(№ 1090). «Для Александра смерть Гефестиона была великим несчастьем; думается мне, что Александр предпочел бы скорее умереть, чем пережить его, так же как, думаю, и Ахилл пожелал бы скорее умереть раньше Патрокла, чем стать мстителем за его смерть». (Арриан. Поход Александра VII 16, 8 [Арриан 1993, с.236])

(№ 1091). «В эти дни тяжело заболел Гефестион. Человек молодой и воин, он не мог подчиниться строгим предписаниям врача и однажды, воспользовавшись тем, что врач его Главк ушел в театр, съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо и вскоре умер.

Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки, пока от Аммона не пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы как герою. Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие. И это называли заупокойною жертвой в честь Гефестиона» (Плутарх. Александр 72, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.161])

(№ 1092). «После смерти Гефестиона Александр Великий приказал не только обрезать гривы лошадям и мулам, но и снести зубцы крепостных стен, дабы казалось, что города скорбят, являя вместо прежнего своего вида облик остриженный и жалкий» (Плутарх. Пелопид 34, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.338])

(№ 1093). «...умер один из друзей Александра – Гефестион. Сначала он был дорог царю юношеской своей красотой, а потом своими заслугами. Александр оплакивал его так долго, как не подобало царю, поставив ему памятник в двенадцать тысяч талантов, и приказал почитать его после смерти как бога» (Юстин. Эпитома Помпея Трога XII 12, 11-12 [Юстин 2005, с.106])

(№ 1094). «Когда Гефестион умер, Александр бросил в погребальный костёр оружие, золото, серебро и драгоценную персидскую одежду. Он также на гомеровский лад отрезал прядь своих волос, подражая Ахиллу. Но царь горевал необузданнее и сильнее этого героя: он занес руку на экбатанский акрополь. Все, включая срезанные волосы, по моему мнению, было вполне в греческом духе. Покушение же на стены Экбатан положило начало варварским поступкам царя. Александр отказался от своей обычной одежды и весь отдался печали, любви и слезам. Гефестион умер под Экбатанами.

Некоторые считают, что всем, что было учреждено для похорон Гефестиона, воспользовались на похоронных торжествах в честь самого Александра, ибо смерть постигла царя, когда траурные обряды по Гефестиону еще не были исполнены» (Элиан. Пёстрые рассказы VII 8 [Элиан 1963, с.59])

О смерти Гефестиона. (Диодор XVII 110, 8 [Курций 1993, с.341])

О похоронах Гефестиона. (Диодор XVII 114-115 [Курций 1993, с 344-45])

(№ 1095). «Со всем тем, получив от Аммона прорицание, касавшееся Гефестиона, Александр отменил траур...» (Плутарх. Александр 75, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.163])

(№ 1096). «Пришли к нему от Аммона феоры, которых он послал спросить, как полагается ему чтить Гефестиона. По их словам, Аммон ответил, что полагается приносить ему жертвы как герою. Александр обрадовался этому ответу и с этого времени возвеличил Гефестиона как героя. Клеомену ... он послал письменный приказ. Я не упрекаю его за этот приказ, отданный из любви к Гефестиону (смерть этой любви не уничтожила) и в память о друге, а упрекаю за многое другое. (7) В письме говорилось: выстроить Гефестиону храм в Александрии египетской, в самом городе и на острове Фарос, там, где на острове стоит башня, сделать его огромнейшим по величине и изумительнейшим по роскоши, назвать именем только Гефестиона и вырезать это имя на тех печатях, которыми купцы скрепляют свои договоры». (Арриан. Поход Александра VII 23, 6 [Арриан 1993, с.242])

(№ 1097). «(10) Хилиархом конницы «друзей» вместо Гефестиона Александр никого не назначил: имя Гефестиона не должно было исчезнуть в войске; хилиархия именовалась Гефестионовой и перед ней несли знамя, выбранное Гефестионом. Александр задумал устроить гимнастические и мусические состязания, которые были бы гораздо славнее прежних и по количеству участников, и по расходам на устройство: подготовлено было 3000 состязающихся. Говорят, что короткое время спустя они состязались на похоронах Александра». (Арриан. Поход Александра VII 14, 10 [Арриан 1993, с.234])

Багой

(№ 1098). [330 г.] «Вскоре подошли к городу Гиркании, где был дворец Дария. Здесь Набарзан, получив обещание безопасности, встретил его с обильными дарами. (23) Среди них был Багой, юноша-евнух в расцвете юности и красоты, которого любил Дарий, вскоре полюбил его и Александр, он пощадил и Набарзана главным образом по просьбе этого юноши» (Курций Руф VI 5, 23, пер. И.А.Мироновой [Курций 1993, с.122])

(№ 1099). [324 г.] «Прибыв в столицу Гедрозии, Александр вновь предоставил войску отдых и устроил празднества. Рассказывают, что однажды, хмельной, он присутствовал на состязании хоров, один из которых возглавлял его любимец Багой. Одержав победу, Багой в полном наряде прошел через театр и сел рядом с царем. Увидев это, македоняне принялись рукоплескать и закричали, чтобы царь поцеловал Багоя; они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его» (Плутарх. Александр 67, пер. М.Н.Ботвинника и И.А.Перельмутера [Плутарх 1994, т.2, с.159])

(№ 1100). «(X 1, 22) Затем он [Александр] прибыл в Персагаду. Это персидская область, сатрапом которой был Орсин... (24) Он вышел навстречу царю со всякого рода дарами... (25) Однако такое радушие варвара послужило причиной его смерти. Дело в том, что, одарив всех друзей царя превыше их собственных желаний, он не оказал никакой почести евноху Багою, который своей развратностью привязал к себе Александра. (26) Осведомленный некоторыми, насколько Багой любезен Александру, Орсин ответил, что угождает друзьям Александра, а не его любовникам и что не в обычае персов почитать мужчин, пороком уподобившихся женщинам. (27) Услыхав это, евнух обратил свое влияние, добытое лестью и позором, против человека знатнейшего и невинного. ... (29) Еще не было подозрений против Орсина, но тот уже потерял своё влияние. Обвинение

против него подготовлялось тайно, и он не знал о скрытой опасности, а презренный любовник, не забывая о клевете даже в момент страстных и постыдных переживаний, всякий раз, как возбуждал в царе страсть к себе, возводил на Орсина обвинение то в жадности, то даже в измене.

(30) ...Александр приказал открыть гробницу Кира... (31) Он думал, что гробница наполнена золотом и серебром; такая ходила среди персов молва; но кроме полуистлевшего щита Кира, двух скифских луков и акинака он ничего не нашёл. ... (33) Рядом с царем стоял евнух; обратившись к царю, он сказал: «Что же удивительного в том, что царская гробница пуста, когда дома сатрапов не могут вместить в себе вынесенные отсюда богатства? (34) Что касается меня, то сам я этой гробницы раньше не видел, но от Дария слышал, что здесь с телом Кира было положено 3 тысячи талантов. (35) Отсюда и расположение Орсина к тебе: чем он не мог владеть безнаказанно, то обеспечил себе при помощи подарков». (36) Этими словами евнух возбудил гнев царя... (37) Прежде чем у Орсина возникло подозрение, что его в чем-то обвиняют, он был взят в оковы. Не довольствуясь казнью невинного, евнух убил его собственной рукой. При этом Орсин воскликнул: «Слышал я, что когда-то Азией управляли женщины, но что ею управляет кастрат – это неслыханное дело». ...

(42) А под конец он [Александр] настолько изменил самому себе, что, вопреки влечению души, по усмотрению любовника одним давал царства, у других отнимал жизнь» (Курций Руф X 1, 22-37, пер. В.С.Соколова и А.Ч.Козаржевского [Курций 1993, с.227-228])

См. Элиан. Пестрые рассказы III 23 [Элиан 1963, с.37]

3. Период эллинизма

3.1. Ранний эллинизм (323-272)

Правители

Птолемей I Лаг

(№ 1101). «У царя Птолемея был красавец возлюбленный по имени Галет. Сердце этого отрока было, однако, еще лучше, чем его красота. Птолемей часто повторял ему об этом, говоря: «Милый мальчик, ты никому не причинил зла, но всем делаешь одно добро». Однажды Галет ехал верхом рядом с царем. Издали заметив, что каких-то людей ведут на казнь, он в тревоге сказал Птолемею: «Счастье этих людей, что мы на конях, и, если ты не против, царь, давай поторопимся и догоним их, чтобы появиться перед несчастными как Диоскуры, -

Предстали им достойные спасители, [цитата неизв. автора – примеч.]

как говорят о Касторе и Полидевке». Царь не мог нарадоваться на доброту мальчика и восхищался его сострадательностью; он освободил приговоренных к смерти, и с той поры еще больше подпал под обаяние любви к нему» (Элиан. Пестрые рассказы I 30 [Элиан 1963, с.13])

Антиох I

(№ 1102). «Случилось так, что Антиох влюбился в Стратонику, которая, несмотря на юные годы, уже родила от Селевка... Лекарь Эрасистрат без труда догадался, что царский сын влюблен, и решивши разузнать, в кого именно, - а это было задачей далеко не простою, - постоянно оставался в его спальне, и всякий раз, как входил красивый юноша или красивая женщина, внимательно всматривался в лицо Антиоха и наблюдал за теми членами тела, которые, по природе своей, особенно живо разделяют волнения души. На любое из прочих посещений больной отвечал одинаковым безразличием, но стоило показаться Стратонике, одной или же вместе с Селевком, как тут же являлись все признаки, описанные Сапфо...» (Плутарх. Деметрий 38, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.389])

Рассказ об Антиохе и Стратонике (Аппиан XI 59 [Аппиан 2002, с.293])

Деметрий Полиоркет

(№ 1103). «Услышав, что сын снова занемог, Антигон отправился его навестить и в дверях столкнулся с каким-то красивым мальчиком. Он сел подле постели больного и взял его руку, чтобы сосчитать пульс, а когда Деметрий сказал, что лихорадка теперь уже ушла, ответил: «Конечно, ушла, сынок, и даже только что встретила мне в дверях». Так снисходителен был Антигон к подобным проступкам Деметрия ради иных его деяний» (Плутарх. Деметрий 19, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.378])

Деметрий в Афинах (304 г.):

(№ 1104). «Пол в своих покоях он велел кропить благовониями и усыпать всевозможными цветами в зависимости от времени года для того, чтобы ступать по ним. С женщинами Деметрий обращался как распутник и не был чужд любви к мальчикам. Он следил за своей наружностью; заботился о причёске, в золотистый цвет красил волосы, румянил щёки и натирался благовониями, щеголяя своим легкомысленным образом жизни» (Элиан. Пёстрые рассказы IX 9 [Элиан 1963, с.69])

(№ 1105). «А Деметрий ... день за днем осквернял акрополь столь гнусными насилиями над горожанками и свободнорожденными мальчиками, что чище всего это место казалось, когда он распутничал с ... всесветно знаменитыми потаскухами. Вообще излагать подробности я не стану - из уважения к Афинам, - но было бы неправильно и несправедливо обойти молчанием доблесть и чистоту Дамокла. Этот Дамокл, еще совсем юный, не избегнул, однако, внимания Деметрия, ибо само прозвище мальчика выдавало редкую его прелесть: его прозвали Дамоклом Прекрасным. Ни на какие обольщения, подарки или же угрозы он не поддавался и в конце концов перестал посещать палестры и гимнасий и только ходил мыться в частную баню. Туда и проскользнул Деметрий следом за ним, улучив время, когда Дамокл остался один, а мальчик, убедившись, что помощи ждать не от кого, сбросил крышку с медного котла и прыгнул в кипящую воду. Так он погиб незаслуженною и жалкою смертью, но выказал благородство, достойное его отечества и его красоты, - не то что Клеэнет, сын Клеомедонта, который «исхлопотал» помилование своему отцу, присужденному к штрафу в пятьдесят талантов, и, предъявив народу письмо Деметрия, не только опозорил самого себя, но и в городе посеял смуту и беспорядки» (Плутарх. Деметрий 24, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.381])

Гермокл. «На возвращение Деметрия Полиоркета» (см. [Поэты 1999, с.395-396])

Антигон Македонский

(№ 1106). «А возлюбленным царя Антигона был кифаред Аристокл, о котором Антигон Каристский так говорит в жизнеописании Зенона. Царь Антигон имел обыкновение заходить к Зенону после пиров. Как-то, возвращаясь вечером с попойки, он вломился к нему и стал убеждать его присоединиться к гуляками в доме кифареда Аристокла, которого царь любил без памяти» (Афиней XIII 603д = Зенон, фр.23 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.11])

Эпир

(№ 1107). «Гелон, которому Неоптолем особенно доверял, дружелюбно приветствовал Пирра и подарил ему две упряжки подъяремных быков. Их попросил у Пирра Миртил, один из виночерпиев, а когда царь отказал ему и отдал быков другому, Миртил был жестоко оскорблен. Его обида не укрылась от Гелона, который, как говорят, пригласил этого цветущего юношу на пир и, за вином овладев им, принялся уговаривать перейти на сторону Неоптолема и извести Пирра ядом. Миртил сделал вид, будто одобряет замыслы Гелона и поддается на уговоры, а сам сообщил обо всем Пирру» (Плутарх. Пирр 5, пер. С.А.Ошерова [Плутарх 1994, т.1, с.436])

Агафокл

(№ 1108). «Сицилийский тиран Агафокл ... достиг царской власти, будучи сам низкого и презренного происхождения; он родился в Сицилии, а отцом его был горшечник. Детство и юность его были не благороднее, чем его происхождение. Он был замечательно красив лицом и телом и добывал средства к жизни, служа орудием разврата. Когда он достиг более зрелого возраста, он перешел от разврата с мужчинами к разврату с женщинами, затем, приобретя недобрую славу у обоих полов, стал наниматься грабежами» (Юстин. Эпитома Помпея Трога XXII 1, 1-5 [Юстин 2005, с.160])

См. Полибий XII 5.

(№ 1109). «Агафокл, узнав, что киренец Офела отправился в поход с большими силами, услышав, что он был чадолюбивым, послал заложником к нему своего сына Гераклида, находящегося во цвете лет, дав мальчику поручение выдержать испытание в течение немногих дней. Мальчик пошел; киренец, уступив возрасту, призвал его и был занят только попечением о нем. Агафокл, неожиданно приведя сиракузян, Офелу убил и овладел всем его войском, и сына возвратил необесчещенным» (Полиэн V 3, 4, пер. И.В.Косинцевой [Полиэн 2002, с.187])

Агафокл и Офелла. (Юстин. Эпитома Помпея Трога XXII 7, 5 [Юстин 2005, с.165])

(№ 1110). «(15, 1) ... Не одобряю я также и брани Тимея против Агафокла, хотя бы он и был подлеший из людей. (2) Я понимаю то место в самом конце истории, где Тимей утверждает, что Агафокл в ранней юности был общедоступным любодеем, готовым к услугам гнуснейших развратников, галкой, зимолетом, предоставлявшим себя во всех видах любому негодяю. (3) К этому Тимей прибавляет, что, когда Агафокл умер, жена его в жалобных причитаниях говорила: «Чего только я не делала с тобою? Чего ты не делал со мною?» ... (5) Дело в том, что Агафокл наделен был от природы выдающимися достоинствами, (6) как можно легко видеть из слов самого Тимея. ... (8) Не следует ли из этого со всей очевидностью, что Агафокл был человек замечательный, редкий, одаренный сильною волею и большим умом, потребными для государственной деятельности?» (Полибий XII 15 [Полибий 1994-95, т.2, с.192-193])

Разное

Италия

(№ 1111). «Некий тарентинец, человек бесстыдный [в рукописи собств.имя «Энесий»] и невоздержанный в отношении всех удовольствий, назывался Таидой за свою красоту, распутную и в дурном смысле общедоступную среди мальчиков». (Дионисий Галикарнасский. Римские древности XIX 4 (17), 2 (6), пер. А.М.Сморчкова [Дионисий 2005, т.3, с.217])

Афины

(№ 1112). «(13, 1) По уверению Тимея, Демохар чинил блуд верхними частями тела, не достоин был возжигать священный огонь, своим поведением превзошел описания Ботриса, Филениды и прочих непристойных писателей. (2) Таких ругательных выражений не должен бы позволять себе не то что человек просвещенный, но даже тот, что в непотребном доме торгует собственным телом. (3) Тимей же, дабы придать больше веры своему срамословию и бесстыдным измышлениям, (4) взводит на человека новую клевету, привлекая в свидетели какого-то безвестного комика.

На чем основываются мои возражения? На том прежде всего, что Демохар, племянник Демосфена, (5) был человек благородного происхождения и хорошего воспитания; во-вторых, на том, что афиняне почтили его избранием в военачальники и на другие должности; (6) все это было бы невозможно, если бы Демохар одержим был такими пороками. ... (7) ... Однако в словах Тимея нет ни слова правды. (8) В противном случае не один комик Архедик говорил бы о Демохаре то, что передает Тимей, но многие друзья Антипатра, так как Демохар открыто высказывал немало оскорбительного не только о самом Антипатре, но и об его преемниках и друзьях... (14, 1) ... Вследствие этого, полагаясь больше на свидетельство родного города, нежели на уверение язвительного Тимея, я смело заявляю, что жизнь (2) Демохара свободна была от всех приписываемых ему недостатков» (Полибий XII 13, 1-14, 2 [Полибий 1994-95, т.2, с.191-192])

Прочее

(№ 1113). «Знаменитыми людьми из Магнесии были ... кулачный боец Клитомах, который, влюбившись в какого-то кинеда и в молодую девушку, бывшую у того на содержании, стал подражать разговорной речи и стилю кинедов. Сотад был первым, кто написал разговор кинедов; затем последовал этолиец Александр. Эти двое подражали таким разговорам в прозе, а Лисий сопровождал их музыкой, а еще раньше него – Сим» (Страбон XIV 1, 41 (стр.648) [Страбон, с.606])

(№ 1114). «Но и тот, кто сначала принял на себя труд жителя Теринфа [Геракла], а после, в Олимпии, перестал быть мужчиной, - кулачный боец Клеомах, битый внутри своей кожи и, более того, достойный венка среди новианских «Фуллонов», - он по заслугам упомянутый мимोगрафом Лентулом в «Жителях Катины» как поместил на место следов, оставленных кестами, кольца и браслеты, так и грубую шерсть эндромиды сбросил с себя с помощью одежды из тонкой ткани». (Тертуллиан. О плаще IV 4 [Тертуллиан 2000, с.76])

(№ 1115). «[Изречения кифариста Стратоника]. ...Гераклею [он называл] – «мужским Коринфом» [Андрокоринф]. ... Покидая Гераклею, он вышел за ворота и стал озираться по сторонам; на вопрос, зачем он это делает, он сказал, что ему стыдно попасться кому-нибудь на глаза, выходя из такого блудилища» (Афиней VIII 351d [Афиней 2003-, т.1, с.439])

См. комм. [Афиней 2003-, т.1, с.594]: как славились распущенностью женщины Коринфа, так и мужчины Гераклеи.

Причерноморье

(№ 1116). Птолемей Хенн (сын Гефестиона) в извлечениях Фотия. «Новая история».

Книга VII ... «[говорят], что и фанаториец Булагор, полюбив флейтиста Диодора, бросился [со скалы] и убили, будучи уже стариком» [Латышев 1947-52, с.337 (1947, № 4, с.278)]

Датировка события не установлена.

Философы

Эпикур

(№ 1117). «Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждение мальчиками и женщинами или рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкою, а только трезвое рассуждение, исследующее причины всякого нашего предпочтения и избегания и изгоняющее мнения, поселяющие великую тревогу в душе» (Эпикур. Из Письма к Менекею (Диоген Лаэртский X 132 [Диоген 1979, с.435]))

(№ 1118). «Он писал в письмах ... к Пифоклу, цветущему мальчику: «Что ж, буду сидеть и ждать прихода твоего, желанного и богоравного!». ... И в письме к Пифоклу: «От

всякого воспитания, радость моя, спасайся на всех парусах!» (Диоген Лаэртский X 5-6 [Диоген 1979, с.398])

Письмо Эпикура к Пифоклу о небесных явлениях: Диоген Лаэртский X 84-116 [Диоген 1979, с.421-430]

(№ 1119). «Когда отнимается возможность видеться, разговаривать, общаться, кончается любовная страсть». (Эпикур. Ватиканское собрание изречений 18, пер. С.И.Соболевского [Лукреций 1946-47, т.2, с.615])

(№ 1120). «Я узнал от тебя, что у тебя довольно сильно вожделение плоти к любовным наслаждениям. Когда ты не нарушаешь законов, не колеблешь добрых обычаев, не огорчаешь никого из близких людей, не вредишь плоти, не расточаешь необходимого, удовлетворяй свои желания, как хочешь. Однако невозможно не вступить в столкновение с каким-нибудь из выше указанных явлений: ведь любовные наслаждения никогда не приносят пользы; довольно того, если они не повредят». (Эпикур. Фр.51, пер. С.И.Соболевского [Лукреций 1946-47, т.2, с.619-621])

(№ 1121). «Половое сношение никогда не приносит пользы; довольно того, если оно не повредит». (Эпикур. Пир, фр.8 (ДЛ X 18 = Узенер, фр.62), пер. С.И.Соболевского [Лукреций 1946-47, т.2, с.629])

(№ 1122). «Я, со своей стороны, не знаю, что разуметь мне под благом, если исключить удовольствия, получаемые посредством вкуса, посредством любовных наслаждений, посредством слуха и посредством принятых эмоций зрения от красивой формы». (Эпикур. О цели жизни, фр.10 (Афиней XII 546e, ДЛ X 6 = Узенер, фр.67), пер. С.И.Соболевского [Лукреций 1946-47, т.2, с.629]) То же: «И в сочинении «О конечной цели» он [Эпикур] говорит примерно так: «Я уж и не знаю, что считать благом, если не удовольствие от вкуса, от любовных наслаждений, от слуха и от зрения, приятно возбуждаемого формами» (Афиней VII 280a-b [Афиней 2003-, т.1, с.348])

(№ 1123). «Красоту, добродетель и тому подобное следует ценить, если они доставляют удовольствие; если же не доставляют, то надо с ними распрощаться». (Эпикур. Фр.12 (Афиней XII 546f = Узенер, фр.70), пер. С.И.Соболевского [Лукреций 1946-47, т.2, с.629])

См. также фр. 34 (ДЛ X 5 = Узенер, фр.165).

(№ 1124). «Я плюю на красоту и на тех, кто попусту [зря] восхищается ею, когда она не доставляет никакого удовольствия». (Эпикур. Фр.79 (Афиней XII 547a = Узенер, фр.512), пер. С.И.Соболевского [Лукреций 1946-47, т.2, с.649])

Феодор Безбожник

(№ 1125). «[Мнения Феодора] Кража, блуд, святотатство – все это при случае допустимо, ибо по природе в этом ничего мерзкого нет, нужно только не считаться с обычным мнением об этих поступках, которое установлено только ради обуздания неразумных. И любить мальчиков мудрец будет открыто и без всякой оглядки.

Об этом предмете рассуждал он так. «Разве грамотная женщина не полезна постольку, поскольку она грамотна?» - «Конечно». – «А грамотный мальчик или юноша полезен, поскольку он грамотен». – «Так». - «Тогда и красивая женщина полезна, поскольку она красива, и мальчик или юноша полезен, поскольку он красив». – «Так». – «Но красивый мальчик или юноша полезен для того самого, для чего он красив?». – «Так». – «Значит, он полезен для любви». И когда с этим соглашались, он делал вывод: «Стало быть, кто пользуется любовью, поскольку она полезна, тот поступает правильно и, кто пользуется красотой, поскольку она полезна, тот поступает правильно». Рассуждениями такого рода он и одолевал в споре» (Диоген Лаэртский II 99-100 [Диоген 1979, с.135])

(№ 1126). «[Фок, сын Фокиона] Но вообще, как сообщают, из этого сына так и не вышло ничего путного. Он влюбился в девчонку из какого-то притона и, оказавшись однажды по чистой случайности в Ликее, где держал тогда речь Феодор Безбожник, рассуждая примерно так: «Если выкупить друга не позорно, то не более позорно выкупить и подругу, если не стыдно выкупить любимца, не стыдно – и возлюбленную, - применил это рассуждение, сочтя его вполне обоснованным, к себе и своей страсти и выкупил возлюбленную» (Плутарх. Фокион 38, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.223])

Диагор

(№ 1127). «Кулачный боец Никодор принадлежал к числу самых прославленных мантинейцев; оставив свое прежнее ремесло, он уже в зрелом возрасте стал законодателем и так послужил отчизне гораздо лучше, чем победами на состязаниях. Считают, однако, что влюбленный в него Диагор с Мелоса составил для Никодора законы. Я бы мог подробнее рассказать о Никодоре, но, чтобы не показалось, будто моя хвала распространяется и на Диагора, достаточно сказанного. Ведь этот Диагор был против богов, и мне неприятно говорить о нём» (Элиан. Пёстрые рассказы II 23 [Элиан 1963, с.23])

См. «Письмо к Диагору» Линкея.

Академики

Полемон

(№ 1128). «Антигон Каристский в «Жизнеописаниях» говорит, что ... Полемон был привлечен к суду своей женой за дурное обращение, потому что он жил с мальчиками. Но с тех пор как он взялся за философию, нрав его обрел такую твердость, что он никогда не изменялся в лице и голос его всегда был ровен...» (Диоген Лаэртский IV 17 [Диоген 1979, с.187])

(№ 1129). «Во всем, казалось, Полемон был ревнителем Ксенократа – и даже его любовником, как пишет Аристипп в IV книге «О роскоши древних» (Диоген Лаэртский IV 19 [Диоген 1979, с.188])

«(№ 1130). Кратет был сын Антигена, из дема Фрии, слушатель и любовник Полемона, которому он и стал преемником во главе школы. Они так любили друг друга, что и при жизни жили одним и тем же, и чуть ли не до последнего дыхания оставались подобны друг другу, и по смерти разделили общую гробницу. Потому и Антагор писал о них вот каким образом [АП VII 103]:

Путник, поведай о том, что в этой гробнице сокрыты

Рядом мудрец Полемон и богоравный Кратет,

Великодушием схожие двое мужей, у которых

Сонмы божественных слов жили на вещих устах.

Чистою жизнь их была, посвященная вечным заветам,

К мудрости вышней стремясь, в коей бессмертие их.

... Общий стол у них был (по словам Антигона) в доме Крантора, где они жили душа в душу с Аркесилаем – Аркесилай, как известно, делил жилище с Крантором, между тем как Полемон и Кратет обитали у одного из горожан по имени Лисикл. Кратет, как сказано, был любовником Полемона, Аркесилай же – Крантора» (Диоген Лаэртский IV 21-22 [Диоген 1979, с.188-189])

Крантор

(№ 1131). «Говорят, у поэта Антагора есть такие слова Крантора о любви:

Дух мой сомненьем объят: Любовь, из какого ты рода?

То ли назвать тебя богом из тех, кто первыми в мире

Были Эребом седым рождены и царственной Ночью

В давние веки в бескрайной пучине глубин Океана?

Или Киприда тебя родила многоумная? Или

Гея-Земля, или Ветры над ней? Такое ты людям

Благо приносишь и зло, что видишься нам ты двуликой»

(Диоген Лаэртский IV 26-27 [Диоген 1979, с.190])

Рассуждения Крантора о Мужестве, Здравье, Наслаждении и Богатстве. (Секст Эмпирик. Против ученых XI (Против этиков) 52-58 [Секст 1976, т.2, с.16-17])

Аркесилай

(№ 1132). «Крантор в него [Аркесилая] влюбился и спросил его словами из «Андромеды» Еврипида:

- О дева, наградишь ли за спасенье? [не сохранилась]

а он ответил:

- Бери меня – рабой или женой!

С этих пор они жили вместе; а Феофраст, огорченный, сказал будто бы так: «Что за пригожий и ретивый мальчик сбежал от моих разговоров!» (Диоген Лаэртский IV 29-30 [Диоген 1979, с.191])

(№ 1133). «Известна такая его эпиграмма ... о Менодоре, любимце Евгама, Аркесилаева товарища по занятиям:

Как далеко он фригийской земли, от твоей Фиатиры

Как далеко ты лежишь, о Каданид Менодор!

Но к Ахеронту для нас одинаково меряны тропы,

Древнее слово гласит: путь несказанный един.

Здесь тебе ставит Евгам сей памятник, издали видный,

Ибо любил он тебя более прочих рабов» [АП II 382]

(Диоген Лаэртский IV 30-31 [Диоген 1979, с.192])

(№ 1134). «Например, он воскликнул, когда очень молодой человек стал рассуждать слишком задорно: «Неужели никто не обставит его в бабки?»

Когда человек, слывший женоподобным, утверждал перед ним, что не видит разницы между большим и меньшим, он спросил: «И нутром ты не чувствуешь разницы между штукой в десять пальцев и в шесть пальцев?»

Некий Гемон Хиосский, безобразный лицом, но мнивший себя красавцем и щеголявший в тонких тканях, заявил было, что истинный мудрец никогда не влюбится. «Даже в такого красавца и щеголя, как ты?» - спросил Аркесилай.

А когда развратник, намекая на Аркесилаеву величавость, сказал ему:

- Спросить тебя, царица, иль смолчать? – [несохранившаяся трагедия – комм.]

то Аркесилай откликнулся:

- О женщина, зачем так непристойно

Ты говоришь?..»

(Диоген Лаэртский IV 34-35 [Диоген 1979, с.193])

(№ 1135). «Роскоши он был предан безмерно – чем не второй Аристипп? ... Любил мальчиков и совсем терял из-за них голову; за это Аристон Хиосский со своими стойками поносил его, обзывая растлителем отроков, мужеложцем и наглецом. Особенно, говорят, был он влюблен в Деметрия [сына Антигона Гоната], с которым плавал в Кирену, а еще в Клеохара Мирлейского; это о Клеохаре он крикнул из-за двери пьяным гулякам, что он и отворил бы им, да мальчик не хочет. Этого же мальчика любили и Демохар, сын Лахета, и Пифокл, сын Бугела; и Аркесилай застал его с ними, но по кротости своей сказал, что уступает им место» (Диоген Лаэртский IV 40-41 [Диоген 1979, с.195])

(№ 1136). «...Аркесилай, когда в школе кто-то из преданных Эроту предложил для обсуждения такую тему: «Полагаю, что ни одна вещь не касается чего бы то ни было», - спросил его, указывая на одного из сидевших тут прекрасных молодых людей: «Неужели и он тебя нисколько не касается?»» (Плутарх. Застольные беседы II 1, 10, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.32])

(№ 1137). «(1) Плутарх сообщает, что философ Аркесилай произнес беспощадные слова о некоем чрезмерно изнеженном богаче, хотя тот имел безупречную репутацию и считался [весьма] далеким от разврата. (2) А именно, когда Аркесилай услышал его слабенький голос, увидел искусно уложенные волосы и игривые, обольстительные, полные сладострастия глаза, то сказал: «Ничуть не важно, по каким частям тела вы можете принадлежать к кинедам, по задним или по передним» (Геллий III 5 (Плутарх. Моралии 126а, также 705е) [Геллий 1993, с.20])

Перипатетики

Феофраст

(№ 1138). «Он был влюблен в сына Аристотеля, Никомаха, хоть и был его учителем (так утверждает Аристипп в IV книге «О роскоши древних»)» (Диоген Лаэртский V 39 [Диоген 1979, с.217])

(№ 1139). Из завещания Феофраста: «...Воля моя, чтобы Никомаху была сделана статуя в рост; за ваяние уже уплачено Праксителю, а доплату производить из вышеназванных средств» (Диоген Лаэртский V 52 [Диоген 1979, с.221])

(№ 1140). «Он тоже оставил великое множество книг: ... «О любви», «Еще о любви» ...» (Диоген Лаэртский V 43 [Диоген 1979, с.218])

Цитата из Феофраста о Левкокоме и Евксинфете: см. выше.

(№ 1141). «Феофраст утверждает, что состязание в красоте есть и у элидян: судьи на нем выполняют свое дело со всей серьезностью, а победитель получает в награду оружие – его посвящают Афине (по словам Дионисия Левктрийского) и победитель, украшенный лентами своих друзей, возглавляет процессию, направляющуюся в ее храм. А венки они

получают миртовый, как рассказывает Мирсил в «Исторических достопримечательностях» (Афиней XIII 609е, пер. Т.А.Миллер и М.Л.Гаспарова [Памятники 1964, т.3, с.196-197])

Гераклид Понтийский

(№ 1142). «Сочинения: «О любви, или Клиний»...» (Диоген Лаэртский V 87 [Диоген 1979, с.231])

Деметрий Фалерский

(№ 1143). «Среди этих сочинений: ... «О любви» ...» (Диоген Лаэртский V 81 [Диоген 1979, с.229])

(№ 1144). «Увидев однажды распутного юношу, он сказал ему: «Вот тебе Гермес с перекрестка – у него и плащ, и брюхо, и борода, и уд» (Диоген Лаэртский V 82 [Диоген 1979, с.229])

Деметрию Фалерскому приписывалось редактирование басен Эзопа [Античная басня 1991, с.7].

(№ 1145). «Зевс и стыд

Зевс, сотворив людей, тотчас вложил в них все чувства и забыл только одно – стыд. Поэтому, не зная, каким путем его ввести, он велел ему войти через зад. Сначала стыд противился и возмущался таким унижением, но так как Зевс был непреклонен, то он сказал: «Хорошо, я войду, но на таком условии: если еще что войдет туда после меня, я тотчас удалюсь». Оттого-то все развратные мальчики и не знают стыда.

Эту басню можно применить к развратнику». (Басни Эзопа 109 [Античная басня 1991, с.116])

Клеарх

Нач. 3 в. до н.э.

(№ 1146). Клеарх Солейский пишет в первой книге «Любовных рассказов»: «Ни один льстец не может долго быть другом, ибо время разоблачает их лживое притворство. Однако всякий влюбленный – льстец, юностью и красотой домогающийся любви» (Афиней VI 255b-с [Афиней 2003-, т.1, с.321])

Линкей

Линкей Самосский – ученик Теофраста.

(№ 1147). «Архестрат же, рассказывая о родосских колючих акулах, дает своим друзьям как бы отеческий совет:

Славится Родос акулой колючею или «лисицей»;

Если ее продавать не станут, то с риском для жизни

Выкради или же силой похитить эту «жирную псину»

(Так называют ее в Сиракузах), а после достойно

И терпеливо сноси любую сужденную кару.

Линкей Самосский приводит эти стихи в «Письме к Диагору» и пишет, что поэт совершенно прав: кто не в состоянии уплатить [за эту рыбу], пусть идет ради нее хоть на преступление. Он пишет также, что Тесей, когда стал красавцем, уступил Глеполему только потому, что тот угостил его этой рыбой» (Афинея VII 294f-295d [Афинея 2003-, т.1, с.366]) См. комм. [с.582]

Стоики

Зенон из Китиона

334/3-262/1 годы до н.э.

(№ 1148). «С мальчиками он проводил время редко, а с женщинами – всего раз или два, и то лишь затем, чтобы не показаться женоненавистником» (Диоген Лаэртский VII 13 = фр.3 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.4])

(№ 1149). «Будучи влюблён в Хремонида, он сидел рядом с ним и с Клеанфом, но неожиданно встал. Когда Клеанф выразил удивление, Зенон сказал: «Я слышал от хороших врачей, что покой – лучшее средство против возбуждения» (Диоген Лаэртский VII 17 = фр.286 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.108])

(№ 1150). «А любителю мальчиков он сказал: «Как учителя теряют разум от постоянного общения с детьми, так и тебе подобные» (Диоген Лаэртский VII 18 = фр.295 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.110])

(№ 1151). «На слова одного красавчика, утверждавшего, что мудрец не будет влюбляться, Зенон ответил: «Для вас, красавчиков, это будет самое трудное» (Диоген Лаэртский VII 21 = фр.316 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.113])

(№ 1152). «Красоту он называл цветом целомудрия (а иные говорят, что, напротив, целомудрие – цветок красоты)» (Диоген Лаэртский VII 23 [Диоген 1979, с.276])

(№ 1153). «Когда кто-то натёрся благовонным маслом, Зенон спросил: «От кого это так пахнет женщиной?» (Диоген Лаэртский VII 23 = фр.318 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.113])

(№ 1154). «Писал он и о любви – в начале книги под названием «Учебник любви», а также довольно много и в «Беседах» (Диоген Лаэртский VII 34 [Диоген 1979, с.279])

(№ 1155). «И Зенон говорит, что Хаос у Гесиода – это вода, и что когда она оседает, образуется ил, который, отвердевая, превращается в землю. Третьим элементом, по Гесиоду, был Эрот, который должен представлять собой огонь, - ибо Эрот и есть огненная страсть» (Схолии к Аполлонию Родосскому I 498 = Зенон, фр.104 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.53])

(№ 1156). «Зенон Китийский, похоже, намерен был набросать портрет образцового юноши, и так рисует его облик: «Лицо пусть будет чистое, брови не опущенные, взор не заносчивый, но и не робкий, голова не запрокинутая, движения тела ладные, в своих колебаниях исполненные равного напряжения; пусть будет внимателен к тому, что сам говорит, понятлив и восприимчив к тому верному, что слышит, а манеры и походка пусть не дают надежды людям распущенным. Всего более пусть будут заметны стыдливость и мужественность. Пусть не шатается праздно по лавкам благовоний, золотых дел, шерстяным и прочим мастерским, где многие, разукрашенные подобно распутным женщинам, проводят целые дни словно у себя дома» (Климент Александрийский. Педагог III 11, 74 = Зенон, фр.246 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.99-100])

См. Элиан. Пёстрые рассказы IX 26 [Элиан 1963, с.73].

Фрагменты из сочинения «Государство».

Пер. А.А.Столярова [ФРС 1998-, т.1, с.100-101]

(№ 1157). «Итак, некоторое время Зенон слушал Кратета; тогда же он написал своё «Государство», и многие в шутку говорили, что оно написано на собачьем хвосте» (Диоген Лаэртский VII 4 = фр.2 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.2])

(№ 1158). «(247) «Мы подражаем вождю нашей мудрости Зенону-финикийцу, который ни разу не сходил с женщиной, а всегда с мальчиками (как передает Антигон Каристский в книге о его жизни). «Нужно любить не тело, а душу» - это пусть лопочут те, кто утверждают, что влюбленные должны сходиться только до 28 лет». (Афинея XIII 563e)

(№ 1159). (248) «Мудрец пусть любит и юношей, в облике которых проявляется природная расположенность к добродетели, - как говорит Зенон в книге «О государстве». (Диоген Лаэртский VII 129) То же: [Диоген 1979, с.308]

(№ 1160). (249) «И что удивительного, если и последователи кинической философии, и сторонники Зенона Китийского, и Клеанфа, и Хрисиппа считают это [однополюю любовь] безразличным?» (Секст Эмпирик. Пирроновы положения III 200) (то же – Клеанф, фр.585 [ФРС 1998-, т.1, с.202], Хрисипп, фр. III 745) То же: [Секст 1976, т.2, с.363].

(№ 1161). (250) «Зенон, глава их учения, в своих «Беседах» говорит о воспитании детей много похожего и, в частности, так: «Сходиться с мальчиками следует не больше и не меньше, чем с немальчиками, а с женщинами – так же, как с мужчинами. Ведь то же самое приличествует и подобает и мальчикам, и немальчикам, женщинам и мужчинам» (Секст Эмпирик. Пирроновы положения III 245) То же: [Секст 1976, т.2, с.371-372]; [Секст 1976, т.2, с.38].

(№ 1162). (251) И далее: «Сошелся ли ты с любимцем? – Нет. – Но разве ты не испытывал желания сойтись с ним? – И даже большое. – Но пожелав, чтобы он отдался тебе, ты побоялся просить его об этом? – Да нет, клянусь Зевсом. – Значит, ты попросил? – И даже очень. – А он не уступил тебе? – Нет» (Секст Эмпирик. Против ученых XI 190) То же: [Секст 1976, т.2, с.38]

(№ 1163). (252) «Да и я, клянусь собакой, предпочел бы, чтобы эти Зеноновы рассуждения о любви обсуждались на каком-нибудь пиру и в шутку, а не в «Государстве» - сочинении, исполненном такой серьезности». (Плутарх. Застольные беседы III 6, 1)

(№ 1164). (253) «Зенон Китийский ... говорил, что сходиться с мальчиками можно беспрепятственно» (Епифаний. Против ересей III 36)

«Зенон Китийский, стойк, утверждал, что ... любимцами пользоваться беспрепятственно». (Епифаний Кипрский. Панарий (Против ересей). Краткое истинное слово, гл.9 [Епифаний 1863-82, ч.5, с.329])

(№ 1165). (257) «Зенон повелевает и мужчинам, и женщинам носить одну и ту же одежду, причем ни одна часть тела не должна быть закрыта» (Диоген Лаэртский VII 133) ?

(№ 1166). (263) «Понтиан же сказал, что, по мнению Зенона Китийского, бог Эрот – это приуготовитель дружбы, свободы и даже единомыслия, но не чего-то иного. Поэтому и в «Государстве» Зенон сказал: «Бог Эрот – тот, кто споспешествует нам ради благополучия государства». (Афиней XIII 561с)

Поэты

Эринна

«...Мы хороводом ходили вокруг, куда внезапно

Ты прыжком не бросаешься в море, как с лошади белой»

(№ 1167). (Эринна. Прялка. Ст.14-15, пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.206])

Эринна. Эпитафии Бавкиде 1-2. Пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.48-49]

Про Эринну. Асклепиад. № 28 [Эпиграмма 1993, с.76]

Леонид № 98 [Эпиграмма 1993, с.152]

Антипатр Сидонский № 58 [Эпиграмма 1993, с.209]

Аноним № 67-68 [Эпиграмма 1993, с.321]

Ликофронид

Автор кон.4 в.

«Будь то юноша,
Будь то девушки, златом увешанные,
Будь то жены полногрудые, -
Красота – не в лике, а в скромности,
Если дана от рождения.
Лишь стыдливости цвет чело украшает»

(№ 1168). (Ликофронид, фр.1, пер. В.Н.Ярхо [Поэты 1999, с.390-391])

Новая комедия

Менандр

(№ 1169). «Сами любовные сюжеты комедий Менандра подходят для людей, которые, проведя вечер за вином, отправляются после этого к своим женам: ведь в этих драмах полностью отсутствует любовь к мальчикам, а соращение девушек благопристойно завершается свадьбой» (Плутарх. Застольные беседы VII 8, 3, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.130])

Комедия Менандра «Женоподобный, или Критянин» (Афиней VI 243b [Афиней 2003-, т.1, с.307])

Дамоксен

3 в. до н.э.

(№ 1170). «Игра же в мяч, называемая грабежом [харпастон], прежде называлась фенинда. Мне она нравится больше всего. ... Игроки в фенинду уделяли внимание и тому, чтобы двигаться красиво. Дамоксен, например, пишет:

Парнишка там играл; сейчас мне кажется,

Он был годков шестнадцати-семнадцати,
Кеосец, без сомненья; боги создали
Тот остров. Он разок взглянул на зрителей
И начал: получал ли мяч он, отдавал –
Все хором мы кричали: «Браво! Молодец!
Краса движений! Что за скромность! Мастерски!»
Что б он ни делал, что ни говорил, - друзья, -
Казался чудом красоты! Не слышал я
И не видал еще подобной прелести.
Меня б удар хватил, когда б чуть дальше там
Остался. Я и так немного сам не свой»

(Афиней I 14f, 15b-c [Афиней 2003-, т.1, с.23])

Примечание

(№ 1171). «Был, говорят, древний обычай так развлекаться и было распространенным среди лакедемонян состязание – игра в мяч...» (Критий, фр. В36 = Евстафий, к Одиссее VIII 376 [Софисты 1940-41, вып.2, с.73])

Именно эта игра в российском фильме «Гарпадум» объявлена предшественницей футбола, что не вполне точно, но любопытно.

Герод

«Смеешься? Я – кинед, - таиться б стал тщетно!
Зовусь я Баттаром, а дед носил имя
Сисимбры, Сисимбриском – мой отец звался,
И все мы – сводники...»

(№ 1172). (Герод. Сводник (II) 76-79 [Герод 1938, с.35])

3.2. Зрелый эллинизм (272-146)

Философы

Академики

(№ 1173). Рассуждения (сориты) Карнеада: «Если мы называем богиней Афродиту, то и Эрот, сын Афродиты, будет богом. Но если Эрот, [т.е. Любовь], - бог, то и Сострадание будет богом, потому что оба они суть душевные чувства и наравне с Эротом, [Любовью], почитается и Сострадание. ... Если же Сострадание есть бог, то и Страх... Если же Страх будет богом, то и – прочие чувства души. Но это не так. Следовательно, и Афродита не богиня. Но если бы боги существовали, то и Афродита была бы богиней. Следовательно, богов нет». (Секст Эмпирик. Против ученых (Против физиков I) IX 187-188, пер. А.Ф.Лосева [Секст 1976, т.1, с.275-276])

Киники

Бион

(№ 1174). «Бион был родом борисфенит; кто были его родители и чем он занимался, пока не обратился к философии, - об этом он сам рассказал Антигону: «...Отец мой однажды проворовался и был продан в рабство вместе с нами. Меня, молодого и пригожего, купил один ритор, потом он умер и оставил мне все свое имущество. Прежде всего я сжег все его сочинения, а потом наскреб денег, приехал в Афины и занялся философией» (Диоген Лаэртский IV 46-47 [Диоген 1979, с.197])

(№ 1175). «(47)... Так, однажды его попрекнули, что он не ухаживает за одним мальчиком: «Такой мягкий сыр не поддеть на крючок», - ответил Бион. ...

(49) Он не раз говорил, что лучше отдавать цвет своей юности другим, чем срывать его с других, ибо это последнее пагубно как телу, так и душе; злословил он даже о Сократе, говоря так: «...если он желал Алкивиада и воздерживался, то это глупость, а если не желал его и воздерживался, то в этом нет ничего особенного». ... Алкивиада он порицал за то, что, когда он был мальчиком, ради него мужа бросали жен, когда стал юношей – жены бросали мужей.

(53)...У него был обычай усыновлять молодых людей, чтобы наслаждаться их любовью и пользоваться их помощью. ... (54) Так, говорят, что один из его спутников, Бетион, сказал однажды Менедему: «А я вот, Менедем, провожу с Бионом целые ночи и не вижу в этом ничего плохого!» (Диоген Лаэртский IV 47-54 [Диоген 1979, с.198, 200])

См. также пер. И.М.Нахова [Антология кинизма 1996, с.79-82]

(№ 1176). «Более грубо выразился софист Бион, сказав, что каждый волос на теле красавцев – это Гармодий или Аристокитон, избавляющий влюбленных от той распрекрасной тирании, которой они себя подвергли». (Плутарх. Об Эроте 23, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.580])

Стоики

Аристон Хиосский

(№ 1177). «Книги его известны такие: ... «Беседы о любви»...» (Диоген Лаэртский VII 163 [Диоген 1979, с.318]) (То же: фр.333, 6 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.116])

Герилл Карфагенский

(№ 1178). «Говорят, что когда Герилл был мальчиком, многие были влюблены в него, и Зенон, стремясь отвадить их, заставил Герилла обриться, после чего поклонники оставили его» (Диоген Лаэртский VII 165 = фр.409 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.141])

Дионисий Гераклеийский

(№ 1179). «...Дионисий-перебежчик (или Искра, по другому прозвищу), сочинив трагедию «Парфенопей», приписал ее Софоклу; Гераклид же, поверив этому, сослался на нее в одном из своих сочинений как на Софоклову. Дионисий, узнав об этом, признался в подделке, но тот не стал его слушать и не поверил; тогда Дионисий указал ему на акrostих, а там было имя Панкала, в которого Дионисий был влюблен. Но и тут Гераклид не верил и говорил, что это могло получиться случайно». (Диоген Лаэртский V 92-93 [Диоген 1979, с.232]) То же в пер. А.А.Столярова см. фр.425 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.147]

Персей Китийский

(№ 1180). «Книги Персея известны такие: ... «О различной любви» ...» (Диоген Лаэртский VII 36 [Диоген 1979, с.280]) (То же – фр.435, 6 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.151])

(№ 1181). «Но и Персей в «Застольных записках» решительно заявляет, что за вином удобнее всего вести беседы о любовных делах: вино – если попивать его понемногу – располагает нас к этому. «А кто, - говорит он, - при этом ведет себя кротко и умеренно, - тот достоин похвалы; тот же, кто ненасытен и упивается до зверского состояния – порицания...» (Афинея XIII 607a = фр.451 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.156])

(№ 1182). «[Критика мудрецов] И Архестрат из Гелы в своей «Гастрологии»... Это, кстати, единственный эпос, который вы, мудрецы, признаете... кроме того, вы обожаете «Искусство любви» киника Сфодрия, декламации «Любовных рассказов», которые устраивает Протагорид, а также «Застольные беседы» приятного философа Персея, составленные из воспоминаний Стилпона и Зенона. В них он разбирает, как нужно делать возлияния, чтобы застольники случайно не заснули, когда можно вводить мальчиков и девиц на застолье, когда допускать их до заигрывания и когда отправлять обратно с презрением; говорит он также об изысканных кушаньях, о разных видах хлеба и обо всем прочем. С такой же обстоятельностью рассуждает и о том, что сын Софрониска [по чтению Арнима «усердный философ»] говорил о поцелуях ...

... Уместно было бы напомнить написанную в вашу честь эпиграмму, которую цитирует в шестой книге «Записок» Гегесандр Дельфийский:

Брове-высоко-заломы и в-бороды-носо-запряты,
Мешко-бородо-хлыщи, миско-воришко-плуты,
Коротко-плаще-задиры и дико-босо-в-землю-гляды,
Ночью-съедалы-тайком, шур-шур-в-потемках-с-грехом,
Отроко-за-нос-водилы и вычурно-слог-бормоталы,
Мудрые-вздорным-умом выродки-благо-ловцов»

(Афиней IV 162а-с [Афиней 2003-, т.1, с.213])

То же: фр.452 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.157]

Клеанф из Асса

(№ 1183). «Он оставил такие прекрасные книги: ... «О любви» ... «Наука любви» ...» (Диоген Лаэртский VII 175 [Диоген 1979, с.322]) То же: фр.481, 23.25 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.164].

(№ 1184). «Гекатон в «Полезных изречениях» рассказывает, что когда красивый мальчик стал говорить: «Если слово «желудок» происходит от слова «жевать», а слово «ляжка» - от слова «лягаться», - Клеанф сказал: «Погоди с этими штуками, мальчик. Похожие слова отнюдь не всегда обозначают похожие вещи» (Диоген Лаэртский VII 172 = фр.613 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.207])

(№ 1185). «Вслед за Зеноном, говорят, он утверждал однажды, что по виду можно постичь нрав; тогда несколько молодых насмешников привели к нему одного женоподобного развратника, загрузившего в деревне, и стали допрашивать, какого нрава этот человек; Клеанф был в затруднении и уже велел было мужику уходить, как вдруг тот, уходя, чихнул. «Понял! – воскликнул Клеанф, - это бабень!» (Диоген Лаэртский VII 173 [Диоген 1979, с.321-322]) То же: фр. 618 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.208]

Сфер Боспорский

(№ 1186). «Книги он написал такие: ... «Разговоры о любви» ...» (Диоген Лаэртский VII 178 [Диоген 1979, с.323]) То же: фр.620, 19 Арним [ФРС 1998-, т.1, с.209].

Хрисипп из Сол

Логика

(№ 1187). «[Позиция стоиков]. Именно, как говорящий, что любовь есть предпринятый поиск дружбы, одновременно имеет в виду «прекрасных юношей», даже если бы он на словах этого не высказывал (никто ведь не любит того, кто стар или не первой молодости), точно так же, говорят они, и мы, когда утверждаем, что предложение есть изменение ведущего, одновременно выражаем, что изменение происходит в чувствительности, и не в деятельности». (Секст Эмпирик. Против ученых (Против логиков I) VII 239, пер. А.Ф.Лосева [Секст 1976, т.1, с.109])

Физика

(№ 1188). «Сказав о трех элементах, он [Гесиод] говорит о четвертом, то есть об огне, который он прекрасно называет «эросом»: действительно, огню свойственно связывать и соединять» (Схолии к «Теогонии» Гесиода 120 = Хрисипп, фр. II 445 [ФРС 1998-, т.2, ч.1, с.240])

(№ 1189). «Прежде всего возникли трое: Хаос, Гея и небесный Эрос (он же и бог), - ибо Эрос, рожденный Афродитой, моложе. А элементы возникли из воды...» (Схолии к «Теогонии» Гесиода 115 = Хрисипп фр. II 565 [ФРС 1998-, т.2, ч.2, с.18])

(№ 1190). «После того, как [в мире] остается только ум [нус], занимающий невероятно большое место, - поскольку он расширяется во всех направлениях равномерно, - в нем уже нельзя найти ничего плотного, ибо везде господствует разреженность; от этого он становится прекрасным, приобретая чистейшую природу несмешанного сияния, - но тут же начинает желать восстановления первоначальной жизни. Обретя такое желание [эрос] ... он стремится породить и распределить все вещи, а также создать очередной мир еще лучшим и более прекрасным, - поскольку он самый новый. (56) Ведь сверкнув не случайной и тусклой... но чистой и свободной от всякой тьмы молнией, он изменяется с быстротою мысли. Вспомнив об Афродите и о порождении, он усмиряет себя и возвращается к самому себе и, истратив большинство своего света, превращается в огненный воздух ласковой теплоты. Тут он соединяется с Герой и, взойдя на самое совершенное брачное ложе и предаваясь отдыху, испускает семя мироздания. Это и есть священный брак Зевса и Геры, который сыновья мудрецов воспевают в своих невыразимых таинствах» (Дион Хрисостом. Речи XXXVI 55-56 = Хрисипп, фр. II 622 [ФРС 1998-, т.2, ч.2, с.38])

(№ 1191). «[Учение Зенона-стоика] Ибо злых получится гораздо больше, чем добрых, и Бог оказывается у него творцом зла, проявляясь в червях и канавах, и в тех, кто предается неудобосказуемому разврату». (Татиан 3 [Татиан 1993 (№ 1), с.242])

«Нечистые уста» Геры и Зевс. (Феофил. К Автолику III 3 [Апологеты 1999, с.172])

(№ 1192). «Хрисипп, много наговоривший вздору, не ясно ли указывает на незаконное совокупление Геры с Зевсом?» (Феофил. К Автолику III 8, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.176])

Этика

(№ 1193). Книги Хрисиппа: «... «О прекрасном и о наслаждении», к Аристокреонту, 10 книг...» (Диоген Лаэртский VII 202 [Диоген 1979, с.331])

К сожалению, от списка этических сочинений Хрисиппа сохранилось только начало.

(№ 1194). «Обо всем этом говорит Хризипп в своем трактате «О добре и зле». Здесь можно прочесть также и о том, что некогда были особые индивидуумы, так называемые двуполые, которые играли и пассивную, и активную роли при удовлетворении страстей у всех, обращавшихся к их услугам; впоследствии блюстителами общественной нравственности они были уничтожены» (Ориген. Против Кельса IV 63 [Ориген 1996]).

(№ 1195). «Мудрец будет любить и молодых людей, которые обликом своим обнаруживают врожденное расположение к добродетели (так говорят Зенон в «Государстве», Хрисипп в I книге «О жизни» и Аполлодор в «Этике»)). (Диоген Лаэртский VII 129 [Диоген 1979, с.308])

(№ 1196). «Любовь – это желание, несвойственное взыскующим: это стремление к сближению, вызванное видимостью красоты». (Диоген Лаэртский VII 113 [Диоген 1979, с.303])

(№ 1197). «Любовь – это стремление к сближению, вызванное видимостью красоты, и направлена она не к соитию, а к дружбе. ... Именно частью дружбы является любовь (так пишет Хрисипп в книге «О любви»), а отнюдь не посланным богами даром. А красота – это цвет добродетели» (Диоген Лаэртский VII 130 [Диоген 1979, с.308])

(№ 1198). «А в сочинении «О государстве» он позволяет сожительствовать и с матерями, и с дочерьми, и с сыновьями; то же самое пишет он и в книге: «О вещах, которые сами по себе не предпочтительны», в самом начале» (Диоген Лаэртский VII 188 [Диоген 1979, с.326-327])

История

Полибий

(№ 1199). «[Характеристика форм правления] И опять, когда такую власть по наследству от отцов получили сыновья, не испытавшие несчастий, совершенно незнакомые с требованиями общественного равенства и свободы, с самого начала воспитанные под сенью власти и почестей родителей, тогда одни из таких правителей отдавались корыстолюбию и незаконному стяжанию, другие предавались пьянству и сопутствующему ему ненасытному обжорству, третьи насиловали женщин и похищали мальчиков, и таким-то образом извратили аристократию в олигархию» (Полибий VI 8, 4-5 [Полибий 1994-95, т.2, с.11])

Апелла – опекун царя Македонии Филиппа V.

(№ 1200). «[217 г.] (28, 5) По прочтении писем [Мегалея] Филипп не сомневался, что виновник всех зол есть Апелла, а потому немедленно отправил его под стражей в Коринф, вместе с ним сына его, а также любовника. (6) К Мегалею в Фивы он послал Александра с поручением доставить его властям по делу о поручительстве. (7) Александр исполнил приказание, но Мегалей не стал дожидаться исхода дела и сам наложил на себя руки. (8) Случилось так, что в те же дни кончили жизнь Апелла, сын его и любовник. (9) Таков был конец этих людей, заслуженный больше всего бесчестным поведением их относительно Арата» (Полибий V 28 [Полибий 1994-95, т.1, с.432])

Распутство Филиппа в Аргосе (208 г.) (Полибий X 26 [Полибий 1994-95, т.2, с.137])

(№ 1201). «[205 г., Гераклид, шпион Филиппа, на Родосе] (4, 4) Гераклид в далеком колене происходил из Тарента, принадлежал к семье бедных ремесленников и обладал всеми свойствами развратника и злодея. (5) Так, в ранней юности он открыто торговал своим телом; отличался острым умом и сильною памятью, в отношениях с низшими был дерзок и нагл и пресмыкался перед высшими. (6) Сначала Гераклид вынужден был покинуть родной город, так как ходила молва, что он предал Тарент римлянам» (Полибий XIII 4 [Полибий 1994-95, т.2, с.217])

(№ 1202). «[146 г.] (7, 1) Пифей [фивский беотарх] был брат Акатиды, борца на ристалище, сын Клеомена, человек порочной жизни и, как гласила молва, в ранней молодости предавался мужеложству. (2) Равным образом в государственном управлении он проявил наглость и любостыжание и по причинам, нами упомянутым, усилился благодаря Эвмену и Филитеру» (Полибий XXXIX 7 [Полибий 1994-95, т.3, с.179])

Хиос

(№ 1203). «[Рассказ Нимфодора Сиракузского о Дримаке, царе рабов на Хиосе] Когда Дримак стал уже стар, он позвал своего любимца в тайное место и сказал ему так: «Я любил тебя больше всех, ты был для меня всё: и слуга, и сын. Я пожил достаточно, а ты молод, твоя жизнь в самом расцвете. Что ж! пора тебе стать свободным и благородным. Кто меня убьет, тому город Хиос дает много денег и обещает свободу – так отруби мне голову, отнеси ее в Хиос, получи от города деньги и живи счастливо!» Юноша отказывался, но Дримак его уговорил. Тот, отсеки ему голову, взял с хиосцев объявленную награду и, похоронив тело беглого раба, уехал на родину» (Афиней VI 266b-c [Афиней 2003-, т.1, с.332])

Нимфодор – историк 3 в. ?

Спарта

Царь Клеомен.

(№ 1204). «Прежде всего, он стал испытывать своего друга Ксенара (в прошлом царь был любимцем этого человека – такую связь сами лакедемоняне называют «вдохновенной любовью»); он расспрашивал Ксенара об Агиде – что это был за правитель, и каким образом и с чьей помощью вступил он на свой путь» (Плутарх. Агид и Клеомен 24, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.277])

(№ 1205). События в Александрии. «В конце концов, отчаявшись, он [Клеомен] ... призвал всех умереть, не посрамивши своего царя и былых подвигов. Первым упал Гиппит, попросивший кого-нибудь из младших убить его, а потом каждый спокойно и бесстрашно покончил с собою сам. В живых оставался только Панфей, тот, что первым вошел в Мегалополь. Самый красивый из молодых и лучше всех усвоивший начала и правила спартанского воспитания, он был когда-то возлюбленным царя и теперь получил от него приказ умереть последним, когда убедится, что и Клеомен и все прочие мертвы. Панфей обходил лежавшие на земле тела, испытывая острием кинжала, не теплятся ли в ком остатки жизни. Уколов Клеомена в лодыжку и заметив, что лицо его исказилось, он поцеловал царя и сел подле него. Когда же Клеомен испустил дух, Панфей обнял труп и, не разжимая объятий, заколол себя» (Плутарх. Агид и Клеомен 58, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.295])

О захвате Мегалополя см. Плутарх. Агид и Клеомен 44 [Плутарх 1994, т.2, с.288].

Птолемей IV

(№ 1206). «(37, 9) При виде Никагора Клеомен подошел к нему, ласково приветствовал и расспрашивал, что привело его в Александрию. Тот отвечал, что привез лошадей. (10) Тогда Клеомен сказал: «Как бы хорошо было, если бы вместо лошадей ты привез с собою любовников и арфисток: теперешний царь занят этим всецело». (11) В то время Никагор рассмеялся и замолчал; несколько дней спустя, ближе познакомившись с Сосибием по делу о лошадях, он передал ему только что приведенные слова Клеомена; а когда заметил, что Сосибий слушает его с удовольствием, Никагор рассказал все о давней неприязни своей к Клеомену» (Полибий V 37 [Полибий 1994-95, т.1, с.437])

(№ 1207). «Клеомен засмеялся и промолвил: «Лучше бы ты привез ему арфисток и распутных мальчишек – царю сейчас всего нужнее именно этот товар» (Плутарх. Агид и Клеомен 56, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.294])

(№ 1208). «Птолемей Трифон (он получил это прозвище из-за свойственного ему образа жизни) сказал как-то одной красавице, пожелавшей встретиться с ним: «Моя сестра запретила мне принимать приглашения от красивых женщин». На это посетительница смело и остроумно возразила ему: «А от красавца ты бы, вероятно, принял?». Птолемей остался доволен ее ответом» (Элиан. Пёстрые рассказы XIV 31 [Элиан 1963, с.118])

(№ 1209). «Утопая в наслаждениях и роскоши, он убил свою жену, приходившуюся ему сестрой, Эвридику, и пленился прелестями гетеры Агафоклеи. ... (2) Но с течением времени распущенность все росла, и дерзость гетеры уже не могла оставаться в пределах дворцовых стен. Ежедневные развратные сношения царя с братом ее Агафоклом,

распутным и угодливым красавцем, сделали ее еще более наглой. К Агафоклее и Агафоклу присоединилась их мать Энанфа, забравшая в свои руки царя, совершенно обольщенного прелестями обоих ее детей. ... Агафокл, постоянно находившийся при царе, правил государством, а обе женщины распоряжались раздачей должностей трибунов, префектов и военных командиров. ...

[205 г.] Но вот Птолемей умер, оставив после себя пятилетнего сына от сестры своей Эвридики; его смерть долго скрывали, а тем временем женщины расхищали царскую казну и, стакнувшись с подонками общества, пытались захватить власть. Когда же весть [о смерти царя] разнеслась, Агафокл был убит сбежавшей толпой, а женщины в отмщение за Эвридику были распяты» (Юстин. Эпитома Помпея Трога XXX 1, 7-2, 7 [Юстин 2005, с.197-198])

(№ 1210). «[202 г.] (25, 32) Тлеполом, например, предлагал пить за маляра, за музыкантку, за бритву, также за мальчугана, который в детстве был кравчим царя, сам (33) «делал все и другим позволял все делать с собою». Так как соучастники пирушек смеялись всякой такой шутке и еще от себя прибавляли что-либо к издевательствам, то вскоре слухи дошли и до Агафокла, (34) и вражда теперь была открытая». (Полибий XV 25 [Полибий 1994-95, т.2, с.250])

Сирия

(№ 1211). «Подобно этому и Фемисон с Кипра, любовник царя Антиоха [IV Эпифана] (как говорит Питерм Эфесский в восьмой книге «Истории», не только провозглашался на праздниках как «Фемисон, македонянин, Геракл царя Антиоха», но и принимал жертвы, приносимые всеми жителями «Гераклу Фемисону», а если жертвователем был знатный, то присутствовал и сам, возлегая на ложе в львиной шкуре, со скифским луком и палицей» (Афиней VII 290a [Афиней 2003-, т.1, с.360])

(№ 1212). «Так Антиох, сын Антиоха Великого, получил власть над Сирией, у сирийцев он получил прозвище «Эпифан» [«С славой явленный»], потому что в глазах подданных он был законный государь той власти, которая была отнята у него чужими. Установив дружбу и союз с Эвменом, он твердо правил Сирией и племенами, лежащими около нее, имея своим наместником в Вавилоне Тимарха, а наблюдающим за своими доходами Гераклида; это были два брата, и оба были его любимцами». (Аппиан XI 45, пер. С.П.Кондратьева [Аппиан 2002, с.284])

Разное

(№ 1213). «...царь [Филипп V Македонский] старался еще сильнее ожесточить мессенцев друг против друга, прибыл Арат, который и сам не скрывал своего возмущения, и не остановил сына, когда тот набросился на Филиппа с резкими и грубыми упреками. Сколько можно судить, юноша был влюблен в Филиппа и потому, среди прочих злых слов, сказал ему так: «После того, что ты сделал, я больше не вижу твоей красоты, нет, теперь ты самый безобразный из людей!» Младшему Арату Филипп ничего не ответил, хотя и кипел от гнева и несколько раз прерывал юношу яростными воплями...» (Плутарх. Арат 50, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.548])

(№ 1214). «И вот они решили устранить царского споспешника [беотарха] Брахилла... (2) Было выбрано время, когда он пьяный возвращался домой после торжественного обеда в сопровождении женоподобных мужей, которые для забавы гостей участвовали в этом людном пиршестве». (Тит Ливий XXXIII 28, 1-2, пер. С.А.Иванова [Ливий 1989-93, т.3, с.94])

(№ 1215). «(4, 2) Еще за много лет до того Филипп [V Македонский] казнил Геродика, знатного фессалийца, а впоследствии умертвил и его зятьев. Остались вдовствующие дочери, у которых было по малолетнему сыну. (3) Звали этих женщин Феоксена и Архо... (6) Узнавши о царском приказе взять под стражу детей казненных, она [Феоксена], сочтя, что они станут жертвой надругательств не только царя, но и стражей, решила на страшное дело и осмелилась даже сказать, (7) что лучше она своей рукою лишит их жизни, чем допустит, чтобы они попали во власть Филиппа. ... (13) Между тем безжалостная женщина, вернувшись к задуманному, разводит в чаше яд и вынимает мечи... (15) И дети предали себя смерти». (Тит Ливий XI 4, 2-15, пер. И.И.Маханькова [Ливий 1989-93, т.3, с.360-361])

То же: (Эпитама кн.40 Тита Ливия [Ливий 1989-93, т.3, с.569])

Карфаген

(№ 1216). «Удачно завершив эти дела, питая в душе отвагу и ненависть к римлянам, Гамилькар в поисках удобного предлога для войны добился, чтобы его послали во главе войска в Испанию; туда же он взял с собой сына своего Ганнибала девяти лет. Кроме того, при нем был Гасдрубал – знатный и красивый юноша, о котором некоторые говорили, будто Гамилькар любил его более грешно, чем подобает. Конечно, разве может великий человек избежать хулы сплетников! Из-за этих разговоров блюститель нравов запретил Гасдрубалу находиться при Гамилькаре, но тот выдал за юношу свою дочь, и тогда по карфагенскому обычаю нельзя уже было запретить тестю общаться с зятем. Я упомянул об этом случае потому, что после гибели Гамилькара этот зять его возглавил войско, совершил великие дела и стал первым полководцем, чья щедрость развратила старинные нравы карфагенян. После его смерти армия вручила командование Ганнибалу» (Непот. Гамилькар 3 [Непот 1992, с.89])

(№ 1217). «Промежуток между отцом и сыном занял Гасдрубал, в течение приблизительно восьми лет пользовавшийся верховной властью. Сначала, говорят, он понравился Гамилькару своей красотой, (4) но позже сделался его зятем, конечно, уже за другие, душевные свои свойства...» (Тит Ливий XXI 2, 3-4, пер. Ф.Ф.Зелинского [Ливий 1989-93, т.2, с.6])

(№ 1218). «(3, 2) Гасдрубал пригласил Ганнибала к себе в Испанию письмом, когда он едва достиг зрелого возраста, и об этом был возбужден вопрос даже в сенате. ...

(3) ...Ганнон ... сказал: (4) «...Гасдрубал, который некогда сам предоставил отцу Ганнибала наслаждаться цветом его нежного возраста, считает себя вправе требовать той же услуги от его сына. Но нам несколько не подобает посылать нашу молодежь, чтобы она, под видом приготовления к военному делу, служила похоти военачальников». (Тит Ливий XXI 3, 3-4, пер. Ф.Ф.Зелинского [Ливий 1989-93, т.2, с.6-7])

Поэзия

Арат из Сол

«В Аргосе слава красы Филокла гремела; известна

Слава мегарских гробниц, слава коринфских колонн;

Всё о той красоте до источников Амфиарая

Вписано – только к чему? Что остается в письме?

Ибо твою красу не камень расскажет – расскажет

Видевший это Арат – знает он лучше других»

(№ 1219). (Арат № 1 (АП XII 129), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.68]

На Арата. Леонид (?). № 101. [Эпиграмма 1993, с.152]

«Явления»

«Ибо еще не текли с Геликона струи ключевые,

но от удара Коня, где копыто его опустилось,

литься вода начала. Пастухи о живительной влаге

первые подали весть и прославили Конский источник.

Камни горы та вода окропляет и ныне, всегда ты

сможешь увидеть ее у феспийцев, а Конь же священный

кружит в Зевесовой выси, от глаз твоих там не сокрытый».

(№ 1220). (Арат. Явления 218-224, пер. К.А.Богданова [Арат 2000, с.69-70])

«Возле Коня же, в прыжке вознесенного, кружатся Рыбы

две, он почти между ними. Вблизи головы его держит

правую руку свою Водолей...»

(№ 1221). (Арат. Явления 282-284, пер. К.А.Богданова [Арат 2000, с.74])

«Несколько дальше еще есть Стрела, что в полете несется

как бы сама по себе. Рядом с ней простирается Птица,
к Северу ближе, и здесь же другая средь веяний ветра,
меньшая величиной, но восход ее грозен над морем
ночью, идущей на убыль, - Орлом ее люди прозвали».

(№ 1222). (Арат. Явления 311-315, пер. К.А.Богданова [Арат 2000, с.77])

Водолей – см. Арат 284, 389-399, 502, 548, 693.

Орел – см. Арат 315, 522, 523, 591, 691.

Аполлоний Родосский

Аргонавтика (пер. Н.А.Чистяковой)

Из книги I

«Ведомо, сам Геракл, могучий силой и духом,
Не пожелал пренебречь Эсониду страстным призывом:
Только дошла до него молва о сборе героев, -
Сразу, пройдя из Аркадии далее в Аргос Лиркейский,
С ведром живым на плечах, кто пасся в долине Лампейской
Возле горы Эриманфа, вблизи большого болота, -
Он у первых Микенских столбов, веревками спутав,
С мощной спины его сбросил, а сам по собственной воле
В путь устремился. С ним Гил пошел, его преданный спутник
Отрок прекрасный, стрелы несущий и лука хранитель».

(№ 1223). (Аполлоний I 121-131 [Аполлоний 2001, с.7-8])

«Зевсов сын, друзьям наказав пир наладить на славу,
Сам отправился в лес, надеясь весло себе выбрать
Новое и по руке взамен того, что сломалось. (1180)

...

Гил между тем, оставив всех прочих, с медным кувшином
Стал источник священный искать, чтоб к приходу Геракла
Ужин успеть приготовить, воду и все остальное, (1200)
Что положено в быстром порядке идущему делать.
Так его воспитал сам Геракл по правилам строгим,
Малым ребенком его забрав из отчего дома,
Где беспощадно убил достойного Феодаманта,
Мужа дриопского, из-за вола вступившего в ссору.
Феодамант, целину поднимая тогда своим плугом,
Очень устал от труда. Геракл побуждать его начал,
Чтобы тот против воли вола ему пахаря отдал –
Так он предлога искал, желая с дриопами битвы,
Ибо жили они, не думая вовсе о правде. (1210)
Впрочем, этот рассказ далеко нас увел бы от песни.

Быстро Гил к роднику подошел. Называют «Ключами»
Этот родник окрестные люди. А в Гилову пору
Нимфы здесь в пляске резвились. Всегда им было в отраду,
Сколько их ни помнили там на вершине чудесной,
Песней ночной до утра воспевать Артемиду богиню.
Вышли нимфы, живущие в горных пещерах и в гротах,
Вышли и нимфы лесные, что скрывались от взоров,
Из родника же прекрасного тоже выплыла нимфа,
В нем обитавшая, и сейчас же заметила Ги́ла, - (1220)
Он вблизи оказался, сияя юной красою.

Ибо с неба блестящий свет на него проливалась
В час полнолуния луна. К ней в душу вспорхнула Киприда.
Долго нимфа в смущенье пыталась справиться с сердцем,
Но как только Гил опустил кувшин свой в источник,
Набок склоня, и стала вода обильно и с шумом
В медный кувшин, звеня, наливаться, нимфа немедля
Левой своею рукой обвила его нежную шею,
С уст стремясь сорвать поцелуй, а правой за локоть
Вдруг к себе потянула его. И упал он в пучину. (1230)

Крик его услышал лишь один из славных героев –
Элатид Полифем, по дороге пошедший затем, чтоб
Встретить Геракла огромного здесь по дороге обратной.
...

... У Геракла с висков заструился обильный
Пот. Сразу черная кровь у него закипела под сердцем.
В гневе бросил он наземь сосну и в путь устремился,
Сам не зная, куда несут его быстрые ноги.
Как подгоняемый оводом бык без устали мчится,
Луг заливной и поля покидая, не думая вовсе
О пастухах и о стаде, то мчится без остановки,
То внезапно встает, подняв широкую выю,
Громко мыча, измученный жалом овода злого, - (1260)
Так в исступлении мчался Геракл, то перебирая
Быстро ногами, то в тягостном беге на миг застывая.
Голосом зычным он громко кричал, - отвечало лишь Эхо».

(№ 1224). (Аполлоний I 1178-1180, 1198-1233, 1252-1263 [Аполлоний 2001, с.31-33])

А за тех двоих по Зевесовой воле был должен (1335)
Град возвести, соименный реке, в стране у мисийцев
Полифем Элатид, а Геракл на царя Еврисфея
Снова был должен трудиться. Но прежде того пригрозил он
Всю Мисийскую землю совсем обезлюдить, коль участь
Гиля не будет раскрыта, в живых он или же умер. (1340)
И за Гиля в залог Гераклу отобранны были
Лучших мужей сыновья, и клятвой они подтвердили,
Что никогда не бросят искать пропавшего Гиля.
Вот почему вопрошают киосцы донныне про Гиля
Феодамантова сына, и дальний Трахин опекают,
Дивно созданный город, в котором Геракл оставил
Юношей тех, что ему из Мисии отданы были».

(№ 1225). (Аполлоний I 1335-1347 [Аполлоний 2001, с.34-35])

Из книги III

Обе из дома неспешно пошли обратно. Киприда (112)
Тоже пошла в закоулки Олимпа на поиски сына.
Вскоре нашла его далеко в винограднике Зевса,
Не одного, он был с Ганимедом, которого в небе
Некогда Зевс поселил у себя с бессмертными рядом.
Чары красы его Зевса пленили. Дети играли,
Как подобает их возрасту, в бабки свои золотые.
Встав во весь рост, Эрот пригоршню полную с верхом

Алчно левой рукой к груди прижимал, его щеки (120)
Рдели жарким румянцем. А тот вблизи на коленях,
Очи потупив, стоял: у него лишь две бабки осталось.
В гневе на хохот соперника вновь он мечет их на кон,
Но немного спустя и их потерял с остальными.
Жалкий, с пустыми руками он прочь пошел, не заметив,
Как Киприда пришла. А та перед сыном явилась
И, по щеке потрепав, ему смеясь говорила:
«Что ты смеешься, горе мое несказанное? Или
Снова его обманул и провел неученого гнусно?
Ну, а теперь с удовольствием сделай мне то, что скажу я... (130)

...

Молвила. Он же старательно бабки собрал, сосчитав их. (152)
Спрятал за пазухой матери в яркие складки одежды.
Тотчас колчан, прислоненный к пню, подхватил, перекинув
На золотом кушаке, вооружился изогнутым луком,
Быстро пошел через сад плодоносный великого Зевса,
Скоро потом за ворота Олимпа небесного вышел.
Там наклонный путь с небес уходит на землю.
Гор высоких две оси, исходы земли, охраняют
Место, где первое солнце всю землю красит багрянцем. (160)
Видны Эроту, летящему в беспредельном Эфире,
То внизу земля живоносная, грады людские,
То потоки священные рек и окружное море.

(№ 1226). (Аполлоний Родосский III 112-130, 152-163 [Аполлоний 2001, с.67-68])

NB. В переводе Г.Ф.Церетели [Александрийская поэзия 1972, с.146-147, 175-177, 179-180, 217-219] нумерация строк поэмы несколько отличается. Цитируемые строки - I 122-132, 1187-1189, 1207-1242, 1261-1272, 1345-1357, III 112-131, 154-166.

Феокрит

Ок.300-ок.240. Поэт с Хиоса.

Тексты Феокрита цитируются в переводах М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.7-146]

(№ 1227). Идиллия V. Комат и Лакон. Ст.80-140. [Феокрит 1998, с.32-36]

Комат

Больше, чем к Дафнису, Музы сегодня ко мне благосклонны. (80)

Двух годовалых козлят я зарезал им давеча в жертву.

Лакон

Так же ко мне Аполлон расположен – и славный барашек

Будет ему припасён: ведь Карнейские дни недалёко.

Комат

Доятся все, кроме двух, мои козы, по двойне родивши.

Глянув, красотка сказала: «Один ты их доишь, бедняжка?»

Лакон

Эй, поглядите! Лакон, наполнивши двадцать корзинок

Сыром, теперь меж цветами балуется с юным мальчишкой.

Комат

Только лишь выгоню коз, в козопаса сейчас Клеариста

Яблоки метко бросает и сладкую песню мурлычет.

Лакон

Что ж до меня, безбородый Кратид пастуха, повстречавшись, (90)

Сводит с ума. Как вдоль шеи струятся блестящие кудри!

Комат

Дикий шиповник из леса иль простенький цвет анемона
Могут ли с розой сравниться, растущей в садах вдоль ограды?

Лакон

Также не может вступать в состязание желудь с каштаном:
Первый дубовой корою покрыт, а этот – как сладок!

Комат

Скоро красотке моей принесу я голубку в подарок;
Я в можжевельник залезу: там голуби часто гнездятся.

Лакон

Я же на новенький плащ настригу скоро мягкую шёрстку
С этой вот бурой овцы, и отдам её сам я Кратиду.

Комат

Козочки, прочь от маслин отойдите вы! Смирно паситесь (100)
Там, где на склоне холма наклоняются вниз тамариски.

Лакон

Прочь от дубов убирайтесь живее, Конар и Кинайта!
Там, где пасётся Фалар, на лужайке восточной бродите.

Комат

Славный подойничек мой кипарисный и кубок не хуже,
Сделал Пракситель его: берегу их для девушки милой.

Лакон

Псом я владею, на волка похожим, приятелем стада;
Дам его другу в подарок затравливать дикого зверя.

Комат

Слушай-ка ты, саранча, перепрыгнуть ты хочешь ограду?

Лоз виноградных не порти; и так они вовсе засохли.

Лакон

Как разозлил козопаса я здорово, гляньте, стрекозы! (110)

Так же, пожалуй, жнецов раздражаете вы своим треском.

Комат

Я ненавижу лисиц длиннохвостых, что к лозам Микона

Под вечер тихо крадутся обглаживать спелые гроздья.

Лакон

Мне же противны жуки, что кружатся вокруг сада Филонда;

Гложут созревшие смоквы, и носит их ветер повсюду.

Комат

Помнишь, как вздул я тебя? Ты же, зубы со злобой оскалив,

Весь извивался червем и за дуб всюю силой хватался.

Лакон

Этого – что-то не помню; но то, как тебя, привязавши,

Твой Эвмарид обработал, - вот это я помню отлично.

Комат

Кто-то уж больно сердит; неужели, Морсон, ты не видишь? (120)

Ты на могилах старух набери ему сциллы цветочков.

Лакон

Да, я кого-то задел! Это, верно, Морсон, - ты заметил?

Живо, сорви цикламен, что у вод расцветает Галентских.

Комат

Пусть Гимерийский поток обратится в молочную реку,

Кратиса струи – в вино, а камыш станет садом плодовым.

Лакон

Пусть Сибарис обратится в медовую реку, чтоб утром
Девушка вместо воды принесла себе меда ведерко.

Комат

Клевером кормятся козы и козьей травкой душистой.

Лазят в фисташковых чащах, лежат меж кустов земляники.

Лакон

Сладкий цветок медуницы в обилии щиплют барашки, (130)

Вкусен и цвет полевой, распустившейся розы пышнее.

Комат

Я на Алкиппу сердит; не хотела мне дать поцелуя,

За уши взявши покрепче, когда я ей отдал голубку.

Лакон

Как Эвмедея люблю я! Свирель ему дал я недавно;

Он же меня наградил поцелуем и крепким, и сладким.

Комат

Нет, неповадно, Лакон, с соловьями сражаться сорокам,

Ни с лебедями удодам. Напрасно ты ссоры заводишь!

Морсон

Больше, пастух, ты не пой, так велю я. Комат от Лакона

В дар пусть получит овцу; ну а после, когда ты зарежешь

Нимфам овечку, пришли-ка Морсону кусочек получше. (140)

...

(№ 1228). Идиллия VI. Дафнис и Дамойт. [Феокрит 1998, с.37-38]

«Раз так случилось, Арат, что стада свои Дафнис с Дамойтом

Вместе пустили пастись. Был один из них мужем цветущим.

Юным подростком другой. У ручья они, вместе усевшись,
Песни пропели такие в полдневную летнюю пору.

Дафнису – первый черед: состязаться он первый затеял:

[Песня о Полифеме и Галатее. Ст.6-19]

Тотчас Дамоит подхватил и в ответ спел он песню такую: (20)

[Песня на ту же тему. Ст.20-40]

С Дафнисом, песню допев, обменялся Дамоит поцелуем;

Давши в подарок свирель, награжден был он флейтой чудесной.

Дафнис-пастух на свирели, на флейте Дамоит начинает.

Тотчас же все их коровы на мягкой траве заплясали.

Кто ж победитель? Никто. Не остался никто побежденным»

(№ 1229). Идиллия VII. Праздник жатвы. [Феокрит 1998, с.39-44]

«Помню, однажды направил из города путь я к Галенту,

Вместе с Эвкритом я шел, был Аминт нашим спутником третьим.

Там, в благодарность Део, созывали на жатвенный праздник

Всех Фрасидам с Антигеном; их двое – сынов Ликопея,

Отпрысков славной семьи; от Клитии род их ведется

И от Халкона – того, кто вызвал источник Бурину,

Крепко ударив о скалы коленом; теперь близ потока

Вязы промеж тополей разрослися тенистою рощей,

Зеленью пышных вершин соткав густолистые своды.

Мы полпути не прошли, и могильная насыпь Брасила (10)

Даже вдали не виднелась, как добрые Музы послали

Спутника славного нам – одного кидонийского мужа.

Имя Ликида носил он и был козопасом; навряд ли

Кто усомнился бы в этом: глядел он и впрямь козопасом.
Шкурой косматой с козла густошерстного, белого с желтым
Плечи свои он покрыл, сычугом еще пахнувшей крепко.
В плащ был потертый одет, пояском подпоясан плетеным;
Крепкий изогнутый посох из дерева дикой маслины
В правой держал он руке. И спокойно, ко мне обратившись,
Молвил с улыбкой в глазах – усмешка чуть морщила губы: (20)

«Ах, Симихид, ну, куда же ты тащишься в знойную пору?
Даже и ящерики спят в этот час, забираясь в терновник.
Жавронки – гости могил – и те в этот час не порхают.
Может, идешь ты к обеду незванный? И к чьей же ты бочке
С прытью такую бежишь? Шагаешь ты поступью бойкой,
Даже и камешки все под твоим сапожком распевают».

Я же ответил: «Ликид мой любезнейший, все говорили
Мне пастухи и жнецы, что чудесной игрой на свирели
Славишься ты между ними; и это мне радует сердце.
Все же надеюсь, что мог бы, пожалуй, померяться силой (30)
В пень с тобою. Дорога лежит нам на жатвенный праздник.
Пышно одетой Деметре друзья мои в жертву приносят
Первых плодов урожай; богатою, щедрою мерой
Им в это лето богиня наполнила хлебом амбары.
Знаешь ли, путь наш один, и одна нас заря провожала;
Песни, давай, мы споем – это будет на пользу обоим.
Музам глашатай я звонкий, и часто меня называют

Все наилучшим певцом; но, клянусь, я не так легковверен!
Думаю я, что навряд удалось победить в состязаньи
Славного мне б Сикелида Самосского, также – Филета. (40)
Пел как лягушка бы я, состязаясь с кузнечиком в пенье».

Так я нарочно сказал. Козопас, улыбнувшись мне с лаской:
«Посох тебе подарю, - промолвил, - за то, что, как вижу
Выкован весь ты из правды, как следует отпрыску Зевса.
Мне тот строитель противен, что лезет из кожи с натугой,
Думая выстроить дом вышиною с огромную гору.
Жалки мне птенчики Муз, что, за старцем Хиосским гоняясь,
Тщетно стараются петь, а выходит одно кукованье.
Но запоем, Симирид, поскорее мы песни пастушьи,
Я начинаю – послушай, придется ль, мой милый, по сердцу (50)
Песенка эта; в горах я сложил ее вовсе недавно:
«Агеанакт пусть закончит удачно свой путь в Митилену,
Даже коль южная буря к Козлятам на запад погонит
Влажные волны и к ним Орион прикоснется ногою.
Если к Ликиду, чье сердце сжигает огонь Афродиты,
Будет он добр, - к нему пламенею я жаркою страстью, -
Чайки пригладят прибой для него, успокоят и море,
Южную бурю и ветер восточный, что тину вздымает.
Чайки, любимые птицы морских Нереид синеоких,
Всех вы пернатых милее, из волн добывающих пищу. (60)
Агеанакта желанье – скорее доплыть в Митилену;
Пусть же он будет удачлив и пристани мирной достигнет.

Я же в тот день соберу цветущие розы, аниса
Или левкоев нарву и венок этот пышный надену.
Я зачерпну из кратера вина птелеатского, лягу
Ближе к огню, и бобы кто-нибудь на огне мне поджарит.
Ложке мое из травы, вышиною до целого локтя;
Есть асфодел, сухостебель и вьющийся цвет сельдерея.
Агеанакта припомнив, вином услаждаться я буду,
Кубки до дна осушая, губами касаясь осадка. (70)
Будут на флейте мне двое играть пастухов: из Ахарны
Родом один, а другой – ликопеец; и Титир споет нам
Песню о том, как когда-то о Ксении Дафнис томился;
Горы с ним вместе страдали, вздыхали с ним вместе дубравы
Те, что растут на обрывах крутых над потоком Гимерским;
Дафнис же таял как снег, лежащий на Гема вершинах
Иль на Афоне крутом, на Родопе, на дальнем Кавказе.
Также споет и о том, как однажды в сундук преогромный
Был козопас замурован велением злого владыки;
Пчелы, с лугов возвращаясь и сладостный запах кедровый (80)
Чуя, к нему проникали и соком питали цветочным,
Так как в уста его Музы сладчайший свой нектар излили.
О всеблаженный Комат! Ты сам пережил это чудо,
Ты был в ларец замурован, питался ты медом пчелиным;
Так ты дожил до поры, когда все плоды созревают.
Ах, если был бы теперь ты в живых и жил бы со мною!
Коз твоих мог бы прекрасных гонять я на пастбище в горы,
Голос твой слушал бы я; под сосной иль под дубом прилегши,

Ты б, о божественный, пел мне, Комат, свои сладкие песни».

Так он, окончивши песню, умолк; на это сейчас же (90)
«Милый Ликид, - я ответил, - напевам и многим, и славным
Нимфы меня обучили в горах, где быков стерегу я,
Песням таким, что их слава домчалась до Зевсова трона.
Та, что спою – лучше всех; начну я, тебе в уваженье
Тотчас ее; ты ж послушай, ты с Музами издавна дружен.
«Да, Симихиду на счастье шепнули Эроты; ах, бедный!
Так же влюблен он в Мирто, как влюбляются козы весною.
Что ж до Арата, который из всех – его друг наилучший,
Сердце свое раздирает он к мальчику страстью; Аристис
Знает про это, почтеннейший муж; ему Феб разрешение (100)
Дал бы, чтоб спел под формингу он возле треножника песню
И рассказал, как Арат пламенеет, охваченный страстью:
«Пан, получивший на долю прелестной Гомолы долину,
Мальчика этого ты в его милые ввергни объятья
Раньше, чем сам позовет, будь Филин это или другой кто.
Если услышишь нас, Пан дорогой, то аркадцы-мальчишки
Пусть по бокам и плечам тебя сциллы стеблем не посмеют
Больно хлестать, рассердившись на то, что еды не хватает.
Если ж иначе решишь, то будешь всю ночь ты чесаться,
Ногтем укусы скребя, уснув на крапивной постели, (110)
Будешь зимою ты жить на холодных эдонских вершинах,
Возле Геброна реки обитая, к Медведице близко;
В летний же зной тебе жить на границах страны эфиопов,

Возле Блемийской скалы, где и Нила истоков не видно!
Вы же, Эроты, покиньте Библида любимого волны,
Свой Гиетид и Ойкунт, где алтарь белокурой Дионы
Ввысь вознесен; вы, Эроты, чьи щечки румянее яблок,
Нынче в красавца Филина метните вы острые стрелы,
Крепче метните! Зачем беспощаден он к милому гостю?
Сам же – как плод перезрелый; недаром красотки смеются: (120)
«Горе, ах горе, Филин! тебе красоваться недолго!».
Больше не станем, Арат, у дверей до утра мы томиться,
Ноги себе обивать. Петухов предрассветные крики
Пусть повергают других, а не нас, в огорчения злые.
Пусть-ка отныне Молон отличается в этой палестре.
С нами ж да будет покой, и пусть знахарка-старуха,
Плюнувши, впредь заклянет навсегда нас от бедствий подобных».

Вот что я спел, а пастух, улыбнувшись приветливо снова,
Мне, как подарок от Муз, подарил свой изогнутый посох.
После, налево свернув, пошел он дорогой на Пиксу. (130)
Я же пошел к Фрасидаму; туда же Эвкрит направлялся,
Также красавец Аминт. Ожидало нас мягкое ложе;
Был нам постелен камыш и засыпан листвой виноградной,
Только что срезанной с веток. И весело мы отдыхали.
Много вверху колыхалось, над нашей склонясь головою,
Вязов густых, тополей. Под ними священный источник,
Звонко журча, выбегал из пещеры, где Нимфы скрывались.
В тень забираясь ветвей, опаленные солнца лучами,

Звонко болтали цикады, древесный кричал лягушонок,
Криком своим оглашая терновник густой и колючий. (140)
Жавронки пели, щеглы щебетали, стонала голубка,
Желтые пчелы летали, кружась над водной струею –
Все это летом богатым дышало и осенью пышной.
Падали груши к ногам, и сыпались яблоки щедро
Прямо нам в руки, и гнулся сливняк, отягченный плодами,
Тяжесть не в силах нести и к земле приклоняясь верхушкой.
Сняли мы с винных кувшинов печать от четвертого года.
Нимфы кастальских ключей, живущие в скалах Парнаса,
Был ли таким тот напиток, который из погреба Фола
Старец Хирон для Геракла поставил на стол в угощенье? (150)
Нектар такой, может быть, опьянив пастуха на Анапе
Встарь, силача Полифема, швырявшего скалами в лодки,
В буйную пляску заставил пуститься в темной пещере?
Правда ль, подобным напитком нас Нимфы тогда угостили
Там, где Деметры алтарь? Если б мог я ей снова на кучу
Полной лопатою ссыпать зерно! И смеясь благосклонно,
Той и другою рукой обняла б она мак и колосья»

(№ 1230). Идиллия XII. Влюбленный. [Феокрит 1998, с.59-60]

«Юноша милый, пришел ты, пришел ты с третьей зарею.
Кто ожиданьем томится, состариться может и за день.
Так, как с зимою весна не сравнима, как яблоко слаще
Сливы лесной, как овечки руно гуще шерсти ягненка,
Так же, как девушка чище жены после третьего мужа,

Так, как легче олень, чем теленок, и так, как прекрасней
Птиц всех крылатых поет соловей своим голосом звонким, -
Так же мне счастье дает твой приход; я к тебе порываюсь,
Словно как странник, жарой истомленный, к тенистому дубу.
Если б дыханьем одним нас обоих коснулись Эроты! (10)
Так что об нас у потомков такая бы песня сложилась:
«Двое мужей несравненных родились в старинное время;
Первый «поклонником» был – так его бы назвали в Амиклах;
А фессалиец другого «любимцем» прозвал бы, наверно.
Равною мерой друг друга любили, как будто бы снова
Жили в тот век золотой, где любовь на любовь отвечала».
Если б, отец наш Кронид и бессмертные боги, случиться
Это могло! И принес бы после двухсот поколений
Кто-нибудь эту мне весть на безвыходный брег Ахеронта:
«Нежная ваша любовь меж тобой и прелестным любимцем (20)
Нынче у всех на устах, особливо в устах молодежи».
Впрочем, пусть жители неба об этом решат как угодно.
Я же, красавец, тебя восхваляю без всякой опаски,
Что на носу у меня сядет прыщ, уличая в обмане.
Если подчас и обидишь, сейчас же загладишь обиду,
Вдвое меня наградив, и уйду я, наш счет уравнивши.
О вы, мегарцы из Нисы, искусные в весельной гребле»
Счастливы будьте за то, что из всех вы народов воздали
Чечь чужестранцу Диоклу из Аттики, нежному другу.
Возле могилы его собираются ранней весной (30)
Юноши шумной гурьбой и выходят на бой поцелуев.

Тот, кто устами умеет с устами всех слаще сливаться,
Тот, отягченный венками, идет к материнскому дому.
Счастлив же тот, кто бывает меж юношей избран судьбою.
Верно, на помощь зовет Ганимеда с сияющим взором,
Чтобы уста его стали лидийскому камню подобны,
Камню, которым менялы поддельный металл различают»

(№ 1231). Идиллия XIII. Гилас. [Феокрит 1998, с.61-63]

«Был не для нас лишь одних, как мы думали, Никий, с тобою,
Эрос рожден – кто б ни был тот бог, что родил это чадо.
Вовсе впервые не нам красивое мнится красивым.
Отпрыск Амфитриона, чье сердце из кованой меди,
Дикого льва одолевший, к прелестному Гиласу тоже,
К мальчику в длинных кудрях, был жаркою страстью охвачен.
Сам он его обучал, как родитель любимого сына,
Чтоб, научившись, он мог за доблесть прославиться в песнях.
Вместе всегда они были: в часы, когда полдень был близок,
В час, когда к Зевсову дому летит белоконная Эос, (10)
В час, когда с писком птенцы на покой к своим гнездам стремятся,
К матери, бьющей крылом в закопченных стропилах под крышей.
Делал он все для того, чтобы по сердцу был ему мальчик,
Силы к трудам набирал и сделался истинным мужем.

Плыть за руном золотым Язон в ту пору решился,
Отпрыск Эзона; к нему собралось мужей наилучших
Много из всех городов; были выбраны все, кто пригодны.

В битвах герой неустанный направился в Иолк изобильный,
Отпрыск Алкмены царицы, которой гордится Мидея.
Вместе с ним Гилас спустился к скамьям крепкозданного Арго – (20)
Славного судна, что мимо сходящихся скал Кианийских
Быстро промчалось (они же стоят с этих пор недвижимы),
Словно орел, на простор и к глубокого Фасиса устью.
Стали Плеяды всходить, и паслись от маток отдельно
Юных ягнятот отары, и к лету весна повернула.
Этой порою к отплытью божественных мужей собрались
Цвет и краса и, поднявшись на Арго, корабль крутобокий,
Плывши три дня, Геллеспонта достигли при ветре попутном
И к берегам Пропонтиды причалили, где кианийцев
Плуг натирают быки о широкие борозды пашен. (30)

Начали, выйдя на берег, по парам, как были гребцами,
К вечеру ужин варить, совместное ложе готовить
И на лужайке, манившей их пышной и мягкой травой,
Резать камыш остролистый и заросли чабра густые.
Гилас хотел белокурый, чтоб вечером ужин сготовить,
Воду себе и Гераклу добыть, и бойцу Теламону,
Вместе с которым всегда они трапезу оба делили.
Медный кувшин захватил и увидел он скоро источник,
В русле глубоком текущий; вокруг него разные травы:
«Ласточкин цвет» темнолистый, зеленые «женские кудри», (40)
С пышной листвой сельдерей, ломоноса ползучего стебли.
В глуби ручья хоровод недреманные нимфы водили,

Нимфы – богини ручьев, устрашение сельского люда.
Нимфы Эвника, Малида, Нихея со взором весенним.
Только лишь мальчик успел опустить свой кувшин многоемкий,
Только воды зачерпнул – они его руку схватили:
Всех их внезапно сердца распалились любовною страстью
К мальчику, Аргоса сыну. И падает в темную воду
Прямо стремглав он. Так ночью звезда вдруг с небес, заплывши,
Прямо в пучину летит, и моряк своим спутникам молвит: (50)
«Легче канаты, ребята! Задует нам ветер попутный».
Голову мальчика Нимфы к себе положив на колени,
Слезы его отирали, шептали слова утешенья.

Амфитриона был сын той порою за друга испуган.
Взял он изогнутый лук, меотийской прекрасной работы,
Также и палицу взял, что имел всегда под рукою.
Трижды он Гиласа кликнул всей силой могучего горла,
Трижды и мальчик ответил, но голос из водной пучины
Замер, слабея, и близкий, казался он очень далеким.
Словно как лев благородный, почуявший свежее мясо, (60)
Голос слышав оленя, бродящего в чашах нагорных,
С логова мягкого вскочит и к пище несется готовой,
Так же носился Геракл, раздвигая упрямый терновник,
В страстной о мальчике муке бежал, поглощая пространство.
О как несчастен, кто любит! Как много он вынес, блуждая
Там между гор и лесов, про Язоново дело забывши!
Все на корабль остальные взошли уже, снасти приладив;

Но когда полночь пришла, полубоги вновь парус спустили:
Все поджидали Геракла. А он, сколько ноги терпели,
Мчался в безумии вдаль. Поразил его бог беспощадный. (70)
Вот как был Гилас прекрасный блаженным богам сопричислен.
В шутку герои Геракла с тех пор беглецом называли,
Помня, как, бросивши Арго, корабль в тридцать парных уключин,
К колхам пешком он пришел на неласковый Фасиса берег»

(№ 1232). Идиллия XIX. Воришка мёда. [Феокрит 1998, с.88]

«Эрос однажды, воришка, сердитой был пчелкой ужален.
Соты из улья таскал, а она ему кончики пальцев
Больно ужалила вдруг. Дул себе он на ручку от боли,
Топал ногами об землю и прыгал; потом Афродите
Ранки свои показал и, жалуясь, - «вот, мол, какая
Крошка-пчелка, - говорил, - нанесла мне ужасные раны!»
Мать же его засмеялась: «А разве ты сам-то не пчелка?
Тоже ведь крошка совсем, а какие ты раны наносишь!»

(№ 1233). Идиллия XXIII. Страстно влюбленный. [Феокрит 1998, с.103-105]

«Мужу, что сердцем был нежен, однажды жестокий подросток,
Очень красивый лицом, но с душою иной, полюбился.
Мальчиком был нелюбим он, не слышал ни слова приветя.
Эроса тот не познал, что за бог он и стрелы какие
Держит в руках и каким поражает жестоким оружием.
Был он суровым всегда как в речах своих, так и в поступках.
Не было пылу услады, хотя б одного лишь движенья

Губ, или искры блестящей в глазах, или вспышки румянца,
Ласки в речах, поцелуя, что страстные муки смягчает.
Словно как дикий бежит от охотника зверь с недоверьем, (10)
Так он и этого мужа всегда избегал. И сурово
Губы сжимались, и очи светилися грозно при встречах.
Злоба меняла черты, и с лица его краска сбегала,
Изгнана гневной вспышкой. Но даже и в эти минуты
Был он прекрасен. Сердясь, распалял он влюбленного сердце.
Тот, наконец, не стерпев такого огня Кифереи,
В горьких слезах утопая, к жестокому дому отправясь,
Пал на порог с поцелуем и слово промолвил такое:

«Мальчик жестокий и злобный, воспитанный дикою львицей,
Юноша с каменным сердцем, любви недостойный! Сегодня (20)
Дар приношу я последний – петлю для себя; не хочу я
Больше тебя огорчать и гневить и туда отправляюсь
Я, куда ты обрекаешь меня, где целебные средства
Все обретут от страданий любви, где дается забвенье.
Но даже если, губами приникнув, я выпью до капли
Это лекарство, то страсть не угаснет. Теперь я проститься
С дверью твоей прихожу. Я предвижу, что будет с тобою.
Роза бывает прекрасна, но время красу ее портит;
Также весною красива фиалка, но старится скоро;
Лилий цветок снежно-бел, но гибнет и он, осыпаясь; (30)
Снег белизною блестит, но падая, тотчас же тает.
Дивно прекрасна краса молодая, но срок ей недолог.

Время придет и тебе познакомиться тоже с любовью,
Лить будешь горькие слезы в ту пору ты, сердцем сгорая.
Все-таки, юноша, мне окажи ты последнюю милость:
В час, как увидишь меня, злополучного, в петле висящим
Прямо у двери твоей, не пройди с равнодушием мимо.
Возле меня задержись и заплачь хоть на миг; и проливши
Слезы, петлю распусти и, в свои завернувши одежды,
После меня схорони. Поцелуй ты меня напоследок, (40)
Мертвому губы свои подари. И меня ты не бойся:
Вновь я ожить не могу, даже если меня поцелуешь.
Холм мне могильный насыпь, чтоб любовь мою мог в нем сокрыть я.
После трижды скажи на прощанье: «Покойся же, милый».
Если захочешь, прибавь: «Потерял я доброго друга».
Надпись, что здесь на стене написал я, спиши ты на камень.
«Страсть погубила его. Не пройди равнодушно, прохожий.
Шаг задержи и прочти: имел он жестокого друга».

Это промолвив, камень он взял, и, к стене подкативши,
Он посредине порога его прислонил и, веревку (50)
Тонкую свесивши сверху, набросил петлю он на шею.
После упор оттолкнул он ногой и повис, умирая.
Мальчик же двери открыл, но, в свой двор заглянув и увидев
Мертвое тело, остался, как прежде, душой непреклонен.
Он не заплакал о смерти недавней; пройдя мимо трупа,
Он прикоснулся к нему, тем себя осквернив, но спокойно
Дальше в гимнасий прошел и, направлясь к любимой купальне,

Стал возле статуи бога, того, чью силу презрел. И с подножья
Мраморной статуи сделал прыжок. Но за ним, покачнувшись,
Рухнула статуя вниз и злого подростка убила. (60)

Алою стала вода, и слышался мальчика голос:

«Счастливы будьте, кто любит. Убит, кто хотел ненавидеть.

Те ж, кто любимы, любите. Карает судом своим Эрос»

(№ 1234). Идиллия XXIX. Любовная песня. [Феокрит 1998, с.131-132]

«Мальчик милый, правдив, говорят, у вина язык.

Значит, будем правдивы и мы, опьянившись им.

Все тебе я скажу, что храню в глубине души.

Знаю я, что всем сердцем своим полюбить меня

Ты не хочешь, а я лишь в полжизни живу теперь:

Мне твоя красота половину сгубила сил.

Только ты пожелал – провожу я в блаженстве день,

Ты не хочешь – тогда погружаюсь я вновь во мрак.

Разве можно того, кто влюблен, так терзать тоской?

Если б верил, юнец, ты тому, кто тебя старей, (10)

Лучше б было тебе, да и мной ты б доволен был.

Вей одно лишь гнездо на одной лишь вершине ты,

Там не может к тебе заползти ядовитый змей.

Ныне ж ты, что ни день, то на новом сидишь суку,

Будешь завтра ты вновь с одного на другой порхать.

Только кто похвалил, увидав, красоту твою,

Вмиг сдружился ты так, будто друг твой три года он;

Тот, кто раньше любил, для тебя стал трехдневный друг

Дышишь дерзостью ты, словно выше ты всех людей.
Нет, меж равных себе для себя ты друзей ищи. (20)
Будешь так поступать, будут все уважать тебя,
И не будет тогда даже Эрос суров к тебе,
Он, кто смертных сердца без труда побеждает вмиг,
Кто меня размягчил, хоть всегда я железным был.
Ради милых молю я тебя твоих нежных уст,
Вспомни – год лишь назад ты ведь много моложе был,
Только плюнешь – и глянь, вот уже ты совсем старик,
Все в морщинах лицо; и вернуть нашу юность вновь
Мы не можем: она улетит на крылах от нас;
Наш медлителен шаг, и ее не догоним мы. (30)
Вот подумай теперь, не пора ль тебе мягче стать?
Мне, кто любит тебя, без затей подарить любовь?
И когда обростешь ты бородкой, как юный муж,
Сможем дружбой своей поравняться с Ахиллом мы.
Если ж снова пошлешь ты на ветер слова мои,
Молвишь в мыслях: «Чего, дорогой, ты пристал ко мне?» -
Я, который готов для тебя б золотых плодов
Был принести, мне б не страшен был Кербер, умерших страж, -
Нет, тогда, даже коль позовешь, на порог дверей
Я ногой не ступлю, излечившись от страсти злой. (40)

(№ 1235). Идиллия XXX. Любовная песня. [Феокрит 1998, с.133-134]

«Горе, горе, увы! Злая болезнь тяжко гнетет меня.
Вот уж месяц второй к юноше страсть жжет, лихорадки злей.

Нет в лице у него строгой красы, но с головы до пят
Полон прелести он, а на щеках сладко играет смех.
Мой недуг от меня то отойдет, то возвратится вдруг.
Знаю, скоро уже я не смогу сна ни на миг найти.
Вот вчера на меня он, проходя, глянул, нахмуря бровь.
Стыдно, верно, ему прямо взглянуть: вспыхнул румянцем весь.
Страсти мощной порыв сердце мое вдруг охватил сильней.
В дом пошел я к себе, острую вновь в печени чуя боль. (10)
Начал я упрекать сердце мое; я говорил ему:
«Что же делаешь ты? Долго ль еще будешь сходить с ума?
Ты не видишь ужель? – Белых волос много в висках твоих.
Да, пора поумнеть: право, лицом с юношей ты не схож;
Ты поступков своих с тем не равняй, жизнь кто вкусил едва.
Вспомнить надо еще: лучший удел – чуждым нам быть всегда
Тем тяжелым скорбям, что за собой к юноше страсть влечет.
Мчится юноши жизнь, быстро скользя, словно оленя бег,
Завтра к новым морям, парус подняв, он поплывет опять;
Но навек потерял он меж друзей юности сладкий цвет. (20)
Ты же чуть вспомнишь о нем, высушит страсть даже весь мозг в костях.
Будешь видеть всегда в ночи часы рой сновидений злых.
Минет срок годовой, но не смягчит этих жестоких мук».
Много, много еще сердцу тогда я говорил в укор.
Сердце ж молвило мне: «Кто возмечтал, будто бы так легко
Будет им побежден Эрос-хитрец, верно, мечтает тот,
Сколько звезд в небесах ночью прошло, счесть по девяткам вмиг.
Доброй волей иль нет, шею согнув, иго влачить теперь,

Знаю, мне суждено. Друг дорогой, этого хочет бог,
Тот, кто волей своей часто смущал даже Киприды дух, (30)
Зевса ум колебал; как устою я, однодневный цвет?
Легкий ветер дохнет и далеко мигом умчит меня»

См. также № 6 (АП VI 117), 19, 20, 21, 22 (АП IX 338, 437, 433, 432) (Дафнис)
[Эпиграмма 1993, с.113, 117-118]

Каллимах

Здесь и далее №№ указаны по изданию Пейджа, переведенному в [Эпиграмма 1993].

«Ищет везде, Эпикид, по горам с увлеченьем охотник
Зайца иль серны следов. Инею, снегу он рад...
Если б, однако, сказали ему: «Видишь, раненный насмерть
Зверь здесь лежит», - он такой легкой добычи б не взял.
Так и любовь моя: рада гоняться она за бегущим,
Что же доступно, того вовсе не хочет она»

(№ 1236). (Каллимах, № 1 (АП XII 102),
пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.78])

«Кикликов стих ненавижу; дорогой идти проторённой
Где то туда, то сюда толпы бредут, не хочу.
То, что нравится многим, не мило мне; мутную воду
Пить не хочу из ручья, где её черпают все.
«Ах, как Лисаний красив, ах дружок!» - не успеешь промолвить,
Ахнет и Эхо: «Ах, друг!» Это другой уж сказал»

(№ 1237). (Каллимах, № 2 (АП XII 43),

пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Эпиграмма 1993, с.79])

«Что за чудесное средство нашел Полифем для влюбленных!

Геей клянусь я, Киклоп вовсе не так уже прост.

Делают Музы бессильным Эроса, Филипп, и наука

Лучшим лекарством, поверь, служит от всех его зол.

Думаю я, что и голод, при всей его тяжести, тоже

Пользу приносит одну: он отбивает любовь

К юношам. Вот, что даёт нам возможность бороться с Эротом,

Вот что способно тебе крылья подрезать, шалун.

Мне не страшен ничуть, потому что и то и другое

Средство чудесное есть против тебя у меня»

(№ 1238). (№ 3 (АП XII 150), пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.79])

«Лишь половина души живёт... Аид ли похитил

Или Эрот, не дано ведать мне, знаю, что нет!

Снова к мальчишкам она устремилась. О, как же стонал я

Часто: «Беглянки моей, юноши, не принимать!»

У Феотима ищи. Как будто побита камнями,

Вся изойдя от любви, бродит, несчастная, там!

(№ 1239). (№ 4 (АП XII 73), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.79])

«Снова налей и воскликни: «Мы пьем за Диокла!» Заздравных

Чаш в застолье моем знать не хотел Ахелой.

«Юноша мил и красив, Ахелой, а кто не согласен –

Что же, пускай я один буду знаток красоты!»

(№ 1240). (№ 5 (АП XII 51), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.80])

«Смуглый меня Феокрит ненавидит... Четырежды, Отче

Зевс, ненавидь ты его... Если полюбит – люби!

Ведь с Ганимедом кудрявым и ты был, всевышний властитель,

Некогда... О, никогда слова о том не скажу!»

(№ 1241). (№ 6 (АП XII 230), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.80])

«Пусто в моем кошельке, я знаю... Да только, Менипп мой,

Ради Харит, не болтай мне про мои же мечты!

Ранит меня даже слово об этом – и больно и горько...

Вот и замучаешь ты до смерти нашу любовь!»

(№ 1242). (№ 7 (АП XII 148), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.80])

«Если по собственной воле пришел я, Архин, к твоей двери,

Сколько захочешь, брани, но коль позвал, топусти!

Путь указал мне Эрот и чистого Вакха бокалы.

Первый меня потащил, ум мой похитил второй.

Имя ничье не назвал я, придя, но коснулся губами

Двери твоей. Виноват, ежели в этом вина»

(№ 1243). (№ 8 (АП XII 118), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1993, с.80])

«Паном клянусь, лишь пепел остался во мне, только пепел!

Но Дионисом клянусь: тлеет под пеплом огонь.

Где же решимость моя? Обнимать меня больше не надо:

Часто спокойный поток стены смывает плотин.

Вот и теперь, Менексен, я боюсь, как бы страсть не решилась,

Путь обиходный найдя, в душу проникнуть мою»

(№ 1244). (№ 9 (АП XII 139), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1993, с.81])

«Ведь не уйдешь, беги, Менекрат!» - сказал я в двадцатый

День Панема, и в день Лоя десятый сказал

То же... Но шел бычок под ярмо послушно... Гермес мой!

Боже! Двадцать ведь дней я наслаждался, Гермес!

(№ 1245). (№ 10 (АП XII 149), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.81])

«Клялся не раз Каллигнот Иониде, что в жизни ни друга

Он, ни подруги иной больше не будет любить.

Клялся – но, видно, правдиво то слово о клятвах любовных,

Что не доходят они вовсе до слуха богов.

Нынче он к юноше страстью пылает: о ней же, несчастной,

Как о мегарцах, совсем нет и помину с тех пор»

(№ 1246). (№ 11 (АП V 6), пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.81])

«О Клеоник фессалиец! Увы тебе – солнцем клянуся,

Не узнаю я тебя, жалкий, что случилось с тобою?

Кожа да кости остались одни. Неужто мой демон

Мучит? Иль жребий такой выпал тебе от богов?

А... понял я: тебя Евксифей похитил! Красавца

Как только ты увидал, сразу, несчастный, пропал»

(№ 1247). (№ 12 (АП XII 71), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.82])

«Рану глубокую гость скрывает... Смотри, как он дышит
Тяжко, как больно ему... Третью подносит к устам
Чашу. Как алчно он пьет – и вплетенной в зеленые стебли
Розы летят лепестки. Так он поник головой.
О, как иссох он... Клянусь, я теперь проник в его тайну.
Всем ведь известно, что вор вора найдёт по следам»

(№ 1248). (№ 13 (АП XII 134), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.82])

«Феба зовем и Пастушеским мы, то время припомнив,
Как у Амфриссова берега он блюл кобылиц быстроногих,
Жаркой любовью пылая к Адмету, подобному богу...»

(№ 1249). (Каллимах. Гимны II 47-49, пер. С.С.Аверинцева [Гимны 1988, с.147])

«Первыми эти удары от русских тебе аримаспов
Упис, и дева Локсо доставили, и Гекаерга,
Дщери Борея, и отроков с ними толпа непорочных,
Юности избранный цвет; но в отчизну они не вернулись,
Лучший удел получив и стяжав вековечную славу.
Даже доньне невесты на Делосе, клич Гименя
Ухом трепетным вняв, несут в приношение девам
Кудри девичьи свои, меж тем как юноши, срезав
Первой начатки браны, их жертвуют отрокам чистым»

(№ 1250). (Каллимах. Гимны IV 291-299,
пер. С.С.Аверинцева [Гимны 1988, с.162-163])

Из поэмы «Аконтий и Кидиппа»

«Все воздыхатели тщились увидеть, как отрок прекрасный

В школу иль в баню идет...

...Много влюбленных Аконтию в честь возлиянье творили

Каплей последней вина, на сицилийский манер...

...Сам же стрелок наконец поражен был стрелою другого»

(№ 1251). (Каллимах, фр.12-14, пер. О.Смыки [Поэты 1999, с.296])

Эпиникий Сосибю – фр.20 [Поэты 1999, с.299-300]

См. также № 59 [Эпиграмма 1993, с.93]

Симий Родосский

«Крылья Эроса». Стихотворение изображает два раскинутых крыла, и, видимо, предназначалось для нанесения на статуэтку Эроса.

«Глянь на меня! Некогда был силой моей свергнут Уран; царь я Земли широкой.

Ты не дивись, видя мой лик; он еще юн, но опушен бородкой;

Был я рожден в мраке веков, в царстве Ананкэ древней.

Было тогда гнету ее подвластно

Все на Земле живое,

Даже эфир.

Хаоса сын

Я, не Киприды чадо

И не дитя с крыльями, сын Ареса;

Я, не гневясь, власти достиг, я увлекаю лаской;

Недра земли, глубины морей, купол небес – воле моей покорны.

Я у богов отнял их жезл, древнюю мощь их захватил, стал я судьей над ними»

(№ 1252). (Симий (АП XV 24), пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.186])

Александр Этолийский

«Аполлон» (об Анфее и Клеобее)

... Будет он юностью вешней цвести – прекраснее не был (7)

Даже Мелиссов сын, из плодоносной струи

Свежей Пирены рожденный на вящее благо Коринфа

И на великую скорбь для Бакхиадов-вельмож»

(№ 1253). (цит. по: Парфений XIV [Парфений 1992 (№ 2), с.237])

(см. об Актеоне выше: Диодор VIII 10. Плутарх. Любовные рассказы 2)

Керкид

«Говорят, Дамоном, с разных сторон

Лазоревкрылый сын Афродиты

Дует... Об этом, конечно, ты знаешь!

На кого из смертных

Нежно подует и благосклонно

С правой ланиты –

Тот бестревожно в ладье любви

Мудрым кормилом увещеванья правит!

На кого он с левой дохнет, бурный, -

Среди смерчей и алчных похоти вихрей

По валам зыбучим они устремятся...

Хорошо говорил Еврипид об этом...

И лучше нам будет выбрать попутный ветер

И средь умеренных влечений править

Веслом, ведь в гавань ведет нас Киприда...

...

...а это дикое стремление к соитию

Разрушенье приносит и сожалений горечь...

Ведь есть Афродита-девка, и никаких забот

С ней; пожелай – и все – спокойно и безопасно!

Дай ей обол, уложи, да и строй из себя

Тиндареева зятя»

(№ 1254). (Керкид, фр.3, пер. Ю.А.Голубца [Поэты 1999, с.399])

Фанокл

Составил сборник элегий о любви к прекрасным мальчикам. Каждый эпизод начинал словами «или же так, как», подражая в этом «Эоям» псевдо-Гесиода (В.Н.Ярхо). Сохранился 1 крупный отрывок.

Любовные страсти, или Прекрасные

«...Или же так, как фракийцем Орфеем, Эагровым сыном,

Всею душою любим был Бореад Калаид.

Часто под сенью тенистой он в рощах сидел, воспевая

Страстную эту любовь, духа утратив покой.

Нет, всякий раз, как цветущего зрели глаза Калаида,

Дух сокрушался его неусыпимой тоской.

Жены-бистонки злодейски, напав отовсюду, Орфея

Предали смерти, мечи острые в тело вонзив,

В казнь, что фракийскому племени чувство любви меж мужами

Онный впервые явил, женскую страсть не воспев,

Медью главу отсекли и с цевницей фракийскою вместе,

Из черепашьей кости, бросили в зыбкую соль,

Сбив их гвоздями, дабы по просторами морским, омываясь

Бурной лазурной волной, вместе носились они.

Вынесло их ко священному Лесбосу море седое.

Лиры стенающей звук волны тогда оглашал,

Твердь островов и соленые бреги, на коих певучей

Мужи Орфея главе дали могильный приют.

Водружена на кургане и звонкая лира, - безмолвный

Камень покорствуем ей, темного Форка вода.

Пением славен оттоль и искусством прекрасным кифары

Лесбос: из всех островов он наиболее певуч.

Браннолюбивы фракийцы, проведав деяние женщин

Дикое, их обрекли тяжкую муку терпеть:

Раны наносят супружницам, чтобы, на теле имея

Темные знаки, забыть страшную смерть не могли.

Женщины так пред убитым Орфеем вину искупают

С давних времен до сих пор за преступление свое»

(№ 1255). (Фанокл. Фр.1, пер. О.П.Цыбенко [Поэты 1999, с.304]

То же в пер. В.В.Зельченко см. [Элегия 1996, с.266-267])

...Или о том, как Адониса Вакх, обходящий вершины,

С Кипра священной земли за красоту умыкнул...

(№ 1256). (Фанокл. Фр.3, пер. В.В.Зельченко [Элегия 1996, с.267])

Асклепиад

«Дождь и ночь и вино – вот и три мучения страсти;

Хладный повеял Борей. Я пребываю один.

Только мой милый Мосх сильней непогоды. Ужели
Он перед дверью меня станет держать и держать
Под проливным дождём? Да сколько же, Зевс милосердный,
Времени? Зевс, помоги! Ты ведь и сам был влюблен!»

(№ 1257). (Асклепиад № 14 (АП V 167),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.72])

«Бич пурпурный и сбрую, блистающую украшеньем,
Конная дева Планго к двери слагает как дар
К нам благосклонной богине. Моих скакунов Филенида
Нынче вечерней порой опередила в езде.
Сделай, Киприда, молю, прославленной силу победы
Деве, которой дала вечную милость свою!»

(№ 1258). (Асклепиад или Посидипп (АП V 202),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1999, с.72])

«О Киприда, тебе Лисидика приносит златую
Шпору со статной ступни – часто грозила она
Ею язвить скакуна, но все же не обагрила
Струйкою крови боков конских стрекалом своим,
Ибо не надо коня и пришпоривать было. Вещицу
Эту златую кладу прямо у врат алтаря».

(№ 1259). (Асклепиад (АП V 203),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1999, с.72])

«Наннион и Битто, обе с Самоса, храм Афродиты

Уже не хотят посещать больше законным путем,
А перешли на другое, что гадко. Царица Киприда!

Взор отврати свой от них, кинувших ложе твое».

(№ 1260). (Асклепиад (АП V 207),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1999, с.73])

«Двадцать два года прожить не успев, уж устал я от жизни.

Что вы томите, за что жжете, Эроты, меня?

Если несчастье случится со мною, что вы станете делать?

В кости беспечно играть будете вы, как всегда»

(№ 1261). (Асклепиад № 15 (АП XII 46),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.72])

«Пей же, Асклепиад. Что с тобою? К чему эти слёзы?

Не одного ведь тебя Пафия в сеть завлекла;

И не в тебя одного посылались жестоким Эротом

Стрелы из лука. Зачем в землю ложиться живым?

Чистого выпьем вина Дионисова! Утро коротко!

Станем ли лампы мы ждать, вестницы скорого сна?

Выпьем же, весело выпьем! Несчастный, спустя уж немного

Будем покоиться мы долгую-долгую ночь»

(№ 1262). (Асклепиад № 16 (АП XII 50),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.73])

«То, что осталось от жизни моей, оставьте, Эроты,

Мне, ради бога, чтоб мог я на покое пожить!

Если же нет, то стрел не мечите в меня, но мечите

Пламенем, дабы я стал горсткою пепла тотчас!

Молнии мечите, Эроты! Ведь я зачерствел от страданий,

Самый острый из всех бросьте в меня вы клинок!»

(№ 1263). (Асклепиад № 17 (АП XII 166),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.73])

«Страсти улика – вино. Никагора, скрывавшего долго

Чувства свои, за столом выдали чаши вина:

Он прослезился, потупил глаза и поник головою,

И на висках у него не удержался венок»

(№ 1264). (Асклепиад № 18 (АП XII 135),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.73])

«Прежде, бывало, в объятых душил Археад меня; нынче

К бедной, ко мне и шутя не обращается он.

Но не всегда и медовый Эрот нам бывает приятен, -

Часто, лишь боль причинив, сладок становится бог»

(№ 1265). (Асклепиад № 19 (АП XII 153),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.73-74])

«Доркион юношей любит – как мальчик милый способна

Общей Киприды стрелу острую в сердце метнуть...

Сладостно взоры манят. Широкая шапка эфеба,

Плечи прикрыты, но плащ не прикрывает бедра!»

(№ 1266). (Асклепиад № 20 (АП XII 161),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.74])

«Если бы крылья тебе, если лук тебе в руки и стрелы, -

Был бы совсем не Эрот сыном Киприды, а ты»

(№ 1267). (Асклепиад № 21 (АП XII 75),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.74])

«Я – малютка Эрот, улетевший от матери... Падок

Я на любовь, и вот тут, в доме Дамада живу!

Ревность не знает сей дом – я люблю и любим невозбранно,

Счастье не многим дарю – только ему одному!»

(№ 1268). (Асклепиад № 22 (АП XII 105),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.74])

«Лука ещё не носящий, не зрелый, а новорожденный

К Пафии взоры свои мой подымает Эрот

И с золотою дощечкой в руке ей лепечет о чарах

Как Филократа души, так и твоей, Антиген»

(№ 1269). (Асклепиад № 23 (АП XII 162),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.74])

«Только с прекрасным Эрот прекрасное соединяет:

Не совпадут никогда золото иль изумруд,

Также эбен и слоновая кость. Прекрасная пара

Вы, Евбиот и Клеандр! Страсти и веры цветы!»

(№ 1270). (Асклепиад № 24 (АП XII 163),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.75])

«Молишь о том, чтоб на скулах пушок повыступил первый,
Чтобы и бёдра твои колким пошли волосьём.
Думаешь, это приятно? Да есть ли тот, кто полюбит
Более зерен литых стебель соломы сухой?»

(№ 1271). (Асклепиад № 36 (АП XII 36),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.78])

Посидипп

«Брызни, Кекропов сосуд, многопенной влагою Вакха,
Брызни! Пускай оросит трапезу нашу она.
Смолкни, Зенон, вещий лебедь! Замолкни и муза Клеанфа!
Пусть нами правит один сладостно-горький Эрот!»

(№ 1272). (Посидипп № 1 (АП V 134),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.102])

«Стрелы мечите, Эроты! Для вас единственной целью
Стал я, безумцы! Смелей, о, не щадите меня.
Почесть победную вам воздадут наибольшую боги –
Как повелителям всех в мире и луков и стрел»

(№ 1273). (Посидипп № 5 (АП XII 45),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.103])

«Душу, цикаду певучую Муз, привязавши к аканфу,
Думала страсть усыпить, пламя кидая в неё.

Но, умудренная знанием, душа презирает другое,

Только упрек божеству немилосердному шлет»

(№ 1274). (Посидипп № 6 (АП XII 98),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.103])

«Я защищен и сражусь за себя, не паду пред тобою,

Будучи смертным. Эрот, лучше ты прочь отойди!

Ты победишь, коли буду я пьян, но если я трезвый,

Благоразумье моё будет союзником мне»

(№ 1275). (Посидипп № 7 (АП XII 120),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.103])

«Чтимая Кипром, Киферой, Милетом, а также прекрасной,

Вечно от стука копыт шумной Сирийской землей,

Будь благосклонна, богиня, к Каллистион! – ею ни разу

Не был любивший её прогнан с порога дверей»

(№ 1276). (Посидипп № 8 (АП XII 131),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.103])

«Пару первых чаш за Нанно нальем и за Лиду;

Пары достойны еще мудрый Анتماх, Мимнерм:

Пятая станет моей, за того шестую мы выпьем,

Кто, мой Гелиодор, страсти себя посвятил!

В честь Гесиода – седьмая, восьмую решили – Гомеру,

Чаша девятая – Муз. Память десятой почтём.

Буду пить за Киприду без меры. Остаток – Эротам.

Пьян или трезв, все равно что с благодарностью их»
(№ 1277). (Посидипп № 9 (АП XII 168),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.104])

«Что мне изнеженно томный девический пыл? Да зажжется
Неугасимый огонь подлинной страсти мужской!
Этот жар благородней. Насколько мужчины мощнее
Женщин, настолько же в них страсти бушуют сильней»
(№ 1278). (Посидипп № 26 (АП XII 17),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.109])

«Если бы, крылья себе золотые достав и повесив
На белоснежном плече полный стрелами колчан,
Рядом с Эротом ты встал, то, Гермесом клянусь, не узнала б
И Афродита сама, кто из двоих её сын»
(№ 1279). (Посидипп № 27 (АП XII 77),
пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.110])

Евфорион

«Дивные кудри когда наш Евдокс впервые обрезал, -
Детской поры красоту, Фебу он их посвятил.
Пусть, Дальновержец, взамен красота у него не увянет,
Словно тот плющ, что всегда свежим в Ахарнах растёт»
(№ 1280). (Евфорион № 1 (АП VI 279),
пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1993, с.119])

На Евфориона. Кратет № 1 (АП XI 218), пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.158];
Феодорид № 14 [Эпиграмма 1993, с.181]

Леонид Тарентский

«Памятник здесь Праталида, ликастского мужа, который
В битвах, в любовных делах, в ловле зверей превзошел
Всех остальных. Поселите его, о подземные боги,
С Миносом рядом: и бог – критянин родом, и он»

(№ 1281). (Леонид № 12 (АП VII 448),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.125])

«К пению – Муза, к сражению – Арес, Артемида – к охоте,
К юношам страстью – Эрот, - все одарили его.
Как не назвать Праталида, ликастского мужа, счастливым,
Бывшего первым в любви, в песнях, в охоте, в бою»

(№ 1282). (Леонид № 13 (АП VII 449),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.125])

«Молвил однажды Киприде Еврот: «Одевайся в доспехи
Или из Спарты уйди! – бредит наш город войной».
Но, усмехнувшись, сказала она: «Как была безоружной,
Так и останусь, а жить все-таки в Спарте хочу».
Нет у Киприды доспехов, бесстыдники лишь утверждают,
Не знатоки, будто здесь ходит богиня в броне»

(№ 1283). (Леонид № 24 (АП IX 320),
пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.129])

«Кто на твердой скале Эроса вырезал, бога
Зевса сразившего встарь острой своею стрелой?
Вот он к Гефесту попал, наконец, но смотреть подобало
Только тогда на него, как угодит он в огонь»

(№ 1284). (Леонид № 28 (АП IX 337),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.130])

«Посох и пара сандалий, получены все от Сохара,
Старого киника, здесь, о Афродита, лежат
С грязною фляжкой для масла и с полною мудрости древней
Очень дырявой сумой – или остатком сумы.
А положил их в обильном венками преддверии храма
Родон – красавец за то, что полонил мудреца»

(№ 1285). (Леонид № 54 (АП VI 293),
пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.138])

«Я не обижу Эроса: он сладостен; даже Кипридой
Клясться готов я, но сам луком его уязвлен.
Испепелен я вконец, а он вслед за жгучей, другую
Жгучую мечет стрелу без передышки в меня.
Все же виновника я укротил, - значит, он не бессмертен.
Можно ль меня обвинить? Я ведь себя защищал»

(№ 1286). (Леонид № 92 (АП V 188),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.150])

Мнасалк

«Что поспешаешь, лоза, распластать по земле свои листья,
Уж не страшит ли Плеяд поздний вечерний заход?
Утром Антилеонт под тобой забудется сладким
Сном, как и древле во всем благостным тем, что красив»

(№ 1287). (Мнасалк № 1 (АП XII 138),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.153];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.78])

«Что тебе надо, свирель, что к Пеннорожденной примчалась?
Что от пастушеских губ ты обратилась сюда?
Нет здесь ни горных вершин, ни долин, но любовь повсеместно,
Также и страсть; и груба, Муза пускается впляс»

(№ 1288). (Мнасалк № 16 (АП IX 324),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.157])

Эпитафия. Феодорид № 15 [Там же, с.181-182]

Диоскорид

«Александрийцам такое не к чести; вот сын Птолемея
Мосх, - он уж факел несет среди благородных юнцов;
Мосх Птолемеев; о город злосчастный! Позор материнский,
Где ты теперь, и разврат общедоступный, увы?
Где же притоны? Свинарники где? Рожайте же, шлюхи,
Ныне рожайте, венком Мосха подвигнуты в том».

(№ 1289). (Диоскорид (АП XI 363),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.452])

«Я избежал, Феодор, обузы твоей. И сказал лишь:

«Демона я моего тяжкую власть избежал», -

Как деспотичней еще полонен. И у Аристократа

В рабстве теперь без конца, - третий он мой господин»

(№ 1290). (Диоскорид № 8 (АП XII 169),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.163])

«Если, достигши расцвета, такие дарит поцелуи

Любящим всем Демофил, о Киферея, своим,

Коими ныне меня одаряет плутишка, - уж ночью

В доме мамыши его дверям покоя не знать»

(№ 1291). (Диоскорид № 9 (АП XII 14),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.164])

«Ты, в паломничий путь Евфагора-красавца унесший,

Вновь вороти его мне, сладостный ветер Зефир,

Долго его не держи; ведь даже короткое время

Тысячелетьем сочтет любящий в сердце своем»

(№ 1292). (Диоскорид № 11 (АП XII 171),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.164];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.40])

«И фимиам, и богам возлиянья, и смешанной чаши

Вы, божества, у кого жребии дружбы моей,

Вас, досточтимые, я призываю в свидетели: вами

Клялся тогда Афиной, отрок медвяный, при мне»

(№ 1293). (Диоскорид № 12 (АП XII 170),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.164])

№№ 5, 7, 10, 13 в рус.пер. исключены.

«Эрос, губитель нещадный народов! Настроил Сосарха

Амфиполит нежный зад, весь в предвкушеньи услад.

Зевса желая развлечь: ведь подобной смуглости кожи

Бедер Сосарха, увы, даже лишен Ганимед!»

(№ 1294). (Диоскорид (АП XII 37),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.40])

«Взором своим соблазнив Гермогена, а также и золотом, -

Страсть испытаешь тогда, что и не снилась тебе! –

В случае том ты улыбку узришь на лице его хмуром.

Вытащить сможешь одну воду из глуби морской,

Если же станешь удить ты, забросив крючок без приманки:

Этот повеса-наглец жалость отринет и стыд»

(№ 1295). (Диоскорид (АП XII 42),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.40])

Федим

«Свой лук, низвергший мощь гиганта буйного,

Сдержи, о бог наш, далеко разящий

Не открывай колчан, волков пугающий,

Стрелу нацель Эроса в юных всех,
Отчизне чтоб пришли на помощь поскорей
Любовью юною, чуждой страха.
Ведь пламень этот даже всех богов сильней;
Всегда идущим в бой приносит силу.
А ты, наш бог от давних Схена отчих дней,
Прими от Мелистиона дар сей!»

(№ 1296). (Федим № 3 (АП XIII 22), пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.175])

Риан

«Сладкий елей на тебя, зад, пролили Хариты и Оры!
Видя тебя, ни один спать не способен старик.
Кто тот счастливец, скажи, тот мальчишка, кого ты украсил?
Зад мне ответил тогда: «Имя – Менекрат ему»

(№ 1297). (Риан № 1 (АП XII 38),
пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.89])

«Юношей славный питомник Трезена; последнего даже
Меж сыновьями его было б не грех похвалить.
А красота Эмпедокла блестит между всеми, как роза,
Что затмевает весной все остальные цветы»

(№ 1298). (Риан № 2 (АП XII 58),
пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.176])

«Сбившись с пути, на кого вы, мальчишки, глаза устремили?
Могут в ловушку попасть взгляды, несущие пыл.

Вот Теодор увлекает юнца, его тело – свидетель
Лучшей для жизни поры и непорочно ещё!
Вот дорогого Филорекса уд... хоть и мал он, однако
Пышно когда расцветет, даром Харит нарекут.
Если Лептина увидишь – ни с кем не захочется больше.
И не отступит юнец, крепким как сталь... увлечен, -
Вмиг за желанным умчится, глазами сверкая, безумный,
Страстью объятый, горя неумолимым огнем!
Юной я поросли счастья желаю, прекрасной. Забавы
Пусть не прервутся, когда старость седая придёт!»

(№ 1299). (Риан № 3 (АП XII 93),
пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.89])

«Право, Клеоник, тебе, идущему узкой тропинкой,
Милые встретились там как-то Хариты, и вот
Руки, подобные розам, тебя заключили в объятия,
Отрок, и сделался ты прелести полным Харит.
Радуйся, но вдалеке от меня. Ведь, милый, опасно
Близко сухой асфодел к пламени так приближать»

(№ 1300). (Риан № 4 (АП XII 121),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.176])

«Я потерял олененка, охотясь, хотя и усердно
Сети расставив свои, кольями их подперев;
А ухожу я ни с чем. Другие без всяких усилий
Взяли моё. О Эрот, будь ты и с ними суров!»

(№ 1301). (Риан № 5 (АП XII 146),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.177])

«Дексионик, ловивший в тени под зеленым платаном
Черного клеем дрозда, птицу за крылья схватил;
И со стенанием громким кричала священная птица...
Я же, о милый Эрот, юное племя Харит,
Я бы на месте дроздов, - лишь бы в этих руках оказаться,
Рад бы не только кричать, - слезы сладчайшие лить»

(№ 1302). (Риан № 10 (АП XII 142),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.178])

Феодорид

«Вместе с прекрасной цикадой вот этот младенческий локон
Харисфена лежит, - девам Амаринфа в дар,
К ним освященный пирог. А отрок звездою сверкает
Словно конь молодой, сбросивший первый пушок»

(№ 1303). (Феодорид № 2 (АП VI 156),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.179])

Алкей Мессенский

«Я ненавижу Эрота. Людей ненавистник, зачем он
Зверя не трогая, мне в сердце пускает стрелу?
Дальше-то что? Если бог уничтожит вконец человека,
Разве награда ему будет за это дана?»

(№ 1304). (Алкей № 6 (АП V 10),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.184])

«Суший красавец Протарх, но не хочет; однако захочет

После, а юность бежит, факел держа пред собой»

(№ 1305). (Алкей № 7 (АП XII 29),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.184])

«Нежный пушок на ногах появился, Никандр. Спасайся,

Время покроет когда волосом грубым твой зад!

Знай же: пусть скромная поросль будет всегда у влюбленных.

Молодость так коротка! – вдумайся в эти слова»

(№ 1306). (Алкей № 8 (АП XII 30),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.16])

«Писы хранитель, о Зевс, Пифенора, Киприды второго

Сына, венком увенчай ты под Кронийским холмом!

Ставши орлом, у меня не похити, однако, владыка,

Отрока кравчим себе, как Дарданида давно.

Если ж угодный тебе я от Муз приготовил подарок,

То о согласье скажи дивного отрока мне»

(№ 1307). (Алкей № 9 (АП XII 64),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.185])

«Кто тебя, подло схватив и опутав веревками ноги,

Здесь поместил? Кто твои руки связал, заломив?

Кто перепачкал лицо так искусно? Где быстрые стрелы?

Горестный где же, малыш, твой пламеносный колчан?

Тщетно ваятель таким тебя сделал, опутав, - ведь жег ты

Страстью даже богов – путы не для тебя!»

(№ 1308). (Алкей № 19 (АП XVI 196),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.188])

Дионисий

«Юным совсем, но любимым в Иалиса городе всеми

Нами, ты ныне вошел в горестный Леты поток.

Мудрости жатву недолго срезал ты. И вот над могилой

Совы, не знавшие слезы, плачут теперь по тебе.

О Фенокрит! Из поэтов никто не споеет так потомкам,

Люди покуда еще будут ходить по земле»

(№ 1309). (Дионисий № 2 (АП VII 716),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.215])

«Если полюбишь меня, о Акрат, ты станешь подобен

Винам хиосским, а мне слаще хиосского ты!

Если ж другое милее меня, то пусть будут мошки

Из прокисших амфор виться тогда вокруг тебя»

(№ 1310). (Дионисий № 3 (АП XII 108),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.215])

Фаний

«Памфил, Феמידой клянусь, этой чашей с вином, от которой

Пьян я, немного дано времени нам для любви.

Нежный пушок твои щеки и бёдра уже покрывает,
К новым неистовствам страсть необратимо ведёт.

Если в тебе сохранилась хоть искорка чувства, иди же

И не скупись на него: случай – любви залог!»

(№ 1311). (Фаний № 1 (АП XII 31),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.111])

Тимокл

«Помнишь, ты помнишь, когда я сказал тебе слово святое:

«Юность прекрасней всего, юность быстрее всего».

Юность быстрее летит, чем птица летящая в небе.

Ныне взгляни, все твои наземь упали цветы».

(№ 1312). (Тимокл (АП XII 32), пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.302])

Мосх

Грамматик из Сиракуз, ученик Аристарха. Автор буколик.

«Эрос-беглец»

«Эроса-сына однажды звала и искала Киприда:

«Эроса кто б ни увидел, что он по дорогам блуждает, -

Мой это, знайте, беглец. Кто мне скажет, получит в награду

Он поцелуй от Киприды; а коль самого мне доставит,

То не один поцелуй, а быть может, и что-нибудь больше.

Мальчик особенный он. Будь их двадцать, узнаешь сейчас же.

Кожа его не бела, а сверкает огнем. Его взоры

Огненны, остры. И зол его ум, хоть и сладостны речи.

Мыслит одно, говорит же другое. Как мед его голос,

В сердце же горькая желчь у него. Он обманщик: ни слова (10)

Правды не скажет; хитер и на злостные шутки охотник.

В пышных кудрях голова, а лицо его полно задора.

Крошечны ручки его, но метать ими может далеко.

Может метнуть в Ахеронт и до дома Аида-владыки.

Телом он весь обнажен, но глубоко припрятаны мысли.

Словно как птица крылат; то к тому, то к другому порхает,

К женщинам он и к мужам, и садится им прямо на сердце.

Маленький держит он лук, а на луке натянутом – стрелку:

Стрелка же, как ни мала, достигает до глуби эфира.

Носит колчан золотой за спиною, а в этом колчане (20)

Злые тростинки – он даже не раз и меня ими ранил.

Все это страшно. Всего же страшней тот факел, который

Носит всегда при себе. Он бы мог им спалить даже солнце.

Если его кто поймает, пусть свяжет его, не жалея.

Если увидишь, что плачет, смотри, как бы вновь не удрал он;

Если смеется, тащи. А захочет с тобой целоваться,

Тотчас беги. Поцелуй его – яд, и в устах его – чары.

Если же скажет: «Возьми, я прошу тебя, это оружие», -

Не прикасайся к подарку: все вещи окунуты в пламя»

(№ 1313). (Пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.149-150])

Бион

«Эроса, страшного бога, ничуть не пугаются Музы,

Любят всем сердцем его, за ним они следуют всюду.

Если задумает петь тот, кто хладную душу имеет,

Он им чужой; не хотят с ним искусством своим поделиться.

Если ж кто Эросу сердце подарит и сладкие песни

Станет слагать, то поспешно к нему они все соберутся.

Сам я свидетель тому, что поверие это правдиво:

Если кого из бессмертных воспеть захочу иль из смертных,

Только бормочет язык мой, и петь не хочет, как прежде;

Стоит же только запеть мне для Эроса иль для Ликида,

Тотчас из уст у меня моя песня, ликуя, польется»

(№ 1314). (Бион № 6, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.178])

«Раз предо мною во сне появилась царица Киприда,

Эроса-крошку держала своею рукою прекрасной,

В землю вперившего очи. И вот что она мне сказала:

«Милый пастух, обучи мне, пожалуйста, Эроса пенью!»

Это сказав, удалилась. А я своим песням пастушьим

Стал обучать его, глупый, - как будто хотел он учиться!

«Пан свирель изобрел, а флейту открыла Афина,

Лирой известен Гермес, Аполлон же кифарой прославлен».

Все рассказал я, но он моих слов закреплять не старался.

Песенки сам про любовь мне запел, рассказал мне о страсти

Он меж людьми и богами, о матери тоже поведал.

Все позабыл я, чем мною был Эрос обучен в ту пору;

Те же любовные песни, что он мне преподал, я помню»

(№ 1315). (Бион № 7, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.178-179])

«Счастливы те, кто любит, коль равною мерой любимы.

Счастлив Тесей был всегда, если вместе он был с Пейрифоем,
Даже когда он сошёл к угрюмым Аида пределам.
Счастлив был даже Орест, хоть и был на суровой чужбине,
Так как с ним вместе, как спутник, Пилад по дорогам скитался.
Счастлив Ахилл Эакид был при жизни любимого друга.
Счастлив он был, умирая, отмстивши за страшное горе»

(№ 1316). (Бион № 9, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.179])

«Мальчик один, птицелов, меж деревьев по роще блуждая,
Ловлею птичек занялся и видит, что Эрос крылатый
Сел на ветвистом суку. Когда его мальчик завидел,
Очень был рад, принявши его за огромную птицу.
Мигом раскинув силки, его караулить он начал
С этого бока, с другого; но стал перепархивать Эрос.
Горько обиделся мальчик на то, что не встретил удачи.
Бросив тенета свои, побежал к старику-землепашцу,
Кто его ловли искусству учил; про свою неудачу
Все рассказал, показавши, где Эрос сидит. Улыбнулся (10)
Старец тогда, головой покачал и ответил ребенку:
«Эту охоту ты брось, не гоняйся за птицею этой,
Лучше ее избегай. Это страшная птица. Ты будешь
Счастлив, пока не поймал ты ее. Но как станешь мужчиной,
Он, кто тебя избегая, порхает, тогда своей волей
Сам же к тебе прилетит и на голову сядет внезапно»

(№ 1317). (Бион № 10, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.179-180])

«Кипра прелестная дочь, ты, рожденная Зевсом иль Морем,
Молви, за что ты на смертных, за что на богов рассердилась?
Больше того: вероятно, сама ты себя прогневила
И родила в наказание ты Эроса всем на мученье:
Дик, необуздан, жесток, и душа его с телом не схожа.
И для чего ты дала ему быть стрелоносцем крылатым,
Так что ударов жестоких его мы не в силах избежать?»

(№ 1318). (Бион № 11, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит 1998, с.180])

«Эрос пусть Муз призовет, и ведут с собой Эроса Музы.
Мне же, влюбленному, Музы всегда пусть напевы даруют,
Сладкие дарят напевы, сладчайшее в мире лекарство»

(№ 1319). (Бион № 16, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Феокрит, с.182])

Также см. Мосх. Плач о Бионе [Феокрит 1998, с.157-161].

3.3. Поздний эллинизм (146-30)

История

(№ 1320). «[74 г.] [В Херонее] ...был мальчик, круглый сирота, по имени Дамон и по прозвищу Перипольт, намного превосходивший своих сверстников красотой тела и гордостью духа, но дурно воспитанный, со строптивым характером. В этого юношу, только что вышедшего из отроческого возраста, влюбился начальник одной когорты, стоявшей в Херонее на зимних квартирах, и когда римлянин ни просьбами, ни подарками ничего не добился, стало ясно, что он не остановится перед насилием, тем более что дела нашего города находились тогда в плачевном состоянии и из-за своей незначительности и бедности он был у всех в пренебрежении. И вот Дамон, страшась насилия и взбешенный уже самими домогательствами, замыслил убить этого человека и вовлек в заговор нескольких сверстников – немногих, чтобы сохранить дело в тайне: всего их набралось шестнадцать человек. Ночью они вымазали себе лица сажей, напились несмешанным вином и на рассвете напали на римлянина, когда тот совершал на площади жертвоприношение. Умертвив его и нескольких человек из числа стоявших вокруг, они скрылись из города. Среди общего замешательства собрался городской совет Хероней и осудил заговорщиков на смерть, что должно было искупить вину города перед

римлянами. Когда после этого городские власти по обычаю собрались вечером за общим ужином, товарищи Дамона ворвались в здание Совета и перебили их, а затем снова бежали.

Как раз в эти дни через Херонею проходил с воинами Луций Лукулл. Прервав свой поход, он по свежим следам расследовал дело и выяснил, что граждане не только ни в чем не повинны, но, скорее, сами оказались в числе потерпевших. Затем он выступил в путь и увел с собой размещавшихся в городе солдат. Тем временем Дамон разорял разбойничьими набегами окрестности и тревожил самый город, пока граждане через послов не уговорили его вернуться, приняв благоприятные для него постановления. Когда он явился, его поставили начальником гимназия, но затем убили в парильне, когда он натирался маслом» (Плутарх. Кимон 1, пер. С.С.Аверинцева [Плутарх 1994, т.1, с.534])

(№ 1321). «[Сицилия] Был некто Дамофил из Энны, весьма богатый и надменный человек. ... Кроме этого у него было большое количество красивых мальчиков, и он гордился окружающей его толпой грубых льстецов». (Диодор XXXIV-XXXV, 2, 34, пер. С.И.Ковалева и Н.Д.Салганика [Античный способ 1933, с.390-391])

(№ 1322). «[Провинция Азия] Откупщики налогов и ростовщики грабили и закабалляли страну: частных лиц они принуждали продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города – храмовые приношения, картины и кумиры» (Плутарх. Лукулл 20, пер. С.С.Аверинцева [Плутарх 1994, т.1, с.563])

(№ 1323). «...Фарнак захватил всеми своими войсками Понт. ...он взял с бою много городов и разграбил достояние римских и понтийских граждан; тех, кто были привлекательны своей красотой и юностью, он подверг таким наказаниям, которые бедственнее самой смерти». (Аноним. Александрийская война 41 [Цезарь 1991, т.2, с.117])

(№ 1324). «...в Иудею прибыл по своим делам друг его [М.Антония], Деллий. Увидев Аристокбула, он был в восторге от его красоты и статного сложения, равно как преклонился перед красотой царицы Мариаммы, и сказал, что Александра является матерью редко красивых детей. Когда же Александра стала говорить с ним, он убедил ее велеть срисовать обоих детей и послать портреты Антонию, который-де при виде их не откажет ей ни в чем. Александра из тщеславия поддалась этим убеждениям и послала портреты Антонию. При этом Деллий не прекращал своих восхвалений и дошел до того, что сказал, что эти дети не человеческие, но от какого-нибудь бога. Этим он хотел возбудить в Антонии чувство похотливости. Антоний, впрочем, побоялся послать за царицею, женою Ирода, но отправил послов за юношею с оговоркою, впрочем: «если это не представит затруднений». Когда это было сообщено Ироду, он решил, что не безопасно послать такого красавца, каким тогда был шестнадцатилетний Аристокбул, да вдобавок еще знатного рода, к Антонию, самому могущественному тогда римлянину, который охотно предавался всевозможным эротическим увлечениям и имел возможность беспрепятственно доставлять себе какие угодно удовольствия. Поэтому он отписал ему, что, если только этот юноша выедет из страны, это подаст немедленно повод к войне и

всяким смутам...» (Иосиф Флавий. Иудейские древности XV 2, 6 [Иосиф 1994, т.2, с.275-276])

(№ 1325). «Царица покоилась под расшитую золотом сенью в уборе Афродиты, какою изображают ее живописцы, а по обе стороны ложа стояли мальчики с опахалами – будто эроты на картинах» (Плутарх. Антоний 26, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.2, с.411])

Философия

(№ 1326). «Всего было восемь Эсхинов: ... шестой – из Неаполя, философ-академик, ученик и любовник Меланфия Родосского» (Диоген Лаэртский II 64 [Диоген 1979, с.123])

О поэзии

(№ 1327). «Аполлодор Афинский в третьей книге «О Софроне» (где речь идет о мужских мимах) приводит выражение «и еще развратнее губанствовать» и пишет: «Это некие рыбки губаны [алфестай], чешуя у них желтоватая с пурпурными пятнами. Говорят, что ловятся они парами и появляются одна за другой, вторая за хвостом первой. Именно оттого, что одна следует за задом другой, некоторые древние авторы называют губанами сладострастных распутников» (Афиней VII 281e [Афиней 2003-, т.1, с.350]) См. комм. [с.580]

Поэзия

Антипатр Сидонский

«Стела вот эта, узнать бы, чье тело в могиле скрывает.

Вижу, однако, на ней надписи выбитой нет –

Десять в броске лишь игральных костей, из коих четыре

Первые нам говорят, то «Александра» бросок;

А вот другие являют «эфеба» в цветущую пору.

Эта одна о броске слабом «хиосца» гласит.

Не означает ли это, что гордость, носящая скипетр,

Юность, цветущая власть, - это дорога в ничто?

Или же нет: полагаю, стрелу прямо в цель суждено мне

Точно направить, как то делает критский стрелок.
Был этот мертвый хиосцем, досталось в удел Александра
Имя ему, он ушел юным эфебом в Аид.
Как хорошо жизнь юнца, игрока заядлого в кости,
Некто поведал немым изображеньем костей»
(№ 1328). (Антипатр № 32 (АП VII 427),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.201-202])

Эпитафия. Мелеагр № 122 [Эпиграмма 1993, с.256]

Полистрат

«Эрос двойной непрестанно сжигает одно мое сердце!
Вы, о глаза, что вокруг видите лучшее всё,
Вы разглядели того, кто златыми Харитами мечен,
Антиоха – цветок между прелестных юнцов.
Может быть, хватит? Зачем вы взираете на Стасикрата?
Пафией словно рожден, так он и нежен и мил...
Жгите, вконец изнуряйте, испепеляйте! И всё же
Разве от вас, от двоих, сердце спасётся одно?»
(№ 1329). (Полистрат № 1 (АП XII 91),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.219])

Зенодот

«Тот, кто поставил Эрота здесь возле источника, думал,
Верно, что пламень его можно водой погасить»
(№ 1330). (Зенодот № 2 (АП XVI 14),

пер. Н.Кострова [Эпиграмма 1993, с.220])

Стратон

(№ 1331). «Предисловие к кн. XII Антологии «Стратон из Сард. Мальчишеская Муза». «Куда бы я годился, если бы, познакомивши тебя со всем прочим, скрыл от тебя «Мальчишескую Музу» Стратона Сардского, которую сам он для забавы читал своим близким, и каждый по-своему радовался слогу и выразительности, а совсем не смыслу. Прими же предлагаемое – порядочную женщину и пляска не испортит, как сказано у трагика». (Комментарий [Эпиграмма 1999, с.683])

«Пей же теперь, Демократ, и люби! Не всегда удаётся

Бражничать им, не всегда в обществе мальчиков быть!

Головы наши украсим венками, елеем натершись,

Прежде чем этот обряд нам на могиле свершат.

Кости теперь пусть вино поглощает, коль жив, а по смерти

Моет их пусть хоть второй Девкалионов потоп!»

(№ 1332). (Стратон (АП XI 19), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.101])

«Зевс – начало всего!» - так однажды Арат нам поведал.

Музы, сегодня с меня снят груз гнетущих забот!..

Если же юноши нравятся мне и любовная нега,

То с геликонскими что Музами делать тогда?»

(№ 1333). (Стратон (АП XII 1), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.101])

«Песен не ждите моих о страданиях Ниобы, Медеи,

Будет забыт и Приам с жертвою у алтаря,

Итиса не воспою я в чертогах и пташку на ветвях:

Много ведь раз в старину песен слагалось в их честь.

Сладкого Эроса, Бромия вспомню, Харит беззаботных:

Грусть никогда на челе вы не увидите их!»

(№ 1334). (Стратон (АП XII 2), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.102])

«Три, Диодор, вида членов у мальчиков есть, из них каждый

Носит названье своё. Знай же об этом и ты:

Если не тронут ещё, называется словом он «лалу»,

При становлении он словом «коко» наречён,

«Ящерицей» называется тот, что тревожим руками, -

Этим же словом и твой следует, мальчик, назвать»

(№ 1335). (Стратон (АП XII 3), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.102])

«Я наслаждался с двенадцатилетним мальчонкой. Тринадцать

Лет наступило ему – он вожаденнее стал.

Годом позднее пришёл ещё более сладостный возраст,

И привлекательней всех был он пятнадцати лет.

Шестнадцать лет – это возраст богов, а семнадцатилетний

Юноша не для меня: создан для Зевса лишь он.

Если тебе и постарше милей – то уже не забава:

Время настало, и долг твой – за него отвечать»

(№ 1336). (Стратон (АП XII 4), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.102])

«Нравятся мне белокожие, смуглые также приятны,

Золото-желтый любим, к темным питаю я страсть.

Мне светлоокий не чужд, и теряю рассудок мгновенно,

Если меня ослепит черных сияние глаз»

(№ 1337). (Стратон (АП XII 5), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.103])

«Девушек скверны объятья, затейливы их поцелуи,
Сладостнейший аромат не источают тела,
Речи нескромны, бесстыдны и грубы у них, а во взгляде
Ложь прочитаешь всегда, неучи, глупые все!
Холодны задом они, и – что самое худшее – места
Ты не найдешь, где рука нежно могла бы блуждать»

(№ 1338). (Стратон (АП XII 7), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.103])

«Лавку цветочную, я, проходя, увидал, как мальчишка
Ловко сплетает венки из ароматных цветов.
Я обомлел, шаг замедлил, сказал, успокоившись: «Мальчик,
Цену назначь мне свою: твой бы веночек... купил».
Он покраснел, словно роза, потупясь смущенно, ответил:
«Прочь убирайся скорей, чтоб не увидел отец!»
Всё же венки я купил просто так, для предлога, а дома
Ими богов увенчал я, о мальчонке молясь»

(№ 1339). (Стратон (АП XII 8), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.103])

«Ты, Диодор, так красив, так созрел для любовной услады!..
Если и женишься ты, я не покину тебя!»

(№ 1340). (Стратон (АП XII 9), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.104])

«Только появится первый пушок над губой, еле зримый,
И на твой лоб упадут пряди златистых волос –
Я не покину тебя, мой любимый. Красу составляют

Волосы и борода – это богатство моё!»

(№ 1341). (Стратон (АП XII 10), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.104])

«Ночью Филострат меня навестил, но не смог с ним развлечься:

Он так старался и зря – можно ль такое сказать?

Больше, наверно, ко мне не придёт, мой желанный... Пусть сбросит

С башни меня: стану я Астианактом теперь!»

(№ 1342). (Стратон (АП XII 11), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.104])

«Первый пушок покрывает красавца, но Ладон влюбленным

Не уступает ничуть – как Немесида спешит!»

(№ 1343). (Стратон (АП XII 12), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.104])

«Если в купальне ужалила жаром скамья зад Графика,

Что ж я тогда претерпел? – Крепче мой дерева стал!»

(№ 1344). (Стратон (АП XII 15), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.105])

«Не убегай от любви, о Филократ! Сам Эрос способен

Сердце моё растопить неугасимым огнём –

Лучше отверзни уста для моих поцелуев! С годами

Милость подобную ты будешь просить у других»

(№ 1345). (Стратон (АП XII 16), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.105])

«Сколь ещё долго украдкой мы будем с тобой целоваться,

Тайные знаки любви взором друг другу дарить?

Сколь ещё тешиться долго одними словами придется,

Изо дня в день промедлять в том, что уже решено?

Только напрасно мы время прекрасное тратим с тобою:

Речи пустые должна в дело любовь превратить»

(№ 1346). (Стратон (АП XII 21), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.105])

«К сверстникам зависти нет, увлеченным молодыми рабами,

Женоподобный к тому ж кравчий тебе ни к чему.

Кто устоит перед страстью и кто от вина не пьянеет?

Юношей кто красоту взглядом своим обойдёт?

Нравятся людям такие забавы. Тебе коль противны,

То отправляйся туда, где нет вина и любви, -

В край, где Тиресий и Тантал терзаются в страшных мученьях:

Первый не видит ни зги, видит одно лишь другой»

(№ 1347). (Стратон (АП XII 175),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.105-106])

«Так почему же, Менипп, облачен ты до самых лодыжек?

Раньше одежда твоя не покрывала колен.

Голову ты почему опустил и меня избегаешь?

Знаю, что хочешь прикрыть! «Здесь я!» - таков уговор»

(№ 1348). (Стратон (АП XII 176), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.106])

«Вечер настал. Пожелали друг другу мы ночи спокойной.

Ласки его были сном?.. Явью?.. Не помню теперь.

В памяти ведь всё ясней и яснее всплывает другое...

Вспомнил, о чём он просил, что говорил я в ответ!

Нет, не уверен... Меня полюбил ли он? Коль это правда,

Богом я стал. Почему ж я на земле остаюсь?»

(№ 1349). (Стратон (АП XII 177), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.106])

«Воспламенял меня Тевдис, блистая средь юношей милых.

Он словно солнце: встаёт, чтоб на закате упасть.

Я и теперь весь в огне, когда мгла на него опустилась.

Солнце не станет другим, если и пало оно!»

(№ 1350). (Стратон (АП XII 178), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.106])

«Зевс, я поклялся тебе: никому никогда не признаюсь,

Даже себе самому, чем меня Тевдис привлёк.

Но в ликованьи своём мое сердце, парившее в небе,

Больше не может уже радость пришедшую скрыть.

Зевс-отец, о прости же меня, признаюсь: был моим он,

В первый раз в жизни своей высшее счастье познал!»

(№ 1351). (Стратон (АП XII 179), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.107])

«Жарко мне, юноша, и без того. Перестань опахалом

Тонким своим развеивать возле одежды моей!

Жар остается во мне: от вина он теперь не проходит,

И опахало твоё страсть разжигает сильней»

(№ 1352). (Стратон (АП XII 180), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.107])

«Ты понапрасну целуешь меня! Любовное пламя

Вовсе угасло во мне – ты мне уже и не мил.

Слишком был ты суров, мой Дафнис, и был неприступен –

Что ж, когда-нибудь сам ты пожалеешь о том».

(№ 1353). (Стратон (АП XII 182),

пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.497])

«Радость какая мне, Гелиодор, от твоих поцелуев,

Если бесстрастье твоё чувствую я на устах,

Если холодный твой рот не спешит разомкнуться? Из воска

Так изваянье твоё в доме целует меня»

(№ 1354). (Стратон (АП XII 183), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.107])

«В хитростях нет и нужды, чтоб увлечь за собой Менедема.

Только мигни – он и сам скажет: «Веди же меня!»

Не церемонясь, обгонит того, кто вперед оторвался.

В том и отличие стремнин от неподвижных канав!»

(№ 1355). (Стратон (АП XII 184), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.107])

«Этих юнцов-гордецов, облаченных в тончайшие ткани

С пурпуром, нам не дано ни приманить, ни увлечь.

Фигам созревшим подобны, растущим на горных отрогах:

Корм неизменный ворон, Дифил, и коршунов снесь!»

(№ 1356). (Стратон (АП XII 185), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.108])

«Ментор, как долго, мой друг, на меня ты ещё так надменно

Будешь смотреть, свысока, даже «привет» не сказав.

Словно ты думаешь вечность прожить, молодым оставаясь,

Или всю жизнь проводить в играх военных досуг.

Смерть и тебя навестит, и щетина, и муки болезней!

Знай: очень мало друзей, верных, осталось тебе»

(№ 1357). (Стратон (АП XII 186), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.108])

«Если мои поцелуи приносят тебе огорченье,

Ты отомсти мне за них – крепко меня поцелуй!»

(№ 1358). (Стратон (АП XII 188), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.108])

«Из одних роз кто украсил венком тебя, милый? Счастливец!

Если отец твой, то он вкуса тогда не лишен»

(№ 1359). (Стратон (АП XII 189), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.108])

«Счастлив был живописец, тебя рисовавший на воске!

Счастлив воск, сохранив милые эти черты!

Счастлив был бы и я, окажись я жуком-древоточцем,

Чтоб изглодать насквозь доску с портретом твоим!»

(№ 1360). (Стратон (АП XII 190), пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.497])

«Мальчиком был ты вчера. Мне даже во сне не казалось,

Что у тебя борода. Что приключилось с тобой?

Был ты гладок и мил, а стал волосатым. Вот чудо!

Был ты вчера Троил, стал ты сегодня Приам».

(№ 1361). (Стратон (АП XII 191), пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.498])

«Мальчиков милых Зевес похищает, на небо возносит,

Чтобы сладчайший нектар преподносили ему.

Вот и Агриппа, красавец, на крыльях орлиных Зевесом

Был унесен от меня в царство блаженных богов.

Зевс, о владыка вселенной, воззри, я прошу, на красавца:

Может сравниться лишь с ним Фракии сын – Дарданид!»

(№ 1362). (Стратон (АП XII 194), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.110])

«Кто-то сказал из семи мудрецов: «Всеми свое время»,

Только в самом цвету все здесь достойно любви.

Вкусен нам огурец, когда зеленеет на грядке,

А переспеет – и гожд только на корм для свиней».

(№ 1363). (Стратон (АП XII 197), пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.498])

«Хватит, довольно вина! Мы выпили больше, чем в меру:

Мысли мутятся мои и заплетается речь.

В каждом светильнике по два огня, и на каждом на ложе

Где было трое гостей, шестеро видятся мне.

Мне уж теперь одного виночерпия кажется мало:

Как посмотрю я, при нем и водочерпий стоит».

(№ 1364). (Стратон (АП XII 199), пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.498])

«Долго ли, мой Пасифил, ты будешь молчать да смеяться?

Ну хоть словечко одно проговори, Пасифил!

Я попрошу – ты смеешься; опять попрошу – ты безмолвен;

Я разрыдаюсь – ты в смех... Все тебе, варвар, смешно!»

(№ 1365). (Стратон (АП XII 218), пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.498])

«К небу, жилищу богов, вознесись, о орел, захвативши

Мальчика, сам распластав оба широких крыла,

Мчись, унося Ганимеда прекрасного; Зевсу для пира

В нем виночерпия дать ты постарайся скорей.

Острые когти на лапах твоих: не порань ты ребенка.

Пусть не печалится Зевс, гневно страдая о нем».

(№ 1366). (Стратон (АП XII 221),

пер. С.П.Кондратьева [Эпиграмма 1999, с.498])

«Ежели вянет твоя красота – поспеши поделиться!

Если не вянет – зачем так дорожишься ты ей?»

(№ 1367). (Стратон (АП XII 235),

пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.499])

«Знаю тебя! Просишь пять: дам десять – потребуешь двадцать.

Вот тебе золотой – Зевсу Данаи цена».

(№ 1368). (Стратон (АП XII 239),

пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.500])

«Русого вижу – и таю; чернявого вижу – сгораю;

Рыжего вижу – совсем больше ни жив я, ни мертв».

(№ 1369). (Стратон (АП XII 244),

пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.500])

«Кто перечтет все эти стихи, подумает, верно:

Все его силы ушли в эту любовную страсть.

Это не так: я писал за других и даже за многих

Мальчиколюбцев: таков дар мне от бога любви».

(№ 1370). (Стратон (АП XII 258),

пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.500])

Мелеагр

См. (Мелеагр № 1 (АП IV 1), пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1993, с.221-222])

«Лютый, о лютый Эрот...!» Почему тебе нравится, если

Снова и снова кричу в горести: «Лютый Эрот»?

Этот мальчишка смеется и часто и многожды даже

Рад он проклятьям моим: ими питается он...

Дивно мне, как это ты, в волнах синего моря родившись,

Прямо из вод родила этот, Киприда, огонь»

(№ 1371). (Мелеагр № 6 (АП V 176),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.224];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.70])

«Право, Кипридой клянусь, Эрот, сжечь твоё снаряженье:

Стрелы и скифский колчан, их содержащий в себе.

Всё сожгу я, клянусь! Что же ты, безрассудный, смеешься,

Морщишь курносый свой нос? Смех этот будет к слезам!

Я ведь крылья твои, приносящие людям желанья,

Скоро подрезав, тебя медью скую по ногам.

Впрочем, Кадмову здесь мы одержим победу, коль станешь

Жить ты в доме моём, - рысь среди стада козлят.

Ну, так иди, непреклонный! И взяв свои чудо-сандали,

Быстрые крылья свои ты устреми-ка к другим»

(№ 1372). (Мелеагр № 7 (АП V 179),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.224-225];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.70])

«Что удивляться, коль Эрос, губитель людей, огневые

Стрелы пускает, смеясь, хитро глазами манит?

Мать его разве не любит Ареса, супругой Гефеста

Будучи, так и живет, между огнем и мечом?

Разве же Море, матери мать, под ветров бичами

Хрипло не ропщет? Отец – сын Никого, сам Никто?

И потому обладает Гефеста огнем он и буйством

Моря, и также при нем стрелы Ареса в крови»

(№ 1373). (Мелеагр № 8 (АП V 180),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.225];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.70-71])

«Нет, не схожу я с ума по мальчишкам! Зачем мне, Эроты,

Это? Ведь все заберут, не воздавая ничем!

Лишь во взаимности страсть. Мне милы красавицы только!

Прочь, негодники, все с дерзкою хваткой своей»

(№ 1374). (Мелеагр № 9 (АП V 421),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.225])

«Все раздается в ушах моих голос Эрота, и слезы

Сладкие, жертва любви, падают тихо из глаз.

Сердце не знает покоя ни ночью, ни днем – постоянно

Чар пережитых следы власть сохраняют над ним.

Скоро умеете вы налетать, крылатые боги!

Сразу же прочь отлетать, видно, не можете вы»

(№ 1375). (Мелеагр № 10 (АП V 212),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.225-226])

«Лампу свою, соучастницу игр всеобщих, посвященный

В тайны, Киприда, твои дарит тебе Мелеагр»

(№ 1376). (Мелеагр № 11 (АП VI 162),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.226];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.71])

«Ты, моей ночи утеха, обманщица сердца, цикада,

Муза – певица полей, лиры живой образец!

Милыми лапками в такт ударяя по крылышкам звонким,

Что-нибудь мне по душе нынче, цикада, сыграй,

Чтобы избавить меня от ярма неусыпной заботы,

Сладостным звуком во мне жажду любви обмануть;

И, в благодарность за это, я дам тебе утром, цикада,

Свежей чесночной травы с каплями свежей росы»

(№ 1377). (Мелеагр № 12 (АП VII 195),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.226])

«Милая крошка, цикада, росы опьяненная каплей,
Сельскую песенку ты не умолкая поешь,
Сидя высоко в листве и ножками в зубчиках движа,
Солнышком обожжена, лирные звуки творишь.
Милая, чем-нибудь новым ты нимф позабавь, обиталиц,
Песню весёлую спой, Пану в ответ позвени,
Чтоб, убежав от Эрота, полуденным сном я забылся,
Голову здесь преклонив возле платана в тени»

(№ 1378). (Мелеагр № 13 (АП VII 196),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.226];
пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.72])

«Душу, и так огневую, коль станешь ты жечь непрестанно,
Лютый Эрот, убежит; крылья ведь есть у неё»

(№ 1379). (Мелеагр № 14 (АП V 57),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.227])

«Сыздетства, в матернем чреве, Эрот, забавляясь игрою,
Жизнь мою проиграл в кости, не зная забот»

(№ 1380). (Мелеагр № 15 (АП XII 47),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.227])

«Здесь лежу, распростерт; бей же в шею пятой, беспощадный!
Бог мой, теперь я постиг, как твое бремя нести.
Понял, что жгут твои стрелы. Мне факелы в сердце швыряя,
Ты его не зажжешь. Сердце уж пепел сплошной»

(№ 1381). (Мелеагр № 16 (АП XII 48),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.227])

«В муках слезных душа, зачем эта рана Эрота,
Только зажившая, вновь жжет, распаяя нутро?
Нет, ради Зевса, нет, нет, ради Зевса, о сумасбродный,
Тлеющий не вороши снова под пеплом огонь.
Ибо тебя, позабывшую муки, Эрот одолеет;
Снова беглянку схватив, мукам подвергнет тебя»

(№ 1382). (Мелеагр № 17 (АП XII 80),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.227];
пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.72-73])

«Женственная Киприда сжигает любовию к женам,
Этот мальчишка Эрот правит любовью мужской.
Мне-то за кем? За сыном? За матерью? Мнится, Киприда
Как-то сказала сама: «Верх берет дерзкий юнец»

(№ 1383). (Мелеагр № 18 (АП XII 86),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.228])

«Жребий брошен! Зажги! В путь иду! – «Куда ты, безумный?
Ты ведь нетрезв. И о чем думаешь?» - Буду кутить. –
«Будешь кутить? Но куда ж ты стремишься, бездумное сердце?»
- Не размышляет любовь. Факел зажи! – «Где ж ум?»
- Прочь бремя мудрости лишней! Ведь только одно мне известно:
Это лишь то, что Эрот Зевса смирил самого»

(№ 1384). (Мелеагр № 19 (АП XII 117),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.228];
пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.74])

«Вынесу, Вакх, я, тобою клянусь, твою дерзость; веди же,
Будем кутить: ведь сам бог смертною правит душой.
Ты, рожденный в огне, любишь пламя, что есть у Эроса,
Сетью опутав, ведешь жалко молящего ты.
Ты и предателем явно рожден и коварным: твои ведь
Таинства прятать велишь, но открываешь мои»

(№ 1385). (Мелеагр № 20 (АП XII 119),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.228];
пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.74])

«Не для тебя ли, душа, я кричал: «Кипридой клянусь,
Ловишься, бедная, ты, часто к ловушке летя».
Я ль не кричал? Ты попала в силок. Что бьешься напрасно?
В этих тенетах? Эрот крылья связал у тебя.
И над огнем поместил, умастив ароматною мазью,
Жаждущей дал он тебе слезы горячие пить»

(№ 1386). (Мелеагр № 21 (АП XII 132а),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.229])

«О бедняжка душа! То в огне истощаешь ты силы,
То освежаешься в нем, новую жизнь обрета...
Что же ты плачешь? Когда на груди ты Эроса пригрела,

Разве не поняла, что ты пригрела врага?
Не поняла? Так возьми же награду за эту заботу,
Пламя приемли, а с ним снег, ледящий тебя.
Этого ты не хотела; страдай же. За дело страдаешь.
Ты совершила его, в мед закипевший попал»

(№ 1387). (Мелеагр № 22 (АП XII 1326),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.229])

№№ 23-74 посвящены большей частью женщинам.

«Вы, корабли, скороходы морские, в объятых Борея
Смело держащие путь на Геллеспонтский пролив,
Если, идя мимо Коса, увидите там на побережье
Милую Фанион, вдаль взор устремившую свой,
Весть от меня, корабли, передайте, что, страстью гонимый,
К ней я спешу... не в ладье, нет! Я бегу по волнам!
Только скажите ей это – и тотчас же Зевс милосердный
Ветром попутным начнет вам раздувать паруса»

(перевод неточный, стихотворение, как и два следующих, обращено к юноше Фанию)

(№ 1388). (Мелеагр № 66 (АП XII 53),
пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.241])

«Думал я, что убегу от Эрота, - меня всё ж настиг он,
Воспламенить из золы маленький факел сумел.
Нет, не натягивал лук, но, рукой прикоснувшись чуть, искру
Отъединил от огня, бросил тайком он в меня –
Жаром своим охватил моё тело всё! Маленький факел...

В целый разросся пожар, Фаний, в моей он душе!»

(№ 1389). (Мелеагр № 67 (АП XII 82),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.73];

пер. Ю.Ф.Шульца см. [Эпиграмма 1993, с.241])

«Стрелами я не поранен Эрота, - светильник горящий,

Как это было, поднёс к сердцу Эрот моему;

Ведь со Страстями неся в буйном шествии факел Киприды

Благоухающий, он пламя мне бросил в глаза;

И растопил меня жар. Стал заметен маленький факел,

Пламя зажегший во мне, - сердце пылает теперь»

(№ 1390). (Мелеагр № 68 (АП XII 83),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.241];

пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.73])

«Ночь, священная ночь, и ты, лампада, не вас ли

Часто в свидетели клятв мы призывали своих!

Вам принесли мы обет: он – друга любить, а я – с другом

Жить неразлучно, никто нас не услышал иной.

Где ж вероломного клятвы, о ночь!.. Их волны умчали.

Ты, лампада, его в чуждых объятиях зришь»

(№ 1391). (Мелеагр № 69 (АП V 8),

пер. Д.Дашкова [Эпиграмма 1993, с.242])

«Нежный наш Диодор, бросающий юношам пламя,

Взорами Тимарион смелыми ныне пленен,

Сладостно-горькой стрелою Эрота пронзен. Вижу чудо

Внове: пылает огонь, тоже огнем подожжен».

(№ 1392). (Мелеагр (АП XII 109),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.484])

«Вестник дня светоносный! Прощай! Пусть тайно вернется

Снова та ночи звезда, что ты поспешно прогнал!»

(№ 1393). (Мелеагр № 75 (АП XII 114),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.243])

«Мил для всех Диодор, Гераклита все видят охотно,

Сладкоречив Дион, нежен и чист Улиад –

Ну, мой Филокл, взгляни на того, коснись-ка другого,

С третьим поговори, делай что хочешь вон с тем!

Видишь, спокоен совсем я. Но коль на Мииска ты взглянешь,

Больше не стоит кидать взоры на ту красоту!»

(№ 1394). (Мелеагр № 76 (АП XII 94),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.244])

«Страсти лелеют, Филоклес, тебя и Хариты, что любят

В поле цветы собирать, вся в благовоньях Пейто!

Ты Диодора объятья прими, Калликрат на колени

Сядет к тебе, Доротей сладко пускай запоёт,

Меткий твой «лук» пусть возьмет в свои руки пламенный Дион,

А Улиад же с него кожу по-скифски сдерёт.

Филон пусть сладко целует, а Терон пускай поболтает

И под хламидой сожмет Евдема груди сильней.

Если же бог утолит вожделенье своё, - о счастливец! –

Римское блюдо юнцов сможешь отведать сполна»

(№ 1395). (Мелеагр № 77 (АП XII 95).

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.73-74])

«Юношей цвет изобильный собрав, богиня Киприда,

Сплел сам Эрот для тебя сердце манящий венок:

Вот, посмотри-ка, сюда он вплел Диодора лилию,

Асклепиада левкой дивнопрекрасный вложил,

Розы тут Гераклита, они без шипов и колючек,

Там сверкает Дион, цвет виноградной лозы,

Вот златокудрого крокус Терона среди листьев проглянул,

И благовонный тимьян дал для венка Улиад,

Нежный Мииск подарил зеленую ветку маслины,

Лавра цветущая ветвь – это наш милый Арет!

Тир священный, из всех островов блаженнейший! Миррой

Дышит лесок, где цветы в дар Афродите даны!»

(№ 1396). (Мелеагр № 78 (АП XII 256),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.244])

«В полдень я на пути повстречал Алексиса, недавно

Волосы снявшего лишь летом при сборе плодов.

Двое лучей тут меня обожгли: одни – от Эрота, -

Впрямь у мальчишки из глаз, солнца – вторые лучи.

Эти – ночь усыпила, а первые – те в сновиденьях

Образ его красоты всё разжигают сильнеей.

Сон, облегчающий многих, принёс мне одни лишь мученья,

Эту являя красу, льющую в душу огонь»

(№ 1397). (Мелеагр № 79 (АП XII 127),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.244-245])

«Терпким медом сладимы, становятся сладостны вина;

О, как приятен союз сладостнопылких сердец!

Сладостный Алексид Клеобула пылкого любит –

Разве Киприда и тут мёд не смешала с вином»

(№ 1398). (Мелеагр № 80 (АП XII 164),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.245])

«Нот, мореходам попутный, страдальцы влюбленные, схитил

Полдуши у меня, - он Андрогета унёс.

Трижды блаженны суда и трижды благостны волны.

Счастлив четырежды ветр, отрока морем неся.

Если б дельфином мне стать! На плечах перенёс бы по морю,

Чтобы он смог увидеть Родос, где отроков сонм»

(№ 1399). (Мелеагр № 81 (АП XII 52),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.245])

«Громко сказала Киприда, увидев юнца Антиоха:

«Нет, Эрот мне не сын! Вот настоящий Эрот!»

Юноши, чтите отныне Эрота нового. Этот

Явленный ныне Эрот прежнего много сильнеей»

(№ 1400). (Мелеагр № 82 (АП XII 54),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.245])

«Если в накидке Эрот и без крыльев и даже не носит
Лука с колчаном, - одна шляпа с полями на нём,
Я его милым эфебом сочту. Антиох же Эротом
Мог быть, и наоборот, - быть Антиохом Эрот»

(№ 1401). (Мелеагр № 83 (АП XII 78),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.245])

«Жаждающий, я целовал дитя нежнейшее летом,
Жажду свою утолив, так напоследок сказал:
«Зевс, наш отец, ты пьешь нектар на устах Ганимеда,
Видно, напиток такой стал для тебя как вино?»
Так и я, Антиоха лаская, - милей он всех прочих, -
Пью сей сладостный мед из Антиоха души»

(№ 1402). (Мелеагр № 84 (АП XII 133),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.246])

«О Хариты, увидев красавца Аристагора,
В нежных объятия рук вы заключили его.
Ведь красотой своей излучает он пламя, так сладко
Он говорит, а молчит – нежно глаза говорят.
Пусть он вдали от меня! Ну, и что же? Как Зевс Олимпиец,
Мальчик умеет метать молнии стрел далеко»

(№ 1403). (Мелеагр № 85 (АП XII 122),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.246])

«Пьющие чаши со льдом, потерявшие разум от страсти,
Эротолобцы, вы все горький вкушаете мёд;
Воду холодную, я заклинаю, холодную, живо,
Бывшую только что льдом, лейте на сердце моё!
Ах, Дионисия я увидел! Вы, собратья по рабству,
Прежде, чем в душу войдет, жар остудите во мне»

(№ 1404). (Мелеагр № 86 (АП XII 81),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.246])

«Боль мне сердце терзает – самым кончиком ногтя
Резвый, беспечный Эрот больно царапнул его.
Молвил с улыбкой он: «Вот и снова сладостна рана,
Бедный влюбленный, и мед жарко горит от любви»!
Если в толпе молодой вдруг вижу я Диофанта,
С места не сдвинуться мне, сил не осталось моих»

(№ 1405). (Мелеагр № 87 (АП XII 126),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.247])

«Вы, свирели пастушьи, в горах уж не Дафниса пойте,
Пану стремясь угождать, юных пасущему коз.
Также ты, лира, пророчица Феба, венчанного лавром
Ты Гиацинта теперь больше не пой. Ведь тебе
Дорог был Гиацинт, а нимфам мил Дафнис когда-то,
Ныне же скипетр любви пусть обретает Дион»

(№ 1406). (Мелеагр № 88 (АП XII 128),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.247])

«Если б ни лука Эрот ни имел, ни колчана, ни крыльев,
Ни зажигающих стрел он не носил при себе,
То, - я крылатым клянусь, - ты вовек не узнал бы по виду,
Кто из обоих Зоил, кто из обоих Эрот»

(№ 1406а). (Мелеагр № 89 (АП XII 76),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.247])

«Как Гераклит был когда-то красив! Был! Но минула юность.
Ныне колючий пушок облик его изменил.
Сын Поликсена, увидя такое, не слишком уж хвастай,
Ведь Немесида к тебе может явиться сама»

(№ 1407). (Мелеагр № 90 (АП XII 33),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.247])

«Если молчит Гераклит, говорит он глазами такое:
«Я даже Зевса огонь в пепел могу обратить».
А Диодор без сомненья в груди изрекает вот это:
«Я же и камень могу грудью своей растопить».
Горе тому, кто примет из глаз у первого пламя,
А у другого – страстей сладостно пышущий жар»

(№ 1408). (Мелеагр № 91 (АП XII 63),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.248])

«Вот уже близок рассвет; перед дверью, глаз не сомкнувший,
Дамис несчастный лежит, и бездыханный почти.
Бедный, узрев Гераклита, теперь он под взглядом лучистым –
Словно податливый воск, брошенный в жерло углей...
Дамис, бедняга, несчастный, приди в себя! Сам я Эротом
Ранен; к слезам я твоим слезы добавлю свои»

(№ 1409). (Мелеагр № 92 (АП XII 72),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.248])

«Отдан тебе я любви госпожей, Феокл, безраздельно,
Дал меня также Эрот, тихо подкравшись во сне,
И на чужбине, чужого, смирил удилами тугими.
Жажду теперь я вкусить друга приветливый взгляд.
Ты же молящего гонишь, тебя не прельщает ни время,
Ни, - достояние всех, - благоразумья залог.
Сжался, владыка, о сжался! Судьба тебя сделала богом,
Жизнь моя ныне и смерть стали во власти твоей»

(№ 1410). (Мелеагр № 93 (АП XII 158),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.248])

«Мне и Ферон уж не мил, не нравится мне Аполлодот;
Там, где пламень пылал, ныне пыхтит головня.
Женщин теперь я люблю. Нет дела мне до козопасов,
Игры дурацкие их мне теперь не по нутру»

(№ 1411). (Мелеагр № 94 (АП XII 41),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.249])

«Если взгляну на Ферона, в нем вижу я всё; если вижу

Всё, но не вижу его, - мне не видать ничего»

(№ 1412). (Мелеагр № 95 (АП XII 60),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.249])

«Сердце моё, ты посмело, Кипридой клянусь, вдруг промолвить

То, что и бог не посмел: нам не по нраву Ферон!

Он не красив, Ферон! Да ты не дерзишь ли, о сердце?

Ты не боишься теперь Зевса разящих огней?

Ну-ка смотри, моё дерзкое сердце, тебя готов уж

За злословье твое гнев Немесиды настичь»

(№ 1413). (Мелеагр № 96 (АП XII 141),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.249])

«Если беда, Клеобул, приключится со мною (почти весь

В отроков ввергнут огонь, в пепле повержен лежу),

Я умоляю, наполни вином до того, как зароешь

Урну мою, надписав: «Дарит Аиду Эрот».

(№ 1414). (Мелеагр № 97 (АП XII 74),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.249])

«Бел, как цветок, Клеобул и меду подобен Сополис,

Оба – Киприды цветы, оба достойны её.

Сердце пылает мое. Ведь, как утверждают, Эроты,

Светлое с темным смешав, выплели имя моё»

(№ 1415). (Мелеагр № 98 (АП XII 165),
пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.250])

«Пойман теперь я, не раз смеявшийся прежде над теми,
Кто среди буйных пиров к отрокам страстью болел.
Вот, Мииск, и меня Эрот перед дверью твоею
Здесь поместил, надписав: «Благоразумья трофей»

(№ 1416). (Мелеагр № 99 (АП XII 23),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.250])

«Тир, я Эротом клянусь, питает красавцев; Мииск же
Всех их затмил, воссияв, словно как солнце меж звезд»

(№ 1417). (Мелеагр № 100 (АП XII 59),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.250])

«Если Зевсом был тот, кто себе Ганимеда похитил,
Чтоб виночерпием он нектар ему подавал,
То мне красавца Мииска скрыть следует в сердце глубоко,
Чтоб орёл не настиг, крыльями скрыв от меня»

(№ 1418). (Мелеагр № 101 (АП XII 65),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.250])

«Я и на Зевса восстану, коль он пожелает похитить
Ныне тебя, мой Мииск, нектар ему подносить.
Часто, однако, сам Зевс говорил мне: «Чего ты боишься?
Ревности нет ведь во мне: сам я готов сострадать».

Так говорит и сейчас; но коль близко и муха летает,

Я трепещу, чтобы Зевс в этом меня не надул»

(№ 1419). (Мелеагр № 102 (АП XII 70),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.251])

«Был я еще не настигнут страстями, как стрелы очами

Выпустил в грудь мне Мииск, слово такое сказав:

«Вот, я поймал наглеца и гордо его попираю.

Хоть у него на лице царственной мудрости знак».

Я же ему чуть дыша отвечал: «Не диво! И Зевса

Также с Олимпа Эрот вниз совлекал, и не раз»

(№ 1420). (Мелеагр № 103 (АП XII 101),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.251])

«Знаю всего я одну красоту. Глаз мой – лакомка хочет

Лишь на Мииска смотреть; слеп я во всем остальном.

Всё для меня он являет собой. Но очи ужели,

Вечные эти лъстецы, лишь угождают душе?»

(№ 1421). (Мелеагр № 104 (АП XII 106),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.251])

«Дивная прелесть сверкнула; он пламя очами швыряет.

Или Эрот подарил мальчику громы в борьбе?

Здравствуй, Мииск! Страстей огонь ты людям приносишь –

Мне же сверкай на земле благостным только огнём»

(№ 1422). (Мелеагр № 105 (АП XII 110),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.251])

«Душ похититель, что плачешь? Что страшные луки и стрелы

Выбросил ты, опустив лопасти крыльев двойных?

Разве тебя уж Мииск жжет взором неодолимым?

Как тебе трудно познать то, что творил ты другим!»

(№ 1423). (Мелеагр № 106 (АП XII 144),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.252])

«Мальчик прелестный, своим ты мне именем сладостен тоже,

Очарователь – Мииск; как же тебя не любить?!

Ты и красив, я Кипридой клянусь, красив совершенно.

Если ж суров, - то Эрот горечь мешает и мёд»

(№ 1424). (Мелеагр № 107 (АП XII 154),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.252])

«О Мииск! В тебе пристань обрёл корабль моей жизни.

И последний души вздох посвящаю тебе.

Юноша милый, поверь мне, клянуся твоими очами, -

Светлые очи твои даже глухим говорят:

Если ты взгляд отуманенный бросишь, - зима предо мною,

Весело взглянешь – кругом сладкая блещет весна!»

(№ 1425). (Мелеагр № 108 (АП XII 159),

пер. В.Печерина [Эпиграмма 1993, с.252])

«Ветер и стужа. Меня же к тебе устремляет, Мииск мой,

Взятого бурей пиров, сладостно-горький Эрот.

Ветер свирепый бушует вокруг, ветер страсти. Прими же

В гавань меня, моряка, в море Киприды пловца!»

(№ 1426). (Мелеагр № 109 (АП XII 167),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.252])

№ 110-111 см. выше (в разделе о Праксителе)

«Нет, не люблю Харидема; красавец ведь смотрит на Зевса,

Словно готовится он нектар ему поднести.

Нет, не люблю. И зачем царю небожителей в страсти

Мне соперником быть, если победой – любовь.

Пусть возьмет на Олимп мои слезы мальчик с собою,

Ноги омоет слезой, вспомнит тогда обо мне!

Мне и довольно. Притом хорошо бы и взгляд его нежный

Мне уловить, с его губ беглый сорвать поцелуй!

Пусть остальное Зевс довершит, но если захочет,

Может, перепадут крохи амвросии мне!»

(№ 1427). (Мелеагр № 112 (АП XII 68),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.254])

«Чистое пей ты, страдалец в любви, и к отрокам пламя

Бромий, забвенья даря, пусть успокоит в тебе;

Чистое пей! Осушив до краев наполненный кубок,

Горечь страдания прочь ты из души изгони»

(№ 1428). (Мелеагр № 113 (АП XII 49),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.254])

«Люди, придите на помощь! Меня, кто впервые недавно
Морем проплыл и едва только на землю ступил,
Тащит насильно Эрот и, словно пламя являя,
Ввергнув в огонь, мне велит отрока видеть красу.
Вслед за ним я бреду и в воздухе сладостный образ
Вообразивши, ловлю для поцелуев моих.
Значит, избегнув жестокого моря, я ныне на суше
В бурю Киприды попал, что полютее морской»

(№ 1429). (Мелеагр № 114 (АП XII 84),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.254])

«О винопийцы, примите того, кто, спасенный в пучине,
Кто от пиратов уйдя, гибнет теперь на земле.
Ведь лишь недавно, едва с корабля ступил я на сушу,
Тут же, схвативши, Эрот тащит насильно меня:
Отрока я увидал, когда он шел прогуляться,
Ноги, меня не спросясь, сами к нему понесли!
В сборище буйном иду, не вином, но огнем переполнен.
Другу сейчас хоть чуть-чуть вы помогите, друзья!
О, на помощь, друзья! Дружелюбца ради Эрота,
В круг ваш примите меня: гибну, о страсти моля»

(№ 1430). (Мелеагр № 115 (АП XII 85),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.254])

«Отроков псы, предатели душ, вы вечно сочитесь

Клеем Киприды и вновь пристальным взором любовь

Ищете новую вы, словно волк ягненка, и как скорпиона –

Ворон; о, вы, словно пепел, вспыхнувший вдруг от огня,

Все в вашей воле теперь! Зачем же вы льете потоки

Слез и столь быстро зачем вслед за Гикетом лететь?

От красоты ваш огонь! Загорелись – теперь потомитесь!

Ибо для нашей души повар отличный – Эрот»

(№ 1431). (Мелеагр № 116 (АП XII 92),

пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.255])

«Сам даже Эрос крылатый, плененный твоими глазами,

В горнем пареньи попал, Тимарион, всё ж в силки»

(№ 1432). (Мелеагр (АП XII 113),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.74])

«Сладкий увидел я сон: восемнадцатилетний, в хламиде,

Юноша ночью ко мне Эросом был приведен,

Нежного мальчика груди ласкал я, покоясь на ложе,

И невзошедший цветок словно срывал на лугу.

Страсть и теперь еще память мою воспаляет, в глазах же

Сон тот стоит. И когда призрак никчемный уйдёт?

О полюбившее сердце, забудь о страданиях: зачем же

Будут напрасно сжигать грёзы пустые его?»

(№ 1433). (Мелеагр (АП XII 125),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.75])

«Ранний певец, трижды проклятый вестник несчастий, ты машешь

Ночью крылами и шум распространяешь вокруг.

Каркаешь, наглый, над ложем моим: бесполезно мол ночью

Ласок мне мальчика ждать. Муки мои – тебе смех.

Это ли плата за то, что кормлю тебя? Карканье как бы

Не оказалось сейчас пенем последним твоим!»

(№ 1434). (Мелеагр (АП XII 137),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.75])

«Судовладелец – Киприда, при ней рукоятку кормила,

Правя душою моей, держит надёжно Эрот.

Ветер свирепый бушует кругом, ветер страсти. Вот так-то

Ныне барахтаюсь я в море столь многих юнцов»

(№ 1435). (Мелеагр № 119 (АП XII 157),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.255])

«С козами жить не хочу я, Пан козлоногий, не стану

Я среди горных вершин больше селиться теперь.

Что мне за радость в горах! Что за счастье! Ведь Дафнис скончался,

Дафнис, кто в сердце моём пламя когда-то зажёл.

Здесь буду в городе жить, пусть спешит другой на охоту.

Ведь, что нравилось мне, то не по сердцу теперь»

(№ 1436). (Мелеагр № 126 (АП VII 535),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.258])

«Я завиток, концовка, предела книжного вестник,
Страж вернейший строкам свитка начертанных букв,
Я говорю, что сей труд составлен из всех песнопевцев;
Свернуто вместе в одной все это книге теперь;
Кончил ее Мелеагр. На вечную память Диоклу
Сплел из цветов он венок, Музам его подарив.
Я ж ведь изогнут в извивах, и кольцам змеиным подобен;
С мудростью рядом теперь место отныне моё»

(№ 1437). (Мелеагр № 129 (АП XII 257),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.259])

«Крылья когда б у тебя за спиною быстрые были,
Скифские стрелы еще, бьющие издалека,
Я убежал бы, Эрот, от тебя и под землю. Бесцельно!
Ведь всемогущий Аид не убежал от тебя»

(№ 1438). (Мелеагр № 131 (АП XVI 213),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.259];
пер. Е.В.Свиясова см. [Эпиграмма 1997, с.76])

Кринагор

«От названий своих острова отрекались иные,
Славы не знавшие, взяв общее имя с людьми;
Пусть назовут Эротидами вас. Нисколько не стыдно
Вам, Оксейям, иметь имя такое теперь.
Мальчику ведь, кто сокрыт был Диом в этой могиле,
Имя свое и красу бог сам Эрот подарил.

Ты, гробовая земля, и море вблизи побережья,

Легкой ребенку пребудь, ты же спокойным всегда!»

(№ 1439). (Кринагор № 17 (АП VII 628),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.274])

«Стенай и плачь, сжимая жилы рук своих,

О кознодей! Такое поделом тебе.

Никто спасти не сможет! Не гляди, косясь.

Ведь сам ты слезы выжал у других из глаз,

Вонзая в грудь им копьё горечи сплошной,

Ты влил страстей отраву, - не спасись от ней.

Эрот, ведь муки смертных для тебя смешны.

Ты претерпел, что сделал. Справедливость есть!»

(№ 1440). (Кринагор № 50 (АП XVI 199),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.284])

Артемон

«У косяка у дверного Евдема, смотрящего скрытно,

Поцеловал я тайком, полного юной красы,

Весь трепеща. Ведь во сне мне являлся он, лук натянувши

Против меня, и принес в жертву еще петухов,

То дружелюбно смеясь, то враждебно. Увы, мне! В пчелиный

Рой попал я рукой, словно в крапиву, в огонь»

(№ 1441). (Артемон № 1 (АП XII 124),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.288])

«Ты, Летоид, - владыка Делоса, омытого морем,
Зевса великого сын, голос пророчеств его!
Но Афин властелин Эхедем – Феб Аттики новый;
Дал ему чудо красы прекраснокудрый Эрот.
Прежде Афины родные землю и морем владели,
Ныне своей красотой он всю Элладу пленил»

(№ 1442). (Артемон № 2 (АП XII 55),
пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.288])

Архий Митиленский

«Маленький Эрос, терзай, согласен, пускай в меня стрелы,
Все без остатка истрать, чтоб опустел твой колчан!
Пусть окажусь я один под ударами – если захочешь
Жертвы другие найти, стрел не достанется им.
Не удивляйся сему: Мэонид ведь, царь гимнов и песен,
Смерть свою тоже нашел, в сеть к рыболовам попав»

(№ 1443). (Архий (АП V 58), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.31])

«Надо бежать от Эрота? Пустое! За мною на крыльях
Он по пятам, и пешком мне от него не уйти».

(№ 1444). (Архий (АП V 59), пер. Ю.Ф.Шульца [Лирика 1968, с.283])

Главк

«Некогда было, юнцов привлекали любимых подарки:
Перепел, тряпочный мяч, кости азартной игры;
Ныне же – платья и деньги. Игрушки же эти не нужны.

Отроколюбцы, пора что-то другое искать!»

(№ 1445). (Главк № 1 (АП XII 44),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.293])

«- Нимфы, скажите мне правду: не здесь ли сейчас мимоходом

Юный Дафнис отдыхал с белой отарой козлят?

- Да, Пан-свирельник, здесь, точно, сидел он под тополем черным

И на коре для тебя вырезал несколько слов:

«Пан, свой путь на Малею держи, на Псофидскую гору, -

Там ты найдешь меня, Пан». – Нимфы, прощайте, иду!»

(№ 1446). (Главк № 3 (АП IX 341),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1993, с.294])

Феодор

«Шляпу из шерсти ягненка, что чесана славно и сбита,

Шляпу с полями, Гермес, здесь Каллитель посвятил,

Шпильку двуострую, банный скребок и расслабленный также

Лук, и одежду в поту, да и потертую всю,

Стрелы и мячик, кидаемый вечно. Прими же всё это,

Отроков друг, - это дар юности скромной тебе»

(№ 1447). (Феодор № 1 (АП VI 282),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.301])

Неизвестные эпиграмматисты (из «Венка» Мелеагра).

«Не полюблю никого. Три любви меня одолели –

К деве, мальчишке, еще страстью к гетере горю.

Мучаюсь всеми. Гетера не примет меня. Ведь враждебны

Двери гетеры для тех, кто не имеет платить!

Ночью, бессонный, томлюсь у порога девы невинной,

Смея только одно – робко ее целовать!

Что же сказать мне о третьей любви? От мальчишки всего лишь

Взоры и тщетность надежд вновь я и вновь узнаю!»

(№ 1448). (№ 1 (АП XII 90), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.304])

«Три метнула в меня стрелы богиня Киприда,

Сразу три острия душу пронзили одну!

Весь я пылаю, огнем охваченный, и, сомневаясь,

Мучаясь, я пропаду в бурном огне до конца!»

(№ 1449). (№ 2 (АП XII 89), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.304])

«Жаром и снегом круши, поражай меня стрелами молний,

В пропасть низвергни меня или в пучину морей!

Ведь изнемогшего в горе, сраженного силой Эроса,

Даже и Зевса огонь не в состоянье сразить»

(№ 1450). (№ 3 (АП V 168), пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1993, с.304])

«Эта любовь для меня одного! А если, Киприда,

Слюбисься с кем-то, то я возненавижу любовь»

(№ 1451). (№ 4 (АП XII 104), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.305])

«Дай мне укрыться, Киприда, в гавани гостеприимной,

Сжался, молю, надо мной – ради хоть собственных мук!

Или ты жаждешь, чтоб я в страданиях, столь нестерпимых,

Молвил: «Видно, за Муз ранит Киприда меня?»

(№ 1452). (№ 5 (АП XII 100), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.305])

«Я до безумья упился: я пьян до безумья речами!

Глупость вместо меча взял я в дорогу с собой!

Вот и спою! А кто меня молнией здесь поразил бы?

Пусть поразит, ведь любовь неуязвима моя!»

(№ 1453). (№ 6 (АП XII 115), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.305])

«Не говори мне о том!» - «Почему? Самолично послал он».

«Точно так говоришь?» - «Точно сказал он: «Иди!»

Ну же, иди, да не трусь! Тебя ждут». – «Разузнать я хотел бы

Прежде, а после идти – знаю, что будет потом!»

(№ 1454). (№ 7 (АП XII 155), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.305])

«Труд оставьте пустой, мужелюбцы! Злосчастные, мукам

Обречены вы, надежд тщетных безумья полны!

Сушу морскою водою полить да в ливийской пустыне

Все песчинки в песке счесть до конца по одной –

Вот что значит юнцов почитать тщеславных, смазливых,

Милых земным мужам, милых бессмертным богам!

Все смотрите скорей! Мои муки были напрасны –

Так утекли, как волна моря в песок утекла»

(№ 1455). (№ 8 (АП XII 145), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.306])

«О, уязвлен я Эротом, а прежде не знал я закона

Страсти любовной, и вот сердце пылает огнём!

О, уязвлен я – к дурному не влекся, но этот невинный

Радостноласковый взор в пепел меня обратил!

И да сгорит весь мой труд мусикийский и благоразумье

В сладостногорьком огне страсти и муки моей»

(№ 1456). (№ 9 (АП XII 99), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.306])

«Птицы, не щебечите, не мучьте меня понапрасну,

Милый мальчик уснул утром в постели моей!

Вы ведь, болтушки, в ветвях притаились – молю, замолчите,

Сплетниц племя! Скорей дайте и мне отдохнуть!»

(№ 1457). (№ 10 (АП XII 136), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.306])

«Страсть угасла моя к Антипатру, да новое пламя

Он поцелует своим в пепле холодном раздул.

Дважды горел я одним огнем. О безумцы, бегите

Прочь от меня, я сожгу всех, кто был рядом со мной!»

(№ 1458). (№ 11 (АП XII 79), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.307])

«Плащ не снимай с меня, любуйся как изваяньем,

Руки и ноги мои – камень, а дерево – плоть.

Хочешь найти в Антифиле очарованье и прелесть;

Роза прекрасна – увы, спрятаны в листьях шипы!»

(№ 1459). (№ 12 (АП XII 40), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.307])

«Если кого ты и видел прекраснее всех в целом мире,

О, чужеземец, узнай: это ведь Аполлодот!

Если, увидев его, ты тут же страстной любовью

Не возгоришься, то ты бог или камень тогда!»

(№ 1460). (№ 13 (АП XII 151), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.307])

«Юноша некий, Гермес, поразил меня в сердце стрелою!»

- «О чужеземец! И я мучаюсь так же, как ты!»

«К Аполлодоту влекусь!» - «Желал я о том, состязатель,

Молвить, ибо одно пламя сжигает двоих!»

(№ 1461). (№ 14 (АП XII 143), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.307])

«Радуйтесь, юноши! Ибо пурпурною нитью Киприды

Крепко Аркесилай бога Эроса связал!»

(№ 1462). (№ 15 (АП XII 112), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.307])

«Как только я увидал Архестрата-красавца, сказал я:

«Зря говорят, что красив мальчик, Гермесом клянусь!»

Тут покарала меня Немесида и ввергла в ужасный

Пламень, и мальчик, как Зевс, молнию взором метнул!

Юношу мне умолять иль богиню? Ведь этот красавец

Кажется мне посильней... Что ж, Немесида, прощай!»

(№ 1463). (№ 16 (АП XII 140), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.308])

«Будь, Арибаз, осторожней, способен расплавить ты целый

Книд – и камни твоим пламенем, рушась, горят!»

(№ 1464). (№ 17 (АП XII 61), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.308])

«Отроков много прекрасных персидские жены рождали,

Но Арибаз для меня самый прекрасный из всех!»

(№ 1465). (№ 18 (АП XII 62), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.308])

«Мучат меня и терзают подобные смерчу Эроты,

Ныне я стражду, Евмах, скован безумьем двойным:

Манит сложенье меня, благородство осанки Асандра,

Только Телефа сильней взор привлекает меня!

О, разрубите меня поскорей пополам и раздайте

По справедливости им, так это сладостно мне!»

(№ 1466). (№ 19 (АП XII 88), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.308])

«Бог ужасный, Эрот, никогда ты меня не направишь

К женщине – страстью к одним юношам пылко горю!

То я Демоном пылаю, то должен завтра Исмена

Видеть – так вот всегда делятся мученья мои!

Если б я только двоих и видел! Как будто из сети

Страстно рвется ко всем зренье безумное вновь!»

(№ 1467). (№ 20 (АП XII 87), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.309])

«Радуйся, Зевс, Ганимеду, на моего же Дександра

Издали, Отче, смотри – я не ревную, поверь!

Ты же его похищаешь силой, неправо ты правишь,

Зевс: ведь вся моя жизнь быстро угаснет тогда!»

(№ 1468). (Аноним (АП XII 69), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1999, с.475])

Или Аноним № 21 (АП XII 156). [Эпиграмма 1993, с.309]

«Ветрам весенним во всём, Диодор, совершенно подобна

Страсть моя, ибо во мгле темного моря летит.

То ты покажешься мне ненастным, а то вдруг светлеешь

Милой улыбкою уст, взглядом лучишься своим.

Словно крушенье терплю – несет меня бурное море!

Словно я сбился с пути – бьет меня водоворот!»

(№ 1469). (№ 22 (АП V 142), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.309])

«Тот ли венок из роз Дионисия красит, то ль сам он

Красит венок из роз? Да, проиграл ты, венок!»

(№ 1470). (№ 23 (АП XII 107), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.309])

«Если, Хариты, меня изберет Дионисий прекрасный –

Дайте ему красоту ранней цветущей весны!

Если другого полюбит вместо меня – то увядший

Мирт, что свеж был вчера, в мусор бросайте скорей!»

(№ 1471). (№ 24 (АП XII 67), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.310])

«Я Дионисия боле не вижу прекрасного; разве,

Отчий Зевс, у тебя он разливает вино?

Дерзким крылом помавая, орёл, куда же уносишь

Ты красавца, и ран не нанесешь ли ему?»

(№ 1472). (№ 25 (АП XII 66), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.310])

«Дайте, Эроты, мне знать, кого он достоин! – бессмертных

Только? О, я не боюсь Зевса в таком вот бою!

Если ж для смертных юнец, то скажите теперь мне, Эроты,

Кто Дорофеем владел, кто Дорофея возьмет?

Ясно мне говорится, что будет моим он, но вскоре

Он уйдёт... Никому не удержать красоты!»

(№ 1473). (№ 26 (АП XII 130), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.310])

«Я говорил много раз: «Прекрасен, прекрасен!» - и снова

Это скажу: «Досифей взором прекрасен своим!»

Я не пишу о любви ни на стенах, ни на деревьях,

В сердце властвует страсть – это я только пишу.

Если кто скажет, что он некрасив, - клянусь, о Эрот мой,

Лжет он тебе, только я правду один говорю!»

(№ 1474). (№ 27 (АП XII 111), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.310])

«Ты быстрокрыл, о Эрот! А ты быстриног! Красотою

Оба равны. Только стрел, Евбий, ведь нет у тебя!»

(№ 1475). (№ 28 (АП XII 152), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.311])

«Тянет меня Гераклит магнесиец не медным доспехом –

Твердостью и красотой манит меня он к себе!»

(№ 1476). (№ 29 (АП XII 123), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.311])

«Стал победителем в бое кулачном отпрыск Антикла

Менехарм, и ему десять повязок я дал,
После поцеловал, окровавленного в состязанье, -
Сладостней тот поцелуй мёда и смирны мне был!»
(№ 1477). (№ 30 (АП XII 160), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.311])

«Муку и горечь одну в несчастном и горестном сердце
Знаю, и страшную власть неодолимых оков!
Не укротить мне, Никандр, Эрота в неистовой страсти, -
Только всё чаще меня жалит желание в грудь!
О Адрастея! Его накажи! О ты, Немесида,
Ты неприступнее всех – кару придумай ему»
(№ 1478). (№ 31 (АП XII 39), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.311])

«Наш подурнел Никандр, увяла недолгая прелесть
Тела, от красоты – только названье одно!
Раньше мы знали его средь бессмертных, а ныне смотрите
Все как наказана спесь: щеткой густою волос!»
(№ 1479). (№ 32 (АП XII 96), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.311])

«Смертные вовсе не зря повторяют одну поговорку:
«Боги не всем дают то, что им нужно бы дать!»
Безукоризнен твой лик, и в глазах твоих скрыта невинность
Славная, и красотой грудь неустанной цветет –
Всех превосходишь ты юношей этим, да только вот ноги
Так не красивы, как всё прочее, милый, в тебе!
Пусть сандалии скроют ступни твои, Пирр мой прекрасный,

Модным фасоном, и ног формой понравиться всем!»

(№ 1480). (№ 33 (АП XII 116), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.312])

«Пьяный пойду и спою очень громко... Прими же, мой милый,

Этот веночек, ведь он весь страсти слезою омыт!

Долог мой путь пребудет, ведь час уже поздний – спустился

Мрак... А мне Фемисон светит, как светоч в ночи!»

(№ 1481). (№ 34 (АП V 200), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.312])

«Некогда я на камнях, омываемых влагой, лежала,

Лакомясь на глубине пышной травой морской.

Ныне сладостный вестник Киприды благовенчанной

Спит у меня на груди – нежный малютка Эрот!»

(№ 1482). (№ 55 (АП XVI 6), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1993, с.317])

«Образ орла принял Зевс, представ пред красой Ганимеда,

Мать же Елены увлѣк, в лебедя, он, превратясь.

Но совместимы ль утехы? Другим – и другое послаще.

Одновременно люблю то и другое и я!»

(№ 1483). (Аноним (АП V 65), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.125])

«Тех, кто полюбит меня, полюблю, и возненавижу

Тех, кто меня оттолкнет: опытен в том и другом!»

(№ 1484). (Аноним (АП XII 103), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1999, с.483])

«Что сказал бы, полюбив, Эрот

Пламенем кто загасил мое пламя, лампадой – лампаду?

Кто натянул тетиву и моей тетиве угрожает?

Новый с Эротом Эрот всей силой моею сравнялся».

(№ 1485). (Аноним (АП IX 449), пер. В.Н.Ярхо [ВДИ. 2001. № 2. С.34])

Вариации.

Из стихотворений Константиноса Кавафиса

«Один из их богов

Когда один из них появлялся под вечер
на рыночной площади Селевкии
под видом статного, безупречно красивого юноши,
с блеском счастливого бессмертия во взгляде,
расточая ароматы иссиня-черных волос,
прохожие замирали в удивлении
и спрашивали друг друга, кто он,
сирийский грек или чужестранец.

И лишь немногие, приглядевшись, понимали
и уступали дорогу.

А он исчезал за колоннадой,
в предвечерней тени, невидимый за желтыми огнями,
углубляясь в кварталы, что живут только ночью
среди хмельного разгула, распутства и оргий,
а прохожие все смотрели, недоумевая,
кто из Них явился им сегодня
и ради каких запретных наслаждений
спустился он на улицы Селевкии

из Высочайших Благословенных чертогов»

(пер. Р.Дубровкина [Кавафис 2000, с.86])

«Могила Лания

Ланий, которого, Марк, ты любил, вовсе не здесь,
в могиле, к которой ты ходишь и часами льешь слезы.
Ланий, которого ты любил, - дома, рядом с тобой,
когда, запершись, ты глаз неводишь с его портрета,
он все сохранил, что стоило сохранить,
он все сохранил, что было любимо тобой.

Помнишь ли, Марк, как ты пришел из дворца, от наместника,
с живописцем, прославленным киренейцем, и тот,
увидев твоего друга, тотчас задумал
уловку искусную и старался вас убедить,
что на картине твой друг должен предстать Гиацинтом
(эдак картина имела бы больше шансов прославиться).

Однако твой Ланий свою красоту в наем не сдавал
и, наотрез отказавшись, потребовал изобразить на картине
не Гиацинта и не кого бы то ни было,
а Лания, рожденного Раметихом, александрийца»

(Пер. С.Ильинской [Кавафис 2000, с.87])

«Иудей (50 год)

Художник и поэт, бегун и дискобол,

красивый, как Эндимион, Ианфий, сын Антония,
был из семьи, где чтили синагогу.

Он часто говорил: «Благословенно время,
когда оставив поиски прекрасного
и вместе с ними строгий эллинизм
с его неудержимым поклонением
молочно-белым рукотворным формам,
я становлюсь таким, каким всегда
мечтал остаться – сыном иудеев,
святых и мудрых иудеев верным сыном».

Звучала страстно речь его: «Навек
остаться верным сыном иудеев».

Но это были только лишь слова –
Искусству и Неодолимой Неге
он поклонялся, сын Александрии»

(пер. Е.Смагиной [Кавафис 2000, с.108])

(№ 1486). «И добравшись до Дикеархии, которую италийцы зовут Путеолы, я, подружившись с Алитиром (это был мимический актер, родом иудей, который чрезвычайно нравился Нерону), а через него познакомившись с женой Цезаря Поппеей, упросил ее и устроил так, чтобы священники были как можно скорее освобождены». (Иосиф Флавий. Жизнь 16, пер. Д.Е.Афиногенова [Иосиф 2006- (2006. № 4), с.222])

«Театр в Сидоне (400 год)

Я сын отца почтенного, а главное – артист,

театра украшенье и публики любимец.
Порой я сочиняю по-гречески стихи,
стихи безумно смелые. Распространяю их,
конечно же, тайком; молю богов о том,
чтоб в руки не попали к блюстителям морали
стихи, где воспевается изысканность и нега
запретной, извращенной, отверженной любви»

(пер. Е.Смагиной [Кавафис 2000, с.134])

«По тавернам

По тавернам бейрутским, по борделям шатаюсь,
боль глуша, - докатился. Я бежал без оглядки
прочь из Александрии. Я не ждал от Тамида,
что меня променяет он на сына епарха
ради виллы на Ниле и дворца городского.
Я бежал без оглядки прочь из Александрии.
По тавернам бейрутским, по борделям шатаюсь,
боль глуша, - докатился. В этой жизни беспутной
мне одно помогает, как соприкосновенье
с красотой долговечной, как держащийся запах
на губах и на теле, - то, что целых два года
мой Тамид несравненный, мальчик мой, был со мною —
и не ради чертогов или виллы на Ниле»

(пер. Е.Солоновича [Кавафис 2000, с.149])

«Софист, покидающий Сирию

Ты покидаешь Сирию, ученейший софист,
и сочинить задумал описание Антиохии;
так не забудь упомянуть в том сочиненье Мевия.
Достоен славы Мевий – красивейший, бесспорно,
известнейший и самый любимый в Антиохии.
Ни одному из юношей подобного же рода
так дорого не платят. Короткие два-три
дня, проведенных с Мевием, обходятся нередко
чуть ли не в сотню золотых. – Да что там Антиохия –
в самой Александрии и, верно, даже в Риме
найдется вряд ли юноша пленительней, чем Мевий»

(пер. Е.Смагиной [Кавафис 2000, с.151])

«Кимон, сын Леарха, 22-х лет,
изучающий греческую словесность (в Кирене)

И жизнь моя, и кончина равно счастливыми были.

Рядом был Гермотел, мой неразлучный друг.

В последние дни моей жизни пытался он скрыть тревогу,

но часто я видел его с заплаканными глазами.

Когда ему казалось, что я ненадолго заснул,

в отчаянии безумном припадал он к одру болезни.

Были мы с ним ровесниками, было нам двадцать три.

Судьба так вероломна. Быть может, когда-нибудь

меня Гермотел покинул бы во имя страсти другой.

Конец мой был счастливым – в неомраченной любви».

Эту надпись с надгробья Марила, Аристодемова сына,
умершего в Александрии месяц тому назад,
со скорбью читал я – Кимон, его двоюродный брат.
Надпись прислал мне автор, мой знакомый поэт,
потому что знал: я сродни Марилу. Только лишь потому.
Душа моя полна печали о Мариле.
Вместе мы с ним росли, были мы с ним как братья.
Печаль моя глубока. Безвременная смерть
навсегда погасила злопамятную ревность...
Утихла моя к Марилу злопамятная ревность,
хотя он когда-то увел любовь мою – Гермотела;
хотя и теперь, когда Гермотел хочет ко мне вернуться,
к прошлому нет возврата. Я слишком близко к сердцу
все принимаю. Вечно незримая тень Марила
будет стоять между нами; и вечно мне будет мниться,
будто она говорит: «Ну вот, теперь ты доволен.
Ну вот, ты его вернул – по-твоему вышло, Кимон.
Ну вот, теперь тебе незачем меня бранить и порочить»

(пер. Е.Смагиной [Кавафис 2000, с.164])

«Ксанф, сын Лагорина, прощай.
Я, стела, скрываю Ксанфа, прохожий,
некогда почтительного к отцу, всеобщую гордость юных в отечестве,
искусного в Музах, безукоризненного для всех граждан,
безупречного среди неженатых, звезду красоты,
которого убил завистливый Арес, сражавшегося за отечество,

оставившего [в качестве] почетного дара родителям

погребальные плачи [вместо] этих [достоинств].

Если же Плутон имеет больше наслаждения, чем родители,

то зачем в родовых муках страдаете вы, нежные?»

(№ 1487). (Надпись из Херсонеса Таврического.

Мраморная плита с высеченным изображением двух роз.

Кон. I в. н.э. IOSPE. I.2. 482 [Антология 2000, с.481-82])

4. Римский период

4.1. Раннеримский период (30 до н.э.-68 н.э.)

Парфений

Другие цитаты см. выше

Парфений XXIX. О Дафнисе (по Тимею)

Дионисий Галикарнасский

(№ 1488). «В качестве примера простого и возвышенного стиля я сошлюсь на книгу, которая решительно всем известна, в ней Сократ произносит речь о любви, обращенную к его приятелю Федру, по имени которого и назван диалог...

В этом отрывке мои упреки относятся не к области содержания, а к области стиля, которому свойственна образность и дифирамбичность без всякой меры. Я сужу о Платоне не как о каком-то заурядном человеке, а как о великом муже, который возвысился до природы божественного, и я осуждаю его за то, что он внес в философские сочинения выпренность поэтических украшательств в подражание Горгию, так что философские труды стали напоминать дифирамбы, и притом Платон не скрывает этот недостаток, а признает его» (Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею (763-764), пер. О.В.Смыки [Риторика 1978, с.226])

Пиндар Нем. VII 52

Разное

(№ 1489). «Угнетающее свойство – коим душа принижается и приводится в состояние ослабления. Такое свойство мелодии будет соответствовать эротическим ощущениям,

песням плача и жалобы и тому подобным». (Псевдо-Эвклид. Гармоническое введение, стр.21, пер. Г.А.Иванова [Музыкальная эстетика 1960, с.235])

Деметрий (?)

(№ 1490). «Создавать новые имена нужно или для вещей, еще не названных, так, [некий автор] называет тимпаны и другие музыкальные инструменты женоподобных «орудием кинедии» [п.101]...» (Деметрий. О стиле 97, пер. Н.А.Старостиной и О.В.Смыки [Риторика 1978, с.254])

Псевдо-Кебет

(№ 1491). «Много лет назад приехал сюда иностранец, человек рассудительный, ума недюжинного, и словом, и делом обличавший в себе ярого последователя Пифагора и Парменида ...

- Смолоду я даже долго был его поклонником, - немало серьезных бесед вели мы с ним. Не раз слышал я от него и объяснение этой картины». (Псевдо-Кебет. Картина [Кебет 1888, с.7])

Корнут

(№ 1492). «Нет ничего несуразного в том, что если Афродита такова, то вместе с ней почитается и соприсутствует Эрот, причем большинство сообщает, что он – сын Афродиты, будучи: мальчиком, ввиду того, что любящие [с.691] обладают несовершенной и легко впадающей в обман мыслью; крылатым, с другой стороны, потому, что он делает людей легкомысленными, или потому, что он влетает в ум сразу, как птица; стрелком же потому, что те, кто взят им в плен, страдают от него, как от удара, и только от одного его вида, без приближения к красивым предметам и без прикосновения к ним, но путем созерцания их издали. Ему дается и светильник, потому что он, как всем известно, воспламеняет души. Достоверно, что Эротом он называется от разыскивания влюбленных [eromenon], потому что «искательству» [zetein] соответствует erein [разыскивать], как сказано [Од. XXI 22]. Отсюда же, думаю, получило свое название и eregna [разыскивание]. Кроме того, сообщают, что Эротов много – ввиду хитроумности влюбленных и ввиду того, что Афродита является начальником хора для множества подобных спутников. Еще называют Гимера, получившего имя или от стремления [hiesthai] и склонности вкушать зрелые плоды, или по сходству с потерей ума в минуты поглупения [memorosthai], Потоса же – имея в виду поцелуи ... Некоторые же полагают, что и весь мир есть Эрот, будучи прекрасным, прелестным, юным и вместе самым старым из всего, пользующимся множеством огня и совершающим быстрое движение, как будто в силу стрельбы из лука или благодаря крыльям». (Корнут 25 [Лосев 2005, с.690-691])

Николай Дамасский

Николай Дамасский, фр.37 (об Амиклах) Фр.53, пар.11 (Ардис и Даскил).

Фр. 68 (Периандр и керкирцы: см. Геродот).

(№ 1493). «Магнет был родом из Смирны, красивее всех с виду, искусный в поэзии и музыке. Красоту своего тела он подчеркивал великолепными украшениями; он одевался в пурпур и отпускал волосы, делая при помощи золотой повязки высокую прическу. Он ходил по городам, показывая свое поэтическое искусство. В него влюблены были многие, а особенно пылко Гигес, у которого с ним была любовная связь. Где бы ни был Магнет, он сводил с ума всех женщин, особенно магнетских, и делал их своими любовницами. Их родные тяжело переносили позор; воспользовавшись тем, что Магнет в своих песнях воспел храбрость лидийцев в конном сражении с амазонками, а о них, магнетах, совсем не упомянул, они напали на него, разорвали одежду, остригли волосы и нанесли всяческие увечья. Сильно вознегодовав на это, Гигес стал часто нападать на землю магнетов и в конце концов взял город. Возвратясь в Сарды, он устроил пышное всенародное празднество» (Николай Дамасский. История, фр.71 (Ехс. De virt., I, p. 343, 6), пер. А.Ч.Козаржевского [Николай 1960 (№ 3), с.268])

(№ 1494). «Николай Дамасский, философ-перипатетик, в сто десятой книге своих «Историй» упоминает, что и у римлян на пирах устраивались гладиаторские бои: «Зрелищем гладиаторских боев римляне наслаждались не только в театре, но и, как этруски, на своих пирах. ... У одного даже в завещании было написано, что он устраивал поединки между самыми красивыми из принадлежавших ему женщин, у другого – то же самое о мальчиках, его любимцах. Впрочем, народ не вынес такого беззакония и завещание было признано недействительным» (Афиней IV 153f-154a [Афиней 2003-, т.1, с.202-203])

Страбон

Большая часть цитат разбита по рубрикам.

(№ 1495). «На острове [Левкада] находится святилище Аполлона и то место – «Прыжок», которое, согласно поверью, подавляет любовные вожеления. ...

Итак, хотя, по словам Менандра, Сапфо первой прыгнула со скалы, но писатели, более него сведущие в древности, утверждают, что первым был Кефал, влюбленный в Птерела, сына Деионея» (Страбон X 2, 9 (стр.452) [Страбон 1994, с.428-429]) О Кефале: [Там же, с.438]

Псевдо-Лонгин

О возвышенном 12, 3; 13, 1.3.4; (о Платоне)

(№ 1496). «(12, 3) С чрезвычайной щедростью, подобно морской пучине, разливается Платон во все стороны с неизменно нарастающим величием. Это происходит потому, что Демосфену, как более патетическому писателю, свойствен сильный и яркий огонь, а Платон же, спокойный в своей важности и величественной гордости, не холоден, но и не воспламеняется, подобно Демосфену» (Аноним. О возвышенном 12, 3, пер. Н.А.Чистяковой [О возвышенном 1966, с.27])

(№ 1497). «(13, 1) Итак, возвращаясь к прерванным рассуждениям, вновь займемся Платоном. То, что Платон, растекаясь в бесшумном потоке, ничего не теряет в возвышенном, ты знаешь, конечно, прекрасно хотя бы из прославленного места "Государства" [IX 586a]: "Те, кто не знают мудрости и добродетели, но проводят жизнь в непрерывных пирах и развлечениях, обычно уносятся вниз и вслепую блуждают по жизни. Такие люди ни разу не подняли очи к истине, не вознеслись до нее, не вкусили постоянной и чистой радости. Подобные скотам, вечно потупив взоры, склоняясь к земле и припав к столбам, они пасутся, насыщаясь и совокупляясь. Ненасытность же побуждает их лягать друг друга, бодать железными рогами и затаптывать копытами".

(2) Если мы проявим достаточно внимания, то заметим, что Платон указывает нам, кроме уже названного, еще один путь к возвышенному. Что же это за путь и где найти его? Это подражание великим писателям и поэтам прошлого и следование за ними. Вот об этом-то, друг мой, нельзя никогда забывать.

Многие авторы, подобно Пифии, заражаются чужим вдохновением. Пифия же, как говорят, приближалась к треножнику, поставленному над расщелиной, вдыхала божественное испарение, сидя там, преисполнялась божественной силой и немедленно начинала свое вдохновенное прорицание. Точно так же от величия древних писателей какие-то дуновения проникают в души их подражателей, будто возносясь из священных дельфийских расщелин. Люди, даже не очень одаренные природой, вдыхая их, приобщаются к величественному.

(3) А разве один только Геродот подражал Гомеру? Еще до него этим же занимались Стесихор и Архилох, но самым великим подражателем был Платон, принявший в себя бесчисленные ручейки живого гомеровского источника. Может быть, следовало бы привести доказательства этому, но ученики Аммония уже опередили меня, установив и описав все по отдельности.

(4) Подражание – не кража. Его можно сравнить со слепком, сделанным с прекрасного творения человеческих рук или разума. И Платон в своих философских построениях не достиг бы такого расцвета и не стал бы то и дело вдаваться в область поэзии, если бы не оспаривал, клянусь Зевсом, изо всех сил первенства у Гомера, как новичок у прославленного уже мастера; и хотя, быть может, Платон и был слишком честолюбив, словно дело шло всего лишь о метании копья, все же он состязается с Гомером не без пользы для себя. Ведь, как говорит Гесиод: "Вот эта Эрида для смертных полезна". Поистине прекрасны и достойны великой славы и подобное соревнование и тот венок, который обещан в награду победителю; и в состязании за него ничуть не позорно потерпеть поражение от более сильных и опытных борцов» (Аноним. О возвышенном 13, пер. Н.А.Чистяковой [О возвышенном 1966, с.28-30])

Аполлоний Тианский

(№ 1498). «Аполлоний к эфорам и народу спартанскому»

Поглядел я на ваших мужей: безбородых с безволосыми икрами, с белыми ляжками, разряженных в тонкорунные и мягкотканые одежды, обутих на ионийский лад, да притом униженных перстнями и увешанных ожерельями, - что-то не сумел я признать в них так называемых послов! А вы-то мне писали о спартанцах» (Аполлоний Тианский. Письмо 63 [Филострат 1985, с.210])

(№ 1499). «Аполлоний к стоикам»

В юности Басс жил впроголодь, хотя у отца его имелись изрядные средства. И вот сначала он удрал в Мегару с одним из своих так называемых обожателей, который кстати и сводничал – им обоим надобны были деньги на дорогу и на прокормление, - а уж оттуда направился в Сирию. Там-то мальчишка и достался Евфрату, да и всем прочим, кои в ту пору были не менее Евфрата охочи до нашего красавчика, так что успели от приязни к нему понаделать кой-каких глупостей» (Аполлоний Тианский. Письмо 74 [Филострат 1985, с.212])

Филон из Александрии

(№ 1500). «Тут вседозволенность, безделье и праздность, тут переливы звуков и красок, обилие яств и вин, тончайшие оттенки ароматов, тут бесконечные любовные игры, запретные забавы, противоестественные соития, тут распущенные речи и безответственные поступки, тут жизнь беззаботна, сон бестревожен, насыщение недостижимо». (Филон. О рождении Авеля... 23 [Филон 2000])

(№ 1501). «Так, мужчины не стали бы состязаться с женщинами в том, что соприродно лишь женщинам, и так же наоборот, а тем мужеподобным, которых влечет мужская жизнь, и тем женоподобным, которые хотели бы жить жизнью женской, — позор». (Филон. О рождении Авеля... 100 [Филон 2000])

(№ 1502). «И уж, конечно, вред для ума может находиться в каждом из чувств: то его, увидевшего красоту, ранят стрелы Эроса, ужасной страсти, то он гнется от скорби, услышав о смерти родственника; часто ему наносит удары ощущение вкуса, причиняя расстройство неприятными соками или отягощая обилием приятных. Нужно ли вспоминать еще об оводах возжелания? Это они были причиной гибели целых городов, земель и обширных стран, о чем свидетельствует чуть ли не все множество поэтов и писателей» (Филон. О том, что худшее склонно нападать на лучшее 99 [Филон 2000])

(№ 1503). «Разве ты не видишь: неплодные мудростью и слепые разумом, коему полагается все видеть насквозь, — "содомлянами" они зовутся на тайном языке — всем племенем, от мала до велика, держат в сплошном кольце обитель души, чтобы уродовать и растлевать бдительную стражу ее — священные и благочестивые мысли, кои приняла она у себя гостеприимно, и никто не решится выступить против преступников и сам не уклонится от преступной деятельности» (Филон. О смешении языков 27 [Филон 2000])

(№ 1504). «Те души, которые носят плод мудро, рождают без труда, различая и разделяя то, что смешано в них, как Ревекка — ибо она, зачав во чреве знание добродетели и

порока, двух племен мысли, в благополучных родах различает и разделяет их природу; те же, кто лишен мудрости, либо выкидывают, либо производят на свет спорщиков и софистов, бросающих и стреляющих из лука, или же таких, в кого бросают и стреляют». (Филон. О соитии ради предварительного обучения 129 [Филон 2000])

(№ 1505). «[Втор. 32, 32-33] Содом же в переводе «бесплодие» или «ослепление», а виноградской лозе и ее плодам он уподобляет одержимых пьянством, обжорством и постыднейшим наслаждениям». (Филон. О пьянстве [Филон 2003 (№ 2. С.266)])

Павел из Тарса

(№ 1506). «...они поклоняются и служат творению вместо Творца... (26) За это и отдал их Бог во власть позорных страстей: их женщины заменили естественные сношения на противоестественные, (27) равно как и мужчины, отвергнув естественные сношения с женщинами, пылают похотью друг к другу: мужчины с мужчинами творят постыдные дела, готовя тем себе возмездие, которое они заслужили, сбившись с пути». (Апостол Павел. Христианам Рима 1, 25-27 [Новый Завет 2003, с.340])

(№ 1507). «Неужели вы не знаете, что люди порочные не получают наследия в Царстве Бога? Не обманывайте себя! Развратники, идолопоклонники, неверные мужья и жены, извращенцы, педерасты [в синод.пер. точнее - «мужеложники»], (10) воры, стяжатели, пьяницы, клеветники, мошенники – никому из них не получить наследия в Царстве Бога! (11) А такие среди вас были! Но вы омыты, вы освящены, вы оправданы именем Господа Иисуса Христа и Духом Бога нашего!» (Апостол Павел. Христианам Коринфа. Письмо первое 6, 9-11 [Новый Завет 2003, с.377])

(№ 1508). «Разве не учит вас сама природа, что длинные волосы для мужчины – позор, (15) а для женщины длинные волосы – украшение. Они ей даны как покрывало». (Апостол Павел. Христианам Коринфа. Письмо первое 11, 14 [Новый Завет 2003, с.387])

Христианские тексты

(№ 1509). «Как и эти ангелы, Содом, Гоморра и окрестные города, такие же распутники и извращенцы, тоже являют собой пример тех, кто получил в возмездие вечный огонь. (8) Однако и эти люди подобным образом, на основании своих сновидений, оскверняют свои тела, а власть Господа отвергают и бранят небесные силы». (Письмо апостола Иуды 1, 7-8 [Новый Завет 2003, с.546])

Поэты римского периода

Автомедонт

I в. н.э.

«К ужину в гости вчера меня пригласил друг, Деметрий,

Школьный учитель-гимнаст, милый к тому ж человек.

Вижу: один подает, другой разливает в сосуды,

Третий прижался к груди, кто-то лежит выше плеч.

Вот так четверка была! Я с усмешкой к нему обратился:

«Ты для мальчишек гимнаст даже ночами, дружок?!»

(№ 1510). (Автомедонт (АП XII 34),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.9])

Алфей Митиленский

I в. до н.э. – I в. н.э.

«Люди несчастны, когда их покинут любви испытанья.

Как они только живут, не откликаясь на страсть?!

Сам на подъём стал теперь я тяжел, но увидеть случится

Только Ксенофила мне – молнией брошусь к нему.

Не избегать надо муки любви, а за нею гоняться, -

Всем говорю! – ведь Эрот – первооснова души»

(№ 1511). (Алфей (АП XII 18), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.17])

Антипатр Фессалоникский

I в. до н.э. – I в. н.э.

«Феб пастухом был когда-то, в коня Посейдон превратился,

В лебедя – Зевс, змием стал бог – знаменитый Аммон.

Девушек любят они, а ты отроков. Все – убирайтесь!

Вместо того, чтоб прельщать, любите силою брать!

А Эвагор – молодец: прибегать не желает к уловкам,

Любит и тех и других, не изменяя свой лик»

(№ 1512). (Антипатр (АП IX 241), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.23])

Аполлонид

«Славились древле пафосский Кинир и двое фригийцев –
Ныне же все мы поем славу прекрасному Льву.
Лучший потомок Керкафа! Блажен средь Эгейского моря
Родос, ежели он солнцем таким осиян».

(№ 1513). (Аполлонид (АП XVI 49),
пер. М.Л.Гаспарова [Эпиграмма 1999, с.526])

Диокл

I в. н.э.

«Здравствуй!» - ему говорят, а вместо ответа молчанье.
Так же прекрасный Дамон «здравствуй» забыл мне сказать.
Время возмездья настанет! Когда обростешь ты щетиной:
«Здравствуй!», - ты скажешь тогда, но не ответят тебе»

(№ 1514). (Диокл (АП XII 35), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.38])

Квинт Мекий

I в. н.э.

«Милый Корнелий меня согревает, тепла же боюсь я.
Стать в одночасие он может нетленным огнём»

(№ 1515). (Мекий (АП V 117), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.46])

Никарх

I в. н.э.

«Неба касаешься ты. Когда Зевс Ганимеда похитил,

Мальчика, кажется мне, к этой вершине вознес!»

(№ 1516). (Никарх (АП XI 330), ст.5-6,

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.80])

Платон Младший

«Камень в кольце – Гиацинт; на нем Аполлон, а с ним рядом

Дафна; так Феба из них кто ж к себе больше влечет?»

(№ 1517). (Платон Младший (АП IX 751),

пер. С.П.Кондратьева [Поэты об искусстве 1996, с.84])

Руфин

I в. н.э.

«Юношелолюбом был, стану теперь женолюбом – придется

Возле трещоток, зеркал время теперь коротать.

Кожу мальчишек, подарок природы, увы! променял я

На многослойность белил и на сиянье румян.

На Эрманфе лесистом пускай же резвятся дельфины,

А быстроногий олень в волнах пасётся седых!»

(№ 1518). (Руфин (АП V 19), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.92])

«Если в обоих, Эрот, одинаково стрелы пускаешь,

Бог ты; когда ж в одного ими ты сыплешь – не бог».

(№ 1519). (Руфин (АП V 88), пер. Л.В.Блуменау [Лирика 1968, с.295])

«Против Эрота мне служит оружием верным рассудок,

Выйдя один на один, не победит он меня;
Смертный, с бессмертным готов я бороться. Но если Эроту
Вакх помогает, один что я могу против двух?»

(№ 1520). (Руфин (АП V 93), пер. Л.В.Блуменау [Лирика 1968, с.295])

Секунд

«Видишь, Эроты, забравши добычу, как дети, балуясь,
Гордо на сильных плечах носят оружие богов:
Вакха тимпаны и тирс, даже молнию Зевса, Ареса
Щит огромный, его с гривой косматой шлем,
Стрелы Феба, колчан, Посейдона ужасный трезубец,
И из Геракловых рук мощных – дубину его.
В чем же надежда людей, Эрот если властвует в мире,
Если оружие богов взято Кипридой себе?»

(№ 1521). (Секунд (АП XVI 214),

пер. С.П.Кондратьева [Поэты об искусстве 1996, с.59])

Скифин

I в. до н.э.

«Что претерпеть мне пришлось в страстной схватке, когда вдруг однажды
Созданный весь для любви, дом навестил мой – Илис.
Лет он шестнадцати – время теперь для услад всевозможных,
Место в которых всегда светлая радость займёт.
Нежно он так говорил, как желанны сладчайшие губы!
Он образец красоты и безупречен во всём.
Что пережил я в ту ночь – не поведать! Увидеть то надо!

Часто бессонный лежу, страсть услаждая рукой»

(№ 1522). (Скифин (АП XII 22), пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.99])

Филипп

«Видишь: ограбив Олимп, как оружием гордятся Эроты,

Как украшают себя снятым доспехом богов!

Феба несут они стрелы и лук, дубину Геракла,

Молнии Зевса и щит с шлемом Ареса, стальным,

Бога морского копье трезубое, Вакховы тирсы,

Факелов Фебы огни, крылья Гермеса с ног.

Смертным стыда никакого – стрелам подчиняться Эротов,

Если и боги дают им свой наряд уносить».

(№ 1523). (Филипп (АП XVI 215),

пер. С.П.Кондратьева [Поэты об искусстве 1996, с.60])

Эвен Аскалонский

«Если и ненависть нам и любовь причиняют страданья,

Лучше пусть буду страдать от уязвлений любви».

(№ 1524). (Евен Аскалонский (АП XII 172),

пер. Л.В.Блуменау [Эпиграмма 1999, с.496])

Эномай

«Ради чего здесь на чаше Эрот? И вино зажигает

Пламенем душу – к огню не приближай ты огня».

(№ 1525). (Эномай (АП IX 749), пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.377])

Юлий Леонид

I-II вв. (?)

«Снова Зевес на пиру веселится среди эфиопов,

Снова дождём золотым в спальню к Данае спешит.

Странно другое: узрев Периандра, красавца на небо

Он не унес. Может, бог стал равнодушен к юнцам?»

(№ 1526). (Юлий Леонид (АП XII 20),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.120])

4.2. Зрелый римский период (68-235)

Иосиф Флавий

О Пятикнижии

(№ 1527). «Содомитяне, увидев, что к Лоту зашли чрезвычайной красоты юноши, тотчас попытались совершить над ними гнусное насилие». (Иосиф Флавий. Иудейские древности I 11, 3 [Иосиф 1994, т.1, с.39])

Об области Содома. (Иосиф Флавий. Иудейская война IV 8, 4 [Иосиф 1991, с.303])

(№ 1528). «Моисей также запретил общение с женщиною менструирующею, скотоложство и мужеложство, указав на весь позор таких преступлений. За нарушение всех этих постановлений Моисей определил в наказание – смерть». (Иосиф Флавий. Иудейские древности III 12, 1 [Иосиф 1994, т.1, с.150])

(№ 1529). «[Закон Моисея:] Смотрите всегда, особливо же во время войны, за тем, чтобы женщина не надевала мужского платья, а мужчина женского». (Иосиф Флавий. Иудейские древности IV 8, 43 [Иосиф 1994, т.1, с.204])

(№ 1530). «Совокупление же мужчин между собой он [закон Моисея] полагает мерзостью, и смерть полагается тому, кто это совершит. ... Наказание для большинства преступников – смерть, будь то прелюбодей, насильник, мужеложец или тот, кто на это согласился» (Иосиф Флавий. О древности еврейского народа II 24, 30 [Филон, Иосиф 1994, с.177, 179]).

(№ 1531). «Ведь почему бы лакедемонянам не отказаться от полностью закрытого устройства своего государства и от презрительного отношения к браку, а элейцам и фиванцам – от своего противоестественного и уж слишком откровенного мужеложства?»

Так, всего того, что ранее признавалось у них полезным и прекрасным, пусть даже на деле им и не удалось избавиться от этого совершенно, они теперь не признают, но дополнительно вводят об этом законы, которые некогда обладали у эллинов такой силой, что даже богам приписывали мужеложство, а уж потом, естественно, допускали кровосмесительные браки с родными сестрами, тем самым оправдывая свой разврат в самых противоестественных и непристойных удовольствиях» (Иосиф Флавий. О древности еврейского народа II 37 [Филон, Иосиф 1994, с.186])

Прочее

О строительстве гимнасия в Иерусалиме. (Иосиф Флавий. Иудейские древности XII 5, 1 [Иосиф 1994, т.2, с.121])

О строительстве гимнасия в Иерусалиме см. 1-я кн. Маккавеев I 14; 2-я кн. Маккавеев IV 10 [Антология 2000, с.415].

(№ 1532). «У царя [Ирода] были евнухи, которых он крайне любил за их красоту. Из них один исполнял обязанности виночерпия, другой служил за столом, а третий, как наиболее преданный, должен был заботиться о ложе царя. Влияние их на государственные дела было огромно». (Иосиф Флавий. Иудейские древности XVI 8, 1 [Иосиф 1994, т.2, с.358])

(№ 1533). О галилейском войске Иоанна Гисхальского. «Обагранные еще кровью, они пожирали награбленное и из одного пресыщения бесстыдно предавались женским страстям, завивая себе волосы, одевая женское платье, натирая себя пахучим маслом и для красоты расписывая себе глаза. Но не только в наряде и уборе подражали они женщинам, но и в своих страстях и в избытке сладострастия измышляли противоестественные похоти». (Иосиф Флавий. Иудейская война IV 9, 10 [Иосиф 1991, с.309])

Христианская литература конца I-начала II века

Учение двенадцати апостолов (Дидахэ)

(№ 1534). «(2, 1) Вторая же заповедь учения: (2) не убивай, не прелюбодействуй, не совершай деторастления, не блудодействуй...» (Учение двенадцати апостолов (Дидахэ) 2, 1-2, пер. А.Г. Дунаева [Мужи апостольские 2003, с.44])

Послание Варнавы

(№ 1535). ««И зайца», сказано, «не ешь». В каком смысле? Не будь срамником и не уподобляйся таковым. Ибо в теле зайца ежегодно бывает перемена, противная естеству всех прочих животных.

«И гиены не ешь», сказано; это значит «не будь прелюбодеем, ни растлителем и не уподобляйся таковым». не будь прелюбодеем, ни растлителем и не уподобляйся таковым». Почему? Потому что это животное ежегодно изменяет свою природу и бывает то мужского, то женского [пола].

По справедливости отверг Моисей и хоря. Не уподобляйся, говорит он, тем нечистым мужам и не прилепляйся к тем нечистым женам, которые, как слышно, совершают беззаконие своими устами. Ибо это животное отступает от общих законов в зачатии плода». (Варнава 10, пер. П.Преображенского [Мужи апостольские 2003, с.101-102])

(№ 1536). «Не будь любодеем, ни прелюбодеем, ни деторастлителем». (Варнава 19, пер. П.Преображенского [Мужи апостольские 2003, с.112-113])

Откровение Петра

Текст полностью сохранился лишь в эфиопском переводе, но интересующая нас часть [Апокрифические апокалипсисы 2003, с.191-194] – по-гречески.

(№ 1537). «[Описание ада] Другие мужи и женщины, которых сбрасывали с высокого обрыва, падали вниз, после чего, мучители их вновь заставляли их подниматься наверх, а затем вновь сбрасывали их вниз, и не было им отдохновения от этой муки. Это были те, которые осквернили тела свои, отдаваясь как женщины. А женщины среди них были те, которые вступали друг с другом в связь как мужи с женщинами». (Откровение Петра 32, пер. В.Витковского [Апокрифические апокалипсисы 2003, с.194])

Дион Хрисостом

(№ 1538). «[о проституции и распущенности замужних женщин] ... позорный, открытый разврат, распространяющийся на наших глазах бесстыдно и беспрепятственно, открывает путь к скрытым и тайным покушениям на честь женщин и мальчиков из хороших семей; эти покушения совершаются все более дерзко и безнаказанно – ведь стыдливость пользуется всеобщим презрением...» (Дион. Эвбейская речь, или Охотник (VII) 139, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Греческая проза 1961, с.83-84])

(№ 1539). «(149) ... Разве распутники удержатся от совращения и развращения юношей и станут соблюдать ту границу, которую ясно поставила сама природа? Разве, испытав все возможные способы удовлетворения своей похоти с женщинами, они, пресыщенные наслаждениями, не станут искать иных форм разврата, более острых и незаконных? (150) ... (151) А что произойдет дальше, ясно всякому, - ведь мы видим так много подобных случаев. Человек, ненасытный в своих страстях, не встречая отпора и сопротивления на этом поприще, начинает презирать легкий успех и любовь женщин, слишком просто достаемую ему и по-женски нежную, и переходит к погоне за юношами; (152) ему хочется опозорить тех, из кого впоследствии выйдут судьи и военачальники, и он надеется испытать с ними какой-то новый вид наслаждения, более трудно достижимый, он уподобляется любителям вина и пьяницам, которые долго и непрерывно пили несмешанное вино, уже не хотят пить его и искусственно возбуждают жажду потогонными средствами, солеными и острыми кушаньями» (Дион. Эвбейская речь, или Охотник (VII) 149-152, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Греческая проза 1961, с.85])

(№ 1540). «Кажется, какой-то хитроумный житель Тарса, - так рассказывают, - однажды приехал в некий город для занятий своим делом. А занимался он тем, что тут же распознавал нрав любого человека и мог описать все его свойства, - причем не ошибался никогда. ... Этот, говорил он, храбрец, этот – трус, этот – хвастун, этот – наглец, этот – развратник [кинед], а этот – прелюбодей. Поскольку он славился этой своей способностью и ни разу не ошибся, однажды к нему привели человека грубого сложения с нахмуренными бровями, неопрятного и жалкого, с мозолистыми руками, одетого в темный невзрачный гиматий, волосатого до пят и скверно остриженного, - и спросили, кто он таков. Знаток долго рассматривал его и наконец с явной неохотой признался, что пока не понял, в чем дело, и велел приведенному удалиться. Уходя, тот чихнул; знаток тут же воскликнул, что это – развратник [кинед]» (Хрисипп, фр. II 10a = Дион Хрисостом XXXIII 53-54 [ФРС 1998-, т.2, ч.1, с.5])

Борисфенитская речь

(№ 1541). «(8) ... Каллистрату было около восемнадцати лет, он был очень красив, высокого роста и имел в себе много черт ионийского типа. О нем говорили, что он храбр в бою и что он победил уже многих сарматов, одних убил, других взял в плен. Он живо интересовался и ораторским искусством, и философией, так что даже хотел пуститься в плавание вместе со мной. За всё это он пользовался большим уважением среди своих сограждан, - впрочем, отчасти и за свою красоту: поклонников у него было много. Этот обычай – любовь к юношам – борисфениты унаследовали от коренных уроженцев своей греческой метрополии [Милета]; по-видимому, они и некоторых варваров приучили к тому же, - конечно, не к их благу, - тем более что варвары переняли это на свой варварский лад, в грубоватой форме.

(9) Зная, что Каллистрат очень любит Гомера, я завел с ним беседу об этом поэте. Правда, все борисфениты питают к нему особое пристрастие, вероятно, потому, что они сами и в наше время воинственны, а может быть, и вследствие их преклонения перед Ахиллом; они почитают его чрезвычайно и воздвигли ему храмы – один на острове, названном его именем, другой в городе. Поэтому они ни о ком другом, кроме Гомера, ничего и слышать не хотят. И хотя сами они говорят по-гречески не совсем правильно, поскольку они живут среди варваров, но «Илиаду» почти все знают наизусть» (Дион. Борисфенитская речь (XXXVI) 8-9, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Греческая проза 1961, с.94])

(№ 1542). «Будь здесь философ, это зрелище доставило бы ему огромное удовольствие: все они выглядели точь-в-точь как те древние греки, которых описывает Гомер, длинноволосые и бородатые; среди них был только один бритый, и за это все его порицали и ненавидели; говорили, что он придерживается этого обычая неспроста, и чтобы подольститься к римлянам и показать, что он им друг: таким образом, всякий мог видеть, насколько такое обличье позорно и ни в коем случае не подобает мужчинам» (Дион. Борисфенитская речь (XXXVI) 17, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Греческая проза 1961, с.96])

(26) о Платоне и Гомере.

Максим Тирский

(№ 1543). «(10) ... Стремясь познать божество, мы по своему несовершенству воплощаем его в то обличие, какое признаем самым прекрасным. Этим мы сходствуем с влюбленными: слаще всего на свете глядеть на изображение любимого, но милым напоминанием о нем бывает и лира, и игральная кость, и место, на котором он сидел, и ристалище, где он состязался, иными словами – все, что вызывает о нем воспоминание» (Максим Тирский. Следует ли почитать кумиры? 10, пер. С.В.Поляковой [Греческая проза 1961, с.309])

Средняя академия

Алкиной

(№ 1544). «(4) Видов анализа три: восхождение от ощущаемого к первично умопостигаемому ...

(5) Пример первого вида: от телесной красоты мы переходим к красоте души, от нее – к красоте обычаев, от нее – к красоте законов, затем к великому морю красоты, затем – путем такого перехода – получаем остаток: само прекрасное». (Алкиной. Учебник платоновской философии V 4-5, пер. Ю.А.Шичалина [Платон 1990-94, т.4, с.630])

(№ 1545). «На примере Медеи видно, как пыл страстей приходит в столкновение с рассудком; она говорит так:

Я знаю, что злодейство мной задумано,

Но пыл страстей сильнее понимания.

И в Лаие, похищающем Хрисиппа, страсть также приходит в столкновение с рассудком; он говорит так:

В том для людей несчастье величайшее,

Что дурно поступают, благо ведая».

(Алкиной. Учебник платоновской философии XXIV 3, пер. Ю.А.Шичалина [Платон 1990-94, т.4, с.649])

(№ 1546). «(XXXIII, 3) Вид дружбы представляет собой и любовное чувство. Любовь бывает благородная – в душах взыскательных, низкая – в душах порочных и средняя – в душах людей посредственных. Поскольку душа разумного человека бывает трех разрядов – добрая, негодная и средняя, поэтому и видов любовного влечения – три. Более всего о различии этих трех видов любви можно судить на основании различия их предметов. Низкая любовь направлена только на тело и подчинена чувству удовольствия, поэтому в ней есть нечто скотское; предмет благородной любви – чистая душа, в которой ценится ее

расположенность к добродетели; средняя любовь направлена и на тело, и на душу, поскольку ее влечет как тело, так и красота души.

(4) Достойный любви также представляет собой нечто среднее между негодным и благородным, в силу чего воплощением Эроса следует представлять не бога, а скорее некоего демона, который, никогда не облакаясь в земное тело, служит как бы перевозчиком от богов к людям и обратно. Поскольку три наиболее общих вида любви были названы выше, любовь к благу следует определить как некое искусство, не связанное с аффектами, относящееся к разумной части души и занятое рассмотрением, которое дает знание того, как обрести предмет, достойный любви, и обладать им. О предмете любви это искусство судит по его устремлениям и порывам – насколько они благородны, направлены на прекрасное, сильны и искренни. Стремящийся к такой любви обретет ее не путем ублажения и превознесения любимца, но, скорее, удерживая его и доказывая, что не следует и дальше вести такую жизнь, какую он ведет теперь. Когда он завоевывает предмет любви, он будет общаться с ним, склоняя его к тому, в чем, упражняясь, станет он совершенным; а цель их общения – из влюбленного и любимца стать друзьями» (Алкиной. Учебник платоновской философии XXXIII 3-4, пер. Ю.А.Шичалина [Платон 1990-94, т.4, с.660-661])

Гермоген

(№ 1547). «Итак, прекраснейшая панегирическая речь, или, как мы говорили, платоновская, получается из всех видов значительного слога, исключая грубость и резкость. Так или иначе во все эти виды должна проникать простота, доля которой во всей речи может сокращаться лишь тогда, когда следует самым чистым образом возвысить слог до величавости. Как нигде больше, здесь особенно уместны все черты сладостного слога и отделки, придающая речи прелесть и обаяние, что же касается мастерства, то панегирической речи всецело подобает наименее явное мастерство, состоящее в методе. Другого же [с.151] рода мастерство здесь недопустимо, за исключением тех случаев, когда какое-то лицо, произнося панегирическую речь, хочет показать именно свое мастерство, как у Платона Сократ намеренно выставляет напоказ свое ораторское мастерство перед Федром, чтобы свою речь противопоставить речи Лисия». (Гермоген. Об идеях II 10 (139) [Гермоген 1987, с.150-151])

«Герметический свод»

(№ 1548). «... (18) ... И сказал тогда бог: «... И да познает мыслящий человек самого себя – что он является бессмертным, а причинствует для смерти любовь» ... (19) ... Тот, кто познал самого себя, пришел к сверхсущностному благу; тот же, кто возлюбил вследствие случайной любви, пребывает во тьме, блуждая так, как это положено чувственно воспринимаемому, и претерпевая страдания смерти». (Герметический свод: I. Поймандр 18-19 [Гермес 2001, с.40-41]).

(№ 1549). «Всех же остальных людей, как в душах, так и в телах ведут и направляют демоны, поскольку люди любят и принимают их энергии; и существует <демоническая> любовь, не имеющая смысла, которая ошибочна и приводит к ошибкам». (Герметический свод: XVI. Определения Асклепия 16 [Гермес 2001, с.171-172]).

(№ 1550). «(14b) И нет здесь различия людей между собой, [и нет здесь противостояния], напротив, у всех одна и та же мысль, [и единое у всех предвосхищение], и единый у них ум [отец], и единое ощущение [действующее через них]; ибо любовный напиток для них – та же самая любовь, созидающая единую гармонию всех их». (Герметический свод: XVIII. Восхваление царей 14b [Гермес 2001, с.183]).

(№ 1551). «(14) В самом деле, взяв достаточное количество духа из своего собственного и смешав его с мыслящим огнем, он [демиург] слил его с какими-то иными, непознаваемыми материями; и, объединив их [каждое с каждым] с некими тайными возгласами, он тем самым разбавил всю смесь в достаточной мере, пока не зажурчала в этой смеси некая материя, более тонкая, чистая и прозрачная, нежели то, из чего она образовалась ... (15) ... назвал бог [этот состав] душевностью. И именно из пены, поднимающейся над ней, он произвел на свет достаточное число мириад душ, преобразуя по своей воле в том направлении, в котором он желает, цветение этой смеси – упорядоченно, соразмерно, с опытом и подобающим смыслом, так что никакой <...> (16) Этим душам было необходимо отличаться друг от друга, коль скоро цветение, выступившее на поверхности смеси, не было подобно самому себе...» (Зеница космоса. Фр.23, 14-16 [Гермес 2001, с.333-334]).

(№ 1552). «[Астрологический раздел. Соответствие частей Земли и неба] ... те, кто живет ... населяя страну, которая соответствует нынешним Италии и Элладе, имеют прекрасные бедра и ягодицы, так что вследствие превосходства этих частей тела по своей красоте здешние люди предпочитают любовное общение между мужчинами». (Зеница космоса. Фр.24, 12 [Гермес 2001, с.364]).

Плутарх

«Застольные беседы»

(№ 1553). «Свожу вместе также имеющих склонность к вину и к любовным связям, и не только тех, кто, по выражению Софокла, «уязвлен любовью к мальчикам», [фр.757] но и тех, кого уязвляют женщины и девушки: одинаково воспламененные, они, как раскаленные бруски железа, легче приходят к единению, если, конечно, не окажется, что предмет влюбленности у них один и тот же» (Плутарх. Застольные беседы I 2, 6, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.13])

(№ 1554). «Плутарх. Застольные беседы. Вопрос I 5 «Какой смысл имеют слова «Эрот поэтом делает»?»

(1) Вопрос о том, какой смысл имеют слова

Эрот поэтом делает

И человека, раньше Музам чуждого», [Еврипид, фр.663] –

возник среди собравшихся у Сосия после исполнения нескольких сапфических песен Филоксена, который говорит, что Киклоп «благозвучными музами лечит любовный недуг».

Один из гостей сказал, что Эрот способен сообщить человеку отвагу и решимость во всяком деле, недаром Платон назвал его «прямоидушим» и «предприимчивым»; ведь он и молчаливого делает речистым, и застенчивого обходительным, а беспечного и легкомысленного старательным и трудолюбивым; но самое удивительное – это, что человек бережливый до мелочности, влюбившись, размягчается, как железо в огне, и становится нежным, уступчивым и ласковым; так что оказывается не столь уж смешной известная поговорка: кошелек влюбленного завязан побегом порея.

Другой добавил, что влюбленность подобна опьянению: она разгорячает, веселит и радуется, а это сообщает людям склонность к пению и стихотворству; говорят, что сам Эсхил писал трагедии, подогревая себя вином. Да и наш дед Ламприй остроумнее и находчивее всего бывал за вином; он говорил, что теплота вина действует на него как благовонное воскурение. И вот, испытывая великую радость от созерцания своих возлюбленных, они не меньше того радуются, принося им хвалу: красноречивый вообще, Эрот красноречивее всего в хвалебных речах; влюбленные, будучи сами убеждены в том, что предмет их любви прекрасен и добр, хотят убедить в этом и всех: это желание побудило и лидийца Кандавла привести в свою спальню Гига, чтобы показать ему свою жену. Все они ищут подкрепления своей оценки свидетельством других: вот почему они пишут хвалы своим прекрасным, украшая их напевами и стихами, как изваяние золотом, чтобы они привлекали более многочисленных слушателей и сохранялись в памяти. Ведь если кто дарит возлюбленному коня, или петуха, или что бы то ни было, то хочет, чтобы приносимое в дар было чем-то красивым и изысканным, особенно же это относится к хвалебному слову, которое должно быть красивым и возвышенным, а таково именно поэтическое слово.

(2) Сосий же, одоблив высказавшихся, выразил мнение, что в рассматриваемом вопросе не менее уместно было бы исходить из рассуждений Феофраста о музыке. «Я недавно прочитал его книгу, - сказал Сосий. – Он говорит, что у музыки три начала – горе, радость, божественное вдохновение: каждое из этих переживаний уводит человека от обыденности и сообщает голосу особый уклон. Горестные чувства выражаются плачевностью голоса, переходящего в пение; поэтому и наблюдается, что ораторы в заключениях речей и актёры в жалобах постепенно видоизменяют голос в направлении напевности. А сильное радостное возбуждение вызывает у людей более непосредственного душевного склада ритмические телодвижения; если они не умеют танцевать, то прыгают и рукоплещут, наподобие того, как говорится у Пиндара:
...и безумные «алала!» с запрокинутыми головами... [Пиндар, фр.208]

Если же это люди воспитанные в большей сдержанности, то они только голосу позволяют обратиться к пению и в их речи возникает стихотворный ритм и музыкальная мелодия. Но особенно далеко уходит от обыденного состояния и тело и голос под воздействием божественного вдохновения. Поэтому и вакхическое ликование облекается в ритмы, и внушаемые божеством вещания звучат в стихах, и даже бред одержимых безумием редко бывает лишен песенной размеренности. Приняв все это во внимание, попытаемся раскрыть любовь и явить дневному свету ее подлинное содержание: мы увидим, что нет другой страсти, которая порождала бы и более горькие страдания, и более бурную радость, и более властительное исступление, и отчуждение от разума. Подобно городу, о котором говорит Софокл, в душе человека, охваченного Эротом,

слились в одно молитвы и стенания. [Софокл. Царь Эдип, ст.4]

Неудивительно, что Эрот, в котором объединены и сосредоточены все начала музыки – горе, радость и боговдохновение, не только богат речами, но и к созданию песнопений и стихов имеет склонность и силу, как ни одна другая страсть» (I 5, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.17-18])

(№ 1555). «Любезностью будет заговорить с охотником о собаках, с болельщиком о гимнастических состязаниях, с влюбленным о красавцах» (Плутарх. Застольные беседы II 1, 3, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.28])

(№ 1556). «Любовь весьма многообразна как во многих других отношениях, так и в том, что затрагивающие ее шутки одних тяготят и вызывают у них негодование, а другим приятны. Тут надо сообразоваться и с обстоятельствами момента. Подобно тому как дуновение может погасить возникающий огонь вследствие его слабости, а когда он разгорится, придает ему питание и силу, так и любовь, пока она еще тайно возрастает, возмущается и негодует против раскрытия, а разгоревшись ярким пламенем, находит в подшучиваньях пищу и отвечает на него улыбкой. Особенно же приятны любящим шутки, касающиеся их любви, - но и только такие – в присутствии самого предмета любви. Если же предметом их любви являются их собственные жены, или же это благородная любовь к прекраснлюбивым юношам, то глубоко воодушевляются и гордятся перед ними, слыша такие насмешки.

Поэтому Аркесилай, когда в школе кто-то из преданных Эроту предложил для обсуждения такую тему: «Полагаю, что ни одна вещь не касается чего бы то ни было», - спросил его, указывая на одного из сидевших тут прекрасных молодых людей: «Неужели и он тебя нисколько не касается?» (Плутарх. Застольные беседы II 1, 10, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.31-32])

(№ 1557). «Ведь в соответствии с тем, что человек видит, он испытывает и наслаждения и огорчения; так, зрение полагает начало и эротических переживаний, сильнее и глубже всего волнующих душу: когда влюбленный взирает на красоту предмета его любви, он как бы тает, изливаясь в своем чувстве, обращенном к ней. Было бы, полагаю я, удивительно, если бы кто, допуская, что человек может через посредство зрения подвергаться внешнему воздействию и претерпевать вред, отрицал бы возможность таким же путем воздействовать и вредить. Встречающиеся друг с другом взоры любящих своим то ли светом, то ли истечением заставляют их таять и замирать, вызывая у них смешанное с болью наслаждение, которое они сами называют «сладкогорьким»: ни осязание, ни слух не могут так ранить, как эти сливающиеся взоры. Такова эта взаимная передача через зрение, что надо считать вовсе далеким от любовных переживаний тех, кто удивляется, что мидийская нефть воспринимает пламя от находящегося на расстоянии огня. Ведь взоры любимого, хотя бы и направляемые издали, зажигают огонь в душе влюбленного» (Плутарх. Застольные беседы V 7, 2, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.91])

(№ 1558). «Посмотри, как трусливые боятся и того, что несет им спасение, гневливые ожесточаются против самых любимых, подверженные эротической распущенности доходят до того, что не могут воздержаться от посягательства на самые священные для них тела» (Плутарх. Застольные беседы V 7, 5, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.92])

(№ 1559). «После Тиндара выступил его товарищ Флор, в шутку притворявшийся и объявлявший себя влюбленным в него» (Плутарх. Застольные беседы VIII 2, 2, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1990, с.139])

Также см. про Евтелида [Плутарх 1990, с.92]

Также см. про Беполитана [Плутарх 1990, с.281]

(№ 1560). «Об Эроте»

(пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.544-582])

«[с.544] (1) Флавиан. Ты говоришь, Автобул, что речи об Эроте, которые ты, по нашей просьбе, намерен теперь передать нам – то ли по записи, то ли запомнив их по частым рассказам твоего отца, были произнесены на Геликоне?»

Автобул. На Геликоне, Флавиан, у самых Муз, на празднестве Эрота в Феспиях: феспийцы каждый пятый год с большой торжественностью и блеском празднества в честь как Муз, так и Эрота.

...

[с.545] Автобул. ... (2) Это было давно, еще до моего рождения. Мой отец и мать вскоре после женитьбы, вследствие неладов между их родителями, приехали в Феспии для жертвоприношения Эроту. ... Из Херонеи его сопровождали близкие друзья, а в Феспиях он встретил Дафнея, сын Архидама, - этот Дафней был влюблен в Лисандру, дочь Симона, и имел наибольший успех среди всех сватавшихся к ней – и приехавшего из Титоры Соклара, сына Аристиона. Были там и тарсиец Протоген, и македонянин Зевксипп, связанные с отцом гостеприимством...

На следующее утро к ним присоединились Антемион и Писий, люди весьма достойные, но несколько настроенные друг против друга, так как соперничали в соискании благосклонности Вакхона по прозвинию «Красавец».

Тут надо пояснить, что в Феспиях проживала Исменодора, женщина богатая и знатная и притом, клянусь Зевсом, примерного образа жизни: вдовствуя уже немалое время, она не навлекла на себя ни единого упрека, хотя была молода и красива. Вакхон был сыном ее близкой приятельницы, и она задумала женить его на одной девушке, состоявшей с ней в родстве. Но частые встречи и разговоры с юношей пробудили в ней чувство к нему. Слыша и говоря о нем много хорошего и видя, что многие почтенные люди добиваются его дружбы, она влюбилась и, не имея каких-либо дурных помыслов, вознамерилась открыто вступить в брак и начать совместную жизнь с Вакхоном. ...

[с.546] ... [Вакхон] просил Писия и Антемиона высказаться, что они сочтут более правильным. Антемион был двоюродный брат Вакхона, старший по возрасту, а Писий – самый серьезный из поклонников, и по этой причине он заявил, что, высказываясь за брак, Антемион приносит юношу в жертву Исменодоре. Антемион же отвечал, что Писий, заслуживая одобрения во всем прочем, в этом вопросе уподобляется недоброжелательным любовникам, лишая своего друга домашнего очага, брачного союза и благосостояния, чтобы только тот как можно дольше обнажался в палестре, блистая своей нетронутой молодостью.

(3) И вот, чтобы, постепенно разгораясь, не дойти до взаимного раздражения, они явились к моему отцу и его друзьям с просьбой быть у них как бы третейскими судьями;

и, как будто по заранее подготовленному решению, на стороне одного из спорящих оказался Дафней, а на стороне другого Протоген.

Итак, Протоген стал безо всякой сдержанности поносить Исмению.

«Клянусь Гераклом, - воскликнул Дафней, - чему после этого можно удивляться, если среди нас находится, чтобы воевать с Эротом, Протоген, у которого всякая шутка и всякое серьезное дело имеет началом и целью Эрота, который ради Эрота

и отчизну и разум забыл? [неизв.трагедия]

Ведь если Лайя его медлительный Эрот увел только на пять дней пешего пути от его родины, то твой,

трепещи быстрыми крылами, [Архилох]

летит за море из Киликии в Афины, чтобы выслеживать красавцев». И действительно, такова, в сущности, была у Протогена причина путешествия.

(4) Окружающие засмеялись, Протоген же ответил: «Так ты полагаешь, что я воюю с Эротом, а не сражаюсь за Эрота против распущенности и нечестия, которые насильственно прикрывают самыми красивыми и торжественными именами постыднейшие действия и страсти?»

На это Дафней возразил: «Ты, значит, называешь постыднейшим действием сочетание мужчины и женщины, [с.547] священнее которого нет и не может быть никакого другого соединения?»

«Действительно, - сказал Протоген, - законодатели справедливо превозносят это соединение как необходимое для продолжения человеческого рода и прославляют его перед толпой. Но у истинного Эрота нет ничего общего с гинекеем, и я утверждаю, что отношение к женщинам или девушкам тех, кто к ним пристрастился, так же далеко от Эрота, то есть любви, как отношение мух к молоку или пчел к сотам или поваров к откармливаемым ими в темноте телятам и птицам, к которым они не испытывают никаких дружественных чувств.

Но подобно тому, как влагаемое в нас природой влечение к хлебу и другой пище ограничено мерой достаточности, а излишество в этом получает название обжорства или чревоугодия, так женщина и мужчина от природы нуждаются в даваемом ими друг другу удовлетворении, но если ведущее к этому влечение достигает такой силы, что становится яростным и неудержимым, то не подобает давать ему имя Эрота. Эрот, соприкоснувшись с молодой и одаренной душой, приводит ее к добродетели по пути дружбы; а желания, устремленные на женщину, в лучшем случае завершаются преходящим телесным наслаждением. ... Ведь цель желания – наслаждение и удовлетворение. А Эрот, утратив ожидание дружбы, не желает оставаться прежним и ублажать цветущую молодость, раз она не воздает ему душевным расположением, основанием для дружбы и добродетели.

... Нисколько не более причастен Эроту тот, кто не из корысти, а ради полового удовлетворения терпит дурную и бессердечную жену. Так комик Филиппид, высмеивая ритора Стратокла, сказал:

поцеловать в затылок не дотянешься.

Если и такое душевное состояние приходится назвать Эротом, то это Эрот поддельный и незаконный, как бы низводящий гинекей [с.548] до Киносарга. Или точнее: подобно тому как только горный орёл – настоящий, тот, которого Гомер называет «чёрным» и «ловчим» [Илиада XX 252; XXIV 315], а другие – низкородные, питающиеся по болотным местам рыбой и непроворными птицами и в поисках пропитания часто издающие какие-то жалобные крики, - так и Эрот подлинный только один, обращенный к мальчикам, не «блистающий огнем желания», как сказал о любви к девушкам Анакреон, не «надушенный и наряженный», а простой и неиспорченный, каким ты увидишь его в философских беседах в гимназиях и палестрах, в поисках молодых людей, достойных того, чтобы обратиться к ним с настойчивым благородным призывом к добродетели.

Но другого Эрота, расслабляющего и домогательствующего, близкого к женским уборам и ломам, ищущего изнеженности, развращенности и недостойных мужа наслаждений, чуждого дружбы и божественного огня, необходимо отвергнуть, как и отверг его Солон: он запретил рабам любить мальчиков и заниматься гимнастикой, но не препятствовал их общению с женщинами, исходя из того, что дружба есть нечто прекрасное и гражданственное, а наслаждение – нечто пошлое и неблагородное. Поэтому и любовь рабов к мальчикам не может быть благородной: это только телесное сочетание, как и любовь женщин».

(5) Протоген хотел бы и продолжать свою речь, но его прервал Дафней. «Клянусь Зевсом, - сказал он, - хорошо, что ты упомянул о Солоне: его надо привлечь как образцового носителя Эрота,

пока он среди любезных цветов юности знает любовь мальчика,

желая его бедер и сладостных уст.

Присоединим к Солону и Эсхила, который говорит:

забыт тобою нежных чресл почет твоих

и крепкое забыто лобызание.

Иные, вероятно, насмехаются над этими поэтами, которые заставляют влюбленных, как жрецов и гадателей, рассуждать о бедрах и чреслах. Но я усматриваю здесь важнейшее свидетельство по вопросу о любви к женщинам. Ведь если противное природе общение с мужчинами не устраняет дружеского расположения и не вредит ему, то согласное с природой общение с женщинами должно в еще большей мере через благосклонность вести к дружескому [с.549] расположению. Ведь словом «благосклонность», Протоген, древние обозначали согласие женщины на общение с мужчиной...

Но когда мальчики, либо подвергаясь разбойному насилию, либо добровольно, в силу собственной развращенности, позволяют, как выражается Платон, «покрывать и засеивать себя наподобие четвероногих» [Федр 250e], то такая «благосклонность» не только не содержит ничего благого, но безобразна и чужда Афродиты.

Думаю поэтому, что Солон написал те стихи еще в молодости, «отягченный обилием семени», по выражению Платона, состарившись же, он говорит иначе:

Дороги мне Киприды дары, дары Диониса,

Дороги Музы, что нам отдых и радость несут;

он как бы нашел в браке и философии успокоение после волнений и бурь любви к мальчикам.

Итак, Протоген, если рассудить по правде, то надо признать, что любовь к мальчикам и любовь к женщинам происходит от одного и того же Эроса. Если же ты, не желая уступить в споре, настаиваешь на их различии, то окажется, что этот обращенный на мальчиков Эрот заслуживает порицания: появившись на свет поздно, как бы у престарелых родителей, незаконный и темного происхождения, он воздвигает гонение на законного и старшего Эроса. Совсем недавно он проник в гимнасии вслед за обычаем обнажаться при телесных упражнениях, проталкиваясь среди мальчиков и мимоходом обнимая их за плечи, понемногу отрастил крылья, и вот его уже не сдержат, и он бранит и поносит брачного Эроса, хранителя бессмертия человеческого рода, передающего светоч жизни от поколения к поколению.

Этот незаконный Эрот отрекается от наслаждения: стыд и страх заставляют его искать благопристойное объяснение для своего пристрастия к молодым и красивым. И вот таким предлогом становится для него дружба и добродетель. Он покрывается [с.550] пылью палестры, омывается холодной водой, нахмурирует брови и громогласно объявляет, что занимается философией и соблюдает целомудрие в соответствии с законом; но вот ночью, без помех –

сладка добыча, если страж глаза сомкнул. [неизв.трагедия]

Если же, как говорит Протоген, с мальчиками не происходит плотское общение, то как возможен Эрот там, где нет Афродиты, которую он волею богов призван почитать и которая уделает ему от своего достоинства и силы? А если и есть какой-то Эрот без Афродиты, подобно тому как существует опьянение без вина, вызываемое напитком из фиг или ячменя, то он будет способен только возбуждать, не принося плода и завершения, а только пресыщение и отвращение».

(6) Слушая это, Писий явно раздражался против Дафнея и, когда тот приостановился, воскликнул: «Клянусь Гераклом, какое легкомыслие и какая дерзость! Люди, уподобляясь собакам, которых их пол привязывает к самке, переселяют бога из гимнасиев, портиков и освещенных солнцем мест философских собеседований в притоны, с их бритвами и притираниями общедоступных женщин: ведь честным женщинам, конечно, не подобает ни влюбляться, ни быть предметом влюбленности».

...

[с.553] ... «Ведь она [Исменодора] моложе любого из ее соперников, и у нее нет седины, как у некоторых поклонников Вакхона». ...

(10) Похищение Вакхона.

(11) ... [с.555] ...возразил Соклар: «Так ты думаешь, что тут действительно похищение и насилие, а не хитрая уловка разумного юноши, решившего вырваться из объятий своих поклонников и перебежать на сторону красивой и богатой женщины?» - «Не говори так, Соклар, - отвечал Антемион, - и отбрось эти подозрения против Вакхона». ...

(12) ... Слова Пемптида [с.556] «В Египте я как-то присутствовал при споре двух соседей, которым пересекла дорогу проползшая между ними змея: оба признали ее за доброго демона, но каждый хотел считать его своим; так и из вас одни ведут Эрота в места мужских собраний, а другие – в гинекей, но те и другие признают его за великое и божественное благо»....

(13) «...отец [Автобула] вновь обратился к Пемптиду. «Ты, Пемптид, - сказал он, - коснулся очень большого и трудного вопроса, можно даже сказать, что ты колеблешь непоколебимые основания наших понятий о богах, требуя для них отчета и доказательства. ...

Какая же разница, относится ли к вере в Зевса, или в Афины, или в Эрота то, что мы станем подвергать сомнению или отрицанию? [с.557] Ведь не впервые ныне Эрот требует алтаря и жертвоприношения, он не пришелец, воспринятый нами от варварского суеверия, как какие-нибудь Аттисы и Адонисы, тайком пробравшиеся к нам под покровительством полумужей и женщин и присвоившие себе не подобающие им почести, за что они должны были бы подвергнуться судебному преследованию.

Когда Эмпедокл говорит о Дружбе:

Разумом видима только она, а глазам недоступна, -

то это же надо отнести и к Эроту: он имеет не зримый, а только умопостигаемый образ, наравне с наиболее древними богами.

Если ты для каждого из них будешь добиваться доказательств существования, если будешь исследовать всё священное и к каждому алтарю подходить с философской проверкой, то ни один из этих богов не останется за пределами твоих придирчивых подозрений. Не буду уклоняться далеко.

Величье Афродиты кто постигнуть мог? [Еврипид. Утрач.трагедия]

Она всему на свете процветание, [Еврипид. Ипполит 449-450]

Ее творенье всё, что на земле живет.

Совершенно справедливо назвал ее Эмпедокл «дарящей жизнь», а Софокл – «благоплодной». И однако же, великое и удивительное дело Афродиты является и делом сопутствующего ей Эрота, без соучастия которого оно теряет всякую привлекательность, оставаясь

далеким от любви и почитания. [Эсхил. Хоэфоры 295]

Действительно, чуждое Эроту телесное общение, имея своим пределом удовлетворение потребности, подобное удовлетворению голода и жажды, не приводит ни к чему прекрасному; но благодаря Эроту богиня, устраняя пресыщение, приносит дружескую любовь и душевное единение.

Поэтому Парменид в «Происхождении мира» говорит об Эроте как о старшем среди всех порождений Афродиты:

Первым Эрота она породила, древнейшего бога.

Гесиод же с большей, по-моему, философской глубиной называет Эрота старейшим из всех вообще богов, причастным к рождению всего существующего.

[с.558] Итак, если мы лишим Эрота приносимых ему почестей, то не останутся незатронутыми и почести Афродиты. И тут нельзя сослаться на то, что некоторые бранят Эрота, но воздерживаются от нападков на Афродиту; так с одной и той же трагической сцены мы слышим:

Эрот бездельник – божество бездельников, - [Еврипид. Утрач.трагедия]

а вместе с тем:

Киприда, дети, - это не только Киприда, [Софокл. Утрач.трагедия]

она может быть носительницей и многих других имен:

она и Аид, она и неистребимая жизнь,

она и иступленная Лисса.

Так и среди прочих богов нет, пожалуй, ни одного, который избегнул бы злословия со стороны злословящего невежества. ...

...

[с.559] ... А человека, добывающегося самой прекрасной добычи – любви, не направляет и не поддерживает ни один бог, ни один демон? ... (15)

[с.560] ... а можно ли назвать дело более священное и состязание более заслуживающее иметь бога своим распорядителем и судьей, чем эти заботы, связанные с соисканием благосклонности прекрасных молодых людей под руководством Эрота: в этом нет ничего постыдного или вызванного низменной необходимостью. Здесь только убеждение и обаяние, приносящее поистине «сладостный труд» и «благотомительное утомление» [Еврипид. Вакханки 66] и ведущее к добродетели и дружбе не «мимо от богов» [Одиссея II 372] завершаемым, а имеющим своим руководителем и владыкой самого бога Эрота, товарища Муз, Харит и Афродиты. Он сочетает самое отрадное с самым прекрасным,

в сердце посеяв желанье, дающее сладкую жатву,

согласно Меланиппиду...»

[с.561] (16) ...но любовное безумие, [с.562] раз оно охватило и воспламенило человека, не прекратит никакая Муза, никакой чарующий напев, никакая перемена места: влюбленные и в присутствии прекрасного предмета их любви находят в нем отраду, и в отсутствии тоскуют по нем, и днем преследуют, и ночью поют у его дверей, и трезвые призывают, и в застолье приветствуют.

Сказанное кем-то о созданиях поэтического воображения, что они могут быть названы снами бодрствующих людей, с большим основанием можно отнести к воображению влюбленных, которые, находясь вдали от своих возлюбленных, разговаривают с ними как с присутствующими, приветствуют их, обращаются к ним с упреками. Ведь наше зрение все остальные образы вписывает в память как бы водяными красками, и они скоро бледнеют и исчезают, и только образы любимых, как вписанные восковой краской, сохраняются навсегда живыми, движущимися, говорящими.

Римлянин Катон говорил, что душа влюбленного живет в душе любимого. Я же сказал бы, что в душе влюбленного присутствует вся душа любимого, вся его жизнь, характер и действия и благодаря этому влюбленный легко сокращает долгий путь, подобно киникам, которые говорят, что нашли «верный и скорый путь к добродетели». Ведь душа быстро приходит к дружбе и добродетели, как бы несомая на волне страсти вместе с богом.

Подводя итог, я скажу, что не без участия божества преисполняет восторг души влюбленных и не иной является их покровителем и направителем, как тот, которому мы посвящаем нынешнее празднование и приносим жертву. ...

[с.563] ... Многие сводили с другими не только гетер, но и своих жен. ...

В противоположность этому можешь ли ты среди всех влюбленных настоящего и прошлого указать такого, который хотя бы ради почестей Зевса стал сводником своего возлюбленного? Думаю, что нет. Это и невероятно, раз никто из тиранов не встречал врагов среди своих политических противников, а только среди своих соперников в любовных делах. Ведь вы слышали, что и афинянин Аристогитон, и метапонтинец Антилеон, и акрагантинец Меланипп не выступали против тиранов, когда те бесчинствовали [с.564] в своей политической деятельности и пьянствовали, но когда те посягали на их возлюбленных, то, как бы защищая нечто священное и неприкосновенное, не щадили самих себя.

...

(17) Посмотрим теперь, насколько превосходит Эрот в Аресовых делах, будучи не бездеятельным, каким назвал его Еврипид, и не чуждым воинству и не «ночуя на нежных щеках девушки» [Софокл. Антигона 783].

Муж, исполненный Эротом, сражаясь, нисколько не нуждается в Аресе, но, чувствуя присутствие покровительствующего ему бога,

Огонь, и хлябь морскую, и эфирный ток [неизв.трагедия]

Пройти готовый,

сражается за своего друга там, где тот этого ожидает. Когда у Софокла Ниобиды гибнут, поражаемые стрелами, один из них призывает на помощь не кого-то другого, а своего поклонника:

О, защити меня своей рукой...

А о том, при каких обстоятельствах пал в сражении Клеомах фарсалиец, вы, вероятно, слышали. ... [См. выше, в разделе Ранняя архаика] [с.565]

А у вас, Пемптид, в Фивах не было ли в обычае, что влюбленный дарил своему возлюбленному в день его внесения в воинские списки полное вооружение? А муж по имени Паммен, хорошо знающий силу Эрота, изменил воинский строй гоплитов, упрекнув Гомера как далекого от Эрота за то, что он построил ахейан по филам и фратриям, вместо того чтобы поставить рядом влюбленного и возлюбленного

щит со щитом, шишак с шишаком – [Илиада XIII 131; XVI 215]

единственное непобедимое среди воинских построений. Ведь бывает, что покидают в строю близких по филе, родственников и даже, Зевс свидетель, родителей и детей, но между двумя воодушевленными Эротом никогда еще не прошел, разлучив их, ни один неприятель. Более того, влюбленные иногда и помимо случаев крайней необходимости высказывают презрение к опасности и страданиям: так, Терон фессалиец, опершись левой рукой на стену, обнажил меч и отсек себе большой палец, предлагая сопернику сделать то же самое. А другой, упав в сражении лицом вниз, в ожидании смертельного удара умолил врага обождать краткое время, чтобы возлюбленный не увидел его раненым в спину.

[с.566] Не только наиболее воинственные племена более других преданы Эроту – беотийцы, лакедемоняне, критяне, но то же было и среди героев древности – Мелеагр, Ахилл, Аристомен, Кимон, Эпаминонд; возлюбленными последнего были Асопих и Кафисодор, который вместе с ним пал в битве при Мантинее и был рядом с ним погребен. Асопих же остался наиболее опасным и грозным для врагов, и первый, кто решился поразить его, Евкнам из Амфиссы, удостоился почестей героя в Фокиде.

Перечислить все встречи Геракла с Эротом дело трудное, так они многочисленны. Но Июля доньне почитают как его возлюбленного все влюбленные и на его могиле принимают заверения и клятвы от своих любимых. Говорят также, что Геракл, будучи искусным врачом, спас от смертельной болезни жену Адмета Алкестиду, угождая Адмету, который был в нее влюблен, а сам был возлюбленным Геракла. Ведь и об Аполлоне миф говорит, что он, будучи влюблен в Адмета,

рабскую службу нес у него в течение года. [неизв.автор]

Очень кстати нам здесь вспомнилась Алкестиде. Ведь хотя с Аресом у женщин нет ничего общего, она, одержимая Эротом, отваживается на смерть, вопреки своей женской природе. И если можно извлечь что-либо поучительное из мифов, то предание об Алкестиде, о Протесилае и об Орфеевой Евридике показывает, что Эрот единственный из богов, ради которого Аид оказывает уступку, тогда как вообще он, как говорит Софокл,

ни милости, ни снисхождения [Софокл. Утрач.трагедия]

не знает, свят ему один лишь свой закон.

Влюбленных же он совестится, и только по отношению к ним он не столь неумолим и непреклонен. Поэтому, мой друг, хотя и хорошо быть посвященным в элевсинские таинства, я вижу, что и служителям, и посвященным в таинства Эрота уготована лучшая

доля в Аиде; я не доверяюсь полностью мифам, но и не отказываю им вовсе в доверии; они каким-то образом соприкасаются с божественной правдой, когда говорят, что есть для влюбленных какой-то путь восхождения из Аида к свету. Как именно это происходит, они не знают, как бы сбившись с тропы философского рассуждения, который был впервые показан Платоном. Только слабые и неясные проблески истины рассеяны в египетской мифологии, [с.567] но извлечь их и прийти от этих малых начал к великим выводам – дело очень трудное.

Итак, оставим это в стороне и после того, как мы показали силу Эроса, рассмотрим его благосклонность к людям и оказываемые им благодеяния – не в том смысле, что он доставляет тем, на кого он обращен, много добра, ибо это очевидно для каждого, но еще больше в том смысле, что делает лучшими самих влюбленных. Еврипид, хотя и искушенный в делах Эроса, восхищается лишь наименее значительным из этих благ, когда говорит:

Поэтом делает

Эрот того, кто от природы Музам чужд. [Еврипид. Утрач. трагедия]

Он делает также рассудительным легкомысленного и мужественным, как мы видели, робкого – подобно тому как под воздействием жара гибкие древесные ветви становятся жесткими.

Каждый влюбленный, хотя бы он был от природы мелочен, становится щедрым, предупредительным и великодушным, всякие следы скарденности и сребролюбия в нем расплавляются, словно железо в огне, и он радуется, одаривая любимого, больше, чем радовался бы, сам получая подарки от других.

Вам, вероятно, известен такой случай. Анит, сын Антемиона, влюбленный в Алкивиада, однажды давал праздничный обед приезжим гостям. Внезапно в пиршественный зал ворвался с веселой компанией Алкивиад и, забрав со стола половину кубков, удалился. Когда гости стали возмущаться, говоря: «Этот юноша поступил с тобой дерзко и оскорбительно», Анит ответил: «Нет, очень любезно, ведь мог бы и все забрать, а он и мне оставил столько же».

(18) Зевксиппу этот рассказ очень понравился. «Клянусь Гераклом, - сказал он, - я почти готов отказаться от унаследованной нами вражды к Аниту как гонителю философии и Сократа, если он был так кроток и обходителен со своим возлюбленным».

«Более того, - сказал отец, - не превращает ли Эрот вообще людей угрюмых и мрачных в приветливых и общительных?»

Там, где горит огонёк, приветливый облик у дома, -

не так ли светлеет от эротического огня и облик человека? Но большинство людей проявляют в последнем случае странное [с.568] равнодушие: увидав ночью свет в доме, воспринимают это как нечто чудесное и восхитительное; а видя, как мелкая и низменная душа внезапно наполняется разумением, свободолубием, благородством, привлекательностью, щедростью, они не испытывают потребности воскликнуть вслед за Телемахом:

Здесь ясно присутствие бога. [Одиссея XIX 40]

А не удивительно ли, скажи, Дафней, ради Харит, также и следующее. Влюбленный, пренебрегая почти всем, кроме предмета своей любви, - не только товарищами и домашними, но и законами, и начальниками, и царями, - ничего не боясь и ни перед чем не преклоняясь, готовый противостать самому «копью перуна» [Пиндар. Пифийская ода I 5], при первом взгляде на своего возлюбленного

Поник, как кочет, рабское склонив крыло, [Фриних]

и его отвага сломлена, и подкошена гордость его души.

Уместно вспомнить и Сапфо, находясь по соседству с Музами. Римляне говорят, что сын Гефеста Как выдыхал струи пламени; а из уст Сапфо исходят речи поистине смешанные с огнём, и она в песнях воспроизводит жар своего сердца,

Благозвучными Музами врачую Эрота,

как говорит Филоксен. Если Лисандра еще не изгладила у тебя, Дафней, память о твоих прежних любовных переживаниях, напомни нам те стихи, в которых прекрасная Сапфо говорит, как при виде возлюбленной ее голос замирает, по телу пробегает огонь, она бледнеет и ее охватывает головокружение». Когда Дафней прочитал эти известные всем стихи, отец подхватил: «Ради Зевса, что же это, не явная одержимость богом? Не демоническое волнение души? Достигает ли такой силы потрясение, которое испытывает Пифия на своем треножнике? Кого из жрецов приводит в такое исступление звучание флейты, гимны в честь Великой Матери и тимпан?

И ведь многие видят то же самое тело, ту же самую красоту, но охвачен Эротом только один. По какой причине? Но разве непонятно, что имеет в виду Менандр, когда говорит, что любовь – это

души болезнь,

удар, источник раны внутренней.

[с.569] Виновник этой болезни бог, который одного поразит, а других оставит незатронутыми.

...

...три теологические партии, расходясь во мнениях и нелегко воспринимая отдельные взгляды одна от другой, в одном непоколебимо единодушны и Эрота одинаково включают в число богов наиболее выдающиеся из поэтов, законодателей и философов,

единым гласом громко восхваляя,

как выразился Алкей об избрании Питтака тираном у митиленян.

Так Эрот, царь, архонт и гармост, провозглашенный Гесиодом, Платоном и Солоном, нисходит с Геликона в Академию, в [с.570] царском убранстве, с венком на голове, сопровождаемый свитой дружбы и товарищества. Объединены же они не «узами оков» [утрач.трагедия], о которых говорит Еврипид, вводя образ холодной, тягостной и

постыдной необходимости, налагаемой на угнетенных, а окрыленным стремлением к прекраснейшему и божественному бытию, о котором лучше, чем я, сказали другие».

...

Отец сказал, что «египтяне, как и эллины, признают двух Эротов, общенародного и небесного, но за третьего Эрота принимают солнце и высоко почитают Афродиту, отождествляя ее либо с луной, либо с землей.

Мы также усматриваем большое сходство между Эротом и солнцем. Ни то, ни другое не огонь, хотя это и утверждают некоторые, а сладостное и живительное сияние и тепло, которое, несясь от солнца к телу, доставляет ему питание и рост, а от Эрота – доставляет те же блага душам. И как солнце теплее, показавшись из туч после дождя или после тумана, так Эрот, восстановленный примирением с любимым после размолвки, вызванной гневом или ревностью, становится сладостнее и сильнее. Далее, как о солнце некоторые думают, что оно гаснет и возгорается, так же и Эрота они считают смертным и непостоянным. И наконец, как тело, не подвергшись предварительным упражнениям, не может без вреда для себя переносить сияние солнца, так и душа, не получив надлежащего воспитания, не способна безболезненно перенести Эрота: и тело и душа выходят из своего обычного состояния и впадают в болезнь, в которой должны винить не силу бога, но собственную слабость.

Только в том приходится установить различие, что солнце показывает [с.571] зрению одинаково прекрасное и безобразное, а Эрот направляет свой свет только на прекрасное, побуждая влюбленных только на него обращать взоры, а всем остальным пренебрегать.

... И если такое утверждение не покажется слишком резким, то можно было бы сказать, что солнце даже противодействует Эроту: оно отвлекает ум от умозрительного к осязательному, чаруя прелестью зримого и соблазняя только в этом зримом искать и истину, и все блага, а более нигде.

Ко всему, что цветет, что блестит на земле, [Еврипид. Ипполит 193]

Нас влечет необорная страсть, -

говорит Еврипид.

И не знаем мы мира иного,

а вернее, не помним, и только Эрот может напомнить забытое.

Действительно, подобно тому как у проснувшегося при сильном и ярком свете расходятся и разбегаются все образы, явившиеся его душе во сне, так при том изменении бытия, какое составляет рождение в этот свет, солнце, очевидно, поражает наше сознание как бы неким зелием, и от радостного удивления забывается всё то прежнее. А между тем подлинной явью для души было именно то бытие, и, придя сюда, она видит сон, в котором с восхищением приветствует солнце как прекраснейший и божественнейший образ.

Радостно-ложным она обольщается тотчас виденьем, [неизв.автор]

уверенная, что всё окружающее ее здесь прекрасно и ценно, пока не встретится ей в лице божественного Эрота здравый врачеватель и спаситель: ведя ее от тел к истине, из Аида в

«поле истины», где утверждена великая и чистая и неложная красота, которой она жаждет приобщиться, он направляет ее, как руководитель таинств – их участника.

[с.572] Но раз душа возвращена в этот мир, Эрот не может общаться с ней самой по себе, а только при посредстве тела. Подобно тому как геометры, обращаясь к ученикам, еще не способным представить себе умопостигаемые предметы, показывают им осязаемые и зримые воспроизведенные подобия шаров, кубов, додекаэдров, так небесный Эрот, изощряясь в очертаниях, красках и формах, показывает нам в блистающих молодостью образах отражения прекрасного – прекрасные, но божественного – смертные, не подверженного изменениям – подверженные, умопостигаемого – чувственные и так постепенно пробуждает нашу разгорающуюся память.

И вот некоторые, ложно наставляемые друзьями и близкими, пытаясь насильно и безрассудно погасить страсть, не пришли ни к чему хорошему, но или наполнились чадом смятения, или, обратившись к темным и недостойным наслаждениям, бесславно увяли. Те же, кто, руководствуясь здравыми рассуждениями и совестью, как бы отняли у огня его безудержность, но оставили душе сияние, свет и теплоту, которая вызывает не сотрясение, как сказал кто-то, теснящее атомы семени под воздействием возбуждения и благодаря их гладкости, а удивительный животворный разлив, подобный движению соков в растении и раскрывающий поры взаимопонимания и благорасположения. Не проходит много времени, и они, минуя тело любимых, проникают до глубины их существа, разверзшимися очами созерцают их нравственный облик и вступают в общение с ними в речах и делах, если те хранят в душе очертания и образ прекрасного; если же нет, то оставляют их без внимания и обращаются к другим, подобно тому как пчелы оставляют пышно расцветшие, но не содержащие меда растения. Там же, где они встречают след, намек, радостный признак присутствия бога, они исполняются божественного восторга и загораются радостным воспоминанием того, что поистине всем несет радость, блаженство и любовь.

(20) То, что пишут и поют об Эроте поэты, - по большей части шутки, свойственные разгульному веселью, но кое-что сказано ими серьезно, либо по собственному разумному рассуждению, либо потому, что с помощью бога пришли они к истине: одно из таких высказываний относится к его происхождению:

это могучий бог, [Алкей]

рожденный быстрой Иридой

и златокудрым Зефиром,

[с.573] если только вас не переубедили грамматикки, говоря, что это образ, относящийся к переливчатой изменчивости цветов радуги. ... Ирида, то есть радуга, - это преломление солнечных лучей, встретивших облако умеренной влажности и прозрачности и средней толщины; вследствие преломления нам кажется, что явление происходит в самом облаке. Таково же и эротическое переживание, производимое благородными и прекраснлюбивыми душами: они вызывают преломление памяти от того, что мы наблюдаем здесь как прекрасное и называем таковым, к тому, что, находясь за нашими пределами, божественно, и прелестно, и блаженно, и, единственное, поистине прекрасно.

Но большинство влюбленных, преследуя и нащупывая в мальчиках и женщинах угадываемый образ той красоты, не могут найти ничего более прочного, чем наслаждение, смешанное с горечью; таково заблуждение Иксиона, пытающегося в облаке уловить

призрачный образ предмета своей страсти; так и дети, прельщенные радугой, пытаются схватить ее руками.

Иное отношение к возлюбленному у здорового и мыслящего влюбленного: его взгляд преломляется в сторону божественной и умопостигаемой красоты: встретившись с красотой зримого тела, он пользуется ею как опорой для памяти, любит ее и, радуясь этому общению, еще более воспламеняется мыслью. Но, оставаясь в этом телесном мире, он не сидит в бездеятельном восхищении, пораженный божественным светом, а оказавшись после смерти там, не ищет бегства и возвращения в земной мир, чтобы витать у дверей новобрачных, уподобляясь злым призракам преданных телесным наслаждениям мужчин и женщин, не заслуживающих названия влюбленных.

Истинный же причастник Эроса, оказавшись в том мире и вступив по заслугам в общение с красотой, окрыляется и сопровождает своего бога в вышнем хороводе до тех пор, пока не вернется на луга Луны и Афродиты, где уснет, ожидая нового рождения.

Но все это уже выходит за пределы нашего теперешнего разговора. Эроту же, как и прочим богам, по слову Еврипида,

любезны должны от смертных почести [Еврипид. Ипполит 7]

и неуютно пренебрежение ими; он благосклонен к приемлющим его достойным образом, но суров к своевольным. Не так преследует [с.574] и наказывает за обиды гостей и просителей Ксений и за неуважение к родителям Генетлий, как выслушивает жалобы оскорбленных любовников Эрот, строгий каратель грубости и высокомерия.

Надо ли напоминать об Евксинтете и Левкокоме? ...

(далее часть диалога утеряна. Речь Зевксиппа против супружеской любви)

Продолжение речи отца Автобула:

«(21) Кроме того, источники зарождения любви принадлежат не одному какому-либо полу, а одинаково обоим. Разве не могут происходить как от мальчиков, так и от женщин те образы, которые проникают в тело подверженных Эроту, приводят в движение и возбуждение его состав и стекаются в семя вместе с другими атомами?»

То же относится к прекрасным и священным воспоминаниям, возвращающим нас к божественной и истинной олимпийской красоте и окрыляющим душу – что препятствует им происходить от девушек и женщин, равно как от мальчиков и юношей, если сквозь свежесть и привлекательность внешнего образа просвечивает чистая и благородная душа – как хорошо сшитая обувь, по слову Аристона, показывает красоту ноги, - когда тот, кто способен это воспринять, распознает в прекрасных и чистых телесных очертаниях прямые и нерушимые следы светлой души?

Один драматический персонаж, преданный удовольствиям, на вопрос:

Склоняешься ль к мужским иль женским прелестям? – [автор неизв.]

отвечает:

Где красота, туда лишь и склоняюсь я.

Но этот ответ говорит лишь о его низменных вожделениях: что же, человек, преклоняющийся перед истинно прекрасным, в своем любовном выборе будет исходить не из красоты и благородства души, а из половых различий?

[с.575] Далее, любитель лошадей не меньше восхищается природными качествами Подарга, чем «Агамемноновой Эты», и охотник высоко ценит не только кобелей, но воспитывает также критских и лаконских сук; что же, ценитель прекрасного в людях не будет беспристрастен по отношению к обоим полам, но станет проводить различие между любовью к мужчинам и любовью к женщинам, словно между мужской и женской одеждой?

Говорят, что цветущая внешность – это «цвет добродетелей». Нелепо же думать, что женщина не может иметь и признаков природной добродетели. ...

[Далее излагаются примеры женской добродетели]

[с.577] (23) ... Что же касается общения, или, вернее, гнусного сочетания мужского с мужским, то каждый разумный скажет:

Гибрида, не Киприда здесь зачинщица. [неизв.трагедия]

Поэтому тех, кто добровольно подвергается этому извращению, мы относим к самому низкому роду порочности, не видя в них ничего достойного доверия, уважения и дружбы, а скажем вслед за Софоклом:

Счастлив такого друга не имеющий, [Софокл. Утрач.трагедия]

а кто имеет, стоит сожаления.

Те же, кто непорочен от природы, но обманом или насилем был вынужден предать свое тело, ни к кому на свете не питают такой ненависти, как к тем, кто ими так злоупотребил, и жестоко [с.578] мстят им, если представится случай: так, Архелая убил ставший его возлюбленным Кратей, а фереийского Александра – Пифолай; амбракийский тиран Периандр спросил у своего возлюбленного, не забеременел ли он уже, и тот, озлобившись, убил его. Но для женщины это сближение – источник дружбы, как приобщение к великим таинствам. ...

Скажут: «Много зла и безумств происходит от любви к женщинам». Но не больше ли от любви к мальчикам?

Его увидев, позабыл я сам себя. [неизв.комедия]

Прекрасный безбородый нежный юноша.

С ним умереть, чтоб эпиграммой сделаться.

Все это проявления необузданной страсти к мальчикам; наряду с этим возможна и такая же страсть к женщинам, но как то, так и другое – не Эрот.

...

[с.580] ... Ты знаешь, сколько насмешек вызывает непрочность любви к мальчикам: говорят, что этого рода связь, как яйцо, легко рассекается волосом, а сами влюбленные, подобно кочевникам, проведя весну в цветущей области, затем ретируются оттуда, словно из неприятельской земли. Более грубо выразился софист Бион, сказав, что каждый волос на теле красавцев – это Гармодий или Аристокитон, избавляющий влюбленных от той распрекрасной тирании, которой они себя подвергли. Было бы, однако, несправедливо относить это к случаям истинной любви, и тут надо согласиться с метким словом Еврипида: обнимая и целуя прекрасного Агатона, когда тот был уже бородатым, он сказал, что прекрасное прекрасно и в своей осени. ...

[Рассказ о Эппоне, жене Сабина]

[с.582] ... (26) На этом, говорил отец, закончилась их беседа об Эроте, когда они уже подходили к Феспиям...»

Моралии

(№ 1561). «Если Сапфо изяществом песен своих гордилась настолько, что некоей богачке писала:

После смерти ждет тебя мрак забвенья:

не причастна ты к Пиерийским розам, -

то разве не больше у тебя будет оснований гордиться, если не к розам будешь причастна, но к плодам, коими Музы со всею щедростью награждают почитателей наук и философии?» (Плутарх. Наставление супругам 48, пер. Э.Г.Юнца [Плутарх 1983, с.359])

(№ 1562). «Гермолай прислуживал Александру, Павсаний охранял жизнь Филиппа, Херей – жизнь Гая [Калигулы], но каждый из них, сопровождая всюду своего повелителя, повторял про себя:

Ты мне заплатишь за все, едва лишь возможность предстанет! [Ил. XXII 20] » (Плутарх. О суеверии 11, пер. Э.Г.Юнца [Плутарх 1983, с.398])

(№ 1563). «Вот поведение влюбленного – устроить шествие к дому предмета любви, пропеть серенаду, украсить дверь венком – все это приносит ему некоторое удовлетворение и не лишено изящества:

Кто и откуда ты, я не спросил, и только на двери

Запечатлел поцелуй; грешен я, если то грех [Каллимах, эп. 42, ст.5-6]» (Плутарх. О подавлении гнева 5, пер. Я.М.Боровского [Плутарх 1983, с.445])

(№ 1564). «Может показаться, что подобным же образом и Гесиод, делая первичными Хаос, Землю, Тартар и Любовь, имеет в виду не другие начала, но эти самые; если же говорить об именах, то, изменив их, мы так или иначе назовем Землю Исидой, Любовь – Осирисом, а Тартар – Тифоном; Хаос же, как представляется, поэт помещает внизу в качестве почвы и пространства Всеобщности.

Эти обстоятельства, так или иначе, вызывают в памяти платоновский миф, который в «Пире» Сократ рассказывает о рождении Эроса [203b]. Он повествует, как Пеня, желая ребенка, прилегла к спящему Пору и, зачав от него, родила Эроса, имеющего смешанную и неоднородную природу, потому что он родился от отца благородного, мудрого и во всем независимого, от матери же – беспомощной, бедной, льнувшей из-за нужды к другим и кланчащей у них. А Пор – не кто иной, как первый возлюбленный, желанный, совершенный и независимый. Пеней же он назвал материю, не имеющую в самой себе блага, однако наполняющуюся им и всегда стремящуюся к нему, и берущую его долю. Родившийся от них космос, или Гор, не является ни вечным, ни неизменным, ни бессмертным, но, беспрестанно перерождаясь, он движется и остается юным и неуничтожимым благодаря периодам и смене явлений» (Плутарх. Об Исиде и Осирисе 57, пер. Н.Н.Трухиной [Плутарх 1996, с.52])

(№ 1565). «...и от опьянения, и от сильного чувства, и от прилива печали, и от порыва радости люди обретали «сладкозвучную речь», и застолья наполнялись любовными стихами и песнями, а книги – писаниями. Эврипид, сказав

Создаст поэта Эрос хоть из неуча, [Еврипид. Сфенебея]

подразумевал, что Эрос не вкладывает в нас, а пробуждает присущие, разогревает скрытые и дремлющие способности к музыке и поэзии. А то не сказать ли нам, гость, видя, что никто ни в стихах, ни в песнях, по Пиндарову слову,

не рассылет, как стрелы, медвяные гимны свои, - [Истм. II 3]

не сказать ли, будто нынче никто не умеет любить, и Эрос покинул нас? Ясно, что это нелепость: ведь много любовных страстей и в наши дни обуревают людей, возбуждая души, не способные и не готовые к мусическому искусству, чуждые флейты и лиры, но от этого не менее пылкие и речистые, чем в старину.

Грешно и стыдно было бы сказать, будто не ведает Эроса Академия и весь хор Сократа и Платона, - каждому открыты их беседы о любви, хотя стихов они и не оставили. И не все ли равно: сказать «не было влюбленных женщин, кроме Сапфо» или «не было пророчиц, кроме Сивиллы, Аристоники и прочих, которые вещали стихами»; как Херемон говорил, что «вино смешивается с характерами пьющих», так и любовное и пророческое вдохновение пользуется теми способностями, какие есть у одержимых, и каждого из них волнует сообразно с его природою» (Плутарх. О том, что Пифия более не прорицает стихами 23, пер. Л.А.Фрейберг [Плутарх 1996, с.120-121])

(№ 1566). «Плутарх. Впрочем, вспомни-ка недавно отпразднованные Феоксении и то, как глашатай призывал потомков Пиндара принять подобающую им долю приношений. Не показалось ли тебе это установление прекрасным и приятным?

Тимон. Ах, кого же не тронет подобное выражение почтения, выказанное по простодушному древнеэллиническому обычаю? Разве что какое-нибудь «черное сердце, выкованное на холодном огне», по словам самого Пиндара.

Плутарх. Тогда не буду напоминать, что и в Спарте подобным же образом выкликают «потомков Лесбийского певца» из почтения к памяти Терпандра, ибо это то же самое» (Плутарх. Почему божество медлит с воздаянием 13, пер. Л.А.Ельницкого [Плутарх 1996, с.150])

(№ 1567). «Например, Агесилай не позволил, чтобы пришедший к нему красавец-мальчик поцеловал его, а Кир не осмелился увидеть Панфею» (Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения 11, пер. Л.А.Фрейберг [Памятники 1964, т.3, с.37])

(№ 1568). «Мысль: [трагедия неизв. автора]

С кем дружен он, с мужчиной или с женщиной?

За красотой идет он в обе стороны

лучше было бы выразить так:

За мудростью идет он в обе стороны.

Это правильнее и пристойнее. А тот, на кого действуют красота и удовольствие, порочен и неустойчив. ... Вот какого рода должны быть исправления поэтических текстов» (Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения 12, пер. Л.А.Фрейберг [Памятники 1964, т.3, с.42])

(№ 1569). «[речь от имени животных] (7) Вот как мало значит у нас наслаждение, ибо всем управляет природа. Поэтому до сих пор животные остались чужды однополой любви самцов к самцам и самок к самкам, в то время как у вас подобные примеры нередки среди самых замечательных людей, не говоря уже о безвестных. Так, например, Агамемнон обошел всю Беотию, охотясь за бежавшим от него Аргинном, и свалил эту задержку на море и ветры, а затем, вспомнив о благоразумии, благоразумно искупался в Копайдском озере, чтобы потушить любовь и избавиться от страсти. Так же точно Геракл искал своего юного друга и потому был оставлен спутниками и не мог принять участие в походе. В храме Аполлона Птейского кто-то из вас потихоньку нацарапал «Ахилл красавец», хотя к этому времени у Ахилла был уже сын. Насколько мне известно, эта надпись существует и сейчас.

Петуха, который за неимением курицы топчет другого петуха, сжигают живьем, так как это, по словам какого-то прорицателя или толкователя знамений, предвещает ужасную беду. Таким образом, сами люди признают, что животные более целомудренны и им несвойственно ради своих наслаждений попирают естество. А у вас, даже в союзе с законом, природа не в состоянии положить предела похоти: подхваченная страстями, точно потоком, похоть эта несет с собою отталкивающие отступления от естества,

пренебрежение им и надругательство» (Плутарх. Грилл, или О том, что животные обладают разумом 7, пер. С.В.Поляковой [Греческая проза 1961, с.139])

(№ 1570). «Этого достигают одни раньше, другие позже, когда ум отрешится от души: отрешается же он вследствие любви [έρωτί] к образу [эйкон] на Солнце, через который просвечивает желанное, прекрасное и божественное, к коему стремится всякая природа, одна одним, другая другим путем. Ведь и Луна из любви к Солнцу совершает круги и стремится соединиться с ним, дабы приобрести от него наиболее производительную силу». (Плутарх. О лике, видимом на диске Луны 30, пер. Г.А.Иванова под ред. В.В.Петрова [Философия природы 2000, с.167])

(№ 1571). «[О диадохах]. А между тем их бесконечные свадьбы, когда они, словно жеребцы в стадах, без стеснения проводили среди женщин дни напролет, то, как они совращали мальчиков ... описать не хватило бы никакого времени». (Плутарх. Об удаче и доблести Александра II 5, пер. Г.П.Чистякова и Э.Г.Юнца [Курций 1993, с.444])

«Сравнительные жизнеописания»

(№ 1572). «Праздник Осхофорий был также учрежден Тесеем. Дело в том, что, отправляясь на Крит, он увез с собою не всех девушек, на которых пал жребий, но двух из них подменил своими друзьями, женственными и юными с виду, но мужественными и неустрашимыми духом, совершенно преобразив их наружность теплыми банями, покойною, изнеженною жизнью, умощениями, придающими мягкость волосам, гладкость и свежесть коже, научив их говорить девичьим голосом, ходить девичьей поступью, не отличаться от девушек ни осанкой, ни повадками, так что подмены никто не заметил. Когда же он вернулся, то и сам и эти двое юношей прошествовали по городу в том же облачении, в каком ныне выступают осхофоры. Они несут виноградные ветви с гроздьями – в угоду Дионису и Ариадне, если следовать преданию, или же (и последнее вернее) потому, что Тесей вернулся порою сбора плодов. ... Эти сведения мы находим и у Демона [историк конца IV в.]» (Плутарх. Тесей 23, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.15])

(№ 1573). «Так или иначе нет ничего несообразного в дружеском расположении божества к человеку и в понимаемой под этим любви, которая состоит в заботе о нравственном совершенстве любимого. А значит, не погрешают против истины те, кто рассказывает о Форбанте, Гиакинфе и Адмете, возлюбленных Аполлона, а равно и об Ипполите Сикионском, коль скоро всякий раз, как Ипполит пускался в плавание из Сикиона в Киру, бог, говорят, радовался, чувствуя его приближение, и Пифия среди прочих прорицаний неизменно изрекала следующий стих:

Вновь Ипполит мой любимый вступает на волны морские.

Существует предание, что Пиндара и его песни любил Пан» (Плутарх. Нума 4, пер. С.П.Маркиша [Плутарх 1994, т.1, с.73])

(№ 1574). «Рассказывают, что во время какого-то представления роль Диониса играл его раб – огромного роста красавец, еще безбородый. Афиняне пришли в восторг от этого зрелища и долго рукоплескали, а Никий, поднявшись, сказал, что нечестиво было бы удерживать в неволе тело, посвященное богу, и отпустил юношу на свободу» (Плутарх. Никий 3, пер. Т.А.Миллер [Плутарх 1994, т.1, с.586])

О бородах македонян. (Плутарх. Тесей 5 [Там же, т.1, с.7])

О Тесее и Пирифое (Плутарх. Тесей 30-31 [Там же, т.1, с.19-20])

О юношах, переодетых женщинами. (Плутарх. Солон 8 [Там же, т.1, с.96])

Гиакинфии у спартанцев (Плутарх. Аристид 10 [Там же, т.1, с.370])

Об Академии. (Плутарх. Кимон 13 [Плутарх 1994, т.1, с.544])

Деметрий, любимец Помпея. (Плутарх. Помпей 40 [Там же, т.2, с.86]; Плутарх. Катон Младший 13 [Там же, т.2, с.230])

О красоте римских солдат (Плутарх. Цезарь 45 [Там же, т.2, с.189])

Цицерон о современнике Горгии. (Плутарх. Цицерон 24 [Там же, т.2, с.351])

Псевдо-Плутарх

(№ 1575). «Пелоп, сын Тантала и Эврианассы, взял в жены Гипподамию, имел от нее двух сыновей – Атрея и Фиеста, а от нимфы Данаиды – Хрисиппа, которого он любил больше, чем своих законных детей. Его похитил фиванец Лай, воспылав к нему любовью. Лай был схвачен Атреем и Фиестом. Но Пелоп помиловал его, полагая, что любовь – оправдание. Тогда Гипподамия стала уговаривать Атрея и Фиеста убить Хрисиппа, видя в нем преемника царя. Получив от них отказ, она запятнала себя бесславным убийством: ночью она вытащила у спящего Лая меч и, вонзив его в Хрисиппа, нанесла ему тяжелую рану. Когда на Лая из-за его меча пало подозрение в убийстве, Хрисипп спас его, ибо, полумертвый, открыл правду. А Пелоп, похоронив сына, изгнал Гипподамию. Так повествует Досифей в книге «О Пелопидах» (Псевдо-Плутарх. Собрание параллельных греческих и римских историй 33, пер. Т.В.Васильевой [Пс.-Плутарх 1980, с.234])

Эпиктет

(№ 1576). «Ведь что такое трагедии, как не страсти людей, дорожащих тем, что относится к внешнему миру, показываемые стихотворным размером трагедии?» (I 4, 26 [Эпиктет 1997, с.47])

(№ 1577). «Что теряет терпящий действия извращенного? Мужчину. А действующий? Много и другого, но и сам тоже ничуть не менее мужчину» (II 10, 17 [Эпиктет 1997, с.111])

(№ 1578). «...Александр велел сжечь святилище Асклепия из-за того, что его любимый умер» (II 22, 18 [Эпиктет 1997, с.142], ср. Арриан. Поход Александра VII 14, 5)

(№ 1579). «Кому хочешь ты понравиться? Бабенкам? Нравься им как мужчина. – Да, но им приятны неволосатые. – Не повеситься ли тебе? И если бы им были приятны извращенные, ты стал бы извращенным?» (III 1, 32 [Эпиктет 1997, с.156])

(№ 1580). «Ты живешь в державном городе: ты должен занимать должности, судить справедливо, воздерживаться от чужого, тебе не должна представляться красивой никакая жена, кроме твоей, не должен представляться красивым никакой мальчик, не должна представляться красивой никакая серебряная утварь, никакая золотая утварь» (III 7, 21 [Эпиктет 1997, с.166])

(№ 1581). «Я как-то сказал, тоже одному возмущавшемуся тем, что Филосторг счастлив: «Хотел бы ты сам спать с Сурой?» - Да не настанет, - говорит он, - тот день!» (упоминается Марк Пальфурий Сура) (III 17, 4 [Эпиктет 1997, с.181])

(№ 1582). «Тебе не должны представляться прекрасными не девчонка, ни брэнная слава, ни мальчишка, ни лепешечка» (III 22, 14 [Эпиктет 1997, с.187])

(№ 1583). «...ты вот что мне скажи: никогда не был ты влюблен в кого-нибудь? в девчонку, в мальчишку, из рабов, из свободных?» (IV 1, 15 [Эпиктет 1997, с.217]) (рассуждения о свободе)

(№ 1584). « - Но Сократ мылся редко. – Но тело его блистало здоровьем, но оно у него было так обаятельно и приятно, что в него влюблялись находящиеся в самой цветущей поре и самые благородные и предпочитали возлежать рядом с ним, чем рядом с самыми красивыми. Ему можно было и не мыться и не ополаскиваться, если он так хотел. Однако и редкое мытье имело свое действие» (IV 11, 19 [Эпиктет 1997, с.261])

См. также: I 1, 28 (о бритве); I 16, 10 (о бороде как опознавательном знаке) [Там же, с.67]; II 1, 28; (III 1, 28, о волосах [Там же, с.155-156]) III 3, 13.14.

II 18, 16 [Там же, с.130], 22 (Сократ и Алкивиад) III 1, 42 (Сократ и Алкивиад)

Диктис Критский

«Дневник Троянской войны» (пер. В.Н.Ярхо).

I 14 (об Ахилле), II 26 (о Ганимеде), III 11 (оплакивание Патрокла), IV 11 (убийство Ахилла при участии Деифоба)

(№ 1585). «(III 14) А тот [Ахилл] уже собрал останки Патрокла в урну, загасив вином тлеющий пепел, так как решил в душе забрать его с собой в отчужденную землю или, если судьба распорядится иначе, лечь в одну могилу с самым дорогим для него человеком. Пленников и вместе с ними сыновей Приама велит отвести к костру и заколоть немного поодаль от

пепелища, - разумеется, в качестве жертвы манам Патрокла. И тотчас тела царевичей он бросает на растерзание собакам и заявляет, что перестанет спать на земле не ранее, чем отомстит виновнику горя его кровью» [Диктис 2002-03 (2002. № 3), с.248]

(№ 1586). «(VI 14) В то же самое время Улисс, испуганный частыми предзнаменованиями и неблагоприятными сновидениями, собирает отовсюду из своей страны самых опытных людей в толковании снов. Им он рассказывает, что среди прочего часто видится ему, как некий призрак, обличьем средний между человеческим и божественным, необыкновенной красоты, рождается неожиданно из того же места, что он сам. Когда Улисс с величайшей страстью желает его обнять и протягивает руки, тот отвечает ему человеческим голосом, что такого рода связь преступна, так как оба они происходят от одной и той же крови; поэтому один из них погибнет старанием другого» [Диктис 2002-03 (2003. № 4), с.261-262]

«Роман об Иолае»

(№ 1587). Найденный на папирусе фрагмент романа (Р. Оху. XLII, 3010) в изложении Л.В.Павленко [ВДИ. 1985. № 2, с.190]:

«...некий «истинный галл», жрец-кастрат культа Кибелы, ... обещает посвятить хозяина дома Иолая в мистерии этого культа. Здесь же кроме Иолая присутствует некий не названный по имени кинед. Первая прозаическая часть фрагмента (ст.1-13) содержит обещания галла «научить» Иолая. ... Далее в поэтической, выполненной сотадовым стихом вставке (ст.14-33) галл Никон обращается к Иолаю и кинеду со своей «мистической» проповедью, очень похожей на предсказание будущей жизни выдержавшего обряд инициации истинного галла...»

Харитон

«Повесть о Херее и Каллирое»

(№ 1588). «[с.19] Жил в городе [Сиракузах] некий юноша, превосходивший красотой всех и похожий на Ахилла, Нирея, Ипполита и Алкивиада, какими их изображают ваятели и живописцы. ...

[Херей влюбляется в Каллирою]

[с.21] ...его болезнь все ухудшалась – он даже отказался от своих обычных занятий в гимнасии. Гимнасий же скучал по Херею и как бы осиротел без него: сверстники любили юношу. Расспрашивая о причине его отсутствия, они узнали о болезни Херея и жалели прекрасного юношу, которому грозила смерть из-за страданий его благородной души.

...

[с.24] Она же [Каллироя], дочь стратега и девушка, полная достоинства, возмутилась дерзкой клеветой и сказала: «Никакого комоса у дверей моего отца не было, твои же двери, может, любовались на него не раз, и теперь твоих возлюбленных берет досада за

то, что ты женился»». (Харитон. Повесть о Херее и Каллирое, кн. I [Харитон 1994, с.19, 21, 24])

Ксенофонт Эфесский

«Повесть о Габрокоме и Антии»

(№ 1589). «[Габроком и Антиа попадают в плен к пиратам и их предводителю Коримбу]

(I 14) ... Привыкнув во время путешествия каждый день видеть Габрокома, Коримб полюбил его страстной любовью, а постоянное общение все больше его разжигало.

(15) Видя, как тяжело страдает юноша и как сильно он любит Антию, Коримб в дороге не пытался соблазнить его и не отваживался применить силу, опасаясь, как бы Габроком из-за такого поношения не совершил над собой чего худого. Только в Тире он дал волю своей любви – начал оказывать Габрокому услуги, уговаривал его мужаться и всячески о нем заботился.

...

[Евксин убеждает Габрокома]: «Знай, от тебя самого зависит стать вновь свободным и счастливым, если ты только пожелаешь уступить своему господину Коримбу: он любит тебя страстной любовью и с радостью сделает хозяином всего своего добра...»

[Ксенофонт Эфесский 1956, с.27-28]

(№ 1590). (II 1) [Габроком - Антии]: «Любит меня Коримб, тебя желает Евксин. О губительная для нас обоих красота! Затем ли я доселе хранил свою чистоту, чтобы отдаться разбойнику, пылающему постыдной страстью?! Что за жизнь ожидает меня – из честного человека я стал продажной девкой и Антию свою потерял. Но нет, клянусь чистотой - моей подругой еще с детских лет, я не покорюсь любви Коримба» [Ксенофонт Эфесский 1956, с.30]

(№ 1591). Рассказ Гиппотоя [Ксенофонт Эфесский 1956, с.40-42]: «(III 2) Родом я из Перинта, что неподалеку от фракийских пределов, и принадлежу к числу самых знатных людей в городе. Ты, конечно, слышал, как славен Перинт и как богаты его жители. Там в молодые годы я полюбил прекрасного отрока. Он был тоже перинтянин, а звали его Гиперант. Я влюбился с первого взгляда, как только увидел его в гимнасии, и с тех пор не знал покоя. И вот, во время ночного торжества, когда справлялся наш перинтский праздник, я подхожу к Гиперанту и умоляю сжалиться надо мной. Отрок, преисполнившись сострадания, обещает мне всё.

Первыми шагами любви были поцелуи, нежные прикосновения, а с моей стороны – и слезы; потом мы стали находить случаи оставаться друг с другом наедине: наш возраст избавлял нас от подозрений. Долгое время мы были неразлучны и нежно любили друг друга, пока некий демон не стал завидовать нашему счастью.

Из Византия, - Византий недалеко от Перинта, - приезжает однажды знатный человек, богатый несметно, а потому высокомерный и заносчивый. Звали его Аристомах. Едва

приехав, он, словно злое божество послало его мне на погибель, видит нас вместе и влюбляется в Гиперанта, восхищенный его красотой, которая, впрочем, могла восхитить кого угодно. Аристомах вел себя не так, как того требовала благопристойность, а надоедал юноше своей настойчивостью. Когда же понял, что из этого ничего не выходит (из-за благосклонности ко мне Гиперант никого не хотел видеть), Аристомах обратился к его отцу, человеку дрянному и падкому до денег. А тот охотно отдает ему сына под предлогом обучения: Аристомах говорил, что он учитель красноречия. И вот, взяв Гиперанта к себе, Аристомах сначала держал его взаперти, а потом увез в Византий.

Я махнул рукой на все и последовал за ними; там я пользовался всякой минутой, чтобы быть вместе с Гиперантом, но таких минут было немного – поцелуи для меня стали редки, разговоры почти недоступны: за мной следили рабы Аристобаха.

Наконец, не в силах дольше так жить, я решаюсь поехать в Перинт. Я распродал там все свое имущество, собрал достаточно денег и снова вернулся в Византий. Поздней ночью, вооруженный, я прокрадываюсь с согласия Гиперанта в дом и, найдя спящего рядом с мальчиком Аристообаха, в страшной ярости наношу ему смертельный удар. Пользуясь тем, что все в доме спят, я поспешно выбегаю вместе с Гиперантом. За ночь мы добираемся до Перинта и там, никем не замеченные, садимся на корабль и отплываем в Азию.

[с.42] Море было спокойным, пока не показался Лесбос; тут внезапно поднимается буря и опрокидывает наш корабль. Я плыл рядом с Гиперантом и поддерживал его, чтобы облегчить мальчику борьбу с волнами. И все-таки к ночи он не выдерживает, выбивается из сил и гибнет на моих глазах. Я спас только его мертвое тело и похоронил на берегу. Я заливался слезами, Габроком, и горестно стонал над его могилой, а потом, найдя большой гладкий камень, поставил памятник, сложив стихи на смерть бедного отрока:

Юноше славному родом, любезному мне Гиперанту,

Памятник горестный я здесь, на чужбине, воздвиг.

Волею демона злого он рано с землею расстался,

Бурной волной унесен в моря бездонную глубь»

(№ 1592). «(V 9) ...покинув Тавромений, он [Гиппотой] прибыл в Италию; его сопровождал мальчик по имени Клисфен, сицилиец благородного происхождения, который пользовался богатством Гиппотоя, потому что был красив» [Ксенофонт Эфесский 1956, с.64]

(№ 1593). «(V 13) ... Ночью гости расположились, как им было угодно: Левкон возлег с Родой; Гиппотой с красавцем Клисфеном, тем самым сицилийским отроком, который сопровождал его в Италию, Антия же разделила ложе с Габрокомом» [Ксенофонт Эфесский 1956, с.70]

(№ 1594). «(V 15) ...[Гиппотой] поставил на Лесбосе большой памятник Гиперанту, усыновил Клисфена и поселился в Эфесе вместе с Габрокомом и Антией» [Ксенофонт Эфесский 1956, с.71]

Ахилл Татий

«Левкиппа и Клитофонт»

(№ 1595). «(I 7) [с.13] У меня был двоюродный брат, сирота, звали его Клиний. Двумя годами старше меня, - уже причастный к таинству любви, он был влюблен в одного отрока. Клиний проявлял к мальчику необычайную щедрость. Как-то он купил себе коня, и, когда мальчик похвалил покупку, Клиний немедленно отдал ему этого коня.

Я всегда подшучивал над ним, ведь он растрачивал время на то, чтобы любить, он был рабом радостей любви. Улыбаясь, Клиний покачивал головой и говорил мне:

- Подожди немножко, и сам попадешь в рабство к Эроту.

Вскоре после того, как все это со мной случилось [Клитофонт влюбился в Левкиппу], я побежал к Клинию, сел рядом с ним, обнял его и сказал:

- Клиний, я, кажется, наказан за свои шутки. Я тоже стал рабом.

Клиний захлопал в ладоши, засмеялся и поцеловал мое измученное любовной бессонницей лицо.

- Ты любишь, ты любишь по-настоящему! – восклицал он. – Я вижу это по твоим глазам.

Не успел он сказать это, как вбегает Харикл (так звали его возлюбленного).

- Я погиб, Клиний, - говорит он, объятый тревогой.

Клиний застонал и, словно от ответа мальчика зависела его жизнь, стал просить:

- Я умру, если ты будешь молчать! Что за беда случилась с тобой? С кем надо сразиться?

- Отец, - отвечает Харикл, - задумал женить меня. Причем он прочит мне в жены уродку, таким образом суля мне двойное зло. Ведь жена – сама по себе уже зло, даже если она красива, а уродливая жена – это зло вдвойне. Но отец спешит породниться с ней, чтобы таким образом получить богатство. И я, несчастный, должен жениться на ее деньгах, продают меня в рабство.

(8) Когда Клиний услышал это, вся краска сошла с его лица. Он принялся отговаривать мальчика от вступления в брак и при этом осыпал бранью весь женский род.

...

- ... Нет человека, который способен вынести ее, а такой прекрасный юноша, как ты, нипочем с ней не справится. Харикл, я умоляю тебя, ради всех богов, не превращайся в раба, не губи раньше времени цветок своей юности. Ведь, кроме всего прочего, в браке заложено еще одно зло: он иссушает силы и красоту...»

(9-11) [Беседа Клиния и Клитофонта о Левкиппе].

(12) [с.18-19] «Так мы сидели и рассуждали. Вдруг вбегает мальчик, один из рабов Харикла, и по лицу его видно, что он принес плохую весть. Клиний тотчас это понял.

- С Хариклом стряслась беда! – вскричал он.

- Харикл мертв! – почти одновременно с Клинием воскликнул раб.

При этом известии Клиний лишился дара речи и остался недвижим, словно пораженный ударом грома. Раб же начал рассказывать:

- Он сел на твоего коня, Клиний, и поначалу конь шел медленно. Сделав два или три круга, Харикл остановил коня, чтобы обтереть с него пот, но не спешил, а поводья отпустил. Он обтирал пот с боков коня, как вдруг сзади послышался какой-то шум. Перепуганный конь встал на дыбы и, обезумев, пустился вскачь. Ужаленный страхом, он летел стрелой, выгнув шею, закусив удила, грива его развевалась по ветру. Ноги его словно устроили состязание между собой, - задние ускоряли бег передних, как будто стремясь обогнать их. Из-за этого конь несся неровным шагом, хребет его изгибался то вверх, то вниз, подобно кораблю во время бури, когда он то вздымается на волне, то проваливается вниз. Злополучный Харикл, попавший во власть этой бури, был выбит из седла и то оказывался у самого хвоста, то вниз головой летел к шее коня. Не будучи в состоянии овладеть поводьями и предав себя вихрю этой скачки, он потерял всякую власть над конем и уповал лишь на волю судьбы. Конь в своем неукротимом беге вдруг свернул с дороги в лес и разбил несчастного всадника о дерево. Харикл вылетел из седла, словно его выбросила метательная машина. На лице его оставили безобразные раны все острые суки дерева. Поводья, обвившись вокруг тела, не отпускали его, но продолжали волочить Харикла по стезе смерти. Конь, вконец перепуганный падением всадника, почувствовал, что тело несчастного мешает ему продолжать бег, поэтому он стал бить Харикла копытами, пытаясь избавиться от препятствия. Так что никто не узнал бы Харикла в этом трупe.

(13) Убитый горем, молча выслушал Клиний этот рассказ. Придя в себя, он страшно зарыдал и бросился к телу Харикла. Я поспешил за ним, на ходу утешая его по мере своих сил. ...

...

(14) [с.20] Так оплакивал сына отец, Клиний же изливал свое горе другими словами (так что происходило нечто вроде состязания в плаче отца и возлюбленного):

- Потерял я своего повелителя! Зачем я только подарил ему этого коня! Ведь я мог подарить ему золотой фиал, чтобы он пил из него, совершал возлияния и наслаждался моим даром, не таящим в себе никакой опасности. А я, вместо этого, подарил сияющему красотой мальчику свирепое чудовище, и еще украсил его нагрудниками, нацепил ему на лоб серебряные бляхи, снабдил его золотыми поводьями! Горе мне, о Харикл, я озолотил твоего убийцу! Конь, ты самое жестокое из всех чудовищ, ты самый неблагодарный, ты слеп к красоте! Твой наездник заботливо обтирал с тебя пот, сулил тебе прекрасный корм, хвалил твой бег, ты же убил его за это. Ты остался бесчувственным к прикосновению такого тела, ты не гордился таким всадником, бессердечный, такую красоту ты низринул на землю! Горе мне, несчастному! Я сам купил убийцу, мужеубийцу!»

(№ 1596). «(П 32) Случайно по соседству с нами расположился один юноша. Когда наступил час завтрака, он радушно предложил нам разделить с ним трапезу. Сатир стал прислуживать. Мы выложили на середину всё, что было у нас, и начали есть и беседовать. Я первый спросил:

- Откуда ты, юноша, и как твое имя?
- Меня зовут Менелай, родом я из Египта. А вы кто такие?
- Я Клитифонт, а он Клиний, мы оба из Финикии.
- По какой же причине отправились вы путешествовать?
- Расскажи нам о себе, тогда услышишь о нас.

(33) Завистливый Эрот и неудачная охота принудили меня пуститься в путешествие, - ответил Менелай. – Я любил прекрасного отрока, а он был страстным охотником. Я часто отговаривал его, но не мог справиться с его приверженностью к этому занятию. Не будучи в состоянии убедить его оставить охоту, я сам сопровождал его. Как-то мы с ним выехали на охоту верхом, и поначалу, пока мы преследовали мелких зверей, удача сопутствовала нам. Вдруг из леса выбежал вепрь, и мальчик, не раздумывая, бросился вдогонку за ним. Вепрь неожиданно повернул и помчался навстречу охотнику. Но тот не испугался и не повернул вспять, хотя я отчаянно кричал и звал его:

- Осади коня, зверь опасен!

Вепрь сделал рывок и столкнулся с охотником. Когда я увидел это, меня бросило в дрожь. Боясь того, как бы в своем натиске вепрь не поразил коня, я поспешно, не прицелившись достаточно тщательно, пускаю в него стрелу. И она попадает в мальчика!

Может кто-нибудь представить себе, что творилось в моей душе, если она только не покинула меня в тот момент? Но самое трогательное заключалось в том, что, умирая, он обнял меня, вместо того чтобы возненавидеть своего убийцу, и до последнего вздоха не выпускал из своей руки ту самую руку, которая поразила его.

Родители мальчика повели меня в суд, причем я нисколько не сопротивлялся. Когда мне предоставили слово, я и не подумал оправдываться, но сам сказал, что достоин смерти. Судьи были тронуты моим поведением и присудили меня всего лишь к трем годам изгнания. ...

(34) Видя, что Менелай совсем пал духом, растравив душу воспоминаниями о возлюбленном, а Клиний утопает в слезах, думая о Харикле, я [Клитифонт] решил рассеять их грусть и завел речь о любовных утехах. Левкиппы в тот момент с нами не было, она уже спала в каюте. Я, улыбаясь, начал так:

- Ничего не поделаешь, Клиний теперь одержит верх надо мной. Ведь он, по обыкновению, хочет выступить против женщин. Но теперь, когда он нашел себе единомышленника, ему легче будет отстоять свою позицию. Никак не могу взять в толк, почему теперь так распространилась любовь к мальчикам.

- Но разве, - возразил мне Менелай, - эта любовь не превосходит во всех отношениях любовь к женщинам? Мальчики ведь в сравнении с женщинами безыскусственны, а красота их доставляет более острое наслаждение.

...

(35) – От тебя, Клитифонт, - сказал Менелай, - укрылось самое главное в наслаждении. Влечет к себе то, что не насыщает. То, что постоянно в твоих руках, постепенно пресыщает и теряет свою сладость. Похищенное же всегда ново, и сознание того, что вот-вот оно ускользнет от тебя, вызывает еще больший расцвет страсти. В страхе потери таится нестаряющееся наслаждение, и чем оно быстротечнее, тем сильнее.

Потому, мне кажется, и роза – самое прекрасное из растений, что красота ее исчезает на глазах. Я полагаю, что двум видам красоты суждено жить среди людей, красоте небесной и красоте земной. Небесная по самой своей природе стремится как можно скорее улетучиться, освободившись от тяготящей ее смертной оболочки. Что касается земной красоты, то она более прочна и своей оболочки долго не покидает. В доказательство того, что красота небесная возносится на небо, я приведу тебе строки Гомера, послушай их:

Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,

Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.

Между тем ни одна женщина не удостоилась того, чтобы благодаря своей красоте стать небожительницей, а ведь Зевс дарил свою благосклонность и женщинам. Но уделом Алкмены стало горе и изгнание. Даная получила в дар ларец и море, Семела стала пищей огня. И только полюбив фригийского мальчика, Зевс даровал ему небо, чтобы отрок мог жить вместе с ним, разливая нектар; та же, что прежде исполняла обязанности виночерпия, своего места лишилась, - и думаю, потому, что она была женщиной.

(36) ...

(37) Однако ты вовсе не кажешься мне новичком в делах любви, - заметил Менелай, - тебе, оказывается, доподлинно известны все женские ухищрения. Что же, теперь пришла твоя очередь послушать о мальчиках.

Всё у женщин поддельно, и речи их, и красота. ...

Красота мальчика не нуждается в помощи благовонной мирры и прочих чужих ароматов, - приятнее всех женских притираний запах пота отроческого тела. Еще до того, как заключить мальчика в любовные объятия, можно бороться с ним на палестре, когда тела сплетаются открыто, и нет в этом переплетении ничего постыдного. В объятиях тело мальчика не расслабляется из-за рыхлости его плоти, крепкие тела борются друг с другом за наслаждение. Поцелуи отрока, в отличие от женщины, бесхитростны, не сыщешь в его губах тех праздных обманчивых ухищрений, которым научены женщины, нет ничего искусственного в поцелуях мальчика, - он целует как дитя. Если бы сгустился нектар, то ты пил бы его с уст возлюбленного. И такие поцелуи не насыщали бы тебя, но вызывали еще большую жажду, и, наконец, ты бы оторвался от источника наслаждения, чтобы не ощутить избыток его» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитифонт II 33-37, пер. В. Чемберджи [Античный роман 2001, с.46-50])

Менелай участвует в развитии сюжета вплоть до V 8.

Лонг

«Дафнис и Хлоя»

(№ 1597). «(IV 10) Астил прибыл верхом, и с ним парасит его, тоже верхом. У Астила был подбородок чуть опушен, а Гнатон – так звали другого – давно уж бороду брил. ...

(11) ... Гнатон же, умевший только есть и пить до беспамятства и, напившись, похабничать, у которого только и было всего что широкая глотка, да брюхо, да то, что под брюхом, Дафниса тотчас приметил, когда тот дары подносил. По природе своей был он любителем мальчиков и, найдя красоту, какой и в городе не сыскать, решил тотчас за Дафниса приняться и надеялся легко сладиться с этим простым пастухом. Приняв такое решение, он не отправился вместе с Астилом охотиться, а пошел туда, где пас Дафнис, под предлогом, что хочет коз посмотреть, на самом же деле – на Дафниса полюбоваться. Заискивая перед ним, он хвалил его коз, просил сыграть на свирели песню пастушью и сказал, что быстро добьется для Дафниса воли – ведь он всё может сделать, чего ни захочет.

(12) Считая, что он уже приручил к себе Дафниса, под вечер дождался Гнатон, пока Дафнис погонит с пастбища коз. И, подбежав, сначала стал его целовать, а потом и просить, чтобы тот стал к нему задом, так, как козы к своим козлам. Когда же Дафнис, не очень сметливый, стал говорить, что знает он хорошо, как козлы скачут на коз, но никогда не видал, чтоб козел лез на козла, или баран вместо овцы лез на барана, или петух вместо курицы петуха под себя подбирал, то Гнатон был готов, пустивши в ход руки, насилье применить. Но Гнатон был пьян и едва стоял на ногах, и Дафнис его толкнул, на землю повалил и прочь убежал, как щенок молодой, оставив его там, где он упал; и уж не мальчик, а только здоровый мужчина смог бы Гнатона, под руки взявши, домой дотащить. А Дафнис к нему никогда уже близко не подходил и пас своих коз нынче тут, а назавтра там, его избегая, а Хлою свою охраняя. Да и Гнатон больше к нему уже не лез, увидавши, что он не только красив, но и силен. Он выжидал подходящего случая поговорить с Астилом о нем и надеялся, что он юноши получит он Дафниса в подарок, - Астил его одаривал часто и щедро» (Лонг. Дафнис и Хлоя IV 10-12, пер. С.П.Кондратьева [Античный роман 2001, с.221-222])

(№ 1598). «(16) Гнатон, еще больше распалившись похотью после того, что он видел у козьего стада, и считая, что ему жизнь не в жизнь, если Дафниса он не получит, подстерег Астила, когда тот в саду гулял, и, его заведя в храм Диониса, стал целовать ему руки и ноги. Когда же Астил стал допытываться, чего ради он делает это, велел ему все рассказать и поклялся, что все сделает для него, тогда Гнатон ему говорит:

«Гибнет твой Гнатон, господин! Я, который до сих пор любил только твой стол; я, кто не раз клялся, что нет ничего прельстительнее старых вин; я, кто твоих поваров ценил выше всех митиленских отроков, - я теперь одного только Дафниса считаю прекрасным. К самой изысканной пище я даже не прикасаюсь, сколько бы каждый день ни готовили мяса ли, рыб иль медовых печений; с восторгом я, ставши козю, щипал бы траву и листья, свирель Дафниса слушая, под его надзором пасясь. Своего Гнатона спаси, любовь мою непобедимую победи, а не то, клянусь тобой, богом моим, что, взявши нож и хорошенько

наевшись, убью себя перед дверью Дафниса. И уж больше не звать тебя меня Гнатончиком, как привык ты меня шутя называть».

(17) Когда он заплакал и опять стал Астилу ноги целовать, юноша не устоял: от природы был он щедрым, да и с любовными муками сам был знаком; он обещал, что выпросит Дафниса у отца и возьмет его в город с собой, себе – рабом, а Гнатону – любовником. Желая, с своей стороны, его привести в настроение духа веселое, улыбаясь, стал его расспрашивать, не стыдно ль ему, что влюбился он в сына раба Ламона, что так не терпится ему возлечь с мальчиком, коз пасущим, и делал вид, что чувствует отвращение к воню козлиной. Гнатон же – ведь за попойками развратников он научился всякой любовной болтовне – не без ловкости вот что сказал о себе и о Дафнисе:

«Ни одному влюбленному, господин, до этого дела нет: в каком бы виде он ни нашел красоту, он попадает к ней в плен; потому-то и влюбляются в дерево, в реку и в дикого зверя. Впрочем, кто не пожалеет влюбленного, которому надо бояться любимого? Вот и я люблю тело раба, но красоту – свободного. Разве не видишь, что кудри его как гиацинт, из-под бровей глаза его блещут, как в оправе из золота драгоценные камни? Все лицо его румянец заливаает, а рот полон зубов, белых, как слоновая кость. И какой влюбленный не мечтал бы получить с таких уст белоснежный поцелуй любви? А если влюбился я в того, кто стадо пасет, то в этом я богам подражаю: пастухом был Анхиз, а им Афродита овладела; пас коз Бранх, а его полюбил Аполлон; был пастушком Ганимед, а его владыка всех богов похитил. Не будем же и мы презирать мальчика, которому даже козы, как видели мы, повинуются, будто влюбленные. Воздадим благодарность орлам Зевса за то, что они такому красавцу еще жить на земле дозволяют».

(18) Весело рассмеялся Астил, особенно над заключением этой речи, и, сказав, что Эрот хоть кого сделает великим софистом, стал выжидать удобного случая, когда бы он смог с отцом поговорить о Дафнисе. Но тайно услышал Эвдром все, что было говорено, и, любя Дафниса, которого славным юношей считал, и негодуя на то, что красота его поругана будет Гнатонем, все это тотчас передал он Дафнису и Ламону» (Лонг. Дафнис и Хлоя IV 16-18, пер. С.П.Кондратьева [Античный роман 2001, с.223-225])

Антиной

(№ 1599). «[130 г.] Умирает в Египте Антиной, прелестный мальчик необычайной красоты; Адриан, пышно похоронивши его (потому что имел его в числе любимцев), вносит его в число богов, и его именем был назван город». (Иероним. Изложение Хроники Евсевия Памфила. Под 131 г. от Р.Х. [Иероним 1910, с.340])

(№ 1600). «(14, 5) Когда он плыл по Нилу, он потерял своего Антиноя, которого оплакал как женщина. (6) Об Антиное идет разная молва: одни утверждают, что он обрел себя ради Адриана, другие выдвигают в качестве объяснения то, о чем говорит его красота и чрезмерная страсть Адриана. (7) Греки, по воле Адриана, обожествили Антиноя и утверждали, что через него даются предсказания, - Адриан хвалится, что сам сочинял их.

(8) Адриан чрезвычайно усердно занимался поэзией и литературой, был очень сведущ в арифметике и геометрии, прекрасно рисовал. (9) Он гордился своим умением играть на цитре и петь. В наслаждениях он был неумеренным. Он сочинил много стихов о предметах своей страсти» (Элий Спартиан (?). Адриан 14, 5-9 [Властины Рима 1992, с.13-14])

(№ 1601). «(6) Отсюда пошли дурные слухи, что он развращает юношей и воспылил бесславной страстью к Антиною и в связи с этим назвал его именем город и ставил юноше статуи. (7) Другие, наоборот, считают это выражением благочестия и религиозности, говорят, что когда Адриан хотел добиться продления своей жизни, а маги потребовали, чтобы кто-либо добровольно за него принес себя в жертву, то все отказались, Антиной же предложил себя, отсюда и все описанное выше почитание. (8) Мы оставим этот вопрос открытым, хотя у праздного ума можно предположить склонность к представителю совсем другого возраста» (Аврелий Виктор. О цезарях XIV. Адриан 6-8 [Римские историки 1997, с.91])

(№ 1602). «[Аркадия] У них считается богом и Антиной; из всех храмов в Мантинее самым новым является храм Антиноя. Его очень любил император Адриан. Я лично не видал его при жизни, но видел в статуях и на картинах. Почести воздаются ему и в других местах; между прочим, на реке Ниле есть у египтян город, названный по его имени Антиноя. Почитание же в Мантинее он заслужил вот почему. Антиной был родом из [города] Вифиния, на север от реки Сангария; а вифинцы издревле ведут свое происхождение от аркадян и в частности от мантинейцев. Вследствие этого император и установил поклонение ему также и в Мантинее; ежегодно в его память совершается религиозный праздник, а каждый пятый год устраиваются игры. В гимнасии у мантинейцев есть здание со статуями Антиноя; кроме всего прочего, оно заслуживает обозрения вследствие тех мраморных плит, которыми оно украшено, и интересно для любителя живописи: большинство картин, украшающих его, относится к Антиною и изображает его главным образом в виде Диониса» (Павсаний VIII 9, 7-8 [Павсаний 2002, т.2, с.88])

(№ 1603). Сохранился Устав коллегии Дианы и Антиноя в Ланувии (CIL XIV 2112) [МНМ, т.1, с.376], учрежденной 1.1.133. Перевод см. [Ранович 1990, с.104-107].

«Расписание трапез – ... 5 дек. кал. [27 ноября] – день Антиноя» [Ранович 1990, с.106]

Из звездного каталога Клавдия Птолемея

(№ 1604). «Звезды около Орла, которым присвоено имя «Антиной».

№

Конфигурации

Градусы долготы

Градусы широты

Величина

[Современное обозначение]

10

Передняя из двух к югу от головы Орла

Козерог $3 \frac{2}{3}$

+21 $\frac{2}{3}$

3

η Aql

11

Задняя из них

Козерог $8 \frac{1}{2} \frac{1}{3}$
+19 $\frac{1}{6}$
3
 θ Aql

12
Звезда к юго-западу от правого плеча Орла
Стрелец 26
+25
4-3
 δ Aql

13
Звезда к югу от этой
Стрелец $28 \frac{1}{2}$
+20
3
 $\acute{\iota}$ Aql

14
Еще более южная
Стрелец $29 \frac{2}{3}$
+15 $\frac{1}{2}$
5
 κ Aql

15
Стоящая впереди всех
Стрелец $21 \frac{1}{6}$
+18 $\frac{1}{6}$
3
 λ Aql

Всего 6 звезд, из которых 4 третьей величины, 1 четвертой, 1 пятой». (Птолемей. Альмагест VII 5 [Птолемей 1998, с.235]) Правый столбец добавлен комментатором.

(№ 1605). «Из расположенных под Орлом ярких звезд две предшествующие находятся на самом Млечном Пути, причем более южная [λ Aql] отстоит от задней дуги на 1 градус, а более северная [δ Aql] – на 2». (Птолемей. Альмагест VIII 2 [Птолемей 1998, с.265])

Христианские авторы про Антиноя

(№ 1606). «Здесь, думаю, кстати упомянуть также о недавно умершем Антиное, которого все принялись со страхом чтить, как бога, хотя знали, кто он был и откуда происходил». (Юстин. Первая апология 29 [Иустин 1995, с.59])

(№ 1607). «И как это умерший Антиной, красивый мальчик, утвердился на луне? Кто возвел его, если только и о нем, как и об императорах, кто-нибудь подкупленный не заявил клятвопреступно, насмехаясь над Богом, будто он взошел на небеса, и не

удостоился почестей и даров, когда этому поверили, провозгласив богом себе подобного?» (Татиан 10 [Татиан 1993 (№ 1), с.246])

(№ 1608). «Антиной, например, был сочтен богом только из-за человеколюбивого отношения ваших [Марка Аврелия и Коммода] предков к своим подданным, а уж потом все остальные были приняты совершенно без оглядки». (Афинагор. Предстательство за христиан 30 [Афинагор 1993 (№ 4), с.275])

(№ 1609). «Умалчиваю о храмах Антиноя и о прочих, называемых богами: ибо что рассказывается об них, возбуждает смех в разумных людях». (Феофил. К Автолику III 8, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.176])

(№ 1610). Цитата из «Записей» Егезиппа: «Им воздвигали кенотафы и храмы, как это делают и донныне; поставили и рабу кесаря Адриана Антиною, который жил в наше время и в честь которого справляются Антиновые игры. Основал Адриан и город, соименный Антиною, и учредил коллегия пророков». (Евсевий. Церковная история IV 8, 2 [Евсевий 2005, с.148])

(№ 1611). «Ибо он [Егезипп] говорит: «Они строили умершим гробницы и храмы, как мы видим это и теперь. Между такими есть и раб Адриана кесаря Антиной, в честь которого и гимнастические состязания совершаются близ города Антиноя, который Адриан построил, назвал его именем и поставил в храме прорицателей». Кесарь Адриан, как пишут, имел Антиноя в числе любимцев». (Иероним. Книга о знаменитых мужах 22: Егезипп [Иероним 1910, с.278])

(№ 1612). «При таких примерах и при таких желаниях всего народа кто не мог быть признан богом? Кто вообще оспаривал божество у Антиноя? Был ли Ганимед прелестнее его или дороже его любовнику? У вас мертвецам открыто небо, вы постоянно гоните их по дороге от преисподней к звездам». (Тертуллиан. К язычникам II 10, пер. И.Маханькова [Тертуллиан 1994, с.73])

(№ 1613). «Римский император благоговейно провозгласил в Египте и, можно сказать без большой натяжки, также в Элладе другим новым богом своего любимца – красивого и цветущего Антиноя, которого он освятил таким же образом, как Зевс Ганимеда. Ибо нелегко сопротивляться похоти, не сопровождающейся страхом. Ныне люди чтят ночи, посвященные Антиною, о позоре которых знал бодрствовавший вместе с ним любовник.

(2) Зачем же ты причисляешь к богам того, кто удостоился почестей за блуд? Зачем приказал оплакивать его, как сына? Зачем рассказываешь о его красоте? Позорна красота, загубленная надругательством. Не тиранствуй, о человек, над красотой, не глумись над цветущим юношей: сохрани красоту чистой, чтоб была подлинной; будь царем над ней, а не тираном! Пусть она пребудет свободной! Тогда я признаю твою красоту, ибо ты сохранил чистым образ; тогда поклонюсь красоте, когда она истинная идея прекрасных дел. (3) Есть уже и гробница любимца, есть храм Антиноя, есть город». (Климент. Увещевание к язычникам 49, 1-3 [Климент 1998, с.65-66])

(№ 1614). «XXXVI. Потом Цельс переходит к любимцу [императора] Адриана, — к юноше Антиною и говорит о том почитании, какое ему оказывают египтяне в городе Антинополе; причем [Цельс] полагает, что это почитание ничем не отличается от того, какое мы воздаем Иисусу. Мы должны сказать, что подобное утверждение [Цельса] является исключительно результатом какого-то ненавистничества по отношению к нам. Что общего может быть между жизнью Адриановского любимца, удовлетворяющего

противоестественные вождения Адриана, и нами почитаемого Иисуса, — того Иисуса, против Которого Его бесчисленные обличители, все Его столь многочисленные лжесвидетели — и то не могли выставить даже тени упрека в невоздержании. Да если кто будет исследовать сказания об Антиное беспристрастно и неподкупно, то он во всяком случае придет к тому выводу, что собственно волхвования и чародейства египтян были причиной того обстоятельства, что [Антиной] оказался в мнении людей и после своей смерти совершителем чудес в городе, носящем его имя» (Ориген. Против Кельса III 36 [Ориген 1996]).

(№ 1615). «...священные рощи Антиноя и совершаемые в них таинства...» (Епифаний Кипрский. Панарий (Против ересей). Краткое истинное слово, гл.12 [Епифаний 1863-82, ч.5, с.336])

(№ 1616). «Притом жители Кизика провозгласили тринадцатым богом Адриана, а сам Адриан обоготворил любимца своего Антиноя». (Сократ Схоластик III 23 [Сократ 1996, с.162])

«После трижды пяти царей, о изнеженный город,
Что покорят весь мир от Восхода и вплоть до Заката,
Вождь воцарится седой, соименник ближнего моря. [Адриан]
Грозной ногою пройдет он по миру, дары добывая,
Многое множество злата, а с ним серебра еще больше
Он у врагов заберет и, награвив, домой возвратится.
Царь тот в святилищах магов участником станет мистерий,
Мальчика сделает богом, но все богов почитанье
Сам ниспровергнет, открыв всю лживость мистерий для смертных».

(№ 1617). (Книги Сивилл VIII 50-58, пер. М.Г.Витковской [Сивиллы 1996, с.103])

Вариации

«Адриан так жаждал громкой славы,
что книги о собственной жизни, написанные им самим,
он передал своим образованным вольноотпущенникам,
для того чтобы они издали их от своего имени...»

(№ 1618). (Элий Спартиан (?). Адриан 16, 1

[Властелины Рима 1992, с.14])

«Антиной был грек; бродя по дорогам воспоминаний этой древней, неясного происхождения семьи, я добрался до первых аркадских колонистов, поселившихся на берегах Пропонтиды. Но Азия добавила в эту кровь каплю меда, которая замутняет чистое вино и придает ему аромат. Я обнаруживал в нем суеверия учеников Аполлония и монархический фанатизм восточных подданных Великого Царя. Его отличала поразительная молчаливость; он следовал за мной как прирученное животное, как добрый дух. Мальчик был, как щенок, то игрив, то вял, то диковат, то доверчив. Этот великолепный пес, ждущий ласк и приказаний, привольно расположился в моей жизни. Я восхищался тем граничившим с надменностью безразличием, с каким он относился ко всему, что не входило в сферу его удовольствий или предметов его культа; оно заменяло ему и бескорыстие, и совесть – все высокие добродетели. Я восторгался суровой нежностью, сумрачной преданностью, целиком поглощавшими это существо. И, однако, его покорность вовсе не была слепой; веки, столь часто опущенные, выражая согласие или погруженность в мечту, вдруг поднимались, и тогда самые внимательные в мире глаза смотрели мне прямо в лицо; я чувствовал, что меня оценивают и судят. Но оценивал он меня и судил, как верующий оценивает и судит своего бога: моя суровость, мои приступы подозрительности (ибо позднее они у меня случались) принимались терпеливо, с неизменной серьезностью. Единственным господином и повелителем я был всего лишь раз в жизни и над одним-единственным существом»

(Маргерит Юрсенар. Из романа «Воспоминания Адриана».

Пер. с фр. М.Ваксмахера [Юрсенар 1984, с.120])

Из поэмы Фернандо Пессоа «Антиной»

«О руки, к Адриановым рукам

Тянувшиеся, - сколь сегодня стылы.

О волосы, привычные к венкам!

О взор, своей не ведающий силы!

О тело – то ли девы, то ли нет, -

Божественный посул земного счастья!

О губы, чей вишневый вешний цвет

Таил секрет любви и сладострастья!

...

Котенком он играл с мужским желаньем

И с отроческим – то их сочетая,
То чередуя, - и игра такая,
Где промедленье сходно с обладаньем,
Где загляденье слитно с упоеньем,
Неведение чревато нападеньем,
Разнузданность лукава обузданьем,
Игра – игрой, волнение – волненьем, -
Часам давала волю, как мгновеньям,
И сочетала малость с мирозданьем.

Часы струились из сплетенных рук,
Лобзаньям срока не было – и пыткам:
Бил в пальцах вечный ключ то нег, то мук,
То чашей были губы, то напитком,
То был туманен, то был чуток взор,
То чудились призывы, то отпор,
То был листом распластным, то свитком».

...

(пер. с англ. В.Л.Топорова [Пессоа 1989, с.127, 131])

Райнер Мария Рильке

«Плач по Антиною

Разве вифинского юношу вы понимали?
(Тело его возвращать так не хотела вода...)
Я его нежил; и всё-таки грузом печали
отяготили мы сердце его навсегда.

Кто умеет любить? И кто может? Не знаю.

Я и сам бесконечную боль причинил.

Стал он одним из бесчисленных богов, и взываю

тщетно к нему, оглашая рыданиями Нил.

Безумцы, как вознести его к звездам посмели,

чтобы я вас умолял: покажите его?

Быть просто мертвым он жаждал – и был он у цели.

И, может быть, не случилось бы с ним ничего»

(Пер. с нем. В.Летучего.

Из сборника «Новых стихотворений другая часть» (1908) [Рильке 2000, с.226])

Арриан

(№ 1619). «(21) ... Если плыть от устья Истра под северным ветром в открытое море, на пути встречается остров, который одни называют Ахилловым островом, другие – Ахилловым ристалищем, третьи – Белым островом по его цвету. Говорят, что Фетида подняла этот остров из моря для своего сына и что на нем живет Ахилл. На этом острове есть храм Ахилла и его статуя старинной работы. Остров безлюден, на нем пасется лишь несколько коз, которых, как говорят, посвящают Ахиллу те, кто сюда пристает. Много приношений находится в храме: чаши, перстни, драгоценные камни. Все это благодарственные дары Ахиллу. Здесь есть и надписи на латинском и на греческом языках, написанные разными размерами и воздающие хвалу Ахиллу, а некоторые и Патроклу. Дело в том, что все, кто хочет обрести благоволение Ахилла, почитают вместе с Ахиллом и Патрокла. Много птиц обитает на острове ...

(23) Ахилл, говорят, является многим во сне ... Некоторые утверждают, что им во сне предстает и Патрокл. ... все это мне не кажется невероятным. Уж кто-кто, а Ахилл, по моему убеждению, - герой, отличающийся и благородством, и красотой, и силой души; он умер молодым и был прославлен Гомером, а в любви и дружбе оказал такое постоянство, что сам предпочел умереть после смерти того, кого любил» (Арриан. Плавание вокруг Понта Эвксинского 21-23, пер. А.Козаржевского [Греческая проза 1961, с.229-230])

Аппиан

Немногочисленные цитаты разбиты по рубрикам.

Лукиан

Рассказ об Оресте и Пиладе. (Лукиан. Токсарид, или Дружба 6, пер. Д.Н.Сергеевского [Лукиан 2001, т.1, с.192])

Александр и Гефестион. (Лукиан. О доверчивом отношении к клевете 17, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.342])

Стихи

«Нет, не Эрот обижает людей, но рабы своей страсти

Вечно стремятся ему вины свои приписать».

(№ 1620). (Лукиан. Пер. Д.Дашкова [Лирика 1968, с.308])

Фаларид

(№ 1621). «[Речь Фаларида] О насилиях над девушками, о развращении подростков, об уводе жен, о посылке моих копьеносцев против мирных граждан, о каких-либо угрозах неограниченного властелина мне и слышать было отвратительно» (Лукиан. Фаларид I 3, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.20])

О доме

(№ 1622). «...что же: рвение оратора напряженной не станет от окружающей его красоты? И Сократу оказалось достаточно раскинувшего ветви платана, сочной травы и светлого источника неподалеку от Иллиса: сидя здесь, завел он свою насмешливую беседу с Федром из Мирринунта, здесь обличил речи Лисия, сына Кефала, сюда же призывал муз и верил, что они придут в это тихое место, чтобы принять участие в беседе о любви, и не стыдился старик, приглашая дев послушать о любовном влечении к отрокам» (Лукиан. О доме 4, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.54])

(№ 1623). «[Описание картины] Далее изображен прекрасный бог и цветущий юноша – род любовной игры: Бранх, сидя на камне, держит в поднятой руке зайца и поддразнивает собаку; она, кажется, прыгает вверх, стараясь схватить приманку, а Аполлон стоит рядом и улыбается, любуясь одновременно и играющим мальчиком, и терпящей искушение собакой» (Лукиан. О доме 24, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.59])

Похвала мухе

(№ 1624). «Существуют еще и особые большие мухи, которых многие называют «солдатами», другие же – «собаками», с суровейшим жужжанием и быстрейшим полетом. Эти долговечнее других и всю зиму переносят без пищи, но большей частью притаившись под крышей. Удивительно и то, что эти мухи свершают положенное для обоих – и женского и мужского родов, попеременно в них выступая, по следам сына Гермеса и Афродиты с его смешанной природой и двойственной красотой» (Лукиан. Похвала мухе 12, пер. К.М.Колобовой [Лукиан 2001, т.1, с.80])

Разговоры богов

(№ 1625). «(1) ... Зевс – Эроту. Посмотри сам, бесстыдник, мало ли ты меня обидел: ведь ты так издеваешься надо мной, что нет ничего, во что ты не заставил меня превратиться: ты делал меня сатиром, быком [Европа], золотом [Даная], лебедем [Леда], орлом [Ганимед]! А ни одной женщины не заставил влюбиться в меня, ни одной я при твоём содействии не понравился, и должен прибегать к колдовству, должен скрывать себя. Они же влюбляются в быка или в лебедя, а когда увидят меня, умирают от страха.

(2) Эрот. Это вполне естественно: они, как смертные, не переносят твоего вида, Зевс.

Зевс. Отчего же Аполлона любят Бранх и Гиацинт?

Эрот. Однако Дафна бежала от него, хотя у него длинные волосы и нет бороды...» (Лукиан. Разговоры богов 2, пер. С.С.Сребрного [Лукиан 2001, т.1, с.93])

(№ 1626). «(1) Зевс. Ну вот, Ганимед, мы и пришли на место. Поцелуй меня, чтобы убедиться, что у меня нет больше кривого клюва, ни острых когтей, ни крыльев, как раньше, когда я казался тебе птицей.

Ганимед. Разве ты, человек, не был только что орлом? Разве ты не слетел с высоты и не похитил меня из середины моего стада? Как же это так вдруг исчезли твои крылья и вид у тебя стал совсем другой?

Зевс. Милый мальчик, я не человек и не орел, а царь всех богов, и превратился в орла только потому, что для моей цели это было удобно.

... (2)

(3) Ганимед. Нет, нет! Я хочу к отцу. Если ты отведешь меня обратно, то обещаю, что он принесет тебе в жертву барана, как выкуп за меня; у нас есть один трехлетний, большой, - он ходит вожаком стада.

Зевс. Как этот мальчик прост и невинен! Настоящий ребенок! Послушай, Ганимед, все это ты брось и позабудь обо всем, о стаде и об Иде. Ты теперь небожитель – и отсюда можешь много добра ниспослать отцу и родине. Вместо сыра и молока ты будешь есть амбросию и пить нектар; его ты будешь всем нам разливать и подавать. А что всего важнее: ты не будешь больше человеком, а сделаешься бессмертным, звезда одного с тобой имени засияет на небе, - одним словом, тебя ждет полное блаженство.

Ганимед. А если мне захочется поиграть, то кто будет играть со мной? На Иде у меня было много товарищей.

Зевс. Здесь с тобой будет играть Эрот, видишь его? А я дам тебе много-много бабок для игры. Будь только бодр и весел и не думай о том, что осталось внизу.

(4) ...

Ганимед. А где я буду спать ночью? Вместе с моим товарищем Эротом?

Зевс. Нет, для того-то я тебя и похитил, чтобы мы спали вместе.

Ганимед. Ты не можешь один спать и думаешь, что тебе будет приятнее со мной?

Зевс. Конечно, с таким красавцем, как ты.

Ганимед. Какая же может быть от красоты польза для сна?

Зевс. Красота обладает каким-то сладким очарованием и делает сон приятнее.

Ганимед. ... Смотри, если ты меня похитил для этой цели, то лучше верни обратно на Иду, а то тебе не будет сна от моего постоянного ворочания.

Зевс. Это именно и будет мне приятнее всего; я хочу проводить с тобой ночи без сна, целуя тебя и обнимая.

Ганимед. Как знаешь! Я буду спать, а ты можешь целовать меня» (Лукиан. Разговоры богов 4, пер. С.С.Сребрного [Лукиан 2001, т.1, с.94-96])

(№ 1627). «(1) Гера. С тех пор как ты похитил с Иды и привел сюда этого фригийского мальчишку, ты охладел ко мне, Зевс.

Зевс. Гера, ты ревнуешь даже к этому невинному и безобидному мальчику? Я думал, что ты ненавидишь только женщин, которые сходились со мной.

(2) Гера. Конечно, и это очень дурно и неприлично, что ты, владыка всех богов, оставляешь меня, твою законную супругу, иходишь на землю для любовных походов, превращаясь то в золото, то в сатира, то в быка. Но те, по крайней мере, остаются у себя на земле, а этого ребенка, почтеннейший из орлов, ты с Иды похитил и принес на небо, и вот, свалившись мне на голову, он живет с нами и на словах является виночерпием. Очень уж тебе не хватало виночерпия: разве Геба и Гефест отказались нам прислуживать? Нет, дело в том, что ты не принимаешь от него кубка иначе, как поцеловав его на глазах у всех, и этот поцелуй для тебя слаще нектара; поэтому ты часто требуешь питья, совсем не чувствуя жажды. Бывает, что, отведав лишь немножко, ты возвращаешь мальчику кубок, даешь ему испить и, взяв у него кубок, выпиваешь то, что осталось, когда он пил, губы прикладывая к тому месту, которого он коснулся, чтобы таким образом в одно время и пить, и целовать. А на днях ты, царь и отец всех богов, отложив в сторону эгиду и перун, уселся с ним играть в бабки, - ты, с твоей большой бородой! Не думай, что все это так и проходит незамеченным: я все прекрасно вижу.

(3) Зевс. Что же в этом ужасного, Гера, поцеловать во время питья такого прекрасного мальчишка и наслаждаться одновременно и поцелуем, и нектаром? Если я ему прикажу

хоть раз поцеловать тебя, ты не станешь больше бранить меня за то, что я ценю его поцелуй выше нектара.

Гера. Ты говоришь как развратитель мальчиков. Надеюсь, что я до такой степени не лишусь ума, чтобы позволить коснуться моих губ этому изнеженному, женоподобному фригийцу.

Зевс. Почтеннейшая, перестань бранить моего любимца; этот женоподобный, изнеженный варвар для меня милее и желаннее, чем... Но я не хочу договаривать, не стану раздражать тебя больше.

(4) Гера. Мне все равно, хоть женись на нем; я только тебе напоминаю, сколько оскорблений ты заставляешь меня сносить из-за твоего виночерпия.

... (5)

Зевс. Гера, ты сама себя мучаешь, - вот все, чего ты достигаешь, а моя любовь к мальчику только увеличивается от твоей ревности. А если тебе противно принимать кубок из рук красивого мальчика, то пусть тебе прислуживает твой сын [Гефест]; а ты, Ганимед, будешь подавать напиток только мне и каждый раз будешь целовать меня дважды, один раз подавая, а второй – беря у меня пустой кубок. Что это? Ты плачешь? Не бойся: плохо придется тому, кто захочет тебя обидеть» (Лукиан. Разговоры богов 5, пер. С.С.Сребрного [Лукиан 2001, т.1, с.96-97])

(№ 1628). «(1) Посейдон. Гермес, можно повидать Зевса?

Гермес. Нельзя, Посейдон.

Посейдон. Все-таки ты доложи.

Гермес. Не настаивай, пожалуйста: сейчас неудобно, ты с ним не можешь увидеться.

Посейдон. Он, может быть, сейчас с Герой?

Гермес. Нет, совсем не от.

Посейдон. Понимаю: у него Ганимед.

Гермес. И не это тоже: он нездоров.

Посейдон. Что с ним, Гермес? Ты меня пугаешь.

...

Гермес. Он, видишь ли, только что родил» (Лукиан. Разговоры богов 9, пер. С.С.Сребрного [Лукиан 2001, т.1, с.101])

(№ 1629). «(1) Гермес. Отчего так мрачен, Аполлон?

Аполлон. Ах, Гермес! Несчастье преследует меня в любовных делах.

Гермес. Да, это действительно грустно. Но что именно огорчает тебя? Не случай ли с Дафной все еще тебя мучит?

Аполлон. Нет, не то; я оплакиваю моего любимца, сына Эбала из Лаконии.

Гермес. Что такое? Разве Гиацинт умер?

Аполлон. Да, к сожалению.

Гермес. Кто же его погубил? Разве нашелся такой бесчувственный человек, который решился убить этого прекрасного юношу?

Аполлон. Я сам его убил.

Гермес. Ты впал в безумие, Аполлон?

Аполлон. Нет, это несчастье произошло против моей воли.

Гермес. Каким же образом? Скажи мне, я хочу знать.

(2) Аполлон. Он учился метать диск, и я бросал вместе с ним. А Зефир, проклятый ветер, давно был влюблен в него, но без всякого успеха, и не мог перенести того, что мальчик не обращает на него никакого внимания. И вот, когда я, по обыкновению, бросил диск вверх, Зефир подул с Тайгета и понес диск прямо на голову мальчика, так что от удара хлынула струя крови, и мой любимец умер на месте. Я бросился в погоню за Зефиром, пуская в него стрелы, и преследовал его вплоть до самых гор. Мальчику же я воздвиг курган в Амиклах на том месте, где поразил его диск, и заставил землю произвести из его крови чудный цветок; этот цветок прекраснее всех цветов мира, Гермес, и на нем видны знаки, выражающие плач по умершему. Разве я не прав, томясь скорбью?

Гермес. Нет, Аполлон: ты знал, что сделал своим любимцем смертного; так не следует тебе страдать из-за того, что он умер» (Лукиан. Разговоры богов 14, пер. С.С.Сребрного [Лукиан 2001, т.1, с.105-106])

(№ 1630). «(6) Гермес. ... Здесь, на Иде, я уже бывал; это было в то время, когда Зевс был влюблен в того маленького фригийца: он часто посылал меня сюда посмотреть, что делает мальчик. А когда он превратился в орла, я летел рядом с ним и помогал ему нести маленького красавца; если меня память не обманывает, он похитил его как раз с этой скалы. Мальчик был тогда у своего стада и играл на свирели; как вдруг Зевс налетел на него сзади и, схватив очень бережно когтями, а клювом держа за головную повязку, поднял его на воздух, а он, отогнув голову назад, глядел с испугом на своего похитителя. Тогда я, подняв свирель, которую мальчик со страху выронил...» (Лукиан. Разговоры богов 20, пер. С.С.Сребрного [Лукиан 2001, т.1, с.112])

(№ 1631). «(1) Аполлон. Странное дело, Дионис: Эрот, Гермафродит и Приап – родные братья, сыновья одной матери, а между тем они так непохожи друг на друга и по виду, и по характеру. Один – красавец, искусный стрелок, облечен немалой властью и всеми распоряжается; другой – женоподобный полумужчина, такой с виду неопределенный и двусмысленный, что нельзя с уверенностью сказать, юноша он или девушка; а зато Приап уже до такой степени мужчина, что даже неприлично»

Дионис. Ничего удивительного, Аполлон: в этом виновата не Афродита, а различные отцы.

...

(2) Дионис. ... Но о Приапе: я тебе расскажу про него нечто очень смешное. Недавно я был в Лампсаке; Приап принял меня у себя в доме, угостил, и мы легли спать, подвыпив за ужином. И вот, около полуночи мой милый хозяин встает и... мне стыдно сказать тебе.

Аполлон. Хотел тебя соблазнить?

Дионис. Да, именно.

Аполлон. А ты что тогда?

Дионис. Что ж было делать? Расхохотался.

Аполлон. Очень хорошо, что ты не рассердился и не был с ним груб; ему можно простить попытку соблазнить такого красавца, как ты.

Дионис. По этой самой причине он может и к тебе, Аполлон, пристать: ты ведь так красив, и у тебя такие прекрасные волосы, что Приап даже в трезвом виде может тобой прельститься.

Аполлон. Он не осмелится: у меня не только прекрасные волосы, но имеются также лук и стрелы» (Лукиан. Разговоры богов 23, пер. С.С.Серебряного [Лукиан 2001, т.1, с.117-118])

Диалоги гетер

(№ 1632). «(1) Клонария. Новости про тебя мы слышали, Лэна: будто богатая лесбиянка Мегилла влюбилась в тебя, как мужчина, что вы живете вместе, и неизвестно, какие вещи делаете между собой. Что это? Ты покраснела? Скажи, правда ли это?

Лэна. Правда, Клонария. Но мне стыдно: ведь это так странно.

Клонария. Но, во имя Детопитательницы, в чем же дело и чего хочет эта женщина? И что вы делаете, когда бываете вместе? Видишь, ты не любишь меня, иначе не стала бы скрывать все это от меня.

Лэна. Нет, я люблю тебя, даже если бы любила кого-нибудь другого. Знаешь, в этой женщине ужасно много мужского.

(2) Клонария. Не понимаю, что ты говоришь! Быть может, она гетера вроде тех, каких на Лесбосе называют мужеподобными женщинами, так как они не хотят отдаваться, а сами пользуются женщинами как мужчины.

Лэна. Так оно и есть.

Клонария. Ну, Лэна, вот это и расскажи: как она тебя сперва соблазнила, как уговорила и что было после.

Лэна. Устроили они как-то попойку, она и Демонасса, коринфянка, тоже богатая и такая же, как и Мегилла, и взяли меня играть им на кифаре; когда же я поиграла, стало уже поздно, и пора было ложиться спать, а они обе были хмельны.

Мегилла. Ну, теперь было бы хорошо заснуть; ложись здесь, Лэна, посередине между нами обеими.

Клонария. И ты легла? А что было потом?

(3) Лэна. Сначала они стали меня целовать, как мужчины: не только касаясь губами, но слегка приоткрывая рот, обнимали меня и мяли груди. А Демонасса даже кусала меня среди поцелуев. Я же все не могла еще понять, в чем дело. Потом Мегилла, разгорячившись, сняла накладные волосы с головы, покрытой совершенно ровными, короткими волосами, и тело показала обритое совсем, как у самых мужественных атлетов. Я была поражена, когда посмотрела на нее.

Мегилла. Видала ли ты, Лэна, когда-нибудь такого красивого юношу?

Лэна. Но я не вижу здесь, Мегилла, никакого юноши.

Мегилла. Не делай из меня женщину, мое имя – Мегилл, и я давным-давно женат на этой Демонассе, и она моя жена.

Лэна. Итак, ты – Мегилл, мужчина, и обманул нас, подобно Ахиллу, который, как говорят, скрывался среди девушек? И мужскую силу имеешь, и с Демонассой ты делаешь то же, что и мужчина?

Мегилла. Мужской силы у меня нет, Лэна, да мне ее и не нужно вовсе. Ты увидишь, что я особенным образом достигну еще большего наслаждения.

Лэна. Но ты ведь не гермафродит, которые часто обладают, как говорят, и теми и другими средствами?

Мегилла. Нет, я совсем мужчина.

(4) Лэна. Я слышала, как Исменодора, флейтистка из Беотии, передавала распространенное у них предание, будто кто-то в Фивах из женщины стал мужчиной, и это был тот самый знаменитый прорицатель – Тиресий, кажется, по имени. Не случилось ли и с тобой чего-нибудь подобного?

Мегилла. Вовсе нет, я родилась такой же, как и вы все, Лэна, но замыслы и страсти и все остальное у меня мужские.

Лэна. И достаточно у тебя страсти?

Мегилла. Отдайся мне, если ты не веришь, Лэна, и увидишь, что я ничуть не уступаю мужчинам: у меня ведь есть кое-что вместо мужских средств. Ну, попробуй же, и ты увидишь.

Леэна. Я отдалась, Клонария, - так она меня просила, и ожерелье какое-то дорогое мне дала, и тканей тонких подарила. Тогда я обняла ее, как мужчину, а она целовала меня и делала свое дело, задыхаясь и, мне кажется, испытывала необычайное наслаждение.

Клонария. Но что же она делала и каким образом? Больше всего об этом расскажи.

Леэна. Не расспрашивай так подробно: ведь это неприлично! Клянусь Уранией, я не могу тебе ничего сказать» (Лукиан. Диалоги гетер 5, пер. Б.В.Казанского [Лукиан 2001, т.1, с.141-143])

(№ 1633). «(1) Хелидония. Что это, Дросида, молодой Клиний больше не показывается у тебя? Давно уж я что-то не видела его у вас!

Дросида. Да, Хелидония, потому что учитель не позволил ему больше подходить ко мне. ... проклятый Аристенет, худший из философов.

Хелидония. Ты говоришь про такого угрюмого, взерошенного и длиннорылого, который обыкновенно гуляет с юношами в Пестром Портике? ...

Дросида. ...Клиний, который ни одной ночи не проводил без меня с тех пор, как узнал женщину, - а ведь он узнал меня первую, - последние эти три дня он даже не подходил к моему переулку. Когда же мне стало грустно ... я послала Небриду высмотреть Клиния, когда он будет на площади либо в Пестром Портике. И она говорит, что видела его прогуливающимся с Аристенетом и кивнула ему издали, а он покраснел, опустив глаза, и уже больше их не поднимал. ... Но вот, поздно вечером пришел Дромон и принес от него это письмецо. ...

Письмо Клиния. Как сильно я тебя любил, Дросида, беру богов в свидетели! И теперь я еще держусь вдали не из-за нелюбви к тебе, но по необходимости. Потому что отец поручил меня Аристенету, чтобы он научил меня философии, а так как он узнал все о наших отношениях, то очень меня упрекал за них, говоря, что непристойно мне, будучи сыном Архитела и Эрасиклеи, посещать гетеру. Гораздо лучше предпочитать удовольствию добродетель. Я принужден повиноваться ему, потому что он сопровождает меня всюду и строго следит за мной; даже нельзя мне посмотреть ни на кого другого, кроме него. Если я буду благоразумен и во всем буду его слушаться, он обещает мне совершенное благополучие, когда наставит меня в добродетели и подготовит к труду. Я тебе пишу это, с трудом скрывшись от него. Ты же будь счастлива и не забывай Клиния.

...

Хелидония. Все мне непонятно как скифский язык; ну, а «не забывай Клиния» содержит еще кое-какой небольшой остаток надежды.

Дросида. И мне так кажется. Но все же я погибаю от любви. А Дромон, к тому же, говорил, что Аристенет – подозрительный любитель юношей и под предлогом преподавания заводит связи с самыми красивыми юношами; что он ведет разговоры с Клинием наедине, давая ему всякие обещания, будто сделает его равным богам; что он даже читает с Клинием всякие эротические речи древних философов к ученикам и вообще увивается за юношей. Так что Дромон даже грозил ему довести все это до сведения отца Клиния.

...

Хелидония. Ну так не бойся: все будет отлично. Я думаю написать на стенке в Керамике, где Архител обыкновенно гуляет: «Аристенет развращает Клиния». Так что еще и с этой стороны помогу сплетне Дромона...» (Лукиан. Диалоги гетер 10, пер. Б.В.Казанского [Лукиан 2001, т.1, с.149-151])

Изображения

Ликин – вариант имени Лукиан.

(№ 1634). «(1) Ликин. Увидевшие Горгону испытывают, Полистрат, приблизительно то же самое, что я недавно испытал, увидев одну совершенной красоты женщину...

Полистрат. Геракл! Ты говоришь о каком-то сверхъестественном зрелище, чрезвычайно сильно действующем, если даже Ликина поразила незнакомка, хотя она и женщина! Если дело идет об отроках, - с тобою подобное случается слишком даже легко, и скорее, пожалуй, удастся целый Сипил с места сдвинуть, чем тебя увести прочь от красавца, когда ты остановишься напротив него, раскрыв рот и нередко проливая от восхищения слезы – совсем как дочь Тантала...» (Лукиан. Изображения 1, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.171])

(№ 1635). «Полистрат. [Описание Пантеи] Звук ее голоса чрезвычайно мягок: он не настолько низок, чтобы приближаться к мужскому, и не чрезмерно нежен, чтобы казаться слишком уж женственным и вовсе расслабленным; он напоминает голос юноши еще не возмужавшего, - сладостный, ласковый, с нежною вкрадчивостью овладевающий слухом, так что, даже если умолкнет она, напев голоса продолжает звучать и какой-то обрывок его все еще живет в твоих ушах и, звеня, вьется около, словно отголосок, длящий впечатление слуха и оставляющий в душе следы слов, успокаивающих и полных убедительности» (Лукиан. Изображения 13, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.176])

Паразит, или О том, что жизнь за чужой счет есть искусство

(№ 1636). «(47). Паразит. Я могу, Тихиад, предложить тебе подлинные слова самого Патрокла о том, что он был паразитом. ... Так вот, послушай:

Кости мои, о Ахилл, не клади от своих в отдаленьи:

Вскормленный в вашем доме, пусть лягу я рядом с тобою.

И другой раз, несколько ниже:

Я, - говорит он, - был принят Пелеем,

Вырос на хлебе его и на службу поставлен к Ахиллу,

то есть стал выполнять обязанности паразита. Ведь если бы Гомер хотел назвать Патрокла другом Ахилла, он не говорил бы о «службе», так как Патрокл был свободным человеком.

Кого же понимает поэт под «служителями», раз он не называет их ни рабами, ни друзьями? Паразитов, - это очевидно.

Так и Мериона, что состоял при Идомеене, он тоже называет «служителем», как, я полагаю, называли тогда паразитов. Но посмотри: и в этом случае Идомееня, бывшего сыном Зевса, он не удостоивает названия: «равный Аресу», а говорит это о Мерионе, его паразите.

(48) Да что там! Аристокитон, человек простой и небогатый, как утверждает Фукидид, - разве не был он паразитом при Гармодии? Больше того: его возлюбленным? Ибо это вполне естественно, чтобы разделяющие трапезу делили и ложе тех, кто их кормит. Итак, вот еще один паразит, который вырвал для свободы город афинян из рук тирана и ныне, отлитый в бронзе, стоит на площади рядом с тем, кого любил. Ты видишь теперь, какие люди встречались среди прихлебателей» (Лукиан. Паразит, или О том, что жизнь за чужой счет есть искусство 47-48, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.243])

Учитель красноречия

(№ 1637). «Ты же, вступив на другую дорогу, встретишь здесь много разных людей. Среди них встретится тебе некий муж, премудрый и преизящный, с раскачивающейся походкой, с опущенной шеей, с женственным взглядом и медовым голосом, дышащий благовониями, кончиком пальца почесывающий голову, расправляя редкие, правда, но завитые и гиацинтово-темные волосы – словом, пренежнейший Сарданапал, Кинир или сам Агафон, прелестный поэт, сочинитель трагедий. Говорю тебе, чтобы ты узнал его по этим приметам и чтобы не осталось тобою незамеченным существо столь божественное и любезное Афродите и Харитам. Но что я? Пусть глаза твои будут закрыты: стоит ему подойти и сказать одно слово, открывши уста, преисполненные гиметтского меда, и произнося обычные слова, - и ты поймешь, что перед тобою не один из нас, питающихся плодами земли, но некое чудесное видение, вскормленное росой и амброзией» (Лукиан. Учитель красноречия 11, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.252]) Далее следует речь новоявленного «Агафона» (13-25).

(№ 1638). «В частной же своей жизни можешь делать все что угодно: играть, пить, развратничать, осквернять браки, или, во всяком случае, хвастаться и всем говорить, будто ты все это проделываешь. Показывай также записочки, полученные, разумеется, от женщин. ... А кстати: не стыдись прослыть, с другой стороны, любовником мужчин, хотя ты бородач и, клянусь Зевсом, даже лыс. Но пусть и для этой цели будут у тебя всегда подходящие люди. Если же не окажется подходящих – можешь обойтись и рабами» (Лукиан. Учитель красноречия 23, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.255])

(№ 1639). «...О дальнейшем нет мне нужды говорить тебе, сколько в скором времени ты получишь благ от прекрасной Риторике. Погляди на меня: я родился от человека незнатного и даже не вполне свободного: мой отец был рабом в Египте, близ Ксоиса и Тмуиса, а мать – швеей из бедного городского участка. Сам же я, убедившись, что моя красота чего-нибудь да стоит, сначала жил за скудное пропитание с одним жалким и скаредным любовником. Затем я увидел, что эта дорога очень легка, а потому, выйдя из детского возраста и очутившись на вершине, ибо было у меня взято с собою в дорогу – я не хвалюсь, да пощадит меня Адрастея – все, о чем я говорил раньше: были у меня и дерзость, и невежество, и бесстыдство... так вот, прежде всего я стал называться уже не просто «Желанным», но назван тем же именем, что сыновья Зевса и Леды, -

Диоскоридом» (Лукиан. Учитель красноречия 24, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.256])

Зевс трагический

(№ 1640). «Тимокл - Дамиду. Ты смеешься надо мной, - ты, грабитель могил, негодный, презренный, достойный петли, все оскверняющий человек! Разве мы не знаем, что ты удушил своего брата, что ты прелюбодействуешь и развращаешь мальчиков, - ты, прожорливейший и бесстыднейший человек? Подожди уходить, чтобы я мог тебе надавать ударов и пришибить тебя, наигнуснейшего человека, этим черепком» (Лукиан. Зевс трагический 52, пер. С.Э.Радлова [Лукиан 2001, т.1, с.317])

Собрание богов

(№ 1641). «Зевс. Но ни слова не говори о Ганимеде, Мом. Я рассержусь, если ты огорчишь этого мальчика, порицая его происхождение.

Мом. Поэтому нельзя говорить и об орле, который также находится на небе, сидит на царском скипетре и только что не вьет гнезда на твоей голове, считая себя богом? (9) Или и его пощадим ради Ганимеда?» (Лукиан. Собрание богов 8-9, пер. С.Э.Радлова [Лукиан 2001, т.1, с.320])

Икарменипп, или Заоблачный полет

(№ 1642). «Друг. ... Но скажи мне, если тебе нетрудно, каким образом поднялся ты с земли на небо, где сумел ты найти такую высокую лестницу? Ведь ты далеко не похож с лица на пресловутого Ганимеда фригийца, так что довольно трудно предполагать, чтобы орел восхитил тебя, дабы ты стал виночерпием Зевса» (Лукиан. Икарменипп, или Заоблачный полет 2, пер. С.С.Лукьянова [Лукиан 2001, т.1, с.333])

(№ 1643). «[Менипп на небе]. Милейший Ганимед, замечая, что Зевс не смотрит в мою сторону, всякий раз из человеколюбия наполнял для меня нектаром одну-другую чарочку» (Лукиан. Икарменипп, или Заоблачный полет 27, пер. С.С.Лукьянова [Лукиан 2001, т.1, с.343])

Переправа, или Тиран

(№ 1644). «[Тиран Мегапенф в Аиде]. (10) Мегапенф. Я готов вам представить поручителей в моем скором возвращении. Если хотите, я отдам даже вместо себя моего любимца.

Клото. За которого ты, безбожник, молился, чтобы его оставить на земле?

Мегапенф. Раньше я об этом не раз молился, теперь же я вижу, что лучше.

Клото. И он придет спустя недолго после тебя, убитый новым царем» (Лукиан. Переправа, или Тиран 10, пер. И.П.Мурзина [Лукиан 2001, т.1, с.350])

(№ 1645). [Суд Радаманфа над Мегаленфом] (26) Киниск. ... Я пропущу все, что совершил этот треклятый, будучи простым гражданином; доволен того, что он, подобрав себе в товарищи самых отчаянных людей и вооружив их, восстал против города и стал тираном, без суда убил более чем десять тысяч человек, забирая себе их имущество; а когда он достиг высшей степени богатства, то предался всякому распутству, со всею грубостью и дерзостью относясь к несчастным гражданам, позорил девушек и мальчиков и, как пьяный, неистовствовал над подчиненными. ... (27)

Мегаленф. Убийства, про которые он говорит, я совершил; а все прочее – развратную жизнь, насилие над мальчиками и девушками – ложно возводит на меня Киниск.

...

Киниск. Позови мне, Гермес, его лампу и кровать; пусть они придут и засвидетельствуют, что за ним знают.

...

Кровать. Киниск во всем обвинял правильно. Мне стыдно, владыка Радаманф, сказать, какие дела он на мне совершал.

...

Лампа. ...того, что он делал и позволял себе ночью, я не решаюсь сказать. Я видела, кроме того, много, чего нельзя сказать и что превосходит всякое бесстыдство...» (Лукиан. Переправа, или Тиран 26-27, пер. И.П.Мурзина [Лукиан 2001, т.1, с.355-356])

Разговоры в царстве мертвых

(№ 1646). «Диоген – Полидевку. Да еще скажи красавцам и силачам, коринфянину Мегиллу и борцу Дамоксену, что у нас ничего не остается от светлых волос, от сверкающих их черных глаз, от румяных щек, сильных мышц и плеч могучих, - все это для нас один прах; голый череп – вот вся наша красота» (Лукиан. Разговоры в царстве мертвых 1, пер. С.С.Сребрного [Лукиан 2001, т.1, с.370])

(№ 1647). «Полистрат. ...я прекрасно мог всем наслаждаться: у меня были немало красивых мальчиков, и нежные женщины, и благовония, и душистое вино, и стол такой, какого нет и в Сицилии.

... С самого утра уже стояли у моих дверей целые толпы народу, а потом приносили мне всевозможные дары, все что ни есть лучшего на земле.

... Да разве ты не знаешь, что такая любовь к богатым и бездетным старикам очень распространена?

... Для виду я говорил каждому из них в отдельности, что именно его сделал своим наследником; они верили и еще больше старались мне угодить. Но у меня было и другое, настоящее завещание, а всех моих обожателей я оставил ни с чем.

Симил. Кого же ты назначил наследником в окончательном завещании? ...

Полистрат. ... Одного из мальчиков-красавцев, купленного недавно фригийца.

... Во всяком случае, он более достоин быть моим наследником, чем те, хоть он и варвар, и негодяй; теперь его милости добиваются самые знатные люди. Так вот, он получил мое имущество и теперь числится среди евпатридов; бреет бороду и слова произносит на варварский лад, но, несмотря на это, он, по мнению всех, знатней Кодра, прекраснее Нирея и умнее Одиссея» (Лукиан. Разговоры в царстве мертвых 9, пер. С.С.Серебряного [Лукиан 2001, т.1, с.376-377])

(№ 1648). «Гермес. ...А этот красивый юноша кто такой?

Харон. Хармолей, мегарский красавец, за один поцелуй которого платили по два таланта.

Гермес. Скорей снимай с себя красоту, губы вместе с поцелуями, длинные волосы, снимай румянец с щек и вообще всю кожу. Хорошо, ты готов к отъезду; садись» (Лукиан. Разговоры в царстве мертвых 10, пер. С.С.Серебряного [Лукиан 2001, т.1, с.378])

(№ 1649). «Менипп. В этом отношении, Сократ, ты счастливый человек: все считают тебя достойным удивления и думают, что ты все знал, хотя – будем откровенны – ты не знал ничего.

Сократ. Да я же сам не раз говорил им это; а они думали, что «ирония» представляет собой что-то.

(6) Менипп. Кто эти все, что тебя окружают?

Сократ. Хармид, о Менипп, Федр и сын Клиния.

Менипп. Поздравляю, Сократ: ты и здесь занимаешься своим делом и умеешь ценить красивых.

Сократ. А что мне еще делать? ...» (Лукиан. Разговоры в царстве мертвых 20, пер. С.С.Серебряного [Лукиан 2001, т.1, с.393-394])

Переписка с Кроном

(№ 1650). «Ликин – Крону. ... И отроки у богачей цветущие и кудрявые, которых они Гиацинтами, Ахиллами и Нарциссами величают, пусть, протягивая им кубок, вдруг станут лысыми, пусть исчезнут их кудри и борода вырастет острая, как у тех клинобородых, что выступают в комедиях, а на висках щетина появится не в меру густая и очень колючая, середина же вся гладкой и голой останется» (Лукиан. Переписка с Кроном 24, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.415])

(№ 1651). «Крон – Ликину. ... Я не стану говорить, сколько у богачей еще разных горестей: сын беспутный, или жена, в раба влюбленная, или любовник, поддерживающий связь больше по необходимости, чем ради удовольствия, и, вообще, много есть такого, чего вы как раз не знаете, а смотрите только на их золото да пурпур» (Лукиан. Переписка с Кроном 29, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.417])

(№ 1652). «Богачи – Крону. ... На самом же обеде: когда беднякам самим лень станет обжираться и набивать свой желудок, после того как выпьют более чем достаточно, они то мальчика красивого, подающего им кубок, украдкой за руку ущипнут, то к наложнице или к законной супруге хозяина подбираются» (Лукиан. Переписка с Кроном 38, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.420])

Сновидение, или Петух

(№ 1653). «Микилл – петуху. Тьфу! Что ты говоришь! Так, значит, и женщиной, среди прочих превращений, побывал Пифагор? И было некогда время, когда и ты, о достопочтеннейший из всех известных мне петухов, нес яйца? Ты, бывшая Аспазия, спала с Периклом, беременела от него, и шерсть чесала, и заставляла челнок сновать по основе, и вела распутный образ жизни, как гетера?

Петух. Да, я все делал, но не я один, а также Тиресий, еще до меня, и сын Элата, Кеней, так что все насмешки, которые ты отправишь против меня, и против них также обращены будут.

...

Микилл. Удавиться бы тебе, петух! Что же, ты думаешь, все люди попеременно становятся то милетцами, то самосцами? Ты, говорят, и в бытность свою Пифагором в расцвете юности не раз служил Аспазией для самосского тирана» (Лукиан. Сновидение, или Петух 19, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.430])

(№ 1654). «Петух. [Рассказ о жизни царей] Но есть и другие невзгоды: любовник, уступающий лишь необходимости; наложница, питающая склонность к другому; слухи о том, что этот и тот собираются отложиться от тебя; два или четыре оруженосца о чем-то шушукуются между собой. А самое главное – это то, что приходится с особенной подозрительностью относиться к наиболее близким и всегда ожидать, что от них придет что-нибудь ужасное: вот я умер от яда, поданного сыном, а другой подобным же образом гибнет от руки своего любовника, и такая же смерть постигает, конечно, и третьего» (Лукиан. Сновидение, или Петух 25, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.433-434])

(№ 1655). «Петух. Ты все еще грезишь богатством. Смотри же. Видишь? Вот он, сам Евкрат, человек почтенного возраста, - лежит под собственным рабом.

Микилл. Великий Зевс! Что я вижу! С черного хода! Какое нечеловеческое сластолюбие и разврат! А с другой стороны – жена под поваром! Тоже распутством занимается» (Лукиан. Сновидение, или Петух 32, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.436])

(№ 1656). «(14) ... Тело нежное да гладкое, думали они [мужи древности], приличествует женщинам, сами же они чем были на деле, тем и казаться хотели: мужчинами, считая, что борода служит украшением мужу... Они-то, мужи древности, возбуждают мою ревность, им я хочу подражать, и нисколько не завидую удивительному счастью, которое ныне живущие люди находят в своих обедах, нарядах и в том, чтобы вылощить каждый член тела и не оставить на нем ни одного волоска, хотя бы они вырастали в самых сокровенных местах.

...

(17) Итак, для меня отличающая наружность состоит в том, что я грязен, космат, ношу грубый плащ и длинные волосы, хожу босиком, тогда как вы по внешности подобны искажающим природу распутникам, и различить вас никому невозможно, ибо все у вас одинаково: и разноцветные тонкие ткани, множество всяких рубашечек, и верхнее платье, и обувь, и прическа, и духи. Да, да: вы уж и благоухать стали совсем как те, - особенно самые, по-вашему, счастливые. Однако много ли можно дать за мужчину, от которого несет духами как от продажного мальчишки?» (Лукиан. Киник 14, 17, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.1, с.442])

Лжеученый, или Об ошибках в языке

(№ 1657). «Некто сказал: «Вон идет юноша. Это – мой друг, мы с ним давно в связи». – «Ты о друге, - удивился Сократ [из Мопса], - отзываешься так дурно?» (Лукиан. Лжеученый, или Об ошибках в языке 5, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.26])

О пляске

(№ 1658). «(37) По сути дела, повторяю, пляска в целом есть не что иное, как история далекого прошлого, которое актеру надлежит всегда иметь наготове в своей памяти и уметь изобразить приличествующим образом: он должен знать все, начиная с самого хаоса и возникновения первооснов вселенной, вплоть до времен Клеопатры Египетской.

(38) ...силы двух Эротов...

(45) Немало таких сказаний представляет и Лакедемон: Гиакинф, соперник Аполлона – Зефир, убийство отрока ударом диска, о цветке, из крови выросшем, жалобные знаки на нем по этому поводу...» (Лукиан. О пляске 37, 38, 45, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.39-40])

Как следует писать историю

(№ 1659). «Что же касается приятного, то, конечно, тем лучше, если и оно будет сопутствовать, как красота – борцу, но если ее и не будет, все-таки ничто не помешает Никострату, сыну Изидота, считаться учеником Геракла, раз он благороден и сильнее всех своих противников, хотя бы он был и безобразен на вид и хотя бы с ним боролся красавец

Алкей из Милета, как говорят, его любимец» (Лукиан. Как следует писать историю 9, пер. С.В.Толстой [Лукиан 2001, т.2, с.84])

Правдивая история

Описание путешествия на Луну. Первое «научно-фантастическое» произведение мировой литературы.

(№ 1660). «(22) Теперь я хочу рассказать о всем новом и необычайном, что мы заметили на Луне во время нашего пребывания на ней. Во-первых, жители Луны рождаются не от женщин, а от мужчин. Браки здесь происходят между мужчинами, и слово «женщина» им совершенно незнакомо. До двадцати пяти лет Селенит выходит замуж, после этого он женится сам. Детей своих они вынашивают не в животе, а в икрах.

... Половые органы у них – приставные, причем у некоторых они сделаны из слоновой кости, у бедняков же из дерева, и с их помощью между супругами и происходит сношение и оплодотворение.

(23) ... Отверстие у них находится не там, где у нас, и мальчики не подставляют седалище, а в коленной впадине над икрами. Красивыми у них считаются только лысые и вообще безволосые, других же они презирают. На кометах же, напротив, длинноволосые называются прекрасными, - об этом нам рассказывали бывавшие на Луне уроженцы этих светил.

«(21) ... Царь просил нас остаться у него, участвовать в новой колонии и обещал даже дать мне в жены своего собственного сына (женщин у них нет)» (Лукиан. Правдивая история I 21-23, пер. К.В.Тревер [Лукиан 2001, т.2, с.106-107])

Описание Островов Блаженных.

(№ 1661). «(II 17) ...Видел я там и Сократа, сына Софрониска; он болтал с Нестором и Паламедом, его окружали Гиакинф-лакедемонянин, феспиец Нарцисс, Гилас и другие многие и прекрасные юноши. Мне показалось, что он влюблен в первого из них, по крайней мере он все время выспрашивал его и опровергал его ответы.

...

(19) Вот все те замечательные люди, которые находились на этом острове. Самым большим почетом у них пользовался Ахиллес, а после него Тезей. Что же касается любовных наслаждений, то женщины и мужчины предаются им здесь совсем открыто на виду у всех и не находят в этом ничего предосудительного. Сократ только клялся в том, что его отношение к юношам носит непорочный характер, все же однако знали, что он клянется ложно. Гиакинф и Нарцисс, по крайней мере, иногда сознавались в этом, он же продолжал отрекаться. Женщины у них все общие, и никто не ревнует; в этом отношении они в полном смысле слова последователи Платона. Что же касается юношей, то они предоставляют себя каждому желающему без всякого сопротивления» (Лукиан. Правдивая история II 17, 19, пер. К.В.Тревер [Лукиан 2001, т.2, с.117-118])

Корабль, или Пожелания

(№ 1662). «(2) Самипп. Знаешь, Ликин, где Адимант нас покинул: думаю, когда вышел из нижней части судна тот пригожий отрок в чистой, тонкой одежде, с повязанными назад кудрями, ниспадавшими по обе стороны лба. Если я хоть немного знаю Адиманта, то, думается мне, при виде такого изящного зрелища он пожелал долго здравствовать египетскому строителю корабля, водившему нас по судну, и, по обычаю своему, стал плакать: быстр он на слезы в любовных делах.

Ликин. Однако, Самипп, мне показалось, что этот отрок не слишком красив, чтобы поразить даже Адиманта, за которым в Афинах ходят следом столько красавчиков, причем все – свободные, речистые, пахнувшие палестрой, - вот ради таких прослезиться не стыдно. А этот юноша вдобавок чернокож, губаст и чересчур узок в бедрах и слова произносит как-то неясно, без перерывов и торопясь. ...» (Лукиан. Корабль, или Пожелания 2, пер. Н.Н.Залесского [Лукиан 2001, т.2, с.128-129])

(№ 1663). «(11) ... Адимант. Никакого затруднения нет, Ликин, но одна пустяковая мысль в пути закралась и сделала совершенно неспособным слышать вас, так как всем разумом сосредоточился я на своей мысли.

...

Ликин. Неужели нечто любовное? Так ты скажешь это не каким-нибудь непосвященным, но тем, кто сам посвящен под «сияющим факелом».

(12) Адимант. Ничего подобного, чудак, а вообразил я себя владеющим великим богатством – счастье, которое древние называют пустым. Так вот, вообразите себе меня в самом расцвете изобилия и роскоши...» (Лукиан. Корабль, или Пожелания 11-12, пер. Н.Н.Залесского [Лукиан 2001, т.2, с.131])

(№ 1664). «(18). Адимант. ... Так вот: пусть станет моим судно и все находящееся на нем, как то: груз, купцы, женщины и корабельщики.

Самипп. Ты забыл о чем-то другом, самом приятном из того, что для тебя лично имеется на корабле.

Адимант. Об отроке говоришь ты, Самипп, о том причесанном, так пусть будет и он моим. ...

...

(19) Тимолой. ... Или ты полагаешь, что дельфины спасли какого-то там игрока на лире в награду за его пение и мертвое тело какого-то отрока было доставлено на дельфине к Коринфу, а у вновь приобретенного раба Адиманта не найдется влюбленного дельфина?» (Лукиан. Корабль, или Пожелания 18-19, пер. Н.Н.Залесского [Лукиан 2001, т.2, с.133])

(№ 1665). (27) Ликин – Адиманту. ... Что ты не согласишься даже за удвоенное состояние богача Фаномаха терпеть то же, что он, и подобно ему обратиться в женщину, это я отлично знаю, даже если ты и не признаешься в этом» (Лукиан. Корабль, или Пожелания 27, пер. Н.Н.Залесского [Лукиан 2001, т.2, с.135])

(№ 1666). «Тимолай. (42) Я хочу просить у Гермеса, чтобы он даровал мне перстни, обладающие волшебной силой...

(43) Но самым замечательным пусть будет другой, который даст мне наивысшее наслаждение – возбуждать к себе любовь, заставляя бегать за собой юношей пригожих, женщин и целые толпы народа: пусть не будет ни одного невлюбленного, который бы не воцелел меня, не имел бы на устах моего имени. Многие женщины даже вешаться пусть будут от любви, также отроки в любовном безумии будут считать блаженством, если взгляну я на кого из них, а если посмотрю презрительно, пусть они гибнут от горя. Словом, хочу быть выше Гиакинфа, Ги́ла или Фаона-хиосца.

(44) ... С любимчиками пусть буду общаться без препятствий, так как входить буду незримо, наслав сон на всех, кроме их одних» (Лукиан. Корабль, или Пожелания 42-44, пер. Н.Н.Залесского [Лукиан 2001, т.2, с.139-140])

Тимон, или Мизантроп

(№ 1667). «(22) Плутос – Гермесу. ...Затем снимают печать, разрезают тесьму, вскрывают завещание и объявляют моего нового господина, то есть какого-нибудь родственника или льстеца, или развратного раба, ценившегося в юности, как только он начинал брить себе щеки, за разнообразные наслаждения, которые он, будучи уже в летах, доставлял старому развратнику. Вот этот-то милейший человек, кто бы он раньше ни был, получив крупное вознаграждение, захватив меня [богатство] вместе с завещанием, убегает прочь. Затем вместо прежнего имени – Пиррия, Дромона или Тибия – он начинает себя величать Мегаклом или Мегабизом, или Протархом» (Лукиан. Тимон, или Мизантроп 22, пер. Б.В.Казанского [Лукиан 2001, т.2, с.147-148])

Пир, или Лапифы

(№ 1668). «Между тем я заметил, что приставленный к Клеодему мальчик, красавец-виночерпий, улыбается украдкой, - я считаю нужным упомянуть обо всех этих подробностях угощения, в особенности если они имели целью сделать пир еще более изящным; тут же я стал внимательно приглядываться, чему же мальчик улыбается. И вот, немного погодя, мальчик подошел взять у Клеодема чашу, тот же при этом и пальчик ему пожал и две, по-моему, драхмы ему вместе с чашей вручил. Мальчик же на пожатие пальца снова ответил улыбкой, но не заметил, по-видимому, денег, так что не подхваченные им две драхмы наделали шуму, покотившись на пол, и оба они весьма заметно покраснели. ...мало кто это видел, за исключением, по-моему, одного только Аристенета, так как спустя некоторое время он переменял прислужника, незаметно отослав первого. К Клеодему же кивком головы приставил другого постарше, какого-то здорового погонщика мулов или конюха» (Лукиан. Пир, или Лапифы 15, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.186])

(№ 1669). «Этимокл-философ – Аристенету (Письмо). ... (26) Это немного из многого у меня имеющегося я привел, чтобы ты уразумел, каким пренебрег ты мужем, предпочтя угощать Дифила и даже собственного сына ему поручив. Не удивительно: учитель приятен юноше и сам от общения с ним получает удовольствие. Если бы мне не было стыдно говорить о подобных вещах, я бы еще кое-что мог присовокупить, в

справедливости чего, если пожелаешь, ты сможешь убедиться, расспросив дядьку Зенона. Но не подобает смущать свадебного веселия и говорить худое о других людях, в особенности обвиняя их в столь постыдных деяниях. И хотя Дифил заслужил того, сманив у меня уже двух учеников, - но я... я во имя самой философии буду молчать.

...

(29) Итак, когда раб, наконец, окончил чтение, взоры всего стола обратились на пару Зенона и Дифила. Испуганные, побледневшие, они смущенным видом своим подтверждали справедливость Этимоклова обвинения. Сам Аристенет был встревожен и полон смятения, но тем не менее пригласил нас пить и пытался сделать вид, будто не произошло ничего плохого» (Лукиан. Пир, или Лапифы 26, 29, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.189-190])

(№ 1670). «(39) Ион. Итак, я первый начинаю, если вам угодно. Быть может, мне надлежало бы в присутствии таких мужей сказать об идеях, о бестелесных сущностях, о бессмертии душ, но, чтобы не встретить возражений со стороны тех, кто не держится этой философии, я скажу приличествующее слово о браке.

Итак, всего лучше было бы вовсе не искать браков, но, следуя Платону и Сократу, любить отроков. Ибо такие люди одни лишь могли бы достигнуть совершенной добродетели. Если же необходимо все-таки и с женщинами сочетаться, то надлежало бы нам, по учению Платона, общих жен иметь, да пребудем свободными от зависти.

(40) Рассказ Ликина. Общий смех был ответом на эту не к месту сказанную речь» (Лукиан. Пир, или Лапифы 39-40, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.192])

Продажа жизней

(№ 1671). «Покупатель. Скажи мне, что, собственно, ты знаешь лучше всего.

Сократ. Я любитель юношей и знаток любовных дел.

Покупатель. Да как же я куплю тебя? Мне нужен был дядька для моего сына, отличающегося красотой.

Сократ. Кто же больше моего способен жить с прекрасным юношей? Ведь я люблю не тело, но душу считаю прекрасной. Даже если юноши будут лежать под одним плащом со мной, ты услышишь от них, что они испытали от меня дурное.

Покупатель. Ты говоришь что-то неправдоподобное! Ты, будучи любителем юношей, не идешь дальше своей любви к их душе, и даже когда ты пользуешься полной свободой, лежа с ними под тем же покрывалом?

(16) Сократ. А я клянусь собакой и платаном, что дело обстоит именно так.

...

(17) Сократ. Я живу, выдумав для себя государство, где я установил особенный государственный строй, и законы у меня свои собственные.

...

Покупатель. Ну, а что же ты решил насчет прекрасных мальчиков.

Сократ. Их любовь будет наградой тем лучшим среди граждан, которые совершили что-либо выдающееся и благородное» (Лукиан. Продажа жизней 15-17, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.234])

Беглые рабы

(№ 1672). «Философия – Зевсу. ... (18) Впрочем, дело было бы еще не так страшно, если бы, совершая подобные поступки, эти философы не наносили нам никаких других оскорблений. Но они с виду, на глазах у людей, так важны и суровы, а стоит им заполучить или хотя бы заприметить хорошенького мальчика или красивую женщину, как они такое делают, что лучше об этом помолчать. ...

(20) ... Разве хоть один купец, распродав весь свой груз, получит такую выгоду, какую этим людям приносит философия? Потом, насобирав достаточно и хорошо запасшись, они отбрасывают прочь свой жалкий плащ и нередко покупают себе земли, тонкие одежды, кудрявых мальчиков и целые доходные дома, сказав навсегда «прости» суме Кратета, плащу Антисфена и бочке Диогена» (Лукиан. Беглые рабы 18, 20, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.263])

Лукий, или Осел

(№ 1673). «[Мальчик – господину]. Я не знаю, господин, для чего мы кормим этого осла, который страшно ленив и тяжел на подъем. К тому же он теперь обнаруживает и иное: как только он завидит женщину или девушку прекрасную и взрослую, или юношу, он, брыкаясь, бегом преследует их и ведет себя как мужчина с любимой женщиной, кусает их, точно целует, и старается приблизиться к ним» (Лукиан. Лукий, или Осел 32, пер. Б.В.Казанского [Лукиан 2001, т.2, с.284])

(№ 1674). «(36) Когда мы пришли туда, где жил Филеб, - так звали моего покупателя, - он тотчас же громко закричал перед дверью: «Эй, девочки, я купил вам раба, красивого и крепкого и родом из Каппадокии». «Девочки» - это была толпа распущенных пособников Филеба, и все они в ответ на его крик захлопали в ладоши: они подумали, что и вправду куплен был человек. Когда же увидели, что этот раб – осел, тут они стали насмехаться над Филебом: «Это не раба, а жениха ты себе ведешь. Откуда ты его взял? Да будет счастлив этот прекрасный брак и да родишь ты нам скорее таких же ослят».

...

(38) Однажды, когда мы попали в какую-то деревню, они завлекли взрослого юношу из поселян и привели его туда, где мы остановились, а потом воспользовались от него всем, что обычно и приятно таким безбожным развратникам. А я ужасался перемене своей судьбы. «До сих пор я терплю несчастья, о жестокий Зевс», - хотел я воскликнуть, но из моей глотки вышел не мой голос, а ослиный крик, и я громко заревел. Случилось так, что

в это время какие-то поселяне потеряли осла и, отправившись на поиски пропавшего, услышали мой громкий вопль, проникли к нам во двор, никому не говоря ни слова, как будто я был их ослом, и застигли развратников при совершении их непристойностей. Громкий хохот поднялся среди неожиданных посетителей. Выбежав вон, они сообщили всей деревне о бесстыдстве жрецов» (Лукиан. Лукий, или Осел 36, 38, пер. Б.В.Казанского [Лукиан 2001, т.2, с.286])

О кончине Перегринна

(№ 1675). «[Молодость Протея-Перегрина] (9) ... Затем он развратил какого-то цветущего юношу, но откупился за три тысячи от родителей мальчика, которые были люди бедные, и поэтому не был доставлен к правителю Азии» (Лукиан. О кончине Перегринна 9, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.296])

(№ 1676). «Одну историю, впрочем, ты уже давно знаешь: вернувшись из Сирии, я тогда же рассказывал тебе, как я плыл вместе с Перегрином от Трояды, как он, во время плавания пользуясь роскошью, вез также с собой молодого юношу, которого он убедил быть киником, чтобы тоже иметь кого-нибудь в роли Алкивиада; как мы были встревожены, когда ночью посреди Эгейского моря спустился туман и стали вздыматься огромные волны, и как он плакал тогда вместе с женщинами, он – этот удивительный человек, выказывавший свое превосходство над смертью» (Лукиан. О кончине Перегринна 43, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.304])

Александр, или Лжепророк

(№ 1677). «Мальчиком Александр был очень красив, если судить, как говорится, по соломе и как приходилось слышать в разговорах о нем. Он без зазрения совести предавался разврату и за деньги принадлежат всем желающим. Среди прочих любовников был у него какой-то обманщик, опытный в магии и заклинаниях, обещавший влюбленным приворожить любимого человека, помогавший имевшим врагов устранить их, учивший находить клады и получать наследства. Видя, что мальчик обладает способностями и с охотой готов помогать ему и не менее влюблен в его гнусный промысел, чем он – в его красоту, обманщик дал Александру образование и все время пользовался им как помощником и прислужником, выдавая себя обыкновенно за врача и умея, подобно жене египтянина Фона,

Много составить полезных лекарств, но также и ядов.

Александр стал его преемником и наследником. Учитель, его любовник, был тианиец родом, из числа людей, близких к Аполлонию из Тианы и знавших все его представления. Ты видишь, из какой школы вышел человек, о котором я тебе рассказываю» (Лукиан. Александр, или Лжепророк 5, пер. Д.В.Сергеевского [Лукиан 2001, т.2, с.319])

(№ 1678). «(41) Он приказывал всем воздерживаться от сожительства с мальчиками, как от греха, а сам в своем благородстве придумал следующее. Он предписал городам Пафлагонии и Понта посылать через два года на третий прислужников в храм, чтобы они пели у него гимны в честь бога. Надлежало посылать самых знатных, во цвете молодости и отличавшихся красотой, выбранных после тщательного осмотра. Запираясь с ними, он

пользовался мальчиками как купленными за деньги рабами, спал с ними и делал с ними всякие гнусности. Он издал закон, чтобы никто, будучи старше восемнадцати лет, не прикасался к его устам и не целовал его, когда приветствует; но, протягивая всем прочим для поцелуя свою руку, он сам целовал только молодых людей, которые назывались: «Те, что в поцелуе». (42) Пользуясь таким образом человеческой глупостью в свое удовольствие, Александр невозбранно соблазнял женщин и находился в связи с молодыми людьми» (Лукиан. Александр, или Лжепророк 41-42, пер. Д.В.Сергеевского [Лукиан 2001, т.2, с.330])

Неучу, который покупал много книг

(№ 1679). «Допустим даже, я научу тебя отличать книги, с таким великолепием и со всяческой тщательностью изготовленные переписчиками самого Калина или славного Аттика, - что за польза тебе, странный человек, приобрести такую рукопись, когда ты и красоты ее не понимаешь и не сумеешь никогда ее использовать, как слепец не сможет насладиться зрелищем прекрасного юношеского тела?» (Лукиан. Неучу, который покупал много книг 2, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.346])

(№ 1680). «(23) Но, неуч ты мой, зады изучающий, неужто ты думаешь, что такое уже сонное зелье разлито вокруг императора и он об одном услышит, а о другом и знать не будет: что за жизнь ты ведешь, едва начинается день, какие попойки устраиваешь, как проходят твои ночи, кто и в каких летах разделяет с тобой ложе? ... Ведь стоит только тебе заговорить, стоит в банях скинуть одежду, - да что там: не раздевайся, если не хочешь, а пусть только разденутся твои рабы, и что же? Ты думаешь, не выступят тотчас же наружу все молчанием запечатленные гнусности твоих ночей? Скажи-ка мне еще вот что: если бы этот знаменитый учитель ваш Басс или Батал, флейтист, или распутник Гемитеон из Сибариса, составивший для вас достойные удивления законы о том, как следует лощить свою кожу и выщипывать на ней волосы, как отдаваться и как действовать в ваших утехах, - так вот, если бы один из них вздумал сейчас разгуливать в накинутой на плечи львиной шкуре, с палицей в руках, за кого бы, по-твоему, приняли его зрители? Решили бы, что это – Геракл? Конечно, нет... Ибо бесчисленные признаки говорили бы против наряда: и походка, и взгляд, и голос, и вытянутая шея, и белила, и смола, и румяна, которым вы себя прикрашиваете, и вообще, как говорит пословица, легче пять слонов спрятать подмышкой, чем одного распутника! ...

... (25) Дело в том, что предметом твоего необычайного рвения всегда были две вещи: приобретение роскошных книг и покупка мальчиков, какие постарше и в полной силе, - ты и до сих пор с чрезвычайным усердием охотишься за этой добычей» (Лукиан. Неучу, который покупал много книг 23, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.353-354])

Лжец, или Что значит «пагубный»

(№ 1681). «(17) ... А если в самом начале, в преддверии, при первом выходе на утро целого года, встретишь распутника, который делает и с которым делают такое, что и сказать стыдно, который всеми за это заклеямен и отвержен, которому нет иных кличек, как только по делам его: обманщик, мошенник, лжец, чума, колодник и преступник, - как не бежать от него? Как не сравнить этого отверженца с черными, пагубными днями?

(18) Но разве ты не таков? ...кто даст веру твоим словам? Твои сограждане? – справедливость требует начать с них, - но они знают, каково было первое воспитание, тобой полученное, как ты, всецело отдавшись этой язве-солдату и во всем ему помогая, вместе с ним валялся во всяческом разврате, пока наконец он не прогнал тебя, превратив, как говорится, в рвань драную.

...

(20) Но, может быть, ты сошлешься в подтверждение своих слов на жителей других городов Сирии, утверждая, будто ты отнюдь не вел дурной и заслуживающей порицания жизни? Геракл! Да ведь Антиохия своими глазами видела, как ты действовал, когда, уведя к себе того самого, из Тарса прибывшего юношу, ты... А впрочем, и раскрывать снова эти старые язвы мне, пожалуй, просто зазорно. Но все же: знают, конечно, и помнят об этом заставшие вас тогда и узревшие, как ты сидел у него на коленях, а он... ну, ты сам знаешь, если не вовсе лишен памяти, что он делал своим ртом.

(21) ... Однако и Александрия знает про тебя не меньше... Только один человек, пожалуй, был бы способен поверить твоим утверждениям, будто ты ничего подобного не делал, ... - это твой последний покровитель, у которого ты состоял на жаловании, один из первых римских граждан. ... Но когда он застал тебя лежащим на коленях у мальчишки-виночерпия, Винопиона по прозвищу, то, - как ты думаешь, - мог он поверить тебе, что «ты не таков», воочию видя, чем ты занимаешься?» (Лукиан. Лжец, или Что значит «пагубный» 17-18, 20-21, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.362-364])

(№ 1682). «(25) А что сказал бы ты, - раз уж я вспомнил о твоих устах, - если бы собственный язык твой привлек тебя к суду? Допустим, что это случилось, и он стал обвинять тебя в преступном или по меньшей мере оскорбительном с ним обращении...

...

(27) В Сирии тебя прозвали «рододендромом», а за что, клянусь Афиной, мне стыдно рассказывать, так что пусть это останется пока тайной...

Египет дал тебе прозвище «жаба», по вполне понятной причине: ты ведь, говорят, едва не был задушен одним попавшимся тебе матросом с большого трехмачтового судна, который, навалившись на тебя, заткнул тебе рот. ...

А в Италии? О! Там ты носил эпическое имя Киклопа, так как пожелал однажды сам разыграть по древнему обряду свое срамодейство, сложив по образцу гомеровской рапсодии свою собственную. Сам ты лежал уже пьяный, - Полифем, томимый сластолюбивыми желаниями, - чашу держа в руке. А наемный молодчик, напряженно подъявши кверху сук, изрядно распаленный, приблизился к тебе, как некий Одиссей, будто желая глаз выбить,

Но промахнулся, и в цель не попал отклонившийся дротик,

А угодило копьё пониже, окрест подбородка.

Стихи подморожены несколько, но, когда о тебе говоришь, это вполне уместно! А ты, Киклоп, распахнул свою пасть, разинул ее сколь возможно шире и, ослепленный противником, стойко выдержал укус его копья; больше того: как Харибда, ты старался проглотить целиком корабль, которым «Никто-не» правил, вместе с мореходами, рулем и

парусами. И это видели прочие, при том присутствовавшие. После, на другой день, тебе оставалось одно оправдание – опьянение, и ты искал спасения, ссылаясь на то, что вино не было разбавлено водою.

(28) ... И когда недавно ты отважился в Кизике на сватовство, затевая один брак, то прекрасно обо всем осведомленная женщина сказала: «Не надо мне мужа, который сам в муже нуждается!» (Лукиан. Лжец, или Что значит «пагубный» 25, 27, 28, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.364-366])

О философах, состоящих на жаловании

(№ 1683). «Таким-то образом уподобляются они неудачливым и злополучным влюбленным, с которыми искусные и опытные любовники, крепко ими завладев, обходятся презрительно, чтобы те всю жизнь оставались влюбленными и прислуживали им. Они насладиться юношеской прелестью и даже краешком губ поцеловать не позволяют, зная, что вместе с достижением желаемого наступит разрешение любовных уз, - потому-то смыкают они эти узлы крепче и ревниво их стерегут. В прочем же непрестанно поддерживают в любовнике надежду, опасаясь, как бы отчаянье не отвело его от чрезмерной страсти и не стал бы он к ним равнодушен. Потому они посылают влюбленным улыбки и обещают, что всегда пойдут им навстречу и обласкают и окружают заботливостью, не скупясь на издержки. А там, глядь, оба незаметно состарились, и обоим вышел срок: одному – любить, другому – позволять любовь. И так-то всю жизнь дело ни разу не зашло у них дальше надежды» (Лукиан. О философах, состоящих на жаловании 7, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.372])

(№ 1684). «(12) Если какой-нибудь согражданин из зависти к тебе либо сосед, по ничтожному поводу имевший с тобой стычку, заявят в ответ на расспросы, что ты соблазняешь жен или мальчиков развращаешь, - конечно, показание принято, будто сам Зевс начертал его на табличках; если же все единогласно, один за другим хвалят тебя – подозрительно это и двусмысленно и похоже на подкуп» (Лукиан. О философах, состоящих на жаловании 12, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.374])

(№ 1685). «(15) Между тем домашняя прислуга на тебя поглядывает, и каждый из присутствующих следит внимательно за твоим поведением, и самому хозяину оно не безразлично: напротив, он даже наказал заранее кое-кому из рабов наблюдать, не слишком ли часто ты станешь кидать осторожные взоры на прислуживающих мальчиков или на супругу или на наложниц хозяина. ...

(16) ... Временами приходит тебе на ум, какую завидную ты проживешь жизнь, наслаждаясь всей этой роскошью, имея в ней долю на правах равного; ты начинаешь думать, что тебе предстоит сплошной праздник в честь Диониса. Вдобавок цветущие отроки, прислуживающие за столом и посылающие ласковые улыбки, рисуют тебе предстоящую жизнь еще более изысканной» (Лукиан. О философах, состоящих на жаловании 15-16, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.375])

(№ 1686). «(27) Итак, многое мучит тебя, и весь мир целиком и чуть ли не каждая его подробность, всего же более печалишься ты, когда оказывают перед тобой предпочтение какому-нибудь распутному мальчишке или учителю танцев, или жалкому человеку из Александрии, кропающему ионические стихи. ...

Ты с радостью бы, кажется мне, сделался слагателем любовных песен или даже согласился бы старательно петь сложенные другими песни, ибо ты замечаешь, насколько это занятие вызывает почет и приносит известность» (Лукиан. О философах, состоящих на жаловании 27, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.381])

(№ 1687). «(33) Не премину я пересказать тебе то, о чем мне рассказал известный стоик Фесмополид как о случае с ним самим, - весьма забавное и вовсе не неожиданное, Зевсом клянусь, происшествие, так что и с другими может, пожалуй, то же самое приключиться. Дело в том, что Фесмополид состоял при одной богатой и избалованной женщине из числа наиболее знатных в Городе. И вот, когда пришлось однажды отправиться в путешествие, то прежде всего, как он рассказывал, попал он в следующее презабавное положение: сесть рядом с ним в той же повозке – с ним, с философом, - предоставлено было одному кинеду, из тех извращающих природу распутников, с безволосыми от смолы ногами и начисто выстриженной бородой. Распутник был в большой чести, и эта женщина ему дала на память о его промысле соответствующее прозвище - «Ласточкой» звали кинеда. Это одно, конечно, уже многого стоит: рядом с суровым на вид старцем седобородым, - помнишь, какую длинную и величественную бороду носил Фесмополид, - рядом с ним усаживается нарумяненный, с подрисованными глазами, с блуждающим взором и согнутой шеей не ласточка – Зевс свидетель, нет, - коршун какой-то, у которого выщипали из зоба перья. И если бы Фесмополид не отговаривал усиленно, так распутник даже женскую сетку для прически на голову надел бы, усаживаясь с ним рядом» (Лукиан. О философах, состоящих на жаловании 33, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.383])

(№ 1688). «(39) ... И вот ты обвиняешься в том, что в такой-то день покушался на его мальчика, или в том, что, несмотря на свою старость, развратил девственницу, прислужницу госпожи, или еще в чем-нибудь подобном» (Лукиан. О философах, состоящих на жаловании 39, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.386])

Жизнеописание Демонакта

(№ 1689). «(12) ... Фаворин услышал от кого-то, что Демонакт подсмеивается над его выступлениями и в особенности над необычайно трогательными виршами, которые их сопровождали, находя стихи плоскими, чересчур женственными и совершенно неподобающими для философии. Фаворин, подойдя к Демонакту, спросил его: кто он такой, что решается вышучивать его речи?

«Человек, - ответил Демонакт, - с ушами, которые в обман не даются». Но беспольный софист, не отставая от него, спросил: «Какие ты, Демонакт, припасы на дорогу взял, переходя от детских забав к философии?» - «Яички», - ответил Демонакт.

...

(15) Некто Пифон, красивый юноша, из македонской знати, пурпуром отороченный, вздумал подшучивать над Демонактом, предложил ему какой-то софизм и требовал, чтобы он раскрыл этот силлогизм. «Одно я знаю, милый мальчик, - ответил философ, - что тебя уже не раз раскрывали». Когда же тот, обиженный этой насмешливой двусмыслицей, с угрозой произнес: «Я сейчас тебе крепкого мужа покажу», Демонакт, засмеявшись, спросил: «Так у тебя и муж есть?».

...

(17) Однажды, идя по улице, Демонакт нашел золотой перстень и вывесил на рынке записку, в которой предлагал владельцу потерянного перстня, кто бы он ни был, явиться к нему, назвать вес кольца, камень и вырезанную на нем печать и получить вещь. И вот пришел какой-то хорошенький мальчишка, заявляя, что это он потерял. Но, когда ничего толкового он не мог сказать, Демонакт ответил: «Ступай, мальчик, да береги от чужого пальца свое колечко, а это – не твоя потеря!»

(18) Один из римских сенаторов, будучи в Афинах, представил Демонакту своего сына, очень красивого, но женоподобного и изнеженного, проговорив: «Приветствует тебя, Демонакт, мой сын, которого ты видишь перед собой!» «Какой красивый! – сказал Демонакт. – И тебя достоин, и на матушку похож».

...

(24) Герод Аттик чрезвычайно горевал о преждевременно скончавшемся Полидевке и требовал, чтобы умершему закладывали колесницу и лошадей подавали, как будто он должен был сейчас сесть в колесницу, и готовили для него обед. И вот однажды Демонакт явился к Героду со словами: «У меня есть для тебя письмо одно, от Полидевка». Тот был очень обрадован, полагая, что и Демонакт не отстает от других, потакая его слабости. «Чего же, Демонакт, хочет от нас Полидевк?» - спросил он. «Он недоволен, - ответил философ, - что ты все еще здесь, а не с ним».

...

(33) По поводу Герода Демонакт сказал, что, очевидно, прав Платон, признающий в каждом из нас не одну, а несколько душ, ибо не могла бы одна и та же душа и возлюбленную Региллу, и возлюбленного Полидевка угощать, как будто они были живы, и проявлять о них другие подобные же заботы.

...

(49) Заметив, что многие атлеты во время схватки поступают нечестно и, вопреки правилам состязания, не борются, а кусаются, Демонакт сказал: «Не без оснований, значит, поклонники атлетов величают их «львами»».

(50) Тонкое, но вместе с тем и язвительное слово было сказано Демонактом проконсулу. Последний принадлежал к числу щеголей, выдергивающих со смолой волосы на ногах и на всем теле. И вот один киник, взойдя на камень, с которого говорили ораторы, поставил как раз это самое в вину проконсулу и явно намекал на известное распутство. Тогда рассерженный проконсул велел стащить киника с камня и собирался или палками забить его до смерти, или хотя бы изгнанием наказать. Но как раз случился при этом Демонакт и выпросил для провинившегося прощение, говоря, что дерзость его объясняется той свободой языка, которая у киников передается из поколения в поколение. Проконсул сказал: «Хорошо. Сейчас я отпускаю его, ради тебя. Но если он опять отважится учинить нечто подобное, какого наказания он будет достоин?» Демонакт ответил: «Вели тогда осмолить его и вырвать все волосы».

...

(56) Заслуживает упоминания и слово, брошенное Демонактом Гермину, последователью Аристотеля. Демонакт знал его за отвратительного человека, совершающего тысячи

всяких мерзостей, однако Аристотель и его десять положений не сходили у него с языка. «Ты, Гермин, - сказал Демонакт, - поистине достоин десяти положений о категориях» (Лукиан. Жизнеописание Демонакта 12, 15, 17, 18, 24, 33, 49, 50, 56, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.414-419])

Харидем, или О красоте

(№ 1690). «(4) Харидем. Присутствовало на пире, конечно, множество всякого народа: и родственники хозяина, и просто знакомые. Удостоились же выступить с речами и украсить ими все пиршество, произнеся хвалы красоте, вот кто: Филон, сын Диния, Аристипп, сын Агасфена, и третий – я. Возлежал вместе с нами Клеоним, прекрасный племянник Андрокла, изнеженный и избалованный мальчишка, но, по-видимому, не лишенный ума, так как он весьма внимательно вслушивался в речи. ...

(5) Поводом для наших речей, о котором ты спрашиваешь, послужил этот самый красавец Клеоним. Он возлежал между мной и божественным Андроклом; гости, люди простые, не блещущие образованностью, оглядывались на него, поражались сверх меры его красоте и вели о нем горячие разговоры: не обращая ни на что почти никакого внимания, они сидели и расточали похвалы молодому человеку. Мы были рады видеть в этих людях также любовь к красивому. Однако, одобряя, мы в то же время полагали, что окажемся великими лентяями, если в беседе о прекраснейшем отстанем от простых людей, тогда как именно в этом мы видим свое превосходство над ними. Итак, мы взялись поговорить о красоте. Но мы решили не произносить похвальных речей, обращенных прямо к юноше, - это было бы нехорошо и ввергло бы его в тем большее тщеславие, - и не подражать прочим гостям, говоря беспорядочно, что кому вздумается, а [с.51] сказать каждому из нас о том, что приводит ему на память настоящий случай.

(6) Речь Филона. Неслыханное будет дело, если мы, в наших повседневных занятиях всячески добиваясь красивого, о самой красоте ни слова не скажем, но так и будем сидеть и молчать, как будто мы боимся, чтобы ненароком не вырвалось у нас словечко о том, к чему мы сами ревностно стремимся все время. А между тем на чем другом мы достойно используем дар слова, если, хлопоча о вещах, ничего не стоящих, станем молчать о самом что ни на есть прекрасном? Да и можно ли прекрасней запечатлеть красоту слов, чем в речи, в которой, оставив мелочь в стороне, будем говорить о конечной цели всех наших стремлений? Но, чтобы не показаться, будто я лишь говорю о том, как надо поступать, а сам ни слова не умею сказать об этом, - я постараюсь с возможной краткостью вам обо всем подробно рассказать. Все, конечно, жаждут быть красивыми, но лишь немногие удостоиваются этого. Зато те, кто получил этот высокий дар, считаются счастливейшими из счастливых, встречая у богов и людей приличный красоте почет. Вот вам пример: мы знаем, что из героев сделались богами Геракл, сын Зевса, Диоскуры и Елена. Первый из них, как говорят, за храбрость был удостоен этой чести, а Елена своей красотой и себя превратила в богиню, и стала причиной такого же превращения для Диоскуров, которые еще до ее восхождения на небо были причислены к подземным божествам.

(7) Возьмем любого из людей, удостоенных общения с богами, - между ними не встретишь ни одного, кто бы не был причастен к красоте. Так, Пелоп за свою красоту вкусил божественной амброзии, а Ганимед, сын Дардана, настолько, говорят, покорила высочайшего из богов, что он не допустил никого из прочих богов к участию в охоте на этого отрока, но счел ее лишь для себя приличной, слетел на Гаргар, вершину Иды, и вознес оттуда мальчика на небо, чтоб навсегда оставить его при себе. И такое внимание

Зевс всегда оказывает тем, кто прекрасен, что не только их удостаивал включенья в сонм небожителей, возводя на небо, но и сам не раз, превращаясь во что придется, сходил на землю и соединялся с любимыми...

(8) Но вот что всего важнее и во многих способно вызвать удивление: в обращении с богами (ибо с людьми Зевс не имеет общения, за исключением лишь тех, которые красивы), на собраниях богов он, по описанию поэта всех эллинов, является таким надменным, суровым, наводящим ужас! ... [с.52]

Но, собираясь на свиданье с красивыми любимцами, он становится таким кротким, ласковым, во всем уступчивым, что в довершение всего даже совсем перестает быть Зевсом, боясь неприятным показаться мальчику, и притворно принимает иную наружность, к тому же наипрекраснейшую, способную привлечь взорающего на него. Такое уважение и почет воздает Зевс красоте.

(9) И если бы один лишь Зевс был до такой степени в плену у красоты, из прочих же богов никто в ней не нуждался, тогда могло бы показаться, что сказанное мной больше говорит против Зевса, чем в пользу красоты. Но погляди внимательней, и ты увидишь, что со всеми богами творится то же, что и с Зевсом: Посейдон был побежден Пелопом, Гиакинфом – Аполлон, Гермес же – Кадмом.

... [с.53]

(12) ... Итак, если красота столь божественна и величава, столь желанна для самих богов, то неужели прилично нам не взять примера с бессмертных и словом или делом, всем, чем можем, отказываться принять участие в прославлении красоты?

Речь Аристиппа. ...

(15) Если бы ныне мы вели беседу о чем-нибудь ином, не о красоте, то было бы достаточно выслушать одного оратора и на том покончить. Но красота – такой неисчерпаемый предмет для всех, кто хочет взять о ней слово, что, конечно, нельзя считать неудачливым оратора, который в своей речи не осветил вопроса с достаточной полнотой; напротив, если ко всем хвалам, произнесенным другими, он сумел и от себя хоть что-нибудь прибавить, надо признать, что речь его блестяще удалась. Красота – то, чему открыто воздают такой почет небожители; но она и для смертных столь же божественна и в высшей мере желанна. Она по своей природе вносит строй и лад во все сущее. Наконец, она делает людей, красотой обладающих, предметом всеобщих домогательств, а к тем, кто лишен красоты, рождает ненависть и отвращает от них взоры как от недостойных. Кто обладает даром слова, достаточным, чтоб по заслугам восхвалить ее? Никто, конечно. А потому, раз красота нуждается для прославления ее в многочисленных хвалителях и так трудно воздать ей должное, не будет нисколько неуместным, если и мы решимся кое-что сказать о ней, хотя бы выступая с речью после Филона. Красота превыше и божественней всего, что есть на свете.

...

Речь Харидема. (22) ...

Если бы дело шло о чем-нибудь другом, то в похвалу ему довольно было бы того, что каждый из вас уже сказал от себя; но красоте присуще столь многое, что и для тех, кто придет на смену нам, всегда найдется о чем сказать во славу красоты. Откуда к красоте ни

подойти, все кажется, что вот об этом-то и надо прежде всего сказать. Так, гуляя на цветущем лугу, открываешь взором все новые и новые цветы и, влекомый ими, не знаешь, какой цветок сорвать. Я выбрал из множества лишь те, о которых, мне кажется, не подобало бы молчать, и вкратце скажу, чтобы и красоте должное воздать, и вас порадовать, не пускаясь в пространные рассуждения.

(23) Когда мы видим, что человек превосходит нас лишь храбростью или какой-нибудь иной доблестью, не вынуждая нас ежедневными услугами питать к нему добрые чувства, то мы скорее завидуем ему и ждем, когда же он потерпит неудачу в своих делах. Но, встретив человека, прекрасного собой, мы не только не завидуем его красоте, но, с первого же взгляда плененные им, начинаем любить его без меры и, не колеблясь, становимся его рабами, как существа высшего. Больше радости служить человеку во власти цветущей красоты, чем повелевать человеком, лишенным ее, и когда красивый отдает нам многочисленные приказания, мы больше бываем ему благодарны, чем если он ни с чем к нам не обращается.

(24) Дальше: что касается прочих благ, для нас желанных, то мы стараемся только овладеть ими, не более того. Но красотой никогда никто не [с.57] может насытиться! Если бы мы красотой превзошли сына Аглаи, ходившего с ахейцами под Илион, или прекрасного Гиакинфа, или Нарцисса, лакедемонянина родом, нам и этого бы казалось мало: мы боялись бы, что нас забудут, что на смену нам придут другие, еще более прекрасные.

...

(27) Тех, кто угождает желаньям стоящего у власти народа, мы зовем одних – демагогами, других – льстецами; и только тем, кто покоряется силе красоты, мы удивляемся и называем тружениками и поклонниками прекрасного, а тех, кто проявляет заботу об украшении города, считаем общими благодетелями. Итак, если красота рождает такое благоговение, если все причастны стремлению к ней и почитают за счастье хоть чем-нибудь ей послужить, то разве мы не заслужим порицанья, если добровольно упустим счастливую возможность такого счастья, не понимая, что этим мы сами себя наказываем?» (Лукиан. Харидем, или О красоте 4-9, 12, 15, 22-24, 27, пер. Н.П.Баранова [Лукиан 2001, т.2, с.50-53, 56-57])

(№ 1691). Две любви

(пер. Н.П.Баранова под ред. А.И.Зайцева [Лукиан 2001, т.2, с.58-80])

Ликин – вариант имени Лукиан.

«...»

(4) Феомнест. ... А для меня будь сегодня судьей нелицеприятным, так как я не вижу, чтобы ты склонялся на сторону какой-нибудь одной из двух страстей. Итак, скажи, кого ставишь лучшими: тех, что любят отроков, или находящихся утеху в милых женщинах? Что касается меня, то, [с.60] пораженный и той, и другой страстью, я, как стрелка хорошо уравновешенных весов, склоняюсь равномерно к обеим чашкам. Ты же, как стоящий вне всего этого человек, сумеешь выбрать неподкупным решением разума то, что лучше.

Итак, любезный друг, оставь всякое притворство и быстрее положи камешек, какой найдешь нужным, согласно оценке моих любовных увлечений.

(5) Ликин. По-твоему, Феомнест, этот разговор – детская забава и шутка. А на деле он очень важен. Я, во всяком случае, говорю о нем под свежим впечатлением, зная, что эти дела чрезвычайно важны, когда услышал горячий спор, который по обоим твоим вопросам вели между собой два человека. Воспоминание о нем до сих пор сохраняется у меня. При этом спорящих разделяли не только слова, но и страсти; не так, как тебя, который податлив и умеет, бодрствуя без сна, плату двойную собрать:

Стадо быков сторожа, а после – овец белорунных.

Из спорщиков же один безмерно наслаждался любовью мальчиков, считая Афродиту женских ласк губительной пропастью, другой же целомудренно чуждался мужского ложа, устремляя все свои желания к женщинам. В этой схватке двух страстей я был поставлен третьей стороной, и нет слов сказать, какое сверхудовольствие при этом я получил: следы тогдашних слов остались запечатленными в ушах, как будто я только что их слышал. Итак, убрав с дороги то, что послужило для обоих поводом пуститься в спор, я точно передам тебе все, что было сказано.

...

(9) Насмотревшись досыта, я намеревался уже отправиться домой, как вдруг судьба послала мне величайшую из возможных на чужбине радостей: встречу с двумя старинными приятелями, которых, по-моему, и ты должен знать, не раз встречавшись здесь с ними, когда они бывали у меня. Один – Харикл, родом из Коринфа, юноша далеко не урод, да к тому же всегда искусно причесанный, из желания, как видно, пленять собой милых женщин. Спутником его был Калликратид, афинянин, человек простой наружности, всему на свете предпочитающий деятельность политического оратора и выступления с речами в народных собраниях. Не брезгал он и телесными упражнениями и охотно посещал палестры, побуждаемый к тому, я думаю, не чем иным, как любовным влечением к юношам. На это были устремлены все его помыслы. А ненависть свою к женщине он доводил до того, что часто посылал проклятия Прометею. Завидев меня издали, оба кинулись ко мне с веселым и радостным видом. Затем, как водится, мы обменялись приветствиями, и каждый стал просить меня зайти к нему. Но я, видя, что между ними возникает соперничество из-за меня, сказал: «Сегодня, Калликратид и Харикл, будет всего лучше вам обоим посетить меня, не возбуждая дальнейших споров, а в последующие дни – я решил остаться здесь дня на три, на четыре – вы поочередно угостите меня в ответ, решивши жребием, кому быть первым».

(10) Так и решили. В этот день я был хозяином и угощал обоих, назавтра – Калликратид, а дальше, после него, – Харикл. Уже во время этих пирушек я заметил по многим несомненным признакам, какие мысли владели каждым: афинянин обзавелся красивыми мальчиками, и все рабы были у него безбородыми, оставаясь в доме лишь до тех пор, пока не начинал [с.62] темнеть их подбородок; как только щеки покрывались первым пушком, Калликратид отсылал их прочь, назначая управляющими и приказчиками своих афинских имений.

Харикл, напротив, был окружен целым хором танцовщиц, флейтисток и арфисток. Весь дом Харикла, словно во время праздника Фесмофорий, был полон женщин, и нельзя было встретить ни одного мужчины, разве только малыша-мальчика или какого-нибудь дряхлого старика-повара, который по возрасту уже не мог возбуждать ревнивых

подозрений хозяина. Все это, как я уже сказал, с достаточной ясностью вскрывало род мыслей моих приятелей. Нередко дело доходило между ними и до легких схваток, но длились они недолго и не могли привести к решению вопроса. Когда же пришел срок отплытия, оба они вызвались сопровождать меня, и я взял их с собой на мой корабль: как и я, они собрались посетить Италию.

(11) Мы решили причалить в Книде, чтобы осмотреть святилище Афродиты; славилось оно изображением богини – творение искусного резца Праксителя, возбуждающее любовь. ...

(13) Вдоволь насладившись пышной растительностью, мы вошли внутрь храма. Богиня – прекраснейшее изваяние из паросского камня – занимает середину помещения. Удивительное изображение: неуловимо улыбаясь, едва полуоткрыв уста. Вся красота богини ничем не скрыта, никакие одежды не облекают тела: богиня стоит обнаженной и только одной рукой незаметно прикрывает свой пол. И столь велика была творческая мощь искусства, что неподатливый и жесткий по своей природе мрамор послушно следует всем изгибам членов тела... При этом зрелище Харикл, словно охваченный каким-то безумием, воскликнул вне себя: «Наиблаженнейший из всех богов Арес, попавший из-за нее в оковы!» - С этими словами Харикл подбежал к изваянию и, насколько мог, вытянув шею, прильнул жадными губами к мрамору и поцеловал его. Калликратид стоял молча и дивился про себя.

Храм имеет два входа, с той и с другой стороны, чтобы желающие могли и со спины разглядеть богиню, ничего не упустив и всему воздав подобающее восхищение. Войдя во вторую дверь, посетитель может весьма удобно с полным вниманием изучить красоту изваяния и с другой стороны.

(14) Мы решили осмотреть всё изображение и обошли вокруг ограды, к другому входу. Едва привратница, которой вверено хранение ключей, открыла нам дверь, внезапно оцепенение охватило нас перед явившейся красотой. Афинянин, незадолго перед этим взиравший совершенно спокойно, теперь, увидев у богини то, чем он привык восхищаться у юношей, тотчас с большим безумием, чем до него Харикл, воскликнул:

«Геракл! Что за спина! Сколько благородства во всех размерах! Как полны изгибы бедер – они полную пригоршню руки заполнить могут! Как соразмерно очерченный зад изгибает свою плоть, ни облегая чересчур тесно кости, ни подымая свою полноту до чрезмерной толщины! Кто сможет выразить, как приятна улыбка изваянных с обеих сторон лядвей! Как безукоризненно стройна линия от бедра и протянутой прямо голени до самой ступни! Да! Вот таков Ганимед, в небесных чертогах наливающий Зевсу сладостный нектар. От Гебы, вздумай она мне прислуживать, я бы не принял напитка!» ...

(15) ...храмовая прислужница рассказала нам странную историю невероятного содержания. Она рассказала, что один молодой человек небызызвестной семьи ... часто посещал святилище и, обуянный какой-то злой силой, влюбился в богиню. Все дни юноша проводил в храме и сначала казался просто благоговейным поклонником. ...

(16) ... Наконец неистовая напряженность желаний превзошла всякие границы ... Солнце уже клонилось к закату, когда юноша незаметно для присутствующих тихонько проскользнул за дверь и, притаившись в глубине помещения, стоял не двигаясь, почти не дыша. ... «Но к чему вся эта болтовня, - закончила рассказчица, - зачем стараться описать во всех подробностях дерзость этой неизобразимой словами ночи? Наутро мы обнаружили следы любовных объятий, и замеченное вами пятно осталось на мраморе, на

теле богини, избличая совершенное насилие. А сам юноша? Народная молва гласит, что он или в пропасть бросился, или – в морские волны... Словом, юноша исчез бесследно».

(17) ... Харикл ... воскликнул: «Вы видите: женское начало, даже если оно в мраморе, возбуждает любовь! А что, если бы кто-нибудь увидел живой такую красоту? Разве не отдал бы он даже скипетр Зевса за одну лишь ночь?»

... Калликратид ... ответил: «Этот влюбленный юноша получил в свое распоряжение целую ночь и, значит, имел полную возможность насытить свою страсть. И что же? Он подошел к мрамору как к мальчику и хотел бы, я уверен в этом, чтобы даже спереди женское не было женским...»

...

(18) ... Затем я уселся посредине, приняв подобающий судейский вид, и сама неподкупная Гелиея пребывала в моих насупленных бровях. Я бросил жребий, чтобы решить, кому говорить раньше, и когда Хариклу досталась первая очередь, я приказал ему немедля начать речь.

(19) ...

(30) Калликратид немного помедлил, но по лицу его можно было заключить, что он преисполнен задором предстоящей схватки. Потом он начал свою ответную речь:

«Если бы женщины имели долю в народных собраниях, в судах, в делах общественных, они единогласно назначили бы тебя своим вождем или защитником и бронзовыми статуями на площадях почтили бы тебя, Харикл! Они и сами, пожалуй, если б получили возможность говорить, не сумели бы так горячо выступить в свою защиту, даже те из них, что выдавались своей ученостью...»

(31) Я, признаться, думал, что спор у нас идет лишь ради забавы и не заходит глубже. Но, поскольку мой противник вздумал пофилософствовать о женщинах, я с радостью хватаюсь за этот случай, чтоб пуститься в путь: знайте, что только эрос, внушенный мужчиной, объединяет в себе и добродетель, и наслаждение. Я хотел бы, если б это было возможным, чтобы здесь над нами поднимал свою верхушку платан, внимавший некогда речам Сократа, - дерево счастливей Ликей и Академии, под которым возлежал, отдыхая, Федр, как с величайшим изяществом повествует божественный Платон. Это дерево, как некогда додонский дуб, священным голосом, [с.71] слетевшим с его ветвей, благословило бы нашу любовь, храня воспоминание о прекрасном Федре. Но это – неосуществимо,

...ибо легли между нами

Горы, поросшие лесом густым, и шумное море.

Мы – на чужбине, спор застал нас вдали от отчизны, на Книде, - и это дает перевес Хариклу; но всё же я не буду предателем истины и не уступлю трусливо.

(32) Только ты, небожитель, не замедли: предстань нам благосклонным заступником дружбы, ты, вершитель великих тайн, божественный Эрос! Предстань не коварным мальчишкой, каким, забавляясь, рисует тебя рука художника, но таким, каким тебя произвела изначальность, принявшая в себя первые семена жизни, - с самого рожденья совершенным. Это ты из безвидной и безобразной бесформенности всему придал вид.

Весь мир словно в какой-то общей гробнице покоился; но ты разбил ее; ты загнал облежавший мир хаос в самые дальние глубы преисподней, где, поистине,

Створы железных дверей и порог, окованный медью,

Несокрушимо его сторожат, заграждая путь к возврату.

А сияющему свету ты настезь распахнул темницу ночного мрака и стал творцом всего, что лишено дыхания, и всего, что дышит. Влив в людей замечательное единомыслие, ты связал их высокими узами страстной дружбы, чтобы она воспитывала в еще непорочной и нежной душе мужающего подростка благое стремление к совершенству.

(33) Брак представляет средство обеспечения необходимой преемственности рода человеческого. Но только любовь философа к юноше вызывается высоким величием души. А все, что от избытка порождает искусство, облакая красотой формы, имеет цену большую, чем то, что служит насущной потребности, и прекрасное всегда выше необходимого. И вот, пока человек пребывал в невежестве и не имел приятного досуга, чтоб с каждым днем становиться искусней в лучшем, он был доволен узкими границами самого необходимого и, гонимый временем, не мог изобрести изящной жизни. Но, когда настоятельнейшие нужды были удовлетворены и умы потомков освободились от гнёта необходимости, получили постоянный досуг и с ним возможность поразмыслить о предметах более высоких, - после этого мало-помалу стали вырастать различные науки. Об этом мы можем догадываться, наблюдая не дошедшие еще до своего совершенства искусства. Едва лишь появились на земле первые люди, как они стали искать средство утолить свой повседневный голод; находясь в плену у нужды сегодняшнего дня, когда недостаток не позволял выбрать лучшее, они питались простой травой, выкапывали из земли мягкие корешки, а чаще всего кормились плодами дуба. Со временем однако подобная пища была отвергнута и оставлена на долю животных, лишенных разума; [с.72] настойчивый труд пахаря открыл посев пшеницы и ячменя, видя, как ежегодно они возобновляются. Безумец и тот не скажет, что дубовый желудь лучше, чем хлебный колос.

(34) Дальше. Кто не знает, что в начале жизни человеческого рода люди, нуждаясь в прикрытии, одевались в косматые шкуры, содранные с животных? ...

(35) Пусть же никто не требует, чтобы любовь мужчины к мужчине восходила в стародавние времена: тогда необходимо было общение с женщиной, чтобы без посева не погиб окончательно наш род. А всему многообразию знаний и этой жажде возвышенной любви к прекрасному было суждено выйти на свет лишь в нынешний век, не оставляющий без исследования ничего, чтобы вместе с божественной философией расцвело юношество. Берегись же, Харикл: не именуя презрительно негодным того, что не было известно раньше и лишь потом оказалось измышленным; хотя в записях времени сношение с женщиной и старше, чем любовное влечение к отроку, не унижай последнее: напротив, образ жизни древних давайте считать рожденным необходимостью, а то, что разум человека, получив досуг, недавно открыл сверх того, должно цениться выше.

(36) ... [с.73] ... Сама природа осудила животных не получать ни одного из благ, доставляемых разумом и предназначенных ею для других, - так что не удивительно, если вместе с остальными они не знают и страсти, внушаемой мужчине женщиной. Да, львы не любят львов, но ведь на то они и не философы; не влекутся и медведи к медведям, но ведь и прелесть дружбы им не известна. Тогда как мысль человека в союзе со знанием, изведав многое на опыте, остановила свой выбор на прекраснейшем, признав любовь к мужчине надежнейшей из всех видов любви.

...

(38) ... На самом деле, отмеченная печатью безобразия, женщина чужеродной красотой обманывает свой от природы неблагопристойный вид.

...

(44) Теперь достойно будет противопоставить порокам женским поведенье мужающего отрока. Чуть свет покинув ложе, не разделенное ни с кем, и смыв чистой водою с глаз остатки сна, закрепивши пряжкой на плече плащ, подросток оставляет отчий очаг и, потупив взоры, идет по улице, не глядя в лицо никому из встречных. Пристойный хор служителей и дядек идет за ним, держа в руках высокие орудья добродетели: не блестящие надрезы гребня, могущего разгладить прическу, не зеркала – неписанные образы, что с точностью вторят чертам лица, – нет, многочисленные складни табличек письменных идут вслед ему или книги, хранящие деянья старинной доблести, или, если путь лежит к учителю музыки, – мелодическая лира.

(45) После, вдоволь изощривши душу во всяких ведущих к мудрости науках, насытив ум свой всем кругом добрых знаний, юноша и тело свое [с.76] предает трудам благородных упражнений: фессалийские кони занимают его, а потом, быстро укротив свою юность, как молодого коня, юноша среди мира изучает военное искусство: бросает дротики и метко целящей рукой пускает стрелы. Затем – блестящие палестры. Под зноем полуденного солнца прах покрывает крепнущее тело; пот гимнастических трудов струится каплями. После – короткое купанье и трезвый стол, чтоб, подкрепившись, тотчас же снова приступить к работам. Ибо снова с юношей беседуют наставники, и снова его память изощряется затейливыми вопросами о древних подвигах: кто из героев отличался мужеством? кто дал свидетельства высокого ума? кто справедливость возлюбил и скромность? Так еще нежная душа увлажняется росой добродетели. Когда же вечер положит предел занятиям и желудок предъявит свои неизбежные права, подросток платит ему умеренную дань и засыпает сладким сном, вкушая завидный отдых от дневных трудов.

(46) Так кто же не станет любовником такого отрока? Чьи глаза глядят так слепо? Кто так убог рассудком и увечен мыслью? Как не полюбить его, Гермеса в палестрах, Аполлона в мусических искусствах, наездника не хуже Кастора, его, кто смертным телом преследует божественную добродетель? Боги небесные! Да я бы согласился всю жизнь без перерыва сидеть вот так, напротив друга, и слушать близко его сладостную болтовню; когда он выходит, выходить с ним вместе и быть сообщником его во всем, что б он ни делал. О, конечно, любовнику хотелось бы, чтоб неуклонно, ни разу не споткнувшись, прошел любимый всю свою жизнь до старости, не ведая печалей, не узнавши никогда испытаний злобной судьбы. Но если все же, по закону человеческой природы, недуг его коснется, я буду страдать со страждущим. Вздумает он пуститься в бушующее море – я поплыву с ним вместе; и если насилие тирана заключит его в железо, я сам скую себя такими же цепями. Враг, ненавидящий его, всегда будет моим врагом, и милы мне будут те, кто питает к нему привязанность. А если разбойников увижу или воинов, на него устремляющих свой меч, я подыму оружие, хотя бы через силу. Когда ж возлюбленный умрет, я пережить его не соглашусь и ближайшим после него друзьям моим отдам последнее распоряженье: общий курган насыпать и, смешавши с костями кости, даже безгласный прах мой не разлучать с прахом любимого.

(47) Но не моя любовь достойнейшим впервые начертает всё это. Нет! Высокий дух героев, близкий богам, установил закон, чтобы любовная привязанность друзей не умирала до последнего дыхания. Фокида с детских неразумных лет связала Ореста и Пилада. Взявши бога в свидетели своей взаимной страсти, они, как на одном челне, проплыли всю жизнь: вместе убили Клитемнестру, словно оба были сыновьями Агамемнона; от руки обоих пал мертвым Эгисф. Когда Орест бежал, гонимый Карамидом, Пилад страдал не меньше его, а на судилище был защитником Ореста. Границы самой Эллады не могли измерить их дружеской влюбленности, и поплыли они на край земли, в пределы скифов: один – охваченный недугом, второй – не оставляя друга своим уходом. Но, едва они вступили на [с.77] землю тавров, как тотчас же их приняла Эриния, карающая матереубийц: в припадке обычного безумия Орест упал, и варвары кругом обступили лежащего. Но Пилад

Отер с уст пену и заботливой рукой

Его одеждой добротканною покрыл,

обнаружив нрав не просто любовника, но и отца. Когда же было решено, чтобы один из них остался и был предан закланью, а другой отправился в Микены, чтобы доставить письмо Ифигении, то оба вызвались остаться друг за друга, и каждый думал, что он сам будет жить в оставшемся в живых. Орест, отталкивая от себя письмо, считал, что достойнее взять его Пиладу; казалось, из любимого он сам превратился в любовника. Он говорил:

Ему закланным быть! О, тягостный удар

Мне, мореходу по морям жестоких бед!

И, спустя немного, снова:

...ему отдай письмо,

Пусть едет в Аргос, чтобы он доволен был,

Меня ж убейте, если это нужно вам.

(48) Так-то всегда бывает: с детства вскормленная глубокая любовь мужает в возрасте, уже способном мыслить; любимый воздает теперь бывшему любовнику ответною любовью, так что и распознать бывает трудно, кто из двух влюблен в другого: привязанность того, кто полюбил, передается обратно любимому, как образ, отраженный от зеркала. Зачем же ты поносишь, как чуждую нам, какую-то изнеженность, когда это благо некогда божественный закон установил, и что от поколения к поколению дошло до нас? Радостно приняв наследие, мы с чистым сердцем блюдем святой обычай. Да, воистину блажен, по слову мудрых, тот, у кого

...молоды слуги, и кони о крепком копыте.

Старость грядущую он перенесет без труда,

Юной любовью согретый...

По крайней мере учение Сократа, это блестящее судилище, в котором решались споры о добродетели, заслужило почетный отзыв дельфийского треножника: пифиец изрек не ложный оракул:

Из всех мужей наимудрейший муж – Сократ,

Сократ, который, среди прочих наставлений, обогативших человеческую жизнь, признал высоким и полезным чувством юношелюбие.

[с.78] (49) Должно так любить юных, как Сократ – Алкивиада, с которым он отцовски вкушал сон под одним плащом. А в заключение я с великим наслаждением дополню сказанное мною словами Каллимаха. Да слышат все:

Если бы вы, что на юношей мечете нежные взоры,

Так любили бы, как Эрхий любить повелел, -

Был бы тогда мужами достойными полон ваш город!

Помните это, юноши, и благоразумно идите к добрым отрокам. Не рассыпайте ради ничтожного наслаждения великую привязанность, не длите до поры полного расцвета вымышленные любовные страсти, но, преклонившись перед небесным Эросом, с детских лет до старости ищите чувств надежных и прочных; для тех, кто умеет так любить, сладостны жизненные сроки: живущая в них совесть не укоряет юношей ни в чем предосудительном; а после смерти, воспеваемые в песнях, они достигают славы у всех людей. Если верить философам, эфир принимает после жизни на земле тех, кто ревностно служил небесному Эросу, и, уйдя по смерти в жизнь лучшую, они владеют там бесценным даром нетленной добродетели!»

(50) Калликратид произнес свою торжественную речь пылко, с молодым задором. Харикл пытался снова взять слово, но я удержал его, так как уже время было возвращаться на корабль. Однако, когда оба стали просить меня высказать откровенное свое мнение, я подумал немного, взвесил слова каждого и сказал:

«Не на скорую руку, как видно, друзья мои, не кое-как произнесли вы речи неподготовленные; нет, клянусь Зевсом, на них видны следы непрерывного и усиленного размышления. Пожалуй, все, что следовало, вы сказали, так что другим уж и говорить нечего. Велика ваша опытность в этих делах, еще больше ваше красноречие, так что мне, со своей стороны, хотелось бы, когда б то было в моих силах, стать сейчас знаменитым Фераменом, что «Сапогом на обе ноги» прозвали люди; я тогда вас обоих признал бы победителями, чтобы вы из этого спора вышли как равные. Но, поскольку вы, как видно, не хотите отлагательств, да и сам я уже решил, чтобы в пути нам больше не докучали такие споры, - я выскажу сейчас тот взгляд, что представляется мне наиболее правильным.

(51) Брак с женщиной для мужчины – дело жизненно полезное и счастливое, если супружество удачно. Любовь же мужчины к юноше, закрепляя узы святой и чистой дружбы, по-моему, относится всецело к философии. А потому жениться должен всякий, а юношелюбие оставим одним лишь мудрецам, поскольку женщине менее всего присуща полнота добродетели. И ты, Харикл, не огорчайся, если в этом споре Коринфу придется отступить перед Афинами».

(52) [с.79] ...

(53) Так провели мы время в Книде, и наша болтовня в святилище богини, заполнив наш досуг веселым делом и изящной шуткой, завершилась вынесенным мною приговором. Ну, Феомнест, а ты? Ты вызвал в памяти моей весь этот случай. Скажи: если бы тогда ты был судьей, что бы ты ответил?

Феомнест. Бессмертные боги! Мелетидом, что ли, ты меня считаешь, или Коробом, чтобы я стал подавать свой голос против твоего справедливого решения. Я был вознесен твоим рассказом на вершину блаженства. Мне казалось, что я сам – в Книде, и даже этот убогий домишко я был готов принять за знаменитый храм Афродиты. Но всё же... Ведь сегодня праздник, когда обо всем говорить дозволено, и всякий смех, хотя бы и легкомысленный, подойдет к сегодняшнему торжеству... Итак, я, конечно, удивлялся возвышенным, хотя и чересчур заносчивым речам твоего юношелюбителя; но, признаться, не очень-то желанным мне казалось дни и ночи проводить с любимыми отроками, терпя при этом казнь Тантала: видеть глазами волны красоты, готовые тебя затопить, но не иметь возможности исчерпать ее и оставаться томимым жаждой. Нет, недостаточно созерцать любимого, сидеть напротив и слушать его болтовню.

Любовь воздвигла как бы лестницу наслаждений, в которой зрение – лишь первая ступень: смотри, а наглядевшись, возникает желание сблизиться и испытать прикосновение. Только коснись кончиком пальцев, тотчас по всем членам пробежит желанье. Удачно добившись этого, пытайся в поцелуе подняться еще на одну ступень, на третью. Но не спеши, не будь чрезмерно любопытен – тихо сближай с губами губы; пусть пред тем, как до конца свершится встреча, губы помедлят, чтобы подозрения не оставалось и следа. Потом, когда любимый уступит – пользуйся минутой. Поцелуи, чем дальше, тем становятся сочнее, они как будто всего тебя расплавляют. Наконец уста тихонько размыкаются... А руки между тем не остаются в бездействии: они или открыто в одеждах сплетают тело с телом, завязывая сладкую борьбу, или правая украдкой нежно проникает за пазуху и груди сжимает, а они уже понемногу набухают сверх отведенной им природной полноты. Пальцы неспешно оббегают упругую округлость живота, а дальше ложатся на покрытый первым пушком цветок юности. Но –

Неизреченное к чему перечислять?

Добившись этих прав, любовь завязывает более горячее дело: бедра вступленьем к нему служат, а там, по слову комедии, бей прямо в цель!

[с.80] (54) Таким пусть будет для меня ваше юношелюбие. А превыспренные пустомели и разные насупленные мудрецы, разводящие морщины вплоть до висков, пускай пасут невежественное стадо похвальбами высоких слов. Ибо и сам Сократ не хуже всякого другого был влюблен, и Алкивиад, полежав под одним с ним покрывалом, встал не без урона для себя. Впрочем, что ж удивительного? Ведь любовь Ахилла к Патроклу не ограничивалась тем, что Патрокл сидел напротив друга, готовый

Чуть замолчит Эакид, тотчас подхватить его песню.

Нет, и в их дружбе посредником было наслажденье. Поэтому не нарушил истины Ахилл, оплакивая смерть Патрокла, когда он с безудержной страстью воскликнул:

О бедра друга! Скорбь по вас – святая скорбь!

Итак, кого эллины именуют «веселыми гуляками», я не чем иным считаю, как любовниками. Но, может быть, мне скажут, что о таких вещах и говорить зазорно.

Ликин. В третий раз я не выдержу, любезный Феомнест, если когда-нибудь ты снова заговоришь об этом. ...»

Артемидор

«Онейрокритика»

(№ 1692). «(18) Видеть во сне длинные и прекрасные волосы, вызывающие гордость, особенно хорошо женщине... На благо этот сон также мудрецу, жрецу, предсказателю, царю, архонту и Дионисовым актерам, ибо одним носить длинные волосы велит обычай, а другим – род занятий.

(19) Волосы длинные, но спутанные, словно не прическа, а лохмы, всем сулят скорбь и печаль. Ведь иметь длинные волосы [комейн] – значит еще и «ухаживать», а в несчастьях неухоженные волосы отрастают» (Артемидор I 18, 19, пер. М.Л.Гаспарова и В.С.Зилитинкевич [Артемидор 1999, с.41])

(№ 1693). «[с.118] (78) В разделе о половом соединении лучше всего принять такой порядок: сперва о соединении по естеству, закону и обычаю, потом о противном закону и, наконец, о противном естеству.

...

[с.120] Соединение со своей рабыней или рабом – к добру, потому что рабы суть имущество сновидца и, стало быть, означают для него наслаждение от имущества, которое, очевидно, делается больше и богаче. Но когда раб тобою обладает, это не к добру, ибо означает презрение и убыток от рабов. То же самое, когда тобою обладает твой брат (безразлично, младший или старший) или же твой враг.

... [с.121]

Для женщины видеть, будто ею обладает знакомый человек, к добру, кто бы ни был обладающий: для мужчины это к добру, если обладающий старше и богаче (потому что от таких людей обычно берут), и [с.122] не к добру, если он моложе и беден (потому что таким обычно дают), или если он старше, но нищий.

Видеть во сне рукоблудство означает соединение с рабом или рабыней, потому что руки, орудующие телом, суть как бы его служители; если же рабов у сновидца нет, то это сулит ему ущерб из-за бесплодной траты семени. Я знал одного раба, которому приснилось, будто он так служит своему хозяину, - и он сделался воспитателем и дядькою хозяйских детей, потому что держал в руках ту часть тела хозяина, которая означает его детей. И я знал другого, которому приснилось, будто ему таким образом служит его хозяин, - и он был привязан к столбу и сильно высечен; так сбылось, что хозяин и впрямь растянул его.

Что касается соединения противозаконного, то его толковать следует так.

Соединение с родным сыном, если сыну нет еще пяти лет, означает для ребенка смерть, как я сам не раз был свидетелем; и такое значение понятно, потому что этим мы ребенка портим, а порча – это смерть. Если сыну от пяти до десяти лет, то это означает для ребенка болезнь, а для сновидца неразумные действия и от них убыток, потому что сыну в его [с.123] возрасте будет по преждевременности больно, а отец поплатится за свое неразумие, ибо в здравом уме невозможно соединиться в столь малом возрасте не только со своим, но даже с чужим сыном.

Если же сын уже не дитя, то сон этот значит вот что: если отец беден, то он отдаст сына в учение и в уплату за это как бы будет выжимать из себя все соки; если же сновидец богат, то он сделает сыну богатые подарки и отпишет на него свое имущество. Если, наконец, сын уже взрослый и находится в дальней отлучке, то соединение с ним – к добру: по самому смыслу слова «соединение» это предвещает сыну встретиться и свидеться с отцом. Если, однако, сын живет дома и при отце, то соединение с ним – не к добру и означает, что им предстоит расстаться, потому что мужчины при соединении обычно не бывают лицом друг к другу.

Для отца видеть во сне, будто сын им насильно овладевает, означает убыток от сына, причем такой, о котором сам сын пожалеет; а для сына видеть, будто он овладевает отцом, означает изгнание или вражду с отцом: то есть или отец от него отвернется, или народ, что означает то же самое. [с.124]

Маленькая дочь, которой нет еще пяти лет... и моложе десяти, означает то же самое, что и сын. ...

О соединении с сестрой нет нужды говорить – сестра означает то же, что и дочь. Соединение с братом, как старшим, так и младшим, для сновидца к добру: он окажется сильнее брата и будет на него смотреть свысока. [с.125] Соединение же с другом означает, что после какой-то обиды друг станет врагом» (Артемидор I 78, пер. М.Л.Гаспарова и В.С.Зилитинкевич [Артемидор 1999, с.118-125])

(№ 1694). «Если с кем соединяется таким [«неудобосказуемым», т.е. оральным] образом друг, родственник или ребенок старше младенческого возраста, это означает вражду между ними, если же младенец – то смерть младенца, потому что такого младенца больше нельзя целовать. Если с кем соединяется таким образом незнакомый человек, это означает ущерб от бесплодной потери семени. Если же сам сновидец соединяется таким образом со знакомым мужчиной или женщиной, то это предвещает им вражду, ибо они больше не смогут целоваться; если с незнакомым, то это предвещает недоброе для всех, кроме тех, кто зарабатывает на жизнь ртом, то есть флейтистов, трубачей, ораторов, софистов и тому подобных» (Артемидор I 79, пер. М.Л.Гаспарова и В.С.Зилитинкевич [Артемидор 1999, с.131])

(№ 1695). «(80) О соединениях, противных естеству, следует сказать вот что.

Видеть во сне соединение с самим собой означает для богатого потерю состояния, великую нужду и голод, так как никакого другого тела во сне нет...

Если женщине снится, будто она обладает женщиной, это значит, что она выдаст ей свои [с.133] тайны; если же соединяется с незнакомой женщиной, то это предвещает тщетные

труды. Если женщине снится, будто ею обладает женщина, то она разведется или овдовеет, а кроме того, будет знать тайны этой женщины.

Видеть, будто ты обладаешь богом или богиней или бог тобою обладает, для больного человека означает смерть, ибо душа тогда лишь предвещает встречу и соединение с богами, когда близка к тому, чтобы покинуть тело, в котором живет. А для всех остальных, если они испытывают наслаждение от такого соединения, это означает выгоду от вышестоящих, если же не испытывают, то тревогу и страх. ... [с.134]

Видеть, будто ты обладаешь покойником или покойницей (если это не мать, жена или любовница) или будто он тобою обладает, - сон очень дурной: покойники превращаются в землю, а стало быть, обладать покойником – значит втискиваться в землю, а когда покойник тобой обладает – значит принимать землю в себя; то и другое означает смерть (кроме как для тех, кто находится на чужбине, где нет обычая хоронить покойников в земле, - для них этот сон предвещает возвращение на родину; а кто находится на родине и собирается в отъезд, для тех он предвещает задержку).

Видеть соединение с животным, если ты им обладаешь, означает какую-то выгоду от того лица, которому подобно животное (об этом будет подробно сказано в разделе об охоте и животных); если же оно тобой обладает, то это предвещает подвергнуться самому жестокому насилию – многие после такого сна даже умирали.

Сказанного о половом соединении достаточно» (Артемидор I 80, пер. М.Л.Гаспарова и В.С.Зилитинкевич [Артемидор 1999, с.131-134])

(№ 1696). «Львица означает то же, что и лев, только в меньшей степени... Я неоднократно замечал также, что для богатых мужчин она означает обвинение в мужеложестве» (Артемидор II 12, пер. И.А.Левинской [Артемидор 1999, с.168])

(№ 1697). «Гиена означает женщину с мужскими повадками или зелейщицу, а также мужчину – мужеложца отъявленного разбора» (Артемидор II 12, пер. И.А.Левинской [Артемидор 1999, с.171])

(№ 1698). «[Раздел о чувствопостигаемых богах] Эфиальт, как принято думать, тождествен Пану, но значение его – иное... Если он что-то дает или с кем-то совокупляется, это предвещает большую выгоду, особенно если он не тяжело налегает» (Артемидор II 37, пер. М.Л.Гаспарова [Артемидор 1999, с.223])

(№ 1699). «Жидкая грязь означает болезнь или оскорбление. ... Еще она означает кинеда, потому что мягка и податлива» (Артемидор III 29, пер. Э.Г.Юнца [Артемидор 1999, с.287])

(№ 1700). «Колючки и шипы означают боль, потому что они острые, помехи и препятствия, потому что они цепкие, а также заботы и горести, потому что они ранят и терзают. Для многих они означают любовные страдания, потому что влюбленным свойственно унывать, и обиды от дурных людей, потому что из ран, причиненных колючками, течет кровь. Колючки означают обиды, причиненные женщиной, шипы – мужчиной» (Артемидор III 33, пер. Э.Г.Юнца [Артемидор 1999, с.289])

(№ 1701). «Так, например, одному человеку, у которого был болен сын, приснилось, что он совокупился с ребенком и испытывает от этого радость. Сын выздоровел. Ведь мы

используем слово «обладать» и для «совокупляться» и для «владеть чем-то». В данном случае толкование опирается на радость отца.

Другому человеку, у которого также был болен сын, приснилось, что он совокупился с ним и был этим опечален. Ребенок умер. Ведь словом «потерпевший» мы называем и того, кто подвергся насилию, и того, кто погиб. Здесь толкование основывается на том, что отец опечалился. Поскольку в сновидении активная роль принадлежала отцу, он и оказался виновным в смерти сына, так как не позаботился о нем должным образом во время болезни» (Артемидор IV 4, пер. И.А.Левинской [Артемидор 1999, с.334-335])

(№ 1702). «А совсем недавно одному богатому человеку приснилось, что он сделался мостом, и его многие стали презирать и, таким образом, как бы попирали. Если же такой сон увидит женщина или милостивый мальчик, то они, предавшись разврату, будут принимать многих» (Артемидор IV 66, пер. И.А.Левинской [Артемидор 1999, с.390])

(№ 1703). «Одному важному человеку, крупному откупщику налогов, приснилось, будто он совокупился с самим собой. Человек этот попал в очень трудное положение, запутался в долгах и покончил с собой. Его сон легко понять: он стал так одинок и беден, что был вынужден удовлетворить похоть на себе самом» (Артемидор V 31, пер. Э.Г.Юнца [Артемидор 1999, с.419-420])

(№ 1704). «Одному человеку приснилось, будто половой член у него оброс волосами до самого кончика и стал совершенно косматым. Человек этот, став отъявленным кинедом, предался всем видам распутства, и только членом своим не пользовался по-мужски. Оттого-то эта часть его тела, поскольку ей не приходилось тереться о другое тело, оказалась бездеятельной и обросла волосами» (Артемидор V 65, пер. Э.Г.Юнца [Артемидор 1999, с.430])

(№ 1705). «Одному человеку приснилось, будто с ним совокупился Арес. У этого человека открылась язва в заднем проходе, и так как другого способа излечиться не было, он подверг себя хирургической операции и выздоровел. Арес, таким образом, означал хирургический нож, потому что железо иносказательно мы называем Аресом, а удовольствие от совокупления означало, что операция закончится благополучно» (Артемидор V 87, пер. Э.Г.Юнца [Артемидор 1999, с.439])

Павсаний

Большая часть цитат из Павсания распределена по рубрикам.

(№ 1706). «[Аргос] Направо от храма Латоны находится храм Геры Анфии [Цветущей] и перед ним могила женщин. Эти женщины погибли в бою против аргивян и Персея, двинувшись походом вместе с Дионисом с островов Эгейского моря, поэтому их и называют Галиями [Морскими]» (Павсаний II 22, 1 [Павсаний 2002, т.1, с.155])

(№ 1707). «На фронтонах [храма в Олимпии] ему [Алкамену] принадлежит изображение битвы лапифов с кентаврами на свадьбе Перифоя. Посредине фронтона изображен

Перифой; с одной стороны у него – Эвритион, тот, который старается похитить жену Перифоя, и Кеней, поднявшийся на защиту Перифоя; по другую сторону – Тесей, отбивающийся секирой от кентавров. Один из кентавров похищает девушку, другой же – красивого мальчика» (Павсаний V 10, 8 [Павсаний 2002, т.1, с.352])

(№ 1708). «Кратин из Эгиры в Ахее был в свое время самым красивым из своих соплеменников и проявил величайшее искусство в борьбе. Когда в состязании мальчиков он победил своих противников, то элейцы дали ему разрешение поставить рядом с собой изображение и своего наставника. Его статуя – работы сикионца Канфара, сына Алексида, а учителем его был Эвтихид» (Павсаний VI 3, 6 [Павсаний 2002, т.1, с.398-399])

(№ 1709). «Приблизительно стадиях в двадцати от Элатеи находится храм Афины, именуемой Кранеей. ... Жреца выбирают из мальчиков-подростков, причем они заботятся о том, чтобы он окончил свое служение раньше, чем он станет взрослым юношей. Свои жреческие обязанности он исполняет подряд пять лет, в течение которых он ведет особую жизнь при богине и для омовений пользуется, по древнему обычаю, большими чанами» (Павсаний X 34, 7-8 [Павсаний 2002, т.2, с.316])

Секст Эмпирик

«Пирроновы положения»

(№ 1710). [Четвертый троп Пиррона]. «А многие, влюбившись в уродов, считают их великими красавцами». (Секст Эмпирик. Пирроновы положения I 109, пер. Н.В.Брюлловой-Шаскольской [Секст 1976, т.2, с.229])

(№ 1711). [Девятый троп Пиррона] «Но и красота человеческого тела, созерцаемая впервые и внезапно, волнует нас больше, чем привычное ее зрелище. То, что редко, кажется нам ценным, а попадающееся часто и легко достижимое – отнюдь нет». (Секст Эмпирик. Пирроновы положения I 142, пер. Н.В.Брюлловой-Шаскольской [Секст 1976, т.2, с.236])

(№ 1712). [Десятый троп Пиррона] «Далее, противопоставляем обычай остальному, например закону, говоря, что у персов существует обычай мужеложства, а у римлян так поступать запрещено законом...» (Секст Эмпирик. Пирроновы положения I 152, пер. Н.В.Брюлловой-Шаскольской [Секст 1976, т.2, с.238])

(№ 1713). «Закон мы противопоставляем баснословному верованию, когда поэты, например, выводят богов, предающихся и прелюбодеянию, и мужеложству, закон же запрещает нам так поступать...» (Секст Эмпирик. Пирроновы положения I 159, пер. Н.В.Брюлловой-Шаскольской [Секст 1976, т.2, с.238-239])

(№ 1714). «Например, у нас считается постыдным и даже, более того, противозаконным мужеложство; у германцев же, говорят, оно не постыдно, но считается одной из обычных вещей. Говорят, однако, что и у фивий оно в древности не считалось постыдным, и Мерион Критский был назван так для обозначения критского обычая [от «мерос» - бедро],

и некоторые сводят к этому пламенную дружбу Ахилла с Патроком. И что же удивительного, если и кинические философы, и ученики Зенона Китийского, и Клеанфа, и Хрисиппа признают это безразличным? ... » (Секст Эмпирик. Пирроновы положения III 200, пер. Н.В.Брюлловой-Шаскольской [Секст 1976, т.2, с.363]) см. далее

О Платоне и Аристиппе. (Пирроновы положения III 204 [Секст 1976, т.2, с.363])

«Против ученых»

(№ 1715). «[Астрологи] хотят связать с видом зодиакальных животных наружность и нравы людей, говоря, например, что родившийся подо Львом будет мужественным, а под Девой – будет с длинными гладкими волосами, миловидным, с белой кожей, бездетным и скромным. Ведь это и подобное этому больше достойно осмеяния, чем изучения». (Секст Эмпирик. Против ученых V 95-96, пер. А.Ф.Лосева [Секст 1976, т.2, с.189])

Пересказ: Аристотель. Метафизика I 3 (984a б18). [Аристотель 1975-83, т.1, с.73-74] (Секст Эмпирик. Против ученых (Против физиков I) IX 7-10 [Секст 1976, т.1, с.245])

Цельс

(№ 1716). «Почитание возлюбленного Адриана нисколько не хуже их почитания Иисуса; [а ведь даже] египтяне, [признавшие культ Антиноя], не стерпели бы, если б его стали равнять с Аполлоном или Зевсом. (Цельс. Истинное слово = Ориген III 34-36 [Ранович 1990, с.287])

(№ 1717). «Я знаю также симониан ... марцеллиан ... гарпократиан ... маркионитов ... Каждый из них [почитает] другого учителя и демона, жестоко обманываясь и блуждая в глубокой тьме более беззаконно и гнусно, чем последователи культа Антиноя в Египте». (Цельс. Истинное слово = Ориген V 61-62 [Ранович 1990, с.304])

(№ 1718). «А откуда явилась у них [мысль] называть сына божьего, я поясню: древние объявили этот мир как происшедший от бога сыном его и юношей; мир, во всяком случае, в такой же мере сын божий, как и [Иисус].

Космогония христиан воистину совершенно нелепа...

Моисей все это написал, ничего не сообразив, делая нечто подобное тому, что в шутку написали поэты древней комедии: Пройт женился на Беллерофонте, а Пегас был из Аркадии». (Цельс. Истинное слово = Ориген VI 46-47 [Ранович 1990, с.313])

Христианские авторы II века

Аристид

«Апология»

(№ 1719). «...Некоторые [боги] превращались в образ животных, чтобы совратить в прелюбодеяние род смертных женщин, а иные опозорили себя мужеложством». (Аристид. Апология 8, 4, пер. с сирийского И.Крестникова [Апологеты 1999, с.304])

(№ 1720). «(9, 7) ... Таким же образом приводят потом [миф] о Ганимеде. (8) Вот, царь и пришлось людям подражать всему этому, став прелюбодеями, муженеистовцами и свершителями других ужасных дел наподобие их бога. (9) Как же прелюбодей, мужеложник или отцеубийца может быть богом?» (Аристид. Апология 9, 7-9, пер. с греч. А.Г.Дунаева [Апологеты 1999, с.307-309])

«(9, 7) ... Напоследок же из-за любви к пастуху Ганимеду он обратился в орла. (8) От этих повествований, царь, происходило много зла среди людей того времени, так как они подражали своим богам и прелюбодействовали, и оскверняли себя с своими матерями и сестрами, и мужеложествовали, а некоторые из них осмеливались умерщвлять даже своих родителей. Ибо если тот, кто именуется верховнейшим и царем над богами их, творит это, то не тем ли более будут подражать ему его поклонники? (9) И это величайшее безумие, что греки распространяли своими рассказами о нем, ибо невозможно, чтобы Бог совращал в прелюбодеяние, или сам прелюбодействовал, или мужеложествовал, или умерщвлял своих родителей. В противном случае он много хуже пагубного демона». (Аристид. Апология 9, 7, пер. с др.-арм. В.А.Арутюновой-Фиданян [Апологеты 1999, с.307-308])

(№ 1721). Речь Нахора: «...Затем так же нелепо наговаривают эллины на Ганимеда. Разумеется, царь, люди начали подражать всему этому и делались развратниками, поддавались преступной страсти к мальчикам, совершали и другие позорные поступки, подражая своим же богам. Но можно ли допустить, чтобы прелюбодей, или мужеложник, или отцеубийца был богом?» (О Варлааме и Иоасафе 27; текст восходит к «Апологии» Аристида [Византийская литература 1968, с.306])

Юстин-философ

(№ 1722). «Еще в древности злые демоны, открыто являясь, оскверняли женщин и отроков и наводили людям поразительные ужасы, так что те (которые не рассуждали разумом об их действиях, будучи объяты страхом, и не зная, что это были злые демоны) называли их богами и давали им такое имя, какое кто из демонов сам себе избрал. [Далее о Сократе]» (Юстин. Первая апология 5 [Иустин 1995, с.35])

(№ 1723). «Да удалится от целомудренной души такая мысль о богах, - верить, будто бы и самый главный и, по словам их, родитель всех Зевс был отцеубийца и сын такого же отцеубийцы, и будучи увлечен пристрастием к порочным и гнусным удовольствиям, сходил к Ганимеду и ко многим женщинам, с которыми блудодействовал, и будто сыновья его совершали такие же дела. Это, как сказал я прежде, делали злые демоны». (Юстин. Первая апология 21 [Иустин 1995, с.52])

(№ 1724). «Мы, люди из всякого народа, прежде также поклонялись Дионису, сыну Семелы, и Аполлону, сыну Латоны, о любовных действиях которых и говорить стыдно. Ныне ... мы ... посвятили себя нерожденному и бесстрастному Богу, который – мы

убеждены – не сходил по нечистой страсти к Антиопе и другим женщинам, или к Ганимеду ...» (Юстин. Первая апология 25 [Иустин 1995, с.55])

(№ 1725). «Мы, чтобы никого не беспокоить и самим не грешить, держимся таких мыслей, что подкидывать новорожденных младенцев есть дело худых людей; во-первых, потому, что почти все такие – мы видим, - не только девочки, но и мальчики, употребляются на любодейство, и как древние, говорят, держали стада быков или коз или овец или пасущихся коней, так ныне и дети употребляются только для этого постыдного дела; и есть также во всяком народе множество женщин, гермафродитов и развратников, которые служат для этой мерзости. С них вы берете жалованье, подарки и подати, тогда как должно бы искоренить их с вашей земли; и кто-нибудь из пользующихся ими, сверх безбожного, нечестивого и бесстыдного смешения, совокупляется, если случится, с своим сыном, или родственником или братом; есть и такие, которые отдают на это дело своих детей и жен; даже некоторые явно искажают себя для противоестественного распутства, и такие таинства они относят к матери богов». (Юстин. Первая апология 27 [Иустин 1995, с.57-58])

(№ 1726). «Ибо почему бы нам и всенародно не признавать таких дел хорошими и не доказывать, что они суть божественное любомудрие, говоря, что ... а мужеложствуя и незаконно совокупляясь с женщинами, мы подражаем Юпитеру и другим богам, находя для себя в этом защиту в сочинениях Эпикура и поэтов?» (Юстин. Вторая апология 12 [Иустин 1995, с.118])

(№ 1727). «Посему, если люди, сущие под этим законом [Моисея], оказываются подверженными проклятию, потому что не исполнили всего, то не более ли подлежат проклятию все народы, виновные в идолопоклонстве, деторащении и других пороках?» (Юстин. Разговор с Трифоном 95 [Иустин 1995, с.289])

(№ 1728). «Точно так же и Зевс совершал многообразные любодеяния. ... Он также похитил, как рассказывают, фригийца Ганимеда, чтоб он исправлял должность виночерпия. ... Прочтите, эллины, Зевсу о законах, поставленных против тех, которые оскорбляют родителей, о наказаниях, положенных за прелюбодейство, и о гнусности деторащения». (Псевдо-Юстин. Речь к эллинам 2 [Иустин 1995, с.391])

Татиан

(№ 1729). «[О богах] Ведь (если) кто, наблюдая поединок, соревнует каждый своему бойцу, кто женится, растлевает мальчиков, прелюбодействует, смеется и гневается, убегает и получает раны – разве его можно не считать смертным?» (Татиан 8 [Татиан 1993 (№ 1), с.244])

(№ 1730). «Пусть теперь расскажет мне Дальновержец, как Зефир убил Гиацинта. Зефир победил его, и хотя трагик говорит, что «ветер – драгоценнейшая колесница богов», побежденный кратким порывом ветра, он потерял возлюбленного». (Татиан 8 [Татиан 1993 (№ 1), с.245])

(№ 1731). «Скажи мне, это Бог делается лебедем, и принимает облик орла, и хвалится мужеложеством, потому что Ганимед служит ему виночерпием?» (Татиан 10 [Татиан 1993 (№ 1), с.245])

(№ 1732). «И как тот, из-за кого назвали город, друг Геракла, как говорят, был съеден конями Диомеда, таким же образом и хвальный магом Останом [Демокрит] в день конца будет предан в пищу вечному огню» (Татиан 17 [Татиан 1993 (№ 1), с.249])

(№ 1733). «Ведь ваши философы настолько далеки от этого [презрения к смерти], что получают от римских императоров по 600 золотых в год ни за что полезное, кроме как за то, что попусту отпускают бороду. Вот и Кресцент, угнездившийся в Великом городе, всех превзошел мужеложеством, да и в сребролюбии был весьма прилежен». (Татиан 19 [Татиан 1993 (№ 2), с.256])

(№ 1734). «Нет у нас [христиан] людоедства – лжесвидетельствуете вы, ученые – а у вас Пелопс, хоть и любовник Посейдона, подан богам на ужин...» (Татиан 25 [Татиан 1993 (№ 1), с.259])

(№ 1735). «... и мужеложство у варваров преследуется, а у римлян удостоено преимущества, и они стараются собирать мальчиков табунами, словно лошадей на пастбище». (Татиан 28 [Татиан 1993 (№ 1), с.260])

(№ 1736). «И Сапфо, блудливая бабенка, помешавшаяся от любви, воспевает даже свой разврат – а все наши (женщины) целомудренны, и девы за прялками ведут речи о Боге лучше вашей девицы». (Татиан 33 [Татиан 1993 (№ 1), с.262])

Афинагор

(№ 1737). «О, мудрый прорицатель [Аполлон], зрящий грядущее других людей, как же ты не предвидел убийство твоего возлюбленного, и даже убил друга собственной рукой». (Афинагор. Предстательство за христиан 21 [Афинагор 1993 (№ 4), с.266])

(№ 1738). «Ведь те, кто устроил торжище блуда и создал для [уловления] молодежи противозаконные пристанища всевозможных дурных развлечений, не щадя даже отроков и, так сказать, «мужчины на мужчинах делая непотребство» [Рим. 1, 27], восставая всячески на обладателей наибольшего телесного достоинства и благовидности, тем самым бесчестят созданную Богом красоту (ибо не бывает самородной красоты на земле, а вся она ниспосылается рукою и мыслью Божией). И вот за то, что они сознают за собою, и за то, что они рассказывают о своих богах, что они хвастливо выставляют как их заслуги и достоинства, они бранят нас, будучи развратниками и мужеложцами, они поносят безбрачных или единожды женатых». (Афинагор. Предстательство за христиан 34 [Афинагор 1993 (№ 4), с.277])

(№ 1739). «Если противники могут доказать, что тела людей назначены в пищу людям, то ничто не препятствует признать, что людям есть друг друга естественно, как и другое, что дозволенное природою, и пусть дерзающие говорить наслаждаются телами возлюбленных своих, и угощают ими своих приятелей, как самым приличным кушаньем». (Афинагор. О воскресении мертвых 8, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.100])

(№ 1740). «Так, нечестивец, который не имел ни одного истинного представления о Боге, предавался всякому глумлению и злохулению, презирал божественное, попирали законы, растлевал детей и женщин, несправедливо разорял города, сожигал дома вместе с живущими в них, опустошал области, истреблял множество людей, или даже целый народ: каким образом он в тленном теле получил бы наказание, соразмерное с этими

злодеяниями, если смерть предвосхищает его от заслуженного наказания, и смертное естество его недостаточно для возмездия даже за какое-нибудь одно из преступлений его?» (Афинагор. О воскресении мертвых 19, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.115])

Феофил

(№ 1741). «Итак, покажи ты себя самого, не прелюбодей ли ты, не блудник ли, вор, грабитель, похититель, растлитель отроков, не сварлив ли ты, не злоречив ли, не гневлив ли, не завистлив ли, не надменен ли, не горд ли, не буен ли, не сребролюбив ли, не ослушник ли родителям, не продавец ли детей твоих. Ибо Бог не открывается тем, кто это делают, если наперед не очистят себя от всякой скверны». (Феофил. К Автолику I 2, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.129])

(№ 1742). «Нужно ли мне указывать ... на Аполлона, от страха бегавшего от Ахиллеса, влюбленного в Дафну и не ведавшего о смерти Гиацинта ...?» (Феофил. К Автолику I 9, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.133-134])

(№ 1743). «Что же касается до сказания поэта Гесиода, что из Хаоса родились Эреб и Земля и Эрос, господствующий над его мнимыми богами и над людьми, то оно пусто, нелепо и чуждо всякой истины, ибо Богу не следует быть побеждаему удовольствием, так как и благоразумные люди воздерживаются от всякого постыдного удовольствия и худого пожелания». (Феофил. К Автолику II 12, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.149])

(№ 1744). «Почему же Эпикур и стоики учат совокуплению с сестрами и мужчинами, и таким учением наполняли библиотеки, чтобы таким образом научить с детства незаконному союзу? Да и что мне еще говорить об этом, когда о так называемых у них богах они проповедывали подобные дела?» (Феофил. К Автолику III 6, пер. П.Преображенского [Апологеты 1999, с.174])

Мелитон

«Но много и другого, странного и более страшного [и непотребного

нашлось в людях:

Отец [посягал] на ложе [своего] ребенка,

и сын на [ложе] матери,

и брат на [ложе] сестры,

и мужчина на [ложе] мужчины,

и иной ржал на жену ближнего [Иер. 5, 8]».

(№ 1745). (Мелитон. О Пасхе 372-378, пер. А.Г.Дунаева [Апологеты 1999, с.534-535])

Ириней

(№ 1746). «И их мать [Лето] сделала то, что эта тайна была высказана не только Гесиодом, но и весьма тонко лириком Пиндаром, когда он изображает Демиурга в лице Пелопса, которого тело, разрубленное отцом на части, было собрано и составлено всеми богами, и таким образом выразило Пандору, и эти люди [гностики], имея сожженную совесть [1 Тим. 4, 2], говорят то же самое...» (Ириней. Против ересей II 21, 2 [Ириней 1996, с.171])

Ириней IV 27, 4 [Там же, с.394] Цитата из 1 Кор. 6, 9.

Ириней IV 41, 3 [Там же, с.442] О Содоме и Гоморре.

Гностицизм

Евангелие от египтян – III 56 [Евангелие от египтян 1995 (№ 2), с.235], 60 [Там же, с.236] – Содом и Гоморра как общие синонимы греха.

Школа Карпократа

(№ 1747). «...Они говорили, что различие между злыми и добрыми делами – это только людское мнение. После воплощения душа должна пройти через все образы жизни и испробовать все дела. И если человек в течение одной жизни не свершит не только все то, что запрещено произносить и совершать, но и то, о чем он не может даже помыслить или поверить, что кто-то в нашем государстве в силах совершить такое, не пройдет через все жизненные удовольствия и ничего не оставит неиспробованным, только в этом случае, покидая тело, он освободится и ничего не оставит позади. Поскольку, если что-то все-таки останется, то душа снова будет послана в тело» (Ириней. Против ересей I 25, пер. Е.В.Афонасина; Ипполит. Опровержение всех ересей VII 32 (с сокращениями) [Афонасин 2002, с.263])

(№ 1748). «Говорят: что у людей почитается худым, то не худо, но прекрасно по природе. Ибо по природе ничто не худо, у людей же только почитается негодным. И если кто в одну эту настоящую жизнь сделает все сие, то душа его не переселяется в другое тело, чтобы опять вступить в земную жизнь, но за один раз свершив все, что надлежало сделать, избавляется от сего, освободившись и не будучи более обязанной к какому-либо деянию в мире. ... Что же иное делают они, как не всякую мерзость, не всякое непозволительное дело, которого не позволяется даже произносить устами? Что иное, как не срамные всякого рода сообщения с мужами, как не сладострастное обращение с женами, совершаемое каждым телесным членом при помощи волшебства, отравы, идолослужения? И это называют делами должного исполнения телесных обязанностей, по котором душа не будет более призываема, и не потребует от нее какого-либо деяния, и не будет для этого по освобождении возвращаема, и снова подвергаться вхождению и переливанию в тела». (Епифаний Кипрский. Панарий (Против ересей). 27 ересь. Карпократиане 4 [Епифаний 1863-82, ч.1])

(№ 1749). «Если кто, говорил он [Карпократ], не пройдет всего, и не выполнит воли всех демонов и ангелов, то не может взойти на небо и превзойти начала и власти». (Епифаний Кипрский. Панарий (Против ересей). Краткое истинное слово, гл.12 [Епифаний 1863-82, ч.5, с.336])

О Карпократе по Иринею. (Евсевий. Церковная история IV 7, 9-10 [Евсевий 2005, с.147])

О Карпократе: Тертуллиан. О душе 35 [Тертуллиан 2004, с.103-104]

Борбориты

(№ 1750). «(11) Ибо эти растлеваемые собственными своими руками не только не довольствуются сим, но, сближаясь с женами и не насыщаясь уже совокуплением со многими, разжигаются друг на друга, «мужи на мужех», как написано, «возмездие прелести их в себе восприимлюще» [Рим. 1, 27], а пришедши в крайнее распутство, ублажают они друг друга, как принявших на себя какое-либо предпочтительное дело. ...

(13) А так называемые у них левиты не имеют общения с женами, но сквернятся друг с другом, и они-то у гностиков пользуются предпочтением и восхваляются». (Епифаний Кипрский. Панарий (Против ересей). 26 ересь. Гностики-борбориты 11, 13 [Епифаний 1863-82, ч.1])

Школа каинитов

(№ 1751). «...я [Иринею] собрал их сочинения, в которых они призывают разрушить творение Матки: именно так они называют ту сущность, которая сотворила этот мир. При этом, как и для карпократиан, спасение, по их мнению, невозможно до тех пор, пока человек лично не испробовал всего. И с каждым греховным и непотребным делом связан некий ангел, который слышит их слова и поощряет к совершению наглого и нечистого акта. Значимость каждого свершенного действия они скрепляют обращением к ангелу: «О ангел! Я завершаю твою работу. Я довожу ее до конца». Согласно их доктрине, совершенным гносисом является бесстрашное исполнение таких действий, которые не позволительно даже упоминать» (Иринею. Против ересей I 31, 2, пер. Е.В.Афонасина [Афонасин 2002, с.269])

(№ 1752). «[с.84] (1) ... Кайяне говорят, что Каин, а также и Исав, сонм Корея и содомляне – от крепчайшей силы и вышней власти, Авель же от слабейшей силы» «[с.85] И как и Карпократ говорит, утверждают, что никто не может спастись, если не пройдет всего.

(2) Каждый из них, под сим именно предлогом делая то, о чем и говорить не должно, и совершая срамные дела, и содеявая, какие только возможно согрешения, призывает имя каждого ангела, как из числа действительных ангелов, так и из тех, о которых они вымышленно говорят, и каждому из них приписывает какое-нибудь беззаконное дело из земных согрешений, восписуя свое собственное действие имени какого угодно ангела».

(Епифаний. Панарий (Против ересей). 38 ересь. О кайянах [Епифаний 1863-82, ч.2, с.84-85])

(Вкратце о кайянах [Епифаний 1863-82, ч.5, с.382])

Вариации

«... Я начал будить прекрасного юношу, что удалось мне не сразу, причем, сознаюсь, прельщенный его красотой, я прибежал и к помощи поцелуев, охотно прикасаясь губами к тому телу, которое накануне сладострастно целовала Реа. Когда мой Антиной, наконец, открыл свои удивленные глаза и понял, кто перед ним, я, верно угадывая, что ко мне он отнесется с недоверием, всячески постарался рассеять его предубеждения.

...

Рассказывая все это, Люциферат по-детски плакал, и так мне стало жаль юношу, более прекрасного, чем звезда, что опять я обнял его обнаженное тело, достойное мрамора, и опять начал покрывать его поцелуями. Увлеченный этими ласками и согретый близостью нежных членов мальчика, я не расслышал, как проскрипел ключ в дверном замке и растворился вход...»

(Валерий Брюсов. Алтарь Победы. Кн.IV, гл.V [Брюсов 1991, с.651-652])

См. также вариации на темы гностицизма в эпоху Возрождения – роман Д.Мэдсена «Мемуары придворного карлика, гностика по убеждению» (СПб, Симпозиум. 2002. 416 с.)

Василид

(№ 1753). «Василидиане же говорят следующее: «Когда апостолы спросили Господа, не лучше ли не жениться вовсе, то Он им ответил, что не всякий способен выполнить этот завет, поскольку некоторые являются скопцами от рождения, некоторые же – в силу необходимости» [Ср. Мф. 19, 12].

И объясняют они это изречение так: «Некоторые по природе своей схожи с женщинами и следуют их привычкам. Таким лучше не жениться. Они являются скопцами от рождения». «Скопцами по необходимости являются те теоретики и аскеты, которые ради того, чтобы быть достойными славы, укротили свои желания...» (Климент. Строматы III 1 [Климент 2003, т.1, с.406] = [Афонасин 2002, с.285-286])

(№ 1754). «[Опровержение ереси «противодействующих»] Если уж вы решили разрушить заповеди Законодателя, то почему же вы направляете свои усилия только лишь против «Не прелюбодействуй» и «Не развращай юношей» [Дидахе 2, 1] и подобным им заповедям, направленным на укрепление воздержания? Почему не стремитесь разрушить

зиму, - ведь и ее Он сотворил, - и устроить лето в разгар холодов?...» (Климент. Строматы III 36 [Климент 2003, т.1, с.421])

«Пистис София» («Вера Премудрость»)

(№ 1755). «Ответил Спаситель, сказал Он Марии среди учеников: «Если сегодня царь, будучи человеком мира, дает дар людям своего типа и прощает также убийц, и мужеложников, и другие грехи весьма тяжелые, эти, которые заслуживают смерти, если подобает же ему, человеку мира, делать это, тем более же Несказанный и Первое Таинство, эти, которые являются Господами над Всем, имеют власть во всех делах делать то, что им угодно, чтобы они отпускали каждому, получившему Таинство» (Вера Премудрость 121 [Премудрость Иисуса Христа 2004, с.144])

(№ 1756). «Ответил Спаситель, сказал Он Марии: «Не берут никакую из душ в Драконе через эти двери. Но душа клеветников, и пребывающих в ложных учениях, и всех, которые учат заблуждениям, и мужеложников, и [душа], принадлежащая людям нечистым, и [душа] нечестивцев, и всяких безбожных людей, и убийц, и прелюбодеев, и отравителей – все же души такого рода, если они не покаются еще будучи живыми, но пребывали в их грехе постоянно, и также все души, эти, которые остались здесь снаружи, то есть те, которые получили свое число циклов, положенное им в Сфере, причем они не покаются, но в последнем цикле будут взяты эти души, они и все души, о которых Я уже говорил. Они будут взяты в пасть хвоста Дракона в помещения внешней тьмы» (Вера Премудрость 127 [Премудрость Иисуса Христа 2004, с.149])

(№ 1757). «Сказал Варфоломей: «Мужеложник – какова его кара?»

Сказал Иисус: «Мужеложник и человек, с которым делят ложе, эта мера одна, как и для человека кощунствующего. Когда же завершится [их] время Сферой, приходят за их душой Восприемники Ялдаваофа, и он карает их вместе со своими сорока девятью Демонами одиннадцать лет. После этого они выносят их к рекам пламенным и морям кипящей смолы, полным Демонов свиноликих. Они въедаются в них и погружают их в реки пламенные еще одиннадцать лет. После этого они выносят их во тьму внешнюю до дня суда, когда будет судима великая тьма, причем они расточатся и погибнут» (Вера Премудрость 147 [Премудрость Иисуса Христа 2004, с.176])

Климент Александрийский

Протрептик (Увещевание к язычникам)

(№ 1758). ««Пенорожденная» и «Кипророжденная», подружка Кинира (я говорю об Афродите «Филомее, любящей срамной уд, ибо из детородного органа (μηδέων) возникла») ... родилась как плод, достойный распутной части тела». (Климент. Увещевание к язычникам 14, 2 [Климент 1998, с.28])

(№ 1759). «Не без основания поэты называют его [Геракла] «дерзким» и «нечестивым». Пожалуй, будет долго рассказывать о разных его прелюбодейниях и развращениях мальчиков. (5) Ибо боги у вас и от мальчиков не воздерживались, пламенея страстью,

один – к Гиласу, другой – к Гиакинту, третий – к Пелопу, четвертый – к Хрисиппу, пятый – к Ганимеду». (Климент. Увещание к язычникам 33, 4-5 [Климент 1998, с.46])

(№ 1760). «Сей бог [Зевс] больше не летает, не любит мальчиков, не целует, не насирует, хотя и теперь еще есть много красивых женщин, более прекрасных, чем Леда, более цветущих, чем Семела. Много и отроков более миловидных и утонченных, чем фригийский пастух. ... (4) ... Ибо умер Зевс, не горюй, как умерли Леда, лебедь, орел, сладострастный человек и змей. [Могила его на Крите]». (Климент. Увещание к язычникам 37, 2.4 [Климент 1998, с.51])

(№ 1761). «Ведь со временем, а не сразу люди стали выдумывать богов, которым и поклонялись. Разумеется, никто не чтит того Эрота, которого называют в числе древнейших богов, прежде, чем Харм овладел неким отроком и воздвиг благодарственный алтарь в Академии, когда страсть была удовлетворена. И стали называть недуг распутства Эротом, обожествляя разнузданную похоть». (Климент. Увещание к язычникам 44, 2 [Климент 1998, с.59-60])

(№ 1762). Цитата из Дидахэ: «Не убивай, не прелюбодействуй, не развращай мальчиков, не кради, не лжесвидетельствуй, возлюби Господа Бога твоего». (Климент. Увещание к язычникам 108, 5 [Климент 1998, с.126])

Педагог

(№ 1763). «...половые же части человека составляют предмет стыда, а не позора. Непристойно, достойно стыда и срама и потому достойно наказания только противозаконное приведение в действие; потому что истинно непристоен лишь грех и его дела. Соответственно этому под речами неблагопристойными в собственном смысле можно разуметь говорение лишь о вещах греховных, например, о любодееании, педерастии и т.п.» (Климент. Педагог II, гл.6 [Климент 1996])

(№ 1764). «Философ Аристипп, имевший нужду благовонными мазями и маслами натираться, говорит поэтому: "Лютой смертью пусть погибнут те презренные люди [кинеды], которые столь полезное употребление благовонных масел и мазей опозорили». (Климент. Педагог II, гл.8 [Климент 1996])

(№ 1765). «...нарцисс есть цветок также с тяжелым притупляющим чувствительность запахом; об этом говорит опять-таки самое его имя; он "парализует" нервы» (Климент. Педагог II, гл.8 [Климент 1996]).

(№ 1766). «Послушайте, как уже Моисей, этот всемирный мудрец, некогда символически осудил соитие, совершенное не с целью зачатия. Он говорит: Не ешь зайца и гиены. Он не желает, чтобы человек проникался их свойствами, ниже чтобы погрязал в их похотливости, потому что эти животные, стремясь к любовному соитию, одержимы бывают бешеной похотью. Самка зайца, говорят, столько же каверн для экскрементов получает, сколько она живет годов. Равным образом запрещением употреблять в пищу мясо этого животного Моисей охраняет нас и от педерастии». (Климент. Педагог II, гл.10, пер. Г.П.Чистякова [Климент 1996])

(№ 1767). «Дело в том лишь, что животное это, т.е. гиена, в высшей степени похотливое. Под хвостом, близ выхода для испражнений у нее имеется своего рода кожаный мешок, весьма напоминающий срамные части самки. Отверстия же этот нарост никакого не имеет, которое выходило бы в какую-либо дельную часть организма ила в матку или, например, в прямую кишку. Нарост этот представляет из себя внутри лишь пустоту, принимающую на себя, но совершенно понапрасну, пустое сладострастие этих животных, когда естественные пути для зачатия плода не оказывают расположения к соитию. Этот нарост общ и для самцов, и для самок гиены и он-то делает их чрезвычайно сладострастными. Самец поэтому попеременно и берет, и подставляется, оттого и самка гиены вообще встречается в природе весьма редко; потому же это животные и зачинают не часто; в них довольно ярко заявляет о себе насыщение, не заботящееся о целях природы. С отношением к этому-то злоупотреблению, как мне кажется, и Платон в "Федре", осуждая педерастию, называет эту любовь животной, потому что своенравные эти сластолюбцы, закусывая удила, отдаются сладострастию по образцу этих животных и пытаются осеменить собственных своих сынов. Нечестивцев же этих, как говорит апостол, предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение [Рим. 1, 26 – 27].

Даже похотливейшим из животных природа не позволяет извергать семя в выход для испражнений. Урина выделяется в мочевой пузырь, смоченная пища в желудок, слезы - в глаза, кровь - в вены, сера — в уши, слизь - в ноздри, и заднепроходная кишка служит общим проходом для экскрементов. Только относительно гиены природа допустила некоторое разнообразие, для излишнего и бесплодного соития этот излишний нарост мяса измыслив и зудящим срамным частям на некоторое время с его впадиной заставив его служить; но эта пустота вводит гиен в обман, потому что она вовсе не для порождения назначена. Отсюда становится ясным и всеми должно быть признано, что уже сама природа воспротивилась соитию мужчины с женщиной. Недозволительно человеку соитие, совершаемое без цели зачатия, ни неестественное при этом положение, ни с субъектами связи, несоединимое в себе соединяющими. Уже самим строением мужского тела природа указала, что оно устроено не для того, чтобы принимать в себя семя, но, чтоб его выбрасывать. Некогда пророк Иеремия, или, лучше сказать, устами его Дух Святой, говорил: "Пещерой гиены стал дом Мой" [Иер. 7, 11; 12, 8]. Обращение возбуждая к пище, состоящей из мертвых тел, пророк мудрой этой аллегорией порицает служение идолам. Ибо поистине дом живого Бога должен быть свободен от идолов. Равным образом Моисей запретил употребление в пищу и мяса зайца. Он постоянно совокупляется и наскакивает, а самка его присаживается, ибо он из числа тех животных, которые наскакивают спина к спине. ... Через эту аллегория Моисей запрещает нам отдаваться чрезмерным пожеланиям, слишком стремясь к соитию, предаваясь страсти с беременными женами, чередуя утехы с утехами, занимаясь любовью с мальчиками и изменяя супругам, и вообще внимать голосу похоти.

Поэтому и открыто, без символического прикрытия, он дает такие заповеди: Не прелюбодействуй [Исх. 20, 14], не ложись с женщиною, как с женщиной [Лев. 18, 22]. На исполнение этих заповедей Логоса должны быть обращены все наши силы; эти заповеди отнюдь не должны быть ни преступаемы, ни ослабляемы. Злому желанию имя бесчинство; и лошадь жаркую Платон называет неистовой [см. в "Федре"]. Он читал написанное у пророка: это — откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого [Иер. 5, 8]. О наказании же за сладострастие могут рассказать нам ангелы, в Содом пришедшие. Жителей этого города, пытавшихся их растлить, они сожгли и с городом, предуказав этим знамением ясно, что результатом разнузданности пожеланий бывает

огонь. О наказующих судах Божьих, которые постигали древних евреев, как я уже и ранее замечал, для того записано, чтобы мы оными вразумлялись [1 Кор. 10, 11] и не впадали в подобные пороки, дабы и нам не подпасть тем же несчастьям.

...

Природа как в отношении пищи, так и в отношении законного брака позволяет пользоваться лишь тем, что естественно, целесообразно и благопристойно. Она позволяет страстное стремление к производству детей. Но всякая чрезмерность и неумеренность идут уже против законов природы; неестественными связями допускающие их сами себе вредят. Прежде всего, отсюда закон, чтобы мы никогда не вступали в любовную связь с юношами будто с женщинами. Потому философствующий ученик Моисея, Платон, говорит: "Не следует на утесы и на камни сеять, где семя никогда корнями пустить не может". И Логос устами Моисея повелевает ясно: "И не ложись с мужчиною, как с женщиною; это мерзость" [Лев. 18, 22]. "Вдали себя держать ты должен от всякой жены за исключением своей", советовал блистательный Платон, из Божественных Писаний извлекая свои законы и здесь вычитавший: "И с женою ближнего твоего не ложись, чтобы излить семя и оскверниться с нею" [Лев. 18, 20]. "Преступно и неплодно рождаемое от наложниц". "Не сей там, где не хочешь, чтобы семя твое возшло"; "и вообще ни к какой не прикасайся женщине, Кроме как к своей собственной жене" [Лев. 18, 20]; с ней только имеешь ты право предаваться утехам плоти для зачатия законного потомства; лишь это дозволяется Логосом. У того, кто тем, что он делает сам, содействует творческой деятельности Логоса, семя не будет отвергнуто и не принесет никакого вреда, не на рога вола же нужно сеять». (Климент. Педагог II, гл.10, пер. Г.П.Чистякова [Климент 1996])

(№ 1768). «Что сказать при виде таких мужчин? Физиогномист уже по наружному их виду определит, что это за люди. Это преступные заискиватели у чужих жен преступной склонности, люди немужественные, Афродите двусторонне служащие, власоненавистники, безбородые, питающие в себе страх к этому цвету мужественности, волосы на голове даже и причесывающие-то прямо на манер женщин. ... В наших городах множество народу занято осмаливаньем двусбруйных этих мужчин, бритьем их и выщипываньем волос у них.». (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996])

(№ 1769). «Если же какой мужчина оказывается очень занятым своими волосами, постоянно причесывает их, подстригает перед зеркалом, их поправляет, подбривает и выщипывает, себе лицо лощит, то не бабой ли он становится? И подлинно, нужно раздеть такого донага, чтобы не счесть за женщину. И желания у таких людей наполовину женские. Так как обычай не позволяет им носить золотых украшений, то окаймляют они свои одежды золотом протканными тесьмами, навешивают на свои пяты золотые шарики, спускают себе с шеи такие же шарообразные вещицы. Вещицы эти суть изобретение специально уже этих с ума свихнувших людей, этих завсегдаев гаремных, двуснастных тварей этих, преданных лишь своим чувственным вожделениям». (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996])

(№ 1770). «Дозволять же себя смолой облеплять, мне неохота и говорить об этой гнусной операции, — при этом к другому задом оборачиваться, изогнувшись, стоять и, тайны природы всесторонне обнажая, то наперед выгибаться то назад, позволять производить над собой эту противоестественную операцию даже среди гимназии, куда люди сходятся, однако же лишь свою дельность заявлять, не краснея при этом ни самих себя, ни собрания юношей, не представляет ли это собой крайней степени бесстыдства? Кто в обществе себя

так держит, тот и в доме у себя вряд ли кого будет стыдиться. Бесстыжее поведение в обществе свидетельствует о полной разнузданности того в месте сокровенном, потому что, кто при дневном свете от мужской своей природы отказывается, относительно того не может быть никакого сомнения, что ночью тот разыгрывает роль жены. Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых, говорит Логос устами Моисея [Втор. 23, 17]. "Но смола полезна", говорят. Она лишает доброй славы, говорю я. Никто, состоя в здравом уме, не захочет кинедом быть и казаться, болезням этого подвергаться, добровольно допуская над собой деяния, обещающие в человеке красоту образа Божия». (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996])

(№ 1771). «Мне жаль несчастных мальчиков. продаваемых на невольничьем рынке на издевательство разукрашенными; но они не сами себя бесчестят, для целей постыдной торговли прихорашиваются по приказу. Если же кто добровольно позволяет совершать над собой деяния, за совершение которых в мужеском возрасте над другим подлежал бы смертной казни, то не является ли тот презреннейшим негодяем?» (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996])

(№ 1772). «Мальчики, наученные от своей собственной природы отречься, на себя принимают роль жен. Распушенностью нравов все сдвинуто с места, человечество обесчещено, превышающие всякую меру беспутные желания гонятся за всем, добиваются всего, вынуждают себя ко всему, извращают природу; мужчины противоестественно принимают на себя роль женщин, женщины - мужчин; есть женщины, замуж выходящие, но и женящиеся; все пути к любострастию открыты» (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996]).

(№ 1773). «Сам не предполагая того, отец часто совокупляется со своим растленным сыном, со своей любодейной дочерью, не помнит о детях, вне дома живущих, и час похоти доказывает этим, в какой степени отцы их состоят мужами» (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996]).

(№ 1774). «Я удивляюсь древним законодателям римлян. Они воспрещали под страхом наказания это практикование двуснастности, и за противоестественное сладострастие по справедливому закону их полагалось погребение заживо» (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996])

(№ 1775). «Не мужчинами, нет, а вертопрахами [патиками, кинедями] и женообразными людьми должно таких называть; голос их надломлен, костюм их и по материалу, и по цвету женский. Таких людей можно признать уже и по внешнему их виду, по одежде, по обуви, по манере держать себя, по походке, по прическе, по взгляду» (Климент. Педагог III, гл.3 [Климент 1996]).

(№ 1776). «Целая толпа чашников занята винами; целые толпы прекрасных мальчиков, как если б это были стада какие, затем только и откармливаются, чтобы после из них красоту выдаивать» (Климент. Педагог III, гл.4 [Климент 1996]).

(№ 1777). «И однако же этого рода жены находят свою радость в общении с мужчинами, противоестественно себя бесславящими. Целыми толпами стремятся в дома к ним эти бесстыжие люди [кинеды], угождая им своим разнузданным языком, гадкие по внешнему виду, с грязными речами на устах, состоя бесстыжими пособниками в делах сомнительных, орудиями при преступном снискании чужой склонности. Входят они в дом с хохотом и перешептываясь; сопенье носом и осиплость голоса выдают противоестественную их преданность делам похоти; разнузданными речами и

кривляньями стараются они жен возбудить и к смеху вызвать, этому предвестнику распутного деяния. Часто эти распутники или эти охотники до дел блудных, если они чем-нибудь в сильный гнев бывают приведены или если другую толпу кинедов на свою гибель преследуют, квакают совершенно подобно лягушкам, ибо нос у них не в порядке, как если б желчь у них помещалась не в печени, а в ноздрях» (Климент. Педагог III, гл.4 [Климент 1996]).

(№ 1778). «Содомитяне, в своей извращенности предавшись страстям чрезвычайным, под влиянием своей одичалости сделались бесстыдными искателями у чужих жен склонности, растлителями мальчиков Всевидящий Логос, от которого никакое греховное дело не остается сокрытым, усмотрел это и, будучи недремлющим Стражем человечества, не отнесся спокойно к их непотребству. Чтобы удержать нас от подражания им, чтобы воспитать нас до мудрости своей жизни, чтобы дать некоторым грешникам веское предостережение, чтобы из-за безнаказанности беспутства не допустить усиление роста его до бесстыдства, решил Он уничтожение Sodoma огнем [Быт. 19]» (Климент. Педагог III, гл.8 [Климент 1996]).

(№ 1779). «Многие носят перстни с изображением на них в нагом виде своих возлюбленных или из мужчин, или из женщин, как будто для невольного напоминания себе о своих любовных удовольствиях, чтобы не забывать о них, но постоянно вызывать их в своем воспоминании: это разнузданность» (Климент. Педагог III, гл.11 [Климент 1996])

(№ 1780). «Но разумно, мне кажется, сказано и это слово:

"Вообще не умею я шептать,

Ни в завлекательных позах прохаживаться

С шеей изгибающейся в разные стороны,

Как я вижу в этом городе иных кинедов прохаживающимися,

Себя позволивших насмолить"» (Климент. Педагог III, гл.11 [Климент 1996]).

(№ 1781). «Особенно важно здесь Десятисловие, данное через Моисея, которое простой однородной десятицей заповедей описывает область спасения через наименование грехов, от которых нужно уклоняться. Таковы: "Не нарушай супружеской верности, не предавайся идолослужению, не посягай на мальчиков [Лев. 18, 22], не кради, не произноси ложного свидетельства, чти отца и мать" и т.д. [Исх. 20, 13-16; Втор. 5]» (Климент. Педагог III, гл.12 [Климент 1996])

(№ 1782). «Ибо невольно, что вы в прошедшее время жизни, продолжает апостол, поступали по воде языческой, предаваясь нечистотам, похотям (мужеложеству, скотоложеству, помыслам), излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению [1 Петр. 4, 3]» (Климент. Педагог III, гл.12 [Климент 1996])

Здесь иное чтение цитаты из Библии.

Строматы

(№ 1783). «Поэтому он добавляет: «И наклонишь сердце свое к размышлению» [Притч. 2, 2]. Это значит, что душа соприкасается с душой, и ум – с умом другого, при посредстве слова производя в другом уме посев, заставляя произрастать семя и оживотворяя его. Послушный учителю ученик становится ему как бы сыном» (Климент. Строматы I 2 [Климент 2003, т.1, с.78])

(№ 1784). «С потопа Девкалионова до пожара на горе Иде, до открытия железа и до Дактилей из Иды Фрасилл насчитывает 73 года, а от пожара на Иде до похищения Ганимеда – 65 лет» (Климент. Строматы I 136 [Климент 2003, т.1, с.147])

(№ 1785). «Нам же данный закон [Божий] велит избегать, как зла, следующих вещей: прелюбодеяния, бесчинства, мужеложства, неведения, несправедливости, душевной слабости и смерти (не той, которая отделяет душу от тела, но той, которая отклоняет душу от истины). Вот главные пороки, действительно тяжкие и ужасные, которых нужно страшиться, равно как и их последствий» (Климент. Строматы II 34 [Климент 2003, т.1, с.279-280])

(№ 1786). «(63, 1) Но если, не желая быть причастными ничему подобному, мы тем не менее находим себя в состоянии гнева или сладострастия, значит, мы грешим, или – лучше сказать – поступаем преступно по отношению к душе. (2) Всем вам известный Лай говорит в трагедии:

Я внял совету твоему вполне,

И не глупец. Виной всему природа. [Еврипид. Хрисипп. Фр.840]

Иными словами, он позволил страстям поработить себя» (Климент. Строматы II 63 [Климент 2003, т.1, с.295-296])

(№ 1787). «Нужды человека происходят от физического тела и рождены вместе с ним, однако воздержность с помощью рассудка учит его сводить эти нужды к минимуму. Предписание закона, запрещающее мужчине надевать женское платье [Втор. 22, 5], указывает именно на это. Очевидно, закон желает видеть нас мужественными, а не женоподобными, не важно, касается ли это собственно телесного облика или наших действий, образа мыслей и слов» (Климент. Строматы II 81 [Климент 2003, т.1, с.304])

(№ 1788). «Душам, падким на обольщения, упомянутые нами силы преподносят в заманчивом свете и красоту, и славу, и любовные утехы, и всякого рода чувственные улады, поступая подобно пастухам, которые сманивают за собой животных, помахивая перед ними зеленой веткой [Ср. Федр 230d]. Затем, обольстив тех, кто не смог отличить истинное наслаждение от ложного и прикрасы временные и суетные от красоты священной, они поработают беспечных и уводят их в плен» (Климент. Строматы II 111 [Климент 2003, т.1, с.318])

(№ 1789). «Как же могут эллины, не греша против справедливости, злословить [божественный] закон, когда сами же учат, что страх создан для того, чтобы укрощать сладострастие? Ведь именно поэтому Сократ советует быть наготове против искушений, склоняющих нас к еде, когда мы не голодны, к питью, когда вовсе и не жаждем, и к заигрыванию и общению с красавцами, поскольку с их поцелуями в нас проникает яд еще более опасный, нежели от укуса скорпионов или тарантулов» (Климент. Строматы II 120 [Климент 2003, т.1, с.322])

(№ 1790). «[Вкратце изложены воззрения Платона, Демокрита, Эпикура, стоиков и перипатетиков на брак] В общем, все эти философы, чье учение не шло далее пустых слов, были рабами плотских удовольствий. Одни из них жили с наложницами, другие состояли в связях с гетерами, большинство же не гнушались и занятиями любовью с мальчиками. Знаменитая четверка в Саду, вместе с гетерами, практиковала свою мудрость, поклоняясь сладострастию своими делами» (Климент. Строматы II 138 [Климент 2003, т.1, с.333])

(№ 1791). «[В Евангелии от Египтян] Спасителю приписываются такие слова: «Я пришел разрушить дела женщины». «Женщина» - значит желание, а дела ее – рождение и гибель. ... Значит, на самом деле Он пришел разрушить дела страсти: жажду наживы, похотливую погоню за женщинами и мальчиками, сластолюбивое обжорство, мотовство и тому подобное. Их рождение означает смерть души, когда мы «мертвые по преступлениям нашим» [Еф. 2, 5]. И происходит это из-за «женской» безответственности» (Климент. Строматы III 63 [Климент 2003, т.1, с.432-433])

(№ 1792). «Поэтому прекрасно говорит апостол: «Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками» [1 Кор. 5, 9] и далее до слов «тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела» [1 Кор. 6, 13] (Климент. Строматы III 107 [Климент 2003, т.1, с.452])

Климент III 109 [Там же, т.1, с.453] – цитата из ап.Павла.

(№ 1793). «Если некто, видящий красивое тело (как об этом говорит Логос), наслаждается его видом и его плоть откликается на увиденное, он осуждается за свое любование, поскольку оно телесно и греховно. С другой стороны, из чистой любви взирающий на телесную красоту, однако наслаждающийся не телесным образом, но душевным, как я полагаю, воспринимает тело как некое изображение, посредством которого он восходит к творцу этого создания и к истинной красоте. Так восходит он к святому символу, светоносному образу праведности, являемому восхождением ангелов. Я имею в виду то приятное благовоние, то качество, которое отличает душу, сподобившуюся общению со Святым Духом» (Климент. Строматы IV 116 [Климент 2003, т.2, с.51-52])

(№ 1794). «(14, 2) Точно так же в «Федре» [248-249] он [Сократ] говорит, что только в свободном состоянии душа способна достичь истинной мудрости, превосходящей человеческие возможности. Когда душа на крыльях Эроса поднимается к небу, тогда она, при посредстве любви к философии, достигает предела ее надежды и, как сказано, это становится для нее началом другой, вечной жизни.

(15, 1) Далее в «Пире» [206-208] он говорит, что Эрот заложил в каждом естественное стремление породить ему подобное. Таким образом, человек порождает только человека, а хороший человек – только подобного ему. (2) Однако хорошего человека невозможно создать, не обладая совершенными добродетелями, которые можно было бы передать воспитываемому. В таком случае, как говорится в «Теэтете» [150b-c], он в состоянии формировать людей, (3) некоторые ведь рождают в теле, а некоторые – в душе. Итак, наставление и просвещение называется эллинскими философами возрождением. Но то же самое где-то сказано и апостолом: «Я родил вас во Христе Иисусе»» (Климент. Строматы V 14-15 [Климент 2003, т.2, с.154])

(№ 1795). «[Примеры плагиата у греков] Анакреонт же сочинил:

Изменчивого Эроса пою,

Увенчанного пышною гирляндой,

Сильнейшего из всех богов,

Властителя над смертными.

И Еврипид:

Не только лишь мужей и жен

Могучий поражает Эрот.

Он и богов всевышних

Смущает души, и морей глубины [Еврипид. Ипполит (1-я ред.). Фр.431]» (Климент. Строматы VI 14 [Климент 2003, т.3, с.16-17])

(№ 1796). «[Примеры плагиата у греков] Кажется, Платон написал где-то: «Мы не скажем ничего абсурдного, утверждая, что зрение – начало любви, надежда уменьшает страдание, память питает любовь, а совокупление – хранит».

Филимон же, комический поэт, пишет:

Прежде всего взгляни, затем удивись.

Как рассмотришь, надежда приходит на смену.

Так возникает любовь.

Демосфен сказал: «Всем нам уготована смерть» и т.д., а Фанокл в книге «Об Эроде, или О красоте» пишет:

Мойры нерушимой избежать

Никто не в силах, по земле ходящий [фр.3 Диль] (Климент. Строматы VI 23 [Климент 2003, т.3, с.21])

(№ 1797). «(73, 2) Действительно, если любая привязанность к благому связана со стремлением, как возможно, оставаясь бесстрастным, стремиться к прекрасному? (3) Так говорящие, видимо, не понимают природы Божественной любви. Ведь любовь отнюдь не есть стремление влюбленного, но любовная привязанность, ведущая гностика «к единению веры» [Еф. 4, 13], вне пределов времени и пространства. (4) Благодаря любви оказавшись в средоточии того, к чему он стремился, преодолев надежду гносисом и уже обладая предметом желания, он не желает ничего более. (5) Он пребывает в одном и неизменном состоянии гностической любви, более не проявляя рвения в своем стремлении к прекрасному, но в своей любви уже обладая им. (6) Зачем проявлять смелость или желание тому, кто в своей любовной привязанности достиг единения с

бесстрастным Богом и через Его любовь причислен к Его друзьям?» (Климент. Строматы VI 73 [Климент 2003, т.3, с.43-44])

Кто из богатых спасется

(№ 1798). «Какая красота в действиях тех, кои уверены, что Богу служат, что Бога умилоствляют, Богу угождают, не плотскому человеку служат, проникаясь нечистою к нему любовью, а внутреннему духовному человеку, живущему в них Царю вечности!» (Климент. Кто из богатых спасется 35, пер. Н.Корсунского [Климент 2000])

Ориген

(№ 1799). «(2) [Гонения на христиан]. По дьявольскому злоухищрению делатели зла придумали нанести срам сему мужу [Оригену] и определили ему такое наказание – отдали его эфиопу на осквернение его тела. Не в силах будучи стерпеть такого измышленного дьяволом действия, Ориген закричал, что из двух предложенных ему дел он скорее готов принести жертву [языческим богам]. Хотя он и недобровольно совершил это, как говорят многие; но так как сам он вполне признался, что это сделал, именно что язычники, положив ему на руки ладан, сбросили его с руки на очаг жертвенника, то, по суду исповедников и мучеников, он лишен был тогда славы мученичества, и извержен из церкви». (Епифаний. Панарий (Против ересей). 64 ересь. Об Оригене адамантовом [Епифаний 1863-82, ч.3, с.81])

Сочинения

(№ 1800). «(LXIV). Если мы зададимся целью осуждать пороки прежней жизни тех людей, которые оставили свой порочный путь, то тогда мы должны обвинить даже Федона за то, что он обратился к философии. История действительно повествует, что Сократ извлек его из публичного дома и направил его к занятию философией». (Ориген. Против Кельса I 64 [Ориген 1996])

(№ 1801). «Так разве нельзя считать самым испорченным человеком того, кто повинуется господину, приказывающему ему бывать в доме разврата и исполнять там прихоти кого угодно? И, однако, это рассказывают про Федона» (Ориген. Против Кельса III 67 [Ориген 1996]).

(№ 1802). «И я привел эту басню из [сочинений] Платона собственно потому, что там идет речь о саде Зевса, а этот последний, как мне кажется, имеет некоторое подобие с раем Божиим, равно как и Пеня может быть приравнена к змию, упоминаемому в книге Бытия, а Пор, против которого злоумышляет Пеня, напоминает человека, против которого строит козни змий [Библейский]» (Ориген. Против Кельса IV 39 [Ориген 1996]).

См. также Ориген. О молитве 28 (цитата из Рим. 1, 26) [Отцы III века 1996, т.2, с.114]

Диоген Лаэртский

Его известия разбиты по рубрикам.

Афиней

Большая часть цитат разбита по рубрикам.

(№ 1803). «Эраны же – это обеды в складчину, называемые так, потому что участвующие любят друг друга [синэран] и помогают друг другу. Один и тот же обед мог называться то эраном, то фиасом, а обедающие – эранистами и фиасотами» (Афиней VIII 362e [Афиней 2003-, т.1, с.451])

Нимфид, сочинение «О Геракле». О мариандинах, оплакивающих юношу Борма. Манер(ос) у египтян. См. (Афиней XIV 11 [Греческая проза 1961, с.470])

(№ 1804). «В Дельфах в пинакотеке стоят два каменных мальчика. Какой-то посетитель, как рассказывают в Дельфах, побуждаемый страстью, заперся с одним из них и за соитие оставил ему венок. Когда же его в этом уличили, бог обратившись к нему дельфийцам приказал этого человека отпустить, поскольку он заплатил за то, что сделал». (Полемон из Илиона. Фр.28 = Афиней XIII 606a,b [Полемон 1983 (№ 3), с.214])

Элиан

Большая часть цитат разбита по рубрикам.

Рассказ о мальчике и дельфине.

(№ 1805). «Нет, Еврипид, не решился на такое Лаий из-за Хрисиппа, хотя и ты говоришь, и молва гласит, что он самым первым завел у эллинов мужскую любовь. Ясийцы почтили столь великую любовь, похоронив в одной могиле и прекрасного мальчика, и влюбленного дельфина, а над могилой поставили статую мальчика верхом на дельфине» (Элиан. О природе животных VI 35, пер. С.В.Поляковой [Памятники 1964, т.1, с.289])

Оппиан

«Стаей плывут впереди молодые дельфины, играя,

Словно подростков цветущих толпа, что, сплетаясь кругами,

Пестрый ведет хоровод, разноцветной блистая одеждой»

(№ 1806). (Оппиан. О рыбной ловле 674-676,

пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Памятники 1964, т.1, с.36])

Геродиан

Цитаты разбиты по рубрикам.

Филострат

«Жизнь Аполлония Тианского»

(№ 1807). «Вот и другой случай, происшедший с ним в Эгах. Киликиянами в ту пору правил некий человек, наглый и развратный. Когда до него дошел слух о красоте Аполлония, он тут же бросил все дела – а он в это время вершил суд в Тарсе – и поспешил в Эги под предлогом болезни, якобы нуждаясь в помощи Асклепия. Там, подойдя к Аполлонию, который прогуливался в одиночестве, он попросил: «Заступись за меня перед богом». – «Зачем тебе заступник, - возразил тот, - ежели совесть у тебя чиста? Благочестивым боги рады и без поручительства». ... «Все же я хотел бы, клянусь Зевсом, прежде кой о чем попросить тебя». – «О чем же?» - «О том, о чем положено просить красавцев – поделиться красотой и не отказывать в прелестях». Все это он говорил томным голосом, строя глазки, с обычными у подобных развратников ужимками. Аполлоний, насупившись, прервал его: «Да ты с ума сошел, мерзавец!» Услыхав такое, тот не просто разгневался, а еще и начал угрожать, что голову-де тебе снесу, однако юноша в ответ только усмехнулся и воскликнул: «О третий день!» И действительно, как раз на третий день негодяй был убит на дороге стражниками, ибо вместе с каппадокийским царем Архелаем затеял заговор против римлян. Этот рассказ и многие другие, ему подобные, записаны Максимом Эгийским, который благодаря своему прославленному красноречию удостоился войти в число императорских письмоводителей» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского I 12 [Филострат 1985, с.10-11])

(№ 1808). «[Аполлоний, придя в дворец к вавилонскому царю,] подозвал Дамида, заведя с ним такую беседу: «Ты давеча спрашивал меня об имени той самой уроженки Памфилии, которая якобы была в дружбе с Сафо и в песнопениях во славу Артемиды Пергейской сумела совместить эолийский лад с памфилийским. ... Так вот звали эту премудрую жену Дамофилой, и рассказывают, будто она, подобно Сафо, имела сношения с девицами и слагала любовные стихи, а также и храмовые песнопения, из коих одно, а именно посвященное Артемиде, переделано ею для пения на сапфический лад» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского I 30 [Филострат 1985, с.22])

(№ 1809). «[Аполлоний в Индии] Что же до царского брата и царского сына, весьма милovidного отрока, то выглядели они ничуть не лучше, чем если бы у своих же

провожатых были рабами» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского III 27 [Филострат 1985, с.63])

(№ 1810). «Первую беседу с ефесянами вел он со ступеней храма... Ефесяне были большими охотниками до плясунов и скоморохов, так что Ефес был полон дуденья, топота и обабившихся красавчиков, а потому, хотя жители в это время и перекинулись к Аполлонию, он почитал нечестным закрывать глаза на вышеописанные непотребства, но поименовал их и тем многих от них отвратил» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского IV 2 [Филострат 1985, с.74])

(№ 1811). «[Аполлоний вызывает призрак Ахилла] При этих словах сотрясся курган мгновенною дрожью и вышел из него юноша пяти локтей ростом в плаще фессалийского покроя – и он отнюдь не выглядел наглецом, каким иные воображают себе Ахилла: внешняя суровость не умаляла его приветливости, а красота его, по-моему, так и не удостоилась должной хвалы, хотя Гомер и говорит о ней так много – поистине, красота эта несказанна, и любое славословие не столько воспевает ее, сколько уничижает. ...

...Я спросил, так ли он погребен, как рассказано об этом у стихотворцев.

«Я покоюсь, - отвечал Ахилл, - так, как и мне, и Патроклу всего сладостней, ибо сошлись мы в ранней юности, а ныне заключены в единой золотой урне, словно единое существо. Что же до того, будто оплакивали-де меня музы и nereиды, то музы никогда здесь не бывало, а nereиды приходят и сейчас»» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского IV 16 [Филострат 1985, с.79-80])

(№ 1812). «Упомянутый юноша звался Тимасион, едва вышел из отроческих лет и был еще во цвете миловидности, так что в него влюбилась мачеха, но он остался целомудрен – и тогда она стала его преследовать и накликала на него отцовский гнев, оклеветав пасынка похуже Федры, ибо оговорила его, будто он-де обавился, и любовники-де ему милее женщин. Юноша покинул Навкратис – дело было в Навкратисе – поселился близ Мемфиса: снарядил себе судно и сделался нильским корабельщиком. И вот, плывя вниз по реке, увидел он Аполлония, плывшего вверх, понял, что перед ним общество мудрецов, опознавши их по рубищам и книгочийству, и попросил: «Допустите ревнителя мудрости разделить с вами плаванье»» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского VI 3 [Филострат 1985, с.118])

(№ 1813). «[Речь Аполлония перед эфиопскими мудрецами] Сам-то я, руководимый незрелостью и неопытностью, любопытствовал именно о вас, ибо множество слышал рассказов о сверхъестественных ваших познаниях, но когда изъяснил я это наставнику своему, он прервал речи мои нижеследующими словами:

«Предположим, что ты – из влюбчивых и питаешь страсть к юной миловидности, а тебе повстречался красивый отрок и, очарованный пригожестью его, принялся ты расспрашивать, чей он сын, и вот оказалось, что отец у него – воевода и богат конями, а деды у него – хороводители, однако же ты его именуешь «о потомок корабельщика!» или «о сын окружного старосты!». Как, по-твоему, привлечешь ты этим способом расположение отрока или, напротив, опротивеешь ему вконец, ибо не зовешь его по отческому чину, но измышляешь ему в предки каких-то безвестных ублюдков? Ну, а ежели питаешь ты страсть к мудрости, постигнутой индусами, то неужто будешь именовать ее порождением не отцов, но вотчимов?» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского VI 11 [Филострат 1985, с.125])

(№ 1814). «Нижеследующее происшествие записано со слов Аполлония, рассказ коего слушал также и Деметрий. Некий отрок из Мессены Аркадской, явившись в Рим, привлек там все взоры своею молодою пригожестью, и многие в него влюбились столь страстно, что хотя в числе влюбленных оказался и Домициан, не побоялись быть ему соперниками. Между тем отрок был скромн и соблюдал юность свою в чистоте. Когда бы презрел он золото или деньги, или коней и прочие подобные приманки, коими порой увлекают красавчиков, то не заслужил бы он похвалы нашей, ибо именно в таких правилах и должен быть воспитан всякий мужчина; но юный аркадянин, стяжав почестей больше, чем все на свете царские любимцы вместе взятые, все-таки не соблазнился тем, чем был соблазняем – и так, наконец, по воле самодержавного своего обожателя оказался он в темнице.

Там он подошел к Аполлонию, очевидно желая о чем-то поговорить... Аполлоний сказал: «Молод ты еще быть преступником, а сидишь под замком, совсем как мы, злодеи».

...

«Как раз вид-то мой меня и погубил, ибо из-за него император в меня влюбился; но он настолько не щадит предмета своих же восхвалений, что задумал меня опозорить и хочет любить со мною, словно с женщиной!» Аполлоний был слишком восхищен отроком, чтобы приступить к нему с расспросами, полагает ли он зазорным вместе спать и прочее в этом духе, тем более, что видел, как краснеет юный аркадянин и как тщится выразаться попристойнее. Поэтому Аполлоний спросил только: «Владеешь ли ты у себя в Аркадии рабами?» ...

Тут юноша, сообразив, к какому ответу подводит его Аполлоний, возразил: «Я знаю, сколь сурова и неумолима тиранская сила, посредством коей желают тираны быть господами даже и вольным гражданам, однако я сам себе хозяин и уберегу свою неприкосновенность». – «Но как? Возможно ли защититься словами от влюбленного, который уже с мечом ломится к твоим прелестям?» - «Лучше подставить шею, ибо мечу того и надобно!» - «Я вижу, что ты – истинный аркадянин!» - похвалил Аполлоний.

Позднее он упоминал об этом отроке в одном из своих посланий, описав его куда милее, чем удалось мне в повести моей. Восхваляя читателю послания смиренномудрие юноши, Аполлоний сообщает, что тот не был казнен тираном, коего удивил стойкостью своею, но уплыл в Малю и затем в Аркадии был в таком почете, какого не доставалось от сограждан даже спартанцам, стерпевшим порку» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского VII 42 [Филострат 1985, с.167-169])

(№ 1815). «[Защитительная речь Аполлония перед Домицианом] ... Пусть они содержат конюшни, и на форум их выкатывает упряжка белых жеребцов, пусть угощаются они с золота и серебра, пусть покупают себе в усладу многотысячных красавчиков, пусть прелюбодействуют до поры тайком, а потом – когда застанут их наконец в постели – женятся на этих своих потаскухах, пусть рукоплещет толпа их славным победам...

... А теперь оправдаюсь касательно волос – тех, прежних, - ибо в обвинении значит, что волосы-де у меня нестрижены-нечесаны. Не меня тут должны корить египтяне, но завитых юнцов, кои златыми своими кудрями увлекают дружков и подружек и вместе развратничают! Пусть себе радуются и веселятся, пусть ухаживают изо всех сил за кудрями и умащают их благовониями, а мне завлекательность не пристала, ибо я страстен лишь бесстрашием...» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского VIII 7 [Филострат 1985, с.173, 176-177])

(№ 1816). «[Аполлоний в Олимпии] Когда некий юноец из афинских гостей сказал, будто Афина весьма благоволит государю, Аполлоний возразил: «Уж в Олимпии-то уйми ты свою трещотку и не позорь богиню пред родителем ее». Тот, однако же, продолжал докучные свои речи, твердя, что богиня-де по справедливости благосклонствует императору, ибо он-де исполняет в Афинах должность эпонима. Тогда Аполлоний воскликнул: «Хоть бы он распорядился Панафинеями!»

Вот так первым своим ответом он приструнил болтуна за дурное его мнение о богах, якобы милостивым к тиранам, а вторым ответом намекнул, что афиняне противоречат своему же указу о Гармонии и Аристокитоне, ибо хотя почтили они упомянутых мужей изваянием на вечевой площади за панафинейский их подвиг, однако по-прежнему ублажают тиранов, назначая их себе в правители» (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского VIII 16 [Филострат 1985, с.190])

«Письма»

(№ 1817). «Лакедемоняне одевались в окрашенные пурпуром хитоны или для того, чтобы поражать врагов страхом перед этим цветом, или же чтобы не так заметна была кровь по ее сходству с такой краской. А вам, красавцам, следует вооружиться одними лишь розами и получать это вооружение от тех, кто в вас влюблен. Гиацинт к лицу белокурому юноше, нарцисс – темнокудрому, а роза – всем, потому что она сама была некогда юношей [Адонисом], хотя теперь она цветок, лекарство, благовоние. Розы прельстили Анхиза, обезоружили Арея, привлекли Адониса, они – кудри весны, они – блеск земли, они – светочи любви» (Филострат. Письма 3, пер. А.Н.Егунова [Греческая проза 1961, с.509])

(№ 1818). «Скажи, откуда ты, юноша, столь сурово относящийся к любви? ... Ты кажешься мне скифом и варваром, [явившимся] от известного алтаря и негостеприимных жертв». (Филострат. Письмо 5 [Латышев 1947-52, с.522 (1948, № 2, с.295)])

(№ 1819). «Гнезда дают приют птицам, скалы – рыбам, глаза – прекрасным юношам. Птицы и рыбы странствуют, покидая свои убежища, и, бывает, переселяются на новые места (к этому их побуждает смена времен года), а красота, единожды влившись потоком в глаза, не покидает своего пристанища. Так и мои – приняли тебя, и повсюду я ношу тебя с собой в тенетах моих глаз. Иду ли я на берег моря – оно являет из пен тебя, как, по мифу, явило Афродите, иду ли на луг – ты блистаешь среди цветов. Разве хоть один из них может соперничать с тобой? Да, они любезны взору и прекрасны, но только один краткотечный день. Взгляну ли на небо – мне кажется, что солнце закатилось и понизу совершает свой путь, а его место заступил ты. Наступает ли ночь – я вижу только две звезды: Вesper и тебя» (Филострат. Письма 10, пер. С.В.Поляковой [Греческая проза 1961, с.509-510])

(№ 1820). «Ты натер себе ногу сандалией – верно, что это довольно неприятно. Ужасно как кусает нежное тело новая обувь! ... Почему ты не ходишь босиком? ... Не бойся: пыль нежно, как трава, примет твои шаги. О, мерная поступь милых нег, о, новые цветы, о,

произрастания земли, о, напечатленные поцелуи!» (Филострат. Письма 18, пер. А.Н.Егунова [Греческая проза 1961, с.510])

(№ 1821). «Мальчику.человек красивый огорчает нас даже тогда, когда он не смеется и тем более, когда он мрачнее, чем ему свойственно. Ведь и солнцу не подобает скрывать свой лик в тучах; что же это за уныние, что за ночная тьма, что за угрюмый мрак? Улыбнись, ободрись, верни нам сияющий свет твоих очей!» (Филострат. Письмо 24, пер. М.Е.Грабарь-Пассек и Т.А.Миллер [Памятники 1964, т.2, с.148])

(№ 1822). «Трактирщице. Выпьем же вместе, но только взглядами; ведь и Зевс, вкусив такой взгляд, приобрел себе красавца виночерпия» (Филострат. Письмо 33, пер. М.Е.Грабарь-Пассек и Т.А.Миллер [Памятники 1964, т.2, с.147])

«Диалог о героях»

Филострат Старший. Диалог «О героях». (Примеч. А.В.Захаровой [Дарет 1997, с.140])

(№ 1823). Примеч.40. Ахилл: у Филострата (48. 2): «имел красивые длинные волосы золотого цвета, нос не крючковатый, а только немного оттянутый вниз, брови идеальной формы, прекрасные сияющие глаза, в которых отражалось волнение и движение души, когда сам Ахилл был спокоен, но покой и решимость, когда он принимался действовать... он был самым справедливым из героев как по природе, так и вследствие обучения у Хирона».

(№ 1824). Примеч.41. Патрокл: у Филострата (49. 1—3): «...немногим старше Ахилла... муж мудрый и благоразумный... ростом и храбростью уступал Аяксу Теламониду, но превосходил локрийца; имел черные глаза, довольно красивые брови, волосы средней длины, ноздри раздувающиеся, как у горячих коней».

«Картины»

См. Филострат. Картины I 20, I 28. См. также Эроты [Филострат 1936, с.28], любовь Гермеса к Амфиону [Там же, с.34], Пелопс [Там же, с.42], сатиры и Олимп [Там же, с.46], охотники [Там же, с.54].

(№ 1825). «Обрати внимание! Четверо самых красивых Эротов отошли от других в сторону; двое из них бросают друг в друга яблоками, а вторая их пара – один стреляет в другого из лука, а тот в свою очередь пускает стрелы в первого; и на лицах у них нет ни тени угрозы; напротив, открытую грудь они подставляют друг другу, как будто желая, чтоб именно туда вонзились стрелы. Прекрасный тут кроется смысл. Смотри, правильно ль я понимаю художника. Это, мальчик, картина дружбы, влечения друг к другу. Те, что играют, кидаясь яблоками, означают начало любви; вот почему один поцелует и яблоко

бросит, другой же подхватит его, открывши ладони, конечно, затем, чтоб, если поймает, самому с поцелуем его бросить обратно. А та пара стрелков – они закрепляют любовь, успешную в них зародиться. Так вот что хочу я сказать. Эти играют, чтоб тем положить начало любви, а эти стреляют, чтоб влечение их без конца продолжалось». (Филострат. Картины I 6, 3 [Филострат 1936, с.28])

(№ 1826). «Нарцисс

(1) Источник дает изображение Нарцисса, а эта картина рисует нам и источник, и всё, что окружает Нарцисса. Юноша только что кончил охоту и стоит у источника; из него самого истекает какое-то чувство влюбленности, - ты видишь, как, охваченный страстью к собственной прелести, он бросает на воду молнии своих взоров. (2) Этот грот посвящен Ахелюю и нимфам; расписан он картинами вполне естественно, статуи сделаны плохо и из местного камня, - один из них изъеден временем, у других же многое поотбито детишками тех пастухов, которые гоняют тут коз и быков: еще несмышлены они и не могут понять, что в этих статуях есть нечто божественное. Возле источника ясны следы вакхических оргий, здесь справляется служение Дионису, сам он указал это место своим вакханкам: расплозились виноградные дикие лозы и плющ; завился в красивых побегах здесь виноград, и гроздь свисают на нем; растут деревья, которые тирсы дают для вакханок; шумною стаей искусные птицы поют своими звонкими голосами песни. У ручья – белоснежные цветы; не вполне они еще распустились, но, чувствуя юношу, они здесь уже появились. Высоко ставя реальность рисунка, художник показывает в этой картине, как каплет роса с цветов, на которых сидит и пчела. Не знаю, она ль обманулась картиной, или нужно считать, что ошиблись мы, считая ее настоящей пчелою. Но не все ли равно: не в этом ведь дело.

(3) Тебя же, о юноша, обманула не какая-нибудь картина, не краски или воск к себе приковали, не понял ты, что вода отразила тебя таким, каким ты в ней себя увидел, и не хочешь ты нарушить хитрый обман источника, а для этого было б достаточно лишь кивнуть головой, отодвинуться в сторону от изображения или рукой шевельнуть, но не стоять на одном месте. Ты же, как будто встретившись с другом, остался стоять, ожидая, что из этого будет. Может быть, ты думаешь, что источник станет с тобой говорить? Но напрасно мы говорим – он нас и не слушает; жадно смотрит он на воду, весь отдавшись и слухом, и зрением. Давай же мы сами будем говорить, как здесь все нарисовано. (4) Юноша стоит прямо; он отдыхает, заложив ногу за ногу; левой рукой опирается он о копьё, которое воткнуто в землю, правой рукой он оперся на бедро, частью чтоб самого себя поддержать, а частью чтоб подчеркнуть красоту задней части, открывшейся потому, что тело его склонилось налево. Там, где рука изгибается в локте, между нею и телом виден просвет, видны и складки на коже, где согнута кисть руки; получается тень, где рука становится открытой ладонью, и косые линии тени падают в сторону, так как пальцы повернуты внутрь. Грудь поднята сильным дыханием; не знаю, остаток ли это еще возбуждения от охоты или это волнение любви. А вот взгляд достаточно нам говорит о влюбленности. От природы горячий, веселый – его смягчает отблеск любовного желанья, появившийся в нем, - он думает, что от того отражения, которое смотрит на него из воды, он видит взаимное чувство любви, так как ведь сам он так же смотрит, как этот образ в воде. (5) Много можно было б сказать и о его волосах, если б мы встретились с ним на охоте. Бесконечны движенья волос у того, кто бежит, еще больше их, когда каким-либо ветром они развеваются. Но и теперь их нельзя обойти молчанием. Пышны они и как будто из золота; часть их вьется сзади по шее, часть, разделившись, лежит за ушами, часть ниспадает на лоб, а часть слилась с бородой. Видом похожи оба эти Нарцисса, взаимно друг другу являя одни и те же черты; разница в том лишь, что один стоит на земле, а другой погружен в ручье. И вот стоит юноша у спокойной воды, или, вернее сказать,

пристально смотрит она на него и как бы пьет его красоту». (Филострат. Картины I 23 [Филострат 1936, с.48-49])

(№ 1827). «Гиацинт

(1) Прочти эти буквы на гиацинте; они ведь написаны на нем и говорят, что вырос он из земли в память прекрасного юноши, и каждой весной плачет над ним цветок, появившись на свет, надо думать, из него самого, следом за его смертью. Но пусть этот цветущий луг не задержит твоего внимания, заставляя забыть нас о юноше; ведь в самом юноше цветет уж этот цветок таким, каким из земли он поднялся. Картина говорит нам об этом, указывая, что и волосы были у юноши цвета, как гиацинт, и живая его кровь, впитавшись в землю, придала цветку его своеобразный оттенок в окраске. Эта кровь течет из его головы, так как диск упал на нее. Страшно неудачный удар, и нельзя сказать наверное, что повинен в нем Аполлон. (2) Но так как сюда мы пришли не как ученые толкователи мифов, не как склонные относиться ко всему с сомнением, а просто как зрители находящихся здесь картин, то разберемся в этой картине и прежде всего посмотрим на то место, где мечется диск. Здесь сделано небольшое возвышение, на котором можно стоять одному; служа опорой спине и правой ноге, дает оно телу наклон вперед и тем облегчает вторую, левую ногу, которой нужно приподняться и вместе с правой рукою сделать движение кверху. Что же касается позы того, кто мечет здесь диск, то он, повернув назад голову, должен настолько согнуться направо, чтоб видеть свой собственный бок, и бросить диск так, как будто бы он на ремне старался поднять его кверху, собрав все усилие на правой своей стороне. (3) И наверно ведь Аполлон метнул диск каким-либо подобным образом, да он и не мог бы пустить его иначе; когда же диск внезапно упал на юношу, в результате вот уж лежит на земле Гиацинт, как и диск, лежит как настоящий лаконский юноша, с прямыми ногами, привыкший к бегу, уж развивший свои руки, являя созревшую силу костей. Аполлон стоит еще на площадке, отвратив от этого зрелища взоры и опустивши глаза на землю. Ты скажешь, что он окаменел – настолько он поражен испугом. (4) Озорной же Зефир, в дикой выходке из мести к нему, отклонил диск на юношу. Смехом и шуткою кажется это для ветра и издевается он, наблюдая за тем, что случилось. Ты видишь, конечно, его; крылья у него на висках; сам он видом изнеженный; носит венки из всевозможных цветов, и вскоре вплетет он сюда и цветок гиацинта». (Филострат. Картины I 24 [Филострат 1936, с.49-50])

(№ 1828). «Пелопс

(1) Роскошный кафтан, обычный костюм у лидийцев: сам он еще совсем мальчик, с первым пушком бороды; Посейдон, с доброй улыбкой обратившийся к юноше и охотно дарящий ему коней, - все говорит о лидийце Пелопсе, когда он пришел к морю молить Посейдона о помощи в борьбе с Эномаем. Эномай не хочет иметь себе зятя; он убивает влюбленных в Гипподамию и чванится их головами, своею военной добычей; так охотники гордятся своею охотничьей добычей в виде голов огромных львов и медведей. И по молитве Пелопса являются с моря золотая колесница и кони, как будто родившиеся на земле, но они могут на легких своих копытах пробежать и по волнам Эгейского моря, не смочив в колеснице даже оси. Для Пелопса счастливо кончился славный подвиг, а славное творение художника давай мы сейчас разберем. (2) Не малый труд, думаю, поставить вместе всех четырех коней так, чтобы не перепутались ноги у них, и, взнуздавши их, не давать им баловаться; заставить стоять того, кто не хочет стоять на месте, успокоить, кто хочет копытами бить, и того, кто высоко поднимает голову, а четвертый конь, повернувшись к Пелопсу, восхищается его красотой, и ноздри его широко раскрыты, как будто он ржет. (3) Все дальнейшее говорит нам об искусстве умного художника: Посейдон любит юношу – свидетели в этом ему и котел, и Клото; следует думать, что

тогда уже стало блестяще-прозрачным плечо Пелопса. От брака, раз уж он решен, Посейдон не отговаривает юношу, но, любя его, он довольствуется тем, что рукою коснулся Пелопса, жмет его правую руку, дает советы ему для скачки. А он, самоуверенный, только и «дышит Алфеем» и глаз не сводит с коней. Приятен он на вид, но смотрит свысока, гордясь своей повязкой; выбиваясь из-под нее золотыми потоками, волосы юноши гармонируют со лбом и по цвету сливаются с юным пушком бороды и, хотя развеваются туда и сюда, но остаются в порядке. (4) Его спину, и грудь, и все, о чем много было бы сказать, будь Пелопс обнаженным, художник нам не показывает на картине: одежда покрыла руки, одежда покрыла и ноги до самого низу. Лидийцы, как и другие материковые варвары, закрывши одеждой свою красоту, прилагают старанье блеснуть роскошными тканями, хотя можно было бы блистать красотой, данной природой. Все это мы видим и у Пелопса, а остальное закрыто надетой на нем одеждой: только на левом плече одеянье надето нарочно небрежно, чтоб не скрыть исходящего от него блеска; еще ночь и юноша блещет своим плечом, как вечерней звездой». (Филострат. Картины I 30 [Филострат 1936, с.57-58])

(№ 1829). «Антилох

(1) Я думаю, ты уже сам догадался, читая Гомера, что Ахилл любил Антилоха. Ты видишь, он самый юный из всего войска эллинов, и вспоминаешь, что на состязании он получил в награду целых полталанта золота. Потому-то именно он и приносит известье Ахиллесу о смерти Патрокла; это была мудрая мысль Менелая, чтоб вместе с печальным известьем он был ему утешением, когда посмотрит Ахилл на любимца. И плачет он над горем любящего его Ахиллеса, и держит руки его, чтобы он не убил себя; а Ахиллесу приятно, я думаю, что он к нему прикасается, и что плачет вместе с ним Антилох.

(2) Так рисует его нам Гомер; а вот полный драматизма сюжет, который дает нам художник: пришедший из Эфиопии Мемнон убивает Антилоха, когда он бросился защищать отца. Этим он приводит в ужас ахейцев, сам являясь как некий ужасный призрак. А перед Мемноном стоят как какие-то сказочные существа его черные воины. Ахейцы, отбивши антилохово тело, плачут над ним, все – и Атриды, и хитрый вождь итакийский, и сын Тидеев, и оба одноименные Аяксы. ... (3) И все войско горюет о смерти юноши; они стоят вокруг него с печальным стенанием, воткнувши в землю свои копья, скрестивши ноги; стоят они, опершись на копья, большинство опустив свои скорбные головы. (4) Ахиллеса же можно узнать не по волосам – их нет у него после смерти Патрокла, - но по самому виду, по его громадному росту и по этому самому отсутствию длинных кудрей. Он рыдает, упавши на грудь Антилоха, и обещает, думаю я, воздвигнуть ему погребальный костер и все, что для этого нужно, при этом, конечно, ему посвящает оружие и голову Мемнона; он обещает отомстить Мемнону так же, как и некогда отомстил он Гектору, чтобы и в этом не был Антилох ниже Патрокла. А Мемнон стоит среди войска своих эфиопов, страшный, с копьем в руке, одетый в львиную шкуру, и издеваясь, насмехается он над Ахиллом. (5) Посмотрим же теперь Антилоха: на юный возраст уж сразу указывает нежный пух его бороды, и волосы его вьются, как солнечный свет. Легки и изящны ноги его, и все тело соразмерно с легкостью бега; ярко горит его кровь, сбегая по телу, как по кости слоновой, так как копьё вонзилось ему в самую грудь. И юноша лежит не поблекший, не похожий на труп, но еще веселый и улыбающийся: на лице его написана радость, что спас он отца, и в этот момент Антилох погиб от удара копья, и жизнь покинула его лицо не тогда, когда он скорбел, но когда им владела счастливая радость». (Филострат. Картины II 7 [Филострат 1936, с.68-69])

(№ 1830). «Похороны Абдера

(1) Не будем считать, милый мальчик, содержанием этой картины подвиг Геракла над кобылицами Диомеда, которых он уже победил и размозжил им головы своею дубиной. Одна из них лежит уж убитой, другая – еще вздрагивает, третья, кажется, хочет вскочить, а четвертая падает; дико вздыбились гривы их; косматы они до самых копыт и вообще – настоящие дикие звери; их кормушки полны человеческим мясом и костями, которые Диомед давал на корм этим кобылам! И сам тот, кто так кормил лошадей, насколько он еще более дикого вида, чем его кобылы, рядом с которыми он лежит, поверженный на землю! Этот подвиг надо считать более трудным потому, что сверх многих других Эрот возложил его на Геракла, что для него было тяжким несчастьем. Абдера, полусожранным, отняв его у кобыл, выносит Геракл; они сожрали его еще нежного, более юного, чем Ифит; это можно судить по останкам его; до сих пор они еще остаются прекрасными, лежа на львиной шкуре. (2) Пусть другой влюбленный проливает слезы над ними, их обнимает, говорит жалкие речи с грустным от горя лицом; пусть другому ставят погребальную доску как дар на могилу прекрасного. А Геракл поступил совершенно иначе, не как все: город он основывает в честь Абдера, который мы и доныне зовем его именем; там он устроит игры в память Абдера, и на них будут состязаться в кулачном бою, в борьбе, и в их сочетании, одним словом, во всем, только не на конях». (Филострат. Картины II 25 [Филострат 1936, с.92-93])

4.3. Поздний римский период (235-395)

Филострат Младший

«Картины»

(№ 1831). «Играющие»

(1) Те, кто играют перед дворцом Зевса, думаю, это – Эрот с Ганимедом, если можно признать одного по его головной повязке, другого по его луку и крыльям. Играют они в кости. Из них Эрот нарисован заносчивым; он насмехается и потряхивает складками своего одеяния, полными выигранных бабок, а Ганимед одну из оставшихся у него двух костей уж потерял, а другую бросает с той же печальной надеждой. Лицо его выражает уныние, и взгляд его, юношески нежный, исполнен глубокой тоски. [Далее рассказ про аргонавтов]» (Филострат Младший. Картины 9 [Филострат 1936, с.115])

(№ 1832). «Гиацинт»

(1) Спросим же, мальчик, этого юношу, кто он и почему стоит Аполлон рядом с ним. Ведь, конечно, у него хватит смелости взглянуть на нас. (2) И вот он говорит, что он Гиацинт, сын Эбала. Узнавши это, надо теперь постараться узнать и причину присутствия бога. Любя юношу, сын Латоны ему говорит, что все ему даст, что имеет, если только он позволит ему собой обладать, что научит его и из лука стрелять, музыку знать, понимать предсказания и петь хорошо под звуки лиры, что обучит его искусству борьбы и палестры, и что, кроме того, даст ему возможность на лебедях объехать те страны, где чтут Аполлона и милы ему самому. (3) Вот что обещал ему бог. Нарисован Аполлон, как обычно, с длинными кудрями, весело брови приподнял он над глазами, взгляд которых блестит, как солнечный луч, и с сладкой улыбкой он подбодряет Гиацинта, по той же самой причине он протягивает ему свою правую руку. (4) Юноша же пристально смотрит в землю, в глазах у него серьезность и вдумчивость мысли; рад он тому, что слышит. Свою смелость, которая только еще появляется, он сочетает со скромностью. Он стоит,

прикрывши темно-пурпурной накидкой левую сторону тела, которую он отодвинул назад, а правой рукой опирается на копье, выставив чуть вперед заднюю часть тела и в промежутке давая видеть свой бок. Эта обнаженная рука позволяет нам судить и о всем остальном. У него стройная щиколка на прямой голени, а над нею легко сгибающийся подколенок, не очень полные бедра и поясница, поддерживающая все остальное тело; бока при легком дыхании округляют его грудь; его рука при всей нежности – сильная, шея не вытянута чрезмерно кверху; волосы его не грубые и не торчат в разные стороны от засохшей на них грязи: спускаясь на лоб, они сливаются с первым пухом юной его бороды. (5) В ногах у него диск, и смотри, возле него стоит Эрот, очень веселый, но вместе с тем и печальный, а далее из засады подглядывает Зефир с жестоким лицом. Всем этим художник заставляет нас догадаться о предстоящей гибели юноши: когда Аполлон бросает диск, то Зефир, дуя в сторону, направит его на Гиацинта». (Филострат Младший. Картины 15 [Филострат 1936, с.125-126])

Каллистрат

«Статуи»

(№ 1833). «Статуя Эрота

(1) Мой рассказ хочет дать истолкование еще и другой святыни искусства. Не назвать «святынями» такие творения искусства было бы противно божественной воле. Это – Эрот, создание Праксителя, сам живой Эрот, цветущий и юный, с луком и крыльями. Медь дала форму Эроту, великому и властному богу, и сама его власть испытала: она не могла вполне оставаться простой медью, как прежде, но сама уже стала Эротом. (2) В этой статуе ты мог увидеть, как медь чудесно превращалась в прекрасное нежное тело; одним словом – искусству было достаточно собственной силы, чтобы выполнить все, что ему нужно. Будучи нежным, он не отличался изнеженностью; так как кожа имела цвет меди, он казался цветущим прекрасным загаром. (3) Хотя в данный момент он был неподвижен, он готов был, казалось, тотчас проявить способность движения, и, несмотря на крепкую подставку, казалось, что силу имел он взлететь на небо. Был он веселым, исполненным смеха; из глаз у него излучался огненный, но ласковый взгляд и можно было увидеть, как медь подчинялась чувству, с охотой, легко допуская в себе воплотить выражение смеха. Он стоял, наклонив к голове кисть правой руки; другой же рукой он свободно лук поднимал, тем самым передвинув центр тяжести своей позы несколько влево; выставив чуть вперед левую часть бедра, он таким округлением придал легкость ему, преодолев природную жесткость меди. Голову ему осеняют густые прекрасные кудри, блестящие юной красой. (4) Изумительным было это творение из меди; кто смотрел на него, казалось тому, что, навстречу ему поднимаясь, излучался из концов волос красноватый цвет; кто же касался его, мог думать, что волосы перед ним поднимались. Казалось, вот-вот тронет он мягкую массу. (5) Когда я смотрел на это творение художника, я не считал совсем невозможным, что и Дедал создал хоровод, который мог двигаться сам, и в золото вложил жизнь он и чувства. Ведь мог же Пракситель в образ Эрота вложить чуть ли не разум и искусством заставить казаться, что, будучи медным, он все ж рассекает крыльями воздух». (Каллистрат. Статуи 3 [Филострат 1936, с.137-138])

(№ 1834). «Нарцисс

(1) Была роща и в ней прекрасный источник очень чистой, прозрачной воды. Возле него стояло изображение Нарцисса; сделано оно было из мрамора. Это был мальчик или скорее

нежный юноша, ровесник Эротов; из тела он излучал блестящие молнии своей красоты. Вот какой была его внешность: золотом отливали у него волосы; по лбу вились они кольцами, а сзади по спине рассыпались свободно. Во взгляде его была радость, но с оттенком печали; в его глаза художник вложил и черточки скорби, чтобы статуя была отражением как самого Нарцисса, так и его судьбы. (2) Одет он был как эроты, на которых он походил и расцветом своей красоты. Вот каков был его красивый наряд: на нем была надета накидка белого цвета, в тон белому камню; на правом плече она была застегнута пряжкой и оттуда, спускаясь, кончалась ниже колен, оставляя свободной одну только руку, начиная от пряжки. Накидка была так нежна и так похожа была на покрывало тончайшей работы, что сквозь нее просвечивал цвет его кожи: тонкость этой накидки пропускала блеск его прекрасного тела. (3) Статуя эта стояла возле ручья, который служил ей как бы зеркалом, и в него погружался облик лица у Нарцисса, а вода, восприняв его образ, отражала ту же самую внешнюю форму, так что могло показаться, что оба эти творения природы соревнуются между собою. Мрамор весь целиком обращался в юношу, как бы живого, а источник спорил с искусством художника, воплотившимся в мраморе, своей бестелесною формою вполне отражая подобие телесного своего образца. Таким образом этот обманчивый образ, эту «от статуи тень», он сделал телесным, облекая его, как плотью, водою. (4) Таким живым, таким одухотворенным казался образ, отраженный в воде, что можно подумать, что это – Нарцисс живой и прекрасный. Преданье о нем гласит, что, придя к ручью и увидав в воде у нимф источника свой собственный образ, он погиб, страстно желая обнять свой же собственный образ. И теперь (его можешь ты видеть) цветет он весенней порой на лугах. Ты мог бы заметить, что хотя мрамор и одноцветный, все же художник сумел передать выражение глаз, оттенить состояние духа, показать его чувства и дать нам понять охватившую его страсть; он сумел передать и пышные его волосы в каждом изгибе прически. (5) На словах не опишешь, как мрамор таял от нежности и показывал тело, столь противоположное своему материалу: ведь по природе он является исключительно твердым, здесь же он нам давал представление пышной мягкости и нежной припухлости юного тела. В руках была у него свирель, на которой играл он в честь полевых божеств и наполнял пустынную местность сладкими звуками, когда у него являлось настроение заняться и музыкой. Полный восхищения этим Нарциссом, о юноши, я привел его к вам, в этот храм Муз, постаравшись точно его воплотить своим словом. (И речь моя такова, какой была и статуя сама)». (Каллистрат. Статуи 5 [Филострат 1936, с.139-140])

См. также Каллистрат 11 (статуя юноши) [Филострат 1936, с.145]

Плотин

(№ 1835). «А когда ритор Диофан стал читать апологию Алкивиада на Платоновом пиру, рассуждая, будто для научения добродетели следует отдаваться наставнику, ищущему любовного соития, то Плотин несколько раз вставал с места, словно собираясь выйти вон, но сдерживал себя, и, лишь когда собрание разошлось, он поручил мне, Порфирию, написать опровержение. Дать мне свое сочинение Диофан не пожелал, так что я написал опровержение, перебирая его доводы по памяти, и прочитал написанное перед теми же слушателями; и Плотин был так доволен, что при всех несколько раз приговаривал:

Так порази его, так, если подлинно светоч ты людям [Илиада VIII 282]»

(Порфирий. Жизнь Плотина 15, пер. М.Л.Гаспарова [Диоген 1979, с.469])

Выдержки из трактатов Плотина приводятся в порядке их написания. Разумеется, приводимыми не исчерпываются все высказывания Плотина о любви и красоте.

Переводы Т.Г.Сидаша.

(№ 1836). «(5) Теперь должно спросить влюбленных в то, что [пребывает] не в чувственном: «Что вы испытываете, любя прекрасный образ жизни, как вы его называете, и прекрасные характеры, и благоразумные нравы, и, вообще, дела добродетели и расположения и красоту души? Что вы испытываете, видя свою внутреннюю красоту? Как приходите в вакхический восторг и поднимаетесь, и страстно желаете быть собой, собирая себя воедино из тел?» - Это то, что испытывают настоящие влюбленные. Но благодаря чему они чувствуют это? Не благодаря форме, не благодаря цвету, не благодаря [тем более] величине, но благодаря душе, которая сама не имеет цвета, как и то благоразумие, которым она обладает, наряду с иными светами добродетели; человек приходит в это состояние, видя в себе или в ком-нибудь другом величие души и справедливый нрав, и чистое благоразумие, и грозный лик мужества, величавость и стыдливость, проступающую в неустрашимости, и невозмутимость, и бесстрастное расположение, и боговидный свет, осияющий всю эту красоту. Мы восхищаемся и любим [прекрасное], но почему мы говорим, что эти вещи красивы? – Они суть и являются, и тот, кто их видел, никогда не мог бы сказать иного, кроме того, что они истинно суть. Что же такое «истинно суть»? – То, что они красивы. Но это учение должно еще сказать, почему истинно сущее делает душу приятной, что за свет осиявает все добродетели? ...

(7) Должно восходить назад к Благу, которое волнует все души. Кто видел Его, знает, почему я говорю, что Оно красиво. Оно желанно как Благо, и к Нему – [высшее] стремление [человека], приобретение Его возводит к горнему и отвращает и обнажает от того, во что мы облеклись, обратившись вниз – как и входящие в святая святых [прежде] очищаются и снимают одежды, которые они носили раньше, и входят обнаженными: они идут до тех пор, пока в своем восхождении не теряют все чуждое Богу, чтобы остаться собою, одним, человек видел Самого Одного, Ясного, Простого, Чистого, Того, от Которого все зависит и на Которого все взирает, к Кому всё живет, мыслит и существует, ибо Он причина и жизни, и ума, и бытия. Если кто-нибудь узрит Его, какую страстью он восплает, какие силы любви охватят его в стремлении соединиться с Ним, сколь будет он ошеломлен наслаждением! Тот, кто не видел Его, может стремиться к Нему как к Благу, видевший же восхищается Им в красоте, в ужасе, смешанном с наслаждением, в безумии, не наносящем душе вреда; он любит Его истинной любовью и пронзительной тоской и смеется над всякой другой любовью и презирает то, что раньше считал красотой, как и те, кому довелось видеть богов или демонов, уже не могут воспринимать подобным образом красоту других тел. Что же, в самом деле, мы должны думать о том, кто видел Саму Красоту, сущую от себя, чистую, не смешанную ни с плотью, ни с телом, ту, которая ни на небе, ни на земле, ибо Она чиста? Все остальные красоты суть привнесенные, смешанные [с иным] и не первые, [все] они – от Нее. Если же кто увидит Того, Кто ведет хоровод вещей, чье пребывание от Него самого, Того, Кто не принимает ничего в Себя, и, если он [наблюдающий] пребудет в этом видении и насладится [зрелищем], подобным этому, в какой другой красоте он еще будет нуждаться? Это – наибольшая красота, Она делает любящих ее прекрасными и возлюбленными. Здесь нашим душам предложено высочайшее и предельное состязание, ради него – все труды, дабы не оказаться [нам] лишенными участия в этом лучшем из зрелищ; достигший этого блажен, блажен и

обретший «блаженное видение»; тот же, кто не достиг этого – несчастен...» (Плотин I 6 (О красоте № 1), 5.7 [Плотин 2004-05, т.1, с.232-233, 236-237])

(№ 1837). «Часто меня пробуждали из тела в самого себя, и я входил в себя, и возникал вне иных вещей; я видел Красоту, и меня охватывало великое изумление, я верил тогда в то, что более всего другого есть эта лучшая часть; я в действительности жил лучшей жизнью и становился тождественным с Божеством; утвердившись в Нем, я приходил в сознание высшей действительности, закрепляясь сверх всего в умопостигаемом; и потом, после этого стояния в Божестве, я нисходил из Ума в состояние рассуждения: и я затрудняюсь относительно этого нисхождения; как и тогда, и теперь я нисхожу» (Плотин IV 8 (О нисхождении душ в тела № 6), 1 [Плотин 2004-05, т.4, с.376-377])

(№ 1838). «Там ее истинная жизнь; ибо наша нынешняя жизнь, жизнь вне Бога, есть лишь след жизни, отображающий ту Жизнь; тамошняя жизнь есть энергия Ума; энергия Ума рождает богов в безмолвном соприкосновении с тем [Благом], она производит и красоту, и справедливость, и добродетель. Этим беременеет душа, когда наполняется Благом, это – ее начало и цель; начало – потому что она приходит Оттуда, цель – потому что ее благо Там. И когда она возникает Там, она становится собой и тем, чем была, поскольку то, что она есть здесь, среди вещей этого мира, есть изгнание, бегство и «облиняние крыльев». Соприродный душе Эрос делает ясным, что Благо – Там, поэтому и полагают Эрос вместе с Психеей на картинах и в мифах. Поскольку душа есть нечто иное, чем Бог, но произошла от Него, она по необходимости [т.е. естественно] любит Его. И когда она Там, то обладает небесным Эросом, но здесь он [Эрос] становится вульгарным [«пандэмос»]; ибо Там – Афродита Урания, но здесь она становится «пандэмос» (общедоступной, всенародной), словно гетера. Каждая душа – Афродита: в этом – значение истории рождения Афродиты и Эрота, рожденного вместе с ней. Будучи согласно природе, душа пребывает в любви с Богом и желает быть единой с Ним; это подобно прекрасной любви девы к прекрасному отцу. Но когда душа приходит в рождение и бывает обманута, так сказать, нежностью своих ухажеров, она изменяется, лишаясь своего отца, в любовь смертную и подвергается поруганию; но она ненавидит свой здешний позор и очищает себя от вещей этого мира, возвращаясь на путь, ведущий к отцу, и отправляется на дорогу в благом расположении духа. Если же кто-нибудь не знает этого переживания [воссоединения], пусть представит себе это [в образах] здешней любви, ибо оно подобно достижению в любви наибольшего; [пусть помыслит] что любимое здесь смертно и вредоносно, и любящие здесь – только эйдолы, и что они [эти любимые эйдолы] изменяются, ибо здесь не было того, что любится сущностно, не было нашего блага, не было того, что мы ищем. Истинный предмет нашей любви – Там, с Ним мы можем быть, любить Его, и, участвуя в Нем, сущностно обладать [предметом своей любви], не завертывая Его во взятую извне плоть» (Плотин VI 9 (О благе, или Едином № 9), 9 [Плотин 2004-05, т.7, с.313-314])

(№ 1839). «(1) ... Но что это должен быть за человек, который последует горним путем? Конечно, это тот, кто видел все, или, как говорит Платон, множество вещей, и вошел в первом рождении в дитя, имеющее быть философом, музыкантом или влюбленным. Философ [идет горним путем] по природе, музыкант же и влюбленный – должны быть возведены. ...»

(2) Влюбленный [эротикос] же, - каковым, пожалуй, может стать и музыкант, который, тогда, либо останется таковым, либо пойдет дальше, - имеет некое памятование о красоте; однако, он не способен постигнуть красоту в ее отрешенности [от материального], он поражен и взволнован именно видимой красотой. Он должен быть научен не лнуть к одному только телу, не восхищаться лишь им одним, но должен быть приведен рассуждением к рассмотрению всех тел и видению в каждом из них одной и той же красоты; [к пониманию того,] что эта красота иная, чем тела, и [ему] о ней должно быть сказано, что она приходит из чужой страны и что в других вещах она явлена совершеннее. [Сделать это можно,] показывая, скажем, красоту образов жизни и прекрасных законов, - что приучит его к приятным вещам, которые бестелесны, - и демонстрируя, что и в искусствах, и в науках, и в добродетелях [присутствует красота]. Все эти красоты должны быть возведены к единству и ему должен быть показан источник, из которого они возникают. От красоты же добродетелей он может взойти уже к Уму, к самому Сущему, и Там он уже должен идти горными путями» (Плотин I 3 (О диалектике, № 20), 1.2 [Плотин 2004-05, т.1, с.141-143])

(№ 1840). «Но если мать дает что-то своему порождению, то не поскольку она материя, но поскольку она эйдос, ибо только эйдос способен рождать, иная же природа – бесплодна. В этом, я думаю, причина того, что древние мудрецы, выражая свою мысль мистически и посвящая в таинства, изображали древнего Гермеса детородным органом, всегда готовым к своему делу, проясняя тем самым, что умопостигаемый логос является родителем в чувственном; бесплодность же материи, вечно остающейся собой, они показывали через бесплодность окружающих ее скопцов» (Плотин III 6 (О бесстрастии бестелесных № 26), 19 [Плотин 2004-05, т.3, с.324-325])

(№ 1841). «Ум, конечно, красив, он – красивее всего, ибо лежит в чистом свете, в чистом блеске, заключая в себе природу истинно существующего. Этот наш прекрасный космос есть лишь тень и образ Того, и Тот лежит во всей славе, ибо в нем нет ничего безумного, или темного, или неразумного, он живет блаженной жизнью; ужас и изумление охватывают видящего его и вступающего в него и становящегося с ним единым. Как и тот, кто возводил свой взгляд в небо, и видел свет звезд, и думал об их Творце, и искал Его, также и человек, созерцавший умопостигаемый космос, видевший его вблизи, преисполненный удивлением, должен начать искать и его Творца, искать Того, Кто дал ему ипостасийное бытие, Того, Кто породил такого Сына, как Ум – Прекрасного Юношу [κόρον], - оставаясь полон [κόρον] Собой. Он сам, конечно, не Ум и не Полнота, но всецело прежде Ума и Полноты, ибо Ум и Полнота после Него, они нуждаются в Нем, чтобы перейти к своей наполненности и осмысленности; они находятся близ Того, Кто ни в чем не нуждается и Кому нет необходимости мыслить; но они имеют истинную полноту и истинное мышление, потому что впервые имеют их. Но Тот, Кто прежде их, не имеет ни нужды, ни обладания, в противном случае Он не был бы Благом» (Плотин III 8 (О природе, созерцании и Едином № 30), 11 [Плотин 2004-05, т.3, с.444-445])

(№ 1842). «Зевс видит эти [небесные] вещи, и тот из нас, кто любит, [видит их] вместе с ним; Зевс же видит совершенно, пребывая сверх всех [чувственных вещей], он видит целое красоты, благодаря своей причастности умопостигаемой красоте; ибо

умопостигаемая красота освещает всех и наполняет возникающих Там, так что они становятся красивыми: сколь же часто люди, когда они восходят в горнии места, где земля имеет светло-золотистый цвет, наполняются этим цветом, уподобляются тем местам, по которым пролегал их путь! Там цвет, цветущий [ἐπιανθοῦσα] на поверхности, есть красота, лучше сказать, Там всё есть цвет и красота [восходящая] из бездны, ибо красивое Там не есть иное [нежели сама вещь и сама красота], оно не есть что-то показавшееся на чем-то. Но тот, кто не видит [умопостигаемого] Целого, схватывает лишь внешние [впечатления]; те же, что существуют всецело вместе, можно сказать, упились и наполнились нектаром, поскольку красота пришла через целое их душ, и они не есть более только ее созерцатели» (Плотин V 8 (Об умопостигаемой красоте № 31), 10 [Плотин 2004-05, т.5, с.229-230])

(№ 1843). «[Не человек только, но и] все вещи тянутся и влекутся к Нему [Благу] в силу природной необходимости, предугадывая [внутренним чутьем], что они без Него быть не могут. Понимание [схватывание] красоты, ужас и изумление перед ней, любовь к ней существует для тех, кто уже каким-то образом знает ее и пробужден ею. Но Благо присутствует задолго до [умного пробуждения] еще в природном влечении, Оно присутствует и в тех, кто [всю жизнь] спит, и не поражает тех, кто Его иногда видит, ибо Оно всегда со-пребывает [с миром] и никогда не становится воспоминанием; но люди не замечают Его, ибо Оно присутствует и в спящих. Когда приходит страстная любовь к красоте, она причиняет боль, потому что [приносит] стремление видеть прекрасное. Красота - вторична, поскольку вторична и страстная любовь к красоте, которую испытывают те, кто уже сознает. Но древнее, невоспринимаемое [человеком] стремление к Благу говорит, что само Благо древнее и первичнее красоты. Все люди думают, что когда они достигнут блага [как бы они его не представляли], то полностью удовлетворятся им, ибо это будет достижением их цели. Но не все люди видят красоту, и когда она возникает, они думают, что красота [что бы они ни называли красивым] существует для себя, а не для них: так и происходит здесь [на земле]: красота принадлежит тому, кто обладает ею [и лишь во-вторую очередь тем, кто на нее смотрит]. [И еще:] для людей достаточно казаться прекрасными, даже если они не таковы, но они не хотят обладать благом только по видимости. ... Благо кротко, ласково, куда нежнее, чем Красота, Оно присутствует в каждом, кто желает Его. Красота же поражает, ошеломляет, приносит удовольствие, смешанное с болью. Ибо Красота даже уводит от Блага тех, кто не знает, [что происходит с ними], как возлюбленное чадо уводит от отца [друг]; ибо Красота моложе, Благо же старше – не во времени, но в истине...» (Плотин V 5 (О том, что умопостигаемые сущие не вне Ума, и о Благе № 32), 12 [Плотин 2004-05, т.5, с.158-159])

(№ 1844). «Однако разделение в Уме не есть разделение вещей смешанных, хотя и сущих в едином, но это [их бытие в Уме] есть то, что называется любовью во Вселенной; но не в этой [чувственной] Вселенной – эта любовь лишь подражает той, ибо она есть любовь разделенных; истинная же любовь есть бытие всех единым, всех тех, кто не был никогда разделен. В то время как разделены даже те, что суть в нашем небе, как говорит Эмпедокл» (Плотин VI 7 (О том, как множество идей обрело ипостасийное бытие, и о благе № 38), 14 [Плотин 2004-05, т.7, с.111-112])

(№ 1845). «(31) Все вещи были сделаны красивыми Тем, Кто прежде них и обладает светом, Ум же есть блеск умной энергии, который просвещает природу, и душа обладает

силой жить, поскольку большая жизнь пришла в нее. Так что Ум, взойдя Туда, остановился, будучи счастлив пребывать в любви окрест [Блага]; но та душа, которая была способна обернуться к Нему, когда узнала, увидела и насладилась увиденным, насколько была способна видеть, была совершенно поражена. Она видела, словно бы сбитая с ног, что имеет в себе нечто от Него, и воспринимает Его, и приходит в состояние любовного влечения к Нему, подобно тем, кто движим образом возлюбленного к желанию видеть его самого. Так же и здесь влюбленные оформляют себя по подобию тех, кого любят, и делают свои тела красивей, и возводят свои души к максимальному подобию друг другу - и в благоразумии, и в добродетели, и в ином, насколько могут, ибо желают не лишиться возлюбленного, [с.138] иначе же [если не стремятся к уподоблению] бывают отвергнуты таковыми вот любящими [т.е. стремящимися к уподоблению], - [только] такие [влюбленные] способны быть вместе; таким образом и душа любит то Благо, движимая им к любви изначально. Душа, [всегда] имеющая свою любовь готовой [к действию], не ждет напоминания от здешней красоты, но поскольку имеет любовь, даже если не знает, что имеет ее, всегда ищет и, желая вознестись к тому Благу, презирает всё здешнее: видя красоты этого мира, она пренебрегает ими, ибо видит, что они увязли в мясистых телах и измараны присутствием своих [смердных] жилищ, разделены величинами и не суть сами [истинно] прекрасные сущие; ибо последние, будучи тем, что они суть, не отваживаются вступить в дерьмо тел, вымазать себя в нем и скрыть себя [под слоем нечистот]. Когда душа видит, что эти красоты текучи, она уже точно знает, что они имеют свет, пришедший к ним отъинуду. Тогда она устремляется Туда, искусная в нахождении того, что она любит, и не отступает до тех пор, пока не добьется своего, если кто-нибудь другой не похитит ее любви. Будучи Там, она видит красивых и истинных сущих, и становится гораздо сильнее [как собственно душа], и обретает сущностное сознание, и воспринимает, что она близ Того, Кого давно искала.

(32). Где же есть Тот, Кто создал столь великую красоту и столь великую жизнь, где - Тот, Кто упорядочил сущность? Ты видишь красоту на всех эйдосах, [с.139] которые многообразны. Красота пребывает здесь. Но будучи в красоте, должно смотреть, откуда приходят и эти эйдосы, и сама красота. Этот [Источник] не должен быть ни одним из эйдосов, ибо, в противном случае, будет частью [этой же сферы]. Следовательно, Он не может быть ни определенной формой, ни некой силой, ни всеми теми, что возникли и существуют здесь [в мире умопостигаемом], но Он должен быть сверх всех сил и превыше всех форм. [Истинное] Начало - безвидно, это не то [начало], которое нуждается в формах, но то, от которого происходят все умные формы. Поскольку возникшее, если оно возникло, должно становиться чем-то и иметь свою особенную форму; но Тот, Кто не был сотворен, - разве мог быть сотворен чем-то? Значит, Он не есть ни одна из этих вещей и есть все вещи: ни одна из них, поскольку сущие - позже; все, потому что все - из Него. Какую же величину может иметь Тот, Кто способен сотворить все вещи? Может быть, Он беспределен; но если беспределен, то не будет иметь величины, ибо величина - в позднейших; даже если Он сотворил величину, все равно Сам не должен иметь ее. Величие сущности неколичественно; и лишь нечто иное, то, что после Него, может иметь величину. Его же величина состоит в том, что ничто не может иметь большей мощи, чем Он. Да и что из принадлежащего Ему можно было бы привести в равенство с Ним, если ничто Ему не тождественно? Бытие всегда и во всех вещах не дает Ему ни меры, ни, опять же, безмерности, [ибо будь Он безмерен, тогда] как мог бы быть мерой [с.140] других? Следовательно, Он не имеет и фигуры. Действительно, когда ты не можешь ухватить ни фигуры, ни формы возлюбленного, он становится еще более желанен и любим в высшей степени, и любовь к нему становится безмерной. Ибо любовь не ограничена здесь, поскольку нет [ни образа, ни предела] Любимого, но любовь к Нему беспредельна; так и Его красота иного рода - красота сверх красоты, ибо если Он - ничто, чем может быть [для Него] красота? Но если Он возлюблен, то Он - Отец красоты. Сила Всего есть цветок

красоты, Красота, раскрывающая [букв. «творящая»] красоту [δύναμις οὖν παντός καλοῦ ἀνθος ἐστί, κάλλος κάλλοποιόν]. Поскольку Он рождает красоту и делает ее еще более прекрасной благодаря избытку красоты, которая приходит от Него, Он есть начало красоты и ее предел. Будучи началом красоты, Он творит ту красоту, для которой является началом, и творит не в форме [так как та красота, что возникает от Него, бесформенна] - она иным способом [присутствует] в форме. Ибо та, что называется [обычно] красотой, есть только форма в ином, но сама красота бесформенна. Следовательно, то, что участвует в красоте, оформляется и не есть сама красота.

(33). Поэтому, когда говорится, что это - красота, беги от качества формы такой вещи быстрее [чем от уродства]; не должно тебе ничего творить пред глазами, чтобы не отпасть от [истинной] красоты в то, что называется красотой лишь в силу смутной причастности. Красив бесформенный эйдос, если он, на самом деле, эйдос, и красив [с.141] настолько, насколько ты обнажишь его от всех форм, тех, например, какие он имеет в рассудке, благодаря которым мы утверждаем, что одно отличается от другого, как говорим, например, что различны справедливость и благоразумие, хотя они и [обе] красивы. Когда ум мыслит нечто особенное, он умалывается, [и если как нечто особенное] он возьмет все вещи, которые есть в умопостигаемом [то результат будет тем же]; если он мыслит нечто единичное, он имеет умопостигаемую форму; если же мыслит все вещи вместе, то некую многообразную форму, еще нуждаясь [и пытаясь понять], как должен он созерцать то, что выше всецело красивого, то, что выше и многообразного, и не-многообразного; есть то, к чему стремится душа, не говоря, почему она вожделеет вот этого, но логос говорит, что это есть сущностно сущее, что природа наилучшего и возлюбленного в высшей степени - всецело безвидна. Следовательно, что бы ты не возвел в эйдос и не показал душе, она будет искать иного, Того, Кто дает форму. Логос говорит, что все то, что имеет форму, и эйдос, отмерено и ограничено, т. е. не есть всё, не самодостаточно, не красиво от себя, но, что все это - опять же, смесь [= составленное]. Эти красивые вещи должны быть измерены и ограничены, но - не сущностная красота, лучше же сказать - не само прекрасное; если же это так, то прекрасное не оформлено и не суть эйдос. Первичная Красота и Первое безвидны, и Красота есть природа Блага. И переживания возлюбленных свидетельствуют об этом: пока они в том образе, который воспринимается чувствами, они еще не [с.142] в любви; но когда они, оттолкнувшись от того [чувственного образа], производят в себе, в лишенной частей душе, не воспринимаемый чувствами отпечаток, - тогда расцветает любовь. Любящий ищет возлюбленного, чтобы он оросил увядшее [Федр 251b1-4]. Но если он приходит к пониманию, что должен выбрать более бесформенное, он будет уже устремлен к Тому; ибо в смутном огне он изначально любил великий свет. След бесформенного есть форма; Он есть Тот, Кто породил форму, Он не есть форма, Он породил ее, когда материя пришла к Нему. Но материя по необходимости наиболее удалена от Него, поскольку неспособна обладать сама по себе даже низшими формами. Тогда, если предмет любви есть не материя, но то, что сотворило эйдосы благодаря [высшему] эйдосу, и те эйдосы, что на материи, пришли из Души, и Душа в большей степени есть эйдос и в большей степени любима, и Ум еще более эйдос и еще более любим, то должно полагать, что первая природа красоты безвидна.

(34). Мы уже не удивимся, если то, что производит столь великой [букв.: «страшной»] силы влечение, всецело свободно даже от умопостигаемой формы, поскольку и душа, когда проникается сильной любовью к Нему, отбрасывает все формы, которые имеет, даже умопостигаемые формы, которые могли бы в ней быть. Ибо невозможно тому, кто имеет что-то иное и направляет на него свою деятельность, ни видеть [Бога], ни соединиться [с Ним]. Но должно ни зла, ни иного блага не иметь под рукой, чтобы единая [душа] приняла Единого. [с.143] И когда удача будет с ней, когда Он придет к ней или, лучше сказать, уже будучи там [т. е. в душе], явится ей, когда душа отвернется от вещей,

присутствующих там [т. е. в умопостигаемом] и приготовит себя, сделавшись, насколько возможно, красивой, и придет в подобие (предуготовление и украшение [букв.: «космизация»], я думаю, очевидны для приготавливающихся), и она увидит Его внезапно явившимся в ней самой (ибо нет ничего между ними, и нет уже двух, но оба - одно; когда Он присутствует, она уже не судит; любящие и возлюбленные подражают этому здесь, смешивая свои воли), она уже не воспринимает своего тела, не воспринимает, что оно есть в ней, и не говорит о себе ни того, что она иное [Ему], ни того, что она человек или живое существо, ни того, что она - сущее, ни того, что - всё (ибо для того, чтобы видеть эти вещи, она должна стать неоднородной [т. е. перестать быть единой]), но [будучи вместе с Единым] она не имеет ни досуга заниматься такими вещами, ни желания, но погружена в поиск и встречу, и когда Он присутствует, она смотрит на Него, а не на себя, у нее нет времени смотреть на того, кто [- она или не она - сейчас] видит. Поистине, будучи Там, она не променяла бы этого ни на что в мире, даже если кто-нибудь предложил бы ей целое небо, ибо нет ничего лучшего, и нет большего блага; ибо она не взбегает [уже] выше, все иные вещи - внизу, даже если это горние вещи. Тогда она истинно судит и знает, что это и есть желаемое, утверждая, что нет ничего лучше. Нет Там обмана, ибо что могло бы [с.144] быть истинней Истины? То, что душа говорит, она говорит позднее, и говорит это в безмолвии, и она не обманывается в своем опыте счастья, в том, что она счастлива; она не говорит, что счастлива, когда тело щекочет ее, но - когда становится тем, чем была раньше, становится той, кого ведет благая судьба. Она говорит это, презирая все иные вещи, которыми наслаждалась прежде, - начальства и силы, богатства, красоты и науки, - она не стала бы говорить, если бы не встретила вещи лучше этих; она не боится - как бы чего не случилось с ней, ибо она даже не видит этого, будучи вместе с Ним; но если другие вещи вокруг нее погибнут, то она даже насладится тем, что может быть одна с Ним - столь великого счастья она достигла.

(35). Будучи таким образом расположена, душа презирает даже мышление, которое приветствует во всякое другое время, поскольку мышление есть некое движение, она же не желает [уже] двигаться. Ибо она говорит, что Тот, Которого она видит, тоже не движется; однако, она становится умом, когда созерцает, словно бы превращается в Ум и возникает в умопостигаемом месте; но когда она возникает в нем [Уме] и движется вокруг него, она обладает умопостигаемым и мыслит, однако как только увидит Бога, уходит уже в Него; как если бы кто-нибудь пришел в богато украшенный и красивый дом, созерцал бы в его внутренних покоях каждое из украшений и удивлялся, прежде чем увидеть хозяина этого дома, увидев же его и удивившись [с.145] ему, чья природа не такова, как природа [виденных им только что] статуй, но поистине достойна созерцания, он оставляет все другие вещи и не сводит взгляда с одного хозяина, и тогда, поскольку он смотрит и не отводит глаз, благодаря непрерывности его созерцания, он не видит более предмета, но смешивает свой взгляд с тем, что созерцает, так что то, что им было видимо [сначала вовне], становится видимым в нем самом, и он забывает все другие предметы созерцания. Возможно, наш пример будет более реалистичным, если не человек встретится осматривающему дом, но некий бог, который не является видимо, но [изнутри] наполняет душу смотрящего. Значит, и Ум имеет одну силу для мышления, благодаря которой он смотрит на вещи в себе, и другую, которой благодаря интуиции [здесь: направленному движению сознания] и усвоению он схватывает то, что по ту сторону [Ума и всех вещей]; благодаря этой силе, он прежде только видел и, видя, приобрел ум и есть единое. Одно есть разумное видение Ума, другое - Ум любящий, когда он становится безумным и «упивается нектаром» [Пир 203b5]; тогда он любит и упрощается в счастье, благодаря его полноте. Он считает лучшим упиться, нежели сохранять значительность, будучи трезвым. Однако видит ли Ум по частям, т. е. сначала одну вещь, а потом другую? Нет, но это логос учит нас создавать возникших [т. е. отдельные вещи], а Ум мыслит вечно и вечно не мыслит, но иным образом взирает [на Бога]. Ибо смотря на Него, Ум обретает потомков и

воспринимает и их порождение, и [с.145] своё существование внутри них; и когда он видит их, говорится, что он мыслит и видит той силой, какой [позднее] мыслит. Душа же видит, словно бы смешавшись и скрыв пребывающий в ней ум; лучше же сказать, что первично видит ее Ум, и видение приходит в нее, и два становятся одним. Благо же простирается над ними и слаживает с Собою обоих; Оно набегаёт на них, объединяя двух, покоится на них и даёт им блаженство восприятия и видения, поднимая их столь высоко, что они уже не существуют ни в каком-либо месте, ни [вообще] в ином, будучи среди вещей, для которых естественно быть одному в другом, ибо Он не где-то, но умопостигаемое место - в Нем, Он же - не в ином. Поэтому и не движется тогда душа, ибо не движется Он. Уже нет души, ибо она не живёт Там, но [то, что происходит с ней, -] сверх жизни. Нет уже Ума, потому что он не мыслит, ибо должен уподобиться Единому. Он не мыслит и того, что он не мыслит». (Плотин VI 7 (О том, как множество идей обрело ипостасийное бытие, и о благе № 38), 31-35 [Плотин 2004-05, т.7, с.137-146 / 204])

(№ 1846). «(15) Он – возлюбленный, Он – сама Любовь, Любовь Себя, ибо прекрасен не иным каким-либо образом, но от Себя и в Себе. Он со-существует с собой: Тот, Кто существует и То, с чем Он существует [т.е. субъект существования и само существование] – есть одно и то же. Поскольку дело обстоит именно так, то желаемое едино с желающим, и предмет желания, как ипостась, есть, так сказать, подлежащее, что опять же являет нам, что сущность и стремление в Нем тождественны. ... Ибо Он есть корень Разума, существующего из Себя, и в Нем прекращаются все вещи, так что Он подобен началу и основанию великого древа, живущего жизнью, согласной логосу, которая пребывает сама и при себе, давая древу бытие согласно логосу, который оно принимает.

(16) ... Он обладает наивысшим чином [в иерархии сущего], лучше сказать, не обладает, но Сам есть высочайший и обладает всеми вещами как рабами; не Он случаен для них, но они для Него, лучше сказать, они находятся окрест Него; Он не смотрит на них, но они на Него; Он несется, так сказать, во внутренность Себя Самого, словно бы принимая с любовью Себя, Он – «чистый луч света» [Федр 250с4], и Он Сам с любовью Себя принимает. Это значит, что Он Сам даёт Себе ипостась, если, в самом деле, Его энергия пребывает вечно, и существует наивысшая форма приемлющей любви, в какой-то степени подобная Уму...» (Плотин VI 8 (О добровольности действия и воле Единого № 39), 15.16 [Плотин 2004-05, т.7, с.249-252])

(№ 1847). «(17) Тем самым, существование Логоса соответствует всеобщему творчеству, так что наиболее противоположные из сотворенных вещей он делает и наиболее разнесенными; этот чувственный космос лишен единства в большей степени, чем его Логос, более множественен и противоречив; каждая из существующих в нем вещей более стремится к жизни и обладает большей любовью к единству. Но те, кто в погоне за собственным благом любит страстно, часто убивают любимых, если они смертны; движение частей к целому движет каждым, и каждый тащит в себя то, что может. Таким образом, благие и злые люди подобны противоположным гримасам актера, существующим благодаря одному и тому же искусству; мы можем сказать, что одна часть его выступления блага, а другая порочна, но потому-то и само искусство прекрасно» (Плотин III 2 (О Промысле I № 47), 17 [Плотин 2004-05, т.3, с.155])

(№ 1848). «И если один развратный красавец наталкивается на другого, то результат оказывается, конечно же, иным, нежели при встрече одной целомудренной красоты с другой; одно впечатление имеет целомудренный красавец при встрече с развратником, другое – развратник при встрече с целомудренным красавцем. То, что исходит от развратника, не вызвано Провидением и не находится в согласии с ним, действия же человека целомудренного, хотя и не исходят от Провидения (ведь они от него самого), но находятся в согласии с ним; они созвучны Логосу...» (Плотин III 3 (О Промысле II № 48), 5 [Плотин 2004-05, т.3, с.202-203])

(№ 1849). «Если жизнь принимает себя с любовью, то ясно, что ничего другого она не ищет; именно по этой причине самотождественно бытие Ума, и потому присутствующего для него достаточно. Жизнь Ума с любовью довольствуется собой, поскольку все вещи уже присутствуют в Уме, и присутствуют таким образом, что они суть иное, нежели Ум» (Плотин V 3 (О познающих ипостасях и том, что по ту сторону № 49), 16 [Плотин 2004-05, т.5, с.93-94])

(№ 1850). III 5 (Об Эросе № 50) [Плотин 2004-05, т.3, с.244-261] см. Приложение

Христианские авторы III века

(№ 1851). «Блудница, или человек любострастный, или оскотивший себя и всякий занимающийся делами, о которых непристойно говорить, да будут отвержены [из общины христиан], ибо они нечисты». (Ипполит Римский. Апостольское предание 16, пер. П.Бубуруза [Отцы III века 1996, т.2, с.248])

Мефодий Олимпский

(№ 1852). «Так, нужно думать, Бог и отец всех обращался и с нашими предками; пока еще мир не был наполнен людьми, то человек был как бы младенец и ему нужно было прежде размножаться и таким образом возрастая в мужа. А когда он был населен от концов до концов своих и человечество беспредельно распространилось, то Бог не допустил людям оставаться при прежних нравах, имея в виду, чтобы они, переходя от одного к другому, постепенно более и более приближались к небесам, пока не сделаются совершенными, достигнув величайшего и высочайшего учения – девства; именно чтобы они сначала перешли от смешения с сестрами к вступлению в брак с посторонними женщинами, потом чтобы не совокуплялись со многими, подобно четвероногим животным, как бы родившиеся для совокупления, затем чтобы они не были прелюбодеями, а потом далее перешли бы к целомудрию и от целомудрия к девству, в котором, научившись возвышаться над плотью, безбоязненно вступили бы в безмятежную пристань нетления». (Мефодий Олимпский. Пир I 2, пер. под ред. Е.Ловягина [Отцы III века 1996, т.2, с.391-392])

(№ 1853). «[Толкование Чис. 6, 1-4] Дикий же и смертоносный виноград, источающий неистовство, яд и гнев, есть диавол, как говорит Моисей, описывая его так: «виноград ...

аспидов» [Втор. 32, 32-33]. Им насыщаясь, жители Содома дошли до такого неистовства, что предались противоестественному бесплодному мужеложеству». (Мефодий Олимпский. Пир II 5, пер. под ред. Е.Ловягина [Отцы III века 1996, т.2, с.418])

(№ 1854). «Подлинно девство есть весенний цветок, нежно произрастающий на своих всегда белых листьях цвет нетления. Поэтому Он [Христос] и не стыдится открыто выражать свою любовь к цветущей красоте его [Далее Песн. 4, 9-12]» (Мефодий Олимпский. Пир VII 1, пер. под ред. Е.Ловягина [Отцы III века 1996, т.2, с.424-425])

Порфирий

(№ 1855). «[1 Кор. 6, 11] Мы в недоумении и по этому поводу поражены до глубины души: неужели от стольких осквернений и мерзостей человек окажется чистым, один раз омывшись? Неужели запятнанный в жизни такой грязью – блудом, любодеянием, пьянством, воровством, мужеложеством, отравлениями и тысячами дурных и позорных дел – тем только, что крестился и призвал имя Христа, легко освобождается и сбрасывает с себя преступления, как змея старую кожу? Кто после этого не решится на выразимые и невыразимые преступления и не будет совершать вещи, которых словами не выразить и на деле не стерпеть, раз он знает, что будет оправдан после таких гнуснейших дел, - стоит только уверовать и креститься...» (Порфирий. Против христиан IV 19 [Ранович 1990, с.387-388])

Ямвлих

(№ 1856). «Спустя некоторое время они [Ямвлих и его ученики] решили отправиться в Гадары, место, где находятся сирийские горячие бани, вторые после римских, расположенных в Байях, с которыми не могут сравниться никакие другие. Пришли они туда летом. Однажды, когда Ямвлих мылся, а другие мылись вместе с ним, они пристали к нему с прежней настойчивостью. Ямвлих на это улыбнулся и сказал: «Неблагодарно просить, чтобы это показали, но ради вас все будет сделано». Среди этих теплых источников было два, по размерам меньше других, но более приятных, чем прочие. Ямвлих повелел ученикам разузнать у местных жителей, как эти источники издревле назывались. Те, выполнив поручение, сказали: «Без притворства: вот этот источник называется Эрот, а следующий за ним — Антэрот». Ямвлих же тотчас коснулся воды рукой (он как раз сидел на ограждении источника) и, произнеся короткие заклинания, вызвал наверх из источника мальчика. Мальчик был бел, среднего роста, волосы его были золотыми, а грудь и спина у него блестели; и вообще было похоже, что он или еще купался, или только что искупался. Друзья были потрясены, а Ямвлих сказал им: «Пойдемте к следующему источнику». И сам встал и пошел, пребывая в раздумии. Сделав то же самое и у второго источника, Ямвлих вызвал другого Эрота, точь-в-точь такого же, как первый, только волосы его были темнее и при свете солнца выглядели неряшливо. Оба мальчика обвинили Ямвлиха руками и прильнули к нему, словно дети к своему родному отцу. Он же отнес их обратно в их источники и, помывшись, ушел в сопровождении друзей. После этого случая толпа учеников уже ничего не проверяла, но, словно влекомая на прочном поводке, отказалась от поиска доказательств и всему верила» (Евнапий. Жизни философов и софистов, стр.459, пер. Е.В.Дарк и М.Л.Хорькова [Римские историки 1997, с.235])

(№ 1857). «[Из Анатолия]. Говорят, что двоицу именуют также и «Эрато»: привлекиши к себе любовью исхождение единицы как эйдоса, двоица рождает в результате остальные числа начиная от троицы и четверицы» (Ямвлих (?). Теологумены арифметики [Ямвлих 1988, с.403])

(№ 1858). «[Беседа Пифагора с мальчиками в храме Аполлона]. ...он объявил их любимцами богов и сказал, что поэтому города в засуху посылают просить богов о дожде именно их как наиболее послушных божеству и они одни сохраняют ритуальную чистоту, получив право проводить время в храмах. (52) По этой же причине и наиболее человеколюбивых из богов, Аполлона и Эрота, все художники и скульпторы изображают имеющими облик мальчиков. ... (53) Из этого они должны сделать вывод, что своим рождением они в конечном счете обязаны промыслу Аполлона, а об их возрасте пекутся все боги, и что они, дети, достойны любви богов и должны иметь привычку слушать, чтобы научиться говорить». (Ямвлих. Жизнь Пифагора X 51-53 [Ямвлих 1998, с.46-47])

(№ 1859). «Многое из того, что касается человеческой жизни, таково, что о нем гораздо лучше узнать позже. Сюда относится и потребность в любовных утехах. (210) Поэтому нужно, чтобы подросток воспитывался так, чтобы он не стремился до двадцати лет к близости подобного рода, а достигнув этого возраста, прибегал к ней, но редко. Это возможно, если здоровье признается чем-то достойным и прекрасным». (Ямвлих. Жизнь Пифагора XXXI 209-210 [Ямвлих 1998, с.128])

(№ 1860). «Помимо этих особенностей, божественные существа излучают как бы бесконечную красоту, охватывающую изумлением созерцающих ее, которая распространяет божественную радость, для неизреченного проявляется в соразмерности и выделяется среди прочих видов красоты. Блаженные видения архангелов также являют величайшую красоту, но не столь невыразимую и удивительную, как божественные. Ангельские видения раздробляют на части красоту, которую воспринимают от архангелов. Видимые духи демонов и героев, как те, так и другие, обладают красотой в ограниченных аспектах: впрочем, то, что заключено в пропорциях, определяющих сущность, является демоническим, а то, что показывает мужество, является героическим. А явления архонтов следует разделить на две части: одни обнаруживают господствующую и естественную красоту, а другие являют манерное и неестественное изящество. Явления душ также упорядочены в определенных понятиях, более drobных, чем у героев, обозначенных в деталях и подчиненных одному виду. Если же нужно дать всему этому общее определение, то я утверждаю, что как каждое существо занимает свое место и соответственно тому, какой природой оно обладает, таким же образом, согласно своему жребию, оно причастно красоте». (Ямвлих. О египетских мистериях II, 3 (73) [Ямвлих 2004, с.61-62])

(№ 1861). «Следует иметь в виду, что мир есть единое живое существо. Его части отличаются местоположением, но вследствие единства их природы стремятся друг к другу. ... Сама по себе эта сила к сближению и напряжению, сообщаемое ей всему миру, есть благо и причина полноты, она [с.132] привносит общность, единство и соразмерность, она сообщает единению нерасторжимое начало любви, повелевающее всем, что существует и возникает. Но у индивидуумов из-за их отстраненности друг от

друга и от целого, а также поскольку по своей индивидуальной природе они несовершенны, недостаточны и слабы, их взаимосвязь возникает со страстью, отсюда многим присущи влечение и прирожденное стремление.

... Искусство приводит упорядоченное в самом себе в беспорядок: красоту и соразмерность форм наполняет несоразмерностью и безобразием и переносит почтенный исход, присущий единению, на другое завершение, недостойное и нечистое, где элементы соединяет страсть. Оно привносит от себя материю, которая не способна произвести прекрасное, поскольку она его либо совсем не воспринимает, либо преобразует его в другое. Оно смешивает много различных природных сил, и этим направляет так, как ему угодно, соединения для рождения. Итак, со всех точек зрения мы доказываем, что подобное побуждение к любовному соединению возникает из некоего человеческого искусства, а не вызвано демонами или богами». (Ямвлих. О египетских мистериях IV 12 (195-197) [Ямвлих 2004, с.131-132])

Гимерий

(№ 1862). «(3) Рассказывают, что Аполлон, после одержанных им великих лирных побед, перед дверьми спальни запел свадебную песнь. Если слова поэтов не сказка, сперва она огласила долины гор и пещеры: бог ведь пел ее для своего любимца...

(6) ... Посейдон любил Пелопса. Он обучал еще юного отрока скакать верхом и гнать колесницу по морским волнам, едва касаясь воды. Когда же страсть к Гипподамии заставила Пелопса служить Эроту и Афродите, бог собирает хоровод nereid и на самом берегу моря возводит для него брачный покой (покоем, мне думается, служила волна: сине-багряная, высокая; она выгибалась над ложем, чтобы создать подобие стены). Кроме того, он поет Пелопсу свадебную песнь»

(11) «Ведь жажда брачного соединения заставляет аттический Илисс безумствовать по аттической родниковой струе. И дабы мы не корили его за то, что, словно какой-нибудь соблазнитель мальчиков, он скоро изменит любимой, Илисс украшает не только ее воды, но и прозвище, к которому присоединяется слово «красота» [Каллироя]» (Гимерий. Эпиталамий Северу (I) 3, 6, 11, пер. С.В.Поляковой [Греческая проза 1961, с.606-607, 608])

(№ 1863). «Послушай басню. Когда Зевс сотворил людей, он украсил их всем тем, что и сейчас при них. Только Эрот еще не поселился в обители человеческой души: крылатый, он витал под небесами и поражал своими стрелами одних лишь богов. Испугался Зевс, что прекраснейшее из его творений исчезнет с лица земли, и посылает Эрота сохранить человеческий род. Однако Эрот хоть и принял это повеление Зевса, однако не пожелал равно обитать во всех душах и равно посещать древние и новопосвященные храмы; нет, души многие и заурядные отдал он пасти низшим Эротам, рожденным от нимф, сам же вселился в души божественные и небесные, обуревая их любовным безумием на вящее благо роду человеческому. И вот, если встретится тебе человек, от природы вялый и к дружеству равнодушный, то знай, что высший Эрот не удостоил его своей близости; если же найдешь в нем ум острый и живой, а сердце – пламенное в любовной приязни, то знай, что в нем обитает высший Эрот». (Гимерий. Диоген (Эклога 10, 6) = Басни 401, пер. М.Л.Гаспарова [Античная басня 1991, с.206])

(№ 1864). «Алкивиад покорил своей красотой весь театр, но был тогда уже юношей в расцвете сил, а ты покорил его в пору, когда еще питался молоком матери» (Гимерий. Плач по сыну Руфину (XXIII) 4, пер. С.В.Поляковой [Греческая проза 1961, с.615])

Либаний

(№ 1865). «Ввиду того, что распространились злые слухи насчет отношений его [Либания] к юношам, о каких мне непозволительно было бы писать, так как я выпускаю свой труд для достойных памяти вещей». (Евнапий [Либаний 1912-16, т.1, с.XI])

Либаний говорит о колебании посылать речь свою туда, где молодые люди все мнят себя Гиакинфами, а прочих считают Ферситами. (Письмо 1522. Руфину [Либаний 1912-16, т.1, с.474])

Речи

(№ 1866). «В то время как я проводил время среди декламаций ... юноша, много съевший обедов, получая крупную плату за [с.35] тело, прибежав к этому государю [Констанцию], заявил, что я владею головами двух женщин, отрезав их от туловища ... Наградой за ложь было соложничество с каким-то плясуном, повиновавшимся кружку вышеупомянутого софиста...» (Либаний. Автобиография (№ 1) 98 [Либаний 1912-16, т.1, с.34-35])

(№ 1867). «...хотя подстраивая это при посредстве Мартирия, одного уроженца Писидии, который услаждался атлетами, в других отношениях был безупречным, а Фесту представлялся чародеем вследствие приверженности его к борцам». (Либаний. Автобиография (№ 1) 158 [Либаний 1912-16, т.1, с.55])

(№ 1868). «...юноша, получающий от отца деньги с тем, чтобы снести их софисту, и одни из них употребляющий на кутеж, другие на игру в кости, третьи на удовлетворение половой страсти, иной раз выходящей из мерил законности». (Либаний. К юношам о слове (№ 3) 6 [Либаний 1912-16, т.2, с.74])

(№ 1869). «...дела любимых людей, каковы бы они не были, кажутся прекрасными их поклонникам и, отказываясь от критики, они кличем выражают свое восхищение пред ними». (Либаний. Приветственная Юлиану (№ 13) 3 [Либаний 1912-16, т.2, с.246])

(№ 1870). «...считаете старое заблуждение великою необходимостью для постоянного пребывания в таковом, как если бы кто, в юности торгуя красотой, сохранил недуг свой и

во все прочие возрасты». (Либаний. К антиохийцам о гневе царя (№ 16) 47 [Либаний 1912-16, т.2, с.268])

(№ 1871). «(138) Притом они [чиновники при дворе Констанция] пугали добропорядочных людей бесчестьем, подсылая к ним пригожих отроков... - таковыми двумя способами добывали они себе сверхурочные доходы» (Либаний. Надгробное слово по Юлиану 138, пер. Е.Г.Рабинович [Ораторы Греции 1985, с.380])

(№ 1872). «И вот, по пословице, любящий человек становится более рабом, чем мессеняне, считая пустяками друзей, родителей, попреки со стороны людей, служа предмету любви, и, чем больше рабствует, тем больше услаждается, радуясь расходам, трудам, просиживанию по близости больше, чем добыткам и развлечениям, в случае удачи ухаживая с радостью, при неудаче гоняясь за предметом любви со всею хитростью и раболепством, (27) и любимый не попросит ничего настолько невозможного, что выполнить не является уязвленному полною необходимостью. Если же нет способов выполнить, он скорее умрет, чем откажет заранее». (Либаний. О рабстве (№ 25) 26-27 [Либаний 1912-16, т.2, с.405])

(№ 1873). «А теперь этот доход обращен в пользу сцены, чтобы на те деньги, что ремесленник плачет, да вносит, роскошествовали плясуны и мимы, которые развращают свободных, развращают рабов, и юношей, и стариков». (Либаний. К Икарию (№ 26) 23 [Либаний 1912-16, т.1, с.95])

(№ 1874). «...В городе Берое была медная статуя, Асклепий в образе красивого сына Клиния, где искусство воспроизводило природу. В нем было столько красоты, что даже те, кому представлялась возможность видеть его ежедневно, не могли насытиться его созерцанием». (Либаний. К имп.Феодосию в защиту храмов (№ 30) 22 [Либаний 1912-16, т.1, с.206])

(№ 1875). «...Кто не знает, что под влиянием самих притеснений, коим они [язычники] подверглись, они больше, чем в прежних условиях, преклоняются перед богами? Так поклонники физической красоты от помехи в любви сильнее увлекаются ею и становятся поклонниками более упорными». (Либаний. К имп.Феодосию в защиту храмов (№ 30) 26 [Либаний 1912-16, т.1, с.207])

(№ 1876). «[Ельпидий утверждал, что император Юлиан отравил свою жену]. Тут я возопил и пораженный в сердце тем словом сказал: «Но не стал бы клясться Ельпидий, что в молодости был жертвою разврата». И я сказал то же, что римский сенат и народ, как сообщалось сюда людьми, долго там жившими, и что он заменил наложницу человеку, дельному в остальном, но в этом несчастному. Были и такие, что утверждали, будто он и до смерти не освободился от этого недуга. И вот до чего ты был подавлен истиной, что и сам признавался, что слышал подобное от одного из его ассессоров. Итак, я заявил, что

такой человек, по доброй воле преображавшийся в женщину, лишен прав, и образом жизни его у него отнята возможность злословить другого». (Либаний. К Поликлу (№ 37) 3 [Либаний 1912-16, т.2, с.174])

(№ 1877). «...И даже если бы я сказал, что он продал свою юность, а ты тоже, отправление, по приказу такого-то, в Рим, разделить ложе, не было бы делом Поликла, и также, если тому после этого следовало сковать язык, от тебя мы не требовали молчания. Но мне кажется, я вижу причину гнева. Общею против обоих, как кажется, была та молва: «Одни и те же у вас взятки, одни и те же ночи. Одинаковы ваши добытки, одинаковы ваши угождения». Ты, следовательно, думал, что слышишь это столько же о нем, сколько о себе». (Либаний. К Поликлу (№ 37) 14 [Либаний 1912-16, т.2, с.178])

(№ 1878). «Отдавшись в распоряжение любителям красивых для услуг им, и с одними знакомясь вне, с другими внутри и многими ходами доставляя ответы тех и других упомянутых лицам, становясь участником в дележе даров любви, многие дома он сделал несчастными, дни и ночи наполнив своим непотребством, когда не был в состоянии привести другого, предоставляя к услугам себя самого, сам и жертва разврата, и сводник». (Либаний. Против Сильвана (№ 38) 8 [Либаний 1912-16, т.2, с.182])

(№ 1879). «Недавно он подошел к кому-то из красивых и пытался уговорить, а тот отскочил. Он же, наступая на него, ташил, схватив его, и побил. Когда же родственники юноши, узнав о дерзком поступке, быв сильны и немалочисленны, обступили его и пустили в ход против него руки, честный отец, узнав, не разразился против них, как обидчиков, криком и не наказал его как за дурные поступки». (Либаний. Против Сильвана (№ 38) 11 [Либаний 1912-16, т.2, с.183])

(№ 1880). «(5) Ведь этот Миксидем, начав с детства предаваться пороку, а честным не быв никогда хоть бы несколько дней, в крайней безнравственности достиг старости. Он брал доход своим телом в Египте, сам приглашая к себе тех, кто мог дать, брал такой и в Палестине, причем и борода не служила к тому препятствием. Принявшись же за ремесло адвоката, он не прекратил прежнего заработка, но ему можно было вдвойне получать вознаграждение. ***

(6) ... был тем же учеником и адвокатом, смешавшим обычаи Афродиты, рожденным мужчиной, но прибавившим к тому другое и, многих опозорив, еще большему числу предоставив себя». (Либаний. Утешающая Антиоху (№ 39) 5-6 [Либаний 1912-16, т.2, с.427])

(№ 1881). «За то, что в темноте друг с другом все делали друг другу и давая, и получая, плодом этого является наследство». (Либаний. Утешающая Антиоху (№ 39) 15 [Либаний 1912-16, т.2, с.430])

(№ 1882). «Был здесь некий юноша с Кипра, белый и красивый, из богатого дома, у этого человека пользовавшийся несколькими комнатами. ... Так поступал он, желая обирать плоды с острова и еще кое-чего другого. Это последнее заставило юношу удалиться отсюда, не снесши покушений этого человека, одного в маленькой бане, другого в разных местах дома. Имея его под рукою, он не отставал». (Либаний. Утешающая Антиоху (№ 39) 17 [Либаний 1912-16, т.2, с.431])

(№ 1883). «Ведь чем Филипп был для сына Фринона, тем сам он был своему, и при том, несмотря на громкий протест брата жены, причем жена присутствовала и слышала, ни взглянул прямо, ни возразил, но пребыл безгласен, глядя в землю, лишь потом дав признание своего непотребства. Страшно преступление Фиеста, а это нынешнее еще ужаснее, насколько ужаснее быть таким преступником в отношении сына, чем дочери». (Либаний. Утешающая Антиоху (№ 39) 22 [Либаний 1912-16, т.2, с.432])

(№ 1884). «Далее, будучи детьми, они снискивали пропитание на счет самой своей юности, а, достигши зрелого возраста, с прекращением этого источника заработка, удалившись с родины, они поспешили сюда в видах на заработок от здешнего театра ...

(7) ... Всякие заторные поступки делают они одинаково и днем, и по ночам, и честолюбие их в том, чтобы превзойти друг друга в чрезмерности этого бесстыдства, так что тогда более всего считают они себя закрепляющими свое положение, когда легко для них сделать такое, о чем добронравным людям и слышать невыносимо». (Либаний. К Тимократу (№ 41) 6-7 [Либаний 1912-16, т.2, с.500])

(№ 1885). «... сперва сами себя развратив, они вкрадываются в дома людей благородного воспитания, уловляя, сколько могут, юношей и убеждая увлекаться одним с ними предметом и, если отцы у них живы, превращая их, сколько возможно, в воров отцовского достояния, а, если они умерли, прямо в изменников». (Либаний. К Тимократу (№ 41) 9 [Либаний 1912-16, т.2, с.501])

(№ 1886). «Есть некто Сабиниан, сводник красивых юношей, переменявший на это свои занятия вследствие старости, а пока был безбородым, сам нуждавшийся в услугах сводников. Послужив в этом многим во многих городах, ни для кого он столько не потрудился, сколько для этого Оптата, делая несчастными отцов, несчастными и детей, несчастными и матерей. (29) Вот это занятие заставило его проезжать и через наш город и, дерзнув проникнуть в толпу учеников, он был замечен в то время, как, пытаясь совратить некоторых, отводил их в сторону и беседовал с ними у одной колонны, дозволяя себе при этом и несколько вольное обращение, был удален, с внушением, что следует вести себя скромно, а если не может, отправляться на свою охоту к другим». (Либаний. За Фалассия (№ 42) 28-29 [Либаний 1912-16, т.1, с.190])

(№ 1887). «[Оптат] Это он-то, который непременно был бы заклан, если бы бог провещал во время какого-либо народного бедствия принести в жертву последнего негодяя, так как и тогда, если бы предстояло почтить верх порока, он был бы увенчан. Он являет важный признак своей нелюбви к городу в своей ненависти к своей жене. ... (50) Два у нее источника рыданий, девицы и юноши, из-за коих он не был отцом многих детей». (Либаний. За Фалассия (№ 42) 49-50 [Либаний 1912-16, т.1, с.197])

(№ 1888). «Между тем ему следовало бы, по примеру правителей доброй памяти, схватить некоторых из оскорбителей, проявить свой гнев на них, живущих за счет разврата плясунов, не считать клеветы надежнее фактов». (Либаний. Против Флоренция (№ 46) 5 [Либаний 1912-16, т.1, с.153])

(№ 1889). «И педагог, и дядька, и слуга остаются за дверями, а он вращается среди взрослых, приучаясь пить или по уговору, или даже взрослый насильно влагает кубок в руку мальчика. Заходя дальше и доводя каждого до состояния полного опьянения, эти отношения известно к чему клонятся». (Либаний. О приглашениях во время праздников (№ 53) 6 [Либаний 1912-16, т.2, с.2-3])

(№ 1890). «Иной, хвораю сам, случается, посылает своего сына, некий новый Фринон, который знает, что в настоящее время сильно господствует недуг педерастии, но выпитывает яд в души юношей, еще неспособных к твердому убеждению, что есть нечто предпочтительнее разнузданных представлений. (11) Итак, мне кажется, неправо поступают и приглашающие, причем они входят в противоречие и сами с собою, когда, в письменных приговорах выдворяя в другое место людей порочной жизни, устраивают, чтобы другие, и притом дети самых знатных людей, подвергались тому же соблазну». (Либаний. О приглашениях во время праздников (№ 53) 10 [Либаний 1912-16, т.2, с.4])

(№ 1891). «Так я слышал слова одного человека, любившего одного красивого мальчика, но не имевшего возможности поговорить, потому что не было благовидного предлога для беседы. Итак, он говорил друзьям и себе самому: «Вот настанут Олимпии, которые обнажают атлетов, обнажают и мальчика в небольшом кругу сотрапезников. Можно будет, отведя его немного в сторону от стола, смотреть на его ноги, когда он потягивается или тянется к кушаньям». Мы слышим, как, например, Демосфен рассказывал, что юноша вращается на пирах среди выпивших взрослых, и он пользуется этим обстоятельством, как сильнейшим свидетельством против образа жизни Эсхина». (Либаний. О приглашениях во время праздников (№ 53) 18 [Либаний 1912-16, т.2, с.6])

(№ 1892). «Я не мог бы, однако, сказать, чтобы был у него недостаток хвалителей, но кто они были? Те, кому пашня задняя часть плясунов, а скорее и та, и другая, и зад, и перед». (Либаний. Против Лукиана (№ 56) 15 [Либаний 1912-16, т.1, с.264])

(№ 1893). «В самом деле, они [учителя] стражи цветущего возраста, они охранители, они стена, они отгоняют похотливых поклонников, отталкивают, не впускают, не позволяют вступать в общение, отражают приступы, лают, словно собаки на волков». (Либаний. К юношам о ковре (№ 58) 7 [Либаний 1912-16, т.2, с.38])

(№ 1894). «...Может явиться, пожалуй, и учитель, восхищающийся юностью ученика и приказывающий ему угодить своим просьбам. Неужто и в этом окажем угождение? Но это было бы возмутительным. Ведь учитель, раз он потребовал того, чего не следовало, теряет свое право власти над юношей». (Либаний. К юношам о ковре (№ 58) 30 [Либаний 1912-16, т.2, с.44])

(№ 1895). «(38) По какому праву ты говоришь, что все плясуны предавались непотребству? Слышав ли это от гадателей или видя приговор, вынесенный судьями, или получив их собственное признание? ...

(39) ... Есть некоторые из тех, кто сидят в комнате, пользующиеся естественным для низкой цели и не отрицающие наименования жертв позорнейшей страсти. Им, в случае, если бы кто-либо их побил и, клянусь Зевсом, порубил, нельзя ни бежать в суд, ни [с.444] поднять крик, ни воззвать к законам, ни потребовать правосудия. Это понятно. В тот день, когда они извратили природу, они лишили себя этого. ...

(40) Если же подобает составлять суждение на основании слухов, относительно одних можно слышать отзывы, что они не охранили своей красоты, но есть такие, которых даже весьма хвалят за их целомудрие. ...» (Либаний. К Аристиду за плясунов (№ 64) 38-40 [Либаний 1912-16, т.2, с.443-444])

(№ 1896). «(43) Как же тогда все плясуны развратники? Пока хоть один человек этой профессии окажется сохранившим целомудрие, не является какой-то необходимостью, чтобы танцор продавал свою красоту.

(44) ... Ведь если бы кто, изучая риторику, пустился бы торговать своим телом, или кто, будучи возницей, предоставлял в распоряжение любовникам свою юность, один опозорил дар Посидона, другой – дар Гермеса, но они – злосчастны, искусства же не потеряли своего достоинства». (Либаний. К Аристиду за плясунов (№ 64) 43-44 [Либаний 1912-16, т.2, с.445])

(№ 1897). «(48) Я знаю некоторых, красотой превзошедших Гиакинфа, ставших независимыми от родителей, свободных от педагогов, провожатыми не располагающих, [с.447] привлекавших взоры своим телом, но ни разу ни на кого не взглянувших и стоявших среди охотников, но, словно птицы, унесшихся от всех». (Либаний. К Аристиду за плясунов (№ 64) 48 [Либаний 1912-16, т.2, с.446-447])

(№ 1898). «(54) Поэтому случалось, и иной атлет, шагающий большими шагами и обрызганный маслом ... признаваем был в отправлении женского дела». (Либаний. К Аристиду за плясунов (№ 64) 54 [Либаний 1912-16, т.2, с.448])

(№ 1899). «(83) «Они, - говорит он, - погибель и зараза городам». Прежде чем явиться этой пляске, скажи, все жили жизнью жрецов и пророков? И от них стали жертвами разврата Клисфен, Филоксен, Аминий, Аристомем, Бафилл, Диогнет, Дим, Клиний, Агафон, Хрисипп, Полипед, Гармодий, Ктесипп, Филипп, Тимарх, множество других? Что же? Ими обучены были гоняться за мужчиной Евмнест, Фрасилл, Лай, Аристокитон, Паммен, Демократ, Хабрий, Мисгол, Каллий, Критий, Павсаний, Архидам, цари лакедемонян, цари восхваляемого города?

(84) Да к чему перечислять всех – дело целого пятилетия, - но не сказать того, что если, с этими плясунами, произошла беззаконная Афродита, обвинения софиста были бы своевременны!

(85) ... А беотийцам какой плясун учредил скверный закон, что самое честное угодить поклоннику? А кто убедил Элиду применить эти самые и открыть погоню за юношами людям, увлеченным [с.458] красотой? ...

(86) Итак, где этот порок одобряется, там он распространен, где умеренно наказуется, умеренно и дерзают на него. А где справедливость надлежащим образом получила вес, там ему воздвигается преграда. С той же поры, как явились плясуны, говорю о нынешних, совершающим такой проступок наказанием служит смертная казнь. Поэтому если у

беотийцев отсутствие страха всех толкало одних гореть страстью, других удовлетворять ей, нынешняя угроза высшим возмездием одних, юношей, блюдет в их целомудрии, а других достаточно удерживает от проступка, так как постыдный позыв преодолевается любовью к жизни». (Либаний. К Аристиду за плясунов (№ 64) 83-86 [Либаний 1912-16, т. , с.457-458])

Саллюстий

(№ 1900). «Мать богов здесь – богиня жизни, поэтому она и названа матерью; Аттис – создатель возникающего и гибнущего, поэтому и сказано, что он находится у реки Галл; Галл символизирует Галактику [сферу неподвижных звёзд], от которой начинается подверженная воздействиям телесная природа». (Саллюстий 4 [Учебники 1995, с.107])

Юлиан

Письма

(№ 1901). «Юлиан Алипию.

[О географическом описании] Ведь на этой таблице и рисунок лучше прежних, и ты украсил его, поместив на табличке ямбы ... те, которые прекрасная Сапфо стремилась использовать в своих гимнах». (Юлиан. Письмо 4 (10) [Юлиан 1970 (№ 1), с.239])

(№ 1902). «Юлиан Приску.

... О, лучший из людей, когда же я увижу и обниму тебя? А теперь, как несчастный любовник, я люблю и твое имя». (Юлиан. Письмо 5 (11) [Юлиан 1970 (№ 1), с.240])

(№ 1903). «Юлиан Либанию.

... Пришли же свою речь и подай святой совет, но ради Гермеса и муз – быстрее: знай, что этими тремя днями ты меня губишь, если только правда то, что говорил сицилийский поэт: «за день стареют горящие страстным желанием» [Феокрит 12, 2]. Если это так, а это безусловно так и есть, то ты, благороднейший, в три раза приблизил ко мне старость». (Юлиан. Письмо 47 [Юлиан 1970 (№ 3), с.238])

(№ 1904). «Философу Евгению. ... Однако я желал бы, как говорит теосский певец [фр.22 Бергк], изменить свою природу и стать крылатой птицей; но, конечно, я сделал бы это не ради того, чтобы взлететь на Олимп или чтобы испускать жалобные любовные вопли, нет – я полетел бы к подножию ваших гор и заключил в мои объятия тебя, «заботу моего сердца», как говорит Сапфо [фр.126 Бергк]» (Юлиан (?). Письмо 17, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Памятники 1964, т.2, с.160])

Трактаты

(№ 1905). «(2) Да, у меня подбородок как у козла, но я мог бы сделать его гладким и безволосым, словно у прелестных мальчиков и у женщин, которых природа наделила привлекательностью, достойной любви» (Юлиан. Враг бороды 2, пер. Ю.Ф.Шульца [Греческая проза 1961, с.652])

(№ 1906). «[1 Кор. 6, 9] Как видишь, он [Павел] говорит, что и они были такими, но осыпались и омылись; очевидно, обильная вода способна омыть и очистить, проникая до самой души. Что же, крещение не смывает проказы у прокаженного, ... ни малого, ни большого телесного повреждения, а прелюбодеяние, грабежи и вообще все беззакония души оно уничтожает?..» (Юлиан. Против христиан, кн. I [Ранович 1990, с.421])

Григорий Назианзин

(№ 1907). «Они [христиане] не знают любви страстной, но горят любовью божественной, бесстрастной ... А это, конечно, во многом уважительнее, ... нежели любовь Сократа к красоте (стыжусь сказать – к отрокам, хотя она прикрывается честным наименованием)...» (Григорий Назианзин. Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.110])

(№ 1908). «Вот, например, ... благочестивым делом почитается ... у фригийцев – оскоплять себя под сладкие звуки свирелей и после утомительной пляски; у иных – мужеложествовать; у других – блудодействовать; и мало ли еще есть других непотребств, совершаемых при ваших таинствах, о чем я не считаю нужным говорить отдельно!» (Григорий Назианзин. Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.133])

(№ 1909). «Не захотят ли они учить целомудрию, призывать к воздержанию? Убедительные образцы недалеко: вот сам Зевс, принимавший все виды для оболъщения женщин, превращавшийся в орла по неистовой любви к фригийским отрокам, чтобы как можно веселее пировали боги, смотря, как подносят им вино бесчестные любимцы Зевса...» (Григорий Назианзин. Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.146])

(№ 1910). «Прекрати свои гнусные и тьмы исполненные ночные сборища; и я восстановлю священные и светлые всеобщие бдения. ... Дионис опять андрогин и водит с собой толпу пьяных; великое твое таинство – бог Фалл страдает любовью к прекрасному Просимну». (Григорий Назианзин. Слово 5. Второе обличительное на царя Юлиана [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.167])

(№ 1911). «Нам [богачам] нужно, чтобы пол у нас усыпаям был часто, и даже безвременно, благоухающими цветами, а стол орошен был самым дорогим и благоуханным миром, для большего раздражения нашей неги; нужно, чтобы юные слуги предстояли перед нами – одни в красивом порядке и строе, с распущенными, как у женщин, волосами, искусно подстриженными, так чтобы на лице не видно было ни одного волоска, - в таком убранстве, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза». (Григорий Назианзин. Слово 14. О любви к бедным [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.258])

(№ 1912). «Ревность воспаляет; дух делает кротким; надежда ожидает; любовь связует и не дает рассеиваться тому, что есть в нас прекрасного, хотя по природе мы и рассеянны». (Григорий Назианзин. Слово 22. О мире [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.398])

(№ 1913). «Сама любовь пролагает путь вере; пламенеющий любовью, уневещивая себе деу, сам уневещивается Христу; огонь страсти угасает, возгорается же огонь истины». (Григорий Назианзин. Слово 24. В похвалу св. Киприану [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.427])

(№ 1914). «Наделен ли он цветущей красотой? В одной красоте просияет у него другая, в телесной – душевная. Сохранился ли без повреждения цвет его красоты? Он углублен сам в себя, и не знает, смотрят ли на него другие. Безобразна ли его наружность? Зато благообразен сокровенный его человек, как цветистая и самая благовонная роза, которая еще не раскрылась из своей оболочки, не имеющей ни цвета, ни запаха». (Григорий Назианзин. Слово 26. О себе самом [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.462])

(№ 1915). «Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка, как, например, совершенно неприличны цветы зимой, мужской наряд на женщине и женский – на мужчине, геометрия во время плача и слезы на пиру». (Григорий Назианзин. Слово 27. О богословии предварительное [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.471])

(№ 1916). «Как и с какими, думаешь ты, понятиями примет слово об этом тот, кто одобряет прелюбодеяние и детораствление, кто поклоняется страстям и не может ничего представить выше телесного, кто вчера и за день творил себе богов, богов, отличающихся делами самыми постыдными?» (Григорий Назианзин. Слово 27. О богословии предварительное [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.472-473])

(№ 1917). «Но отлучив от слова чуждое и многочисленный легион, поступивший в глубину, послав в стадо свиней, обратимся к себе самим (что составляет второй предмет нашего слова) и как изваяние высечем богослова во всей красоте» (Григорий Назианзин. Слово 27. О богословии предварительное [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.473])

(№ 1918). «У тебя нет другого занятия? ... Рази Платоновы идеи, переселения и круговороты наших душ, воспоминание и вовсе не прекрасную любовь к душе ради прекрасного тела...» (Григорий Назианзин. Слово 27. О богословии предварительное [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.475])

(№ 1919). «Но думаю, что иные, желая угодить властителям, прославить силу, изъязвить удивление красоте, чтимого ими сделали со временем богом, а в содействии оболыщению присоединялась какая-нибудь басня». (Григорий Назианзин. Слово 28. О богословии второе [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.487])

(№ 1920). «Какая же это картина, которую уподобляю описываемому событию? [деяниям ариан] – Она представляла безобразную пляску женщин, из которых каждая имела свое искривленное положение (в мифологии такие женщины называются менадами). ... Среди пляшущей толпы находилось изображение мужчины [Диониса], но это было вместе с тем что-то женское, по виду неопределенное в рассуждении пола, образец изнеженности, нечто среднее между мужчиной и женщиной. Представленный был в состоянии расслабления, как бы в усыплении или в упоении, лежал небрежно на роскошной колеснице, которую по хороводу менад возили звери, и на него обильно лилось из чаши

вино». (Григорий Назианзин. Слово 35. В память мучеников и против ариан [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.607]

(№ 1921). «Когда же по прошествии некоторого времени открыли мы друг другу желания свои и предмет их – любомудрие, тогда уже стали мы друг для друга всем – и товарищами, и сотрапезниками, и родными; одну имея цель, мы непрестанно возрастали в пламенной любви друг к другу. Ибо любовь плотская и привязана к скоропреходящему, и сама скоро проходит, и подобна весенним цветам. Как пламень, по истреблении им вещества, не сохраняется, но угасает вместе с тем, что горит, так и страсть эта не продолжается после того, как увянет воспламенившее ее. Но любовь по Богу и целомудренная, и предметом имеет постоянное, и сама продолжительна. Чем большая представляется красота имеющим такую любовь, тем крепче привязывают к себе и друг к другу любящих одно и то же. Таков закон любви, которая превыше нас!» (Григорий Назианзин. Слово 43. Надгробное св. Василию [Григорий Назианзин 2000, т.1, с.746]

(№ 1922). «Избегаешь тех, которые за тобой гонятся, может быть, по правилам любовной науки, чтобы нанести себе больше чести. Итак, приходи, и теперь восполни для нас потерю столь долгого времени». (Григорий Назианзин. Письмо 20 (154). К Никовулу [Григорий Назианзин 2000, т.2, с.518])

Василий Кесарийский

(№ 1923). Комм. к Пс. 29, 8 «Прекрасна всякая душа, в которой созерцается соразмерность свойственных ей сил; но истинная и вожденнейшая красота, созерцаемая только имеющими очищенный ум, принадлежит Божию и блаженному естеству. Кто внимательно устремляет взор на сияние и изящество сей Красоты, тот заимствует от Нее нечто, как бы от красильного раствора, на собственное свое лицо наводя какие-то цветные лучи». (Василий Великий. Беседы на Псалмы. На 29 псалом [Василий 1993, т.1, с.137])

(№ 1924). Комм. к Пс. 44, 6 «Ныне же стрелы Твои изощрены. Сими стрелами уязвляются души, восприявшие веру и распаленные сильною любовью к Богу. Они говорят подобно невесте: уязвлена есмь любовью аз [Песн. Песн. 2, 5]. Неисповедимая же и неизреченная доброта Слова – это красота премудрости, и знак Божий во образе Его. Посему блаженны умозрители истинной доброты. Как привязанные к ней любовью, и воспламеня в себе любовь небесную и блаженную, они забывают родных и друзей, забывают свой дом и имение, не помнят даже о телесной потребности есть и пить, но преданы единой и чистой любви. Под изощренными стрелами можешь разуметь и посланных сеять Евангелие в целой вселенной; они по своей изощренности сияли делами правды и неощутительно проникали в души поучаемых. Сии-то стрелы, посланные повсюду, приутожили народы к тому, что они пали к стопам Христовым». (Василий Великий. Беседы на Псалмы. На 44 псалом [Василий 1993, т.1, с.177])

(№ 1925). Комм. к Ис. 1, 9. «Поелику же Содом в переводе значит – уклонение, а Гоморра – мятеж, то толкование имен наводит нас на такую мысль, что, если бы не пришло обетованное Семя, то нам, уклонившимся от Бога, ничто не воспрепятствовало бы впасть в совершенную погибель... Ибо греховные страсти и все неразумные движения обыкновенно производят в душах неумолкающую молву и неукротимый мятеж». (Василий Великий. Толкование на пророка Исайю [Василий 1993, т.1, с.238])

(№ 1926). Комм. к Ис. 2, 13 «Посему и царь Васанский называется Огом; а Ог толкуется преграда: так как студные дела преграждают нам путь ко спасению; ибо блудники, прелюбодеи, женоподобные, мужеложники и все делатели студа имеют над собою царем Ога, который производит отлучение от Бога». (Василий Великий. Толкование на пророка Исайю [Василий 1993, т.1, с.282])

(№ 1927). Комм. к Ис. 10, 1-4 «Есть люди, которые, отказываясь следовать отцам и преданным им догматам, желают сами стать начальниками ересей. ... Такова произникшая ныне ересь Аномеев, которые и блудникам, и прелюбодеям, и мужеложцам, и порабитителям людей свободных, и клятвопреступникам и лжецам, обещают отпущение грехов, если только найдут их участниками в хуле на Единородного». (Василий Великий. Толкование на пророка Исайю [Василий 1993, т.1, с.393])

(№ 1928). «Правило 69. О том, что запрещается или одобряется в Писании совокупно и наравне. Глава 1. Перечисление того, что наравне запрещается и подлежит грозному приговору». Подборка цитат из Писания. Среди прочего: [1 Кор. 6, 9-10; 1 Тим. 1, 9-10]. В тексте 1 Тим. 1, 10 читается «мужеложникам». (Василий Великий. Нравственные правила [Василий 1993, т.2, с.49-50])

Цитата из Рим. 1, 26-27 (Василий Великий. Беседа 9. О том, что Бог не виновник зла [Василий 1993, т.2, с.150])

(№ 1929). «Невоздержность в удовольствиях из вина льется, как из источника, и вместе с упоющим питием вторгается недуг похотливости, от которого наглость упившихся превосходит всякое неистовое стремление скотов к другому полу. Бессловесные знают уставы естества, а упившиеся ищут в мужском поле женского, и в женском – мужского». (Василий Великий. Беседа 14. На упивающихся [Василий 1993, т.2, с.205])

(№ 1930). «Но в этом общежитии закон любви не позволяет частных содружеств и товариществ. Ибо частные пристрастия, по всей необходимости, много вредят общему согласию. А теперь надобно, чтобы все смотрели друг на друга с равномерным расположением, и чтобы всем обществом владела одна мера любви.

... Ибо не редко в юном теле, при всем усиллии изнурять его воздержанием, никак не увядает доброцветность возраста, и для встречных делается сие поводом к страсти. Поэтому, если кто по цвету тела представляется молодым, то да не показывает такого благообразия, скрывая до тех пор, пока наружность не приидет в приличное состояние». (Василий Великий. Слово о подвижничестве [Василий 1993, т.2, с.321])

(№ 1931). «Надобно братьям иметь любовь друг к другу, но не должно двоим или троим, согласившись между собою, заводить особенные дружеские связи. Ибо это не любовь, а возмущение и разделение, и вместе доказательство порочности сдружившихся: если бы они любили общее благочиние, то имели бы общую и равно внимательную любовь ко всем; а когда, отсекая и отделяя себя, они становятся обществом в обществе, то такой союз дружбы есть союз злой, и таких людей сводит что-нибудь отличающееся от общего дела, какое-нибудь нововведение против господствующего благоустройства». (Василий Великий. Подвижнические уставы. Глава 29 [Василий 1993, т.2, с.526])

Точное изъяснение Песни Песней

«Комплекс мифологем стрелка позволяет предположить, что его туловище оказывается по своей символической функции эквивалентным стреле лука, в силу чего приобретает фаллическую окраску, ... а погребение его в земле-чреве символизирует акт космического соития...»

(Н.Н.Ерофеева [МНМ, т.2, с.76],

См. всю статью «Лук» в [МНМ, т.2, с.75-77])

(№ 1932). «[Комм. к Песн. 2, 1 «Аз цвет польный, и крин удольный» (церк.-слав.пер.)] Но Ты действительно прекрасен, и не только прекрасен, но всегда таков в самой сущности прекрасного, непрестанно пребывая тем, что Ты сам в себе, не временем цветешь, а в другое время перестаешь опять цвести, но вечности жизни спротяженна Твоя красота; ей имя – человеколюбие». (Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона. Беседа 4 [Григорий Нисский 1999, с.110])

(№ 1933). «[Комм. к Песн. 2, 5-6] Сказав сие, невеста хвалит стрельца за меткость, за то, что искусно направил в нее стрелу; ибо говорит: «уязвлена любовью аз». Сим словом указывает на стрелу, глубоко лежащую в ее сердце: Устреливший сею стрелою есть Любовь. Дознали же мы из Святого Писания, что Любовь есть Бог. [с.131] Он пускает в спасаемых избранную стрелу Свою, едиnorodного Сына, Духом жизни помазав тройное жало острия. Острие же есть вера, чтобы в ком будет она, вместе со стрелою введен был и Устреливший, как говорит Господь: «Аз и Отец едино есма» [Ио. 10, 30]; «и: приидем и обитель у него сотворим» [Ио. 14, 23]. Посему душа, возвысившаяся божественными восхождениями, видит в себе сладкую стрелу любви, которою уязвлена, и уязвление обращает себе в похвалу, говоря; «уязвлена любовью аз». Какая прекрасная язва! Какое сладостное поражение, с которым во внутренность проникает жизнь там, где пронзила стрела, отверзшая себе как бы некую дверь и вход! Ибо вместе и прияла в себя стрелу любви, и стрельба изменилась немедленно в брачное веселие.

Ибо известно, как руки распоряжаются луком, сообразно с потребностью исправляя то или другое дело; левая рука держит лук, а правая тянет к себе тетиву, привлекая за разрезной конец стрелу, придерживанием левой руки направляемую к цели. Посему служившая незадолго прежде целию для стрелы [с.132] теперь вместо стрелы себя видит в руках стрельца, между тем как иначе правая и иначе левая рука объемлет стрелу. Но поелику впоследствии образы представлений приводятся в переносном значении из брачной песни, то невеста ... представила, что левая рука подложена, вместо острия под главою, а правую объемлет прочее, чтобы, как думаю, в слове сими вдвойне загадочными выражениями вместе изложено было любомудрие божественного восхождения, показывая, что и Жених, и стрелец наш есть один и тот же, что чистая душа служит для Него и Невестой, и стрелою, и как стрелу направляет Он ее к доброй цели, как

невесту воспримлет в общение неистленной вечности, «долготу жития и лета жизни» даруя десницею, а шуйцею богатство вечных благ и славу Божию [Притч. 3, 16], которой непричастными делаются ищущие славы мира сего». (Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона. Беседа 4 [Григорий Нисский 1999, с.130-132])

(№ 1934). «Так и тот, у кого пред очами она Божественная и неопределимая красота, поелику обретаемое вновь непрестанно представляется непременно более новым и необычайным в сравнении с постигнутым уже, хотя и дивится всегда пред ним появляющемуся, но никогда не останавливается в вожделении еще видеть, потому что ожидаемое велелепнее и божественнее всего видимого». (Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона. Беседа 11 [Григорий Нисский 1999, с.326])

(№ 1935). «Поэтому сложившая покрывало с очей чистым оком взирает на неизреченную красоту Жениха, и вследствие сего уязвлена нетелесною и разжженную стрелю пламенной любви; потому что усиленная любовь называется пламенною, такую любовь, какой никто не стыдится, когда стреляние ее бывает не плотское, а, напротив того, всякий хвалится [с.389] паче язвою, когда в глубине сердца приемлет острие невестственного пожелания». (Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона. Беседа 13 [Григорий Нисский 1999, с.388-389])

(№ 1936). «Но по Священному Писанию первообраз окрылен. Посему и естество человеческое уготовано было окрыленным так, что и в крыльях имело Божие подобие. Явно же, что именование крыл в некоем переносном образе воззрения взято будет в каком-либо Боголепном смысле, так что названием крыл означаются сила, блаженство, нетление и подобное сему. Итак, поелику было это и в человеке, пока во всем уподоблялся Богу, но после сего преклонность к пороку лишила нас таковых крыл (ибо, став вне крова крыл Божиих, утратили мы и собственные свои крылья), то явилась посему Божия благодать, просвещающая нас, чтобы, отложив нечестие и мирские похоти, снова окрылились мы преподобием и правдою [Тит. 2, 12]». (Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона. Беседа 15 [Григорий Нисский 1999, с.455])

О жизни Моисея

(№ 1937). «Подобное этому говорит и божественный апостол: «Яко же их искусиша имети Бога в разуме, сего ради предах из Бог в страсти бесчестия» [Рим. 1, 28], разумея это о мужеложниках и опозоривших себя бесчестными и несказанно распутными нравами». (Григорий Нисский. О жизни Моисея [Отцы IV века 1998-99, т.2, с.283])

Об устройении человека

(№ 1938). «Ведь поскольку из всего самым прекрасным и превосходным благом является Само Божественное, к Которому устремляется все, что стремится к прекрасном, то поэтому говорим и что ум, как созданный по образу Прекраснейшего, пока причаствуется подобию первообраза, насколько вмещает, пребывает и сам в Прекрасном, а если как-то окажется вне подобия, обнажается от красоты, в которой был. А так как, по сказанному, ум украшается подобием красоты первообраза, формируясь чертами того, что явлено ему, как будто [отражение в] зеркале, то, согласно той же самой аналогии [с зеркалом], мы приходим к выводу, что и управляемая умом природа связана с умом и сама украшается

красотой [с.37] прилегающего к ней, делаясь как бы зеркалом зеркала. Природа же [человека] владычествует и удерживает то вещественное ипостаси, в котором [вещественном] она предстает взору. Итак, пока одно обладает другим, причастность к истинной красоте проходит через весь ряд пропорциональным образом, украшая всякий раз через находящееся выше то, что непосредственно к нему примыкает. Но если произойдет расторжение этого благого сродства, иными словами, будет, наоборот, превосходящее следовать низшему, тогда само вещество, уже отступившее от природы, обнаружит свое безобразие (потому что вещество само по себе бесформенно и неустроенно, и бесформенностью его испортится и красота природы, которая украшается умом). И так происходит передача уродства вещества через природу самому уму, так что в чертах создания уже нельзя будет увидеть образа Божия. Ибо тогда подобный зеркалу ум создает образы (идеи) оборотной стороны благого, а обнаружения сияния добра отмечает, отражая в себе бесформенность вещества. И таким образом происходит возникновение зла, которое осуществляется через незаметное лишение прекрасного». (Григорий Нисский. Об устройении человека 12 [Григорий Нисский 1995, с.36-37])

(№ 1939). «...хотя нет между ними брака, воинства ангельские состоят из бесконечных мириад, - ведь так рассказал в видениях Даниил [Дан. 7, 10]. Следовательно, если бы из-за греха не произошло с нами никакого извращения и отпадения равночестия с ангелами, то таким же образом и мы для размножения не нуждались бы в браке. Но каков способ размножения в природе ангелов – неизреченно и неуразумееваемо это человеческими догадками, кроме лишь того, что он непременно существует. Такой же способ мог бы действовать и у людей, умаленных «малым чим от ангел» [Пс. 8, 6], приумножая человеческое [естество] до меры, определенной советом Создавшего». (Григорий Нисский. Об устройении человека 17 [Григорий Нисский 1995, с.58])

(№ 1940). «...И как все, побуждаемое скотским бессловесием, от дурного употребления этого умом превратилось в зло, так и наоборот, если помысел возьмет обратно власть над такими движениями, каждое из них вновь станет видом добродетели. ... И так можно обнаружить, что всякое такое движение разумения, совозвышающееся к вышнему, сообразуется с красотой божественного образа. Но поскольку есть тяжелая и влекущая вниз склонность к греху [с.62], чаще бывает иное: скорее тяжестью бессловесной природы увлекается вниз владычественное души, чем тяжелое и землистое возвышается высотой разумения. Потому часто наше несчастье не дает узнать божественного дара, как будто отвратительной маской закрыв красоту образа страстями плоти». (Григорий Нисский. Об устройении человека 18 [Григорий Нисский 1995, с.61-62])

(№ 1941). «А поскольку многие считают добрым то, что радует чувства, и возможна одноименность [омонимия] истинного и мнимого добра, то по этой причине желание зла, когда оно возбуждается вместе с желанием блага, Писание именует ведением добра и зла, понимая «ведение» в смысле совмещения и растворения. Ни абсолютным злом, потому что был покрыт цветением красоты, ни чистым благом, потому что скрывал зло, но смесью того и другого, называется плод запрещенного древа, о вкушении которого сказано, что оно вводит в смерть прикасающихся». (Григорий Нисский. Об устройении человека 20 [Григорий Нисский 1995, с.66])

Вариации

«Мефистофель - ангелам

...Чтоб род людской сразить бичом тяжелым,
Хотели мы, чтоб пол был отменен.
Наш адский план о существе бесполом
В мечтаньях набожности воплощен.
...
Хотел бы видеть я у вас улыбку,
Так, беглую, слегка, краями рта,
Как улыбаться свойственно влюбленным.
Меня и эта скудная черта
Оставила б навеки восхищенным.
Высокий мальчик, ты прелестней всех,
Тебе лишь не подходит вид монаха.
А ну, на шее расстегни рубаху,
Чтоб промелькнул во взгляде томный грех.
Отвертываются! Я не внакладе!
Сложенье их еще приятней сзади».

(Иоганн Вольфганг Гёте. Фауст. Ч.2, акт 5.

Пер. с нем. Б.Пастернака [Гёте 1985, т.2, с.614, 617-618])

Христианские авторы IV века

Афанасий Александрийский

(№ 1942). «[Беседа Антония с софистами] Что лучше: исповедовать крест или приписывать прелюбодеяние и деторастление тем, кого вы называете богами? Ведь наше учение – это доказательство мужества и знак презрения к смерти; а ваше – страсть к распутству». (Афанасий Александрийский. Жизнь Антония... 74 [Византийская литература 1968, с.43])

(№ 1943). «Кто же в такой мере укротил в людях душевные страсти, что и блудники живут целомудренно, и человекоубийцы не владеют более мечом, и прежде боязливые делаются мужественными?» (Афанасий Александрийский. Слово о воплощении Бога-Слова... 50 [Отцы IV века 1998-99, т.1, с.66])

Ефрем Сирин

(№ 1944). «... (4) «мужие содомляне обыдоша дом» и говорят Лоту: (5) «Изведи к нам вшедших к тебе нощию, да будем с ними». Смотри, пришли они не днем, когда содомляне могли видеть красоту и соблазниться, но ночью, когда тьма скрывала красоту от взора содомлян, чтобы не так сильно было искушение. Но и это не принесло пользы содомлянам. И ночью, как днем, уготовляли они погибель душам своим». (Ефрем Сирин. Толкования на книгу Бытия, гл.19 [Отцы IV века 1998-99, т.3, с.332])

(№ 1945). «Лот, видя, что содомляне превратили чин естества, провидит Господа естеств, Который даст святость более естества». (Ефрем Сирин. Песнопения на Рождество Христово 1 [Отцы IV века 1998-99, т.3, с.396])

Амфилохий Иконийский

(№ 1946). «Ибо служители их срама владеют искусством замышлять оскорбления; это шуты и посмешища, привыкшие к пощечинам, бритвой сбрившие стыд еще прежде волос, ставшие мастерской распутства и срама; для них стало искусством – претерпевать и делать на глазах у всех то, что недозволено.

А некоторые из них, - народ самый жалкий, - надругавшись над славой мужчин, извратили члены и вместе с ними извратили само естество.

Это мужеобразные женщины, женоподобные мужчины; сказать же по правде – ни мужчины, ни женщины, ибо одним не остались, а другим не сделались: тем, чем являлись, не остались из-за извращенной воли, а тем, чем извращенно желают быть, не могут стать по природе.

Это загадка распутства, загадка страстей – мужчины словно женщины и женщины словно мужчины». (Амфилохий Иконийский. К Селевку. Прозаич.пер. под ред. Илариона (Алфеева). [Отцы IV века 1998-99, т.2, с.411])

Немесий Эмесский

(№ 1947). «[Критика точки зрения Галена] ... симметрия же членов [тела] в соединении с приятностью цвета производит красоту тела. Следовательно, если гармония здоровья, силы и красоты есть душа, то необходимо, чтобы человек, пока живет, никогда не был ни больным, ни слабым, ни безобразным...» (Немесий Эмесский. О природе человека, гл.2 [Немесий 1996, с.48])

(№ 1948). «Из так называемых телесных удовольствий одни суть естественные и вместе с тем необходимые, без которых невозможно жить, каковы: пища, восполняющая недостаток, и необходимые одежды; другие же хотя естественны, но не необходимы, как, например, сокопления, согласные с природой и с законом». (Немесий Эмесский. О природе человека, гл.18 [Немесий 1996, с.116])

Иоанн Златоуст

(№ 1949). «Нужен добросовестный воспитатель, который наставлял бы ребенка, а не золото. И волосы ему отпускаешь сзади, на манер девочки делая мальчика женоподобным и ослабляя его природную крепость, с самого начала превращая его в любителя излишеств и убеждая стремиться к неразумному. Зачем устраиваешь ты против него сильнейший заговор, зачем заставляешь пленяться телесным? «Если муж растит волосы, то это бесчестье для него» [1 Кор. 11, 14]. Противно это природе, не позволил этого Бог, запрещено это дело и к эллинскому относится суеверию». (Иоанн Златоуст. О том, как должно родителям воспитывать своих детей 16, пер. Л.С.Бликштейна [Педагогическая мысль 1994, т.1, с.178])

(№ 1950). «Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками – нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницею, мужеложником, сквернословцем и т.п. – и такого я не похваляю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь». (Иоанн Златоуст. К Феодору падшему 1-е увещание 4 [Отцы IV века 1998-99, т.3, с.45])

(№ 1951). «Когда любящий, получив множество оскорблений от любимых, не погасит в себе любви, тогда он, если и старается обнаружить эти оскорбления, то не для чего иного, как для того, чтобы, показав всю силу своей любви, склонить их к большей и сильнейшей любви». (Иоанн Златоуст. К Феодору падшему 1-е увещание 15 [Отцы IV века 1998-99, т.3, с.66])

Евсевий

(№ 1952). Клевета на епископа Наркисса. «Каким-то гнусным и ничтожным людям невыносима была его строгая, упорядоченная жизнь; зная за собой множество мерзостей, боясь обличения и суда, они, забегая вперед, измыслили и возвели на него клевету страшную. ... Несмотря на их клятвы, никто из верующих не принял в расчет их слова: все воочию видели трезвую и безупречную чистую жизнь Наркисса». (Евсевий. Церковная история VI 9, 4-5 [Евсевий 2005, с.246])

Цитата из Татиана про Крискента. (Евсевий. Церковная история IV 16, 8 [Евсевий 2005, с.165])

(№ 1953). «... Богом почитается у них [язычников] рождение тел, другим же, противоположным Ему, называют они разрушение и разложение их. Первый, как бы начальник рождения, чувствуется у них оргиями Афродиты; а второй, как бы обильный богатством и имеющий власть над смертным родом, именуется Ганимедом – смертью, ибо тогдашние люди, не зная никакой другой жизни, кроме той, которая получается посредством рождения, провозглашали Богом само это рождение и причину его, равным

образом, не надеясь существовать после смерти, победительницей всего и великим Богом объявляли самую эту смерть». (Евсевий. Похвальное слово Константину 7 [Евсевий 1998, с.230])

(№ 1954). «Отсюда ... - любодейные оргии Эроса и Афродиты, отсюда сам Зевс исполнен неистовой любви к женщинам и Ганимеду...» (Евсевий. Похвальное слово Константину 7 [Евсевий 1998, с.231])

(№ 1955). «А что еще удивительнее – признавая своих богов нарушителями целомудрия, мужеложниками, похитителями жен, поклонники их, тем не менее, наполняли все города, селения и деревни храмами, статуями и жертвенниками и, подражая примеру богов, губили свои души». (Евсевий. Похвальное слово Константину 13 [Евсевий 1998, с.251])

(№ 1956). «И этого мало, преступив уставы природы, они простерлись за пределы невыразимой срамоты, и совершали над собой дела, до невероятности бесстыдные: «мужи на мужех студ содевающе, и возмездее, еже подобаше прелести их [жен], в себе восприемлюще» [Рим. 1, 27], как говорит священное Писание». (Евсевий. Похвальное слово Константину 13 [Евсевий 1998, с.253])

(№ 1957). «Как яснозоркий поднебесный орел с высоты видит отдаленнейшие земные предметы, так и он [Константин], обитая в царском жилище прекрасного [с.130] своего города, издали увидел некую гибельную сеть для уловления душ, скрывавшуюся в стране финикийской. Это были роща и капище – не в середине города ... то и другое находились в месте пустынном, вдали от распутий и больших дорог, на одной из высот Ливана, в Афаке, и посвящено было бесстыдной богине Афродите. Там существовало училище злодейства для всех распутных, с великой охотой растлевавших свое тело, там некоторые женоподобные люди, мужчины – не мужчины, отрекшись от почетного своего пола, умилостивляли демона женской страстью, а женщины в том храме, как в незаконном и отступническом месте, имели противоестественные сношения, тайно соединялись браком, и совершали дела невыразимо постыдные и отвратительные. Над совершавшимися там поступками наблюдателей не было, потому что ни один честный человек не решался войти туда: однако же от великого василевса они укрыться не могли. Узнав о них силой собственной царской прозорливости, он счел самое то капище недостойным солнечного света и повелел истребить его до основания со всеми находившимися в нем вещами. Итак, по мановению василевса тотчас разрушены были все вымыслы распутства и заблуждения, воинский отряд занялся очищением того места, и люди, дотоле развратные, грозной волей василевса научены воздержанию...» (Евсевий. Жизнь Константина III 55 [Евсевий 1998, с.129-130]) То же ср. Евсевий. Похвальное слово Константину 8.

(№ 1958). «Так как живущие в Египте и самой Александрии имели обычай для служения своей реке назначать мужеложцев, то к ним послано было также повеление: истребить весь род подобных людей, как скверну, чтобы страдающих таким недугом разврата и глаза не видели. Суеверные жители полагали, что после сего Нил не будет по обыкновению орошать их полей, не благоприятствуя закону василевса, Бог сделал совершенно противное тому, чего они опасались...» (Евсевий. Жизнь Константина IV 25 [Евсевий 1998, с.152])

(№ 1959). «Напротив, Фалласий, известный своим распутством и невоздержанием, увлекший собственную дочь в студодеяние, находился в большом почете у царя [Юлиана], как утробогадатель; он жил в Антиохии подле самого дворца. Дом его обрушился, но при падении этом погиб только он с евнухом, с которым нашли его обнявшимися, все же прочие домашние его, бывшие христианами, уцелели до одного...» (Феофан, под 354 (362) г. [Феофан 2005, с.51-52])

(№ 1960). «Между тем Лукий в Александрии, опираясь на ариан, много производил зла: они пели демонские песни в церкви Феоны, приводили в нее плясавиц, обнажали девиц, и, ругаясь над ними, водили их по городу, и производили все неистовства, причем некоторые поплатились жизнью, а огорченным родителям отказано было в самом погребении их. Даже ввели в самый алтарь отрока для мерзейшего студодеяния». (Феофан, под 366 (374) г. [Феофан 2005, с.60-61])

(№ 1961). «[О готах, события 376 г.] Царь из Антиохии предписал римским военачальникам принять прежде всего невзрослых скифов, препроводить их в римские владения и держать бережно в залоге ... Но из получивших такое приказание одному полубился белый и красивый мальчик, другой был тронут жалостью к хорошенькой женщине ... Короче сказать, всякий думал только о том, чтобы наполнить дом рабами, поместья – пастухами и удовлетворить своему неистовому сладострастию». (Евнапий, фр.43 [Византийские историки 2003, с.108]) То же: «Из получивших такое приказание один влюбился в белого и красивого мальчика из переправившихся. ... Коротко говоря, каждый из них думал [только о том, чтобы] пополнить дом рабами, поместья пастухами и удовлетворить свое сладострастие». (Евнапий, фр.42 [Латышев 1947-52, с.598 (1948, № 3, с.273)])

(№ 1962). «Начальники отрядов и низшие военные чины, переправившись [за] Истр с тем, чтобы препроводить варваров без оружия в римские пределы, занялись исключительно выбором красивых женщин, охотой на взрослых мальчиков для гнусных целей и приобретением рабов и земледельцев...» (Зосим. Новая история IV 20, 6 [Латышев 1947-52, с.714 (1948, № 4, с.283)])

(№ 1963). «Когда же ни рабов, ни утвари не стало, жадный купец, побежденный [чужой] нуждой, потребовал их сыновей». (Иордан. Гетика 135 [Иордан, с.87])

(№ 1964). «...Об этих скифах и Геродот рассказывает, и мы [сами] видим, что они все одержимы женской болезнью. Это те, из которых повсюду [приобретаются] рабы [речь о готах], которые еще не владеют землей, из-за которых вошла в поговорку «скифская пустыня», которые всегда бегут из родной [земли]». (Синесий. О царской власти (р.1096) [Латышев 1947-52, с.609 (1948, № 3, с.284)])

(№ 1965). «...язычники не стыдятся боготворить многих людей, и если бы, по крайней мере, обоготворяли они добронравных, праведных или мудрых, а то именем бога украшают бесстыдных, нечестивых и преданных пьянству, как-то: Гераклов, Дионисов, Эскулапов, которыми Ливаний без стыда то и дело клянется в своих сочинениях, и

сладострастие которых с мужчинами и женщинами если бы стал я подробно описывать, то у нас вышло бы длинное отступление от предмета речи. Для желающих знать это – достаточно сочинений – «Пеплоса» Аристотеля, «Стефаноса» Дионисия, «Полимнимона» Регина и множества поэтов, которые в своих писаниях показывают, как смешно и поистине нелепо языческое учение о богах». (Сократ Схоластик III 23 [Сократ 1996, с.161])

(№ 1966). «Увидев Юстину, когда та мылась, Севира пленилась красотой девицы и сказала о ней царю [Валентиниану I], что девица, дочь Юста, дивно красива, и что сама она, хотя женщина, пленилась ее благообразием». (Сократ Схоластик IV 31 [Сократ 1996, с.200])

Эпос и гимны IV века

Ахиллес оплакивает Пентесилею:

«...И горько рыдал Пелея наследник,

Девушки нежное тело увидя лежащим во прахе.

Сердце его пожирала тоска и тяжелое горе,

Словно опять расставался он с другом любимым, с Патроклом»

(№ 1967). (Квинт Смирнский. После Гомера I 718-721,
пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Памятники 1964, т.1, с.45])

«Хаос я древний тогда воспевал и Закон непреложный,
Крона, которым рожден из его беспредельного лона

Светлый Эфир и Эрот двуприродный, всеильный и славный,

Ночи извечной отец: стал позже зваться «Фанэтом»

Он меж людей потому, что некогда первым явился...»

(№ 1968). (Орфическая Аргонавтика 12-16,
пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Памятники 1964, т.1, с.86])

«Был первозданный Эрот мной воспет, кто мудрым решением

Все порожденья земли отделил одно от другого...»

(№ 1969). (Орфическая Аргонавтика 424-425,

пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Памятники 1964, т.1, с.89])

«Эроту (фимиам, ароматы)

Кличу великого, чистого, милого бога Эрота!

Меткий, крылатый стрелок, огневой, летучий, проворный.

Ты и людьми, забавляясь, играешь, и даже богами,

Хитрый затейник, двусущий, имущий ключи, что отверзнут

Равно и недра, и море, небесный эфир, дуновенья

Ветров, - их Рея, родившая все, выпасает для смертных, -

Все, что и Тартар широкий хранит, и шумливое море.

Все это – дом твой, Эрот, и всем этим ты управляешь.

Ныне, блаженный, гряди же на помыслы чистые мистов,

Все побужденья дурные, ненужные, прочь отсылая!»

(№ 1970). (Орфический гимн 58, пер. О.В.Смыки [Гимны 1988, с.238])

Книги Сивилл

Древнейшая часть КС – III песня (со ст.97) (2 в. до н.э.) [Сивиллы 1996, с.18] V песнь
создана в нач. 2 в., VIII песнь – в нач.3 в.

«Смертные много тогда претерпят, но в наказанье

Низко падут нечестивцы надменные, мерзостью жуткой

Жизнь их наполнится вся, мужчина с мужчиною станут

Здесь предаваться разврату, а малых детей на продажу

Будут в позорных домах выставлять...»

(№ 1971). (Книги Сивилл III 182-186, пер. В.Е.Витковского [Сивиллы 1996, с.53])

«Чтут одного лишь владыку – бессмертного, вечного Бога,

Мать и отца вслед за ним; и больше, чем прочие люди,
В мысли имеют они сохранять целомудрие ложа,
С детьми пола мужского не водят позорную дружбу,
Как Египтяне и как Финикийцы, а также Латины,
Эллины разных племен и множество прочих народов:
Персы, Галаты и целая Азия – все, кто забыли
И преступили священный закон бессмертного Бога».

(№ 1972). (Книги Сивилл III 593-600, пер. В.Е.Витковского [Сивиллы 1996, с.65])

«Те, кто на ложе свое нечестиво детей возводили
И превращали в блудниц под кровом своим непорочных
Силой и страхом расправы, разнузданным наглым бесстыдством...»

(№ 1973). (Книги Сивилл V 387-389, пер. М.Г.Витковской [Сивиллы 1996, с.89])

«Злу среди рода людского отныне места не будет:
В браке изменам, с детьми не дозволенным Богом сношениям,
Смертоубийству, вражде – лишь законному единоборству.
Праведных время придет в конце, тогда и исполнит
Все это Бог-Громовержец, Строитель великого храма».

(№ 1974). (Книги Сивилл V 429-433, пер. М.Г.Витковской [Сивиллы 1996, с.90])

4.4. Ранневизантийский период (395-527)

Синесий Киренский

«Моя звонкая форминга!
После песенки теосской
И лесбосского напева

Для торжественного гимна
Зазвучи дорийским ладом!
Не о девушках прелестных
С их улыбкой сладострастной,
Не о юношах цветущих,
Чья краса чарует очи,
Нет, рожденная от бога
Мудрость чистая, святая
Побуждает к песне божьей
Натянуть кифары струны
И бежать от сладких бедствий,
От земной любовной страсти»

(№ 1975). (Синезий. Гимн IX 1-15, пер. М.Е.Грабарь-Пассек [Гимны 1988, с.296])

Нонн из Панополя

Родом из города Хмим в Египте (греч.Панополь). Ок.400-ок.470. Автор сохранившихся поэм «Дионисиака» (в рус.пер. «Деяния Диониса» [Нонн 1997]) в 48 песнях (около 21300 строк) и «Переложение св.Евангелия от Иоанна» (в рус.пер. «Деяния Иисуса» [Нонн 2002]) (около 4 тыс. строк).

«Деяния Иисуса»

«Вот Моего завета предел незаблудший и мудрый,
Чтобы друг друга навек полюбили вы братской любовью
(Узы хранили любви нерушимой и верной друг к другу)
Так, как Я вас люблю, а лучшего Я и не знаю,
Чем испытывать чувство великой любви и доверья,
Словно бы кто за друзей как выкуп милую душу
Собственную отдаёт, как защитницу, всем дорогую».

(№ 1976). (Нонн. Деяния Иисуса XV 45-51 [Нонн 2002, с.185])

«Деяния Диониса»

Рождение Эроса.

«Встретила первой Бероя Киприду, и на побережье
Стали травы тянуться и заросли на луговинах
Сами собою повсюду, на побережье песчаном
Распустились розы, венчиками алея,
В пене соленой утесы, винною влагой излились
Из каменистого лона как из-под давящего камня,
Брызнул сок пурпуровый ливнем, на солнце блистая...
Речка там зажурчала, струями млека белея,
Благовонным дыханьем ветерок вдруг повеял,
Сладостнейшим бальзамом и маслом воздух наполнив,
И всемогущий Эрос, начало сего мирозданья,
Жизнеподатель, возница, связь и крепитель вселенной,
Тут у богини родился при появлении на бреге,
Резвоногий мальчишка, забил как мужчина ногами
И без подмоги извне нашел он дорогу из лона...
Сильно стучал он в тело зачавшей без мужа богини,
Страстно желая родиться; крылья затрепетали –
И единым порывом врата он рожденья покинул,
Кинулся на руки, быстрый, блестящие матери милой,
Эрос, к высокой груди прильнув Афродиты-богини,
Стал высасывать млеко, зная, как сладостной пищей
Глад утолить, неученый... Стал сжимать он губами

Эти перси, что ране не ведали прикосновенья,
Ненасытно впивая млеко из груди округлой!»

(№ 1977). (Нонн. Деяния Диониса XLI 118-141 [Нонн 1997, с.400-401])

Описание щита Диониса.

«Есть на щите круговидном, где ходят хоры созвездий, (434)

И другие картины: изображен там отпрыск

Троса в Зевесовом доме с невероятным искусством,

Коего птица уносит, кравчего, в небо восхитив!

Мнится, вот-вот сей орел перехватит когтями красавца –

Только Дий осторожен, летя в высоком эфире,

Держит он мальчика крепко и нежно его обхвативши,

Мягко крылом помавает, бурный полет умеряя:

Как бы в зыбях пурпурных моря любимый не сгинул,

Ганимед, с высоты устремившись вниз головою!

О, как он Мойры трепещет! А вдруг преждевременно имя

Даст этот юный красавец проливу соседнему, почесть

Геллы и славу похитив, в будущем данные деве!

Далее был изваян за трапезою Бессмертных

Юноша как живой, в сосуды льющий напиток,

Будто бы он кратеры нектаром сладостным полнил,

Пировавшему Дию протягивал будто бы чашу!

Будто бы гневалась Гера, лицо ее отражало

Гордую, властную душу! Деве Палладе богиня

Знак перстом подавала – как же сей нектар небесный

Смеет лить быкопас Ганимед, взнесенный к Олимпу,
Предназначенных Гере смеет касаться кратеров?»

(№ 1978). (Нонн. Деяния Диониса XXV 434-455 [Нонн 1997, с.252])

«И средь богов всеблаженных, питье размешавши в кратере,
Ганимед благокудрый разносит сладостный нектар...»

(№ 1979). (Нонн. Деяния Диониса XXVII 240-241 [Нонн 1997, с.270])

Песнь X

(№ 1980). Ст.175-430 [Нонн 1997, с.105-111]

Вот однажды охотясь у сени отвесной деревьев,
Юношей Вакх пленился с ликом румяным и нежным.
Ибо в отрогах фригийских юноша Ампелос вырос
И возмужал, сей отпрыск цветущий страстных эротов.
Нежный пушок подбородка, юности цвет золотистый
Не препоясал ланиты округлые, снега белее (180)
Горного, пряди густые свободно падали сзади,
Вились вольно по белым плечам без всякой повязки
И под дыханием ветра они едва колыхались,
Трепеща и вздымаясь, шею его обнажая
(Ибо волною волос она была скрыта от взоров).
Шея как будто сияла, белая, тени развеяв –
Так Селена сквозь тучи влажное сеет сиянье.
С уст, словно роза цветущих, медовые речи лилися,
Словно весна, его тело цвело. От стоп его белых
Розы атели на травах зеленых приречного луга. (190)

Взоры когда он бросает глаз огромноокруглых –
Мнится, в полном сиянье блеск разгорелся Селены!

Отрок взят Дионисом в сопутники для забавы,
И божество, уподобив смертному голос и речи,
Лик божественный спрятав, искусно его вопрошает:
«Кто же отец твой родимый? Зачат ты не чревом небесным?
Уж не Харита ли мать? Не Аполлон ли родитель?
Молви, милый, и рода не скрывай! Не бескрылый
Эрос ли вновь появился без лука и без колчана?
Кто из бессмертных на ложе тебя породил Афродиты? (200)
Нет, и я не сказал бы, что мать твоя Кипрогенейя,
Я не назвал бы отцом Арея или Гефеста.
Если тебя называют Гермесом, с неба слетевшим,
Где же легкие крылья, плесницы пернатые бога?
А нестрижены кудри, вьющиеся за спиною?
Разве что сам появился, без лука и без кифары
Феб, чьи волосы вольной волною за плечи струятся!
Хоть и Кронид мой родитель, а ты от семени смертных,
Сатиров быкорогих кровь в твоём сердце играет!
Вместе побудь со мною, о богоравный, ведь крови (210)
Олимпийской Лиэя твоя красота не постыдна!
Что ж говорю я со смертным, чьи лета столь краткосрочны?
Чую твою породу, хоть ты и пытаешься скрыться!
Гелию породила, соложница бога, Селена
Юношу, что Нарциссу равен прекрасному, дивный

И небесный твой облик – лик Селены рогатой!»

Так он измолвил, и отрок чудною речью пленился,
Гордый тем, что прекрасней он многих ровесников юных,
Затмевая их блеском красы. Когда же в чашцобах
Отрок наигрывал песню – ею Вакх наслаждался. (220)

Юноша уходил – угасала бога улыбка.

Если ж за пиром, где можно пылко резвиться, Сатир

Бил в тимпан, порождая отзвук далекий и гулкий,

А в это время отрок охотился на оленя,

Не появляясь на пире – то бог останавливал пляску.

Если ж у вод Пактола, на берег цветущий и пышный,

Юноша не являлся, желая к вечернему пиру

Собственноручно владыке подать сладчайшую воду,

Отрока подле не видя, Вакх тоскою томился.

Если из флейты щемящей, либистидской работы, (230)

Эхо он выдувает, слабый звук и неверный,

Вакху тут виделся Марсий, родил которого дивный

Хиагнис, Марсий мигдонский, что на беду свою с Фебом

Состязался, на флейте двойной играя Афины.

Если же только единый отрок сидел с ним в застолье,

Слушал он отрока речи, что сладостны слуху бывали;

Только умолкнет мальчик – бог печалится тут же...

Если вдруг обуянный желанием пляскою взвиться,

Ампелос вдруг принимался резвиться в пляске веселой

С дланью сатира длань резвящегося соплетая, (240)

Ставя поочередно стопу за стопой в хороводе,
Вакх, за ним наблюдая, тяжело от ревности страждет.
Хочет ли отрок резвиться с силенами иль на охоту
С юным погодком каким пойти за быструю дичью,
Бог Дионис, ревнуя, удерживает любимца,
Дабы раненный жалом таким же, служка эротов
Не заронил желанья в душе переменчивой легкой,
Как бы новою страстью томимый, не бросил Лиэя –
К юноше юноша быстро влечется, юностью милый!
Даже когда и тирсом медведицы ярость смиряет, (250)
Или же тяжким жезлом свергает свирепую львицу,
Смотрит на запад со страхом, блуждает по небу взором:
Вдруг там Зефир повеет снова, ветер смертоносный
(Некогда легким дыханьем этого ветра повёрнут
Был метательный диск, что наземь поверг Гиакинфа!)
Он и Кронида страшился, птицы эротов с крылами
Страсти неумолимой – вдруг взмлет над склонами Тмола,
С неба взыскуя любимца своими похитить когтями,
Словно Тросова сына, что кубок ему наполняет.
Он боится и страсти неистойвой моря владыки (260)
(Тот принудил Танталида взойти на золотую повозку),
Как бы тот колесницы пернатой не бросил по небу,
Ампелоса похитить, безумный в любви Эносихтон!

Сладостное сновиденье он зрит на сновидческом ложе:
Мальчик речи лепечет, полные лесты любовной,

Видя призрачный облик мнимого лика любимца!
Если же мнимый образ изъяном каким отличался,
Сладостным мнилось и это влюбленному Дионису,
Милой плоти милее! А если любовным томимый
Пылом, слабел он в внезапном полном изнеможенье, (270)
Сладостней сладкого мёда казался возлюбленный Вакху,
Даже и жирный волос кудрей неухоженных больше
По сердцу часто бывал больному от страсти любовной.
День они проводили вместе, и бог недоволен
Был, если ночь приходила, ведь очарованным слухом
Более не внимал речам и милым и нежным,
Спавшего в Рейи пещере, матери мощного сына.

Ампелоса узревший, влюблен и сатир в сей облик
Дивный и прячась, лепечет украдкой любовные речи:
«Ключница сердца людского, Пейто, божество, что милее (280)
Всех, пусть этот вот мальчик станет ко мне благосклонен!
Если как Вакх я буду с ним – то не надо мне дома
Поднебесного в высях эфирных и быть не хочу я
Богом и Фаэтонтом сияющим смертным... Не надо
Нектара мне с амвросией, ничто меня не заботит!
Пусть и Кронид ненавидит, коль Ампелос нежит и любит!»
Так говорил он, пронзенный под сердце стрелою эротов,
Тайно и тяжело страдая и мучаясь ревностью жгучей,
Пылкую страсть с восхищеньем чувствуя рядом, но даже
Эвий, умеченный жалом медовым и вождедея, (290)

Улыбаясь, Кронида любвеобильному молвил:
«Ты ко влюбленному будь благосклонен, Зевесе Фригийский!
Я от матери Рейи, дитя неразумное, слышал:
Дал ты зарницу Загрею, предшественнику-Дионису,
Гукающему младенцу – всеожигающий пламень,
Громы небесных перунов, горних дождей водопады,
Стал он, этот ребенок, вторым ливненосным Зевесом!
Вовсе я не желаю присваивать пламень эфирный,
Тут не надо и грома, а если ты милостив, отче,
Огненному Гефесту дай от искры перуна, (300)
Пусть Арееву грудь окутает облачный панцирь,
Хочешь – Гермаону даруй с небес излетающий ливень;
Пусть Аполлон поиграет зарницей родителя вволю!
Но лишь единого друга довольно мне, Дионису.
Честь мне – малой зарницей играл я, Семела видала!
Пламень, спаливший мать, мне ненавистен, и вырос
Я в Меонии... Что меж небом и Дионисом
Общего? Сатиров норов добрый милей мне Олимпа.
Молви, отец, не скрывай, поклянись мне новой любовью:
Юноша, коего ты со склонов Иды Тевкридской, (310)
Ставши орлом, на небо вознёс в объятиях нежных,
Так ли прекрасен, что стоил (пастух этот!) места на пире
Горнем... Поди, ведь хлевом несло от этого парня!
Отче пространнокрылый! Смилуйся Зевс, не о кравчем,
Сыне Троса реку я, что чашу твою наполняет!
Пообольстительней пламя в челе и лике сияет

Ампелоса моего, Ганимеда блеск затмевая...

Тмола отпрыск милее отпрыска Иды... Ведь много

Есть и других в этом мире! Возьми их, владей ими всеми –

Этого же красавца оставь, отец мой, Лиэю!» (320)

Молвил он слово истерзанный страсти стрекалом!

Даже когда и в чащобах густых лесов магнесидских,

Стадо царя Адмета гнал Аполлон-быкопасец,

Так не безумствовал страсти пронзенный жалом нежнейшим,

Как безумствовал Вакх, забавляясь с юным любимцем.

Оба по чашам бродили, друг с другом беспечно играя:

То они тирс бросают, ловя налету его ловко

Средь густолиственной сени или на солнечном берегу;

То охотятся в скалах на львят в их логове горном;

То, одни оставшись на берегу потока пустынном, (330)

На песке предаются крепкозернистом и чистом

Состязанью в борьбе шутивому для развлечения.

Далее Нонн близко к тексту Гомера обыгрывает строки «Илиады» XXIII 700-739

Не был наградой треножник, победы их не отмечали

Чашей чеканной, с лугов кобылиц им не приводили,

Ставка у них – звонкогласый авлос двуствольный эротов.

Это для них лишь страсти игра. Меж ними могучий

Эрос, новый Гермес, пернатый судья состязаний,

Страсти венец он явил, сплетая нарцисс с гиакинфом.

Оба в борьбу вступили, потщась награды эротов.

Вот друг друга руками за поясницу схватили, (340)

Каждый другого дланью стискивает поясницу,

Попеременно пытаясь ребра стиснуть друг другу,

Поочередно друг друга они от земли отрывают,

Переплетаясь руками... Небесное наслаждение

Вакх испытал в этой сладкой борьбе, ибо он похищаем

Тут, и он же похитчик – влюбленному радость двойная!

Бромия пясти захват проводит Ампелос быстро,

Пальцами крепко сжимает, усиливая давление,

С силой удвоенной дальше крепкие пальцы разводит,

Диониса десницу одолевая помалу! (350)

Тут, сведя свои длани у юноши на пояснице,

Сжал его тело Вакх от любви ослабевшей рукою,

Ампелоса приподняв, а тот у Бромия сразу

Подколенок подсек, и со смехом сладостным Эвий

От подсечки внезапной ровесника, милого друга,

Валится, перевернувшись на прах песчаный спиною.

Только навзничь простерся Вакх почти добровольно,

Юноша тут же на торсе нагом его оказался;

Тот же, руки раскинув, выгнувшись и напрягшись,

Милую тяжесть подымлет. О землю стопы опирая, (360)

Дабы не сдвинуться боле, он все сильнее выгибался,

Не извернулся спиною пока... Не являя всей силы,

Перевернулся и быстро движеньем могучей десницы

Наземь играючи сбросил с торса тяжесть эротов!

На бок упав, на песок тот локтем успел опереться,
Юноша ловкий, искусный, и спину противника жарко
Обхватил, сжав ребра, и попытался подсечку
С внутренней стороны провести стопы и лодыжки,
Одновременно захватом двойным замкнув поясицу,
Ребра стиснул, ударил своей стопой под колена (370)
И навалился: по берегу песчаному покатались
Оба, и пот заструился, усталости вестник, обильный!
Вот наконец побежденный (хоть был он непобедимым),
Подражая Зевесу-родителю в состязанье,
Дионис уступает. И сам Зевес величайший
На берегах Алфея вступивший в борьбу, ниспровержен
Был, уступив добровольно, склонил пред Гераклом колена!
Так борьба у влюбленных окончилась. Юноша принял
За победу авлос двуствольный в нежные длани.
Тело усталое после в потоке от пота и грязи (380)
Юноша оmyвает, песок счищая липучий,
И засияло снова влагой оmyтое тело.

После того как отдал победу ему в состязанье
Силы, Вакх своих игр и забав отнюдь не оставил.
И предложил состязаться в беге, быстром как ветер!
Дабы и пыл пробудился у соискателей быстрых,
Он учредил как награду. Рейи благой Кибелиды,
Медный кимвал и шкурку пеструю олененка.
А наградой второю стала сопутница Пана,

Сладкоречивая флейта, и барабан гулкозвучный, (390)

Медью окованный. Третьей наградой была Диониса –

Россыпи берега золотые, намытые бурным потоком!

Вот отмеряет Бромий для бега пригодный участок,

И две меты кладет меж концом и началом дорожки,

В десять локтей высотой пару жердей, чтоб бегущим

Виден был знак для начала бега, вбивает, а дальше

Тирс в песке укрепляет, мету конечную бега.

Сатиров пригласили также соревноваться.

Плясолюбивый Бромий кличет звонко начало:

Первым Леней быстроногий место свое занимает, (400)

И резвостопый Киссос и милый Ампелос рядом.

Так, быстроте доверяя ног на ровной дорожке,

Встали друг с другом рядом и вот, от земли оторвавшись,

Будто на воздух взвился – летит не касаясь ногами

Почвы Киссос, порывом резвым вперед унесенный.

Сразу за ним – след в след! – обжигая дыханием спину,

Мчится бегун Леней, подобный бурному ветру.

Так он близок к тому, кто немного опережает,

Что наступает стопою в песчаный след неглубокий.

И оставался меж ними всего такой промежуток, (410)

Что остается меж тканью на ткацком станке и ткачихой,

Коли над ней наклонится та и грудью коснется!

Ампелос мчался третьим и был среди них последним.

Оком ревнивым смотрел Дионис на бегущих, терзался:

Вдруг те двое быстрее окажутся у пределов,

Ампелоса опередят, позорно оставят последним!
Кинулся бог на помощь любимцу, дал ему силы,
Так что пустился любимый быстрее бурного вихря!
Вот из бегущих первый, что алчно жаждал награды,
Вдруг споткнулся о холмик песчаный, колена ослабли (420)
Киссоса, и он в скользкий кубарем ил покатился!
Сатир Леней покачнулся, замешкался, быстроногий,
И замедлил движенье. Так оба атлета остались
Далеко позади и Ампелос вырвал победу!
Ярый вопль испускают силены, внезапной победе
Радуюсь юноши в беге. Ведь мальчик пышноволосый
Первую получает награду, Леней же – вторую,
В сердце досадуя, ибо заметил он хитрость Лиэя,
От ревнивой любви изошедшую... Глядя стыдливо
И огорченно, принял третью Киссос награду... (430)

Песнь XI

(№ 1981). [Нонн 1997, с.112-123]

Так состязанье окончилось. Гордый победою отрок
В пляс пускается вместе с верным спутником-Вакхом,
Неутомимо сплетая стопы в этой пляске по кругу,
Белоснежной десницей касаясь плеча Диониса.
Видя двойную победу, бог Иовакх веселился
Радости юноши бурной и молвил милое слово:
«Что же, давай-ка, мой милый, после победы в забеге
И на борцовской арене третью распря устроим!

Непобедимый, с верным Вакхом плыть тебе надо,
Ампелос, коего бросил ты на приречную гальку. (10)
Будь и в быстром потоке быстрее своего Диониса!
Сатиры пусть веселятся, довольствуясь только прыжками,
Ты же старайся все силы в третьем напрячь состязанье!
Коль победишь на воде и на суше, то милые кудри
Я двойным увенчаю венком в знак победы, одержишь
Дважды верх над Лиэем, не знавшим досель поражений.
Эти милые струи подобны тебе и подобны
Красоте твоей! Надо б Ампелоса отраженье
Дать, что дланью златою плещет в струи златые!
Будешь нагим состязаться ты за победу в заплыве, (20)
Волны всего Пактола тебя, красавца, возвысят!
Дай же дар олимпийский такой же каким Океана
Фаэтонт одаряет, алеющий цвет излучая
Блеск своей красоты удели и Пактолу! Как светоч
Утренний ты воссияешь, Ампелос! Будете оба
В блеске светлы лучистом, Пактол от червонного злата,
Ты же от собственной плоти! Поток! Ты отрока в лоно,
Полное злата, прими, ведь отрока тело сияет!
Славь красоту с красотой! Спрошу я сатиров тут же:
Роза ли с розой сплелись? К чему съединили сиянья (30)
Розовый тела отблеск и огонь искристый потока?
Если б тут заструился вдруг Эридан многоводный,
Как заблестали бы слезы дев Гелиад и я мог бы
И янтарем, и золотом омыть твое тело, любимый –

Только вдали обитаю от гесперийских потоков!
Двинусь к ближней Алибе, там, где течет по соседству
Гевдис, сверкает серебристый волной изобильной и быстрой,
Как только на берег выйдешь, омывшись в водах Пактола,
Ампелос, в водах обильных серебром, тебя я омою!
Герм пусть сатиров прочих довольствует бурною влагой, (40)
Он ведь не бьет из золотого истока! Ты лишь единый,
Отрок золотой, и достоин касанья золотого потока!»

Так он молвил, ныряя в воду. Не медля, с откоса
Ампелос тут же ныряет и вслед за Лиэем стремится.
Оба, один за другим по дуге как будто поплыли,
Огибаемая реки поток широко-просторный.
Бог проплывает упорно, то быстро, то медленно, токи
Влаги быстрой, взрезая струи грудью нагою,
Борется он с течением, стопою и дланью взбивая
Пену, скользя неустанно по глади злато-зеркальной. (50)
Держится он недалеко от верного друга-любимца,
Уплывать от него он не хочет и осторожно
(Ампелос плыл за спиною, вблизи непосредственной Вакха!)
Замедляет движенья дланей, словно усталым
Сделался, стал уступать искусно победу любимцу
Вот после плаванья отрок в чаще лесной оказался.
Гордо главу поднимает, радуясь этой победе,
Он плетеницу из змей на волосы возлагает
Словно бы в подражанье главе змеевласой Лиэя!

...

Вновь устремился с любимым он к склонам скалистым высоким

Гор: в каменистые доли, бог, предавшись охоте... (100)

Вахх смотрел со страстью на юношу милого, очи

Бога не насыщались отрока лицезреньем;

Часто с Бромием рядом на пире сидючи, отрок

Игрывал на сиринге напев, непривычный для Музы,

Собственную сочиняя песню на полых тростинках.

Если же переставал играть искусную песню

Отрок, то поднимался, стремительно вскакивал с ложа,

Дланями громогласно бил одна о другую

И прижимался устами к устам, на сиринге игравшим,

Будто бы их награждая искусное исполнение, (110)

Клялся самим он Кронидом: ни Пан-песнопевец не смог бы

Песню сложить такую, ни Аполлон звонкогласый!

...

[Речь Аты к Ампелосу. Ст.118-154]

Тут с утесов внезапно спускается бык одинокий, (156)

С кончиков губ его длинный язык иссохший свисает,

Признак жажды. Открывши пасть, принимается жадно

Воду лакать, и так близко встал подле отрока, будто

Пастырем был тот знакомым...

...Отрок смелый подходит к бычьей шее поближе (167)

И бестрепетной дланью за рог его гнутый хватает:

Очарованный туром лесным, желает поездить

По горам и чащобам верхом на быке прирученном.

...Глянуло с высей небесных завистливой око Селены, (189)

Ампелоса увидала на звере-мужеубийце...

Насылает богиня бычьего слепня, и тут же

Обезумев от жала, пронзившего толстую шкуру,

Словно конь тот метнулся тотчас в бездорожную чашу...

... На сдвоенных мчась копытах, (215)

Бык, одержимый безумьем, в горах без пути и дороги,

Отрока с хребтовины бросает на камни свирепо,

Падает тот головою оземь, хряснули кости

Выи юноши нежной, глава отделилась от тела...

Бык же бросился к трупу и стал подбрасывать тело (220)

Остроизогнутым рогом, в расселину голову сбросив.

Обезглавлено тело, непогребенной осталась

Белая плоть, струей пурпурной омытая крови...

Видел лишь сатир некий любимца бога во прахе,

Ампелоса, о злосчастье весть и принес он Лиэю.

Бог же, нисколько не медля, несется, ветру подобный,

Так и Геракл не мчался спасать от нимф злоковарных

Гиля, любимца, стащивших на дно водяного потока,

Отрока предназначая одной из юных в супруги!

Ныне вот устремился Вакх на горные выси, (230)

Думал, лежит живое во прахе юноши тело –

И разрыдался, увидя нагое... На плечи набросил

Пеструю шкуру оленя, прикрыть охладелые члены,

И на отроке мертвом ремни плесниц приторочил,

Розами тело украсил, гирляндой из лилий, а кудри
(Как у всех, кто случайно погиб в горах при паденье)
Он украсил цветком быстрвянувшего анемона.
Тирс вложил во длани и собственным одеяньем
Алым прикрыл... С никогда и никем не стриженных кудрей
Прядь густую срезает – усопшему для посвященья, (240)
Наконец, и приносит он амвросии от Рейи,
Раны телес затирая ею, чтоб отрок любимый
От божественнодивной расцвел амвросии и в смерти.
Так вот мертвого тела тлен никакой не коснулся,
Хоть и на каменном прахе покоилось, милые пряди
Развевались под легким ветром над милой главою
Умершего до срока, над ликом отрока вились...
Сколь он прекрасен лежал и во прахе! Подле же тела
Плакали горько силены, вакханки горько стенали!
Отрока красоты и смерть не похитила, словно (250)
Сатир улыбчивый, мертвый покоился. Мнилось:
Сладкие речи с безмолвных уст потекут, как и прежде!
Глядя на мертвое тело, Вакх, смеющийся вечно,
Прослезился и с лика улыбка ушла Диониса:

[Дионис оплакивает Ампелоса. Ст.255-348] Греческий текст и прозаический перевод см. также [Захарова, Торшилов 2003, с.162-167]

Так стонал он и плакал. Эрос же рядом явился,
Облик приняв Силена косматого с жезлом во длани, (350)
С рожками небольшими во лбу. Обвил он вокруг чресел

Мех звериный, и, старец, на жезл суковатый опёрся.

Бромия, льющего слезы, стал утешать понемногу:

«Новой страсти пыланьем смири пылание прежней,

И над другим любимым томись и мучайся сладко,

А о мертвом не мысли! Ведь исцеленьем от страсти

Новая страсть и бывает! Любви ты не одолеешь,

Вечно сердце тая, увы, не убьет ее время!

Коли желаешь защиты от сердце терзающей боли,

Мальчика заведи: желаньем уймется желанье! (360)

Зефира юный лаконец потряс – но умер тот мальчик,

Ветер любвеобильный влюбился тотчас в Кипариса,

Кем и утешился после погибшего Гиакинфа!

Хочешь, спроси у садовника: коли завяло растенье

Некое, в прах поникнув, тот ищет тотчас же замены,

Вместо погибшего корня новый побег насаждает!

Вот, послушай-ка повесть из старого времени, внемли:

Жил однажды на свете отрок, из отроков лучший,

На берегах Меандра, многоизвивного тока,

Строен изящным телом, ногами резв, безбородый, (370)

С гривой волос густою, прелестию природной

Отрока веют ланиты, милые очи блистают,

И от взоров исходит далёко видимое людям,

Вмиг разящее сердце лучисто-золотое сиянье!

Кожа – белее млека, и разливается сверху

Тонкий румянец, как будто два цвета на коже смешались!

«Каламос» называет отрока милый родитель,
Бьющий из бездны земной, текущий к свету упорно,
Никому не видный сначала странник по тверди –
Вдруг он внезапно выю перед всеми подьмлет, (380)
Сей Меандр пещерный, из недр изливающий струи!
Жил он, Каламос милый и резвый, и страстно влюбился
В сверстника своего (Карпос того юношу звали);
Тот был прекрасен так, как средь смертных и не бывает!
Если бы отрок годов набрал немного поболее,
Стал бы сей юноша мужем Эос прекрасноволосой!
Ибо прекрасен собою, румянцем, пожалуй, покраше
Блеска кожи Кефала, сияньем затмил Ориона!
Не прижимала к груди Део с такими руками
Юношу Иасиона, Селена – Эндимиона! (390)
И красотою настолько сей юноша отличался,
Что захотели б в супруги взять его обе богини.
Он бы на ложе благое взошел к Део златовласой,
И ревнивой Селены брачный чертог посетил бы!
Он же, милый, лишь друга любил, сей цветочек эротов
Наипрекраснейший. Оба играли в полном согласье
В игры на берегах извиистой речки соседней.
Часто меж ними случались состязания в беге:
Каламос бегал подобно быстрым ветрам воздушным! (400)
Бега начало – вяз, метой конечной маслина
Выбрана, надо по берегу бежать туда и обратно!
Каламос резвоногий бежал в этот раз осторожно,

Милому другу, Карпосу, желал победы соперник!
Если Карпос купался – то Каламос тут же плескался,
Но и в реке затевали они состязанье такое:
Только помедленней плыть старался Каламос, другу
Уступая, чтоб видеть, следуя за плывущим,
За стопами его, рассекающими равномерно
Влагу реки бурливой, Карпоса спину нагую! (410)
Да, и тут затевали спор, и спорили оба,
Кто же победу одержит! От берега к берегу речному
Меж отмеченных точек проплыть должны были оба,
Дабы напротив лежащей земли поскорее коснуться,
Выгребая против течения, и здесь постоянно
Юноша плыл след в след, старался держаться, чтоб видеть
Взмахи милых ладоней и рук белолокотных друга!
Тот уплывал подальше, Каламос тут же сильнее
Греб ладонью, но отрок еще быстрее руками (420)
Взмахивал, быстрый, над влагой бурною вытянув выю!
Вот, наконец, выходит первым Карпос на берег,
Снова он одержал в речном состязанье победу!
Тут его ветер порывом сталкивает обратно
В воду, неумолимый, он отрока убивает,
В полуприкрытые губы метнув обильные воды!
Каламос смог от ветра враждебного всё-таки скрыться,
И достичь, уж без друга, напротив лежащего берега.
Милого там не встретив, любимого там не увидев,
Жалобно он заплакал, запричитал он с тоскою: (430)

[Плач Каламоса. Ст.431-468]

Так говорил он, и слезы из глаз катились... В честь друга

Прядь он темную срезал густую острым железом (470)

С кудрей, что так лелеял, явил он знак этой скорби

Горькой отцу Меандру, последнее слово промолвив:

«После этой вот пряди и плоть мою примешь, ужели

Без Карпоса увидеть Эригенейю смогу я?

Неразделимы Карпос и Каламос были в сей жизни,

Эроса жало пронзило обоих... Подобной же смертью

И умереть им пристало в волнах бурливых потока!

Выстройте, девы-наяды, на берегу речном на высоком

Нам обоим надгробье над могилой пустою,

Надпись надгробную дайте жалобными стихами: (480)

«Каламоса и Карпоса эта могила, друг друга

Страстно любивших, обоих жестокая влага сгубила!

Каламос брат вам, по брату печальтесь, пряди срезайте,

Ибо со страстью своею он покоится рядом,

В знак печали срезайте и прядь для Карпоса такую ж!»

Молвил – и вниз головою бросился в водовороты,

Захлебнувшись водою, убийцей отроков, отчей.

Каламос дал тростнику свое имя, в тростник обратившись,

Стал и Карпос плодами земли той плодоносящей».

Мягкой участливой речью тронут неистовый Эрос (490)

И восхотел он умерить сладкую скорбь Диониса...

Только еще сильнее скорбит по гибели Бромий

Слишком ранней любимца...

...

Песнь XII

(№ 1982). [Нонн 1997, с.124-132]

...

...Целенья Лиэю

Нет от скорби по другу погибшему, даже о пляске

Не вспоминал он. Терзаем памятью по любимом, (120)

Горько стенал он и плакал... Диски медные богу

Уж и ненадобны боле, не хочет он медного звона,

Не услаждает пектида, нет на лице улыбки

Боле, лишь боль и печаль у влюбленного Диониса...

...

Тут скорбящему Вакху явилось великое чудо, (174)

Ибо восстал из праха словно бы вьющимся змеем

Ампелос сам собою, ветвясь кустом древовидным

Вверх. Из мертвого чрева, на ветви делясь, извиваясь,

Рвется побег прекрасный, из кончиков пальцев пустились

Усики в рост, корнями ступни врываются в землю,

Кудри гроздьями стали, даже и мех и его небриды (180)

Вдруг распустился прекрасным гибкой листвы узорочьем,

А удлиненная шея стала плетью с гроздовьем,

Стебли пошли от сгибов локтей и побеги от пястей,

Полны сладостных ягод, из гнутых рогов меж висками

Кисти вдруг зазмеились лозы, прижимаясь друг к другу...

Все заполнилось ими, они же росли, завивались,

Снова росли, и уж зелень лозы распустилась повсюду,
Ветви дерев соседних гроздьями плотно усыпав.
Вот и еще одно чудо: юноша ловкий коснулся
Высоколистого древа вершины проворною дланью (190)
И превратился в растение Киссос, добравшись до верха;
Стали стебли витые по имени отрока зваться,
Только родившейся ветви лозы обхватили побегом,
Листьями, милыми сердцу... Виски божество осеняет,
Вьет венки и на кудри густые его возлагает
Радуюсь, Дионис, и рвутся к богу побегу,
На глазах вызревая в сладостноспелые грозды:
Самознающий боже без виноградной давилки,
Гроздие в длани прижавши, ягоды жать начинает
Плотно и крепко перстами, на свет обильное бремя (200)
Гроздьев винных выводит, лозы смарагдовоалой
Сладостнокрепкий напиток! И белоснежные пальцы
Льющего хмель Диониса от крови багрянца алеют.
Рог быка он хватает и сладостнокрепкий отжаток
Вакх в уста проливает, вино испробовав первым,
После отведав и ягод...
[Речь Диониса. Ст. 208-289]
Так, гордясь, он измолвил, и то, что было печалью,
По любимому, отнял сок благовонный из гроздьев.

Дионис и Гименей

«Прочих же беотийцев вел прекраснокудрявый (83)

Гименей безбородый, юный, в расцвете силы,
Милый Эвию отрок...
Так вот и этот отрок, юною силой цветущий, (90)
Гименей пышнокудрый, в поход пошел против индов,
За плечами его струились кольцами кудри...
...
Вот такое-то войско бесчисленных беотийцев
Против индов в поход отправилось с Гименеем!»

(№ 1983). (Нонн. Деяния Диониса

XIII 83-85, 90-92, 119-120 [Нонн 1997, с.134-135])

Поход Диониса в Индию.

«Но Гименей благовласый вращает лезвием мечным (14)
На жеребце фессалийском, неуязвимый, он бьется,
Смуглых индов повсюду разит белолокотный воин:
Лик лучами исходит, ты б его принял средь индов
За Вечерницы сиянье, мрак проникающий ночи!
Сеет он в недругах ужас – его красотой обольщенный,
Силу могучую бога вдохнул Дионис в ратоборца; (20)
Иовакх очарован, видя деянья героя
Доблестные, не желает другого помощника в битве
(Даже и молний Кронида!), кроме копья Гименя!
Коль жеребца он бросает в битву свирепую с индом,
Хлещет выи свирепых зверей Дионис беспощадно,
Дабы поближе повозка божественная оказалась
К юноше, как и у Феба с Атимнием было... и рядом

Он старался держаться, желая и смелым, и сильным
Быть пред ликом героя юного, в гуще сраженья
Он, Гименея соратник, к сиянью того прикасался!

...

[Меланей выпускает стрелу в Диониса:]

В цель пернатая метит, но мимо летит Диониса –
Зевс ее отклоняет! Язвит она Гименея
Благовенчанного, кровью бедро его оросивши!
Не ушла от вниманья Вакха свистящая стрелка,
Воздух взвихрившая, ветра мчавшаяся быстрее...

...

Надобен врачеватель! И бог, свою белую руку (89)

Протянув, помогает ему на повозку взобраться;

Он его поскорее из многошумного боя

Вывез в тенистое место, под раскидистым дубом

Ослабевшего нежит, как Аполлон Гиакифна,

Раненного смертельно диском, стенает и плачет,

Гневаясь на дыханье ревнивое Зефира-ветра...

Так Дионис, терзая густые кудрявые пряди,

Оком, не знавшим рыданий, оплакивает Гименея.

(№ 1984). (Нонн. Деяния Диониса

XXIX 14-30, 73-77, 89-97 [Нонн 1997, с.281-283])

[Ст.106-148 - Плач Диониса]

Молвил он – и трепещет, и смотрит только украдкой,

Не отрываясь, на рану любимого Гименея:

Вкруг бедра его вьется ало-пурпурным потоком

Кровь по коже белейшей, в два цвета окрасилось тело.

В чувство юношу Бромий приводит плющом жизненосным,

Гименея вином целительным омывает.

...

Возобновляет сраженье приободренный воитель,

Дионисовой дланью избавленный от страданья.

...

Устремляется в битву храбрец: при поддержке Лиэя

Недругов он поражает, не отставая от Вакха,

Словно бесследную тенью призрачной, бездыханной,

Следующей за телом мужа по всем дорогам

...

Так вот и юноша следом за Вакхом идет виноградным!»

(№ 1985). (Нонн. Деяния Диониса

XXIX 149-154, 160-161, 165-168, 172 [Нонн 1997, с.284])

См. также Нонн. Деяния Диониса XXXIII 63-103 [Нонн 1997, с.313-314] – игра в коттаб Эроса и Гименея.

История V века

(№ 1986). «Василиск, царь восточных римлян [в 475-476 гг.], заставлял епископов платить деньги. ... Жадность его к деньгам была чрезмерная. Он не брезгал принимать их и от таких лиц, которые отправляют самые низкие ремесла». (Малх, фр.8 [Византийские историки 2003, с.181])

(№ 1987). «[498 г.] Он [император Анастасий] совершил также величайшее и божественное дело – полное уничтожение так называемого хрисаргира, о чем необходимо рассказать, хотя для этого требуется язык Фукидида или какой другой, еще более величественный и искусный; я же буду говорить, доверяясь не слову, но деянию. На столь великое и столь огромное государство римлян был наложен некий достойный всяческого сожаления и ненавистный Богу [налог], не приличествующий даже варварам, не то что

христианнейшему царству римлян; до него [Анастасия] его, не могу сказать по какой причине, не замечали, а он [его] царственнейшим образом уничтожил.

А наложен он был на множество самых разных [людей] – и на тех, кто получал пропитание с общественного стола, и на тех, кто продавал весну своего тела и постоянно предавался блуду в скрытых и тайных местах города в публичных домах, и кроме того на тех, кто занимался распутством и осквернял не только природу, но и общественную мораль; так что этот сбор, подобно какому-то закону, открыто побуждал желающих безнаказанно заниматься этим незаконным делом» (Евагрий III 39 [Евагрий 2006, с.246-247]) См. комм.

(№ 1988). «[511 г.]...царь начал строить против него [патриарха Македония] всяческие козни, желая изгнать с кафедры. С этой целью были представлены [в качестве свидетелей] даже дети, измыслившие клевету о постыдной связи с ними Македония. Но поскольку выяснилось, что Македоний лишен мужских органов, [враги епископа] стали использовать иные ухищрения...» (Евагрий III 32 [Евагрий 2006, с.233])

(№ 1989). «Царь подговорил двух негодяев обвинить Македония в мужеложстве и еретичестве и письменно подать это обвинение градоначальнику и магистру: равномерно подобное же обвинение приказал подать и на православных пресвитеров и диаконов. После того велел он Келлору силой вывести Македония из епископского дома, хотя тот громко говорил, что он готов оправдываться не только в претории, но и в самом театре». (Феофан, под 504 (512) г. [Феофан 2005, с.144])

Философия

Гермий

(№ 1990). «Итак, не следует утверждать, что [у этого диалога] существует много предметов (ибо все в этом диалоге должно быть соотнесено с некоторой единой целью, так что диалог может быть назван единым живым логосом). Не следует устанавливать предмет диалога на основании какой-то одной его части, но нужно объединять единый предмет со всем диалогом как целым – то есть с многообразным прекрасным.

Поэтому он [Платон] начинает с видимой красоты, [представленной] в виде Федра, в которого влюблен Лисий; последний – невоздержанный любящий, являющийся отклонением от истинного любящего. Затем он переходит к прекрасному, проявляющемуся в рассуждении, переданном любовником Федру, объектом же любви является Лисий, или, скорее, рассуждение Лисия. Таким образом, Лисий и Федр пребывают во взаимной любви, и оба являются и любящими, и любимыми, однако не одной и той же любовью – по той причине, что каждый из них в некотором смысле и лучше, и хуже, чем другой. Как любящий, Федр лучше, Лисий же хуже: ведь Лисий любит тело и страстно желает дурного, в то время как Федр любит прекрасные рассуждения и сочетания речей, что некоторым образом является более нематериальной любовью. Как любимый, Лисий лучше (поскольку любимы его рассуждения), а Федр хуже, ибо объектом любви Федра были рассуждения Лисия, в то время как объектом любви Лисия – сам Федр.

Затем, посредством восхождения по ступеням, Сократ поднимается от прекрасного, как оно представлено в рассуждении, к красоте души, то есть к добродетелям и знаниям. Затем, в своей «покаянной песне» - [он восходит] к красоте внутрикосмических богов. Затем – к прекрасному в умопостигаемом и к самому источнику прекрасного – к демону Эросу и высшему прекрасному. И после этого он нисходит обратно путем разделения прекрасного в душе и красоты добродетели и познания. После чего – [возвращается] вновь к красоте рассуждения, связывая, таким образом, итог диалога с его началом» (Гермий. Комментарий на «Федр» 11.16, пер. Р.В.Светлова [Ямвлих 2000, с.70-72])

Гиерокл

(№ 1991). Комм. к Золотым стихам 3: «Поэтому их и называют славными героями, славными – потому что они благи и всегда лучезарны, никогда не впадают ни в порок, ни в беспамятство, и героями – потому что они ἐρωες и ἐρωτες, то есть страстные диалектические почитатели бога, поднимающие и возвышающие нас от земной жизни к божественному царству». (Гиерокл. Комментарий к пифагорейским Золотым стихам 19 (424b) [Гиерокл 2000, с.28])

(№ 1992). Комм. к Золотым стихам 56: «Как бегство от богов и потеря крыльев, поднимающих нас наверх, приводит к обиталищу смертных, с которым неразлучны беды, так отказ от наклонностей, свойственных смертным, и появление добродетели, как крыльев, вознесет нас туда, где нет зла, к счастливой божественной жизни». (Гиерокл. Комментарий к пифагорейским Золотым стихам 99 (471b) [Гиерокл 2000, с.102-103])

Прокл

«Гимн посвящаем цепи многославной Рожденной из пены,

Славим источник великий и царственный, миру явивший

Всех Эротов бессмертных, крылатых, что мысленным жалом

Стрел своих души разят, без промаха их посылая,

С тем, чтобы души, приняв острие возвышающей страсти,

Тотчас зажглись увидеть озаренный чертог материнский.

Стрелы иные пускают Эроты по воле отцовской,

Чей отвращающий зло божественный промысел – множить

Мир бесконечный рождением новых людских поколений,

К радостям жизни земной зажигают такие Эроты.

Есть средь Эротов и те, что жен наблюдают замужних

Разные жизни пути неустанно, чтоб в смертном народе
Вечно рождалось бессмертное племя мужей-страстотерпцев.
Все они делают дело родящей любовь Кифереи.

Слух твой поистине все и везде уловляет, богиня,
Небо ли ты обнимаешь великое, где, по преданью,
Стала душою ты мира божественной, вечноживущей,
Иль пребываешь в эфире, где семь кругов обращенья,
Вашей цепи соблюдая вовек некрушимые силы.

Слух и ко мне преклони, мой жизненный путь многотрудный
Сделай прямым справедливыми стрелами мне, о царица!
Всех недостойных страстей уйми леденящую силу!»

(№ 1993). (Прокл. Гимн II. К Афродите, пер. О.В.Смыки [Гимны 1988, с.273])

Помимо прочего, Прокл был автором комментариев к диалогам Платона «Пир» и «Федр». Так как они не сохранились, учение Прокла об Эросе и красоте приходится реконструировать по другим комментариям.

Комментарий к «Пармениду» (пер. Л.Ю.Лукомского)

Курсивом выделены цитаты из Платона, которые у неоплатоников играли ту же роль, что и цитаты из Библии у христиан.

(№ 1994). «[Введение к комментарию] Совершенно нелепым представляется следующее: в то время как <Платон> назвал Парменида и Зенона любовником и возлюбленным [Парменид 127b5-6], а также вождем и тем, кто проходит у него посвящение, он заставляет любовника и вождя перед лицом своего возлюбленного и ученика переплыть столь глубокое и широкое море слов [Парменид 137a5-6]». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 633, 29-33 [Прокл 2006, с.20])

(№ 1995). «[Комм. к 126b1-4] История, если это кому-то интересно, была следующая. Периктиона родила Аристону сыновей – Платона, Адиманта и Главкона, а когда ее муж умер, она вышла замуж за другого мужчину; имя ему было Пирилампа. О нем Сократ упоминает в «Горгии», когда говорит Калликлу о том, что сам он влюблен в <сына> Клиния и в философию, а тот – в афинский народ и в Пирилампа-сына [Горгий 481d2-5]; ведь отец и сын носили одно и то же имя, и второй был рожден Пирилампу предыдущей женой». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 668, 34 – 669, 3 [Прокл 2006, с.51])

(№ 1996). «Зенону же тогда было около сорока лет, он был длинный и приятного облика; говорят, он был возлюбленным Парменида. (Платон. Парменид 127b 4-6)

Таким (приятным и длинным) Зенон, пожалуй, был не только в смысле телесной конституции, но прежде всего в своих речах. Действительно, всё то, что Парменид изрек весьма замысловато и концентрированно, он пересказал развернуто и передал всем в своих многочисленных рассуждениях; силлограф потому и назвал его обоюдоязыким [Тимон. Силлы, фр.45D.], что он одновременно и обличал, и наставлял.

И если он был возлюбленным Парменида, то очевидно, что обоим им был открыт путь для восхождения к одному и тому же богу, ибо таков признак подлинного любовного искусства. Помимо сказанного, это любовное отношение было упомянуто также и по той причине, что целью своей <Зенон> поставил превращение множества в единое, ибо он обосновывает необходимость его участия в божественном. И если бы ты захотел достигнуть более глубокого понимания комментируемого пассажа, то замечание, что и среди богов последующее располагается в предшествующем и все в своей простоте соединено с единым <сущим>, от которого появляются и распространяются сущие, как я полагаю, не могло бы слишком далеко отступить от истины» (Прокл. Комментарий к «Пармениду» 684, 19 – 685, 3 [Прокл 2006, с.65-66])

(№ 1997). «[Комм. к 128a4-8] Почему же <Сократ> объединяет этих мужей? Во-первых, на основании той жизни, которую они ведут, ибо Зенон, как сказано выше, был возлюбленным Парменида, и, во-вторых, исходя из рассуждений. Подобие между ними можно проследить как в жизни, так и в учении, и потому вполне естественно, что по этим двум причинам <Сократ> и делает вывод об их общности». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 700, 29-34 [Прокл 2006, с.81])

(№ 1998). «[Комм. к 128e6-129a2] [Эмпедокл] назвал все умопостижимое Сфайросом [Эмпедокл, фр.27.16; 28.2]. Коль скоро умопостижимое объединено в самом себе, этот бог, дарующий красоту, а при ее помощи и единство, тяготеет к себе. Действительно, как полагает <Эмпедокл>, все сущие, любящие друг друга и стремящиеся друг к другу, объединены между собой в вечности [Эмпедокл, фр.17.14] и им свойственны умопостижимая любовь, общение и невыразимое слияние». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 723, 23-30 [Прокл 2006, с.103])

(№ 1999). «[Комм. к 129a6-b4] Где же тогда среди божественных эйдосов можно найти то место, в котором располагалась бы неделимость? Где находится дружба, пронизывающая умопостижимое, и любовь, которую у нас в обычае воспевать?» (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 755, 1-4 [Прокл 2006, с.135])

(№ 2000). «[Комм. к 130b7-9] Справедливости подчинены души, она упорядочивает их и позволяет им достичь совершенства, а эйдос прекрасного сияет даже для тел (ибо красоте, говорит Сократ в «Федре», выпало на долю быть наиболее зримой и эротичной [Федр 250d7-e1], между тем никакого светоча справедливости среди подражаний в нашем мире нет). ... И если вспомнить о соразмерности эйдоса и материи (а соразмерность возникает всякий раз, когда лучшее по природе властвует над худшим), то получится, что красота блистает для тел именно в качестве такой соразмерности. Благо же оказывается их совершенством, ибо оно присутствует во всех вещах, имеющим собственный облик, когда они от природы этим совершенством обладают. Стало быть, первое место в рассматриваемой триаде занимает благо, второе – красота, а третье – справедливость». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 809, 38-810, 13 [Прокл 2006, с.188])

(№ 2001). «[Комм. к 130e4-6] Точно так же имя «человек», применяемое к эйдосу человека и к зримому человеку, является словесным извятием отнюдь не одного и того же предмета: в одном случае мы имеем дело с подобием парадигме, а в другом – с подобием подобию и с отражением отражения. Как раз это-то и имеет в виду Сократ в «Федре», когда дает одно толкование имени «любовь» [τὸν ἔρωτα], обращая внимание на божественного Эрота и называя его Птеротом [Πτερωτόν] [Федр 252b9], и совсем другое – рассматривая его подобие и подчеркивая, что любовью в этом случае называется мощь [ρῶμη] [Федр 238c3] вожделения». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 852, 7-17 [Прокл 2006, с.231-232])

(№ 2002). «[Комм. к 130e6-131a3] Скажем, в «Федре» <Платон> называет Зевса великим вождем [Федр 246e4] как раз потому, что тот превосходит всех остальных вождей и возвышается над ними, поскольку возглавляет их. В «Пире» он именует Эрота великим демоном [Пир 202d13] потому, что тот воплощает в себе все высшие демонические качества». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 854, 16-20 [Прокл 2006, с.234])

(№ 2003). «[Комм. к 130e6-131a3] Далее, красота-в-себе оказывается для эйдосов хорегом соразмерности и единства, а также эротического совершенства. Душам она дарует прекрасное в них, а для тел, благодаря ей, сияет светоч, придающий им красоту, словно цветок, распускающийся во многих видах и во всей зримости представляющий логос материальных причин. В самом деле, необходимо, чтобы явленность красоты предваряла власть логоса и эйдоса – как раз поэтому небесные тела куда прекраснее, нежели вещи в нашем мире, ибо в них эйдос в своем совершенстве преобладает над положенной им в основу природой, а умопостигаемое еще прекраснее, чем небесные тела, поскольку оно и будет самими эйдосами. Таким образом, первое прекрасное сияет во всей своей зримости [Федр 250d2-3]; оно-то и является прекрасным в собственном смысле этого слова, при том, что в нашем мире красота всегда смешана с безобразием. Действительно, материя участвует в прекрасном лишь благодаря эйдосу, а эйдос взамен обретает некоторые черты материального безобразия, ибо материя безобразна и лишена красоты». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 855, 7-25 [Прокл 2006, с.235])

(№ 2004). «[Комм. к 133b4-c1] Итак, вот три качества, которыми, как говорит <Парменид>, должен обладать тот, кто достоин узреть высшую природу: одаренность, опыт и стремление. И благодаря своей одаренности он поставит на первое место естественную веру в божественное, по причине опытности он будет легко овладевать ясной истиной парадоксальных теорем, а вследствие стремления в нем пробудится к созерцанию его эротическое начало. Значит, при рассмотрении данных вопросов в нем будут присутствовать вера, истина и любовь – три качества, которые спасают души и даруют им три различных степени готовности к восприятию». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 927, 19-29 [Прокл 2006, с.318])

(№ 2005). «[Комм. к 134b14-c3] Начало прекрасному и благу для всех последующих родов богов полагается в высшем, первом чине умопостигаемого. Во всяком случае, промежуточные устройства эйдосов надлежащим образом воспринимают их выход за свои пределы. С помощью блага они становятся совершенными, обретают должное состояние и не испытывают какого-либо недостатка, а при посредстве прекрасного оказываются предметами любовного вожделения для последующего, обращают вышедшее за свои пределы к высшему и связуют разделенные причины. Действительно, возвращение к прекрасному связывает, объединяет и словно сплавливает все вокруг единого центра.

Итак, они (я имею в виду прекрасное и благо) скрыто и единовидно присутствуют в первом, а затем в различных чинах обретают такой облик, который свойствен каждому из

них. Таким образом, нет ничего удивительного в существовании следующих чинов прекрасного: [1] познаваемого при посредстве лишь ощущения, [2] воспринимаемого во мнении, [3] видимого для рассудка, [4] постигаемого мышлением с рассуждением [Тимей 28a1], [5] доступного для чистого мышления, и, наконец, [6] непознаваемого, совершенно обособленного и существующего самостоятельно, которое может быть постигнуто только благодаря свету, излучаемому им». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 950, 40-951, 19 [Прокл 2006, с.344-345])

(№ 2006). «[Комм. к 135a7-b2] «Во-вторых, <Парменид> описывает то, каким должен быть человек, преподающий теорию эйдосов: одаренным и склонным к изысканию новых подходов к обучению. И впрямь, одни способны достигнуть лишь такого уровня понимания данной теории, который достаточен только для них самих, напротив, другие в состоянии пробудить воспоминания об истине действительных предметов и у других людей. Как раз поэтому <Парменид> называет дар такого человека еще более удивительным. Ведь он занимает положение, аналогичное Поросу, обучающийся же подобен Пенни; следовательно, между ними располагается Эрот, приводящий несовершенное в соприкосновение с совершенным [Пир 203b1]». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 976, 14-26 [Прокл 2006, с.371])

(№ 2007). «[Комм. к 135c8-d2] ... Сократ в своих беседах всегда стремился выяснить, что есть каждая вещь, имея при этом в виду душевные логосы. Например, изучая само прекрасное, в согласии с которым существуют зримые прекрасные вещи, он говорит о логосе прекрасных предметов, изначально располагающемся в душе: знание о них сущностным образом заключено в душах и не является ни умным, ни умопостигаемым. Причиной такого его поведения является неспособность собеседников обратиться к умопостигаемой сущности.

Напротив, когда <Сократ> исследует умопостигаемую красоту, он приходит в состояние божественной одержимости и не занимается майевтикой или пейрастикой. Как раз по причине сказанного при том, что красоте посвящены и «Гипсий» [Гипсий большой 287b4 сл.], и «Федр» [250c8 сл.], нет ничего удивительного в том, что в первом диалоге рассматривается прекрасное-в-себе в душах, а не умная красота, благодаря которой все прекрасные предметы оказываются прекрасными – ведь этот диалог входит в число пейрастических». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 987, 10-26 [Прокл 2006, с.383-384])

(№ 2008). «[Комм. к 135d2-6] Прекрасным же рвение <Сократа> оказывается потому, что оно ведет к созерцанию подлинной красоты, которая заключается отнюдь не в практических действиях, как позднее будут считать стоики, а в умных энергиях; более того, его рвение оказывается проявлением истинной любви. В самом деле, жизнь под знаком любви по преимуществу и проходит в созерцании прекрасного и красоты, располагающихся среди богов.

Итак, вот по каким причинам <Парменид> вполне справедливо приветствует рвение <Сократа> и именует его божественным и прекрасным, поскольку оно влечет того к уму и единому (ведь божественное рвение всегда обращено к единому, а прекрасное – к уму, в котором заключено первое прекрасное), просветляет око его души и пробуждает наиболее божественное в ней. Предлагает он и путь для реализации такого его рвения, основанный на диалектике – безошибочной и самой полезной, родственной действительным предметам, опирающейся на многочисленные силы, способствующие постижению истины, подражающей уму и воспринимающей от него свои начала, по ступеням, образующим строгий порядок, прекрасным образом возводящей к сущему и

останавливающей любое блуждание вокруг чувственно воспринимаемого, а также при посредстве неопровержимых методов внимательно изучающей отдельные вещи до тех пор, пока занимающийся ею не достигнет наблюдательного пункта [Политик 272e5] единого и блага». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 988, 18-40 [Прокл 2006, с.384-385])

(№ 2009). «[Комм. к 135e8-136a2] Действительно, Зенона никак не могли бы обидеть поправки, внесенные в его учение его любовником и вождем. Кроме того, и припадать к истинной генаде сущих более всего подобает тому, кто, будучи моложе, способен замечать действительные предметы, а созерцать их – тому, кто устремит взор своей души ввысь [Государство VII 540a7], к подлинной причине, как <Сократ> говорит в «Государстве»». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 997, 24-30 [Прокл 2006, с.394])

(№ 2010). «Тогда Парменид сказал:

- Необходимо согласиться, хотя, мне кажется, я нахожусь в положении Ивикова коня, с которым, пожилым бойцом, намеревающимся принять участие в состязании колесниц и дрожащим в предвидении будущего, поэт сравнивает себя и говорит, что и сам он на старости лет против своей воли вынужден выступать на поприще любви. [Парменид. 136e8-137a4]

...

Впрочем, дабы вновь указать присутствующим, сколь великая борьба и трудное состязание предстоит ему, <Парменид> подчеркивает, что сам он слишком слаб для проведения подобного рассмотрения и что он чувствует себя, как Ивик, который не решается предаться любовным битвам из-за своей старости, но оказывается вынужденным вступить в них. Мелический поэт описывает эту необходимость, уподобив себя старому коню, уже много раз выступавшему на состязаниях и при всей своей опытности трепещущему в ожидании предстоящего. Он говорит примерно так [Ивик, фр.2]:

Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит из-под век на меня

И чарами разными в сети Киприды

Крепкие вновь меня ввергает.

Дрожу и боюсь я прихода его.

Так на бегах отличившийся конь неохотно под старость

С колесницами быстрыми на состязанье идет.

Именно эти строки из поэмы «Колесница» необходимо вспомнить, дабы понять смысл слов Парменида.

Помимо сказанного, на основании комментируемого пассажа ты мог бы, пожалуй, прийти и вот к какому выводу: более совершенное всегда словно посылает собственные образы в чины, располагающиеся ниже него. В самом деле, Парменид, в образной форме описывая свое состояние, вспоминает об Ивике, а тот в свой черед сравнивал себя с конем. Действительно, благодаря уму в разумной душе появляются изображения эйдосов,

при ее посредстве привходящие в природу, которая по преимуществу и властвует над неразумными живыми существами. И состязания коней, и любовные битвы имеют какое-то отношение к душам, совершающим восхождение в горный мир, ибо в них конь, причастный злу [Федр 247b3], чувствует себя отягощенным, не получая достаточного пропитания от возничих, в то время как, получив его, он с легкостью устремится к существу, поскольку способен состязаться на этом поприще. Восхождение же и спасение для душ осуществляется при помощи любви, ибо душевные колесницы наделены крыльями, для того чтобы в любовном безумии они смогли взлететь ввысь, к умопостигаемой красоте, и предаться созерцанию подлинных сущих.

Вот что необходимо сказать по поводу действительных предметов, аналогия с которыми проводится в комментируемом пассаже. Напротив, фактическая сторона дела – что Ивик был мелическим поэтом, что он в молодости с воодушевлением предавался любовным баталиям и что, когда он был весьма пожилым и его побуждали к написанию любовных стихов, в одной из своих песен он говорил, что медлит с подобным делом по причине того напряжения, которое необходимо для участия в любовных играх, - никак не может быть неизвестной тем, кто когда-либо слушал его сочинения». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 1028, 27-1029, 28 [Прокл 2006, с.432-434])

(№ 2011). «[Комм. к 137a4-7] Точно так же и Сократ в «Федре», будучи принужден к этому собеседником, исследует физическую красоту и ту, которая усматривается в промежуточных видах [237b7 сл.], а затем, оставив в стороне <красоту этого вида, возносит хвалу> божественному Эроту и описывает восхождение душ ввысь, к умопостигаемой красоте [Федр 247a8 сл.]. Напротив, отпадение от высшего, воплощение в последующем и ослабление мышления о первой красоте он называет дерзостью, нечестием и грехом.

... Именно таким и должно быть нисхождение божественных душ за пределы умопостигаемого: они непосредственно соседствуют с божественным и хорошо представляют себе то зло, в которое могут впасть, предпринимая подобное странствие, - и тем не менее они его совершают во благо другим, но никак не для удовлетворения своей любви к становлению. Поэтому они не погрязнут в пучинах последнего и не предпочтут неопределенные виды жизни». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 1030, 14-36 [Прокл 2006, с.434-435])

(№ 2012). «[Введение к кн.6 комментария] Таким первым началом остается быть единому, причине наличного бытия, словно цветущему уму [Халдейские оракулы, фр.1.1]. Именно таким и будет подлинное солнце, царствующее среди зримого [Государство VI 509d2-3], потомок блага [Государство VI 507a3]» (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 1044, 28-31 [Прокл 2006, с.450])

«Халдейский термин *ánthos* («цвет», «цветок») часто использовался Проклом в его построениях. Ср. «Комментарий к Тимею» I 419.9, III 118.26, «Комментарий к Кратилу» 47.15сл., «Платоновская теология» I.3 стр.15.3 сл.». (Л.Ю.Лукомский. Комм. 5 к кн.6 // [Прокл 2006, с.817])

«...цветение (*ánthos*) чего-либо, например ума, в действительности принадлежит более высокому онтологическому уровню, чем то, цветением чего *ánthos* является» (Дж.М.Рист [Рист 2005, с.74])

(№ 2013). «[Комм. к 142a3-4] Имена могут быть человеческими, демоническими, ангельскими или божественными (ибо существуют и божественные имена – те, при

помощи которых, согласно «Кратилу», боги обращаются друг к другу [Кратил 400d8-9]). В «Федре» Сократ, пребывая в состоянии божественной одержимости, говорит: «...Зевс, влюбленный в Ганимеда, назвал его Гимером [Федр 255c1-2]». (Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона 51k, пер. с лат. [Прокл 2006, с.672]) (Часть комментария Прокла сохранилась лишь в латинском переводе Вильгельма де Мёрбеке [Прокл 2006, с.660-690])

Комментарий к «Кратилу»

(№ 2014). «Опровергающие его [Демокрита] доводы говорят [следующее] [1]. Против первого [довода из омонимии], что ничего удивительного, если одним именем воизображается во многие вещи, поскольку, например, «эрос» указывает на различные [вещи, происходя] от слов «сила» [ρῶμη] и «крыло» [πτέρος]». (Прокл. Комментарий к «Кратилу» XVI, 7 [Прокл 2003, с.318])

(№ 2015). «Однако в каждом из сущих, вплоть до самых последних, имеется знак этой невыразимой и запредельной мыслимым [вещам] причины, с помощью которого все вещи восходят к ней ... и это [как] движущее все [вещи] к желанию Блага и к неугасимой любви, доставляющей его существующим [вещам], [как] неведомого основания ... лучшее, чем жизнь...» (Прокл. Комментарий к «Кратилу» LXXI, 30 [Прокл 2003, с.332])

(№ 2016). «От божественных имен, являющихся изваяниями богов, Сократ аналитически переходит к их силам и действиям, тогда как их сущности, неизреченные и неведомые, оставляет рассматривать лишь

цветку ума».

(Прокл. Комментарий к «Кратилу» XCVI, 47 [Прокл 2003, с.343])

См. также Прокл. Комментарий к «Кратилу» CLIX, 89 [Прокл 2003, с.355]

Разное

(№ 2017). «...общими для всех математических дисциплин являются красота и упорядоченность, восхождение от известного к искомому и обратный переход, что называется анализом и синтезом» (Прокл. Комментарий к кн. 1 «Начал» Евклида I 3 [Прокл 1994, с.51-53])

Цитата из «Федра» 255c о Зевсе и Ганимеде. (Прокл. Комментарий к «Кратилу» LI, 20 [Прокл 2003, с.329]).

См. также Прокл. Комментарий к «Государству» 72 [Прокл 2003, с.292]

Об Афродите. (Прокл. Комментарий к «Тимею» р.34, 15-17 [Прокл 2003, с.252-253])

«Платоновская теология» (пер. Л.Ю.Лукомского)

(№ 2018). «Вслед за сказанным давайте рассмотрим, что такое красота богов и почему она располагается среди них в самом первом смысле. Итак, [Плотин] говорит [Эннеады I.6.6.18-32], что существует красота, имеющая облик блага, умопостигаемая, стоящая выше умной, красота-в-себе, а также причина, дарующая красоту всем сущим, и так далее, причем подобные рассуждения совершенно правильны. Самая же первая и единичная красота отличается не только от видимых прекрасных тел, обладающих объемом, от присущей им соразмерности, душевной слаженности или умного света, но и от той, которая проявляется в самих вторых или третьих выходах богов за свои пределы. Она располагается как однородная [«Пир» 211e4] в выси умопостигаемого и уже оттуда приходит ко всем божественным родам и освещает как их сверхсущностные генады, так равным образом и те, которые соотносятся с сущностью, вплоть до своих зримых вместилищ. Стало быть, подобно тому как вследствие самой первой благодати все боги имеют облик блага, а благодаря умопостигаемой мудрости владеют неизреченным знанием, стоящим выше ума, точно так же, как я полагаю, все божественное эротично благодаря своей высшей красоте [«Федр» 250d6-7]. В самом деле, вследствие нее красота разливается [«Федр» 251e3] среди всех богов; будучи полны ею, они в свой черед наполняют ее последующее, пробуждая все, приводя в вакхическое иступление [«Федр» 245a2] своей любовью и изливая [«Федр» 253a7] свыше на все боговдохновенный поток красоты [«Федр» 251b1-2].

Итак, вообще говоря, божественная красота именно такова – она словно бы хорег божественной радости, близости и дружбы, ибо именно при ее посредстве боги соединяются между собой, радуются друг другу и восхищаются друг другом, находят удовольствие в создании неких собственных общностей и образований и не покидают того чина, к которому они извечно принадлежат среди собственных устройств. Платон также сообщает о трех собственных признаках этой красоты.

В «Пире» речь идет о нежности. В самом деле, совершенное и наиболее блаженное в силу своего участия в благодати становится прекрасным. [Платон] говорит об этом так: «Но подлинно прекрасное нежно, совершенно и блаженно» [«Пир» 204c4-5].

Таким образом, нежность есть первый признак красоты, второй же, о котором мы узнаем из «Федра» [«Федр» 256d8], - это зримость. Действительно, [Платон] говорит о красоте вот как: «Сияющую красоту можно было видеть тогда...» [«Федр» 250b6], далее: «Как мы и говорили, красота сияет среди этого» [«Федр» 250c8-d1], чуть ниже: «Когда мы прибыли сюда, мы стали воспринимать ее сияние всего отчетливее посредством самого отчетливого из ощущений» [«Федр» 250d1-3], и наконец: «Ныне же только одной красоте выпало на долю быть более всего зримой и эротичной» [«Федр» 250d7-8].

Пусть эти два признака красоты будут приняты во внимание. Третий же – это ее эротичность, на которую, как мне кажется, [Платон] указал, назвав красоту в только что приведенном отрывке более всего эротичной [«Пир» 204c4]; во многих других местах он также соотносит с красотой любовное безумие, а саму любовь ставит в зависимость от монады красоты: «Ибо Эрот – это любовь к прекрасному» [«Федр» 265b2-c3].

Итак, поскольку красота обращает все к себе, приводит его в движение, возбуждает божественную одержимость и призывается при помощи Эрота, она эротична, так как возглавляет всю любовную последовательность; она словно подкрадывается на цыпочках [Еврипид. «Ион» 1166] и вызывает у всего вождление и изумление. Поскольку она

насыщает последующее радостью и божественной легкостью, очаровывая и прельщая все и возвышая ведомое и сопровождаемое ею своими высшими сияниями, она нежна [«Пир» 204c5], и так о ней и говорит Платон. Далее, поскольку красота завершает рассматриваемую триаду собственных признаков, словно бы склоняется перед неизреченным единством богов и в умопостигаемом сиянии освещает таинственную благодать и сообщает о ней, она также именуется сияющей [«Федр» 250b6], блистающей [«Федр» 250d3] и зримой [«Федр» 250d8]. В самом деле, благо богов оказывается высшим и более всего похожим на единое, а мудрость уже в некотором отношении испытывает муки рождения умопостигаемого света и самых первых видов; в свой черед, красота располагается на вершине всех видов, сияет божественным светом и первой открывается идущим вверх: она блистательнее, чем любой источник света, ее приятнее видеть и обнимать и со страстью воспринимать ее проявления» (Прокл. Платоновская теология I 24 [Прокл 2001, с.81-83])

(№ 2019). «Стихии красоты, в свой черед, являются идиомами третьей триады умопостигаемого: это, как мы сказали выше [I 24], эротичность, нежность [«Пир» 204c4] и зримость [«Федр» 250b5-6]. Так вот, эротичность, которая занимает положение, аналогичное возделенности, соответствует генаде – пределу, нежность, относящаяся к предметам того же ряда, что и самодовление, - беспредельной силе, заключенной в прекрасном, а зримость – умному своеобразию» (Прокл. Платоновская теология III 22 [Прокл 2001, с.213])

(№ 2020). «[Характеристика двенадцати свободных богов] Наконец, что касается последней, возвышающей, триады, то Гермес есть хорег философии; при ее посредстве он возводит души ввысь и благодаря диалектическим силам сближает как всеобщие, так и частные души с самим благом.

Афродита – это первая действующая причина эротического дыхания, пронизывающего всё; она сближает те души, которые ведет ввысь, с прекрасным.

Аполлон посредством музыки доводит до совершенства и преобразует, все совместно вращая [«Кратил» 405d4], как говорит Сократ, а также возводит к умной истине и к высшему свету при помощи гармонии и ритма» (Прокл. Платоновская теология VI 23 [Прокл 2001, с.494-495])

Дамаский

(№ 2021). «Соразмерность предоставляет от себя всему порядок, красота – слияние между собой в соперничестве, а истина – подлинное наличное бытие; единое же таинственно созидает все вместе». (Дамаский. О первых началах (33) I 66, 1-3 [Дамаский 2000, с.72])

О «цвете ума». (Дамаский. О первых началах (70) I 151, 20 [Дамаский 2000, с.169])

(№ 2022). «...прекрасному соответствует любовный ум, справедливому – ум Дике, благу – ум благого демона и, вообще говоря, каждому из видов – собственный для него». (Дамаский. О первых началах (95a) I 238, 21-23 [Дамаский 2000, с.268])

(№ 2023). «...если Эрос рождается от Афродиты ... то выход за свои пределы оказывается неединовидным, поскольку Эрос покинул Афродитовы пределы ... и тем не менее, конечно же ... Эрос [обладает чем-то] Афродитовым, почему они и владеют чем-то, принадлежащим к тому же виду, что и породившие их. ... Ведь соответствующие общие состояния сопутствуют тому, что принадлежит к одному виду, например когда речь идет о многих Афродитах, поскольку демиургическими среди них оказываются все те, которые являются всенародными, и все они – тоже умы и богини». (Дамаский. О первых началах (97a) I 247, 3-12 [Дамаский 2000, с.278])

(№ 2024). «...объединенное есть сверхумозрительный образ [метаноэма] всех подобных умозрительных представлений ... это даже и не эйдос ... [с.336] ... а само единое, которое является цветом эйдоса. Однако ведь это не то единое, которое в согласии с природой, расцветает подле одного из эйдосов, например подле триады, и, конечно же, не то, которое связано со всеми эйдосами, вместе взятыми». (Дамаский. О первых началах (117) I 299, 23-300, 3 [Дамаский 2000, с.335-336])

(№ 2025). «...даже если он [Гесиод] не считает Хаос вторым среди двух начал, то уж Гея-то, Тартар и Эрос оказываются триадическим умопостигаемым, при том, что Эрос занимает третье место, поскольку рассматривается в возвращении (в самом деле, такие имена им дает также Орфей в «Эпических песнях»), Гея – первое ... а Тартар – промежуточное...

Акусилай, мне кажется, считает первым началом Хаос, поскольку он совершенно непознаваем, а двумя следующими за единым – Эреба в качестве мужского начала, а Ночь в качестве женского; последнее начало замещает у него беспредельность, а первое – предел. От их соития, как он говорит, появляются Эфир, Эрос и Мудрый – а это три умопостигаемые ипостаси; первым он ставит Эфир, промежуточным – в силу его природной срединности – Эроса, а третьим – Мудрого в качестве уже самого досточтимого ума». (Дамаский. О первых началах (124) I 320, 3-16 [Дамаский 2000, с.356])

(№ 2026). «...предметы, созданные Отцом, по своей природе еще не могут быть восприняты ясным и привычным ощущением; напротив, чувственно воспринимаемы они лишь по своей сущности. Данные же боги изукрасили изображение красками, фигурами и всеми остальными чувственно воспринимаемыми признаками, словно некими нарисованными цветками; пример такого изображения – это предшествующий человеку человек, явленный вовне». (Дамаский. Комментарий к «Пармениду» (341) II 202, 26-30 [Дамаский 2000, с.606])

О женоненавистничестве и времени (Дамаский. Комментарий к «Пармениду» 388 [Дамаский 2000, с.644])

Псевдо-Дионисий Ареопагит

(№ 2027). «(11) И да не подумает кто-нибудь, что мы вопреки Речениям почитаем имя Любовь [έρως]. Ведь, в самом деле, неразумно и глупо, мне кажется, обращать внимание на букву, а не на смысл речи. Это не свойственно людям, желающим уразуметь божественное, но присуще лишь тем, кто воспринимает одни звуки, а их смысл в свои уши для восприятия извне не допускает и знать не желает, что такое-то выражение означает и как его можно прояснить с помощью других равнозначных и более выразительных выражений – людям, пристрастным к бессмысленным знакам и букавам, непонятым слогам и словам, не доходящим до разума их душ, но лишь звучащим снаружи, в пространстве между губами и ушами. ...»

Чтобы не показалось, однако же, что мы говорим это, отступая от божественных Речений, пусть те, кому не нравится имя Любовь, послушают следующее: «полюби [έρασθητι] ее, и она сохранит тебя», «огради ее, и она вознесет тебя; почти ее, чтобы она обняла тебя» [Притч. 4: 6, 8], и прочее, что богословие поет, используя образ любви.

(12) Ведь и некоторым нашим священнословам даже более божественным представляется имя Любовь, нежели имя Приязнь [ἀγάπη]. Пишет ведь и божественный Игнатий: «Моя любовь распялась» [К Римлянам 7: 2]. И во введениях к Речениям ты найдешь, как кто-то говорит о божественной Премудрости: «Я был влюбленным [эраст] в Ее красоту» [Прем. 8, 2]. Так что не будем бояться имени Любовь, и да не смутит нас никакое касающееся этого устрашающее слово. Ибо мне кажется, что богословы почитают одинаковыми имена Приязнь и Любовь, но к божественному применяют главным образом [имя] Истинная Любовь [онтос эрота] – из-за нелепого предрассудка определенного рода людей.

Хотя не только нами, но и самими Речениями Истинная Любовь воспевается подобающим божественному образом, большинство, не вмещаая единовидность именования Бога Любовью, соскользнуло к сообразному им самим частичному, имеющему в виду тело, разделенному пониманию любви, являющейся на деле не любовью, но ее образом, или скорее отпадением от Истинной Любви. Ибо большинство не может вместить объединяющей силы божественной единой Любви. Почему многим и кажется совершенно неприменимым имя, прилагаемое к божественной Премудрости для того, чтобы возвести их и устремить к познанию Истинной Любви и таким образом прекратить возмущение им.

Низкого ума люди часто думают также, что речь идет о чем-то нашем и непристойном в кем-то сказанных заслуживающих лучшей оценки словах: «Напала на меня приязнь к тебе, как приязнь к женщинам» [Давид об Ионафане – комм. Максима] [2 Цар. 1, 26]. А те, кто правильно слышит божественное, увидят, что, изъясняя божественное, священные богословы в имена Приязнь и Любовь вкладывают один и тот же смысл.

Это является свойством единотворящей, соединяющей и особым образом смешивающей в Прекрасном и Добре силы, ради Прекрасного и Добра возникшей, от Прекрасного и Добра ради Прекрасного и Добра исходящей и содержащей явления одного порядка во взаимосвязи друг с другом, подвигающей первенствующих к попечительству о меньших и утверждающей тех, кто ниже, обращением к тем, кто выше.

(13) Кроме того, божественная любовь направлена вовне: она побуждает любящих принадлежать не самим себе, но возлюбленным. Высшие показывают это своей заботой о нуждающихся, те, кто на одном уровне – связью друг с другом, а низшие – более божественным обращением к первенствующим. Почему и великий Павел, будучи одержим божественной Любовью, приобщившись Ее устремляющей вовне силы, сказал

божественными устами: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» [Гал. 2, 20]. [Сказал он это] как поистине любящий [алетес эрастес], исступив из себя, как он сам говорит, к Богу и живя не своей жизнью, но жизнью Возлюбленного как весьма желанной.

Истины ради осмелимся также сказать и то, что и Сам являющийся Причиной всего благодаря любви к прекрасному и добру во всем, по избытку любовной благодати оказывается за пределами Себя, будучи привлекаем ко всему сущему Промыслом, словно благодатью, влечением и любовью, и из состояния запредельно все превышающего низводится сверхсущественной неотделимой от Него выводящей вовне силой. Почему и называют Его опытные в божественном люди Ревнителем [Зелот] – как испытывающего сильную и добрую любовь к сущему, как побуждаемого Своим любовным влечением к ревности, как обнаруживающего Себя Ревнивцем, ревнующим Им возделенное, и как ревностным в заботе о сущем. Одни словом, влечение и любовь принадлежат Прекрасному и Добру, в Прекрасном и Добре имеют основание и благодаря Прекрасному и Добру существуют и возникают.

(14) Почему же все-таки богословы иногда предпочитают назвать его Любовью и Приязнью, а иногда Любимым и Желанным? Потому что одного Он причина, так сказать, Производитель и По-родитель, другое же Он есть. Одним Он движим, другое же Он движет, то есть как бы Сам Себя с Собой сводит и к Себе двигает. Так что Желанным и Любимым Его зовут как Прекрасное и Добро, Любовью же и Приязнью – поскольку он является Силой, движущей и притом возводящей к Себе, единственному Самому по Себе Прекрасному и Добру, представляющему Собой как бы изъяснение Себя через Себя, благой выход из запредельного единства, простое, непроизвольное, импульсивное движение любви, предсуществующее в Добре, из Добра изливающееся сущему и вновь в Добро возвращающееся. В чем преимущественно и проявляется Его бесконечная и безначальная божественная Любовь, как некий вечный круг, по которому посредством Добра, из Добра, в Добре и в Добро совершается неуклонное движение, в одном и том же одним и тем же образом всегда происходящее, пребывающее и возобновляющееся. Это и наш славный посвяtitель в таинства боговдохновенно изложил в гимнах о любви, каковые не неуместно здесь вспомнить и словно некую священную главу включить в наше слово о Любви.

Из гимнов о Любви святейшего Иерофея

(15) Назовем ли мы Эрос божественным, либо ангельским, либо умственным, либо душевным, либо физическим, давайте представим Его себе как некую соединяющую и связывающую Силу, подвигающую высших заботиться о низших, равных общаться друг с другом, а до предела опустившихся вниз обращаться к лучшим, пребывающим выше.

Из тех же его гимнов о Любви

(16) Мы назвали многие, из единого Эроса происходящие Его виды, перечислив [их] по порядку, как-то: знания и силы пребывающих в мире и надмирных любовей, где превосходят, в соответствии с предложенной разумом точкой зрения, чины и порядки разумных и умственных видов эроса, вслед за которыми умственные-в-собственном-смысле-слова и божественные стоят выше других поистине прекрасных тамошних видов эроса. Они подобающим образом у нас и воспеты. Теперь, вновь собрав их все в единый свернутый Эрос, давайте соберем и сведем из многих и их общего Отца, сначала слив в две из них все вообще любовные силы, которыми повелевает и предводительствует совершенно для всего запредельная неуклонная Причина всякого эроса, к каковой и простирается соответствующим каждому из сущего образом общая для

всего сущего Любовь» (Псевдо-Дионисий Ареопагит. О божественных именах 4, 11-16 [Дионисий Ареопагит 2002, с.327-341])

См. также [Дионисий Ареопагит 2002, с.313] и древнерусский перевод [Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. Т.8, с.299].

4.5. Эпоха Юстиниана и его преемников (527-602)

Историки VI века

(№ 2028). «В сем году [529 г.] император жестоко наказал Исаию, епископа Родосского, и Александра, епископа Диоспольского во Фракии, обвиненных в мужеложстве, именно: низложив их, велел отсечь им детородные уды, водить по городу и кричать глашатаю: «Вы, епископы, не бесчестите своего сана!» Кроме того, издал строгие законы против распутных, из коих многие были казнены». (Феофан, под 521 (529) г. [Феофан 2005, с.162])

(№ 2029). «[540 г.]...император Юстиниан сместил этого Павла с его поста [патриарха Александрии], ибо выяснилось, что он совершил отвратительное преступление содомии с одним диаконом в бане, и назначил на его место монаха по имени Зоил из города Аксения» (Иоанн Никиусский. Хроника, гл.92 [Евагрий 2006, с.569])

(№ 2030). «[567 г.] Немного спустя [Юстин] предал суду по обвинению в оскорблении величества Этерия и Аддея, членов сената, занимавших высшие посты при Юстиниане. ... Что касается меня, то я не могу сказать, так ли это было, тем не менее оба они являлись преступниками – Аддей имел противоестественную страсть к мальчикам, а Этерий пользовался любой клеветой и захватывал имущество как живых, так и мертвых от имени царского дома...» (Евагрий V 3 [Евагрий 2006, с.343-344])

(№ 2031). «...даже тот, кто ими [язычниками] почитается верховным отцом мужей и богов, бесстыдно похитил фригийского юношу, превратившись в птицу, и дал [ему] в награду за позорное деяние чашу, побудив пить за здоровье, чтобы с нектаром совместно испытать стыд» (Евагрий I 11 [Евагрий 2006, с.83])

Толкование снов

(№ 2032). «совокупление с самим собой увидеть – женитьбу означает». (Псевдо-Даниил. Толкование снов... 108 [Даниил 1999, с.242])

(№ 2033). «С мертвым совокупляться – имущества гибель означает». (Псевдо-Даниил. Толкование снов... 346 [Даниил 1999, с.247])

(№ 2034). «С мужчиной совокупляться – быть порабощенным кем-либо означает». (Псевдо-Даниил. Толкование снов... 353 [Даниил 1999, с.247])

Прокопий

(№ 2035). «(34) Далее, он [Юстиниан] запретил законом мужеложество, подвергая дознанию случаи, имевшие место не после издания закона, но касающиеся тех лиц, которые были замечены в этом пороке задолго до него. (35) Обвинение их осуществлялось неподобающим образом, поскольку приговор выносился даже без обвинителя, и слово одного человека или мальчика, а случалось, и раба, принужденного против его воли давать показания против своего господина, оказывалось достаточной уликой. (36) Изобличенных таким образом лишали их срамных членов и так водили по городу. Поначалу, однако, это несчастье обрушивалось не на всех, а лишь на тех, кто являлся прасином, либо обладал большими деньгами, либо как-то иначе досадил тиранам». (Прокопий. Тайная история 11, 34-36 [Прокопий 1993, с.356])

(№ 2036). «(11) Когда он [Юстиниан] так без околичностей истратил общественное богатство, он обратил свои взоры на подданных и немедленно отнял у большинства из них имущество, грабя и притесняя их безо всякой причины, предъявляя обвинения тем, кто в Византии и в любом ином городе слыли людьми состоятельными, хотя никакой вины за ними не было. Одних он обвинил в многобожии, других – в неверном исповедании христианской веры, иных – за мужеложество, других за связь со святыми девами или за какие-либо иные – запретные сожительства...» (Прокопий. Тайная история 19, 11 [Прокопий 1993, с.381-382])

(№ 2037). «(8) Но чтобы впредь становилось все больше доносчиков и чтобы намного удобнее было подвергать пыткам ни в чем не повинных людей, он [Юстиниан] решил учредить эти должности. (9) ... исполняющему другую он повелел постоянно наказывать тех, кто занимается мужеложеством и имеет сношения с женщинами запретным образом, а также тех, кто не исповедует православия, дав этой [должности] название квезитор. ... (11) ... А так называемый квезитор, разоряя тех, кто попадал в его руки, то, что хотел, нес василевсу, сам же в обход законов ничуть не меньше обогащался за чужой счет. (12) Ибо служителям этих архонтов не требовалось ни выдвигать обвинителей, ни представлять свидетелей совершившегося, но все это время беспрестанно они без обвинения и приговора в глубочайшей тайне убивали попавших в их руки [несчастных], а богатства их отбирали». (Прокопий. Тайная история 20, 8-12 [Прокопий 1993, с.383-384])

(№ 2038). «Многие же мальчики были против воли принуждены к нечестивому сожительству со стасиотами [одна из факций ипподрома] не без ведома своих отцов». (Прокопий. Тайная история 7, 36 [Прокопий 1993, с.340])

(№ 2039). «Прогневалась она [Феодора] и на Диогена (за то, что он являлся прасином), человека обходительного и любезного всем, в том числе и самому василевсу, и тем не менее она постаралась и его оклеветать в мужеложестве. (24) Итак, склонив к тому двух его рабов, она выставила их в качестве свидетелей и обвинителей своего хозяина. (25) Однако дело его рассматривалось не скрытно и тайно, как она привыкла, но публично и, учитывая доброе имя Диогена, судей было назначено много и не из числа безвестных. Тщательно расследовав дело, они не сочли слова рабов достаточно вескими для

вынесения приговора, да к тому же были те еще детьми» (Прокопий. Тайная история 16, 23-25 [Прокопий 1993, с.371-372])

Философы VI века

Олимпиодор

(№ 2040). «А что Платон занимался дифирамбами, это видно из диалога «Федр», который весь еще дышит дифирамбическим духом, так как диалог этот считается первым из написанных Платоном» (Олимпиодор. Жизнь Платона [Диоген 1979, с.446])

(№ 2041). «Четыре раза в четырех диалогах говорит Платон боговдохновенно. ... Третье божественное вдохновение Платона – в «Федре», где Сократ в тени платана философствует об Эросе, обуянный нимфами». (Олимпиодор. Жизнь Платона [Диоген 1979, с.445])

Анонимные пролегомены к платоновской философии

(№ 2042). «К словам же «Я ничего не знаю» Платон прибавляет затем: «Кроме сушей безделицы – задавать вопросы и отвечать на них», имея в виду искусство диалектики, которым владел в совершенстве. Кроме того, в другом месте он говорит, что сведущ в любви и в повивальном искусстве. Из этих трех частей он слагает свой гимн божеству в «Федре», именуя его благим, прекрасным и мудрым, ибо, как все виды знания пронизаны диалектикой, так все сущее устремлено к благу, почему по аналогии диалектику Платон и сопоставляет с благом, любовь же – с прекрасным, ибо мы любим прекрасное». (Анонимные пролегомены к платоновской философии 2, пер. Т.Ю.Бородай, А.А.Пичхадзе [Платон 1990-94, т.4, с.675])

(№ 2043). «Поэтому мы не согласимся с теми, кто полагает, будто «Федр» посвящен риторике: рассуждения о ней занимают там сравнительно небольшое место, в то время как весь диалог посвящен прекрасному как таковому, и, значит, именно это и следует считать его предметом». (Анонимные пролегомены к платоновской философии 9, пер. Т.Ю.Бородай, А.А.Пичхадзе [Платон 1990-94, т.4, с.685])

(№ 2044). «Священного вдохновения преисполнен Платон в «Федре», где он одержим нимфами ...

... Метафорой он пользуется в «Федре», уподобляя нашу душу возникшему, а ее силы – коням, причем одного он называет хорошим, а другого – дурным». (Анонимные пролегомены к платоновской философии 11, пер. Т.Ю.Бородай, А.А.Пичхадзе [Платон 1990-94, т.4, с.691-692])

Риторика

(№ 2045). «И в усеченных силлогизмах одно следует за другим, но в них нуждаются [лишь] риторы; например: «Некто любит наряжаться; следовательно, он блудник»». (Давид Анахт. Толкование «Аналитики» Аристотеля 9 [Давид Анахт 1975, с.220])

Проза

Аристенет

Тексты автора VI в. Аристенета приводятся здесь для демонстрации того, как заимствования из платоновских диалогов помещались в гетеросексуальный контекст.

(№ 2046). «Аристенет – Филокалосу. ... Одетая, Лаида лучше всех лицом, раздетая – вся, как ее лицо» (Аристенет I 1 [Византийская проза 1965, с.7])

(№ 2047). «Филоплатан – Антокому. ... Хотя она на диво хороша лицом, но, когда разденется, кажется, у нее совсем нет лица из-за красоты того, что скрыто одеждой» (Аристенет I 3 [Византийская проза 1965, с.9])

(№ 2048). «Эратоклея – Дионисиаде. Красавец Аконтий взял в жены красавицу Кидиппу. ... Ценители красоты, теснясь, сбегались полюбоваться на Аконтия, когда он шел к учителю; из-за него заполнялась народом рыночная площадь и тесными становились широкие улицы; многие особенно страстные поклонники юноши старались ступать ногами в его следы. Такой-то вот юноша полюбил Кидиппу. Нужно ведь было, чтобы этот красавец, пронзивший стольких своей красотой, почувствовал хотя бы одну любовную стрелу и испытал то, что заставлял терпеть тех, кого ранил...» (Аристенет I 10 [Византийская проза 1965, с.14])

(№ 2049). «Евгемер – Левкиппу. ... Часто я слышал песенку, будто разлука убивает любовь, есть и поговорка «до той поры друг, пока видит рядом». Но я могу поклясться красотой Питиады, что и в разлуке не остывал к ней» (Аристенет I 12 [Византийская проза 1965, с.18])

(№ 2050). «Архилох – Терпандру. ... Тогда госпожа продолжает: «Пусть этот юноша, будто я ничего не знаю, снова пройдет здесь и споет: если он мне понравится, я вознагражу его». В следующий раз молодой человек появился в венке из роз, пел лучше, чем всегда, был признан красавцем, и оба наслаждались, не только прикинув один к другому грудью, но поцелуями сопрягая самые души. В этом ведь поцелуя осуществление, к этому его стремление. Ища друг друга в поцелуе, души встречаются у губ, и их соединение невыразимо сладко» (Аристенет II 19 [Византийская проза 1965, с.43])

(№ 2051). «Океаний – Аристобулу. Молодой влюбленный по имени Ликон горячо выговаривает неподатливой женщине, под дверьми которой он долго и бесплодно томился. Умоляя ее, он говорил ей все, что тысячу раз уже говорили влюбленные любимым: «Разве тебя не трогает моя юность? Разве ты не чувствуешь сострадания к моей любовной тоске? Владей мной, покорив непокоренного ни девушками, ни юношами!» А она отвечает по примеру скифов так: «Обращаться ко мне – все равно, что бить огонь, дуть в сеть, забивать губкой гвоздь и делать другое, в равной мере бессмысленное» ...» (Аристенет II 20 [Византийская проза 1965, с.43])

Поэзия

Агафий Схоластик

«Пусть Киприда мое измучит сердце пустое,
Возненавидит меня, если впаду в этот грех!
Нет, никогда не грешил я с мальчишками и не искал их,
Не обольщала меня гнусная эта любовь!
Хватит мне женщин одних, хоть от них натерпелся немало;
А безбородых юнцов пусть заберет Питталак!»

(№ 2052). (Агафий (АП V 278),

пер. Т.Соколовой и М.Цетлина [Эпиграмма 1999, с.91])

«... Можно ль любовью назвать услаждение юношей? Гнусность!...»

(№ 2053). (Агафий (АП V 302), пер. Е.В.Свясова [Эпиграмма 1997, с.12])

«Ум, ненавидящий брак, получить хорошо, но, коль можешь,
Пусть и мужская любовь станет отвратной тебе.
Женщин, конечно, любить, это – зло, но не столь уж большое,
Ибо природа дала все им для этой игры.
...С мужем охотно всегда в сожителство, в брак ли вступает
Женщина. Мы же, подчас, ищем запретных путей».

(№ 2054). (Агафий (АП X 68) [Византийская литература 1968, с.174-175])

Марк Аргентарий

«Необоримый на этой печати Эрот предо мною:

Несокрушимого льва он за собою ведет.

Зверя рукою одной он бьет по затылку, другою

Путь указывает ему. Сколь привлекательный вид!

Я трепещу пред убийцей: коль дикого зверя унял он,

Более слабых существ не пощадит никогда»

(№ 2055). (Аргентарий (АП IX 221),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.65])

Гавриил

«Пусть он и спит, пусть и мертв, пусть даже он за обедом,

Знойных укусов своих не оставляет Эрот».

(№ 2056). (Гавриил Ипарх (АП XVI 208),

пер. Ф.А.Петровского [Эпиграмма 1999, с.552])

Паллад

«Медник, расплавив Эрота, его перелил в сковородку;

И не случайно; она тоже умеет сжигать».

(№ 2057). (Паллад (АП IX 773), пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.379])

«Этот Эрот обнажен и поэтому весел и ласков,

Ибо ни лука, ни стрел огненных нет у него.

Держит совсем не напрасно в руках он цветок и дельфина, -

Знаки, что властвует он и на земле и в морях».

(№ 2058). (Паллад. Статуя Эрота (АП XVI 207),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.552])

Христордор

«Звонкоголосая Сапфо, пчела Пиерид, восседала,
Тихо покоясь, но в сердце слагала лесбийская дева
Сладкозвучную песнь, и музы ей ум обуяли».

(№ 2059). (Христордор. III. Сапфо [Византийская литература 1968, с.139])

Эратосфен Схоластик

VI в.

«Льнут пусть к мужчинам другие. Я женщин извечный поклонник:

Дольше ведь в сердце своем чувство любви берегут!

Не по душе молодёжь мне, противна она, ненавистна.

Быстрорастущую я бороду разве стерплю?»

(№ 2060). (Эратосфен (АП V 277),

пер. Е.В.Свиясова [Эпиграмма 1997, с.117])

Юлиан Египетский

«Часто певал я о том и взывать еще буду из гроба:

Пейте, покуда вас всех прах не оденет земной!»

(№ 2061). (Юлиан Египетский. На Анакреонта.

Пер. Л.В.Блуменау [Лирика 1968, с.322])

«Из роз венки сплетая,

Нашел я в них Эрота.

За крылышки схвативши,

В вино его я бросил

И сам вино то выпил.

С тех пор мое все тело

Он крыльями щекочет».

(№ 2062). (Юлиан Египетский. Подражание Анакреонту.

Пер. Л.В.Блуменау [Лирика 1968, с.322-323])

Македоний (VI в.) см. [Эпиграмма 1997, с.62]

Анонимные авторы

«Некогда я на камнях, омываемых влагой, лежала

Лакомясь на глубине пышной травой морской.

Ныне сладостный вестник Киприды благовенчанной,

Спит у меня на груди, нежный малютка Эрот!»

(№ 2063). (Аноним (АП IX 325), пер. Ю.А.Голубца [Эпиграмма 1999, с.324-325])

«Пусть эти бани малы, но прелестны они, и в тончайшей

Струйке воды для людей здесь обитает Эрот».

(№ 2064). (Аноним. На бани (АП IX 611),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.359])

«Да, сам Эрот не велик, но прелестен. И между садами

Я не велик, но зато прелесть моя велика».

(№ 2065). (Аноним. На сад (АП IX 666),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.368])

«Не осуждай, что малы мы: приятность сопутствует малым,

Пафии мальчик, Эрот также совсем невелик».

(№ 2066). (Аноним. На маленькие бани (АП IX 784),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.380])

«Медный Эрот огненосный в огонь угодил: перелили

В пламенный тигель его, мукой за муки воздав».

(№ 2067). (Аноним (АП XVI 194),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.550])

«Бог крылатый, смотри, крылатую молнию держит.

Ясно: сильнее огня огонь, что зовется Эрот».

(№ 2068). (Аноним (АП XVI 250),

пер. С.П.Кондратьева [Эпиграмма 1999, с.557])

Иоанн IV

«...Страшись сношений с братьями юнейшими:

Здесь сатана губительный скрывает ков».

(№ 2069). (Иоанн IV, патриарх. Предписания монаху, ст.44-45

[Византийская литература 1968, с.216])

Мариан Схоластик

«Матерь – Киприду Эрот омыл в этих банях когда-то,

Факелом сам подогрев воду прозрачную их.

Словно амбросия пот ее лился и слился с водою.

Свежесть весенняя, ты благоуханье зажгла!

Благоуханием роз и теперь еще полнятся воды,

Словно, золотая, сейчас моется Пафия в них».

(№ 2070). (Мариан Схоластик (АП IX 626),

пер. Ю.Ф.Шульца [Эпиграмма 1999, с.361-362])

«Здесь, под яворов тенью, Эрот почивал утомленный,
В сладком сне к ключевым нимфам свой факел склонив,
Нимфы шепнули друг дружке: «Что медлим? Погасим светильник!
С ним погаснет огонь, сердце палящий людей!»
Но светильник и воды зажег; с той поры и поныне
Нимфы, любовью горя, воды кипящие льют».

(№ 2071). (Мариан Схоластик (АП IX 669),

пер. Л.В.Блуменау [Лирика 1968, с.321])

«Лук твой изогнутый где и стрелы куда подевались,
Что посылаешь всегда в сердце без промаха ты?
Крылья и факел, несущий так много страданий? Откуда
Эти четыре венка – на голове и в руках? –
Ведь не Кипридой доступной, о гость, не землю рожден я,
И не от плотской любви я появился на свет.
Но зажигаю я в чистом уме человеческом пламя
Истинных знаний и ввысь душу веду к небесам.
Из добродетелей свил я четыре венка и увенчан
Мудростью – первым венком, а остальные – в руках»

(№ 2072). (Мариан Схоластик (АП XVI 201),

пер. Ю.Ф.Шульца [Памятники 1964, т.1, с.108])

Конец основного текста

Приложение № 1. Крупные тексты

См. <http://www.aesthetics-greece.narod.ru/estetica-texts.htm>

Платон «Пир»

Платон «Федр»

Плотин (Ш. 5). Об Эросе (№ 50)

Приложение № 2. Древний Рим

См. <http://www.aesthetics-greece.narod.ru/estetica-Rome.htm>

Приложение № 3. Народы Запада

Кельты

(№ 2716). «При таком государственном строе [лакедемонском] богатство должно иметь большое значение, в особенности если мужчинами управляют женщины, что и наблюдается большей частью среди живущих по-военному воинственных племен, исключая кельтов и, может быть, некоторых других, у которых явным преимуществом пользуется сожительство с мужчинами. Кажется, небезосновательно поступил первый мифолог, сочетав Ареса с Афродитой: все упомянутые выше племена испытывают, по-видимому, большое влечение к любовному общению либо с мужчинами, либо с женщинами» (Аристотель. Политика II 6, 6 (1269b23-30), пер. С.А.Жебелева под ред. А.И.Доватура [Аристотель 1975-83, т.4, с.429])

(№ 2717). «Имея женщин прекрасной наружности, галлы уделяют им мало внимания, будучи сверх меры одержимы безумной страстью к мужским объятиям: в обыкновении у них спать прямо на земле на звериных шкурах, перекатываясь вместе с возлюбленными, которые находятся и с той и с другой стороны. Самое же удивительное из всего то, что, не заботясь о благопристойности, они легко отдают другим прелесть своего тела, отнюдь не считая это позорным, но более того: бесчестным считают того, кто, будучи желанным, не принимает предлагаемого дара» (Диодор V 32, 7 [Диодор 2005, с.235]) См. также Афиней XIII 603а.

(№ 2718). «...обычай спать на земле является общим у иберов с кельтами». (Страбон III 4, 16 (стр.164) [Страбон 1994, с.159])

(№ 2719). «...у них [иберов] принято посвящать свою жизнь тем, с кем их соединяют дружеские узы и даже самим умереть за них». (Страбон III 4, 18 (стр.165) [Страбон 1994, с.160])

(№ 2720). «Следующее сообщение принадлежит к числу наиболее известных; все кельты – любители спорить, и у них не считается постыдным для юношей щедро расточать свою юношескую прелесть» (Страбон IV 4, 6 (стр.199) [Страбон 1994, с.189])

Сообщение, видимо, восходит к труду географа Артемидора из Эфеса.

Так как галльская словесность не сохранилась, то следы гомоэротических сюжетов я пытался обнаружить в ирландском эпосе, но в общем безуспешно.

Германцы

(№ 2721). «Нравы германцев во многом отличаются от галльских нравов... Чем дольше молодые люди сохраняют целомудрие, тем больше им славы у своих: по их мнению, это увеличивает рост и укрепляет мускульную силу; знать до двадцатилетнего возраста, что такое женщина, они считают величайшим позором». (Цезарь. Записки о галльской войне VI 21 [Цезарь 1991, т.1, с.114])

(№ 2722). «[Нравы германцев] Ибо пороки там ни для кого не смешны, и развращать и быть развращенным не называется у них – идти в ногу с веком» (Тацит. Германия 19 [Тацит 1993, с.345])

(№ 2723). «Например, у нас считается постыдным и даже, более того, противозаконным мужеложство; у германцев же, говорят, оно не постыдно, но считается одной из обычных вещей». (Секст Эмпирик. Пирроновы положения III 200, пер. Н.В.Брюлловой-Шаскольской [Секст 1976, т.2, с.363])

(№ 2724). [При описании событий 378 г.] «О тайфалах рассказывают, что это поганое племя погрязло в гадких пороках, так что у них мужчины вступают в мужеложную связь с юношами, которые и проводят свои молодые годы в этом позорном общении. Если же кто-то из этих последних, возмужав, один на один поймает кабана или убьет огромного медведя, то освобождается от этой противоестественной скверны» (Аммиан Марцеллин. История XXXI 9, 5 [Аммиан 2000, с.507])

(№ 2725). [Народ эрулов во время Юстиниана] «Они вступали в безбожные половые сношения, между прочим, с мужчинами и с ослами; из всех людей они были самыми негодными и преступными и потому им суждено было позорно погибнуть» (Прокопий. Война с готами II 14 [Прокопий 1996, т.1, с.158])

См. также [Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. В 9 т. М., 1984-88. Т.6, с.149]

Приложение № 4. Народы Ближнего Востока

Египет

(Тексты пирамид. Гл.217

«(152a) Говорить слова: Ра Атум! Пришел к тебе сей и.р. [фараон], светило, не знающее гибели, владыка находящихся в зеленых местах.

... (152c) Вы ходите по небу hrt, соединенные для мужеложства.

(152d) Вы светите с того места горизонта, где вы сияете. ...

... (154c) Вы бродите по небу hrt, соединенные для мужеложства. ...

... (156c) Вы бродите по небу hrt, соединившись для мужеложства. ...

... (158c) Вы бродите по небу, соединенные для мужеложства.

(158d) Вы блистаете на горизонте в месте, где вы светите».

(пер. А.Л.Коцейовского [Тексты пирамид 2000, с.148-150])

(Комм. 367 А.С.Четверухина: «Не исключено, что здесь имеется в виду слияние в единое целое, т.е. воплощение царя в Атуме-Ра» [Там же, с.149])

Из «Книги Мёртвых».

Глава 125. Вторая оправдательная речь умершего.

Умерший предстаёт перед 42 богами и оправдывается в 42 основных грехах.

«...(27) О Херехфаер, являющийся в Тепхет-Джате, я не мужеложествовал!» (пер. М.А.Коростовцева [Повесть Петеисе III 1978, с.259])

«Тяжба Гора и Сета». Повесть времени Нового царства.

«[Случилась] тяжба между Гором и Сетом, чьи образы таинственны, [между] великими властителями, могущественнейшими из существовавших когда-либо. ...

...

...И Сет сказал Гору:

- Иди! Проведем приятный день в моем доме.

И Гор сказал ему:

- Согласен, я согласен.

И вот затем, в вечернюю пору, им постелили, и они легли, эта пара.

И вот ночью Сет укрепил свой член и направил его между ляжек Гора.

И Гор всунул обе свои руки между своих ляжек и принял семя Сета.

...

...И они отправились в суд, эта пара. Они предстали перед великой Эннеадой. ... И Сет сказал:

- Пусть отдадут мне сан правителя, ибо, что касается Гора, который присутствует здесь, то я выполнил работу мужчины по отношению к нему.

И [боги] Эннеады громко закричали. И они извергали блевотину и плевали в лицо Гору.

И Гор насмехался над ними.

И Гор поклялся богом:

- Ложь всё, что говорит Сет! Пусть позовут семя Сета, и посмотрим, откуда оно откликается, и пусть позовут [затем] моё [семя], и посмотрим, откуда оно откликнется.

...

И [боги] Эннеады сказали:

- Прав Гор, не прав Сет» (пер. И.Г.Лившица [Сказки и повести Древнего Египта 1979, с.108, 121-123])

«Египетские боги Гор и Сет иногда изображались в виде одной фигуры с двумя лицами, что позволяет дать гипотетическую андрогинную интерпретацию и первоначальному мифу о кровосмесительной их связи». (Вяч.Вс.Иванов [МНМ, т.1, с.175])

(№ 2726). «...все египтяне точно так же почитают больше всех животных коров. Вот почему ни один египтянин или египтянка не станет целовать эллина в уста и не будет употреблять эллинского ножа, вертела или котла» (Геродот II 41 [Геродот 1999, с.112])

Израиль

Тора (Пятикнижие Моисеево)

«(Левит, гл.18) И говорил Яхве Моисею: Скажи сынам Израиля: ... (22) И с мужчиной не ложись, как лежат с женщиной: мерзость это. ... (24) Не оскверняйте себя всем этим, ибо всем этим осквернились народы, которые Я прогоняю от вас» (Левит, гл.18, ст.22, 24, пер. И.Ш.Шифмана [Пятикнижие 1993, с.173-174])

(Левит, гл.20) «(13) И человек, который ляжет с мужчиной, как лежат с женщиной, - мерзость они сделали оба, смертью пусть будут умерщвлены, их кровь на них» (пер. И.Ш.Шифмана [Пятикнижие 1993, с.176])

(Второзаконие, гл.23) «(18) Пусть не будет блудницы из дочерей Израиля, и пусть не будет блудника из сынов Израиля. (19) Не приноси плату за блудницу и цену за блудника в Дом Яхве, твоего Бога, и по какому обету, ибо мерзость для Яхве, твоего Бога, они оба» (пер. И.Ш.Шифмана [Пятикнижие 1993, с.253])

Финикия: см. (CIS 1. 97)

Писания

«(21) Ровоам, сын Соломонов, царствовал в Иудее. ... (22) И делал Иуда [колени Иуды] неугодное пред очами Господа [Яхве]... (24) И блудники были также в той земле, и делали все мерзости тех народов, которых Господь [Яхве] прогнал от лица сынов Израилевых» (3-я кн. Царств, гл.14, ст.21-24. Синодальный перевод [Библия 1989, с.380])

«(9) ...воцарился Аса над иудеями. ... (12) Он изгнал блудников из земли, и отверг всех идолов, которых сделали отцы его» (3-я кн. Царств, гл.15. Синодальный перевод [Библия 1989, с.381])

«(41) Иосафат, сын Асы, воцарился над Иудеею... (46) И остатки блудников, которые остались во дни отца его Асы, он истребил с земли» (3-я кн. Царств, гл.22. Синодальный перевод [Библия 1989, с.393])

«[Царь Иосия, 622 г. до н.э.] (6) ...и вынес Астарту из дома Господня [Яхве] за Иерусалим, к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное; (7) и разрушил дома блудилищные, которые [были] при храме Господнем [Яхве], где женщины ткали одежды для Астарты... (13) и высоты, которые пред Иерусалимом, направо от Масличной горы, которые устроил Соломон, царь Израилев, Астарте, мерзости Сидонской, и Хамосу, мерзости Моавитской, и Мизхому, мерзости Аммонитской, осквернил царь» (4-я кн. Царств, гл.23. Синодальный перевод [Библия 1989, с.424])

Пророки

«(13) Сердце нечестивцев гневом полно,

не взмолятся, когда Он их в цепи закует;

(14) в юности погибают они,

блудниками при капищах, жизнь кончают...»

(Кн. Иова, гл.36, 13-14, пер. А.С.Десницкого [Притчи, Экклезиаст, Иов 2004, с.148])

Межзаветная литература

«(17, 1) И так как вы слышали о семидесяти седмицах, то выслушайте и о священстве. (2) Ибо сообразно каждому юбилею будет священство. ... (11) В седьмую же седмицу обретут они священников, кои будут идолопоклонники, любостыжатели, гордецы, беззаконники, нечестивцы, растлители детей и скотоложцы ...». (Завещания двенадцати патриархов. Левия 17, 11, пер. В.Витковского [Апокрифические апокалипсисы 2003, с.68]; см. также пер. А.Смирнова [Книга Еноха 2000, с.226])

Талмуд

Комм. к Лев. 20, 13 «Кто» - исключается малолетний, «ляжет с женщиною» - в это понятие входит и малолетний; выражением («лежания женщины») Писание указывает, что относительно женщины возможны два рода лежания: р. Исмаил говорит: стих пришел, чтобы учить (служить для разъяснения), а между тем сам получает разъяснение. «Да будут преданы смерти, кровь их на них» - чрез побивание камнями; а где запрещение? в стихе [Лев. 18, 22]: «не ложись с женщиною, как с женщиною»; а где запрещение относительно пассивного участника? - в стихе [Вт. 23, 18]: «не должно быть блудника из сынов Израилевых», и еще сказано [1 Цар. 14, 24]: «и блудник был также в этой земле». Р.Акиба выводит это так: в стихе Лев. 18, 22 вместо ло тишкав (активно) читай ло тишшахев (пассивно). Р.Ханина сын Иди говорит: мужеложство и скотоложство входят в число запретных соитий [названных «мерзостью», Лев. 18, 26] - но Писание выделило их тут, назвав мерзостью, чтобы сказать: как это есть грех, за сознательное совершение коего полагается истребление, а за бессознательное хаттат [искупительная жертва], и грех, за который Хананеяне изгнаны из земли, так за всякий грех соития, сознательное совершение коего влечет истребление, а бессознательное хаттат, Хананеяне изгнаны из земли». (Талмуд. Мехильта и Сифра. Отдел Кедошим [Талмуд 2004-05, т.7, с.472-73])

«тридцать шесть истреблений в Торе: 1) кто сожительствовавший матери своей, 2) жене отца, 3) снохе, 4) мужчине, 5) скоту ...»

2. За эти нарушения, в случае заведомости, полагается истребление, в случае незаведомости - хаттат, а при незнании - ашам талуй...» (Талмуд. Ч.5. Керитот. Гл. I, 1. [Талмуд 2004-05, т.5, с.336])

«Какие лица побиваются камнями? - Кто сожительствовавший ... мужчине ...» (Талмуд. Ч.4. Санхедрин VII 4 [Талмуд 2004-05, т.4, с.275])

«[10, 2г] «Сожительствовавший мужчине» - девяти лет и одного дня». [Талмуд 2004-05, т.4, с.277]

«Каких лиц спасают [от преступления] ценою их жизни? Того, кто преследует ближнего своего, чтобы убить его, кто преследует мужчину [с целью мужеложства], кто преследует отроковицу обрученную...» (Санхедрин VIII 7 [Талмуд 2004-05, т.4, с.288])

О Содомских жителях как грешниках. - Пс. 1, 5 (Санхедрин X 3 [Талмуд 2004-05, т.4, с.296])

Следует обратить внимание, что в еврейской традиции самым страшным грехом Содома называется несправедный суд:

«Четверо судей было в Содоме... Этими судьями были установлены такие правила:

Кто имеет вола, обязан пасти общественное стадо один день, а кто никакого скота не имеет – два дня.

... Если кто отрежет ухо у чужого осла, животное поступает в полное его распоряжение до тех пор, пока не отрастет отрезанное ухо.

Если кто нанесет другому увечье, пострадавший вносит ему плату как за кровопускание.

Кто пройдет через мост, уплачивает четыре зуза, а кто переберется вброд – восемь зуз». (см. [Агада 1993, с.28-30])

«[8, 23] Р.Иосе говаривал: наихудший из всех городов Содом, ибо всякого злодея называют: «содомитянин»; [8, 24] ... Р.Нехоран говорит: спокойнейший из городов – Содом, ибо в Писании находим, что Лот обошел все местности и не нашел города более мирного, чем Содом, как сказано [Быт. 13, 12]». (Талмуд. Шаббат VI 10 [Талмуд 2004-05, т.2, с.43])

«Андрогин в некоторых отношениях рассматривается как мужчина, в некоторых – как женщина, в некоторых – как мужчина и женщина, а в некоторых – ни как мужчина, ни как женщина.

В каких случаях он рассматривается как мужчина? – Подобно мужчине он делается нечистым от белого истечения [Зав. 2, 1 – см. т.6] (он носит мужское платье), женится, а не выходит замуж [Иев. 8, 6 - см. т.3]; (мать его соблюдает после родов период очищения, как при мальчике); он не остается наедине с женщинами, как мужчина; не получает из наследства пропитания [Б.Б. 9, 2] вместе с дочерьми, как мужчина; он стрижется, как мужчины (к нему применимы законы [Лев. 19, 27] «не стригите головы вашей кругом и не порти края бороды твоей»); (будучи священником) не должен оскверняться, прикасаясь к мертвецам, как мужчины, и подлежит всем законам Торы, как мужчина.

В каких отношениях он рассматривается как женщина? – Подобно женщине он делается нечистым от красного истечения; не остается наедине с мужчинами, как женщина; не связан левиратным браком, не получает наследственной доли вместе с сыновьями, не ест великих святынь, как женщина (его мать нечиста после его родов, как после девочки, то есть две недели), он не годен ни для одного из свидетельств, предусмотренных в Торе, и если с ним кто сожительствовал в грехе (неправоспособный священник или родственник) то он теряет право есть возношение подобно женщине.

В чем он подобен мужчине и женщине? – За оскорбления, ему нанесенные, полагаются те же наказания, как за оскорбления, нанесенные мужчине или женщине; убивающий его случайно – изгоняется (в город убежища), а умышленно – подлежит смертной казни, как за убийство мужчины или женщины; его мать приносит за него жертву, как за мальчика или девочку; он ест святыни «провинциальные», как мужчина и женщина, и способен наследовать отчиму, как мужчина и женщина, [а если кто скажет: «я назорей, если это не мужчина, или не женщина», - то он должен держать назорейство].

В чем он не подобен ни мужчине, ни женщине? – Оскверненного им возношения не сожигают за осквернение им Храма и святынь его наказания не полагается, он не может быть продан, как «еврей-раб», он не оценивается ни как мужчина, ни как женщина, и если кто скажет: «я назорей, если это не существо бесполое», - то он должен соблюдать назорейство.

Р.Иосе говорит: андрогин – существо особенное, и мудрецы не могли решить, мужчина ли он или женщина. Но тумтум не то: иногда он мужчина, иногда женщина». (Талмуд. Тосефта, трактат Биккурим, 2, 2 [Талмуд 2004, т.1, с.406-408])

Приложение № 5. Иранские народы

(№ 2727). «Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. ... Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками» (Геродот I 135 [Геродот 1999, с.62])

Артаксеркс

(№ 2728). «Несколько времени спустя погибает царский евнух Тиридат, первый красавец в Азии. Он умер отроком, едва выйдя из детских лет. Говорят, что царь нежно любил его. Поэтому-то он очень горевал и тяжело печалился; по всей Азии из почтения к царю был похоронный плач. Однако никто не осмеливался ни приблизиться к Артаксерксу, ни утешить его, так как все знали, что его горе не облегчить. Через три дня после случившегося Аспасия в траурной одежде вошла к царю (он готовился идти на омовение) и остановилась перед ним, потупившись, со слезами на глазах. При виде ее Артаксеркс удивился и спросил, зачем она пришла. Аспасия ответила: «Чтобы утешить твою скорбь, царь, если допустишь меня, а если ты недоволен, я уйду». Царь был обрадован ее заботой и велел Аспасии пройти в спальню и подождать его там. Она повиновалась. Вернувшись, Артаксеркс накинул на черную столу Аспасии столу умершего евнуха. Ей шла эта одежда Тиридата, и ее красота показалась влюбленному царю более ослепительной. Покоренный этим, он пожелал, чтобы Аспасия, пока для него не пройдут самые печальные дни, приходила в таком наряде. Она, чтобы угодить царю, согласилась» (Элиан. Пёстрые рассказы XII 1 [Элиан 1963, с.86])

(№ 2729). «Прославленными танцовщиками были ... критянин Зенон, бывший, по свидетельству Ктесия, любимцем Артаксеркса» (Афиней I 22с [Афиней 2003-, т.1, с.32])

Скифы и саки

(№ 2730). «У скифов есть много предсказателей. ... Энареи – женоподобные мужчины – говорят, что искусство гадания даровано им Афродитой. Гадают они при помощи липовой мочалы» (Геродот IV 67 [Геродот 1999, с.256])

(№ 2731). «[Победа персов над саками]. Кир же, считавший свою удачу ниспосланной божеством, посвятил этот день отеческой богине, назвав его Сакеями. И всюду, где есть святилище этой богини, там по обычаю справляется праздник Сакеев – нечто вроде вакхического праздника, на котором одетые в скифскую одежду мужчины пьют и непристойно заигрывают друг с другом и с пирующими вместе с ними женщинами». (Страбон XI 8, 5 (стр.512) [Страбон 1994, с.484])

Парфия

(№ 2732). «После смерти парфянского царя Митридата царем стал сын его Фраат [139 г.] ...скифы стали опустошать парфянские пределы. Поэтому Фраат выступил против них в поход, а для управления государством оставил некоего Гимера, с которым Фраат сблизился, когда тот был еще цветущим отроком. Гимер, забыв о своем прошлом и о том, что он [лишь] временно облечен властью наместника, с жестокостью тирана стал безобразно притеснять жителей Вавилона и других городов» (Юстин. Эпитама Помпея Трога XLII 1, 1-3 [Юстин 2005, с.250, 279])

Эпоха Сасанидов

(№ 2733). Описание Персии. «Большинство из них склонно к любовным излишествам и с трудом удовлетворяется множеством наложниц. Педерастии они не знают». (Аммиан Марцеллин XXIII 6, 76 [Аммиан 2000, с.300-301])

«А лживый Ахриман выродил дэвов и прочих колдунов от содомского греха с самим собой. И он заключил с Ормаздом договор на 9000 лет в безграничном времени, и до завершения [этого срока] никто не может [ничего] изменить или поступить иначе» (Суждения Духа разума, л.24 [Зороастрийские тексты 1997, с.90])

«Спросил мудрец у Духа разума: «Какой грех тяжелее?» Дух разума ответил: «Из тех грехов, что совершают люди, самый страшный грех – содомский. Второй [грешник] – предающиеся содомскому греху... [всего перечислено 30 видов грешников]» (Суждения Духа разума, л.37 [Зороастрийские тексты 1997, с.104]). См. примеч. 60. Указание на город Содом, разумеется, есть только в переводе, а не в оригинале.

Приложение № 6. Индия

«[Кто] сходится с женщиной или мужчиной противоестественным образом, [платит] штраф 24 [паны], как и при соитии со странствующей монахиней» (Дхармашастра Яджнавалкьи, II 293 [Самозванцев 1994, с.82])

См. Артхашастра IV.13.36-37,40 [Самозванцев 1994, с.291]

«(159-169) ... педераст ... [перечислены те, кто] не может быть свидетелем»
(Дхармашастра Нарады I 165 [Нарада 1998, с.85])

«(11) Сведущие в шастре называли четырнадцать видов не-мужчин, излечимых и неизлечимых правила о них излагаются по порядку.

... (13) способный быть мужчиной лишь под влиянием ревности или находясь в связи [с другим мужчиной], [изливающий] семя на ветер или в рот...

(15) те четыре, что названы далее – «способный быть мужчиной лишь под влиянием ревности» и другие, - подобны изгнанным из касты; они должны быть оставлены женщиной даже после потери девственности» (Дхармашастра Нарады XII [Нарада 1998, с.116])

Законы Васиштхи, Баудхаяны, Нарады.

См. Мбх III 188.40, VII 73.47. Артхашастра IV 88.13

Из «Камасутры» Ватсьяяны Малланаги (III в. н.э.):

«(Ч.9, гл.19) Евнухи бывают двух видов – женоподобный и мужеподобный. Женоподобный подражает женщинам в одежде, речах, движениях, желаниях, мягкости, робости, простодушии, незащитности и стыдливости. В его рту совершается действие нижней части, и это зовётся аупариштака. Таким образом он получает «воображаемое» наслаждение и средства существования и ведет образ жизни гетеры. Таков женоподобный [евнух].

Мужеподобный же скрывает свое желание и, стремясь сблизиться с женщиной, живет ремеслом массажиста. При массаже он, как бы [невзначай] обнимая, растирает бедра мужчины и с возрастанием доверия касается основания бедер и нижней части. При этом, заметив, что член напряжен, он раздражает его трением ладони и смеется, словно порицая того за возбуждение. И заметив [в нем] признаки неестественной склонности, он, даже не будучи побуждаем, сам приступает к делу; побуждаемый же женщиной возражает и уступает лишь с трудом.

При этом применяется совокупность действий восьми видов: «умеренное», «боковой укус», «внешний зажим», «внутренний зажим», «поцелуй», «потирание», «сосание плода манго», «поглощение». Завершив каждое из них, [евнух] выказывает желание остановиться. Тот же по завершении предыдущего требует следующего за ним другого; когда же и оно закончено – следующего.

Держа рукой, он прикладывает его к губам, отводит, а затем двигает его во рту – это «умеренное».

Охватив пальцами головку, он, не кусая, прижимает ее губами с боков, успокаивая [того словами]: «Пусть будет до сих пор», - это «боковой укус».

Побуждаемый дальше, он сжимает головку сомкнутыми губами и, как бы втягивая, целует – это «внешний зажим».

При этом, упрасиваемый, он продвигает [член] несколько дальше, и, сжав головку губами, [затем] выталкивает – это «внутренний зажим».

Держа рукой, он как бы захватывает его губами – это «поцелуй».

Сделав так, он концом языка со всех сторон касается его и толкает головку – это «потирание».

Таким же образом, наполовину введя и со страстью сильно прижимая вновь и вновь, он отпускает его – это «сосанье плода манго».

По желанию мужчины он поглощает и сжимает его до самого конца – это «поглощение».

И здесь по желанию применяются возгласы и удары. Такова аупариштака.

...

(30) ...У некоторых мужчин аупариштаку совершают молодые слуги с блестящими украшениями в ушах. То же совершают и некоторые горожане, желая с возрастанием доверия по обоюдному уговору угодить друг другу» (пер. А.Я.Сыркина [Камасутра 1993, с.70-72])

Хорезмийский ученый-энциклопедист ал-Бируни (973-1048) в своем трактате «Индия» пишет:

«Глава 16. В которой излагаются сведения ... о некоторых индийских обычаях, которые могут показаться диковинными

...Индийские мужчины одеваются, как женщины, употребляют косметические средства, носят серьги, браслеты, золотые перстни на безымянном пальце и на пальцах ног.

Они благосклонно относятся к любовникам-мужчинам, а пассивные педерасты у них, называемые пушандилами, забирают в рот мужской член и очищают его от семени, которое проглатывают.

...Они поклоняются линге, а это – изображение члена Махадевы» (Бируни. Индия, гл.16, стр.89 [Бируни 1995, с.184])

Приложение № 7. Китай

Слабо разбираясь в китайской литературе, я собирался ограничиться цитатами из книги Роберта Ван Гулика, однако при сопоставлении с Сыма Цянем выяснился ряд неточностей.

«Три первых императора [династии Хань] – Гао-цзу (так называемый Лю Бан, основатель династии, на троне 206-195 гг. до н.э.), Хуэй-ди (на троне 194-188 гг. до н.э.) и Вэнь-ди (на троне 179-157 гг. до н.э.) были, несомненно, бисексуалами: помимо регулярных сношений с бесчисленными дамами из гарема у всех троих были связи с молодыми людьми. В

правление Хуэй-ди таких мальчиков одевали как чиновников, украшая их шапками из золоченых перьев фазана и поясами, усыпанными драгоценными камнями; они накладывали на лицо пудру и румяна и постоянно пребывали в спальнях покоях императора.

Гомосексуальные наклонности императора Вэнь-ди стимулировались его даосскими увлечениями. Как-то ему приснилось, что некий лодочник перевозит его в обитель бессмертных. Впоследствии он познакомился с молодым и красивым лодочником по имени Дэн Тун, который напомнил ему человека из сна, и тогда он сделал его своим фаворитом, осыпав почестями и одарил богатством». (Ван Гулик. Сексуальная жизнь в древнем Китае, гл.3 [Ван Гулик 2004, с.105])

«В то время тайчжундафу Дэн Тун как раз оказался в фаворе при дворе и стал в огромных размерах получать награды и подарки. Благоклонность к нему дошла до такой степени, что император Вэнь-ди нередко бражничал в доме Туна. [Далее рассказ о ссоре Шэнь Ту-цзя с Дэн Туном]» (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.96 [Сыма Цянь, т.8, с.168-169])

«Дэн Тун был простым сановником, но, занявшись выплавкой денег, он по богатству превзошел любого вана. Коль скоро деньги, отлитые во владении У и Дэн [Туном], распространились по всей Поднебесной, [в конце концов] появилось запрещение [свободной] отливки монет». (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.30 [т.4, с.202 и 320])

Краткая биография Дэн Туна – гл.125.

«Князь Дуань страдал «ослаблением сексуальной потенции» (инь вэй), и ему становилось плохо всякий раз, когда нужно было приблизиться к женщине. При этом у него имелся юный возлюбленный, которого он убил собственноручно, обнаружив, что тот вступает в запретные сношения с дамами из его гарема». ([Ван Гулик 2004, с.103])

«[154 г.] Своего сына Дуаня [император] наградил титулом Цзяоси-вана». (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.11 [Сыма Цянь, т.2, с.248])

«[154 г.] ...цзяосиский ван Юй-ван по имени Дуань как сын императора был поставлен Цзяоси-ваном. Дуань был жестоким человеком с воровскими наклонностями, страдал половой слабостью, болея по несколько месяцев после связи с женщиной. Но около себя держал молодого слугу в качестве фаворита. Однажды он узнал, что этот слуга имел связь в хоугуне князя. Тогда Дуань схватил и убил этого юношу, а вместе с ним женщину и их ребенка». (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.59 [Сыма Цянь, т.6, с.259])

«У императора У-ди (на троне 140-87 гг. до н.э.) с детских лет был приятель по имени Хань Янь, человек очень способный, который оставался его любовником в течение многих лет, пока его не оклеветали и он не погиб.

У того же императора постоянно имелось рядом двое любовников; один из них вступил в незаконную связь с дамами из гарема, и тогда другой его убил. Император пришел в

страшную ярость, но, когда убийца объяснил ему причину, У-ди заплакал, и с той поры император испытывал к нему еще большую любовь.

Другим его любовником был Ли Янь-нянь, актер, которого за какую-то провинность оскопили. В результате этого унижения он приобрел прекрасный голос, чем и снискал симпатии императора...» (Ван Гулик. Сексуальная жизнь в древнем Китае, гл.3 [Ван Гулик 2004, с.105])

«Как-то [юный] Сын Неба играл с Хань Янем, но тот повел себя недостаточно уважительно, за что Дан-ху ударил его, и он убежал. С тех пор Сын Неба стал считать [Дан-ху] смелым». (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.109 [Сыма Цянь, т.8, с.320 и 439])

Краткая биография Хань Яня – гл.125.

«Когда нынешний наш государь вступил на престол, было составлено девятнадцать гимнов и приказано шичжуну Ли Янь-няню установить порядок их исполнения и музыку к ним, за что ему был пожалован титул се люй дувэй – «советник, гармонизирующий тоны звукоряда». (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.24 [Сыма Цянь, т.4, с.72 и 236])

«В этом году [111 г.] после уничтожения царства [племен] наньюэ к императору явился его любимый сановник Ли Янь-нянь, предложивший хорошую музыку. Император похвалил новую мелодию...» (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.12 [Сыма Цянь, т.2, с.271])

«Фужэнь Ли тоже рано умерла. Ее старший брат Ли Янь-нянь имел пристрастие к музыке и получил звание селюя. Вначале он был певцом. Старший и младший братья Ли были впоследствии обвинены в распутстве и казнены вместе с семьями». (Сыма Цянь. Исторические записки, гл.49 [Сыма Цянь, т.6, с.172 и 345])

Краткая биография Ли Янь-няня – гл.125.

«У Ай-ди, последнего императора династии Ранняя Хань (на троне 6-1 гг. до н.э.), имелось несколько юных любовников, самым знаменитым из которых был Дун Сянь. Однажды, когда император делил ложе с Дун Сянем, последний заснул, прижав рукав императора. Поскольку императора вызвали для участия в торжественной аудиенции, он достал меч и отрезал свой рукав, чтобы не потревожить сон возлюбленного. С той поры термин дуаньсю («отрезанный рукав») стал в литературе эвфемизмом для обозначения педерастии». ([Ван Гулик 2004, с.107])

«В «Ши шо синь юй», собрании коротких историй и анекдотов, составленном Лю Ицином (402-444), в гл.10 под названием «Мудрые женщины» («Сянь юань») приводится следующая история о Цзи Кане, Жуань Цзи и их друге Шань Тао (205-283):

«Когда Шань Тао встретился с Цзи Каном и Жуань Цзи, у них сразу завязалась дружба, которая «разрушает металл и благоухает, как орхидеи» (цитата из «И цзина»). Жена Шань Тао, урожденная Хань, обнаружила, что привязанность ее мужа к этим двоим мужчинам непохожа на обычную дружбу, и спросила его об этом. На это ее супруг сказал: «Только этих двоих я могу по праву считать своими друзьями». Тогда его жена сказала: «[В древности] жена Фу-ци лично следила за Ху-янем и Чжао-цзем. Ты не будешь возражать, если я начну следить за твоими друзьями?» Когда потом Цзи Кан и Жуань Цзи пришли его навестить, госпожа Шань уговорила мужа убедить их остаться на ночлег. Она предложила им вино и закуски, а с наступлением ночи проделала в стене отверстие и наблюдала за ними до самого рассвета. И тогда вошел ее муж и спросил: «Что ты теперь думаешь про этих двоих?» Его жена ответила: «Они намного талантливее тебя; должно быть, они сделали тебя своим другом потому, что ты много знаешь». На это Шань Тао заметил: «Эти двое на самом деле всегда считали, что я знаю больше, чем они»»». ([Ван Гулик 2004, с.149])

«Ночью глубокой пустынно и чисто,
Ярко луна осветила террасу.
Ветер чуть-чуть шевелит мне одежду,
Полог простой высоко подобран.
Кубок наполнен вином превосходным,
Только мне не с кем делить мою радость.
Цинь мой певучий со мной неразлучно,
Жалко, что ныне играть на нем не с кем,
Взор подымаю, тоскую о друге,
Благоуханном, как цвет орхидеи...
Нет человека прекрасного рядом –
Разве же можно теперь не вздыхать мне?»

(Цзи Кан. Дар сюцаю, уходящему в поход.

Стихотворение 15, пер. В.Рогова [БВЛ, т.16, с.210])

О императоре Фэй-ди (449-465) см. (Ван Гулик, гл.5 [Ван Гулик 2004, с.151]).

конец приложений

Вместо эпилога

В апреле 1300 г. величайший путешественник всех времен Данте Алигьери, ведомый бисексуалом Вергилием, спустившись в Ад, в третьем поясе седьмого круга (который «Первая Любовь» отвела содомитам) встретил своего учителя Брунетто Латини:

«Когда бы все мои мольбы свершались, -

Ответил я, - ваш день бы не угас,

И вы с людьми еще бы не расстались.

Во мне живет, и горек мне сейчас,

Ваш отчий образ, милый и сердечный,

Того, кто наставлял меня не раз,

Как человек восходит к жизни вечной;

И долг пред вами я, в свою череду,

Отмечу словом в жизни быстротечной.

Я вашу речь запечатлел и жду,

Чтоб с ней другие записи сличила

Та, кто умеет, если к ней взойду... [Беатриче]

...

Меж тем и сэр Брунетто не молчит

На мой вопрос, кто из его собратий

Особенно высок и знаменит.

Он молвил так: «Иных отметить кстати;

Об остальных похвально умолчать,
Да и не счесть такой обильной рати.

То люди церкви, лучшая их знать,
Ученые, известные всем странам;
Единая пятнает их печать.

В том скорбном сонме – вместе с Присцианом
Аккурсиев Франциск; и я готов
Сказать, коль хочешь, и о том поганом, [Андреа деи Модзи]

Который послан был рабом рабов
От Арно к Баккильоне, где и скинул
Плотской, к дурному влѣкшийся покров.

Еще других я назвал бы; но минул
Недолгий срок беседы и пути:
Песок, я вижу, новой пылью хлынул;

От этих встречных должен я уйти.

Храни мой Клад, я в нем живым остался;
сокровище»,

[«Книга о

Прошу тебя лишь это соблюсти».

сочинение Латини]

(Данте Алигьери. Комедия. Ад XV 79-90, 100-120.

Пер. и комм. М.Лозинского [Данте 1998, с.79-81])

Константинос Кавафис

«Темеф Антиохиец, 400 год

Стихи Темефа, юноши, сраженного любовью.

Поэма: «Эмонид» - о юноше прекрасном,

о неразлучном друге Антиоха Епифана,

любимце Самосат. Но столько в каждой строчке

(казалось бы, о людях давно минувших лет:

год сто тридцать седьмой царей греко-сирийских!

А может, чуть пораньше) волненья и тепла,

что ясно: Эмонид – фигура подставная.

Поэма говорит нам о любви Темефа,

любви, достойной стать стихом. Мы сопричастны тайне;

его ближайшие друзья, мы сопричастны тайне

и знаем, для кого написаны стихи.

Но незачем об этом знать антиохийской черни»

(пер. Е.Смагиной [Кавафис 2000, с.140])

И последнее: пусть читатель взглянет

на курсив в: Плотин VI 7, 32 и спросит меня:

«Антон, а собственно, для кого ты всё это написал?»

- For every mind to whom it may concern

Из цикла Дэвида Зинделла «Реквием по Homo sapiens»

«Ибо все существующее, даже огненная пыль Авендельской туманности, даже ледяная крупа, летящая Данло в лицо, - все существующее живо. Жизнь всегда накапливает в себе новую жизнь и становится все огромнее и сложнее. Живые существа создают ходы под снегом и песни, летящие к звездам, легкие корабли и мед, жемчуг, и стихи, и компьютеры, создающие собственные вселенные с особого рода жизнью. Жизнь клубится, пульсирует и складывается в прекрасные узоры на просторах космоса. Солнца и луны пылают диким огнем жизни, и фотоны пляшут в световых реках, струящихся от звезды к звезде. Жизнь, как бесконечный цветок, раскрывается в нашу вселенную и во все возможные вселенные, затрагивая всю материю, все пространство, все время своими золотыми лепестками и своим ароматом. Все становится глубже и глубже, ярче и ярче, как звезда, наливающаяся беспредельной яркости светом».

(пер. с англ. Н.Виленской [Зинделл 2003, с.667])

Указатели.

1. Указатель источников.

1.1. Греческие авторы.

Марк Аврелий. К самому себе I 16 (№ 2558); 17 (№ 2559); XI 15 (№ 2560).

Автомедонт. Эпиграмма АП XII 34 (№ 1510).

Агафий Схоластик. Эпиграммы АП V 278 (№ 2052); 302 (№ 2053); X 68 (№ 2054).

Акусилаи. Фрагменты (№№ 363, 364, 365, 366).

Александр Этолийский. Из поэмы «Аполлон» (№ 1253).

Алексид. Состязательница (№ 1018). Тарентийцы (№ 1017). Федр (№ 1016).

Алкей Мессенский. Эпиграммы АП V 10 (№ 1304); XII 29 (№ 1305); 30 (№ 1306); 64 (№ 1307); XVI 196 (№ 1308).

Алкей Митиленский. Стихотворения, фр.4 (327) (№ 345); 49 (346) (№ 347); 18 (354) (№ 346); 88 (№ 330).

Алкиной. Учебник платоновской философии V 4-5 (№ 1544); XXIV 3 (№ 1545; № 614); XXXIII 3-4 (№ 1546).

Алкман. Стихотворения, фр.20 (58) (№ 308); фр.21 (59а) (№ 309).

Алфей Митиленский. Эпиграмма АП XII 18 (№ 1511).

Амфилохий Иконийский. К Селевку (№ 1946).

Анакреонт. Стихотворения: фр.21 (1, 4) (№ 411); 46 (2) (№ 431); 11 (9) (№ 440); 13 (11) (№ 423); 2 (12) (№ 434); 49 (14) (№ 435); 45 (15) (№ 427); 53 (21) (№ 433); 55 (22) (№ 421); 51 (29) (№ 436); 52 (30) (№ 425); 22 (31) (№ 412); 20 (33+34) (№ 410); 16 (38) (№ 424); 24 (51) (№ 414); 26 (53) (№ 416); 50 (55) (№ 437); 54 (57a) (№ 420); 28 (57b) (№ 419); 56 (57c) (№ 422); 23 (58) (№ 413); 57 (62) (№ 426); 25 (68) (№ 415); 48 (69) (№ 430); 47 (77) (№ 430); 59 (78) (№ 432); 58 (79) (№ 439); 27 (83) (№ 417); 73 (88) (№ 438); 29 (55 Джентили) (№ 419).

Анаксандрид. Одиссей (№ 1009, № 1010).

Андокид. Речи I 13 (№ 632); I 15 (№ 633); I 100 (№ 887).

Антагор. Эпиграмма АП VII 103 (№ 1130).

Антигон Каристский. Жизнеописания (№№ 1106, 1128, 1130, 1158, 1174).

Антипатр Сидонский. Эпиграммы АП VII 14 (№ 334); 23 (№ 448); 26 (№ 449); 27 (№ 450); 29 (№ 451); 30 (№ 452); 427 (№ 1328); 745 (№ 466); IX 66 (№ 335); XVI 167 (№ 1034).

Антипатр Фессалоникский. Эпиграммы АП VII 15 (№ 336); IX 241 (№ 1512).

Антисфен. Изречения (№№ 843-849).

Антифан. Рыбачка (№ 1012).

Антоний Мелисса. II 1 (№ 596).

Антоний и Максим. Рассуждения о красоте (№ 871).

Антонин Либерал. Метаморфозы 8 (№ 173); 12 (№ 169); 23 (№ 82); 26 (№ 144); 30 (№ 115); 41, 6-7 (№ 167).

Псевдо-Аполлодор. Мифологическая библиотека I 3, 3 (№ 102, № 61); 7, 3 (№ 59); 9, 1 (№ 159); 9, 5 (№ 59); 9, 19 (№ 145); II 4, 11 (№ 124); 5, 2 (№ 126); 5, 8 (№ 136); 5, 9 (№ 39); 6, 1 (№ 127); 7, 7 (№ 142); III 1, 1-2 (№ 114); 5, 5 (№ 163); 10, 3 (№ 58); 10, 3 (№ 83); 10, 4 (№ 60); 10, 8 (№ 180); 10, 8 (№ 196); 12, 2 (№ 32); 13, 8 (№ 184); Э II 3 (№ 90); V 3 (№ 199); V 5 (№ 204); VI 24-25.27-28 (№ 227).

Аполлонид. Эпиграмма АП XVI 49 (№ 1513).

Аполлоний Родосский. Аргонавтика I 121-131 (№ 1223); 1178-1180, 1198-1233, 1252-1263 (№ 1224); 1335-1347 (№ 1225); III 112-130, 152-163 (№ 1226).

Аполлоний Тианский. Письма 63 (№ 1498); 74 (№ 1499).

Аппиан. Римская история XI 45 (№ 1212); XVI 26 (№ 2195).

Арат. Эпиграмма АП XII 129 (№ 1219). Явления 218-224 (№ 1220); 282-284 (№ 1221); 311-315 (№ 1222).

Марк Аргентарий. Эпиграмма АП IX 221 (№ 2055).

Аристенет. Любовные письма I 1 (№ 2046); 3 (№ 2047); 10 (№ 2048); 12 (№ 2049); II 19 (№ 2050); 20 (№ 2051).

Аристид. Апология 8, 4 (№ 1719); 9, 7-9 (№ 1720).

Аристипп. О роскоши древних. См. №№ 557, 621, 722, 760, 1129, 1138.

Аристон Хиосский. См. № 1177.

Аристотель. Афинская полития 17, 2 (№ 468); 18-19 (№ 474); 58, 1 (№ 476). Большая этика II 10 (№ 944). Евдемова этика III 1 (№ 647), 1 (№ 926), 2 (№ 927); III 6 (№ 928); VII 3 (№ 929); 10 (№ 930); 11 (№ 931); 12 (№ 932); 12 (№ 933); 12 (№ 934). История животных V 14 (№ 973); VI 2 (№ 971); IX 8 (№ 968); 49 (№ 969); X 6 (№ 970). Метафизика I 4 (№ 551); XII 7 (№ 923); XIII 3 (№ 924). Никомахова этика VII 5 (6) (№ 935); VIII 3 (3) (№ 936); 5 (4) (№ 937); 7 (6) (№ 938); 10 (8) (№ 939); IX 1 (1) (№ 940); 5 (5) (№ 941); 10 (10) (№ 942); 12 (12) (№ 943). О возникновении животных I 20 (№ 974); II 1 (№ 975); 7 (№ 976). О возникновении и уничтожении II 6 (№ 967). Первая аналитика II 22 (№ 925). Политика II 1, 15 (№ 959); 6, 6 (№ 960, № 2716); 7, 5 (№ 961); 9, 6 (№ 264); V 3, 1 (№ 455); 8, 9-13 (№ 962); 9, 13 (№ 963); 9, 17 (№ 964); VII 14, 12 (№ 965). Поэтика 9 (№ 644); 15 (№ 645); 18 (№ 646). Протрептик, фр.8 (№ 921); фр.10а (№ 922). Риторика I 11 (№ 951); II 4 (№ 952); 6 (№ 953); 10 (№ 954); 12 (№ 955); 21 (№ 956); 23 (№ 957); 24 (№ 958); III 10 (№ 846). Топика I 15 (№ 945); II 7 (№ 946); III 1 (№ 47); IV 5 (№ 948); VI 7 (№ 949); VII 1 (№ 950). Физика VIII 1 (№ 966).

Аристофан. Аисты, фр.322 (444) (№ 706). Ахарняне 77-79 (№ 651); 117-122 (№ 652); 263-265 (№ 653); 713-716 (№ 654); 848-853 (№ 655); 979-980 (№ 656); 1089-1093 (№ 657). Всадники 743-745 (№ 658); 762-766 (№ 659); 893-896 (№ 660); 1149-1152 (№ 661); 1274-1275 (№ 662); 1316-1321 (№ 663); 1409-1417 (№ 664). Грузовые суда, фр.37 (422) (№ 704). Женщины в народном собрании 102-104 (№ 699); 165-168 (№ 700); 363-366 (№ 701); 915-923 (№ 702). Женщины на празднике Фесмофорий 29-62 (№ 686); 97-98 (№ 687); 130-174 (№ 688); 200-201 (№ 689); 574-583 (№ 690); 803-805 (№ 691); 1114-1125 (692); вторая редакция, фр.280 (341) (№ 693). Лисистрата 368-369 (№ 685). Лягушки 56-57 (№ 694); 83-85 (№ 695); 145-150 (№ 696); 423-427 (№ 697); 849-850 (№ 698); 911-913 (№ 539); 1040-1044 (№ 538). Мир 11-12 (№ 678); 97-101 (№ 679); 762-764 (№ 680). Облака 348-350 (№ 665); 658-693 (№ 666); 972-980 (№ 667); 1002-1008 (№ 668); 1071-1106 (№ 669). Осы 81-84 (№ 671); 97-99 (№ 672); 578-580 (№ 673); 686-689 (№ 674); 1023-1028 (№ 675); 1067-1070 (№ 676); 1280-1283 (№ 677). Пирующие, фр.105 (205) (№ 648); фр.125 (229) (№ 649); фр.132 (235) (№ 650). Плутос 149-159 (№ 703). Птицы 137-146 (№ 681); 693-708 (№ 682, № 360); 812-816 (№ 683); 829-831 (№ 684). Трифал, фр.68 (558) (№ 705). Из неустановленных комедий, фр.345 (592) (№ 707), фр.359 (706) (№ 708).

Схолии к «Облакам» Аристофана (№ 670).

Аристофонт. Врач (№ 1015).

Аркесилай. См. №№ 1132-1137.

Арриан. Плавание вокруг Понта Эвксинского 21-23 (№ 1619). Поход Александра I Пред. 2 (№ 1051); 11, 7-12, 1 (№ 1065); II 12, 6-7 (№ 1068); III 15, 2 (№ 1071); 16, 7-8 (№ 485); 27, 4 (№ 1076); IV 13, 1-14, 3 (№ 1063); 16, 3 (№ 1077); 22, 7-8 (№ 1078); 28, 5 (№ 1079); V 3, 5-6 (№ 1080); 21, 5 (№ 1081); 29, 2-3 (№ 1082); VI 18, 1 (№ 1083); 20, 1 (№ 1084); 21, 5 (№ 1085); VII 4, 4-5 (№ 1086); 13, 1 (№ 1088); 14, 1-9 (№ 1089); 14, 10 (№ 1097); 16, 8 (№ 1090); 23, 6 (№ 1096).

Артемидор. Онейрокритика I 4 (№ 617); 18.19 (№ 1692); 78 (№ 1693); 79 (№ 1694); 80 (№ 1695); II 12 (№ 1696), 12 (№ 1697); 37 (№ 1698); III 29 (№ 1699); 33 (№ 1700); IV 4 (№ 1701); 66 (№ 1702); V 31 (№ 1703); 65 (№ 1704); 87 (№ 1705).

Артемон. Эпиграммы АП XII 55 (№ 1442); 124 (№ 1441).

Архий Митиленский. Эпиграммы АП V 58 (№ 1443); 59 (№ 1444).

Асклепиад. Эпиграммы АП V 167 (№ 1257); 202 (№ 1258); 203 (№ 1259); 207 (№ 1260); XII 36 (№ 1271); 46 (№ 1261); 50 (№ 1262); 75 (№ 1267); 105 (№ 1268); 135 (№ 1264); 153 (№ 1265); 161 (№ 1266); 162 (№ 1269); 163 (№ 1270); 166 (№ 1263).

Афанасий Александрийский. Жизнь Антония... 74 (№ 1942). Слово о воплощении Бога-Слова... 50 (№ 1943).

Афинагор. О воскресении мертвых 8 (№ 1739); 19 (№ 1740). Предстательство за христиан 21 (№ 1737); 30 (№ 1608); 34 (№ 1738).

Афиней. Пир мудрецов I 14e-f (№ 888); 14f.15b-c (№ 1170); 17d-e (№ 710); 20e-f (№ 579); 21b-c (№ 323); 22c (№ 2729); 23c-d (№ 572); 25b-c.f (№ 1011); IV 134a (№ 1017); 139c-f (№ 76); 153f-154a (№ 1494); 162a-c (№ 1182); 165f (№ 1019); 168d (№ 247); 173f (№ 75); 177a (№ 425); V 187d-f (№ 758); 219b-f (№ 623); 220c-d (№ 849); 220d (№ 841); VI 227b-d (№ 1009); 238b-c (№ 1015); 242d (№ 1010); 255b-c (№ 1146); 260d-f (№ 1039); 266b-c (№ 1203); 275a (№ 2105); VII 280a-b (№ 1122); 281e (№ 1327); 290a (№ 1211); 294f-295d (№ 1147); 296f-297a (№ 168); VIII 339a-c (№ 1012); 339c (№ 1018, № 1020); 347b-c (№ 1008); 351d (№ 1115); 362e (№ 1803); 363c (№ 1007); X 30 (№ 523); XI 505f (№ 555); XII 543a (№ 2142); 546e (№ 1122); 546f (№ 1123); 547a (№ 1124); XIII 76 (№ 521, № 522); 561c (№ 1166); 563e (№ 1158); 596e (№ 332); 602e (№ 573), 603d (№ 1106); 603f-604b (№ 570); 606a-b (№ 1804); 607a (№ 1181); 609e (№ 1141); 656c (№ 872); XV 5 (№ 529). (№ 311).

Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт I 7-14 (№ 1595); II 32-37 (№ 1596).

Бион-поэт. Стихотворения 6 (№ 1314); 7 (№ 1315); 9 (№ 1316); 10 (№ 1317); 11 (№ 1318); 16 (№ 1319).

Бион-философ. См. №№ 1174-1176.

Вахилид. Эпиникии IX 21-37 (№ 526); X 39-45 (№ 527); XI 9-14 (№ 528). Стихи, фр.17 (№ 529); 18 (№ 530); 20b (№ 531).

Псевдо-Варнава. Послание 10 (№ 1535); 19 (№ 1536).

Василий Кесарийский. Беседы (№ 1929). Беседы на Псалмы (№№ 1923, 1924).
Нравственные правила (№ 1928). Подвижнические уставы (№ 1931). Слово о
подвижничестве (№ 1930). Толкование на пророка Исайю (№№ 1925, 1926, 1927).

Гавриил Ипарх. Эпиграмма АП XVI 208 (№ 2056).

Гераклид Понтийский. См. № 350, 557, 1142, 1179.

Гераклит-аллегорист. О невероятном 3 (№ 91); 24 (№ 162); 28 (№ 48).

Герилл Карфагенский. См. № 1178.

Гермий. Комментарий на «Федр» 11.16 (№ 1990).

Гермоген. Об идеях II 10 (№ 1547).

Герод. Сводник (II) 76-79 (№ 1172).

Геродиан. История от кончины божественного Марка I 11, 2 (№ 49); 17, 3 (№ 2566);
III 10, 5-7 (№ 2618); IV 8, 3-5 (№ 2619); 12, 1-2 (№ 2620); 13, 1-2 (№ 2621); V 7, 6-7 (№
2624).

Геродот. История I 135 (№ 2727); II 41 (№ 2726); III 48 (№ 565); IV 67 (№ 2730); V
55.57.61 (№ 472); VI 32 (№ 566); VII 153 (№ 458); VIII 73 (№ 143); 105-106 (№ 567); IX 7,
11 (№ 70).

Гесиод. Теогония 116-122 (№ 2), 202 (№ 14), 316-318 (№ 125). Каталог женщин
(Цыбенко): фр.19 (№ 194); фр.62 (№ 55). Разное: фр.58 (№ 87); фр.65 (№ 104); фр.74 (№
257, № 258); фр.212a (№ 182); фр.212b (№ 183); фр.237 (№ 170); фр.261 (№ 88); фр.263 (№
148).

Схолии к «Теогонии» Гесиода 115 (№ 1189); 120 (№ 1188).

Гиерокл. Комментарий к Золотым стихам 19 (№ 1991); 99 (№ 1992).

Гимерий. Речи I 3.6.11 (№ 1862); XXIII 4 (№ 1864). Эклоги 10, 6 (№ 1863).

Гиперид. Речи II фр.21 (№ 477); III 5.24.25.27 (№ 1006).

Гиппократ. Клятва (№ 593). О диете I 28-29 (№ 594).

Главк. Эпиграммы АП IX 341 (№ 1446); XII 44 (№ 1445).

Гомер. Гимн (IV): К Афродите 200-217 (№ 304). Гимн (V): К Деметре 6-8 (№ 2654).
Илиада I 307 (№ 272); 337 (№ 273); 345 (№ 274); II 594-600 (№ 105); V 265-267 (№ 40);
319-327 (№ 266); IX 189-191 (№ 275); 195 (№ 276); 202 (№ 277); 205 (№ 268); 211 (№ 278);
220 (№ 279); 620 (№ 280); 659 (№ 281); 666 (№ 282); XI 602 (№ 283); 608 (№ 270); 644 (№
284); 787 (№ 285); 793 (№ 286); XIII 249-250 (№ 265); XVIII 15-27 (№ 287); 80-82 (№ 288);
235-238 (№ 289); 314-322 (№ 290); XIX 287 (№ 271); XX 230-235 (№ 31); XXI 99-113 (№
291); XXII 386-390 (№ 292); XXIII 65-67.83-85.91-101 (№ 293); 140-142 (№ 294); 556 (№
269); XXIV 3-12 (№ 295). Одиссея III 108-112 (№ 296); IV 186-188.197-198 (№ 297); VII

100-102 (№ 301); XI 467-470 (№ 299); XV 330-333 (№ 302); XXIV 15-18 (№ 300); 73-84 (№ 298).

Григорий Назианзин. Письмо 20 (№ 1922). Слова 4 (№№ 1907-1909); 5 (№ 1910); 14 (№ 1911); 22 (№ 1912); 24 (№ 1913); 26 (№ 1914); 27 (№№ 1915-1918); 28 (№ 1919); 35 (№ 1920); 43 (№ 1921).

Григорий Нисский. О жизни Моисея (№ 1937). Об устройении человека 12 (№ 1938); 17 (№ 1939); 18 (№ 1940); 20 (№ 1941). Точное изъяснение Песни Песней, беседы 4 (№№ 1932, 1933); 11 (№ 1934); 13 (№ 1935); 15 (№ 1936).

Давид Анахт. Толкование «Аналитики» Аристотеля 9 (№ 2045).

Дамаский. Комментарий к «Пармениду» II 202 (№ 2026). О первых началах I 66 (№ 2021); 238 (№ 2022); 247 (№ 2023); 299-300 (№ 2024); 320 (№ 2025, № 363).

Дамоксен. Фрагмент пьесы (№ 1170).

Дамохарид. Эпиграмма АП XVI 310 (№ 338).

Псевдо-Даниил. Толкование снов... 108 (№ 2032); 346 (№ 2033); 353 (№ 2034).

Деметрий Фалерский. См. № 1143, 1144.

Деметрий. О стиле 27 (№ 1048); 97 (№ 1490); 247 (№ 1049); 261 (№ 877).

Демократ. 69 (№ 595), 71 (№ 598).

Демокрит. Фрагменты (№№ 595-601).

Демосфен. Речи II 19 (№ 1002); XIX 233 (№ 1003); 285-287 (№ 1004); XXI 47 (№ 994); XXII 30-32 (№ 995); 61 (№ 998); 72-73 (№ 996); XXIII 141 (№ 999); XXIV 123-126 (№ 997); LIV 14-17 (№ 1000). Письма IV 10-11 (№ 1001).

Псевдо-Демосфен. Речь LXI (№ 1005).

Диагор с Мелоса. См. № 1127.

Псевдо-Диктис Критский. Дневник Троянской войны III 14 (№ 1585); VI 14 (№ 1586).

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов I 55 (№ 353); II 19 (№ 620); 23 (№ 621); 31 (№ 622); 48 (№ 722); 50 (№ 749); 61 (№ 714); 64 (№ 1326); 99-100 (№ 1125); 108 (№ 979); 122-123 (№ 711); 124 (№ 713); 127-128 (№ 981); 137-138 (№ 982); III 3 (№ 920); 5 (№ 756); 29 (№ 760); 30-33 (№ 761); 35 (№ 842); 38 (№ 759); IV 4 (№ 977); 17 (№ 1128); 19 (№ 1129); 21-22 (№ 1130); 26 (№ 365); 26-27 (№ 1131); 29-30 (№ 1132); 30-31 (№ 1133); 34-35 (№ 1134); 40-41 (№ 1135); 46-47 (№ 1174); 47-54 (№ 1175); V 18-19 (№ 916); 20 (№ 917); 22-24 (№ 918); 31 (№ 919); 39 (№ 1138); 43 (№ 1140); 52 (№ 1139); 81 (№ 1143); 82 (№ 1144); 87 (№ 1142); 92-93 (№ 1179); VI 9 (№ 845); 11 (№ 844); 15-18 (№ 843); 39 (№ 850); 45 (№ 851); 46 (№ 852), 46 (№ 853), 46 (№ 854); 47 (№ 855), 47 (№ 856); 50 (№ 487); 52 (№ 857); 54 (№ 858); 58 (№ 859); 59 (№ 860), 59 (№ 861); 61 (№ 862), 61 (№ 863); 62 (№ 864); 65 (№ 865), 65 (№ 866); 66 (№ 867); 67 (№ 868); 69a (№

869); 80 (№ 870); 85-91 (№ 980); VII 4 (№ 1157); 13 (№ 1148); 17 (№ 1149); 18 (№ 1150); 21 (№ 1151); 23 (№ 1152); 23 (№ 1153); 34 (№ 1154); 36 (№ 1180); 113 (№ 1196); 129 (№ 1159, № 1195); 130 (№ 1197); 133 (№ 1165); 163 (№ 1177); 165 (№ 1178); 172 (№ 1184); 173 (№ 1185); 175 (№ 1183); 178 (№ 1186); 188 (№ 1198); 202 (№ 1193); VIII 60-61 (№ 557); 86 (№ 840); IX 25 (№ 554); X 5-6 (№ 1118); 6 (№ 1122); 18 (№ 1121); 132 (№ 1117).

Диоген Синопский. Изречения (№№ 850-877).

Псевдо-Диоген Синопский. Письма 11 (№ 876); 24 (№ 878); 35 (№ 879).

Диодор. Историческая библиотека IV 24, 4-5 (№ 128); 29, 4-30, 2 (№ 129); 30, 3-5 (№ 131); 47, 5 (№ 161); 75, 3-5 (№ 33); V 32, 7 (№ 2717); 58, 5 (№ 86); XVII 79 (№ 1060); XXXIV-XXXV 2, 34 (№ 1321).

Диокл. Эпиграмма АП XII 35 (№ 1514).

Дион Хрисостом. Речи XXI 3 (№ 619); XXXIII 53-54 (№ 1540); Борисфенитская речь (XXXVI) 8-9 (№ 1541); 17 (№ 1542); 55-56 (№ 1190). Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был 102-103 (№ 193). Эвбейская речь, или Охотник (VII) 139 (№ 1538); 149-152 (№ 1539).

Дионисий. Эпиграммы АП VII 716 (№ 1309); XII 108 (№ 1310).

Псевдо-Дионисий Ареопагит. О божественных именах 4, 11-16 (№ 2027).

Дионисий Галикарнасский. О соединении слов 179-180 (№ 339). Письмо к Помпею (763-764) (№ 1488); (785) (№ 1047). Римские древности VII 2, 4 (№ 457); 72, 3 (№ 261); XI 41, 4 (№ 2080); XVI 4 (8) (№ 2073); 5 (9) (№ 2074); XIX 4 (17), 2 (6) (№ 1111); 18, 4 (№ 2081).

Дионисий Гераклеяский. См. № 1179.

Дионисий Перизетт. 306-307 (№ 221). 541-548 (№ 212); 805-808 (№ 151).

Анонимные схолии к Дионисию Перизетту 306 (№ 224).

Диоскорид. Эпиграммы АП VII 31 (№ 447); 407 (№ 333); XI 363 (№ 1289); XII 14 (№ 1291); 37 (№ 1294); 42 (№ 1295); 169 (№ 1290); 170 (№ 1293); 171 (№ 1292).

Евагрий Схоластик. Церковная история I 11 (№ 2031); III 32 (№ 1988); 39 (№ 1987); V 3 (№ 2030).

Евбул. Фрагмент пьесы (№ 1011).

Евен Аскалонский. Эпиграмма АП XII 172 (№ 1524).

Евен Паросский. Стихотворение (№ 617).

Евклид. Начала X 21 (№ 802).

Псевдо-Евклид. Гармоническое введение (№ 1489).

Евклид из Мегар. № 979.

Евнапий. Жизни философов и софистов (№ 1856, 1865). История, фр.4 (№ 2635); фр.43 (№ 1961); фр.89 (№ 2636).

Евполид. Фрагмент комедии (№ 710).

Еврипид. Андромаха 1257-1262 (№ 608). Елена 1467-1474 (№ 609). Ифигения в Авлиде 1048-1052 (№ 606). Ипполит 102 (№ 611). Ифигения в Тавриде 430-437 (№ 607). Киклоп 582-589 (№ 610). Орест 1390-1393 (№ 605). Троянки 820-827, 834-839 (№ 604). Умоляющие 887-894, 898-900 (№ 603). Хрисипп (№ 613, № 614).

Евсевий. Жизнь Константина III 55 (№ 1957); IV 25 (№ 1958). Похвальное слово Константину 7 (№ 1953); 7 (№ 1954); 13 (№ 1955); 13 (№ 1956). Церковная история IV 8, 2 (№ 1610); VI 9, 4-5 (№ 1952).

Евстафий Фессалоникский. Комментарий к Дионисию Перизегету 302 (№ 222); 306 (№ 223); 541 (№ 213). См. также №№ 182, 258, 1171.

Евфорион. Эпиграмма АП VI 279 (№ 1280).

Епифаний Кипрский. Панарион, ересь 26, 11.13 (№ 1750); ересь 27, 4 (№ 1748); ересь 38 (№ 1752); ересь 64, 2 (№ 1799). Краткое истинное слово, гл.9 (№ 1164); гл.12 (№ 1615), гл.12 (№ 1749).

Ефрем Сирий. Песнопения на Рождество Христово 1 (№ 1945). Толкования на кн.Бытия, гл.19 (№ 1944).

Зенодот. Эпиграмма АП XVI 14 (№ 1330).

Зенон из Китиона. Фрагменты (№№ 1150-1166).

Зосим. Новая история IV 20, 6 (№ 1962).

Ивик. Стихотворения. Фр.6 (№ 460); 7 (№ 461); Пейдж, фр.166 (№ 465); 224 (№ 464); Уэст, фр.1 (№ 462); 27 (№ 463);

Иоанн Златоуст. К Феодору падшему 1-е увещание 4 (№ 1950); 16 (№ 1951). О том, как должно родителям воспитывать своих детей 16 (№ 1949).

Иоанн IV Константинопольский. Предписания монаху 44-45 (№ 2069).

Иоанн Никиусский. Хроника, гл.92 (№ 2029).

Иоанн Цец. № 709.

Иосиф Флавий. Жизнь 16 (№ 1486). Иудейская война IV 9, 10 (№ 1533). Иудейские древности I 11, 3 (№ 1527); III 12, 1 (№ 1528); IV 8, 43 (№ 1529); XI 8, 1 (№ 1046); XV 2, 6 (№ 1324); XVI 8, 1 (№ 1532); XIX 1, 5 (№ 2304). О древности еврейского народа II 24, 30 (№ 1530); 37 (№ 1531).

Ипполит Римский. Апостольское предание 16 (№ 1851). Опровержение всех ересей VII 32 (см. № 1747).

Иринеи. Против ересей I 25 (№ 1747); 31, 2 (№ 1751); II 14, 1 (№ 1014); 21, 2 (№ 1746).

Исократ. Речи III 39 (№ 983); XII 139-140 (№ 984).

Апостол Иуда. Письмо 1, 7-8 (№ 1509).

Каллимах. Аконтий и Кидиппа (фр.12-14) (№ 1251). Гимны II 47-49 (№ 1249); IV 291-299 (№ 1250). Эпиграммы AP V 6 (№ 1246); XII 43 (№ 1237); 51 (№ 1240); 71 (№ 1247); 73 (№ 1239); 102 (№ 1236); 118 (№ 1243); 134 (№ 1248); 139 (№ 1244); 148 (№ 1242); 149 (№ 1245); 150 (№ 1238); 230 (№ 1241).

Каллистрат. Статуи 3 (№ 1833); 5 (№ 1834).

Карнеад. Фрагменты (№№ 916, 1173).

Квинт Смирнский. После Гомера I 718-721 (№ 1967).

Псевдо-Кебет. Картина (№ 1491).

Керкид. Стихотворения, фр.3 (№ 1254).

Псевдо-Кесарий. Диалоги. Ответ 112 (993) (№ 208).

Кидий. Стихотворение (№ 535).

Клеанф из Асса. См. №№ 1183-1185.

Клеарх. Любовные рассказы (№ 1146).

Климент Александрийский. Кто из богатых спасется 35 (№ 1798). Педагог II 6 (№ 1763); 8 (№ 1764), 8 (№ 1765); 10 (№ 1766); 10 (№ 1767); III 3 (№ 1768); 3 (№ 1769); 3 (№ 1770); 3 (№ 1771); 3 (№ 1772); 3 (№ 1773); 3 (№ 1774); 3 (№ 1775); 4 (№ 1776); 4 (№ 1777); 8 (№ 1778); 11 (№ 1779); 11 (№ 1780); 11, 74 (№ 1156); 12 (№ 1781); 12 (№ 1782). Строматы I 2 (№ 1783); 78 (№ 407); 136 (№ 1784); II 34 (№ 1785); 63, 1 (№ 1786); 63, 2 (№ 613); 81 (№ 1787); 111 (№ 1788); 120 (№ 1789); 138 (№ 1790); III 1 (№ 1753); 36 (№ 1754); 63 (№ 1791); 107 (№ 1792); IV 116 (№ 1793); V 14-15 (№ 1794); VI 14 (№ 1795); 23 (№ 1796); 73 (№ 1797). Увещание к язычникам (Протрептик) 14, 2 (№ 1758); 33, 4-5 (№ 1759); 34, 3-5 (№ 99); 37, 2.4 (№ 1760); 38, 2 (№ 178); 44, 2 (№ 1761); 49, 1-3 (№ 1613); 53, 4 (№ 563); 53, 6 (№ 636); 108, 5 (№ 1762).

Псевдо-Климент Римский. Гомилии V 15 (№ 51, № 93, № 96, № 118); VI 22 (№ 207).

Конон. Мифы 24 (№ 154).

Корнут. Богословие 25 (№ 1492).

Крантор. См. № 1131.

Кратет Фиванский. См. № 980.

Кринагор. Эпиграммы АП VII 628 (№ 1439); IX 239 (№ 454); XVI 199 (№ 1440).

Критий. Фр.А2 (№ 409), фр. В36 (№ 1171); В42 (№ 619).

Ксенофонт Афинский. Анабасис II 6, 28 (№ 750); IV 1, 14 (№ 751); IV 6, 3 (№ 752); VII 4, 6-11 (№ 753). Воспоминания о Сократе I 2, 1 (№ 723); 2, 29-31 (№ 724); 3, 8-14 (№ 725); 4, 12 (№ 726); 6, 13 (№ 727); II 1, 30 (№ 728); 6, 22 (№ 729); III 4, 12-13 (№ 730); 10, 2-3 (№ 731); IV 1, 2 (№ 732); 2, 35 (№ 733). Гиерон 1, 26.29-37 (№ 744); 4, 5 (№ 745); 7, 5-6 (№ 746); 8, 6 (№ 747); 11, 11 (№ 748). Греческая история IV 1, 5-6 (№ 903); 1, 39-40 (№ 904); 5, 11 (№ 74); 8, 39 (№ 894); V 3, 20 (№ 907); 4, 57 (№ 895); VI 4, 35-37 (№ 913). Домострой 12, 13-14 (№ 734). Киропедия II 2, 28-31 (№ 754). Лакедемонское государство 2, 12-14 (№ 742); 11, 3 (№ 743). Охота 12, 20 (№ 735). Пир 1, 2.8-10 (№ 736); 4, 10-17 (№ 737); 4, 23-28 (№ 738); 4, 52-54 (№ 739); 4, 62-63 (№ 740); 8, 1-41 (№ 741).

Ксенофонт Эфесский. Повесть о Габрокоме и Антии I 14-15 (№ 1589); II 1 (№ 1590); III 2 (№ 1591); V 9 (№ 1592); V 13 (№ 1593); V 15 (№ 1594).

Леонид Тарентский. Эпиграммы АП V 188 (№ 1286); VI 293 (№ 1285); VII 448 (№ 1281); 449 (№ 1282); IX 320 (№ 1283); 337 (№ 1284); XVI 206 (№ 1033); 306 (№ 445); 307 (№ 446).

Лесх. Малая Илиада, фр.9 (№ 303).

Либаний. Апология Сократа 71 (№ 479). Надгробное слово по Юлиану 138 (№ 1871). Речи I 98 (№ 1866); 158 (№ 1867); III 6 (№ 1868); XIII 3 (№ 1869); XVI 47 (№ 1870); XXV 26-27 (№ 1872); XXVI 23 (№ 1873); XXX 22 (№ 1874); 26 (№ 1875); XXXVII 3 (№ 1876); 14 (№ 1877); XXXVIII 8 (№ 1878); 11 (№ 1879); XXXIX 5-6 (№ 1880); 15 (№ 1881); 17 (№ 1882); 22 (№ 1883); XLI 6-7 (№ 1884); 9 (№ 1885); XLII 28-29 (№ 1886); 49-50 (№ 1887); XLVI 5 (№ 1888); LIII 6 (№ 1889); 10 (№ 1890); 18 (№ 1891); LVI 15 (№ 1892); LVIII 7 (№ 1893); 30 (№ 1894); LXIV 38-40 (№ 1895); 43-44 (№ 1896); 48 (№ 1897); 54 (№ 1898); 83-86 (№ 1899).

Ликофронид. Стихотворение, фр.1 (№ 1168).

Линкей Самосский. Письмо к Диагору (№ 1147).

Лисий. Речи I 32 (№ 883); III (№ 880); IV 7 (№ 884); X 19 (№ 885); XIV 25-27, 41-42 (№ 881); XVI (№ 886); XLI (№ 882).

Лонг. Дафнис и Хлоя IV 10-12 (№ 1597); 16-18 (№ 1598).

Псевдо-Лонгин. О возвышенном 10, 2-3 (№ 340); 12, 3 (№ 1496); 13 (№ 1497); 15, 7 (№ 495).

Лукиан. Александр, или Лжепророк 5 (№ 1677); 41-42 (№ 1678). Беглые рабы 18.20 (№ 1672). Две любви (№ 1691). Диалоги гетер 5 (№ 1632); 10 (№ 1633). Жизнеописание Демонакта (№ 1689). Зевс трагический 52 (№ 1640). Изображения 1 (№ 1634); 13 (№ 1635). Икароменипп, или Заоблачный полет 2 (№ 1642); 27 (№ 1643). Как следует писать историю 9 (№ 1659). Киник 14.17 (№ 1656). Корабль, или Пожелания 2 (№ 1662); 11-12 (№

1663); 18-19 (№ 1664); 27 (№ 1665); 42-44 (№ 1666). Лжец, или Что значит «пагубный» 17-18.20-21 (№ 1681); 25.27.28 (№ 1682). Лжеученый, или Об ошибках в языке 5 (№ 1657). Лукий, или Осел 32 (№ 1673); 36.38 (№ 1674). Неучу, которые покупал много книг 2 (№ 1679); 23 (№ 1680). О доме 4 (№ 1622); 24 (№ 1623). О кончине Перегринна 9 (№ 1675); 43 (№ 1676). О философах, состоящих на жаловании 7 (№ 1683); 12 (№ 1684); 15-16 (№ 1685); 27 (№ 1686); 33 (№ 1687); 39 (№ 1688). О пляске 37.38.45 (№ 1658). Паразит, или О том, что жизнь за чужой счет есть искусство 47-48 (№ 1636). Переписка с Кроном 24 (№ 1650); 29 (№ 1651); 38 (№ 1652). Переправа, или Тиран 10 (№ 1644); 26-27 (№ 1645). Пир, или Лапифы 15 (№ 1668); 26.29 (№ 1669); 39-40 (№ 1670). Похвала мухе 12 (№ 1624). Правдивая история I 21-23 (№ 1660); II 17.19 (№ 1661). Продажа жизней 15-17 (№ 1671). Разговоры богов 2 (№ 1625); 4 (№ 1626); 5 (№ 1627); 9 (№ 1628); 14 (№ 1629); 20 (№ 1630); 23 (№ 1631). Разговоры в царстве мертвых I (№ 1646); 9 (№ 1647); 10 (№ 1648); 20 (№ 1649). Сновидение, или Петух 19 (№ 1653); 25 (№ 1654); 32 (№ 1655). Собрание богов 8-9 (№ 1641). Тимон, или Мизантроп 22 (№ 1667). Учитель красноречия 11 (№ 1637); 23 (№ 1638); 24 (№ 1639). Фаларид I 3 (№ 1621). Харидем, или О красоте (№ 1690). Стихотворение (№ 1620).

Максим Тирский. Речи IV 4 (№ 362); XV (Вторично о Сократовом демони) 7 (№ 209). Следует ли почитать кумиры? 10 (№ 1543).

Малх. История, фр.8 (№ 1986).

Мариан Схоластик. Эпиграммы IX 626 (№ 2070); 669 (№ 2071); XVI 201 (№ 2072).

Квинт Мекий. Эпиграмма АП V 117 (№ 1515).

Мелеагр. Эпиграммы АП V 8 (№ 1391); 57 (№ 1379); 176 (№ 1371); 179 (№ 1372); 180 (№ 1373); 212 (№ 1375); 421 (№ 1374); VI 162 (№ 1376); VII 195 (№ 1377); 196 (№ 1378); 535 (№ 1436); XII 23 (№ 1416); 33 (№ 1407); 41 (№ 1411); 47 (№ 1380); 48 (№ 1381); 49 (№ 1428); 52 (№ 1399); 53 (№ 1388); 54 (№ 1400); 56 (№ 1035); 57 (№ 1036); 59 (№ 1417); 60 (№ 1412); 63 (№ 1408); 65 (№ 1418); 68 (№ 1427); 70 (№ 1419); 72 (№ 1409); 74 (№ 1414); 76 (№ 1406a); 78 (№ 1401); 80 (№ 1382); 81 (№ 1404); 82 (№ 1389); 83 (№ 1390); 84 (№ 1429); 85 (№ 1430); 86 (№ 1383); 92 (№ 1431); 94 (№ 1394); 95 (№ 1395); 101 (№ 1420); 106 (№ 1421); 109 (№ 1392); 110 (№ 1422); 113 (№ 1432); 114 (№ 1393); 117 (№ 1384); 119 (№ 1385); 122 (№ 1403); 125 (№ 1433); 126 (№ 1405); 127 (№ 1397); 128 (№ 1406); 132a (№ 1386); 132b (№ 1387); 133 (№ 1402); 137 (№ 1434); 141 (№ 1413); 144 (№ 1423); 154 (№ 1424); 157 (№ 1435); 158 (№ 1410); 159 (№ 1425); 164 (№ 1398); 165 (№ 1415); 167 (№ 1426); 256 (№ 1396); 257 (№ 1437); XVI 213 (№ 1438).

Мелитон. О Пасхе 372-378 (№ 1745).

Мемнон. О Геракле 41, 2 (№ 150).

Менедем Эретрийский. См. №№ 981, 982.

Мефодий Олимпский. Пир I 2 (№ 1852); II 5 (№ 1853); VII 1 (№ 1854).

Мимнерм. Стихотворения, фр.1 (7) (№ 348), 2 (8) (№ 349).

Мнасалк. Эпиграммы АП IX 324 (№ 1288); XII 138 (№ 1287).

Мосх. Эрос-беглец (№ 1313).

Немесий Эмесский. О природе человека, гл.2 (№ 1947), гл.18 (№ 1948).

Никарх. Эпиграмма АП XI 330 (№ 1516).

Николай Дамасский. История, фр.71 (№ 1493), фр.87 (№ 2142, № 1494).

Эксерпты из Никомаха I (№ 305).

Нонн. Деяния Диониса X 175-430 (№ 1980); XI 1-59, 99-112, 156-254, 349-430, 469-493 (№ 1981); XII 118-124, 174-206 (№ 1982); XIII 83-85, 90-92, 119-120 (№ 1983); XXV 434-455 (№ 1978); XXVII 240-241 (№ 1979); XXIX 14-30, 73-77, 89-97 (№ 1984); 149-154 (№ 1985); XLI 118-141 (№ 1977). Деяния Иисуса XV 45-51 (№ 1976).

Носсида. Эпиграмма АП VII 718 (№ 331).

Олимпиодор. Жизнь Платона (№ 757, № 762, № 2040, № 2041).

Оппиан. О рыбной ловле 674-676 (№ 1806).

Ориген. Против Кельса I 64 (№ 1800); III 34-36 (№ 1716); 36 (№ 1614); 67 (№ 1801); IV 39 (№ 1802); 63 (№ 1194); V 61-62 (№ 1717); VI 46-47 (№ 1718).

Апостол Павел. Христианам Коринфа I 6, 9-11 (№ 1507); 11, 14 (№ 1508).
Христианам Рима 1, 25-27 (№ 1506); 8, 22 (№ 806).

Павсаний. Описание Эллады I 2, 3 (№ 428); 8, 5 (№ 486); 14, 7 (№ 20); 19, 2 (№ 23); 19, 3 (№ 132); 20, 2 (№ 6); 20, 2 (№ 1027); 22, 6 (№ 228); 25, 1 (№ 444); 29, 5 (№ 130); 30, 1 (№ 471); 30, 3 (№ 171); 31, 4 (№ 97); 33, 7 (№ 7); 35, 4 (№ 77); 43, 6 (№ 15); 44, 1 (№ 260); 44, 10 (№ 133); II 10, 5-6 (№ 28); 16, 7 (№ 229); 18, 8 (№ 202); 22, 1 (№ 1706); 23, 8 (№ 25); 27, 3 (№ 8); 35, 5 (№ 78); III 1, 3 (№ 62); 1, 9 (№ 67); 10, 1 (№ 73); 10, 8 (№ 65); 14, 8 (№ 251); 18, 9 (№ 64); 19, 3 (№ 205); 19, 3-5 (№ 63); 19, 6 (№ 66); 20, 8 (№ 250); 23, 1 (№ 21); 24, 10 (№ 181); 26, 5-6 (№ 9); IV 19, 4 (№ 69); 31, 11 (№ 201); 31, 11-12 (№ 1026); 33, 3.6.7 (№ 106); V 8, 3.4 (№ 134); 10, 8 (№ 1707); 11, 3 (№ 561); 11, 8 (№ 10); 24, 5 (№ 37); 25, 7 (№ 120); 26, 2 (№ 38); VI 3, 6 (№ 1708); 10, 6 (№ 562); 20, 6 (№ 26); 20, 7 (№ 165); 23, 1.3.5 (№ 11); 24, 7 (№ 12); 25, 1 (№ 27); VII 2, 2-6 (№ 117); 17, 8 (№ 140); 19, 4.8.9 (№ 174); 24, 4 (№ 121); 26, 8 (№ 13); VIII 9, 7-8 (№ 1602); 32, 2 (№ 24); IX 5, 9 (№ 107); 8, 2 (№ 98); 10, 4 (№ 122); 16, 3-4 (№ 22); 22, 1 (№ 94); 26, 7-8 (№ 158); 27, 1-4 (№ 4, № 314); 29, 8 (№ 317); 30, 2-4 (№ 108); 31, 3 (№ 5); 31, 7-9 (№ 153); 34, 1 (№ 560); X 7, 2 (№ 109); 13, 5 (№ 191); 26, 6 (№ 192); 30, 3 (№ 200); 30, 8 (№ 110); 34, 7-8 (№ 1709).

Псевдо-Палефат. О невероятном 46 (№ 56).

Паллад. Эпиграммы АП IX 773 (№ 2057), XVI 207 (№ 2058).

Парменид. Фрагменты (№№ 551-553).

Парфений. О любовных страстях VII (№ 591); XIV (№ 1253); XXIV (№ 592).

Персей Китийский. См. №№ 1180-1182.

Псевдо-апостол Петр. Откровение 32 (№ 1537).

Пиндар. Олимпийские оды I (№ 498); II 61-67 (№ 499); VI 74-76 (№ 500); VIII 18-22 (№ 501); IX 69-79 (№ 502); 93-99 (№ 503); X 18-21 (№ 504); X 95-106 (№ 505); Пифийские оды II 15 (№ 506); V 12-27 (№ 507); VI 27-42 (№ 508); Немеийские оды III 12-21 (№ 509); IV 49 (№ 510); VII 52-53 (№ 511); 87-88 (№ 512); VIII 1-5 (№ 513); IX 48-51 (№ 514); Истмийские оды II 1-10 (№ 515); V 25-28 (№ 516); VII 16-22.33-36 (№ 517); VIII 48-60.66-69 (№ 518). Фрагменты 91 (№ 519); 104 (№ 520); 121 (№ 524); 123 (№ 521); 127 (№ 522); 128 (№ 523); 217 (№ 525).

Платон. Алкивиад I 103a-105a (№ 768); 119c (№ 769); 122b (№ 770); 123d-e (№ 771); 131c-132a (№ 772); 135e (№ 773). Гиппий больший 298d-299b (№ 783). Горгий 494c-e (№ 789). Государство II 368a (№ 816); 383a-b (№ 817); III 402d-403c (№ 818); IV 439d (№ 819); V 452c-d (№ 820); 468b-c (№ 821); 474c-475a (№ 822); VI 485c (№ 823); 493e-494a (№ 824); VIII 560d-561a (№ 825); IX 572d-575a (№ 826); 587a-b (№ 827); X 606d (№ 828); 607e-608a (№ 829); 620a (№ 830). Евтидем 273a-b (№ 765); 274b-d (№ 766); 283c-e (№ 767). Евтифрон 10a-c (№ 774). Законы I 636a-d (№ 834); 649e-650a (№ 835); III 688b (№ 836); V 731d-732b (№ 837); VIII 836b-842a (№ 838); IX 874b-c (№ 839). Кратил 396b (№ 792); 398c-e (№ 793); 404b-c (№ 794); 420b (№ 795). Лисид 204b-d (№ 775); 205a-206a (№ 776); 207a (№ 777); 211d-213d (№ 778); 221e-223b (№ 779). Менон 76b-c (№ 790); 80c (№ 791). Парменид 127a-b (№ 808); 136e-137a (№ 809). Пир (№ 800) 180a (№ 540). Протагор 309a-d (№ 784); 315d-316a (№ 785); 317c (№ 786); 352b-c (№ 787); 353c (№ 788). Софист 222d-e (№ 807). Теэтет 143e (№ 803); 150b-151b (№ 804); 210b-c (№ 805). Тимей 42a-b (№ 831); 86c-d (№ 832); 90e-91c (№ 833). Феарг 128b (№ 764). Федон 68a-b (№ 797); 73d (№ 798); 89b-c (№ 799). Федр (№ 801). Филеб 22e-23a (№ 810); 47e (№ 811); 50b-d (№ 812); 51c-d (№ 813); 53d-e (№ 814); 58d-e (№ 815). Хармид 154b-d (№ 780); 155b-e (№ 781); 155e (№ 535); 167e (№ 782). VII письмо 344b (№ 1).

Псевдо-Платон (?). Алкивиад II 141d-e (№ 891); 151a-c (№ 717). Гиппарх 229b-d (№ 718). Клитофонт 409d-e (№ 719). Минос 318b-c (№ 720). Соперники 132a-133b (№ 721). Эриксий 398e-399a (№ 716).

Платон Младший. Эпиграмма АП IX 751 (№ 1517).

Плотин. Эннеады I 3, 1.2 (№ 1839); 6, 5.7 (№ 1836); III 2, 17 (№ 1847); 3, 5 (№ 1848); 5 (№ 1850); 6, 19 (№ 1840); 8, 11 (№ 1841); IV 8, 1 (№ 1837); V 3, 16 (№ 1849); 5, 12 (№ 1843); 8, 10 (№ 1842); VI 7, 14 (№ 1844); 7, 31-35 (№ 1845); 8, 15.16 (№ 1846); 9, 9 (№ 1838).

Плутарх. Жизнеописания. Агесилай 2 (№ 896); 11 (№ 901); 13 (№ 905); 13 (№ 899); 20 (№ 906); 25-26 (№ 908); 28 (№ 909). Агид и Клеомен 24 (№ 1204); 56 (№ 1207); 58 (№ 1205). Александр 4 (№ 1053); 5 (№ 1052); 10 (№ 1043); 21 (№ 1057); 22 (№ 1054); 39 (№ 1072); 47 (№ 1073); 49 (№ 1059); 49 (№ 1062); 67 (№ 1099); 72 (№ 1091); 75 (№ 1095). Алкивиад 1 (№ 625); 3 (№ 626); 4 (№ 627); 5 (№ 628); 6 (№ 629); 16 (№ 630). Антоний 2 (№ 2188); 26 (№ 1325); 59 (№ 2199). Арат 50 (№ 1213). Аристид 2 (№ 549). Брут 6 (№ 2181). Гай Гракх 25 (4) (№ 2136). Гальба 9 (№ 2314). Деметрий 19 (№ 1103); 24 (№ 1105); 38 (№ 1102). Демосфен 4 (№ 993); 4 (№ 1013); 22 (№ 1044). Дион 16 (№ 890). Катон Младший 2 (№ 2180). Кимон 1 (№ 1320). Ликург 12 (№ 243); 14-15 (№ 244); 16-18 (№ 237); 21 (№ 306); 22 (№ 239); 25 (№ 242). Лисандр 22 (№ 898). Лукулл 20 (№ 1322). Марий 13 (№ 2137). Марк Катон 4 (№ 2106); 9 (№ 2107); 17 (№ 2113). Марцелл 2 (№ 2076). Никий 3 (№ 1574). Нума 4 (№ 1573). Пелопид 18 (№ 1041); 18-19 (№ 910); 19 (№ 616); 26 (№ 1037); 28 (№ 914); 34 (№ 1092). Перикл 8 (№ 568). Пирр 5 (№ 1107). Серторий 1 (№ 256); 26 (№ 2141). Солон 1 (№ 469); 1.3 (№ 350); 29 (№ 351). Сулла 36 (№ 2140). Тесей 23 (№ 1572). Тит 18

(№ 2114); 19 (№ 2115). Фемистокл 3 (№ 548); 18 (№ 550). Фокион 38 (№ 1126). Цицерон 5 (№ 2161); 7 (№ 2162). Эвмен 2 (№ 1087).

Моралии. Грилл, или О том, что животные обладают разумом 7 (№ 1569, № 177). Древние обычаи спартанцев 7 (№ 238). Застольные беседы I 2, 6 (№ 1553, № 586); I 5 (№ 1554); II 1, 3 (№ 1555); 1, 10 (№ 1556, № 1136); III 6, 1 (№ 1163); V 7, 2 (№ 1557); 7, 5 (№ 1558); VII 8, 3 (№ 1169); VIII 2, 2 (№ 1559). Изречения спартанцев 2, 15 (№ 902); 28, 6 (№ 588); 42, 2 (№ 248); 60, 2 (№ 893). Изречения царей и полководцев 26, 20 (№ 1056); 53, 3 (№ 240); 89, 4 (№ 2163). Как юноше слушать поэтические произведения 11 (№ 1567); 12 (№ 1568). Любовные рассказы 2 (№ 255). Наставление супругам 48 (№ 1561). Наставления о государственных делах 4 (№ 2211); 32 (№ 456). О болтливости 8 (№ 490). О лице, видимом на диске Луны 30 (№ 1570). О музыке 7 (№ 113). О подавлении гнева 5 (№ 583); 5 (№ 1563). О суеверии 11 (№ 1562). О том, что Пифия более не прорицает стихами 23 (№ 1565). Об Исиде и Осирисе 48 (№ 558); 57 (№ 1564). Об удаче и доблести Александра I 12 (№ 1055); II 4 (№ 1074); II 5 (№ 1571). Об Эроте (№ 1560) 5 (№ 543); 17 (№ 123); 17 (№ 262); 17 (№ 574); 17 (№ 912); 18 (№ 537); 23 (№ 1176). Почему божество медлит с воздаянием 13 (№ 1566).

Псевдо-Плутарх. Жизнеописания десяти ораторов VI 17 (№ 987). Собрание параллельных греческих и римских историй 33 (№ 1575).

Полемон из Афин. См. №№ 1128-1130.

Полемон из Илиона. Фр.6 (№ 470); фр.28 (№ 1804).

Полибий. Всеобщая история V 28 (№ 1200); 37 (№ 1206); VI 8, 4-5 (№ 1199); 37, 1-4.9 (№ 2102); VIII 11-13 (№ 1050); 30, 1-2 (№ 68); XII 13, 1-14, 2 (№ 1112); 15 (№ 1110); XIII 4 (№ 1201); XV 25 (№ 1210); XXXI 24 (№ 2104); XXXII 11 (№ 2103); XXXIX 7 (№ 1202).

Полистрат. Эпиграмма АП XII 91 (№ 1329).

Полиэн. Стратегемы V 3, 4 (№ 1109).

Порфирий. Жизнь Плотина 15 (№ 1835). Против христиан IV 19 (№ 1855). См. также №№ 556, 2688.

Посидипп. Эпиграммы АП V 134 (№ 1272); XII 17 (№ 1278); 45 (№ 1273); 77 (№ 1279); 98 (№ 1274); 120 (№ 1275); 131 (№ 1276); 168 (№ 1277); из Афиня (№ 332). См. также № 1258.

Прокл. Гимн II (№ 1993). Комментарий к «Кратилу» 16 (№ 2014); 71 (№ 2015); 96 (№ 2016). Комментарий к кн.1 «Начал» Евклида I 3 (№ 2017). Комментарий к «Пармениду», стр.633 (№ 1994); 668-669 (№ 1995); 684-685 (№ 1996); 700 (№ 1997); 723 (№ 1998); 755 (№ 1999); 809-810 (№ 2000); 852 (№ 2001); 854 (№ 2002); 855 (№ 2003); 927 (№ 2004); 950-951 (№ 2005); 976 (№ 2006); 987 (№ 2007); 988 (№ 2008); 997 (№ 2009); 1028-1029 (№ 2010); 1030 (№ 2011); 1044 (№ 2012); 51k (№ 2013). Платоновская теология I 24 (№ 2018); III 22 (№ 2019); VI 23 (№ 2020).

Прокопий. Война с готами II 14 (№ 2725). Тайная история 7, 36 (№ 2038); 11, 34-36 (№ 2035); 16, 23-25 (№ 2039); 19, 11 (№ 2036); 20, 8-12 (№ 2037).

Птолемей. Альмагест VII 5 (№ 1604); VIII 2 (№ 1605). География III 5, 8 (№ 219); 5, 25 (№ 220).

Птолемей Хенн (Гефестион). Новая история. Из кн. II (№ 119); из кн. VII (№ 1116).

Риан. Эпиграммы АП XII 38 (№ 1297); 58 (№ 1298); 93 (№ 1299); 121 (№ 1300); 142 (№ 1302); 146 (№ 1301).

Руфин. Эпиграммы АП V 19 (№ 1518); 88 (№ 1519); 93 (№ 1520).

Саллюстий. О богах и мире 4 (№ 1900).

Сапфо. Стихотворения, фр. 1 (1) (№ 312); 22 (2) (№ 313); 53 (16) (№ 328); 31 (22) (№ 318); 30 (23) (№ 324); 52 (31) (№ 325, 340); 54 (47) (№ 315); 35-36 (49) (№ 320); 49 (57) (№ 323); 71 (58) (№ 329); 28 (94) (№ 326); 29 (96) (№ 327); 46 (126) (№ 319); 55 (130) (№ 316); 37 (131) (№ 321); 50 (133а) (№ 322). См. также № 1561, 1904.

Сатир. См. № 557.

Секст Эмпирик. Против ученых I 261 (№ 89); 298 (№ 344); V 95-96 (№ 1715); VII 239 (№ 1187); IX 187-188 (№ 1173); XI 190 (№ 1162). Пирроновы положения I 109 (№ 1710); 142 (№ 1711); 152 (№ 1712); 159 (№ 1713); III 200 (№ 1160, № 1714, № 2723); 245 (№ 1161).

Секунд. АП XVI 214 (№ 1521).

Симий Родосский. Стихотворение АП XV 24 (№ 1252).

Симмий из Фив. См. № 713.

Симон (?). О добродетели 377d-e (№ 712).

Симонид. Мелика, фр.14 (26) (№ 496); фр.24 (70) (№ 493). Элегии, фр.1 (11) (№ 494), фр.10 (22) (№ 497). Эпиграммы 1 (№ 475).

Псевдо-Симонид. Эпиграммы АП VII 24 (№ 441); 25 (№ 442); XIII 20 (№ 532); XVI 204 (№ 1032).

Симпликий. Комментарий к «Физике» 39, 18 (№ 552).

Синесий Киренский. Гимн IX 1-15 (№ 1975). О царской власти (№ 1964).

Псевдо-Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря 68 (№ 211).

Скифин. Эпиграмма АП XII 22 (№ 1522).

Сократ Схоластик. Церковная история III 23 (№ 1616); 23 (№ 1965); IV 31 (№ 1966).

Солон. Элегии, фр.6 (16) (№ 356); 5 (18) (№ 355). См. также №№ 778, 1560, 2545.

Софокл. Фрагменты трагедий: Геракл (№ 572). Колхидянки (№ 573). Ниоба (№ 574). Поклонники Ахилла (№№ 575-577). Салмоней (№ 578). Фамир (№№ 579-583). Федра (№ 584). Неустановленные трагедии (№№ 585-587). Элегия, фр.2 (№ 571).

Спевсипп. Изречения (№ 977). АП XVI 31 (№ 763). (?) Определения 412е (№ 978).

Стесихор. Фрагменты (№ 188, № 189).

Стефан Византийский. Этника 648, 19 (№ 53). (№ 225). См. также № 104.

Стобей. III 2, 46 (№ 601); 5, 22 (№ 599); 5, 23 (№ 600); IV 20, 33 (№ 597).

Страбон. География III 4, 16 (№ 2718); 4, 18 (№ 2719); IV 4, 6 (№ 2720); IX 2, 25 (№ 1029); 4, 2 (№ 179); X 2, 9 (№ 1495); 4, 9 (№ 230); 4, 12 (№ 235); 4, 20-21 (№ 231); XI 8, 5 (№ 2731); XII 4, 3 (№ 149); XIII 1, 11 (№ 36); 1, 14 (№ 1031); 1, 32 (№ 190); XIV 1, 5 (№ 85); 1, 41 (№ 1113).

Стратон. Эпиграммы АП XI 19 (№ 1332); XII 1 (№ 1333); 2 (№ 1334); 3 (№ 1335); 4 (№ 1336); 5 (№ 1337); 7 (№ 1338); 8 (№ 1339); 9 (№ 1340); 10 (№ 1341); 11 (№ 1342); 12 (№ 1343); 15 (№ 1344); 16 (№ 1345); 21 (№ 1346); 175 (№ 1347); 176 (№ 1348); 177 (№ 1349); 178 (№ 1350); 179 (№ 1351); 180 (№ 1352); 182 (№ 1353); 183 (№ 1354); 184 (№ 1355); 185 (№ 1356); 186 (№ 1357); 188 (№ 1358); 189 (№ 1359); 190 (№ 1360); 191 (№ 1361); 194 (№ 1362); 197 (№ 1363); 199 (№ 1364); 218 (№ 1365); 221 (№ 1366); 235 (№ 1367); 239 (№ 1368); 244 (№ 1369); 258 (№ 1370).

Сфер Боспорский. См. № 1186.

Татиан. Слово к эллинам 3 (№ 1191); 8 (№ 1729); 8 (№ 1730); 10 (№ 1731); 10 (№ 1607); 17 (№ 1732); 19 (№ 1733); 25 (№ 1734); 28 (№ 1735); 33 (№ 1736); 34 (№ 1023).

Тимей из Тавромения. Фрагменты. См. № 1050, 1110, 1112.

Тимокл из Афин. Демосатиры (№ 1019). Сапфо (№ 1020).

Тимокл. Эпиграмма АП XII 32 (№ 1312).

Тиртей. Фр.6 (№ 307).

Фаний. Эпиграмма АП XII 31 (№ 1311).

Фанокл. Любовные страсти, фр.1 (№ 1255), фр.3 (№ 1256). См. также №№ 50, 178, 1796.

Федим. Эпиграмма АП XIII 22 (№ 1296).

Федр. Басни IV 16 (№ 2291).

Феогнид. Элегии 237-254 (№ 405); 719-728 (№ 406); 1230-1233, 1235-1238, 1245-1397 (№№ 370-404).

Феодор. Эпиграмма АП VI 282 (№ 1447).

Феодор Безбожник. См. №№ 1125, 1126.

Феодорид. Эпиграмма АП VI 156 (№ 1303).

Феокрит. Идиллии V (№ 1227); VI (№ 1228); VII (№ 1229); XII (№ 1230); XIII (№ 1231); XIX (№ 1232); XXIII (№ 1233); XXIX (№ 1234); XXX (№ 1235). Эпиграммы 15 (АП IX 599) (№ 443).

Схолии к Феокриту. XIII 2 (№ 3, № 366).

Феопомп. См. №№ 1039, 1047-1050.

Феофан. Хронография, под 362 г. (№ 1959), под 374 г. (№ 1960), под 512 г. (№ 1989), под 529 г. (№ 2028).

Феофил. К Автолику I 2 (№ 1741); 9 (№ 1742); II 12 (№ 1743); III 6 (№ 1744); 8 (№ 1192); 8 (№ 1609); 27 (№ 2079).

Феофраст. См. №№ 916, 1132, 1138, 1139, 1554. О любви (№№ 235, 1140, 1141).

Ферекид. См. №№ 361, 362.

Филипп. Эпиграмма АП XVI 215 (№ 1523).

Филон Александрийский. О пьянстве (№ 1505). О рождении Авеля... 23 (№ 1500); 100 (№ 1501). О смешении языков 27 (№ 1503). О соитии ради предварительного обучения 129 (№ 1504). О том, что каждый мудрец свободен (№ 875). О том, что худшее склонно нападать на лучшее 99 (№ 1502).

Филострат. Диалог о героях XIX 16 (№ 210); XLVIII 2 (№ 1823); XLIX 1-3 (№ 1824). Жизнь Аполлония Тианского I 12 (№ 1807); 16 (№ 80); 30 (№ 1808); III 27 (№ 1809); IV 2 (№ 1810); 16 (№ 1811); VI 3 (№ 1812); 11 (№ 1813); VII 42 (№ 1814); VIII 7 (№ 1815); 16 (№ 1816). Картины I 6, 3 (№ 1825); I 23 (№ 1826); I 24 (№ 1827); I 30 (№ 1828); II 7 (№ 1829); II 25 (№ 1830). Письма 3 (№ 1817); 5 (№ 1818); 10 (№ 1819); 18 (№ 1820); 24 (№ 1821); 33 (№ 1822).

Филострат Младший. Картины 9 (№ 1831); 15 (№ 1832).

Фриних. №№ 536, 537.

Фукидид. История I 6, 5-6 (№ 259); 132, 4-133 (№ 589); V 18, 10 (№ 71); 23, 4-5 (№ 72); VI 3, 2 (№ 254); 4, 4 (№ 368); 15 (№ 631); 54-59 (№ 473).

Харитон. Повесть о Херее и Каллирое I (№ 1588).

Хрисипп. Фрагменты (№№ 1187-1198).

Христордор. Сапфо (№ 2059).

Цельс. Истинное слово (№№ 1716, 1717, 1718).

Эзоп. Басни 109 (№ 1145).

Элиан. О природе животных VI 35 (№ 1805, № 615); XIV 28 (№ 92). Пёстрые рассказы I 15 (№ 972); 30 (№ 1101); II 4 (№ 367); 21 (№ 642); 23 (№ 1127); 33 (№ 369); III 9 (№ 232); 10 (№ 245); 12 (№ 246); 38 (№ 354); IV 27 (№ 874); VII 8 (№ 1094); VIII 9 (№ 892); 16 (№ 352); IX 4 (№ 429); 9 (№ 1104); X 18 (№ 310); XII 1 (№ 2728); 7 (№ 1066); 43 (№ 897); XIII 4 (№ 643); 5 (№ 166); XIV 31 (№ 1208); 48 (№ 1040).

Эмпедокл. Фрагменты (№№ 556-558).

Эномай. Эпиграмма АП IX 749 (№ 1525).

Эпиктет. Беседы I 4, 26 (№ 1576); II 10, 17 (№ 1577); 22, 18 (№ 1578); III 1, 32 (№ 1579); 2, 11 (№ 873); 7, 21 (№ 1580); 17, 4 (№ 1581); 22, 14 (№ 1582); IV 1, 15 (№ 1583); 11, 19 (№ 1584).

Эпикур. См. №№ 1117-1124.

Псевдо-Эратосфен. Катастеризмы 26 (№ 41); 30 (№ 46).

Эратосфен Схоластик. Эпиграмма АП V 277 (№ 2060).

Эринна. Прялка (№ 1167).

Эсхил. Мирмидоняне, фр.155 (138) (№ 541); фр.157 (135) (№ 542); фр.158 (136) (№ 544); фр.159 (137) (№ 545). Нереиды, фр.161 (153) (№ 546). Эдоняне, фр.7 (61) (№ 547).

Эсхин-сократик (?). Аксиох 334а (№ 715).

Эсхин. Речи I (№ 986) (Против Тимарха) 142-143 (№ 267); II 88 (№ 988); 99 (№ 989); 144-145 (№ 990); 166 (№ 991); III 162 (№ 992).

Содержание речи Эсхина. (№ 985).

Эфипп. Купец (№ 1007). Пельтаст (№ 1008).

Юлиан. Враг бороды 2 (№ 1905). Письма (№№ 1901-1904). Против христиан I (№ 1906).

Юлиан Египетский. Эпиграммы (№№ 2061, 2062).

Юлий Леонид. Эпиграмма АП XII 20 (№ 1526).

Юстин-философ. Первая апология 5 (№ 1722); 21 (№ 1723); 25 (№ 1724); 27 (№ 1725); 29 (№ 1606). Вторая апология 12 (№ 1726). Разговор с Трифоном 95 (№ 1727).

Псевдо-Юстин-философ. Речь к элинам 2 (№ 1728).

Ямвлих. Жизнь Пифагора X 51-53 (№ 1858); XXXI 209-210 (№ 1859). О египетских мистериях II, 3 (73) (№ 1860); IV 12 (195-197) (№ 1861). О науке общей математики 26 (№ 921). Теологумены арифметики (№ 1857).

Анонимные греческие поэты. АП V 65 (№ 1483); 168 (№ 1450); 200 (№ 1481); VII 28 (№ 453). АП IX 103 (№ 467); IX 184 (№ 252); IX 189 (№ 337); 325 (№ 2063); 449 (№ 1485); 611 (№ 2064); 666 (№ 2065); 784 (№ 2066). Девять лириков (№ 253). XVI 6 (№ 1482), 194 (№ 2067); 250 (№ 2068).

XII 39 (№ 1478); 40 (№ 1459); 61 (№ 1464); 62 (№ 1465); 66 (№ 1472); 67 (№ 1471); 69 (№ 1468); 79 (№ 1458); 87 (№ 1467); 88 (№ 1466); 89 (№ 1449); 90 (№ 1448); 96 (№ 1479); 99 (№ 1456); 100 (№ 1452); 103 (№ 1484); 104 (№ 1451); 107 (№ 1470); 111 (№ 1474); 112 (№ 1462); 115 (№ 1453); 116 (№ 1480); 123 (№ 1476); 130 (№ 1473); 136 (№ 1457); 140 (№ 1463); 142 (№ 1469); 143 (№ 1461); 145 (№ 1455); 151 (№ 1460); 152 (№ 1475); 155 (№ 1454); 160 (№ 1477).

Предисловие к кн. XII ПА (№ 1331).

Халкидская песнь (№ 263). Анонимные застольные песни (№ 480, № 481, № 482, № 483, № 533, № 534).

Вера Премудрость 121 (№ 1755); 127 (№ 1756); 147 (№ 1757).

Византийский аноним. О трагедии (№ 580).

Герметический свод. I 18-19 (№ 1548); XVI 16 (№ 1549); XVIII 14b (№ 1550). Зеница космоса, фр.23, 14-16 (№ 1551); фр.24, 12 (№ 1552).

Двойкие речи 2, 2 (№ 602).

Книги Сивилл III 182-186 (№ 1971); 593-600 (№ 1972); V 387-389 (№ 1973); 429-433 (№ 1974); VIII 50-58 (№ 1617).

Объезд Эвксинского понта 84 (№ 226).

Оксиринхский историк. Греческая история 16, 4 (№ 900).

Орфика. Фр. A12 (№ 360); B82 (№ 357); B83 (№ 358); B202 (№ 359).

Орфическая аргонавтика 12-16 (№ 1968); 424-425 (№ 1969).

Орфический гимн 58 (№ 1970).

Паросская хроника 27 (№ 116).

Повесть о Варлааме и Иоасафе 27 (№ 1721).

Пролегомены к платоновской философии. 2 (№ 2042); 9 (№ 2043); 11 (№ 2044).

Роман об Иолае. См. № 1587.

Учение двенадцати апостолов (Дидахэ) 2, 1-2 (№ 1534).

Греческая эпиграфика.

Аттические стелы. Кон.5 в. до н.э. (№ 634, № 635).

Березанский гимн острову и Ахиллу Понтарху. I в. н.э. (№ 206).

Гортинская правда II 2-10 (№ 236).

Надпись из Херсонеса Таврического. Кон. I в. н.э. (№ 1487).

Надпись на пифосе из Феста. Ок.700 до н.э. (№ 234).

1.2. Латинские авторы.

Августин. Исповедь II 1-2 (№ 2681); III 1 (№ 2682); 8 (№ 2686); XIII 7 (№ 2695).
Монологи II 16 (№ 2582). О граде Божием II 7 (№ 2687); VII 25 (№ 2688); 26 (№ 2689); IX
20.22 (№ 2698); XI 28 (№ 2699); XII 15 (№ 2690); XIV 17 (№ 2692); 23 (№ 2693); XVI 30
(№ 2694); XVIII 13 (№ 2691). О порядке I 8 (№ 2685). Об истинной религии 21 (№ 2696);
46 (№ 2697). Пересмотры I 1, 3 (№ 2684). Против академиков II 3, 7 (№ 2683).

Аврелий Виктор. О знаменитых людях 47, 4 (№ 2117). О цезарях II 1-2 (№ 2300); V
5-7 (№ 2308); V 13 (№ 2309); XI 5 (№ 2365); XIV 6-8 (№ 1601); XXIII 1 (№ 2625); XXVIII
6-9 (№ 2632); XXXIX 46 (№ 2638); XLI 23-25 (№ 2639). См. также № 2622.

Псевдо-Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров I 25
(№ 2198); V 5 (№ 2310); VI 2 (№ 2318); XI 7 (№ 2366); XXIII 3 (№ 2626).

Авсоний. Распятый Купидон (№ 2642). Свадебный центон (№ 2643). Эпиграммы 51
(№ 2644); 62 (№ 2645); 76 (№ 2646); 92 (№ 2647); 98 (№ 2648); 99 (№ 2649); 100 (№ 2650);
102 (№ 2651); 144 (№ 2652).

Аммиан Марцеллин. Римская история XIV 6, 17 (№ 2640); XXI 16, 6 (№ 2641);
XXIII 6, 76 (№ 2733); XXXI 9, 5 (№ 2724).

Ампелий. Памятная книжица 2, 11 (№ 44); 9, 9 (№ 19); 15, 8 (№ 492).

Апулей. Апология 4 (№ 2544); 9-13 (№ 2545); 12 (№ 2134); 74 (№ 2546).
Метаморфозы VIII 26 (№ 2551); IX 14, 22-23, 27-28 (№ 2552). О божестве Сократа 15 (№
2547). Платон и его учение I 1 (№ 755); II 14 (№ 2548); 16 (№ 2549); 22 (№ 2550). Флориды
2 (№ 2543); 15 (№ 2542).

Арнобий. Против язычников I 64 (№ 2658); II 42 (№ 2659); IV 7 (№ 2660); 26 (№
2661); 33 (№ 2662); V 5-7 (№ 175), 13 (№ 176); 22 (№ 2663); 28 (№ 100); 29 (№ 2664); 31
(№ 2665); 32 (№ 2666); 39 (№ 2667); 44 (№ 2668); VI 13 (№ 564), 13 (№ 637); VII 33 (№
2669).

Афраний. Фрагмент (№ 2134).

Боэций. Утешение философией III 7 (№ 2711, № 922).

Варрон. Фрагменты сатир (№№ 2200-2206).

Вергилий. Георгики III 6-9 (№ 2233); IV 219-227 (№ 2234). Комар 408 (№ 2227).
Эклоги II (№ 2229); III 55-87, 108-111 (№ 2230); VI 43-44 (№ 2231); X 31-69 (№ 2232).
Энеида I 26.28 (№ 2237); V 250-257 (№ 2239); 293-296 (№ 2235); VI 448-449 (№ 2240); IX
176-183, 446-449 (№ 2236); X 324-328 (№ 2241); XII 391-394 (№ 2242).

Псевдо-Вергилий. Смесь 13, 7-18 (№ 2191). Скопа 104-109 (№ 2243).

Витрувий. Об архитектуре IV 1, 7-8 (№ 2322).

Гай. Институции III 220 (№ 2587).

Геллий. Аттические ночи II 18 (№ 796); III 4 (№ 2082); 5 (№ 1137); IX 2 (№ 478).

Германик. Небесные явления по Арату 315-320 (№ 2290).

Гигин. Астрономия II 5, 2 (№ 101); 7, 3 (№ 111); 12, 1 (№ 95); 16, 1 (№ 47); 29 (№ 42).
Мифы: Введ. 1 (№ 364); 3 (№ 160); 14 (№ 139); 14 (№ 141); 14 (№ 146); 30 (№ 137); 85
(№ 164); 97 (№ 185); 97 (№ 197); 114 (№ 186); 114 (№ 198); 154 (№ 172); 224 (№ 43); 252
(№ 195); 257 (№ 30); 271 (№ 29); 273 (№ 135).

Гильда Премудрый. О гибели Британии 33 (№ 2713).

Гораций. Оды I 4 (№ 2250); 26 (№ 2251); 32 (№ 2247); 38 (№ 2252); II 5 (№ 2253);
13 (№ 2248); III 20 (№ 2245); IV 1 (№ 2254); 4 (№ 2246); 9 (№ 2249); 10 (№ 2255).
Послания II 2 (№ 2258). Сатиры I 2 (№ 2257). Эподы 11 (№ 2256).

Григорий Великий. Диалоги III 37 (№ 2712).

Григорий Турский. История франков I 25 (№ 2313); II 29 (№ 2714); IV 39 (№ 2715).

Псевдо-Дарет Фригийский. История о разрушении Трои 12-13 (№ 2702); 19-20 (№ 2703); 34 (№ 2704).

Драконций. Гил 65-68, 94-99, 141-144 (№ 2710).

Иероним. Изложение Хроники Евсевия Памфила, пред. (№ 2680); под 26 г. (№ 2359);
под 85 г. (№ 2369); под 120 г. (№ 2555); под 131 г. (№ 1599). Книга о знаменитых
мужах 22 (№ 1611).

Иордан. Гетика 135 (№ 1963).

Катон. Фрагменты речей (№ 2108, 2109, 2110, 2112)

Катулл. Стихотворения 15 (№ 2217); 16 (№ 2218); 21 (№ 2219); 24 (№ 2216); 33 (№ 2221);
48 (№ 2213); 56 (№ 2222); 61 (№ 2224); 80 (№ 2220); 81 (№ 2215); 99 (№ 2214); 100
(№ 2223); 106 (№ 2225); 112 (№ 2226).

Киприан. К Донату о благодати божией (№ 2633).

Псевдо-Киприан. Стихотворение о Содоме 14-15 (№ 2657).

Клавдиан. Похищение Прозерпины II 131-136 (№ 2653).

Колумелла. О сельском хозяйстве I Пред. 15 (№ 2323); 8, 1 (№ 2324).

Курций Руф. История Александра Великого III 12, 15-17 (№ 1067); IV 5, 10 (№ 1069); 16, 31-33 (№ 1070); VI 2, 9 (№ 1075); 5, 23 (№ 1098); 7, 2 (№ 1061); VII 9, 19 (№ 1058); VIII 6, 7-25 (№ 1064); X 1, 22-37 (№ 1100).

Лактанций. Божественные установления I 9, 1 (№ 2670); 10, 3 (№ 2671); 10, 12-11, 3 (№ 2672); 11, 19-22 (№ 2673); 11, 29 (№ 2674); 20, 14-16 (№ 2675); 23, 3 (№ 2676); II 16, 16-17 (№ 2677); V 9, 17 (№ 2678); VI 23, 8.10.18-19 (№ 2679). О смертях преследователей 8, 5 (№ 2637).

Лактанций Плацид. Комм. к Фиваиде IV 460 (№ 79). (№ 155). См. также № 17, 84, 103, 147.

Псевдо-Лактанций Плацид. Схолии к «Ахиллеиде» Стация 397 (№ 152).

Тит Ливий. История от основания города VIII 28 (№ 2075); XXI 2, 3-4 (№ 1217); 3, 3-4 (№ 1218); XXVI 13, 15 (№ 2077); XXIX 17, 14-15 (№ 2078); XXXIII 28, 1-2 (№ 1214); XXXIX 8-18 (№ 2101); 42, 5-43, 5 (№ 2111); XL 4, 2-15 (№ 1215).

Лициний Кальв. Фрагменты (№ 2210, 2212).

Лукан. Фарсалия I 653 (№ 45).

Лукреций. О природе вещей II 23-26 (№ 2207); 614-617 (№ 2208); IV 1030-1036, 1052-1057, 1079-1087 (№ 2209).

Луцилий. Фрагменты сатир (№ 2122-2133).

Манилий. Астрономика V (№ 2289).

Марциал. Эпиграммы I 23 (№ 2402); 24 (№ 2453); 31 (№ 2424); 32 (№ 2429); 46 (№ 2494); 58 (№ 2436); 77 (№ 2441); 90 (№ 2446); 96 (№ 2454); II 10 (№ 2419); 12 (№ 2420); 21 (№ 2421); 22 (№ 2422); 23 (№ 2423); 28 (№ 2430); 42 (№ 2393); 43 (№ 2397); 47 (№ 2386); 48 (№ 2495); 49 (№ 2455); 51 (№ 2387); 62 (№ 2404); 84 (№ 2456); III 65 (№ 2496); 71 (№ 2415); 73 (№ 2388); 81 (№ 2389); 84 (№ 2391); 85 (№ 2457); 88 (№ 2458); 91 (№ 2459); 98 (№ 2426); IV 6 (№ 2413); 7 (№ 2499); 42 (№ 2500); 43 (№ 2401); 48 (№ 2417); V 16 (№ 2505); 41 (№ 2392); 46 (№ 2497); 48 (№ 2425); 55 (№ 2460); 61 (№ 2411); 83 (№ 2501); VI 2 (№ 2370); 33 (№ 2427); 34 (№ 2498); 37 (№ 2442); 50 (№ 2432); 54 (№ 2431); 56 (№ 2439); 64 (№ 2461); 68 (№ 2400); 70 (№ 2403); 91 (№ 2394); VII 10 (№ 2416); 29 (№ 2384); 50 (№ 2462); 58 (№ 2447); 62 (№ 2381); 67 (№ 2451); 70 (№ 2452); 80 (№ 2503); 83 (№ 2409); 87 (№ 2463); VIII 44 (№ 2464); 55 (№ 2504); 63 (№ 2380); 73 (№ 2506); IX 16 (№ 2465); 21 (№ 2382); 22 (№ 2466); 25 (№ 2467); 27 (№ 2444); 33 (№ 2412); 36 (№ 2368); 56 (№ 2468); 57 (№ 2390); 59 (№ 2410); 63 (№ 2437); 67 (№ 2507); 69 (№ 2418); 73 (№ 2469); 90 (№ 2470); 93 (№ 2471); 103 (№ 2472); X 13 (№ 2508); 40 (№ 2473); 42 (№ 2502); 52 (№ 2433); 55 (№ 2450); 64 (№ 2296); 66 (№ 2474); 98 (№ 2475); XI 6 (№ 2509); 8 (№ 2510); 22 (№ 2476); 26 (№ 2511); 28 (№ 2477); 43 (№ 2478); 45 (№ 2399); 46 (№ 2414); 47 (№ 2407); 56 (№ 2480); 58 (№ 2512); 63 (№ 2481); 70 (№ 2434); 73 (№ 2513); 78 (№ 2385); 87 (№ 2440); 88 (№ 2443); 94 (№ 2482); 95 (№ 2438); XII 16 (№ 2405); 33 (№ 2406); 35 (№ 2395); 38 (№ 2398);

42 (№ 2396); 43 (№ 2428); 49 (№ 2408); 64 (№ 2445); 71 (№ 2514); 75 (№ 2515); 84 (№ 2516); 85 (№ 2435); 86 (№ 2483); 91 (№ 2449); 93 (№ 2448); 96 (№ 2479); 97 (№ 2383); XIII 26 (№ 2484); 96 (№ 2485); 108 (№ 2486); XIV 48 (№ 2487); 59 (№ 2488); 164 (№ 2489); 171 (№ 2490); 173 (№ 2491); 201 (№ 2367); 205 (№ 2492); 214 (№ 2493).

Марциан. Институции, кн.14 (№ 2596), кн.14 (№ 2599).

Минуций Феликс. Октавий 22 (№ 2568); 28 (№ 2569).

Модестин. Правила I (№ 2594).

Непот. О знаменитых людях: Предисловие (№ 233). Алкивиад 2 (№ 624).
Гамилькар 3 (№ 1216). О царях 2 (№ 1045). Павсаний 4 (№ 590). Эпаминонд 4 (№ 911).

Овидий. Героиды IV 109-112 (№ 2260); V 149-152 (№ 2261); XV 15-20 (№ 2262); 79-86.91-92 (№ 2263). Ибис 295-296 (№ 2285); 321-322 (№ 2286); 329-330 (№ 216); 587-588 (№ 2287); 631-634 (№ 2288). Лекарство от любви 759-762 (№ 2269). Любовные элегии II 6, 15-16 (№ 2259). Метаморфозы III 344-358, 402-407, 413-482, 502-510 (№ 2274); V 47-50, 56-64, 69-73 (№ 2275); VII 371-379 (№ 2276); IX 441-449 (№ 2277); 704-707, 714-715, 720-728, 733-734, 762-763, 786-791, 797 (№ 2278); X 78-219 (№ 2279), XI 50-55 (№ 2279a); XII 208-209 (№ 2280); 393-404 (№ 2281). Наука любви I 513-514, 521-524 (№ 2265); II 108-110 (№ 2266); 683-684 (№ 2267); III 329-331 (№ 2268). Послания XVI 195-196 (№ 2264). Скорбные элегии II 1, 361-368 (№ 2282); I, 405-406 (№ 2283), 429-432 (№ 2284). Фасты I 651-652 (№ 2270); II 345-348 (№ 2271); III 407-414 (№ 2272); V 223-226 (№ 2273).

Орозий. История против язычников I 5, 6.8-10 (№ 2701); 12, 3-6 (№ 50); VII 7, 2 (№ 2312).

Пакувий. Хрис, фр.163 (№ 2119).

Папиниан. О прелюбодеях II (№ 2592).

Пентадий. Нарцисс (№ 2705).

Персий. Сатиры I 28-30 (№ 2292); 79-82 (№ 2293); IV 33-41 (№ 2294); V 73-79 (№ 2295).

Петроний. Сатирика 9.11 (№ 2345); 21.23 (№ 2346); 27 (№ 2347); 41 (№ 2348); 64 (№ 2349); 74-75 (№ 2350); 79.81.83 (№ 2351); 85-87 (№ 2352); 91 (№ 2353); 109 (№ 2354); 119 (№ 2355); 129 (№ 2356); 132 (№ 2357); 133 (№ 2358).

Плавт. Амфитрион 347-349 (№ 2094). Грубиян 147-157 (№ 2100). Два Менехма 143-145 (№ 2095). Касина 449-468 (№ 2096); 856-977 (№ 2097). Клад 637-638 (№ 2087). Куркулион 33-38 (№ 2089). Ослы 627-628 (№ 2083); 703 (№ 2084). Перс 847-848 (№ 2086). Пленники 867 (№ 2093). Привидение 844-847 (№ 2088). Псевдол 310-314 (№ 2090); 771-774, 781-783 (№ 2091); 1179-1181, 1188-1189 (№ 2092). Пуниец 73-78 (№ 2098); 1309-1311 (№ 2099). Хвастливый воин 1111-1113 (№ 2085).

Плиний Младший. Письма III 3, 1.3-5 (№ 2371); V 3, 1-4 (№ 2372); VII 4 (№ 2373); IX 17, 1-2 (№ 2374).

Плиний Старший. Естествознание IV 83 (№ 218); XV 19 (№ 2362); XXXIII 155 (№ 559); XXXIV 17 (№ 484); 26 (№ 638); 64 (№ 1024); 69-70 (№ 488); 72 (№ 491); 79 (№ 1022); 80 (№ 640); 86 (№ 489); 88 (№ 641); XXXV 131 (№ 1025); 141 (№ 1021); XXXVI 20-22 (№ 1028); 28 (№ 639); 41 (№ 2363).

Помпоний. Комментарии к Квинту Муцию III (№ 2585); IV (№ 2584); VIII (№ 2583). См. также №№ 2575, 2576, 2579.

Помпоний Мела. II 1 (№ 217); II 2 (№ 138); II 7 (№ 214).

Саллюстий. О заговоре Катилины 13, 3 (№ 2192); 14 (№ 2149). Второе письмо Цезарю 9, 2 (№ 2193).

Псевдо-Саллюстий. Инвектива против Цицерона 1, 2 (№ 2177).

Светоний. Божественный Август 68.71 (№ 2197). Божественный Юлий 2 (№ 2182); 22 (№ 2184); 49.52 (№ 2183); 73 (№ 2185). Вергилий 9-11 (№ 2228). Вителлий 3, 3 (№ 2320); 12 (№ 2321). Гай Калигула 16 (№ 2301); 36 (№ 2302); 55 (№ 2303). Гальба 22 (№ 2317). Гораций 4, 6 (№ 2244). Домициан 1, 1 (№ 2364). Лукан 2 (№ 2315). Нерон 28-29 (№ 2305); 35, 4 (№ 2306). Отон 2, 2 (№ 2319). Теренций 1 (№ 2118). Тиберий 43-44 (№ 2299); 70 (№ 2297).

Сенека Младший. Медея 646-649 (№ 2325). Нравственные письма к Луцилию 12, 8 (№ 2330); 47, 7 (№ 2331); 66, 53 (№ 2332); 69, 3 (№ 2333); 86, 13 (№ 2334); 88, 37 (№ 2335); 95, 20-21 (№ 2336); 95, 24 (№ 2337); 97, 1-4 (№ 2338); 99, 13 (№ 2339); 114, 25 (№ 2340); 122, 7 (№ 2341); 123, 10 (№ 2342); 123, 15-16 (№ 2343). О природе I 5, 6 (№ 2316); 16, 1 (№ 2329). О скоротечности жизни XII 5 (№ 2328). Федра 230-232 (№ 2326); 296-298 (№ 2327).

Сервий. Комментарий к «Энеиде» I 28 (№ 2238); I 474 (№ 203); III 279 (№ 54); VI 146 (№ 241). Также см. № 16, 81.

Стаций. Фиваида I 540-541, 548-551 (№ 2375); IV 181-186 (№ 2376); V 441-444 (№ 2377); VII 340-342 (№ 2378); X 442-448 (№ 2379).

Сульпиций Север. Хроника I 5, 3 (№ 2700); II 28, 2 (№ 2311).

Тацит. Анналы V 3 (№ 2360); VI 1 (№ 2298); XIV 42 (№ 2361); 65 (№ 2307); XVI 18-19 (№ 2344). Германия 19 (№ 2722).

Тертуллиан. Апология 11 (№ 2606); 13 (№ 2607); 21 (№ 2608); 46 (№ 2609). К жене I 5 (№ 2612). К язычникам I 16 (№ 2602); 20 (№ 2603); II 10 (№ 1612); 13 (№ 2604); 14 (№ 2605). О душе 38, 2 (№ 2614); 54, 2 (№ 2615); 55, 4 (№ 2616). О зрелищах 17 (№ 2610); 23 (№ 2611). О плаще IV 4 (№ 1114); 9 (№ 2613). Об идолопоклонстве 16 (№ 2617).

Ульпиан. Комментарии к Сабину, кн.26 (№ 2572). Комментарии к эдикту, кн.6 (№ 2576); кн.6 (№ 2579); кн.16 (№ 2575); кн.18 (№ 2601); кн.57 (№ 2586); кн.77 (№ 2589). О прелюбодеяниях, кн.4 (№ 2593). Об обязанностях проконсула, кн.3 (№ 2573).

Фронтон. Письма Марку Цезарю I 7 (№ 2570).

Цезарь. Записки о галльской войне VI 21 (№ 2721).

Псевдо-Цезарь. Александрийская война 41 (№ 1323). Испанская война 33 (№ 2194).

Целий. Письма Цицерону (Письма Цицерона (Fam. VIII 14) 275, 4 (№ 2170); (Fam. VIII 12) 279, 3 (№ 2171)).

Целий Аврелиан. О хронических болезнях IV 9 (№ 553).

Квинт Цицерон. Краткое наставление по соисканию 10 (№ 2144).

Марк Цицерон. Письма (Att. I 2) 11, 1 (№ 2143); (Att. I 14) 20, 5 (№ 2167); (Att. I 16) 22, 5 (№ 2153); 22, 10 (№ 2154); (Q. fr. II 3) 102, 2 (№ 2155); (Fam. VII 32) 229, 2 (№ 2172).

Речи: В защиту Тита Анния Милона 4 (9) (№ 2138); 21 (55) (№ 2160). В защиту Флакка 51 (№ 2168). В защиту Публия Сестия 7 (16) (№ 2158); 8 (18) (№ 2152); 17 (39) (№ 2159). В защиту Марка Целия Руфа 3-4 (6, 9) (№ 2169). В сенате по возвращении из изгнания 4-5 (10-12) (№ 2150). О своем доме 24 (62) (№ 2151). Об ответах гаруспиков 20 (42) (№ 2156); 27 (59) (№ 2157). Вторая филиппика против Марка Антония 2 (3) (№ 2186); 18-19 (44-47) (№ 2187); 20 (50) (№ 2189); 41 (104-105) (№ 2190). Против Гая Верреса: Первая сессия 9 (25) (№ 2164). Против Гая Верреса: О судебном деле 63 (154) (№ 2165). Против Гая Верреса: О хлебном деле 68 (159) (№ 2166). Против Гая Верреса: О предметах искусства 2-3 (4-5) (№ 1030); 57 (126-127) (№ 341). Первая речь против Катилины 6 (13) (№ 2145). Вторая речь против Катилины 2 (4) (№ 2146); 4-5 (7-9) (№ 2147); 10-11 (22-24) (№ 2148).

Трактаты: О государстве IV 3-4 (3-4) (№ 249). О дружбе 9 (32) (№ 2175). О пределах блага и зла II (24) 79 (№ 2121); V 63 (№ 2120). О природе богов I 28 (79) (№ 2176, № 343); III 59-60 (№ 18). О старости 12 (42) (№ 2116). Об ораторе II 66 (265) (№ 2139); II 68 (277) (№ 2135). Об обязанностях I 40 (144) (№ 569); II 7 (25) (№ 915). Тускуланские беседы I 26 (65) (№ 2173); I 40 (96) (№ 618); IV 33-34 (70-72) (№ 2174); 33 (71) (№ 342, № 408, № 459, № 612); V 20 (57-60) (№ 889).

Псевдо-Цицерон. Инвектива против Г. Саллюстия Криспа 3 (9) (№ 2178); 5 (13-14) (№ 2179). Письмо Цезарю Октавиану (Письма Цицерона 930), 9 (№ 2196).

Ювенал. Сатиры I 45-48 (№ 2523); 163-164 (№ 2524); II 8-20 (№ 2525); 36-51 (№ 2526); 99-103 (№ 2527); 117-142 (№ 2528); 162-168 (№ 2529); III 93-97 (№ 2530); 109-112 (№ 2531); V 56-62 (№ 2532); VI 33-37 (№ 2533); 306-313 (№ 2534); IX 22-26 (№ 2535); 32-62 (№ 2536); 102-108 (№ 2537); 130-133 (№ 2538); X 218-224 (№ 2539); XIII 42-44 (№ 2540); XIV 47-49 (№ 2541).

Юлий Павел. Комментарии к эдикту XI (№ 2580). Пять книг сентенций к сыну I 13а, 5 (№ 2574); II 26, 4 (№ 2577); 26, 12 (№ 2595); 26, 13 (№ 2578); V 4, 4 (№ 2597); 4, 14 (№ 2591, № 2590); 23, 8 (№ 2581); 23, 13 (№ 2600).

Юстин-историк. Эпитома Помпея Трога VIII 6, 5-8 (№ 1038); IX 6-7 (№ 1042); XII 12, 11-12 (№ 1093); XXII 1, 1-5 (№ 1108); XXX 1, 7-2, 7 (№ 1209); XLII 1, 1-3 (№ 2732).

Писатели истории Августов: Флавий Вописк (?). Кар, Карин и Нумериан 16, 1.8 (№ 2634). Элий Лампридий (?). Александр Север 15, 1-2 (№ 2628); 24, 3-4 (№ 2630); 34, 2-4 (№ 2629). Антонин Гелиогабал (№ 2627). Коммод Антонин 3, 2.5-6 (№ 2561); 4, 5-6 (№ 2562); 5, 4 (№ 2563); 5, 11 (№ 2564); 10, 8-9 (№ 2565). Элий Спартиан (?). Адриан 4, 5 (№ 2553); 11, 7 (№ 2554); 14, 5-9 (№ 1600); 16, 1 (№ 1618); 23, 10-11 (№ 2557). Элий 5, 1.9 (№

2556). Юлий Капитолин (?). Гельвий Пертинакс 7, 8-11 (№ 2567). Клодий Альбин 11, 7 (№ 2571). Максимин Младший 28 (2), 3 (№ 2631). Опилий Макрин 4, 2-3 (№ 2622); 14, 1-3 (№ 2623).

Латинские анонимные поэты. № 2706, № 2707, № 2708, № 2709.

Ватиканский аноним. О невероятном 9 (№ 157).

Институции Юстиниана IV 4, 1 (№ 2588); 18, 4 (№ 2598).

Книга Приапа 5 (№ 2517); 22 (№ 2518); 35 (№ 2519); 38 (№ 2520); 64 (№ 2521).

Певтингерова карта VIII 2-3 (№ 215).

Первый ватиканский мифограф. I 6 (№ 81); 49 (№ 147); 75 (№ 112); 80 (№ 84); 95 (№ 103); II 12 (№ 52); 15 (№ 57); 25 (№ 16); 73 (№ 17); 82 (№ 35); 83 (№ 156); III 1 (№ 34); 7 (№ 187).

Сравнение законов Моисеевых и Римских 5, 2, 2. См. № 2578.

Страсти апостолов Петра и Павла 3 (№ 2655); 12 (№ 2656).

Латинская эпиграфика.

Посвятительная надпись Приапу. (№ 2522).

Устав коллегии Дианы и Антиноя в Ланувии. 133 г. н.э. (№ 1603).

2. Указатель переводчиков.

В Указатель включены лишь переводчики с греческого и латинского языков, имена остальных см. в Библиографии и в тексте.

Аверинцев С.С. – Каллимах, «Гимны». Платон, «Тимей». Плутарх: «Кимон и Лукулл» (№ 1320), «Наставления о государственных делах».

Алексеев В.А. – [Кебет 1888]. Цицерон, речи (№№ 2164-2166).

Алымова Е.В. – [Аристотель 2004].

Амелин М.А. – [Катулл 1997] (№№ 2218, 2220, 2517-2521).

Ананьин С.А. – Платон, «Софист».

Анненский И.Ф. – [Еврипид 1999, т.1-2].

Апт С.К. – Аристофан: «Ахарняне», «Птицы». Платон, «Пир». Помпоний Мела (№ 138).

Аревшатын С.С. – [Давид Анахт 1975].

Артюшков А.В. – [Плавт 1997, т.1-3].

Арутюнова-Фиданян В.А. – Аристид, «Апология» (№ 1720).

Афиногенов Д.Е. – [Иосиф 2006-]; [Татиан 1993]; [Филон 2003].

Афонасин Е.В. – [Афонасин 2002]; [Климент 2003, т.1-3].

Баранов Н.П. – Лукиан (№№ 1621-1623, 1634-1639, 1650-1658, 1668-1672, 1675, 1676, 1679-1691). См. № 544.

Бибихин В.В. – [Ямвлих 1988].

Бликштейн Л.С. – Иоанн Златоуст (№ 1949).

Блуменау Л.В. – Эпиграммы (№№ 252, 253, 331, 336, 441, 442, 446, 475, 763, 1033, 1236, 1238, 1246, 1261, 1262, 1264, 1265, 1269, 1272, 1274, 1276, 1279, 1283, 1285, 1298, 1375, 1377, 1388, 1446, 1519, 1520, 1524, 2061, 2062, 2071).

Бобович А.С. – Тацит, «Анналы», «Германия» [Тацит 1993].

Бобровникова Т.А. – «Дигесты Юстиниана» (№ 2601).

Богданов К.А. – [Арат 2000].

Болдырев А.В. – Платон, «Гиппий больший».

Боровский Я.М. – Плутарх: «Застольные беседы», «О подавлении гнева», «Об Эроте».

Бородай Т.Ю. – [Сенека 2001]. «Анонимные пролегомены к платоновской философии» (в соавт.).

Борухович В.Г. – [Аполлодор 1972]. Демосфен (№№ 994-999). Ксенофонт, «Киропедия» (№ 754). См. также № 115.

Ботвинник М.Н. – Геродиан (№ 2618). Плутарх: «Александр» (в соавт.), «Древние обычаи спартанцев», «Изречения спартанцев».

Брагинская Н.В. – Аристотель, «Никомахова этика». Дион Хрисостом, «Троянская речь...». Тит Ливий (№ 2075).

Братухин А.Ю. – [Климент 1998]; [Тертуллиан 2004].

Брюллова-Шаскольская Н.В. – Секст Эмпирик, «Пирроновы положения».

Брюсов В.Я. – Авсоний (№ 2642). Пентадий (№ 2705).

Бубуруз П. – Ипполит Римский (№ 1851).

Вальченко В.В. – Демосфен, письмо (№ 1001). Псевдо-Демосфен, «Любовная речь».

Васильева Т.В. – [Гермоген 1987]; [Псевдо-Плутарх 1980]. Аристотель, «Евдемова этика» (№№ 647, 926-934). Платон, «Кратил», «Теэтет».

Вдовиченко А.В. – Иосиф, «О древности еврейского народа» [Филон, Иосиф 1994].

Вересаев В.В. – «Теогония» Гесиода, гомеровские гимны. Лирика (№№ 308, 309, 312, 315, 316, 318, 321, 324-328, 337, 348, 349, 412, 417, 420, 422, 426, 427, 434, 439, 460, 461).

Веселовский И.Н. – [Птолемей 1998].

Витковская М.Г. – «Книги Сивилл» (№№ 1617, 1973, 1974).

Витковский В.Е. – «Книги Сивилл» (№№ 1971, 1972). «Завещания двенадцати патриархов». «Откровение Петра».

Владимирский Ф.С. – [Немесий 1996].

Гаврилов А.К. – [Марк Аврелий 1993]. Геродиан (№№ 2619-2621). Петроний, «Сатирика» (№№ 2345-2353, 2356-2358).

Гаспаров М.Л. – [Античная басня 1991]; [Диоген 1979]; [Пиндар 1980]; [Светоний 1993]. Аристотель: «Поэтика». Дионисий Галикарнасский: «О соединении слов». Овидий: «Ибис», «Лекарство от любви», «Наука любви». Плутарх: «Изречения царей и полководцев». Цицерон: «Тускуланские беседы». Артемидор (№№ 617, 1692-1695, 1698). Фрагменты пьес (№№ 541, 542, 544-547, 648-650, 693, 704-708, 2119). Проза (№ 992, № 1141, № 2643). Лирика (№№ 319, 320, 322, 330, 345-347, 493, 532, 1032, 1353, 1360, 1361, 1363-1365, 1367-1370, 1513; 2191, 2200-2206, 2210, 2212, 2644-2647, 2650, 2651, 2707, 2708). Надпись (№ 2522).

Генкель Г.Г. – [Иосиф 1994, т.1-2].

Герцман Е.В. – [Боэций 1995].

Гинцбург Н.С. – Гораций (№№ 2245-2247, 2249, 2254, 2256, 2258).

Глускина Л.М. – [Гиперид 1962].

Гнедич Н.И. – [Гомер 1990].

Голинкевич Н.Т. – [Афинея 2003-, т.1].

Голова О.В. – [Августин 1999].

Голосовкер Я.Э. – Анакреонт (№ 435). Гораций (№ 2251).

Голубец Ю.А. – [Нонн 1997]; [Нонн 2002] (в соавт.). Феогнид (№№ 370-406). Лирика (№№ 332, 467, 1219, 1239-1242, 1245, 1247, 1248, 1254, 1257-1260, 1263, 1266, 1268, 1270, 1271, 1273, 1275, 1277, 1278, 1310, 1374, 1380, 1383, 1394, 1396, 1398, 1402, 1405, 1406а, 1407, 1411, 1413, 1415, 1427, 1431, 1448, 1449, 1451-1482, 1484, 2063).

Горенштейн В.О. – [Саллюстий 1981]; [Цицерон 1966]; [Цицерон 1974]; [Цицерон 1986-87]; [Цицерон 1993, т.1-2]; [Цицерон 1994, т.1-3].

Горнунг Б.В. – [Герод 1938].

Грабарь-Пассек М.Е. – [Феокрит 1998]. Лирика (№№ 443, 1237, 1252, 1975). Эпос (№№ 1806, 1967-1969). Речи Диона (№№ 1538, 1539, 1541, 1542). Проза (№№ 1821, 1822, 1904, 2712).

Гринбаум Н.С. – [Гринбаум 1999] (№№ 462-465).

Дарк Е.В. – Евнапий, «Жизни философов и софистов» (в соавт.).

Дашков Д. – Мелеагр (№ 1391). Лукиан (№ 1620).

Деконский А.А. – [Юстин 2005] (в соавт.).

Дестунис Г.С. – [Византийские историки 2003].

Дзагурова В.П. – [Мемнон 1951].

Дмитриев М. – Гораций (№ 2257).

Доватур А.И. – Геродиан (№№ 49, 2566). Плиний Младший (№№ 2373, 2374).

Донченко А.И. – [Сульпиций 1999].

Дрбоглав Д.А. – Курций Руф (№ 1058).

Дроздов Н.М. – [Арнобий 1917].

Дунаев А.Г. – Аристид, «Апология». Мелитон, «О Пасхе». «Учение двенадцати апостолов».

Дуров В.С. – Геродиан (№ 2624).

Дыдынский Ф. – [Гай 1997].

Ельницкий Л.А. – Плутарх, «Почему божество медлит с воздаянием».

Жебелев С.А. – «Политика» Аристотеля.

Жуковский В.А. – [Гомер 2000].

Завалишина Л.Ф. – Овидий (№ 2264).

Залесский Н.Н. – Лукиан (№№ 1662-1666).

- Захарова А.В. – [Дарет 1997].
- Зелинский Ф.Ф. – Тит Ливий (№№ 1217, 1218). Фрагменты Софокла (№№ 573-578, 581, 584, 585, 587).
- Зельченко В.В. – Фанокл (№ 1256).
- Зилитинкевич В.С. – Артемидор (№№ 617, 1692-1695).
- Егунов А.Н. – Платон: «Государство», «Законы», «Федр». Прочее (№№ 1817, 1820).
- Еланская А.И. – [Премудрость Иисуса Христа 2004].
- Иванов В.И. - № 496, см. № 340.
- Иванов Г.А. - № 1489. Плутарх (№ 1570).
- Иванов С.А. – Тит Ливий (№ 1214).
- Илюшечкина Е.В. – [Дионисий Перизет 2005-06].
- Иткин М.И. – Аристотель, «Тофика».
- Кагаров Е.Г. – Аппиан (№ 2195).
- Каждан А.П. – Плутарх, «Серторий».
- Казанский Б.В. – Лукиан (№№ 1632, 1633, 1667, 1673, 1674).
- Казанский Н.Н. – [Стесихор 1985].
- Карпов В.П. – [Аристотель 1940; Аристотель 1996]. Аристотель, «Физика».
- Клеванов А. – [Цезарь 1857].
- Ковалев С.И. – Диодор (№ 1321).
- Козаржевский А.Ч. – Арриан (№ 1619). Курций Руф (№№ 1064, 1069, 1070, 1100). Николай (№№ 1493, 2142).
- Колобова К.М. – Лукиан (№ 1624).
- Кондратьев С.П. – [Властелины Рима 1992]; [Павсаний 2002, т.1-2]; [Прокопий 1996, ч.1-2]; [Филострат 1936]. Аппиан (№ 1212). Лонг (№№ 1597-1598). Платон (№ 1). Эпиграммы (№№ 1366, 1517, 1521, 1523, 2068).
- Корнилов Н. – Аристофан, «Женщины на празднике Фесмофорий», «Осы».
- Корсунский Н. – [Климент 1996] (№№ 1763-1765, 1768-1782); [Климент 2000].

- Косинцева И.В. – Полиэн (№ 1109).
- Костров Н. – Зенодот (№ 1330).
- Кофанов Л.Л. – «Дигесты Юстиниана» (№№ 2572, 2575, 2580).
- Крестников И. – Аристид, «Апология» (№ 1719).
- Кривушин И.В. - [Евагрий 2006].
- Кубицкий А.В. – Аристотель, «Метафизика».
- Кузмин М.А. – Апулей, «Метаморфозы».
- Кузнецов А.Е. – Апулей, «О божестве Сократа».
- Кузнецова Т.И. – Геллий (№ 796).
- Кулаковский Ю.А. – [Аммиан 2000] (в соавт.).
- Лампсаков К.П. – Плутарх, «Агесилай».
- Латышев В.В. – Известия о Скифии и Кавказе (№№ 119, 209, 214, 217-220, 224-226, 241, 1116, 1818, 1961, 1962, 1964).
- Лебедев А.В. – [ФРГФ 1989-, ч.1].
- Левинская И.А. – Артемидор, кн. II, IV.
- Литвинов Д.А. – «Дигесты Юстиниана» (№ 2585).
- Ловягин Е. – редактор перевода «Пира» Мефодия Олимпского.
- Лосев А.Ф. – Секст Эмпирик, «Против ученых». Прочее (№№ 53, 54, 92, 573, 1492).
- Лукомский Л.Ю. – [Гермес 2001]; [Дамаский 2000]; [Прокл 2001]; [Прокл 2006].
- Лукиянов С.С. – Лукиан (№№ 1642, 1643).
- Лурье В.М. – [Григорий Нисский 1995].
- Лурье С.Я. – [Демокрит 1970]; [Ксенофонт, ГИ 1993]. Лирика (№ 431).
- Ляпустина Е.В. – «Дигесты Юстиниана» (№№ 2576, 2579, 2583).
- Маковельский А.О. – [Софисты 1940-41].
- Малеин А.И. – Известия о Скифии и Кавказе (№№ 152, 208, 2657).
- Марей А.В. – «Дигесты Юстиниана» (№№ 2586, 2589).

Маркиш С.П. – Платон: «Горгий», «Федон». Плутарх: «Агид и Клеомен», «Алкивиад», «Антоний», «Арат», «Аристид», «Брут», «Гай Гракх», «Гальба», «Деметрий», «Демосфен», «Дион», «Катон Младший», «Ликург», «Марк Катон», «Марцелл», «Нума», «Пелопид», «Тесей», «Фокион», «Цицерон».

Марков А.В. – [Нонн 2002] (в соавт.).

Маханьков И.И. – Тит Ливий (№ 1215). Тертуллиан, «К язычникам», «Об идолопоклонстве».

Мей Л. - № 414.

Мельникова И.Ю. – [Ямвлих 2004].

Миллер Т.А. – Аристотель, «Большая этика», «О возникновении и уничтожении». Афиней (№ 1141). Плутарх, «Никий». Филострат (№№ 1821, 1822).

Миронова И.А. – Курций Руф (№№ 1061, 1067, 1075, 1098).

Мищенко Ф.Г. – [Полибий 1994-95, т.1-3].

Мордухай-Болтовской Д.Д. – [Евклид 1948-50].

Морозкина З. – Овидий, «Скорбные элегии» (№№ 2282-2284).

Морозова К.А. – Курций Руф (№ 1067).

Муравьев А.В. – [Афинагор 1993].

Мурзин И.П. – Лукиан (№№ 1644, 1645).

Нахов И.М. – [Антология кинизма 1996].

Недович Д. – Ювенал, «Сатиры» (№№ 2523-2534).

Немировский А.И. – [Ампелий 2002].

Оболенский В.И. – Феофан, «Хронография» [Феофан 2005].

Остроумов Л.Е. – [Лукан 1993].

Ошеров С.А. – [Сенека 1977]; [Сенека 1983]. Вергилий, «Энеида». Демосфен (№№ 1003, 1004). Ксенофонт, «Анабасис». Овидий, «Героиды». Платон, «Менон». Плутарх, «Марий», «Пирр». Эсхин, речь II (№№ 988-991). См. № 544.

Павленко Л.В. – См. № 1587.

Парин А. – Лирика (№№ 313, 329, 411, 416).

Пастернак Е.В. – Плутарх, «Тит».

Перельмутер И.А. – Плутарх, «Александр» (в соавт.).

Петер И.Ю. – [Гиерокл 2000].

Петров А.В. – [Прокл 2003].

Петровский Ф.А. – [Витрувий 2003]; [Лукреций 1983]; [Марциал 1994]. Лирика (№№ 338, 2056). Овидий, «Фасты». Персий, «Сатиры». Цицерон «Об ораторе». Ювенал, «Сатиры» (№№ 2535-2541).

Печерин В. – Мелеагр (№ 1425).

Пиотровский А.И. – Аристофан, «Женщины в народном собрании», «Мир», «Облака».

Писарев Л. – [Ориген 1996].

Пичхадзе А.А. – «Анонимные пролегомены к платоновской философии» (в соавт.).

Платонова Н. – Аристотель, «Риторика».

Подосинов А.В. – [Овидий 1985]; [Подосинов 2002].

Позднякова Н.А. – [Пс.-Аристотель 1987].

Покровский М.М. – [Цезарь 1991].

Полонская К.П. – Аристофан, «Всадники».

Полякова С.В. – [Византийская проза 1965]; [Ксенофонт Эфесский 1956] (в соавт.); [Харитон 1994]; [Элиан 1963]. Плутарх: «Грилл...». Элиан (№№ 615, 1805). Разное (№№ 1543, 1819, 1862, 1864).

Поспелов Д.А. – [Нонн 2002] (в соавт.).

Преображенский П. – [Ириной 1996]; [Иустин 1995]. Афинагор, «О воскресении мертвых». «Послание Варнавы». Минуций Феликс, «Октавий». Феофил, «К Автолику».

Пригоровский - № 236.

Прозоров П.И. – Сведения о Скифии и Кавказе (№ 210).

Прохоров Г.М. – [Дионисий Ареопагит 2002].

Радлов С.Э. – Лукиан (№№ 1640, 1641).

Райцина М.А. – [Либаний 1997].

Рабинович Е.Г. – [Филострат 1985]. Апулей, «Апология». Афраний (№ 2134). Псевдо-Вергилий (№ 2243). Клавдиан (№ 2653). Либаний (№ 1871). Луцилий (№№ 2122-2133).

Радциг С.И. – Аристотель, «Афинская полития». Демосфен (№ 1002). Лирика (№ 356).

Ранович А.Б. – [Ранович 1990].

Расснер Д. – [Институции 1998].

Рижский М.И. – [Цицерон 1985]; [Юстин 2005] (в соавт.).

Россиус А.А. – [Небо, наука, поэзия 1992].

Рубан А.И. – [Гигин 1997].

Руднев В.И. – [Гиппократ 1936-44].

Рыжкина З.А. – Из Афиня (№ 311).

Савукова В.Д. – [Григорий 1987].

Салганик Н.Д. – Диодор (№ 1321).

Самойленко Т.И. - [Даниил 1999].

Самсонов Н.В. – Платон, «Филеб».

Светлов Р.В. – [Ямвлих 2000].

Свиясов Е.В. – Эпиграммы (№№ 453, 1243, 1244, 1280, 1294, 1295, 1297, 1299, 1306, 1311, 1332-1352, 1354-1359, 1362, 1389, 1395, 1432-1434, 1443, 1483, 1510-1512, 1514-1516, 1518, 1522, 1526, 2053, 2055, 2060).

Селиванов С.А. – Сведения о Скифии и Кавказе (№ 207).

Семенов-Тянь-Шанский А.П. – Гораций (№№ 2250, 2253).

Сергеевский Д.В. – Лукиан (№№ 1677, 1678).

Сергеенко М.Е. – [Августин 1991]; [Арриан 1993]; [Сергеенко 1970]. Диодор, кн.17. Тит Ливий (№№ 2077, 2078). Плиний Младший (№№ 2371, 2372). Плутарх, «Лисандр».

Сидаш Т.Г. - [Плотин 2004-05, т.1-7].

Скогорев А.П. – [Апокрифические деяния апостолов 2000].

Скржинская Е.Ч. – [Иордан 2001].

Смагина Е.Б. – [Евангелие от египтян 1995].

Смирин В.М. – Плутарх, «Сулла».

Сморчков А.М. – Дионисий Галикарнасский, «Римские древности» (№№ 261, 457, 1111, 2073, 2074, 2081).

Смыка О.В. – Деметрий: «О стиле» (в соавт.). Дионисий Галикарнасский «Письмо к Помпею». Стихи (№№ 263, 480-483, 533, 534, 1167, 1251, 1970, 1993). Фрагмент пьесы (№ 582).

Смышляев А.Л. – «Дигесты Юстиниана» (№ 2590).

Соболевский С.И. – [Ксенофонт, ВС 1993]; [Лисий 1994]. Плутарх, «Перикл», «Солон», «Фемистокл». Фрагменты Эпикура (№№ 1119-1124).

Соколов В.С. – Аврелий Виктор [Римские историки 1997, с.77-224]. Курций Руф (№№ 1069, 1070, 1100).

Соколова Т. – Эпиграмма (№ 2052).

Соловьев В.С. – Платон, «Протагор».

Сонни А.И. – [Аммиан 2000] (в соавт.).

Сребрный С.С. – Лукиан (№№ 1625-1631, 1646-1649).

Старостина Н.А. – Деметрий: «О стиле» (в соавт.).

Столяров А.А. – [ФРС 1998-, т.1-2].

Стратановский Г.А. – [Геродот 1999]; [Страбон 1994]; [Фукидид 1999].

Стрельникова И.П. – Фронтон (№ 2570).

Таронян Г.А. – [Плиний 1994]; [Эпиктет 1997].

Тахо-Годи А.А. – Алексид (№ 1016).

Тациан А.А. – [Августин 2004].

Токмаков В.Н. – Дионисий Галикарнасский (№ 2080).

Толстая С.В. – Лукиан (№ 1659).

Томасов Н.Н. – Платон, «Парменид». Плутарх (№ 113).

Томашевская М. – Плутарх, «О болтливости».

Торшилов Д.О. – [Гигин 2000]. Лактанций Плацид (№ 155).

Тревер К.В. – Лукиан (№№ 1660, 1661).

Тритенко Б.С. – [Геллий 1993].

Трухина Н.Н. – [Катон 1986]; [Непот 1992]. Плутарх, «Об Исиде и Осирисе».

Тыжов А.Я. – [Тертуллиан 2000].

- Тюленев В.М. – [Лактанций 1998]; [Лактанций 2007]; [Орозий 2004].
- Уколова В.И. – Боэций, «Утешение философией».
- Урбан Р. – Апулей, «Флориды».
- Усов Д. – Софокл (№ 571).
- Федоров Н.А. – [Сервий 2001] (№ 2238); [Цицерон 2000].
- Феленковская И. – [Ксенофонт Эфесский 1956] (в соавт.).
- Фохт Б.А. – Аристотель, «Первая аналитика».
- Фрейберг Л.А. – Плутарх: «Как юноше слушать поэтические произведения», «О том, что Пифия более не прорицает стихами», «Эвмен».
- Фролов Э.Д. – [Андокид 1996]. Исократ (№ 983). Эсхин, «Против Тимарха».
- Фурман Д.Е. – [Юлиан 1970].
- Холмский В. – Аристофан, «Плутос».
- Хорьков М.Л. – Евнапий, «Жизни философов и софистов» (в соавт.).
- Цветков И.П. – Сведения о Скифии и Кавказе (№№ 213, 222, 223).
- Цейтлин М.Н. – Боэций, «Утешение философией».
- Церетели Г.Ф. – Лирика (№№ 307, 355, 410, 415, 423). Гораций (№№ 2248, 2255).
- Цетлин М. – Эпиграмма (№ 2052).
- Цыбенко О.П. – [Диодор 2005]. Гесиод, «Каталог женщин», фрагменты. Лесх (№ 303). Фанокл (№ 1255).
- Чекалова А.А. – [Прокопий 1993].
- Чемберджи В.Н. – Ахилл Татий, «Левкиппа и Клитофонт». Свидетельства о Софокле (№№ 570, 580).
- Черниговский В.Б. – [Ямвлих 1998].
- Черток Я.Л. – [Иосиф 1991].
- Чехонадская Н.Ю. - [Гильда 2003]. «Дигесты Юстиниана» (№№ 2573, 2584).
- Чистяков Г.П. – [Полемон 1983]; [Климент 1996] (№№ 1766, 1767). Плутарх, «Об удаче и доблести Александра» (в соавт.).
- Чистякова Н.А. – [Аполлоний 2001]; [О возвышенном 1966].

Шейнман-Топштейн С.Я. – Платон: «Алкивиад I», «Евтидем», «Евтифрон», «Лисид», «Феаг», «Хармид». Платон (?): «Алкивиад II», «Гиппарх», «Клитофонт», «Минос», «Соперники». Псевдо-Платон: «Эриксий». Симон (?) «О добродетели». Спевсипп (?), «Определения». Эсхин (?) «Аксиох».

Шелов-Коведяев Ф.В. – [Скилак 1988]. Надпись (№ 206).

Шервинский С.В. – [Катулл 1986]. Вергилий, «Буколики», «Георгики», «Комар». Гораций (№ 2252). Овидий, «Любовные элегии», «Метаморфозы».

Шестаков Д. – Аристофан, «Лисистрата».

Шестаков С. – [Либаний 1912-16, т.1-2].

Шичалин Ю.А. – [Прокл 1994]; [Стаций 1991]. Алкиной, «Учебник платоновской философии». Апулей, «Платон и его учение».

Шишова И.А. – Демосфен (№ 1000). Исократ (№ 984).

Штаерман Е.М. – [Манилий 1993]; [Юлий Павел 1998].

Шульц Ю.Ф. – Аристофан: «Лягушки». Лирика (№№ 333-335, 445, 447-452, 454, 466, 1034-1036, 1267, 1281, 1282, 1284, 1286-1293, 1296, 1300-1305, 1307-1309, 1312, 1328, 1329, 1371-1373, 1376, 1378, 1379, 1381, 1382, 1384-1387, 1390, 1392, 1393, 1397, 1399-1401, 1403, 1404, 1406, 1408-1410, 1412, 1414, 1416-1424, 1426, 1428-1430, 1435-1442, 1444, 1445, 1447, 1450, 1525, 2057, 2058, 2064-2067, 2070, 2072; 2648, 2649, 2652, 2706, 2709). Проза (№ 1905).

Щеглов Н. – Тертуллиан, «Апология».

Щеголев А.В. – «Дигесты Юстиниана» (№№ 2592-2594, 2596, 2599).

Юнц Э.Г. – Артемидор, кн. III, V. Тит Ливий (№№ 2101, 2111). Плутарх, «Наставление супругам», «О суеверии», «Об удаче и доблести Александра» (в соавт.). Тертуллиан, «К жене», «О зрелищах».

Янчевецкий Г.А. – [Ксенофонт 1895].

Ярхо Б.И. – Петроний (№№ 2346, 2351, 2354, 2355). Григорий Великий (№ 2712).

Ярхо В.Н. – [Антонин Либерал 1997]; [Ватиканский аноним 1992]; [Гераклит 1992]; [Драконций 2001]; [Диктис 2002-03]; [Еврипид 1995-96]; [Палефат 1988]; [Парфений 1992]; [Перв. Ват. Миф. 2000]. Проза (№№ 79, 154, 709). Стихи (№№ 413, 418, 419, 421, 424, 425, 430, 432, 433, 436-438, 440, 494, 497, 1168, 1485).

Состав коллектива переводчиков [Германик 1988] см. в Библиографии.

Киевская духовная академия – [Августин 1998, т.1-4]; [Иероним 1910].

Московская духовная академия – [Василий 1993, ч.1-2]; [Григорий Назианзин 2000, т.1-2]; [Григорий Нисский 1999]; [Епифаний 1863-82, т.1-5].

Российское Библейское общество – [Новый Завет 2003].

Санкт-Петербургская духовная академия – [Евсевий 1998]; [Евсевий 2005]; [Сократ 1996].

Библиография

1. Греческие и латинские авторы

Звездочкой (*) отмечены те изученные мной античные тексты, в которых не обнаружена информация по теме исследования (сам список таких текстов может являться предметом изучения). Итого 372 пункта (книг или публикаций в журналах и сборниках) (включая 46 - *).

Для периода до конца III в. н.э. я стремился учесть практически все русские переводы, период IV-VI веков учтен довольно выборочно.

В разделах 2-5 библиографии приводятся только непосредственно цитируемые мной книги.

1.1. Общие сборники

Античная басня 1991 = Античная басня. [Эзоп, Федр, Бабрий] / Пер. с греч. и лат., сост., пред. и комм. М.Л.Гаспарова. М., Худож. лит. 1991. 512 с.

Античная география 1953 = Античная география: Книга для чтения. / Сост. М.С.Боднарский. М., Географгиз. 1953. 376 с.

Античная демократия 1996 = Античная демократия в свидетельствах современников. / Изд. подг. Л.П.Маринович, Г.А.Кошеленко. (Серия «Античная классика»). М., Ладомир. 1996. 384 с.

*Античные теории языка и стиля 1996 = Античные теории языка и стиля (антология текстов). / Под ред. И.М.Троцкого и С.В.Меликовой-Толстой. [М.-Л., 1936]. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Алетейя. 1996. 368 с.

Античный роман 2001 = Античный роман. [Ахилл Татий, Лонг, Гелиодор; Апулей] / Пер. с др.-греч. и лат. / Примеч. В.Чемберджи, М.Грабарь-Пассек, А.Егунова, С.Маркиша. М., Худож. лит. 2001. 752 с.

Античный способ 1933 = Античный способ производства в источниках. Литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима. / Под ред. С.А.Жебелева и С.И.Ковалева. Л., Издательство ГАИМК. 1933. 596 с.

Антология 2000 = Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. / Под ред. В.И.Кузищина. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 2000. 608 с.

Антология кинизма 1996 = Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. / Изд.подг. И.М.Нахов. Отв.ред. А.А.Тахо-Годи. (Серия «Памятники философской мысли»). [М., Наука. 1984] 2-е изд. М., Наука. 1996. 336 с.

Апокрифические апокалипсисы 2003 = Апокрифические апокалипсисы. / Пер. М.Г.Витковской, В.Е.Витковского. (Серия «Античное христианство». Раздел «Источники»). [СПб, 2000] 2-е изд. СПб, Алетейя. 2003. 288 с.

Апокрифические деяния апостолов 2000 = Скогорев А.П. (вступ.ст., пер. и прим.) Апокрифические деяния апостолов. Арабское евангелие детства Спасителя. / Науч.ред. И.С.Свенцицкая. (Серия «Античное христианство». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 2000. 480 с.

*Апокрифические евангелия 2000 = Апокрифические евангелия. (Серия «Личная библиотека Борхеса»). СПб, Амфора. 2000. 472 с.

Апологеты 1999 = Сочинения древних христианских апологетов. / Пер. П.Преображенского и др. / Под ред. А.Г.Дунаева. (Серия «Античное христианство». Раздел «Источники»). СПб, Алетейя. - М., Благовест. 1999. VIII+948 с. (часть тома (с.1-272) – репринт одноименного издания: М., 1895).

*Атомисты 1946 = Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946. 404 с.

Афонасин 2002 = Афонасин Е.В. «В начале было...» Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов. (Серия «Библиотека христианской мысли». Источники). СПб, Издательство Олега Абышко. 2002. 368 с.

Гермес 2001 = Высокий герметизм. Гермес Трисмегист. / Пер. с др.-греч. и лат. Л.Ю.Лукомского. Науч.ред. Р.В.Светлов. (Серия «Сокровенный свет»). СПб, Азбука-Петербургское Востоковедение. 2001. 416 с.

Индия и античный мир 2002 = Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., Восточная литература. 2002. 360 с.

*Космос и душа 2005 = Космос и душа. Учения о Вселенной и человеке в античности и в средние века. / Ред. П.П.Гайденко и В.В.Петров. М., Прогресс-Традиция. 2005. 880 с.

Латышев 1947-52 = Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. / Пер. В.В.Латышева. // Вестник древней истории. 1947. № 1 – 1949. № 4. 1107 с. Дополнения. // 1952. № 2 (1947. № 1-4 переизданы: СПб, Фарн. 1992-93)

Лирика 1968 = Античная лирика. / Пер. с др.-греч. и лат. / Вступ.ст. С.Шервинского, сост. и примеч. С.К.Апта и Ю.Ф.Шульца. (Серия «Библиотека всемирной литературы». Том 4). М., Худож. лит. 1968. 624 с.

Лосев 2005 = Лосев А.Ф. (сост.) Античная мифология с античными комментариями к ней. Харьков, Фолио - М., Эксмо. 2005. 1040 с.

Лукреций 1946-47 = Лукреций. О природе вещей. В 2 т. (Серия «Классики науки»). М.-Л, Издательство АН СССР. 1946-1947. Т.1. Текст и перевод Ф.А.Петровского. 1946. 452 с. Т.2. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. 1947. 700 с.

Музыкальная эстетика 1960 = Античная музыкальная эстетика. / Пред. и общ.ред. В.П.Шестакова. Вступ.очерк и собрание текстов А.Ф.Лосева. (Серия «Памятники музыкально-эстетической мысли»). М, Госуд.музык.издательство. 1960. 304 с.

Отцы III века 1996 = Отцы и учителя Церкви III века. / Сост. и биограф.ст. Илариона (Алфеева). В 2 т. М., 1996. Т.1. Климент Александрийский. Тертуллиан. 384 с. Т.2. Ориген. Григорий Чудотворец. Ипполит Римский. Киприан Карфагенский. Мефодий Олимпийский. 464 с.

Памятники 1964 = [В 3 т. Т.1] Памятники поздней античной поэзии и прозы. / Отв.ред. М.Е.Грабарь-Пассек. М.-Л., Наука. 1964. 360 с. [Т.2] Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. / Отв.ред. М.Е.Грабарь-Пассек. М.-Л., Наука. 1964. 236 с. [Т.3] Памятники поздней античной научно-художественной литературы. / Отв.ред. М.Л.Гаспаров. М.-Л., Наука. 1964. 416 с.

Педагогическая мысль 1994 = Антология педагогической мысли христианского Средневековья. В 2 т. / Сост. В.Г.Безрогова, О.И.Варьяш. М., Аспект Пресс. 1994. Т.1. 400 с. Т.2. 352 с.

Писания мужей апостольских 2003 = Писания мужей апостольских. / Под ред. А.Г.Дунаева. (Серия «Творения святых отцов и учителей Церкви»). М., Издательский совет РПЦ. 2003. 672 с.

*Полиоркеттики. Вегетий 1996 = Греческие полиоркеттики. Вегетий. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 1996. 352 с.

Поэты об искусстве 1996 = Античные поэты об искусстве. / Сост. С.П.Кондратьева и Ф.А.Петровского. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Алетейя. 1996. 248 с.

Ранович 1990 = Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. (Серия «Библиотека атеистической литературы»). М., Политиздат. 1990. 480 с.

Римские историки 1997 = Римские историки IV века. [Евтропий. Краткая история от основания Города. / Пер. с лат. А.И.Донченко. Аврелий Виктор. О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях. / Пер. с лат. В.С.Соколова. Евнапий. Жизни философов и софистов. / Пер. с греч. Е.В.Дарк и М.Л.Хорькова]. Отв.ред. М.А.Тимофеев. (Серия «Классики античности и средневековья»). М., Росспэн. 1997. 384 с.

Софисты 1940-41 = Маковельский А.О. Софисты. Баку, 1940-1941. Вып.1. 1940. 48 с. Вып.2. 1941. 100 с.

Учебники 1995 = Учебники платоновской философии. / Сост. Ю.Ф.Шичалина. М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина – Томск, Водолей. 1995. 160 с.

Философия природы 2000 = Философия природы в античности и в средние века. [Ч.1-2]. [М., 1998-99] / Общ.ред. П.П.Гайденко, В.В.Петров. М., Прогресс-Традиция. 2000. 608 с.

ФРГФ 1989- = Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. / Изд.подг. А.В.Лебедев. Отв.ред. И.Д.Рожанский. (Серия «Памятники философской мысли»). М., Наука. 1989. 576 с. [ч.2 не издана]

ФРС 1998- = Фрагменты ранних стоиков. В 4 т. / Пер. и комм. А.А.Столярова. М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. Т.1. Зенон и его ученики. 1998. 256 с. Т.2. Ч.1. Хрисипп из Сол. Логические и физические фрагменты, фр.1-521. 1999. 280 с. Т.2. Ч.2. Хрисипп из Сол. Физические фрагменты, фр. 522-1216. 2002. 272 с. [т.3-4 не изданы]

1.2. Греческие авторы

Александрийская поэзия 1972 = Александрийская поэзия. / Сост. и пред. М.Е.Грабарь-Пассек. (Серия «Библиотека античной литературы. Греция»). М., Худож. лит. 1972. 432 с.

Византийская литература 1968 = Памятники византийской литературы IV-IX вв. / Отв.ред. Л.А.Фрейберг. М., Наука. 1968. 356 с.

Византийская проза 1965 = Византийская любовная проза. (Аристенет. Любовные письма. Евматий Макремволит. Повесть об Исминии и Исмине). / Пер., ст. и прим. С.В.Поляковой. Отв.ред. Д.С.Лихачев. (Серия «Литературные памятники»). М.-Л., Наука. 1965. 156 с.

Византийские историки 2003 = Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец. / Пер. Г.С.Дестуниса. [СПб, 1860] (Серия «Византийская историческая библиотека»). Рязань, Александрия. 2003. 432 с.

Гимны 1988 = Античные гимны. / Сост. и общ.ред. А.А.Тахо-Годи. (Серия «Университетская библиотека»). М., Издательство МГУ. 1988. 368 с.

Греческая проза 1961 = Поздняя греческая проза. / Сост., вступ.ст. и прим. С.Поляковой. Пер. под ред. М.Е.Грабарь-Пассек. М., ГИХЛ. 1961. 696 с.

Гринбаум 1999 = Гринбаум Н.С. Новые папирусные тексты древнегреческой лирики. // [Ранняя греческая лирика 1999]. С.7-79.

Историки Греции 1976 = Историки Греции. [Геродот, Фукидид, Ксенофонт]. / Сост. и пред. Т.А.Миллер, примеч. М.Л.Гаспарова и Т.А.Миллер. (Серия «Библиотека античной литературы. Греция»). М., Худож. лит. 1976. 432 с.

Небо, наука, поэзия 1992 = Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды. / Пер. и комм. А.А.Россиуса. Вступ.ст. Г.М.Дашевского. Под ред. Н.А.Федорова и П.В.Щеглова. М., Издательство МГУ. 1992. 208 с.

Новый Завет 2003 = Радостная Весть. Новый Завет в переводе с др.-греч. Росс.Библ.об-ва. [М., 2000]. 2-е изд., испр. и доп. М., Российское библейское общество. 2003. 608 с.

Ораторы Греции 1985 = Ораторы Греции. / Сост. М.Л.Гаспарова, вступ.ст. В.Г.Боруховича, комм. И.Ковалевой и О.Левинской. (Серия «Библиотека античной литературы. Греция»). М., Худож. лит. 1985. 496 с.

Отцы IV века 1998-99 = Восточные отцы и учителя Церкви IV века. / Сост. и биограф.ст. Илариона (Алфеева). В 3 т. Долгопрудный, 1998-1999. Т.1. Афанасий Александрийский. Кирилл Иерусалимский. Василий Великий. Григорий Богослов. 1998. 608 с. Т.2. Дидим Александрийский. Григорий Нисский. Амфилохий Иконийский. 1999. 416 с. Т.3. Иоанн Златоуст. Епифаний Кипрский. Ефрем Сирийский. 1999. 456 с.

Поэты 1999 = Эллинские поэты VII-III вв. до н.э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика. / Изд.подг. М.Л.Гаспаров, О.П.Цыбенко, В.Н.Ярхо. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Античная классика»). М., Ладомир. 1999. 528 с.

Премудрость Иисуса Христа 2004 = Премудрость Иисуса Христа: Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками. / Пер. с копт. [пер.], вступ.ст. и комм. А.И.Еланской. (Серия «Библиотека журнала «Христианский Восток»»). СПб, Алетейя. 2004. 416 с.

Риторика 1978 = Античные риторика. [Аристотель, Дионисий Галикарнасский, Деметрий] / Собр.текстов, статьи, комм. и общ.ред. А.А.Тахо-Годи. (Серия «Университетская библиотека»). М., Издательство МГУ. 1978. 352 с.

Сивиллы 1996 = Книги Сивилл. / Пер. М.Г.Витковской и В.Е.Витковского. (Серия «История духовной культуры»). М., Энигма. 1996. 288 с.

Элегия 1996 = Древнегреческая элегия. / Изд.подг. Н.А.Чистякова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Алетейя. 1996. 400 с.

Эпиграмма 1993 = Греческая эпиграмма. / Изд.подг. Н.А.Чистякова, отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). СПб, Наука. 1993. 448 с.

Эпиграмма 1997 = Древнегреческая застольная, шутивная и эротическая эпиграмма. / Сост. и пер. Е.В.Свиясова. СПб, Академический проект. 1997. 176 с.

Эпиграмма 1999 = Эпиграммы греческой антологии. / Под ред. М.Л.Гаспарова и Ю.Ф.Шульца. М., Терра. 1999. 728 с.

*Агафий 1996 = Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. / Пер. М.В.Левченко. [М.-Л., 1953] (Серия «Памятники мировой истории и культуры»). М., Арктос. 1996. 256 с.

Андокид 1996 = Андокид. Речи, или История святотатцев. / Пер. Э.Д.Фролова. [Л., 1964] (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 1996. 256 с.

Антонин Либерал 1997 = Антонин Либерал. Метаморфозы. / Пер., вступ.ст. и комм. В.Н.Ярхо. // Вестник древней истории. 1997. № 3-4.

Аполлодор 1972 = [Псевдо-]Аполлодор. Мифологическая библиотека. / Пер., ст. и прим. В.Г.Боруховича. Отв.ред. Я.М.Боровский. (Серия «Литературные памятники»). Л., Наука. 1972. 216 с.

Аппиан 2002 = Аппиан. Римская история. / Пер. С.П.Кондратьева (кн.1-12), С.А.Жебелева (кн.13), С.И.Ковалева (кн.14, гл.1-48), М.С.Альтмана (кн.14, гл.49-139), О.О.Крюгера (кн.14, гл.140-кн.15, гл.78), Е.Г.Кагарова (кн.15, гл.79-кн.16, гл.90), Т.Н.Книпович (кн.16, гл.91-кн.17, гл.52), А.И.Тюменева (кн.17, гл.53-145), под ред. (кн.13-17) С.А.Жебелева и О.О.Крюгера, сверенный [в 1998 г.] Е.С.Голубцовой и Л.Л.Кофановым. Статья И.Л.Маяк. Комм. Е.М.Штаерман, Т.Д.Златковской, А.С.Балахванцева. [М., 1998]. (Серия «Классическая мысль»). М., АСТ-Ладомир. 2002. 880 с.

Аполлоний 2001 = Аполлоний Родосский. Аргонавтика. / Пер., ст. и прим. Н.А.Чистяковой. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Ладомир-Наука. 2001. 240 с.

Арат 2000 = Арат. Явления. / Пер., вступ.ст. и комм. К.А.Богданова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Алетейя. 2000. 256 с.

*Аристотель 1937 = Аристотель. О частях животных. / Пер. В.П.Карпова. (Серия «Классики биологии и медицины»). М., Биомедгиз. 1937. 220 с.

Аристотель 1940 = Аристотель. О возникновении животных. / Пер. В.П.Карпова. (Серия «Классики естествознания»). М.-Л., Издательство АН СССР. 1940. 252 с.

Аристотель 1975-83 = Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль. 1975-1983. Т.1. Метафизика. О душе. / Ред. В.Ф.Асмус. 1975. 552 с. Т.2. Категории. Об истолковании. Первая аналитика. Вторая аналитика. Топика. О софистических опровержениях. / Ред. З.Н.Микеладзе. 1978. 688 с. Т.3. Физика. О небе. О возникновении и уничтожении. Метеорология. / Ред. И.Д.Рожанский. 1981. 616 с. Т.4. Никомахова этика. Большая этика. Политика. Поэтика. / Ред. А.И.Доватур, Ф.Х.Кессиди. 1983. 832 с.

Аристотель 1996 = Аристотель. История животных. / Пер. В.П.Карпова. Под ред. Б.А.Старостина. М., Рос.Гос.Гум.Ун-т. 1996. 528 с.

Аристотель 2004 = Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. / Пер. Е.В.Алымовой. СПб, Издательство СПбГУ. 2004. 184 с.

Аристотель 2005 = Аристотель. Евдемова этика. / Пер. Т.В.Васильевой (кн. 3, 7), Т.А.Миллер (кн. 1, 2, 8), М.А.Солоповой (кн.4-6). Изд.подг. М.А.Солопова. (Серия «Философская классика: впервые на русском»). М., ИФ РАН. 2005. 448 с.

*Пс.-Аристотель 1969 = Псевдо-Аристотель [Феофраст?]. Экономика. / Пер. и прим. Г.А.Тароняна. // Вестник древней истории. 1969. № 3.

Пс.-Аристотель 1987 = Псевдо-Аристотель. Рассказы о диковинах. / Пер. и прим. Н.А.Поздняковой. // Вестник древней истории. 1987. № 3-4.

Аристофан 1954 = Аристофан. Комедии. В 2 т. / Общ.ред. Ф.А.Петровского и В.Н.Ярхо. М., Гос.изд.худ.лит. 1954. Т.1. 452 с. Т.2. 504 с.

Аристофан 2000 = Аристофан. Комедии. / Пер. А.И.Пиотровского [М., 1934]. Фрагменты. / Пер. М.Л.Гаспарова. Изд.подг. В.Н.Ярхо. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука-Ладомир. 2000. 1080 с.

Арриан 1993 = Арриан. Поход Александра. / Пер. М.Е.Сергеенко. Вступ.ст. О.О.Крюгера. [М.-Л., 1962] М., Миф. 1993. 272 с.

Артемидор 1999 = Артемидор. Сонник. / Пер. М.Л.Гаспарова, И.А.Левинской, В.С.Зилитинкевич, Э.Г.Юнца. Общ.ред.пер. Я.М.Боровского. Комм. И.А.Левинской. [ВДИ. 1989. № 3 – 1991. № 3] (Серия «Библиотека античной литературы»). СПб, Кристалл. 1999. 448 с.

*Архимед 1962 = Архимед. Сочинения. / Пер. и вступ. ст. И.Н.Веселовского, пер. араб. текстов Б.А.Розенфельда. М., Гос. изд-во физ.-мат. лит.-ры. 1962. 640 с.

Афинагор 1993 = Предстательство за христиан Афинагора афинянина, христианского философа. / Пер. и прим. А.В.Муравьева. // Вестник древней истории. 1993. № 3-4.

Афинея 2003- = Афинея. Пир мудрецов. В 15 кн. [Т.1]. Кн.1-8. / Пер. Н.Т.Голинкевича. Комм. М.Г.Витковской, А.А.Григорьевой, Е.С.Иванюк, О.Л.Левинской, Б.М.Никольского, И.В.Рыбаковой. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 2003. 656 с. [т.2 не издан]

*Валентин 2002 = Школа Валентина: фрагменты и свидетельства. / Пер. Е.В.Афонасина. (Серия «Античное христианство». Раздел «Источники»). СПб, Алетейя. 2002. 320 с.

Василий 1993 = Василий Великий. Творения. / Пер. Моск.дух.акад. [СПб, Сойкин. 1911]. Ч.1. 1993. 648 с. Ч.2. 1993. 536 с. [Ч.3. Письма. (мною не изучалась)]

Гераклит 1992 = Гераклит-аллегорист. О невероятном, или Опровержение или исцеление от мифов, переданных вопреки природе. / Пер., вступ.ст. и комм. В.Н.Ярхо. // Вестник древней истории. 1992. № 3.

Гермоген 1987 = Гермоген. Об идеях, или О видах слога. / Пер. Т.В.Васильевой под ред. А.А.Тахо-Годи. // Вопросы классической филологии. Вып.9. Живое наследие античности. М., Изд-во МГУ. 1987. С.106-168.

Герод 1938 = Герод. Мимиамбы. / Пер. Б.В.Горнунга. М., Гослитиздат. 1938. 124 с.

Геродиан 1996 = Геродиан. История императорской власти после Марка. / Пер. А.И.Доватура (кн.1,2), Н.М.Ботвинника (кн.3), А.К.Гаврилова (кн.4), В.С.Дурова (кн.5), Ю.К.Поплинского (кн.6), М.В.Скржинской (кн.7), Н.В.Шебалина (кн.8) под ред. А.И.Доватура. Статья А.И.Доватура. [ВДИ. 1972. № 1-1973. № 1] Комм. М.Ф.Высокого. Отв.ред. Л.П.Маринович. (Серия «Классики античности и средневековья»). М., Росспэн. 1996. 272 с.

Геродот 1999 = Геродот. История. / Пер. и прим. Г.А.Стратановского. Статья В.Г.Боруховича. [Л., 1972] (Серия «Классики исторической мысли»). М., Ладомир – АСТ. 1999. 752 с.

Гесиод 2001 = Гесиод. Полное собрание текстов. Поэмы (Теогония. Труды и дни. Щит Геракла). Фрагменты (Перечень женщин или Эои. Великие Эои. Свадьба Кеика. Меламподия. Сошествие Пирифоя. Идейские дактили. Наставления Хирона. Великие труды. Астрономия. Эгимий. Горнило или Гончары). / Под ред. О.И.Цыбенко. (Серия «Античное наследие»). М., Лабиринт. 2001. 256 с.

Гиерокл 2000 = Пифагорейские золотые стихи с комментарием Гиерокла. / Пер. И.Ю.Петер. [М., 1995]. 3-е изд. М., Алетейя-Новый акрополь. 2000. 160 с.

Гиперид 1962 = Гиперид. Речи. / Пер. Л.М.Глускиной. // Вестник древней истории. 1962. № 1.

Гиппократ 1936-44 = Гиппократ. Сочинения. / Пер. В.И.Руднева, комм. В.П.Карпова. [Кн.1]. Избранные книги. [М., Биомедгиз. 1936] М., Сварог. 1994. 736 с. Кн.2. М., Медгиз. 1944. 512 с. Кн.3. М., Медгиз. 1941. 364 с.

Гомер 1990 = Гомер. Илиада. / Пер. Н.И.Гнедича. Ст. и прим. А.И.Зайцева. Отв.ред. Я.М.Боровский. (Серия «Литературные памятники»). Л., Наука. 1990. 576 с.

Гомер 2000 = Гомер. Одиссея. / Пер. В.А.Жуковского. Ст. и прим. В.Н.Ярхо. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 2000. 544 с.

Григорий Назианзин 2000 = Григорий Богослов. Собрание творений. В 2 т. / Пер. Моск. дух. акад. (Серия «Классическая философская мысль»). Мн., Харвест – М., АСТ. 2000. Т.1. Слова. 832 с. Т.2. Послания. Стихотворения. Письма. 688 с.

Григорий Нисский 1995 = Григорий Нисский. Об устройении человека. / Пер. В.М.Лурье под ред. А.Л.Верлинского. СПб, Аxioma. 1995. 176 с.

Григорий Нисский 1999 = Григорий Нисский. Точное изъяснение Песни Песней Соломона. / Пер. Моск. дух. акад. М., ИСИС. 1999. 480 с. [Репринт издания: Григорий Нисский. Творения. В 8 ч. Ч.3. М., 1862.]

Давид Анахт 1975 = Давид Анахт. Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм. [пер.], вступ.ст. и прим. С.С.Аревшатына. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль. 1975. 264 с.

Дамаский 2000 = Дамаский Диадок. О первых началах. Комментарий к «Пармениду». / Пер. Л.Ю.Лукомского, ст. и комм. Р.В.Светлова и Л.Ю.Лукомского. СПб, Издательство РХГИ. 2000. 1072 с.

Даниил 1999 = [Псевдо-Даниил]. Толкование снов с богом святым святого пророка Даниила по алфавиту. / Пер. Т.И.Самойленко под ред. Д.Е.Афиногенова. // Вестник древней истории. 1999. № 1.

Демокрит 1970 = Лурье С.Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. Л., Наука. 1970. 664 с.

Демосфен 1994-96 = Демосфен. Речи. В 3 т. / Отв.ред. Е.С.Голубцова, Л.П.Маринович, Э.Д.Фролов. (Серия «Памятники исторической мысли»). М., Памятники исторической мысли. 1994-1996. Т.1. Речи 20-40. 1994. 608 с. Т.2. Речи 41-61. Письма. 1994. 544 с. Т.3. Речи 1-19. [М., 1954]. 1996. 624 с.

Диктис 2002-03 = [Псевдо-]Диктис Критский. Дневник Троянской войны. / Пер. с лат. [пер.] и прим. В.Н.Ярхо. // Вестник древней истории. 2002. № 1-4. 2003 № 4.

*Динарх 1962 = Динарх. Речи. / Пер. Т.В.Прушакевич. // Вестник древней истории. 1962. № 2.

Диоген 1979 = Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М.Л.Гаспарова. Общ.ред. и вступ.ст. А.Ф.Лосева. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль. 1979. 624 с.

Диодор 2005 = Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. IV-VII. Греческая мифология. / Пер., вступ.ст. и комм. О.П.Цыбенко. Под ред. С.Хаутала. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Источники»). [М., 2000]. СПб, Алетейя. 2005. 384 с.

Дионисий 2005 = Дионисий Галикарнасский. Римские древности. / Пер. Н.Г.Майоровой, И.Л.Маяк, Л.Л.Кофанова, А.М.Сморчкова, В.Н.Токмакова, А.Я.Тыжова, А.В.Щеголева. Отв.ред. И.Л.Маяк. (Серия «Историческая библиотека. Античная история»). М., Рубежи XXI. 2005. Т.1. Кн.1-4. 272 с. Т.2. Кн.5-8. 280 с. Т.3. Кн.9-11, фрагменты кн.12-20. 320 с.

Дионисий Ареопагит 2002 = [Псевдо-]Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник [и другие]. Толкования. / Пер. и пред. Г.М.Прохорова. (Серия «Византийская библиотека». Раздел «Источники»). СПб, Алетейя. 2002. 864 с.

Дионисий Перизетт 2005-06 = Дионисий Перизетт. / Пер. и прим. Е.В.Илюшечкиной. // Вестник древней истории. 2005. № 4. 2006. № 1-2.

*Диофант 1974 = Диофант Александрийский. Арифметика и книга о многоугольных числах. / Пер. И.Н.Веселовского. Ред. и комм. И.Г.Башмаковой. М., Наука (ГРФМЛ). 1974. 328 с.

Евагрий 2006 = Евагрий Схоластик. Церковная история в 6 кн. / Пер., вступ.ст., комм. и прилож. И.В.Кривушина. Отв.ред. Е.С.Кривушина. [1-е изд. СПб, 2001-03]. Изд. 2-е, испр. (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»). СПб, Издательство Олега Абышко. 2006. 672 с.

Евангелие от египтян 1995 = Евангелие от египтян. / Пер. с копт. [пер.], ст. и комм. Е.Смагиной. // Вестник древней истории. 1995. № 2.

Евклид 1948-50 = Начала Евклида. / Пер. и комм. Д.Д.Мордухай-Болтовского при участии М.Я.Выгодского и И.Н.Веселовского. В 3 т. М.-Л., Гос.изд-во техн.-теорет.лит-ры. 1948-50. [Т.1]. Книги 1-6. 1948. 456 с. [Т.2]. Книги 7-10. 512 с. 1949. [Т.3]. Книги 11-15. 1950. 332 с.

Еврипид 1995-96 = Незнакомый Еврипид. Трагедии интриги и случая. / Пер. и прим. В.Н.Ярхо. // Вестник древней истории. 1995. № 3-4. 1996. № 1-2.

Еврипид 1999 = Еврипид. Трагедии. / Пер. Инн.Анненского, ст. М.Л.Гаспарова и В.Н.Ярхо, прим. В.Н.Ярхо. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Ладомир-Наука. 1999. В 2 т. Т.1. 656 с. Т.2. 704 с.

Евсевий 1998 = Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. / Пер. СПбДА под ред. А.А.Калинина. («Византийская серия»). М., Labarum. 1998. 352 с.

Евсевий 2005 = Евсевий Памфил. Церковная история. / Пер. СПбДА. Комм. С.А.Ершова. (Серия «Александрйская библиотека»). СПб, Амфора. 2005. 496 с.

Епифаний 1863-82 = Епифаний Кипрский. Творения. В 6 ч. Ч.1-5. Панарий, или Против ересей. / Пер. Моск. дух. акад. М., 1863-82. Т.1. Ереси 1-33. 1863. 384 с. Т.2. Ереси 34-56. 1864. 460 с. Т.3. Ереси 57-66. 1872. 304 с. Т.4. Ереси 66-73. 1880. 364 с. Т.5. Ереси 74-80. 1882. 408 с. [Ч.6 не изучалась]

Иосиф 1991 = Иосиф Флавий. Иудейская война. / Пер. с нем. Я.Л.Чертка [СПб, 1900], прим. К.А.Ревяко, В.А.Федосика. Минск, Беларусь. 1991. 512 с.

Иосиф 1994 = Иосиф Флавий. Иудейские древности. / Пер. Г.Г.Генкеля [СПб, 1900], пред. и прим. В.А.Федосика и Г.И.Довгяло. Минск, Беларусь. 1994. Т.1. 560 с. Т.2. 608 с.

Иосиф 2006- = Иосиф Флавий. Моя жизнь. / Пер. Д.Е.Афиногенова, вступ.ст. и комм. Л.В.Семенченко. // Вестник древней истории. 2006. № 4. С.216-229. [продолжение следует]

Иринеи 1996 = Св.Иринеи Лионский. Творения. / Пер. П.Преображенского [СПб, 1900], Н.Сагарды [СПб, 1907]. (Серия «Библиотека отцов и учителей Церкви». II). М., Благовест. 1996. 640 с.

Исократ 1965-69 = Исократ. Речи. Письма. / Пер. Ю.В.Андреева, В.Г.Боруховича, М.Н.Ботвинника, Л.М.Глускиной, А.И.Зайцева, Н.Н.Залесского, К.М.Колобовой, Е.А.Миллиор, Т.В.Прушакевич, Э.Д.Фролова, И.А.Шишовой. // Вестник древней истории. 1965. № 3 – 1969. № 2.

Иустин 1995 = Св.Иустин, философ и мученик. Творения. / Пер. П.Преображенского. [М., 1892] Пред. А.И.Сидорова. (Серия «Библиотека отцов и учителей Церкви». I). М., Благовест. 1995. 496 с.

Кебет 1888 = Кебет. Картина. / Пер. В.Алексеева. СПб, 1888. 24 с.

Климент 1996 = Климент Александрийский. Педагог. / Пер. Н.Корсунского, пер. гл.10 ч.II Г.Чистякова. М., Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла. 1996.

Климент 1998 = Климент Александрийский. Увещание к язычникам. / Пер. А.Ю.Братухина. СПб, Издательство РХГИ. 1998. 208 с.

Климент 2000 = Климент Александрийский. Кто из богатых спасется. / Пер. Н.Корсунского. [Ярославль, 1888] М., 2000. 64 с.

Климент 2003 = Климент Александрийский. Строматы. / Подг. текста, пер., пред. и комм. Е.В.Афонасина. В 3 т. (Серия «Библиотека христианской мысли». Источники). СПб, Издательство Олега Абышко. 2003. Т.1. Кн. 1-3. 544 с. Т.2. Кн.4-5. 336 с. Т.3. Кн.6-7. 368 с.

Ксенофонт 1895 = Сочинения Ксенофонта. В 5 ч. Вып.5. Мелкие статьи. (Пир. Апология Сократа. Лакедемонское государство. Афинское государство. О хозяйстве. Иерон, или О самовластии. Агесилай. Доходы города Афин. Гиппарх. О коннице. Охота). / Пер. Г.А.Янчевецкого. Ревель, 1895. 348 с.

Ксенофонт 1976 = Ксенофонт. Киропедия. / Пер., ст. и прим. В.Г.Боруховича и Э.Д.Фролова. Отв.ред. С.Л.Утченко. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1976. 336 с.

Ксенофонт, ГИ 1993 = Ксенофонт. Греческая история. / Пер. С.Я.Лурье. [Л., 1935] 2-е изд. Под ред. Р.В.Светлова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Алетейя. 1993. 448 с.

Ксенофонт, ВС 1993 = Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. / Пер., ст. и комм. С.И.Соболевского. [М., 1935] 2-е изд. (Серия «Памятники философской мысли»). М., Наука. 1993. 384 с.

Ксенофонт Эфесский 1956 = Ксенофонт Эфесский. Повесть о Габрокоме и Антии. / Пер. С.Поляковой, И.Феленковской. М., Гослитиздат. 1956. 72 с.

Либаний 1912-16 = Речи Либания. / Пер., вступ.ст. и прим. С.Шестакова. Казань, 1912-1916. Т.1. 1912. ХС+526 с. Т.2. 1916. 572 с.

Либаний 1997 = Либаний. Апология Сократа. / Пер. М.А.Райциной. // Суд над Сократом. / Сост. А.В.Кургатников. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 1997. 264 с.

*Ликург 1962 = Ликург. Речь против Леократа. Фрагменты. / Пер. Т.В.Прушакевич. // Вестник древней истории. 1962. № 2.

Лисий 1994 = Лисий. Речи. / Пер., ст. и комм. С.И.Соболевского. [М.-Л., 1933] 2-е изд. Пред. Л.А.Маринович и Г.А.Кошеленко. (Серия «Античная классика»). М., Ладомир. 1994. 384 с.

Лукиан 1987 = Лукиан. Избранное. / Сост. и пред. И.Нахова, комм. И.Нахова и Ю.Шульца. (Серия «Библиотека античной литературы. Греция»). М., Худож. лит. 1987. 624 с.

Лукиан 2001 = Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. / Под общ.ред. А.И.Зайцева. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Алетейя. 2001. Т.1. VIII+472 с. Т.2. 544 с.

*Маврикий 2004 = Стратегикон Маврикия. / Пер., вступ.ст. и комм. В.В.Кучмы. (Серия «Византийская библиотека». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 2004. 248 с.

Марк Аврелий 1993 = Марк Аврелий Антонин. Размышления. / Пер. и прим. А.К.Гаврилова. Статьи А.И.Доватура, А.К.Гаврилова, Я.Унта. Комм. Я.Унта. (Серия «Литературные памятники»). [1-е изд. Л., 1985] 2-е изд, испр. и доп. СПб, Наука. 1993. 248 с.

Мемнон 1951 = Мемнон. О Геракле. / Пер., ст. и комм. В.П.Дзагуровой. // Вестник древней истории. 1951. № 1. С.289-316.

*Менандр 1982 = Менандр. Комедии. Фрагменты. / Ст. и прим. В.Н.Ярхо. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1982. 576 с.

Немесий 1996 = Немесий Эмесский. О природе человека. / Пер. Ф.С.Владимирского [1904 г.]. Пред. Н.В.Шабурова. (Серия «Учители неразделенной Церкви»). М., Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла. 1996. 204 с.

Николай 1960 = Николай Дамасский. История. / Ст., пер. и прим. Е.В.Веселаго, А.Ч.Козаржевского, С.А.Ошерова, Е.В.Федоровой. // Вестник древней истории. 1960. № 3-4.

Нонн 1997 = Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. / Пер. Ю.А.Голубца. Вступ.ст. А.В.Захаровой. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 1997. 608 с.

Нонн 2002 = Нонн из Хмима [Панополя]. Деяния Иисуса. / Пер. Ю.А.Голубца, Д.А.Поспелова, А.В.Маркова. Отв.ред. Д.А.Поспелов. (Серия «Scrinium Philocalicum». Т.1). М., Индрик. 2002. 416 с.

О возвышенном 1966 = [Псевдо-Дионисий Лонгин]. О возвышенном. / Пер., ст. и прим. Н.А.Чистяковой. Отв.ред. Ф.А.Петровский. (Серия «Литературные памятники»). М.-Л., Наука. 1966. 152 с.

*Ориген 1993 = Ориген. О началах. / Пер. Казан.дух.акад. [Казань, 1899] Самара, Ра. 1993. 320 с.

Ориген 1996 = Ориген. Против Кельса. Ч.1. Кн.1-4. / Пер. Л.Писарева. [Казань, 1912. XXX+482 с.]. М., Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла. 1996.

Павсаний 2002 = Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. / Пер. С.П.Кондратьева [1-е изд. М., Искусство. 1938-1940] под ред. Е.В.Никитюк. Отв.ред. Э.Д.Фролов. [3-е изд., испр. СПб, Алетейя. 1996]. 4-е изд. (Серия «Классическая мысль»). М., АСТ-Ладомир. Т.1. 2002. 496 с. Т.2. 2002. 512 с.

Палефат 1988 = Палефат. О невероятном. / Пер., вступ.ст. и комм. В.Н.Ярхо. // Вестник древней истории. 1988. № 3-4.

Парфений 1992 = Парфений. О любовных страстях. / Пер., вступ.ст. и комм. В.Н.Ярхо. // Вестник древней истории. 1992. № 1-2.

Пиндар 1980 = Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. / Изд.подг. М.Л.Гаспаров. Отв.ред. Ф.А.Петровский. (Серия «Литературные памятники») М., Наука. 1980. 504 с.

Платон 1990-94 = Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ.ред. А.Ф.Лосева, В.Ф.Асмуса, А.А.Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль. 1990-1994. Т.1. Апология Сократа. Критон. Феаг. Алкивиад II. Менексен. Евтидем. Гиппий меньший. Алкивиад I. Лахет. Евтифрон. Лисид. Хармид. Ион. Гиппий больший. Протагор. Горгий. Менон. Кратил. 1990. 864 с. Т.2. Федон. Пир. Федр. Теэтет. Софист. Парменид. 1993. 528 с. Т.3. Филеб. Государство. Тимей. Критий. 1994. 656 с. Т.4. Политик. Законы. Послезаконие. Письма. Сочинения платоновской школы. Учебники платоновской философии. Эпиграммы. 1994. 832 с.

Плотин 2004-05 = Плотин. Эннеады. В 7 т. / Пер. Т.Г.Сидаша под ред. О.Л.Абышко. (Серия «Plotiniana»). СПб, Издательство Олега Абышко. 2004-2005. [Т.1] Первая эннеада. 2004. 320 с. [Т.2] Вторая эннеада. 2004. 384 с. [Т.3] Третья эннеада. 2004. 480 с. [Т.4] Четвертая эннеада. 2004. 480 с. [Т.5] Пятая эннеада. 2005. 320 с. [Т.6] Шестая эннеада. Трактаты I-V. 2005. 480 с. [Т.7] Шестая эннеада. Трактаты VI-IX. 2005. 416 с.

*Плутарх 1979 = Плутарх. Об удаче римлян. О монархии, демократии и олигархии. О том, что не следует делать долгов. // Вестник древней истории. 1979. № 3-4.

Плутарх 1983 = Плутарх. Сочинения. / Сост. С.С.Аверинцева, вступ.ст. А.Ф.Лосева, комм. А.А.Столярова. (Серия «Библиотека античной литературы. Греция»). М., Худож. лит. 1983. 704 с.

Плутарх 1990 = Плутарх. Застольные беседы. / Пер. и прим. Я.М.Боровского, М.Н.Ботвинника, Н.В.Брагинской, М.Л.Гаспарова, прим. И.И.Ковалевой, О.Л.Левинской. Ст. Я.М.Боровского. Отв.ред. Я.М.Боровский, М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). Л., Наука. 1990. 592 с.

Плутарх 1994 = Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / Изд.подг. С.С.Аверинцев, М.Л.Гаспаров, С.П.Маркиш. Отв.ред. С.С.Аверинцев. (Серия «Литературные памятники»). [1-е изд. В 3 т. М.-Л., Издательство АН СССР. 1961-1964] 2-е изд., испр. и доп. М., Наука. 1994. Т.1. 704 с. Т.2. 672 с.

Плутарх 1996 = Плутарх. Исида и Осирис. / Сост. С.И.Еремеева. (Серия «Вершины мистической философии»). Киев, Уцимм-Пресс. 1996. 256 с.

Псевдо-Плутарх 1980 = [Псевдо-]Плутарх. Собрание параллельных греческих и римских историй. / Пер. Т.В.Васильевой. // Вестник древней истории. 1980. № 2.

*Псевдо-Плутарх 1999 = [Псевдо-]Плутарх. О реках. / Пер. Д.О.Торшилова. // [Торшилов 1999]. С.307-383.

Полемон 1983 = Полемон Перизетгет. Фрагменты. / Пер., ст. и прим. Г.П.Чистякова. // Вестник древней истории. 1983. № 3.

Полибий 1994-95 = Полибий. Всеобщая история. / Пер., вступ.ст. и прим. Ф.Г.Мищенко. [СПб, 1890-99] 2-е изд. Отв. ред. А.Я.Тыжов. (Серия «Историческая библиотека»). СПб, Ювента. 1994-1995. Т.1. Книги 1-5. 1994. 496 с. Т.2. Книги 6-25. 1995. 424 с. Т.3. Книги 26-40. Указатели. 1995. 384 с.

Полиэн 2002 = Полиэн. Стратегемы. / Под общ.ред. А.К.Нефёдкина. СПб, Евразия. 2002. 608 с.

*Порфирий 1988 = Порфирий. О пещере нимф. / Пер. А.А.Тахо-Годи. // Лосев А.Ф. История античной эстетики. [В 8 т. Т.7] Последние века. Кн.2. М., Искусство. 1988. С.383-394.

*Прокл 1974 = Прокл. Первоосновы теологии. / Пер. и комм. А.Ф.Лосева. // Лосев А.Ф. История античной эстетики. [В 8 т. Т.3] Высокая классика. М., Искусство. 1974. С.429-564.

Прокл 1994 = Прокл. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение. / Пер., вступ.ст. и комм. Ю.А.Шичалина. М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. 1994. 224 с.

*Прокл 2001, НФ = Прокл. Начала физики. / Пред., пер. и комм. С.Месяц. М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. 2001. 120 с.

Прокл 2001 = Прокл. Платоновская теология. / Пер., ст. и прим. Л.Ю.Лукомского. Ред. С.И.Лукомская. СПб, РХГИ; Летний сад. 2001. 624 с.

Прокл 2003 = Из комментариев Прокла к платоновским диалогам «Тимей», «Государство», «Кратил». / Пер. А.В.Петрова. // Петров А.В. Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб, Издательство РХГИ; Издательский дом СПбГУ. 2003. 416 с. С.215-359.

Прокл 2006 = Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона. / Пер., ст. и прим. Л.Ю.Лукомского. СПб, Мирь. 2006. 896 с.

Прокопий 1993 = Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. / Пер., ст., комм. А.А.Чекаловой. Отв.ред. Г.Г.Литаврин. (Серия «Памятники исторической мысли»). М., Наука. 1993. 576 с.

Прокопий 1996 = Прокопий Кесарийский. Война с готами. / Пер. С.П.Кондратьева. [М., 1950] (Серия «Памятники мировой истории и культуры»). М., Арктос – Вика-пресс. 1996. Ч.1. 336 с. Ч.2. 304 с.

Птолемей 1998 = Птолемей Клавдий. Альмагест, или Математическое сочинение в 13 книгах. / Пер. И.Н.Веселовского. Комм. М.М.Рожанской, Г.Е.Куртика. Отв.ред. В.А.Амбарцумян, А.Т.Григорьян, Г.П.Матвиевская. М., Наука-Физматлит. 1998. 672 с.

Секст 1976 = Секст Эмпирик. Сочинения. В 2 т. / Пер. Н.В.Брюлловой-Шаскольской и А.Ф.Лосева. Общ.ред. и вступ.ст. А.Ф.Лосева. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль. 1976. Т.1. 400 с. Т.2. 424 с.

Скилак 1988 = [Псевдо]-Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. / Пер., ст. и прим. Ф.В.Шелова-Коведяева. // Вестник древней истории. 1988. № 1-2.

Сократ 1996 = Сократ Схоластик. Церковная история. / Пер. СПбДА под ред. И.В.Кривушина. (Серия «Классики античности и средневековья»). М., Росспэн. 1996. 368 с.

Софокл 1990 = Софокл. Драмы. / Пер. Ф.Ф.Зелинского. (Фрагменты. / Пер. Ф.Ф.Зелинского, О.В.Смыки и В.Н.Ярхо). / Ст. и прим. М.Л.Гаспарова и В.Н.Ярхо. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1990. 608 с.

Стесихор 1985 = Стесихор. Фрагменты. / Пер., ст. и прим. Н.Н.Казанского под ред. М.Л.Гаспарова. // Вестник древней истории. 1985. № 2.

Страбон 1994 = Страбон. География. / Пер., ст. и комм. Г.А.Стратановского. Под общ.ред. С.Л.Утченко. (Серия «Памятники исторической мысли»). [М., Наука. 1964] 2-е изд., репр. М., Ладомир. 1994. 944 с.

Татиан 1993 = Татиан. Слово к эллинам. / Пер., ст. и прим. Д.Е.Афиногенова. // Вестник древней истории. 1993. № 1-2.

Феокрит 1998 = Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы. / Пер. и комм. М.Е.Грабарь-Пассек. Отв.ред. Ф.А.Петровский. (Серия «Литературные памятники») [М.-Л., Издательство АН СССР. 1958] 2-е изд., репр. М., Ладомир-Наука. 1998. 328 с.

Феофан 2005 = Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. / Пер. В.И.Оболенского под ред. О.М.Бодянского. [М., 1884] Приск Панийский. Сказания. / Пер. Г.С.Дестуниса [1861 г.]. Рязань, Александрия. 2005. 608 с.

*Феофраст 1951 = Феофраст. Исследование о растениях. / Пер. и комм. М.Е.Сергеенко. (Серия «Классики науки»). М.-Л., Издательство АН СССР. 1951. 592 с.

*Феофраст 1974 = Феофраст. Характеры. / Пер., ст. и прим. Г.А.Стратановского. Отв.ред. Я.М.Боровский. (Серия «Литературные памятники»). Л., Наука. 1974. 124 с.

*Феофраст 2005 = Феофраст. О камнях. / Пер., ст. и комм. А.А.Россиуса. // Вестник древней истории. 2005. № 3.

*Филодем 1969 = Филодем. Экономика. / Пер., ст. и прим. Г.А.Тароняна. // Вестник древней истории. 1969. № 4.

*Филодем 1979 = Филодем. О стихах. Кн.5. / Пер. М.Л.Гаспарова, прим. А.А.Тахо-Годи. // Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э. М., Издательство МГУ. 1979. 416 с. С.342-360.

Филон 2000 = Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. / Вступ.ст. Е.Д.Матусовой, пер. и комм. А.В.Вдовиченко, М.Г. и В.Е.Витковских, О.Л.Левинской, И.А.Макарова, А.В.Рубана. М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. 2000. 452 с.

Филон 2003 = Филон Александрийский. О пьянстве. / Пер., ст. и прим. Д.Е.Афиногенова. // Вестник древней истории. 2003. № 1-2.

Филон, Иосиф 1994 = Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. / Пер. О.Л.Левинской. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа (Против Апиона). / Пер. А.В.Вдовиченко. (Серия «Библиотека Флавиана». Выпуск 3). М.-Иерусалим, Гешарим – Еврейский университет в Москве. 1994. 400 с.

Филострат 1936 = Филострат (Старший и Младший). Картины. Каллистрат. Статуи. / Пер. С.П.Кондратьева. М.-Л., Изогиз. 1936. 192 с.

Филострат 1985 = Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. / Пер. Е.Г.Рабинович. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1985. 328 с.

Флегонт 2001 = Флегонт из Тралл. Удивительные истории. / Пер. М.Е.Грабарь-Пассек, М.Л.Гаспарова, В.Н.Илюшечкина, вступ.ст. и комм. В.Н.Илюшечкина. // Вестник древней истории. 2001. № 3-4.

Фукидид 1999 = Фукидид. История. / Пер. Г.А.Стратановского. [Л., Наука. 1981] 3-е изд. (Серия «Классики исторической мысли»). М., Ладомир-АСТ. 1999. 736 с.

Харитон 1994 = Харитон. Повесть о Херее и Каллирое. / Пер., пред. и комм. С.В.Поляковой. СПб, Инапресс. 1994. 192 с.

Элиан 1963 = Элиан. Пёстрые рассказы. / Пер. С.В.Поляковой. Отв.ред. В.В.Струве. (Серия «Литературные памятники»). М.-Л., Издательство АН СССР. 1963. 188 с.

*Эней 1965 = Эней Тактик. О перенесении осад. / Пер., ст. и прим. В.Ф.Беляева. // Вестник древней истории. 1965. № 1-2.

Эпиктет 1997 = [Флавий Арриан]. Беседы Эпиктета. / Пер. и прим. Г.А.Тароняна. Пред. Г.А.Кошеленко, Л.П.Маринович. (Серия «Античная классика»). М., Ладомир. 1997. 312 с.

Эсхил 1989 = Эсхил. Трагедии. В переводе Вячеслава Иванова. (Дополнения. / Пер. А.И.Пиотровского. Фрагменты. / Пер. М.Л.Гаспарова). / Изд.подг. Н.И.Балашов, Дим.Вяч.Иванов, М.Л.Гаспаров, Г.Ч.Гусейнов, Н.В.Котрелев, В.Н.Ярхо. Отв.ред. Н.И.Балашов. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1989. 592 с.

Эсхин 1962 = Эсхин. Речи. / Пер. Л.М.Глускиной, Н.И.Новосадского, Э.Д.Фролова. // Вестник древней истории. 1962. № 3-4.

Юлиан 1970 = Юлиан. Письма. / Пер. Д.Е.Фурмана под ред А.Ч.Козаржевского. // Вестник древней истории. 1970. № 1-3.

Ямвлих 1988 = Ямвлих Халкидский. Теологумены арифметики. / Сокр.пер. В.В.Бибихина. // Лосев А.Ф. История античной эстетики. [В 8 т. Т.7] Последние века. Кн.2. М., Искусство. 1988. С.395-419.

Ямвлих 1998 = Ямвлих. Жизнь Пифагора. / Пер., вступ.ст. и прим. В.Б.Черниговского. М., Алетейа-Новый акрополь. 1998. 248 с.

Ямвлих 2000 = Ямвлих Халкидский. Комментарии на диалоги Платона. / Пер., вступ.ст. и комм. Р.В.Светлова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная философия»). СПб, Алетейя. 2000. 320 с.

Ямвлих 2004 = Ямвлих. О египетских мистериях. / Пер., вступ.ст. и прим. И.Ю.Мельниковой. М., Алетейя. 2004. 208 с.

1.3. Латинские авторы

Гай 1997 = Законы XII таблиц. Институции Гая. / Пер. Ф.Дыдынского. Дигесты Юстиниана. (Серия «Памятники римского права»). М., Зерцало. 1997. 608 с.

Дигесты 2002-06 = Дигесты Юстиниана. В 8 т. / Отв.ред. Л.Л.Кофанов. Пер. Д.В.Афиногенова (кн.3), О.А.Ахтеровой (кн.41), Т.А.Бобровниковой (кн.9, 10), А.А.Григорьевой (кн.8), И.Е.Ермоловой (кн.12), Л.Л.Кофанова (Конституции, кн.1, 4, 6, 25, 26, 44, 48, 50), А.Е.Кузнецова (кн.11), Д.А.Литвинова (кн.4, 5, 10, 24, 26, 36, 37, 45), И.В.Лушниковой (кн.31), Е.В.Ляпустиной (кн.3, 30, 31, 32), А.В.Марея (кн.47, 48), М.А.Морозова (кн.27), А.А.Новикова (кн.13, 16, 17), Д.Ю.Полдникова (кн.48), Ю.В.Пуцаева (кн.12, 34, 37), А.Д.Рудокваса (кн.14, 18, 19, 20, 22, 34, 35, 39, 41, 43, 46, 47, 48), А.М.Сморчкова (кн.21, 33, 34, 42, 49), А.Л.Смышляева (кн.1, 4, 39, 47, 48), М.Д.Соломатина (кн.7, 28, 29, 40), А.И.Солопова (кн.5), Н.Б.Срединской (кн.15), Д.О.Тузова (кн.44), А.Я.Тыжова (кн.35), Н.Ю.Чехонадской (кн.10, 27, 34, 38, 39), А.В.Щеголева (кн.2, 23, 32, 47, 48). М., Статут. 2002-2006. Т.1. Кн.1-4. 2002. 584 с. Т.2. Кн.5-11. 2002. 624 с. Т.3. Кн.12-19. 2003. 784 с. Т.4. Кн.20-27. 2004. 784 с. Т.5. Ч.1. Кн.28-32. 2004. 616 с. Т.5. Ч.2. Кн.33-36. 2004. 608 с. Т.6. Ч.1. Кн.37-40. 2005. 736 с. Т.6. Ч.2. Кн.41-44. 2005. 568 с. Т.7. Ч.1. Кн.45-47. 2005. 552 с. Т.7. Ч.2. Кн.48-50. 2005. 568 с. Т.8. Статьи и указатели. 2006. 676 с.

Институции 1998 = Институции Юстиниана. / Пер. Д.Расснера. (Серия «Памятники римского права»). М., Зерцало. 1998. 400 с.

Катулл, Тибулл, Проперций 1963 = Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций. / Пред. и ред. Ф.А.Петровского. (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). М., Гос.изд.худ.лит. 1963. 512 с.

Латинская поэзия 1982 = Поздняя латинская поэзия. / Сост. и вступ. ст. М.Л.Гаспарова. (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). М., Худож. лит. 1982. 720 с.

Памятники 1998 = Памятники средневековой латинской литературы IV-VII веков. / Вступ.ст. С.С.Аверинцева. М., Наследие. 1998. 472 с.

Подосинов 2002 = Подосинов А.В. Восточная Европа в римской географической традиции. (Серия «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»). М., Индрик. 2002. 488 с.

Сатира 1989 = Римская сатира. / Пер. с латин. Сост. и науч.подгот.текста М.Л.Гаспарова. Пред. В.С.Дурова. Комм. А.Гаврилова, М.Л.Гаспарова, И.Ковалевой, Ф.Петровского и А.Солопова. (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). М., Худож. лит. 1989. 544 с.

*Сергеенко 1957 = О сельском хозяйстве. (Катон, Варрон, Колумелла, Плиний). / Пер. М.Е.Сергеенко. Под ред. и с вступ.ст. М.И.Бурского. [М.-Л., 1937]. М., Сельхозгиз. 1957. 352 с.

Сергеенко 1970 = Ученые земледельцы древней Италии. [Катон, Варрон, Колумелла, Плиний]. / Пер. М.Е.Сергеенко. М., Наука. 1970. 292 с.

Хрестоматия 1984 = Хрестоматия по ранней римской литературе. / Сост. К.П.Полонская, Л.П.Поняева. М., Высш.шк. 1984. 224 с.

Августин 1991 = Августин. Исповедь. / Пер. М.Е.Сергеенко, вступ.ст. А.А.Столярова. (Серия «Памятники религиозно-философской мысли. Западная патристика»). М., Ренессанс. 1991. 496 с.

Августин 1998 = Августин. Творения. / Пер. Киевской духовной академии. Сост. С.И.Еремеева. СПб, Алетейя – Киев, Уцимм-пресс. 1998. В 4 т. Т.1. Об истинной религии. 752 с. Т.2. Теологические трактаты. 768 с. Т.3. О граде Божиим. Кн.1-13. 600 с. Т.4. О граде Божиим. Кн.14-22. 592 с.

Августин 1999 = Блаженный [Sanctus] Августин. Против академиков. / Пер. и комм. О.В.Головой. М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. 1999. 192 с.

Августин 2004 = Августин. О Троице. / Пер. А.А.Тащиана. (Серия «Патристика. Тексты и исследования»). Краснодар, Глагол. 2004. 416 с.

Авсоний 1993 = Децим Магн Авсоний. Стихотворения. / Изд. подг. М.Л.Гаспаров. Отв. ред. С.С.Аверинцев. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1993. 368 с.

*Амвросий 1996 = Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии. Две книги о преставлении брата его Сатира. Слово утешительное на смерть императора Валентиниана Младшего. Слово на смерть Феодосия Великого. Церковь, мистическая Ева. Гимны. / Пер. прот.Иоанна Харламова, вступ.ст. В.А.Никитина. (Серия «Учители неразделенной Церкви»). М., Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла. [1997?]. 208 с.

Аммиан 2000 = Аммиан Марцеллин. Римская история. / Пер. Ю.А.Кулаковского и А.И.Сонни под ред. Л.Ю.Лукомского. [СПб, 1994]. 3-е изд. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 2000. 576 с.

Ампелий 2002 = Луций Ампелий. Памятная книжица. / Пер. и комм. А.И.Немировского. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 2002. 248 с.

Апулей 1988 = Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения. / Сост. М.Л.Гаспарова. Вступ.ст. Н.Григорьевой. (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). М., Худож. лит. 1988. 400 с.

Арнобий 1917 = Арнобия семь книг «Против язычников». / Пер., введ., прим. Н.М.Дроздова. Киев, 1917. 528 с.

Бозций 1990 = Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. / Сост. и отв.ред. Г.Г.Майоров. (Серия «Памятники философской мысли»). М., Наука. 1990. 416 с.

Бозций 1995 = Герцман Е.В. Музыкальная бозциана. СПб, Глаголь. 1995. 480 с.

*Варрон 1963 = Варрон. О сельском хозяйстве. / Пер. М.Е.Сергеенко. М.-Л., Издательство АН СССР. 1963. 220 с.

Ватиканский аноним 1992 = Ватиканский аноним. О невероятном. / Пер., вступ.ст. и комм. В.Н.Ярхо. // Вестник древней истории. 1992. № 3.

*Веллей Патеркул 1985 = Немировский А.И., Дашкова М.Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985. 212 с.

Вергилий 1994 = Публий Вергилий Марон. Собрание сочинений. / Вступ.ст. В.С.Дурова. СПб, Биографический институт «Студия Биографика». 1994. 480 с.

Витрувий 2003 = Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. / Пер. Ф.А.Петровского. (Серия «Из истории архитектурной мысли»). М., Едиториал УРСС. 2003. 320 с.

Властелины Рима 1992 = *Scriptores Historiae Augustae*. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. / Пер. С.Н.Кондратьева под ред. А.И.Доватура [1957-60 гг.], Д.Е.Афиногенова [1992 г.]. Комм. О.Д.Никитинского, А.И.Любжина. М., Наука. 1992. 384 с.

Геллий 1993 = Авл Геллий. Аттические ночи. Избранные книги [3, 4, 9, 12, 18]. / Пер., вступ.ст. и комм. Б.С.Тритенко. Томск, Водолей. 1993. 208 с.

Германик 1988 = Германик Цезарь. Небесные явления по Арату. / Пер. Т.Бахтюковой, Н.Боданской, М.Бройтмана, О.Вартазаряна, Е.Ивановой, О.Литвиновой, Н.Подземской, Д.Афиногенова, Г.Дашевского, А.Россиуса, А.Солопова под ред. Н.А.Федорова. // На рубежах познания Вселенной: Историко-астрономические исследования. Вып.20. М., Наука (ГРФМЛ). 1988. 416 с. С.346-363.

Гигин 1997 = Гигин. Астрономия. / Пер. и комм. А.И.Рубана. Вступ. ст. А.В.Петрова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 1997. 224 с.

Гигин 2000 = Гигин. Мифы. / Пер. Д.О.Торшилова под общ.ред. А.А.Тахо-Годи. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). [СПб, 1997] 2-е изд., испр. СПб, Алетейя. 2000. 400 с.

Гильда 2003 = Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды. / Пер., вступ.ст. и прим. Н.Ю.Чехонадской. Отв.ред. И.С.Филиппов, С.Е.Федоров. (Серия «Рах Britannica»). СПб, Алетейя. 2003. 464 с.

Гораций 1993 = Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. / Вступ.ст. В.С.Дурова. СПб, Биографический институт «Студия биографика». 1993. 448 с.

Григорий 1987 = Григорий Турский. История франков. / Пер., ст. и комм. В.Д.Савуковой. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1987. 464 с.

Дарет 1997 = [Псевдо-]Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. / Пер., комм., вступ.ст., сост. А.В.Захаровой. Гекзаметрические переводы Д.О.Торшилова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 1997. 320 с.

Драконций 2001 = Драконций, Эмилий Блоссий. Мифологические поэмы. / Пер., вступ.ст. и прим. В.Н.Ярхо. (Серия «Античное наследие»). М., Лабиринт. 2001. 224 с.

*Евгиппий 1998 = [Евгиппий]. Житие святого Северина. / Пер., вступ.ст. и прим. А.И.Донченко. (Серия «Античное христианство». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 1998. 384 с.

Иероним 1910 = Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч.5. (Серия «Библиотека творений св. отцов и учителей Церкви западных, издаваемая при Киевской духовной академии». Кн.8). Киев, 1910. 448 с.

Иордан 2001 = Иордан. О происхождении и деяниях гетов. / Пер., вступ.ст. и комм. Е.Ч.Скржинской. [М., 1960] (Серия «Византийская библиотека». Раздел «Источники»). СПб, Алетейя. 2001. 512 с.

*Катон 1998 = Марк Порций Катон. Земледелие. / Пер. и комм. М.Е.Сергеенко при участии С.И.Протасовой. [М., 1950] М., Ладомир. 1998. 220 с.

Катон 1986 = Фрагменты речей Марка Порция Катона. / Пер. Н.Н.Трухиной. // Трухина Н.Н. Политика и политики «Золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). Отв.ред. И.Л.Маяк. М., Издательство МГУ. 1986. 184 с. С.172-182.

Катулл 1986 = Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. / Изд.подг. С.В.Шервинский, М.Л.Гаспаров. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1986. 304 с.

Катулл 1997 = Гай Валерий Катулл. Избранная лирика. / Пер. М.Амелина. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Алетейя. 1997. XVI+304 с.

Курций 1993 = Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. [М., 1963] 2-е изд., испр. / Отв.ред. А.А.Вигасин. М., Издательство МГУ. 1993. 464 с.

Лактанций 1998 = Лактанций. О смертях преследователей. / Пер., вступ.ст. и прим. В.М.Тюленева. (Серия «Античное христианство». Раздел «Источники»). СПб, Алетейя. 1998. 280 с.

Лактанций 2007 = Лактанций. Божественные установления. / Пер., вступ.ст. и прим. В.М.Тюленева. (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»). СПб, Издательство Олега Абышко. 2007. 512 с.

Ливий 1989-93 = Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. / Переводы под ред. М.Л.Гаспарова, Г.С.Кнабе, В.М.Смирин. Отв.ред. Е.С.Голубцова. (Серия

«Памятники исторической мысли»). М., Наука. 1989-1993. Т.1. Книги 1-10. 1989. 576 с. Т.2. Книги 21-30. 1991. 528 с. Т.3. Книги 31-45. 1993. 768 с.

*Ливий 2003 = Тит Ливий. Фрагмент книги ХСІ «Истории». // Короленков А.В. Квинт Серторий: Политическая биография. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 2003. 320 с. С.268-275.

Лукан 1993 = Лукан, Марк Анней. Фарсалия. / Пер. Л.Е.Остроумова. (Серия «Литературные памятники»). [М.-Л., 1951]. М., Ладомир. 1993. 352 с.

Лукреций 1983 = Тит Лукреций Кар. О природе вещей. / Пер. Ф.А.Петровского, вступ.ст. Т.В.Васильевой. [С приложением фрагментов сочинения Гераклита, поэм Парменида и Эмпедокла, писем Эпикура]. (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). М., Худож. лит. 1983. 384 с.

Манилий 1993 = Марк Манилий. Астрономика (Наука о гороскопах). / Прозаич.пер., вступ.ст. и комм. Е.М.Штаерман. М., Издательство МГУ. 1993. 144 с.

Марциал 1994 = Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. / Пер. Ф.А.Петровского, вступ.ст. В.С.Дурова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная литература»). СПб, Комплект. 1994. 448 с.

Непот 1992 = Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. / Пер., ст. и комм. Н.Н.Трухиной. М., Издательство МГУ. 1992. 208 с.

Овидий 1913 = Овидий. Баллады-послания. / Пер. Ф.Ф.Зелинского, Л.Ф.Завалишиной. (Серия «Памятники мировой литературы». Античные писатели). М., Издательство Сабашниковых. 1913. XLIV+344 с.

*Овидий 1983 = Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. / Пер. С.В.Шервинского, вступ.ст. С.А.Ошерова. М., Худож. лит. 1983. 512 с.

Овидий 1985 = Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. (Серия «Древнейшие источники по истории народов СССР»). М., Наука. 1985. 288 с.

Овидий 1994 = Овидий. Собрание сочинений. В 2 т. / Вступ.ст. В.С.Дурова. СПб, Биографический институт «Студия Биографика». 1994. Т.1. 512 с. Т.2. 528 с.

Орозий 2004 = Павел Орозий. История против язычников. / Пер., вступ.ст., комм. и указ. В.М.Тюленева. [1-е изд. СПб, 2001-03]. 2-е изд., испр. и доп. (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»). СПб, Издательство Олега Абышко. 2004. 544 с.

Плавт 1997 = Тит Макций Плавт. Комедии. В 3 т. / Пер. А.Артюшкова. (Серия «Памятники античной литературы»). М., Терра. 1997. Т.1. 512 с. Т.2. 528 с. Т.3. 464 с.

Плиний 1983 = Письма Плиния Младшего. / Изд. подг. М.Е.Сергеенко, А.И.Доватур. [1-е изд. М.-Л., 1950]. 2-е перераб. изд. Отв.ред. А.И.Доватур. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1983. 408 с.

*Плиний 1946 = Вопросы техники в «Естественной истории» Плиния Старшего. / Переводчик не указан. // Вестник древней истории. 1946. № 3.

Плиний 1994 = Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. / Пер., пред. и прим. Г.А.Тароняна. Отв.ред. Ю.К.Колосовская. (Серия «Античная классика»). М., Ладомир. 1994. 944 с.

*Публилий 1982 = Публилий Сир. Сентенции. / Прозаич.пер. Е.М.Штаерман. // Вестник древней истории. 1982. № 1.

*Саллюстий 1950 = Саллюстий. История: Фрагменты. / Пер. В.С.Соколова. // Вестник древней истории. 1950. № 1.

Саллюстий 1981 = Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. / Пер., ст. и комм. В.О.Горенштейна. Отв.ред. Е.М.Штаерман. (Серия «Памятники исторической мысли»). М., Наука. 1981. 224 с.

Светоний 1993 = Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. / Изд.подг. М.Л.Гаспаров, Е.М.Штаерман. Отв.ред. С.Л.Утченко. (Серия «Литературные памятники»). [М., 1964] 3-е изд, испр. М., Наука. 1993. 368 с.

Сенека 1977 = Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. / Изд.подг. С.А.Ошеров. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1977. 384 с.

Сенека 1983 = Луций Анней Сенека. Трагедии. / Пер. и ст. С.А.Ошерова, прим. Е.Г.Рабинович. Отв.ред. М.Л.Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1983. 432 с.

*Сенека 1991 = Сенека. Утешение к Полибию. / Пер. Н.Х.Керасиди. // Вестник древней истории. 1991. № 4.

Сенека 2001 = Луций Анней Сенека. Философские трактаты. / Пер. Т.Ю.Бородай. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная философия»). [1-е изд. СПб, 2000] 2-е изд. СПб, Алетейя. 2001. 400 с.

Сервий 2001 = Вергилий. Энеида. С комментариями Сервия [к I книге]. / Пер. [из Сервия] Н.А.Федорова. М., Лабиринт. 2001.

Стаций 1991 = Стаций, Публий Папиний. Фиваида. / Пер. Ю.А.Шичалина. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1991. 352 с.

Сулпиций 1999 = Сулпиций Север. Сочинения. / Пер. А.И.Донченко. (Серия «Классики античности и средневековья»). М., Росспэн. 1999. 320 с.

Тацит 1993 = Корнелий Тацит. Сочинения. ТТ.1-2. Т.1. Анналы. Малые произведения. / Пер. А.С.Бобовича. 2-е изд, стереотипное. Т.2. История. / Пер. Г.С.Кнабе. 2-е изд., испр. и перераб. Отв.ред. С.Л.Утченко [1-е изд. 1970 г.]. (Серия «Литературные памятники»). СПб, Наука. 1993. 736 с.

*Теренций 1985 = Теренций. Комедии. / Пер. А.В.Артюшкова. (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). М., Худож. лит. 1985. 576 с.

Тертуллиан 1994 = Тертуллиан, Квинт Септимий Флорент. Избранные сочинения. / Пер. И.Маханькова, Ю.Панасенко, А.Столярова, Н.Шабурова, Э.Юнца. Сост. и общ.ред. А.А.Столярова. М., Прогресс-Культура. 1994. 448 с.

Тертуллиан 2000 = Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс. О плаще. / Пер. А.Я.Тыжова. Сост., статьи, комм. Ю.С.Довженко. (Серия «Античное христианство». Раздел «Источники»). СПб, Алетейя. 2000. 224 с.

Тертуллиан 2004 = Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс. О душе. / Пер., вступ.ст. и комм. А.Ю.Братухина. Науч.ред. В.С.Дуров. (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»). СПб, Издательство Олега Абышко. 2004. 256 с.

*Флор 1977 = Флор, Луций Анней. История. / Пер. А.И.Немировского, М.Ф.Дашковой. Воронеж, 1977. 168 с.

*Фронтин 1996 = Фронтин, Секст Юлий. Военные хитрости (Стратегемы). / Пер. А.Б.Рановича [ВДИ. 1946. № 1], вступ.ст. и комм. А.А.Новикова. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 1996. 224 с.

Цезарь 1857 = Испанская война. // Сочинения К.Ю. Цезаря. Все, какие до нас дошли от него или под его именем, с приложением его жизнеописания, сочиненного Светонием. Ч.2. Записки о внутренней войне и прочих походах. / С лат. перевел и издал А. Клеванов. М., 1857. С. 240-265.

Цезарь 1991 = Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. / Пер. М.М.Покровского. [М.-Л., 1948] М., День. 1991. Т.1. 192 с. Т.2. 192 с.

*Цензорин 1986 = Цензорин. Книга о дне рождения. / Пер. В.Л.Цымбурского. // Вестник древней истории. 1986. № 2.

Цицерон 1901 = Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. / Под ред. Ф.Ф.Зелинского. В 2 т. Т.1. [Речи 1-24] 81-63 гг. до Р.Х. СПб, 1901. [т.2 не издан]

Цицерон 1966 = Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В.О.Горенштейна, прим. И.Н.Веселовского и В.О.Горенштейна, ст. С.О.Утченко. Отв.ред. С.Л.Утченко. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1966. 224 с.

Цицерон 1972 = Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. / Пер. и прим. Ф.А.Петровского, И.П.Стрельниковой, М.Л.Гаспарова. Под ред. М.Л.Гаспарова. М., Наука. 1972. 472 с.

Цицерон 1974 = Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. / Пер., ст. и прим. В.О.Горенштейна под ред. М.Е.Грабарь-Пассек, ст. С.Л.Утченко. Отв.ред. С.Л.Утченко. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1974. 248 с.

Цицерон 1975 = Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. / Сост. и ред. М.Л.Гаспарова, С.А.Ошерова, В.М.Смирина. Вступ.ст. Г.С.Кнабе. (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). М., Худож. лит. 1975. 456 с.

Цицерон 1985 = Цицерон. Философские трактаты. / Пер. М.И.Рижского. Отв.ред., сост. и вступ.ст. Г.Г.Майорова. (Серия «Памятники философской мысли»). М., Наука. 1985. 384 с.

Цицерон 1986-87 = Цицерон. Речи. / Пер. В.О.Горенштейна. // Вестник древней истории. 1986. № 4. 1987. № 1-2.

Цицерон 1993 = Марк Туллий Цицерон. Речи. В 2 т. / Пер. В.О.Горенштейна. Отв. ред. М.Е.Грабарь-Пассек. (Серия «Литературные памятники»). [М.-Л., 1962] М., Наука. 1993. Т.1. 448 с. Т.2. 400 с.

Цицерон 1994 = Письма Марка Туллия Цицерона. / Пер. В.О.Горенштейна. В 3 т. [М.-Л., 1949-51]. (Серия «Античная классика»). М., Ладомир. 1994. Т.1. Письма 1-204. 544 с. Т.2. Письма 205-474. 512 с. Т.3. Письма 475-930. Фрагменты писем. Указатели. 832 с.

Цицерон 2000 = Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. / Пер. Н.А.Федорова, комм. Б.М.Никольского, вступ.ст. Н.П.Гринцера. (Серия «Памятники мировой культуры»). М., РГГУ. 2000. 480 с.

*Цицерон 2004 = Цицерон. Учение академиков. / Пер. Н.А.Федорова, вступ.ст. М.М.Сокольской. М., Индрик. 2004. 320 с.

*Эксуперанций 2004 = Бревиарий Юлия Эксуперанция. / Пер. А.В.Короленкова. // Вестник древней истории. 2004. № 1.

Юлий Павел 1998 = Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. / Пер. Е.М.Штаерман. Отв.ред. и сост. Л.Л.Кофанов. (Серия «Памятники римского права»). М., Зерцало. 1998. 288 с.

Юстин 2005 = Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum». / Пер. А.А.Деконского и М.И.Рижского. Статья К.К.Зельина. Комм. М.Ф.Высокого, О.Л.Габелко, А.В.Короленкова, Е.Ю.Лебедевой. (Серия «Классики античности и средневековья»). М., Росспэн. 2005. 640 с.

2. Средневековые тексты

Перв. Ват. Миф. 2000 = Первый ватиканский мифограф. / Пер. с лат., вступ.ст. и комм. В.Н.Ярхо. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетейя. 2000. 304 с.

3. Исследования об античности

Альбрехт 2003-05 = Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи. / Пер. с нем. А.И.Любжина. М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. 2003-05. Т.1. 704 с. Т.2. 704 с. Т.3. 616 с.

Вейсман 1991 = Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. [СПб, 1899] М., Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина. 1991. 696 с.

Доватур 1965 = Доватур А.И. Политика и политики Аристотеля. М.-Л., Наука. 1965. 392 с.

Захарова, Торшилов 2003 = Захарова А.В., Торшилов Д.О. Глобус звездного неба: Поэтическая мастерская Нонна Панополитанского. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 2003. 384 с.

ИГЛ, т.1 (1946) = История греческой литературы. Т.1. Эпос, лирика, драма классического периода. М.-Л., Издательство АН. 1946. 488 с.

Карышковский 1993 = Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков н.э. // Вестник древней истории. 1993. № 1. С.73-97.

Критика 1975 = Древнегреческая литературная критика. / Отв.ред. Л.А.Фрейберг. М., Наука. 1975. 480 с.

Лихт 2003 = Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. / Пер. с англ. Н.А.Поздняковой. [М., 1996]. М., Центрполиграф. 2003. 432 с.

Лосев 1993 = Лосев А.Ф. [Избранные труды. Т.2] Очерки античного символизма и мифологии. [М., 1930]. / Общ.ред. А.А.Тахо-Годи и И.И.Маханькова. М., Мысль. 1993. 960 с.

Лосев 1996 = Лосев А.Ф. [Избранные труды. Т.5] Мифология греков и римлян. / Общ.ред. А.А.Тахо-Годи и И.И.Маханькова. М., Мысль. 1996. 976 с.

МНМ = Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. / Гл.ред. С.А.Токарев. [М., 1980-82]. М., Советская энциклопедия. 1991-92. Т.1. А-К. 672 с. Т.2. К-Я. 720 с.

Ранняя греческая лирика 1999 = Ранняя греческая лирика (миф, культ, мировоззрение, стиль). Сб.ст. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 1999. 304 с.

Рист 2005 = Рист Дж.М. Плотин: путь к реальности. / Пер. с англ. Е.В.Афонасина, И.В.Берестова. (Серия «Plotiniana»). СПб, Издательство Олега Абышко. 2005. 320 с.

Русяева 2004 = Русяева А.С. О храме Ахилла на о.Левка в Понте Эвксинском. // Вестник древней истории. 2004. № 1. с.177-199.

Русяева 2006 = Русяева А.С. Святилище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской. // Вестник древней истории. 2006. № 4. С.98-124.

Торшилов 1999 = Торшилов Д.О. Античная мифография. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Исследования»). СПб, Алетейя. 1999. 432 с.

Фролов 1982 = Фролов Э.Д. Гаморы и киллирии. // Вестник древней истории. 1982. № 1. С.27-42.

Фуко 2004 = Фуко М. Использование удовольствий (История сексуальности, т.2). / Пер. с фр. В.Каплуна. М., Академический проект. 2004. 432 с.

Хоммель 1981 = Хоммель Х. Ахилл-бог. // Вестник древней истории. 1981. № 1. С.53-77.

Шелов-Коведяев 1990 = Шелов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу. // Вестник древней истории. 1990. № 3.

Шишова 1970 = Шишова И.А. Реформы Филолая. // Вестник древней истории. 1970. № 4. С.64-73.

Шталь 1983 = Шталь И.В. Художественный мир Гомеровского эпоса. М., Наука. 1983. 296 с.

Dover 1972 = Dover K.J. Aristophanic comedy. Berkeley-L.A. 1972.

Fisher 2001 = Aeschines. Against Timarchos. / Trans. with intr. and comm. by N.Fisher. Oxford Univ. press. 2001. 400 p.

4. Древние тексты на иных языках и исследования

К приложению № 3

Похищение быка 1985 = Похищение быка из Куальнге. [Ирландский эпос]. / Изд.подг. Т.А.Михайлова, С.В.Шкунаев. Отв.ред. Н.Я.Рыкова. (Серия «Литературные памятники»). М., Наука. 1985. 496 с.

К приложению № 4

Агада 1993 = Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. / Пер. С.Г.Фруга, сост. И.Х.Равницкого и Х.Н.Бялика. [1910]. М., Раритет. 1993. 320 с.

Библия 1989 = Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета канонические. В русском переводе с параллельными местами. [перепечатано с Синодального издания]. М., Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. 1989. 1248 с.

Когда Ану сотворил небо 2000 = Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. (Серия «Сокровенное слово Востока»). / Пер. с аккад. Сост. В.К.Афанасьевой и И.М.Дьяконова. М., Алетейа. 2000. 456 с.

Повесть Петеисе III 1978 = Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. / Пер. М.А.Коростовцева. М., Худож. лит. 1978. 304 с.

Притчи, Экклезиаст, Иов 2004 = Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова. (Серия «Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского»). М., Росс. Библ. об-во. 2004. 176 с.

Пятикнижие 1993 = Учение. Пятикнижие Моисеево. / Пер. с др.-евр., введ. и комм. И.Ш.Шифмана. (Серия «От Бытия до Откровения»). М., Республика. 1993. 336 с.

Сказки и повести Древнего Египта 1979 = Сказки и повести Древнего Египта. / Пер. И.Г.Лившица, прим. И.Г.Лившица и Р.И.Рубинштейн. Отв.ред. Д.А.Ольдерогге. (Серия «Литературные памятники»). [Л., Наука. 1979]. 2-е изд., репр. СПб, Наука. 2004. 288 с.

Талмуд 2004-05 = Талмуд. [Ч.1]. Мишна и Тосефта. В 7 т. / Критич.пер. Н.Переферковича. [СПб, 1902-1906]. М., Репроцентр. 2004. Т.1. Зераим (Посевы). XVI+416 с. Т.2. Моэд (Праздники). VI+536 с. Т.3. Нашим (Жены). II+428 с. Т.4. Незикин (Повреждения). VIII+650 с. Т.5. Кодашим (Святыни). VIII+428 с. Т.6. Техарот (Чистоты). XVI+648 с. Т.7. Дополнительный. Мехильта и Сифра. 2005. VIII+564 с.

Тексты пирамид 2000 = Тексты пирамид. [Ч.1]. / Введ. и пер. с др.-егип. А.Л.Коцейковского [1917 г.]. Под общ.ред. А.С.Четверухина. СПб, Нева-Летний сад. 2000. 464 с.

Емельянов 1999 = Емельянов В.В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. (Серия «Orientalia»). СПб, Петербургское Востоковедение. 1999. 272 с.

Тантлевский 2005 = Тантлевский И.Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. СПб, Издательство СПбГУ. 2005. 404 с.

К приложению № 5

Зороастрийские тексты 1997 = Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. / Изд.подг. О.М.Чунаковой. (Серия «Памятники письменности Востока». Вып.114). М., Восточная литература. 1997. 352 с.

К приложению № 6

Бируни 1995 = Абу Рейхан Бируни. Индия. / Пер. с араб. А.Б.Халидова, Ю.Н.Завадовского. Комм. В.Г.Эрмана, А.Б.Халидова. [1-е изд. Ташкент, 1963] М., Ладомир. 1995. 736 с.

Камасутра 1993 = Ватсьяяна Малланага. Камасутра. / Пер. с санскрита, вступ.ст. и комм. А.Я.Сыркина. М., Наука – Восточная литература. 1993. 184 с.

Ману 1992 = Законы Ману. / Пер. с санскрита С.Д.Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф.Ильным. (Серия «Памятники литературы народов Востока. Переводы. II»). М., Наука (ГРВЛ)-Ладомир. 1992. 360 с.

Нарада 1998 = Дхармашастра Нарады. / Пер. с санскрита и комм. А.А.Вигасина и А.М.Самозванцева. Вступ.ст. А.А.Вигасина. М., Восточная литература. 1998. 256 с.

Самозванцев 1994 = Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. [Пер. с санскрита и комм.] М., Восточная литература. 1994. 376 с.

Пандей 1982 = Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. / Пред., пер. с англ. и комм. А.А.Вигасина. М., Высшая школа. 1982. 328 с.

К приложению № 7

БВЛ, т.16 = Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. (Библиотека всемирной литературы, т.16). М., Худож. лит. 1977. 928 с.

Сыма Цянь = Сыма Цянь. Исторические записки. В 9 т. / Пер. с кит. и комм. Р.В.Вяткина (т.1-8), В.С.Таскина (т.1-2) при участии А.Р.Вяткина (т.7-8), А.М.Карапетьянца (т.8). (Серия «Памятники письменности Востока». Вып.32). М., Наука (ГРВЛ) – Восточная литература. 1972-2002. Т.1. Раздел «Основные записи». Главы 1-4. [1972]. 2-е изд., испр. 2001. 416 с. Т.2. Раздел «Основные записи». Главы 5-12. [1975]. 2-е изд., испр. 2003. 568 с. Т.3. Раздел «Хронологические таблицы». Главы 13-22. 1984. 944 с. Т.4. Раздел «Трактаты». Главы 23-30. 1986. 456 с. Т.5. Раздел «История наследственных княжеских домов». Главы 31-40. 1987. 368 с. Т.6. Раздел «История наследственных княжеских домов». Главы 41-60. 1992. 484 с. Т.7. Раздел «Жизнеописания». Главы 61-85. 1996. 464 с. Т.8. Раздел «Жизнеописания». Главы 86-110. 2002. 512 с. [т.9 не издан]

Ван Гулик 2004 = Ван Гулик Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае. / Пер. с англ. А.М.Кабанова. СПб, Азбука-классика – Петербургское Востоковедение. 2004. 544 с.

5. Вариации

Брох 1990 = Брох Г. Невинные. Смерть Вергилия. / Пер. с нем. (Серия «Мастера современной прозы». Австрия). М., Радуга. 1990. 560 с.

Брюсов 1991 = Брюсов В.Я. Огненный ангел: Исторические повести. Киев, Дніпро. 1991. 768 с.

Вольф 1988 = Вольф К. Избранное. / Пер. с нем. Сост. и пред. М.Рудницкого. (Серия «Библиотека литературы ГДР»). М., Радуга. 1988. 560 с.

Гегель 1972-73 = Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. / Пер. с нем. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль. 1972-1973. Т.1. 1972. 672 с. Т.2. 1973. 632 с.

Гегель 1974-77 = Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. / Пер. с нем. (Серия «Философское наследие»). М., Мысль. 1974-1977. Т.1. Наука логики. 1974. 452 с. Т.2. Философия природы. 1975. 696 с. Т.3. Философия духа. 1977. 472 с.

Гёльдерлин 1969 = Гёльдерлин Ф. Сочинения. / Пер. с нем. Сост. и вступ.ст. А.Дейча. Комм. Г.Ратгауза. М., Худож. лит. 1969. 544 с.

Гёте 1985 = Гёте И.В. Избранные произведения. В 2 т. / Пер. с нем. Сост. И.Солодуниной. М., Правда. 1985. Т.1. 704 с. Т.2. 704 с.

Данте 1998 = Данте Алигьери. Божественная Комедия. / Пер. с итал. М.Лозинского. (Серия «Библиотека мировой литературы»). СПб, Кристалл-Респекс. 1998. 704 с.

Зинделл 2003 = Зинделл Д. Война в небесах. / Пер. с англ. Н.Виленской. (Серия «Золотая библиотека фантастики»). М., АСТ. 2003. 672 с.

Золотое сечение 1988 = Der Goldene Schnitt / Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX-XX веков в русских переводах. М., Радуга. 1988. 816 с.

Кавафис 2000 = Русская Кавафиана. В 3 ч. / Сост. С.Б.Ильинская. (Серия «Греческая библиотека». I). М., О.Г.И. 2000. 656 с.

Кант 1995 = Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. / Пер. с нем. Пред. Я.А.Слинина. (Серия «Слово о сущем»). СПб, Наука. 1995. 528 с.

Кузмин 1999 = Кузмин М.А. Стихотворения. / Вступ.ст., сост. и прим. Н.А.Богомолова. (Серия «Новая библиотека поэта»). СПб, Академический проект. 1999. 832 с.

Ле Гуин 2003 = Ле Гуин У. Толкователи. / Пер. с англ. И.Тогоевой. (Серия «Мастера фантастики»). М., Эксмо. 2003. 352 с.

Мандельштам 1990 = Мандельштам О.Э. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, Мерани. 1990. 416 с.

Мисима 2004 = Мисима Ю. Несущие кони. / Пер. с япон. Е.Струговой. СПб, Симпозиум. 2004. 448 с.

Ницше 1990 = Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. / Пер. с нем. Сост., вступ.ст. и прим. К.А.Свасьяна. М., Мысль. 1990. Т.1. 832 с. Т.2. 832 с.

Оден 1997 = Оден У.Х. Собрание стихотворений. / Пер. с англ. В.Топорова. СПб, Евразия. 1997. 496 с.

Пессоа 1989 = Пессоа Ф. Лирика. / Пер. с португ. и англ. / Сост. Е.Витковского, пред. Е.Рязуновой. М., Худ. лит. 1989. 304 с.

Пруст 1992 = Пруст М. В поисках утраченного времени. [В 7 т. Т.4]. Содом и Гоморра. / Пер. с фр. Н.М.Любимова. М., Крус. 1992. 496 с.

Рильке 2000 = Рильке Р.М. Часослов: Стихотворения. / Пер. с нем. В.Летучего, В.Микушевича и др. (Серия «Мастера: Вершины»). Харьков, Фолио – М., АСТ. 2000. 448 с.

Розанов 1990 = Розанов В.В. [Сочинения. В 2 т.] (Серия «Из истории отечественной философской мысли»). М., Правда. 1990. Т.1. Религия и культура. 640 с. Т.2. Уединенное. 720 с.

Симмонс 1998 = Симмонс Д. Гиперион. / Пер. с англ. А.А.Короткова, Н.А.Науменко. Под общ.ред. Н.А.Науменко. (Серия «Библиотека приключений и фантастики»). М., АСТ. 1998. 672 с.

Толстой 1980 = Толстой Л.Н. Повести и рассказы. М., Московский рабочий. 1980. 352 с.

Юрсенар 1984 = Юрсенар М. Воспоминания Адриана. Философский камень. / Пер. с фр. (Серия «Мастера современной прозы». Франция). М., Радуга. 1984. 408 с.

конец